Дневник
1941–1946

Владимир
ГЕЛЬФАНД

Владимир
ГЕЛЬФАНД

Дневник
1941–1946

Еврейский музей и центр толерантности
Исследовательский центр
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Международный центр истории и социологии
Второй мировой войны и ее последствий

Владимир ГЕЛЬФАНД

Дневник 1941–1946

2-е издание, стереотипное

РОССПЭН {КНИЖНИКИ}

Москва
2016

Scan by Tom Plats

УДК 94(47+57)(093.3)
ББК 63.3(2)6
Г32

Книга издана при финансовой поддержке
Еврейского музея и центра толерантности, Москва

Гельфанд В. Дневник 1941–1946 / отв. ред. и авт. вступ. статьи О. В. Будницкий ; сост. О. В. Будницкого и Т. Л. Ворониной ; примеч. Т. Л. Ворониной и И. А. Махаловой. – 2-е стер. изд. – М. : Политическая энциклопедия ; Книжники, 2016. – 751 с. : ил.

Г32

ISBN 978-5-8243-2023-7 (Политическая энциклопедия). –
ISBN 978-5-9953-0437-1 (Книжники)

Военные дневники – явление уникальное. Дневник сержанта, затем лейтенанта Владимира Гельфанда уникален вдвойне – по хронологии, географии, объему и откровенности. Первые записи относятся к маю 1941 г., последние – к октябрю 1946 г., когда автор вернулся из Германии домой. В. Н. Гельфанд попал на фронт в дни тяжелых поражений Красной армии летом 1942 г. и панического отступления после Харьковской катастрофы; он участвовал в Сталинградской битве, освобождал Украину и Польшу, закончил войну в Германии. Рядовой минометчик, затем командир минометного взвода, старался писать каждый день, при любых условиях, даже в окопе под обстрелом. Дневник содержит неприкрашенные сведения о повседневной жизни на войне, о быте и нравах в тылу и на фронте. В то же время это своеобразный «роман воспитания», история взросления наивного идеалиста, превращения мальчика в мужчину. Особый интерес представляют записи автора в период его службы в Германии в 1945–1946 гг., его впечатления о немецкой культуре, быте, нравах, об отношениях с немецкими женщинами. Германская часть дневника была опубликована в переводе на немецкий и шведский языки. Но полностью, без каких-либо изъятий и сокращений, дневник Владимира Гельфанда издается впервые. Публикация сопровождается фотографиями, сделанными по большей части автором дневника в период его службы в Германии.

Фотографии на обложке: Владимир Гельфанд в Берлине. 1945. На заднем плане Бранденбургские ворота; Владимир Гельфанд в Германии. 1946

УДК 94(47+57)(093.3)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-8243-2023-7 (Политическая энциклопедия). –
ISBN 978-5-9953-0437-1 (Книжники)

© Гельфанд В. В., 2015
© Будницкий О. В., составление, вступительная статья, 2015
© Воронина Т. Л., составление, примечания, 2015
© Махалова И. А., примечания, 2015
© Политическая энциклопедия, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Будницкий О. «Дневник, приятель дорогой!»: Военный дневник Владимира Гельфанда 4
1941 год 29
1942 год 55
1943 год 125
1944 год 253
1945 год 387
1946 год 509
Список сокращений 578
Примечания 580
Именной указатель 738
Сведения о публикаторах 751

Олег Будницкий

«ДНЕВНИК, ПРИЯТЕЛЬ ДОРОГОЙ!»: ВОЕННЫЙ ДНЕВНИК ВЛАДИМИРА ГЕЛЬФАНДА

Писать историю советского общества, опираясь только на официальные документы, даже не предназначенные для публики и хранившиеся «за семью печатями» в архивах, значит вводить читателя в заблуждение. Точнее, опора на тексты и иные материалы, произведенные властью и ее агентами, приводит к искажению исторической перспективы. Власть смотрела и смотрит на историю, как правило, с точки зрения ее «полезности». Она рассматривается как средство воспитания, доказательства исторических прав, в общем, является частью политики. Государственная власть пытается проводить определенную «политику памяти», управлять памятью о тех или иных событиях. Это иногда удается, иногда нет.

Война (а когда мы говорим или пишем «война», не уточняя, какая, в нашей стране все понимают, что речь идет о Второй мировой, именуемой у нас Великой Отечественной) не является исключением. Это часть советской истории, хотя и в памяти людей, и в исторических исследованиях она как будто выпадает из ее общего хода.

Частная память вытесняется «на обочину», делегитимизируется. Казалось бы, войны это касается в наименьшей степени, ведь в советское время было издано огромное количество военных мемуаров. Однако значительная, если не большая, часть воспоминаний была выпущена военачальниками различных рангов, в частности в знаменитой серии «Военные мемуары». Тексты тщательно редактировались и согласовывались, да и писались, как правило, не самими генералами и маршалами, а «литературными неграми» (в большинстве своем не слишком литературно одаренными). Память о войне тщательно унифицировалась.

«Военные мемуары стали чем-то вроде замогильных записок, сочиняемых генералами-шатобрианами, – писал бывший командир пулеметной роты Зиновий Черниловский, – тогда как солдаты – Некрасов или Быков – сосредоточились на художественном видении войны. Где, мол, тот командир роты, который отважится показать эту

величайшую из войн как ее участник. Просто и буднично, то есть не как "человек с ружьем", а много проще и обыденней, в духе известной французской поговорки: на войне как на войне...»[1]

Ситуация начала меняться в перестроечные годы, а в постсоветской России произошла настоящая «революция памяти». Число текстов о войне стало возрастать в геометрической прогрессии, степень их откровенности – тоже. Вышли сотни мемуарных книг. Энтузиастами военной истории были записаны тысячи рассказов ветеранов. Оказалось, что некоторые рядовые великой войны писали воспоминания о своем военном опыте, не рассчитывая на публикацию. Писали для детей, внуков, «в стол» – для истории. Иногда побудительным мотивом написания текстов была официальная ложь о войне и соучастие в этой лжи «назначенных» ветеранов.

«Ни в одной стране нет таких замечательных ветеранов, как в нашем родном и любимом СССР», – писал Василь Быков. Они «не только не способствуют выявлению правды и справедливости войны, но наоборот – больше всех озабочены ныне, как бы спрятать правду, заменить ее пропагандистским мифологизированием, где они герои и ничего другого. Они вжились в этот надутый образ и не дадут его разрушить»[2].

Характерно, что письмо Быкова Н. Н. Никулину, автору «Воспоминаний о войне», написанных в середине 1970-х гг., опубликованных в 2008 г., датировано 1996 г. Для Быкова СССР – если говорить об отношении к войне – продолжал существовать. Никулина, начавшего войну под Ленинградом, а закончившего в Германии, побудили написать воспоминания официальные празднества по случаю 30-летия Победы. Его предисловие к рукописи, не предназначавшейся для публикации, датировано 1975 г. «Это лишь попытка, – писал Никулин, – освободиться от прошлого: подобно тому, как в западных странах люди идут к психоаналитику, выкладывают ему свои беспокойства, свои заботы, свои тайны в надежде исцелиться и обрести покой, я обратился к бумаге, чтобы выскрести из закоулков памяти глубоко засевшую там мерзость, муть и свинство, чтобы освободиться от угнетавших меня воспоминаний». В послесловии, написанном в 2007 г., Никулин заметил по поводу своей еще не опубликованной и более чем жесткой рукописи, что был поражен «мягкостью изображения [в ней] военных событий»: «Ужасы войны в ней сглажены, наиболее чудовищные эпизоды просто не упомянуты»[3].

---

[1] *Черниловский З. М.* Записки командира роты. М., 2002. С. 83.

[2] Василь Быков – Н. Н. Никулину, 25.03.96 // *Никулин Н. Н.* Воспоминания о войне. СПб., 2008. С. 236.

[3] *Никулин Н. Н.* Воспоминания о войне. С. 9, 236.

Конечно, к воспоминаниям, написанным спустя 40, а то и 50 лет после описываемых событий, как и к устной истории (интервью), надо относиться с большой осторожностью. Дело не только в слабости человеческой памяти. Пишут и рассказывают уже другие люди, совсем не такие, какими они были во время войны. Жизненный опыт, окружающая обстановка, прочитанные книги и увиденные фильмы, десятилетия пропаганды – все это не может не отразиться на содержании написанных или наговоренных текстов. Иногда ветераны, сами того не замечая, вставляют в свои рассказы какие-то сюжеты из просмотренных фильмов, иногда полемизируют с прочитанным или увиденным. Не вдаваясь в детали источниковедческого анализа, заметим, что использовать эти «новые мемуары» можно, но верить всему «на слово» не приходится.

Где же взять достоверные сведения о войне (не будем употреблять всуе высокое слово «правда»), не только о героях и подвигах (чему посвящена львиная доля военной литературы), а о повседневной жизни солдат и офицеров? Ведь на войне не только убивают и умирают. На войне играют в карты, пьют, поют, завидуют, любят, воруют. В общем, живут. При всей огромной литературе о войне об этом – о жизни на войне, в особенности о жизни «рядового Ивана» (или Абрама) – написано менее всего.

Ответ как будто ясен: следует обратиться к источникам личного происхождения времен войны – дневникам и письмам. Здесь-то и начинается проблема. Письма цензуровались, причем об этом было хорошо известно военнослужащим. Следовательно, письма проходили «двойную цензуру» – внутреннюю и внешнюю. Война не самое лучшее время для ведения дневников, к тому же, по распространенному мнению, вести их запрещалось.

Комиссар роты, которой командовал Зиновий Черниловский, увидев у него записную книжку, отобрал ее и бросил в печурку: «Помни, комроты, товарищ Сталин приказал: всех, кто будет вести дневники, – расстреливать». «Не знаю, был ли такой приказ, – писал Черниловский более полувека спустя, – но дневников я больше не вел. Как и все»[4].

Как оказалось – не все. Да и специального приказа, запрещающего вести дневники, пока что не обнаружено. Очевидно, запрещали вести дневники исходя из общих соображений секретности. Кто-то вел дневник, несмотря ни на какие запреты, кто-то просто не знал о существовании такого запрета, как, к примеру, сержант Борис Комский[5].

---

[4] *Черниловский З. М.* Записки командира роты. С. 16.

[5] Интервью Б. Г. Комского Леониду Рейнесу 27 июля 2009 г., Львов (Blavatnik Archive, New York).

К тому же нет таких приказов, которые бы в СССР – в данном случае, к счастью для историков, – не нарушались. Инженер, рядовой Марк Шумелишский вел записи на отдельных листках, иногда не проставляя даты. Он понимал, что записывать свои впечатления, а в особенности мнения, опасно. «Очень многое из того, что хотелось бы записать и осмыслить потом на конкретных примерах, нельзя <...> все записывать нельзя. Запись, попавшая гадине, может причинить зло». Дело не в том, что Шумелишский опасался доноса. Он боялся, что враг может использовать его критические записи в своих целях. Критика, считал он, для будущего. «Это как бы потенциальная критика»[6].

С Ириной Дунаевской проводили профилактические беседы сотрудники СМЕРШ, но, не обнаружив в ее записях ничего секретного (номера частей, имена), вести дневник не запретили.

Некоторые авторы дневников вели их еще в довоенное время и не оставили эту привычку и на фронте; для других именно война послужила побудительным мотивом вести записи о величайшем событии в их жизни, в котором им довелось участвовать. Фронтовые дневники, считавшиеся до последнего времени явлением уникальным, могут быть переведены в другую категорию – явления весьма редкого[7]. Особенностью источников этого рода является то, что они редко сдавались в государственные архивы. «Частная память» и хранилась, как правило, частным образом – среди семейных бумаг. Иногда, впрочем, дневники обнаруживаются и в государственных архивохранилищах, в том числе в архивах учреждения, с которым подавляющее большинство советских людей предпочитало дела не иметь. Обнаруживаются в качестве вещественных доказательств по делам[8].

Почему красноармейцы вели дневники? Большинство «писателей» были не без литературных претензий и, возможно, намерева-

---

[6] *Шумелишский М. Г.* Дневник солдата. М., 2000. С. 37.

[7] *Иноземцев Н. Н.* Фронтовой дневник. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Наука, 2005 (1-е изд. 1995); *Ковалевский А. А.* Нынче у нас передышка... (Фронтовой дневник) / публ. Е. Ковалевской и О. Михайловой // Нева. 1995. № 5; *Ермоленко В. И.* Военный дневник старшего сержанта. Белгород: Отчий край, 2000; *Лядский Т. С.* Записки из лётного планшета. Военные дневники. Мн.: Асобны дах, 2001; *Самойлов Д.* Поденные записи. М.: Время, 2002. Т. 1; *Тартаковский Б. Г.* Из дневников военных лет. М.: АИРО-XX, 2005; *Сурис Б.* Фронтовой дневник. М.: Центрполиграф, 2010; *Комский Б. Г.* Дневник 1943–1945 гг. / вступ. статья, публ., прим. О. В. Будницкого // Архив еврейской истории. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 6. С. 11–70; *Дунаевская И.* От Ленинграда до Кёнигсберга: Дневник военной переводчицы (1942–1945). М.: РОССПЭН, 2010; *Фиалковский Л. И.* Сталинградский апокалипсис. Танковая бригада в аду. М.: Яуза, Эксмо, 2011 (дневник, хотя это и не оговорено ни автором, ни издательством, носит, на мой взгляд, следы позднейшей литературной обработки).

[8] См., напр.: *Фибих Д.* Двужильная Россия: Дневники и воспоминания. М.: Изд-во «Первое сентября», 2010.

лись использовать дневники при подготовке будущих книг: выпускник средней школы сержант Борис Комский сочинял стихи и мечтал о литературной карьере. Рядовой Давид Кауфман был студентом московского Института философии, литературы и истории (ИФЛИ), готовился стать профессиональным литератором и уже опубликовал первое стихотворение в «толстом» журнале. Впоследствии Кауфман напишет одно из самых известных стихотворений о войне: «Сороковые, роковые...» Думаю, литературный псевдоним автора этих строк напоминать не надо.

Инженер Марк Шумелишский «снова и снова» задавал себе вопрос: «"На кой черт я все время пытаюсь вести какие-то записи?" Все время преследует идея собрать материал и со временем написать хорошую правдивую книгу, которая отобразила бы истинные настроения определенных групп людей в тылу в это великое время. Книгу, конечно, можно будет написать много лет спустя, когда все будет пережито, передумано и оценено. Но сейчас необходимо записывать много мелочей»[9].

Сержант Павел Элькинсон начал вести дневник по совершенно конкретной причине. 28 августа 1944 г. он записал:

«Наконец долгожданный день полного изгнания немцев с нашей земли на нашем участке фронта настал. Вот он Прут, вот она граница. Всего 6 дней прошло с того времени, как мы наступаем, а как много сделано. Полностью очищена Бессарабия. Заключен мир с Румынией. Завтра перейдем границу. Разве думал я когда-нибудь, что придется побывать за границей. Оказывается, пришлось. Как хочется запомнить все увиденное и коротко записать. Ведь такое в жизни случается всего один раз...»[10]

Элькинсону, служившему разведчиком в артиллерии, довелось изрядно «попутешествовать» по Европе: с августа 1944 по май 1945 г. он побывал в Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии.

Дневник Владимира Гельфанда как будто вписывается в ряд других дневников военного времени. Однако как раз этот текст, в чем-то сходный с некоторыми другими по мотивам, которыми руководствовался при его написании автор («Литературную работу-учебу не прекращу ни при каких обстоятельствах, это моя жизнь», – записал Гельфанд 6 июня 1942 г.), и по некоторым затрагиваемым сюжетам, из общего ряда выбивается.

---

[9] *Шумелишский М. Г.* Дневник солдата. С. 19. Запись сделана в марте 1942 г.

[10] *Элькинсон П.* Дневник (копия находится в Blavatnik Archive, New York).

Дневник уникален по нескольким обстоятельствам. Во-первых, по хронологическому охвату и объему записей: он начинается с последних предвоенных месяцев 1941 г., завершается возвращением из Германии, где автор служил в оккупационных войсках, осенью 1946 г. Собственно, Владимир Гельфанд и после войны продолжал вести дневник, но вел его уже не столь систематически, да и события, в нем описанные, интересны скорее для истории повседневной жизни советского человека второй половины 1940-х – начала 1980-х гг. Это уже совсем другая история. Оговоримся сразу, что дневники столь же широкого временного охвата все же встречаются, хотя и нечасто. Назову дневники Николая Иноземцева и Бориса Суриса[11], из неопубликованных – дневник Василия Цымбала[12]. Однако Николай Иноземцев служил в артиллерии большой мощности, которую задействовали преимущественно при наступательных операциях, и располагавшейся достаточно далеко от передовой. Вследствие чего автор большую часть войны провел в тылу, в ожидании наступления. Борис Сурис был военным переводчиком при штабе дивизии и по роду службы бывал на передовой нечасто. Гельфанд же – и это вторая черта, позволяющая счесть его дневник уникальным – был минометчиком, в период боевых действий находился практически на самом «передке»; впереди была только пехота. Служба в артиллерии большой мощности предполагала наличие определенного образовательного уровня, не говоря уже о штабной работе; поэтому окружение Гельфанда существенно отличается от окружения Иноземцева или Суриса. Это самый что ни на есть «простой народ»; среди сослуживцев Гельфанда немало весьма малограмотных, а то и просто неграмотных, за которых он иногда пишет письма. В-третьих, и это, возможно, самое важное: дневник беспрецедентен по откровенности. При чтении дневников нередко можно заметить некий внутренний ограничитель: их авторы как бы предполагают постороннего читателя, иногда сознательно пишут с учетом этого «внешнего» читателя. Случай Гельфанда принципиально иной: временами текст дневника тяжело читать: автор описывает собственные унижения, иногда – неблаговидные поступки. С не имеющей аналогов откровенностью он пишет о своих сексуальных проблемах и «победах», вплоть до физиологических подробностей.

Уникален дневник и еще в одном отношении: это, пожалуй, единственный известный в настоящий момент текст, подробно описы-

---

[11] См. прим. 7.

[12] Подробный дневник В. Цымбала состоит из 12 убористо исписанных блокнотов и охватывает период 1942–1945 гг. Предоставлен нам сыном В. Цымбала – кинорежиссером Евгением Цымбалом.

вающий «труды и дни» офицера Красной армии в оккупированной Германии в 1945–1946 гг., его взаимоотношения с немцами (в особенности – с немками), описывающий без каких-либо умолчаний и оглядок.

Автор дневника, несомненно, относится к категории графоманов. Не писать он не может, пишет постоянно, при любых условиях. Пишет письма родным и подругам (в основном школьным; впрочем, если он где-то случайно познакомился с девушкой, то и она попадает в список его корреспондентов), пишет стихи, статьи в газеты (настоящие и стенные). Пишет письма для сослуживцев, которые не в ладах с грамотой или же хотят, чтобы им написали «красиво»:

«Несколько дней подряд пишу письма другим лицам. Вот Петру Соколову, нашему командиру роты, написал два письма для его девушки Нины. Потом Калинин попросил ответить его дочурке маленькой, которая просит прислать статью в местную стенгазету, а он не знает, как лучше ответить, чтобы не обидеть ее чувств. Раньше Рудневой девчурке написал. Глянцева жене – два письма, Чипаку – письмо домой и т. д.» (15.01.1944).

Но главное – Гельфанд ведет дневник, который называет своим «другом» (07.11.1941). Год с лишним спустя он пишет, обращаясь к дневнику:

«Дневник, приятель дорогой! А я сегодня пил чай из кореньев! Сладкий, как с сахаром! Жалко, тебе не оставил! Но не беда – тебе достаточно понюхать запах корней – вот они, в руках у меня, чтобы ты убедился в правдивости слов моих. А зачем тебе иные сладости кроме моих, ведь ты переживаешь все наравне со мной – и радости, и горести те же» (03.09.1942).

Пожалуй, дневник был на самом деле единственным другом рядового, сержанта, затем лейтенанта Гельфанда. Ибо с людьми он сходился крайне трудно и за годы войны друзей не обрел. Иногда из графоманов вырабатываются писатели – о чем мечтал и на что надеялся Владимир Гельфанд. В подавляющем большинстве – нет. Гельфанд принадлежал к этому подавляющему большинству. Однако книга, им написанная, хотя и не полностью, все же вышла в свет. Это случилось, увы, после смерти автора (об этом подробнее поговорим ниже). Этой книгой стал дневник, который, вероятно, рассматривался Гельфандом разве что в качестве литературной «заготовки».

Прежде чем поговорить о содержании дневника, несколько слов о его авторе. Владимир Натанович Гельфанд родился 1 марта 1923 г. в поселке Ново-Архангельск Кировоградской области в семье рабочего-стекольщика. Отец – Натан Соломонович Гельфанд (1896 г. р.) – в разные годы работал бригадиром на цементном заводе, завхозом средней школы, кладовщиком слесарно-производственной

артели в Днепродзержинске и Днепропетровске. Мать – Надежда Владимировна Городынская (1902 г. р.), до революции давала частные уроки русского языка в семьях богатых односельчан в с. Покотилово. Во время Гражданской войны служила некоторое время в Красной армии, где вступила в партию большевиков. По ее рассказам, благодаря этому обстоятельству, а также умению печатать на машинке ее взяли на работу машинисткой в Кремль. Однако впоследствии она вернулась на Украину, вышла замуж, родила сына; общественной деятельностью, судя по всему, не занималась и была исключена из партии «за пассивность». Работала воспитателем в детском доме, в различных детских садах, затем вплоть до начала войны – секретарем отдела кадров завода им. В. И. Ленина в Днепропетровске. В поисках лучшей доли семья сменила несколько мест жительства, пока не обосновалась в 1933 г. в Днепропетровске, который Владимир Гельфанд считал своим родным городом. Родители Владимира развелись за три года до начала войны. Во время войны Натан Гельфанд был призван в Красную армию, но вскоре по состоянию здоровья направлен на «трудовой фронт», после чего – в г. Шахты на угольные рудники, где работал вахтером. Мать Владимира Гельфанда эвакуировалась в Среднюю Азию, работала в колхозе.

Владимир Гельфанд окончил 8 классов средней школы и 3-й курс Днепропетровского индустриального рабфака, то есть приблизительно 9 классов. В начале войны вместе с комсомольской организацией рабфака выехал в Апостоловский район Днепропетровской области на уборку урожая. 18 августа 1941 г., как вскоре выяснилось, за неделю до захвата города немцами, эвакуировался из Днепропетровска в Ессентуки. В Ессентуках комсомольской организацией был направлен в ремонтно-восстановительную колонну связи и проработал там в качестве линейного рабочего вплоть до самого своего призыва в армию.

В армию Гельфанда призвали 6 мая 1942 г. После трехнедельной подготовки, получив специальность минометчика, он был направлен в действующую армию. В армии попал в 52-й укрепрайон в 427-й отдельный артиллерийско-пулеметный батальон, как раз в период отступления после Харьковской катастрофы. Гельфанду было присвоено звание сержанта, и он был назначен командиром минометного расчета. Первые полтора месяца на фронте вобрали многое: часть, в которой служил Гельфанд, попала в окружение и была разбита. С остатками части он вышел из окружения в районе Сталинграда; после недолгого пребывания на пересыльном пункте был направлен в 15-ю гвардейскую стрелковую дивизию в 50-й гвардейский стрелковый полк, где служил командиром минометного расчета, а также исполнял обязанности замполита и заместителя командира роты по политической части.

13 декабря 1942 г. был ранен в палец и попал в госпиталь легкораненых № 4519, где находился на излечении с декабря 1942 по март 1943 г. На первый взгляд не слишком страшная рана могла привести к весьма серьезным последствиям: ранение вызвало панариций – острое гнойное воспаление, чреватое гангреной. Согласно современной медицинской литературе, лечение больного панарицием должен проводить высококвалифицированный врач-хирург в условиях хирургического отделения. Учитывая, что антибиотиков в то время в медицинских учреждениях Красной армии не было, процесс излечения проходил медленно и мучительно. После выписки из госпиталя 28 февраля 1943 г. Гельфанд был направлен на пересыльный пункт, а оттуда в 197-й запасной стрелковый полк, откуда, в свою очередь, 30 апреля 1943 г. – на армейские курсы младших лейтенантов 28-й армии.

По окончании курсов, 28 августа 1943 г. Гельфанд, теперь уже младший лейтенант, был направлен в армейский резерв в Крюково. 7 сентября он попал в 248-ю дивизию, на следующий день был определен в резерв 899-го стрелкового полка. 23 сентября из резерва полка Гельфанд был переведен во 2-й батальон, 1 октября – назначен на должность командира минометного взвода 3-й минометной роты 3-го батальона. 27 января 1944 г. Гельфанду было присвоено звание лейтенанта. В конце 1944 г. он был направлен в 301-ю стрелковую дивизию на 1-й Белорусский фронт; служил в той же должности командира минометного взвода; с конца марта 1945 г. – при штабе дивизии, вел журнал боевых действий.

Принимал участие в боях за освобождение Украины, затем в боевых действиях на территории Польши и Германии. После окончания войны служил на различных должностях в оккупированной Германии, в Берлине и его окрестностях. Большую часть времени – в должности помощника начальника транспортного отдела во 2-й танковой армии. Демобилизовался в сентябре 1946 г. Был награжден орденом «Красной Звезды», медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» (медаль «За оборону Сталинграда» «догнала» его в 1966 г.)[13].

И все это время Владимир Гельфанд вел дневник. Дневник писался постоянно, невзирая на время и обстоятельства. К примеру, под обстрелом или бомбежкой. 22 июня 1942 г. Гельфанд записывает:

«Сегодня год войны между нашей страной и немецко-фашистскими гадами. Эта знаменательная дата совпала сегодня с первым ожесточенным налетом (за мое здесь пребывание) на эти места.

Пишу в землянке-окопе. Налеты продолжаются и сейчас. Хаустов, мой боец, окончательно растерялся и даже от испуга заболел. У него

[13] Автобиографии В. Н. Гельфанда от 05.11.1943, 28.08.1948 и 26.11.1952 (личный архив В. В. Гельфанда, Берлин).

была рвота. Руки у него трясутся, и лицо перекошено. Он сначала пытался скрыть свою боязнь перед бомбежками врагов, но теперь уже не скрывает, открыто признается мне, что нервы у него не выдерживают. Так ведет себя вчерашний герой, который минувшей ночью матюгался на меня и говорил, что я "сирун" и при первом же бое наделаю в штаны, а его оставлю самого погибать» (22.06.1942).

«Снаряды неистовствуют – ранило Гореленко, Иващенко, минометчиков Соловьева, старшину и других. Землянка никудышная. Холодно. Условия безобразные. Грустно. Но не писать не могу, хотя темно и пишу ощупью. Руднев, Засыпко со мной. А снаряды ложатся по бокам, и я мысленно прошу рваться их подальше» (04.02.1944).

Дневник сержант, затем лейтенант Владимир Гельфанд вел совершенно открыто и читал иногда фрагменты из него своим товарищам. Его непосредственный начальник даже советовал ему использовать простой карандаш для записей, нежели химический – для лучшей сохранности (запись от 28.06.1942). В другой раз Гельфанд получил инструкции от политрука:

«Политрук рассказал мне, как вести дневник. После того случая, когда он обнаружил случайно увиденные в дневнике разные глупости, я пишу теперь так, как подсказал мне политрук. Он говорит, что в дневнике надо писать только о работе роты, о ходе боев, об умелом руководстве ротной команды, о беседах с воинами, проводимых политруком, о выступлениях по поводу его бесед красноармейцев и т. д. Так именно я и буду писать впредь» (10.09.1942).

Через два дня в дневнике появляется еще более удивительная запись:

«Ночью спал у меня политрук. Сегодня днем тоже. Я теперь выбрался на площадку для миномета из своего окопа. Это, пожалуй, даже удобней для меня. Я в восторге! Ведь если бы не политрук, кто бы руководил моими действиями?» (12.09.1942).

Можно было бы подумать, что у Гельфанда что-то случилось с головой, однако причину резкого изменения содержания и тональности дневника проясняет запись, сделанная им две недели спустя:

«Впервые здесь я открыто записал, ибо избавился от политрука, когда-то указавшего мне, как писать дневник и что писать в нем!» (27.09.1942).

Надо ли говорить, что Гельфанд вновь стал записывать «глупости» (иногда – без кавычек), которые и составляют на самом деле главную ценность этого обширного текста.

Дневник – это своеобразный «роман воспитания». Начинает его вести почти подросток, юноша практически с детской психологией и представлениями о мире. И о войне. Одна из первых записей военного времени: «Война изменила все мои планы относительно про-

ведения летних каникул» (02.07.1941). Всего-то! Поступив рабочим на службу, которая давала освобождение от мобилизации в армию, Гельфанд досадует: «Испугался слез матери, поддался ее просьбам и решил уйти от воинской службы. Что броня? Не лучше ли веселая окопная жизнь на благо Родине моей? Жаркая воинская служба, сопряженная с опасностью, наполненная кровавыми боевыми эпизодами» (07.11.1941). Ему еще предстояло узнать, что такое «веселая окопная жизнь».

Войну заканчивает в чем-то совершенно другой, в чем-то тот же человек: он гораздо более опытен, понаторел в практических вопросах, преодолел робость перед женщинами и более чем преуспел на ниве «сердечных побед» в Германии (для последнего, впрочем, достаточно было располагать некоторым количеством еды). В то же время он так же одинок, столь же трудно сходится с людьми, умудряется нередко попадать впросак «на ровном месте». И так же мечтает стать писателем, хотя в этом отношении его все в большей степени начинают одолевать сомнения.

Гельфанд принадлежал к поколению людей, родившихся и выросших при советской власти, искренне ей преданных и всерьез воспринимавших партийно-советскую риторику. Не просто воспринимавших – мысливших и говоривших стереотипами и словами, почерпнутыми из газетных передовиц и речей партийных лидеров:

«Собираюсь подать заявление в партию. Хочу идти в бой коммунистом. Буду проводить политическую работу, с которой до некоторой степени знаком и которая мне близка. В бою даю себе клятву быть передовым и добиться звания лейтенанта, которого мне волей случая не довелось получить в училище. Многое еще мне незнакомо, многое непонятно, но буду учиться, чтобы больше знать. Литературную работу-учебу не прекращу ни при каких обстоятельствах, ибо это мой хлеб, моя пища, жизнь моя дорогая.

Я не умирать еду, а жить и одерживать победу, бить врагов Родины своей! Буду бить их из миномета, из винтовки, а также литературой и политикой – таковы мои мысли и чаяния в данный момент. О смерти не думаю, ибо верю в судьбу свою, которая да сбережет меня от вражеских пуль. Опираясь на эту веру, буду бесстрашен в бою, буду в первых рядах защитников Родины» (06.06.1942).

«Мне необходимо выдвинуться. Мой лозунг – отвага или смерть. Смерть, нежели плен. Жизнь за мной должна быть сохранена судьбой. Она обо мне заботится, мое дело завоевать себе бессмертие.

Я теряю сознание от пореза пальца, при появлении сколько-нибудь значительной струйки крови. Мертвых вид был всегда мне неприятен. В драках я всегда был побеждаем. И теперь я мечтаю о подвиге – жду и даже, больше того – стремлюсь к нему!.. Я, который...

До сих пор меня не страшили ни разрывы снарядов, ни бомбежки – может быть, потому, что это было далеко в стороне от меня, не знаю. Но думаю, надеюсь не подкачать, выдвинуться, отличиться, стать комиссаром и вести военную корреспонденцию с фронта в газеты. Я добьюсь своего, пусть даже ценой жизни, иначе я не человек, а трус и хвастун. Клянусь же тебе, мой дневник, не быть серењким, заурядным воином, не выделяющимся из общей массы красноармейцев, а быть знаменитым, прославленным или хотя бы известным героем Отеч[ественной] войны» (28.06.1942).

Разительное отличие жизненных реалий, с которыми с первых же дней в действующей армии сталкивается Гельфанд: трусость командиров, способных бросить своих подчиненных в трудный момент, мародерство, воровство, антисемитизм, явное недовольство некоторой части сельских обитателей советской властью, – мало влияют на его отношение к этой власти и ее лидерам. Так же как на восприятие слов, ими использовавшихся. Гельфанд как само собой разумеющееся воспринимает противоречие между жизнью и словами, которыми эта жизнь описывается на страницах газет. Точнее, он не считает это противоречием, не видит его, для него это норма, само собой разумеющиеся «правила игры». Ему присуще двойное сознание, свойственное людям сталинской эпохи, да и советской эпохи в целом. Текст дневника и тексты статей, которые он пишет для армейской печати, являются наглядным образцом использования разного языка для описания одних и тех же событий. Гельфанд знает, что можно, а что нельзя писать «для всех», считает это нормой и не задумывается над этим противоречием.

Пожалуй, только раз, в дни панического отступления к Сталинграду после Харьковской катастрофы, он пишет о несоответствии жизни и ее отражении на страницах газет:

«Хутор Беленский. Так называется это селение. Сегодня мы уже здесь второй день. Войска все идут и идут. Одиночки, мелкие группы и крупные подразделения. Все имеют изнуренный и измученный вид. Многие попереодевались в штатское, большинство побросало оружие, некоторые командиры посрывали с себя знаки отличия. Какой позор! Какое неожиданное и печальное несоответствие с газетными данными. Горе мне – бойцу, командиру, комсомольцу, патриоту своей страны. Сердце сжимается от стыда и бессилия помочь ликвидации этого постыдного бегства. С каждым днем я все более убеждаюсь, что мы сильны, что мы победим неизменно, но с огорчением вынужден сознаться себе, что мы неорганизованны, что у нас нет должной дисциплины и что от этого война затягивается, поэтому мы временно терпим неудачи.

Высшее командование разбежалось на машинах, предало массы красноармейские, несмотря на удаленность отсюда фронта. Дело до-

шло до того, что немецкие самолеты позволяют себе летать над самой землей, как у себя дома, не давая нам головы вольно поднять на всем пути отхода.

Все переправы и мосты разрушены, имущество и скот, разбитые и изуродованные, валяются на дороге. Кругом процветает мародерство, властвует трусость. Военная присяга и приказ Сталина попираются на каждом шагу» (20.07.1942).

Не удивительно, что Гельфанд с восторгом встречает приказ Сталина № 227 от 28 июля 1942 года («Ни шагу назад!»). Он записывает в начале августа 1942 г.:

«Мне вспоминаются мысли мои во время странствования утомительного и позорного армий наших. О, если б знал т. Сталин обо всем этом! Он бы принял меры – думал я. Мне казалось, что он не осведомлен обо всем, что творится, или же неправильно информирован командованием отходящих армий. Какова же моя радость теперь, когда я услышал приказ вождя нашего. Сталин все знает. Он как бы присутствовал рядом с бойцами, мысли мои сходны с его гениальными мыслями. Как отрадно сознавать это» (02.08.1942).

Сталин – его кумир. «Безумно люблю, когда товарищ Сталин выступает. Все события в ходе войны становятся настолько ясными и обоснованными логически», – записывает он в начале ноября 1943 г. Три года спустя Гельфанд остается столь же восторженным поклонником вождя:

«Еще раз перечитываю речь т. Сталина накануне выборов кандидатов в депутаты Верховного Совета и поражаюсь, в который раз, ясности ума и простоте изложения сталинской мысли. Еще не было ни одного высказывания т. Сталина, в котором не вырисовывалась бы мудрость, правда и убедительность преподносимых слушателям фактов и цифр. Вот и на сей раз. Кто смеет оспорить или выразить сомнение в правдивости гениального рассказа вождя нашей партии и нашего народа о причинах и условиях нашей победы, о корнях возникновения империалистических войн, о существенном отличии только что минувшей войны от всех других, предшествовавших ей прежде, ввиду участия в ней Советского Союза» (14.02.1946).

В этой речи Сталин, среди прочего, говорил о том, что коллективизация «помогла развитию сельского хозяйства, позволила покончить с вековой отсталостью».

«Ваше дело – судить, насколько правильно работала и работает партия (аплодисменты), и могла ли она работать лучше (смех, аплодисменты)», – конспектирует Гельфанд, – «обращается под конец к избирателям т. Сталин. И все награждают его такими горячими аплодисментами и любовью, что просто трогательно становится со стороны. Да, он заслужил ее, мой Сталин, бессмертный и простой, скромный и великий, мой вождь, мой учитель, моя слава, гений, солнце мое большое» (14.02.1946).

Ни собственный опыт общения с крестьянами, ни личное знакомство с результатами коллективизации не заронили и тени сомнения в верности слов вождя. Впрочем, Гельфанд по малолетству не мог сопоставить советскую деревню до и после коллективизации. Однако же невольное знакомство с уровнем развития сельского хозяйства Германии, да и в целом с уровнем жизни побежденных также не навели его на какие-либо размышления.

А. Я. Вышинский, прокурор на показательных процессах эпохи «большого террора», переквалифицировавшийся в дипломаты, вызывал у Гельфанда восторг:

«Вышинский умница. Читал все его выступления на Международной ассамблее и не мог не проникнуться к нему неуемной симпатией. Понятен его успех и прежде, и сейчас. Не помню Литвинова, но Вышинский теперь мне кажется сильнее как дипломат и умнее как теоретик.

Какой он родной, какой он красивый, какой он, черт возьми, правильный человек! Нет, он похлеще Литвинова!» (21.02.1946)

Тем же числом, что и запись в дневнике, датируется письмо Гельфанда к матери, в котором он пишет о Вышинском:

«Вышинского за его ум и смелость люблю, как родного, и даже крепче, ведь только подумай, что он там делает, в Генеральной Ассамблее, как он виртуозно сильно ворочает умами – какими умами! – и доводы его остаются неоспоримыми! Нет, он похлеще Литвинова!» (Письмо Вл. Гельфанда матери от 21 февраля 1946 г.)

В общем, Владимир Гельфанд и начал, и закончил войну абсолютно советским человеком. Он вступил в партию на фронте по убеждению, хотел быть политработником, выпускал в училище стенную газету, причем сам писал в ней все статьи, подписываясь именами разных курсантов. Искренне пытался донести до своих товарищей по службе информацию из газет и партийные установки, вызывая разве что их раздражение своей настойчивостью.

Красная армия в дневниковых записях Гельфанда нередко предстает плохо организованной и дисциплинированной; случаи мародерства совсем не редки на своей территории; в Германии оно становится тотальным, причем автор дневника принимает в поисках «трофеев» самое активное участие. Отнюдь не однозначно и отношение советского населения к красноармейцам: иногда их принимают радушно и делятся последним, иногда – прохладно, а то и вовсе враждебно. Собственно, к «советскому» население можно во многих случаях отнести лишь по формальному признаку проживания на территории СССР; отнюдь не все считают советскую власть своей. Люди погружены в свои собственные заботы, они выживают, и не слишком заметно, что их волнует судьба страны.

1 апреля 1943 г. Гельфанд записывает в Зернограде:

«Жители – все рабочие совхозов. В их рассказах уже не услышишь "русские", [слово нрзб] по отношению к советским и фашистско-немецким войскам, как повсеместно я слышал от жителей всех предыдущих городов и деревень, начиная с Котельниково и кончая Мечеткой, а "наши", "немцы" В этих выражениях не видно резкого отделения себя, тоже русских, от своего народа, общества, армии».

Регион между Котельниково и станицей Мечетинской был не единственным, где жители как бы отделяли себя от советской власти и Красной армии. Человек совершенно другого сорта, нежели Гельфанд, капитан (будущий генерал) Илларион Толконюк, выбираясь в октябре 1941 г. из вяземского «котла», был неприятно удивлен тем, что крестьяне «бойцов Красной армии... называли "ваши", а немцев – "они"». Да и вообще сельское население Смоленщины и Подмосковья оказалось неприветливым и совсем не напоминало «гостеприимных советских людей»[14].

Гельфанда многое возмущает, но жизнь научила наивного идеалиста во многих случаях скрывать свои мысли и чувства. Правда, удается это ему не всегда, и если не удается, то почти с гарантией приводит к неприятностям.

Одной из сквозных тем дневника является антисемитизм, с проявлениями которого и в обществе, и в армии постоянно сталкивается и от которого страдает Гельфанд. Точнее было бы говорить не о проявлениях антисемитизма, а о его массовом характере. Гельфанд записывает 23 октября 1941 г. в Ессентуках, куда он эвакуировался из Днепропетровска:

«По улицам и в парке, в хлебной лавке и в очереди за керосином – всюду слышится шепот, тихий, ужасный, веселый, но ненавистный. Говорят о евреях. Говорят пока еще робко, оглядываясь по сторонам. Евреи – воры. Одна еврейка украла то-то и то-то. Евреи имеют деньги. У одной оказалось 50 тысяч, но она жаловалась на судьбу и говорила, что она гола и боса. У одного еврея еще больше денег, но он считает себя несчастным. Евреи не любят работать. Евреи не хотят служить в Красной армии. Евреи живут без прописки. Евреи сели им на голову. Словом, евреи – причина всех бедствий. Все это мне не раз приходится слышать – внешность и речь не выдают во мне еврея».

Записи Гельфанда – так же как дневники и воспоминания других современников, евреев и неевреев – свидетельствуют, что антисемитизм в стране интернационалистов отнюдь не был изжит. Советская власть упорно боролась с антисемитизмом, особенно в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В годы войны об этом нечего было и думать: в от-

[14] Цит. по: *Смирнов А.* Наступление ради наступления. О записках генерала Иллариона Толконюка // Родина. 2008. № 5. С. 31.

крытую бороться с антисемитизмом означало бы, по сути, подтверждать один из основных тезисов нацистской пропаганды о советской власти как власти еврейской. Власть в условиях достаточно широкого распространения антисемитских настроений вряд ли могла это себе позволить. Даже если бы хотела[15].

Уже будучи в армии, в июне 1942 г. Гельфанд нашел две немецкие листовки, призывающие красноармейцев сдаваться:

«Какие глупые и безграмотные авторы работали над их составлением! Какие недалекие мысли выражены в этих "листовках", с позволения сказать. Просто не верится, что эти листовки составлялись с целью пропаганды перехода наших людей на сторону немецких прохвостов. Кто поверит их неубедительным доводам и доверится им? Единственный правильно вставленный аргумент – это вопрос о евреях. Антисемитизм здесь сильно развит, и слова, что "мы боремся только против жидов, севших на вашу шею и являющихся виновниками войны", могут подействовать кой на кого» (12.06.1942).

Гельфанд, в тех случаях, когда оказывается среди не знающих его людей, проявляя то ли малодушие, то ли здравый смысл, скрывает свое еврейство. Однажды, к примеру, он представляется «русско-грузином»: «Отец, дескать, русский, мать – грузинка» (28.07.1942). Совсем туго пришлось Гельфанду в госпитале, в котором раненые содержались в ужасных условиях: завтрак подавали в шесть или семь часов вечера, «зато» обед в пять часов утра; до ужина дело не доходило. Качество еды (вода с манкой, ложка картошки, 600 грамм хлеба в день и т. п.) состязалось с ее регулярностью:

«Много других ужасающих неполадков существует у нас, но люди (не все, правда) во всем обвиняют евреев, открыто называют всех нас жидами. Мне больше всех достается, хотя я, безусловно, ни в чем тут не виноват. На мне вымещают они свою злобу и обидно кричат мне "жид", ругаются и никогда не дают мне слова вымолвить или сделать кому-либо замечание, когда они сорят и гадят у меня на постели» (29.12.1942).

«Зачем я еврей? – записывает однажды в отчаянии Гельфанд. – Зачем вообще существуют нации на свете? Принадлежность к еврейской нации является неизменным моим бичом, постоянным муче-

---

[15] О «еврейском синдроме» советской пропаганды см.: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001. С. 222–229; об антисемитизме в СССР в годы войны, в том числе в армии см.: *Budnitskii O.* Jews at War: Diaries from the Front // Soviet Jews in World War II: Fighting, Witnessing, Remembering / ed. by Harriet Murav and Gennady Estraikh. Boston: Academic Studies Press, 2014. P. 76–79; idem. The Great Patriotic War and Soviet Society: Defeatism, 1941–42 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2014. Vol. 15. №. 4. P. 782–783.

нием, от которого нельзя сыскать спасения. За что не любят евреев? Почему мне, как и многим другим, приходится иногда скрывать свое происхождение?» (09.04.1943)

Весной 1943 г. Гельфанд постоянно слышит рассказы жителей освобождаемых районов об уничтожении нацистами евреев. Он тревожится о судьбе родственников, не успевших выехать из Ессентуков и оказавшихся в оккупации. Тревога оказалась не напрасной: все его родственники в Ессентуках были убиты нацистами.

«Насчет немцев я навсегда решил, – записывает он в дневнике, – нет врагов для меня злее немцев и смертельнее их. До гроба, до последнего дыхания в тылу и на фронте я буду служить своей Родине, своему правительству, обеспечившему мне равноправие как еврею. Никогда я не уподоблюсь тем украинцам, которые изменили Родине, перейдя в стан врага и находясь теперь у него в услужении. Чистят сапоги, служат им, а те их лупят по иудиным собачьим харям» (13.03.1943).

Говорят, что характер – это судьба. Несомненно, что на формирование характера подростка, а мы застаем автора как раз в момент перехода от подросткового к юношескому возрасту, оказала воздействие его деспотичная и не терпевшая возражений мать. Надежда Городынская, судя по записям Владимира Гельфанда, была вполне любящей матерью, однако не останавливавшейся перед самыми жесткими мерами «воспитания» своего единственного сына. Вроде битья его головой о стену.

Родители Владимира Гельфанда развелись за три года до начала войны, когда он находился в весьма ранимом подростковом возрасте. Он их пытался как-то примирить, надеялся, что родители, может быть, сойдутся вновь: об этом он время от времени упоминает в письмах военного времени.

Гельфанд расстался с матерью в сентябре 1941 г. во время эвакуации из Днепропетровска, потеряв ее во время бомбежки[16]. Через два месяца мать приехала в Ессентуки, где у родственников жил Владимир. Приехала неожиданно, и всего на один день. Подходя к квартире тети, Гельфанд «услышал чей-то знакомый, родной и привычный голос. Кто бы это мог быть? – мелькнула у меня догадка. Неужели “она”? ...Я прижал ее, бедную маму, к своему сердцу и долго утешал, пока она не перестала плакать. Это были слезы радости, слезы горя, слезы тоски о прошлом и отчаяния перед будущим. Но вот миновали первые минуты этой незабвенной встречи с мамой, и наш разговор [принял] обыденную форму. К маме вновь вернулось прежнее состояние, в котором она пребывала до моего появления...» (31.10.1941)

[16] См. его письмо матери от 2 марта 1942 г.: «... мы растерялись при бомбежке нашего эшелона...» (архив В. В. Гельфанда, Берлин).

Далее последовал разговор, полный упреков (возможно, в чем-то справедливых), но попытки сына объясниться привели лишь к тому, что лицо матери «исказилось, приняло зверское выражение. Передо мной была та, прежняя, мать, прежние картины и картинки нашей совместной жизни. И меня бросило в жар при воспоминании об этом. Лицо матери стало чужим и неприятным, каким оно было в минуты наших ссор, когда ею пускались в ход и против меня и стулья, и кочерга, и молоток и все, что попадалось под руки» (31.10.1941).

В семейных ссорах редко бывает «правая» сторона, однако дело не в этом; несомненно, методы воспитания, применявшиеся матерью Владимира, были весьма своеобразными и вряд ли способствовали тому, чтобы ребенок вырос уверенным в себе. Полученные в детстве психологические травмы, по-видимому, так и не были изжиты Владимиром. Почти пять лет спустя после описанной выше тяжелой сцены в Ессентуках, уже после окончания войны, Гельфанд записывает:

«Мама нервная и тяжелая. Редко она могла приласкать меня так, как я любил прежде того, но почти всегда ругалась и была холодна. Сердцем я чувствовал, что она меня любит горячо и нежно, но умом такая любовь не укладывалась с ее таким отношением ко мне. В детстве я тоже балован не был душевной настоящей теплотой, но тогда я не встречал еще холодности жестокой со стороны матери, любовные чувства довлели над остальными, и потому скоро забывались и дикие побои (иногда головой о стенку), и злобные упреки, и бойкот всеми способами» (01.07.1946).

Как бы то ни было, но Владимир Гельфанд не отличался силой характера. Что очень быстро распознавали его сослуживцы и, как и в любом закрытом мужском сообществе, где слабейший нередко становится объектом насмешек и издевательств, «жертвой», это почти всегда случалось и с ним. Бойцы его не слушались, и тогда, когда он, будучи рядовым, назначался старшим, и тогда, когда он, став лейтенантом, командовал ими уже на законных основаниях. Отчасти это объяснялось его юным возрастом и неопытностью: менее грамотные, но старшие по возрасту и пониманию жизни бойцы не желали ему подчиняться, отчасти «странностью» поведения: непрерывно что-то пишущий командир, очевидно, казался им чудаком. Если к этому прибавить идеализм Гельфанда и его борьбу за торжество справедливости, выражавшееся, среди прочего, в писании рапортов начальству, то не удивительно, что он часто оказывался в роли изгоя.

Бойцы, чувствуя слабину, этим пользовались. Так, Гельфанд описывает эпизод, когда сержант-связист из соседней части просто выгнал его из отрытого им же окопа. Сержант мотивировал это, среди прочего, тем, что Гельфанд хоть и командир, но из другой части, и он

не обязан ему подчиняться (11.10.1943). Нашлось бы немало офицеров, которые просто пристрелили бы сержанта на месте (и вряд ли бы понесли за это какое-либо наказание), автор же дневника предпочел уйти. Наверняка сержант (как и другие бойцы, позволявшие себе выходить за рамки устава по отношению к командиру) чувствовал, что получить пулю ему не грозит[17].

Гельфанд вполне сознавал свои характерологические особенности. Однажды он записал рассказ сослуживца о том, что его семь раз исключали из школы. И прокомментировал:

«Как я теперь жалею, что только раз, да и то на несколько дней, меня исключили из школы. Лучше бы я был в детстве и юности босяком и хулиганом, нежели таким нерешительным в любви и жизни человеком, как теперь» (17.07.1944).

Правдоискательство Гельфанда, его стремление привести жизнь в соответствие с газетными статьями и партийными установками отнюдь не способствуют хорошему к нему отношению. И он это вполне сознает:

«Парторг полка дал мне анкету для вступления в партию. Мне остается написать заявление и автобиографию (анкету я заполнил, а остальное не мое дело). Я кандидат уже около 10 месяцев. Пора переходить в члены. Я хочу поспешить, пока меня еще не знают здесь, а то позже разругаюсь или поспорю с кем-либо из начальства, и партии не видать мне тогда, как ушей своих без зеркала» (11.10.1943).

Незадолго до конца войны он констатирует:

«Да, судьба не обидела меня, наделив внешностью и умом. Но характер мой портит впечатления первого взгляда и отвращает от меня окружающих. Вот почему мне так нелегко живется на свете, вот почему я нередко бываю обижен своими товарищами зря и несправедливо» (22.03.1945).

Похоже, что Гельфанд чувствовал себя относительно комфортно (в моральном отношении), если оказывался в силу обстоятельств в одиночестве, скажем, по пути из госпиталя в часть. Или же на передовой, особенно в период боевых действий. Последнее утверждение кажется по меньшей мере странным, но именно к такому выводу приходишь, читая его записи о боях, нередко сделанные под обстрелом или во время недолгих перерывов в сражениях. Вот одна из таких записей:

«Вчера весь день стрелял. Выпустил мин 700, чтоб не соврать. Сколько постреляли "огурцов", как их по телефону именуют здесь, никто нас не спрашивал, но сколько осталось мин – спрашивали ежеминутно...

---

[17] См. также записи от 16.06.1942, 22.06.1942, 04.03.1945 и др.

На меня же пала и хозяйственная (подвоз мин, водки, продуктов), и боевая (подготовка мин, протирка их, чистка минометов, отрывка щелей, расстановка людей и порядок на батарее, и сам процесс стрельбы), и политическая (раздача и читка газет) работа. Я с удовольствием командовал во весь голос (ветер относил мои команды, и надо было громко кричать), ощущая на себе взгляды проходящих мимо нас бойцов и начальников, восхищавшихся одновременностью выстрелов и красотой стрельбы» (11.10.1943).

Гельфанд, похоже, был лишен страха смерти и был уверен, что с ним ничего не случится.

«Немец забил из Ванюши (германский реактивный миномет. – *О. Б.*). Вот оно! Задрожала земля. Кругом разрывы, но сюда еще не попадает. Да и ну его! Что суждено, то и будет! Не стану же я из-за этого бросать пера, что немцу жить тошно стало и он нервничает, стреляет, совершая то здесь, то там огневые налеты на нас» (18 или 19 ноября 1943).

Смерть нередко была совсем рядом, но это если и вызывало в нем эмоции, то скорее удивление, чем ужас. Вот один из таких случаев, происшедший, видимо, 18 октября 1943 г. Сам Гельфанд, потерявший в ходе непрерывных боев счет дням, обозначает его как «п число»:

«Когда я лег в окоп отдохнуть – начали рваться снаряды. Я взял в окоп с собой кочан от капусты и принялся его чистить. Вдруг разорвался снаряд. Так близко, что оглушил меня. Окоп завалило, меня присыпало землей и, наконец, что-то больно стукнуло меня по руке, по подбородку, по губе, по брови. Я сразу решил, что тяжело ранен, ибо рукой пошевелить не мог, а по лицу побежали три струйки крови. Несколько минут не мог встать. В голове шумело, и впечатление от всего произошедшего не вылетало из головы. Наконец, я решил пойти сделать перевязку. Когда я вышел, все воскликнули: "Жив?!", и потом: "Ранен!" Я посмотрел на воронку и изумился – снаряд упал как раз на краю окопа у моих ног. Стенку развалило, но ног не зацепил ни один осколочек, а в лицо угодили. Не контузило меня именно благодаря тому, что снаряд упал перелетом, и вся его сила была направлена в сторону от меня. Лицо мое находилось от разрыва на расстоянии моего роста, плюс стенка окопа. Оглянулся я на ящики с минами, что лежали впереди окопа (если считать с нашей стороны, с тыла нашего) – они все были истерзаны осколками. Я чудом – опять чудом – уцелел. А когда я осмотрелся в зеркало, то к радости великой убедился, что только поцарапан небольшим осколочком. Он пролетел, очевидно, один, зацепив лицо в трех местах и, оставшись, кажется, в последнем – в брови. Но он не тревожит меня. А руку только больно ударил плашмя осколок побольше, ибо даже отверстия раны не было, хотя кровь все-таки пошла. Так я отделался и на этот раз».

По меньшей мере дважды вражеские снаряды «достаются» другим: однажды снаряд попадает в его окоп, из которого Гельфанда выгнал в недобрый для себя час сержант-связист, в другой раз Гельфанд в связи с усилившимся обстрелом галантно уступает более глубокий окоп девушке-санинструктору и переходит в соседний:

«Окоп был помельче немного того, в котором была Мария, и находился в одном метре справа от нее. Только перешел в окоп – новый заурчал снаряд, зашипел неистово и с остервенением ударил в землю. Я упал навзничь в окопе и, почувствовав страшный удар вдруг в уши, в голову. На минуту я не мог прийти в себя от всего произошедшего, а когда опомнился, понял, что все это сделал снаряд. Пилотки у меня на голове не оказалось, с носа брызнула кровь, и до одури заболело в висках. Сбросив с себя землю, засыпавшую меня, я встал и стал звать Марию. Но она не отзывалась. Было уже темно, и я решил, что ее засыпало в окопе. Когда на мой зов пришли санитары, они обнаружили одно месиво на месте Марии и ее окопа. Снаряд, пролетев на поверхности земли метров шесть и сделав в земле длинную канаву, упал и разорвался в окопе Маруси. Понятно, что от нее осталось одно воспоминание...

Пилотки я так и не нашел. Лишь наутро я обнаружил ее метрах в трех от спасительного окопа, в котором я находился. Марию наутро раскопали, расковыряли. Нашли одну ногу, почки и больше ничего... Марию зарыли и оставили в земле безо всякого следа и памяти. Я приказал своим бойцам сделать "Т"-образную табличку и, надписав на ней маленький некролог в память Марии, установил его на ее могилке. Так закончила свой жизненный путь Мария Федорова, 1919 года рождения, астраханка, медаленосец и кандидат в ВКП(б), старшина медицинской службы» (запись сделана в середине ноября 1943 г.).

Согласно данным Министерства обороны, 21-летняя Мария Архиповна Федорова, старшина медицинской службы, погибла 26 октября 1943 г. Владимир Гельфанд был последним человеком, разговаривавшим с Марией, и запись в его дневнике является, очевидно, единственным свидетельством очевидца ее гибели. Заметим, что дневниковые записи Гельфанда, как ни относиться к его интерпретации тех или иных событий, отличаются точностью, подробностью и откровенностью. Еще раз повторим: в этом отношении это ценнейший источник по истории повседневной жизни на войне.

Точнее, жизни и смерти.

Владимир Гельфанд вернулся в родной Днепропетровск в начале октября 1946 г. Здесь уже находились его родители: мать вернулась в Днепропетровск в 1944 г. и поступила на прежнее место работы – завод им. Ленина в качестве секретаря отдела организации

труда. Отец работал комендантом профтехшколы. Родители так и не сошлись вновь, но были вынуждены – не слишком редкая ситуация для послевоенных лет, да и для советской жизни в целом – жить в одной квартире. Отец Владимира Гельфанда умер в 1974 г., мать – в 1982 г. Владимир Гельфанд поступил на подготовительное отделение Транспортного института в Днепропетровске, по окончании которого получил аттестат зрелости. В 1947 г. был принят на филологический факультет Днепропетровского государственного университета. В 1949 г. Владимир женился на школьной подруге Берте Койфман, той самой Бебе, с упоминания о которой начинается его дневник. Молодожены переехали в Молотов (Пермь), где жили родители Берты. Берта училась в медицинском институте; Владимир перевелся на 2-й курс историко-филологического факультета Молотовского государственного университета, который и окончил в 1952 г. Согласно диплому выпускник университета мог работать научным сотрудником, преподавателем вуза или средней школы.

Семейная жизнь Гельфанда в первом браке сложилась неудачно. В 1955 г. он оставил Берту и их 5-летнего сына Александра и вернулся в Днепропетровск. Развод был оформлен три года спустя, а в 1959 г. Владимир женился на 26-летней Белле Шульман, по образованию преподавателе русского языка и литературы. У них родилось двое сыновей – Геннадий (1959 г. р.) и Виталий (1963 г. р.). Всю свою профессиональную жизнь Владимир Гельфанд преподавал: в Молотове историю, русский язык и литературу в железнодорожном училище, в Днепропетровске обществоведение, историю и политэкономию в профессионально-техническом училище. Его жена преподавала сначала русский язык и литературу в школе, затем работала воспитателем в детском саду.

Это были не слишком престижные и высокооплачиваемые специальности. Жили в целом нелегко: вчетвером в комнате площадью 10 квадратных метров. Только в конце 1960-х гг. Гельфандам удалось получить отдельную квартиру в новостройке, а в начале 1970-х гг. перебраться в 3-комнатную, где с ними жила также мать Владимира.

Владимир Гельфанд был столь же неугомонен, как и раньше: организовал в училище небольшой музей истории Великой Отечественной войны, исторический кружок. Публиковался в местных партийных, комсомольских газетах и отраслевой газете для строителей на русском и украинском языках: это были заметки о жизни училища, воспоминания о войне. В 1976 г. было опубликовано 20, в 1978 – 30 его статей и заметок. Разумеется, тексты о войне не могли выходить за рамки дозволенного. Образчиком самоцензуры является небольшой мемуарный текст, опубликованный в сборнике воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны, составленном на основе

писем, пришедших в главную газету компартии Украины – «Правда Украины». По-видимому, это был единственный случай, когда Гельфанду удалось пробиться на страницы республиканской печати. Не ясно, по каким причинам он предпочел рассказать не о том, в чем сам участвовал или что видел, а о слышанном с чужих слов – историю о немецком женском батальоне, захваченном в плен красноармейцами[18]. История, бесспорно, была вымышлена солдатом, поведавшим ее Гельфанду, ибо никаких женских батальонов в составе вермахта не было. Да и вообще женщины в немецких боевых частях не служили. Любопытно, однако, как работал механизм внутреннего и внешнего ограничения: в дневнике, со слов одного из солдат, якобы участвовавшего в захвате батальона, рассказывается об изнасиловании пленных немок. По справедливому замечанию Эльке Шерстяной, этот рассказ скорее отражает сексуальные фантазии красноармейцев, нежели реальность. Как бы то ни было, в отправленном в газету тексте неприглядные детали исчезли, а после дополнительной работы редакторов этот эпизод превратился в еще одно доказательство гуманизма бойцов Красной армии.

Владимир Гельфанд умер 25 ноября 1983 г. в возрасте 60 лет. Он не дожил совсем немного до того времени, когда «цензурный занавес» над советским прошлым сначала приподнялся, а потом и вовсе был сорван. И, наверное, в самых смелых мечтах он, мечтавший с детства о славе литератора, не мог представить, что его военный дневник (точнее, его немецкая часть) будет переведен на иностранные языки, станет бестселлером в Германии, будет цитироваться в десятках работ по истории Второй мировой войны.

В этом, бесспорно, прежде всего заслуга младшего сына Владимира Гельфанда – Виталия, который с 1995 г., так же как его мать и старший брат, живет в Германии, причем с 1996 г. – в Берлине. Виталий Гельфанд посвятил значительную часть жизни систематизации, публикации и популяризации литературного наследия своего отца. Разрозненные листки были им выстроены в хронологическом порядке (что было совсем не легко, ибо далеко не всегда ясно, к какой именно дате / дневниковой записи относится тот или иной листок), «расшифрованы», переведены в электронный формат. Это же сделано с письмами отца военного времени, различного рода справками, рапортами и другими документами, относящимися к периоду службы В. Н. Гельфанда в Красной армии.

По словам Виталия Гельфанда, он «не открыл закон Бойля – Мариотта и до сих пор не изобрел вечный двигатель. Но сделал много:

---

[18] *Гельфанд В.* Той весной // Нам дороги эти позабыть нельзя: Воспоминания фронтовиков Великой Отечественной. Киев: Политиздат Украины, 1980. С. 365–366.

дневники папы. Их никто не сотрет, никто не забудет и не обойдет. Они уже вышли по-немецки. Теперь выходят полностью на русском: 70 лет спустя после окончания Второй мировой войны и 28 лет спустя после начала работы с ними – с 1987 г. Я так много и так долго бил в одну эту точку...

Дневников, подобных этому, в мире, написанных день в день, событие в событие, – пересчитать по пальцам. История прошедшей войны – другая, не такая, как в фильмах о войне, выпущенных после войны и снимаемых и сегодня; не такая, как в мемуарах маршала Жукова и книгах маршала Брежнева, и не такая, как в воспоминаниях многих других ее участников. Не такая, какой ее привыкли знать: отредактированной, выглаженной и прополосканной за семь десятков лет.

В том, что этот дневник сегодня вы можете читать, заслуга моего отца, писавшего его всю войну, день за днем; отчасти моя, нашедшего его после смерти отца и расшифровавшего... Спасибо за помощь в работе с дневниками моей жене Ольге Гельфанд, куратору немецкого издания Dr. Elke Scherstjanoi»[19].

Дневник В. Н. Гельфанда за 1945–1946 гг. вышел в 2005 г. в свет в переводе на немецкий язык и стал подлинной сенсацией. Пожалуй, впервые немецкие читатели получили возможность увидеть разгром Третьего рейха, оккупацию Германии, взаимоотношения советских военнослужащих и немцев (в особенности – немок, возможно, наиболее болезненную и обсуждаемую в Германии в конце XX – начале XXI в. тему) – глазами советского офицера. Конечно, уже были написаны и изданы воспоминания Льва Копелева[20]. Однако они охватывали относительно короткий период времени, были написаны – как и «положено» воспоминаниям – постфактум, то есть тем же, но несколько другим человеком, были до некоторой степени литературным произведением. Дневник же Гельфанда охватывал почти два года, был очень подробен и откровенен. Текст был подготовлен к печати и снабжен комментариями немецким историком Эльке Шерстяной. Книга вышла под названием «Немецкий дневник 1945–1946», выдержала два издания, в переплете и в обложке[21]. «Немецкий дневник» был издан также в переводе на шведский язык[22].

Наше сотрудничество с Виталием Владимировичем началось довольно неожиданным образом. Он позвонил из Берлина на радио

---

[19] Письмо В. В. Гельфанда автору от 23 июня 2014 г.

[20] *Копелев Л.* Хранить вечно. Ann Arbor, 1975 (книга неоднократно переиздавалась).

[21] *Gelfand Wladimir.* Deutschland-Tagebuch 1945–1946: Aufzeichnungen eines Rotarmisten Gebundene Ausgabe. [Berlin]: Aufbau-Verlag, 2005; Aufbau Taschenbuch, 2008.

[22] *Gelfand Vladimir.* Tysk dagbok 1945–46: en sovjetisk officers anteckningar. [Stockholm]: Erzatz, 2006. В 2012 г. вышла электронная версия шведского издания.

«Эхо Москвы» после одной из передач с моим участием, в которой шла речь о солдатских дневниках, в том числе и о дневнике его отца. В ходе телефонных переговоров и личного общения возникла идея полной научной публикации военного дневника В. Н. Гельфанда. Колоссальная работа по подготовке дневника к печати была проделана Татьяной Ворониной: распечатки, подготовленные В. В. Гельфандом, были сверены с оригиналами, выправлены, разобраны некоторые не читавшиеся ранее места, в отдельных случаях установлены или уточнены даты. Текст собственно дневника был отделен от сопутствующих материалов. Наиболее важные из них даются полностью или в извлечениях в примечаниях. Кроме того, в примечаниях даются полностью или в извлечениях письма В. Н. Гельфанда и его корреспондентов, позволяющие прояснить или уточнить некоторые дневниковые записи.

Публикация сопровождается подробными комментариями. Комментарии к дневникам за 1941–1943 гг. подготовлены Татьяной Ворониной, за 1944–1946 гг. – Татьяной Ворониной и Ириной Махаловой.

Дневник печатается полностью, без каких-либо изъятий и сокращений.

1941 год

26.04.1941

[...] Но вернусь к Бебе[1]. Понравилась она мне в самом конце учебного года, в пятом кл[ассе]. Как сразу это произошло, не помню. Знаю только, что до этого не было даже намеков на какие-нибудь чувства к ней и, больше того, я даже не помню о ней ничего, и вообще, до момента моего увлечения ею она ни разу не показалась на горизонте сердечной досягаемости.

27.04.1941 Воскресник.

Болит голова. После воскресника. Много впечатлений. Надо многое обдумать, много припомнить и тогда уже занести на бумагу. Лучший источник воспоминаний – кровать. Итак – в кровать, в воспоминания, в сон. До завтра...

01.05.1941

Но и на завтра, и на послезавтра не пришлось рассказать об очередном литературном воскреснике, состоявшемся 27/IV. И вот уже первое мая, опять новые события, и опять не имею возможности нынче вечером написать о них. Что ж, опять, вероятно, придется отложить до... завтра. До какого завтра?..

02.05.1941

Нет. Сегодня. Сегодня, наконец! Значит, о воскреснике? Что ж, слушай, мой дневник, воспринимай в себя, о мой единственный друг, [тай]ники души моей.

Просматривая свежий номер «Днепровской правды», нашел долгожданное и, я думаю, запоздавшее очень сообщение о воскреснике[2].

Долго, как никогда долго ранее, не созывался воскресник, и поэтому программа предстоящего литературного воскресника обещала быть интересной. Лелея эту надежду, подошел к Лене Малкиной, с которой я условился пойти на воскресник вместе. Она давно ожидала меня, и сейчас я встретил ее спускающейся с лестницы своего дома.

Было уже 12.20 дня, и я торопился. Но Лена пожелала позвать на воскресник одну девочку, ученицу восьмого кл[асс]а. «Ты обязательно должен с ней познакомиться», – сказала она. Я не возражал. Но когда я увидел эту девочку, то вспомнил, что уже не однажды

встречал ее в лектории на лекциях, посвященных писателям и литературе. Ее тоже звали Леной.

Пока она собиралась, прошло еще минут десять. Но вот, наконец, она вышла, и мы отправились. По дороге из разговора с ней (с Леной № 2) я узнал, что она очень начитанна, очень развитая и толковая девочка. Но еще больше о ней я узнал после воскресника.

Но о воскреснике. Приехали мы (на трамвае), в [*нрзб*] приблизительно. Я вошел первым, мои спутницы за мной; я прошел дальше и сел, но они некоторое время оставались стоять у двери. И поэтому то, что говорил вначале человек с красивыми и, кажется, черными глазами, с низким лбом и самодовольным лицом, не слышал – был занят Ленами. И только тогда, когда они, наконец, сели, и Лена Малкина сказала, что этот человек и есть тот самый Уткин[3], которого она уже раз слушала в каком-то институте, и о котором она мне уже рассказывала, только тогда я стал прислушиваться к его словам. А он говорил много, говорил красиво и каждой фразой своей нарочито подчеркивал свою популярность в Москве как поэта: «Поэт должен быть оригинальным, не похожим на других. А у нас по стихотворениям молодых, начинающих поэтов нельзя узнать не только личных мотивов творчества, не только переживаний и наблюдений, но даже пола и [возраста]. Это происходит оттого, что профессия литератора многим начинающим кажется легкой. Оттого-то они и не уясняют себе всей сложности писательского труда. Но я считаю, что сейчас уже идет к тому, что, когда выработают строгий критерий для писателей, который сильно поурежет крылышки любителям легкой славы, это [*нрзб*] заставит их приняться за свою основную работу.

Мы знаем, что везде на производстве идет сейчас сокращение штатов за счет работников, не справляющихся с занимаемой ими должностью. Мы – литераторы, тоже должны сократить свои штаты, спустить в шахту неспособных поэтов. Об этом я уже говорил на очередном собрании ССП[4] под моим председательством. Имейте в виду: я выступал после С. Кирсанова[5]. Вот я могу зачесть отрывок из моего выступления». И он стал читать о своем выступлении в Москве из «Литературной газеты»[6], услужливо предложенной ему местными литераторами, сидевшими в президиуме. «Уткин говорил», – читал он, захлебываясь от самолюбия, – «Уткин внес предложение» и т. д., и т. д.[7] Наконец он, поняв, видимо, что слишком далеко зашел в восхвалении самого себя, оставил его (это восхваление) с тем, чтобы вновь к нему вернуться после небольшой паузы и затем уже не расставаться с ним до конца. Перешел к песне. Собственно и здесь он остался верен себе.

«Часто меня спрашивают, как вы относитесь к Лебедеву-Кумачу[8]? Вот на этот вопрос и хочу я вам здесь ответить. Чем объ-

ясняется популярность Л[ебедева]-К[умача]? А объясняется она любовью русского и других советских народов к песне». – И тут он, оттолкнувшись от Л[ебедева]-Кумача, перешел к песенникам дореволюционным. Сумароков[9], Мерзляков[10], мн[огим] другим. Были приведены Уткиным и отрывки из их песен. «Но все они, – продолжил У[ткин] дальше, – давно забыты, а многие известны только литературоведам. И это популярные в свое время песни. Но рядом стояли такие поэты, как Пушкин, Лермонтов – не песенники, и они не только не забыты, их знает и любит и по сей день весь советский народ. Потом, Маяковский не написал ни одной песни». На этом основании У[ткин] позволил себе отнести песню к жанру не чисто литературному, а являющемуся придатком к основной художественной поэзии.

Популярность Л[ебедева]-К[умача] он объяснил той же любовью народной к песне.

Л[ебедев]-К[умач] – песенник, в этом его сила и отличительная черта. Его заслуги оценены нашим правительством, которое считается с вкусами народа, распевающего от края и до края песни Л[ебедева]-К[умача]. Однако стихи Л[ебедева]-Кумача слабы. Уткин не раз говорил об этом своим друзьям-поэтам – Асееву[11] и др. И однажды, когда Вас[илий] Иванович Л[ебедев]-К[умач] прислал ему для редактирования сборник своих стихов, он прямо написал ему в письме, что стихи никуда не годятся, и что ему (Леб[едеву]-Кум[ачу]) не следует их печатать. Но он не послушался (самого Уткина!) и все-таки выпустил сборник своих стихов. После этого оба поэта не разговаривают.

Несколько раз он повторил, что Москва – центр, а Днепропетровск – провинция:

«У нас в Москве уже изжито такое положение [в творчестве – ? *нрзб*]. Может, к вам в провинцию это еще не дошло? У нас в центре все уже знают, а в Днепропетровске, вероятно, еще не известно. У нас в Москве давно созданы условия, при которых любой писака не может сделаться поэтом. Нет у нас в центре теории общего котла, которая распространена повсюду. Пишет Маяковский, например, пишу я – пишем кровью, и нам предлагает какой-то поэт, пишущий грязью с водосточной трубы, объединить наши стихи с его стихами. И это вместе будет называться творчеством Уткина, Маяковского и еще какого-то не стоящего даже внимания поэта[?]. Да я даже знаться не желаю с ним. Поэт – цветок. Я – цветок. И буду я еще возиться там с кем-то? У меня был такой случай: хотел со мной познакомиться некий поэт. Но я его даже не подпустил к себе. Поэт должен быть до конца оригинальным. А это ли оригинальность: знакомиться за руку с каждым и всяким».

И дальше – больше, больше, больше... Говорил он, что с его, уткинской, легкой руки по всей Москве распространилась фраза поэта Баратынского[12] «Я имел скромность не пойти вслед за Пушкиным». Говорил... впрочем, всего не [упом]нишь.

Но вот он кончил, и начались «прения».

Первым выступал Ортенберг (критик)[13]. Это человек с солидным возрастом, с лицом, типичным для большинства критиков, головой, на которой сидит почтенная лысина, с хищным придирчивым взглядом. Все выступления его неудачны: они неглубоки, бессодержательны и донельзя придирчивы. Его часто и много критикуют те, на которых он обрушивается в свою очередь, над ним смеются и бросают по его адресу обидные оскорбления. Но он не унывает, не теряется, как говорится, и снова выступает, и снова обвиняет, и снова бывает сам обвиняем и оскорбляем. Вот и сегодня он выступил. Я не переносил этого Ортенберга, еле скрываю свою досаду, когда он выступал. Но сегодня... я готов был ему аплодировать (и аплодировал), когда он выступил в защиту прав Днепропетровска на более тактичное отношение к его жителям. «Что ж, мы провинция», – с горькой иронией произнес Ортенберг. Во время выступления О[ртенберга] Уткин нахально, развалившись на стуле, перебивал говорившего, таким, примерно, [образом]: «Вы знаете, что такое лирика?» – О[ртенберг] ответил.

02.07.1941

Война изменила все мои планы относительно проведения летних каникул. Уже сдал почти все испытания, и осталась математика, самый трудный и нелюбимый мною предмет. Дал себе слово заниматься, заниматься неустанно ежедневно с тем, чтобы быть летом свободным и иметь возможность хорошо провести летние каникулы.

22 числа прошлого м[еся]ца посетил вместе с Олей[14] и ее подругами Валей Иашковой [?] и Майей Белокопытовой Малый театр, гастролировавший в Днепропетровске[15]. Шла комедия Островского А. Н. «Правда хорошо, а счастье лучше»[16]. Комедия ставилась знаменитыми народными и заслуженными артистами союза и республики и прошла с большим успехом, несмотря на слабость сюжета, свойственную ранним произведениям Островского. Веселые и возбужденные постановкой, мы покинули зрительный зал драмат[ического] театра им. Горького[17].

По улицам, в трамваях теснилось и суетилось множество людей. В трамваях висели на подножках, так что с трудом удалось сесть в него и выбраться на нужной остановке.

У Оли мы узнали, что Германия объявила нам войну. Это было ужасно и неожиданно.

Олю вызвали в школу, и, т. к. мамы не было дома, я тоже пошел с ней. Там все ребята были уже в сборе. Комсомольцы и не комсомольцы клеили окна, рыли ямы, хлопотали, шумели и вообще были в необычном состоянии и поколебали мое неверие в совершившееся. Но вот ребята стали собираться у репродуктора, подошел и я, услышал по радио речь т. Молотова[18]. Тут уже не было основания для неверия, и пришлось согласиться с совершившимся фактом.

На другой день я отправился в рабфак[19] и с тех пор до самого отъезда на село неотлучно там работал[20].

18.09.1941

Ессентуки.

Сегодня месяц с того дня, когда я покинул Днепропетровск[21]. 18/VIII–41 г. большой город, город зелени, город-красавец накануне этого дня подвергся первой бомбежке с начала войны. Я видел разрушения и дым нескольких пожаров, возникших в городе от бомбежки. Я слышал о жертвах – о множестве убитых и раненых на вокзале, об оставшихся сиротах и о многом другом, связанном с этой страшной и грандиозной войной с фашистами.

Город постепенно пустеет, и население его редеет с каждой минутой. Еще несколько дней назад мне казалось смешным это бегство населения из города. Первого числа сюда еще приезжали жители Бессарабии, западных областей Украины и Белоруссии, жители Одессы и Каменец-Подольска. Они приезжали сюда жить, и это не вызывало недоумения – все были уверены, что немцы не придут в Днепропетровск и область Днепропетровскую, что их не допустит Красная армия в этот важный для страны промышленный район.

Я продолжал покупать книги, приобретать газетные статьи, посещать областную и рабфаковскую библиотеки и даже не подумал отобрать документы, свидетельствующие о моем образовании, из ДИРа[22].

Налеты вражеских самолетов не прекращались. По ночам редко приходилось спать – то дежуря, то сидя в щели при воздушных тревогах. Несмотря на частые налеты, фашистам не удалось принести городу сколько-нибудь значительных разрушений – город был хорошо защищен, и все радовались и восхищались противовоздушной защитой города. На подступах к Днепропетровску было сбито много вражеских коршунов. Но город волновался, каждый день был чреват неожиданными событиями как внутри города, так и вне его. Вот начали эвакуацию семьи членов горсовета и милиции. То и дело слышались сигналы автомобильных гудков, днем и ночью город оставляли тысячи его жителей. Начали распространяться слухи. Оставшиеся в городе с негодованием смотрели на уезжающих, и не-

которые стали поговаривать, что убегают одни евреи, что у них якобы припасены тысячи, и поэтому они и удирают. С фронта тоже приходили нехорошие вести. Наши войска оставили один за одним города Смоленск, Гомель, Коростень, Белую Церковь и Житомир[23]. Фронт приближался, усиливались налеты немецкой авиации. Каждый день, каждый час был полон напряжения и тревоги. Остановились заводы Петровского, Ленина, Кагановича, Молотова, станкостроительный и многие другие[24]. Промышленность города-гиганта быстро сводилась на нет. Из города то и дело отправлялись эшелоны, вывозящие станки и оборудование остановленных заводов. Эвакуация усилилась, и достать билеты на поезд стало совершенно невозможно. Наша семья засуетилась. Начали и мы готовиться к отъезду. Я смеялся над [этой] подготовкой – до фронта оставались сотни километров. Но через несколько дней мне пришлось горько сожалеть об этом своем неверии в возможность занятия города вражескими войсками. Шестнадцатого числа произошел крупный воздушный налет на город. Числа одиннадцатого был произведен с менее значительными жертвами налет, но с потерями для промышленности – горели нефть и бензин.

27.09.1941

Позавчера был в музее «Домик Лермонтова»[25]. В этом домике я побывал еще прибл[изительно] в [19]37 г. Теперь, после вторичного (с большим интервалом между 1-м и 2-м посещениями) [*далее одна строка нрзб*]. Не стало некоторых предметов, которые раньше занимали центральное место в домике. Так, сейчас отсутствовал большой деревянный ящик черного цвета и камень подле него, принимаемые доверчивыми посетителями за гроб Лермонтова и могильный камень, отсутствие венков и прочих, вводивших в заблуждение, как объяснил мне экскурсовод, незадачливых и непосвященных в фактич[еское] их местонахожд[ение] людей. Поразила меня бедность музея, отсутствие ценных и редких вещей, принадлежащих Лермонтову или так или иначе с ним соприкасающихся. На вопрос мой, чем отметил музей столетие со дня смерти Мих[аила] Юрьевича, экскурсовод ответил, что в театре городском состоялось заседание юбилейного комитета и еще где-то в [районе – ?], но в домике ничем существенным эта дата не отмечалась. На мое замечание, что не повезло Лермонтову по сравнению с Пушкиным, экскурсовод заметил в свою очередь, что Лермонтову всегда не везло, и впервые натолкнул меня на мысль, что и в [19]14 году – 100-л[етия] со дня рожд[ения], как и в этом году, война помешала празднованию юбилея. После осмотра экспонатов музея и чтения книги записей впечатлений я написал довольно несвязную запись – знай, мол, наших, и я мужик-купец. После осмотра

музея пешком исколесил весь проспект и прилежащие к нему улицы. Зашел в библиотеку, где встретил преподавателя математики 10[-й] шк[олы] Днепропетровска и завпеда[26] [*нрзб*] Моисеевича, не раз беседовавшего со мной на лит[ературные] темы и направлявшего меня с литприветами к своему другу в каб[инет] молодого автора – пис[ателю] Альбертону[27]. Поздно вечером усталый и проголодавшийся вернулся домой – к тете Поле[28]. Ведь дома-то у меня нет!..

06.10.1941

Девять ч[асов]. Лежу в постели. Ночую у тети Поли. У бабушки[29] грязно, дымно, и она все кашляет и плюет на пол или на руки и вытирает об юбку или же об что-либо другое, попадающее на глаза. Утром рыл погреб до 12 ч[асов]. Люблю это занятие. Хотел так же, как дома, вырыть глубокую пещеру вглубь погреба, но устал и оставил на другой раз.

Вчера впервые посетил всеобуч[30]. Завтрак задержал [*одно слово нрзб*] я, не позавтракав, отправился на место сбора, захватив с собой [*нрзб*]. Боялся, чтоб не опоздать, и поспешил рысью. Но когда пришел – увидел, что еще не все собрались.

Занятия начались часов в девять. Дали нам четырех руководителей. Те разбили взвод на четыре отделения. Мы расположились на траве, и командир взвода, тоже из назначенных руководителей роты[31], стал знакомить с уставом дисциплинарным[32]. Бросается в глаза несдержанность руководителей и взаимное стремление порисоваться перед нами; неавторитетными приемами добиться авторитета у нас. Нач[альник] взвода более робкий и менее волевой, чем остальные командиры, но начитанный, культурный. Во время беседы каждый из командиров отделения попеременно его перебивал, то и дело вставляя замечания, добавления, поправки, т[ак] что мы даже не знали, кто из них старше. Так прошло много времени, в течение которого занятия перемежевались с «курением»-отдыхом. Наконец, в разгар занятий и взаимных высказываний наших начальников, явился инструктор – военрук[33] одной из школ. Он вновь разбил нас на отделения, назначил командиров в каждое, прочел небольшую наставительную речь и так же торжественно удалился, как и пришел. Командиром нашего первого отделения (девять человек – самых высоких во взводе) – добрый малый, бывший кавалерист во время гражданской войны, пожалуй, самый славный среди остальных командиров. Он и развитей и образованней и, пожалуй, и строже других. Низкорослый, с добрым выражением глаз.

Во время очередного «курения» мы набросились на капусту и опустошили кому-то весь огородик, засаженный капустой. [*Одно слово нрзб*] резали – проголодались.

Вечером был в кино вместе с одним парнем из Бессарабии – моим однолеткой и тезкой, попросившимся переночевать к тете Поле. Он работает трактористом в колхозе, и в кармане у него завелись деньги. Мы неплохо провели время. Впервые за последние два года я кушал столь крупную порцию мороженого. Кино «Златые горы»[34]. Среднее впечатление. Сегодня получилось письмо от т[ети] Бузи[35] из Ленинграда. Сразу написал открытку. Пусть хоть письмо мое облегчит немного ее положение[36].

07.10.1941

На рассвете пришла Галя[37] и сказала, что дядя Люся[38] просит мои... галоши! Новая наглая выходка. Он у меня просит галоши или новые сапоги. А я-то... я-то без галош быть должен или дома сидеть целый день? Отказал, конечно, ведь у меня еще сегодня были занятия по всеобучу. Узнал у Гали, что от мамы[39] получилось письмо, и что ей очень плохо живется. Бедная мама! А дядя Люся, этот «преданный брат», спокойно читает ее письма и нагло требует, чтоб я ее вызвал, чтоб я ей помог, хотя знает не только о моих денежных средствах, которых у меня нет, но и о моих возможностях, а их у меня тоже нет. Мерзавец! Ему так легко вызвать маму, так легко помочь ей, а он говорит, что не может этого сделать!..

На занятиях по всеобучу проходили винтовку. Все это (теория) давно мне известно и давно забыто мною. Командира нашего отделения не было, его перевели в другое место, и пока мы без командира. Ребята неплохие. Выделяется один парень, считающий себя сильнее всех (возможно, это так) и дерзко обращающийся с другими хлопцами. Один есть более старшего (1903 г.) – очень несчастный человек. У него плохая память, ему трудно маршировать и выполнять требуемые от нас движения, и он является предметом насмешек. Мне тоже иногда бывает смешно от него, но в большинстве случаев одна жалость к нему переполняет сознание. Сегодня он подошел ко мне во время перерыва и долго объяснял свое неумение маршировать, плохую память и проч[ее], как бы оправдываясь передо мной.

По радио по всему фронту идут бои[40]. Самая приятная сводка. Лишь бы пока не отступали и не отдавали города. Конечно, основное желание у меня, чтоб мой дорогой Днепропетровск вновь стал советским. Самое сильное мое желание. Ленинград почти окружен[41]. На его подступах ожесточенные бои. В Ленинграде тетя Бузя и Нюрочка[42]. Тетин Бузин муж – командир пулеметного взвода в народном ополчении[43]. Молодец! А все-таки боишься за его судьбу и, в первую оче-

редь, за судьбу дорогих тети Бузи и Нюрочки. О тете Ане[44] ничего не знаю. О дяде Сене[45] с семьей тоже – они в Орске[46], наверное.

Вечер, поздний вечер, 21 ч[ас]. Только что кончил выписывать из географии население зарубежных стран, враждебных и дружеских нам в этой войне с Германией, сравнивая их экономические и, в первую очередь, людские ресурсы. Наши силы – силы антигитлеровской коалиции велики и несокрушимы. Победа за нами. Я в этом уверен.

Но пока тяжело сознавать свое положение. Трудно примириться с мыслью, что мой город в руках немцев, что там мои книги и одежа и что, возможно, от всех вещей моих уже ничего не осталось. Трудно переживать мамино положение, а еще трудней определить, что сулит мне будущее, так жестоко и коварно разделанное Гитлером. Где мое место, там, на фронте? Или, может... Будущее покажет.

08.10.1941

Сегодня записался в местную библиотеку. Взял Мопассана и Клаузевица – обоих давно хотел прочесть. Мопассана, правда, читал рассказы, а Клаузевица – отдельные статьи в газетах. Теперь имею возможность ознакомиться с романом Мопассана и книгой Клаузевица «О войне»[47].

Целый день провел в квартире – больше читал и слушал радио.

Подвиги некоторых бойцов и отдельных частей вызывают гордость и изумление. Так, один боец, сделав из своей одежи чучело, заставил немцев несколько минут обстреливать его из пулеметов и минометов, а этим временем красноармеец изменил позицию.

Все передачи неизменно сопровождаются тети Полиными комментариями, которые часто раздражают и почти всегда не дают слушать. Сама тетя Поля очень добра ко мне и заботливо ко мне относится. Она вообще очень щедра (не со мной одним), за что я ей чрезмерно благодарен. Ее преданная заботливость надолго останется светлым местом 1941 года в моей памяти. Вечером пришел из колхоза папа[48]. Пришел уставший и с беспременно испорченным желудком. Он и сегодня не преминул пожурить меня, кажется, за то, что я слишком близко к его лицу придвинулся и облокотился на спинку стула.

09.10.1941

Утром опять занятия по всеобучу (с девяти до одиннадцати). У меня нерешительные движения, что обращает на себя внимание.

Наши войска оставили город Орел[49]. В ч[ас] дня передавали очерк о боях за этот город. Позже, в хлебной лавке, одна из покупательниц,

обратившись к продавцу, начала ей рассказывать, что она де слышала по радио, что Орел три раза переходил из рук в руки (я слышал – два р[аза]), и что Вязьму тоже занимали немцы[50], но их отбили. Я решил вмешаться и сказал, что это не так и что для того, чтобы что-либо сообщать, надо это тщательно проверить.

Вечером к Анечке[51] пришла подруга и сообщила очередную «новость» – Красная армия взяла Орел. Вот как распространяются слухи!

11.10.1941

Вчера призвали в армию дядю Исака[52]. Это было внезапно и неожиданно. Целый день провозились мы на огороде и вечером, придя домой, встретились с этой «новостью».

До поздней ночи провожали мы его. Пришли мы уставшие и измученные волнениями и суетой. Аня плакала немножко. Тетя Поля героически перенесла минуты расставания, не уронив ни одной слезы. И вот его уже нет. Одни воспоминания остались от вечно веселого и деятельного дяди Исака. Сегодня первый день без него. Тетя Поля только и говорит о голоде и холоде, с кот[орыми] придется встретиться дяде Исаку. Ей очень тяжело примириться с мыслью, что не придет больше с работы д[ядя] Исак, что не будет слышно больше его голоса. Я ее понимаю. Бедная т[етя] Поля! Она тешит себя мыслью, что д[ядя] Исак уехал не на фронт, а в обоз, но я знаю, что его, вероятнее всего, взяли на фронт, хотя не подаю вида, что знаю истину, горькую и тяжелую.

13.10.1941

Сегодня был теплый и ласковый день. Удивительны контрасты природы здесь, на Кавказе. Позавчера был снег и холод, а вчера и сегодня необычайно теплый и неощутимо нежный и соблазнительный день. Много часов провел в парке за чтением Мопассана. Пробовал писать стихи, но ничего не получилось. Кругом крутились люди, а такого укромного местечка, как, допустим, в парке Шевченко[53], здесь нет. Прозой писать не пытаюсь, т. к. для этого нужно много времени, а у меня почти все оно было заполнено чтением.

Вчера у меня произошли первые столкновения с соучениками по всеобучу. Во время строевых занятий я неправильно сделал движение, и это вызвало замечание некоторых хулиганов, которые в этот день могли вволю показать себя во всей душевной красоте, т. к. имели дело с одним, и притом слабохарактерным, командиром.

Началось с того, что после каждого небольшого движения он провозглашал столь любимое здесь «покурим» и объявлял перерыв, так

что мы в этот день значительно больше гуляли, чем занимались. Мы видели, что этот нач[альник] отделения (остальных не было) явно потворствует срывам дисциплины, и, больше того, желая сохранить свой авторитет, он поощряет всякую шалость (нередко граничащую с хулиганством) и проступки ребят, носящие открытую форму саботажа и срыва занятий. Этим он, конечно, еще больше подрывал свой авторитет, и некоторые отпетые сорванцы позволяли себе даже командовать им. Ругань, свист не только не пресекались, но наоборот: он сам (видимо, с той же целью поддержки своего пошатнувшегося авторитета) матерно ругался при всех. Замечания и дикие оскорбления, противодействия с моей стороны, и тогда во время занятий в меня стали лететь камушки. Это возобновлялось после каждого перерыва. Наконец, во время одного из «покурим», кое-кто полез в карман моего пальто с намерением достать оттуда бутылку с кефиром, кот[орую] захватил я, чтоб поесть здесь. Я перевесил пальто, и в результате часть молока перелилась, а часть я выпил, чтобы не было соблазна. В это же время у одного хлопца, родом из Запорожья и беженца оттуда, они забрали ножик (перочинный) и он, после долгих просьб отдать ему ножик, отчаявшись, наконец, расплакался. Всхлипывая, он говорил, что он не работает, что негде устроиться, что он здесь без матери и отца живет у тети, видимо, желая вызвать у них этим к себе снисхождение, но это, разумеется, еще больше восстановило против него хулиганов, и только после долгих просьб и угроз ком[андира] отделения удалось заставить их отдать нож. Итак, теперь жертвой забав этих несдержанных при случае ребят теперь сделался я. Ни просьбы прекратить шалости, ни угрозы с моей стороны ни к чему не привели и только больше разожгли их пыл. Особенно выделялись двое: среднего роста, бледноглазый и почти безбровый беловолосый парень и другой – маленький, с сильным голоском и нахальный изрядно. Целый день не давали они мне покоя, задевали и словом, и действием и измывались, как только могли. Сначала я отвечал им и даже решил избить этого маленького нахала, но, увидя, что перевес в силах и в инициативе на их стороне, отступил, отмалчивался на всякие козни с их стороны. Наконец, зашли в помещение. И тут они устроили мне еще одну пакость: незаметно вытащив у меня бутылку, они покрутили ее передо мной и на просьбы отдать ее не возвращали. Я решил, что это ничего не даст и, делая вид, что не обращаю внимания на все это, углубился в чтение. Трое из них уселись под стол, в том числе белобрысый. Через некоторое время они снова предлагают бутылку, она оказалась доверху наполненною мочой. После занятий они приготовились, видимо, меня бить, но мы разошлись дорогами, и у них ничего на этот раз не вышло.

15.10.1941

Сегодня опять холодно, дождливо. Ночь необычайно темная – ни зги не видно.

По радио ежедневно передают новости, одну неприятнее другой. Вчера немцы взяли Вязьму, позавчера – Брянск, а сегодня (о ужас!) Мариуполь[54]. До каких пор это может продолжаться? Чем окончится это новое наступление? Теперь под угрозой уже и Москва, и Донбасс, и Харьков. В опасности также и Ростов, и Крым, угроза стоит перед Кавказом. Сегодня новое, Калининское, направление. Что будет завтра? Какой еще город попадет в лапы гитлеровцев на разгром и разграбление? Невольно думаешь: где же англичане, где американцы? Или они тоже бессильны против Гитлера? Но факты отрицают это. Но цифры отрицают это. И все говорит о победе над немцами нашей коалиции, о полном разгроме фашистов СССР, Англией и США. «Но... когда?» – говорит не однажды тетя Поля. И я с ней согласен. Сколько людей погибнет, сколько территории пропадет прежде, чем будет оказана сколько-либо существенная помощь со стороны Англии и Америки нашей стране? По радио говорят, что английская авиация сражается на нашей территории, в газетах пишут, что Англия устроила неделю [*нрзб*], но этого мало и недостаточно. Вчера передавали о действиях партизан в окрестностях Днепропетровска от Советского информбюро[55]. Причем группа партизан проникла ночью в город и уничтожила связками гранат и бутылками с горючим много немецких солдат и офицеров, находящихся в общежитии Метал[лургического] института[56]. Того института, где я занимался, того общежития, которое я освобождал в начале войны от студентов-жильцов и в котором потом поселили раненых. Это уже не впервые передают о действиях партизан в городе и в области. Славно дерутся партизаны и, пожалуй, как ни в одной другой области страны.

На всеобуче нам сказали, что положение серьезное, и мы должны быть готовы в любой момент быть призванными на фронт. Занятия прошли спокойно, и ребята меня не трогали.

От тети Бузи вообще ничего нет. Ленинград крепко держится, и его войска контратакуют противника[57]. От мамы получил письмо – все настаивает, чтоб я учился.

16.10.1941

Тетина квартира превратилась в постоялый двор. Вчера сюда пришли два еврея и заявили (тети не было дома) мне, что привезли ей семечек, что хотят их ей подарить и пр[очее], пр[очее]. Наконец, после долгих посул[ов], они перешли к действительной цели своего визита – сообщили о своем хотении переночевать. Долго они сидели и сводили с ума своим разговором, мешали читать, писать или что-

либо делать. Пришла тетя Поля, и они прямо перешли к делу, даже не упомянув о семечках. Тетя Поля сама предложила купить у них семечки, они не отрицали, но и не выражали согласия. Наутро, хорошо выспавшись и покушав (т[етя] Поля сделала картошку и сварила чай), они собрались уходить. Я напомнил т[ете] Поле о семечках, и когда она вновь предложила купить их, купить, повторяю, хитрые евреи обещали принести целый мешок через два часа. Но, конечно, ни этих людей, ни семечек мы не видели. Сегодня еще двое. Опять евреи. Старики «мужска и женска пола». Опять пришли, когда тети Поли не было. В четыре часа. И, признаться, эти еще больше надоели, чем вчерашние. Особенно старик, кот[орый] с самого своего прихода, т. е. с четырех ч[асов] и до появления тети – восемь часов... пел! То ли молитвы, то ли другие еще «божественные песни». А старуха (что еще хуже, до ужаса хуже) вычесывала вшей. Тетя не умеет отказать, и они этой ночью будут ночевать. Сколько их уже у нее перебывало, сколько ночевало со дня моего приезда! Ума не приложить, где они берутся. А с ними и вши, нечисть постоянная и вонь в квартире.

21.10.1941

Папа уже совсем не бывает дома, все в колхозе, даже ночует там. Два дня подряд сопровождал Анечку на балет и на постановки в госпитали. Первое выступление прошло неплохо, но на втором, по ряду причин, они все – ребята, члены кружка – выступили плохо. Аня танцует превосходно, как настоящая балерина, но ее тонкая вытянутая фигура рядом с ее сотанцором – единственным мальчиком (ему лет 16) в балете, намного мастистее Ани, производит несколько отталкивающее по своему контрасту впечатление. Ее подруга – Рая – вовсе оскандалилась в первом выступлении, а во втором не участвовала.

Несколько дней собирался писать маме письмо, но сегодня, узнав, что она думает днями приехать, бросил его.

События развертываются ужасно быстро. Гитлер бросил свои полчища на Москву, на Донбасс, Ростов, Калинин, Тулу и другие города. Фашисты несут большие потери. Сотни танков, самолетов, орудий и тысячи людских жертв оплачивают это кровавое наступление немецко-фашистских мерзавцев. Мы тоже несем большие потери. Теперь, когда я уже привык ко всему, что связано с нынешней войной, мне вспоминается, как невероятно и неосуществимо казалось в начале войны падение Киева, Одессы, занятие далеко отстоящих от границы милого Днепропетровска, Днепродзержинска, Полтавы, Николаева, Брянска, Орла, Мариуполя, Мелитополя, Кривого Рога[58].

Я провожу параллели. Конечно, по сравнению с Францией, Бельгией, Голландией, Польшей – наши войска героически сражаются с немцами. Но если сравнить СССР с плохо вооруженным Китаем,

с героической Испанией и безоружной Абиссинией и Албанией[59], то становится немного странно и стыдно за свою страну. В такой срок такая страна да лишилась такой значительной территории. Правда, немцы хорошо вооружены не только своим, но и всеевропейским оружием. Они захватили все заводы Европы, ограбили народы и за счет всего этого снабдили свои войска. Фактически против нас ресурсы (военные и экономические) всей Европы, за исключением Англии. Поэтому, как бы в оправдание самому себе, я уговариваю и уверяю себя, что все страны западной части Европы если формально не участвуют в войне, то фактически способствуют своими ресурсами немецкому наступлению. Но тут же я вспоминаю виденное мною в пути при эвакуации из Дн[епропетро]вска и кажется, что мы сами вольно или невольно снабжаем немецкую армию. Я проклинаю себя, зачем не сжег, не изорвал в клочья восемь противогазов, кот[орые] наша семья не могла взять, зачем оставил немцам, не порвал, не выкинул все, что не успел захватить с собой? И тут я бросаю упрек государственным органам за плохую организацию эвакуации. За то, что они не приказывают взламывать замки беженцев и забирать все ценное, что там имеется, чтобы оно не досталось немцам[60], за то, что не уничтожается все до основания, как это было в 1812[61] при отступлении и при оставлении сел и городов нашими армиями.

22.10.1941

Сегодня четыре месяца войны. Но по радио об этом, так же как и о итогах ([боевых – *нрзб*], т. к. все другие [*нрзб*] хорошо известны каждому) войны за этот период – ни слова.

На западном направлении происходят грандиозные схватки, в результате которых наступление немцев, кажется, приостановлено. На южном – ничего не известно. Время покажет.

На всеобуче снова подвергся издевательствам хулиганов, которых побаивается руководитель – отделенный командир, и, всячески потакая, [*нрзб*] он даже ругается в угоду им. И, что особенно им на руку, бесконечно объявляет перерывы.

Когда они меня забрасывали (буквально так) камнями, он отвернулся, делая вид, что не замечает этого. А потом один, армянской национальности, поощряемый репликами и одобрениями других, нанес мне удар по лицу. Командир отд[еления] записал нас обоих с ним [*нрзб*] передать нас «на рассмотрение майору». Это меня немного успокаивает и радует несколько возможностью высказать ему все, что приходится мне претерпевать.

Был у д[яди] Люси. Принял меня холодно. Он не работает. Собирается ехать дальше. Вызвал маму телеграммой, но ответа еще не получил, и сама она тоже не приехала.

Сегодня я дежурил ночью с 12 до четырех утра и посему спешу прервать свои записи. Сейчас девять.

23.10.1941

[Евреи. Жалкие и несчастные, гордые и хитрые, мудрые и великие, мелочные и скупые, добрые и сердечные, смелые и пугливые – сколько качеств – *зачеркнуто*].

По улицам и в парке, в хлебной лавке и в очереди за керосином – всюду слышится шепот – тихий, ужасный, веселый, но ненавистный. Говорят о евреях. Говорят пока еще робко, оглядываясь по сторонам. Евреи – воры. Одна еврейка украла то-то и то-то. Евреи имеют деньги. У одной оказалось 50 тысяч, но она жаловалась на судьбу и говорила, что она гола и боса. У одного еврея еще больше денег, но он считает себя несчастным. Евреи не любят работать. Евреи не хотят служить в Красной армии. Евреи живут без прописки. Евреи сели им на голову. Словом, евреи – причина всех бедствий. Все это мне не раз приходится слышать – внешность и речь не выдают во мне еврея.

Я люблю русский язык. Люблю, пожалуй, больше, чем еврейский, т. к. почти не знаком с последним. Я не разбираюсь в нациях. Хороший человек всякой нации и расы мне всегда мил и приятен, а плохой – ненавистен. Но я замечаю: здесь, на Сев[ерном] Кавказе, антисемитизм – массовое явление. Отчасти в этом виновны и сами евреи, заслужившие в большинстве своем зависть у многих местных жителей.

Так, одна еврейка, например, в очереди заявила: «Как хорошо, что вас теперь бьют».

25.10.1941

Ее избили и после этого хотели отвести в милицию. Но она успела улизнуть. Таких действительно мало бить. Такие люди – евреи, еще большие антисемиты, нежели любой русский антисемит. Она глупа, но еще и длинноязыка. А евреи в большинстве своем любят поболтать. В этом смысле можно перефразировать известную русскую пословицу, и она так будет выглядеть: «Что у умного на уме, то у глупого на языке».

Но все-таки я не люблю этих казаков за немногим исключением. Украинцы меньшие антисемиты. Русские запада – Москвы, Ленинграда и пр[очих] городов – еще меньшие. Я не понимаю, как можно быть таким жестоким, бессердечным и безбоязненным, каким является сев[еро]кавказский казак. На всеобуче, например, открыто (во время перерыва), в присутствии командиров отделений ребята некоторые стали рассказывать, что во время бомбежки Мин[еральных] Вод евреи подняли крик, начали разбегаться, побросав вещи, а одна женщина-еврейка совсем подняла кверху руки, неистово и пронзи-

тельно крича, и бросилась бежать. Слушатели смеялись, и никто не попытался пресечь эту наглую антиеврейскую пропаганду. Мне было обидно за евреев. Гнев душил меня, но я не смел ни слова сказать, т. к. знал, что это еще больше обозлит всех против меня и вызовет взрыв новых издевательств надо мной.

Сегодня написал три письма. Маме, т[ете] Бузе и д[яде] Леве[62]. Днем был папа. Он стал еще невозможней. Когда он зашел, началась воздушная тревога. По радио надоедливо часто напоминали об этом слушателям. Я сказал, что у нас в Дн[епропетр]овске не повторялись так часто и что это действует на нервы. Тогда папа перебил: «Я спешу, столько дней не был, а ты мне о глупостях говоришь». Это меня обидело, а когда через пару минут и ему надоело, тогда он тоже сказал, что это неприятно действует на слух, я напомнил ему, что за такие же слова он меня ругал.

26.10.1941

Сегодня вместо учебы во всеобуче целый день работали в колхозе на уборке капусты. Вырывали руками. Соученики все (за исключением только одного) во главе с руководителями – мл[адшими] командирами (звание, присвоенное им у нас во всеобуче) – хулиганы, антисемиты и мерзавцы. Целый день мне приходилось выдерживать массу оскорблений, издевательств и грубых шуток. Во время очередных издевательств этой неотесанной своры я удалился подальше от них и, выбрав хорошее место, улегшись на траве, принялся читать роман Л. Фейхтвангера «Изгнание»[63], кот[орый] на всякий случай захватил с собой. Не знаю, долго ли я пробыл в этом новом месте, но они вдруг вспомнили обо мне, стали искать и, найдя, навалились на меня всей своей гурьбой. Когда я, наконец, вырвался и прибежал к «лагерю», они и там не оставляли меня в покое. Я решился. Быстрым шагом я направился по направлению домой. Когда месторасположение нашего отряда скрылось из виду, у меня мелькнула неожиданная мысль: пробраться по-пластунски снова к «лагерю» и как можно ближе. Так я и сделал. Долго лез я таким образом, натыкаясь на колючки, на давленые помидоры и проч[ее]. Наконец, когда я был уже совсем близко к цели, мне захотелось под прикрытием очень надежного кустика перекусить, дабы освободиться от пищи, которая мне не только мешала, но и привлекала к себе внимание некоторых сорванцов. Я поел кусок хлеба с мясом, и тут меня опять осенило. Я решил оставить кусок хлеба и, если придется туго, употребить его в ход, т. е. разделить по кусочку между ними. Сказано – сделано. И я пополз дальше. Только я подобрался к самим ребятам, как командиры решили с помощью колхозного деда пойти на кухню и там поесть. Все пошли по направлению ко мне, и я специально, желая обратить на себя внимание, быстро пополз в сторо-

ну, хорошо зная, что мне не уйти от их взоров. Они, конечно, увидели меня и, испуская дикие воинственные крики, бросились на меня, как псы. Я быстро поднялся и предложил им по кусочку хлеба. Это подействовало и дало неожиданные результаты. Они сразу утихомирились, и я, стараясь подкрепить эффект, рассказал о том, как меня искали две колхозницы и колхозник (в действительности, одна девочка, пасшая коров), заметившие меня во время ползания. Они, де, подумали, что я шпион. Ребята посмеялись и долгое время меня не трогали, и только за столом вновь разгорелись страсти, и в меня полетели камни и надоедливо-противные остроты. Так продолжалось все время работы после обеда. Завтра опять учеба. Хуже ада она для меня, и иногда во время «занятий» этих на меня находят такие минуты, что, кажется, бросился бы в огонь, на смерть, на все что угодно, только бы не это.

После занятий зашел к д[яде] Люсе на квартиру. Он уехал, не попрощавшись. И, что больше всего обидно, мама должна с ним встретиться в Минводах и даже не написала, чтоб я приехал туда повидаться. Из Минвод они думают ехать дальше.

Только что приехала т[етя] Поля. Она рассказывает об ужасах, связанных с бомбежкой Минвод[64] и Невинки[65]. Недаром даже здесь, в Ессентуках, начали объявлять тревоги. Я очень рад, что тетя вернулась благополучно. Ведь я ужасно переволновался.

29.10.1941

Занятия прошли сравнительно спокойно. Пару раз кто-то бросил в меня камнем и один раз попал по голове, но я сдержался, не ответил. Один мерзавец прозвал меня «Абрамом», не знаю за что (я с ним ничего не имел). Но я и на это не обратил внимания или, вернее, сделал вид, что не обратил внимание, т. к. всякий раз, когда я слышу антисемитские выходки не только по отношению к себе, но и к другим, душа моя наполняется безудержным гневом, возмущением и обидой. Нас очень удачно для меня разделили на две половины по десять чел[овек] в каждой, и в мою половину попали почти все тихие или просто порядочные парни, которые за все время занятий не трогали меня.

Сегодня от мамы получилась открытка. Она поздно пришла.

Дядя Люся уехал в Минводы, не сказав, что, наконец, списался с мамой и решил с ней ехать дальше в тыл. Когда я узнал о его отъезде от хозяйки квартиры, в кот[орой] он до этого жил, это меня ошеломило своей неожиданностью. Ведь только накануне, за день до отъезда, я был у него. Он сказал только, что готовится уезжать, но еще не получил телеграмму об отъезде в Минводы мамы и т[ети] Евы[66]. Дядя Люся поступил как мерзавец и нахал. Мама тоже очень нехорошо поступила. Быть так близко и не захотеть повидаться со мной! Не могу найти причины ее действиям.

Еще о многом хочется сказать, но поздно, и хочется спать, мысли плохо работают, и слипаются глаза. Может, завтра выберу лучшее для этого время?

30.10.1941

Шесть ч[асов] утра. Точно взрыв бомбы поразило меня сегодняшнее сообщение Советского информбюро о сдаче противнику Харькова[67]. С меньшим сожалением и печалью, быть может, выслушал я сообщение о сдаче всего Донбасса. Но Харьков. Впрочем, я не знаю, не занят ли он уже немцами, Донбасс[68]. Теперешние сводки так запутанны и так несвоевременны, что трудно разобраться в действительных фактах и событиях как на фронте, так и в тылу. Но я верю. Я продолжаю слепо доверяться всем сообщениям правительства и центральных газет, хотя каждая новая подобная потеря заставляет меня [все] более разочаровываться и все менее доверять отдельным сообщениям.

Так, взятие Одессы или, как сообщалось, «оставление ее нашими войсками по стратегическим соображениям» почти не вызвало недовольства и неверия в добровольно-вынужденную сдачу этого города. Но Харьков. Нет, теперь я не верю, что он добровольно, что он по стратегическим соображениям оставлен фашистам[69]. Такой крупный город, наводненный машиностроительной, военной и всякого рода другой промышленностью, имеющей величайшее значение для страны, особенно теперь, в военное время. Ужас охватывает меня. Что будет дальше? Харьков стоил нескольких миллионов немецких жизней. А отдан так дешево – 120 тыс. чел[овек][70] – это пустяк по сравнению с Харьковом.

Падение Киева[71] безболезненнее было воспринято мною. Это падение было подготовлено многодневными и ожесточенными боями под городом и неоднократным занятием его окраин неприятелем. Но Харьков. Его падение можно только сравнить разве [что] с Днепропетровским падением, как по значению, так и по своей внезапности. Впрочем, о Днепропетровске и области сегодня весточка. Опять действия партизан[72]. Мне кажется, что партизаны здесь более решительно действуют, чем действовали регулярные войска, и будь они немного лучше вооружены и имей они большие силы и более опытных руководителей, тогда б они горы переворачивали, не то что фашистов.

Семь часов с минутами.

Радуют меня еще действия сербских партизан, истерзанной фашистами Югославии[73]. В течение периода они уничтожили св[ыше] 10 тыс. немецких и итальянских фашистов. Но все-таки существование советского Харькова радовало меня еще больше, вселяло в меня уверенность в победе, бодрость духа и поддержку моральную.

31.10.1941

Сегодня у меня большой и радостный и печальный день. Радостный потому, что я увидел впервые за два месяца маму[74]. Печальный потому, что мне пришлось вновь сегодня с ней расстаться.

Было так. После занятий, которые, кстати, прошли для меня сегодня благополучно, зашел на квартиру, где жили Шипельские – днепропетровские соседи т[ети] Евы. Они, оказывается, тоже выехали. И с настроением безнадежности я возвращался домой. Что теперь делать? Куда теперь обращаться? Какая мама, однако, нехорошая! Даже не сообщить, даже не вызвать меня к себе в Минводы, откуда они с дядей Люсей уехали в направлении Баку! Все дядя Люся виноват. Это он наговорил ей на меня и заставил маму уехать, не повидавшись и не попрощавшись со мной. Почему я не зашел к нему утром перед занятиями? Ведь я знал дядю Люсю, ведь ожидал такого исхода дела. Нет, это я сам виноват. Почему не интересовался живей ходом подготовки д[яди] Люси к отъезду? Почему не засыпал, особенно в последнее время, маму письмами?

С этими мыслями я приближался к тете Полиной квартире, где сейчас временно живу. Открыв коридорную дверь, я почувствовал, что в комнате кто-то есть, и услышал чей-то знакомый, родной и привычный голос. Кто бы это мог быть? – мелькнула у меня догадка. Неужели «она»? Неужели это... Быстро открываю комнатную дверь. Так и есть – мама. Слезы. Как не люблю я подобную сентиментальность. Слезы. Как тяжело действуют они на мое сердце, терзают его и жгут. Слезы матери, что может быть хуже этого?

Я не умею плакать. Кажется, никакое горе, никакая печаль не заставит меня проронить ни одной слезы. И тем тяжелее видеть, как плачет объятый горем родной из родных человек. Я прижал ее, бедную маму, к своему сердцу и долго утешал, пока она не перестала плакать. Это были слезы радости, слезы горя, слезы тоски о прошлом и отчаяния перед будущим. Но вот миновали первые минуты этой незабвенной встречи с мамой, и наш разговор [принял] обыденную форму. К маме вновь вернулось прежнее состояние, в котором она пребывала до моего появления. Говорили о дяде Люсе. Я сказал, что он ужасно некрасиво поступил, не сообщив маме и не известив меня о своем отъезде из Ессентуков. Еще хуже, что он не пожелал помочь маме в ее беде. Не хотел вызвать ее в Ессентуки, облегчить ей положение. Мама оправдывала дядю Люсю. И даже пыталась обвинить меня в бестактном к нему отношении: у меня нет родственного чувства. В такой момент я отказал д[яде] Люсе в галошах. А он был болен. Неужели нельзя было два часа пересидеть дома? Тетя Поля тоже присутствовала при этом, но не вмешивалась, т. к. не хотела неприятностей.

Я объяснил, что в тот момент, когда д[ядя] Люся попросил у меня галоши, я был на всеобуче, а бросить занятия для [*нрзб*] я не мог.

«Ты лодырь, ты не хотел даже бабушке достать хлеба. Ты целыми днями книги читаешь, радио слушаешь. Почему ты не поступил на работу? Ты сел на тетину шею и решил, что так и нужно». – Я отвечал, рассказывал, объяснял, но она перебивала, не давала говорить и заставляла говорить громче обычного. – «Чего ты кричишь?» – не своим голосом прервала вдруг меня мама, и лицо ее исказилось, приняло зверское выражение. Передо мной была та, прежняя, мать, прежние картины и картинки нашей совместной жизни. И меня бросило в жар при воспоминании об этом. Лицо матери стало чужим и неприятным, каким оно было в минуты наших ссор, когда ею пускались в ход и против меня и стулья, и кочерга, и молоток и все, что попадалось под руки.

«Я отвык от такого обращения. Вот уже два месяца я прожил в спокойной обстановке и не хочу возвращаться к старым ссорам и бесчинствам твоим. Лучше на фронт добровольцем поеду, чем снова стану так с тобой жить». – «Ну что ж, ты не хочешь, так не нужно. Значит, все потеряно для меня в тебе, и я тебя вычеркну, совершенно забуду о твоем существовании», – и голос стал прежним, обыденным.

Вскоре, однако, разговор переменился и стал снова сердечным и приятным. Тетя предложила маме покушать, но она, несмотря на то что проголодалась, отказалась от еды и только выпила стакан чаю.

Я предложил проводить маму до Минвод. Тетя Поля приготовила хлеба с повидлом, дала денег на дорогу и билет, распрощалась с мамой.

По дороге мы много говорили, делились впечатлениями, мнениями, переживаниями, перспективами на будущее. Прежняя натянутость разговора исчезла.

Я спросил маму, как она встретилась с бабушкой и как та ее приняла. Как она попала к тете Поле и пр.

Бабушка произвела на нее гнетущее впечатление: состарилась, похудела и стала еще неряшливей, чем когда-либо была. Но приняла она ее хорошо и охотно поддерживала с ней разговор. Даже успела нажаловаться на меня, что я ей не всегда достаю белый хлеб и что я лентяй. Тетя Поля встретилась с ней по-родственному, и они вместе наплакались изрядно.

Я напомнил маме содержание ее писем, в которых она снова придиралась к папе и называла его нехорошими словами. Она знала, что придется еще сюда приехать, увидеться с родными. Зачем же она позволяла себе эти явно враждебные и задирчивые письма?

«Я от своих слов не отказываюсь, – отвечала мама. – Твой отец – противный и мелочный, а его родные – хорошие люди, и я к ним ничего не имею».

Тут мне вспомнились брань и насмешки, которыми она наделяла бабушку, тетю Полю и Нюру еще в Днепропетровске. Но я ничего не сказал. Вскоре мы приехали в Минводы. О дальнейших впечатлениях в другой раз.

02.11.1941

Утро провел с тетей Полей на толкучке[75]. Тайком от нее купил журнал «30 дней»[76] за 50 к[опеек]. Люди продают все. Мало людей найдется на земле, умеющих поступить так, как мы, – все оставить и ничего даже не продать.

Днем был в бане. Впервые за [*нрзб*] месяца. Все остальное время провел в очереди за хлебом. Бабушке я достал свежего хлеба за 4 р[убля] 10 к[опеек] кило. Она была в восторге и даже предложила мне немного сметаны. На прощанье она сказала: «Если тебя заберут, я буду очень за тобой скучать».

03.11.1941

Сегодня хочу продолжить воспоминания о встрече с мамой и о расставании с ней.

В Минводах было спокойно, и давно исчезли следы недавней бомбардировки. Только маскировка привокзальных зданий в защитную окраску говорила о постоянном ожидании новых вражеских налетов и о тревоге, связанной с этим. В привокзальном саду было много людей. Беженцы. Они были грязные, измученные и напомнили мне мое «путешествие», когда я вместе с мамой эвакуировался из Днепропетровска.

Тетю Еву с семьей мы нашли сразу. Она слегка похудела, но приобрела более здоровый вид лица, закаленный работой. Дядя Толя[77] не изменился, а Санька[78] не только не похудел, но и не потерял своего прежнего ехидно-глупого выражения. Я уверен на 99 %, что это он выкинул из моего портфеля половину содержимого – статей и рецензий о литературе, писателях и их произведениях. Тогда же пропала моя статья о Маяковском, помещенная, если не ошибаюсь, в [19]39 г. в газете «Щастліва зміна»[79], анонимка, посланная двумя девчонками нашего 8 кл[асса] на имя «Гельфанда-сына» и пр.

Тетя Ева, когда меня увидела – расплакалась, и мама тоже, не отказывая ей в поддержке.

Вскоре, однако, они погрузились на открытую платформу, груженную углем, поезда, направляющегося на Махачкалу. Я помог им погрузиться.

05.11.1941

Позавчера взялся на учет в горкоме ВЛКСМ[80]. По моей просьбе прикреплен к первичной организации шк[олы] им. Кирова, где учит-

ся Аня. Вся организация выехала на рытье окопов. Осталась только одна девушка, на которую и возложена роль временного секретаря комитета. В горкоме комсомола мне предложили работу, я с радостью согласился. И вот на сегодняшний день я уже работник ремонтно-восстановительной колонны связи 4-го линейного участка[81]. Начальник 4-го участка очень толковый и сердечный человек. В первый день моего посещения он обстоятельно осветил передо мной и еще двумя стариками условия работы. Работа эта серьезная, но многим выгодная. На всех работников накладывается броня, и ни в армию, ни на трудовой фронт они не привлекаются.

Ставка пока 160 с чем-то рублей. Со временем – 201, а наиболее опытные работники получают 250–260 рублей. Карточку тоже получу туда попозже на 600 гр[амм] хлеба. Но находиться я буду на казарменном положении. Все время начеку. В любое время дня и ночи могу быть поднят на ноги и направлен в любое место вверенного района – Пятигорск, Кисловодск, Минводы, Ессентуки и др. Лазить надо по столбам и пр.

Обмундирования пока не выдают, и неизвестно, выдадут ли. Так что работать надо в своей одежде.

Ну а пока хочу спать. Не выдерживаю. 9 часов 30 минут.

06.11.1941

Позавчера был еще раз у моего начальника. Сдал ему паспорт, написал заявление о зачислении меня на работу и договорился на вчера позвонить ему по телефону и узнать о времени и дне выхода на службу. Уходя, забыл там галоши. Вчера решил не звонить, а зайти самому.

Утром, перед всеобучем, задумал побродить по базару, поискать теплый тулупчик для работы. По пути встретился с папой, и он сообщил, что есть два тулупа. Один у него, другой – у тети Поли. Это намного облегчило мой «служебный вопрос».

Звал его тоже поступить на эту работу, но он отказался. Мне же он посоветовал поступить на эту службу, напомнив только, что ведь мама просила меня выехать отсюда в Дербент[82] поскорей.

На всеобуче было шумно и дымно, но меня не трогали. Проходили, кажется, гранату, но ни я, ни любой другой присутствующий на занятиях, за исключением, может быть, самого ком[андира] отделения, ничего не слышал. После занятий я сказал ему, что работаю и что в связи с этим, вероятно, не смогу посещать всеобуч. Он посоветовал поговорить с Казимировым, старшим лейтенантом, ведающим этим делом. Был у него во время перерыва и успел углядеть обрывок картины, которая пускалась для развлечения сотрудников клуба медсантруда[83]. Взял серый хлеб в военной лавке. Вот уже несколько дней в городе не видно такого хлеба. Есть только черный в 90 к[опеек] и

белый в 4 [рубля]10 коп[еек]. И тот, и другой одинаково невыгоден. Первый из-за плохой выпечки и постоянной черствости, второй из-за стоимости. Лавочнику сказал, что забыл дома военную книжку[84], и он отпустил хлеб, сказав, что видел меня не однажды и только поэтому верит мне.

Казимиров напугал меня законом и сказал, что от всеобуча меня не освободит. Разочарованный пришел я домой.

Вечером принес почтальон московскую «Правду» за 28/X и 29/X. С 14 числа «Правда» не получалась. В это же время пришла Аня и принесла повестку на окопы. Тут я уже совсем потерял надежду на службу и предался мечтам о преимуществах окопов, о девушках, которых сейчас там несчетное число. Может, и любовь, и увлечение, и совместная работа с какой-нибудь умной и остроглазой красавицей ожидает меня.

Аня обрадовалась и заявила, что [когда я уйду] на окопы, она будет спать с Раей в комнате. Сейчас она ночует у бабушки. И вот, с повесткой в руках и с разочарованием в душе, я отправился к своему начальнику. Он меня выслушал, и на его лице я не заметил уверенности. Но мои мысли приняли обратное направление. Началось с того, когда начальник сказал, что ни на какой трудовой фронт я не пойду, и тут же написал справку для горсовета, с которой я должен был пойти туда и требовать освобождения. Насчет всеобуча он поговорит с комиссаром военкомата, и все будет улажено.

Сегодня рано утром встал и первым делом направился хлопотать насчет освобождения от ночных дежурств и трудового фронта. Долго никого не было – ни зам[естителя] пред[седателя] горсовета, ни начальника штаба МПВО[85]. Вскоре туда пришел по своим делам и сам мой начальник. Он тоже не застал нужных ему людей и, сказав мне, чтобы я подождал и, добившись своего, пришел к нему, уехал в Пятигорск.

Сегодня впервые за свою жизнь мне довелось лезть на столб на «когтях»[86]. Упражнение пока неплохо получается, но «когти» слишком свободны и спадают. Боюсь провода.

Сегодня буду ночевать здесь, в общежитии.

Ночью топили печку, я принес воды. Со мной еще один человек пожилых лет, опытный и уже старый работник. Мы на казарменном положении. Он попил чай с медом, я – водички.

Подушка жесткая. Я набил ее колючками, которые огромной кучей сейчас навалены здесь во дворе. Сверху прикрою ее одеялом. Укроюсь одеялом, которое с собой принес, и спешу спать. Вдруг позовут ночью, и я не успею выспаться? Аня сегодня в восторге. Наконец-то сможет она одна с Раей поспать ночь и провести время в квартире.

Я взял с собой оставшийся кусок хлеба. Аня будет недовольна. Ну и пусть. Она ведь съела хлеб, который я себе дома приготовил.

07.11.1941

Октябрьская площадь, 39. Здесь мое помещение. Только что вернулся сюда из города после двухчасового отпуска на обед.

Да, мой друг (я давно тебя так не называл), да, мой дневник!.. Кончилась праздная жизнь. Теперь я рабочий, настоящий рабочий и нахожусь на казарменном положении. «Не мала баба клопоту, купила порося»[87]. Так и у меня. Вместо воинской службы выбрал непосильную, на мой взгляд, работу. Решился, но теперь повернуть не могу назад. Не такой я человек, – говорится в одной веселой песенке из кинофильма. Да, да, да, да, – не такой я человек. Испугался слез матери, поддался ее просьбам и решил уйти от воинской службы. Что броня? Не лучше ли веселая окопная жизнь на благо Родине моей? Жаркая воинская служба, сопряженная с опасностью, наполненная кровавыми боевыми эпизодами. Нет, одинокое затворничество в подчинении нескольких начальников, зубрежка неинтересного и нудного процесса работы и вместе с тем необходимость этой зубрежки, бросают меня в ужас перед непосильностью и трудностью работы, и куда хуже самой опасной схватки с врагом. Там ты знаешь, что можешь быть в первых рядах даже ценой жизни, а здесь тебе заранее обеспечено последнее место и самый низкий заработок, какие бы усилия ты ни прикладывал для его [*несколько слов нрзб*]. В общежитии спят два рабочих, опытных и имеющих стаж на этой работе. Оба они пожилых лет, и с одним из них я уже вчера ночевал. Из всех рабочих я один, наверное, ничего не смыслю по долгу службы, и каждый рабочий будет с удовольствием командовать мною и задвигать меня на задний план. Один начальник, видимо, сильно хочет, чтобы я скорее ознакомился с работой, и усиленно нажимает на меня, журит часто и говорит, чтоб я ухватился обеими руками за него. Ему, видно, очень нужны рабочие, если он не побрезговал даже таким [*нрзб*], как я. И теперь он обеими руками ухватился за меня, чтоб сделать толк. И действительно, что за память, бестолковый и робкий ум вселился в мою бедную голову и не дает мне быстро усваивать, хорошо запоминать и бойко применять на практике возложенное на меня задание. Трудно мне дается наука. Что-то тяжелое, неумолимое окутало мой разум, опутало сердце и душу, сковало беспросветным туманом. А чувствуется, что в глубине во мне где-то скрыт богатырский размах, неиссякаемый источник энергии, сильный ум и безудержные удаль и смелость. И все это где-то [*несколько слов нрзб*].

[*Несколько строк нрзб*] Сегодня большой праздник – день годовщины Окт[ябрьской] рев[олюции]. По радио даже выступал Сталин, и сегодня, будучи в городе, я слышал отрывки его речи, записанной на пленку[88]. Но на меня это не произвело [*одно слово нрзб*], и для меня это был обычный рабочий день, кроме того, проведенный на столбе, на [*одно слово нрзб*] и в комнате за учебой теории и практики моей будущей неувлекательной работы. И за [каких-то] 166 рублей и продукты питания. Храп [*далее одно предложение нрзб*].

Я кончаю на сейчас. Прощай же, дневник, статься настало [*далее нрзб*].

09.11.1941

Сегодня целый день были в дороге. Ездили в Кисловодск. [*далее нрзб*]

[..].11.1941 [Возможно, продолжение предыдущей записи от 09.11.1941.]

[...] столбами. Дорога крутая, почти везде по склонам проходит.

Туда ехал с одним бессарабским евреем 17 лет от роду, работающим здесь временно конюхом. Перед отъездом заправляли лошадей, и, когда я, не зная, как их заправлять, остался стоять без дела, начальник сказал: «С одним евреем еще можно работать, но с двумя – никак. С одним, вероятно, придется расстаться». И это сказал внешне порядочный и культурный человек. И не первый раз я от него, между прочим, слышу антисемитские высказывания.

Так, на днях, когда надо было напоить лошадь и конюх этого не сделал вовремя, он сказал, обращаясь ко мне, видимо, не предполагая тогда еще во мне еврея: «У них, наверное, в натуре заложена лень, у этих евреев». В другой раз: «Торговать вы умеете, а работать – нет».

1942 год

29.01.1942

Минводы. Сегодня целый день нахожусь здесь во 2-м участке связи. Жду. Чего жду, кого жду и, главное, для чего жду – не знаю.

Вчера позвонили – вызвали в Марьины Колодцы[1] двух человек на гололед. Вызвали [*одно слово нрзб*], но только они доехали, гололедом порвало в нескольких местах провод. Вызвали и помощника начальника. Вечером приехал Иван Данилович – его отправили из-за отсутствия у него обуви. После отъезда помощника, начальника и рабочих я остался свободен от работы, и это дало возможность мне закончить книгу Анри Барбюса[2] под названием «Эмиль Золя»[3]. Очень художественное и образное описание жизни великого писателя-натуралиста не менее великим писателем-революционером. Его жизнь как писателя, как общественного деятеля, как вождя натуралистов. Его личная, интимная сторона жизни. Он сам простой и скромный, нежный, застенчивый, пылкий, робкий как ребенок, в себе, т. е. наедине с собой, теряющийся от большого присутствия людей, но гордый, смелый, неутомимый в борьбе, в полемике, величественный и великий в своих произведениях. Его друзья, отход их от него и причины этого отхода. Дело Дрейфуса, вп[ервые] заставившего Золя [*одно слово нрзб*] писателя и публично, без посредства пера высказаться на весь мир[4].

Сейчас закончил книгу С. Мокульского «Расин»[5], которую начал еще в электричке по пути сюда. Эта книга представляет собой простое жизнеописание французского классического писателя и анализ творчества его.

Сколько мог, наблюдал жизнь рабочих этого участка, которых, вместе с присланными сюда мобилизованными из военкомата, насчитывается более семидесяти. Что они делают? Сидят, развлекаются и почти не работают. Как обеспечены спецодеждой? Превосходно. Валенки, брюки ватные, тулупы, перчатки, куртки ватные и пр[очее] и пр[очее]. А у нас – ничего. Рваные старые брюки и такая же истрепанная куртка – вот и вся моя спецовка.

В столовой был сегодня на обед борщ с мясом, картошка и на второе каша перловая. Я съел две порции каши, и она показалась мне донельзя сытной и вкусной. Утром блины. И на ужин тоже блины. Так здесь обеспечены питанием[6].

Наблюдал я и самих рабочих, и обоих начальников – в отдельности каждого, и общий контраст поразителен[7].

03.05.1942

Кончились первомайские дни. Кончился выходной день, а я все тут, в Ессентуках.

Вчера получил письмо от Оли из Магнитогорска. Она работает браковщицей на заводе. С ней в том же городе живут Ира Радченко и Майя Белокопытова. Они учатся в мет[аллургическом] институте, и последняя из них записалась добровольно в армию медсестрой. С Бусей она переписывается, а Лены Мячиной адрес прислала мне. Я обрадовался письму, сразу ответил Оле и написал Лене открытку. Теперь дожидаюсь нетерпеливо ответа.

От мамы, как назло, не получаются письма. А сколько я написал ей!.. Счету нет. В другие места: тете Ане, дяде Исаку и прочим тоже писал много писем, но молчание жестокое явилось ответом на труды мои. Это наводит меня на мысль, что письма мои и ко мне письма перехватывает кто-то. Сегодня не писал писем – надоело.

Вечером вчера посмотрел кинофильм «Маскарад»[8] по одноименной пьесе Лермонтова. Мне стыдно признаться кому-нибудь, но я эту пьесу всю не читал, в то время когда прочел массу малоизвестных и нередко неинтересных книг. Фильм произвел потрясающее впечатление. Женщины и девушки многие плакали.

04.05.1942

Сегодня приехал с фронта дядя Исак. Он похудел здорово. Много рассказывает о своей жизни в армии, но ничего о фронте – он не видел даже убитых, так как на перед[овые] позиции и не допускали, и перевозили они раненых только. Ради его приезда мы с Нюрой отменили посещение театра, в который давно собирались.

Писем нет ни от кого. За что меня так наказывает судьба? Сейчас ночую у бабушки, лежу в постели с папой вместе.

21 час. Пора на покой, сон.

06.05.1942

Сегодня произошло решающее событие в моей жизни. Меня призвали в армию. Кадровым красноармейцем. Я был совершенно не подготовлен, а призвали внезапно, в девять часов утра, на десять явиться с вещами в военкомат. Пришел в 11, но это оказалось тоже слишком рано. Целый день длилась канитель с призывом. Я за это время успел сняться с учета в горкоме ВЛКСМ и выписаться из библиотек – городской и курортной.

Расстался со всеми очень тепло, и они наложили мне полно провизии на дорогу. Папка больше всех огорчился моим призывом, но хотел, чтоб я много вещей с собой не брал. Он прав. Тетя Бузя даже расплакалась при расставании – нервы у нее сильно расшатаны. Аня

была как всегда весела, только улыбка ее приобрела в этот день слегка грустноватый оттенок. Нюра тоже была, как всегда бывает. Бабушка говорила, что она меня больше всех любит и что очень страдала, что [*конец страницы оторван*]...

07.05.1942

В поезде. Еду в армию из Ессентуков в Майкоп. Ручка сломалась у меня, приходится пользоваться карандашом.

Что у меня на душе сейчас? Какие ощущения я переживаю? Скажу прямо – нет уже той грусти и отчаянья, охвативших меня в первый день (т. е. вчера) призыва, когда узнал, что не еду в военную школу. А мне так хотелось получить побольше знаний военных, чтобы во всеоружии встретить фашистских вандалов гитлеризма. Но время впереди, и еще ничего для меня не потеряно.

Сегодня отправил письмо в Ессентуки – открытку с портретом Д. Дидро[9]. В Армавире прогулялся по главным улицам и на базаре. Сало – 150 р[ублей] килограмм, но я не купил.

В нашей команде, оказывается, все беспартийные, за исключением меня. Это хорошо – буду проситься политруком.

Все зеленеет, все цветет на широких просторах земли советской. Хочется жить, работать и наслаждаться природой, и потому еще сильнее проникаешься ненавистью к гитлеровской шайке разбойников. Месть, священную месть и ненависть везу я в своем сердце.

08.05.1942

Майкоп.

Лагеря. Красивая картинка природы. Я сижу на крыше землянки, отведенной под карантин для вновь прибывших мобилизованных бойцов. В нескольких шагах от меня крутой обрыв. У подножья обрыва неширокий низменный бережок многоводной и бурной реки, стекающей откуда-то с гор. Горы снежные, высокие раскинулись где-то очень далеко. Утром на горизонте вырисовываются их очертания, солнце блестит на их задумчивых куполах – они манят своей отдаленной прелестью. Выступают они над землей сразу, как бесподобные голубоглазые красавицы, захотевшие вдруг понравиться. Их не скрывают ни стелящиеся змейкой по земле пугливые холмики, ни сердитые карликовые горки и холмы, так часто встречающиеся на Кавказе[10].

11.05.1942

Целый день не занимались: в баню ходили, уколы делали.

Отправил за пределами лагеря все четыре письма: к маме, в Ессентуки, Оле и т[ете] Ане.

После бани замполитрука прочитал очередную сенсационную новость из газеты: немцы применяют газы на крымском участке фронта[11]. Сейчас, спустя пару часов после этого, красноармейцы обсуждают совместно с политруком последствия, могущие истекать отсюда. Политрук уверяет, что не надо теряться и что мы, а также союзники наши, обладаем намного бóльшими силами, нежели гитлеровцы.

Уколов я не делал – как я буду заниматься, маршировать, когда они (уколы) так болезненно на мне отражаются.

Старшина сзывает чего-то наших бойцов, как бы ни на уколы. Нет, не на уколы. Меня не трогали! Ушел за полотно жел[езной] дороги.

Женщины разыскивают своих мужей. Одна нашла. Какая радость на ее лице! Только меня никто не разыщет и никто не придет ко мне. Хоть бы скорей на фронт послали. Хочется поскорей вернуться домой, живым или мертвым, но скорее. А умирать не хочется и не верится в подобное несчастье. Верю в свою судьбу, хотя она не раз меня подводила. Хочу быть впереди в предстоящих боях, но иногда в мою душу закрадывается тень сомнения, и становится страшновато немного за себя: а не струшу ли? Не испугаюсь? Нет. Тысячу раз – нет, говорю я себе. Хоть бы скорее в бой!

12.05.1942

Сегодня вторично за мое пребывание в лагерях ясно вырисовываются на горизонте снежные горы кавказские. Они далеко-далеко отсюда, еще дальше, нежели Эльбрус от Ессентуков.

Тетя Поля, папа и все остальные члены семьи снабдили меня хлебом – несколько буханок, салом, повидлом, сахаром, сухарями, пышками и пр[очее] и пр[очее]. Все это пришлось ликвидировать в несколько приемов, ибо здесь не разрешают хранить продукты, чтоб они не портились.

Двумя часами позже. Тренировались в посадке на платформу вагонов. Сейчас подготовка к присяге. Командир вызывает людей с противотанк[ового] взвода, и каждый зачитывает текст присяги. Командир разрешил нам почиститься, побриться и привести себя... Помкомроты приказал заниматься, а после обеда будем давать присягу. На днях (позавчера, кажется) меня вызвал военный комиссар роты и спросил, могу ли я писать. Я ответил, что пишу стихи и увлекаюсь литературой. «Надо его в редколлегию выбрать», – сказал он присутствовавшему тут же командиру. «А немецкий язык знаете?» – спросил он затем. Я ответил, что понимаю, могу писать, но [*нрзб*] могу переводить, а также небыстрый разговор. – «А мы заставим его говорить медленно, и у нас есть переводчик-словарь. Так, значит, сможете?» Сейчас я решил поднажать на немецкий язык, дабы слова мои оказались не голословными.

Перед обедом командир нашего взвода дал мне задание переписать начисто список красноармейцев взвода. Сейчас ожидаю обеда возле столовой[12].

19.05.1942

[*Нрзб*] раскинулись у нежной [*одно слово нрзб*] на груди, и так приятно улыбались нам кивками и ласковыми взглядами девушек, тоскливым приветствием старушек стареньких и шаловливыми возгласами ребятишек, завидовавших нам и желавших, вероятно, обязательно быть такими большими, как мы, и сильными такими же (как трогателен [*одно слово нрзб*] подражание взрослому, старенький дедушка вышел навстречу поезду, помахал нам шапкой своей и своеобразным движением рук пожелал нам возвратиться скорее домой. Шумные реки горные бушевали сильнее обычного и хотели выскочить из берегов своих навстречу нам, защитникам [*одно слово нрзб*].

[*Нрзб*]ром едем в [*нрзб*] только на станции Бо[*нрзб*]йской. Да еще в Майкоп [*нрзб*] написано на вагонах мелом [*нрзб*], куда мы направляемся [*нрзб*], постирали. Все мы стремились попасть в [*нрзб*], в Туапсе [*нрзб*], на Украине сражаться с немцами [*нрзб*], исполнять мое желание [*нрзб*]сильно качает – трудно писать.

20.05.1942

Получилось совсем не так, как хотелось мне. Сегодня мы в Новороссийске [*нрзб*], опять нас загнали в [*нрзб*] лагеря, но ненадолго, видимо, [*нрзб*] расположились мы не в помещениях, не в землянках, и даже не в [*нрзб*]тах, а просто на дворе. Сколько мы здесь пробудем и куда поедем, нам, правда, не говорят, но нетрудно догадаться насчет д[*нрзб*][13].

21.05.1942

[*Нрзб*] это было первое крупное мое испытание за всю службу в рядах РККА. Правда, оно (испытание это) было куда легче переносимо мною, чем, например, обивка гололеда, рытье мерзлых 1,5–2-м[етровых] рвов в снежную метельную погоду. Это испытание было, безусловно, легче, чем рубка дров по колено и выше в снегу, в стареньких ботиночках или в коротеньких туфельках.

Однако одно обстоятельство намного облегчало условия работы и испытания с ней связанные – теплая квартира, постель, где можно отогреться и отдохнуть.

Вечером нашли квартиры. Каждый взвод себе. Меня перевели в минометный взвод. Я сам попросился, а во взводе ПТР[14] было много лишних людей (и я в том числе).

В мин[ометном] взводе коллектив значительно лучше пэтээрского, и командир взвода (мой однолетка!) славный парень и лю-

бит к тому же литературу. Он младший лейтенант. Закончил восемь классов школы.

[*Нрзб*] расспрашивал. Стал изучать миномет. Младший лейтенант назначил меня командиром 4-го отделения. Но отделения, по существу, у меня нет. Дали мне одного человека немощного и больного. Он ничего не может и не хочет делать. Другого, полагающегося по уставу в мое отделение человека, еще нет.

Был на совещании младших и средних командиров, на котором зачитывались приказы генерал-майора Пожарского[15]. Многие сержанты и прочие командиры не верили, что я командир и презрительно на меня косились, как на случайно затесавшегося в их семью человека. А командир роты сказал лейтенанту: «Его вы назначили командиром?!» – тот подтвердил. «Гельфанда?!» – опять спросил ротный и, махнув рукой, отошел.

Ну что ж, я докажу ему, что могу быть командиром, хотя в настоящем из меня, действительно, плохой командир (да и не над кем командовать-то мне). Но все-таки мне льстило (хотя по знаниям я выше всех их почти стою), что я иду рядом в строю с командирами-лейтенантами и политработниками.

Позавчера я стрелял из винтовки. Как волновался я и нервничал! Но сверх ожиданий результаты получились замечательными – пять зарядов попали в цель.

[..].05.1942

[*Две с половиной верхние строчки оторваны*] их чистому [*одно слово нрзб*] горы-великаны тоже приветствовали нас своим воинственным взглядом, указывающим на свою решительность и, казалось, вручи мы им оружие – они бросились бы во всесокрушающую атаку на проклятых изуверов, посягнувших на их спокойное существование, на их красоту могучую. Легкий ветер, слегка встрепенув зеленоглазую травку, понесся нам вслед, подхватив песню горячую, гордо льющуюся из наших уст, проникающую в сердце каждого, кто любит жизнь и свободу.

Два раза уже вблизи от Новороссийска наш поезд окунулся в два длинных и недосягаемых солнцем ласковым, светом жизненным тунеля, где надолго мы погрузились во мрак густой и непроглядный. Только к вечеру мы приехали сюда [*одно слово нрзб*].

Теперь нам осталось, как показывает карта, 145 километров, пока мы достигнем берегов Крыма. Там разгорелись ожесточенные бои и, как говорится в последнем сообщении Совинформбюро, бои идут уже в районе города Керчи[16]. Новороссийск сильно пострадал от бомбежек[17], но жители его имеют вид воинственный и готовы к любым испытаниям.

[..].05.1942

[*Часть текста вверху страницы оторвана*] [де]вушек бывает на св[ете], уму непостижимо! На станции, в эшелонах встречных, в городах, в деревнях [*нрзб*], поющих перед нашими взорами [*нрзб*], красивые, самые изящные, самые лучшие, особенно по сравнению с остальными [*нрзб*]вают много внимания, хотя я не настолько нахален и решителен, как другие (Филатов, ...). Очевидно становится для меня, с каждым разом очевиднее, что и я недурен собою. С ними некогда разговаривать, знакомиться, но одни взгляды, которыми мне удается обмениваться с красавицами, говорят о многом. Широко открытые глубокие глаза, слегка приподнятые ресницы и ласковый взмах маленькой изящненькой ручкой, что может быть милей и дороже?

Дважды встречался нам великолепный пассажирский поезд, изящно отделанный снутри и снаружи. Один пере[*нрзб*] в Москву, другой [*нрзб*].

[*Верхняя часть страницы оторвана*] так спокойней будет. С молоденькой [*нрзб*] – директор школы В. Кута буду переписываться, [*нрзб*] нее адрес.

[*Нрзб*]ск – Первомайск – Помошная – Н. Украинка – [К]апустино – вот первоначальные вехи моего пути. Быстро и совсем неожиданно приближаемся к Днепропетровску. Но надеяться даже не смею о таком чуде – побывать хотя бы на вокзалах родного города. На Знаменке все выяснится. Или мы будем продолжать путь до Днепропетровска, или свернем на Киев. Всего вероятнее второе. Тем не менее хочу написать несколько писем, чтобы отправить так близко от города. Просто [*нрзб*] как не бывало. Дыни, арбузы, фрукты [*нрзб*] Знаменка[18] оста[*конец страницы оборван*].

27.05.1942

С самого двадцатого числа мы находимся здесь[19]. К вечеру на двадцатое число полил сильный дождь и не переставал поливать нас своим отвратительно холодным ливнем целые сутки. Нам негде было укрыться. Ночь приходилось ночевать под дождем. К большому удивлению своему спал хорошо и проснулся лишь тогда, когда разбудили меня товарищи. Встал весь мокрый, только противогаз и вещевая сумка, положенные мною под себя, сохранились сухими. До [*нрзб*].

28.05.1942

Вчера опять стреляли из винтовок. Я дежурил в столовой. Вызвали внезапно. Целился плохо (совсем, можно сказать, не целился), ибо на огневую позицию пришлось бежать. Без внимания, и в результате – ни одного попадания. Вот что значит зазнаться хоть немного.

На кухне дежурил круглый день. Наелся, как никогда ранее в другие дни. Много увидел из закулисной стороны красноармейской жизни.

Утром порубили дрова (перепилили их) вместе с красноармейцем нашего взвода, членом партии Сухаревым, с которым был в наряде. Сухарев (он хорошо знаком со старшим поваром) закурил, а меня заставили с младшим поваром резать колбасу. Резали, а я был голоден, а колбасы хотелось попробовать, но я не решался взять кусочек. Подошел сержант пулеметного взвода, попросил колбасы и, не дожидаясь разрешения повара, хватанул со стола большой кусок. А народу было считано-несчитано.

Пришли за завтраком. За сухарями и по другим надобностям. Был тут и командир роты, и старший помощник его. И никто не заметил, ни один человек, кроме меня и поваров. Но те ничего не сказали. Через несколько минут он подошел вторично и украл другой кусок со стола. Я так захотел, так сильно захотел колбасы, что и себе попробовал взять кусочек. Повар заметил. И когда все разошлись, сказал мне, что при всех нельзя колбасу брать. Так провалилась самая невинная затея моя, похожая на воровство.

Когда я шел на кухню, мне советовали украсть деревянную ложку, так как моя неглубокая железная очень неудобна. Но я не смог не попросить, так как был уверен, что мне не дадут, ни уворовать, так как знал, что поймаюсь.

Воровство здесь процветает на каждом шагу, вопиющее и безграничное, как ни в одном другом месте. Повар, к примеру, вместе с этим Сухаревым украли что-то на кухне. К ним пришла женщина с двумя полными графинами вина, и они, услав меня предварительно по воду, обменялись с ней товарами. Колбасу он крал, оглядываясь на меня (когда я писал), масло тоже, когда послал меня по воду (я заметил, как он что-то завернул в бумагу и положил в карман), а потом переложил масло в другую сторону. В этот день он был пьян к вечеру и накормил всех хорошо и сытно.

Я с Сухаревым (или, вернее, благодаря ему) больше всех наелись в этот день. Но наработался я тоже как никогда: ведь Сухарева-то он щадил за мой счет, и мне приходилось одному и котлы мыть, и воду носить, и чистить, и резать, и бегать, и проч., и т. д. и т. п.

29.05.1942

Вчера стрелял из миномета. Замечательный день у меня вчера был, неповторимый день!

Идти на место стрельбы, на огневую позицию было далеко и трудно. Миномет впился в спину мою, навалился на меня, как будто боялся расстаться со мной. Еле покрыли мы вместе с минометом расстояние до огневой позиции.

Первыми стреляли артиллеристы на расстояние 500 м[етров]. Только один снаряд первого орудия попал в цель. Второе стреляло

лучше. Снаряды один за другим ложились около цели и несколько раз угодили в нее. Первый раз в жизни мне приходилось наблюдать стрельбу из орудий.

Но самым интересным была стрельба из минометов. Редко кто видел минометный огонь, начиная от бойца и высшими командирами кончая. Батальонные минометы начали первыми свой огневой рассказ. Они поведали нам много нового. Мы узнали, что мина летит долго, но наблюдать за ее полетом трудно. Узнали мы также, что миномет очень неточно бьет, и, чтобы попасть из него в цель, необходимо высокое мастерство всего расчета.

Ни один миномет не попал в мишень, и редкие мины упали близко возле вехи. Разрывы мин почти так же сильны, и шум от них так же мощен, как и у орудийных снарядов. С одного и того же положения, при одном и том же прицеле мины ложились на различном расстоянии.

Ротные минометы оскандалились. Два миномета соседней с нами по огневой позиции роты выстрелили совсем неудачно – мины упали в 50–60 м[етрах] от нашей позиции, осколки брызнули во все стороны и некоторые совсем рядом со мной. Люди рассыпались и легли на землю. Один осколочек стукнул по моему каблуку. К счастью, все обошлось благополучно, никто не пострадал. Начались догадки, предположения.

На линии огня присутствовали батальонный комиссар, старший политрук, капитан и полковой комиссар с тремя шпалами[20]. Капитан приказал из ротных минометов не стрелять, но помощник командира нашей роты отдал распоряжение обоим минометам нашей роты произвести выстрелы. Мы выстрелили. Мой выстрел оказался самым точным среди остальных всех. Мина упала над целью, выше ее метров на 30–50. У соседа моего, Фогельмана, оторвало при выстреле прицельное приспособление.

Я предложил комиссару батальона испытать мины тех минометов, из которых выстрел оказался неудачным. Комиссар не разрешил, сказав, что жизнь моя дорога, и рисковать он не позволит но, посоветовавшись с капитаном, он все же разрешил.

Я взял мину, которую все считали отсыревшей (она действительно была мокрая) и опасной для произведения выстрела, и направился к своему миномету. Комиссар пошел со мной. Всех людей с ОП удалили. И я остался один со своим минометом. Выстрелил. Мина пошла хорошо, и я облегченно вздохнул. Комиссар батальона и капитан подошли ближе. Я попросил произвести еще выстрел. Мне разрешили. Потом выпустил еще одну мину. Все они шли хорошо, но в цель не попали. Я кончил. Комиссар подошел ко мне и протянул руку: «Спасибо вам», – сказал он. Я ответил рукопожатием. Это был знаменательный день для меня.

31.05.1942

Дописывал сегодня. Сейчас меня послали в наряд посыльным в штаб батальона. Пока что работа эта меня сильно не обременяет. Можно писать, спать. Посмотрим, как будет дальше.

Вчера опять стреляли из миномета. Командир 3-го отделения заболел, и мне дали двух человек из его расчета. Мой человек был в наряде.

До стрельбы, когда я устанавливал миномет на ОП, ко мне подошел комиссар и спросил результаты стрельбы (он не знал, что я еще не стрелял). Я сказал ему, что только устанавливаю миномет. Он ушел. Пришел наш взвод (я ехал на машине вместе с матчастью), и началась стрельба.

Первая моя мина упала метров на 10 ниже цели. Вторая выше метров на 20. Две последующих попали в самый центр мишени. По совету командира роты (он все время присутствовал рядом) отдал приказание вести огонь тремя минами сразу. Первая попала в середину цели, две других метрах в 15 в стороне от нее (вправо). Изменил направление – мина [*одно слово нрзб*] пошла левее цели метров на 25. Осталось две мины.

Стали думать, гадать, куда бить, и выбрали с командиром роты место подальше, но когда я начал уже подготавливать выстрел – он раздумал, и я решил бить лучше на старое место. Изменил прицел и направление ствола. Скомандовал. Выстрел... В самый центр упала мина. Следующая мина тоже попала в цель. Итого пять мин из десяти попали в цель, пять – упали недалеко от цели, кольцом окружив ее. Результаты были лучшие, нежели в батальонном миномете (хотя он стреляет точнее), который только двумя минами угодил в цель и одну бросил возле цели, а остальные разбросал далеко от цели.

Жалко, что не было тогда комиссара батальона. Командир роты и комвзвода только наблюдали за стрельбой. Теперь я оправдал свое назначение. Пусть попробует командир роты сказать теперь: «Гельфанда?! Командиром?!» Сержант руководил вместе с командиром взвода стрельбой из миномета, а результаты худшие намного, чем у меня. Я сам наводил на цель, сам составлял данные и устанавливал дальность по крану. Расчет только опускал мины в канал ствола – производил выстрел. Восемь мин опустил Кузнецов и две Бессарабов.

Командир взвода говорил, что нам присвоят звание сержантов (командирам отделений), но пока что мы – это я и еще двое командиров отделений, остаемся без званий. Правда, нам выдали компас, очень точный и удобный, светящийся ночью (на стрелках фосфор имеется). Я одел его на руку вместо часов, которые так мечтал приобрести, но по сей день не приобрел.

01.06.1942

Новороссийск. На товарной линии можно [*одно слово нрзб*]. Сегодня выезд. Куда – не сказано, но поездом на север.

Вчера меня выделили в наряд посыльным в штабе батальона. Вернее, позавчера вечером. Но только со вчерашнего дня мне пришлось фактически побегать. До этого я отдыхал, как говорится, душой и телом и всецело отдался любимому делу – писанию. Написал стихотворение «Миномет», письмо и вел записи в дневнике. Только часов в 12 меня стали посылать сначала в хозвзвод[21], потом в 3-ю роту, потом в штаб УРа[22] и, наконец, на поле.

В штабе УРа мне дали письмо, лично предназначенное командиру батальона. Я передал ему письмо. Через час-полтора он пришел в штаб и приказал передать во все роты, чтоб комиссары и командиры рот и батарей явились к нему, занятия прекратив и разместив роты по квартирам.

Меня послали в расположение нашей и 3-й роты. Я передал приказ комиссару нашему. Командир роты тоже присутствовал здесь, и обе роты начали строиться. 2-й и 4-й ротам сообщили другие. Вскоре все командиры и комиссары рот собрались у комбата, который зачитал приказ, который я, единственный человек из рядовых, за исключением разве что часового, слышал, но о котором не хочу распространяться на страницах дневника, ибо это не интересно, и в этом нет особой надобности. Многое из этого приказа нам огласили потом на собрании младших командиров, на комсомольско-партийном собрании, комсомольском собрании и собрании комсоргов. На всех этих собраниях мне надо было присутствовать. Нас призывали к бдительности, организованности и дисциплине.

После зачтения комбатом приказа этого старшее командование разошлось. Дежурного и его помощника приказали снять. Меня оставить. Я стал просить смены, так как здорово набегался. Тогда один старший лейтенант приказал заменить меня другим человеком с нашего взвода. Так закончился мой наряд, и я стал готовиться к отъезду.

01.06.1942

Вечером в поезде. Сегодня комиссар сообщил нам, куда мы едем – на Харьковское направление!..[23] Взялся за боевой листок. Передовицу и стих написал, статьи собрал. Остается переписать в газету. Темнеет, и трясет в вагоне – условия трудные для писания. Отложу.

02.06.1942

Едем, едем – хорошо ехать! Только теснота необычная. Жутко сказать – целая рота размещена в одном вагоне. Люди здесь разные. Есть добрые, а есть злые, много грубых, некультурных, но попадаются и грамотные, и вежливые.

Больше всех из всего командного состава мне нравится комиссар. Он всегда подтянутый, волевой. Глядя на него, и сам становишься взрослее, серьезнее. Глядишь иногда на него и не верится тебе, что действительно может жить среди нас и в наших условиях такой человек. Он, может, меньше меня учился (читает, например, он хуже меня), меньше меня знаком с литературой, а в некоторых случаях и с политикой (он говорит, что Прага находится в Австрии), однако если б я еще сто лет учился, я не умел бы быть таким подтянутым и дисциплинированным, как он. Наш комиссар образец среди всех встречавшихся мне политработников.

03.06.1942

Степь, степь, степь... Гладкая, как стол, тихая, как будто немая, травянистая, точно свежеиспеченный пряник ароматно пахнущая своими степными цветами. Как будто надушилась специально приятным и крепким одеколоном. Степь, степь, степь. Бескрайняя и зеленая.

Подъема еще не было. Мы едем все-таки в Сталинград. Солнце поднялось, чтобы видеть нас, и заалело багровым румянцем. Как хорошо – солнце! Нам никогда с ним не расстаться, не правда ли, мой дневник? Я не расстанусь с жизнью, как и с тобой, никогда на свете и в особенности теперь, когда жить так хочется. Мы победим! Проклятые немцы, стремящиеся поработить нас, будут разбиты и уничтожены!

Говорят, что до Сталинграда осталось не больше 150 километров. Ростовскую область мы давно уже оставили позади себя.

Широкие, как море, необъятные, как океан, раскинулись степи здесь зеленые. Редко встретить удастся отдельную группу хат, полустанок или другие признаки человеческого существования. Степь, только степь, поросшая густым бурьяном, одиноко греется на солнышке, мечтательно глядя на такое же необъятное по своим просторам голубое небо.

На одном полустанке опустил письма в ящик – одно тете Ане, другое Оле. Третье письмо, к маме, везу с собой. Опущу в Сталинграде.

Кончились Сальские степи, теперь тянутся Калмыцкие[24], а населенных пунктов все нет как нет.

Командир взвода заставляет остричь волос. Какая неприятность, а ослушаться приказания нельзя.

04.06.1942

Вчера в соседнем эшелоне старший сержант, заряжая автомат, выстрелил и ранил троих человек, находившихся в вагоне. Двое получили тяжелые ранения. Вот что значит неосторожность! Эшелон задержан перед отправлением. В вагон, где случилась эта история, пришел генерал-майор, дивизионный комиссар и др. Это было уже

в Сталинграде, в самом большом городе, встретившемся на пути нашем.

Город начался отдаленными на 10–15 километров от него пригородами. Крыши домов, как и сами дома, были деревянные. Много было домов очень древних и красиво архитектурно исполненных и расписанных. Долго тянулся этот древний деревянный приволжский город, когда начался, наконец, через несколько остановок (станций), большой советский город Сталинград с его великолепными многоэтажными каменными зданиями.

Впервые увидел знаменитую Волгу-реку. Здесь она была не шире Днепра, а возможно, даже и уже.

Вечером. Сейчас сижу в степи в том месте, которое и по карте не сыщешь. Комары мучают и доводят до бешенства.

05.06.1942

С утра вчерашнего дня дневалю[25]. Ночью не спал. С вечера шел дождь и капал на голову и за шею сквозь открытую форточку вагона.

Сейчас четыре часа. В восемь сменяюсь. Замучили вчера меня бесконечными посылками по воду почти на каждой остановке. Командиры здесь все молодые, некоторые мои сверстники. Но держат себя они слишком высоко. Не так дисциплинированно и стойко, как высоко. Так, например, лейтенант Ткалич, он 1923 года рождения, ходит часто без пояса с расстегнутой рубашкой. Шалости и шутки у него детские, но попробуй с ним заговорить – он набросится на тебя и раскричится. То стал ты не так [*одно слово нрзб*], не так держишь. Даже смешно делается, когда он отдает приказания. Наш младший лейтенант Егоренко строже и дисциплинированней, но на комсомольские собрания не ходит.

Девять часов вечера. Темнеет.

Сегодня комиссар целый день обрабатывал нас политически. С каждым днем он мне все больше и больше нравится своей стойкостью, силой воли и неистощаемой энергией.

Сегодня он долго отрабатывал с нами дисциплинарный устав. Когда же его вывел из терпения боец Оглы своей неусидчивостью, он гневно стал объяснять, кто он по происхождению и как он будет вести себя на фронте: «Если встречусь с нерадивыми элементами, – рука у меня не дрогнет [*одно слово нрзб*]», – закончился разговор. И этим он еще больше полюбился мне.

Какой это замечательный человек! Сын рабочего, он стал учиться уже при советской власти и закончил два курса высшего учебного заведения. Имеет звание педагога. Но война не дала ему закончить образование и направила в ряды РККА для политработы[26].

06.06.1942

Вечереет. Мы подъезжаем к Купянску[27], миновав недавно его сортировочную станцию. Только [что] здесь прошел дождь и сейчас продолжает еще накрапывать. Нам везет на дожди. Куда бы мы ни ехали – всюду наш путь завершается плохой погодой и дождем. Возможно, это и к лучшему, ибо в дождь погода нелетная, и на нас не могут напасть вражеские самолеты.

Сейчас нахожусь в прифронтовой полосе. Родная украинская земля широко раскинулась повсюду. Но местность мне эта незнакома – здесь я никогда не бывал.

Горю желанием попасть на Днепропетровский фронт, если таковой существует. Как отрадно и легко сражаться за свой родной город. Но если мне не доведется там драться с врагами, я не отступлю и не струшу.

Собираюсь подать заявление в партию. Хочу идти в бой коммунистом. Буду проводить политическую работу, с которой до некоторой степени знаком и которая мне близка. В бою даю себе клятву быть передовым и добиться звания лейтенанта, которого мне волей случая не довелось получить в училище. Многое еще мне незнакомо, многое непонятно, но буду учиться, чтобы больше знать. Литературную работу-учебу не прекращу ни при каких обстоятельствах, ибо это мой хлеб, моя пища, жизнь моя дорогая.

Я не умирать еду, а жить и одерживать победу, бить врагов Родины своей! Буду бить их из миномета, из винтовки, а также литературой и политикой – таковы мои мысли и чаяния в данный момент. О смерти не думаю, ибо верю в судьбу свою, которая да сбережет меня от вражеских пуль. Опираясь на эту веру, буду бесстрашен в бою, буду в первых рядах защитников Родины.

Писем написал очень много. Мои товарищи по оружию смеются надо мной за то, что много пишу. А я не могу не писать, хотя и не хочу, чтоб надо мной смеялись. Написал за свой путь из Новороссийска на фронт – маме в Ессентуки, в Магнитогорск, Астрахань, в Дербент и Лене Лячиной в Нальчик. Б[асе] Лившиц еще не написал.

08.06.1942

Дождь, дождь бесконечный, ленивый, кое-чем напоминающий новороссийский. Правда, земля здесь тверже и не киснет под ногами после дождя, не липнет к ногам и не образует болота. Сегодня засветло мы должны были покинуть это село, но остались здесь, по-видимому, из-за дождя. Нам выдали много сухарей и неприкосновенные запасы (НЗ) в виде концентратов каши и горохового супа-пюре.

11.06.1942

Из селения Кабанье[28] вышли 9 июня. Вчера дошли до места, покрыв, таким образом, за это время 55 километров. Пока разместились в садике у одной из деревенских хат.

Вчера был дождь. Спрятались в хлеве соседней хатки. Сегодня нам, комсомольцам, объяснили нашу задачу. Редакторам газет, командирам взводов тоже объяснили ее. Так что мне довелось дважды присутствовать на летучих собраниях.

12.06.1942

Со вчерашнего вечера с пяти часов и до восьми часов сегодняшнего утра рыли блиндаж для нашего расчета. С 8.30, примерно, и до четырех вечера отдыхали (если не принимать во внимание ходьбу на расстояние одного километра за обедом).

Сейчас роем запасную позицию впереди основной. Позади основной предстоит вырыть еще две позиции запасных.

По дороге сюда нашел две немецких листовки. Какие глупые и безграмотные авторы работали над их составлением! Какие недалекие мысли выражены в этих «листовках», с позволения сказать. Просто не верится, что эти листовки составлялись с целью пропаганды перехода наших людей на сторону немецких прохвостов. Кто поверит их неубедительным доводам и доверится им? Единственный правильно вставленный аргумент – это вопрос о евреях. Антисемитизм здесь сильно развит и слова, что «мы боремся только против жидов, севших на вашу шею и являющихся виновниками войны», могут подействовать кой на кого. Далее там указывается на то, что «жиды», дескать, засели в тылу, воевать не идут и не хотят быть комиссарами на фронте из-за своей трусости. Это уже чересчур смешно звучит, а выглядит в устах составителей листовок просто анекдотично.

В ответ на то, что евреи сидят в тылу, я могу сказать, что только в нашей роте одной насчитывается не менее семи евреев, что при малочисленности их по сравнению с русскими (на всем земном шаре до войны проживало около 11 миллионов евреев) – слишком много. Насчет боязни евреев быть комиссарами мне и говорить не хочется. Я им покажу в бою на своем примере, какую чушь они порют. Я не только как еврей попытаюсь не избежать звания комиссара боевого подразделения, но буду добиваться горячо, страстно, настойчиво и цепко этого почетного звания.

Листовки никому не показывал, кроме командира нашего взвода. Отнесу их политруку. Их тут очень много разбросано по полю – и наших, и немецких листовок.

Писем давно никому не писал – не было адреса, а сейчас нет свободной минуты. Пишу сейчас, когда мой напарник, единственный мне подчиненный боец моего отделения, работает, роет окоп, а я, покопав, отдыхаю. Комары кусают безжалостно. Сколько их тут есть!..

13.06.1942

На рассвете. До света работал, рыл окоп. Сейчас копает Хаустов – боец моего подразделения. Этот человек вызывает во мне брюзгливую жалость: он не так стар, как выглядит, не так слаб, как делается. Окопы, например, он копает скорей и лучше меня, так как привык к физическому труду с малого детства. Но миномет, лопату и другие тяжести мне приходится носить самому, ибо он говорит, что не в силах носить тяжести. Пойти куда-либо он тоже не может.

Сначала мы были вместе во взводе ПТР. Потом нас перевели в минометный взвод. Меня назначили командиром, его определили в мой расчет. Это сильно задело самолюбие его.

Еще в Новороссийске он говорил мне, что болен сердцем и отсутствием зубов. Жаловался, что не вынесет выстрела и при первом бое умрет от разрыва сердца. Когда же у нас проходила учебная стрельба, он ничуть не пострадал, однако стрелять из миномета побоялся, и мне пришлось опускать мины самому. Как было сказано выше, я в этом ничуть не раскаивался, но он, Хаустов, так и не выстрелил ни разу до сих пор из миномета. Во время стрельбищ, вторых по счету, он стоял часовым и на огневом рубеже не присутствовал.

Когда мы приехали сюда, он стал напевать мне совершенно другое. То он говорил, что он слушать меня не будет и приказаний моих исполнять не станет, то говорил, что я отдаю неправильные приказы, то он просто зло издевался надо мной, командуя в присутствии остальных бойцов взвода: «Гельфанд, ко мне!», или посылая меня к командиру взвода сказать, что он не будет со мной работать и слушаться меня. «Ну как, ты говорил лейтенанту то, что я тебе сказал?» – говорил он.

15.06.1942

Сегодня счастливый день – комаров нет, и можно спокойно писать.

Весь взвод наш, за исключением двух человек, охраняющих боеприпасы, улегся спать. С фронта непрерывно доносятся глухие и тяжелые выстрелы, похожие на разрывы бомб. Передовые позиции отсюда недалеко. Часто гостят здесь вражеские самолеты – при одном из налетов их один из наших бойцов был убит и двое ранены.

Ночью со всех сторон поднимаются ракеты, долго глядят в беспросветную тьму, освещая пространство, и затем медленно начинают опускаться за горизонт, а навстречу им новые и новые ночные светила подымаются, выдуманные людьми.

Лейтенант, видимо, забыл, что нам нужно заканчивать рытье складов, и первый уснул после завтрака, за ним все остальные легли спать, не напоминая ему о складах. Сегодня уже пятый день, как мы роем окопы, предназначенные для оборонительных боев.

Выстрелы как будто стали отчетливей и ближе, и политрук роты «тайком» нам сообщил, что днями мы должны столкнуться с врагом.

Хочется спать, но еще больше хочется поговорить с тобой, о, мой дневник, высказать сокровенное, что накопилось у меня за период службы в армии. И я не сплю.

16.06.1942

Оказывается, немцы вели наступление против наших войск на харьковском участке фронта[29]. А я-то и не знал-то. Только сегодня по рассказам товарищей и из «Красноармейской газеты» за тринадцатое число мне все стало известно.

Сегодня по радио, рассказывают красноармейцы нашего взвода, сообщили, что наступление немцев на нашем, Харьковском, направлении приостановлено[30].

Прервусь. Небо рассвирепело и шлет почти беспрерывно на меня дождь.

Через 15 минут. Как ни грозны тучи были, а дождя все же на этот раз не последовало. Ветер пошел мне навстречу и разогнал их отсюда, назойливых, чтоб не мешали писать мне. Хватит с них целой ночи, в течение которой они поливали меня своим холодящим дождем. Что ж, спасибо тебе, ветер буйный, украинский ветер – будем же вместе гнать черные полчища немцев, тучами хлынувших на землю нашу. Едут всадники сюда. Опять прервусь – ведь я на посту. Всадники, два лейтенанта – незнакомые мне, тоже проехали мимо.

Сейчас уже канун шестнадцатого числа, а я все еще не имею возможности списаться с родными, знакомыми. Им я пишу – боже мой, сколько я им написал, уже и счет потерян мною. А они не могут писать мне, ибо адреса моего нет у них. Какая горькая, неотвратимая досада! Как бы мне хотелось побывать сейчас дома, повидать родных, отдохнуть пару деньков, понежиться в постели одну-другую ночку, обнять всех близких, услышать ласковое слово матери, отца и родных моих – сколько пожеланий связанно с домом! Не перечесть! А пища вкусная – хотя бы раз в десять дней видеть одну порцию из тех, что считались мною дома обыденными и не особенно привлекательными.

С каким восторгом слушал бы я сейчас наставления моего папки милого, казавшиеся мне раньше надоедливыми и лишними. Сколько я отдал бы за самую жесткую трепку матери любимой и дорогой, только бы увидеть ее на минуту. А Днепропетровск... Сколько нежных чувств и приятных воспоминаний вызывает во мне жизнь и учеба мои в городе этом! А радио! – сколько дней я не слышал ни одного слова из него. А газеты, а карты, а книги!.. Все оставлено мною. Только изредка мне удается урвать минуту свободную, дабы почитать, пописать, помечтать немного.

Все книги, что вез я с собой, – отдал бойцам на курение. Только одна, Иванова о Лермонтове[31], осталась пока у меня. Нести невозможно – НЗ пищи, куда входят концентраты и сухари (на пять дней и того и другого), патроны, которых 85 штук, и еще кое-какие необходимые вещи – все это страшно тяготит, но необходимо в то же время. В противогазе стихи ношу, дневник старый, ессентуковский и этот; бумагу, карты (которых тоже оставил минимальное число), а это все тяжесть. Чернила ношу в верхнем боковом кармане, где помещается ручка, карандаш, блокнот и другие разности. В левом боковом кармане тоже полно. И все это необходимо. И все это я не могу и не должен выбросить.

Чернила... Эх, недавно забегала по тебе, дневник мой, быстрая ручка, сея на просторах твоих белоснежных, синие полчища букв. После того, как командир взвода ПТР не по праву заставил отдать ему мои чернила, я уже было потерял надежду писать ими и вооружился химическими карандашами. И вот неожиданно пришел ко мне санинструктор с предложением, чтобы отдал ему свою пачку табаку за сухари, за сахар, за что угодно. Все условия его я отклонил и предложил свое – достать бутылочку с чернилами. Он согласился, но так долго тянул, пока я не раздал часть пачки, не обменял на селедку, на ручку, так что у меня осталась половина пачки большой хорошего турецкого табаку.

Он решил меня надуть и в чернильницу всыпал марганца. Попробовал я пописать – замечательный красновато-фиолетовый цвет, но водянистый немного. Он стал подогревать бутылочку, взбалтывать и все это с самым серьезным видом. Я спешил тогда на работу – на рытье окопов и мне некогда было раздумывать. Поверив его уверениям, что оно чернило устоится и не будет водянистым – я отдал ему табак. Когда же на другой день (вчера) я попробовал писать – оно действительно было ярче намного, но как только я отводил ручку от уже написанного слова, я замечал, что слово начинало желтеть и постепенно становилось еле заметным его очертание, похожим на ржавчину.

Больше санинструктора я с тех пор не встречал. А чернила я все-таки сделал, разведя химический карандаш в воде. Победа осталась все же за мной, ибо мое дело правое.

Со вчерашнего дня дневалю возле оружия и боеприпасов. Младший лейтенант стал относиться ко мне насмешливо и недобросовестно, хотя и выделил меня в командиры. Всегда он выделяет меня в наряды больше других (не в наказание, а по привычке) и унижает честь и права человеческие и командирские, назначая, к примеру, в дневальство и при рытье окопов рядовых бойцов старшими надо мной, отчитывая меня в их присутствии, а также доверяя всяким жалобам на меня как на командира, что не должно иметь места по уставу в Красной армии.

Больше того, когда у меня произошло страшное по принесенным мне мучениям расстройство желудка, он, по навету подчиненного мне бойца, признал это симуляцией и заявил в присутствии красноармейцев, чтобы я больше ему не жаловался ни на какие болезни. А проверить в санчасти истину о моей болезни не пожелал.

Вообще наш командир взвода находится под влиянием людей, умеющих рассказывать и трепать языком способных. Я уверен, что расскажи я ему пару ругательных анекдотов, и отношение его ко мне переменилось бы – плохо, память у меня ни к черту.

А сейчас пока что спит боец Бессарабов ночью. Командует он же, а командир отделения, в котором сей боец находится, ночью не спит, стоит на посту. Днем тоже из кожи лезет, выполняя приказания своего бойца. Кто же будет подчиняться мне в бою, если я сам вынужден подчиняться бойцам, которыми командовать должен?!

А потом, когда нет командиров, он, говоря о лейтенанте, начинает рассуждать, что во главе роты стоят одни пацаны, что сами бойцы их постреляют, и что он, Бессарабов, знает больше командира взвода, ибо служит три года, а он, командир, всего лишь три месяца. Вот тебе и авторитет командира! До чего доводит малейшее уклонение от устава.

Если я не заслуживаю звания командира – можно снять меня с этой должности и тогда предоставлять бойцам быть старшими надо мною и проч. Но я начинаю вступать в обсуждение действий командира, а ведь это не по уставу. Ладно, молчу об этом. Молчу, как рыба...

Опять комары появились (мошки, как их называют). Ох, и надоедливы же они. И в глаза лезут, и в уши, и в нос не стесняются забраться – просто оказия какая-то – ни писать, ни читать, ни даже сидеть спокойно они не дают мне, грешному.

Орудия и вправду не бьют со стороны фронта, и самолетов меньше стало. Что дальше будет?

18.06.1942

Выстрелы стали глуше. Фронт, по-видимому, удалился значительно. Командир взвода ушел вместе с командиром роты выбирать новую позицию для рытья окопов где-то впереди прежней. Кормить стали нас лучше со вчерашнего дня. Появилось консервированное мясо в супе. Хотелось бы полакомиться чем-либо, даже хлебом свеженьким – ведь я так давно не ел хлеба – одни сухари. Табак вчера выдали нам. Это хорошо, что я не курю. С санинструктором договорился обменять его на молоко. Он извинился передо мной и дал мне чернильницу-невыливалку, чтоб загладить свою вину.

Ну а сейчас лягу отдыхать – все спят, только я один бодрствую.

Вечером на новой позиции. Рою совместно со 2-м отделением землянку – окоп для батальонного миномета. Нам, как об этом сообщил

младший лейтенант Егоренко (наш комвзвода), ротным минометам, землянки уже вырыты впереди стоящими подразделениями, которые, хотя еще ничего не знают, будут переброшены вперед для занятия и подготовки новых позиций. Какое разочарование ожидает их!

Сегодня к вечеру мошкара опять появилась. Она не дает вольно вдохнуть, широко раскрыть глаза и рот. Она лазит по всему телу и ест его, пьет кровь мою, страшно действуя на нервы. Я давлю, отгоняю, отмахиваюсь от этих назойливых мошек, но, увы, борьба моя безрезультатна. Писать приходится, зажмурив глаза, полузатаив дыхание и беспрерывно мотая головой.

Землянка уже готова. Теперь остается только накрыть ее сверху от дождя и от прочих шуток природы, от всяких неожиданностей и случайностей.

Только что здесь пролетал вражеский самолет. Он имеет какую-то странную форму – на хвосте у него прикреплена прямоугольная фигура, предназначенная неизвестно для чего. Он делал два залета, но под огнем зениток и прочих небесных трещоток улетел. Я думаю, что он еще вернется, ибо он настойчиво стремился к цели, не страшась выстрелов, которые не могли не угодить хотя бы в единичных случаях в самолет – снаряды рвались недалеко от него.

Принесли ужин. Надо подкрепиться после работы. Потом, если скоро не стемнеет, стану продолжать.

После ужина. Мы, оказывается, находимся в полукольце. С трех сторон от нас, на расстоянии не более 30 и не менее 18 километров, находится фронт. Только одна сторона, с которой мы пришли, свободна от боев. Окопы мы роем в направлении Изюма[32] (по объяснениям местных жителей Изюм и Барвенково[33] находятся впереди нас километров на 18). Слева от нас Купянск, возле которого тоже, по словам людей (ведь газет свежих читать не приходится, а радио тоже негде слушать), сейчас развернулись ожесточенные бои. Справа на северо-запад – Харьков, в 120 километрах от нас, не более и весь фронт харьковский. Только позади нас узенькая полоска территории, свободная от вражеского присутствия и ожесточенных боев.

Говорят также, что на нашем участке (Изюм) немцев отогнали на 8 километров. Вчера говорили, что здесь помогло орудие, называемое «Катюшей»[34], сжигающее все на своем пути. Сегодня говорят другое: виновником событий на данном участке фронта является англо-советский договор и переговоры, с ним связанные, об открытии второго фронта[35] – немцы, дескать, испугались и отправляют свои войска во Францию, заменяя их венгерскими и румынскими. Не знаю, чему можно верить, но ясно одно: положение наших войск здесь улучшилось, и стоит ожидать переброски нашей вперед, если войска, сражающиеся на фронтах, сейчас будут наступать.

Адреса нашего нет пока. Вот уже дня два-три не пишу писем – надоело писать, не получая ответов[36]. Интересно подсчитать, сколько писем я написал за период службы в армии. Жалко, что я не вел счета. Теперь буду подсчитывать. Интересно также, сколько писем получили мои адресаты, а также получили ли дома (в Ессентуках) мою посылку из Майкопа и фотокарточки, посланные доплатными письмами из Новороссийска.

19.06.1942

Волнует меня вопрос, где сейчас папа. Не призван ли он в армию? Интересует меня, где дядя Люся, Сеня и дядя Исак. И многие другие вопросы необходимо выяснить мне, но они точно застряли в непролазном болоте отчаяния, тоски и безвыходности положения. Что я могу сделать, чтобы списаться с родными? Ничего, только сидеть, сложа руки в ожидании адреса. Но сколько так можно ждать?

Вчерашний самолет опять визитировал сюда сегодня утром, но улетел, покружив, как и раньше, над нашей головой.

Под вечер. Страшно испорчен желудок. Понос и рвота. Ходил к санинструктору, но его не застал. Еще утром бойцы нашего взвода передали ему о моей болезни, но он только посоветовал (опять же, через бойцов) мне ничего не есть, но помощи не оказал. Сейчас не знаю, где его искать.

Писарю передал три письма в Ессентуки маме и Басе Лившиц. Адрес на всех – стрелковой роты, кот[орую] мы поддерживаем. Авось, дойдут!..

20.06.1942

Здорово я, однако, разохотился писать в армии! Еще никаких особо знаменательных событий не произошло, а полтетради мною исписано. Надо сократить аппетит к писанию.

Наконец, сегодня явился санинструктор. Он сказал, что я умышленно отравляю себе желудок в надежде на госпиталь. Сказал, будем лечить мы на месте дисциплиной. Все бойцы стали говорить, что я много пью воды, и он пригрозил мне трибуналом, если я не прекращу воду пить совершенно. Дав мне выпить слабительного, он ушел. Ходил на двор, однако ничего не получилось. Или желудок настолько укрепился, или опять запор, или же просто вся отработанная пища уже вышла из желудка во время моих сильных поносов.

22.06.1942

Сегодня год войны между нашей страной и немецко-фашистскими гадами. Эта знаменательная дата совпала сегодня с первым ожесточенным налетом (за мое здесь пребывание) на эти места.

Пишу в землянке-окопе. Налеты продолжаются и сейчас. Хаустов, мой боец, окончательно растерялся и даже от испуга заболел. У него была рвота. Руки у него трясутся, и лицо перекошено. Он сначала пытался скрыть свою боязнь перед бомбежками врагов, но теперь уже не скрывает, открыто признается мне, что нервы у него не выдерживают. Так ведет себя вчерашний герой, который минувшей ночью матюгался на меня и говорил, что я «сирун» и при первом же бое наделаю в штаны, а его оставлю самого погибать.

Я положительно теряюсь в желании и стремлении, в мечтах, я бы сказал, образумить этого человека, абсолютно не желающего мне подчиняться, заявляющего мне: «Хоть ты меня расстреляй сейчас, слушать тебя не буду!» Вчера вечером у нас произошел один из повседневных разговоров, которые действуют на меня сильнее, чем самый жестокий и опасный бой, какой я себе могу представить в воображении. «Какой ты командир? Да ты дурак! Ты глупей всякого дурака...» – говорил он мне.

23.06.1942

Сегодня тоже не прекращаются бомбежки. Только что закончил писать письма. Написал одно маме в Ессентуки, тете Ане и дяде Леве по одному. Вчера (нет, позавчера) отправил маме письмо. Итого пять. Теперь веду счет им.

Сижу в землянке на рубеже обороны. Хаустов продолжает болеть со вчерашнего дня. Во-первых, он сильно струсил при налетах и, во-вторых, он испортил себе желудок. Все приходится делать самому.

Вчера пришил себе два сигилька, как их здесь называют – два треугольничка на каждую петлицу – и стал сержантом[37]. «Вот чудо: в завтрак подходил к нам боец, в обед – сержант», – говорили повара, указывая на меня.

Хаустов стал миленьким. Я отдал ему свой табак, забочусь о его болезни, и он больше не ругается – лежит или спит и бредит во сне.

Санинструктора не нашел нигде, хотя ищу его со вчерашнего дня. Говорил комиссару, командиру роты, командиру взвода. Командир роты обещал прислать его, но не прислал.

Нашему лейтенанту читал отрывки из своего дневника. Было там и о нем. Он с радостью слушал, когда я хвалил его, но дальше были места, где я о нем нехорошо отзывался, и я имел нетактичность прочесть ему их. Он обиделся. Сюда больше не ходит. А парень замечательный. Дружить бы с ним я мог и неплохо дружил бы. Только какое-то препятствие стоит на пути к дружбе с ним, невидимое, но ощутимое слегка. Иногда оно исчезает, и он говорит со мной тепло и задушевно, как друг, однолетка. Но это бывает редко. По-видимому, я сам виноват в этом.

25.06.1942

Обстановка здесь сильно изменилась. Сейчас будем уходить из нашего блиндажа-землянки, мы уже здесь привыкли и уходить не хочется. Но коварный враг угрожает нам с фланга, в то время как мы приготовились встречать его с фронта. Три дня враг бомбил окрестные деревушки, оставляя кровавые следы разрушений.

26.06.1942

Во время привала. Едем на машине в сторону восхода солнца. Проехали уже свыше 100 километров. По дороге большое количество военных. Все направляются в ту же сторону, что и мы. Масса машин, много войска.

Мирные граждане повсеместно эвакуируются. В воздухе гудят высоко-высоко над землей, так что не видно сразу их, вражеские самолеты. Не может быть, чтобы наши войска собрались оставить такую огромную территорию, столько хлеба и имущества немцам. Войска, вероятно, перебрасывают для подкрепления другого фронта.

Только сейчас я представляю себе ясно, из какого ада мы вырвались. Мы находились в мешке, который постепенно закрывался, и, пробудь мы на месте этом до нынешнего утра, нам не довелось бы выбраться оттуда. Мы бы были окружены, взяты в плен или перебиты.

Впервые издали я увидел действие нашей «Катюши». Она зажигает все на своем пути, ровным рядом поднимая языки пламени и дыма на территории. Но и «Катюши», по-видимому, не помогли. Больше всего здесь виновата вражеская авиация: три дня ни на минуту не затихали разрывы бомб, пускаемых на территорию соседних деревушек беспрерывными потоками немецких самолетов. Вражеские коршуны налетали волнами по 28 самолетов и подвергали всю землю вокруг огню и дыму. Небо нахмурилось от разрывов бомб, и пошел дождь, не приостановивший, однако, этих варварских налетов фашистов. В конце третьего дня немцы сбросили на месте полуразрушенной ими деревушки (с правого фланга наших позиций) парашютный десант автоматчиков, который бил в спину нашим войскам, находящимся на передовой линии фронта.

В штабе батальона заинтересовались причиной выстрелов, перестрелки в селе, и комиссар роты сказал о необходимости выслать разведку, чтобы узнать, что там происходит. Я попросил его назначить меня в разведку.

27.06.1942

Но командир роты назначил двух других сержантов. Мне не повезло. Не пришлось рискнуть. А рисковать мне нравится. Не довелось узнать много нового, близко наблюдать бой.

Чернила у меня взял комиссар, но, против ожидания, вернул на другой день. Теперь снова пишу чернилами.

Посланные в разведку имели интересное, но рискованное приключение и вернулись с важными сведениями относительно хода событий впереди нас. Оказалось, что фронт еще далеко, и действует против наших частей группа автоматчиков-парашютистов.

Село, в котором происходили указанные события, продолжало гореть, подожженное утром бомбежкой. Я попросил бинокль и по рассказам и наблюдениям из бинокля пришел к следующим выводам относительно создавшегося положения. Впереди нас, откуда мы ожидали противника, фронт был еще примерно удален на 18–20 километров. Западнее этого направления фронт был еще дальше. Наоборот, на восток от нас, с правого фланга, откуда мы меньше всего ожидали врага, а также на северо-запад, с тыла, враг был не более четырех километров от нас. Причем если днем там действовали десантные группки противника, то к вечеру перед нами была уже регулярная армия, прорвавшая на одном из участков фронт. Мы оказались в мешке, который со вре[менем] закрывался и мог сдавить нас, в конце концов, сплошным кольцом. Тогда бы спасенья не было, но, к счастью, мы вовремя ушли. Чем там закончились бои, куда девались наши войска, там сражавшиеся, – мне не известно. Только передвижение войск на этом направлении нельзя было не заметить, ибо они запрудили все дороги своей несчитаной массой.

Купянск, говорят, наполовину в наших руках (станция), наполовину (город) в руках немцев. Отсюда этот город-станция очень близко находится – не более 10 километров. Бои здесь более напряженные, можно сказать, нежели на прежнем участке фронта, но наши войска (по разговорам все) не отступают, а наоборот, жмут немцев.

По дороге сюда я встретил восемь «Катюш». Все они тщательно закрыты чехлами, засекречены, но легко можно было заметить, что каждая имеет по восемь дул.

Комаров здесь еще больше, чем на прежнем месте, и они надоедливей и опасней. Самолетов куда меньше здесь, и они летят страшно высоко над землей.

Наши самолеты пролетают не раз над нами. Впрочем, где наши и где не наши, определить теперь трудно, ибо немецкие стервятники прилепили на своих грозных, замаранных тысячами невинных жизней крыльях, красные звездочки наши. Немцев мы узнаем по бомбежкам и стрельбе по ним наших зениток. У них теперь есть какие-то новые типы самолетов с двойным хвостом[38]. Это паршивые штуки: летят низко, по-видимому, разведчики.

Газет не читал я с самого двадцать второго числа, т[ак] что произошло на фронтах и в стране, не известно мне теперь. Автобиографию

свою написал, заявление подал еще раньше. Хочу в партию – она мне поможет пробиться в политруки. Сержантство, как и другой пост командирский, мне не по душе – не умею я командовать. А политработа – все для меня.

Где-то потерял этой ночью значок КИМа[39]. Он у меня открутился, вероятно, когда я боролся с комарами во время сна. Сколько я его ни искал – не нашел. Мне «везет» – в каждом новом месте я должен что-нибудь потерять. На прежнем, например, потерял карандаш с ножиком-наконечником.

Через некоторое время. Написал только что четыре письма в Ессентуки, маме, в Магнитогорск и Б[асе] Лившиц. Думаю отослать в редакцию некоторых газет свои стихотворения – незачем мне их мариновать, не такое время теперь. А стихи злободневны, хотя, возможно, и не весьма совершенны по худ[ожественным] дост[оинствам].

28.06.1942

Наш младший лейтенант говорит, что дневник и другие записи следует вести простым карандашом, но никак не чернилом или химическим карандашом. Бойцы также уверяют меня в этом. Они утверждают, что это гарантия сохранения букв от дождей, от воды при переправах через реку вплавь и проч.

Письма вчерашние только что сдал писарю.

Живот раздулся сегодня у меня от пищи. Давно я так не наедался, как сегодня. Мне вспоминается время, когда я жил у тети Поли, где наедался так, что штаны приходилось расстегивать и распускать поясок. Сейчас я тоже по-домашнему распоясался. Боюсь за желудок свой – ведь я ел и кашу молочную, и кислое молоко, и сладкое и все это в большом количестве.

Весь день я живу на молоке. Здесь много коров, и бедные местные жители, напуганные беспрерывным гудением и разрывами снарядов из дальнобойной артиллерии, продают или меняют все, что им не особенно необходимо в данный момент. Сейчас им ничего не жалко, даже жизней своих детей. Единственная у них забота – это корова, которая кормит их и поддерживает. Хлебом здесь трудно разжиться, но я достал. Яиц и других продуктов питания нет.

Война разорила крестьян и отравила им жизнь. Они, сельские жители, недовольны бойцами. Кто-то уворовал курицу, два бойца забрали у местных обитателей пару гусей. Некоторые из бойцов во время артобстрела повыбивали стекла в одной хатке и хотели туда забраться.

Конечно, все это неверно. Жители просто хотят порисоваться, показаться обиженными, снискать у бойцов для себя сожаление и отыскать у них моральную поддержку в часы испытаний. Но доля

правды здесь имеется. В семье не без урода. И в Красной армии находится немало головотяпов, которые ни с чем не хотят считаться, объясняя свои действия войной. Их бы надо стрелять, и я думаю, так и поступит с ними наше командование при повторении подобных самоуправств этими людьми.

Снаряды здесь рвутся как на фронте, хотя до передовых позиций отсюда не менее пяти километров. Вчера осколком снаряда убило корову, другой – отбило ногу. Бойцы раскупили мясо (главным образом, батарея). Мы не успели, хотя наши батальонные минометы находились неподалеку оттуда. Выстрелы их (бойцов) оглушили, и они так растерялись, что, обычно всегда первые в подобных ситуациях, на этот р[аз] ничего не достали.

Магазин разбит, школа разбита, и много других зданий пострадали от обстрела. Все результаты обстрела я сам наблюдал своими глазами. Видел мертвую корову и разрушенные здания. Военные объекты, а также войска не пострадали, и выходит, что мины-то немцы побросали напрасно, невозместимо их стоимости принесенными убытками. Жалкие и бестолковые фрицы! Наша «Катюша» вам покажет, как нужно стрелять, а артиллерия поддержит ее своим огневым шквалом.

Только что мне сообщили, что едем на передовую. Наконец-то началось. Понюхаю пороху. Спешу собираться.

В лесу. Движемся к передовой. Мы прикреплены к какой-то армии. «Будем сдерживать противника с фланга...» – услышал я обрывки слов из объяснений комиссара. Газет давно не читал – с 22 июня. О положении на фронтах ничего не известно. На данном участке увижу воочию.

Мне необходимо выдвинуться. Мой лозунг – отвага или смерть. Смерть, нежели плен. Жизнь за мной должна быть сохранена судьбой. Она обо мне заботится, мое дело завоевать себе бессмертие.

Я теряю сознание от пореза пальца, при появлении сколько-нибудь значительной струйки крови. Мертвых вид был всегда мне неприятен. В драках я всегда был побеждаем. И теперь я мечтаю о подвиге – жду и даже больше того – стремлюсь к нему!.. Я, который...

До сих пор меня не страшили ни разрывы снарядов, ни бомбежки – может быть, потому, что это было далеко, в стороне от меня, не знаю. Но думаю, надеюсь не подкачать, выдвинуться, отличиться, стать комиссаром и вести военную корреспонденцию с фронта в газеты. Я добьюсь своего, пусть даже ценой жизни, иначе я не человек, а трус и хвастун. Клянусь же тебе, мой дневник, не быть серењким, заурядным воином, не выделяющимся из общей массы красноармейцев, а быть знаменитым, прославленным или хотя бы известным героем Отеч[ественной] войны.

Комары жить не дают – путают мысли, пьют кровь и приводят меня в бешенство своим гудением и укусами своими. Кончаю писать, ибо нет мочи выдержать от этих надоедливейших насекомых. Как их здесь много![40]

01.07.1942

Какой, однако, бессовестный этот Хаустов! Какой неприятный человек! Вчера целый день он спал. Я не будил его, так как, во-первых, стирал и писал в это время и, во-вторых, решил дать ему выспаться, чтобы к вечеру он мне тоже не мешал. Но не тут-то было!

– Вставай, Володя, мины уже близко рвутся, – тормошил он меня после каждого разрыва вражеского снаряда, напуганный и растерянный.

Вечером ходил я по ужин и до 12 ночи ожидал, пока привезли его. Хаустов оставался сторожить миномет с минами и наше личное имущество. Пришел – он спит.

– Вставайте, Хаустов! Хаустов, проснитесь!

Вылазит.

– Вы что же, товарищ Хаустов, спите, когда на вас лежит охрана военного имущества? Ведь вы не в тылу!

– Вздремнулось, – отвечает, – спать дюже хочется.

– А вы помните, что вы говорили, когда я предложил однажды, будучи еще в тылу, пойти в ближайшую хатку переночевать с минометом и личными вещами? – Нельзя идти. Тебе спать хочется, какой же с тебя командир. Да ты хоть меня расстреляй, а я не пойду. А вдруг на боевую готовность миномет поставить придется.

– Хаустов, – говорил я вам, – ведь мы в тылу, по приказу мы всегда успеем все приготовить, – а ведь хатенка та была всего в нескольких метрах от нас. – Нет, вы настояли на своем, вам хотелось, как и теперь, делать все не так, как говорю я. В дождь и сырость мы провели ночь, в то время, как остальные отделения и даже батальонные минрасчеты, во главе с лейтенантами, разместились по квартирам. Вы сказали: – Пусть буде так. Ты лягай сейчас, а я сбужу тебя, когда мне дюже спать схочется. – И я лег. Но не успел я даже вздремнуть, как вы разбудили меня: – Вставай Володя, уже светает, – и я стоял до самого утра, хотя был разбужен вами в начале ночи – часов у нас не было, и вы этим пользовались. А теперь, когда мы на передовой линии фронта, вы позволяете себе спать, да за это действительно стрелять мало. – Тогда он ничего не ответил. Ночью нам предстояло закончить рыть окоп, ибо днем было невозможно это сделать, так как наша позиция находилась на открытой местности и была под наблюдением врага.

Пока мы поели и приготовились, было не ранее часа ночи. Для того, чтобы не носиться с минометом и с минами и др[угим] имуществом, я предложил ему одно из двух: или я чтобы пошел рыть окоп

(там надо было только поровнять немного и замаскировать), а он оставался сторожить наш шалаш, или наоборот.

– Я пойду, – сказал он, – но тут же полез на попятную, – а хоть – ты иди, нет, надо вместе идти. Один я не пойду!

– Тогда я пойду, а вы сидите, – и так он не соглашался.

– Так, – говорил он, – мы оба ничего делать не будем. Один будет спати, другой вертеть лопаткой. Надо обоим идти.

– Тогда, хорошо, берите лотки с минами, я миномет, и давайте же, наконец, идти!

– Я не буду их нести. Их надо оставить здесь, а с собой взять только вещевую сумку, винтовку и противогаз.

Долго пришлось его упрашивать, уговаривать, прежде чем он согласился со мной. Он пошел копать, я остался охранять шалаш.

Через полчаса вернулся, доложил, что все готово. Сам он приготовился спать ложиться. Но пришел Кузнецов – боец соседнего отделения – звать его за завтраком. Он и здесь хотел на меня переложить: говорил, что он работал и устал и прочее. Я объяснял ему, что за ужином, когда я ушел, – он спал, весь день он спал, а я ни на минуту не уснул.

– Кто же виноват тебе, что ты не спал? Надо было спать, когда я копал. А днем я тоже не виноват, надо было спать.

– Стало быть, следовало разбудить вас и самому лечь?

– Зачем будить? Лягали б спать и все, а меня не будить.

Трудно с ним столковаться. Но на этот раз за ужином он пошел. Поели. Уже было светло. Я стал укладываться и предложил ему через два часа разбудить меня, а самому лечь.

– Нет, не будэ по-твоему! Ты вставай, а я спать буду!

Ну, думаю, посмотрю, сколько у него совести есть. Сейчас уже около трех часов, а он все спит. Вставал покурить в 12 часов.

– Ну, Хаустов, выспались?

– Нет, еще буду спать.

– А мне спать не нужно? Эгоист вы, Хаустов, и бессовестный человек!

Он ничего не ответил, стал прогуливаться около нашего шалаша.

– Да, ложитесь же, наконец, спать, или я лягу, – пошел. Лег где-то в стороне, полежал, покурил, перешел в шалаш и – завалился в спячку.

Это только один из примеров, а подобных – тысячи.

Как мне командовать им? Миномет с минами, он говорит, бросить придется. Ключ для миномета, он говорит, не нужен и, издеваясь надо мной, говорит, что забросит его. Да ну его к черту, и писать о нем не хочется мне, но и не писать тяжело. Лейтенант в его присутствии говорит, что я строг с ним, что с ним надо говорить мягче и слушаться его потому, что он старше.

Вчера написал письмо маме, в Ессентуки, Оле, тете Ане и в редакцию газеты «Сталинский воин»[41], куда послал свое стихотворение «Здравствуйте, милые сердцу места».

Перестрелка вчера была сильнее. Бедный Хаустов чуть не умер, когда вечером возле него падали осколки неподалеку разорвавшихся мин (я ходил за ужином). Сейчас буду его будить. Хватит ему спать!

А природа здесь – только чтоб стихи о ней писать. Жаль, голова в тумане – спать хочется, умираю. Изредка где-нибудь засвистит снаряд, и снова тихо, только кукушка кричит беззаботно на весь лес: ку-ку, ку-ку, надоедливо гудят комары, и весело щебечут всевозможные птицы, стараясь перепеть разошедшегося соловья, но тщетно. Веселая славная птичка. Он не молчит ни минуты.

Низко над головой летит самолет. По-видимому, разведчик. Чей? Трудно определить – с обеих сторон его не обстреливают. Все стихло. Он улетел. Только ветер шумит листвой деревьев, подпевая шаловливым птицам лесным.

Я весь опух от укусов маленьких мошек и отвратительно уродливых и назойливых комаров, забирающихся даже под рубашку, чтоб укусить только.

02.07.1942

Недавно вернулся с села, в котором находились до прихода сюда. Лейтенант разрешил пойти поискать чего-нибудь из продуктов питания. Оттуда, оказывается, эвакуируются или, откровеннее говоря, насильно выселяют жителей. Уже третий день страшную картину наблюдал я в этом селе: выбитые стекла оставленных жилищ, заколоченные двери и ставни, перья и головы недавно резанных курей, плачущие женщины и голые ребятишки, не понимающие сердитых окриков матерей, когда невинные дети слишком зашалятся, встречались мне повсюду на пути.

Коров, оказывается, увели всех, не выдав селянам даже расписок. Одну женщину, отказавшуюся расстаться с коровой, какой-то лейтенант пристрелил – ранил в живот, и она сейчас умирает. Никто даже не пытается спасти ее от смерти.

Жители деревни рассказывают, что у них изымаются произвольно и насильно куры, гуси и пр[очее] бойцами и командирами нашими. И, как бы иллюстрацией к их рассказам, впереди меня появилась кибитка, до отказу груженная овцами, гусями и курами. Недоставало только хлеба, и бойцы, затеявшие это нехорошее дело во главе с лейтенантом, ходили по хатам, требуя у жителей хлеб. Жители деревни, а там остались одни старики, женщины и дети, негодуют и грозятся пойти сюда, на передовую, требовать защиты у бойцов. Они отчаялись и могут сделать все. Конечно, мародерством занимаются еди-

ницы, огромное большинство бойцов не позволило б себе подобных штук. Известно, что семья не без уродов. Но тем необходимей пресекать подобные поступки, чтоб неповадно было другим. Тем легче их пресечь и наказать виновников этого недостойного наших красноармейцев грабежа. Их мало стрелять, мародеров этих, нарушающих воинскую дисциплину, порочащих честь и славу нашей замечательной народной Красной армии.

Люди были злы на нас, бойцов, и у них трудно было чего-либо достать за деньги или поменять. Только искренним сочувствием и горячим негодованием против их обидчиков мне удалось вызвать симпатию у них. В одном месте мне дали вареного мяса, в другом девушка 1925 года рождения вынесла кусочек хлеба, в третьем угостили обедом (дал им, правда, коробку спичек). Молока не было, и купить чего-либо тоже нельзя было.

Там же, в селе, я узнал от писаря, что мне получилось письмо (но что его передали сюда), по пути мне сообщил боец, что письма там остались. Какая досада, быть там и не отобрать свои письма. Однако на передовую я возвратился сытый и довольный, что много узнал и увидел, хотя лучше хотел бы, чтобы этого не было.

В нашем шалаше оказались гости с 3-го отделения. Они накрывают свою землянку плетнем, который тут же плели, и днем не хотели идти на свою открытую позицию, чтобы враг их не заметил. Я, на радостях, что наелся, раздал всем им свою пайку табака. Мясо спрятал. Хаустову отдал выпрошенные мною сухари. Бессарабов долго косился на меня взглядом – ему хотелось, чтобы я поделился между всеми и мясом. Наконец он не вытерпел, встал и громко, чтобы слышали бойцы других подразделений, находившиеся рядом, стал говорить, что я нечестно поступаю и должен поделиться с Хаустовым мясом. Хаустов тоже бурчал и поддакивал. Но когда он ушел, стал говорить, что он и так перекусил и что с него «будя».

Он хитер, Хаустов, лицемерен и это вместе с его жалким видом грести все под себя вызывает брезгливое отвращение.

Он болен, к тому же, туберкулезом (по его словам), и я когда-либо заражусь от него – ведь я ем вместе с ним. А ему и сухари другой не дал бы на моем месте за все обиды, оскорбления, неприятности и позаглазные поношения перед людьми, которым он меня подвергает.

Сегодня стрелял батальонный миномет. Выпустил пятнадцать мин и ни одной не попал в цель. Сколько денег ушло на их изготовление, а их разбросали зря. Дали б мне пострелять – бил бы мой миномет хоть наполовину ихнего. Я б показал им, как надо целиться.

Вечером вчера отдал, наконец, парторгу свою автобиографию, теперь осталось собрать рекомендации двух партийцев и бюро комсомольской организации[42].

Сейчас уже вечер, и скоро за ужином пора. Триста грамм сухарей (а нам выдали еще меньше) недостаточно для среднего бойца в таких условиях. Сейчас дополучу, наверное[43].

03.07.1942

Ко мне нагрянул какой-то майор. Кричал, ругался, что мы не на огневой позиции, угрожал неприятностями и говорил, что немцы так не воюют. Записал фамилию, имя, отчество и еще что-то из моей красноармейской книжки.

Когда ходил докладывать лейтенанту (с ним были капитан и старший лейтенант, как я узнал, специалисты по составлению и нанесению на карты географической местности). Я разговорился с ним, и когда он узнал, что я пишу, стал говорить со мной откровеннее. С нами был еще связист Ципкин, член партии. Начали с того, что капитан заявил, что тоже писал когда-то и что в нашем возрасте или становятся слишком мечтательными (художниками, поэтами, изобретателями) – так я его понял, или слишком веселыми – хулиганами. Но это, говорил он дальше, до 25–26 лет. За пределами этого возраста многие расстаются с мечтательностью.

Перешли на политику. Я поделился с ним, что в тылу иначе смотрел на жизнь и особенно на ход военных действий на фронтах Отечественной войны, чем теперь, когда я увидел все собственными глазами. Газеты приукрашивают многое, многое скрывают или замалчивают, а я раньше всему верил, что узнавал из газет.

Заговорили о картах и о положении на фронтах. Капитан сказал, что у нас карты сейчас плохие, хуже немецких, так как наше командование не думало, что немцы займут такую территорию большую, и составили подробные карты до Киевской области включительно. Немецкий же двухфюзеляжный самолет-разведчик снимает местность, увеличивают снимки потом и, складывая по кускам, получают отличную карту местности, где всякая мельчайшая деталь нанесена. Я выразил удивление непробиваемости разведчика-самолета двухвостого нашими снарядами, которые рвались рядом с ним[44].

– Эти самолеты сделаны из специального металла, – пояснил мне капитан. И дальше стал объяснять положение на фронтах.

По его словам, наши части одержали ряд крупных побед над немцами и вот-вот должны были завершить полное окружение Харькова. Оставалось каких-нибудь 10 километров, и немцы проиграли бы сражение на Харьковском фронте. С севера от Харькова наши войска сосредоточили большие силы для этого. Тогда немцы, наоборот, сгруппировали еще бóльшие силы с юга и двинули их, при сильной поддержке авиации, на армию (номера уже не помню, позабыл), еще не участвовавшую в боях. Страшные бомбежки невиданной массы (до

800 самолетов) вызвали панику и растерянность среди личного состава армии, и она дрогнула и в панике побежала. Командующий армией, видя такое дело, приказал уничтожить оружие и спасаться, кто как сможет. Не встречая сопротивления, немцы овладели значительной территорией и окружили огромную группу наших войск. Многие прорвались из кольца, многие ушли к партизанам, но большинство попало в плен. Орудия побили самолеты, много вооружения, не уничтоженного нашими бежавшими бойцами, попало в руки немцев. Только у Изюма наступление немцев было задержано. А ведь наши войска обладали значительной территорией, недавно отвоеванной у немцев. Даже часть Днепропетровской области была в наших руках, и вот-вот должен был быть занят г. Павлоград. Теперь же все это осталось у немцев: и Балаклея, и Лозовая, и Барвинково, и Чугуев, и Сватово, и Купянск (город) и др. Об Изюме он, правда, еще не получил сведений, но в том положении, в котором Изюм находился, трудно устоять.

Таким образом, выйдя из полукольца и окружив наши войска, немцы, в свою очередь, придвинулись к основной своей цели, захватив Кавказ, присвоив себе его нефть[45]. Приблизились к планам пробиться в Индию на соединение с японскими войсками, дабы совместно действовать против наших миролюбивых стран – СССР, Англии и США[46].

Попробовали они пробиться через Ростов – орех оказался не по зубам. Тогда решили действовать опять окружением и двинули свои силы на Курск, на Воронеж, на Валуйки[47] – на весь район этих двух областей, дабы занять эти районы.

Только что разорвалась мина неподалеку батальонного полкового миномета. Рядом упало несколько осколков, странно, точно воя и свистя на своем пути. Я одел каску и лежу за толстым деревом, но мина может ведь не спрашиваться позволения упасть возле меня. Тогда, если рядом она упадет, спасения не будет. Но черт с ними, с минами. Я целиком положился на судьбу, а она меня не отдаст смерти в руки, не погубит меня, выручит. Мне не страшна смерть, хотя жизнью я дорожу больше всего на свете, и я смело гляжу опасности в глаза.

Сегодня утром видел троих раненых осколками мины. Двое не так сильно – в руку, один – здóрово в ногу. Они шкандыбали в село, где есть пункт первой помощи. Для них война временно, а может, кой для кого и навсегда, закончена. Но мне хочется не выбывать из строя и воевать на благо Родины до победы живым и невредимым, – каждому так хочется, но не всегда исполняются пожелания.

Но о положении на фронтах...

В газетах сейчас сообщают, что наши войска ведут бои с наступающими немецкими войсками на Курском направлении[48]. Отныне я понимаю это глубже и шире, нежели до этого моего разговора с капи-

таном. Теперь я знаю цели этого наступления и догадываться могу о последствиях его в случае успеха в осуществлении плана немецкого. Если вовремя немцев не остановят – они могут нас отрезать, и я вместе с другими бойцами этого участка фронта попаду в окружение. Это худшее из того, что угрожает мне [*два слова нрзб*]. Но в партию я все же поступлю, не пострашусь ни пыток, ни терзаний. И в плен живым, по-моему, не сдамся.

Анкарский процесс[49], по словам того же капитана, закончился присуждением нашим гражданам советским тюремного заключения на 20 лет каждого. Какая вопиющая несправедливость! Не дали людям даже высказаться публично и обвинили ложно. Это пощечина грубая нашей стране. Турки начинают примазываться к немцам, испугались их, по-видимому, гады.

Оля написала два письма, но этого оказалось недостаточно – всего не отразишь, что накопилось за период между днем моего призыва и днем получения письма в ночь на 2 июля. С бабушкой она тоже спорит и говорит, что это «черствый эгоист». Понятно, что этими словами не исчерпываются все, что она думает о ней, но мне многое понятно стало, прав оказался я.

Только что читал газету за первое число. Умер Янка Купала[50]. Какая огромная потеря, но война перекрывает ее, и об этом много не говорят. На Курском и Севастопольском направлении ожесточенные бои. По-видимому, на Курск направлено наступление немцев[51] [*два слова нрзб*].

04.07.1942

Сегодня, когда я ходил за завтраком (часа в три с половиной ночи), Хаустов опять уснул. Я пришел, взял лежавшие рядом с ним винтовки и перенес на другое место, подходил к миномету, перенес некоторые вещи – он не слышал. Когда я его разбудил и стал говорить ему, что за это могут пострелять нас и что так на передовой не делают, он назвал меня говном ...ным в рот и прочей матерщиной и ругательствами стал меня поносить.

– Ну и что [*одно слово нрзб*].

05.07.1942

На рассвете, когда было еще темно, пришел, наконец, младший лейтенант. Хаустов принес мне завтрак, и лейтенант сказал, что выберет вместе со мной позицию, когда я поем. Однако он не сделал, как сказал, и выбрал позицию без меня с Бессарабовым и Хаустовым. Когда я указал, что она не годится, приказал мне замолчать.

Хаустова прельщала эта позиция близостью к соседнему расчету, Бессарабова – легкостью рытья ее. Ему, Бессарабову, лейтенант предложил помочь нам, и он, воспользовавшись случаем, нажаловал-

ся тому на меня, что, дескать, я грубо с ним (Бессарабовым) разговариваю. Лейтенант отозвал нас обоих и стал поносить меня за нехорошее обращение с таким, дескать, сержантом, как и я.

– В чем заключается это дерзкое, грубое обращение? – спросил я недоуменно. – Мне непонятно, почему это вдруг мне предъявлена такая претензия?

– Говорите, Бессарабов, – сказал младший лейтенант.

И тот начал говорить несвязно, что, дескать, он указал мне, что нужно так делать что-то, а я ответил, что сам знаю...

– Укажите конкретно, в чем выражалось ваше указание и когда я его не выполнил (не странно ли, командир отделения обязан выполнять – так требует младший лейтенант – приказания бойца, пусть даже в чине сержанта).

– Замолчите, – прервал меня лейтенант. – Он знает вдесятеро больше, он самый старший во взводе, вы должны его слушаться и выполнять то, что он говорит, ибо он опытнее вас. Вы знаете, что я вас поставил на пост командира отделения только потому, что вы грамотнее Бессарабова (эти слова дали лишний козырь в руки этому человеку). Он копает хорошо, а вы долбитесь лопаткой так, что ему (Бессарабову) смотреть противно, и он сам берет и начинает за вас копать (мы всего один раз копали вместе, и никогда Бессарабов не копал за меня).

Вечер. Сейчас выезжаем (уходим) отсюда, куда – не знаю. Хаустов говорит, что он слышал, будто бы мы выходим из окружения.

06.07.1942

Село Вольшанка[52], кажется. Оно находится в 30 километрах от того хутора, в котором мы стояли. До передовой отсюда нам следует пройти свыше ста километров.

Миномет удалось погрузить на автомашину. Идти будет легче, но тяжесть остается все-таки: болтается вещмешок, противогаз, скатка[53], винтовка. У меня лишний груз сравнительно с остальными красноармейцами – тетради, карты и проч. Будем, вероятно, участвовать в боях на Курском направлении, некоторые высказывают предположение, что под Ростовом. Точно ничего не известно.

От тети Ани получил письмо. Кроме адреса более точного и дополнительно листка бумаги с адресом маминым в нем ничего не было. Адрес, говорят, новый. Я не решаюсь отвечать [*три с половиной строки нрзб*].

07.07.1942

Ворошиловградская область. Мы где-то около Славянска, в селе Туманово. Поздно пришли. Машин еще нет. Страшно устал, сил нет писать. Сейчас опять двигаться будем. Ноги опухли, покрылись мозолями и чирьями. Тяжело и хочется спать.

Жители готовятся к эвакуации. У одной женщины удалось достать пол-литра молока.

Мысли путаются. Лучше оставлю записи вести...

Только что немцы бросали листовки. В них они называют нас плохими вояками и говорят, что за это время они были бы в Берлине на нашем месте. Глупые они и хвастливые – почему же до Москвы дойти и занять ее им не удалось?

11.07.1942

Шесть дней выходим из окружения. Нет ни сил, ни терпения. Идем пешком по меньшей мере километров 200. Мне они кажутся, эти несколько дней – месяцем, годом, чем-то невообразимым и тяжелым, похожим на сон. Мытарства все не кончились. Сегодня будем занимать оборону, по словам некоторых, защищать, прикрывать отход и эвакуацию частей, имущества, войск.

Имею много интересного рассказать, но сильно устал, не могу.

12.07.1942

На привале в селе. Отдохнуть не успел и поесть. Приказано собираться. Когда же, наконец, мы выберемся из этого проклятого окружения? Только успеем выйти и расположиться на отдых, как оказывается, что немцы опять угрожают нам окружением. Позавчера наперерез нам бросились...

13.07.1942

Двенадцатого числа записать ничего не успел – комиссар забрал дневник. Потом он [*одно слово нрзб*], но сейчас во время привала в селе.

[..].07.1942

Село Заозерское Ростовской области. Здесь мы вчера ночевали – дождь помешал нам продолжить свой путь. Грязь не дала двигаться дальше. Нас, немного отбившихся от части взвода минометчиков (вернее, половина взвода), в составе лейтенанта младшего, санинструктора, бойцов Пушки, Моторина, Кузнецова, Гончаренко, Александрова и еще двух. Всего нас не то десять, не то одиннадцать человек. Впереди нас ожидают большие трудности, возможно, плен, а может, даже и гибель. Немцы очень решительные люди, быстро действуют и организованно, с дисциплиной воюют. В этом источник их силы. Людские ресурсы, а также материальные у нас несравненно больше немецких, но использовать их как следует мы не умеем. Боже, какая сила шла на Восток впереди и позади нас, сколько техники и вооружения встречались взору моему все время.

Позавчера около одного из сел поймал живую курицу и ел, сплевывая пух и перья, пока не стошнило. Тошнит до сих пор и кружит в голове.

18.07.1942

Сегодня, оказывается, восемнадцатое число. До ближайшего селения 13 километров.

Лейтенант хотел наказать меня – посадил верхом на лошадку. Вначале это было для меня действительно наказанием – ведь я никогда раньше не ездил верхом, но потом я настолько привык, что позволил себе даже писать на лошади. Это было не слишком удобно, зато спокойней, нежели в другом месте – никто не мешал, я был в одиночестве, если не считать шедшей подо мной лошади.

19.07.1942

Если это правильно – сегодня 19 июля. В этом селении, до которого во время вчерашней записи в дороге оставалось 13 километров, я сейчас нахожусь.

Ночь ночевали мы уже здесь. Приехали поздно, день был пасмурный, и мы сразу положились спать. Здесь работают еще некоторые общественные предприятия, хотя скот, колхозное и совхозное имущество, а также банк – эвакуированы. Аптечка и магазин школьных принадлежностей работают. Военных здесь масса. Перед нами сюда прибыл полк и разместился по всем закоулкам. Нам не осталось места в центре селения и пришлось вновь переезжать через речку на западную окраину села, где мы уже были.

Ночью пошел дождь. Я чувствовал сквозь сон его крупные, леденящие капли, густо устилавшие все вокруг. Машинально сжался в клубок, подвернул под себя противогаз, накрывшись шинелью, но это, конечно, не помогло. Я промок до ниточки. Единственное, что осталось сухим – это противогазная сумка с тетрадями и верхняя часть туловища с боковыми карманами, где хранятся блокноты, фотокарточки и документы – эти места я наиболее берег.

В воздухе непрерывный гул самолетов. Непонятно, чего ожидают наши? Не нового ли десанта и прочих трудностей впереди? Им хочется, видите ли, побольше выжать из этих местностей необходимых продуктов. Мед достали в пасеках. Много меду. Теперь меняют его на хлеб. Пшеницу здесь понабирали в амбарах мешками, меняют с крестьянами на хлеб, муку и пр. Хотят остаться здесь, чтобы набрать побольше хлеба, ибо, по их словам, за Доном много не наменяешь.

Младший лейтенант просто заносчивый мальчик, хитрый, хотя и недалекий по уму, но практичный. Живет только для себя, как и все окружение мое. Этому он научился, видимо, еще в училище. Сильно поддается он влиянию бойцов и по любому совету готов все делать, вернее, заставить делать меня и других, менее опытных в жизни и, следовательно, менее нужных для компании полезных и авторитетных бойцов. Но таких мало – раз, два и обчелся.

Мины выбросили они из повозки еще в то время, когда впереди нас был десант немецких автоматчиков (по словам приблудившегося к нам младшего лейтенанта, бывшего соученика нашего командира взвода), разбивший наш и его – 27-й и 28-й – батальоны. Я не знал об этом – в то время я не позволил бы им этого делать. Минометы бросили под руководством младшего лейтенанта недалеко отсюда, километрах в 20, в селении не то Кухтачево[54], не то Вихлянцево[55]. На мое замечание, что ведь сказано в приказе Сталина о необходимости строжайшего сбережения военного имущества при любых обстоятельствах[56], лейтенант ответил: «Вы не понимаете обстановки, товарищ Гельфанд, вы не знаете, в каком мы сейчас положении», – и приказал мне принести лопату, дабы закопать оружие. Я попросил оставить хотя бы один ротный миномет (он весит всего лишь 10 килограмм), на что лейтенант мне ответил: «Несите его тогда сами на плечах». Ясно, что нести его не смог бы я, будучи на территории, усеянной вражескими десантами.

Сейчас я пасу лошадей. Проклятье, они далеко заходят, и приходится без конца прерываться и гнать их обратно. Это мне уже надоело. Погоню их в сад, где мы сейчас расположились.

20.07.1942

Хутор Беленский[57]. Так называется это селение. Сегодня мы уже здесь второй день. Войска все идут и идут. Одиночки, мелкие группы и крупные подразделения. Все имеют изнуренный и измученный вид. Многие попереодевались в штатское, большинство побросало оружие, некоторые командиры посрывали с себя знаки отличия. Какой позор! Какое неожиданное и печальное несоответствие с газетными данными. Горе мне – бойцу, командиру, комсомольцу, патриоту своей страны. Сердце сжимается от стыда и бессилия помочь ликвидации этого постыдного бегства. С каждым днем я все более убеждаюсь, что мы сильны, что мы победим неизменно, но с огорчением вынужден сознаться себе, что мы неорганизованны, что у нас нет должной дисциплины и что от этого война затягивается, поэтому мы временно терпим неудачи.

Высшее командование разбежалось на машинах, предало массы красноармейские, несмотря на удаленность отсюда фронта. Дело дошло до того, что немецкие самолеты позволяют себе летать над самой землей, как у себя дома, не давая нам головы вольно поднять на всем пути отхода.

Все переправы и мосты разрушены, имущество и скот, разбитые и изуродованные, валяются на дороге. Кругом процветает мародерство, властвует трусость. Военная присяга и приказ Сталина попираются на каждом шагу.

Сегодня я стоял на посту ночью. На рассвете пришла соседская женщина и тайком сообщила, что в селе немцы, что она сама их видела. Пришли, дескать, они ночью, и один из них, видимо, старший, потребовал, по словам женщины, документы у ночевавших у нее бойцов. Он строго разговаривал с ними, спрашивал какой они части, почему не со своими подразделениями, куда идут и пр. Ее, женщину, он спросил, не красноармейка ли она, и когда она сказала, что нет, он приказал постелить им спать. Она уложила их и прибежала сюда сказать. По-русски все они плохо разговаривают [*пять строк нрзб*].

21.07.1942

Вчера вечером к нам пришли командир нашей роты и много других командиров из офицерского состава батальона. С ним были ответственный секретарь комсомола младший политрук... парторг батальона... и политрук Малов. Последний интересовался судьбой комиссара батальона, разыскивал его, но безрезультатно. Все командиры рассказывали, что когда на батальон напали немцы, он вел себя мужественно и отважно. Немцы (это были десантники) неожиданно ударили по батальону с тыла из автоматов. Батальон размещался тогда по всему селу, на виду и явился большой мишенью для противника. Во время боя в село пробрались несколько немцев и пытались поджечь сарай (это было ночью, кажется), комиссар собственноручно застрелил двух фрицев, выползавших из подожженного сарая. В то время как большинство людей растерялось – комиссар беспрерывно отстреливался, давая отпор ненавистным и хитрым врагам. Командиру нашей роты сказал выводить людей и сам ринулся в самую гущу битвы. Больше его никто не видел. Немцы наделали большой переполох в батальоне, и тот частично разбежался, частично попал в плен, много было убитых и раненых. Парторг батальона сорвал с себя знаки отличия (на нем их не было, когда он к нам пришел)!

Вчера ночью мы вышли из села. Наш взвод ехал на подводе, у себя поместили мы трех командиров. Остальные, а их было больше, нежели рядовых, шли пешком от хутора. Однако мы отъехали не более четырех километров и остановились, так как не знали, куда ехать дальше, на ту ли дорогу мы попали.

Николаевка[58], где до сих пор была переправа, по рассказам многих, занята немцами. Впереди, по хуторам и дорогам, тоже, по слухам и разговорам, высадились десанты. Толком, однако, ничего не известно. Сейчас утром мы движемся дальше. [*Одно слово нрзб*] на повозке сидят. Только что наш мл[адший] лейтенант узнал, что в Николаевке никого нет, и разговоры о немцах – сплошной вымысел. А в нашем селе тоже ходили подобные слухи, и всем пешеходам, конным, спасавшимся из плена, выходившим из окружения, говорили, что сюда опасно ехать.

Командир роты говорит, что, если бы я был с ними, я побросал бы все тетради и дневники, но я твердо уверен, что сохранил бы все, удайся мне сохранить свою жизнь. И сохраню, если только выберусь живым отсюда. А в этом я уверен, ведь со мной судьба. Не она ли остановила наш взвод, не с ней ли мы все отстали от батальона, которому угрожала опасность.

Но мне хотелось бы, не так чтоб было. Видеть все, участвовать в схватке, проявить героизм, показать, испытать себя и выйти невредимым, как наши командиры, – вот чего мне хотелось бы. Но нет добра без худа, как и наоборот.

Подъезжаем к хутору. Отсюда разузнаем подробности о дороге, чиста ли она от противника. Комиссар – о нем печется мое сердце. Неужели он погиб или попал в плен? Не может этого быть, ведь он такой милый и отважный, прекрасный и честный человек. Такие люди не должны погибать – этого требует справедливость.

Солнце всходит ласковое и хорошее, в хуторе запевают петухи. Все хорошо в природе. Плохи только люди, которые войны придумали, которые убивают друг друга. Мы не умеем пользоваться жизнью, которая так прекрасна, не умеем наслаждаться ею и любить ее.

22.07.1942

Ночью перебрались на другой берег Дона. Переспали и отдохнули в прибрежной деревушке и двинулись дальше. Я решил пренебречь всеми правилами приличия и стыдливостью, дабы не помереть с голоду. Да и не я один. Вся изголодавшаяся и изнуренная, оборванная и жалкая на вид масса, избежавшая окружения и плена, красноармейцев, все силы свои и старания прилагает на добывание пищи. Хутор Камышевский[59].

26.07.1942

Из хутора Камышевского, что неподалеку от Дона, двинулись догонять наши воинские части, военную комендатуру, которая перед самым нашим носом уезжала в соседние хутора.

25 километров до Мартыновки.

Пришли, а там никого нет. Кутейниково еще километров с 30. Опять никого нет. И только здесь, в Зимовниках, удалось, наконец, нагнать части воинские и комендатуру, и формировочный пункт.

Вчера вечером приехал сюда, мне повезло – встретился мне человек – зав. какого-то пункта по взиманию налогов с населения и торговых точек. Он-то и подвез меня на своей одноконке до самых Зимовников, угостил в дороге пышкой. Да вдобавок я нашел по дороге пару огурцов и подзакусил хорошо. Но и этим дело не кончилось. Когда мы расстались, он предложил мне в любое время при нужде прийти к нему – он и накормит, и поспать у него можно будет. Я поблагодарил за любезность и попрощался с ним.

В селе мне встретились многие красноармейцы, которые рассказали всякие неприятные разности относительно формировки прибывших из различных участков фронта, а также, подобно мне, выбравшихся из окружения бойцов. Говорили, что всех прибывших сюда сразу же собирают группами и отправляют на фронт, что ведут их под усиленным конвоем автоматчиков и морят голодом. Еще болтали, будто бы всех заставляют носить тяжелые грузы и не дают отдохнуть после утомительного и трудного выхода из окружения. Советовали сразу идти на Сталинград, где поблизости должна находиться 38-я армия[60], с которой, по словам Егоренко (мл. лейтенанта), мы воевали на фронте. Я решил пойти поискать – может, увижу что-либо, узнаю.

Дождь помешал моим намерениям, и, переждав, пока он немного затихнет, в одной хатенке, пошел к тому доброму человеку, с которым сюда приехал. Там поужинал хорошенько и лег спать. Спал хорошо и много, как никогда. Отдохнул. Утром позавтракал яичницей с хлебом свежим и пошел опять узнавать, добиваться встречи со своими.

Половину поселка обошел, никого из наших не встретив. Уже подошел к станции, но раздумал, решил не ходить больше и повернул обратно. На обратном пути наткнулся на пункт пограничной охраны НКВД[61]. Там отобрали у меня винтовку, выдав расписку и оставшиеся в подсумке[62] 36 патронов[63]. Мариновали меня целый день до вечера. Пищи никакой не давали и разговаривали со мной строго. Это мне очень не понравилось. Я подумал было, чтобы уйти самому искать формировочный пункт, но у меня отобрали документы, и пришлось ждать.

Сейчас я нахожусь на формировочном пункте, куда меня привели под охраной. Здесь мне не сказали ни слова о местонахождении нашего УРа, но заявили, что все одиночные или групповые бойцы силой не более батальона, попадающие в расположение данного пункта, остаются здесь по приказу командования.

Никого из нашего батальона, ни даже из нашего УРа я не встречал. Сердце наполняется досадой: неужели я глупее всех и попал, не в пример остальным, как рыба в сети?

28.07.1942

Долго, долго я крутился по лагерям, где разместилась вся пойманная 51-й армией[64] масса измученных бойцов и мл[адших] и ср[едних] командиров. Никого: ни бойца, ни командира я не встретил. Весь я погрузился в такое одиночество, что и передать трудно.

Попросил у комиссара этого формировочного пункта 51-й армии каких-либо продуктов или хотя бы хлеба.

– Посидите, – сказал он мне. – Вас вызовут.

– Но, простите, я целый день сижу здесь, и мне говорят все: «посидите».

– Неверно, вы не могли сидеть целый день здесь потому, что за день у меня сегодня прошло очень много людей, а вас я впервые вижу. Посидите, – повторил он и отошел прочь.

Я решил уходить. Стал спрашивать бойцов относительно шансов на успех при совершении побега. Один из бойцов, находившийся там уже несколько дней, посоветовал идти на Котельниково[65], где якобы должен быть военно-переселенческий пункт[66]. Уходить посоветовал он огородами, минуя посты охранения.

«Если, – говорил он, – попадешься пограничному охранению НКВД, то может быть тебе большая неприятность. Тебя могут объявить дезертиром и проч., могут направить в особый отдел[67]. Если попадешься нашим или другим воинским частям, тебя могут препроводить обратно сюда, причем ты получишь, наверняка, встрепку. Но все же я на твоем месте, имея документы (мне вернули красноармейскую книжку[68]) на руках, не остался бы здесь ни одной минуты», – поддавал он мне жару. Я посмотрел на него: без обмоток, в изорванной одеже, он заставил меня отвернуться. И я решился.

Поздно вечером я пошел по селу вдоль по улице, выходившей в [*одно слово нрзб*]. Если на меня кто-либо смотрел подозрительно, я старался делать вид, что не замечаю его взгляда и направился в ближайшую хатенку спрашивать молока и хлеба. Я был к тому же голоден изрядно.

В одной из окраинных хатенок я остановился. Хозяйка угостила меня молоком со свежей пышкой и разрешила мне переночевать в саду. Дома она боялась меня положить, так как делали облавы на бойцов.

Я переспал, дождался утра, ибо ночью ходить по селу не разрешалось – оно было на особом положении ввиду близости фронта. Утром я пошел по дороге, которая вела от села в степь. Хозяйка дала на дорогу мне пышку.

Когда я отошел далеко от села, мне вздумалось свернуть на дорогу. Там встретился мне патруль, проверивший у меня документы. Я показал расписку, что у меня отобрали винтовку с патронами. Там была печать погранвойск НКВД. Патруль, посмотрев на нее, даже не прочтя содержания, разрешил следовать дальше.

По дороге я нагнал группу с призывниками 1924 года, которых направляют из Шахт[69] в Сталинград.

Встрепенулся воробей, полетел, сел недалеко.

– Жид, жид полетел! – бросились они за ним с криком, сшибая его шапками. Я быстро отстал от них.

– Боец, куда идешь? – окликнул меня лейтенант боевого эскадрона, расположившегося в степи на отдых. Я рассказал. Они, бойцы (все калмыки), пригласили меня покушать с ними[70]. Я не отказался.

Варили они пару барашек. Жирные, признаться, эти барашки были. Я хорошо подзакусил.

Калмыки – славный народ, гостеприимные и добрые, угостили меня по приказу их лейтенанта вдобавок сухарями. Я почитал им стихи, отрывки из дневника. Они спросили, какой я нации. Я страшно не люблю ни сам спрашивать, ни когда меня спрашивают об этом. Сказал – русско-грузин. Отец, дескать, русский, мать – грузинка. Один из них, видимо, тоже лейтенант, заявил мне: вы, русские, нехороший народ, не любите нацменов[71], никогда не окажете им помощи, поддержки, не выручите в беде. Вы бы не угостили калмыка, если бы он был в вашем положении. Что ему было тут сказать? Я ответил, что все люди неодинаковы, и что среди всех наций есть часть нехороших людей.

Рассказал им случай со мной, как я был оставлен нашим лейтенантом, когда мы шли по пути из Мартыновки на Кутейниково. Было так: еще в Мартыновке меня встретил младший лейтенант с Моториным и его другом, младшим лейтенантом Анатолием из другого батальона. Они предложили мне ехать с ними.

В одном из селений, что неподалеку от Мартыновки (в 10 километрах от нас), нам встретился парень 1925 года рождения, который там учительствовал (это было калмыцкое селение). С ним мы пошли в сад, нарвали яблок. Я нарвал полную пилотку вкусных, сочных яблок. Одна калмычка-хозяйка наварила нам мяса и сделала пышек из наших продуктов, добытых в прошлом селении [*одно слово нрзб*].

[*Одно или два слова нрзб*] тому парню мл[ладший] лейтенант подарил ракетник с тремя ракетами и дал пострелять из пистолета. Из моей винтовки он тоже настрелялся изрядно. Словом, парень был в восторге, и ему настолько понравилось с нами, что он, хотя ему нужно было в Зимовники (там он живет) ехать на другой день, перенес к нам пару мешков муки и поехал на нашей конке.

В дороге начали скрипеть колеса. Их надо было смазать чем-то. Послали меня [*одно слово нрзб*]. Не успел я обернуться, как они уехали, побросав на дороге мои вещи. Яблоки раскушали, бросив на дороге пустую пилотку. Гранату вытащили из шинели и оставили у себя – рыб глушить.

Больше я их не встречал. А ведь это не первый случай, когда младший лейтенант Егоренко оставляет своих бойцов. Помнится мне еще один подобный факт, вопиющий о несправедливости командира нашего взвода. Это было как раз перед тем, когда наш батальон разбили немцы.

Мы шли, не доходя деревни, где это случилось. Вдруг дорогу стали обстреливать. Все растерялись, отстав от нашего взвода, предводительствуемого тачанкой[72]. Егоренко тоже отстал, отстала и лошадь,

на которой любил ездить он верхом и в упряжке, но которая усталая, голодная и непоеная брела дальше. Еще два бойца отстали и шли где-то сзади. Только началась стрельба из минометов – мой командир лошадь бросил, не разнуздав даже, и побежал что духу есть к тачанке. Он вперед, я – за ним. Я подбежал уже к повозке, но она тронулась, и никакие окрики уже не могли остановить ее. Я решил обогнать их и пошел по прямой дороге через поле, пренебрегая опасностью, возмущенный трусливым бегством большинства бойцов. Они же свернули в сторону, чтобы миновать опасное место, и окольным путем понеслись вперед, аж пыль столбом!

И все-таки я перегнал их. Их лошади сильно устали и от бешеной гонки трусливых беглецов еле плелись дальше.

– Товарищ лейтенант, ведь это не делают так, бросить бойцов в минуту опасности и бежать без оглядки, когда вашим подчиненным может угрожать гибель.

– Где я вас буду разыскивать, товарищ Гельфанд?

– Да я же был рядом, кричал, чтоб остановились, ругался, наконец, когда нагнал уже почти было вас в дороге. Я шел все время рядом с санинструкторской повозкой[73], которая следовала за вашей, но отстала, когда бежали вы. Вы же командир, комсомолец. Это не по-товарищески и не по-комсомольски, где же тут взаимная выручка в бою? Мне не было страшно, но боль ног и справедливость заставили меня идти прямой дорогой, догонять вас. Вы же командир, комсомолец. Как вы могли допустить такое трусливое бегство, когда там оставались ваши бойцы.

– Молчите. Хватит разговаривать. Сволочь вы, товарищ сержант, – проговорил он скороговоркой, и больше мы к этому не возвращались.

Выслушав мой рассказ, [*нрзб полторы строки*] и командиры согласились со мной и поведали мне, как один русский их угостил вином тайком от товарищей. Значит, есть и хорошие люди среди русских. Такой они сделали вывод. Расстался я с ними через пару часов сытый и довольный этой встречей.

[*Одно слово нрзб*] из-под Ворошиловграда на Сталинград [*одно слово нрзб*]. Много рассказывал о своем участке фронта. По дороге я заметил паровоз, доверху наполненный бойцами. Когда через полчаса нагнал его на полустанке – вижу, как будто меня ожидают. Я обрадовался, не знал еще, куда он едет, ведь до Котельникова километров 70.

Какова же была моя радость, когда я узнал, что он едет именно до Котельникова. Как я доехал до места – не буду говорить – трудно, конечно, пришлось мне, ибо паровоз так был набит доверху, что можно было сорваться оттуда – давили кругом отчаянно, но доехал и быстро сравнительно.

30.07.1942

На вечерней проверке.

Только сейчас могу писать, несмотря на страшную головную боль и трудности письма в это время и при данных обстоятельствах. Завтра, может, даже сегодня уже, если не будет темно, опишу дальнейшие приключения мои и причину, по которой не смог сегодня писать.

Письма тоже не писал. Письма отправил, когда приехал сюда, 28 июля. Маме, в Ессентуки и тете Ане.

31.07.1942

Утром, перед завтраком, во взводе при пересыльном пункте. С двадцать восьмого числа я здесь. В школу отсюда без знакомства попасть трудно. В УР свой тоже вряд ли попаду, но буду настаивать, чтобы меня послали туда[74].

Здесь 118-й УР, и в нем все нации. Вчера сюда приезжал представитель 9-й армии[75]. Он набирал своих людей для отправки в Астрахань, где эта армия сейчас находится. Если бы мне удалось туда попасть, тетя Аня, которая там работает, помогла бы мне устроиться в какое-нибудь военное училище[76]. Страстно хочу быть политработником. Особенно сейчас, после выхода из окружения. Безобразия, которые мною наблюдались за это время, вызывали во мне возмущения и желание бороться крепко со всеми видами недисциплинированности и нарушениями воинской присяги, однако с моим воинским званием противодействовать этому трудно. Был бы я комиссаром – всеми силами я боролся бы за дисциплину бойцов своих, воспитывал бы в них отвагу, мужество. Не словами, как комиссар нашей роты Могильченко, а своим личным примером. А что я, боец, младший командир, могу сделать без разрешения среднего командира? Ни стрельнуть, ни сделать замечание бойцу и тем более младшему и среднему командирам при неправильном их поведении иногда, особенно в военное время, граничащим с предательством. Как, например, случай с минометами, выброшенными по распоряжению младшего лейтенанта во время нашего пребывания в окружении, хотя можно их было сохранить и вывезти. Ну что же я мог поделать? Не тащить же их, в самом деле, на своей спине сотни километров.

Отсюда, оказывается, никуда не выпускают, так что сфотографироваться и побриться мне не удастся сегодня. Напрасно я не согласился отдать всю пачку (20 листов фотобумаги) за семь снимков. Очень интересно запечатлеть на фотографии мой вид, в котором я пребываю все время, начиная с выхода из окружения и по сей день включительно.

Итак, продолжу свои воспоминания. Котельниково. Большое село городского типа. Его называют поселком, но чаще – городом. Прошелся

по главным улицам – все разрушено бомбежками. Много зданий с выбитыми стеклами, развалленными стенами без дверей. Жители эвакуируются. Совет депутатов труда выехал, сельсовета и сельпо[77] нет, общественные учреждения и магазины закрыты. Работала только одна столовая, в которой можно было получить только завтрак в девять часов утра – один раз в день, да и то не всем. Работала еще милиция, и существовал райком партии и комсомола. Больше ничего.

Обратился в райвоенкомат, который жил еще в лице одного человека, чтобы обеспечили меня и еще одного друга питанием.

– Завтра получите 400 грамм хлеба. Больше ничего у нас нет.

Я не стал ожидать милости и направился на станцию. По дороге окликнула нас женщина, которую смутил и заставил обратить внимание жалкий, измученный вид наш. Она завела нас в квартиру и угостила тюлькой, не весьма свежей, правда, и хлебом поцвевшим. Но и это было для нас хорошо. Другая женщина из этого же дома принесла нам пару пышек.

Мы разделились. Этот приятель был, оказывается, 1924 года; по его словам, он вырвался из плена. Немцы, он говорил, хорошо к нему отнеслись – каждому пленному дали по десять рыб. Хлеб у него был. Он был ранен, и немцы, дескать, доставили ему бинты и прочее, а наш санитар, тоже попавший в плен, перевязал ему рану. Он показал рану на голове. Я не верю его словам, хотя по его виду (он без пояса был и без документов, а также без пилотки) он действительно выглядел побывавшим в плену человеком.

Я решил проследить за ним, так как полагал и сейчас продолжаю думать, что он завербован немцами как шпион, но на вокзале потерял его из виду. Сколько ни искал – найти его не удалось. Во время этих розысков наткнулся на эшелон эвакуирующихся в Сталинград. Мне удалось устроиться в одном из вагонов.

Это было вечером двадцать седьмого числа. Двадцать восьмого я прибыл в Сталинград. В вагоне эвакуирующиеся меня угостили кусочком сала и чаем с сахаром, на дорогу дали хлеб.

На вокзале встретился с одним пареньком. Он был босой и без документов. У входа в город нас задержали, но парень, которого послали препроводить нас в комендатуру, не хотел, видимо, ходить и отпустил нас самих искать чего нужно.

Новый товарищ мой, оказывается, был уже здесь, но его направили в другое место, где части его не оказалось, тогда он вновь вернулся сюда.

Мы вошли в садик, где решили расположиться, но этот парень здорово чесался – вши ползали по нему, и я решил с ним расстаться.

Поехал искать пересыльный пункт. Попал в него, но меня туда не принимали. Там собирались раненые и ученики разных школ и про-

чие. Направили на Историческую, 38. Допоздна я спрашивал у людей и милиции эту улицу, но никто таковой не знал.

Я расположился вблизи этого пересыльного пункта прямо на улице, вместе с рабочим батальоном[78], бойцы которого, узнав, что я с фронта, пригласили меня лечь с ними. Им дали разрешение там располагаться, в то время как меня могли задержать ночью и отвести в военную комендатуру, где неизбежна трепка нервов и мозгов.

Я им рассказывал многое из увиденного мною, говорил о патриотизме бойцов наших и о силе нашего оружия. Но чем же объясняются наши неуспехи на фронте? Что я мог им на это ответить? Не мог же я им сказать, что главную роль тут играет измена и трусость многих высших командиров, и неорганизованность и трусливость большинства остальной массы бойцов и командиров. Мне самому стыдно в этом сознаться. И я молчал.

Утром встал рано. По улицам ходили пешеходы, и валяться было неудобно.

02.08.1942

Попал в 15-ю гвардейскую дивизию под командованием генерал-майора...[79] Батальонный комиссар ... ознакомил нас с историей дивизии[80]. Рассказал, что она участвовала в финляндской кампании, польской кампании и с первых месяцев войны участвовала в Отечественной войне. За разгром группы генерала Клейста под Ростовом[81] эта дивизия, имевшая другой номер, но уже орденоносный, в финляндских боях получила звание гвардейской и второй орден. Так что она гвардейская, дважды орденоносная. Все полки здесь гвардейские, бойцы и командиры многие – орденоносцы. Батальонный комиссар с двумя шпалами в петличках тоже орденоносец, кажется, ордена Красного знамени[82]. Командиры все здесь кадровые. В дивизии не было ни одного случая отступления без приказа или трусливого бегства. Даже из этого беспорядочного отступления, а затем окружения она вышла целиком, почти сохранив весь свой людской состав и технику.

После беседы с батальонным комиссаром нас выстроили, и подошел генерал-майор, командир дивизии. Он собственноручно распределял бойцов по полкам, спрашивая у каждого специальность. Это мастистый большой человек с крепким баском, высоким лбом и добрым простым выражением глаз. Он дважды орденоносец. В числе орденов – орден Ленина на груди у него. Генерал-майор ушел, старший политрук прочел нам последний приказ т. Сталина[83]. Этот приказ – замечательный приказ, правильный приказ, но было бы лучше, если бы он был издан несколько дней раньше, до отхода наших войск с Харьковского фронта. Но ничего не поделаешь. И то очень отрадно, что во время всеобщего брожения и недовольства появился

такой славный приказ, сумевший развеять страхи, растерянность и неуверенность некоторую в наших рядах и в рядах народных масс, постепенно появляющуюся в результате временных, но крупных неудач Красной армии. Заградотряды, штрафные роты, штрафные батальоны – хорошая мера. Сталин прав, что у немцев, хоть они и противники, хоть они и не имеют возвышенных целей защиты отечества, как мы, можно многому поучиться.

В приказе т. Сталина за № 227 прямо и открыто говорится, что у нас нет дисциплины, отсутствует организованность, что и является причиной неудач[84]. Каждое слово приказа как бы подтверждает мысли мои во время выхода из окружения.

Силы у нас много, вооружения достаточно, чтобы разгромить захватчиков. Об этом и говорит т. Сталин: «Наши заводы работают на полном ходу, выпускают все больше и больше вооружения фронту». Я и сам наблюдал массу новейшего и современнейшего вооружения, беспрерывным потоком двигавшегося на фронт. И нас разве не вооружили минометами 1942 года выпуска? Зачем же бросали все, зачем же отступали? Кто виноват во всем, и как устранить повторения подобных прецедентов? Мне вспоминаются мысли мои во время странствования утомительного и позорного армий наших. О, если б знал т. Сталин обо всем этом! Он бы принял меры, думал я. Мне казалось, что он не осведомлен обо всем, что творится, или же неправильно информирован командованием отходящих армий. Какова же моя радость теперь, когда я услышал приказ вождя нашего. Сталин все знает. Он как бы присутствовал рядом с бойцами, мысли мои сходны с его гениальными мыслями. Как отрадно сознавать это.

Мы поняли очень много. У нас теперь не может быть и мыслей о каком-либо отступлении, хотя некоторые люди даже теперь продолжают думать и утешать себя мыслями, что наша страна огромна, людские ресурсы у нее неисчерпаемы и неисчислимы военные и хозяйственные ресурсы. Но так могут думать люди, для которых недорога уже и так достаточно поруганная Родина. Ни шагу назад! Нам некуда больше отступать. Мы и так достаточно потеряли. С занятием Донбасса немцами и потерей Украины мы лишились более 70 миллионов населения, ... тонн хлеба...

Теперь, после временных неудач на фронтах, многие сомневаются в возможности окончательного разгрома и уничтожения немцев, но на это можно лишь сказать: враг не так силен, как это кажется. Его можно остановить. Его можно выгнать из нашей территории. Для этого нужна дисциплина и организованность. Сейчас у нас не может быть и мысли об отступлении.

После зачтения приказа Сталина мы долго разгуливали без дела или отдыхали. Многие пошли в сад рвать фрукты.

Я залез на дерево, сорвал несколько груш, но не успел слезть, как поймался с еще группой бойцов. Пришел хозяин сада в сопровождении военного, который и отвел нас к комиссару. Я заявил от имени всех, что этого больше не будет, и военный смягчился, хотя старик долго замахивался на меня палкой. А я и действительно не знал, что есть хозяин у этого сада. К этому я привык еще на фронте, к мыслям, что все покинуто, все без хозяев. Пока я разговаривал, защищался – остальные улизнули. Я недолго оправдывался и тоже ушел. А могла быть крупная неприятность.

После многих еще записей, процедур и знакомств, разговоров и бесед нас раздали по полкам и батальонам и направили на машинах каждую группу в свою часть. Нас направили в Райгород[85] за Сталинградом, севернее его километров на 60.

Здесь тоже мы прошли через огонь, воду. Командиры кричали на нас и строго, на мой взгляд, обошлись с нами. Мы, правда, расхлябанны теперь и страшны на вид, многие среди нас в штатской одежде пришли сюда.

Командир полка приказал нас накормить и наутро отправить на Волгу купаться, стирать одежду и пр[очие] водные процедуры проводить. Мы разместились под сараем на улице, но пошел дождь, и всяк разбежался кто куда, условившись насчет места сбора.

Трое человек нас пошли искать укрытие вместе: я, красноармеец Япченко и еще один боец. Япченко, оказывается, тоже из Днепропетровска, занимал там различные ответственные посты и знает моих родителей. Мы с самого пересыльного пункта вместе, и у нас завязалась некоторая дружба, с того самого времени, когда у меня сперли буханку хлеба, выданную на дорогу. Он предложил мне хлеб. Я, конечно, не остался в долгу и угощал его и яблоками, и огурцами, и арбузом, что редко здесь видят бойцы – я доставал, и еще некоторым удавалось.

Мы попали во двор, в котором не оказалось хозяев. Два домика этого двора были под замком, третий – нет. Я толкнул дверь, и мы очутились в небольшом помещении, где и разместились.

Наутро выяснилось, что это баня. На рассвете стали собирать нас и, выстроив, повели на Волгу. Было холодно, и моросил дождь, но нам приказали все же раздеться и идти в воду, а одежду приказали постирать.

Мне вспомнился в этом смысле приказ Николая построить железную дорогу Москва – Петроград[86], в плане которой он начертил линейкой прямую линию между этими городами, но в одном месте линейка была кривая, и получилось небольшое ответвление. Так ее, эту линию и построили прямую, с небольшим ответвлением в одном месте, не проверив достоверность чертежа[87]. Так и здесь лейтенант

не напомнил командиру полка, что погода сырая и холодная, дабы он отложил купание на день, а приказали купаться в шесть часов утра под дождем. Конечно, почти никто не купался. Многие простирали гимнастерки и брюки, которые так и не высохли у них утром. Я же ничего не стирал, а накрывшись шинелью, лежал до окончания «купания», пока нас не повели в расположение штаба полка, где нам выдали оружие, покормили с грехом пополам и повели в степь за селом, где батальон занимает оборону.

Степь здесь голая, заросшая низкорослым бурьяном, который тоже сохнет, страдая от жары и безводия (а Волга рядом!). Здесь уже везде верблюды встречаются, и я думаю, что они единственные существа, чувствующие себя в своей сфере.

Воды сюда не подвезли вчера и сегодня утром (4 августа), когда я дописываю вчерашнюю запись. Воды у нас нет. Ходим грязные и не целиком обмундированные – мне выдали только обмотки. С едой тоже плохо: утром и вечером одна и та же пища – водичка с крупой и с редко встречающимися кусочками мяса.

Мы еще первые. В батальоне всего два десятка людей, да командиры одни. Люди постепенно будут прибывать. Может, тогда лучше будет?

Узнал свой адрес, сейчас письма буду писать. По дороге сюда из пересыльного пункта написал два письма – маме и в Ессентуки.

15.08.1942 [*приблизительно*].

[*Вероятно, пропуск одной или нескольких страниц*] разговор. Но я ничего ему не ответил.

Пока он был командиром взвода, он еще не особенно старался навредить мне, ибо занимаемая должность для старшины была высокая, и ему льстило, что он может быть на одном счету с лейтенантами. Но как только пришел новый лейтенант – он стал помкомвзвода. Да, стал занимать должность, которую занимал сержант или старший сержант. Это страшно задело его старшинское самолюбие, и он в действительности почувствовал себя министром без портфеля. С этих пор он не давал мне жить, задавая мне всякие путаные вопросы, которые наводили нередко на споры. Портфель, равный по значимости старшинскому, с одинаковым окладом, заставлял его идти на всякие ухищрения, дабы сбить меня с толку, заставить сказать то, чего не нужно.

Так он говорил мне, например: «Тебе комиссар батальона приказал раздавать нам газеты. Почему ты их не приносишь?» Я отвечал, что без политрука не имею права этого делать.

«Но приказ-то тебе был дан?!» – говорил он мне в надежде, что я самовольно возьму у политрука газеты, тем самым вызвав его недовольство на себя.

Много еще подобных вопросов задавал он мне всякий раз, когда приходил я в окоп. И мне было даже неприятно туда ходить. И, наконец, позавчера это ему удалось и так крепко удалось, что он никогда об этом не мечтал, что так быстро удовлетворятся его желания. И все это получилось по моей глупости и необдуманности.

Политрук мне приказал совместно с новым комсоргом заполнить анкеты на желающих вступить в комсомол, собрать рекомендации от комсомольцев и коммунистов и анкеты затем отнести секретарю комсомольской организации полка.

Я беседовал с многими из вступающих, смотрел их работу, узнавал биографии и настроения и, несмотря на непродолжительность моего пребывания с ними, нашел нужным дать двоим бойцам рекомендации.

Лейтенант Голиков рекомендовал в комсомол своего бойца, а два бойца с 3-го взвода никак не могли получить рекомендации, ибо Зиновкин медлил с этим.

В прошлый раз он говорил, что поручится за Акльбекова – даст ему рекомендацию, ибо тот подходит не формально (как я) [*нрзб*] к этому вопросу и требует ознакомить его с уставом.

Четырнадцатого числа, когда я пришел во взвод, он стал говорить совсем иное: он не может поручиться за Акльбекова, ибо чувствует, что тот не особенно стремится быть комсомольцем. В чем выражается это предчувствие его, он мне так и не сказал, но заявил потом, что не может ручаться за человека, которого не видел в бою. А вдруг тот окажется предателем, может, сдастся в плен, а может, и струсит? Значит, ответственность падет на него, Зиновкина, давшего ему рекомендацию в комсомол. Затем он открыл кр[асноар]мейский устав партии и стал читать из него выдержки, трактующие о том, что в партию принимаются люди проверенные в бою, показавшие образцы мужества и героизма[88].

Я ответил, что немало есть примеров, когда прием в партию и комсомол оказывал большое влияние на человека, и тот оправдывал это звание мужественными действиями на фронте. Партия и комсомол – это немножко разница, но и туда, и в комсомол принимают для воспитания непартийных людей в духе исключительной преданности Родине и беспредельного героизма. Бояться ответственности никогда нельзя, не следует, особенно в этот момент, когда Родина находится в опасности. Вот и в газетах, скажем, ежедневно можно прочесть о приеме в партию и комсомол непартийных бойцов, пожелавших вступить в ряды коммунистов перед боем.

Но он уклонился от прямого ответа и завел разговор о другом. Не знаю, почему мы вдруг стали говорить об ошибках. Или что я ошибся, дав рекомендации бойцам, или что он может ошибиться при подобной ситуации. Но спор у нас зашел так далеко, что я, не помня себя от возмущения и стараясь защитить чем-либо свое мнение, сказал: «Со всеми случаются ошибки. Сталин тоже ошибся, когда говорил, что с занятием Керчи положено начало освобождению Крыма, а потом оказалось, что Крым оккупировали немцы»[89]... и тут же прервался, поняв, что я сказал и кому я сказал.

Мне и сейчас кажется, что это сон, что я не говорил этого, ибо мысли у меня не такие. А человек с такими мыслями не высказал бы их вслух и особенно в присутствии коммуниста. Неужели я мог позволить себе такую необдуманность, неужели мог хоть на секунду посомневаться в гениальной прозорливости вождя своего, которого так незабвенно, так преданно и горячо обожаю?!

Я замолчал, сам пораженный своими словами. Лейтенант и боец, случайно оказавшиеся здесь, не заметили ничего особенного в моих словах, а на лице Зиновкина я заметил радостный смешок вначале, а затем продолжительную задумчивость.

Все это было очень недолго. Один момент прошел, так что не заметившие ничего лейтенант и боец ... не успели обратить даже внимание на паузу в разговоре, но Зиновкин, тот недаром стал старшиной (он будет вскоре, возможно, и лейтенантом, не так по своим военным знаниям, как умением топтать, проходить по поверженному им человеку). Он все заметил и обдумал, он понял, какие огромные выгоды принес ему этот разговор, эта необдуманно-случайная мною брошенная фраза.

– Сталин ошибся? – спросил он. – Да ты знаешь, что ты говоришь?! И ты это заявляешь в присутствии бойцов?!

– Где бойцы? – спросил я.

– А это кто, не боец? – указал он на ...

Я ответил, что присутствует всего лишь один боец, и что я сказал эту фразу необдуманно, и что виноват, но что хотел не то сказать и сам не могу объяснить, чем вызвана эта фраза была. Но Зиновкин не удовлетворился.

– Спроси любого бойца, может ли Сталин ошибаться? Вот ты скажи, правильно ли он сказал? – обратился он к бойцу.

– Нет! – ответил тот.

– Вот видишь, и бо...

20.08.1942

Пять писем: маме, дяде Леве, тете Ане, Оле и в редакцию дивизионной газеты «На защиту Родины», статью «Побольше бы таких минут»[90].

23.08.1942

Написал статьи «Мы сильны» и «Мы готовы к бою». Первую хотел отправить в газету «Сталинское Знамя»[91], вторую – в «Сталинский воин»[92]. Запечатал в конверт, но отправить не удалось, ибо письма теперь не ходят, связь прервана с внешним миром. Еще у меня лежат неотправленные письма тете Ане и открытка маме в Среднюю Азию.

Газет тоже нет. В последних сообщениях информбюро говорилось о взятии немцами Майкопа и о боях в районе Минвод, Черкасска и Краснодара. А в газете за десятое число говорится уже о боях в районе Пятигорска[93].

Как там Ессентуки? Не сданы ли уже немцам?[94] Это всего вероятней сейчас, но мне хочется думать, что все обернулось к лучшему, и Ессентуки еще в наших руках. Хоть бы скорей газетку прочесть.

Выпустил пятый по счету номер «Боевого листка». Написал специально для него стих «Глаза большие, синие». Все статьи от передовицы и до мелких статьишек писал сам, только фамилии подписал других лиц, не побеседовав даже с ними – все не то, что не могут писать или не хотят, но и разговаривать не желают. Карикатуры и переписывал статьи тоже я сам.

Вчера стреляли мы из миномета. Мой расчет уничтожил и рассеял много гитлеровцев и зажег вражескую автомашину с боеприпасами. Два взвода в целом нашей роты уничтожили и рассеяли до трех рот пехоты противника. Это ягодки. Яростный натиск немцев мы сдержали, но те основными силами, по-видимому, обошли нас и окружили полукольцом.

Где-то совсем уже близко стреляют по нам из орудий и минометов. Снаряды и мины рвутся здесь рядом, а осколки залетают даже в окопы. Старшего сержанта Саранова ранило в живот двумя осколками. В хозвзводе у нас убило лошадь.

С продуктами у нас совсем паршиво, и в день мы получаем только 300 граммов хлеба и тот намок во время бегства хозвзвода через озеро, когда обстреливали село и бомбили. Село разрушено. Много людей и лошадей убито и валяются прямо на дорогах. Жители разбежались.

После перестрелки с врагом меня совершенно оглушило, и я второй день ничего не слышу на правое ухо.

30.08.1942

Сегодня отошли без боя на другой участок обороны. Километров на 10–11 ближе к Сталинграду. Ушли ночью, немцы не знали о нашем отходе, и мы вышли незаметно для них. Только утром, когда мы прямо с марша стали окапываться здесь, появилось несколько автоматчиков с оружием.

03.09.1942

Дневник, приятель дорогой! А я сегодня пил чай из кореньев! Сладкий, как с сахаром! Жалко, тебе не оставил! Но не беда – тебе достаточно понюхать запах корней – вот они, в руках у меня, чтобы ты убедился в правдивости слов моих. А зачем тебе иные сладости кроме моих, ведь ты переживаешь все наравне со мной – и радости, и горести те же.

Сейчас уже темнеет. Корни сидят глубоко в земле, и их долго выкапывать пришлось. Угостил и бойцов, насколько можно было угостить из одной с половиной кружки, что мне досталось, а ведь я грел чай вместе с Горшковым.

Письма сегодня не отправил – не было ездового[95].

Немцев наши, оказывается, отогнали далеко от сгоревшего сарая; об этом я узнал из своих наблюдений и со слов лейтенанта.

Прочел сегодня статьи о Теучеже[96], Павленко[97], о Стальском Сулеймане[98], о Лермонтове – из тех, что еще остались у меня.

Дни стали коротки, и не замечаешь, как они теперь кончаются. А в остальном [*одна строка нрзб*] очевидно, этим мясом? Слава богу, четвертый теленок, плененный, но не успевший быть зарезанным, удрал. Сегодня чувствую я себя неважно, хотя и не все мясо, как другие, поел.

Только что встал. Долгое время лежал, переворачивался с боку на бок в надежде заснуть, но тщетно. Мухи и прочая дрянь не дают уснуть – кусают до крови.

Утром приехал ездовой, привез фляги (четыре) и теплое белье. Написал и передал через него письма в Астрахань (два), Магнитогорск, Среднюю Азию, ППС[99] 1532, центральное пересылочное бюро Москвы, в Ленинград, дяде Василию и в Дербент.

На наблюдательном устаешь стоять, ибо жара еще сильная, и солнце душит. Чай теперь буду пить ежедневно, независимо от того, будет сахар или нет – теперь у меня есть коренья. Сегодня тоже хлебнул с полкружки. Выпросил, в буквальном смысле, у Корнеева. Он что-то сильно стал нахален со мной, кричит на меня иногда – не уважает, очевидно. Но я его заставлю присмиреть.

Холодное сегодня поделил с двумя бойцами – сам не смог одолеть, зато воды пил без счету. Из выданных нам продуктов лейтенант взял себе всю чистую муку и масло, а ржаную, недомеленную – отдал нам. Досталось на отделение по четыре кружки. Горшков, получая, заявил вполне серьезно (и я уверен, так он и сделал): «Я раздам всем по полкружки, а остальное себе заберу». Эх, сражает он меня. Я бы разоблачил кое-кого. [*одна строка нрзб*] люди представлены к награде. За что? А этого никто у нас не знает. Понравились политруку – вот ответ.

Сейчас уже солнце зашло. Пора кончать. Дни теперь коротки донельзя, и ты не успеваешь за них ухватиться.

[..].09.1942

Когда же я, наконец, узнаю число, месяц?

Солнце уже у самого горизонта. Я на наблюдательном пункте. Как, спрашивается, могло случиться, что я, такой горячий патриот своей Родины, занимаюсь посторонними делами? Но чем же мне еще заниматься? Три человека – я, Терещенко и меньше всех Горшков (тот ухитряется), – весь день разделяем между собой на наблюдение. Но, в сущности, что это за наблюдение? Рядом с нами, шагов триста впереди – большая высотка, наблюдательный пункт стрелков. Мы же наблюдаем из очень неудобного места, откуда ничего не видно. Сидеть, не отводя глаз от позиций противника – утомительно, да и результаты наблюдение почти никаких не дает. Горшков, идя на наблюдательный пункт, говорил сегодня: «Буду вшей бить, все равно делать нечего». А придя с наблюдения, похвалился: «Я сегодня на посту пять патронов выпустил!»

– В противника? – поинтересовался я.

– Да нет же, он далеко, и его не видно. Просто в воздух.

Вот так мы и воюем в большинстве случаев. Тратим патроны понапрасну, когда каждым нужно поразить врага, стоим без пользы на наблюдательном пункте – девять человек стоит у нас ночью на посту. И что ж, выходит, и не отдыхает никто ни днем, ни ночью, кроме лейтенанта и помкомандира взвода, и толку не особенно много от этого, когда все можно было сделать с пользой, рационально расставить силы, использовать возможности.

А вчера старший сержант Скоробогатов, которого я прославил, кстати, в далеко не искреннем, писанном исключительно по заданию стихе «Будем все герои, братцы!», поставил меня ночью часовым во вторую смену, хотя я полдня провел перед этим на наблюдении.

[..].09.1942

Бузиновка[100].

Большое красивое село. Хаты чисто выбелены глиной. Жители слегка нахмурены. Но сквозь хмурость и грусть, налегшую на их лицах за время хозяйничанья немцев, проглядывает великая радость и торжество по поводу прихода нас, русских.

Ночью пришли сюда. Было темно, поздно. Но жители не спали. Только за день до нашего прихода сюда немцы ушли, без всякого боя убежали.

Один мальчишка бойкий радостно рассказывал бойцам о своем счастье: он рассказал, что немцы перед уходом своим отсюда пригна-

ли скот в это село, раздали жителям для откорма, но, убегая, угнать с собой не успели. Много скота осталось теперь у местных жителей.

Ночь переспали мы в этом селе. Я устал страшно от ходьбы. Мозоли на ногах [*одно слово нрзб*] огромное расстояние довелось нам покрыть за этот день, дали себя почувствовать.

Во время пути вчера имел повторный инцидент с лейтенантом. Когда командир роты предложил кому-либо взять опорную плиту и перенести ее на переднюю повозку (эта совершенно не двигалась – тяжела была), я взялся за это дело, сдуру не рассчитал своих сил, расстояния между повозками (600–700 метров), тяжести плиты и груза, который я нес (автомат, вещи). Я, конечно, добежал до повозки, уложил плиту, но с огорченьем узнал, что не только не упрочил этим свое положение среди бойцов и командиров, но этим и понизил свой командирский авторитет. Все думают: пусть сам таскает, раз выполняет приказания бойцов [*одно слово нрзб*], значит – не командир.

Только уложил плиту – лег наземь, уставший. Догнала повозка. Командир роты приказал разгрузить подводу. Лейтенант приказал мне взять плиту. Я отказался, объяснив отказ усталостью своей.

– Я приказываю взять!

– Не могу, не возьму! – ответил я.

– Я приказываю! – прокричал он, как мальчишка.

Но я, конечно, не стал.

[*Нрзб*] что объявляет наряд вне очереди. Затем обратился к Скоробогатову, чтобы тот заставил меня нести плиту всю дорогу.

Ночью нам сообщили, что должно начаться наступление. Объяснили задачу. Начался митинг. Я выступил, и выступил политрук. Командир рассказал обстановку. Мы приготовили ориентиры, вещи и одежду положили в порядок.

В пять часов должен начаться бой.

06.09.1942

Третий день мы ведем ожесточенные бои с противником, стремящимся перейти в наступление. Ни днем, ни ночью не затихают выстрелы из винтовок, автоматов, орудий и минометов всех калибров, которыми немцы беспрерывно засыпают землю, пытаясь запугать нас своей силой, сломить нашу стойкость, поколебать дух наш.

Бесконечно свистят и, вскрикивая пискливо, зарываются в землю пули. Вгрызаются в нее с шипеньем и воем злые снаряды, разлетаясь десятками шумящих осколков.

Но все это зря. Редко-редко и то силой случая немцам удается попасть в цель. Сотни тонн металла беспощадно ковыряют землю, не принося нам никаких повреждений. Зато мы бьем, когда противник далеко! Редко, да метко! Когда противник идет в наступление или находится вблизи нас – горе ему!

Горы трупов, масса уничтоженной техники – вот они, результаты нашего огня.

Вчера немцы несколько раз пытались перейти в наступление, то с правого, а потом все время с левого фланга нашей обороны. Весь день не прекращалась артиллерийская канонада, а к вечеру подняли, гады, такую трескотню, такой гул, что и передать трудно. Это они обстреливали село. Нашу оборону они не трогали, знали, что нам они не в состоянии принести вреда, нанести ущерб в живой силе и технике. И озверелые мерзавцы принялись яростно разрушать село своими огневыми средствами. Принялись воевать с мирным населением, которое ничего им не сделало и ни в чем перед ними не повинно.

Дальнобойными пушками, отстающими от фронта на 10–15 километров, они подожгли Большие Чапурники[101], там горело до нынешнего утра.

Всю ночь не прекращалась и сегодня стрельба из пулеметов, орудий, винтовок, автоматов, а также минометов. Немцы никак не покидали мысль о наступлении, хотя вчера получили от нас огромную трепку. Сколько их, кровожадных убийц, вчера поплатилось жизнью за свои преступления. Но это ягодки. Наш счет только начался. Мин у нас много, масса другого вооружения от гранат, винтовок до ППШа[102] и пр.

Сегодня на рассвете после усиленной артподготовки пьяные фрицы вновь двинулись сюда. Вначале двигались по одному – их встретили ружейным огнем. Лейтенант Черных из первого взвода собственноручно уложил трех немцев. Позже пошли вражеские танки на дорогу, где их подбили много наши противотанковые орудия.

Немецкие самолеты-корректировщики[103] бросают над нашими позициями ракеты, но и это не помогает немцам, они все равно стреляют мимо нас. Выходит, разбрасывают попусту снаряды. Эх, и глупые, неумелые стрелки-вояки эти [*одно слово нрзб*] фрицы.

Но мы знаем, за что воюем, и поэтому глаз наш зорче немецкого, снаряд вернее, пуля у нас не столь дура, как в руках немцев.

Сегодня, оказывается, не шестое, как я думал, а седьмое число. До конца этого года осталось 115 дней. За этот период должна решиться судьба многих стран и народностей в связи с разгромом немецких и всяких других фашистов, который назревает, который неизбежен в этом году.

Сейчас уже несколько часов на нашей обороне затишье. Только изредка пронесется над нами одинокий снаряд, ухнет о землю, завизжит одиноко пущенной пулей, или звякнет немногократно очередь из пулемета выпущенная. И снова тишина. Противник, видимо, отчаялся в своих попытках одолеть нас, несмотря на численное и техническое превосходство на этом участке.

Ему никогда не заставить нас, сколько бы ни было у него сил, ослушаться приказа товарища Сталина, никогда ему не вынудить нас отступить без приказа. Мы – гвардейцы и с гордостью отстаиваем и впредь не перестанем отстаивать это славное имя, присвоенное нам Родиной.

Недавно я был в библиотеке Б[ольших] Чапурников, разбитой бомбежкой фашистских каннибалов. Сколько книг, альбомов, словарей, сколько разных жемчужин культуры и искусства погибает от руки ужасных врагов наших. Я взял несколько книг, и мы читаем их с помкомвзвода Кукайло. Малой энциклопедии у меня было два тома – сейчас один при смене огневой позиции остался. Собрание сочинений Маяковского[104] и литературные исследования о Глебе Успенском[105] – очень интересные книги.

Маяковский – патриот, творческая работа корреспондента и др. Книги я уже прочел. Сегодня отдохнул, как и все бойцы и командиры нашей роты, за несколько дней боев, когда было не до отдыха. Мы славно поработали и теперь заслуженно отдыхаем.

Я все не покидаю мысли еще раз наведаться в библиотеку за новыми книгами. Ведь эти я достал в ночное время при свете луны, и выбрать хороших книг не сумел из-за отсутствия света дневного. Это будет зависеть от обстановки и от разрешения младшего лейтенанта или политрука.

Писем не пишу и не получаю ни от кого уже несколько дней. Газет тоже нет. Что там делается на Кавказе, в Калининской области и на других участках? На нашем участке я вижу все воочию.

Где теперь мои родные из Ессентуков? Что стало с моими стихами, дневниками, книгами? Как хорошо было бы, если б их спасли Нюрочка или тетя Берта.

Бои на Кавказе в последнее время шли в районе Моздока и Прохладного[106]. Сейчас у меня замечательная карта из энциклопедии – карта Орджоникидзевского края, и я могу отмечать все события происходящие там в связи с войной.

В районе Прохладного (по газетам) положение улучшилось, и наши войска заняли даже у противника один населенный пункт. На других участках немцы перешли к обороне, а в районе Калинина отбросили врага на 40–50 километров, освободив при этом 610 населенных пунктов и в их числе города Зубцов, Карманово, Погорелое и Городище. Это из вечернего сообщения 26 августа[107]. С этого времени, т. е. с тридцать первого числа, я газет не читал и, что произошло повсюду на фронтах и в тылу, не знаю пока.

08.09.1942

Странное дело – за все время пребывания на фронте я не видел ни одного убитого человека, а под огнем врага побывал не раз. Вот и

сегодня небольшие осколочки от снарядов несколько раз угодили в меня. А во время сегодняшней ночной ходьбы за ужином и второй раз за завтраком пули свистели над самым ухом моим. На этот раз я сам напросился, чтоб меня послали в деревню, преследуя единственную цель – порыться в книгах, выбрать себе для чтения подходящую вещь.

Вечером я узнал расположение кухни, когда ходил за ужином, а нынче на рассвете решил по пути в хозвзвод, где мы получаем пищу, решил заглянуть в обезображенное снарядами двухэтажное здание партийной библиотеки.

К несчастью, ночь была темная, рассвет пасмурный, и я ничего не смог выбрать, а схватил четыре первые попавшиеся толстые книги, из которых две оказались собраниями произведений В. И. Ленина, а две других – историей XVIII и XIX веков. Что ж, я не прочь получше ознакомиться с творчеством великого Ильича и с историей стран земного шара, в частности с историей нашего великого государства.

Начну с Ленина. Статья «О двоевластии»[108] – ее я решил почитать, когда стихнет немного артминканонада, которая вынуждает меня быть настороже и не отвлекаться посторонними вещами. А пока нет приказа открыть огонь – я записываю, ибо страшно не люблю, когда время у меня проходит впустую.

Закончил читать книгу В. Хандрос «Творческая работа корреспондента»[109]. В ней автор инструктирует, учит редакторов и корреспондентов, как, по его мнению, писать, как выбирать тему и как работать над своим произведением. Автор, видимо, старый журналист, опытный, и у него в книге имеется ряд ценных указаний. В книге много цитат наших вождей и писателей.

Вот что говорит автор о необходимости писать свежо и интересно, чтобы статья была понятна для широких масс: «У сонного автора и читатель спит». И тут же приводит высказывание Калинина на эту же тему: «Корреспонденция должна быть не фотографией, а художественной картиной...»[110] К этому я и стремлюсь, чтобы все мои статьи были художественны как по смыслу, так и по содержанию. Но я чувствую, что я еще слишком многоречив в своих писаниях и часто не употребляю нужные краткие, но верные слова, заменяя их массой не столь уместных.

Сейчас поймал себя на безобразном неумении писать давно знакомое мне слово «корреспонденция». До сих пор я писал его или с одним «р» или «корресподенция». Мне стыдно сознаться себе, что это случилось у меня из-за невнимательности при чтении. Часто бывает, что я и сам удивляюсь, почему я не знаю об иных общеизвестных фактах, вещах.

У меня есть большие прорехи также и в литературе. Я перечел столько книг, столько различных материалов и статей о писателях и их про-

изведениях, что и припомнить, пересчитать трудно. Но читал-то я не по-людски – бессистемно, хотя и пользовался рецензиями на прочтенную мною вещь того или иного автора. Массу книг я прочел, о которых многие и не слышали, авторов, имен которых никогда не встречали даже люди со средним и высшим образованием. Но главные, самые выдающиеся произведения не все прочтены мною, такие произведения, как «Тихий Дон» Шолохова, «Война и мир», «Воскресенье», «Анна Каренина» Льва Толстого, «Преступление и наказание» Достоевского, «Обрыв» Гончарова, «Клим Самгин» Горького, «Падение Парижа» Эренбурга[111], «Сыновья» Фейхтвангера[112] и пр. – я не читал или читал только отдельные части и отрывки из этих книг. Только недавно, за последние два года, я принялся за ликвидацию этих прорех и перечитал следующие произведения, о которых мне все давно было известно из рецензий на них в газетах и журналах, с ними я отлично ознакомился: «Сын Америки» Р. Райта[113], «Иудейская война (Изгнание)» Фейхтвангера, «Лотта в Веймаре» Манна[114], «Педагогическая поэма» Макаренко[115], «Петр I» А. Толстого[116], «Севастопольская страда» Сергеева-Ценского[117] и многое другое.

Еще один недостаток у меня имеется, тоже связанный с отсутствием системы в моей работе. Я не записываю наиболее нравящихся и необходимых мне выражений, слов и пр. А у меня, при всем этом, память абсолютно никудышная. Как будто специально для меня В. Хандрос говорит в своей книге: «Все, что услышал, прочел – записывай, не копи в голове, это самая дырявая копилка. Забудешь, а то еще хуже – перепутаешь»[118]. И далее, говоря о том, что многие любят по памяти говорить, разглагольствовать, о чем не знают, автор приводит образец ответственного отношения к каждому своему слову на примере великого Ленина, который отказался дать совет по одному вопросу потому, что не знал его исчерпывающе[119].

В этой связи ловлю себя на болтливости нескромной и ошибочной, когда говорил, что Карл Маркс изучил русский язык в 80 лет. Оказывается, ему было тогда 50, когда он взялся за изучение русского языка[120].

09.09.1942

День подходит к концу.

У меня в окопе присутствовал политрук. Он много объяснял о задачах командира отделения. Крепко, но справедливо ругал меня за то, что у нас в расчете не были скатаны скатки, и за другие неполадки в отделении, за которые я ответственен. В частности, за то, что я не знал до сих пор количество имеющихся в расчете мин и сколько мин было выпущено нами со времени получения минометов.

Ошибки исправляю на ходу. Количество мин посчитал, скатки скатали, и в дальнейшем, надеюсь, этого не будет.

Красноармеец Сазонов, политрук и командир роты представляются к правительственной награде. Сегодня политрук писал боевые характеристики на этих людей. Сазонов из третьего взвода своим ротным минометом уничтожил 40 фашистов, не допустил неприятеля к нашему дзоту. Сейчас он легко ранен.

Сегодня еще тут было днем. Обстреливали немцы все поле и село. Снаряды падали совсем рядом. Пули ударяли о миномет, звенели, шипели, взвизгивали и дребезжали тоненькими голосами. Голову нельзя было поднять – так густо обстреливалась местность, и все-таки мы не имеем урона ни в живой силе, ни в технике. Немцы это почувствуют впредь не один раз.

10.09.1942

Сегодня круглый день тишина на нашем участке фронта. Ожидается наступление немцев при поддержке большого количества танков. Миномет стоит в полной боевой готовности. Стреляли только утром – произвели два выстрела. Весь день вместе с политруком, который находится у меня, копаемся в книгах. Я вырезаю необходимый мне материал по литературе, политрук – по истории ВКП(б).

Политрук рассказал мне, как вести дневник. После того случая, когда он обнаружил у меня в случайно выпавшем дневнике разные глупости, я пишу только как указывает мне политрук. А он говорит, что в дневнике надо только писать о работе роты, о ходе боев, о умелом руководстве ротой командира и политрука, о том, какие беседы политрук проводит, о выступлениях по поводу его бесед с красноармейцами и т. д. Так именно я и буду писать впредь.

11.09.1942

Не хочу пропустить ни одного дня и каждую минуту свободную стараюсь использовать для записей дневных впечатлений.

Вчера ночью спать не пришлось – надо было вырыть ход сообщения к стрелковому батальону, который мы поддерживаем. Сегодня тоже, очевидно, придется копать. Весь день спал, а сейчас, к вечеру, поднялся по боевой тревоге. Наш расчет произвел один выстрел. Батарее в целом удалось одним выстрелом четырех минометов подавить огневые точки неприятеля, точно накрыв цель.

Политрук сегодня был целый день у меня. Я очень рад этому и уже так привык к его присутствию, что без него мне становится скучно.

12.09.1942

Ночью стреляли. Выпустил 11 мин, три раза у меня произошла осечка. Это помешало мне выпустить несколько мин. Очень досадно мне было, что так получилось.

Ночью спал у меня политрук. Сегодня днем тоже. Я теперь выбрался на площадку для миномета из своего окопа. Это, пожалуй, даже удобней для меня. Я в восторге! Ведь если бы не политрук, кто бы руководил моими действиями? И винтовка у меня блестит теперь, и миномет в порядке. Каждое мое действие под контролем. Как бы было замечательно, если бы все бойцы и командиры находились под чутким руководством, как я. Замечания я получаю ежеминутно. Это мне страшно помогает в работе и в быту. Я очень благодарен за все. Душа моя радуется, грудь вольно дышит. Хорошо, когда находишься под чуткой и внимательной опекой – ошибок никогда не сделаешь.

Сегодня получили газеты. Бои идут в районе Моздока, Сталинграда и... Новороссийска. Неужто очередь и за последним? Нет, не бывать этому. Скоро наступить должен перелом.

Писем не получаю и не пишу уже.

Кукайло только что направили в школу военную – учиться. Меня никогда не пошлют никуда. Я вечно буду последним, как бы я ни работал. За что меня наказывает судьба, чем я провинился перед ней?

13.09.1942

Кукайло распрощался со мной вчера ночью, пообещав писать. В какую школу его направили – неизвестно.

Политрука сегодня весь день не было. Он пришел только один раз дать мне списки лиц, представленных к награде, и данные о нашей дивизии (в связи с недавно исполнившимся трехлетием) для боевого листка. Я остался помкомвзводом и командиром расчета. Теперь у меня полон рот забот.

Ночью опять стреляли. Я выпустил десять мин. Опять у нас была заминка со стрельбой. Но мы ее быстро поправили.

Днем спал, писал боевой листок. Ночью был дежурный, стрелял и тоже не заснул ни на минуту. Спать хочется, но надо еще проводить читки и беседы среди бойцов – ведь я агитатор.

Уже вечереет. Надо спешить.

16.09.1942

Сегодня получил письмо от Оли. Радости своей передать не могу. Целый день ко[*нрзб*].

Ночь стоял на посту (часовым). [*Три строки нрзб*] Так что несколько дней и ночей я не спал, потому не удивительно, что не веду дневник сейчас.

17.09.1942

Сегодня написал большое письмо Оле. В нем вызывал на соревнование в бою и учебе ее сокурсников. Приветствовал всех знакомых, в частности Майю, Лену из Ту[*нрзб*]ло. Маму просил поругать за молчание, послал также стихотворение «Глаза большие, синие».

Ночью спал хорошо. Сейчас я помкомвзвода. Кукайло еще здесь. Его пока не направляют – пересматривают документы и пр. А Новороссийск оставлен нашими войсками[121]. Самый трудный участок фронта в данный момент остается наш – Сталинградский.

18.09.1942

Только что написал письма маме, Оле, в Дербент, в ППС № 1532 [*далее текст обрывается*].

[..].09.1942

№ 1 число X.

Сегодня получились наши вещи со старой позиции. Я, кстати, давно не писал, с самого начала после ухода нашей роты, о кот[ором] даже моему дневнику ничего не известно. Сейчас я на посту – на наблюдательном пункте. Расскажу после.

27.09.1942

№ 2 число X.

Говорят, что сегодня 27 сентября, но я еще точно не знаю.

От т[ети] Ани получил со старшиной письмо (второе за все время пребывания в армии). Прислала чистую открытку для ответа (я ей писал когда-то, что бумаги нет). Ответ написал сейчас, но старшина уже уехал. Отошлю завтра. Я ему и так передал уже четыре письма: маме, т[ете] Ане, в Дербент и ППС № 1532.

Ночью стреляли. Выпустил две мины с зарядом «5»[122]. Утром до самого дня просидел на наблюдательном пункте. Перестрелка не утихала очень долго. Наши продвинулись, очевидно, ибо немцы стреляли уже между домиком и сараем посредине и вправо оттуда. Наша артиллерия подожгла этот длинный сарай, что находился в стороне от села вместе с этим и еще другим домиком. Тот домик наши подожгли раньше. Теперь остался только один домик. Сарай сгорел дотла. Видел немцев, двух человек, по ту сторону озера, которые передвигались двумя еле заметными точечками. Я выстрелил, и они скрылись.

Теперь относительно вещей. Разорили меня окончательно, ограбили. Конечно, тут не без политрука и, больше того – он главный зачинщик или, вернее, единственный человек, способный и действительно совершивший это нехорошее дело. Лазили у меня повсюду, и результатом обыска явилось хищение или, вежливо выражаясь, конфискация следующих вещей: котелок, издавна нравившийся младшему политруку, два кусочка мыла, два коробка спичек, одна пара нижнего белья и трусы. Компас, который единственный являлся показателем (внешним) моего равенства среди лейтенантов и других командиров роты и, главное – литературный материал, составлявший

для меня единственную отраду, единственную сферу, в которую я мог целиком погружаться, забывая на время всю горечь и тяготу моей армейской жизни. «Французская литература» – большая, подробная статья из истории (не помню точно какого) века. Журналы литературные или, как их там – «Записки академии наук»[123] – очень ценный журнал с богатейшим библиографическим материалом. Хорошие номера журналов «Красная новь»[124] и «Новый мир»[125], исключительно ценные библиотечные материалы из газет, особенно старых, за [19]34–35 годы и пр. Журнальные статьи, а также некоторые книги о писателях и литературе. Чернильница с чисто зелеными чернилами, которую я перед этим запечатал еще сургучом и еще многое, многое, о чем не упомнишь. Были там еще две газеты, в которых писалось о моих политинформациях и беседах как агитатора.

В сущности, бесед под таким заголовком я не проводил и нигде не затрагивал в разговорах этого вопроса разве кроме «Боевого листка»: «Беседы о боевых традициях своей части» – так гласила статья автора, фамилию которого я позабыл. Но в смысле агитации я немало сделал для роты. Бесед, читок и информаций провел гораздо больше (скажу, не хвастая), нежели другие агитаторы и, пожалуй, лучше других. Поэтому мне было приятно иметь эти газетки, я чувствовал, что в них, хоть в некоторой степени, отмечена моя неблагодарная дотоле работа.

Когда заметка была опубликована – подозвал меня к себе политрук, дал мне два экземпляра (Горшкову, например, он дал три экземпляра) и заявил: «Видишь, как я о тебе забочусь. Эта статья написана на основании моих политических донесений, видишь, как я отмечаю твою работу, а ты, неблагодарный, и газет не выпускаешь ежедневно, и недоволен часто, говоришь, что не ценю я твоей работы».

На самом деле в политических донесениях он часто совсем не сообщал о моих беседах, даже о тех, на которых сам присутствовал. И только поймавшись на этом однажды, когда у нас в роте был комиссар и спросил бойцов, какие беседы велись, и те единогласно указали на мои беседы. Комиссар удивился, почему о моих беседах нет в политдонесениях, и дал выговор политруку. Это и послужило толчком, который заставил его, политрука, встретиться и не уклоняться от правды, хотя бы в политдонесениях, относительно меня. Относительно другого уверен, что и тени правды не было там.

Так, часто он сообщал, что провел (сам) такие-то и такие-то беседы и информации, хотя он вообще редко беседует с бойцами на политические темы и даже читать плохо может.

Но не об этом я веду речь. Эти газетки он, значит, также спрятал или ликвидировал. Оставил: консервы (банку), помидоры, коробку спичек (неполную), газеты, бумаги (часть); уворовав тетрадные лист-

ки чистой бумаги и целую тетрадку, кроме того, кружку, но ни одной книги, за исключением «О писателях»: Лермонтове, Маяковском, М. Андерсене-Нексе[126] и Ванде Василевской[127]. «Ленин о литературе»[128], «Беседы с начинающим автором»[129], «Крокодилы»[130], «Огоньки»[131], которых много я достал, – тоже исчезли.

Есть у меня маленькое подозрение на Кукайло и лейтенанта Черных, которые не могли остаться безучастными в этом деле, но главная роль за политруком, ибо консервы и прочие вещи ярко свидетельствуют об этом. Кроме того, лейтенант Соломкин сказал мне, что чернила у политрука, газеты забрал Черных, а книги политрук отдал старшине, который закрыл их в ящик. Вот и вся история.

Ночью перед этим, после нескольких дней просьб, мне удалось уломать лейтенанта отпустить меня на старые позиции. Однако когда я уже было двинулся пешком и был почти уже у цели, надежды мои рухнули внезапно. Мне повстречался помощник командира роты и приказал вернуться. Больше лейтенант Голиков меня не пускает. А я б с рук вырвал компас, отнял бы силой то, что добыл ценой жизни, под обстрелом – литературный материал, за что борюсь сейчас на фронте – за литературу.

Впервые здесь я открыто записал, ибо избавился от гнета политрука, указавшего мне, как писать дневник, что писать в нем!

30.09.1942

Закончить вчера не успел. На наблюдательный пункт пришел командир взвода вместе с командиром роты. Оказывается, вся рота переезжала сюда.

Ночью вновь прибывшие рыли себе окопы, ночью же стреляли из миномета. Выпустили страшно много мин – наши перешли в наступление, и мы их поддерживали. Сегодня, вероятно, уйдем отсюда. Командир роты и политрук полагают, что в Дубовый Овраг[132]. Его отбили этой ночью у немцев.

Политрук и комроты слишком мягко со мной разговаривают. Правда, политрук не преминул меня сегодня пожурить за кружку, которая запылилась во время стрельбы ночной, за патроны Корнеева, что были разложены сверху окопа. Улыбаются мне, а комроты говорил политруку, что «Гельфанда надо в партию».

Приходом нового пополнения они весьма озадачены, тем более что в числе их имеются еще два еврея, о чем мне уже не раз говорили политрук и комроты: «Из них один хорошо роет окопы. Он тоже твоей нации, и вы сможете теперь вместе выпускать боевой листок», – говорил политрук.

Однако командир взвода и старший сержант со мной дерзки и надменны. Сейчас вновь послали меня на наблюдательный пункт. Я по-

просил разрешения сложить вещи и приготовиться к пути, но командир взвода сказал: «Немедленно идите на наблюдательный пункт! Я приказываю! И будете стоять допоздна!»

А Горшков совсем не стоял сегодня. Он выдумал моду ставить вместо себя бойцов, заявляя: «Я специально для этого выучил человека. Научи его так, как я, – тогда и ты сможешь ставить за себя. Он у меня сержантом будет!» – и ему потворствуют в этом деле. Вот что обидно.

Кукайло еще здесь и теперь командир отделения. «Надо мной теперь стали так издеваться, как раньше над тобой», – заявил он мне сегодня.

Книги и вещи, оказывается, где-то есть в роте. Котелок Кукайло вместе с нижним бельем передал кому-то (кому – не помнит). Компас у политрука, он, оказывается, «выпал», и политрук его поднял. Чернила остались на прежних позициях. Мыла они не видели, а спички (три коробки) политрук видел у меня в сумке.

Относительно международного положения политруку тоже сейчас ничего не известно, ибо газеты не получаются. Число он сказал мне. Писем не писал сегодня, адрес теперь у нас другой, еще не знаю его.

Сегодня мне приказали, чтоб у каждого был листок бумаги с адресом и фамилией владельца его.

13.10.1942

Давно не писал в дневнике я. А за это время столько событий!

В часть нашу пришло новое пополнение. Среди них сержанты и старшие сержанты. Старшего сержанта поставили нам командиром взвода, Скоробогатова – командиром отделения. Старший сержант слишком придирчив и неприятен. С ним мы не ладим, хотя внешне стараюсь с ним не иметь ничего общего. Лейтенант тоже криклив. Дело дошло до того, что сегодня они поставили меня третьим номером, сняв с командиров отделения. Недаром ко мне в суп заскочила лягушка этой ночью, я укусил ее посередине и чуть было не съел.

От папы получил письмо. Все родные, за исключением его, остались в Ессентуках. Он в Дербенте[133]. От мамы получил два письма. Дядя Люся не в армии, а вместе с ней. От тети Ани четыре письма. Тогда ответил. Сегодня написал письма маме, одно письмо Сане, два папе, два тете Ане, два Оле, одно Майе Б[елокопытовой].

Вчера приняли кандидатом в члены ВКП(б). Политрук славный человек. Хорошо отнесся ко мне, поддерживал во время приема. В моей боевой характеристике он написал, что я уничтожил 90 немецких солдат и автомашину с солдатами противника.

Сейчас новый командир послал всех за бревнами для накрытия будущего блиндажа. Я остался, отговорившись тем, что дежурил.

Вчера получил письмо от Майи Белокопытовой. Ответил ей двумя открытками. Сегодня отправил маме 700 рублей. Сейчас совсем темно. Мне надо идти на пост.

22.10.1942

Теперь я третий номер в расчете. Было так: однажды, при проверке знаний миномета у личного состава нашего взвода, я не ответил на один вопрос. Все бойцы, которые были у меня в расчете, ответили на отлично, а я ведь их обучал. Старший сержант стал говорить, что я не работаю с расчетом и что заставляю заниматься с бойцами Ягупова.

К вечеру всех командиров собрали, и командир взвода объявил, что я отстраняюсь от командования расчетом, а на мое место ставится сержант Абдулкадыров[134], который был самым отстающим в расчете Лайко. Потом меня перевели к Лайко. А на другой день политрук сказал, что я назначаюсь замполитом. Я страшно обрадовался, хотя политрук сказал, что должность политрука отменяется и, следовательно, непрочна теперь и должность замполита. Не сегодня, завтра и ее могут отменить, если не переименуют ее.

Но вскоре я убедился, что любая должность без прав и звания ровно ничего не значит.

Теперь я ежедневно стою на посту по три часа, а сегодня даже четыре с половиной, так как дежурный проспал и не сменил вовремя часовых. Дежурным был Лайко.

В расчете меня называют Гельфандом, а Храмошин, издеваясь надо мной зло, везде и всюду старается унизить мой авторитет и меня самого.

Плохо стало мне теперь. Книги мои Лайко рвет как хочет и жжет на огне, вещи выбрасывает и пр. Даже то, что я под голову положил – материалы, часто необходимые для бесед и читок, – тоже подверглось уничтожению частью. Теперь я сам себе не хозяин и у меня прибавилось начальства, и все бойцы стали ко мне относиться без уважения, как раньше.

Так, сегодня, например, я проводил читку. Один из бойцов по фамилии Байрамашвили несколько раз подымался во время пауз и нетерпеливо спрашивал: «Это все?», собираясь уходить. Я сказал ему, что скажу, когда закончу, но это не помешало ему повторять свои фокусы. Тогда я сказал, что после беседы все уйдут, а он останется, и я с ним прочту всю газету от начала до конца. Приказания моего он не выполнил, и когда все ушли, он вышел тоже. Я сказал, чтоб он доложил командиру роты, что он не выполнил моего приказания, но и этого он не сделал. Тогда я доложил старшему сержанту Скоробогатову об этом бойце. Он, Скоробогатов, командир расчета, где Байрамашвили служит третьим номером. Тут же присутствовал лейтенант, который

взъерепенился, почему я не послал Байрамашвили к нему, а сразу к командиру роты, и отменил мой приказ. Вот оно как!

Писем стал я получать много. Получил за время пребывания в этой дивизии два письма от тети Ани, четыре от Оли, два от мамы, одно от папы и одно от Майи Б[елокопытовой]. Майе ответил двумя открытками, Оле тоже несколькими письмами, много написал маме и папе.

Пришлось мне раз подежурить на кухне в хозвзводе как замполиту. Там не знали, конечно, о моем положении и отнеслись ко мне хорошо. Капитан хозвзвода угостил меня отличной кашей с маслом, которую варили для него и для старшин. В этот день я наелся хорошо и сытно и отдохнул от ежедневных постов, которые теперь мне приходится отбывать.

К великому моему сожалению, минометного батальона теперь уже не существует. Его разбили по стрелковым батальонам, а вместе с ним и хозвзвод. Теперь мы в составе второго стрелкового батальона и получаем пищу оттуда.

Сейчас думаю ответить Майе Б[елокопытовой] и написать родным по письму, а то уже темнеет. Боевые листки у меня выходят очень редко, что является предметом придирок Храмошина.

Только что был политрук и сказал, что меня хотят поставить командиром расчета в третьем взводе. Это облегчит условия моей работы.

23.10.1942

Эту ночь заставили меня наблюдать за работами по отрывке наблюдательного пункта и ходов сообщений. Спать ночью не пришлось. А вчера тоже целый день копал, в то время как бойцы расчета нашего во главе с командиром и ночью спали (даже на часах не стояли), и днем вчера не работали. Теперь у меня одним командиром больше, и тот посылает меня и четвертый номер бойца куда не требуется на работу потяжелей человек.

Сегодня впервые в жизни пил водку, сразу двести грамм ухлопал. Закусил последним кусочком хлеба, так что целый день без хлеба я. Водка немного вскружила голову, но пьян я не был, хотя политрук с лейтенантом смеялись, говорили, что больше пятидесяти грамм они мне не дадут (они не знали, что я двойную норму выпил).

В роте теперь у нас три взвода 82-мм, третий взвод 50-мм минометов[135] передали стрелкам. Младшего лейтенанта Кизарева тоже туда отправили, а сюда опять прислали Голикова.

Ночью я походил по передовой, забрался было на позиции противника. Дошел туда, вижу – трупы румын[136].

10.12.1942

Вчера нам сказали, чтоб были готовы к наступлению, а мне именно этот день назначили для операции. Мне во что бы то ни стало захотелось участвовать в ...

21.12.1942

Ленинск[137].

Сегодня второй день как я переезжаю из одного госпиталя в другой с панарицием большого пальца правой руки[138]. В дороге рана стала заживать. Думаю, что пока я доеду до места, я стану совершенно здоров. Сегодня решился взглянуть при перевязке на палец, – он страшно изуродован – лишен ногтя [*две строки нрзб*].

Санчасть полка. Санбат в Бузиновке[139]. [*Тринадцать строк нрзб*]

Газет не читал с 14 декабря.

22.12.1942

Сегодня девять дней (с 13 декабря) как я езжу со своим панарицием большого пальца правой руки. Уже доехал почти до Саратова и не знаю, сколько еще буду ездить. Рана моя, очевидно, уже зажила – я не чувствую такой боли, как раньше. Если меня еще будут столько же [*одно слово нрзб*], то я в госпитале буду совершенно здоров. [*Одно слово нрзб*] степени, и у меня много мыслей, еще больше, жаль моя правая рука занята, левой родным тоже не могу писать, а подобных иероглифов они могут испугаться[140].

29.12.1942

Какие мерзавцы имеются, какие бешеные антисемиты! Трудно жить нам здесь, в безобразнейших условиях нашего госпиталя. Завтрак, например, получаем мы часов в шесть-семь (скажу, не преувеличивая) вечера. Обед в пять часов утра. Ужин вовсе не получаем. Причем пища жидкая – вода одна с манкой, да по половине тарелки (три черпачка). Картошку – по ложке, мяса нет, только жидкая манка, да по ложке картошки. Хлеба – 600 грамм, масла – 20 грамм и 40 сахара.

Много других ужасающих неполадков существует у нас, но люди (не все, правда) во всем обвиняют евреев, открыто называют всех нас жидами. Мне больше всех достается, хотя я, безусловно, ни в чем тут не виноват. На мне вымещают они свою злобу и обидно кричат мне «жид», ругаются и никогда не дают мне слова вымолвить или сделать кому-либо замечание, когда они сорят и гадят у меня на постели.

Сейчас здесь был политрук, тоже еврей. Они совершенно серьезно разговаривают с ним, когда он подходит к ним близко, со всем соглашаются, но как только он отходит – сыпят по его адресу и по адресу

всех евреев ужасные оскорбления. Гнев душит меня. Но сейчас темно, и я не могу много писать, тем более, что один из этих мерзавцев, что надо мной лежит, сыплет мне на голову всякий мусор, приходится отодвигаться на край нар.

В перевязочной мне сказали (сестра), что я пролежу здесь, вероятно, месяца полтора, но я не верю.

Позавчера я написал письмо маме. Вчера маме, папе и в Магнитогорск Оле. Им я писал, что пробуду здесь не больше десяти дней, но не знаю, как оно будет в действительности.

1943 год

25.01.1943

Вот уже полтора месяца минуло с тех пор, как я попал в санбат и расстался со своей частью. К моменту моего выбытия из части положение мое там было ужасно шатким и неприятным.

В то время, когда большинство старых бойцов и командиров получили медали «За отвагу» и «За боевые заслуги»[1] [многие (большинство), нисколько таковой не проявившие], я заболел с пальцем. Меня стали обвинять, главным образом Зиновкин, в нежелании работать, в боязни холода, в лени и даже в умышленной симуляции болезни. Ничем нельзя было доказать им, что я болен и всеми силами стараюсь преодолеть и по-прежнему работать.

Темно, завтра об этом продолжу.

Сегодня узнал, что наши войска заняли Старобельск на Украине, а на Северном Кавказе уже дошли до Безопасной и Красной Поляны, вчера овладели Армавиром[2]. С каким волнением я раскрываю ежедневно карту и отмечаю по ней нами отвоеванные города и [*одно слово нрзб*]. Когда началось наступление на Северном Кавказе[3], я еще был на передовой. Алагир, Котляревская[4] и др. были первыми нашими завоеваниями. С тех пор я с жадностью стал ждать освобождения Ессентуков, Пятигорска, Кисловодска – моей второй Родины. Вскоре Совинформбюро принесло радостную весть о взятии Красной армией Моздока, затем Нальчика, потом, наконец, и Минвод, Георгиевска, Пятигорска, Кисловодска. И только на другой день после сообщений о Пятигорске и других городах я узнал, что освобождены дорогие и милые мои Ессентуки[5], в которых, по всей вероятности, остались мои родные. И теперь (я не покидаю мысли об этом) они свободны.

С первых же дней освобождения Ессентуков я послал туда несколько писем, а также письма в Дербент, в которых поздравил папу с этим знаменательным для нас обоих событием. Впрочем, папе я писал еще и до освобождения Ессентуков, поздравлял его с предосвобождением их, но ни от кого я по сей день ответа не имею. В Минводах, Зимовниках, Мартыновке, Кутейниково и Котельниково[6] я побывал еще во время злополучного выхода из окружения, так что их освобождение было особенно приятно мне. В Армавире я тоже был один раз, когда ехал в часть в Майкоп.

Маме вчера добыл справку о том, что я действительно находился в госпитале[7]. В штабе ее обещали сами отправить по назначению.

26.01.1943

Не до писания. Узнал о страшной неблагодарности, которую встретила моя доверчивость.

27.01.1943

Когда я шел в этот госпиталь со станции, путь мой лежал через село Миловка, единственное впереди всей остальной группы прилежащих к нему деревень немецких Шанталь, Шанфельд, Яблочный[8].

В одной, самой крайней, хатенке по направлению к селу Шанфельд я встретил человека, который тоже был раненым больным и находился там на излечении. Я обрадовался: теперь я смогу с ним вместе отправиться в село и безо всяких блужданий попасть на место. Со мной было две сумки: одна кожаная румынская – трофей, и другая – сухарная, выданная на фронте. В одной были дневники и портреты некоторых писателей, в другой – сухарной – книги, бумага, чернила и проч.

Мне надо было выйти, и я, оставив сумки, на минуту покинул хату. Когда я вернулся, мой новый товарищ стал собираться, и мы отправились в дорогу. По пути он предложил мне поселиться с ним в одной палате. Это был очень симпатичный человек, с первого взгляда располагающий к себе. Он много рассказывал об условиях в госпитале, о плохом питании там и о причинах его частых (он не раз ходил к Михай[*нрзб*]) посещений села: «Жить сейчас трудно, голодно, и я решил подыскать себе невесту, способную поддержать меня на время моей жизни в госпитале». Это было несправедливо, но в его устах выглядело вполне естественно, и, казалось, иначе и нельзя было поступить в его положении на его месте. Я верил и доверял каждому его слову.

Когда мы стали подходить к госпиталю, он вдруг мне предложил: «Знаешь что, когда ты придешь в госпиталь, тебя накормят и сразу поведут в баню. В бане всегда похищают вещи, причем чаще это делают сами рабочие из ранее больных, дежурящие там во время бани. Поэтому я тебе советую оставить их у меня, а самому пойти скупаться, затем, даже если тебя не направят в четвертый корпус, сам иди и ложись в третью палату со мной рядом». Я стал сомневаться, а что, если обманет? Но он вскоре успокоил меня тем, что показал палату, место свое в ней, и назвал свою фамилию – Мизонов.

После бани, в которой, кстати, никаких пропаж не было, я пришел в ту палату, где находился Мизонов, и лег на нарах рядом с ним. Документы я все же не решился оставить в палате Мизонову и во время своего купания передал на хранение сестре, которая мне их возвратила в полной сохранности.

То обстоятельство, что Мизонов часто отлучается в деревню, радовало меня – я мог ему передать кое-какие вещи, которые он мог

там обменять на хлеб и проч. Я дал в первую же его отлучку мыло, сахар ему и еще кое-что из вещей личных. Но когда он принес всего кусочек хлеба грамм на 300–400 в обмен на все, я решил больше ничего ему не давать. В другой раз он оделся во все мое (как и в первую свою отлучку при мне): и ботинки – у него их нет, и фуфайку, и шапку, и обмотки, и даже портянки мои натянул он на себя, мне поручил он получить на него обед. Соседи советовали мне съесть его хлеб обеденный, мотивируя обязанностью отплатить мне за то, что я ему дал одежду, но я не решился на это: захочет – сам даст.

Он пришел только вечером. Принес много хлеба – на сахар и мыло он опять наменял по кусочку бойцам и раздал им. Себе он оставил буханку хлеба, пышек несколько, пирожков и много прочих лакомств. Кусочек не более 100 грамм он дал мне. Вот тогда-то я и пожалел, что не съел его 400 грамм от обеда. Позже он уже не брал у меня ботинок (очевидно, неловко было), говорил, что тесны они на него, и в них холодно. Но фуфайку и все прочее он почти не снимал с себя. Я все же продолжал с уважением относиться к Мизонову.

Палата действительно оказалась хорошей. Антисемитов почти не было здесь, и я, за исключением нескольких случаев, стал забывать, что я еврей. Только почему-то у меня стали пропадать открытки. Пропала замечательная открытка, худ[ожественного] творч[еств]а народ[*нрзб*] Шевченко, окаймленная украинскими полотенцами. Пропала книга классики марксизма-ленинизма «В работе над книгой»[9], пропало несколько журналов. Это ребята выкрали на курение – думал я и стал лучше прятать все и закрывать сумки. Но и это не помогло.

Обед, ужин и завтрак я всегда приносил Мизонову в палату, ибо у него не в чем было ходить в столовую. Когда я обнаружил еще ряд пропаж, я стал давать свои сумки на хранение Мизонову. Теперь я был уверен, что все будет в сохранности, и когда я через несколько дней не нашел в сумке двух булавок английских, пуговицу и два конверта, я решил, что их сам где-либо положил или затаскал. И вдруг, перед самым моим отъездом в Карпенку[10], за несколько дней, когда я ходил за справкой в Шанталь для мамы, я обнаружил, вернувшись, мою газету у Мизонова. Он разорвал ее пополам – половину себе, половину Степанову (в этот день Степанов был дежурным по кухне). Кроме этого, он дал Степанову полпачки табаку, что мы получили вдвоем, и тот его целый день кормил до отказу. Мне же, хотя я и притащил ему пищу, и табак с газетой были моими, Мизонов, даже не чувствуя угрызений совести, не предложил разделить с ним трапезу. А приносил я ему по полному котелку супу и полную банку каши раза в три-четыре больше нормы. Только вечером, когда он пошел на

кухню и нажрался там до отвала, он принес и мне двойную порцию, да и то по указанию Степанова.

После истории с газетой я впервые стал не доверять ему, Мизонову проклятому. Я стал носить за собой кожаную сумку, а сухарную перепоручал хранить другим лицам.

Только во время обхода врача я оставил сумку на верхних нарах. Гляжу – и Мизонов мой слез на обход – этого еще не бывало. С нар впервые слезли все – Мизонов подействовал примером. Но лишь только врач приступил к обходу, Мизонов вновь полез на нары. Это мне сильно бросилось в глаза, и я стал думать о причинах перемены в поведении Мизонова, полагал, что он хочет избегнуть осмотра тем, что опять залез наверх. Но ведь он уже давно был выписан, и остановка существовала одна – отсутствие обуви. В то же время я стал беспокоиться о вещах – ведь госпиталь доживал последние дни, и было много краж, и впопыхах я мог лишиться и сумки, и всего прочего. Залез к себе наверх, осмотрел сумки – все в порядке. Пошел за информбюро и на перевязку. На пути заглянул в сумку – нет папирос, вместо них пустая коробка, набитая ватой. В этот день я перевязки не делал, а вернулся в палату с намерением найти вора.

Вор – это был Мизонов. Папиросы он мне возвратил сам, на основании многих улик – Степанов сказал даже в каком кармане они у него. Мизонов угощал папиросами. Поймал его я во время обеда. Не пошел на обед и потребовал, после разговора с глазу на глаз, под угрозой скандала, возвращения их. Он долго отрицал свое воровство, но, припертый к стенке [*нрзб*], возвратил папиросы. Впоследствии я обнаружил отсутствие ряда открыток и писателей – он употребил их на карты, виды с надписью золотом «Вовочке», «Привет Вове из Ессентуков» и «На память от тети Ани» и проч. Даже пуговицы [*три слова нрзб*], все очистил он [*далее три строки нрзб*].

31.01.1943

Сегодня написал семь писем. Удовлетворил потребности свои. Маме, папе, Оле, в Ессентуки и в роту свою, на станцию Кайсацкую[11] – просил пересылать письма на мой адрес, тете Ане, до востребования в Молотов[12], дяде Жоржу[13] на завод в Астрахань – их обоих, очевидно, уже нет там, на квартире, кончилось мое счастье.

Сюда привели еще трех человек, нерусских. Я даже не знаю, какой они нации. Они все страшно нахальны. Везде лазят. Один при мне, якобы рассматривая сумку, сунулся смотреть ее содержимое. Я хотел отнять у него сумку и перелил чернила, которые вынул, чтобы писать ими. Сейчас один ушел. Двое разговаривают не по-русски. Один рассказывает, а другой все время сопровождает его рассказ восклицаниями [*одно слово нрзб*]. Нервы не выдерживают писать. Прекращу.

01.02.1943

Встал сегодня рано, но успел только на третью передачу последних известий.

Наши войска взяли в плен 16 генералов, много полковников и пять тысяч пленных солдат и офицеров. В районе Сталинграда было, как показали пленные генералы, не 220, а 330 тысяч человек[14]. Тем бóльшая заслуга Красной армии на остальных участках фронта. Наши войска продолжают успешно наступать в районе Воронежа – заняли свыше 40 населенных пунктов, две железнодорожные станции[15]. На Северном Кавказе заняли станцию и город Белореченскую[16]. Когда я ехал еще в Майкоп, я помню, что мы долго стояли на этой станции, ибо, как нам сказали, это последняя станция на линии Туапсе – Армавир. А на Майкоп отсюда идет отдельная линия. Так оно и было.

Теперь, не найдя на своей карте, я долго думал об этой знакомой станции, и, только найдя ее на большой карте в госпитале, вспомнил об этом. [*Одно слово нрзб*] за завтраком против меня [*два или три слова нрзб*] этот лейтенант. Он говорил, что [*одна строка нрзб*].

02.02.1943

По-прежнему нахожусь на квартире. Нас разбили по взводам, в зависимости от местожительства, но это до сих пор ничего не улучшило в смысле выдачи вовремя и без толкотни пищи. Два раза на день при 800 граммах хлеба мы получаем по полмиски жидкости, называемой здесь супом. Это все. Из-за чего приходится переживать столько неудобств или, попросту сказать, мучений.

Рана не заживает сейчас, а напротив, начинает сильнее болеть. Перевязки не делали с двадцать восьмого числа. Лечения никакого. Мозоль и отмороженные пальцы беспокоят ужасно.

Радио встал рано слушать, но, придя в сельсовет, я узнал, что передача уже кончилась. Политрук сказал, что наши войска взяли Сватово и Лабинск[17].

Целый день читал историю ВКП(б) и материалы сессии Верховного Совета СССР. Многое из этого мне знакомо, кое-что и нет. Развиваю свой политический кругозор.

Дня два назад прочел «Гекльберри Финна» Марк Твена.

Теперь на очереди Купянск[18]. Хотелось бы возвращения Харькова в наши руки.

Писем не писал, стихов тоже.

03.02.1943

На палец наложили гипс, но он вновь нагноился, что прошел через бинт, присохло, и [*одно слово нрзб*] трудно оторвать от пальца. Гипс положен на десять дней, по объяснениям сестры – для покоя пальцу.

Сегодня сообщили по радио о полном освобождении Сталинграда от немцев и ликвидации последнего оплота фашистов – сев[ерной] группы, сложившей оружие, включавшей четыре генерала, 91 тысячу солдат, 2,5 тысячи офицеров, а также огромное количество имущества[19] [*одна строка нрзб*].

Сегодня на квартире один из бойцов – татарин – украл хлеб у хозяйки. Та поймала его на месте преступления. Вечером я обнаружил у себя пропажу железной ложки.

04.02.1943

Хозяйка выгнала вора-бойца. Нас осталось трое. Утром встал как всегда рано. Половину ночи, как всегда, не смог уснуть и только ворочался с боку на бок. Наутро, когда я оделся, было уже семь. Чтоб не опоздать на передачу, я отправился с рассветом, даже не умывался. Теперь стал умываться, но утром на дворе было еще темно. Небо только на горизонте слегка занялось красно-синим румянцем, пророча ясную погоду.

На передачу не опоздал – даже пришел раньше на полчаса. Ровно в семь часов по Москве и в восемь по местному началась трансляция последних известий, из которых узнал, что наши войска взяли Купянск, Красный Лиман, Рубежную и Пролетарскую на Украине[20]. Я нашел у себя на [*одна строка нрзб*].

14.02.1943

Голова не перестает болеть. Хозяева страшно скупые здесь. У них две коровы, масса овец, куры, гуси и проч., но они ни разу не угостили нас мясом или пряничком, хотя ежедневно пекут и варят вкусные вещи. Даже крошки хлеба, что остаются от еды, они прячут от нас.

Хотел написать письма, но голова болит – не могу больше. Вчера написал папе, позавчера – маме.

Вчера исполнилось два месяца, как я околачиваюсь в госпиталях. Писем ни от кого не имею. Трудно списаться с родными мне при перекочевывании моем с места на место.

Задумал большой стих о «Сталинградской эпопее», не знаю, может вылиться в поэму.

До сегодня уже написал 21 стих, но внезапно во время писания боль бросилась в правый висок. Я лег и сплю на жестком и неровном сундуке, так что спать мне приходится не больше, чем по полночи ежедневно. Все тело болит и ноет. Жестко, холодно (хозяйка умышленно мало топит), коротко.

15.02.1943

Сегодня, наконец, были взяты долгожданные Ростов и Ворошиловград. Сообщение поистине ошеломляющее, тем более что оба города взяты в один день. Радость всеобщая.

Утром к радио опоздал. Всю ночь, не переставая ни на секунду и перебивая мне сон, болел правый висок. Наутро встал поздно, хотя и не спал, все надеялся на прекращение боли, но, не дождавшись этого, так и ушел с головной болью. Узнал уже, когда передача кончилась, что освобождены Красной армией Ростов, Ворошиловград и Красный Сулин[21]. Районных центров никаких, но и на этом достаточно.

Татарин, что со мной в квартире, смешит своей глупостью и невежеством. Он говорит, что Ростов больше Донбасса, что в Донбасс приезжают люди на три года поработать и потом разъезжаются, и поэтому население Донбасса малочисленно. Ругает нашу власть совместно с кулацки настроенной хозяйкой дома. Хозяин, хотя и глуховат, но всегда принимает мою сторону. Хозяйка, наконец, начинает оправдываться: «Против советской власти мы не против, если б не было такого мошенства, а мы привычны до всякой власти». А ведь муж ее и зять – члены партии, и бывший председатель колхоза. У дочери ее погиб на войне муж – она ругает и обвиняет во всем Ленина и Сталина.

17.02.1943

Вчера мы втроем сговорились и, когда хозяйка ушла, набрали себе по карману почти семечек. Так она все равно не дает, хотя целый день они (хозяева) грызут. Хотя мы отдали почти все свои конфеты, нам выдали по семь штук.

Сегодня нашими войсками взят Харьков[22]. Эта победа взволновала и обрадовала всех бойцов в госпитале. Меня даже больше всех.

Поэму «Сталинградская эпопея» не смог много продолжить. Много причин. Во-первых, сборник «Сталин» 1939 года, посвященный 60-летию нашего вождя[23], читал. Во-вторых, пытался написать стихотворение, посвященное освобождению Харькова, но ребята мешали – отставил. Вечерком взялся за поэму, но написал только три четверостишья – мне хозяйка сплетничала [*два слова нрзб*].

19.02.1943

Сегодня меня выписали в часть, но когда я спросил, уеду ли я отсюда раньше двадцать третьего числа, врачи, посоветовавшись, решили меня оставить до вечера двадцать третьего, ибо я должен буду выступать со стихами.

Поэму не писал сегодня. И письма написал маме, папе, в Магнитогорск и в Ессентуки – всем родным. Прочел комедию Щедрина «Соглашение»[24].

Мозоль резали в [*одно слово нрзб*] раз, но так и не вырезали окончательно, хотя достали до крови в этой части тела. Болит ужасно [*нрзб*].

Днем Горчин прочел мне письмо сестры-хозяйки, которая пишет о нас: «Квартиранты вас обкрадывают, гоните их к черту». Это из-за кусочка хлеба, который тому бойцу, что искал его, но так и не удалось [*нрзб*].

23.02.1943

Сегодня День Красной армии. Здесь я доживаю последний день. Будет вечер здесь – я выступлю со стихами. Помощник начальника госпиталя – устроитель вечера, сказал: «Будете читать, пока не устанут слушатели. Все стихи неплохи».

24.02.1943

Контора госпиталя. После чтения стихов на вечере одна девушка из Гомеля (фамилию и имя я еще не решаюсь спросить у нее) подозвала меня к себе и долго восторгалась моими стихами. Польщенный и обрадованный я, в свою очередь, выразил ей свою признательность и пообещал ей подарить на память свои стихи (несколько).

Сейчас, когда я стал переписывать стихи, она сказала: «Что вы мне о Тамаре пишите...» Я понял ее намек и ответил, что, возможно, если я здесь еще пробуду, то напишу и о ней. Сейчас я ее имени еще не знаю (ей уже знакомо мое имя). Она молода, сколько лет ей – не узнал я. Она уже была на 1-м курсе института, но не успела окончить – война.

27.02.1943

Сегодня разругался с хозяйкой, ибо высказал ей откровенно все, что о ней думал. Она ругалась как никогда еще нецензурно, ругала «еврейню, що посідала на наші шиї»[25], ругала советскую власть, потом побила жестоко внука своего Кольку, называя его «советский выводок», «советская б...», и все время кричала: «Сволочи, вас научили жиды за месяц» и т. д.

Он ее называет «германской фашистська шпана» и проч. И отчасти в своих эпитетах он был прав. Подробней о нашей ссоре я напишу, когда позволит время.

В итоге, обругав меня по последнему слову матерщины, она сказала, чтоб я уходил туда-то и туда-то (цензура не допускает повторения всего или хотя бы части сказанного ею), но хотя она и пообещала запереть дверь и не впускать меня – я не уйду, как это сделал невинно обвиненный ею в воровстве товарищ, пока меня не выпишут, а это будет завтра, очевидно.

В Москву не поеду, а новый приказ, по которому пересылка [*одно слово нрзб*], приостановлен.

01.03.1943

Село Логиновка[26].

Сегодня я с десяти утра двинул из госпиталя в Красный Кут, имея при себе запас продовольствия (600 грамм крупы, 250 голландского сыра, 50 грамм бараньего сала и 4 килограмма хлеба) на пять дней и письмо одной сотрудницы госпиталя своей сестре в Красный Кут, где я надеюсь переночевать.

Вчера я неожиданно узнал, что сегодня первое. Думал, что в том месяце будут еще двадцать девятое и тридцатое числа.

Итак, я отправился в путь 1 марта, когда мне исполнилось 20 лет.

Мне выдали две справки. О том, что я не получал денег в госпиталях (за два месяца), и справку о болезни, о «ранении» и справку, что я «ранен» в боях на Сталинградском фронте и имею право на получение отличительного значка для раненых[27]. Выдали мне также новую и хорошую фуфайку с воротничком. Старую я продал за 500 рублей и полфунта сливочного масла. Выдали портянки теплые. Нижнее белье у меня осталось. С хозяйкой мы примирились внешне.

По дороге, не доходя до Логиновки (сюда от Карпенки 18 километров), у меня закружилась голова, стало мигать в глазах, потемнело во взоре, и заболела голова. Только в самом селе судорога (так я это назвал) прекратилась, но голова болит и сейчас.

По радио ничего хорошего[28].

Так неважно проходит для меня день двадцатилетия. Плюс к этому треть хлеба и почти все другие запасы съел уже. Со мной по одному направлению и с продаттестатом[29] старший сержант Горжий. Он трижды ранен, родом из Перещепино Днепропетровской области на Украине[30].

06.03.1943

Три с половиной дня провел я в Красном Куте. Ночевал у сестры сотрудницы Кархенского [*?*] госпиталя. Спал на полу. Временами было холодновато, но было тепло по сравнению с тем, что перетерпел я за время моих скитаний. Горжий, который получил аттестат и направление на свое имя, пользуется этим, управляет мною, хозяйничает над общим пайком. Жалею теперь, что разрешил ему получить документы на нас двоих, а не отдельно каждому.

В первый же день пребывания в г. Красном Куте я посетил редакцию районной газеты «Сталинский путь»[31] с намерением напечатать там свои стихи, но редактор сказал, что в настоящее время они ничего, кроме сводок Совинформбюро, не печатают.

Я узнал там свежую сводку об успехах наших войск[32], а еще я узнал из разговора с сотрудником редакции, что в Красном Куте живет и преподает на курсах военных комиссаров (замполитов) историю

Лев Израилевич Гладов. Эта весть обрадовала меня, и я решил во что бы то ни стало разыскать его, тем более что я был занят мыслью о поездке в Москву, сопряженной с трудностями и риском большим. Поэтому хотелось посоветоваться с Гладовым.

Директор школы № 80, в которой я учился, автор ряда статей на исторические темы, печатавшихся в днепропетровских газетах, хорошо знавший меня лично, был мне особо необходим как советчик и консультант, так как занимал немалый военный пост и чин.

Он работал в высоком двухэтажном здании, но я долго блудил, пока до него добрался. Сначала я попал в роддом, затем в райисполком и лишь после этого – в здание Военно-воздушной школы, курсанты которой показали на дом за базаром и церковью – там находились эти злополучные курсы.

По дороге я встретил двух женщин, которые мне даже адрес его домашний сказали.

К редкой для меня удаче, я застал его дома. Он сразу узнал меня и обрадовался моему визиту. В петличках у него по три кубика – звание старший лейтенант. Он много расспрашивал обо всем, удивлялся, как я его о нем узнал и добрался до него. Я сказал, что мне отрекомендовали его как редактора крупной днепропетровской газеты. Он пытался оправдаться и говорил мне, что даже не имеет понятия, откуда в редакции взяли это. Спрашивал о родителях. Удивился, когда узнал, что они разошлись. Интересовался, когда я выехал из города и кого из литераторов и высоких лиц города я видел в последние дни перед эвакуацией из Днепропетровска.

Я назвал только Циммермана, ибо больше никого я не помнил. Он, сожалея, сообщил, что у Циммермана были больные дети и ему нельзя было уехать.

09.03.1943

Вчера, наконец, добрался до Сталинграда. Поезд вез очень быстро, и мы менее чем за трое суток доехали сюда. Поезд завез как раз до самого знаменитого города, где только недавно закончились бои таким славным успехом наших войск и таким бесславным поражением немецких нашественников, какого еще не знала история.

Километра три пришлось идти пешком. Только перейдя Волгу, мы сумели сесть в машину, на которой и приехали (километров 16) в город. По дороге видели страшную картину разрушений на окраинах города. Скалы, что круто спускались к Волге, и все Сталинградское побережье великой реки русской были усеяны массой щелей и блиндажей, обломками техники и вооружения противника. Между двух скал, близких друг к другу своими остроконечными вершинами, лежал огромный разбившийся о них немецкий самолет со свастикой.

Сгоревшие, подбитые и изломанные танки, танкетки[33], автомашины, орудия, в том числе самоходные пушки, пулеметы, пара наших «Катюш», масса железного лома и человеческих трупов.

Трупы, между прочим, почти все, в основном, собраны и погребены. Однако на всем пути к Сталинграду и в самом городе нам встречалось еще много трупов, собранные в кучи и еще не собранные, одетые и с оголенными задницами. Дети и женщины, кое-где попадавшиеся нам, тянули куда-то зацепленные железными рогачами полуистлевшие [*одно слово нрзб*] человеческое происхождение. Кругом кипела работа по восстановлению разрушенных мостов, железной дороги и шоссейных дорог. От огромнейшего тракторного завода остались одни обломки, полуобвалившиеся трубы и стены от близлежащих зданий, причем некоторые держались на тонких основаниях огромными кусками, которые, казалось, вот-вот обвалятся при малейшем колебании даже ветра.

Еще более страшную картину разрушений и смерти мы встретили в городе. В центре его огромные многоэтажные здания были теперь скелетами, не сохранившими нисколько былой своей прелести довоенного периода. Улицы, поражавшие своим великолепием до прихода сюда немцев, теперь были изрыты и изуродованы ямами [*одно слово нрзб*]. Особенно меня поразила картина разрушения одного здания, у входа которого живописно красовались два льва. Теперь одного вовсе не было, а другой был изранен снарядами и вырисовывавшийся из-под отбитой оболочки гипса красный кирпич создавал впечатление крови на белом теле израненного льва.

От многих зданий остался один след: кровати, чайники, самовары, обломки кирпича и проч. Но несколько зданий каким-то чудом сохранились и теперь дымили своими квадратными трубами. Это немного оживляло картину мертвого города, бывшего ранее таким огромным и суетливо-живым. Впрочем, город не совсем умер. В нем уже вновь начинало биться сердце советской власти. Здание Воропаевского райкома ВКП(б) и ВЛКСМ, вполовину разрушенное, уже тоже задымило из [*одна строка нрзб*].

Где-то за городом слышались частые взрывы. Это подрывали минные поля наши саперы.

По городу – группы военнопленных, грязные и жалкие на вид немцы и румыны возили на колясках и тачках разные грузы. За ними ходил одиночный конвой. Под развалинами зданий валялись намокшие книги наших классиков, немецкие книги, одежда, щетки всякие, вазелин и проч. В одном месте я нашел два куска мыла, оно не растаяло и сохранилось. В другом – атлас на немецком языке, в котором отсутствовал (был вырван) СССР.

Горжий все старался уйти от меня, не давал останавливаться; не дал походить по городу, больше увидеть и узнать. Однако и то, что мне удалось увидеть, не всякому дано. Был бы я один – остался здесь на пару дней и собрался бы огромный материал о настоящем падении Сталинграда, особенно путем рассказов очевидцев. Но он все торопил, крутил мною, пользуясь аттестатом и направлением, что выданы по моему соглашению на его имя.

Проходя по городу, мы встретили патруль из двух человек. Оба молодые бойцы, они рассказали о последних боях в городе, участниками которых были. Их дивизия выловила последние остатки немецкой армии и пленила фельдмаршала Паулюса. Один из красноармейцев указал мне на огромный многоэтажный оскелетившийся дом, в подвале которого был пленен главнокомандующий 6-й армией Паулюс[34]. Другой рассказал о трофеях, которые массами захватывали наши бойцы, также личные вещи. В подтверждение оба показали свои руки, увенчанные великолепными немецкими часиками. Зажигалки, ножики, шоколад, папиросы – всем этим вдоволь насытились наши воины. Целые тюки с шоколадом и продовольствием снимали бойцы с немцев. Запросто снимали и вешали себе на плечи. Часы получали, указывая абы на [*одно слово нрзб*]. Полковники были очень заносчивы даже в час их пленения, а фельдмаршал Паулюс не хотел вести переговоры с лейтенантом и потребовал, чтобы с ним говорило лицо повыше[35]. На прощание они мне подарили румынскую ложку-вилку[36]. Ее нужно будет почистить, ибо она заржавела. Теперь у меня есть ложка, взамен украденной в госпитале из шинели, когда я ходил на перевязку.

Мирные жители в Сталинграде еще не живут, но уже ходят по городу, что-то возят, таскают в мешках и кошелках (женщины и мальчишки). Они живут по окраинам.

Трамваи не ходят, разрушены электростанции и разворочена местами линия. Пригородный ходит, но редко. Дальнего следования курсирует регулярно. В городе много военных – все гвардейцы. Есть надежда, что меня направят снова на формирование.

Через пару часов мне удалось сесть на машину, которая довезла нас до Бекетовки[37]. В дороге нам попадались сотни пленных, лагеря военнопленных, где те работали и проч. Но только раз человек 100 военнопленных вел крупный конвой (ранее встречались один-два конвойных, теперь – человек пятнадцать). Это были, очевидно, отборные головорезы – на погонах у них были кубики (два)[38] и прочие отличительные знаки. Все они были хорошо одеты, некоторые были в очках. Проезжая мимо одного лагеря, я увидел, что по нему одиноко бродила нарядно одетая немка в теплой черной шубе и шапке. Это, очевидно, немецкая переводчица, или медсестра, или врач.

Из Бекетовки (она почти не разрушена) я пешком пошел по [*нрзб две строки*].

Еду на Котельниково. Продовольствие кончилось, и довелось менять табак (грамм 80) на три сухарика. Я их съел, но еще голоден. Спал на вокзале, на холодном каменном полу, как и все другие бойцы, так что пройти нельзя было – тесно. Лежали буквально один на другом. Ночью проверяли документы два лейтенанта НКВД. Всю ночь лежал с закрытыми глазами и чесался остервенело. Вши, величиной с клопа, ели меня беспощадно, не давая покоя.

Они и сейчас съедают меня по частям, пьют кровь – от них не избавишься. Какое мучение – бессонница – мучает, но вши еще больше. Я закусываю до крови губы от нетерпения и боли – чесаться и искать вшей в вагоне на публике неудобно.

Дорога. За три дня я покрыл расстояние от Красного Кута до Сталинграда, а сегодня я недавно проезжал уже станцию Абганерово[39]. В Красном Куте долго пришлось проторчать в ожидании поезда.

По адресу одной из сотрудниц госпиталя (родом из Бессарабии) и по нации еврейки, которая часто рассказывала мне о своей жизни и о тяжести своего положения и проч., и которая попросила доставить в Красный Кут ее письмо сестре, мне удалось поселиться там (в Красном Куте) на квартиру. Хозяйка дома, где я прожил несколько дней, – преподаватель иностранных языков, переводчица. В Бухаресте служила при советском посольстве, преподавая иностранные языки. И, таким образом, научилась свободно говорить по-русски. Сейчас она не работает. Муж ее – зубной врач, коммунист. Очень оригинальный тип румынского коммуниста. Из интеллигенции. Он много рассказывал о своей работе среди солдат в армии, где он служит год. Интеллигенцию, как и евреев (ибо большинство интеллигентов были евреи в Румынии), не любили в армии командиры, часто видя ее преимущество над собой в умственном и культурном; и поэтому издевались над интеллигентами, заставляя голыми ложиться на пол в казарме и проч. Доктор мне рассказывал о методах своей борьбы с командованием армии.

Живут они, доктор и его семья (так рассказывала мне его жена), исключительно благодаря приношениям клиентов. Раньше они бы выгнали всякого, кто бы принес взятку, а теперь без этого жить нельзя: зарплата недостаточна, и паек тоже маленький.

Каждую ночь я отрывал по просьбе жены врача доску и приносил (доска от соседнего забора) хозяйке на растопку. Горжий ничем не помогал и однажды даже привел к ней товарища на квартиру, и тот улегся у нее в доме, не спросив даже разрешения.

11.03.1943

Вчерашняя сводка информбюро весьма опечалила всех. Восемь городов в Донбассе оставили наши войска. В том числе Краматорскую, Славянск, Лозовую, Павлоград и Красноград[40]. Рухнули мои надежды на освобождение в этом месяце Днепропетровска. Что может дальше быть? Не отступление ли, как в прошлом году? А ведь я еду на фронт. И мне страшно не хочется опять, как и в прошлом году, отступать, выходить из окружения на расстояние в сотни километров. Особенно паршиво в этом случае раненым, которые, не умея двигаться, обречены на гибель или плен.

На поезд здесь, в Котельниково, очень трудно попасть. Трудно здесь [*нрзб одно или два слова*] продуктов.

Вчера утром бродил с Горжием по базару и городу. Базар представляет собой двух-трех теток с молоком (50 рублей литр) в окружении многих покупателей-красноармейцев. Один, не желая стоять, предложил 60 рублей за литр, другой – 70. Так бойцы сами создают цены.

На вокзале Горжий решил варить кашу и умываться. Я предложил пойти поискать квартиру, но он отказался.

Учитывая сообщение коменданта о том, что поезд будет после обеда, я решил рискнуть и пошел сам в село искать квартиру. По пути, зайдя в парткабинет, узнал информацию.

В первом же доме, куда я направил свои стопы, мне разрешили остановиться. Я сам принес воды, хозяйка подогрела, и я умыл хорошо лицо и руки.

12.03.1943

Весна. Солнце весь день светило и пригревало. Сегодня впервые в нынешнем году встречаю весну. Отъехали только что из Куберле[41], где простояли вместе с нашим еще несколько эшелонов полсуток.

Вечереет. Думаю слезть на станции Пролетарская[42]. В Зимовниках вчера долго искал человека, принимавшего меня у себя на три дня в прошлом году. Нашел на месте хаты и забора землянку. Хату разрушило. Хозяина не было дома – призвали в армию. Фамилия, имя, отчество: Иван Максимович Еременко[43].

13.03.1943

Ночевали на станции Двойной[44]. Здешние жители – казаки.

Сталинградцы, выгнанные оттуда в эти места немцами, говорили, что здесь плохие люди, что они не пускают даже на квартиру переночевать. Но, к счастью, нам повезло. В первой же хате, куда мы постучались, нас приняли и разрешили переночевать. Хозяева – старик и старуха, угостили нас медом и кипятком. Спать положили нас на

кровати деревянной. Было тепло и приятно. Насекомые не мучили меня, ибо я снял все с себя: и фуфайку, и шинель, и гимнастерку. Зато сейчас они опять дают о себе знать.

Утром встали рано, закусили пирожками с [*одно слово нрзб*] (угостила хозяйка) и медом. Мед черный какой-то, со специфическим вкусом перца. Хозяйка рассказывала о немцах. Жили они здесь, как и в предыдущих селах, что я проезжал. Пятеро немцев. Старикам и старухам выдавали хлеб бесплатно. Молодежь заставляли работать. Жителей не убивали, хотя, что хотели, забирали у них. Но это редко бывало. Румыны, те грабили. Особенно цыгане, в избытке имеющиеся у них, воровали. Стояли они у хозяйки один раз. Пришли, вырвали замок (было холодно). Но ничего в хате не трогали. Затопили имевшимися нарубленными дровами и легли спать. Хозяева застали их спящими.

За каждого убитого немца убивали сразу жителей – правых и неправых. Так что о партизанах здесь и не думали. Одному бойцу-разведчику группа людей прострелила ногу. Весь ближайший поселок немцы сожгли дотла, еще предупредили жителей выйти оттуда, а то бы все погибли. Евреев всех вывезли: расстреляли даже годовалых детей.

Утром был на базаре. Две женщины продавали яйца – 50 рублей десяток. Дорого (в Красном Куте, правда, 100 рублей десяток).

Пошел по хатам. Никто не хотел продать молока и яиц. Только одна женщина вызвалась продать молоко. Я предложил ей мыло, грамм 50. Она согласилась. Пекла хлеб – предложил портянки в обмен на одну буханку. Она дала еще и пышку к молоку. Тоже рассказывала о немцах. Она жена коммуниста. Ее вызывали на допросы, таскали по комендатурам. Больше русские. Их было много здесь, украинских и казачьих полков[45].

Проезжал также генерал Краснов[46]. Немцы думали с его помощью организовать здесь былое казацкое кулачество – не вышло. У сестры [*одно слово нрзб*], бывший полковник, трижды орденоносец, коммунист, сдавшийся немцам в плен и бывший у них в услужении. Теперь он руководил полком русских изменников, перешедших на сторону врага. Ордена он носил в кармане. Он открыто показывал их обеим женщинам. Немцы его заслуг не отнимали. Он всегда доказывал этой жене коммуниста-политрука Красной армии и ее сестре, что русские сюда не придут, что победят немцы и проч. Женщины спорили с ним, доказывая ему обратное.

Евреев и здесь уничтожили всех поголовно. Коммунистов брали на учет и расстреляли только самых ответственных. Остальных не успели. Расстреляли также одну пионервожатую и двух комсомольцев. Жены коммунистов работали без отдыха на оккупантов, но по-

лучали лишь 200 грамм хлеба, и, по словам этой гражданки, местные жители симпатизируют немцам. И когда те оккупировали их территорию, стали выдавать евреев, коммунистов и просто друг друга врагу. Староста выехал с гитлеровцами, убоявшись возмездия. Долго я расспрашивал местную женщину о немцах, о зверствах, чинимых ими на нашей земле.

Хлеб испекся. С великим удовольствием пробовал я домашний горячий крестьянский хлеб.

Гудок паровоза прервал мои разговоры. Спрятав хлеб, поблагодарив хозяйку и распрощавшись с ней, я поспешил на поезд, который уже стоял у водокачки. Паровоз собрался напиться воды.

Когда поезд тронулся, перед взором моим опять проносились обширные поля сельских степей, усеянные сплошь побитыми танками, пушками, автомашинами и прочим ломом грозной вражеской техники, брошенной им при отступлении.

Вскоре показалась станция Пролетарская. На фоне бесконечных желтовато-серых полей она выделялась своими большими, когда-то красивыми зданиями далеко впереди. Подъезжая к этой станции, мы увидели здесь еще более страшные следы опустошительных разрушений, чем в прежде минуемых пунктах. От станции и от всех прилегающих к ней построек остался страшный след обломков. В станице на улицах зияли колоссальной величины воронки от бомб весом не менее тонны. Все это больно сжимало сердце досадой и безудержным гневом на отвратительных и звероподобных людей – гитлеровцев, виновников всех этих бед и страданий нашего народа моей Родины.

Здесь поезд остановился. Который день стояли два эшелона, выехавшие из Зимовников раньше нас. Так что на быструю отправку в Сальск[47] нечего было надеяться. Комендант сказал мне, что один из поездов уйдет через два часа. Я поверил и поспешил в село купить чего-либо поесть.

Яиц не достал. В одном месте случилось натолкнуться на кислое молоко по 50 рублей за литр. Я согласился и взял пол-литра за 25 рублей. Поел. Хозяйка налила еще пол-литра сладкого. Наелся донельзя. Вздулся живот, и я не мог долгое время [*одна строка нрзб*] своему уставшему желудку и решил посидеть немного.

Стал расспрашивать хозяйку о немцах. Она охотно рассказывала. У нее на квартире много их стояло. Было холодно. Приходили группами и в одиночку, приказывали сходить с постели хозяевам и ложились сами туда. Женщин они не стеснялись. Хозяйничали, как могли, в доме. Зато мужчин они остерегались, стеснялись (так говорила хозяйка) в их присутствии бесчинствовать. Попадались и хорошие люди: они угощали детей конфетами, были вежливы с жителями, не обманывались насчет перспектив своих и не обманывали других.

У хозяйки этой квартиры одно время (перед отступлением своим) стояло несколько немцев. Они говорили ей часто: «Рус придет, матка, даст тебе пулемет и ты будешь пук, пук на немец?» Она отвечала, что боится ружья и пулемета и никогда не станет им пользоваться, брать в руки. Ответ, видимо, удовлетворил их, и они одобрительно закивали головой.

«Ты ждешь русских?» – спросил однажды у нее немец. Она ответила: «Как же мне не ждать их, когда мой муж с ними дерется». Один из немцев улыбнулся, но лица других приняли угрожающее выражение. «Нет, нет, – поспешила она их успокоить, – мужа моего давно уж нет в живых». Этот немец, который улыбался, когда другие злились на ее ответ, был очень добрый и сочувствовал женщине. Он часто говорил ей в отсутствие других своих совоинов, что Красная армия близко и что русские скоро вернутся. Так оно и получилось. Накануне своего отхода они предложили хозяйке уйти за километр, а сами, установив у одной из стен пулемет, стали отстреливаться из хаты от наступающих наших войск. Это было ночью. А наутро в станицу вступили красные. Много жителей расстреляли в Сальске при своем отходе русских. Здесь же расстреливали одних евреев и немного коммунистов (наиболее ответственных).

Эти рассказы о массовых казнях ни в чем не повинных евреев заставляют меня с еще большей тревогой думать о дорогих родных моих из Ессентуков, об их судьбе[48]. Как бы мне съездить туда, узнать хоть что-либо, ведь от Сальска до Минвод сущие пустяки. Попрошу коменданта на пересыльном пункте разрешения дать съездить в Ессентуки, но вряд ли мне что-либо удастся. Насчет немцев я навсегда решил – нет врагов для меня злее немцев и смертельнее их. До гроба, до последнего дыхания, в тылу и на фронте я буду служить своей Родине, своему правительству, обеспечившему мне равноправие как еврею. Никогда я не уподоблюсь тем украинцам, которые изменили Родине, перейдя в стан врага и находясь теперь у него в услужении. Чистят сапоги, служат им, а те их лупят по иудиным собачьим харям.

Впрочем, пленных расстреливают немцы, особенно при отступлении. Раненых пленных добивают.

Сейчас устроился на квартиру ночевать. Поезд не идет – где-то впереди разрушен мост. Лягу спать.

Ах, да! Сегодня, говорят, взяли Вязьму[49]. Я от многих это слышал, но пока не доверяю рассказам, пока не прочту сам информбюро.

17.03.1943

Сальск. После госпиталя. 14 марта, после ночевки на станции Пролетарской, в семь часов утра пошел с Горжием на базар. Горжий опять крутил мною и заставлял меня почти бежать (так всегда он де-

лал) за ним по дороге. Это вывело меня из терпения, и я раздраженно попросил его не бежать.

– Мені надо быстро. А тоби як не надо, я не і підгоняю[50], – ответил он и шел тем же шагом.

Я отстал. Мозоль сильно мучила меня. Когда я пришел на базар, Горжий уже купил хлеб (променял на бритву) и торопил меня на вокзал. Но я [*одно слово нрзб*] купил кислого молока и кушал его возле продавщицы. Тогда Горжий говорит: «Піду на вокзал, буду тебе тамо ждать»[51].

Я согласился, и он ушел. Но когда я уже стал подходить к вокзалу, поезд тронулся и оставил за собой только легкий белый дымок. Я понял, что Горжий уехал, ибо он все время стремился почему-то убежать от меня [*одно слово нрзб*] на фронт, торопился на поезд и дважды он сел на поезд без моего ведома. Только моя сноровка помогла мне не отстать от него там. Ныне же он все-таки добился своего. Сколько я ни искал, а так и не увидел моего друга. Люди мне на станции сказали, что следующий пойдет не скоро.

Я зашел в один дом возле железной дороги. Хотел посидеть, отдохнуть. В комнате было темно, тесно и сыро. Хозяева мне посоветовали взять попутную машину. Я так и сделал. Было ветрено, но солнце светило жарко, и день был теплый, безоблачный, весенний – идти было хорошо. Только мозоль беспокоила сильно, часто заставляя останавливаться, отдыхать.

Так дошел я до полустанка, и ни один шофер не сажал меня на машину, как и многих других пешеходов. Гнев вызывали эти люди, обюрократившиеся шофера, заботящиеся лишь о своем личном благополучии и нисколько не беспокоящиеся о близких, о людях своей земли, защищающих ее ценой жизни.

Возле полустанка отдохнул, осмотрел немецкий брошенный и разбитый танк и пошел дальше. Дорогой нашел...

Сальск. Сейчаєя стою здесь на квартире. Зачем я еще здесь и как я устроился в квартиру – после.

Ребята много рассказывают о немцах. Целый день я провел здесь. В город сегодня не ходил. Завтра схожу на базар, в фото[*нрзб*] и проч.

Только что возвратился домой с базара. Цены на хлеб повысились. Купил шесть яиц за 30 рублей, пол-литра молока за 25 рублей, три стакана семечек за пять рублей, кусок хлеба грамм на 800 за 35 рублей. Итого у меня ушло только за день 95 рублей!

Вчера совсем никуда не ходил. Целый день слушал рассказы ребят о немцах. Позавчера купил десять яиц за 65 рублей, пять пирожков за

15 рублей, четыре стакана семечек за десять. Таким образом, у меня осталось 544 рубля в наличии.

В городе на почте узнал весьма, весьма неприятную новость. Наши войска по приказу командования эвакуировали Харьков[52].

В фотографию опоздал. Редактора газеты так и не нашел (я и не искал его особенно).

В баню пускают только раненых г. Сальска. Мне обещали, что пропустят, только я не стал ждать – было ветрено и холодно, у меня не было мыла, я торопился, решив отложить на завтра. В парикмахерской, кстати, я побывал еще позавчера; побрился, постригся за пять рублей.

Сегодняшних новостей я еще не знаю, почта не получила их еще.

Отправил два письма: в Ессентуки и Дербент.

Придя на квартиру, я еще с улицы заметил вывешенное на ветер одеяло, которым я укрывался здесь, а в комнате пустую кровать, с которой была снята постель, и двух красноармейцев. Я решил, что их привели сюда на квартиру, но оказалось хуже. Хозяйка, видимо, решила от меня освободиться по причине мне не известной. Я предполагаю, что, во-первых, из-за скупости (ведь пришлось однажды хозяевам вчера вечером пригласить меня за стол). Ужин был вкусный! Вареные «тыйгылых» (тесто с масленой подливой) – и я ел, пока они не кончились в тарелке. Хозяйка (ее мать и сын уже поели) ела со мной из одной посуды. Когда же тарелка опорожнилась, она стала есть уже из кувшина, дабы не пришлось со мной разделить остальное.

Сама хозяйка – бригадир в колхозе. Имеет много трудодней, корову, яйца и проч., но все прячет и боится впускать бойцов, ибо их приходится иногда «приглашать за стол», как она выражается. Другое обстоятельство: вчера ночью я пересыпал перед сном одежду найденным мной порошком немецким, предназначенным против вшей. Хозяйка, по-видимому, решила, что я очень обовшивел. А они, между прочим, боятся не всяких вшей. «У мене своя воша», – говорил хозяйский сын, когда я спросил его, не от вшей ли он болел (во время прихода сюда немцев) тифом. «Це бойці от вший болеють, а мы ні. У нас бувае тільки своя воша. Тільки чужа приносить тіф»[53]. Эта боязнь чужой воши, впрочем, вполне резонная, возможно и послужила поводом моей высылки, изгнания или, как еще это можно назвать, из квартиры.

Бабка сказала, что «приходіли з с/с[54] и казалі, чтоб він йшов в город, шукати соби хату, а до нас, чтоб ми без дозвілу коміданта не пускали»[55].

Я пока решил побыть здесь, пописать (ведь не выгонят же они меня до вечера), а потом искать квартиру.

Мне положительно сегодня не везет. И с Харьковом, и с квартирой, и с фотографией и проч. Пойду искать квартиру. Шесть яиц только что съел за один раз.

18.03.1943

Сегодня фотография не работала. На почте отправил три письма: маме, в Магнитогорск и Дербент. Было холодно, и руки замерзли. В баню не ходил.

Вши опять закусали. Оказывается, их вчера не выжарили всех утюгом. Сейчас опять утюг стоит – буду жарить.

В редакции – никакого результата: ни редактора, ни секретаря не застал. Оставлять стихов не хочу. В 11 часов дня был на квартире, где целый день провел, не вылазя.

Хозяйка два раза угощала пышкой, а вчера вечером – затиркой[56]. Вообще, хозяева бедные, по сравнению с предыдущими, но щедрые.

Темно. Ничего я сегодня не успел написать. Даже досадно.

На фронте без изменений.

19.03.1943

Сегодня, напротив вчерашнего, круглый успех у меня везде.

Сфотографировался, отпечатал на машинке и сдал редактору первую часть поэмы, сходил в баню и продезинфицировал белье – избавился от вшей. Склеил конверты на почте, узнал сводку и читал в райкоме партии газету. И даже семечки на базаре дешево купил – три стакана за четыре рубля.

Видимо, завтра начнутся неудачи и с редактором, и с остальным. Тем более что машинка в стихах наделала массу ошибок – он и читать не захочет, скажет: «Безграмотный автор их составлял», – стихи тут, впрочем. Увижу.

Быть здесь доведется до двадцать второго.

20.03.1943

Сегодня написал пять писем: в Дербент, Таджикскую ССР, Саратовскую область, Ессентуки, Магнитогорск.

Был у редактора. Послезавтра за результатами.

Почти весь день провел в райкоме ВКП(б) (он,[57] 1-й секретарь райкома) в ожидании аудиенции.

Вечером оказался случайным участником собрания колхозников, на котором обсуждались весьма спорные бытовые вопросы о хлебе, о сборе с населения зерна и хлеба в помощь Красной армии и проч. Многие вопросы из жизни еще при немцах затрагивались в выступлениях. Присутствовал бывший председатель колхоза. Теперь председатель колхоза – бывший при немцах староста. Это редкий случай.

Вечером приходили проверять, есть ли здесь красноармейцы. Как бы меня не потурили отсюда до двадцать второго числа.

21.03.1943

Сегодня у меня был весьма успешный базарный день. Может, внешность моя или какие-либо другие причины вызывают у всех такую реакцию по отношению ко мне, не знаю. Но факт остается фактом.

Булку, что продавали за 30 рублей, мне удалось получить, после долгих уговариваний, правда и колебаний хозяйки, за десять. Молоко – за 20 рублей пол-литра (его продавали за 50 рублей литр), девять яиц, вареных к тому же – за 33 рубля (продал один пацан). Картошку два килограмма – за 20 рублей (продавали по 40). Хлеб купил за 60 рублей буханку килограмма на полтора, правда, она оказалась на одну треть кукурузной (сволочь торговка тут-таки надула, не одного меня, правда).

Было холодно. Я замерз и зашел погреться в одну из близлежащих к базару хат. Там как раз женщины пекли сырники и блинчики из муки и на масле. Меня угостили тоже. Так что мне насчет пищи крупно повезло в этот день. Картошку я отдал хозяйке, и она сварила на ужин вкусный суп с лапшой и картошкой.

22.03.1943

Сегодня получу фотокарточки и узнаю насчет первой части моей поэмы. Если получу положительные результаты, сегодня же заявлюсь в пересыльный пункт – хватит лодырничать, пора и на фронт.

Теперь уже здесь погода теплая. Весенняя по-настоящему. Небо безоблачное, синее, и нередко сюда заглядывают оттуда непрошеные гости – самолеты немецкие. Но только и всего. Хозяйничать здесь им не дано. Наши «ястребки»[58] прочно охраняют город.

Вчера сводки не слушал. Бабские языки, опережая и сводку, и факты, и цифры, распространяют невероятные новости ежедневно. Одну разительнее другой. Так, вчера говорили, что Харьков немцы даже не брали, и что наши войска вышли из города, думая взять в кольцо в нем противника. Но тот не вошел туда, и теперь наши вновь вернулись в город. Позавчера говорили, что немцы заняли Ставрополь[59]. Девятнадцатого говорили, что наши оставили Батайск[60] и Новочеркасск[61]. Вчера – что наши заняли Чернигов[62] (это, между прочим, принес из госпиталя раненый старшина). Что США и Англия предложили нашему правительству (что еще более невероятней) отдать им часть территорий СССР, и те взамен этого введут сюда свои войска и выгонят немцев (говорил один лейтенант). Хозяйка дома, где я нахожусь, каждому слуху верит и придает

значение. Меня же эти сплетни раздражают только и смешат своей несуразностью.

Сейчас хочу еще поработать над стихами и написать несколько писем. Затем пойду в город. Я живу на самой окраине его, которую отделяет от Сальска две балочки. Недалеко отсюда течет речка. Она видна со двора, названия ее не знаю[63].

Фотокарточки получил.

Был в редакции – там новый редактор, литератор по призванию. Сам пишет пьесы, но стихами больше пишет. Он обещал просмотреть поэму и результаты сообщить послезавтра. Решил остаться подождать. Спросил его относительно гонорара, как выплачивают его. Но он меня не так понял и сообщил, что после опубликования. Случайно в разговоре я упомянул, что мне необходим один экземпляр (я два экземпляра отдал в редакцию) стихов, отпечатанный на машинке, быть может, я его опубликую в другой газете. Но он заявил, что обычно принято печататься в одной газете. «Во всех случаях мы стремимся удовлетворять интересы автора, даже если произведение неполноценно – мы даем консультацию и проч. Вы можете быть довольны, что я сам литератор и смогу разобраться в ваших вещах. Наша газета невелика, материал в ней помещается очень ограниченный, но это не мешает мне как литератору уделить художественному отделу должное внимание. Литературные произведения послужат ценным пособием-материалом для агитаторов».

На этой квартире, где пишу сейчас эти строки, решил больше не оставаться. Сейчас буду искать другую квартиру, ибо здесь я уже очень долго, дней четыре-пять – соседи могут заявить. При проверке пострадаю и я, и хозяйка, тем более что хозяйке надоело приглашать меня за стол, когда они кушают в моем присутствии. И она даже сейчас не угостила меня пирожками (вся семья ела), утром – пышками, когда ели все. А совсем рано, часов в восемь, угостила супом, но без хлеба и то после долгих колебаний. Видимо, все уже поели, и остатки она все же решила мне дать.

На почте сегодня написал пять писем. Маме и родным в Среднюю Азию, в Магнитогорск, в Дербент папе и два письма родным в Ессентуки.

23.03.1943

Вечером вчера распрощался с хозяйкой. Принялся искать квартиру. Обошел несколько хат пока, наконец, в одну пустили. Хозяйка молодая, красивая, однако страшно скупая. Утром дала полтарелочки борща и намеками дала понять, что надо искать квартиру. Спал на полу под соломой.

Опять наутро разные хозяева и собаки встречали меня неприветливыми взглядами и угрожающим лаем. Наконец впустили в одну

хату. Хозяйка не возражала, чтоб я остался, но два деда в один голос завопили, что без разрешения правления, без бумажки они не могут позволить ночевать. Посылали меня в правление, говорили, что только спровадили трех человек и проч. Особенно выставляли аргумент, что нужно кормить, а у них забирают хлеб последний. Мешков семь заготовлено для отнятия (а сколько тогда у них осталось?!) колхозом в фонд обороны как трофейные.

Я вынул свой последний кусочек хлеба, тонко разрезал его и положил на плитку освежить. Они кушали оладьи с кислым молоком. Когда я стал есть хлеб – хозяйка налила мне кислого молока. Теперь у меня кроме маленькой луковицы ничего не осталось за душой. Что дальше делать – не знаю. Сейчас только девять часов, а мне предстоит прожить целый день еще.

Сейчас шесть часов вечера. Только что возвратился после поисков хлеба, кстати, неудачных, на новую свою квартиру. В три часа дня, проголодавшись, я спросил хозяйку, не продаст ли она мне хлеба за 30 рублей, которые якобы у меня остались. Я надеялся на доброту хозяев, думал, что они предложат мне (за деньги, конечно) буханку хлеба. Но не тут-то было. Хозяйка не угостила меня сама и не продала за деньги ни грамма хлеба. Мне пришлось идти добывать хлеб по хатам.

В первых двух хатах мне отказались продавать хлеб. В третьей отсюда хате хозяйка отрезала мне порядочный кусок хлеба и угостила вареным горохом. К ней приехал раненный под Ростовом сын 1923 года рождения[64]. Он посоветовал мне пойти попросить хлеб, ибо так мне (за деньги) никто не продаст. И я пошел еще в одну хату. Однако хозяйка вынула буханочку, перерезала ее пополам и подала мне одну половину, вынула огурец и подала мне. О деньгах она и знать не хотела. Фамилия ее Мусиенкова Христина Вакиловна. У нее муж, два сына и дочь на фронте. С ней осталась одна девочка Катя (Петровна). Мужа хозяйки звать Петр Акимович[65].

Много рассказывала хозяйка о нужде своей, о том, что у нее, как и у всех колхозников, отбирают хлеб ныне, горько жаловалась на судьбу, отобравшую в ее семье четырех человек и угнавшую их туда, где гибель. Дочь, грамотная, ушла добровольно и говорила матери, что так нужно Родине. Много рассказывала о немцах. Жалея мою молодость, советовала уйти к немцам (после того даже, когда я сказал ей, что коммунист). Я возразил, что с немцами мне не по пути, как бы хорошо они ни вздумали ко мне относиться. Во-первых, я не люблю быть лакеем, а немцу нужно обязательно быть им (я не говорил ей еще, что я еврей и что немцы со мной не цацкались бы, попади я им в руки). Во-вторых, я не хочу быть изменником своего народа, своей

Родины. Лучше погибнуть, нежели предать свой народ, свое государство. Все равно возмездие ждет всех многочисленных изменников, по-лакейски прислуживающих ныне фашистским оккупантам. Ты прав, сказала тогда она мне. Моя дочь тоже так говорила, когда уходила добровольно на фронт.

Когда я стал уходить, хозяйка дала мне и вторую половинку буханки. Я горячо поблагодарил добрую женщину.

Вечером я здесь кушал тушенный на масле лук с помидорами и стакан сладкого молока с хлебом хозяйским. Занимался с хозяйской девчонкой математикой. Она не думает, ветрена очень, и ей трудно объяснить.

24.03.1943

Вчера утром выпал снег. Весь день был холодный и ветреный, и сейчас холодно. Опять холодно на дворе. Спал на соломе – было мягко и легко спать. Ночью хорошо выспался. Мозоль мучает бесперестанку. Терзает всю ногу жестоко.

Наши войска оставили Белгород[66]. Вновь положение на фронте ухудшилось. Под Таганрогом тщетно бьются наши части и по сей день[67]. Враг хорошо укрепился. Странно, почему Таганрог не обходят, ведь столько жизней он отнимает у Красной армии. Невесело мне теперь. Неужто опять я попаду в такую историю, как окружение, отступление, неужто опять доведется мне этим летом бить ноги на протяжении сотен километров пути. Ведь я так не хочу повторения прошлого лета, так не люблю убегать вместе со своей армией от врага, пятиться под его нажимом. Разве мы не в состоянии остановить его на Украине, в Курской области, как остановили под Сталинградом? Это очень больной для меня вопрос, ибо я на днях вновь попадаю в часть. Куда попаду? На Ростов или на Украину? Это тоже важный вопрос, терзающий мой рассудок.

26.03.1943

Хозяев фамилия – Пастернак. Дарья Петровна, Надежда Кирилловна (дочь) и Кирилл Федорович.

Хозяева, где я живу, весьма состоятельные колхозники. У них есть и хлеб, и масло, и проч. Словом, я попал, наконец, на такую квартиру, о которой мечтал с самого моего прибытия в Сальск. Борщ с промасленной сдобной пышкой, кислое молоко, сладкое молоко с великолепным домашним хлебом, жареный лук на сливочном масле – всем этим вдоволь наедаюсь я здесь каждое утро и вечер с первого дня моего прихода на эту квартиру. Фамилия хозяев, если не ошибаюсь,

Буткуль. У них есть белявенькая девчушка Нюся, с которой я и занялся учебой. Она учится в 1-м классе, но учится плохо, хотя не лишена известной сообразительности. Я решил помочь ей научиться работать, думать, соображать. Результаты кое в чем сказались. Но за три дня, конечно, трудно восполнить то, что потеряно в течение года. Примеры она стала решать правильно. Но только после вторичного решения. Читает совсем плохо. Пишет чисто, но безграмотно.

Посетил вчера школу. Говорил с учительницей. Школа-четырехлетка обслуживается всего-навсего двумя учителями. Та, с которой я беседовал, была одновременно и директором школы. Вся школа состоит из одной комнаты-класса. В этой комнате одновременно обучаются 1-й и 4-й классы. На одном таком уроке я присутствовал с разрешения учительницы. Урок математики был в 1-м классе. В 4-м – география. Учительница написала примеры на доске, задала решать их ученикам, а в это время спрашивала учеников старшей группы заданный урок географии. Выходило, что и половины внимания едва уделялось ученикам каждого класса. Я заметил, что это смешение классов затрудняет учебу. «А кто мне будет платить, если я стану отдельно заниматься с каждой группой, в 1-й группе ведь только четыре человека?» И отчасти она была права.

В редакции еще вчера договорился насчет поэмы. Редактору хотелось побольше выпустить из моей поэмы стихов, чтобы только немногое поместить, поэтому он был чрезмерно придирчив. Больше всего ему понравился разговор Гитлера с Паулюсом. И менее всего последние, заключительные, четырехстишья, якобы насыщенные плакатным, ложным пафосом. Итак, после трехчасового спора и обсуждений поэмы он решил поместить только «Разговор с Паулюсом» и, если будет место в другом номере, начало поэмы. В Сальске будет выходить с 1 апреля литературная страница, в первом номере которой он думает поместить отрывок из моей «Сталинградской эпопеи»[68]. Оставил два стихотворения – «20 лет» и «Мы придем», написанные от руки.

Заскочил в райком ВКП(б), где машинистка отпечатала мне два экземпляра «Эх, еще ударим-ка», «20 лет» три экземпляра и четыре экземпляра «Ты пришел».

Написал вчера заказное письмо в Дербент, в которое положил свою фотокарточку.

На пересыльном пункте позавчера никого не застал, а вчера еще не набралось до ночи 70 человек (меньшую партию не посылают). На Батайск, 170 километров за десять дней пешком. Сегодня, очевидно, отправят. Я поздно вечером вчера все же вернулся на квартиру, хотя и зарегистрировался на пересыльном пункте[69]. Утром выпил три стакана горячего молока с хлебом и только что поел борщ с мя-

сом. Жаль уходить даже отсюда. Я дал девчонке в знак благодарности бумагу чистую, а дедушке-курцу книгу «Литературные очерки» М. Серебрянского[70] на курение. Больше нечем мне отблагодарить их, хозяев.

27.03.1943

Станица Егорлыцкая[71].

Вчера опять целый день промучили нас на пересыльном пункте. Несколько раз выводили на построение. Тех, кто ночевал там – заставили работать, так что выиграл тем, что ночевал на квартире, вдвойне – и спал хорошо, и питался, и не грузил на голодный желудок овес, как другие десять бойцов. Только к вечеру, когда надо уже было идти, нам дали продовольствие на два дня (300 грамм хлеба, стакана полтора крупы и грамм 20 масла) и сказали, чтоб двигались. Но мы все же решили отложить на утро наше движение.

Вчера задумал я написать несколько писем, но едва написал (да и то не закончил полностью) одно письмо маме. Сегодня весь день провел в пути. Писать было некогда.

Две комнаты отвели для ночлега бойцов на пересыльном пункте. 70 человек, конечно, не смогли поместиться там, и часть направилась в поиски квартирного ночлега. Стал и я искать квартиру, но, как назло, не нашел, ибо всюду отказывали, мотивируя свой отказ постановлением «не пускать никого на квартиру без бумажки от коменданта». А заходить далеко от места ночлега команды не хотелось, ибо сбор был назначен на шесть часов. Махнув рукой на удобства ночлега на квартире, вернулся в отведенные нам комнаты и, кое-как улегшись на грязном, замусоренном куске оставшегося незанятым пола, продремал с перебоями ночь. Ноги свешивались у меня над головой, ноги шевелились у моего изголовья, ноги толкали меня в спину, в бока, били по ногам. Руки тоже давили отовсюду. Спать, разумеется, спокойно было нельзя.

Утром отправились. Сменял ботинки на валенки, чтобы легче было идти с моей мозолью. Но идти было еще тяжелей, неудобней. На машину не брали. Случайно мне удалось сесть на подводу (одному на всю команду), доехать до станции Трубецкой (совхоз «Гигант»)[72]. На Трубецкой сел на товарный поезд, что обогнал меня еще в пути из Сальска и подождался на станции. Этим составом доехал до станции и районного центра Целина[73], где поезд остановился надолго. Там набрал семечек три кармана – на станции были рассыпаны – сейчас пожарил их. Сел на эшелон, что приехал сюда еще вчера (эшелон с танками), и на нем доехал сюда.

Здесь тоже долго проискал квартиру, всюду отвечали надоевшее: «У нас есть уже». Причиной всему – отнятие у крестьян излишков

хлеба – они теперь не хотят кормить бойцов, как делали раньше. Когда уже сильно утомился – нашел квартиру. Поужинал полмиской картофельного супа с хлебом. Все. Опять начинают тревожить насекомые.

Утром завтра здесь базар будет – схожу. Поменяю кальсоны на сало и еще на чего.

28.03.1943

Буханочку хлеба за 15 рублей, булочку за три рубля, пол-литра кислого молока за десять рублей – вот и все мои покупки. Кальсоны скинул с себя, хотел менять на сало, но давали всего лишь грамм 300–400 – недостаточно.

Хозяйка угостила борщом (полмисочки), хлебом из муки молотой на мясорубке. Мясо сами ели, меня не угостив.

Только что закончил письмо маме, начатое еще двадцать шестого. С базара заходил на почту, слушал сообщения информбюро и передовицу «Правды», посвященную Максиму Горькому. Сегодня день рождения его[74].

На фронте без существенных перемен.

29.03.1943

Станица Мечетка[75]. От дороги она от железной в двух километрах.

Вчера вечером прибыл я сюда на машине. Дело так было. Проискав по всему селу сало и не найдя его нигде (немцы, болезни и отчасти сами хозяева вывели их из числа населяющей станицу живности), я уже было собрался уезжать оттуда. Но в одной хате, куда я зашел уже просто отдохнуть по пути к железной дороге, меня угостили супом с хлебом, а боец, находившийся там, посоветовал мне пойти в рядом стоящую пекарню и попросить хлеба. У них есть бракованный хлеб, и они дают по буханке, если у них просят бойцы. Но здесь ничего не вышло – хлеба не дали. Я пошел на станцию.

Пересекая шоссейную дорогу, я наткнулся на грузовую автомашину, груженную продовольствием для госпиталя. Попросил подвезти. После колебаний долгих (связанных с кражей хлеба и сапогов на машине таким же случайным пассажиром в чине лейтенанта) шофер согласился меня подвезти. Итак, я приехал в Мечетку – районный центр Ростовской области.

Опять здесь, как и в прочих, ранее посещаемых мною деревнях, долго пришлось искать ночлег. Начал с северной окраины станицы. Нашел. Но вижу, что долго мне здесь не жить – хозяйка скупится. Это главное. Кофем угостили вечером, сказала – вынимай свой хлеб, мой – сырой, недопеченный. Утром ничем не попотчевала она меня. Тогда вынул хлеб, стал есть. Налила полстакана молока, оправдыва-

ясь, что корова не доится. Сейчас печет для дочери хлеб и булки. Дочь у нее сидит за работу у немцев официанткой. Она ей носит передачи. Посмотрю, угостит ли меня хозяйка, когда напечет булочек.

Только что отсюда уехали две девушки – жители Новочеркасска. Одна из них – учительница. При немцах, когда шла мобилизация девушек для отправки в Германию, они бросили квартиру и переехали недалеко отсюда на хутор. Сейчас собирались возвращаться в свой город, но слухи о бомбежках напугали их, и они решили отложить свои намерения до освобождения Таганрога. Впрочем, здесь рассказывают, что Таганрог уже несколько раз переходил в наши руки, но наши не закрепились в нем. Это не просто слухи, а рассказы побывавших там шоферов.

В селе еще не был. Сейчас рано, но туда к 12 часам, думаю исследовать его. Исходить вдоль и поперек, поискать сало, найти лучшую квартиру.

30.03.1943

Мечетка. Нашел квартиру скоро. Хозяйка говорила, что не важно пустить переночевать, а главное, что важнее всего, необходимость кормить. Но я решил, что как-нибудь перебуду и так заявил хозяйке. Она согласилась пустить ночевать.

Вечером на ужин дала суп из молотой кукурузы с картошкой. Сегодня утром – такого же супу и немного вареной картошки, несколько маленьких картошеночек.

Весь вчерашний день искал редакцию местной газеты, почту, фотографа и сало. Кто ищет – тот всегда найдет, говорится в песне[76]. Нашел и я. На почте узнал сводку – без изменений на фронтах[77]. В редакции и у фотографа узнал о плохом состоянии работы там. Во-первых, из-за отсутствия редактора и бумаги, во-вторых, из-за отсутствия материала. В редакции обещали посмотреть стихи неизвестно когда, а фотограф обещал сфотографировать только на документы. Там и там отказался от всяких начинаний даже.

Сала здесь нигде не было, только в одном месте наткнулся на одну торговку, видимо, владевшую этим базаром. Она отрезала грамм 400, но потом и это отказалась дать. Отрезав оттуда еще кусочек грамм на 100, она предложила мне оставшееся сало в обмен на кальсоны. Мне хотелось ей в это время дать по морде, тем более что она сама говорила, что немцы забирали у крестьян сало, не спрашивая их на то разрешение. А бойца она хотела обсчитать на кусок сала. Но я не стал разговаривать и взял в обмен на снятые с себя кальсоны 300 грамм сала. 100 грамм я съел еще вчера, остальное оставил – хочу довезти до Ростова на случай голода там.

Когда я шел по направлению в центр отсюда, мне встретилась женщина, несшая два полных мешка. Оба были тяжелые. И она, пронося определенное расстояние один, возвращалась за другим мешком. Так у нее уходило много времени и сил. Я вызвался ей помочь. Ей оставалось до дома квартала два-три. Когда я принес ей один мешок, она вынула у своей хаты из мешка хлеб и отрезала мне кусок, грамм на 300.

01.04.1943

Зерноград. Город или, вернее всего, рабочий поселок[78]. В центре остатки былой красоты. Памятник Ленину с отбитой головой. Одно туловище с вытянутой вперед рукой. Я интересовался историей разрушения памятника. Жители рассказали, что он был разрушен не сразу. Во время наступления на этом участке немцы прямо по шоссе двигались дальше, на Мечетку. И там они, через много дней после взятия последней, впервые показались в Зернограде. Они засели там, где большие дома ровным квадратом обступили памятник. Однажды, очень долго глумившись над образом нашего вождя, обезобразили его памятник. На пьедестале осталась надпись «Ленин». Теперь около разрушенного памятника братские могилы. Вчера вечером, проходя по улицам Зернограда, я увидел там у памятника Ленину много людей. Заинтересовавшись причиной сбора, я пошел туда. Там в ряду [*три слова нрзб*] могил капитанов [*одна строка нрзб*] и братской могилы [*одна строка нрзб*] немецкими [*одна строка нрзб*] Зернограда во время [*три слова нрзб*] этих мест бы[*три слова нрзб*], не занятая. Люди [*три слова нрзб*]ния нового подземного жилья [*три слова нрзб*] унесенного [*три или четыре слова нрзб*] мной проклятой войны. Гов[*два или три слова нрзб*] старший лейтенант [*три или четыре слова нрзб*] орденоносец. Вскоре его [*два или три слова нрзб*] четырехэтажный.

[*Одно слово нрзб*] желтый лоб, да пара закрытых [*одно слово нрзб*] глаз вырисовывались на белом покрывале, протянутом через весь гроб, в котором покоилось тело. Больше ничего нельзя было видеть. Был выстроен почетный караул. Гроб вынесли, вслед за ним вынесли знамя [*одна строка нрзб*].

Процессия бойцов под [*нрзб*] пограничника, старшего сержанта, вооруженная новейшими советскими винтовками, тронулась медленным шагом к месту погребения. Гроб несли капитан и еще три военных. Крышку – четыре [*одно слово нрзб*].

Какой-то старший лейтенант открыл митинг. Он сказал несколько слов об усопшем, из которых я только запомнил, что покойный – Герой Советского Союза и фамилия его Долг[ин? – *нрзб*], если не ошибаюсь, Сергей Сергеевич. Звание его – старший лейтенант. Умер

он от ранения на фронте, в госпитале. Звание его старший [*одно слово нрзб*] лейтенант. Больше я не мог [*одно слово нрзб*] – закончил капитан. Трехкратный [*одно слово нрзб*] ружейный [*одно слово нрзб*] мирные плакали.

Раненые на балконе противоположного здания, занятого под госпиталь, во все время митинга и погребения шутили, смеялись, даже неловко было. Затем гроб опустили на веревках вниз. Я не стал больше ждать и ушел искать ночлега.

Дорогой читал известия – ничего существенного.

Пошел в сторону поселка, что влево от центра, если лицом к городу от [*нрзб два слова и две строки*].

Больше всех [*одно слово нрзб*] Карымов, и тот боец назвал меня гадом. Я молчал, гнев не давал говорить мне, но вдруг раздался свист в воздухе. Женщины бросились за нами, несколько бойцов, в том числе, два моих героя, попрятались по подвалам. А когда это свистящее упало на землю, все увидели, что это длинное, как ракета. Так доказали свою храбрость на деле эти болтуны. Но теперь мне все же неприятно быть с ними.

[*Две строки нрзб*] полковой направил к коменданту, но без волокиты не обошлось. Поздно вечером я наконец-то попал на квартиру в большом трехэтажном доме в центральной части города. Жители – все рабочие совхозов. В их рассказах уже не услышишь «русские» по отношению к советским и фашистско-немецким войскам, как повсеместно я слышал от жителей всех предыдущих городов и деревень, начиная с Котельниково и кончая Мечеткой, а «наши», «немцы». В этих выражениях не видно резкого отделения себя, тоже русских, от своего народа, общества, армии.

В Мечетке я встретил жительницу Таганрога, жившую там при немцах, переехавшую и теперь оставшуюся на советской территории. Но об этом после. Сейчас я спешу узнать известия, может, мне здесь аннулируют мое несчастье – мозоль!

03.04.1943

Кагальник[79]. В госпитале прописали какую-то мозольную жидкость. Выжечь мне не обещали, ибо для этого нужно продержать в госпитале несколько дней, а этого врач не имеет право делать, но я и так доволен. Все-таки есть хоть какое-то средство. Мазать нужно несколько дней, а затем попарить и срезать часть, мазать, после [*нрзб*]. После того как я получил мозольную жидкость, собрался уходить из Зернограда-Верблюда.

Возле регулировщика мне сразу удалось сесть на машину и через какой-то час или даже того меньше – полчаса, я был здесь, в Кагальнике.

Долго проискал квартиру. На краю села нашел. Хозяйка попалась нехорошая. Колхозница, но не нашлась меня даже угостить чем-либо. Попросила у меня бумагу. Дал ей большой лист, из которого мог бы сделать тетрадку на несколько листов. Продаст она его. Потом пожалел, что дал такой женщине. У нее и кушать-то нечего.

К ночи пришел еще один боец, калмык, очевидно. Несмотря на ее требования представить справку, он все же самовольно расположился на квартире и так и не предъявил ей разрешение из с/с (у него его не было). Ночью он стал похабничать с хозяйкой, говорить, что ляжет с ней и проч., довел ее чуть ли не до обморока. Она говорила, что и спать не ляжет, будет бояться. Так стала говорить, что мне, наслышавшемуся слухов, стало немного жутко, а вдруг и правда подрежет ночью и меня, и хозяйку, дабы ограбить. Человек он хулиганистый, сильно спорил со мной, утверждая, что большинство украинцев с немцами, на стороне немцев (он считал, что я украинец, ибо я сказал, что родился на Украине). Я доказывал, что украинцев 40 миллионов, и если бы даже треть нас предала, то было бы 13 миллионов. А говорить, что большинство украинцев предатели, он не имеет права, ибо на стороне немцев всего несколько тысяч изменников. А партизан украинских есть сотни тысяч.

Он спорил, доказывал и, наконец, договорился, что я спорю как еврей. Я опять стал доказывать, что нельзя оскорблять целый народ – евреев. Так мы и не договорились ни до чего. Хозяйка сказала ему, что я русский. Так она решила по разговору моему. Ночь я спал все-таки спокойно, позабыв о страхах. Зато хозяйка не спала. Наутро она нас рано подняла. Мне сказала, что пора на базар, а другому бойцу, что она будет уходить и она запрет хату. У нее было двое детей.

На базаре купил маленькую булочку хлеба, грамм на 200 за 14 рублей. Одна женщина, торговавшая кислым молоком, налила мне стакан бесплатно. Поел.

В одном месте отдохнул после вторичных поисков квартиры. Женщина отрезала кусок хлеба. В другом месте – три кусочка грамм на 300.

Квартиру нашел, опять-таки, на другом конце села. Кормить нечем – сразу предупредили хозяева. Но я согласился. Они интеллигенты. Муж – преподаватель химии, физиологии, естественных наук в средней школе. Был начальником штаба батальона, попал в плен [к] немцам при ранении, уехал оттуда домой и при отходе немцев остался опять у нас.

Сейчас собираюсь дальше, к Ростову. Был тут в райкоме, читал сводку газет. Узнал о лауреатах Сталинской премии нынешнего года от литературы. Опять Толстой А. Н. за старое, Корнейчук,

Леонов, Василевская, Рыльский, Исаковский М. В., Вересаев В. В., Серафимович А. С. за прошлое – по 100 тысяч. Бажов, Соболев Л. С., Алигер М. И., Симонов, Габрилович Е. С. – по 50 тысяч[80].

Сегодня встретился со своей командой. Многих бойцов не было. Получил хлеба ячменного грамм 600–700 и кружку пшена. Больше ничего.

Старшину пришлось очень долго ждать – до часу дня. Некоторые бойцы волынили, лезли в душу своими выкриками.

– Мы вас (!) знаем, вы (!) только любите по госпиталям да по тылам отсиживаться, а не воевать и проч. Ты нас не считаешь за людей, раз не хочешь ехать с нами. Ты хотел отстать от нас и для этого отбился.

Особенно изощрялся в антисемитских выпадах один калмык. Грамотный и хорошо изъясняющийся по-русски, он больше всех надоедал своими приставаниями.

Старшина разрешил все споры: «Езжай куда хочешь, но чтоб вместе с нами был в Ростове. Кто в день нашего прихода не явится в запасной полк, на того подаю рапорт как на дезертира». Мне ничего больше и не нужно было. Все разошлись по хатам. Я пытался еще ехать.

На шоссе – девушки-регулировщики. Я разговорился с ними. Они 1922 года рождения, из Москвы. Призваны по мобилизации в июне прошлого года. Их часть всегда находится по тылам, близким к фронту. Я заметил, что это хорошо, ибо риска меньше, они возразили, что и здесь очень опасно, что часто шофера наскакивают машинами на девушек. Одна из девушек – учительница. Окончила педагогический техникум, преподавала химию и физику в 5–7-х классах. В день девушки стоят на посту дважды, по шесть часов. Теперь легче, но раньше было утомительно, когда были занятия, особенно зимой.

Девушки были славные. Одна даже немного красива. Весело улыбались, разговаривали, и, несмотря на дождь, с ними было хорошо. Они заинтересовались моими документами. Посмотрели фотокарточки, поразились переменам лица моего.

– Ты видишь, какой он был раньше! – восторженно заметила одна из них.

– Да, как вы похудели, изменились, – сказала другая.

Они усердно старались посадить меня на машину, но машины, как назло, дальше этого села не шли из-за грязи. Я распрощался с девушками и отправился на поиски квартиры.

Нашел сразу. Здесь много детей – мал мала меньше. Они обступили и мешают писать. Но ночевать здесь необходимо – земля еще мокрая, и машины не ходят.

04.04.1943

Всю ночь напролет шел дождь, но в квартире этого не чувствовалось. Сейчас земля немного обсохла, и я думаю нынче ехать дальше. В хате горела плита, и было так жарко, что я вынужден был снять с себя все и спать совсем нагишом, прикрывшись шинелью. Женщины спали тоже совсем раздетые, в одних нижних рубахах, а девчонка 1927 года рождения спала в одних трусах.

Спал я неважно. Вечером меня угостили кашей хозяева. Ел со своим хлебом.

Помогал весь вечер хозяйкам крутить самодельную мельничку, в которой мололи они пшеницу.

05.04.1943

Вчера добрался с грехом пополам в Злодейскую[81]. Ехал машинами, но то ссаживали, то буксовали машины, и приходилось идти пешком. Так что приехал в Зверево[82] и попал на продпункт позже многих других из нашей команды. На продпункте получил продукты на два дня: хлеб, полкотелка муки, кусочек мяса, ложечку соли. Мясо дали, правда, на день. В дополнение к этому, вместо мяса на другой день пообещали накормить обедом.

Месили тесто на кухне, резали мясо с картошкой, и мы, предвкушая вкусное кушанье, согласились ждать обеда. Ждать довелось очень долго. Наступил вечер, когда нас пригласили в столовую.

Столовую обеспечивала, видно, воинская часть, и она была культурно и красиво украшена портретами, газетными фото, лозунгами и плакатами. Один грамотный, но въедливый старик-калмык обратился с речью к Сталину, к его портрету, в которой жаловался на тяготы и лишения, переносимые красноармейцами в связи с войной.

Бойцы смеялись, шутили с официанткой. Та, жестикулируя, разговаривала с ними. Но вот принесли обед. За нашим столом сидел старший сержант-регулировщик. Ему принесли второе: пюре картофельное с мясом. Мы думали тоже получить второе и потому не обратили сразу внимания на вкус поданного нам супа. И когда многие, в том числе и я, опорожнили миски, спросили о втором. Второго не обещали. Все зашумели и впервые почувствовали, насколько невкусный суп был подан. Стали ругаться и кричать, в особенности на официантку, которая теперь широко развела руки в стороны, указывая на свою невиновность. Но вызывать начальство наотрез отказалась: «Идите сами беседуйте с ним». Наконец, его вызвали, но добились мало чего. «Кто поел суп, тому придется довольствоваться им, кто не ел его – тому подадут мясо и суп с галушками». Так мы сделали, несмотря на возмущение многих бойцов.

Когда мы вышли из столовой, стало темнеть и пошел дождь. Надо было искать квартиры. Вся наша братия направилась в хуторок, что полкилометра вправо от совхоза, где продпункт, если ехать в сторону Ростова. Злодейское оставалось влево от железной дороги.

Квартиры не нашли, говорили, что всюду полно бойцов, и все направились в Зверево. Я и еще один из нашей команды остались. После недолгих поисков мне удалось найти квартиру. Хозяйка, хотя и жила неплохо, варила вареники с сыром, пирожки, меня ничем не угостила, напротив, забрала полмиски от моей каши для теленка, еще до того, как я начал есть. К ней приехал муж из госпиталя, больной. Она его угощала.

Когда я спросил дочь хозяйки (хозяйка вышла), можно ли сварить кашу, она ответила: «Не знаю, я не хозяйка», а мать ее тоже неохотно согласилась. Это было утром уже. Вечером я съел кусочек хлеба, ибо они не разрешили варить. Спал я на полу и на своей шинели – хозяйка ничего мне не дала подстелить. Наутро, рано встав и умывшись кое-как, отправился в дорогу.

Во дворе барака отъезжала машина. Было очень грязно (всю ночь шел дождь), и машина еле шла. Я попросил шофера подвезти – он отказался. Тогда я сам сел, когда шофера не видели. Машина немецкая, с крытым кузовом. Я спрятался в ней и сел на скамейку. Только когда мы отъехали уже километров пять, шофер увидел меня, поругал, но не выгнал. Однако, еще немного проехав, он остановил машину, решил ждать, пока подсохнет. Я вылез с кузова наружу. Сзади шло много машин, попросил подвезти. Шофер одной из них пригласил в кабину. До Батайска ехал с ним в кабине. Он молодой, но самый знающий из четырех шоферов ехавших с ним и под его началом машин. Звание его старший сержант. Он недурен. Рука у него была перевязана и просачивалась кровь. Я, осененный сильным порывом благодарности за то, что подвез он меня, дал ему в дороге свой бинт.

За несколько часов мы доехали. В кабине сильно качало и подбрасывало до потолка, на что шофер сердито ругался каждый раз.

Встал я в центре Батайска. На продпункте наших не было. Пошел прогуляться. Встретил на шоссе эвакуирующихся из Матвеева Кургана[83]. Вещи у них были на тачке гружены, сзади привязанная шла тощая и печальная коровенка. Тачку везли старик и мальчишка спереди, одна женщина пожилых лет сбоку и одна сзади. Я прошелся немного с ними, хотя мне было не по пути. Расспрашивал.

Матвеев Курган противник бомбил ежедневно. Там голод и жить [*одно слово нрзб*], наши войска от Матвеева Кургана недалеко, в сторону Таганрога, на запад всего продвинулись и перешли за Красный Лиман. Хату свою бедные люди, по их собственному выражению,

оставили красноармейцам на блиндажи. Они собираются бежать в Ставропольский край.

Сейчас здесь налет вражеской авиации. Небо гудит моторами, земля громыхает выстрелами зениток. Дрожат стекла и дрожат стены комнаты, но хочется, несмотря на все, рассказать, где я сейчас нахожусь, похвалить хозяев квартиры, где ночевал сегодня, за их доброту и приветливость.

Много-много домов обошел в поисках жилья, но нигде не пускали, говорили: «У нас стоят военные». Здесь тоже мне сказали обычное «у нас стоят», но потом одумались, и сначала одна женщина, а потом все остальные сказали долгожданное «оставайся». Остался. Попросил сварить кашу из оставшейся у меня крупы пшенной, но хозяева угостили борщом вкусным с картошкой и рыбой, с хлебом и дали пол-литра молока свежего! Я с удовольствием поел. Кашу не варил.

Спал я в отдельной комнате на кровати. Хорошо и удобно. Сейчас я здесь и пишу.

Только что написал три письма родным в Среднюю Азию, Дербент и Магнитогорск.

Известий вчера не слыхал, сегодня тоже. Позавчерашние известия узнал в редакции местной газеты. Газетка выходит здесь махонькая, и редактор сказал, что даже свой материал они не имеют возможности всегда помещать полностью. Все делает отсутствие бумаги. Он мне показал прошлогодние номера, выпускавшиеся здесь до прихода немцев. Они были вчетверо больше и состояли из двух страниц каждый. Теперь в Батайске ничего нет. Ни фотографий, ни магазинов. Даже непошкаребанных зданий – налеты здесь почти ежедневны.

Кстати, сейчас уже нет налета, хотя и отбоя тревоги не было еще. Много зданий разрушено, и много совсем пустуют – жители эвакуировались, боясь бомбежек. Кругом замки на дверях висят. Разрушения причинены самым различным уголкам города – и центру, и всем окрестностям. Бомбы бросались неприятелем беспорядочно. Сам Батайск, оказывается, не является пригородом Ростова, а отделен от него степью и расстоянием не в восемь километров, как я полагал, а 11–13 километров.

День сегодня ясный, безоблачный, и солнце тепло согревает и землю, и воздух.

Команда наша будет, очевидно, сегодня ночевать здесь, но я поеду в Ростов, пусть даже без продуктов, в ущерб своему желудку. Здесь два обстоятельства, но самое главное – желание побродить по Ростову, повидать кое-чего, сфотографироваться вторично и отпечатать в газете свои стихи. Второе – антисемитизм, преследующий

меня везде, где собирается группа бойцов, с которыми мне приходится быть вместе.

Карымов. Сам не русский, но антисемит и шовинист. Это тип, подобный Сеньке-еврею (с производства) и еще многим нерусским людям, способным осмеивать свой народ, нападать на него вместе с русскими антисемитами и шовинистами, предавать его интересы в угоду собственному благополучию. Таких любят, такие везде в числе счастливцев. Взять Сеньку. Он дразнил евреев и картавил под общий смех и одобрение. Его любили за это. Я же всегда спорил и доказывал, что никакая нация и народ в целом плохими не бывают, а находятся отдельные люди, обладающие скверными качествами. Со мной спорили, меня не любили за это.

Помню одного украинца, утверждавшего под общее одобрение многих, что украинцы все трусы и предатели, и большинство (!) их перешло на сторону врага. Я и тут стал доказывать, что большинство – значит больше половины, а украинцев 40 миллионов, и если б даже половина их перешла на сторону немцев, то это составило бы 20 миллионов, а разве это так в действительности?

Со мной и тут спорили. Меня готовы были ненавидеть за это, ибо доказать мне обратное трудно. И теперь Карымов, он был [*одно слово нрзб*].

Я был там замполитом. Он – старшим одной из палат. Вместе нас выписали. Никогда я не слышал от него ничего плохого. А теперь вдруг услышал. Стали говорить о начпроде[84]. Ругать его. Кто-то сказал, что он еврей (хотя он и был русский).

– Евреи все такие, все мерзавцы, – подхватил вдруг Карымов, – они и в госпитале засели. Выписали меня, когда рана моя еще не залечилась. Где врачи не евреи – там хорошо. Жиды [*нрзб*]ки. Их недаром немец стреляет. С нами тоже Абгам, – заключил он свою тираду.

– Он точно п[*нрзб*] в госпиталь. Евреи трусы. Он, наверное, и на фронте еще не был, – подхватили другие.

– Гад! – проговорил, подойдя ко мне, один боец.

Это меня задело. Я накричал на него:

– С какой стати, дурак, ты называешь меня гадом? На каком основании?

Он ничего не ответил и ретировался поспешно.

Я слышал, что защищать евреев или другую нацию, будучи ее представителем, неправильно и называется как-то вроде национальным шовинизмом. Поэтому я сказал:

– А вы знаете, какой вы нации?!

– Какой? – раздалось вокруг.

Я ответил: «Советской! Я не разбираю, какой нации человек, с которым я имею честь разговаривать, что это за человек. Ибо в любой

нации есть плохие и хорошие люди. Это главное. И если Карымов сегодня в дороге ругал почем зря народ, к которому он сам принадлежит, называя его трусливым и вороватым, я считаю это не чем иным, как изменой, предательством своего народа. Народа, повторяю, никогда не бывает плохого, трусливого, а есть только отдельные представители, которым можно приклеить подобный ярлык».

Меня поддержали узбеки, казахи, киргизы и некоторые русские. Остальные подняли вой, в буквальном смысле [*две строки нрзб*].

07.04.1943

Ростов. Хозяйка страшная антисемитка. Безграмотная, но много воображающая о себе. Верит богу. Не подозревая во мне еврея, почем попало честит мою нацию. Сейчас ухожу. Ночевать вторую ночь она не позволила. Все время говорит: «Какой у нас воздух плохой стал», – она хочет меня выжить скорей.

08.04.1943

Как только вышел из квартиры – пошел на базар. Там не успел сделать нескольких шагов, как меня подозвал какой-то военный с красной повязкой на руке:

– Товарищ военный, подойдите-ка, пожалуйста, сюда – и он, отведя меня в сторону, предъявил документ об его полномочиях. Потребовал у меня документы. Я предъявил справки из госпиталя.

– Пойдемте-ка со мной к коменданту. Он вас направит к замполка. – Я пошел.

– Вы, кажется, хотели купить что-либо на базаре? – спросил он меня дорогой.

– Да, – ответил я.

– Тогда пойдемте, купите, – сказал он.

На базаре я ничего не нашел, кроме жареной рыбы, которую и купил за 15 рублей. За мной в это время уже следовало восемь человек.

Привели меня в комендатуру. Там помучили, продержали полдня. Дорогой меня окликнул боец из нашей команды 50-й части. Он уже раньше команды сюда приехал. Его забрали вместе со мной к коменданту.

Сейчас я на пересыльном пункте. Ночевал на квартире. Отпросился у дежурной п. п.[85], так как валенки насквозь промокли – здесь несколько дней не прекращаются дожди. Спал на диване, на мягких перинах. По-домашнему. Это, наверно, в последний раз, последний нынешний денечек. Такое блаженство я испытал. Теперь опять буду спать где попало, и шинель мне заменит впредь любые перины, а локоть – самые мягкие подушки. Кончался праздник, кончалась мирная, тыловая, домашняя жизнь.

Ростов так и не увидел как следует. В первый день прибытия дошел до главной улицы, почитал сообщения Совинформбюро, еще немного прошелся до кинотеатров. Но пошел сильный дождь, и я вынужден был поспешно ретироваться на квартиру. Во второй день, как я уже писал, мне удалось дойти только до базара. Правда, во время следования от базара в комендатуру, из которой следовал на пересыльный пункт и оттуда, наконец, в запасной полк, я повидал немало улиц и зданий города. Трамваи стоят невесть еще с каких пор без движения. Стекла выбиты в каждом вагоне. Здания многие разрушены. Но сравнивать Ростов по причиненным здесь войной разрушениям со Сталинградом, конечно, ни в коем случае нельзя. В основном город все-таки еще целый и живой. Чего нельзя сказать о Сталинграде.

Самые большие и красивые дома в большинстве случаев разбиты или разрушены до основания. Кое-где одни стены остались, кое-где остовы от стен. Четырехэтажные и меньшие дома сохранились во многих местах, а одно-двухэтажные дома – почти не пострадали. Тревоги в городе часты, но бомбежек еще не было.

Мост через Дон восстановлен. Но деревянный, на понтонах (больших железных лодках). Железнодорожный, в местах, где он разрушен, – деревянными вставками залечен. Дон мне показался маленькой, незаметной речушкой. И я, когда переезжал через него, не подумал, что это Дон. Мне даже почему-то показалось, что он течет где-то на запад от Ростова, но потом, взглянув на карту, увидел, что ошибся.

Сейчас я в запасном полку. Утром банился, и у меня сняли прическу –«политику», как ее здесь называют. Я хотел, но не сумел сохранить ее. Расческа теперь моя ни к чему. Несколько раз проводил я ею по привычке по голове, но теперь она только царапала больно то место, по которому вилась когда-то черная прядь моей любимой «политики».

Вечереет. Становится темно. Заканчиваю.

09.04.1943

Сегодня большинство людей нашего взвода (нас, гвардейцев, определили во 2-й взвод – гвардейский) отправили на работу на аэродром. Меня, в числе больных и босых, оставили в казарме (из-за валенок). Заставили оставшихся мыть полы и убирать помещения. Потом стали собирать комиссию.

Я еще вчера просил санинструктора помочь мне ликвидировать мозоль, но он только засмеялся мне в лицо и сказал, что о таком пустяке не следует даже разговаривать. Я решил с ним действительно не разговаривать, а пойти на комиссию. Несмотря на многократные

угрозы гауптвахтой (десять суток), я все же решил пойти на комиссию, авось мне там помогут.

Сейчас отсюда (с санчасти) сбегал на базар с одним грузином-бойцом. Я сказал ему, что там могут задержать патрули и направить в комендатуру, но он храбро заявил, что не боится и что его не поймают. На базаре он углубился в самую гущу рынка. Я, приобретший уже однажды опыт, ходил с краю, всех бойцов, похожих на патрулей, я старался избегать. Но вдруг совсем неожиданно подходит ко мне старший сержант и спрашивает документы. Насилу отпросился у него, чтоб отпустил. Без оглядки бросился сюда, в санчасть. И его действительно не задержали, хотя я и думал (он долго отсутствовал), что его отправили в комендатуру.

Отсюда, из запасного пока, оказывается, посылают в военные школы.

Я сблизился здесь с одним сержантом – Гусевым Борисом Григорьевичем. Мы вместе думали попасть в военную школу. Он рассказал мне по секрету свою историю. Он окончил десять классов, жил в Москве. Имел и сейчас еще имеет много высоких знакомых там. Был интендантом. Но многие люди пытались путем дачи взяток откупиться от воинской службы. Многие в интендантстве брали взятки. Взятками соблазнился и мой приятель. Всю интендантскую службу, во главе с полковником, после суда разжаловали и отправили на передовую. Так, из лейтенанта по званию, техника-интенданта по должности мой нынешний товарищ превратился в сержанта. Теперь он тщательно скрывает свою историю и мечтает страстно попасть в военное училище. Сейчас он, как и большинство наших бойцов, на работе.

Вечером. Собрались на партийное собрание. Много высоких начальников здесь.

Еще по нескольким улицам Ростова прошелся сейчас. Увидел скверик, проспект еще один ростовский.

Впервые встретил в Ростове за мое пребывание здесь красивую девушку. Она и сейчас прогуливается по тротуару мимо меня. Но мне и думать нельзя о девушках, и я, отворачиваясь, начинаю думать о другом. О евреях. Зачем я еврей? Зачем вообще существуют нации на свете? Принадлежность к еврейской нации является неизменным моим бичом, постоянным мучением, от которого нельзя сыскать спасения. За что не любят евреев? Почему мне, как и многим другим, приходится иногда скрывать свое происхождение?

10.04.1943

Вчера на полковом партсобрании обсуждались очень серьезные вопросы, затрагивающие честь и славу полка. После приема трех

человек в кандидаты ВКП(б) собрание перешло ко второй части повестки дня. Выступил майор помощник начальника политотдела тыла 2-й армии с докладом по поводу безобразий, обнаруженных в полку при проверке. Несколько случаев дезертирства, невыполнения приказаний, случайных отравлений, членовредительства и т. д. Отсутствие агитационно-политической работы, воспитательной работы. Долго говорил майор. Когда он кончил, начались прения. Выступало много людей, в том числе полковник и его заместитель по политчасти, подполковник. Выступление подполковника произвело исключительное впечатление. Я еще не встречал в армии такого оратора.

12.04.1943

Сотни километров освобожденной советской территории, тысячи городов, деревень и миллионы населяющих их жителей испытали на себе беспримерные злодеяния фашистских чудовищ в образе людей. От Сталинграда до Сальска, от Сальска до Майкопа и Ворошиловграда, от Сталинградской до Курской области, от Смоленских лесов до полей Калининской области и вплоть до самого озера Ильмень, всюду вопиют о мщении страшные следы фашистских разбоев.

Недавно, по пути в часть из госпиталя, я побывал в ряде сел, городов [одно слово нрзб] центров Сталинграда и Ростовской области, где лично увидел страшную картину преступлений гитлеровских головорезов. Город-красавец, город-гигант Сталинград стал неузнаваем за время хозяйничанья у его стен немецко-фашистских мерзавцев. Огромные многоэтажные дома превратились в развалины. Улицы стали изрыты воронками. Асфальты великолепных проспектов и бульваров наполовину перестали существовать. Парки разрушены и осквернены устроенными в них фашистами кладбищами своих солдат и офицеров. Уцелевшие здания музеев и общественных учреждений превращены в уборные. Всюду видны следы разрушений, следы чудовищных преступлений современных выродков человеческого рода.

Котельниково, большое как город, недавно еще живое и красивое село и районный центр, превращено теперь в полуживое и израненное населенное место. Куберле, Пролетарская, Зимовники – в каждом из этих пунктов с еще большей очевидностью вырисовываются следы кровавого немецкого сапога, истоптавшего наши советские земли. Жители, не успевшие еще оправиться от страха к побывавшим здесь нашественникам, со слезами на глазах рассказывают о причиненном им горе, стыде и унижении. В одном доме на станции Зимовники мне рассказывали, как немцы избили пятилетнего ребенка только за то, что он из детской любознательности подошел к их вещам. В Куберле, как и в других окрестных местах, немцы заставляли за 200 грамм хле-

ба в день от зари до зари без отдыха работать женщин, стариков и детей. Особенно издевались немцы над коммунистами и их женами. Вблизи станции Двойная группа людей, сговорившись, выстрелом из револьвера ранила одного немца за издевательство последнего над жителями. Весь поселок, в котором это произошло, фашисты сожгли до тла, а оставшихся без крова жителей погнали в Германию. Много жителей, особенно цыган и евреев, было физически умерщвлено в Сальске. В Пролетарской немцы заставляли бесплатно работать не успевших выехать оттуда коммунистов и их родственников, за малейшую провинность – били, издевались, грабили их имущество, причем не щадили даже детей. Много коммунистов и комсомольцев было расстреляно немецкими псами-рыцарями современной эпохи в первые же дни оккупации этих советских территорий.

В Трубецкой, Целине, Егорлыцкой, Мечетке, Кагальницкой, Зернограде и в Батайске – всюду немцы чинили произвол и насилие над беззащитными мирными гражданами нашей страны. По-разбойничьи врываясь в квартиры мирных жителей, оккупанты выселяли их из квартир, не считаясь ни с возрастом, ни со здоровьем. Иногда у них появлялась жалость, и они оставляли их дома, но сгоняли с кроватей и последние занимали сами. Жители вынуждены были забиваться в страхе по уголкам своих комнат, ежеминутно ожидая смерти.

На станции Верблюд в поселке Зерноград немцы расстреляли много жителей перед своим отступлением. Еще задолго до этого, в первые месяцы оккупации Зернограда, немцы выдали временные паспорта всем коммунистам и комсомольцам, их семьям и родственникам. Всех их немцы собирались расстрелять, и только стремительное наступление наших войск помешало осуществлению этого зверского замысла, и свыше 200 жителям, из числа намеченных к казни, удалось спастись. Всюду, куда ни зайдешь, жители радостно встречают тебя, бойца Красной армии. С благодарностью смотрит освобожденный народ на героических воинов своих, защитников завоеваний Октября.

«Мстите немцам! – говорят измученные пятимесячным пленом люди. – Не дайте им вернуться сюда снова – грабить, жечь наши города и села, надругаться над нашим народом и увозить в рабство наших людей. Бейте их, гоните их прочь от нашей земли на фронте, а мы вам поможем в тылу своим хлебом, оружием и своими трудовыми руками. Приближайте победу над врагом своей уч. и умелым применением ее на практике, кончайте скорей жесточайшую в истории войну с фашистскими чудовищами и с победой возвращайтесь домой!»

«Мы выполним вашу просьбу, ваш наказ, разобьем ненавистных немецко-фашистских идолов», – заверял я жителей освобожденных от

немцев областей, и мое сердце наполнялось безутешным гневом к иноземным нашественникам. В жестоком бою клялся я мстить за все их злодеяния.

12/IV–43 г.

В редактируемую мною газету 5-й стрелковой роты 2-го батальона 197-го запасного стрелкового полка.

13.04.1943

1 мая 1943 г.

Грозно носится повсюду
Страшная война,
Кровь туманит ей рассудок,
Жестока она.
Точно смерть неумолима,
Как вулкан сильна,
Молвит громом, дышит дымом
Черная война.
Долго скованной лежала
В цепи мирных лет,
Долго битву снаряжала
Война в этот свет.
И когда явился Гитлер –
Мировой злодей,
Прокатилась смерчью битва
Вновь среди людей.
И сейчас она ведется
Всюду среди нас
Чувствуя, что ей придется
Быть в последний раз.
И насытиться желая
Кровью наших ран,
Зло она опустошает
Земли разных стран.
Вот в такую злую пору
Ты явился нам
Праздник мощного отпора
Всяческим врагам.
И знамена поднимая
На своих штыках,
Мы клянемся, праздник мая,
Разбить немцев в прах.
Воин красный, бей фашиста,
Снайперски снимай,

Чтобы поле стало чисто
В этот первомай.
Пусть же здравствует в столетьях
Праздник наш с тобой,
Первомай, год 43-й.
В бой, товарищ, в бой!

13/IV–43 г. для стенгазеты № 2 под моей редакцией. 5-я рота 2-го батальона 197-й зсп [*запасной стрелковый полк*] г. Ростов.

Четыре месяца исполняется сегодня со дня моего выбытия с передовой. Сейчас я в запасном полку. Выпустил ротную стенгазету. Вчера написал два письма – маме и в Магнитогорск.

С первого дня я не хожу на занятия. Занят газетой. Сейчас я подготавливаю следующий, майский, номер стенгазеты.

Здесь есть один еврей-боец. Хотя он и имеет некоторые привычки, не нравящиеся мне в евреях, как, например, любит размахивать руками при разговоре, тянуть собеседника за руку, крутить у него пуговицу на гимнастерке и проч. во время разговора, – он все же близок мне и симпатичен. Ибо он так же презираем, как я, его так же не любят, как и меня. И хотя я, обладая привычками всякого культурного человека из любой нации, что мешает распознавать во мне еврея, а лицо мое выдает во мне скорее грузина или же армянина – фамилия моя вскрывает сразу корни моего происхождения.

14.04.1943

В президиуме партийно-комсомольского собрания совместно с беспартийными. Доклад делает заместитель командира роты по политчасти лейтенант Авраменко.

Сегодня весь день работал над оформлением стенгазеты. Переписал с помощью девушки Саши (Шуры) передовицу майского номера, а также свое стихотворение. Шура – девушка из Ташкента, 22 года, окончила десять классов. Она хорошенькая на лицо и наиболее чистая от всякого разврата из всех здешних девушек – сестер и санитарок. Я слегка увлекся ею. И с удовольствием проводил сегодня время возле нее.

Заглавие в стенгазету написала тоже она. Шура хорошо рисует. Сегодня я оставил с собой Бориса Гусева. Он не хотел идти на занятия и попросил меня оставить его переписывать газету. Но когда он стал писать, оказалось, что почерк его не подходит для этого. Пробовал и комсорг роты, замполит – старший сержант [Славин]. У него был лучший почерк, но и он не подошел. Шурин почерк был наиболее приемлем, но хотя я и не закончил газету, завтра обязательно пойду на занятия, ибо многие думают, что я симулирую, прячусь, на самом деле ничем не занимаясь.

Командир взвода, лейтенант антисемит. В первый день моего прихода сюда, когда я назвал во время записи в канцелярии роты свою фамилию, он спросил меня: «Ты не еврей, случайно?» Я ответил, что да. И когда на второй день моей неявки на занятия он меня увидел недалеко от строя на улице, тогда лейтенант заставил меня встать в строй, хотя я и имел разрешение замкомроты остаться. Я не мог ослушаться приказания и пошел на занятия. Только случайная встреча с политруком позволила мне продолжить работу. Политрук заставил комвзвода, несмотря на все его нежелание, отпустить меня в казарму. Вчера на занятиях, мне рассказывали бойцы, он говорил заместителю командира роты по политчасти, чтобы тот любого, даже безграмотного человека заставил выпускать газету, но меня чтобы заставил заниматься. «Это хитрый народ, – говорил он, – они любыми путями увильнут от работы и занятий». Понятно, кого он подразумевал под этим «они».

А сегодня утром он долго искал меня и спрашивал бойцов: «Где Гельфанд?» А когда я, наконец, встретился с ним в коридоре, он спросил: «Вы все еще пишете?» «Да», – ответил я. «До каких пор это будет продолжаться?» «А вот, пока закончу газету», – сказал я. Он ничего не ответил. После него помкомвзвода несколько раз спрашивал, когда я пойду на занятия. Я знаю, что комвзвода будет меня завтра гонять и мучить, но не пойти на занятия я больше не могу.

Люди спят во время доклада замкомроты по политчасти. Устали.

Сегодня произошел у нас серьезный случай, влекущий за собой плохие последствия. Один из наших бойцов из нашей палаты-комнаты поймался с шинелью, которую он стащил на днях из машины начальника управления штабом Южного фронта, майора. В ней (шинели) были секретные документы, и майору объявили выговор, отдали под суд и, очевидно, исключат из партии. Он заявил этому бойцу Дмитриеву, что застрелит его собственными руками, если не получит документов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АНКЕТА

Кандидата партии, вступающего в члены ВКП(б)

Первичная организация *3 сб 899 сп* (название организации, куда подано заявление)

район, город *248 сд* обл., края, республики *28 арм.*

15.04.1943

Готовил материал в следующий номер газеты. Шура тоже симпатизирует мне и исполняет все мои желания в пользу редактирования газеты. Командир роты назвал сегодня меня своим корреспондентом:

«Где мой корреспондент?» – спросил он и, когда нашел меня глазами, пригласил пройти с ним к газете, указал на необходимость заклеить надпись старого к [*восемь строк нрзб*].

Вечер. Ротное собрание. Присутствует какой-то капитан. Командир роты ведет вступительную речь. Рядом со мной сидит Шура. Она только пришла сюда. Закончил командир роты. Говорит политрук. Он малограмотен, но речь у него сильная, пафосная.

– Трогает за сердце, нас ждет Украина, – неоднократно повторял он вчера и сейчас повторяет. Он украинец и любит свою Родину. Эта любовь к своей (и моей так же) Украине очень трогательна и вполне понятна мне.

Капитан Кучеров Сергей Иванович[86] – командир 2-го батальона – держит слово. Он говорит о необходимости учиться даже для бывалых людей, фронтовиков. Лейтенанта Авраменко он называет Авриенко – не знает еще своих людей, видно, недавно здесь. Говорит, что он депутат. Зачитал телеграмму своего народа с производства. Говорит складно, умно, грамотно, убедительно, но просто. Хорошо слушать, приятно даже.

16.04.1943

Вчера поздно легли спать после собрания, а сегодня встали – еще темно было. Часы, по своей неисправности, сильно забежали вперед, и подъем был у нас в четыре часа.

Утром вышел на зарядку, затем на построение, как положено. Но командир взвода не позволил мне остаться в казарме и, хотя идет дождь, заставил меня в валенках идти на занятия. Всем, особенно антисемитам, это доставило большое удовольствие, и они не преминули подшутить, поиздеваться надо мной: стали требовать, чтобы мне дали винтовку, чтобы на меня нацепили противогаз. И хотя противогазов на взвод пять штук, мне все-таки его дали нести. Помкомвзвода сбегал за винтовкой и тогда, за неимением таковой, принес карабин. Некоторые стали кричать, чтобы мне дали винтовку, и помкомвзвода исполнил и это их желание, заменив карабин мне винтовкой – все-таки тяжелей!

Сейчас лежим в поле. Я решил все снести и молча выполнить, что прикажут мне. Проклятая жизнь!

17.04.1943

Вчера мне все-таки удалось не пойти на занятия, и я написал несколько статей для газеты, из которых одну большую под названием «Обзор боевых листков».

Сегодня утром командир роты всех без исключения, даже девушек, выгнал на занятия. Но было уже поздно, и, пока мы дошли, занятия окончились, и мы вернулись обратно, так и не дойдя до поля.

После завтрака вновь ушел на занятия.

Сейчас беседа санинструктора. Хабибуллин – сержант-самозванец, страшно нахальная сучка. Это маленький заносчивый татарин со звонким голоском дворняги-собачонки. Он ко всем лезет, со всеми ругается и пытается всяким командовать. Из Сальска он вместе со мной в одной команде был направлен сюда. В дороге он утверждал, что является младшим сержантом, и на петлицах у него было по одному секильку[87]. Придя сюда, он вызвался быть командиром отделения. Когда спрашивал его командир, он заявил, что сержант, и через день прицепил себе еще один секилек. Когда я спросил его, для чего он это сделал (документов у него никаких нет), он ответил, что сейчас и средние командиры не имеют никаких документов, оправдывающих их звание.

А сейчас он пристал ко мне: «Сними винтовку!» Я, конечно, не выполнил его глупого и незаконного требования, не снял винтовку. Тогда он стал вырывать ее у меня. Завязалась борьба, после которой он оборвал ремень на винтовке, но не смог удержать последней и выпустил. Я привязал ремень, а он ругался: «я тебя застрелю», «еврей», «говно» и т. д. Но я только смеялся над ним. Смеялись бойцы и командиры, которым он уже надоел своим лающим голосом. «Дурашка ты, собачонка лягавенькая, и ты берешься быть командиром?!» Он не нашелся, что ответить на это, и долго лаялся. Вот так их, гадов, обуздывать необходимо!

23.04.1943

Ростов. Запасной сп. В поле на занятиях.

На днях получил зарплату – 125 рублей. Какова же была досада многих младших командиров и в том числе Хабибуллина, получивших всего 20 рублей.

Однако вчера у меня был крупный неуспех или, вернее, ряд неуспехов в быту и учебе. Стрелял на 200 метров – плохо. Из десяти патронов ни одним не попал в цель.

Получил два наряда вне очереди от комроты за то, что купил стакан семечек. Он не разрешал, запрещал покупать их. Много бойцов и командиров покупало до меня и после семечки, но ни одному не досталось за это. А на меня донесли свои же бойцы, товарищи. Хочу поговорить с замкомроты, написать рапорт о своем желании на фронт.

Вчера написал письмо в Магнитогорск с фотокарточкой.

24.04.1943

Дмитриев отделался строгим выговором с предупреждением на ротном комсомольском собрании. На днях его выпустили, и он ходит на занятия.

Сегодня все же купил еще семечек. Лущу их так, чтоб никто не видел.

Вчера дезертировал или исчез каким-то образом старший сержант, медаленосец, член ВКП(б), агитатор нашего взвода... Лейтенанта, командира нашего взвода, направили на пересыльный пункт как красноармейца. Документов у него нет, что он имеет звание. Только в красноармейской книжке написали, что занимал должность в ЗСП[88] командиром взвода. Так ему и нужно мерзавцу, антисемиту. Помкомвзвода теперь комвзвода. Свое назначение он ознаменовал двумя нарядами вне очереди одному красноармейцу. Приказал ему две ночи подряд не спать и работать, а после этого идти на занятия за то, что он не вовремя вышел на построение. Помкомвзводом назначен сержант-орденоносец Маслов.

Сейчас готовлюсь к выступлению на полковом партсобрании. Сержант Маслов освободил меня от занятий ради этого. Он хороший парень, хотя и старше меня намного. С ним я поделился сегодня своими бумажными переживаниями.

На партсобрании записался в прениях по докладу полковника (полковник Аликанов, подполковник Проканов). Но было очень много выступавших, а я записался одним из последних. Половину из списка не пропустили решением общего собрания. Лейтенант Авраменко выступил. Ему пришлось самому отдуваться за дезертирство и другие безобразия в роте. Позже он мне сообщил, что ему дали восемь суток ареста только потому, что вместо заслужившего наказание среднего командира назвали его, Авраменко, фамилию. Замкомроты лейтенант Авраменко вообще очень простой и сердечный человек. И, имей он образование, он бы высоко поднялся по служебной лестнице.

Вчера отобрали девять человек из нашей роты для отправки в училище на средних командиров. Однако сегодня, оказывается, отменили нашу посылку. И все из-за этого проклятого карантина.

Еще двадцать четвертого мы вышли на полковые учения на расстояние отсюда к Новочеркасску в 19 километров. Вчера мы отправились сюда. Я ехал на машине. Сегодня пришла рота. Кузин, боец по прозвищу Рыжий, долго кричал, что я симулянт, что нас, евреев, давно следует всех перестрелять, что я «проклятая еврейская морда». А когда я сказал ему, что он не соображает, что говорит и это будет говорить в другом месте, стал драться, душить меня, пока я его не оттолкнул как следует. Большинство сочувственно ему улыбалось, а некоторые, как Хабибуллин и один поляк, открыто поддерживали его[89].

29.04.1943

Три дня назад составляли на полковых учениях списки кандидатов в училище на средних командиров. Я был болен (t 38,5°). Но когда замкомроты попросил меня составлять характеристики на этих лиц, я, скрывая свою болезнь, решил писать характеристики. Когда написал я их – замкомроты, после моей просьбы, записал и меня в школу.

Сегодня после бани ожидаем на ОВС[90] своего дообмундирования. За эти два-три дня отдохнул и хорошо поел. Только этой ночью не спал, ибо всех курсантов командир роты выставил для усиления караула во время формирования и отправки маршевых рот[91] из батальона.

Выпустил стенную газету и наполовину подготовил третий номер (майский)[92].

Сегодня купил три булочки за 50 рублей. Итого: за два дня потратил 125 рублей.

Вчера записывали в училище. Записался в минометное отделение. Здесь, в запасном полку, был один лейтенант-еврей. Сегодня его отправили отсюда в штаб [*одно слово нрзб*]. Он побывал в плену, сумел скрыть свою национальность, фамилию и спасся. Он много рассказывал об ужасах плена. Написал вчера два письма – в Дербент отцу и в Среднюю Азию матери.

30.04.1943

Возле штаба училища. Прошел «медкомиссию». Я пишу в кавычках, потому что это был всего-навсего поверхностный осмотр врача. Писарь записывал некоторые данные из автобиографии. Отсюда, оказывается, выпускают сержантов и младших сержантов тоже, не только средний комсостав. Многих отсылают в штрафные роты за малейшее нарушение дисциплины.

Узнал адрес этой части: полевая почта 05958.

01.05.1943

Весь день сегодня отдыхал. Пища вкусная и сытная. Концерт артистов Госэстрады. Выступали артисты: Тамарина, Кириллова, Жаров и другие[93].

Написал письма в Среднюю Азию маме, с фотокарточкой и в Магнитогорск родным, со справкой для мамы, в редакцию «Сальский большевик»[94], в госпиталь села Карпенки, в Дербент папе, с фотокарточкой.

Прошли здесь большую программу. Заниматься будет трудно. Все будет зависеть исключительно от меня. Партийная и общественная работа, а также стихи и проза могут тормозить ход моей учебы. Об этом приходится задумываться. Посмотрю завтра на занятиях, как обстоит дело.

Хозяева на квартире хорошие. Водку сегодняшнюю и спички (коробку) я отдал им. Ребята на курсах как будто тоже неплохие.

03.05.1943

Закончились майские праздники. Вчера был концерт самодеятельности. Я записался в программу последним. Однако выступал первым, открыв своими стихами концерт. Имел большой и шумный успех. Комсостав подошел в конце моего выступления. Все лейтенанты и выше восторгались моими стихами. Командир нашего взвода с гордостью рассказывал, что я в его подразделении. Командир роты тоже благодарил меня и пожал мне руку. Не понимаю, почему стихи мои кажутся несовершенными и недоработанными только литераторам-профессионалам, как Шехтер[95] и др., а народу всегда нравятся.

Евреев и здесь не любят. Дразнят «Абгам», «Йошка» и т. д. Поэтому, когда я сказал, что я еврей, на меня многие неприязненно посмотрели, некоторые стали дразнить. Только стихи сгладили (надолго ли?) антагонизм между мной и всем коллективом.

Сейчас в степи. Занятия по баллистике прошли неплохо. Пока мне понятно все и доступно.

07.05.1943

Вчера исполнилась годовщина моего пребывания в армии.

Вечером был на репетиции. Репетировали только мое выступление. Полковник, подполковник и капитан – начальник клуба.

Сейчас занятия по тактике. Перерыв.

08.05.1943

Вчера весь взвод наш выделили в наряд. Я остался, так как меня вызывал подполковник на репетицию. Однако она не состоялась.

Вчера отослал письма маме, папе. Сейчас тороплюсь, ибо замкомроты поспешил меня использовать для писарского дела и сказал, чтобы я к нему явился через два часа (после завтрака).

09.05.1943

Вчера был на совещании агитаторов. Подполковник выдал всем агитаторам по две тетради. Провел инструктаж относительно бесед, которые мы должны были провести.

17.05.1943[96]

Несколько дней не писал, ибо не было времени. За этот период написал ряд писем маме, папе, в Магнитогорск, в Сальск – в редакцию газеты, в госпиталь.

Сейчас политподготовка. Большинство курсантов не интересуется политикой, а вспоминают о ней перед уроком лишь. Несколько раз мне приходилось проводить занятия, [*нрзб*] упрашивать курсантов прослушать приказы товарища Сталина за № 195 и 95[97]. Но мало кто захотел и прослушал эти приказы. Теперь карлик-уродец, кривляка Попов стал жаловаться преподавателю, что я не читал и не давал никому читать приказы. А на дом я дал человекам семи.

Командир расчета нашего, сержант Костенко – ужасный мерзавец, расист и беспардонный антисемит. Ежедневно он издевается надо мной, заставляет постоянно таскаться с минометом и проч. Однажды он открыто заявил, что я «еврейская морда», что «Абрамы все хитрые» и т. п. В другой раз на заданный ему мой вопрос: «Чем я хуже тебя?», во время издевательств его надо мной, он ответил надменно и нагло, глядя мне в лицо: «Как чем? Ведь я русский, а ты кто?!»

Курсант Кружилин сочетает в себе еще больше мерзости расизма. Тот и «кукурузой» (через «г»), и «Абрамом» (через «г» же) называет меня и «кривой винтовкой», которую якобы любят носить евреи, не желая по-настоящему воевать, и проч.

Однажды после беседы с агитаторами, которую проводил подполковник, я заявил ему об этих фактах. Он обещал ликвидировать подобные безобразия. И действительно, об этом говорили на комсомольском собрании. Об этом узнали от секретаря партбюро капитан Захаров, командиры роты и взвода. Меня вчера вызвали совместно с парторгом к капитану, где он опросил меня подробно (и парторга) о положении в роте. Я рассказал ему все, но просил не винить нашего командира лейтенанта Сатарова, со стороны которого я никогда не встречал антисемитизма, а напротив, борьбу с проявлениями пренебрежительных отношений одной нации людей к другой.

20.05.1943

После беседы на эту тему мы перешли к массовым политическим вопросам. Я рассказал, что собираюсь провести беседу по вопросу о борьбе в Тунисе и успешном завершении ее[98]. Капитан обещал дать мне материал для беседы и сказал, чтобы я сообщил ему о дне и времени беседы, чтобы он смог присутствовать. Это будет очень хорошо для меня: создаст тишину, порядок.

После разговора с нами капитан Захаров привел меня к себе на квартиру, где вручил мне богатый материал – статью «Победоносное завершение союзниками войны в Северной Африке» полковника М. Толченова в «Красной Звезде» за 13 мая[99].

Капитан Захаров – высокий, чернобровый, с мужественным и спокойным лицом человек. Он толков, политически хорошо развит (что редко встречается теперь), образован и сердечен. Подполковник –

еще выше ростом, пожилой усатый мужчина с бритой головой, он похож на старого генерала. Раньше он был редактором одной из центральных газет СССР. Знает Суркова[100] лично и многих других, печатавшихся у него поэтов. Это в высшей степени образованный человек, особенно в литературе. Он взял у меня стихи для просмотра. Много стихов прослушал он моих вместе с полковником и капитаном – начальником клуба. Чтение затянулось до позднего вечера, когда стемнело.

Полковник, напротив, низкого роста, толстый, почти шарообразный человек, морщины на лице и особенно у глаз создают ему выражение вечной улыбки. Высок и строен, как подполковник и капитан Захаров, также начальник клуба капитан Горовцев. Он в прошлом кинорежиссер. Отлично поет, образован и с бритой головой (очевидно, лыс или плешив). Первое впечатление – географ наш в 8-м классе, завпед[101] школы № 80, что был до Исаака Абрамовича Инбера. Он как бы сочетает в себе этих двух лиц, но имеет и свои особые отличительные черты.

22.05.1943

Петр Иванович – так звали начальника клуба капитана Горовцева.

Вчера он вызвал меня на репетицию. Курсы дают сегодня концерт для райкома ВЛКСМ. «Это будет, – сказал капитан, – репетицией для выступления на концерте самодеятельности армейского масштаба». На концерте будет много девушек-комсомолок.

Читал стихи «Глаза большие, синие», «Мы пройдем» и первую часть поэмы. В этом концерте принимает участие курсант в прошлом кинорежиссер. Он хорошо, со вкусом умеет читать стихи. Просил меня дать ему прочесть мои стихи. Я согласился, но переписанных начисто у меня не оказалось [*шесть строк нрзб*].

Сейчас в средней школе. Присутствует мало молодежи. Одни девушки. Человека три мужского пола. Все они или калеки, или слепцы. Один из этого числа, комсомолец, читает сейчас доклад на какую тему, мне непонятно даже. Тут и об успехах Красной армии, и об англо-американских успехах, и желаниях Германии заключить мир, и о вассальных странах, и о кризисе в них, но, в общем, обо всем и ни о чем.

Некоторые девушки довольно-таки красивы.

Вышло не так, как желали комсомольцы (комсомолки), – они хотели встретиться с нами как друзья, потанцевать вместе, повеселиться и проч. А мы явились сюда в роли артистов.

Сейчас мы расселись в зале, где проходит собрание. Девушки с радостными улыбками смотрят на нас. Вошел капитан – начальник

клуба – и все комсомолки еще крепче заулыбались. Здесь сидят многие наши преподаватели, в том числе капитан (преподаватель танкоистребительного дела) и старший лейтенант Губарец (преподаватель тактики).

В школе сегодня на занятиях курсант Малометкин продолжал строить козни против меня. Он подговорил некоторых неустойчивых курсантов, и те во время урока [*нрзб*].

Позже. Выступил. Шумно аплодировали. Конферансье, кинорежиссер ... назвал меня красноармейским поэтом. Остальные тоже хорошо выступили, тем более что слушатели неприхотливы. Особым успехом пользовались капитан и конферансье.

23.05.1943

Левицкий – хороший парень. Я ничего с ним не имел. Однако сейчас, когда мы были должны идти обратно в расположение роты и я сказал Бекасову (у нас такой порядок носки), чтобы он нес ствол (я сюда орудие нес), – все стали шипеть, что я хитрый, что евреи вообще такие, а Левицкий выкрикнул несколько раз: «Що казати, комерсійний народ!»[102]

Панов сейчас, когда я пишу, тоже болтает: «Вот я знаю, этот воевать не будет, им только писать...» И, ко мне обращаясь: «Вот ты не серчай, но ты почему пишешь? Это люди больные могут в тылу сидеть, а не ты. Ты же здоровый человек, а ты пишешь. В тылу хочешь отсиживаться». «Послушай! – отвечал я ему. – Разве мне нельзя писать, и почему ты так необдуманно бросаешь слова в массы. Ведь ты не знаешь, где я был. Я, возможно, больше тебя воевал. И как ты можешь говорить о человеке, не зная его нисколько? Я так же, как и ты, был на фронте, как и ты, нахожусь здесь, учусь...» «Ты будешь где-нибудь в тылу. Я ни одного вашего брата там не видел на фронте. Они все не хотят воевать, а хотят, чтоб другие воевали за них».

Халкин – полковник Ворошиловский.

Учеба (многие не являются на занятия).

Заставляют бегать.

Дисциплина.

Неподчинение командирам – Карымов.

Полит-массовая работа, беседы, читки, сообщения, собрания.

Дезертирство, шпионаж. Кража [*нрзб*] рыба.

Приказ не реализован.

Узбеки, калмык.

Подполковник [*нрзб*], полковник Шапкин.

Армейские курсы мл. лейтенантов.

1. Никому (кроме Подойникова – тот честный малый) ничего не давать (пропажа дневника на тактике, случай с таблицей и карандашом – Замула, лопатка – Бекасов, ножик – Рустамов).

Тщательно беречь свои вещи (три линейки, карандаши пропавшие и проч.).

Стараться сдерживаться при выкриках Панова, особенно Костенко. На выкрики Костенко не обращать внимания, точно его совсем не существует.

На собрании (парт. и др. в ге[*нрзб*] говорить).

4/VI – не дал газеты и обругал меня Боев.

Листок не выпустил – утерял и т. д., с политподготовки ушел и явился только через четыре часа на занятия.

С Малометкиным избегать споров.

На занятиях в строю и вообще где бы то ни было прекратить грызть семечки.

Лейтенанту не отвечать на придирки, а поговорить с ним отдельно.

Не глядя ни на кого, приносить с собой все – скатку, лопату, противогаз.

Натренироваться в наводке с Калима[*нрзб*] прицела и в сео[*нрзб*] корректировке огня (с Подойник[овым] и проч.).

Систематизировать свои действия, не распыляться в работе по мелочам.

07.06.1943

Вчера написал и опустил в ящик два письма – маме (в Среднюю Азию) и [в] Магнитогорск.

Сейчас в поле после стрельбищ. Все ушли обедать, а я остался ждать машину.

Тринадцатого будет шесть месяцев моего нахождения в тылу. Командир взвода у нас теперь старший лейтенант Захаров. Написал письмо в Карпенский госпиталь. Пишу письмо папе.

Мне идет смена – прервусь.

12.06.1943

Под выходной. В карауле.

С курсантами имел целый ряд столкновений. Анищенко – помкомвзвода. Ничего себе парень, но со мной не ладит, любит делать мне замечания, назначать посыльным и проч. Он младший сержант, но решил, что он самый высокий начальник среди прочих курсантов точно!

Подойникова я всегда уважал, и он ко мне относился всегда с уважением. Но когда я попал к нему в расчет, отношение его ко мне из-

менилось. Теперь он кричит, и я думаю, что не уважает меня ни на йоту. А жаль, очень жаль, его мнением я дорожил.

24.06.1943

От папы получил уже девять писем. Написал сегодня ему еще одно письмо – я много пишу. От мамы, родных и знакомых до сих пор ответа нет.

Позавчера исполнилось два года борьбы нашей страны с фашистской Германией. День этот ничем особенным не выдавался над остальными. Даже пища была повседневная: суп с галушками и [*одно слово нрзб*], тюлька, суп с рисовой кашей и колбасой и все.

Вечером было, однако, партсобрание. Присутствовал ответственный секретарь партбюро капитан Захаров. Он выступил с докладом о роли партийной организации роты в боевом и политическом воспитании курсантов. Много ругал Малометкина и Белосвета за нарушения воинской дисциплины, Баерстанова и Пташкина за неуспеваемость.

[28].06.1943

[*Нрзб*]вском кино. Будет идти «Котовский»[103].

Прошло несколько дней, как получил письмо от папы со страшным извещением о гибели родных[104]. Трех, кажется. Дневник того дня у меня взяли на уроке тактики – подложив под ним карточку, что мы тогда рисовали, но его так и не вернули, а найти сейчас невозможно. В тот день сразу же ответил папе письмом. Коротким, в несколько слов [*нрзб*].

Никому еще не писал – держал карандаш, [*нрзб*] тоже просит справку. У меня затруднительное положение – кому раньше. Но решил – папе. Маме я уже выслал три справки. А вот у папы сейчас ужасное положение. Ему нужна помощь, поддержка. Сегодня заказал ему [*нрзб*].

[*Нрзб*] стенных газет. [*Нрзб*] этим написал статьи, посвященной в основном приказу 125 [*135 – ? нрзб*] в роте написал стихотворение «Подмоченная репутация», снабженное карикатурой соответствующей [*нрзб*] Рура и подрыве там двух дамб[105] и проч. Второй стих [*одно слово нрзб*] как одном из видов мести за гибель родных. Я его хотел сделать с рифмовкой второй и последней строчек, и умышленно избегая рифмовки остальных строк. Вышел он у меня значительно хуже первого. По крайней мере, мне так кажется. Обе газеты, как всегда, в основном, сам писал, беря некоторые факты, и подписал затем все статьи разными фамилиями курсантов.

Командир роты Клименко получил капитана. [*Две строки нрзб*]

28.06.1943

Вчера был концерт. На этом концерте я выступал со своими стихами. «Глаза большие, синие» и обо взводе, под названием «Девушкам». Третье стихотворение не разрешили мне читать, ибо кто-то откуда-то посторонний приказал капитану. После концерта я спросил подполковника, в чем недостатки стихотворения. Он ответил: оно вульгарно, в нем отсутствуют «рифмы». Насчет первого я еще могу согласиться, но насчет второго я могу поспорить.

На концерт я предложил пойти хозяйке, но навязалась Дора, эта домашняя проститутка. Неудобно было отказаться взять ее с собой, и я пригласил и повел и ее.

02.07.1943

Кино. В клубе. О Сталинграде. День у меня прошел сравнительно неплохо по сравнению с другими.

Знания у меня без плана и порядка уложились в голове, и образовался там сумбур, который еще сильнее усугубляется какой-то скрытой болезнью, парализующей мой мозг. Этим во многом и объясняется тот факт, что на бумаге я излагал мысли во сто крат просторней, а слова тесней и понятней.

Темнеет. Некогда сейчас об этом.

Сегодня получил четыре письма от папы. Итого 13 писем от него. Он молодец, много пишет. От мамы имею три письма, письмо из редакции «Сальский большевик». Оно, к сожалению, не дошло до меня по вине курсантов, дежуривших в тот день, [*одно слово нрзб*] перевод на 40 рублей. Вот и все.

Будет кинофильм «Сталинград»[106].

07.07.1943

Фильм произвел на меня огромное впечатление. Положительное. По сравнению с картиной англичан о тунисской операции[107], эта картина содержательна, факты в ней разительные, сюжет [*одно слово нрзб*] единее, если так можно выразиться, и насыщеннее.

Позавчера написал несколько писем: маме, тете Ане, дяде Люсе, папе, в редакцию «Сальский Большевик». Вчера тете Ане [*одна строка нрзб*].

На партсобрании обо мне много говорили. Началось с выступления капитана Клименко, а за ним все под одну дудочку. Малометкин особенно. В своем выступлении он бил себя в грудь и кричал (вслед за похвалой капитана): «Я исправился!» В то же время он предательски говорил о своем друге: «Этого ничем не исправишь, на него ниче-

го не действует» (на Костенко). О Белосвете он тоже чего-то сказал и закончил мною.

Мне было неловко слушать и странно то, как капитан Клименко и все партсобрание так безответственно и бессердечно отнеслось к его возгласу: «Гельфанд? Ну это вообще [*одно слово нрзб*]. С Гельфандом нужно закончить!»

Это сказал не кто-либо, а Малометкин, тот, который сидел на ротной гауптвахте, тот, который, после того, как его выпустили, попал на городскую гауптвахту, а придя оттуда, заслужил новую, ротную гауптвахту; о котором говорят на всех партсобраниях как о самом первом нарушителе дисциплины, который, несмотря на свое хвастовство и вранье перед членами партии насчет улучшения своего поведения, сегодня не явился на поверку, физзарядку, политподготовку. А придя, наконец, после завтрака на огневую – на уроке спал. Когда его подняли, разговаривал и щелкал семечки, ел абрикосы, а на тактике во время занятий лег в окоп и до окончания их проспал без разрешения преподавателя, старшего лейтенанта Губарца, за что получил предупреждение. Винтовки он, как правило, не носит. И этот человек был удостоен права так нагло заявить обо мне собранию. Не знаю, что уж дальше можно сказать. А ведь это пример не единичный.

08.07.1943

Весь день сдерживался. Все курсанты, которым приходится вести занятия по тактике, уже по привычке при разборе называют мою фамилию. Только Подойников вчера не затрагивал меня ни одним словом. Занятия прошли вчера неплохо, только Замула, который был назначен командиром расчета, установил миномет совсем в противоположную сторону от противника. И вел стрельбу, отлично зная, где находится «противник».

Сегодня на уроке Малометкин спал. Из-за него подняли на ноги взвод. Спал Замула, спал Анищенко. Вторично его вместе с Чухлебовым и... из 3-го взвода заставили выйти на середину, и его много отчитывал преподаватель бронетанковых войск, майор. Авденин засыпался на абрикосах, и из-за него долго ругала нас всех хозяйка абрикосов.

Только что получил два наряда вне очереди. Опять незаслуженно. Еще когда мы становились в строй и была отдана команда: «Равняйсь!», Замула стал дергать за мою сумку руками. Я сказал ему: «Ведь ты не маленький и, очевидно, понимаешь, что из этого может получиться неприятность». Он прекратил, но когда мы двинулись, подставил мне ножку. На вторичное мое предупреждение он не реагировал и вновь пытался подставить мне ножку, но когда он подсунул свою ногу под мою, я неожиданно дернул свою ногу и он упал

на руки, но поднялся и стал драться. Помкомвзвода сделал ему замечание [*одно слово нрзб*], обратил внимание, а когда помкомвзвода сказал, чтоб доложил командиру взвода. Пошел докладывать. Анищенко и меня послал. Замула доложил: «Помкомвзвода послал меня доложить, что я ударил Гельфанда».

«Два наряда вне очереди обоим. – Отрезал старший лейтенант Захаров. – Идите в строй!» – и не дал даже рассказать мне, как это было, и почему произошла драка.

Придя в строй, Замула хвалился, что ему десять суток ареста дали и мне тоже. Затем перешел на пять, а потом только признался, что два наряда – весь подвиг его оказался незначительным, таким образом. Тогда он стал говорить, что вел себя мужественно, когда получал наряд и даже обрадовался этому, а я, дескать, испугался, растерялся и струсил.

[..]07.1943

[*Нрзб*] сидит со мной [*нрзб*], я наклонил голову над [*нрзб*]: «Гельфанд! А ну-ка, встаньте! [*Нрзб*] не спите!» К счастью, не слышал преподаватель, а то и взаправду подумал бы, что я сплю. Ведь командир роты говорил на партсобрании, что сплю я, хотя ни разу за мной этого не замечалось. Не хотелось мне только заводиться, а сказать стоило, что он и [*нрзб одно или два слова*], но спать все-таки хочется. Сейчас перерыв, попробую, авось [*нрзб*] до возобновления занятий.

18.07.1943

Сегодня днем получил письмо от папы. Сейчас второе.

Концерт. Я открывал своими стихами. Третий раз открываю курсантский концерт. Первый раз – первая часть поэмы «Сталинградская эпопея». Вторично – стихами. Командир [*нрзб*]аданов, как и я, постоянные участники концертов. В прошлый концерт он был в роли повара. Сейчас – бравого солдата Швейка.

[*Одна строка и одно слово нрзб*] программу так, что зрители не перестают смеяться, и я даже опасаюсь, не остался ли кто-то без живота, не потерял ли его из-за непрерывного смеха. Я читал свои вещи «Спи же спокойно, прекрасный Ростов», «Мы придем, мы приблизим этот час».

Написал письма маме, папе, тете Ане.

25.08.1943

Вчера сдавал последний экзамен – огневую. Ответил, против ожидания, на все вопросы. Лишь дополнительно заданные о ШУ и КУ[108] спутали меня. Получил «хорошо». Теперь у меня такие оценки:

Политика – отлично

Тактика – отлично
Топография – отлично
Танко-истребительное дело – отлично
Артиллерия – отлично
Уставы – отлично
Химия – хорошо
Огневая – хорошо
Связь – хорошо
Строевая – хорошо
Военно-инженерное дело – хорошо
Физподготовка – хорошо

Испытания кончились: я – офицер! На испытаниях присутствовал капитан Клименко – командир нашей роты, старший лейтенант Захаров – командир взвода и майор Козлов – преподаватель огневой.

Вчера от Советского информбюро поступило радостное сообщение о взятии Харькова нашими войсками[109]. В боях под Харьковом сражалась и моя дивизия – 15-я Гвардейская, в которой я пребывал до госпиталя около шести месяцев. Жаль только адреса ее не знаю, а то бы написал письмо туда.

От тети Ани было позавчера письмо. От дяди Левы – сегодня. Он чудаковат немного. Когда ему написал, что капитан не отдает письмо, пока я не научусь строевому шагу, он (дядя Лева) решил, что то его письмо, и написал специально записку капитану Клименко, чтобы тот возвратил письмо, «ибо письмами не шутят». А письмо он мне возвратил на пятый день.

Сегодня получил форму. Не знаю, даст ли мне капитан сапоги. Боюсь, не даст. Он вообще не любит меня.

29.08.1943

Крюково, Ростовской области.

Двадцать шестого числа после зачтения приказа получил звание младшего лейтенанта[110]. Теперь ношу звездочки на погонах. Мне как-то странно и на первый раз неудобно: «Товарищ младший лейтенант» – это немного смущает сейчас меня, ибо я не привык еще к этому званию.

Когда меня одевали, старшина сказал, чтобы выдали мне ботинки. Я отказался получать их, и когда пришел командир роты, я обратился к нему с просьбой чтобы выдал мне сапоги (он обещал раньше). Но теперь он и знать ничего не хотел об этом: «Сапогов ты не получишь!» – заявил он категорически. Когда я стал настаивать – пригрозил револьвером, обругал хорошо при курсантах и приказал замолчать.

Я отказался от ботинок и стал требовать только обмотки. Обмоток мне не давали. И я, несмотря на то что был в наряде, остался ждать окончания выдачи обмундирования, чтобы затем добиться своего. О сапогах я уже и помышлять перестал.

Пришел полковник и сразу обратил внимание на мой вид. Я объяснил ему все. Он, записав по памяти мою фамилию, распорядился выдать мне сапоги. Однако, как только полковник Шапкин ушел, они вновь принялись издеваться надо мной. Выдали 46-й номер сапог, в то время как мне требовался 43-й. После долгих споров и пререканий удалось получить 42-й номер.

После этого, пообедав, я отправился в строевую часть для исполнений обязанностей связного. Там делать было нечего, и я попросил разрешение у майора продолжать помогать ему в сортировке личных дел курсантов (для отсылки на присвоение звания).

Все личные дела взвода были в моих руках, в том числе и мое. В моем листке поощрений и взысканий не было ни взысканий, ни поощрений. Даже благодарность приказом по курсам товарища полковника не была внесена в мое личное дело. В партхарактеристике было, однако, написано, что имел я предупреждение на партсобрании за пререкания с командиром взвода. В остальном ничего плохого в моем личном деле нет, как говорится, «за исключением пустяка».

На другой день после того, как нас обмундировали, мы были собраны для отправки с курсов. Часть из нас по приказу направлялась в часть, в число этих попал и Подойников Миша, и Левицкий. Я, в числе почти всего нашего взвода, к великому сожалению своему, попал в резерв. Теперь опять нас гонять будут, учить.

Прощался со многими: с майором из строевой части, с капитаном-инженером, с капитаном Клименко и старшим лейтенантом Захаровым. Не смог попрощаться с майором Дмитриевым, подполковником Лихановым, капитаном Горовцевым, старшим лейтенантом Гоусом, капитаном Жадановым, старшим лейтенантом [*нрзб*] и другими – их не было.

Последним прощался с полковником. Его рукопожатие надолго осталось в моей памяти. Какой хороший, добрый человек. Не гордый, не кичливый, несмотря на свой чин и должность. Я никогда не забуду, как он хорошо и заботливо относился ко мне, всегда выделяя меня из общей массы курсантов, часто интересуясь моими здоровьем, благополучием, учебой и писаниной. Сапоги он мне выдал наперекор всему и вразрез с командира роты желанием отправить меня в часть в обмотках. Впрочем, и командир роты в конце совершил акт милосердия, выдав мне шинель в обмен на тряпку (что я отобрал у хозяйки, уворовавшей мою шинель. Я отомстил ей изрядно и забрал из дому ее туфли и, в тот же день продав их за 800 рублей).

Решил сфотографироваться. На окраине Ростова, откуда должен был быть отправлен в село Крюково, зашел на базар, где и сфотографировался на пятиминутке у лилипута. Всего изготовил он одиннадцать снимков, но, к сожалению и досаде моей, испортил все. Выкинул я 220 рублей. Но, за отсутствием лучшего, поотсылал эти.

Сюда в Крюково приехал только сегодня. Две ночи переночевал на окраине (северо-западной) Ростова. Последнюю ночь в огородах, где поохотился маленько, ибо был голоден после привычной курсантской пищи, разбаловавшей мой вкус и аппетит.

30.08.1943

Денег у меня осталось мало.

Вчера и позавчера писал письма. Сегодня тоже буду писать во все концы, пока свободен. Завтра снова начнутся занятия.

Десять часов. Нас разбили по ротам. Командир минометной роты Шутиков – тщеславный человек – поспешил сюда раньше всех приехать в погоне за славой и чинами. Теперь он свирепствует. Не успел он много времени покомандовать нами, будучи помкомвзвода на курсах. Сбросили мы его, и он никогда не поднимался выше командира отделения. Только изредка, в отсутствие помкомвзвода Анищенко (тоже хорошей птицы), он спешил замещать его, прокатываясь на более мягких курсантах. Мне от него доставалось чаще других, но и остальным он не нравился, так как любил, чтобы равные ему перед ним на цыпочках ходили и дрожали в его присутствии. Но у нас народ не из пугливых, и по его не выходило. Он жаловался, докладывал командиру взвода, роты, за что и получил кличку «сексот»[111]. Теперь он добился того, чего жаждал.

У него мы с Плешаковым[112] узнали адрес свободной квартиры и заняли ее. Спим вместе на одной кровати. Кровать мягкая, пружинная. Комната большая. Только мух много.

Сегодня и завтра мы остаемся без пищи, и только первого нам выдадут продукты, ибо в селении Саултан-Залы[113], где мы получили (15 человек) продукты, – нас надули. На всех получил один аттестат[114] младший лейтенант-пулеметчик. Мы не посмотрели, что там написано, а он проворонил, прошляпил, и кладовщица вписала нам лишний день пользования продуктами. В результате, 15 человек голодны. Не знаю, как мы перебьемся эти дни после четырехмесячной сытой жизни на курсах.

Сегодня пока не голоден, ибо поел остатки своего пайка, кашу и сухари. Но купить здесь трудно, все много дороже, чем в Ростове, и базар только раз в неделю. Все село заполнено военными, преимущественно офицерами, есть капитанов много и даже подполковников.

Командиром роты тоже младший лейтенант. Начальник штаба резерва капитан ... бывший помкомроты на курсах – черненький представитель азиатских народов – не знаю точно, какой нации. Он тихий, славный парень, культурный. Роста ниже среднего.

Комсостав здесь чересчур надменен. Бекасов влип в историю. Когда его попросил дежурный лейтенант уйти подальше от штаба, он его назвал на «ты»: «Что ты, мол, в самом деле!» Тот заявил ему, что, мол, «ты еще сопляк, ты, дескать, с курсов вышел только и так со мной разговариваешь!» Бекасов ответил ему матюком. Лейтенант потребовал, чтобы Бекасов подошел к нему. Вмешался какой-то капитан с медалью, и Бекасова направили к майору, где он получил двое суток и угрозу разжалования.

31.08.1943

Сегодня у меня день поста. Кушать нечего. Решил выкручиваться из положения. Утром пошел в правление колхоза и выписал огурцов четыре килограмма на себя и Георгия Плешакова. Достал кусочек хлеба. Поел, но сейчас опять голоден.

В пути нас надули здорово весовщики, написав в аттестате, что выдали продукты на три дня, а на самом деле мы получили продукты лишь на два дня. Свои аттестаты вся наша группа лейтенантов из 15 человек сдала, получив взамен один общий аттестат, который взял один из нас – некто Бобров. Тот не посмотрел, что написано в аттестате, и уехал. Только здесь мы нагнали его. Так мы и прогавили[115] паек за одни сутки.

Здесь многие ходят с медалью «За оборону Сталинграда»[116]. Я решил возобновить хлопоты о медали. Начальник штаба резерва, капитан, бывший одно время помкомроты на курсах, сказал, что на днях мы переедем во второй эшелон, и там можно будет об этом говорить, ибо там есть медали.

04.09.1943

Село Маныч. Латоновского с/с, Матвеево-Курганского района[117].

Сюда прибыл вчера на рассвете. Из Латоново, куда завез нас (офицерский состав) шофер. Он не хотел нас везти и даже пытался драться с командиром 2-й роты, лишь под угрозой револьвера утихомирился, но завез нас на семь километров западнее Соколовки[118], где разместились наш штаб и кухня. Но там все мы поместиться не могли и переехали частично (вся рота) сюда, в хутор Маныч.

07.09.1943

В Маныче пробыл два дня с половиной. Ел арбузы без нормы и молоко. Со мной опять поселился Плешаков. Спали на полу, мух много было, и они буквально съедали и днем и ночью.

Семья у моих хозяев была большая: две девушки, одна 24 года – Маруся, другая – 26, Надя. Старушка – мать девушек и двоих детей. Они отнеслись очень внимательно к нам, ко мне особенно. Я взял у них адрес, чтобы писать.

Когда приказали всей роте выстроиться с вещами, я распрощался с хозяевами и ушел. На дорогу захватил пышку (хлеба не было) и четыре арбуза. Два съел дома.

На построении выделили 20 минометчиков для отправки в часть. Меня вычеркнули из этого числа, но я настаивал на отправке меня. Когда всю партию все-таки отослали, командир роты вдруг почему-то спросил: «Кто еще из минометчиков остался?» Все разбежались, попрятались за домом: и Замула, и Кружилин, и Герасимов – никто не обмолвился словом, показав свою трусливость и нежелание честно служить своему отечеству. «Я остался», – заявил я перед притихшими командирами. «Гельфанд здесь останется», – заявил командир роты резерва: он прослышал, что я пишу стихи и редактирую газеты, и не хотел со мной расставаться ради «Боевого листка»[119]. «Нет, – сказал я, – мне хочется воевать, а не в тылу отсиживаться». «Гельфанду не терпится. Ну ладно, идите, замените Киселева, а он пусть подождет следующей партии».

И я пошел. Два дня мы ехали, шли. Дорогой встречали хутора и деревни, полуукраинские-полурусские жители которых рассказывали нам о немцах, о том, как они жили, грабили, хозяйничали, убивали, но затем плакали, кляли Гитлера, ели сухой процвевший хлеб (по 200 грамм) и драпали, застигнутые врасплох, бросая даже ложки и кашу. Два немецких трупа, нагишом уложенные в окопы пехотные, мне повстречались в стороне от дороги. В пути нашел я также две немецких листовки, исключительно антиеврейские. Там они насмешничают над еврейскими именами и обычаями и, в конце концов, призывают «громить жидовское правительство, ввергнувшее Россию в войну». Вот он и единственный козырь, за который они ухватились с отчаяньем утопающего. Рассчитывая на неприязнь к евреям, которая еще не совсем изжита в России со дня Октября, немцы намереваются хоть этим подействовать на мысли и чувства советских людей. Но поверить врагам и пойти на их удочки могут только маловерные люди и врожденные предатели. Я же докажу мерзавцам гитлеровским, кто такие советские евреи, как они любят Родину, ненавидят фашистов, готовы на любые подвиги во имя разгрома иноземных пришельцев. Сохраню листовки, чтобы потом когда-либо лично приклеить их на лоб плененному мною лично немецкому офицеру или борзописцу. Я дождусь этого момента, я исполню свое намерение.

Сейчас мы в Курске, где находится штаб 248-й дивизии, в которую я направлен. Здесь совместно с моими товарищами по курсам

Плешаковым, Анищенко, Гостевым, Ткаченко и другими ожидаю старшего команды, который вместе с шестью человеками где-то едет еще. Двух младших лейтенантов встретили мы вчера в пути и затем здесь. Они еще со дня выпуска с курсов были направлены сюда и до сих пор (дней 15 тому назад, как они рассказывают) не могли найти дивизию. Были в отделе кадров, их поругали там, пригрозили отправить в штрафной батальон, но потом послали, дав точный адрес, сюда. А вчера их отправили уже в командировку в тыл за пополнением. Вот такие люди редко отвечают за свои действия. А ведь мотание в то время, как ждет фронт, равносильно измене. Но для них все сошло безнаказанно. И еще много и много людей таким поведением своим затягивают войну, вредят Отечеству.

08.09.1943

Сейчас нахожусь в резерве при полку. Просил старшего лейтенанта, что заправляет строевым отделом полка, разрешить сходить мне на передовую и лично наблюдать за действиями минометчиков. Но тот не разрешил.

– Может, ты еще хочешь пойти в качестве рядового бойца в штыковую атаку? Нет, нельзя на передовую – там убить могут, – ответил он категорически, как будто я приехал сюда от снарядов и пуль прятаться. Обидно даже немного стало.

Уф, проклятые немцы! Прервали меня на самом интересном месте. Стали обстреливать хутор из миномета в разгар моего писания [*одно слово нрзб*] около меня. Вокруг стали кричать, чтоб я ушел под дом, не геройствовал, и я отошел под стенку дома.

Сегодня отправил много писем, написанных еще вчера: папе, тете Ане, Лялюшке, Майе, Оле.

Я попал в 899-й полк 248-й стрелковой дивизии 28-й армии Герасименко[120]. Адрес мой: полевая почта 28318.

Пополнение еще не прибыло, и выходит, что командиров очень много, а командовать некем. Создался резерв дивизии и резерв полка. В полку нас больше 20 человек среднего комсостава. Есть здесь и старшие лейтенанты, и лейтенанты, но больше всего нас, младших лейтенантов. Проблема командования взводом меня очень волнует и тревожит. Справлюсь ли? Особенно трудно будет в управлении и корректировании огнем. Глазомерная подготовка тревожит мою мысль.

09.09.1943

Ночью немцев выгнали. [*Одна строка нрзб*] заняли и далеко продвинулись вперед наши части. Сейчас будем трогаться и мы.

Ночью я несколько раз выходил. Видел ракеты на передней линии, но выстрелов не было. Я все мечтал о продвижении, но мне казалось это только мечтой, ибо все было спокойно. Перед рассветом уже кто-то крикнул: «В ружье! Подъем!»

Кто-то сказал про Сталинград и другие города, про 300 населенных пунктов, что заняли [*нрзб*] люди зашевелились, но не поднимались. На рассвете стали поднимать нас. Лошади оказались запряженными, и имущество все на колесах. Ждем приказ двигаться. Впереди трофеи и много нового, много зрелищ, предопределяющих нашу победу.

Вперед помчала конница, шум, грохот колес, движение машин и повозок.

Вечер. Прошли мы, то есть продвинулись вперед, километров на пять-шесть. Враг остановился у железной дороги, окопался, и никакими силами его нельзя было оттуда выбить. Так мы и остались здесь по сей час, до захода солнца. Ночью, по общему мнению, противник уйдет под прикрытием темноты. О виденном в занятом нами селе и о трофеях расскажу завтра, ибо...

15.09.1943

Село Захаровка Сталинской области[121].

Здесь, наконец, догнал свой комендантский взвод, где я числюсь сейчас, до прихода пополнения, вместе со всем офицерским резервом.

Это было позавчера утром. Подполковник Рыбкин[122], командир нашего полка, вызвал нас всех, офицеров, и сказал: «Хватит, проболтались без дела. Пора и повоевать».

Старшего лейтенанта он назначил старшим над нами. Тот распределил места для нас, и мы стали отрывать парные окопы. До самого вечера мы были в обороне. Старший лейтенант сразу принял важную начальственную осанку, стал нам приказывать, ругать нас. Так, на меня напал за то, что, как ему думалось, я не ходил на оборону с утра, а где-то околачивался и на оборону поздно пошел. В то время как на самом деле я с самого утра просидел в окопе сначала сам, а потом вместе с одним младшим лейтенантом и пришел только тогда, когда пришли наши офицеры подменить меня с санкции старшего лейтенанта, а на самом деле – самостоятельно.

– Я вам приказываю немедленно уходить на оборону! – кричал старший лейтенант.

– Я и так пойду, – отвечал я, – без вашей ругани и ваших приказываний. – И пошел в свой окоп.

Там застал двух младших лейтенантов – Германова и еще одного. Германов решил остаться со мной, а тот ушел. Прокопали глубже окоп, шире, но в длину не копали, и он оказался коротким. Я нанес

соломы, и мы устлали его. Было тепло, мягко, но коротко. Всю ночь я не мог заснуть как следует – то и дело просыпался, ибо скорчившись, как говорится, в три погибели, тяжело было лежать. До самой темноты и спустя ее наступление немцы не прекращали перестрелки с нами. Затем наступила тишина. Только ракеты пугливо [*одна строка нрзб*].

[*Одно слово нрзб*] я неоднократно просыпался, вставал и, шатаясь как пьяный, выходил оправляться. От внезапного подъема кружилась голова, и я опять вваливался в окоп, нечеловеческими усилиями предохраняя себя от падения прямо на моего сожителя. Наутро я встал еще до восхода солнца, опять шатаясь на ходу спросонку. Осмотрелся и вдруг заметил, что оборона пуста. Только где-то метрах в 200 от нас приготовились к отъезду грузовые машины с прицепками-пушками 45-мм.

Быстро встали, собрались. Машины с пушками не брали – шли пешком. Позже узнали, что полк наш еще ночью ушел вперед, и мы отстали километров на 20. Долго пришлось нагонять. Пешком, потом на машине.

В одном из сожженных сел мы наткнулись на случайно уцелевшую хату. Хозяйка не знала, что ей делать от радости, что уцелела. Всех соседей угощала пищей и помогала имуществом. Нас она очень тепло встретила и хорошо угостила прекрасным украинским борщом с курятиной и арбузами. Потом повела нас в сад, где мы обожрались фруктов: яблок и слив.

На другой день мы догнали своих.

Только что прошли Андреевку – районный центр Запорожской области[123]. Она наполовину сожжена. Столбы телеграфные на дорогах срублены до пней. Всюду огонь, всюду плач взволнованных нашим приходом, обрадованных, но вместе с тем глубоко опечаленных разорениями и зверствами фрицев. Даже скот они убивали, а имущество разграбили и сожгли, причем рылись в погребах, садах, [*одно слово нрзб*] сваливали в ямах. [*Три слова и одна строка нрзб*] сражением гитлеровцев против мирных жителей пожаром.

– Как жаль, что вы вчера не пришли, днем раньше, – говорят бедные настрадавшиеся люди. – Тогда цела бы была наша хата, был бы жив наш скот и цело имущество.

Мы рвемся вперед, на юг и на Запад – бить немцев. Сергеевка[124], Захаровка – пройдены нами. Первая, еще Сталинской области, разорена до ужаса – вся в огне, дыму и пепле. Там замечательные сады, и яблоки оттуда по сей день сохранились у меня (я попал туда в момент своего отрыва от части). Одна хатенка сохранилась на всю деревню. Каким-то чудом.

Хутор Новоселовка, Андреевского района менее пострадал, чем все другие населенные пункты, но тоже горел во многих местах. Здесь течет какая-то речушка[125].

22.09.1943

Еще немного продвинулись. Теперь в резерве остался я один. Большинство младших лейтенантов направили по частям в резерв дивизии, а также в командировку за пополнением. Но даже и теперь мне приходится идти пешком.

Вчера сел на бричку из батальонного обоза. Всю ночь спал и слишком далеко зашел к передовой. Попал под артмин[ометный] обстрел, наткнулся на бахчу. Целый день жил дынями и арбузами.

Встретил Богатского. Он здесь командует штрафниками. Кричит и ругается, что слышать страшно. Вот он – тихоня курсантский! Теперь он – гроза! Так теперь преображаются люди.

По сообщениям информбюро узнал колоссально-радостные новости: Бердянск, Брянск, Павлоград, Кировоград, Духовщина, Прилуки, Лубны, Хорол, Пирятин, Орехов, Новгород-Северский, Трубчевск, Новороссийск[126].

Два часа ночи. Взяты Синельниково и Чернигов[127].

Меня направили во 2-й батальон. Здесь командир роты дважды орденоносец и медаленосец капитан Хлыстов[128].

Здесь три командира взвода, я – четвертый и капитан – пятый. Так что – хоть отбавляй.

Письмо отправил папе, вчера – маме.

24.09.1943

Оказывается, здесь восемь средних командиров со мной. Трое, во главе с капитаном и вместе со своими «взводами» (расчетами), ушли вчера на другую ОП[129]. Я с тремя младшими лейтенантами и двумя расчетами решил остаться здесь. Четвертый день как мы ни шагу.

Вчера написал стихотворение «Вперед, советские солдаты!» Писем вчера не писал и записей в дневнике тоже не вел.

Я сейчас пребываю здесь как бы в резерве. Не на должности. И никто ничего мне не говорит, не указывает. Я сам себе хозяин. Вчера захотел арбузов – пошел и нарвал. Вообще, арбузов объедаюсь я здесь. И дынь тоже. По пятнадцать за один раз. Не раз меня дристня такая прохватывала (извини за выражение, мой дневник), что ой-ой-ой! Но желудок мой крепче стали. Выдерживает все лишения – и снова за работу! С сегодняшнего дня – как положено. Но арбузы я, конечно, не бросаю и сегодня съел по меньшей мере штук пять.

На днях видел старшего лейтенанта-химика с курсов. Он был там командиром химвзвода. Теперь он находится при армии (в штабе)

и приехал сюда для проверки (комиссии) нашей работы боевой. Он обещал писать (я дал адрес ему) и взялся передать в армейскую газету одно из моих отпечатанных на машинке стихотворений.

Секретарь комсомольской организации полка – младший лейтенант [Бахандан] – хороший парень. Вчера он был здесь, и мы разговорились. Он очень жалел, что не знал меня раньше, а то поставил бы меня на комсомольскую работу комсоргом батальона. Штатная должность. Я обещал ему помогать в работе, а также комсоргу, главным образом – пером и словом. Мы вчера вместе ходили на бахчу и часа два охотились на арбузы. Хорошее дело! Но не всякому оно дано в настоящий момент. Сумки я не нашел и часть тетрадей и записи приходится носить в сапогах.

Часто я думаю насчет звания и наград. Мне очень обидно, что до сих пор я не имею никаких наград, хотя неоднократно заслуживал их. Всему виноват мой характер: спорил часто, не ладил с начальством. Другие, менее меня отличившиеся или вовсе ничего хорошего не сделавшие на благо Родины, как Зиновкин и др., сейчас награждены и имеют звания. Звание и я сейчас получил, но что толку, если я теперь даже не гвардеец. Я согласился бы быть сейчас рядовым, но с орденом. Осталось мало времени, но я постараюсь его использовать, отличиться. Стыдно без ордена или хотя бы медали выходить из этой войны, неудобно даже.

Сейчас находимся вблизи Мелитополя. На нашу дивизию возлагается роль сковывающей группы. Совсем недалеко отсюда лежит большое село Астраханка[130].

От стрельбы минометов звенит в ушах. Сейчас нам приказано поддержать штрафную роту своим минометным огнем. Нас четыре средних командира, так что я почти безучастен. Лишь совещательное значение имею я сейчас.

26.09.1943

Утро. Началась сильная артмин[ометная] подготовка. Немцы отвечают, но слабо. Очевидно, пойдем в наступление. Снаряды рвутся поблизости. Немцы активничать стали. Разбудил младшего лейтенанта на НП. Он пошел.

27.09.1943

Наблюдательный пункт (НП) полка. Большой выдающийся курган. Немцы хорошо знают, что здесь НП. Не раз они посылали сюда разведку за «языком» ночью. Снайперы-наблюдатели не сводят глаз отсюда. В бинокль и простым глазом смотрят они сюда.

Кругом кургана масса воронок от мин и снарядов. Немцы яростно обстреливали курган, но снаряды ложились вокруг него, у подножья.

В курган они так и не попали. А боеприпасов у них мало. Так что они оставили пока курган в покое.

Наблюдал в стереотрубу за противником. Фрицы свободно и открыто ходят по передовой во весь рост. Многие без рубашек – загорают, некоторые вшей ищут друг у друга в голове. Иные по телу с такой яростью ловят их (и на рубашках), что, кажется, там им числа нет.

Рыжих много, но есть и черные. Стоят, улыбаются, потом опускаются в окоп или лежат на поверхности. В рощах они, совсем не окопавшись, размещаются. Беспечны, как будто у себя дома. Наблюдения, правда, не прекращают. Какой-то в бинокль наблюдал все время, потом пошел оправляться и передал бинокль другому. Так они меняются все время[131].

В селе взрывают хаты и еще кое-чего. Каждый день видны столбы густого то белого, то серого, то красноватого дыма.

30.09.1943

Позавчера немцы накрыли нас своим артогнем. Да так точно, что только чудо какое-то спасло нас всех, и ни одного не убило, не ранило. Я остался последний в окопе во время артогня. Решил не выходить – будь что будет. Но снаряды рвались так близко и такой силы они были, что мой окоп разрушило от сотрясения, и меня всего присыпало землей.

Темень. Завтра закончу.

01.10.1943

Самая первая передовая из всех передовых.

У нас существуют различные понятия слова «передовая». Коренные обитатели тыла, никогда не видавшие настоящего фронта, но причисляющие себя почему-то к числу фронтовиков, называют «передовой» территорию, отстающую от таковой на 10–50 километров. Фронтовые тыловики, что в 5–10 километрах от нее, называют «передовой» полосу в два–три километра от передних цепей. А мы, минометчики, считаем «передовой» территорию, отстоящую от ближайших немцев на 800 метров.

Но все это, конечно, не передовая в полном смысле слова, ибо впереди еще есть люди. Передовая, самая настоящая, – это окоп, в котором я сейчас нахожусь. Спереди меня ни одного нашего человека. Спереди меня в густой заросли деревьев, в земной, расползшейся по земле зеленокудрой травке, в подсолнухах, в складках местности и в глубоких земляных окопах притаился враг.

Отсюда до немцев 300 метров, не более. Я долго всматривался в сторону противника, но ни одного фрица не заметил, хотя они должны быть хорошо видны отсюда. Маскируются.

Я задумал выявить огневые точки врага стрельбой из автомата, но тщетно – выпустил целый диск и лишился патронов. Противник не отвечал. Он притих в своей звериной злобе и притаился коварно в земле[132].

Рядом со мной пополнение. Слева, справа и сзади меня. Их только вчера сюда прислали. Они в гражданской одежде. Не им ли я посвятил вчера свое стихотворение?

Вчера я принял взвод и решил перейти к нему поближе, хотя землянка, в которой я находился, была накрыта [*одно слово нрзб*], обширна и глубока – я проработал над ее устройством три дня или около того.

Младший лейтенант Чернявский по приказанию командира роты остался в резерве, а я принял его «взвод». Я пишу «взвод» в кавычках, ибо количество людей в нем меньше, чем в нормальном минометном расчете. Всего у меня числится пять человек бойцов и один миномет.

Ночью командир роты, старший лейтенант... передал через адъютанта своего, чтобы я выдвинулся к командиру стрелковой роты и пронаблюдал места действия огневых точек противника. Я пошел сегодня еще до восхода солнца. Пришел, а командир стрелковой роты говорит, что от него нельзя ничего заметить, ибо противник [*одно слово нрзб*] находится. На местах расположения взводов противник хорошо виден, даже пехота его: как ходит, откуда стреляет. Но все это видеть можно только ночью или вечером, а сейчас немцы бездействуют.

– А можно ли туда добраться, и далеко ли до взводных окопов?

Он указал мне на еле заметный холмик слева, впереди себя, но несколько раз предупредил меня, что сейчас днем идти опасно и рискованно для жизни, даже ползком трудно пробраться. Ибо в посадке[133] засели сплошь снайперы и, выслеживая всякое шевеление, открывают ураганный огонь по замеченному месту. Многих бойцов таким образом немцы вывели из строя. Но иначе чем ползком идти нельзя.

Он посоветовал мне переждать, пока взойдет солнце, которое уже собиралось взглянуть на свет божий, просыпаясь от недолгого ночного сна.

Я переждал немного, минут 30, и двинул в путь-дорогу. Это был риск, но риск благородный. А я люблю риск, если нужно для пользы дела. Так мне удалось пробежать во весь рост до середины пространства между бугорком и отдельными деревьями, у которых расположился КП[134] роты, как открыли огонь фрицы, и пришлось остальной путь ползти, только изредка делая коротенькие перебежки. От бугорка было меньше половины пути до окопов, и я благополучно покрыл это расстояние.

Здесь встретил двух младших лейтенантов с курсов. Один – командир пулеметного взвода, другой – стрелкового. Они заросли бородами, [*одна строка и одно слово нрзб*] у них грязные [*одно слово нрзб*] вообще [*два слово нрзб*] последней возможности. Гимнастерки и шаровары-брюки на них чистые, в отличие от моего состояния одежды – я успел измазаться на арбузах так, что и узнать трудно в моем костюме свежий материал – ведь я недавно только получил обмундирование, всего месяца два назад тому.

Говорят о смерти ребята, о том, что их жизнь – это постоянный риск.

Только что противник обстрелял нашу территорию – посадку в километрах двух-трех отсюда – из минометов. Направление примерно я засек. Остается уточнить только ночью по вспышкам пламени при выстрелах их действительное расположение (ибо немцы ведут огонь кочующими ОТ. По всей вероятности, минометами). Сколько их – трудно определить, но не меньше четырех находятся за близлежащей посадкой в направлении отдельных деревьев.

А тот обстрел нашей позиции закончился для нас благополучно. После первых выстрелов ребята побежали в посадку, а я стал одеваться, ибо лежал нагишом: в брюки, сапоги и под рубашку посыпалось много земли и пыли. Но я, не обращая внимания, приготовился [*нрзб одна строка и одно слово*] отсту[*нрзб*] подобру-поздорову.

Еще несколько снарядов разорвалось в двух-трех метрах от землянки моей. На позиции осталось нас трое: я и два бойца – Панов и... Осколок огромной величины, пробив крышку от ящика с минами, которым я накрыл свой окоп, с визгом врезался в землю, каким-то чудом не зацепив меня.

Обстрел не прекращался, и снаряды ухали и ревели, рассыпаясь вдребезги от соприкосновения с землей. Кругом все гудело и дрожало, я был еще больше обсыпан землей и оглушен. Наконец побежали последние бойцы, я остался один. Быстро ухватив свои сумку с дневниками и кое-какие тетради, я пустил драпака от того места, которое казалось теперь мне адом.

Немец не видел нас. ОТ нашу, очевидно, выдала «рама»[135], накануне летавшая над нами. Даже когда мы убегали, он продолжал обстрел позиций наших, и только когда уже стали добегать до посадки, фрицы сделали доворот. Снаряды низвергали землю не[*нрзб*] [*две строки нрзб*].

05.10.1943

Позавчера днем старший лейтенант сказал, чтобы я собирался за «Максимками». Что за «Максимки», он не знал и сам. Нужно было взять три подводы и отправляться в штаб полка. Я был удивлен та-

ким назначением, ибо если это пулеметы «Максимы»[136], то их надо было брать в боепитании[137], а не в штабе. Но все же поехал, куда приказано было, прихватив с собой старшину и трех ездовых. В штабе оказалось, что «Максимки» – это «Максимы», и ездить за ними нужно в тыл полка, то есть в запасной учебный полк, что стоит от посадок до самого села Астраханка. В этом полку обучается пополнение.

Командир полка, когда я обратился к нему с вопросом начет «Максимок», спросил в упор: «Знаешь ли ты, где стоит полк?» «Не знаю», – отвечал я. «Так что ж Вы тогда знаете?» – сказал он. «Я знаю передовую. Где роты расположены, где батальон, где ОВС, боепитание, начфин, тыл батальона – обоз, и, наконец, где штаб полка». Он ничего не ответил на это, а только сказал, что старшина должен знать, и стал давать мне указания насчет «Максимок».

Их надо было взять в учебном полку вместе с расчетами (по пять человек на пулемет) и лентами (десять лент на пулемет). Всего надо было получить пять пулеметов. 3-й батальон тоже столько должен был получить. С наступлением темноты их надо было доставить на передовую.

Я спросил подполковника, нельзя ли их сейчас довезти до посадки, где находятся тылы нашего батальона и затем, с наступлением темноты, выдвинуть на передовую. Но он заметил лишь мне: «Какой вы невозможный, непонятливый человек! Я ведь сказал не выдвигать до темноты!» И стал мне читать нотацию длинную. После чего дал приказание и заставил три раза повторить. Написал записку своему новому помощнику, на котором теперь лежит обязанность – возня с пополнением, подполковнику Захаркину[138].

Старшина, как я выяснил, не знал, где полк расположен, и мне довелось вторично допытываться насчет дороги. Я не решился больше разговаривать с подполковником и обратился к майору Хоменко[139], начальнику штаба полка. Тот объяснил сразу, коротко и понятно, и я поехал.

Старшину оставил, ибо ехать ему было ни к чему. Там сразу наткнулся на замкомандира полка по политчасти. Он взял записку, прочел и направил меня на одной повозке в Астраханку, где находится штаб, а две повозки посоветовал оставить в посадке, где он находился, ибо мне придется возвращаться к посадке.

Там подполковника Захаркина не оказалось, и приказание насчет «Максимов» отдал заместитель его, капитан, заметив при этом: «Узнаю в этом командира полка (он назвал по фамилии – Сыбкин) – это его очередное чудачество».

Я направился (имея на руках письменное приказание) к посадкам, где располагалась рота пулеметчиков. Захватил с собой агитатора полка – капитана Андреева[140], которому нужно было в штаб полка,

что на передовой – теперь у нас два полка и два штаба. Дорогой прочел стихотворение агитатору, рассказал ему об искажении предыдущего редакцией «Кировец». Он пообещал поругать чиновников из редакции, так безжалостно отнесшихся к моему труду. А еще пообещал он (на днях он должен был там быть) передать мое письмо в редакцию. Но письмо я так и не передал, ибо не закончил писать.

Приехав к посадкам, я застал там концерт с музыкой, декламацией и пением. Обратился к подполковнику – тот приказал вызвать командира пулеметной роты. Побежал за ним, сам думая, чтоб успеть прочитать свое стихотворение «Пополнению», так кстати написанное мною.

Командир роты – тот самый старший лейтенант, что командовал нами, когда мы окапывались в резерве полка для обороны его КП. У него в роте только один лейтенант, остальные – командиры взводов из пополнения. Характерно, что когда я привез их в батальон, и их спросили: «Кто у вас командир взвода?», – они ответили в один голос: «Тут пацан один», – и потом стали звать: «Алешка, скорей сюда!» Командир батальона пожурил их за такое отношение к командиру.

Пока командир роты не пришел, обратился к подполковнику с предложением прочесть стихи. Замкомполка, капитан ... Когда я назвал ему свое стихотворение, решил безо всякой проверки предоставить мне право на прочтение стихотворения. Он заявил мне, что знает мою фамилию и читал стихи мои. Я прочел.

Встретил много младших лейтенантов, с которыми был в резерве.

Ночью привез и сдал пополнение. Но спать не пришлось. Посреди ночи стали звонить насчет подвод, и ночью же их пришлось отправлять обратно. Когда ехали туда – все волновались, спрашивали: «А как на фронте? Не страшно ли?» Некоторые говорили: «Я боюсь, как бы не убили меня. Мне страшно». Но никто не был даже ранен, и, когда возвращались, все считали себя уже обстрелянными и повидавшими фронт.

Из пяти пулеметов только один оказался исправен и был оставлен с четырьмя человеками расчета на передовой. Остальные, постреляв одну-две ленты, более не смогли стрелять, ибо были перекосы и [*одно слово нрзб*], а извлекателя не оказалось.

Остальные я увозил обратно. Дорогой подобрали раненого. Он меня узнал и спросил:

– Это вы, товарищ лейтенант, были в окопе, что впереди нас и что-то писали?

– Да, я.

– А я попросил у вас закурить.

[*Одно слово нрзб*] ему я, вспоминая тот день моего пребывания на передней стрелковой линии. Теперь один из этих стрелков, с которы-

ми я провел тогда день до темноты, был ранен во время отрывки хода сообщения.

С рассветом, отведя людей на место, я вернулся в роту. Оказалось, что обе роты разделились, и моя ушла поддерживать 3-й батальон. К вечеру я нашел роту, упрекая себя за доверчивость и послушание, которые сделали меня игрушкой в руках хитрого старшего лейтенанта. Чувствуя, что роты разделятся, он решил использовать меня в качестве козла отпущения.

Ночью здесь было жарко. Всю артиллерию полка сосредоточили на этом участке. Мы постреляли (только мой расчет – пять или шесть ящиков мин). Немцы тоже активно отвечали, и снаряды падали то перелетом, то недолетом неподалеку от нас так, что осколки долетали до наших окопов.

Несмотря, однако, на сильную артподготовку, атаку и наступление провалили, когда немцы открыли сильный огонь из всех видов орудий, подпустив пехоту близко. Подполковник звонил, чтобы вернулись на старые места, хотя цель была достигнута, и посадка в наших руках. Увидя, что наши ушли, немцы снова вернулись в посадку. Людей у нас оставалось в пехоте мало, более 40 человек было ранено, четверо убито и столько же пропало без вести – человек 60 осталось у всего батальона.

Ночью пришлось окапываться по-пехотински и занимать оборону нам, минометчикам, так как впереди никого не было. Хорошо, что немцы не контратаковали наши войска. На всех фронтах нет заметного продвижения. В газете читал, что вся Орловская, Сумская, Харьковская, Смоленская, Донбасс и Полтавская область очищены от немцев[141].

Наступает вечер. Солнце зашло. А я не написал даже письма.

06.10.1943

Ночью не спал – дежурил, проверял посты. Утром сообщили по телефону, что в посадке со стороны противника накапливаются неприятельские танки. Готовимся к встрече.

06.10.1943

Сегодня, когда я заканчивал свое письмо в редакцию, к нам пришел старший лейтенант. Это, как оказалось, был корреспондент газеты «Кировец». Фамилия его Червоный.

Мы долго разговаривали, и я передал с ним письмо редактору[142]. Стихотворение «Пополнению» напечатать нельзя, ибо это якобы раскрывает военную тайну. Просил присылать ему стихотворения и фронтовые зарисовки прозой. Обещал.

Старший лейтенант говорил, что я буду присутствовать обязательно на конференции читателей, которая предстоит на днях. Почта, говорил, идет медленно, поэтому лучше будет отправлять стихи-прозу через пункт сбора и донесений или просто почтой, но писать прямо в редакцию газеты «Кировец».

Сегодня у меня ночь свободная. Завтра дежурю на НП.

Весь день варили курятину и кролятину за счет разной живности, оставленной в селе жителями (в подвалах). Замкомандира батальона по политчасти проводил беседу с коммунистами по уставу. Словом, масса событий.

07.10.1943

Сегодня весь день дежурю на НП.

1-й батальон формируется сейчас, и мы пока находимся и поддерживаем 3-й батальон.

Мечтаю стать комсоргом батальона, но все это лишь мечты, хотя при желании сильном я мог бы добиться этой должности у комсорга полка. Он даже жалел, что не поставил меня комсоргом 2-го батальона, а теперь, к сожалению, я его не вижу.

08.10.1943

Написал вчера письма маме, папе и в редакцию «Кировец» послал два стиха – «Украина» и «Миномет».

Нынешний день ничем полезным не занимался, если не считать, что еще на один штык вырыл глубже свой окоп.

Мы теперь перешли в 3-й батальон в роту лейтенанта Соколова. Мне должны дать еще один расчет. Узнал новости: Невель взят, Кириши и Кубань очищена. И также в трех местах форсирован Днепр. В том числе возле Кременчуга[143]. Посмотрим, что дальше будет.

09.10.1943

Вчера вечером и сегодня с утра только и разговора и хлопот о наступлении, ожидающемся по всей армии нашей.

С рассвета началась артподготовка. Мы выпустили мин 400, артиллерия била, шли танки, и летела на флангах авиация. Но противника не сломили. Продвинулись всего лишь метров 500.

Сейчас наша пехота в 150 метрах от посадки, за которую долго дрались (днями). Но это, конечно, не продвижение.

Противник помалкивал. Только теперь он открыл артогонь. Он перехитрил нас маленько – приберег на всякий случай снаряды. Здесь осталось четыре миномета – два моих и два младшего лейтенанта Канаткалиева, но младший лейтенант безучастно отнесся ко всему, и мне пришлось руководить всей батареей. Ничего получи-

лось. Один раз, правда, вышла путаница с дополнительными зарядами, и мне пришлось долго переспрашивать.

Сейчас темнеет, и снова огонь. Мне некогда вести записи.

11.10.1943

Вчера весь день стрелял. Выпустил мин 700, чтоб не соврать. Сколько постреляли «огурцов»[144], как их по телефону именуют здесь, никто нас не спрашивал, но сколько осталось мин – спрашивали ежеминутно.

Весь день противник молчал, на наши выстрелы не откликался. Я по-прежнему оставался один хозяйничать над четырьмя минометами. Младшего лейтенанта Канаткалиева Мизамгалима (в месяц рожденный, что ли, мизам – месяц[145]) попробовал было для разнообразия поставить покомандовать за себя, но он так начал свою работу, что я решил оставить эту свою затею.

– Вставить мина на стволы, – раздалась команда, и все прыснули со смеху.

Он только наблюдал за стрельбой, сидя в одном из своих расчетов. На меня же пала и хозяйственная (подвоз мин, водки, продуктов), и боевая (подготовка мин, протирка их, чистка минометов, отрывка щелей, расстановка людей и порядок на батарее, и сам процесс стрельбы), и политическая (раздача и читка газет) работа. Я с удовольствием командовал во весь голос (ветер относил мои команды, и надо было громко кричать), ощущая на себе взгляды проходящих мимо нас бойцов и начальников, восхищавшихся одновременностью выстрелов и красотой стрельбы.

Днем подошел ко мне младший лейтенант Колесник и спросил разрешения разместиться его батарее на наших трех свободных ОП. Их 2-й батальон некоторое время находился в резерве дивизии в период подготовки наступления на случай прорыва противником нашей обороны. На месте их обороны остались лишь одна стрелковая рота, два 82-мм миномета и еще там кое-чего. Теперь их прислали сюда. Я разрешил, восхищаясь и радуясь мысленно своей властью и правами и удивляясь в душе своей серьезности и взрослости. Ведь до войны я ничего не знал, кроме детских забот и ребяческих шалостей, кроме литературы, книг-учебников да тетрадей всевозможных.

Колесник, кстати, еще моложе меня парень, на взгляд – совсем ребенок. Так и хочется его обнять и прижать при встрече к себе. Это голубоглазый красивый 19-летний паренек с чистым и нежным, почти детским лицом. Я не раз при разговоре с ним не мог бороться с побуждением нежной ласки к нему и часто обнимал его и ласкал его, сам ласкался, как к девушке, к нему. Я люблю его светлое лицо, симпатичное личико ребенка.

Так и сейчас. Он протянул мне руку и я, пожав ее, крепко и ласково обнял младшего лейтенанта Колесника. Колесник, который получил мое разрешение, быстро стал выдвигаться на ОП. Но на самой позиции его ребята подняли такой базар и хождение, что мне пришлось неоднократно бегать, кричать на ОП к ним, требовать, чтобы они не маячили немцам, а пригинались. Но заставить их пригинаться было весьма трудно. Дело в том, что большинство ребят было из пополнения свежего и по национальности греки. Им трудно было втолковать то или иное понятие, ибо они плохо понимали русский язык. Бедный Колесник несколько раз подходил ко мне и с таким простодушием говорил, что у него голова от них кружится и болит, что мне казалось, будто это у меня самого с головой не в порядке. И я, страстно и ласково обнимая его, рассказывал ему о своих трудностях, о том, что мне тоже приходится иметь дело с новичками, и глаза его, казалось мне, прояснялись от облегчения. Ему становилось легче, когда он делился со мной, и он отходил от меня бодрее командуя своими орлами.

Постепенно на ОП появилось четыре расчета во главе с младшим лейтенантом Артуняном и командиром роты старшим лейтенантом ... Артунян тоже молодой парень – грузин[146]. Черноглазый брюнет с красивыми чертами лица, он нравится мне своим взглядом прямым и острым, своей улыбкой простодушной. Когда он не смеется – он очень серьезен и мужественен. Он высок ростом, деловит, но чуть-чуть наивен в поступках своих. Курсы младших лейтенантов он кончал в той же школе и у того же Клименко в роте, что и я. Но, хотя прошло уже более шести месяцев с тех пор, он все еще младший лейтенант.

Он ходатайствует насчет переаттестации и вполне, на мой взгляд, заслуживает ее. Русским языком он владеет свободно, по его словам – лучше, нежели грузинским. Он немного метушлив, то есть суетлив (в переводе с украинского), но весьма сообразителен.

Старший лейтенант хитер как лиса, опытен в комбинациях всевозможных, хладнокровен и спокоен, пока поблизости не рвутся снаряды. Захочет – любого перехитрит и обманет, особенно людей моего характера, в котором как основное качество преобладают доверчивость и вера в человека.

Все они, и некоторые бойцы в том числе, приходили, приветствовали меня и радовались встрече со мной. Я тоже радовался, тепло пожимал руки людям, с которыми провел более полумесяца боевой жизни и с которыми меня разлучила судьба, перебросив в другой батальон.

К вечеру у нас осталось 70 мин, и старший лейтенант, у которого тоже были мины, подходил, кричал, просил, требовал, настаивал, чтобы мы выбросили еще 50 мин, ибо пехота надеется только на нас. Я отвечал, что не могу, что я не хозяин, что у меня мало мин, что ко-

мандир роты не велит стрелять, но он продолжал настаивать вместе с каким-то майором (кажется, замкомбата по политической части). Я тогда не вытерпел и предоставил ему право разговаривать по телефону с командиром роты. Он звонил, звонил, но не дозвонился, ибо в линию были включены и батальон, и полк, и проч., и проч. – каждый кричал и ругался, мешая разговаривать. Бросив трубку, ... ушел, говоря, что меня бы он отправил на передовую, чтобы я почувствовал, каково сейчас стрелкам.

Встретил комсорга полка, которого так долго мечтал повидать. Он обрадовался не менее меня. Ходит, согнувшись, так как шею его обсели чирьи. Я напомнил ему насчет штатной должности комсорга батальона, но он сказал (я этого больше всего опасался), что комсорг 1-го батальона уже назначен, и пожалел вместе со мной об этом. Ведь так я мог ему много больше пользы и помощи принести своим пером, у меня было бы больше времени и возможности для писания. Мы расстались, и он пообещал заходить ко мне почаще.

Парторг полка дал мне анкету для вступления в партию[147]. Мне остается написать заявление и автобиографию[148] (анкету я заполнил, а остальное не мое дело). Я кандидат уже около 10 месяцев. Пора переходить в члены. Я хочу поспешить, пока меня еще не знают здесь, а то позже разругаюсь или поспорю с кем-либо из начальства, и партии не видать мне тогда, как ушей своих без зеркала. Ведь то же и на курсах случилось, где мне предоставлялась со временем возможность для вступления в ВКП(б), но я ругался с Клименко.

Вечером пришел комроты Соколов и лейтенант Запрягайло[149] с НП. Привезли спирт для питья, спички, хлеб, мины. После этого я пошел к своей землянке и начал ее накрывать. Туда засел Артунян и шутил, что будет очень благодарен мне за накрытие землянки для него. Но опять началась стрельба, и я вынужден был взять с собой сумку и идти на позицию.

Стемнело. Привезли ужин. Я поел и, захватив с собой вещи, отправился в свою землянку. Там сидела Рая – еврейка-санитарка, медаленосец. Она была у телефона, который был сверху окопа. Я копаю просторные и удобные окопы и поэтому предполагал, что мой окоп займет кто-либо из лейтенантов или командир роты или же, наконец, его КП. Так оно и получилось, тем более что окоп мой был очень глубок, устлан травой и сеном – мягок, имел ступеньку-скамейку.

Я попросил, чтобы мне очистили землянку, но командир роты сказал, что он не очистит ее. Позже пришел связист. Я сидел вместе с Раей, разговаривал. Вещи свои я тоже перенес туда. Фамилия связиста Першиков. Это большой, пожилой, лет 38–40, человек. Себя он считает мудрецом и командиров ни во что не ставит, держа себя надменно и заносчиво со всеми. Он стал меня выгонять из моей, соб-

ственным потом вырытой землянки. Я выгонял его. Вдруг начали рваться снаряды, и всем троим нам пришлось притаиться в землянке. Потом он (связист) ушел, ибо втроем было тесно и опасно – вся земля вздрагивала вокруг, и стенки землянки, дрожа, ссыпались на лицо, за ворот и на голову.

Я накинул шинель и, содрогаясь при новом полете снаряда и грохаными его о землю, пригинался ко дну окопа. Рая тоже. Она, как и я, не сильно боялась, и до сердца ее боязнь доходила только в момент взрыва. Долго так падали снаряды – то справа, то слева, то сзади, то спереди, и казалось, сам ад низвергал их, чтобы попугать нас или ранить со злости. О смерти я не думал и только опасался ранения. Прятал руки и голову – самое необходимое в жизни.

Снаряды грохали уже на правом фланге, где помещалась наша рота. Оттуда как угорелые помчались налево вдоль посадки люди, и я не мог добиться ответа – чьи они и откуда.

Но вот наступило затишье. Люди возвращались, и среди них я узнал командира роты и лейтенанта Зачапайло или Запрягайло, как его зовут там. Старший лейтенант и его шатия от всей души смеялись над трусостью наших бойцов и командиров, и те обиженно огрызались им в ответ.

Они вернулись на позиции. В это время подошел связист и начал снова выгонять меня, угрожая применить силу и вышвырнуть (!) меня из моей (!) землянки. Я, наоборот, настаивал, чтобы они убрались. Связист ругался и угрожал. Рая ушла, и я лег в окопе, подостлав под себя палатку. Из-под головы вырвался маленький белый кролик и заметался по землянке. Это был мой старый друг, которого я ласки ради брал к себе уже три ночи подряд на ночлег, но всегда он уходил от меня, хотя жил возле моего места жительства. Я взял кролика и так лежал. Связист долго ругался. Потом, заявив, что он меня не считает за командира, потому что я не в его батальоне, и как бойца он меня вышвырнет из окопа. Я возмущался поведением этого зарвавшегося сержанта-связиста и требовал от старшего лейтенанта призвать его к порядку, но ничего не помогало. Тот прямо по мне пошел к телефону и остановился, поставив ногу на грудь. Я вышел из землянки, вырвавшись из-под него и, дрожа от возмущения, обещал ему рассчитаться с ним на следующий день. Он отвечал «пожалуйста» и победно усмехался улыбкой скотины.

Не успел я вынести вещи свои и кроля, как ко мне прибежали два бойца, испуганно провозглашая: «Товарищ лейтенант, во время обстрела у нас двоих ранило и двоих убило». Я бросил вещи, бросил кроля и побежал к своим.

В окопе против миномета лежал, тяжело стеная, вновь назначенный мною командир расчета Матросов (из первого врученного мне

миномета). Он был тяжело ранен. В другом месте был ранен в руку Крюков-боец. Это все из моего взвода. Крюкова я не знал почти, но Матросова уважал за его бесстрашие и хладнокровие при артобстрелах наших позиций, а еще за его изумительно интересные сказки, которые он нам рассказывал по вечерам. Он знал их бессчетное количество, и каждая была длинней и интересней предыдущей. Я побежал в санчасть, что была впереди нас справа в посадке, мысленно радуясь случаю уйти из этого ада. Снаряды начали вновь рваться и грохотать на земле и в воздухе, и это мучительно действовало на нервы, заставляя невольно трепетать видавшее уже виды сердце мое.

Дорогой я встретил два трупа бойцов со взвода Канаткалиева. Они были убиты во время рытья могил для стрелков, которых направили на край посадки для погребения. Там же были ранены и мои. В санчасти батальона заправляла медсестра Маруся со 2-го батальона. Она сказала, что не может их (бойцов) перевязать, ибо осталась одна на всю санчасть с четырьмя ранеными. Я побаивался проходить через это страшное место, куда и сейчас обрушивались снаряды, и где произошла эта трагедия, стоившая человеческих жизней.

Пришли подводы за ранеными. Старший лейтенант уже был тоже здесь и тоже боялся выходить отсюда, сидел в окопе с ранеными. Я решился и, переборов страх, бросился мобилизовывать ребят, чтобы сами перевязали и подготовили раненых. В нескольких шагах ухнул огромный снарядище, и осколки со звериным визгом посыпались кругом. Я вовремя упал в канаву, и чудом ни один осколок не зацепил меня. Побежал. В окопах было полное безмолвие. Командир роты лейтенант Запрягайло и все бойцы позарывались в щели и ждали смерти с минуты на минуту. Еще несколько снарядов завыло исступленно в воздухе и грохнулось об землю. Я бросился в щель, и когда наступило затишье кратковременное, стал подымать ребят. Рая бесстрашно перевязывала раненого, и мне жаль было, что никто не видит ее бесстрашия. Она заслуживала еще одной награды.

С трудом удалось заставить двух бойцов помочь погрузить раненых на подводу, которая уже подъехала сюда. Кучер торопил – боялся, бойцы ежились от страха и холода (в этот день дул холодный, как и сегодня, зимний ветер) и метались вокруг раненого Матросова, у которого все тело болело, и не было места, за которое можно было взяться. Я взял его за руку, остальные двое тоже, невзирая на крик человека, ухватили его и с трудом погрузили на подводу. Не успела подвода отъехать, а люди спрятаться, как вновь заурчали в воздухе снаряды. И так всю ночь: они вздымали землю, и та дрожала, как обезумевшая, в душевной лихорадке.

Половину ночи я сидел с ребятами и подбадривал их в моменты обстрела. Потом, когда ребята успокоились, меня позвал Канаткалиев в

свой окоп, и мы всю ночь пролежали, согнувшись от тесноты и вздрагивая при каждом новом разрыве снаряда.

Наутро противник бросил еще несколько снарядов и больше не стреляет пока до настоящего времени. Когда я вышел из землянки, то нашел кругом такую массу колоссальных воронок от снарядов и следы разрушений окопов, что и представить себе трудно.

У Канаткалиева пропал без вести боец, и я пошел смотреть его среди убитых. Подошел, вижу – три трупа. Присмотрелся – тот самый телефонист, что свинствовал со мной, лежит мертвый. Я изумился, но решил, что мне показалось. Потом рассказывают лейтенант и бойцы, что во 2-й минометной роте ранена санитарка и убито два человека. Дальше Артунян приходит и говорит: «Ты счастливый человек. Тот окоп, где ты хотел остаться, – разворочен весь снарядом, а связист убит, и Рая контужена тяжело». Пошел, посмотрел. Действительно, от окопа, что был почти в мой рост, теперь ямка только осталась. Земля вокруг того места изрешечена и продырявлена глубоко массой осколков. Деревья вокруг срублены по корень, котелки, фляги растерзаны в куски железа. Так я и не успел написать рапорт на этого человека – судьба сама разделалась с ним. А может, он специально подослан судьбой в жертву, во имя моего сохранения?

Но я должен жить, и живу наперекор всему и даже смерти, ибо с моей смертью умрет свет, и книга не будет написана мною. Я должен быть великим человеком. Без этого мне нельзя умирать. Старший лейтенант тоже говорил, что мне следует благодарить его за свое спасение и вообще за то, что он приказал меня вышвырнуть из окопа.

Сейчас холодно, паршиво. Закрылись палаткой и сидим с Канаткалиевым в своей тесной земляночке. Хочу написать еще автобиографию и заявление в партию.

Мелитополь[150], говорят, взят, но газет не имеем, и не знаю пока, точно ли это.

13.10.1943

13 октября или черт его знает какое число.

Два дня и днем и ночью ходили. Вышли позавчера вечером, шли всю ночь. В одной из деревень отдохнули в посадке шесть часов и снова весь день и всю ночь ходу, не евши, не пивши. Лошади падали в дороге, а люди шли и шли. Какие мы все-таки выносливые! Покрыли 50 километров. Шли на юг, к Мелитополю. Но и сейчас мы находимся, по словам жителей, километров 18–20 от него[151].

Еще за день до нашего ухода со старых позиций летели гуси, и все почувствовали приближение зимы, потом пошел дождь, и ветер, наступая, стал разгонять тучи, но ветер – зимний, холодный, северный, и пыль от него невозможная. Вот уже третий или четвертый день не

прекращается холодное дыхание северного ветра. Было еще темно сегодня, когда мы сюда пришли, окопались, но снова поступило распоряжение уходить на новые места, где окапываться. Мне особенно было жаль уходить, ибо там был глубокий окоп, где я разместился, а на новом месте предстояло зарываться в землю.

Люди тоже были недовольны: все запылены от ветра и черные от пыли, уставшие от ходьбы и полуторасуточной бессонницы. Несчастные пехотинцы и я, в том числе, их командир. До сих пор в голове проносятся картины движения ночью. Острая боль в ногах, резь в глазах, воспаленных от ветра, бурные выделения из носа и жар болезненный возле ноздрей, холод в оперированном в госпитале большом пальце правой руки.

Движемся, движемся без привала, изнывая от голода и усталости, бессонницы и от желания пить.

Ночь темная. Ветер холодный, но холода не чувствуешь – один палец мерзнет в ходьбе. Мимо нас, то обгоняя колонну, то навстречу ей, то и дело шныряют машины, создавая невероятную пыль. Пыль эта лезет в глаза, накапливаясь там и, разрезая зрачки, лезет в ноздри, и становится тяжело дышать, лезет в легкие, оседая там тяжело.

Движемся, движемся. Ног не чувствую – одно шевеление колонны и ощущение, что ноги мои производят движение сами, а я вроде и не властен над ними. Движемся. Шевелятся колеса повозок, люди движутся – те, что вблизи меня, а чуть подальше, кажется, что стоят без движения – темно. Привал? На минутку мелькает радостная мысль, но нет. Расстояние не уменьшается между передними и нами. Значит, идут впереди.

Движемся, движемся. Чувствую только тяжесть в ногах и голове. Чувствую одну боль в теле, и мысли бегут и бегут, не успевая ухватиться одна за другую. Лягу – мелькает в голове, но тотчас же отбрасываю эту мысль – ведь я командир взвода. От бойцов требую, чтоб не отставали, а сам отстану. И кто ж тогда будет взводом руководить? Иду, иду, еле шевеля ногами, проклиная все на свете, весь проникаясь жалостью к себе и бойцам-страдальцам. Начинают болеть лопатки в ногах (ляжки, как их называют здесь).

Ветер теребит плащ-палатку, оставшуюся у меня после Матросова. Пыль заедает глаза и, кажется, нет пощады ко мне со стороны судьбы. Хочется чего-нибудь хорошего, облегчающего боль мою, и я начинаю думать, что все-таки я дойду, боль пройдет после отдыха, и я снова буду бодр и весел. Но эта мысль долго не держится в голове, и на ее место приходит старая: о привале, отдыхе, привале как можно быстрее, сейчас, вот в это мгновение. Опять хочется лечь, упасть даже посреди дороги и уснуть непробудным, тяжелым сном. Но ведь я не один, – появляется мысль. Ведь 14 бойцов моих идут рядом и тянут

ноги, не думая так, как я. А я должен быть стойче их, бойцов моих. И снова я иду, забыв о боли и усталости.

Двое бойцов заболело – их надо поместить на подводу. Сажаю их – лишь бы не отстали. Проверяю людей: все идут, только одного нет – Карлова. Беспокоюсь, переживаю, и остальные мысли покидают меня на время. Но он нашелся. Ко мне возвращается спокойствие и мысли, касающиеся самого меня.

Но вот привал. Я падаю прямо на дороге, закутываюсь в палатку и командую ложиться ребятам. Те долго не заставляют себя просить, укладываются вокруг меня. Кое-кто ложится мне на ноги, кое-кто на плечо – но мне не больно, а даже тепло и радостно, что и у меня есть свои «орлы», способные любую задачу выполнить.

1-й расчет, где командиром сержант Лопатин (парторг роты), самый старый и обученный, но менее послушный остальных. 2-й расчет менее обучен, но послушнее. 3-й расчет – новички все, но самые исполнительные люди, хотя все старички. Командиры расчетов: Лопатин, Бирюков, Засыпко.

Бирюков – молодой парень, знающий наводку, но ленивый и не заботящийся о своих людях, больше думающий о сне. Я его думаю заменить Слетой, если мне только удастся выхлопотать забрать его у командира 1-го взвода лейтенанта Савостина.

Дорогой я встретил младшего лейтенанта Бакандыкова (комсорга полка) и долго шел вместе с ним, разговаривал. Поделился с ним остатком воды, что была у меня во фляге. Он назначил меня членом комсомольского бюро полка и просил помочь в выпуске газеты, посвященной комсомолу. Вообще – он свой, хороший парень. Он получил полевую сумку (но я не получил), говорит, одним командирам рот давали. Узнал у него маршрут следования: мы должны были пройти села Дачное, Южное и остановиться у села...

Дорогой напоролся на комбата Бондовского, что был у нас на курсах командиром роты.

– Почему отстали? – набросился он на меня.

Я молчал. Он опять задал вопрос. Я не узнавал его и решил, что это какой-нибудь комроты спрашивает. Опять спросил. Я посмотрел в лицо прямо и увидел черное, заросшее и грязное лицо небольшого человека, спрашивающего из-под пилотки с таким строгим, начальствующим видом.

– Я не отстал, – с досадой ответил я, надеясь, что он отвяжется.

– А что ж вы?

– Я людей собираю.

– А почему не отвечали? Вы кто?

– Я – командир взвода.

– Командир взвода, командир взвода, – заговорил он недовольно, – подумаешь, командир взвода! – и ушел.

Я спросил у Запрягайло, кто он, и только тогда узнал, что разговаривал с комбатом Бондовским.

Сейчас мы недалеко от фронта. Люди усиленно болтают, что Мелитополь взят наполовину. Слышен непрерывный грохот орудий и «Катюш», взрывы бомб там усиленно колотятся. Говорят, наши продвинулись, а мы здесь бездельничаем. Сегодня или завтра, по всем видам, уйдем на переднюю линию – нас взяли, очевидно, для прорыва под Мелитополем. Но все это только лишь предположения, точно ничего сказать нельзя.

17.10.1943

Кажется, семнадцатое число.

Вчера произошел один из случаев жизни моей, откуда вышел живым я каким-то чудом.

Красные чернила кончились, и мне остается разводить карандаш химический зеленого цвета, а пока просто этим карандашом писать и, несмотря на то что идет сейчас сильный дождь, чистой воды негде достать. Остаток чернил я накапал из бутылочки на тетрадь и всосал в ручку.

Сижу в окопе, вырытом для меня бойцами, ибо сам я копать не мог – рука болела ужасно после вчерашнего, о котором расскажу особо. Окоп свой накрыл плащ-палаткой, но она дырява, и вдобавок на ней оказалась земля сверху, и крупные капли воды падают сверху. Поэтому я еще на голову набросил шинель и, согнувшись в три погибели, взялся за ручку. Фрицы тоже из-за дождя, очевидно, не стреляют сейчас из орудий, и на душе как-то легче.

Наши артиллеристы все-таки колотят в сторону противника, а дождь все идет и идет неумолимо.

[18 – ?].10.1943

n число.

Мы сидим клином на немецкой обороне. Только вчера днем мы находились на сравнительно неопасном участке (немцы не могли нас отрезать и окружить) в шести-семи километрах от Мелитополя, южнее его. Теперь мы в 12 километрах от города.

На прежнем месте стояния мы чувствовали себя гораздо тверже и увереннее, хотя от снарядов спасения не было. А здесь мы находимся в весьма неприятной игре, очень опасной – чуть-чуть ошибочно поведут высшие командные чины, и вся затея наша лопнет и уведет в пропасть (к гибели) всех находящихся здесь людей (а их столько, что и не счесть).

На вчерашней позиции снаряды безудержно носились и рвались около нас и так близко, что при одном свисте пролетающих снарядов мы гнулись, вздрагивали и ожидали смерти или ранения.

Характерный случай произошел со мной (больше ни с кем опасней случаев не было за последнее время). Не буду вдаваться в подробности. Судьба и на этот раз оказалась со мной и за меня. Когда я лег в окоп отдохнуть – начали рваться снаряды. Я взял в окоп с собой кочан от капусты и принялся его чистить. Вдруг разорвался снаряд. Так близко, что оглушил меня. Окоп завалило, меня присыпало землей и, наконец, что-то больно стукнуло меня по руке, по подбородку, по губе, по брови. Я сразу решил, что тяжело ранен, ибо рукой пошевелить не мог, а по лицу побежали три струйки крови. Несколько минут не мог встать. В голове шумело, и впечатление от всего произошедшего не вылетало из головы. Наконец, я решил пойти сделать перевязку. Когда я вышел, все воскликнули: «Жив?!», и потом: «Ранен!» Я посмотрел на воронку и изумился – снаряд упал как раз на краю окопа у моих ног. Стенку развалило, но ног не зацепил ни один осколочек, а в лицо угодили. Не контузило меня именно благодаря тому, что снаряд упал перелетом, и вся его сила была направлена в сторону от меня. Лицо мое находилось от разрыва на расстоянии моего роста, плюс стенка окопа. Оглянулся я на ящики с минами, что лежали впереди окопа (если считать с нашей стороны, с тыла нашего) – они все были истерзаны осколками. Я чудом – опять чудом – уцелел. А когда я осмотрелся в зеркало, то к радости великой убедился, что только поцарапан небольшим осколочком. Он пролетел, очевидно, один, зацепив лицо в трех местах и, оставшись, кажется, в последнем – в брови. Но он не тревожит меня. А руку только больно ударил плашмя осколок побольше, ибо даже отверстия раны не было, хотя кровь все-таки пошла. Так я отделался и на этот раз.

После этого случая взял двух бойцов и отрыл окоп почти в рост человеческий, накрыл его и расширил. Было замечательно, но ночью надо было выбираться из него, бросать.

Здесь я тоже сам вырыл глубокий и уютный окоп, просторный очень, настелил травы наземь и накрыл и засыпал землей сверху. Сейчас ночь, и я пишу в своем окопе при свете двух свечей.

Пули на поверхности свистят, хотя мы в лощине. Так неприятно, что аж сердце щиплет. Это первое неудобство здесь (на предыдущей позиции пули не свистели). Снаряды, а иногда и бомбы с самолетов бухают по селу и некоторые недолетом падают близко от нас.

Но пока у нас, кроме легкого пулевого ранения у одного бойца, ничего еще не случилось. Клин, этот клин, которым мы врезались, беспокоит меня. Бойцы у меня неплохие, но с дисциплинкой у них

неважно и заботы обо мне нет. Так, оставляют часто без завтрака, ужина, а вчера чуть не остался я на позиции – не предупредили. Если б не лейтенант Запрягайло, сообщивший мне об уходе со старых позиций. На зов мой не отзываются и редко приходят, пока сам не подойдешь и не пожуришь их за это.

Писем не писал все время со дня ухода от позиций, где мы воевали все время нашей дивизией и полком. Не получаю тоже.

Спать хочется, завтра писать буду.

Да, Пятихатки[152], говорят, заняты, и большие трофеи и пленные взяты[153].

20.10.1943

Двадцатое, кажется.

Сутки прошли спокойно. Только сегодня противник немного обстрелял нас из шестиствольных минометов, но свои угостили.

Сегодня началось новое наступление, поддержанное дружной работой минометов, артиллерии, танков, «Катюш» и авиации. Радостью было нам, когда авиация, тучей проносясь над нашими головами, бомбила логово врага.

Но вдруг у самых позиций просвистели несколько бомб. Какой-то летчик-дурак (на самолете были красные звездочки, и летел он вместе с другими нашими бомбардировщиками бомбить неприятеля), не осмотревшись как следует, бросил по своим одну за другой несколько бомб. Все вздрогнуло, из земли поднялся столб пыли, земли и дыма. Стена моей землянки задрожала и осыпалась. Бомба упала как раз в болото, что в 15 шагах от наших позиций. Добро еще у нас никого не повредило, но среди других наших соседей, очевидно, есть жертвы, ибо люди ходили повсюду, не скрываясь от авиации и радуясь ей, краснозвездной стае соколов советских.

Только что пришел командир роты – лейтенант Соколов – и повернул стволы минометов совсем в другую сторону. Там, куда вели мы огонь раньше, противника уже не было.

Только что пошли вперед наши танки. Пехота наступает. Всюду разрывы снарядов. Мы вели огонь, но сейчас пока не ведем – не ударить бы по своим. Артиллерия замолкла и дым, устлавший от глаз всю землю, рассеивается. Пехота пошла в атаку. Авиации гул не прекращается. Она у нас хорошо работает сегодня, если б не этот нерадивец-летчик, сбросивший бомбы на нас.

Савостин много из себя ставит и сегодня даже позволил себе сказать: «Я приказываю сделать то-то и то-то». Но я сказал, что и слушать его не хочу. Но когда вели огонь, я уступил ему, пусть командует! В бою важно единоначалие.

Соколов и Запрягайло со 2-м взводом в другом месте – здесь нельзя было всем минометам расположиться. Противник всю территорию обстреливает и невозможно найти на всем нашем участке живого места, свободного от воронок. Я даже удивляюсь, как он, немец, не обнаружил нас здесь. Нам помогает село, все мины и снаряды летят в село, что метрах в ста сзади нас расположено. Только отдельные недолеты и случайные мины и снаряды падают близко – в 40–50 метрах, а то и совсем рядом (в пяти–десяти метрах) от позиций наших.

Вот и сейчас дружно воют и рвутся с визгом мины шестиствольных минометов врага совсем близко, и стенки землянки дрожат каждый раз и осыпаются.

Сейчас я написал пять писем: маме, родным в Магнитогорск, папе, тете Ане, дяде Люсе.

Я нахожусь в своей землянке, которую самостоятельно вырыл и оборудовал. С некоторого времени мне удается доставать доски и палки на перекрытия, и я, хотя везде мы стоим не более двух-трех суток, стал рыть окопы поглубже и просторнее. А затем накрывать сверху. Дверцы наверху моей землянки очень узкие, и я вообще вылажу только когда требуют общественные и военные интересы. А так сижу больше здесь, совсем раздетый – без шинели – здесь не холодно.

Вши тоже замучили меня. Их такая масса, и все они такие мелкие, что хотя я и делаю каждый день ревизию у себя в белье, уничтожая их тысячами, на другой день их опять много, и опять они грызут мое тело. Глисты тоже мелкие, но из-за них я вынужден потреблять много пищи, но всегда быть голодным – они пожирают мою пищу в желудке, эти маленькие беленькие червячки. Выводил я их чесноком и луком, но и от сладостей и овощей не отказывался и не вывел.

Землянка у меня мягкая – я много настелил сюда травы, сделал в стенке нишу для свечей и за вчерашнюю ночь пожег пять немецких восковых лампочек-коробочек. Осталась одна. Теперь читать ночью не придется.

У ног в углу я сделал вроде уборной – ямку. И ночью, чтобы не выходить под пули (снарядов не так много бывает), оправляюсь туда по небольшим делам, а также выбрасываю туда всякий мусор.

Известий сегодня не знаю, но, говорят, взяли Пятихатки – большие трофеи и пленные. Почитаю сам, тогда буду судить об этом.

Во взводе у меня 14 человек. Помкомвзвода у меня малограмотный, кажется, четыре класса окончил. Но все это не мешает ему быть командиром. Он сержант, очевидно не впервые помкомвзвода и чувствует себя среди начальства и подчиненных твердо. На мой зов редко откликается, даже часто отмахивается рукой, будто не слышит. Приходится долго кричать, пока он приходит. На подчиненных крепко кричит, те его слушают, и расчет его лучший во взводе. Он вос-

питанник командира роты. Тот его сделал минометчиком, присвоил звание и всегда с восторгом отзывается о нем. Лопатин 2-медаленосец («За отвагу» и «За труд[овую] добл[есть]»[154]) – и все он получил от Соколова. Так он исполнительный, только если б являлся своевременно, когда его зовут.

Вообще, все здесь разбалованны и недисциплинированны. И бойцы, и командиры. Во всей роте и также поступают, когда зовет их командир.

Махов окончил вуз, но боец. Человек крайне противный, дурноватый и нахальный. Он высоко о себе думает и дерзит. Сегодня, когда я стал требовать свой хлеб (он оказался у Махова), тот сказал, что не знал, чей это хлеб и отломал корочку, съев ее. Когда же он показал порцию – там было не более половины хлеба. Я отказался взять хлеб, тогда он вынул другую половину хлеба и отдал.

Таковы бойцы некоторые. Трудно с Маховым, но есть еще Карлов. Тот совсем безразлично относится ко всему и, несмотря на свой возраст, крайне неповоротлив (он 1925 года). Минометное дело никак не прививается ему, хотя он окончил четыре класса – и такое образование редкость в моем взводе. Все два–три класса, один только – вуз, Бирюков – девять классов.

Любит, зато, Карлов погулять, «полазить» по деревне в поисках продуктов и еще черт знает чего, поэтому часто и отстает в походах. В стрелки его тоже жалко отправлять, но и у себя держать не хочется.

Бирюков сварлив и неопытен командовать расчетом, да и ленив вдобавок, а так – парень молодой (24 года) и грамотный.

Обо мне все мало думают и о товарищах своих, и часто оставляли меня без пищи, а один раз, вчера, чуть было не оставили одного при смене ротой позиций – при переходе сюда. Все, зато, страстно думают о пище для себя и заняты вообще своими всецело личными интересами. Другие хоть бы все погибли – каждого не касается. Что за люди теперь на свете?

Засыпко призван, как и весь его расчет в этом месяце, но дружбы между ними больше и общественной заинтересованности. Весь расчет его из старичков состоит. Уважения у них много больше ко мне и ко всем командирам, чем у старых вояк. Я люблю этот расчет, хотя он новый и неопытный и с грамотностью очень плохо у них дело (больше трех классов нет).

Позже. Все. Противник отогнан. Клин расширился невообразимо. Дали «Катюши». Один танк наш загорелся. Видел их экипаж. Он цел. Снаряды от вражеских танков катятся по земле и рикошетят. А больше ничего уже не летает – ни пуль, ни снарядов – так далеко угнан враг. Вперед движется пехота и проч. Сейчас и нам уходить.

26.10.1943 Игра судьбы.

Мелитопольский плацдарм.

Позавчера фрицев прогнали с прежнего участка обороны. Выгнали танками, минометами, «Катюшей», пушками, авиацией, наконец.

30.10.1943 или 1.11.1943

Сколько событий и случаев произошло в жизни моей со дня моей последней записи!

Сейчас вечер. Почти совсем темно. Солнце давно село. Мы подошли к озеру Сиваш или, как его иначе называют, Гнилое море. Оно является заливом Азовского моря.

Здесь заняли мы оборону. Пока, очевидно, до завтра. Ведь это первый раз мы сможем отдохнуть и поспать более двух часов. Последний раз, где я хотел описать «игру судьбы» – еще два случая, чуть не ставшие роковыми для моей жизни, я был у села Акимовка, на северо-восточной окраине его. Опытная станция где размещалась[155]. Оттуда и начался наш безостановочный путь до самого Сиваш-озера. Акимовка, Петровка, Сиваш – крупные села, которые мы прошли за это время.

Продвигались с боями. Снаряды рвались вокруг да около, скрывая в себе коварный рок смертельный. Многих ранило, многих убило – особенно пехота потеряла. Сейчас фактически у нас пехоты нет. Остались в батальоне минометчики, пулеметчики, санчасть, и прочие «тыловики» по-пехотински.

Мои родные Днепропетровск и Днепродзержинск освободили мои доблестные собратья по оружию от немцев[156]. Об этом я узнал еще вчера или, кажется, позавчера из газет, которые я держу у себя.

От папы получил два письма.

Полтора суток блудил, отстав от своих – обо всем подробней в свободное время. Сейчас уже совсем темно, и я не вижу букв своего письма.

02.11.1943

Партсобрание полка. Командир полка полковник Паравишников[157], его зам. по политчасти капитан Чертовской, агитатор полка капитан [Андреев].

4 или 5.11.1943

Чехово[158]. Ночью подошли сюда, сделав 25 километров. Это расстояние впервые покрыли быстро и незаметно. До Днепра отсюда километров 70.

Крым отрезан. Позавчера ночью нашу колонну бомбили фрицы. Бомбы попали в центр 2-го батальона. Пострадали и минометчики.

Ранен был капитан – дважды орденоносец Хлыстов, ранены были младший лейтенант Герасимов, с которым я вместе учился, лейтенант Киримов и младший лейтенант Колесник. У моего бойца Пластуна убило брата.

Старшего лейтенанта со 2-й минроты сняли и хотят отдать под суд, ибо он растерял матчасти минометов. Хуруленко[159] назначен на его место.

Игра судьбы, о которой мне хотелось рассказать, трижды касалась моей жизни за это время. Первый раз – когда снаряд, прорвав стенку моего окопа, целиком улетел прочь и разорвался лишь на верху балочки, где мы стояли. Я тогда глубоко врылся в землю по длине, и это обстоятельство спасло меня.

В другой раз меня постигло еще более опасное происшествие, оставившее неизгладимое впечатление на всю мою жизнь.

Возле опытной станции села Акимовка, в лесопосадке, что перед станцией, заняли мы оборону. Вскоре туда подошли санитары 2-го батальона и расположились в окопах (одиночных и глубиной в три штыка). Среди них была и Марийка, та самая Мария Федорова[160], с которой я не раз беседовал, будучи во 2-м батальоне, и которая так часто веселила наших минометчиков своей болтовней и смехом. Некрасивая и чуть горбоносая, но симпатичная астраханка, она была незаменимым гостем нашей минбатареи.

Теперь я вновь увиделся с ней и долго с интересом разговаривал. Мы сидели в одном окопе. Она показывала мне свой пистолет ТТ[161] и просила поставить на предохранитель его. Потом ребята из моего взвода принесли мне соленых огурцов с перцем, и я угостил ими Марию. Мы кушали их с хлебом, и она наслаждалась вкусом украинских соленых огурцов. Кругом рвались, ухали и гудели снаряды, поднимая то близко, то чуть подальше густой серый дым разрывов. Мария, обычно совсем не боязливая и решительная, была сейчас уныла и растеряна. Она впервые стала говорить о смерти и еще о многом страшном и тоскливом: «Я чувствую, что нам всем не жить здесь сегодня... Здесь такой ужас И зачем только я сюда пришла ... Я могла остаться там, в санбате... Знаешь, я так боюсь одна... Я не выдержу сама сидеть в окопе». Я обещал, что вырою окоп на двоих и успокаивал ее как мог. Потом снаряды стали пролетать над самой головой рикошетом с таким ужасным шипом, что, казалось, что они специально издеваются над человеческим сердцем и нервами.

Вдвоем было нельзя сидеть в одиночном окопе – было опасно от осколков и даже от пуль, которые трещали над самым ухом – разрывные. Я решил перейти в другой окоп, что был рядом. Окоп был помельче немного того, в котором была Мария, и находился в одном метре справа от нее. Только перешел в окоп – новый заурчал сна-

ряд, зашипел неистово и с остервенением ударил в землю. Я упал навзничь в окопе и, почувствовав страшный удар вдруг в уши, в голову. На минуту я не мог прийти в себя от всего произошедшего, а когда опомнился, понял, что все это сделал снаряд. Пилотки у меня на голове не оказалось, с носа брызнула кровь, и до одури заболело в висках. Сбросив с себя землю, засыпавшую меня, я встал и стал звать Марию. Но она не отзывалась. Было уже темно, и я решил, что ее засыпало в окопе. Когда на мой зов пришли санитары, они обнаружили одно месиво на месте Марии и ее окопа. Снаряд, пролетев на поверхности земли метров шесть и сделав в земле длинную канаву, упал и разорвался в окопе Маруси. Понятно, что от нее осталось одно воспоминание.

У самой моей головы, оставив небольшой лишь слоек земли между мною и своим движением, промчал снаряд. Канава, оставленная им, служила ярким свидетельством опасности, которая могла мне угрожать, сверни снаряд буквально на несколько сантиметров ближе ко мне.

Пилотки я так и не нашел. Лишь наутро я обнаружил ее метрах в трех от спасительного окопа, в котором я находился. Марию наутро раскопали, расковыряли. Нашли одну ногу, почки и больше ничего. Да пистолет ТТ нашли санитары еще. Марию зарыли и оставили в земле безо всякого следа и памяти. Я приказал своим бойцам сделать Т-образную табличку и, надписав на ней маленький некролог в память Марии, установил его на ее могилке. Так закончила свой жизненный путь Мария Федорова, 1919 года рождения, астраханка, медаленосец и кандидат в ВКП(б), старшина медицинской службы. Недавно, в дни Октября, приказом по полку Мария была посмертно награждена орденом Отечественной войны I степени[162].

На другой день наши войска выбили противника из Акимовки и значительно продвинулись вперед во все стороны света.

Мы двигались ночью за боевыми порядками нашей пехоты. Когда мы вышли из посадки, я вспомнил, что забыл шинель командира роты, которую он мне давал после этого случая с Марией на подстилку спать. Я вернулся за шинелью и мигом взял ее, побежал догонять своих. Я бежал на звук отдаления подвод с полчаса. И когда я добежал до двигавшейся по Акимовке колонны, то оказалось, что это 400-я какая-то дивизия.

Я потерял свою часть. До самого рассвета я метался из конца в конец Акимовки, попал на колонну 547-й, если не ошибаюсь, дивизии. Потом, к рассвету, наткнулся на 347-ю сд. В селе нашел немецкие консервы, массу журналов и листовок на немецком языке, в которых везде фигурировала отвратительная морда вожака немецких разбойников головореза Гитлера, выступающего перед своей шайкой.

Нашел также коробочку, доверху наполненную сливочным маслом, сухари, семечки. Этим я и жил весь день: чтением и остатками немецкой роскоши.

Днем, оторвавшись, наконец, от 347-й дивизии, я наткнулся на 118-ю, соседку нашу. Потом встретил начальника строевой части полка старшего лейтенанта Полушкина[163], и тот мне указал вероятное местонахождение нашей дивизии (он был на коне и тоже искал наш полк). Однако в том месте, куда указал Полушкин, дивизии нашей не оказалось, и я продолжал блудить по полю до самого вечера.

Причем кругом попадались знакомые номера дивизий, но свою я так и не находил. Со 118-й дивизией я вновь встретился уже в полдень. Там встретил Сатарова – бывшего комвзвода своего на курсах. Он замкомбата теперь. Он угостил меня хлебом, и я подкрепился немного. Потом встретил трех офицеров и двух бойцов, прибывших откуда-то из армии с корреспонденцией для нашей дивизии. Они заехали слишком близко на машине к противнику, и их обстреляли из пулеметов. Машина отказала, и пришлось ее покинуть на произвол судьбы до темноты, когда можно было взять ее на буксир.

Вдруг один из офицеров заметил рядом со своей машиной еще одну. Мои новые спутники в один голос решили, что то немецкий танк и галопом пустились бежать к скирдам, как будто могли найти там спасение. Я с сожалением посмотрел на этих трусливых людей и решил пойти проверить страшные догадки моих спутников по несчастью. Кроме ракетницы, у меня ничего не было, и я, зарядив ее ракетой, двинулся навстречу опасности. Мои друзья далеко отошли назад к скирдам соломы и оттуда в страхе наблюдали за мной. Когда я приблизился метров на 15 к машине, я увидел, что там никого не было, и машина стояла одна на виду у противника. Внизу я заметил большое движение по дорогам и улицам большого села с церковью, далеко выделяющейся своей высотой и массивностью. Машины то тут, то там сновали на немецкой стороне, и казалось, что немцы не чувствовали ни близости фронта, ни опасности быть обстрелянными нашей артиллерией.

Высота, на которую я взошел, была свободна от войск воюющих сторон, и обороны нашей здесь близко не было. Обойдя кругом машины и попав под пулеметный обстрел немцев, я возвратился к напуганным хозяевам машины и рассказал им о действительном положении вещей.

Я решил идти вперед и направо, правее другого села с мельницей, что находилось рядом и справа от села с церковью. В этом селе, где выделялась далеко ветряная мельница, оказался 905-й полк. Уже стемнело, когда я вышел из села.

Ночью наткнулся я на минометчиков 905-го полка, где командиром взвода был Замула, мой соученик по курсам. Он сказал, что наши должны находиться правее села с мельницей километров пять (по фронту). Ночью я нашел свой 899-й полк. Попал в батальон. Хуруленко командовал минротой. В 1-м батальоне. Там встретил Герасимова, Киримова (с одним знаком по курсам, с другим – по работе во 2-м батальоне) и Канаткалиева. От них пошел искать село, где должны были находиться наши.

Пошел в указанном направлении. Дул сильный ветер, ночь была темная, и из-за туч виднелось всего несколько звезд. Я выбрал звезду и по ней стал двигаться, но когда я уже прошел порядочный путь, звезды вдруг не стало. Все небо заволокло густыми непроглядными тучами, и стал моросить дождь. Кругом по горизонту пылали пожары, учиненные немцами при отходе, а также затеянные врагами еще во время своего пребывания по эту сторону от подожженных сел.

Трудно было определить, где наши, где противник, и я не находил выхода из своего отчаянного положения. Я и кричал, и свистел во все горло и губы, но ни один человек не отзывался. Я решил рисковать и, зарядив единственное оружие – ракетницу, бросился бежать в одном из выбранных наудачу направлений. Кругом дул ветер, и темень окутала небо и землю, будто издеваясь над моим положением. Я бежал, крича и ругаясь во все горло и взывая ко всему живому. Но лишь ужасающее молчание встречало меня повсюду. Один лишь ветер задорно посвистывал мне вдогонку и, подхватывая мои окрики, уносил их неизвестно куда.

Вдруг, о радость – человек! Свой или чужой – кто его знает, но, наверное, свой. Я стал звать его и что есть силы побежал к нему. Но он вел себя странно и, как будто дразнясь, убегал от меня, не давая приблизиться ни на шаг к себе. Потом я заметил, что он что-то копает. Я обрадовался и стал звать его еще сильнее, но когда он чуть вырос в моих глазах, я с горечью увидел, что он продолжает убегать. Копнет землю и бежит дальше. Еще нагнется, копнет – и опять бежит. Что за чудак? Зачем он убегает и для чего копает землю? Нет, догоню его! – сказал я себе и еще сильнее побежал вдогонку пугливому человеку. Выбежал на дорогу, что как раз вела в направлении убегающего. Он, видимо, бежал дорогой. Бежать мне стало легче, и я догонял его еще стремительнее. Постепенно человек начинал отставать и увеличивался в моих глазах с минуты на минуту. Но бежал он тем же манером, копая землю и пригибаясь для этого и для отдыха. Наконец, он совсем вырос и остановился, покачиваясь из стороны в сторону. Я бежал из последних сил и когда уже стал подбегать совсем близко к остановившемуся человеку, увидел на его месте какой-то шевелящийся предмет – не то столбик, не то бревно. Досадное разочарова-

ние охватило меня при виде отдельных столбиков, вырисовывавшихся среди поля. Никакого человека и вообще ни одной живой души не было поблизости. Разочарованный вконец, я приблизился еще на несколько шагов к очертаниям каких-то разрушенных, на мой взгляд, построек, из которых самое большое было принято мною за человека. И вдруг, о счастье! Я увидел мельницу! Ту самую мельницу, на которую мне указывал Хуруленко и другие товарищи. Еще несколько десятков шагов – и передо мной раскинулось село с его домами, хатами, улицами и садами. Я достиг каким-то неведомым образом желанного места. Теперь оставалось отыскать свой батальон и затем свою роту.

КП 2-го батальона я нашел быстро. Там переночевал. В селе забыл, правда, у дороги великолепный немецкий эсэсовский костюм, найденный еще в начале своего странствования по дивизиям и полкам 28-й армии. Но я о нем не жалел особенно и как счастью был рад отдыху, сну.

Наутро я отправился на розыски своей роты. КП своего 3-го батальона нашел сразу, но роту, как это ни странно, до самого вечера найти не мог. Капитан замкомбат по политчасти, не знал тоже о местонахождении минроты и, ругая меня за то, что отстал, требовал, чтобы я немедленно разыскал ее. Связной от минроты, боец моего взвода Карлов, тоже не знал, где находится рота. Только к вечеру я случайно наткнулся на свою часть.

Соколов не ругался. Он был рад своей шинели, но у меня с повозки пропала вещевая сумка. Там были два полотенца, портянки, носки, наставления и уставы воендела, газеты, чистая бумага, письма, две порции хлеба, масса немецких свечей-лампочек, сушеные фрукты, бритва, мыло, помазок, кружка, котелок с крышкой, ложка, перчатки, фонарик и многое другое, чего и не вспомнишь сразу. Теперь пищу мне получает кто-либо в свой котелок, вытираюсь я носовыми платками (штук шесть пропало с сумкой), оставшимися у меня двумя.

С тех пор я больше не терял своей части и прошел с ней путь до самого Сиваша и от Сиваша досюда.

Ново-Петровка[164] – селение, у которого мы стоим. В километрах семи отсюда село Чехово, которое мы проходили по пути сюда.

Все левобережье Днепра очищено от гитлеровцев, и в их руках только узкий плацдарм остался протяжением по фронту километров в 100 и в глубину километров 30, который и составляет наш участок фронта. Мы стоим против Николаева[165]. Противник здесь весьма сильный. Панцирный полк[166] имеет и проч.

28-я армия ушла на формировку и наша 248-я стрелковая дивизия перешла в 3-ю Гвардейскую армию. Таким образом, мы теперь полугвардейцы. Нам достаточно небольших усилий, и звание гвардейцев обеспечено за нами.

Киев очищен от немцев[167], и, далеко продвинувшись вперед, наши войска овладели в районе Киева городом... Крым отрезан от противника. Наши войска имеют плацдарм в районе Керчи протяжением от десяти и более километров[168].

Читал октябрьский приказ и доклад товарища Сталина[169]. Безумно люблю, когда товарищ Сталин выступает. Все события в ходе войны становятся настолько ясными и обоснованными логически.

Намек, опять, этот тонкий, но дружелюбный намек союзникам насчет Второго фронта[170]. Немцев, оказывается, больше теперь против нас стоит. Чехи молодцы – сдаются в плен и переходят к нам во всеоружии. Об этом, правда, Сталин не сказал, но ирония по отношению к союзничкам Гитлера и к самим гитлеровским головорезам холодная, но жгущая ирония, ни на минуту не сходит с уст вождя, когда он говорит о «пышках и о синяках и шишках», про которые не мечтали орды разбойников, нападая на нашу страну[171].

Сегодня мы в первом эшелоне – 905-й полк поменялся с нами местами. Мы пришли на готовые позиции.

У меня ординарец Глянцев. Он страшно труслив и побоялся, но трудолюбие его не имеет границ. Временами он бывает страшно заботлив обо мне. Теперь, когда один из минометов у меня пробило осколком, – их осталось два, с расчетами. В моем взводе одиннадцать человек. Сержант Лопатин, командир расчета Засыпко, Глянцев и восемь остальных бойцов. Расчет свободно может существовать в составе пяти человек, и Глянцева я взял поэтому себе в ординарцы.

Вчера написал ему письмо домой – он неграмотный. Ходатайствует перед производством об отзыве его из армии как специалиста. Семья у него большая – пять детей: старший – 12 лет, младший – грудной ребенок. Жена работать не может – ребенка кормить и пестовать надо. Так что положение его семьи аховское, тем более что он житель Мариуполя, а в городах с продуктами трудней.

Картошку, фасоль и прочие разности я достал вместе с Кубриным в хуторке, что в 200 метрах от немцев. Его яростно обстреливают из артиллерии и минометов, и Глянцев мой побоялся идти туда. Я журил его, но страх не переборешь, и пошел сам. Он зато варит и носит продукты.

Взяли город Фастов[172] за Киевом. Наши, конечно.

13.11.1943

Перебросили нас на другой участок, левее 905-го и 902-го полков. У нас, кажется, 3-й Украинский фронт, а не Южный, как было раньше. Армия наша ушла на формировку, и нас передали в 3-ю Гвардейскую. Тем лучше. Не люблю бесславных дивизий и армий. Может, и мы вскоре заделаемся гвардейцами – в гвардейской армии это легко.

Теперь мы стали получать только «Кировец» – дивизионную газету. Во вчерашнем номере за двенадцатое число из сводки за одиннадцатое узнал о взятии города Радомышль, железнодорожных станций Тетерев и Чернявка, районных центров Брусилов, Корнин и многих других[173]. Это все в районе Киева.

В Крыму (вчера по радио передали) якобы взята Керчь и 26 тысяч пленных[174]. Это нам сказал наш телефонист Калинин, но я пока еще нигде об этом не читал.

Накатал вчера два письма маме и папе. Получил за три месяца около трех тысяч рублей. 2 тысячи отправил аттестатом папе, 700 рублей на заем отдал, а 47, кажется, за перевод денег уплатил.

Глянцев сейчас варит картошку. У нас в запасе осталось всего семь картофелин. Но есть еще фасоль, горох и лук. Здесь мы нашли готовую землянку и расположились вдвоем, но землянка большая, и в ней холодно.

Большой палец правой руки безбожно мерзнет. Ноги я обвязал бинтом, ибо невозможно переносить боль отмороженных пальцев.

Сегодня все время летает и бомбит авиация наша, очевидно где-то здесь наступают.

Мы опять во второй эшелон попали, очевидно нас перебросили для поддержки наступления. Немцев здесь сила страшная, и они упорны, как бараны, ничем и никак их не выбьешь, не погонишь. Это единственный участок их на левобережье Днепра, и они стремятся его удержать любыми средствами.

В Германии, в вассальных и союзных странах зреет недовольство.

18.11.1943

18 ноября или 19 ноября, точно не знаю.

Вслед за Житомиром, Фастовом и рядом других городов – сегодня узнал – пала Речица[175] и еще какой-то город.

Позавчера прорабатывал с ротой доклад товарища Сталина и приказ за № 309[176]. Приказ 227[177], что еще до подхода врага к Сталинграду был издан, позавчера опять прочитывал в роте по заданию замкомбата по политчасти.

Разбил роту на две части, ибо целиком ее нельзя было собрать в окопах, а на поверхность выходить весьма рискованно – стреляет и наблюдает враг.

Вчера обмундировывался. Выдали всем офицерам английскую форму[178]. Устроили баню и дезкамеру. Так что совсем освежился я и ожил духовно за вчерашний день. До этого весь день перечитывал дневники.

Ночью командир роты поставил задачу. Наш фронт собирается наступать. Одновременно все части 3-го Украинского фронта (так,

кажется, наш участок называется) штурмуют вражескую оборону. Сначала огневой артминподготовкой, а затем атакой пехоты, танков и проч. От 28-й армии мы окончательно отбились и распрощались с нею. Теперь и газета у нас армейская – не «Красное Знамя», а гвардейская – «Боевой товарищ».

С письмами только плохо. Нам сказали, что в течение десяти дней в связи с переменой армии писем получать не будем. Плохо стало и с получением газет – бывают дни, когда мы их вовсе не получаем.

Сегодня, очевидно, наступать не будем, ибо уже день клонится к концу, и ни одна из противных сторон – ни мы, ни немцы – не проявляют особой активности. Происходит лишь редкая артпулеметно-ружейная перестрелка.

Мы стреляли сегодня впервые на этой позиции (впереди села Ново-Петровка, в посадке). Очевидно, командир роты хотел подавить НП, что на скирде в центре большой высоты, занимаемой немцами. На позиции я один. Соколов и Савостин на НП. А Запрягайло так же, как и я, в совершенно другом месте с тремя минометами находится. Ночью, по получению задачи, вблизи пехотных окопов отрыл для своих минометов три стола и ячейки к ним – запасную позицию (для продвижения вслед за наступающей пехотой в момент прорыва обороны противника). Наша задача взять Чапаево, затем Шевченко[179], затем овладеть высотой за номером, название которой позабыл, и оседлать грейдер[180]. Когда наступать будем – неизвестно, но ясно, что этими днями – сегодня ли, завтра ли, но быть в готовности необходимо.

Получили водку, консервы – перед важной операцией всегда так. И бойцы догадываются, что что-то будет. Немцы, впрочем, тоже догадываются и очень тревожны. Ночью нервничали, как обычно, но стреляли меньше, а днем почти не стреляли из орудий – по-видимому, берегут снаряды. Стреляют с интервалами один-два часа, что впервые, особенно на этом участке, где они не прекращали обычно обстрел более чем на 20 минут.

Писем я не писал уже дней семь. Отпала охота писать, когда не получаешь ответов. С пищей – превосходно. Я себе заимел ординарца, которому отдаю свой табак, спички, которого снабжаю газетами и прочим, о котором забочусь, но который в то же время проявляет известную заботу и обо мне – готовит и достает продукты, хлеб. Кухня же наша нередко питает нас водичкой, похожей на помои и абсолютно несытной пищей. Хотя картошка и еще кое-что валяется под ногами, на огородах и в сараях, всеми покинутых.

Немец забил из «Ванюши»[181]. Вот оно! Задрожала земля. Кругом разрывы, но сюда еще не попадает. Да и ну его! Что суждено, то и будет! Не стану же я из-за этого бросать пера, что немцу жить тошно

стало и он нервничает, стреляет, совершая то здесь, то там огневые налеты на нас.

Сейчас примусь за письма. Некоторые этнографические[182] данные из своей жизни хочу написать для агитатора полка капитана Андреева и замкомполка по политчасти капитана Чертовского, обещающих дать мне рекомендации для вступления в члены ВКП(б), имея под руками эти сведения.

Огневой налет прекратился. Только одиночные выстрелы из орудий кое-где грохочут неохотно, часто не разрываясь снарядами на нашей земле. Изредка отвечаем и мы. Так в большинстве и тянутся дни на обороне, последние два дня...

Сапоги мои тесны, а валенок не выдали. Брюк теплых тоже нет. Тельники[183] обещают дать. Бойцам уже выдали зимнее обмундирование, в том числе ватные брюки и фуфайку. Обуви, то есть валенок, еще никому не давали. Ноги мои, отмороженные еще в сталинградскую зиму 1942 года, мерзнут ошалело и заставляют меня почти не выходить из землянки, сидеть, укутавшись ногами в плащ-палатку и зарывшись в солому.

Неотрывно мечтаю о сладкой девушке и о блаженной любви. В глазах моих мерещится нежная гладкая девичья грудь, такая широкая и родная, что в ней утонуть можно, забыв о горе и невзгодах. Когда же я наконец встречу ласку и любовь милого существа и почувствую трепет пробудившегося счастья в моем сердце? О, девушки, выделите ангела (а их среди вас немало), способного приголубить мою молодость, нравиться мне, способного сделать жизнь мою счастливой и красивой.

О половых сношениях, которые с таким азартом любят восхвалять мужчины, я почему-то и не мечтаю, не думаю, ибо не имею к ним склонности. Будущее покажет, что произойдет дальше из любви моей. Но по мне – необязательно любить, имея половые сношения с любимой девушкой. А в остальном – я не доктор, как говорят некоторые. Жизнь моя, надеюсь, нужна не только мне, ибо в противном случае судьба сделала б меня уродом, лишила б меня всего, чем я обладаю сейчас, и давно покинула б меня на съедение и растерзание лютой смерти, разбушевавшейся до предела в эту войну.

А раз так, то найдется и для меня красавица, будет парить надо мной прекрасный ангел любви, и прочее необходимое придет ко мне с течением дней. Только бы я не был ранен, не стал уродом – мечта единая моя сейчас. И вторая мечта моя – стать писателем. А что для этого надобно? Талант, трудолюбие и время.

Еще не достает мне награды. Столько воюю я, и никто не оценил мои усилия. Девушки-санитарки, артистки, плохонькие дивизион-

ные завскладами – и те носят медали на груди, а я? Не заслужил, должно быть...

Грохочет «Катюша» славная, может, вскоре и начнется. Нельзя сейчас так азартно расписываться, не время. Я кончаю. Темнеет. Где-то дрожит пулеметная дробь, тявкает басистое орудие и звякают ружейные выстрелы.

Фронт настороженно ожидает чего-то.

24.11.1943

Двадцатого числа наступали. Началось наступление еще невиданной дотоль артподготовкой с участием нового, могущественного представителя советского оружия – «Ивана Грозного». Об «Иване Грозном» говорили не раз до того, но никто еще ясно не представлял себе, что это за оружие, сколько стволов имеет, какими снарядами стреляет. Теперь мы впервые увидели «Ивана Грозного» в действии, и хотя не все еще о нем узнали, но представление о нем имеем.

Когда раздался дружный и ожесточенный гул артиллерии, я понял, что началось то, чего мы ждали с минуты на минуту, – артподготовка перед наступлением. От первых выстрелов наших орудий наполнилась дымом вся земля на немецкой стороне. По бугру, куда вели огонь наши артиллеристы, забегали и заметались фрицы, а снаряды, как назло, рвались в самой гуще их скопища. Особенно хорошо ложились снаряды у скирды, где были немецкие наблюдатели-корректировщики. Оттуда выбежало несколько человек, но еще снаряд ухнул по ним, и никого больше не стало видно.

Артиллерия врага, таким образом, ослеплена была и вела беспорядочный и неприцельный огонь.

Вдруг я заметил в стороне огненные точки, вылетавшие с нашей стороны гневным грохотом. «Что это?» – задал я вопрос окружающим. Но никто не знал. Вот еще и еще засверкали, загрохотали невиданные орудия, и, наконец, целый ряд заревел около нас почти. Со злостью и ненавистью вырывались огненные снаряды, медленно переворачивались в воздухе перед нашими взорами, точно силясь рассказать, какие они большие и страшные, и исчезали на время, отзываясь грохотом лишь на немецкой стороне.

– «Иван Грозный»! – закричал кто-то, и все поняли, что это, наверно, и есть тот самый «Иван Грозный», о котором было столько молвы еще до этого.

«Катюши» тоже подмогнули в нашей артподготовке. Все стояли ошеломленные такой силой огня, такой мощью и многометностью оружия и были заранее убеждены, что враг не выдержит и побежит.

Так оно и случилось. Вскоре по телефону передали, чтоб мы готовились к передвижению. Пришли подводы, нагрузили мины, и мы

двинулись вперед, уходя из того страшного места в посадке, пробудь в котором мы еще пару дней, нас бы накрыли и уничтожили бы без особого труда вражеские орудия.

Когда мы заняли окопы нашей пехоты (та далеко продвинулась вперед), перед нами открылась картина боя группы немецкой пехоты с нашими продвигающимися войсками на левом фланге. Мы вели огонь из минометов, винтовок и автоматов, и наверно не одного фрица положили там. Но меня поразило бешенство немецких солдат, с которым они дрались. Их было не более батальона, они были обойдены справа и слева, находились в окружении, но это не помешало им долго драться, мешая продвижению нашей пехоты. Позже я увидел целую колонну пленных, которую вели внизу по балке к нам в тыл.

Вскоре началось дальнейшее продвижение наших войск. Мы дошли аж до этой балочки, сзади и справа хутора Шевченко, которой овладели к исходу дня. Задача была выполнена.

Дорогой обнаружили такую массу брошенного немцами вооружения и имущества, что и представить трудно. Нет человека, которому хоть чего-либо не досталось из немецких трофей. Я нашел целую планшетку с немецкой бумагой, конвертами, карандашами и открытками; мыло, бритву, одеяло и проч. Кое-кто часы нашел, немецкие брюки и фуфайки теплые, одеяла, оружие или другое.

Мы овладели целой минометной батареей и вели огонь по немцам из немецких минометов немецкими минами. Потом стреляли из брошенной немцами 75-мм пушки.

К вечеру на минах, оставленных в земле немцами, подорвалась наша повозка, а другая вместе с ездовым уцелела, только бричку разломило надвое. Оказывается, дорога была заминирована. Вместе с лошадьми [в] подорвавшейся повозке погиб ездовой Ермилов, кажется. Я был очевидцем этой сцены, видел всю трагедию со всей последовательностью. Как ехали обе повозки, и я ждал мин. Вдруг на месте задней повозки раздался взрыв – это была повозка Пшеновского, что раскололась надвое. Он потом рассказывал, что его подбросило на бричке, и он упал. Другая повозка помчала что было духу вперед, но ее настигла та же участь, но с еще худшими последствиями. Я думал, что это снаряды разорвались, но выстрелов не было – я догадался, что мины.

На другой день с самого утра началось что-то невероятное. Мы все время рассчитывали, что будем продвигаться дальше, что немец уйдет и проч., и вдруг увидели на левом фланге – побежала пехота, поехали машины, пушки – назад, на восток. Признаться, сердце захолодело от этого зрелища. Потом заговорила немецкая артиллерия. Снаряды ухали и взрывались в самой гуще убегающих, люди бегали,

метались из стороны в сторону и, казалось, не находили спасения от немецкого огня.

Все больше и больше людей пробегали туда, в тыл с переднего края, и глазам моим казалось, что это последние остатки нашей пехоты, что действует слева, ибо в тыл побежало очень много людей, машин, лошадей и проч. По телефону передали приготовить повозки и многие, побледнев, стали готовиться в путь, в драп-марш, который вот-вот, казалось, должен был совершиться. Я боялся за своих ребят и, чувствуя смятение в их сердцах, сам перебарывая унылость, пытался развеселить их своей жизнерадостностью. Смеялся, успокаивал и проч. Однако, в тот самый момент, когда казалось, что немцы вот-вот ворвутся к нам в тыл и окружат нас, пехота слева остановилась и повернула назад к танкам, что мужественно выстояли под огнем артиллерии.

Присутствие танков рядом подняло дух пехоты, и она повернула обратно – на запад! Радость охватила нас. Но не тут-то было. Снова забила артиллерия, снова заметалась пехота и снова побежала назад, опять, как прежде. И так несколько раз, аж до самого вечера.

По телефону сообщали, что наша пехота стоит на месте. Но вот наступила темнота, и пехота соседа, которая, оказывается, 905-й полк, вернулась на свои места. Наутро мы узнали, что погнали пехоту «Тигры»[184] и «Фердинанды»[185] и что отступил и побежал только второй эшелон. Первый выстоял, что на передней линии был. Вчера примерно такая же картина была на правом фланге. Только в нашей балочке санитары перевязали 16 раненых 902-го полка нашей дивизии. А убитых сколько было – неизвестно.

Опять побежали уже на правом фланге.

Встретил одного младшего лейтенанта-минометчика из роты Клименко, что был на курсах. Он остался один с двумя бойцами со всей минной роты. Обвинял и ругал артиллерию, которая своевременно не дала помощи и смеялась на его просьбу в ответ о подаче огня.

Позавчера с самолета был брошен снаряд и ранил в голову двух наших бойцов. Вчера снаряд артиллерии убил трех лошадей наших и ездового Пшеновского, которого не раз спасала судьба до этого. Одна лошадь у нас осталась, да и та была ранена.

Вчера же окончательно оформил дела в партию. Парторг Голомага[186], что был во 2-м батальоне, теперь у нас. Он знает меня давно и дал мне рекомендацию. Другую рекомендацию дал Лопатин и, наконец, агитатор полка капитан Андреев, с которым мы в очень хороших отношениях, дал третью. От капитана Чертовского – зама по политчасти командира полка – не дождался рекомендации. Он далеко, и я не знаю, где его искать.

Вчера ночью получил письмо от тети Ани. Сегодня написал четыре письма. Маме со справкой, папе со стихом и тете Ане со стихом, дяде Люсе.

Глянцев, ординарец мой, просит, чтобы я и ему написал. Тороплюсь закончить, чтобы написать ему письмо.

Весь день дождь, но перестрелка не прекращается. Немцы активничают, особенно из «Ванюш». Снаряды очень близко громыхают так, что в землянке обваливается земля и она вся дрожит.

25.11.1943

Утром, когда еще только смеркалось, в нашу балку привели так называемых противотанковых собак. Эти собаки, бессознательно жертвуя собой, бросаются вместе с надетыми на них противотанковыми гранатами под танк и, подрываясь, выводят его из строя. Собак было очень много[187].

Сейчас началась наша артиллерийская подготовка. Стреляем и мы из минометов. Немцы отвечают тяжелой артиллерией. «Катюша» и «Иван Грозный» наши молчат пока.

Сегодня на рассвете выдали грамм по 25 водки – это, пока дошла сюда, она «высохла».

27.11.1943

Вчера прошел ДПК[188], и теперь я уже окончательно член партии большевиков. На ДПК мне задали много вопросов – я первый разбирался. Капитан Андреев – агитатор полка – постарался, выполняя мою просьбу, пропустить меня первым. На все вопросы я ответил без запинки. Один вопрос, хотя и не из устава и не из истории партии, показался мне самым сложным.

– Вы пишитесь в анкете редактором стенгазеты. Вот выпустили ли вы стенгазету?

Но я ответил «выпустил», а на самом деле я не кончил выпуск газеты – бой помешал. Так пришлось мне соврать.

Вчера получил письмо от мамы. Ответил ей немедленно. Выслал справку из госпиталя.

Днем, ночью все поднимаются наши стрелки в атаку, но безуспешно. Немцы бешено уцепились и держатся за свой рубеж. У нас в роте для стрелков забрали еще десять человек. Теперь у меня во взводе шесть человек, а я – седьмой. Руднев, Лопатин, Дьяченко, Бирюков, Глянцев, Мусинян – вот мои люди. Два миномета обслуживает теперь шесть человек.

Всю ночь слушал Руднева. Он знает хорошие песни. О любви. Я вспоминал свою жизнь на гражданке, как у нас называют, и жалел

свою молодость под звуки песни, не встретившую любви и ласки женской на всем пути своем.

Вчера сменял ножик и ручку на другую ручку – самописку. Понадеялся, что она лучше, и поверил Зарыбкину[189], что она пишет. Потом, когда разгляделся – увидел, что она без пипетки. Выменял пипетку на мыло у бойцов, но и с пипеткой ручка оказалась негодной – перо было плохое. Позже Дьяченко принес мне ручку, тоже поломанную. Я скомбинировал из двух одну – переставил трубку-наконечник с Зарыбкинской на Дьяченкову и ручку Зарыбкина отдал Рудневу.

С минуты на минуту у нас ожидается наступление. Противник обстреливает нас. Где-то летает наша авиация, очевидно, соседи наши наступают.

У меня теперь три полевых и одна вещевая сумка, но все вещи не вмещаются, приходится часть носить в карманах. Главным образом у меня на вооружении имеются тетради, бумага и некоторое количество газет. Вещей, как таковых, нет.

Мечтаю написать какое-нибудь душещипательное стихотворение, но все это является вопросом времени.

Наши стреляют – артиллерия, и над нами появился самолет. Но это мало, конечно, для наступления. Нет, в данный момент наступать не станут, может, позже...

Чуть позже. Только что ходил в штаб батальона узнать относительно писем и газет и познакомился там с весьма и весьма неприятной новостью насчет ночного наступления нашей пехоты.

Немцы подпустили наш атакующий батальон к своему переднему краю без единого выстрела и затем зажали его со всех сторон. 1-й батальон драпанул, а 2-й и 3-й попали в окружение неприятеля. Пришлось вырываться боем. Из 60 человек 27 не вернулось из этой операции. Таким образом, в батальоне осталось 30 человек, четыре человека раненые.

Наша десятка, очевидно, тоже участвовала в боях. Интересуюсь узнать их судьбу, но пока еще не известно, кто именно не вернулся. Известно только число. Обо всем об этом мне рассказал батальонный писарь Санько.

Сейчас, когда я писал, противника самолеты «Мессершмитты»[190] сбили два наших самолета.

Бои продолжаются, особенно на левом фланге. Необходима адская артподготовка, как у Ново-Петровки, чтобы осилить и выгнать звероподобного врага с раз выбранной им для обороны позиции.

Пишу письма. Летит вражеская авиация. 26 штук.

Но продолжу, пока еще не рвутся здесь бомбы, писать. Надо маме еще одним письмецом и справкой ответить. Написал и отправил три

письма: маме, папе и Оле. Майе Б[елокопытовой] и еще одно письмо со справкой для мамы пока не отправил.

Хочу переписать в дневник сказку свою, дабы все записи были у меня в одном месте.

Итак:

«Как волк сразу за двумя зайцами погнался»

Однажды, во время кратковременной передышки, после артмин[ометной] дуэли с кровожадными гитлеровскими разбойниками, будучи на одном из южных фронтов Отечественной войны, я нашел написанную на непонятном мне языке какую-то толстую книгу с истрепанной временем обложкой. Долго я вертел эту книгу вокруг да около глаз своих, но тщетны были все мои попытки понять смысл, содержавшийся в этих 1501 страницах странных закорючек, так не похожих на буквы и слова человеческих языков.

Книга казалась мне настолько интересной и заманчивой, что я решил во что бы то ни стало прочесть хотя бы частичку из того, что было в ней написано.

А у нас в роте было, кстати, очень много национальностей: и русские, и украинцы, и грузины, и армяне, и азербайджанцы, и евреи, и казахи, и туркмены, и греки, и даже нашелся один турок. Да-да! Вы не смейтесь – представители всех национальностей Советского Союза сражаются насмерть на фронте Отечественной войны с фашистами.

Так вот, показал я эту книгу бойцам и командирам нашей минометной роты. А личный состав у нас, надо сказать, очень грамотный и любит книги читать на своем родном языке. Иной раз как начнут наши бойцы читать вслух, так и уши затыкаешь – столько различных звуков и такое многообразие содержания вылетает в одну человекоминуту из стольких человеческих уст.

Но тут произошло нечто неожиданное: в первый раз при виде новой книги никто не сумел ни слова прочесть в ней. Ребята мои, надо признаться, приуныли от такого неожиданного конфуза и в первую минуту не могли даже выронить ни одного звука из своего многоголосого коллектива. Но потом заговорили все сразу: и по-русски, и по-украински, и по-грузински, и по-азербайджански, и по-казахски, и по-туркменски, и по-гречески, и по-татарски, и даже турок-боец стал сам с собой на родном своем языке так громко разговаривать, что, казалось, он хочет перекричать всех.

Я с трудом устоял на месте при виде столь шумного обсуждения ротой занимавшего меня вопроса и, выслушав множество советов относительно отыскания шифра к моей находке, ушел или, вернее, убежал, едва сдерживаясь, чтобы не закричать от боли в висках.

Больше решил я этого вопроса не поднимать, хотя книгу не бросал, мечтая втайне разрешить когда-либо волнующий меня вопрос.

Вскоре начался бой. Вокруг падали снаряды, земля вздрагивала и низвергалась то и дело столбиками комков и пыли высоко вверх. Канонада артиллерии с минуты на минуту становилась все напряженнее и сокрушительней. Кругом все гудело и, казалось, сама земля гудела, как наши минометные стволы от злости вылетавших навстречу врагу мин.

Вскоре противник ослабил стрельбу, но мы продолжали обстрел вражеской стороны с прежней силой, и после полуторачасовой артподготовки пехота наша пошла в атаку.

К вечеру противник был выбит из населенного пункта, и у одной из его окраин наша рота заняла огневые позиции. Ночью наступило затишье, передышка. Укладываясь спать, я вновь вспомнил о моей интересной находке, как вдруг подошел ко мне сержант, украинец, по имени Панас, который тоже думал насчет найденной книги. Он был известным у нас коллекционером и, естественно, интересовался всем древним-непонятным.

Это был молодой белокурый парень с красивыми глазами небесного цвета незабудок. Среднего роста, быстрый и живой, он был душой нашего коллектива.

Крепко не любил Панас немецких нашественников, и, казалось, никто не мог сравняться с ним в ненависти к врагам Отечества – два ордена на его груди и медаль за отвагу крепче слов могут свидетельствовать о любви и преданности коммуниста Панаса своему Отечеству и ненависти к врагам его. Еще до войны учился Панас в педагогическом институте на филологическом факультете, но война призвала его в ряды защитников Отечества, и Панас бросил учебу, не успев окончить 3-й курс института.

– Знаете что, товарищ лейтенант, – сказал Панас, – для прочтения этой книги необходимо непременно обратиться к Николаю Федоровичу.

Я внимательно посмотрел ему в глаза, ибо мне казалось, что он шутит. Николай Федорович – это большой серый пес породы имярек, найденный нами еще щенком в одном из освобожденных нами городов Сталинградской области зимой прошлого года. Эту умную и понятливую собаку Панас сумел приручить к себе и откормил как следует, и со временем из него вышел большой сытый пес, похожий на волка.

С первого дня Панас начал воспитывая своего приемыша, обучать его. Мы смеялись над повседневными занятиями Панаса со своим воспитанником, но Панас доказывал нам правоту и необходимость своих трудов и, не обращая на наши шутки внимания, кропотливо и настойчиво продолжал свои занятия с собакой.

Назвав пса Николаем Федоровичем и дав ему привыкнуть как следует к своему новому имени, Панас стал обучать его постепенно чело-

веческому языку. И, как это ни кажется невероятно, теперь Николай Федорович свободно владеет человеческой речью, хотя разговор его и отдает врожденным собачьим акцентом. Тут уж ничего не смог поделать Панас – ведь против природы далеко не попрешь!

Но вернусь к своему рассказу. Советуя использовать в качестве дешифровщика Николая Федоровича, Панас был серьезен, намерения его целиком внушали доверие.

– Эта книга, по-моему предположению, написана на зверином языке, а Николашка мой – самый грамотный и самый ученый из всех собак мира, так что в данном разе без его вмешательства нам не обойтись.

Я согласился, и оказавшийся поблизости Николай Федорович принялся за разбор и чтение книги.

Панас оказался прав. Только одному Николаю Федоровичу могло быть понятно и доступно для чтения это произведение звериного искусства.

Я размещался в глубокой и просторной землянке, в которой когда-то прятались, очевидно, мирные жители от немцев. Но теперь, когда немцы угнали с собой все население деревни, землянка оказалась пустой. В ней были стол, две кровати и масса вещей, свидетельствующих об обитаемости ее. Мы зажгли трофейные немецкие лампы-свечки и всю ночь напролет просидели над книгой, оказавшейся летописью звериных государств.

Николай Федорович с увлечением читал и переводил нам целый ряд увлекательных и поучительных вместе с тем историй, написанных на родном ему языке.

Одну из этих историй я особенно хорошо запомнил и попытаюсь рассказать вам.

В одно далекое историческое время, покрытое плесенью столетий, в одном из великих звериных государств правил огромный и ненасытный Волк Великан. У этого Волка была большая и кровожадная пасть, насчитывающая тысячу зубов и сто клыков. В эту пасть мог за один раз запросто поместиться большой звериный город с его садами, улицами и бульварами, с его пригородными хозяйствами и пастбищами, с его зданиями и со всем его разношерстным звериным населением.

Страшен был правитель Волк Великан, и все его боялись и повиновались ему. А государство у него было настолько большое и богатое к началу его царствования, имело столько изобилия всего, что и вообразить трудно. В нем было столько городов и деревень с сотнями и тысячами жителей-зверей, сколько было волос на длинном густом чубе Волка, свисавшем ему на глаза. Однако за время своего хозяйничанья в стране Волк Великан сумел опустошить и ограбить свою страну. Он

пожрал весь скот, выпил все молоко, поел всю рыбу в своем государстве и оставил всех зверей-жителей государства и себя голодными.

– Ничего, – говорил Волк, высасывая последние соки со своих подданных, – ваша сытая жизнь впереди. И, роняя слюни от предвкушения сладкой поживы, указывал на два великих государства, которые были еще огромней и богаче государства самого Волка.

Эти государства были справа и слева от государства Волка, и царствовали в них звери-великаны, похожие на зайцев. Они были так богаты шерстью, лесом, городами и полями... Такое множество зверей населяло их территорию, что Волк давно зарился на них.

Между государством Черного Волка и государствами Ясноглазых Зайцев-Великанов был целый ряд мелких государств: государство Хитрой Лисы, Морского Зверя, Кичливой Мартышки, Веселой Белки и Тихого Зверя и проч.

И в один из дней великого голода вздумал Волк насытиться мясом Зайцев-Великанов. Наточил клыки, заострил зубы и когти и двинулся в путь-дорогу.

Долго шел Волк с победами. По пути он пожрал всех зверей и птиц этих государств и разорил их города и деревни и выпил все моря и реки, съел всю рыбу, что там жила и веселилась долгие годы, и пустился в погоню за двумя Великанами-Зайцами. А говорит пословица: «За двумя зайцами не гонись!» Но Волк был настолько жаден и голоден, что не послушался этой пословицы и погнался за обоими Великанами, неистово щелкая зубами, пуская жадную голодную слюну.

Но недолго бежали Зайцы. Один из них добежал до Синего моря, да как прыгнет со всего размаху на зеленый остров и встал на берегу. Постоял, постоял Волк, а Заяц уже превратился в Синего Слона и стал поливать Волка ненасытного холодной струей морской из своего длинного трубообразного хобота.

Испугался Волк, продрог весь, изголодался бешено.

Погнался он тогда за вторым Зайцем. Но и здесь не тут-то было, опять не повезло ненасытному Волку. Недолго гнал он Зайца, не много земель его он разорил и разграбил. Добежал Заяц до большой и широкой реки, остановился там и стоит, дожидается Волка. Подбегает Волк и глядь, а Заяц уже превратился в Слона Красного Великана и стоит, поливает Волка леденящей струей своей реки.

Замерз Волк, зубов многих лишился от холода, клыки свои порастерял и стал-остановился против Слона Великана. Оторопел Волк. Долго стояли они друг против друга. Долго перекидывались они камнями и обливались водой. Замерз Волк, обессилел, а Слон еще большим сделался, еще длиннее хобот у него отрос и совсем заморозил он Волка своей леденящей водой.

Стал Волк уходить, а Слон за ним. Волк прибавил шагу, но и Слон не отставал и поливал его вдогонку холодной водой, запасенной еще в речке. Побежал Волк, а Слон –вдогонку и не отставал ни на шаг. Долго так бежали они, пока не добежали до огромной горы, окаймленной цепью остроконечных скал и широкой речкой со стороны бегущих.

Заперся Волк в горе этой, а сам гонцов к себе на родину шлет, помощи просит.

Но только помощи не пришло. Одна лишь весть была принесена гонцом, что другой Слон приплыл откуда-то из заокеанского острова на твердую землю и теперь идет-движется на его страну Великую. Испугался Волк. Озлобел еще больше от страха, съел гонца и отправил послов к Слону Синему заокеанскому с просьбой о мире, о пощаде.

Ничего не ответил Слон, только хобот грозно приподнял и еще быстрей стал продвигаться к Земле Волчьей.

Услышал Волк, что не удалось послам его мир заключить, разгневался, начал земли Слона Красного жечь и грабить, начал зверей убивать и живьем съедать. А Слон стоял, стоял у Горы-острова, пил воду из реки-пояса, окаймлявшей гору спереди, и выпил всю до дна. Стал он тогда скалы ломать, крошить, пока обломал все и выгнал Волка с Горы своей. Побежал Волк-Великан дальше к земле своей и нигде не отставал от него Слон.

Видит Волк, что не убежать ему от расплаты, и превратился он тогда в Зайца Черного Быстроногого. Он бежал-летел через леса и горы, поля и речки, города и деревни, но Слон везде настигал его. Видит Волк – нет пощады ему от Слона Красного, и стал через послов своих просить-добиваться мира-снисхождения у Слона Красного, но тот лишь усмехнулся в ответ от презрения и ненависти и еще яростнее пустился вдогонку Зайцу Черному.

Совсем обезумел Заяц Черный, чувствуя свой конец близкий.

Так загнали оба Слона Великана кровожадного Волка Зайца на самый край звериного мира, и тот от страха потерял свои ноги быстрые, шерсть пушистую и стал прежним ненасытным Черным Волком.

Собрался народ-население звериное, и стали вершить над Волком великое правосудие звериное. Будучи отданным на растерзание жителей всех разоренных им земель и государств, Волк не оставил после себя и следа на все исторические времена, кроме тяжелых воспоминаний и проклятий всех обиженных и пострадавших от его жестокостей.

А оба Слона Великана, обратившись вновь в миролюбивых и свободолюбивых Зайцеподобных Зверей Великанов, и поныне управляют своими государствами на благо и радость звериную.

26/IX–1943 г.

27.11.1943

Устал уже. Вечереет. Я решил ежедневно переписывать по две страницы и для этого оставил место в тетради. А сейчас немножко попишу стихи.

Вечереет. Сегодня на редкость солнечный, хотя и морозный день. Фрицы бомбят все время наших право- и левофланговых соседей.

28.11.1943

Бомбят, гады. Соседняя балочка, что метров 100 или того меньше отсюда, подверглась бомбежке 26 самолетов противника. Теперь еще 20 кружатся над нами. После тех 20, что отбомбили свою порцию, новая шестерка появилась и улетела куда-то на фланг. Сейчас еще 18 штук летит немецких самолетов.

Темнеет.

Отправил письмо мое. Пишу письмо тете Ане. Вот оно.

Письмо...

Милая тетя Аня!

30.11.1943

На НП с Запрягайло.

Командир роты после разговора, который мы вели однажды с ним и Савостиным, когда на замечание Савостина, что командир роты все время на НП, а мы в землянках, я сказал, что «он сам и виноват – может высылать командиров взводов, а сам находиться при роте», сегодня решил послать меня сюда.

Я не жалею. Здесь я хорошо увидел оборону нашу и немецкую, увидел фрицев. Масса подвод двигались по высоте, что где-то далеко впереди сливается с горизонтом. По телефону по моим наблюдениям передавали: замечено большое скопление противника.

Внизу, вблизи от переднего края, несколько немцев несли на носилках какого-то раненого, очевидно, офицер, так как много людей уносили его в тыл. Они долго несли его, пока не дошли до дороги. Я передал свои наблюдения, и артиллеристы открыли по ним огонь – дорога была хорошо пристреляна. С первых же двух снарядов их группка была рассеяна, но раненого они не бросали – двое побежали, неся в носилках свою дорогую ношу.

Позже по той же дороге двигались две повозки. От огня артиллерии одна была подбита, а другая умчала в балку. Немцы, когда стих огонь, стали возиться у подводы и вскоре и ее увезли куда-то. Еще позже четыре человека двигались в сторону от фронта, опять же, недалеко от этой дороги, на определенных интервалах друг от друга, что-то мерили – возможно, минировали поле.

Подводы, обозы движутся и сейчас слева направо по дороге, что на высоте слияния с горизонтом. Небо тоже неспокойно сегодня: сначала 13 самолетов, потом семь, потом десять бомбили различные участки нашей обороны. Но, конечно, Ново-Петровку бомбила семерка мессершмиттов, остальные буйствовали на флангах. Бомбили на страшно большой высоте.

Сейчас два фрица копаются в кукурузе – чего они там делают?

Снайперы щелкают неустанно. Немецкие снайперы. Вот только что, едва я высунул голову чуть-чуть повыше, над самым ухом прожужжали несколько пуль.

Фрицы отсюда очень близко, и мне хорошо видны их окопы, котелки, каски сверху. Наши окопы тоже видны как на ладони. Позиции у фрицев более выгодные, нежели у нас. Хутор Шевченко, где залегли стрелки наши, весь истерзан – в нем и так несколько хат, но от хат теперь остались одни стенки без дверей и окон. Хутора, что у немцев, тоже оскелетились. Телефонист наш – фантазер порядочный. Ему передаем: движется две подводы, он перефразирует – десять. Ему говорят: движутся шесть подвод, он говорит – тридцать. Так что у тех, кто запрашивает обстановку, может сложиться представление совсем иное, чем на самом деле. Но, с одной стороны, он прав: движение замечено большое и целый день по высотам. Очевидно, перегруппировка сил у немцев происходит. А перегруппировку сил делают в большей части перед наступлением. Во всяком случае, из всего виденного можно заключить, что противник к чему-то важному готовится.

Теперь обстановка: левые соседи продвинулись весьма далеко вперед, километра на два от нас. Правые соседи – шляпы и нас подвели. 902-й полк (большая двоечка по телефону), когда мы, то есть наша пехота, продвинулась вперед и заняла окопы противника, левый сосед не поддержал, а противник, воспользовавшись промахом этим, окружил пехоту с флангов и, бросая ракеты, стал сжимать кольцо. Созвонились – связь была еще цела – с батальоном. Был дан приказ о планомерном отходе. Но пехота при виде создавшейся обстановки стала отходить еще до приказа. В результате, планомерного отхода не получилось, и отходили кто как мог. Вскоре наступило утро и застало отходящих, когда они уже возвращались на свои позиции.

17 человек остались лежать в поле, когда их застало утро. Вечером они пришли к своим шести человекам, оказавшихся [*одно слово нрзб*] вернулись тоже. Таким образом, пропало без вести всего-навсего четыре человека. Во 2-м батальоне примерно такие же потери.

Видел, откуда бьют немецкие «Ванюши». Они стоят километрах в двух отсюда в балке.

01.12.1943

Сегодня ничего не успел написать. Утром кашу подогревал, днем банился – замечательную баню мы себе устроили. Пожарил белье. Позже пришел из редакции младший лейтенант, что с наших курсов и что у Рыбкина в адъютантах служил. Теперь он представитель редакции «Кировец» и приехал сюда за материалом.

Сейчас на НП. Соседний полк наступает. Немец положил пехоту нашу с самого начала выступления: артогонь ответный дал, что называется. Снаряды близко рвались отсюда, и осколки долетали до блиндажа.

Снайперы охотятся, не смыкая глаз. Наш НП они хорошо проследили, не успеешь высунуть бинокль, чтоб наблюдать, как уже жужжат пули.

Заметили наблюдателей фрицевских. Открыл огонь Хуруленко. Своим начальникам я не решился сказать об этом. То мин мало, то еще чего. Накрыл цель.

02.12.1943

Ночью вызвали за партбилетом в дивизию. Она расположена (то есть, я подразумеваю, штаб дивизии) в Ново-Петровке. В два часа ночи получил билет. На фотографии я получился чумазый какой-то, черный, как цыган. Впервые снимаюсь с усами.

Рапорт с просьбой выдать мне взамен кандидатского билета справку о том, что я находился в 5-й Гвардейской стрелковой дивизии, подал. Майор, заместитель начальника политотдела, обещал удовлетворить просьбу мою.

Всю ночь блудил в поисках ночлега. Был туман на дворе и слякоть, так что я несколько раз падал в пути.

Савостин и Запрягайло обманули меня, пообещав еще в политотделе обождать (они вышли первые), когда я вышел, их не было. Я остался с лейтенантом Резенковым. Мы долго пробродили, падали, стучали и ругались с военными. Пришлось однажды мне даже раму вынуть, и чуть было нас не отправили на тот свет какие-то начальнички, но все благополучно кончилось.

Ночевали, где наш старшина Урасов находится. Днем пришел, и сразу Соколов на НП отправил, где и пишу дневник.

Отправил четыре письма (то есть написал, но отправлю сейчас) маме, папе, тете Ане, дяде Люсе. Маме впервые намекнул о необходимости сближения вновь с папой.

04.12.1943

Вчера ночью ходил на передний край к стрелкам за людьми. Был у Булатова в 9-й роте и в 8-й роте, где брал по три человека в каждой (мы отдали им девять). Из старых наших людей забрал одного Чипака. Двоих взял молодых, 1923 и 1924 года, остальные трое тоже, вроде, неплохие, хотя возрастом постарше.

У Булатова большой вместительный блиндаж. С ним вместе живут старший лейтенант лейтенант Брагин, младший лейтенант Комагорцев[191] и еще два командира взводов. У них горит свеча и тепло, тесно и весело. Все шутят. Насчет нашей стрельбы, насчет жизни нашей. Называют нас тыловиками и говорят, что не стали бы кормить нас даже за нашу стрельбу плохую.

Жить стрелкам, действительно, куда хуже, нежели нам. Даже ночью там нельзя головы поднять – всю ночь немец стреляет из пулеметов и винтовок, причем преимущественно разрывными пулями.

Командир 8-й роты – нацмен[192], не то узбек, не то казах. Он живет куда хуже Булатова и блиндажа такого и света в особенности не имеет. У него маленький крытый окопчик на двоих, где он живет со своим ординарцем.

Когда я пришел в роту, то не застал командира ее. Он был у старшего лейтенанта Кияна[193], созвавшего совещание командиров рот и взводов. Мне довелось бегать за ним метров 200 под обстрелом. Потом обратно в 8-ю роту, затем в 9-ю.

Позвонил к Соколову и допустил большую ошибку, назвав 8-ю роту по телефону незашифрованно. Старший лейтенант Докучаев, услышав, начал ругаться: «Я вам дам, 8-я рота!», чем еще больше наделал. А когда я пришел в 9-ю роту, он меня встретил там и начал отчитывать. Я объяснял, что у меня случайно вырвалось это слово, ибо я не знал кода.

Когда собрал всех нужных мне людей в обеих ротах, я ушел вместе с ними в свой тыл. Разговаривать громко нельзя было. А только шепотом. Немец все слышал и неоднократно перекрикивался голосом с нашими передовиками: «Эй, рус, почему не наступаешь?» и проч. А стоило нашим крикнуть, как тотчас же минометно-пулеметный огонь наносился на то место противником.

Газет вчера не читал. Писем не писал, вообще вчерашний день, говоря по-украински, «марно»[194] провел.

Сейчас положение у нас очень напряженное – в любую минуту может явиться приказ о наступлении, и мы всегда готовы выступать. «Грозных» навезли и артиллерии неисчислимо, только неизвестно, станет «Грозный» нас поддерживать или соседей, ибо наш участок не столь важный, как соседний.

06.12.1943

Теперь я зажил здóрово! Проделали мне печку. Руднев и Глянцев. Весь день горит у меня печка, и теплота наполняет мой дом. Руднев перешел ко мне в землянку, и мы теперь вдвоем. Он проделал свет. Просит меня написать его девушке письмо, но сегодня уже некогда. Темно. Ночь. Я пишу при свете бензинового коптильника.

Сегодня был у меня, ну кто бы ты подумал, мой дневник? – Анищенко Алексей! Он в 962-м полку, в батарее 120-мм минометов. Рассказал много новостей. Одна весьма печальна – Плешаков погиб. Хороший был парень. Перед смертью он работал начальником штаба батальона.

Стихи мои они (Анищенко и Плешаков) читали в газете, и это было единственным напоминанием обо мне для них. Читал он мне письма свои от любимой и просил составить стихотвореньице для нее. Я теперь хоть отведу душу написанием стихов – посвящений чужим любовницам, раз своей нет у меня.

Еще одна весьма неприятная весть – умер престарелый уже академик-коммунист Емельян Ярославский. С большим прискорбием известил об этом Совнарком и ЦК ВКП(б) нашего Союза[195].

07.12.1943

Вчера получил квитанцию на посланные папе две тысячи рублей[196]. От него писем не имею и не знаю, получил ли он деньги. Мама настойчиво просит о справке, но что я могу сделать? Справки ей выслал старые, а добиться здесь новых справок невозможно. Кроме аттестата мне ничего не обещают для родных. Да и аттестат лишь в 1944 году. Положение мое аховое: и отцу помогай, и матери. А как – никто из них не думает. Если бы они жили вместе, я бы имел постоянно один адрес и посылал в одно место и справки, и деньги, и проч. А так я распылил свою помощь, и в оба места едва-едва чего-либо поступает[197]. Даже письма не доходят мои.

Вчера написал два письма маме и папе. Сегодня мечтаю еще написать.

Я на НП. Мороз сердитейший. Руки-ноги замерзли, и в сердце холод. Фрицев почти не видно, только слева за целый день показалось человек шесть: копаются в огородах, ищут чего-то. «Рама» летает над нами, высматривает оборону. Артиллерия била наша по бугру на горизонте. Фрицы обстреливали из минометов посадку, что перед входом в Шевченко[198] с нашей стороны.

Голод тоже стучится мне в желудок, и тот отзывается лишь унылым урчанием. Больше сказать нечего. Сейчас туман прояснился, и стало видно хорошо оборону.

08.12.1943

Сейчас проводил беседу с ротой по докладу товарища Сталина. Зачитывал доклад, а потом объяснял и спрашивал. В газетах опубликована декларация от имени руководителей трех государств – Сталина, Рузвельта, Черчилля – о совместных военных действиях против Гитлера и его сообщников с трех сторон – Востока, Запада и Юга[199]. Декларацию я зачитывал перед строем роты. Кроме этого была опубликована в сегодняшнем номере декларация об Иране[200], а также сообщение о праздновании в Тегеране 69-летия Черчилля[201], в котором приняли участие Сталин, Молотов и Рузвельт с женой и сыном Черчилля. На стол был подан пирог о 69 свечей. Воображаю, что это был за вечер! Хотя бы одним глазом присутствовать мне там. Больше ничего не хотел бы в данный момент.

Я весьма и весьма рад сближению наших руководителей с руководителями Великобритании и США. Так рад, как был огорчен когда-то сближением с Германией – страной мракобесия. Это большая, необходимая дружба цивилизации и демократии. Черт с ним, что обе союзницы буржуазные страны. Война сделала то, чего не смогли сделать десятилетия мирной жизни – объединила, наконец, нас в борьбе и ненависти к антисемитам, шовинистам, варварам-гитлеровцам.

Из сводки узнал, что наши войска заняли Александровск[202] на Украине и на других участках продолжают продвигаться вперед и овладели рядом населенных пунктов.

Наше наступление, что назначено было на сегодня, временно отложили по приказанию свыше.

Сейчас обучают новичков. Теперь опять в батальоне три стрелковых роты, из которых меньшая насчитывает 40 человек. Обучают группу разграждения[203] и др. В бане перемыли всех. Вчера была баня. Я не купался, так как был на НП.

Кругом подтянули большие силы. Опять «Иваны Грозные» остановились сзади нас. Подготовка артиллерии обещает быть еще интересней и всесокрушающей. Немцы не имеют права устоять.

Вчера у нас ходили слухи, что Сталин, Рузвельт и Черчилль подписали декларацию и ноту, в которых требовали от Германии немедленного вывода войск к двенадцатому числу, иначе поведется война с трех направлений. Частичка правды, оказывается, проникла к нашим переносчикам слухов, еще до опубликования декларации.

В Ленинграде обстреливаются финнами из орудий жилые кварталы, не имеющие военно-стратегического значения и свободные от [*одно слово нрзб*]. Немцы тоже участвуют в этой гадости[204]. Они по-

платятся в свое время за все. Мои родные, погибшие от рук варваров, постоянно перед глазами моими, и совесть зовет и зовет справедливо меня – мстить беспощадно душегубам.

Сейчас у меня спит замкомбат по политчасти – старший лейтенант Киян. Он пришел ко мне посидеть, но когда я стал читать ему свои произведения, он уснул. Ну и неспокойно же спит он! Эти кляксы он наделал, ворочаясь и жестикулируя во сне.

Сейчас уже темнеет. Камин у меня в землянке уже еле теплится, неудобно подбрасывать дрова. Руднева нет – он снаружи. Погода сегодня не особенно холодная, хотя уже начался зимний месяц.

Немцы утром молчали. Мы сделали небольшую артподготовку, в результате чего немцы испугались и разнервничались– стреляют весь день сегодня. Командир полка приказал убрать из села Ново-Петровка все батальонное хозяйство, стало быть, нужно место для кого-то свыше. А село уже не вмещает новых посетителей.

Вчера в ночь и сегодня под утро получал комсоставскую пищу: вкусно, сытно и питательно. Суп с картошкой и кусками поджаренного мяса, и на второе жаркое с подливой – это вчера. Сегодня суп такой же и на второе – кабаковая[205] каша.

09.12.1943

Выпал снег. Такой мягкий, душистый и в большом изобилии. Началась зима. Но на дворе – то есть за стенами моей землянки – тепло, и снег тает. Грязи много, и это мне не нравится. Лучше б морозец нагрянул.

Один из бойцов, что попал к нам в роту от стрелков – Лозовский, находится у меня во взводе. Ему, как и мне, 20 лет. Он даже на полгода моложе меня. Я решил сделать его ординарцем. Пригласил к себе в землянку – его землянка сырая и холодная. Нарубил он мне дров, перемыл котелки, в общем, парень на ять[206].

Сегодня я мылся в бане и белье парил от вшей. Удивительно только, почему вдруг после бани у меня зачесалось тело – ведь до этого я не чувствовал ничего. Может, не уничтожила их дезинфекция?

Писем не писал. Уже ночь. Только что привозили ужин, поел уже. Свет наладил, и он горит без перебоя. Печка догорает. Вчера похитили у меня котелок стрелки, черти! Глянцев ругался и кричал. Завтра моя очередь на НП дежурить.

Сегодня накатал три стиха. Один закончил и переписал в дневник, два не доработал. Написал письмо Оле. Завтра на НП, наверное, еще больше напишу, в особенности там.

10.12.1943

Часов в девять утра, когда я уже, было, решил, что не буду на НП дежурить, меня вызвал Соколов и сказал: «Подежуришь на НП часа четыре, а потом тебя сменят младшие командиры». Я обрадовался, что не весь день мне стоять, и сказал ему, что давно надо было так делать. Старший лейтенант – замкомбат по строевой, присутствующий при этом, говорил, чтобы докладывал о всяких перегруппировках и проч., замеченных на стороне противника. Я пошел, взяв с собой Глянцева, одеяло, плащ-палатку, телефон и сумки. Лозовскому заказал вареную картошку.

Однако пробыть на НП довелось до половины четвертого. Ноги намокли, замерзли, и я с трудом стоял, наблюдал за противником. Глянцев не умеет говорить по телефону. Так, один раз он стал говорить: «Товарищ лейтенант просит командира роты подойти к телефону...» Я не дал дальше ему договорить. В другой раз он заявил, что мы разговаривали с НП. Пришлось мне и наблюдать, и разговаривать, а дел было много.

Вся земля побелела от снега, и все предметы отчетливо видно на фоне белизны серебристого снега, устлавшего все вокруг. Я долго наблюдал, замечая вдали отдельные фигуры немцев, группки, двигавшиеся где-то в отдалении километра на два. Как вдруг справа, на месте бывшего зеленого поля, у самого верха его, где виднелся небольшой курганчик, я заметил фигуру наблюдавшего немца, и внизу возле него сидящего снайпера. Позвонил по телефону, и Соколов предложил корректировать стрельбу по немецким наблюдателям.

Открыли огонь. Первая мина упала на 1–20 метров правее цели. Указал необходимый доворот. Вторая упала в расстоянии 0–40 метров от цели, но дальше ее значительно. Третья, по недоразумению, упала в створе с целью, но в метрах 10–15 от наших позиций. Сказал повторить, и мина упала в 0–10 метрах от цели. Скомандовал доворот. Мина накрыла цель, и фрицы забегали по горизонту. Их было двое. Один пробежал немного и упал, другой впрыгнул в окоп.

Скомандовал «беглый»[207]. Первая мина из серии «беглым» заставила убегать и второго, но затем вторая и третья разорвались подле него. Я заметил потом, что он нагнулся над чем-то. Думал, что над убитым, но спустя долгое время он не менял положение – очевидно, и он был убит или ранен.

После того как уничтожил снайпера и наблюдателя, стал еще внимательнее наблюдать за противником и заметил целую группу людей – немцев, двигавшихся из отдаленного Безымянного хуторка[208] в ближний к нам. Потом заметил вражескую пушку у ближ-

него Безымянного хуторка, слева, возле отдельно стоящего дерева. Передал по телефону. Потом в этот же хуторок спустилась та самая группка людей, и я заметил, что несли они две платы, два ствола от миномета и еще [*одно слово нрзб*]. Вызвал Соколова [*три слова нрзб*].

12.12.1943

Ничего особенного не случилось у меня за нынешний день. Не вылазил из землянки. Писал днем, писал ночью, сжег три пэтээровских патрона[209] (из него у меня лампа сделана) бензину.

Написал стихотворение, письмо папе. Вчера получил письмо от тети Ани, но накануне отправил ей письмо и пока не писал больше.

Газет не получали сегодня. По вчерашним сообщениям, наши войска в районе Кременчуга освободили от немецких нашественников город Знаменка[210].

Наш фронт – 4-й Украинский.

На дворе мороз колоссальный. Я вышел минут на десять умыться и оправиться и заморозил за это время ноги. Сейчас сижу разутый совсем и греюсь. Лозовский топит печку. Дров он раздобыл много в деревне, и в землянке очень тепло.

Сегодня (только что) наша автомашина подвозила на левом фланге, сзади нас, пушку 76-мм. Немцы заметили и обстреляли. Машина ушла, но пушка осталась, и немцы долго ее обстреливали, но не попали.

Сейчас спустилась ночь на оборону, и ее удалось укатить с открытого места.

14.12.1943

Получил письмо от папы, датированное 22 ноября, и от тети Ани за 15 ноября. Папино письмо, впервые из всех полученных мною писем, имеет в конце буквы «Ы». Все пять писем тети Ани – на «Х» – 2-й батальон[211].

Написал всего два письма – маме и тете Ане. С Рудневым писал письмо его дорогуше от имени Руднева. Но в письме том прошу, чтобы она или ее подружки по школе написали мне письмо – все это именем Руднева.

Записал у Соколова несколько адресов его девушек. Двум из них он разрешает передать привет от его имени, а остальным писать не хочет.

Папа и тетя Аня, да и мама тоже, в один голос заявляют, что от меня нет писем, когда вся рота знает и удивляется, как много я пишу писем – ежедневно в среднем по два-три письма. Майе Белокопытовой

написал тоже несколько писем и хочу еще написать. Оле тоже. Ее подругам собираюсь. Почему же никто из них мне не пишет?

Вчера написал Лялечке письмо, послал открытку с рисуночком детским и надписью под ним: «Для милого дружка и сережка из ушка». Чудненькая голубоглазая девочка вынимает из ушка «сережку для милого дружка» – мальчика. Другой мальчик, который, очевидно, не мил ей и не дружок – стоит, нахмурясь, в стороне и завидующими глазенками посматривает на счастливого своего соперника.

Перед вечером Запрягайло стал задираться со мной. Ну и завелись. По всей земле проволокли друг друга и, в конце концов, я одолел его. Несколько раз я был сверху его, но брюки измазал, и вообще – очень неудобно было перед бойцами так баловаться. Но он, как маленький, не понимает слов и, одно дело, прыгает на меня, задирается. Влез в землянку и набедокурил – все вверх дном перевернул, хорошо еще не взял ничего. У меня сверху лежала бумага и дневник, письма, конверты и сумка.

К вечеру попозже туда бросил мою вкладную книжку[212], что ему дал для меня начфин[213], на двор. Вообще он весьма несерьезен – 24 года и Митрофан Митрофанович Запрягайло.

Сегодня немцы стреляли по единственно уцелевшему домику хутора Чапаево[214], что в метрах 50 от нас. Снарядов двадцать выпустили, но только одним попали в дом, да и то по боку стукнули. После этого еще два-три снаряда выпустили и оставили, видно, надоело им. Вот она, цивилизация немецких варваров! Бойцы с горькой иронией говорили: «Немцы нам дрова заготавливают. Вот сейчас разобьют этот дом, и мы пойдем за дровами».

Несмотря на обстрел, возле дома прятались люди и ждали конца обстрела, чтобы набрать дров для топки.

Пишу при свете догасающего камина, проделанного в стенке моего окопа.

Вчера был на НП. Туман непроглядный был кругом, но пришлось отбывать. Когда развиднелось – заметил наблюдателей фрицевских. Открыл огонь по телефону. Хотел одним минометом, но Соколов дал всей батареей, и я не смог корректировать – разрывы были очень далеко, и даже не видно их было почему-то, только одна мина упала метрах в пятидесяти от наших стрелковых окопов.

Ночью фрицы открыли такую бешеную артподготовку, что ужас. В особенности по Ново-Петровке. Старшина Урасов рассказывал, что всех лошадей поразгоняли снаряды вражеские в селе.

От нас метрах в пятнадцати тоже упал один снаряд. Сегодня упал близко, возле артиллеристов. Немцы активничать начинают. Очевидно, у них есть боеприпасы, вдоволь.

15.12.1943

Опять догасающий камин – очаг света.

Утром написал и отправил письмо папе. Сейчас написал Майе Б[елокопытовой] и Соколова девушке, Юле Петровой. Некому и некуда писать мне, вот и выдумал чужим любовницам письма слать.

Был сегодня у нас капитан Андреев, беседы проводил. Он очень хороший человек и по-отечески заботлив ко всем, в особенности ко мне.

Ночью копали ход сообщения.

У Савостина газета свежая и в ней портрет Сталина, Рузвельта, Черчилля вместе снятых. Сталин постарел маленько. Он в военной маршальской форме, Рузвельт – в штатском – у него умное и хитроватое дипломатическое лицо. Черчилль – толстяк маленького роста в военной форме. Савостин восхищается Рузвельтовой физиономией.

Разговаривал с Савостиным много насчет жизни и несправедливости, повсюду царящей. Савостин говорил, что, повидав несправедливость, обман, преследование людьми мелочных интересов, он решил после войны уйти от суеты, от городской жизни и поселиться в деревне, где заняться хлебопашеством.

16.12.1943

Камин – свет. Ночь копал. Я не спал – отмерял метры и протяженность работ. Днем дежурил на НП. Ни одного фрица, да и к тому еще у меня бинокля под рукой не оказалось. Далеко на горизонт опустился густой хмуро-серый туман.

Читал. Почти ничего не написал. Газет сегодня не было. Спать хочется – усталость и бессонница. Писем нет. Два письма, что вчера написал, сегодня отправил.

18.12.1943

Позавчера в ночь был вызван на партбюро батальона: я член бюро. Повестка – подготовка к партсобранию. Вчера в два часа дня партсобрание. Присутствовал капитан Андреев. Он доцент, оказывается и политрук гражданской войны еще. С 1926 года член партии.

Выступал и я. Вторым после докладчика, старшего лейтенанта Кияна. Выступали комбат, капитан Андреев, наши минометчики, из боепитания, военфельдшер, начальник особого отдела[215] и проч. После собрания пошли сразу на партактив трое от батальона: старший лейтенант Киян, парторг Голомага и я.

Там выступали большие люди дивизии. Среди собрания пришел командир корпуса генерал-майор Горохов[216]. Он очень умный человек. Грузный, большой и красивый.

Поздно ночью вернулся домой, предварительно зайдя со старшим лейтенантом и парторгом в хозвзвод и покушав плотно с водкой.

Капитана Андреева я выдвинул в президиум.

Сейчас наступать будем. Каждый взвод действует самостоятельно. Все зависит теперь от моей инициативы. Артподготовка – полчаса, и затем – вперед!

Ночью спал у меня комиссар. Долго разговаривали и не спали.

Получил письмо от мамы. Больше писать некогда.

21.12.1943

Плачевен исход наступления. Мы (то есть стрелки наши) почти на старых позициях. После артподготовки продвинулись и заняли Безымянный хутор. Но ночью немцы с криками ринулись в контратаку. И пехота, и мы стояли совсем близко от немцев. Чуть было не попал врагу в лапы. Но подробности после. Сейчас артперестрелка. Две наши артперестрелки ни к чему не привели, а наступать надо. Мы на другом месте, где весьма опасно. Немцы обстреливают болото, а мы как раз на его склонах.

На Витебском участке, говорят, снова продвижение[217].

24.12.1943

Написал три ответных письма маме, папе, тете Ане. Вчера получил от них такое же количество. Сейчас получил шестое уже по счету письмо.

Наступление наше приостановилось в самом начале своем. Пехота продвинулась не более километра. Правда, соседи правые потеснили вчера противника аж до самого Днепра.

Позавчера немец контратаковал нас ночью. Довелось драпать, в особенности нам, минометчикам.

Всю ночь рыл землянку. Дело уже было к рассвету, сильно устал и приготовился спать. Но вдруг всех подняли: «Быстрей, собирайтесь!» Бросил лампочку с горючим, плащ-палатку и Савостина топор. Он потом ругался. Соколов, Савостин и Запрягайло выбрали себе окоп в стрелковых окопах противника, пока все это случилось. Бежали изо всех сил. Пехоту нашу значительно потурили, гады, но и сейчас она сидит в немецких окопах. 965-й отстал и не вытеснил немца ни на метр.

Вчера ночью немцы опять ходили в атаку, немного оттеснили нас, но утром артиллерия выбила их и погнала на прежние места. Потеряли они около 300 человек при этом. Еще сегодня днем лежало много убитых и раненых на ничейной полосе – немцы не могли их убрать.

Поймали восьмерых немцев сегодня. В первый день наступления видел раненого немца в челюсть и язык. Клял Гитлера. Вот когда они только начинают понимать! Его перевязали, и он сам пошел в сопровождении нашего раненого в тыл.

Просиднин и Булатов ранены.

Сегодня переходит на эти позиции и Запрягайло. Я живу вместе с Савостиным. Вместе рыли землянку, оборудовали печку и проч. А теперь я приболел порядком: насморк, кашель и боль в глотке, знобит все тело и кости. Савостин не верит и ругается. Говорит, что не хочет быть для меня нянькой и заставляет рубить дрова и проч. Мне весьма неудобно мое положение, и я делаю все, несмотря на слабость.

Ночью немец делал большие артналеты.

26.12.1943

Получил вчера еще одно письмо от мамы. В нем она сообщает, что ее премировали валенками, просит справку. А ведь я ей высылал много справок. Не получила, очевидно.

Над нами здесь все время висит дамоклов меч. Кругом, то далеко, то совсем близко рвутся немецкие снаряды, мины. Только чудо какое-то спасает меня от смерти. Сегодня перед рассветом снаряды [с] стремительным воем вонзились в болотце, что внизу, метрах в двух от нас. Землянка вся содрогнулась, но ничего больше не случилось.

Капитан Чертовской ранен позавчера или еще раньше – днем. Помню, как он шел по передовой во весь рост. Я сказал ему, что снайперы обстреливают, указал на склонившийся в ходу сообщения труп и на другие валявшиеся тела бойцов кругом – все они были убиты пулями. Но Чертовской только рукой махнул. По-видимому, был пьян. Позже я узнал, что он ранен в ногу и живот.

Убит командир роты Петров. Насмешник большой был он. Его старший лейтенант Боровко – наш комбат – отправил во 2-й батальон. Там он и убит.

Вчера ночью у меня забрали одного человека в стрелки. Выделил Лозовского – новичка. Но он очень хороший парень, и мне жалко его.

В газетах новый гимн вместо Интернационала[218]. Тут, конечно, не без влияния союзников.

Написал только что письмо маме.

Двадцать третье или двадцать шестое сегодня? Савостин пишет, двадцать третье, а я – двадцать шестое.

27.12.1943

Сегодня было две артподготовки, но безуспешных. Только на правом фланге, где участвовали в артподготовке «Иваны Грозные», некоторое продвижение.

Письмо маме уже второй день держу и не могу отправить – нам не является почтальон.

С болезнью улучшается. Опасения мои напрасны – все-таки избежал госпиталя.

Камин-печку распалил до предела. Уже ночь. После ужина Савостин спит, а я решил пописать. Где-то на улице повели немца. Он случайно заблудился и попал к нам, об этом говорили часовые.

27.12.1943

С Савостиным долго беседовал сегодня на бытовые темы. Он все толкует насчет деревни, садика, ручейка, спокойной от сует и трудностей жизни. Жена-хозяйка, даже пусть неграмотная, некрасивая, но здоровая, трудолюбивая.

Я насчет литературы все твердил; он же попробовал отвлечь меня от любви к писанию, уговорить, что я неталантлив, не имею способностей быть писателем. Он даже попробовал сам написать стихотворение, уверяя, что лучше меня напишет, но, конечно, у него ничего не получилось.

Долго еще он говорил, что я буду обыкновенным щелкопером, не более, а потому буду испытывать и нужду, и лишения. И с карандашом за ухом, с сумочкой в руках буду стоять в очереди за куском гуся, которого мне не хватит в очереди. А у него в это время будет неограниченный запас гусей, свиней и проч., и он не будет бесцельно стоять за последние гроши в очереди.

Позже он пошел на НП. Я топил печь и решил назло ему, Савостину, еще больше начать писать. Заточил карандаш, приготовил бумагу, как вдруг, прибегают:

– Товарищ младший лейтенант, вас к телефону. – Пошел. Спрашиваю: Кто вызывает?

– 89-й, – отвечают.

– Я вас слушаю.

– Вы что окончили? – ответил.

– Так вы младший лейтенант?

– Да.

– А стрелковое дело изучали? – Тут я решил, что меня хотят отправить в стрелки и сердце мое чуть-чуть екнуло, но потом решил: все равно нигде не погибну, но ответил: – Нет, не изучал, только минометное.

– А не можете ли вы мне посоветовать кого-либо?

– Нет, этого я не могу.

– Очень жаль, а нам нужны стрелки.

Позже опять вызвали.

– Щетинин. Вы меня знаете? Слышали меня?

– Да, слышал.

– Так вот, нам нужен корреспондент. Я узнал, что вы можете им быть, и хотел бы вас забрать к себе в редакцию. Вы согласны?

– Да, но я должен быть с людьми и изучать людей. Я согласен быть вашим корреспондентом, но находясь здесь.

– А так, чтобы вас отозвать для своей газеты совсем?

– Так я не могу. Хочу быть ближе к людям.

– Да, но вы, по-моему, уже достаточно с ними ознакомлены, хорошо изучили людей. Так, что если вы согласны, буду договариваться выше насчет вас.

– Я не возражаю.

Пошел к Соколову, рассказываю ему, а в это время телефон в третий раз вызывает. Подхожу к телефону.

– Суботин, начальник контрразведки. Ящики. Как наладить подсчет и почему они пропадают?

– Не знаю.

– Так вот, 1986 рублей разобьем на вас четверых и взыщем!

Опять пошел к Соколову. Вдруг снова...

– С вещами быть на «Гомеле»! Но прежде, чем туда идти, – подойти к телефону.

Начали дознаваться, кто вызывает. Выяснилось, что всю эту комедию разыграл Савостин. Потом он радовался и смеялся, как ловко он меня надул. А погода была к тому же неважная – ходить, грязь месить.

Вечером комсорг Комагорцев, младший лейтенант, весельчак и трофейщик – убит. Он полез за телом старшего лейтенанта Петрова, а у того было много трофеев: часы золотые немецкие и еще трое часов, и цепочки, и револьверов два, и проч. Взяли труп они вчетвером, но вдруг разорвалась мина. Двое забежали аж в другой батальон с перепугу, а Комагорцев и еще боец были убиты разорвавшейся миной, а потом саперы выяснили, что труп Петрова был заминирован немцами, и сейчас он еще лежит не разминирован. Этой ночью должны извлечь мины.

Кипнис[219], бывший комсорг батальона – убит. Он еврей, в звании красноармейца сумел быть комсоргом батальона. Но как только прислали сюда лейтенанта, его отправили в роту комсоргом и коман-

диром отделения. Его убила мина и пулеметная очередь. Комсорг-лейтенант обо всем этом мне рассказал.

Ночью выдавали валенки. Бойцы не получили, а у меня оказался один 39-го, другой – 42-го размера.

28.12.1943

Сейчас на НП. Начал рассказ. Пишу письма домой.

Руднев свистнул бинокль и дал мне. Соколов прослышал от бойцов, что я взял сюда ящик жечь, ругался, что голову оторвет за него. Я не хотел неприятностей и стал искать выход из положения. Руднев пообещал выручить, и через минут десять гляжу – тащит ящик. Позвонил Соколову: достали ящик. Ничего. Не ругается больше, удовлетворен.

А пока за письма. Написал папе и Федоровским.

29.12.1943

Ночь поздняя. Писал рассказ. Немцы совершают временами (по ночам) сильные и беспокойные артналеты, очень короткие. В такие минуты всякий раз я подготавливаю свои вещи – на фронте всяко бывает.

Сегодня достал немного картошки – здесь всюду кучи валяются. Оттепель, и часть оттаяла, но снизу мерзлая она и хорошей оказалась. Варил, кушал с маслом.

Мы стоим в балочке за Шевченко. Перед нами большущий фруктовый сад – его уже наполовину изрубили. Нам жалко, печально, но не будешь же мерзнуть и пропадать, жалея сад, и мы рубим его без зазрения совести – люди пропадают, а сад жалеть не время – мысли бойцов. Я сегодня тоже нарубил веток и топлю ими целый день. Особенно хорошо идет на топку абрикос.

Ходил на КП батальона, отдал письма и взял газеты.

В районе Витебска прорыв линии фронта по глубине. Взят Городок и другие населенные пункты[220]. Много трофеев, пленных.

Черчилль заболел, но, пишут, выздоравливает[221].

Савостина нет. Он вчера показал еще одну сторону своего характера. Я разжигал печку и задремал – он начал орать. Тогда я заявил ему: «Топи сам!» Он стал тогда выгонять меня и заставлять замолчать. Я поругался с ним тогда. Он весьма заносчив, самолюбив и думает, вероятно, что на нем свет стоит, а остальные люди ему должны подчиняться. Даже Соколовым он крутит по-своему, хотя и выполняет его приказы.

29 или 30.12. 1943

От тети Ани получил письмо от 8 декабря. Это седьмое письмо от нее. От папы – четыре. От мамы – шесть.

Савостин ушел, и я еще немного написал рассказа. Много не удается – мешают: то Руднев со своими песнями, а то Соколов пришел ругать меня за ящики. Он очень хороший человек, и я напрасно его обидел, не выполнив приказания насчет ящиков – сжег один, а с него высчитывают. Трое суток домашнего ареста, говорит, даст мне с занесением в личное дело. А, может, и не занесет, не даст ареста мне?

Сюда перешел Чернявский со своей ротой.

Газет еще не получал. Сейчас напишу несколько писем, а потом продолжу. Бумаги у меня очень мало. Дневник кончается, и даже писем не на чем скоро будет писать.

31.12.1943

Передовая. КП стрелковой роты. Тесно, хотя блиндаж очень большой. На дворе слякоть, грязь, но ветер холодный, и я пришел сюда. Замерз, особенно ноги. Тут младший лейтенант Подбельский, Маслаков, Рогачев.

Подбельский был, оказывается, уже в плену, в штрафбате после плена, и звание младший лейтенант он носит уже более года. Так он рассказал мне в ответ на вопрос, не с одних ли мы курсов.

На Житомирском фронте, где действуют войска 1-го Украинского фронта, большие успехи. Взяты Коростень, Черняхов, Сквира и 250 других населенных пунктов. В районе западнее Запорожья наши войска прорвали фронт, овладели островом Хортица на Днепре, пригородом Запорожья на правом берегу Днепра. Заняты еще населенные пункты[222]. Много их. Для нас это наступление играет немаловажную роль. Если там хорошо нажмут, то фрицы могут попасть в окружение. Прямая угроза нашим прямым противникам, нашим фрицам.

Неприятель тоже заволновался теперь. Говорят, что, по имеющимся сведениям, глубоко в тылу немцы отводят свои силы на правый берег Днепра. Но здесь он дает еще жизни: обстреливает передовую еще сильнее, чем прежде. Впрочем, это, до некоторой степени, признак отхода.

Эйзенхауэр назначен главнокомандующим сил вторжения союзников на континент Европы. Он заявил в своем выступлении, что вторжение в Европу не должно и не может помешать действиям союзников в Италии[223]. Югославские партизаны Тито насчитывают 250 тысяч человек – 26 дивизий, вооруженных артиллерией, минометами, отвоеванных у противника. Они имеют свою печать, радио, железную дорогу, связь, авиацию и прочее, необходимое для ведения современной войны[224]. В Италии Ортона пала под нажимом союзников[225].

Вчера на НП дежурил. Соколов сказал, что в наказание за ящик сегодня тоже обещал меня послать сюда. Но я захотел лучше на передовую.

Всему виноват Савостин. Он пришел к Соколову, злорадствуя и намекая ему, что, дескать, необходимо меня еще два раза послать на НП. «Ты же обещал», – упрашивал он, заглядывая Соколову в глаза. Я сидел и с трудом мог выносить его подлость, затем не вытерпел и пошел, принес три перекладины с ящиков, что он повыдергивал накануне.

На НП написал письмо дяде Люсе и по просьбе Чипака написал его родным.

Потом стали говорить по телефону об ожидающемся наступлении пятерки (то есть 905-го полка), просили поддержки огнем.

Позже пришел Соколов стрелять. Пятерка наступала неудачно. Мы стреляли. Потом Соколов мне передал описание боевых традиций роты. Для чего – ни он, ни я, ни Митрофан Запрягайло не знали. Соколов лишь сказал мне, что старший лейтенант Киян поручил составить и передать мне это описание.

Я прочитал Соколову свой неоконченный пока рассказ, и они с Запрягайло пошли.

Вдруг позвонили.

– Вас вызывает немедленно в Ново-Петровку 30-й, – передал мне телефонист.

Я решил, что опять Савостин балует, позвонил Соколову. Соколов отправился на КП батальона, «на балку», узнать насчет вызова. 30-й – это капитан Андреев. Комбат не разрешил мне никуда уходить – так передал мне Соколов.

Вечером от парторга (наш парторг Голомага отозван в полк) младшего лейтенанта Епифанова узнал, что вызывал меня Андреев для того, чтобы дать мне задание рассказать о боевых традициях своей части. Для этого, очевидно, и составлялась сводка действий минроты Соколовым. Ему, между прочим, привесили еще одну медаль «За отвагу» – он счастливец. Только нас, командиров взводов, он не хочет награждать. Шутил, что медаль даст, если я засеку ОТ противника, но это, конечно, только шутки.

Сейчас вспоминали со связистами боевые дела нашего батальона. Терпение[226], где из-за посадки более чем полмесяца мы бились безрезультатно. Нами командовал тогда подполковник Рыбкин. Очень много людей погибло из стрелков. Редко кто остался из тех дней.

Потом нас перебросили южнее Мелитополя. Посадку ту немцы оставили, как стало известно, без боя после нашего ухода. Стояли во втором эшелоне. Перешли Молочную[227] вслед за первым эшелоном,

заняв оборону возле одного сада и большого красивого дома в центре его. Мы стояли несколько дней. Там было много помидоров, огурцов, капусты, моркови, и мы объедались. Варили картошку, кабак.

Затем пошли вперед и вскоре перешли все в первый эшелон. Стояли в поле в большом и узком клину. Расширяли его. Кругом были горы и балки, и наш полк наступал, но неудачно. Соседи имели успех, и вскоре клин мы расширили, ликвидировали. Стали продвигаться и вскоре попали в еще более узкий и дугообразный клин. Кругом нас обстреливали. И справа, и слева, и спереди совсем близко раздавались выстрелы артиллерии, минометов, в особенности шестиствольных. Пулеметы врага не давали нам прохода. Лишь едва проходимый узенький коридорчик соединял нас с большой землей. Пришли танки, пришли свежие мотомеханизированные соединения. Наступали и мы, и соседи. Постепенно клин расширили, наш батальон перешел на левый фланг. Стрелки заняли оборону впереди бригадного двора. Мы – позади его. Были свежие сушеные фрукты: вишни, яблоки, груши. Были мука, картофель, компот, сало и мясо. Жили мы хорошо. Там я добыл у мертвого румына блокнот. Подле него лежали фотографии – их я отдал Чертовскому. Здорово там постреляли, повоевали. Немцы отвечали нам. Потом справа нажали наши танки. Немцы драпанули, и мы далеко продвинулись вперед. Захватили шесть шестиствольных минометов, пушки, много других трофеев и вооружения. Немцы остановили нас только подле одной посадки. Там налетела авиация: бомбила нас, обстреливала из пулемета. Побило лошадей, людей поубивали бомбы, но мы остались целы.

Потом опытная станция, где убили Марию, и вывело снарядом мой миномет из строя. После этого опять нажали на немцев и опять далеко загнали на запад. Там я отстал и нагнал своих после целого ряда приключений и хождений по различным полкам и дивизиям. Нашел своих к концу следующего дня в деревне с мельницей, имени ее не помню. После той деревни много боев и деревень. Немец все отходил и на промежуточных рубежах закреплялся, встречая нас сильным огнем. Много людей вышло из строя, и так аж до Сиваша. После Сиваша, где отдохнули, и после перехода многодневного неизвестно куда, мы очутились в Чехово и затем в Ново-Петровке.

Дольше всего мы находимся здесь.

Сегодня наши начали артподготовку. Соседи. Опять пятерка. Но опять неудачно. В бинокль наблюдалось движение, суета в траншеях: вот поднялась пехота, перебежками по одному пошли вперед. Забила немецкая артиллерия, и пехотинцы повернули назад. Таким образом, наша артиллерийская подготовка успеха не имела. Немцы усиленно обстреливают наш передний край. Здесь особенно близко рвутся все время снаряды большой силы.

Позже. По телефону передали, чтоб я немедленно, если только есть возможность уйти с передовой, явился к 33-му в дом № 60 в Ново-Петровке. Пошел. Немцы обстреливали всю местность из пулеметов, так что очень трудно уйти среди белого дня с передовой. Но я рискнул. Не первый раз мне приходится рисковать. Речка не вся оттаяла – снизу лед прочный. Так что я, чуть намочив ноги, перешел ее два раза.

Пришел на КП батальона. Комбат Боровко сказал, чтоб я шел побыстрее в Ново-Петровку. Кто такой 33-й, он не знал, но связист сказал, что замкомполка по политчасти. Явился в роту. Оставил бинокль, вымыл руки, лицо и пошел. Да, попил еще немного чаю, что Савостин приготовил. А я ему потом отдал табак.

В Ново-Петровке, в квартире № 60 застал какого-то капитана. Я спросил: – Кто вызывал? – Он ответил: Я, – и рассказал, что от меня требуется. Я выслушал. – Вам придется много поработать и принести этим самым пользу всему полку. Возможно, дня три придется поработать. Завтра с утра явитесь к нам, а сейчас идите: мойтесь, брейтесь, отдыхайте.

Написал письмо маме.

1944 год

01.01.1944

Вот и Новый год. Сейчас пойду к 33. Утро.

Старший лейтенант Шакуров – парторг полка. Капитан Суслин – зам[еститель] по политчасти.

Пришел. Уже было часов десять–двенадцать. Замкомполка не было, один парторг да еще комсорг Бикандыков были в 60 квартире.

Написал письмо Оле. Посетителей там было очень много, так что много не написал.

Разговаривал с капитаном Кестельбоймом[1] (он еврей), который является парторгом тыла. Он пятнадцать лет в партии, старый житель этой дивизии и много и многих в ней знает – он мне рассказывал. О себе тоже постарался рассказать, не жалея красок, скрывая свое бахвальство фразой: «О себе неудобно говорить». Сейчас он работает где-то в тылу и помимо основной работы имеет партийную нагрузку парторга: всяких там ОВС, ПФС и прочее.

Разжился бумагой.

01.01.1944[2]

2-я польская дивизия имени Генриха Домбровского[3]. Полковник Савицкий (1-я – имени Тадеуша Костюшко[4]) под командованием полковника Войцеха Бевзюка[5].

Отдельная югославская добровольческая часть в СССР под командованием подполковника Месич Марко[6].

02.01.1944

Весь день писал и [*одно слово нрзб*] делом занимался [*одно слово нрзб*]. Написал письма маме, папе, дяде Жоржу, дяде Мосе.

04.01.1944

Написал две больших статьи о капитане Андрееве[7] и о Соколове. Накатал и отправил четыре письма: Майе Б[елокопытовой], папе, тете Ане и дяде Люсе. Получил четыре письма: от мамы два, от папы и тети Ани по одному. Эти письма они держали на передовой четверо суток. И хотя многие из минометчиков были здесь, но не привезли. Лишь вчера одно письмо привез Савостин, а [*одно слово нрзб*] привез ездовой остальные.

05.01.1944

Написал письма тете Ане и маме. Весь день переписывал свои труды.

09.01.1944

Вчера получил пять писем. От мамы – два, от папы и от тети Ани – по одному и от Нестеренко. Сейчас уже ответил Нестеренко. Отвечаю тете Ане. Маме и папе тоже отвечу – надо подумать.

12.01.1944

Позавчера получил четыре письма. Нет, 09.01. Три от папы и одно от дяди Левы.

Сегодня Руднев мне отдал три письма от мамы, папы и д[яди] Жоржа. Сейчас отвечаю. В Астрахань – дяде Жоржу, дяде Леве – в Дербент, маме – в Магнитогорск. Маме выслал справку[8].

Ночью в ожидании ужина при свете камина, догасающего и бледного. Балочка. Ближе к стрелкам, чем прежде, но опять-таки в районе Шевченко.

Вчера только вернулся на ОП после десятидневного отсутствия. До этого находился в Ново-Петровке, что в пяти километрах отсюда, где писал материал для выставки, статью о Соколове, о Кияне, об Андрееве и о боевом пути полка. Меня отпустил замкомполка на время, пока он не соберет материала для истории полка. Он хочет, чтобы я ее писал.

Пришел позавчера перед вечером. Солнце уже село, и свет его еле держался над землей. Землянки не было. Соколов, Запрягайло и Савостин живут вместе. При них ординарец Ращенко. Они не хотели меня пускать и говорили, чтоб я приказал отдать [*две строки нрзб*].

Привезли ужин. Ночь темная. Редкая ружейно-пулеметная перестрелка. В воздухе кукурузник, но чей – неизвестно. Оставлю дневник до рассвета, когда приедет завтрак. Карандаш затупился.

14.01.1944

Написал письма тете Ане со стихом, в редакцию красноармейской газеты «Боевой товарищ» – стихотворение «Гремят бои». За эту ночь и день написал два стихотворения. Одно – для Соколова, любовно-фронтовое.

Сейчас ночь. Приказали приготовиться и взвод приготовить, в полный боевой вид привести. Поэтому упаковал вещи и дневник, который, кстати, кончается. Туда я буду вписывать свои стихотворения.

Печка в землянке. Перекладинами от ящиков с минами топлю – больше нечем. Осталось три штуки, четвертая догорает.

Немцы все стреляют. Сегодня наша авиация работала. Опять один какой-то сбросил мелкие бомбы на нашу территорию.

Свистят пули поверх землянки.

Только что написал письмо Оле. Теперь три письма. Мусиняну написал письмо в редакцию с запросом о родных.

Вши едят. Старшина назло выдал мне при обмене белья старую, прогниженную [*так*] рубашку и кальсоны. Было темно, когда переодевался, и я не заметил сразу.

Партсобрание. Далеко за полночь. Я секретáрю.

15.01.1944

Правые соседи наступали при поддержке самолетов, но продвинулись всего на 80 метров. Фрицы бешеные теперь.

Послал стихотворение «Идут бои» и «Нине»-2 в редакцию «Сталинское знамя» Ю. М. Кокореву[9].

Немцы обстреливают. Один «Ванюшин» снаряд упал на бугре метров пять от меня. Вся землянка содрогнулась и осыпалась, завалилась, печь-труба упала. Пришлось восстанавливать. А сердце замирает при каждом подобном выстреле – передать трудно. Но теперь не страшно – не стреляют сюда.

Ночь. Темень безумная. Сейчас набрели сюда дивизионные саперы. Они разведывают местность.

15.01.1944[10]

Началась артиллерийская подготовка. Действуют соседи. Слева – большая пятерка и справа – большая двойка. Их задача – поравняться с нами, а нам задача – в случае успеха поддержать их продвижение.

Вчера ночью написал два письма. Папе и тете Ане со стихотворением «Пополнению», но не отправил. Несколько дней подряд пишу письма другим лицам. Вот Петру Соколову, нашему командиру роты, написал два письма для его девушки Нины. Потом Калинин попросил ответить его дочурке маленькой, которая просит прислать статью в местную стенгазету, а он не знает, как лучше ответить, чтобы не обидеть ее чувств. Раньше Рудневой девчурке написал. Глянцева жене – два письма, Чипаку – письмо домой и т. д.

Только что хлебнул сто грамм водки, я ее разбавил сахаром, и глаза мои в первую минуту чуть посоловели. Теперь все прошло.

В газете опять ерундовину обо мне написали. Эту газету я имею у себя. А пока спешу закончить – уж больно сильная артиллерийская подготовка на флангах. Может, чего получится? Начинаем мы стрелять.

16.01.1944

Написал письма в редакцию «Красной звезды» Таленскому Н. А.[11] – статья «Старший лейтенант Киян» и стих «Нине». В редакцию газеты «Кировец» майору В. Щетинину стихотворение «Гремят бои». Маме и папе написал. Итого четыре письма.

Ночь. Свет кончается, а я ни одного протокола не составил. Ведь на ротном партсобрании я тоже секретарничал. Выступал по некоторым вопросам.

Лучина из целлулоида (с кабины самолета) догорает. Спешу закончить.

Ночь на 17.01.1944

Только что всех подняли, приказали приготовиться. Оказывается, противник снова наступает.

Спички, как назло, отсырели. Пришлось половину коробки вычеркать, но ничего не помогло. Тогда чиркнул одну за другой две пятерки спичек, и свет загорелся. Лучина от целлулоида-самолета кончилась. Довелось разжигать печку, но опять-таки бумаги не было – сжег целую газету, но не растопил. Тогда схватил солому и камыш (а у меня его здесь еле-еле) и запалил, минут десять раздувал. И сейчас раздуваю. Хорошо еще, что ничего не случилось. А в темноте я много растерял бы, если бы драпать пришлось.

Перекинул кашу.

17.01.1944

Получил шесть писем. Одно от мамы, по одному от дяди Люси и тети Ани, тети Любы, два от Оли. Мама расстроила меня. Она, очевидно, забывает о тяжести настоящего времени и продолжает оскорблять папу. Папа совсем напротив поступает. Мама опять называет его мелочным; говорит, что он хнычет и жалуется. А на самом деле он даже не хочет использовать моих денег: пишет, что для меня будет держать их и даже на мое желание соединить их не отвечает отказом. Совсем иначе делает мама.

Оля стала ужасно грязно и бестолково писать. Самый худший шрифт моего письма не идет в сравнение с ее маранием, а ведь она в институте. В общем, она разочаровала меня кругом. Я так ведь любил ее письма. Адресов девочек не присылает. О Лене и Майе сообщает только, что потеряла с ними связь, и что Майя выехала в Москву, а я ведь ей столько писем отправил!

Тетя Аня хорошо пишет, приятно, но немного наивно. Так, она пишет: «Попросись у своего начальника в отпуск в Днепропетровск», будто забывает, что ни я, ни начальник не можем устроить мне эту

поездку туда, ведь я на войне, а кто немцев бить будет, коль я разъезжать стану? И другие наивности есть. Дядя Люся не письмо, а записку написал. Пишет, что, возможно, выедет. Письма холодом пахнут. Я написал ему много писем. Тетя Люба обвиняет даже в перемене адресов. Письмо у нее короткое – открытка. Ни словом не заикается о Лялечке. Вообще, на всем и на всех печать занятости, напряженной работы, поэтому и письма короткие.

Да, мама пишет, что обеспечит мое обучение после войны. Она забывает, очевидно, что я не ребенок и имею уже заработок. Оля пишет, что Нестеренко ей рассказал о каких-то наградах, якобы имеющихся у меня, и что мы с ним жили как братья. Меня это немного трогает, но немного смешит. Возможно, он хочет пожить лучше, вот и притворяется. Тут, дескать, меня за брата считают, кормят и ухаживают. Так сейчас все военные поступают, ибо это лучший для нашего брата выход в жизни.

18.01.1944

Я сейчас слегка пьян – выпил триста грамм. В глазах темновато стало, они как бы сузились, а голова отяжелела и хочет свалиться на землю. Шалит, не свалится, я ее не пускаю! В землянке не топлено, но я достал перекладин и буду топить, когда отрезвлюсь. Ручка тяжела, как точно не перо держу, а брусок железа тяжелый, а в груди огонь. В груди хорошо, а в голове плохо – мысли сумбурничают. Они отяжелели, и их опутало что-то, похожее на туман, а писать как хочется. Глупая голова не может владеть мыслями. Нет единоначалия в моей головной системе. Командиром надо назначить мозг. Пусть исполняет свои обязанности. Его права: трое суток аресту, запрет мыслям и проч., глаза тоже входят в его подчинение. Он полновластен. А глаза, глупые, стесняются, наверно, или стыдятся, что я выпил маленько – ничего, война на то, привыкать надо! Эх, бы мне еще сюда девушку горячую, как водка. Тогда б и глаза шире смотрели. А пока остается песню петь:

Не отрицай несправедливо.
Эх, обо всем скажи отцу.
Тогда свободно и счастливо
С молитвой мы пойдем к венцу[12].

Хорошо стало, и снаряды не рвутся. Дескать, пьяному все нипочем. Но ведь не совсем пьяный я. Чуть-чуть трезвости у меня есть. Даже холод чувствую, я ведь не топлю ничем, хотя и планок [*одно слово нрзб*], но решил их придержать на позже – пусть привыкнут ко мне и к моей квартире.

Так пой:

Война. Идут сраженья.

И всюду враг жестоко бит.

Советский гимн уничтоженье

Врагам коричневым трубит.

А пар врывается в щель, оставленную мною для света. Это, наверно, [дым] – к черту его! Да здравствует тепло и любовь. А ведь я не столько выпил, чтоб опьянеть. Неужели я уже настолько слаб? Что если с немцем с глазу на глаз стукнуться придется? Да ну его к черту. Мой гнев сильнее слабости.

Эх, пей и пой народ честной.

Война – так смерть врагам отчизны.

Да будет мир, придет любовь,

И мы вернемся к прошлой жизни

С тобой мой ангел, светлый, вновь.

Эх, шесть писем получил вчера. Помню и сейчас. А от любимой нет письма. Но где эта любимая? Где-то в облаках витает. Она такая раскрасавица, такая умница! Эх, далась мне война и фрицы чертовы! Долой их, а любимая девушка-красавица приди, приди, пожалуйста, поцелуй и обними мое сердце. Оно, бедное, страдает. Трещит самолет. Он, видимо, не чувствует моего трепета душевного и относится безразлично к моей любви. А снаряды молчат – очевидно, образумились. Только зенитчики активничают – не знаю, наши или немецкие, и самолет, не знаю чей. По всей вероятности, наш, но чего это с нашей стороны выстрелы звучат? Мне, наверно, кажется. Ведь я сейчас балбес чистый. И снаряды забалбенились. Только далеко. Боятся, видимо, приближаться ко мне. Ну, пусть боятся. А в груди раздолье! Только ноги мерзнут, несмотря на валенки. Холод, видно, все-таки пробрался в мою берлогу. «Weg»[13], – говорю я ему по-немецки, но он не слушается. Придется применить права свои, даже силу оружия. А ведь у меня его нет, оружия-то. Добуду в бою. Позор воевать без пистолета. Даже с холодом не могу справиться, а с немцами ведь трудней. Дед мороз в белой пилоточке. Удивляюсь, как ему не холодно. И дышит он сюда белым душистым паром. В единственную щелочку дышит, дурак. И трубу заморозил. Да что ему от меня нужно. Палкой его! Палки нет. Так сумками своими его затуркаю, они тяжелые, сумки мои. Темно станет, но черт с ним. Ночь мала, сегодня надо выспаться и за ночь. Днем. Нет, это не день, это мне просто кажется. Снег ведь белый, вот он и блестит и морозит ноги и руки мои. Остальное тело горит огнем и сумбуром. А что значит сумбур? Это что-то смешанное, вроде войны и мира, любви и холода и безумства. Опять самолет. Нет, это мой самолет, наш самолет. Фашистам нет

места в небе голубооком. Оправиться хочется. Но нет, нельзя [*одно слово нрзб*], не выйду отсюда, ибо мороз подстерегает меня. Хочет ворваться в мою хату, когда я открою дверь. Дурак, ведь я не глупее его. Я все-таки человек, и у меня есть небольшие мыслишки и так закрыть щелку [*два слова нрзб*].

Полдень. Отрезвился, выспался. Занимаюсь освобождением сумки от писем, не имеющих особенной важности, ибо места для них не хватает. Газеты тоже – выбираю наиболее ценные статьи и вырезаю их, остальное – долой.

Письма. От мамы за 10.12.1943 г., 3.12.1943 г., в которых сообщает, что работает при новом директоре общежития, медаленосец; и что ее премировали (маму) валенками; о справке; о Днепропетровске прислать. 30.11 – опять о справке письмо [*одно слово нрзб*] 36 дней. 25.10 – сообщает о Днепропетровске, о радости своей и зависти (!) мне, что я близко от города. От тети Ани за 02.12.1943 г., в котором сообщает, что получила из Украины от меня три письма 28.10. Поздравляет с Днепропетровском, пишет, что имеет квартиру не хуже Днепродзержинской. Приглашает приехать и сообщает адрес: третьей маркой трамвая, шестой завод им. Сталина, каменные дома № 6 кв. 1. Телефон завода им. Сталина планово-экономический отдел № 638 [*два слова нрзб*]. От Шевлюге, имеет письма только от меня и дяди Люси. 20.11.1943 г., – если я жив, чтоб написал. 15.11.1943 г., 10.11 – дядя Жорж достал три бутылки водки и две четверти пива. Поднимали тост за мое здоровье. Живут дружно, и Жорж объясняется в любви ей. Слушаю ли я письма на фронт?

Протест. От мамы: интересуется квартирой и вещами из Днепропетровска, просит о справке. 10.11.1943 г. пишет, что 35 дней не имеет от меня писем и просит справки. 1.11.1941 г. (по ошибке написано, очевидно, 43 года). 29.11 – справку. Два месяца не имела от меня писем. 07.12 – справку. Получила за последнюю неделю четыре моих письма, о письме к Федоровскому. 09.12 – о Нестеренко: «Он симпатичный дядя. Много о тебе рассказывает». 25 дней не имела от меня писем. От папы 26.11.1943 г. От тети Ани 03.01.1944 г. Получила мое письмо, где о совместной жизни мамы и папы. Как Новый год встречали.

«Сталинское знамя» – Ю. М. Кокорев. «Красная звезда» – Н. А. Таленский.

«Советская Украина»[14].

Дядя Жорж 16.12.1943 г. открытка. Пишет, что послал мне несколько писем.

От тети Любы 22.12.1943 г. Пожелания и жалоба на то, что писем я ее не получил.

19.01.1944

Получил письмо от тети Ани. Вчера – от папы, и ответить некогда. Вчера полковой партактив. Выступали ряд товарищей. Киян выступил из нашего батальона [*три слова нрзб*] чуть ли не весь батальон привел с собой [*два слова нрзб*].

Писать буду днем, а сейчас глухая поздняя ночь. Нога почему-то разболелась, когда я шел в Ново-Петровку, и теперь не могу ходить.

20.01.1944

Написал письма маме, тете Ане, тете Любе, папе и в «Правду» о Кияне.

21.01.1944

Сегодня снялись со старых позиций. Двигаться будем неизвестно куда. Сейчас пришли в Ново-Петровку.

[Тыло]вка[15]. Притащили гармонь, и началось веселье. Жаль только [вод]ки нет! А ночь поздняя, темная, спать ночью не придется.

Послал второе письмо в «Правду». Сегодня ничего не писал. То вшей бил, то печку разжигал и собирался в дорогу. Спать тоже не спал эту ночь.

По радио весть о взятии Новгорода[16].

Здесь в комнате битком набито: и отъезжающие, и мы, и новоприбывшие. Стрелки еще не прибыли. Не ели, и нам еще долго придется здесь ждать. Куда мы пойдем? В тыл на доформировку, на отдых или же на другой участок фронта?

22.01.1944

Рассвет. Только что пришли в Белозерку. Бойцов разместили в большой хате, что по соседству, а мы здесь разместились четверо: старшина и связисты.

Спать хочется.

Вечер. Темнеет. Сейчас уходим.

23.01.1944

Гавриловка. Зап[адная] область. Круглое село. Дома расположены кругообразно.

Шли всю ночь и вечера. Прошли не менее 40 километров. Когда стали подходить, ноги отнялись. Я упал в изнеможении. Жаль, без хлеба оставил. Кто виноват, трудно понять. Мне стало очень обидно, когда я увидел такую бестактность к себе со стороны Соколова. С ним шли Докучаев, старшина и связные.

Вчера отправляли на курсы танкистов одного человека – Горбатова. Старшина скандал устроил, хотел ехать сам. Его уговари-

вали вся К°, обещали произвести в офицеры. «Что мне звездочка! – говорил он надменно. – Младшим лейтенантом быть – это все равно, что место в армии занимать...» – говорил сержант Урасов в моем присутствии. Он на генерала, очевидно, сразу рассчитывает.

30.01.1944

Партсобрание. Сегодня полку вручают знамя. Зачитывает капитан Пичугин секретный приказ о наступле[нии].

Получен приказ [*продолжение отсутствует*].

02.02.1944

Ночью в эту хату набилось полно людей. Она точно проходной двор. Хозяева всех приветливо встречают и зазывают к себе в хату. Дело в том, что живут они богато по сравнению с мало-лепетихскими: имеют корову, барашек, картошку и, главное, молоденьких девушек, которые умеют говорить и нравиться. При немцах они, очевидно, с не меньшим азартом гонялись за молодыми фрицами. И многие говорят, входя сюда, что там, где есть девушки, немец не разграбил хозяйство.

Павел торопится – боится потерять свою часть. Мне некуда торопиться – должность моя уже, очевидно, занята и, кроме того, необходимо позавтракать прежде, чем уходить, ибо по аттестату продуктов мне не получить теперь: проел еще вчера.

03.02.1944

Партсобрание. Капитан Пичугин зачитывает нам секретный приказ о наступлении.

04.02.1944

Константиновка. Стоим в одном километре от села. После «отдыха», уставших и обессиленных, двинули на фронт. Дорогой грязь, слякоть, дождь взялись совсем доконать нас. Идти было невообразимо тяжело, стоять было холодно. В деревнях, избранных для ночлега, мест для нас не было, и даже на чердак не пускали. [Плюс] к тому недоедание.

В квартиры-чердаки лезли насильно, невзирая на плач хозяек. С пищей кое-как перебивались, выменивая на одеяла и проч.

Но здесь стало совсем плохо, три дня мы не видели хлеба во рту. Вышли из положения. Денек поголодали, на второй убили подстреленную немцами лошадку, добили умирающую кобылу, тоже раненную немецким снарядом. Весь день ели конину и день перебивались сырой кукурузой, а затем нашли в соломе спрятанную картошку и тоже перекусили.

Сегодня хлеб Руднев принес.

Снаряды неистовствуют – ранило Гореленко, Иващенко, минометчиков Соловьева, старшину и других.

Землянка никудышная. Холодно. Условия безобразные. Грустно. Но не писать не могу, хотя темно, и пишу ощупью. Руднев, Засыпко со мной. А снаряды ложатся по бокам, и я мысленно прошу рваться их подальше.

Писем не пишу и не получал.

05.02.1944

Константиновку немцы оставили вчера ночью. Мы узнали об этом, когда они не стали отвечать на наши выстрелы артиллерии, минометов и пулеметов.

Всю ночь не спал из-за зубной боли, которая просто-таки невыносимо сильна. Все нервы передергивает, и болит голова.

Вчера нам утром подвезли кашу вторично за эти пять дней. И хлеб. Из батальона вышло из строя 67 человек, с нашей роты двое ранено.

На рассвете вошли в село. Пехота – еще ночью и к нашему приходу успела напечь пышек и наварить картошки. Мы опоздали, и нам досталась одна картошка, но вдоволь – от пуза. Запил грязной, желтой от мути водой. В животе урчит.

Отсюда, из-за безбрежных равнин степи, вдали виден Днепр. В селе ни одного человека, кроме собак, ничего живого немцы не оставили. Это впервые: ни одному человеку не удалось скрыться и остаться в селе, не говоря о скоте и птице. Хаты целые. Поле кукурузное за селом.

Окопались, дали несколько выстрелов по впереди лежащему хуторку. Немцы стреляют по Константиновке через наши головы. Только что упал снаряд совсем близко, а я еще не окопался. И зуб, зуб терзает так, что места себе не нахожу от боли. Где-то не так далеко разорвалась шрапнель, свистят пули, а поле чистое-чистое – ни бугорка, ни единой неровности местности, за которой можно бы было укрыться.

06.02.1944

Подошли еще ближе к противнику. Ночью. Соколов еще до этого пошел на КП батальона узнать задачу, но был ранен шальной пулей в руку. Теперь Запрягайло командует. Мне он передал свой взвод и половину моего. У Савостина остался его взвод полностью, и расчет Лопатина я отдал ему.

Местность совершенно открытая, что и голову высунуть нельзя. Противник обороняется одними пулеметами и винтовками. Ночью

особенно рьяно обстреливает. Я как раз пошел за лесоматериалом для землянки. Пошел с Горбатько. Близко ничего не нашли. Тогда он решил идти в деревню. Я зашел с ним слишком далеко и, боясь заблудиться, если остаться самому, решил следовать вслед за ним.

Пришли в село. Попросил его сходить со мной в хозвзвод, где мои вещи остались, но тот не согласился, говоря, что ему там нечего делать, взял необходимый дрючок и стал собираться уходить. Меня он ждать не хотел. И я поспешил найти первые попавшиеся палки, чтобы только успеть. Одну схватил – уборной воняет, но не побрезговал и ею, взял.

Подошел к колодцу. Боец один набирал воды в котелки.

– Дайте, пожалуйста, напиться, – говорю ему.

– Сам набери, буду я для тебя еще воду вытаскивать, – отвечает.

– Но, товарищ боец, ведь из-за глотка воды вы мне советуете целое ведро вытаскивать. Неужели для вас составляет большую ценность глоток воды?

– Не составляет, а хочу, чтоб ты сам потаскал, как я.

– А что, если я вас заставлю вытащить? Ведь я могу это сделать!

– Смотри! А то я заставлю, кажется, – проговорил он угрожающе.

Но тут Горбатько сам взялся вытащить ведро воды.

– Конечно, может он тебя заставить, ведь он лейтенант, – попугал Горбатько грубияна-бойца.

Такое обращение здесь сейчас сплошь и рядом. Даже у нас в роте вчера я подошел к красноармейцу Ковалевскому, попросил у него котелок, но тот дерзко и нахально ответил мне: «Уходите, ради бога, от меня, не морочьте мне головы!»

Вчера этого бойца передали мне во взвод. Теперь его следовало бы проучить, но я не люблю мстить и придираться к человеку, беспомощному против меня.

Хороший человек у меня Засыпко. Спокойный, добрый, исполнительный. Пожилой усатый человек с мягкими сероватыми глазами. Он тракторист, комбайнер, и с большим увлечением часами рассказывает мне о своей работе в колхозе, в совхозе; о процессе работы на тракторе, на комбайне; о хорошей, зажиточной жизни своей до войны; о сале, о меде, о масле, сливках, сметане, яйцах, колбасе, хорошем домашнем хлебе, борще с перцем и чесноком, картошкой и курятиной. Обо всем, чего мы сейчас не видим. И даже не всегда себе ясно представляем. Это было давно.

А сейчас небольшая земляночка на двоих сырая, холодная, сидеть в ней можно согнувшись, ноги мерзнут, и кусают вши да блохи. На шинели, сапогах, руках, на всем теле и обмундировании и даже на сумках грязь, почти неискоренимая в наших условиях. Грязь, набран-

ная за весь десяти или еще больший период времени в походах и продвижениях, в боях и преследовании противника. На дворе и сейчас грязь стоит. Воду пьем из калюж[17] мутную, и на губах песок оседает, а на зубах хрустит.

Орудия почти бездействуют с обеих сторон. Маленькие пушки наши и частично и 76-мм действуют, ведут огонь по врагу, но каких трудов стоило подвезти их сюда. Так, например, два ящика с минами 82-мм нам везла одна бричка, запряженная двумя парами лошадей, всю ночь и доставила только на рассвете. А пушки – и говорить не стоит, как трудно их сюда доставить. Так немцы их давно повывозили, чтобы не бросить в случае нажима с нашей стороны. Стреляют одними пулеметами, и даже минометы отсутствуют у них сейчас. Но держатся, гады.

А Днепра не видно отсюда. Это мне показалось с первого взгляда.

Всю ночь вдали горели села. Немцы, очевидно, отчаялись удержать этот свой плацдарм и собираются сматывать удочки отсюда.

07.02.1944

Несколько раз вчера просил Запрягайло отпустить меня днем в хозвзвод за вещами, но тот отказал в моей просьбе, мотивируя свой отказ подготовкой к наступлению и т. д.

Ночью привезли суп с галушками, и хотя галушек было мало, и суп оказался жидким, я и мои товарищи по оружию впервые почувствовали за несколько дней себя наевшимися. Посреди ночи привезли перловый суп, но он оказался невкусным, и я его поел с большим отвращением, хотя чувствовал жажду поесть. Съел все, правда, что мне было выдано.

Еще было темно через час после завтрака, как нас подняли по тревоге: «Команда, собирайся!» Я не спал и догадывался еще ранее, что немец ушел. Так оно и получилось. Мы шли часа два, по бокам слышалась трескотня ружейно-пулеметная; где-то совсем недалеко слева – орудийные раскаты. Я радовался и мечтал втайне увидеть Днепр. О, тогда я сумею записать в дневнике свои впечатления, и мне будет отрадно, что вчерашнее предположение теперь сможет оказаться явью на деле.

Вдруг засвистали трассирующие светящиеся пули над головой, захлопали разрывные, загремели дальнобойные. Все положились на землю. Дальнейший путь проходил под непрерывным обстрелом неприятеля: много раз приходилось ложиться, спасаясь от режущего и косящего потока пуль. Но идти оставалось недолго. Наступил рассвет, когда наша пехота остановилась, а вслед за нею и мы.

Немцы окопались совсем близко на буграх, что влево, и с выдающихся над местностью курганов им очень хорошо было видно все,

что делалось на нашей стороне. Было, правда, еще слегка серовато вокруг, когда мы стали окапываться, и противник ощупью преследовал нас своим огнем. Но мы успели все же окопаться и достаточно глубоко, чтобы защитить себя от пуль и осколков в кукурузе. Однако немец – очень подозрительная штука. Вскоре он стал щупать все поле вокруг, и особенно кукурузное, своим надоедливым минометным огнем. Особенно он давал жизни, когда по полю мимо нас проходили отдельные группки людей. Он, видимо, решил, что здесь есть люди, и стал долго и аккуратно прочесывать местность. Одна мина попала в центр нашей позиции и вывела из строя миномет, пробив двуногу и плиту[18]. Другая ранила в палец Дьяченко и разбила в щепы котелок, ведро, сумки и прочее. Тогда мы стали не пускать через наши позиции людей, но это, конечно, не помогло. Людям военным все на войне нипочем: и ругань, и угрозы, и предупреждение, и простой человеческий язык. Стали отгонять приземляющихся возле нас проходимцев. Немного помогло, но не все подчинялись, и немцы продолжали стрельбу.

Вечереет. Солнце опустилось низко, почти касается горизонта. А фрицы проклятущие все садят и садят из минометов по нашей кукурузе. Небольшой участочек кукурузного поля они бесперебойно и настойчиво обстреливают вот уже почти на протяжении всего дня. Даже удивительно становится для самого себя, как это ни одна мина не задела ни меня, ни товарищей (разве одного Дьяченко) или даже не упала в окоп. А ведь их он столько набросал, враг, на этой площадке, что и сосчитать трудно. И справа, и слева, и по бокам все изрыто воронками 81-мм миномета. Вот слышится глухой звук – это выстрел. Ждешь: секунда, другая, третья, четвертая и т. д. Наконец – разрыв: крякающий, беспощадный, неотвратимый. Вот несколько – целый десяток – выстрелов, и длинная очередь буханий. Комбата Рымаря ранило. Хлоп!

Написал письмо тете Ане. «Ба-бах, бах, бах, бах». Ноги замерзли. Третий день нас не кормят хлебом. «Бах, ба-ба-ба-бах». «Бах» – еще и еще, визгливый и приторный. «Що ж, скількі ти їх кидатимеш іще?»[19] – говорит сидящий со мной в окопе Засыпко, и я присоединяюсь к его возмущенному вопросу. «Опять, опять», – шепчет задумчиво Засыпко, и раздаются выстрелы. Все ближе и ближе, но затем отдаленней и опять ближе.

Сегодня обещали привезти сухари, и мы с Засыпко с нетерпением ждем захода солнца. Это самое хорошее время. «Бах». Там и ужин придет – возможно, и сухари. «Бах, бах, ба-ба-бах!», и выстрелы, может быть, прекратятся. Неужели им не надоест? Бьют и бьют, гады. Нескольких человек ранили, убили здесь, неподалеку. А зачем мы

здесь стоим? Ведь мы и стрелять – не стреляем, и миномет-то у нас один на роту. Только людей под огонь врага вывели. А тот все садит и садит.

Солнце скрылось за занавесью горизонта. Если жив останусь, напишу завтра подробней.

Мы стоим у какого-то большого села, что на юг от нас. Между селом и нами – шоссейная дорога и, кажется, даже железная. Отсюда видны только телеграфные столбы и три мельницы. Немец на курганах. Одно время он перестал было стрелять, хотя кругом двигалось много военных. Мы решили, что он ушел. Но недолго так длилось. Всего с полчаса. А потом он снова как начал стрелять! Передать трудно.

Холодно. Окоп не накрыт, и материала для накрытия нет. Если не уйдем, пропаду от холода. Обо сне и речи тогда быть не может.

Ели с Засыпко кукурузу, которую кое-как на огне бездымной бумаги поджарили. А то бы пропали вовсе. Ведь это который день мы не едим нормально и хлеба вовсе не видим.

29.02.1944

Ново-Александровка.

Вчера, позавтракав в Сергеевке свежим картофельным пюре, отправился вместе с П. Сушиковым на правобережье Днепра отыскивать часть свою.

Дорогой, не доходя Михайловки, встретил на переправе в плавнях капитана Кестельбойма. Он рассказал, что по дороге на главную переправу я увижу слева скирду, где и находится ОВС. Там готовится к отправке их трофейная, немецкой марки, машина. Она едет как раз на передовую. Кестельбойм посоветовал, чтобы я передал его приказание шоферу взять меня на машину.

Машины на месте не оказалось. Вошел в землянку начальника ОВС капитана Побиянова[20]. Тот написал записку и сказал, чтобы я бежал на переправу – там стоит машина, и лейтенант Голубев в ней. Помчался. Переправа стояла. Трактор потопил одну из понтонных лодок моста, и ее заменяли новой. Там застал Голубева и на машине доехал до [*одно слово нрзб*].

Ночью под Зеленым Гаем[21]. В темноте пишу.

Сегодня нашел хозвзвод, но, не пожелав мерзнуть, дожидаясь отъезда подвод, пошел в село Ново-Александровку, где решил пересидеть временно.

Вскоре с пулеметчиком показалась подвода, и я пошел за ней, но не угнался, потерял из виду и окончательно сбился. Долго блудил, ноги устали, и проголодался.

Потом выяснил, что наши расширяют плацдарм по берегу Днепра. Вчера ночью взяли Гавриловку и Анновку[22], а сегодня на рассвете – Зеленый Гай.

Свернул на Гавриловку. Кругом были балки, овраги, высоты, курганы, лесные заросли. Местность сильно пересеченная. Меня увлекли немецкие блиндажи. Бросился собирать трофеи, но ничего не нашел, кроме трех свечек и немецких журналов. Зато сбился с дороги. Стал искать: гляжу, передо мной вырастает большая обрывистая возвышенность, под ней балка и журчание ручья. А вокруг – ни живой души. Заметался из стороны в сторону. Встретил человека. Он шел, как предполагал, на Гавриловку. Но дальше заметили девушек с двумя [*одно слово нрзб*]. Они собирали по блиндажам немецкое барахло: плащ-палатки, одежду и забирали свое, что немец унес: веники, стекла, примуса, кастрюли.

Дальше встретил обоз. Это был наш обоз – радости моей предела не было. Деревня оказалась Анновкой. Урасов, увидев меня, почернел от печали неожиданной. «Письма мои[23], – торжествующе он заявил мне, с улыбкой в глазах, – все сожжены. Все до одного». Я не верил, думал, обманывает.

На подводу не стал, хотя ноги были избиты и устали. Вскоре ездовые и прочие рабочие при хозвзводе ехали. Меня ни Урасов, ни Соловьев не посадили. Вторая обида. Вот как ныне уважают офицера. Правда, Янковский тепло поприветствовал меня: «Не могу не приветствовать!» Не знаю, однако, насколько искренна его встреча.

Анновка плакала. В одной хате заметил толпу людей. Зашел – вижу распростертый труп девушки. Голова ее вся перевязана бинтами, ноги красные и опухшие. Она голая, но накрыта простыней, 27 года. Рассказывали, что когда вошли наши, девушка воскликнула «Браточки моі прішлы». Последний немец, не успевший еще уйти, вернулся в комнату, измучил и изнасиловал несчастную девушку на глазах у матери и затем застрелил ее. Этот немец тоже недалеко лежит, сраженный пулей советских воинов-мстителей. Мать и многие жители голосили в другой комнате.

Вечером был у минометчиков. С улыбкой они рассказывали, как сожгли мои письма Запрягайло, Колесник. «Нам говорили, что ты на самолете выехал, и мы думали, что ты не вернешься».

Письма мои сожгли так, что об этом знала вся рота, – публично, очевидно. И ни один не нашелся, чтоб взял мои письма. Даже Засыпко, Лопатин. Руднев, конечно, зол на меня, что я снял его с командиров отделения, но другие... не ожидал я, никак не ожидал такой подлости. Но для них, для этих людишек все это было безразлично, и они хладнокровно рассказывали мне, как жгли письма цинично, не-

сколько писем вернулись из Магнитогорска моих. Это, очевидно, к Майе. Одно было мне из «Правды», остальные – никто мне не скажет, что за письма и откуда. Десять писем. Какие сволочи неблагодарные. Шинель мою бросили, сумку тоже. Руднев носил, правда, пока она ему не надоела. Содержимое – о нем я и спрашивать не стал. Ушел разочарованный и печальный.

Был приказ двигаться, и рота пошла вперед, но лишь успел я пройти шагов 200, как начался сильный артналет. Вместе со старшинами прятался в балочке. Снаряды рвались рядом, на бугре, в селе Зеленый Гай, через которое предстояло проходить, и впереди, куда ушли наши. Сошло у меня благополучно, но среди пехоты имеются убитые и раненные. Об этом я сейчас узнал. Какой-то начальник штаба, нашего или второго батальона, ранен и проч.

Надо спать, хоть сидя в блиндаже, что за селом, в 300 метрах от 3-й сд. Комбат майор Рымарь[24] и лейтенант Ростовцев, его друг, на полу разложились. Соловьев и Луковский – тоже. А мне приходится сидя.

Сейчас начало первого. Завтра мне 21 год исполнится, а рука ноет и ноет[25].

01.03.1944

Анновка. Всю ночь не спал – сидел на стуле: лежать негде было, а вздремнуть сидя я тоже не мог: ноги замерзли, и кругом толкотня была. В блиндаже спали Рымарь – майор, Ростовцев и старшины. Для меня места не оказалось.

Сегодня взяли хлеб на два дня. Буханку. В кармане у меня было две банки консервов: одна банка рыбных, другая – я и сам не знал, чем начинена была. Решил идти искать квартиру.

В Зеленом Гае места не оказалось. Чуть было не забрел в злополучное Дудчино, о котором мне еще на переправе рассказал подполковник как о месте расположения дивизии. В Зеленом Гае встретил нечаянно женщину гражданскую. Гражданских там осталось вообще четыре семьи. Она-то мне и сообщила, что по соседству Дудчино, а я уже вышел на окраину Зеленого Гая, смежную с этим селом. Оттуда пошел прямо в Анновку.

Дорóгой противник обстреливал. Спустился вниз и пошел берегом по-над плавнями. Дорóгой проверял немецкие блиндажи. В последнем из прошедших мою ревизию блиндажей решил подзакусить. Вынул хлеб, банку консервов рыбных – поел. Отдохнул и пошел дальше.

Путь был свежий, весенний. Травка проглядывает уже повсюду. Тает все. Солнце появилось посреди дня и ласково усмехнулось мне в лицо.

Сделал перевязку. Майор Суслин был в перевязочной и узнал меня сразу. Он снова на своей должности. Пичугин – агитатором, насчет Дожурнова – не знаю.

Сегодня обнаружили на одной из окраин села труп старшего лейтенанта Кияна. Немцы, очевидно, добили его раненым. Какой ужас! Какой позор и укоризна всем этим мелочным, несчастным людям, не забравшим, не вынесшим его с поля боя. Ведь они, пожалуй, все вместе не стоили старшего лейтенанта Кияна. Да, эти люди любят получать чины и награды, но и готовы бросить своего друга и товарища, тем более начальника, на гибель и растерзание во имя спасения собственной шкуры. Они готовы жечь письма, торговать вещами лишь только выбывшего на время соратника по оружию. Они способны на все. Мало сейчас, особенно в военное время, людей, способных на самопожертвование ради спасения близких, знакомых им людей. Мало. А большинство – мелочных, преисполненных животных страстей.

Сейчас, после перевязки, остановился при комендантском. Здесь много места. Спит здесь резерв – офицеры. Закусил консервами и колбасой. Сытно поел. День рождения, так ты проходишь у меня.

Темнеет. Фриц, гад, беснуется. Бьет, бьет, обстреливает – гром орудий не смолкает.

Только что погрузили на подводу раненую женщину. Ее ранило осколком при бомбежке, она кричит и плачет: «Дождалась браточків, а вони не хочуть спасать менэ»[26]. Но, слава богу, ее погрузили на подводу.

Напишу несколько писем и этим закончу мой праздничный день.

01.03.1944[27]

Анатолиевка, Суворовский район.

Ночевал в Суворовке, что в двенадцати километрах отсюда. Хату занимал эвакуированный гражданин, возвращавшийся после освобождения к себе на родину за Буг. Совершил двенадцатикилометровый переход. Погода была совсем летняя, шикарная. Дошел легко. Но санчасти здесь нет. Пошел дождь, и я поспешил в квартиру.

В комнате сидели две молоденькие девушки: Ковалева Надежда Ивановна и Барбелат Людмила Федоровна. Одна 22-го года, другая – 25-го. Обе боевые, бойкие, вернее, девчата. Хотят на фронт. Первая совершила немало подвигов по спасению от эвакуации мужчин в деле помощи наступающим нашим частям.

В день прихода наших она выбежала навстречу, несмотря на предупреждение румын: «А то убьем». А когда те отсту[пили,] вбежали наши, и она радостно приветствовала их.

[*Половина листа нрзб*]

[*Лист порван – две строки нрзб*] и вручила ее бойцам, рассказала им, что убит румын. Ее позвал к себе подполковник. Он долго разговаривал с ними и благодарил их за помощь, которую они оказали Родине и Красной армии. И Люда сказала мне радостно, что она успела даже проехаться верхом на лошади одного лейтенанта. Она хорошая наездница, и верховая езда доставила ей большое удовольствие.

«Подполковник, – рассказали девушки, – 15-го года рождения. Он нам рассказывал об армейской жизни – о том, что уже много девушек с оружием в руках дерутся на фронте с немецкими захватчиками. С ним были и девушки. Одна – телефонистка, другая – машинистка. У одной было на груди два [*лист порван – одно слово нрзб*] и орден. Только с ней пойду! Мы ведь учил [*лист порван – несколько слов нрзб*]» голубоглазая Нина [*лист порван – несколько слов нрзб*] обращается она к [*лист порван – несколько слов нрзб*] ты, так и я». – Твердо говорит Надя.

03.03.1944

Гавриловка. Вчера пришел сюда из Зеленого Гая на ночевку. Опять совершил глупость – зашел в разваленную хату. Меня прельстило, что хозяева откапывали продукты – думал, хорошо живут. Но хозяева не только скупы и мелочны, но и не настолько и богаты. Понабирали они, правда, барахла. Три шинели, однако, ни одной мне даже не предложили, хотя ясно видели, что я совсем раздет.

Вчера стал кушать хлеб – вошел хозяин.

– Что это у вас, хлеб? А мы уже давно хлеба не видели!

Я отрезал ему скибку[28]. Дал и детям по кусочку. А меня даже ужином не угостили.

Зато вшей я набрался за ночь! Полную пригоршню вычесал расческой. И по телу еще лазят. Сейчас жду ужина и затем пойду снова в Зеленый Гай. Ведь хлеба у меня осталось грамм 200. Хочу пописать письма.

Зеленый Гай. Написал пять писем: Ане, папе, маме, тете Ане, Онищенко.

Только что пришел в Зеленый Гай. Здесь резерв находится, решил спать с ними.

04.03.1944

Написал три письма – маме, папе и дяде Люсе.

Наша дивизия переехала на семь километров вправо, а я решил пока остаться здесь, в Зеленом Гае.

Жители, где я снял квартиру, кажется, бедные, и насчет жизни будет скверно. Но подожду денек, посмотрю. А пока я своим хлебом перебиваться буду.

05.03.1944

Александровка. Отправил письмо тете Ане.

Сегодня немец сделал на село-совхоз крупный артналет. Я попал в самое пекло. Поспешил спрятаться и набрал полные сапоги воды.

06.03.1944

Гавриловка. Написал одно письмо маме.

Ночевал здесь, совершив ночной переход из совхоза Александровки, села Ковалевки. Полночи проблудил, но неважно; зато поел нынче сытно (суп, каша) и хлеб выменял за табак. Выменял буханку, но половину отделил хозяевам. Они живут в 17-м номере.

Из газеты узнал о желании Финляндии выйти из войны и о ведущихся в связи с этим переговорах[29]. Дай бог!

Сейчас ухожу на передовую, опять в Александровку.

07.03.1944

Вчера пришел сюда (в совхоз Александровка) поздно вечером. Своих хозяйственников на старом месте не нашел. Пошел искать, когда встретил дорогой кухню: старшину Галкина, Урасова, Тютюнникова и других. Пошел с ними в роту. Там поел и вернуться решил в село.

Там на передовой увидел замкомбата по политической части. Он, по-моему, неплохой человек. Его молоденькая жена спит с ним – вот хорошо кому, счастливый человек! Редко кому дается счастье такое – воевать с женой!

В Александровке долго искал ночлег. Люди хуже зверей стали. По несколько человек в одной хате находятся и не пускают. Тесно им!

В одну хату полуразрушенную вошел. Не пускали – «секретный отдел» – мотивировка. Наконец, согласились дать место в сарае. Там была солома, и хотя дверь была выбита, но все же сухо было, а на дворе шел в это время дождь. Переспал. Как светать начало, пошел искать хозвзвод.

Моросил дождь, дул ветер – было холодно, а в хозвзводе даже костра человеческого или какого-либо не было. Хорошо жилось только Рымарю – он помещался в палатке, отделанной из плащ-накидок. Внутри палатки горела печь, и из нее шел приятный душок-пар. Я постоял, посмотрел с завистью и пошел в село искать притулку[30], как по-украински говорится.

Попал в санчасть 320-й сд. Разрешили. Здесь много раненых, ухода за ними никакого – всего один санитар. Подводы еще не переправились. Люди страдают нечеловеческими муками. Двое за нынешнюю ночь и утро скончались, хотя их можно было бы спасти при наличии лучших санусловий.

От папы получил письмо за 30.01.1944. Насчет аттестата ни словом не упоминает, а ведь прошло уже около двух месяцев, как я ему его выслал.

Палец крутит по-прежнему, но я думаю пойти на передовую, как только станет мне чуть лучше, или же улучшится погода или питание. Первая неделя весны миновала, и на дворе все пасмурно, грязно, холодно, снег еще не везде растаял.

08.03.1944

Александровка. Погода сырая, мокрая, моросит меленький дождик. Но мне все нипочем – я обосновался в хорошей (после степного холода), уютной и, главное, теплой комнате. Трещит затопленная печь. Приятно думать, что еще один день пройдет хорошо для меня, и я избегну холода и мокроты надворной.

Сюда я пришел вчера вечером, когда уже и без того серое небо заволакивалось темной мутью ночного времени. После непродолжительных поисков ночлега мне удалось напасть на счастливое местечко.

В соседней комнате ОВС 416. Когда я у них спросил разрешения переночевать, они наотрез отказали, заявив, что у них спали капитаны и украли самогон. Спросил относительно этой комнатки.

– Там помещается 13 офицеров и среди них майор и подполковник.

Я понял, что они врут, ибо в такой комнатке вряд ли могла поместиться такая масса людей, и тем более не согласились бы на такое удовольствие такие высокие лица.

Зашел, спросил, можно ли переночевать. На койке сидел какой-то человек: по-видимому, офицер. Он ответил отказом. Но когда я рассказал ему, что я лейтенант из 9, он позволил мне остаться.

Много меня расспрашивал. Из разговора я увидел, что он весьма серьезный и представительный человек. Стало уже совсем темно. Лица его не видел и формы, но по тому, как он говорил о капитанах, майорах и полковниках, решил, что он по меньшей мере капитан. Но он оказался комсоргом полка. Двойки большой. Фамилию его я слышал не раз из газет и от Бахандыкова – Буркcер[31]. Он пишет стихи и любит литературу. Медаленосец. Красивый парень – я утром увидел.

Ночью не мог заснуть: среди ночи к нам постучались корпусные связисты. Они затопили, стали печь пышки. Их было трое. Потом, когда уже все легли спать, немец начал стрелять по селу. Методично,

в течение всей ночи он обстреливал весь участок, где размещалось село. Снаряды падали совсем близко.

Вши тоже мучили. Лейтенант Бурксер тоже не спал, а когда начался сильный артналет противника – такой налет, что земля подпрыгивала, он ушел в момент непродолжительного затишья вон из Александровки к себе на КП. Но у меня КП не было, и я вынужден был долежать до рассвета. С рассветом ушли и связисты. Я остался один.

Соседи не имеют печки. Кухни тоже. Вот они и топят-варят в моей комнатушке. У меня тепло. Днем я прожарил утюгом вшей на одежде. Они лопались и выделялись синие, жирные в складках рубашки. Ох, и сколько же их было! Стало невтерпеж бороться с ними. Я бросил на середине. Стало немного легче.

Днем немец еще отчаяннее забил по деревне. Снаряды падали то слева, то справа от нашего домика. Снаряды, к счастью, были маленькие и, хотя ложились рядом, вреда нам не приносили. Но в хатечке, что по соседству с нашей, случилась целая трагедия, заставившая их немедленно после налета очистить жилплощадь. Снаряд упал у самой двери домика. Одному оторвало ногу, троих ранило осколками. Было там и криков, и суеты!

В другом месте как ошалелая сорвалась тройка лошадей с кухней и помчалась по улице, куда глаза глядят, а снаряды все ухали и ухали и ревели.

Еще в одном месте самовольно бегала обезумевшая серая лошадь. Она не знала, где остановиться и металась из стороны в сторону. Люди бегали кто куда, широко раскрыв полные ужаса и волнений глаза. Это была страшная картина фронтовой жизни.

Вечером пошел в хозвзвод. Там получил хлеб – больше ничего не было. Хлеба 800 грамм на два дня. С продуктами туговато. Поужинал кукурузным супом, нежирным, противным, но выбора не было.

09.03.1944

Взял с собой одного болеющего по ранению минометчика (он тоже находится при хозвзводе). Выпил перед уходом граммов 200 водки.

Голова болела надоедливо. Водка помогла мне уснуть. Но среди ночи вши разбудили меня. Они наползли еще в бóльшем количестве на мое несчастное тело и кусали, кровожадные, ненасытно и без всякой жалости. Я ворочался, чесался, но все бесполезно. Перед утром я вздремнул, и мне даже что-то приснилось, но я быстро опомнился и проснулся.

Рассвет был серым и холодным, но вши не понимали этого: им было тепло и уютно. Сегодня я устрою им Отечественную войну!

Пусть и они познакомятся с ужасами и беспокойствами военной жизни 1944 года.

Только что немцы выдумали новый артналет на деревню тяжелыми снарядами. Не знаю, из каких соображений они разбрасывали снаряды вокруг да около нашего дома на расстоянии четыре–пять–шесть метров. У соседей с ОВС вылетели все стекла, и они сейчас надумали сделать у себя печку. Дыма хоть отбавляй. У них особенно, но и у нас хватает.

Сейчас устрою жарильню, вшам – развлечение и смерть, а потом – в санчасть на перевязку.

Прожарился, будто заново на свет народился.

На стенке моей комнатушки надпись: «Виіжаем направлэния на Трифановка»[32]. По-видимому, немцы перед отступлением оставили.

10.03.1944

Село Украинец. Ночь. При восковом свете.

Вчера вечером возвращался из санчасти, когда услышал, не доходя до села, разрывы снарядов. Немцы обстреливали тяжелыми ту окраину, где находился мой заветный ночлег: моя маленькая теплая комнатка. Снаряды долго выли, в последний раз высоко взвизгивая уже перед падением. Это сильно действовало на нервы, сердце трепетало перед каждым разрывом, а визг и вой долго летящих снарядов заставлял плотнее прижиматься к полуразрушенным стенкам домов, когда я подходил к тому страшному месту, где ухали снаряды. Нечеловеческими усилиями воли удалось добраться до хаты. Но лишь только я дошел до соседнего дома, огромной величины снаряд тряхнул о землю и зазвенел массой осколков и осыпающихся стекол. Я вовремя спрятался в брошенную кем-то щель. Когда все стихло, я поднялся и бросился в хату. Там оставался боец, поселившийся со мной, и я волновался за его судьбу. Все стекла вылетели, угол хаты отвалился.

Спал в холодной хате. Дул ветер. К утру ноги закоченели. Поспешил убраться с села, пока не рассвело, ибо опасался нового налета. Но каково было мое изумление, когда я увидел свободное движение по обороне.

Противник, оказывается, ушел. По дороге длинной вереницей тянулись вперед на запад обозы, шли люди, двигались тылы. Передовая давно уже покинула прежнюю оборону противника и занималась преследованием его.

Кухня и повозка с двумя лошадьми и ездовым поехала вслед за передовиками. Бóльшая же часть обоза осталась и готовилась в ожидании одного майора. Ему еще не приготовили котлет. Наконец, ког-

да котлеты были готовы и он поел, мы двинулись. Когда дошли до того места, где была оборона, увидели много трупов наших бойцов. Двое из них оказались офицерами, но в лицо распознать их невозможно было.

Шли долго до вечера.

11.03.1944

Когда подошли к селу Украинец, увидел 11 пленных. Один русский был среди них. Они говорили, что им был приказ дождаться темноты. Ночью действительно противник отступил, и неизвестно, где остановился он.

Я поместился вместе с резервом офицерским на окраине села. Жителей здесь очень много. В каждой хате. Немцы спешили, и им было не до баб. В этой хате молоденькая девушка, но сюда набилась такая уйма людей, что пришлось спать скорчившись, да и то толкали в бока и в зад ногами. Почти не спал.

Палец разболелся как в последний день болезни перед операцией. Сегодня пойду в санчасть. Покушать за счет хозяев нам тоже не довелось. Своими консервами (банка на восемь человек) закусывали.

12.03.1944

Суханово. Вчера вместе с резервом пришел сюда. Здесь оказался строевой отдел и санчасть нашего полка. Нашел великолепную квартиру. Хозяева гостеприимные, хлебосольные. Сжарили мне картошку на остатках свиной консервированной тушенки, имевшейся у меня. Тушенки было мало, и картошка плохо поджарилась, но поел с большим аппетитом. Хозяйский хлеб вкусный, приятный. Пожалуй, еще вкусней картошки. Наелся до последней возможности, как в Ессентуках когда-то.

Двое ребят из резерва хотели ко мне перейти, но не пришлось и мне там побывать долго. Среди дня, когда я вышел, мою квартиру занял медсанбат нашей дивизии. Я как раз ходил на перевязку в санроту. Палец мой болел все сильнее и сильнее. Невыносимо было. В санроте посмотрели, и оказалось, что вторично на том же пальце появился панариций, и опять надо делать операцию, но еще больший разрез в пальце, чем прежде должны были делать. Палец заморозили. Операцию делали в санроте, ибо я не хотел идти в медсанбат[33]. Еще до операции меня стало тошнить, когда мне замораживали палец, а во время операции я совсем обеспамятел. Давали нашатырь нюхать. Долго меня тошнило, и в глазах было темно. Я очень мнителен, и нервы мои чрезмерно чувствительны ко всякой боли.

Вскоре, однако, мне стало легче, и я пошел. Дорогой, однако, палец отошел после обморожения и так заболел, что, казалось, не вы-

держу. Поспешил на квартиру. Пришел – медсанбат уже хозяйничает там: стелет матрасы, одеяла укладывает, подушки.

Лег на одну из постелей, но не мог улежать; сел, но не смог усидеть на одном месте; встал, но и стоять трудно было. Заходил по комнате. Нервы взбудоражились, сердце застучало жалобно, но плакать я не умею.

Как назло тут пришла проститутка, что вместе с Васильевой смеялась надо мной, когда я приходил в первый раз туда. Она завела песенку, что мне придется уходить, ибо помещение занято ранеными, и для того, чтобы в нем находиться, нужно иметь направление от санроты в медсанбат. Я еще пуще разнервничался, но не хотел скандала и ушел молча искать квартиру.

Нашел, но хозяйка даже не предложила мне ничего поесть, и когда я сам попросил сварить мне картошку (она варила ведро для бойцов и командиров, что пришли позже меня), а у них, к тому же, была мука и свои продукты; у меня, кроме двух кусочков хлеба, ничего – мне дала на дорогу старая хозяйка.

Позже пришел майор-доктор с двумя старшинами и двумя бойцами. Они все бегали и суетились вокруг майора, как будто он был бароном или помещиком. Ухаживали, варили для него вкусные блюда, но он не хотел есть: выпил чай и оладьи поел. Меня никто не угостил.

Позже, когда уже давно стемнело, старшины начали ворковать вокруг меня, чтобы я уступил майору место и лег на полу (мне, как первому поселившемуся, а также из-за болезни, хозяйка уступила койку). На полу же было тесно и неудобно. Людей набилось много, и повернуться нельзя было от тесноты, особенно с рукой больной.

Я не соглашался. Майор стал искать место в соседней квартире, но там для него оказался испорченным воздух, хотя была хорошая лежанка. Я объяснял, что не могу на полу спать с больной рукой, но им ничего не нужно было знать.

– Старший будет лежать на полу, а младший на койке? Где это видано, это недопустимо.

Майор, грузин или азербайджанец по национальности, прикрыл глаза и притворился спящим, но когда он увидел, что у них ничего не получается, он широко раскрыл глаза и проговорил:

– Лейтенант, лейтенант... ляг на полу, встань с койки!

Мне стало страшно неловко, я весь покраснел от обиды и унижения, но в присутствии мирных граждан не хотел ему ни грубить, ни стыдить его и вообще разговаривать с этим нахалом-помещиком. Я встал и лег на полу.

Майору постелили несколько одеял, подушку. Видно было, что он привык к роскоши и тыловой жизни. Он был, кажется, начальник медслужбы Двойки Большой.

Всю ночь мучился и только к утру вздремнул. Но сон мой был прерван приказанием: «Будите его, будите!». «Эй, боец, боец, вставай!» – демонстративно тормошили меня старшины, хотя знали, что у меня болит рука, и я старше даже их по званию. Они вытащили у меня плащ-палатку, что расстелили в бока (я спал рядом со старшиной), и вскоре умчались.

Наступил рассвет. Рука мучила. Я решил встать. Вдруг увидел – заблестело что-то в соломе. Подумал, что это моя серебряная ложка, но это оказался ножик складной немецкий. Я взял его, конечно, и спрятал. Эта вещь весьма необходима в условиях фронтовой жизни.

С утра хозяйка ушла. Я ждал до полудня, но она не приходила. Детям дала буханку хлеба. Они ее ели все [*несколько слов нрзб*] кусочек хлеба, что дала мне первая хозяйка. В остальном перебивался семечками.

В соседней хате я заметил [*пропущено слово*] оставленную ушедшими жителями, эвакуированными при немцах из родной деревни. Я взял ее, вложил вещь в сумку и ушел.

В другой хате хозяева предложили сами затирку[34], но без хлеба – его у них не было. Поел и пошел дальше. Наконец, набрел на эту хату. Здесь был один боец с нашего хозвзвода. Он искал медсанбат для лечения зубов – вся щека у него распухла. Завтра пойдем вместе.

Немец ушел километров на 45. Догонять далеко, но и уходить не хочется.

Погода сегодня пасмурная, сырая. С утра шел снег, а сейчас моросит дождиком. И хозяева, к тому же, такие хорошие. Побрили меня, умыли, и даже голову помыла мне самая молодая – мать четверых детей. Она мыла и приговаривала «мой сыночек» и рассказывала, что так же мыла она своего мужа. Поесть тоже дали. А сейчас уложили спать. Как дома.

Поспал маленько, но скоро проснулся.

Староста приходил. Он, говорят, плохого людям не делал, но боится злых языков. Спрашивал совета, что ему делать? Он остался сам, хотя немцы его угоняли. Я посоветовал не бояться и взяться за восстановление хозяйства, за уборку кукурузы и прочее. Особенно посоветовал ему не выделять из общего крестьянского фонда муку и другие продукты всяким проходимцам без проверки документов, ибо этим могут воспользоваться некоторые авантюристы для обмена на самогон и спирт. Он поблагодарил.

Интересовался, что с ним будет в дальнейшем, как поступят с ним органы власти.

Вечереет. Болит голова и ноет тело, а руку и передать трудно крутит как. Хватит писать, тяжело.

13.03.1944

Сегодня день хороший. Солнце, но слегка ветрено, холодновато. Сейчас на квартире эвакуированных из Сталино Жуковых. Они очень сердечны, городские люди, делятся последним, не как деревенские.

Думал ехать дальше – на своих, конечно. Фронт уже километров 90 отсюда. Надо догонять. Пойдем сколько сможем. Сейчас уже вечереет, а до деревни семь километров, что у нас на пути.

14.03.1944

Чехово или хутор Конский Загон.

День сегодня великолепно-солнечный, теплый, приятный. Говорят, по-старому сегодня 1 марта. Теперь началась уж настоящая весна.

Орудийных выстрелов со вчерашнего дня не слышно. Фронт неизвестно как далеко, может, даже у Буга. Может, Николаев и Херсон уже у нас? Известий не слышу, газет давно не читал. Последнюю газету видел за десятое число, сводка там, кажется, за 7/III.

Поели вкусную жареную картошку. Непочатый – боец из хозвзвода, с которым я сейчас двигаюсь вместе, достал сала. Наелись до отказа. Он, Непочатый, богат деньгами: дал хозяйке сотню или две, так что теперь она на все согласна, чтобы нам удружить. Деньги решают все.

Вечер. Солнце уже низко над землей. Ново-Кубань[35]. Совсем стемнело. Ник[олаевская] обл[асть], б[ывший] Александровский район, Староренской сільрады[36], поселок Ново-Кубань, дом № 70. Лахтионова Матрона Демьянова, Тина Ивановна.

15.03.1944

В хуторе осталась одна хорошенькая девочка, 24-го года. Она пряталась от немцев, избегала их, и те ее называли гордой. Несколько раз они лазали к Тине, но мать чуть глаза им не выцарапала, и враги отстали. Тина похудела, заболела, но сохранила девственность, не стала одной из многих девушек, соблазненных неприятелем и уехавших с ними в Германию.

Непочатый уговорил меня ночевать в другой квартире (через дом), предпоследней от краю. Там он достал самогон, картошки жареной на сале [*одно слово нрзб*].

Ходил к Тине побеседовать (побалагурить, как украинцы говорят). Разговаривал с ней, а потом и с ее матерью допоздна, когда стемнело. Но рука – боль неимоверная, мешала мне спокойно беседовать, и я поспешил уйти, чтоб не выказывать людям своих страданий и не заставлять их еще и за меня переживать.

Выпил два стакана самогона, но не опьянел, а только отяжелел в животе. Рука болела всю ночь, только перед утром вздремнул, но тотчас же проснулся, вспомнив о том, что необходимо двигаться дальше. Узнал у одного майора 416-й сд дальнейший маршрут нашей части.

Херсон занят нами. Он посоветовал двигаться на Николаев.

Рука мучает безжалостно. Медсанбат – в Новосибирск. Вчера я видел, как он проходил. Может, он перевяжет мне руку. Ведь я четыре или пять дней перевязки не делал после операции.

Непочатый намекнул, что он отдал и шинель, и деньги, и палатку. Мне неудобно стало, и я отдал фуфайку хозяйке. Фрицевскую. Теперь я снова в одной шинели, а Непочатый выменял у хозяйки мою фуфайку на плащ-палатку. Пусть носит на здоровье – мне не вековать во вражеской одежде.

Уже весна, и день обещает быть великолепным. Сейчас двигаться будем дальше. Фронт, по словам майора, 50–60 километров отсюда.

Новосибирск. Наткнулся на одну санчасть. Военврач был очень любезен. Перевязали мне руку. Делали ванночку, но даже ванночка не размочила повязку – пришлось отрывать. Вместе с повязкой оторвался и кусок мяса от руки.

16.03.1944

Юдиндорф[37] – по-немецки. Колхоз Чкалово, второй участок – по-советски.

Бывшее еврейское село-хуторок. Немцы расстреляли всех евреев и позакапывали в противотанковом рву, вплоть до малолетних детишек. «До ляльки»[38], – как говорят крестьяне. После непродолжительного перехода с поселка Новосибирск остановился здесь на ночлег.

Погода весь день была дождлива, сумрачная и, казалось, конца-края не будет этим нахмурившимся облакам небесным. От горизонта до горизонта небо передернуло серой пеленой.

В хате было тепло. Ветер не пробирался сквозь толстые стены в квартиру, и чувствовался лишь его голодный шорох за окном. Но я хотел найти квартиру с девушкой, мечтая провести лучше время. Мне рассказывали, что на хуторе остались девчата некоторые. Но нашел только одну – правда, весьма приятной наружности девушку. Только замужнюю, хотя и однолетку мою. Договорился насчет квартиры, но мой спутник боец Непочатый любит больше всего сытно и хорошо покушать, и я из-за него остался на первой квартире – на той, которую заняли, как только пришли в село.

Поели, и Непочатый решил перейти в другую, почище. Я посоветовал пойти в мною выбранную. Уже вечерело. Квартиры все были заняты, и мы, проходив порядочно времени по селу, вернулись на старое место. Та хата, что я выбрал, тоже была занята.

Утром решили в путь-дорогу отправляться. На дворе поднялась невообразимая метель. Снег сыпет беспрестанно, пытаясь вновь затоптать приподнявшуюся от многодневного сна и зазеленевшую на солнышке землю. Ветер сшибает с ног. Ветер шумный и буйствует. Он сердится и грозно скалится в лицо, от него становится страшно и тоскливо на душе.

Семь километров, думаю, сделать сегодня. Раньше мы рассчитывали на 18–20 километров продвинуться.

Узнал, что наши войска форсировали Буг[39]. Херсон давно занят[40]. Везде и всюду наши войска имеют успехи в борьбе с врагом.

Фрайдорф[41]. Восемь километров совершил добавочных. Теперь до Калининдорфа[42] осталось не более 12 километров. Слегка выглянуло солнце из-под светло-серого небесного свода во время нашего пути, но сейчас, когда мы дошли уже до места, оно зашло и не показывается из-за туч. А ветер... Он и мечется, и рвется куда-то, и прыгает, и играет. Дикий ветер. Он хочет возврата зимы. Но тщетно – весна уже в полном разгаре.

После перевязки стало мне легче. Врач наложил мазь Вишневского[43] на рану, чтоб не приставала к бинту кровь и вместе к пальцу. Ведь, шутка сказать, вся вата и часть повязки была окрашена кровью. И все это пристало к пальцу. Разбинтовать нельзя было. Больше часа держал в ванночке, но до конца не отмочил повязки, и когда ее оторвали, вслед за марлей потянулась и кожа, тело мое. Тогда врач, держа пинцетом за окровавленную марлю, обрезал часть кожи и, таким образом, освободил мой палец от посторонних вещей. Перевязал он легко и аккуратно. И сейчас я чувствую хотя боль, но в несравненно меньших размерах.

По радио хорошие известия: наш фронт форсировал Буг; на одном из участков окружена немецкая воинская группировка. Хороши дела и на других фронтах. Тяжело, правда, с подвозом вооружения, боеприпасов, продовольствия. Так, вся тяжелая и средняя артиллерия находится еще здесь. Некоторые виды только впереди, но есть и сзади даже. Продовольствие тоже так. И боеприпасы. Это создает большие трудности для успешного наступления и вообще для ведения боя.

Фронт отсюда далеко-далеко. Орудийного гула не слышно уже. Рассказывают, наши уже в 13-ти километрах от Николаева. В основном фронт у Буга остановился. Пока.

Остановился в одной квартире у края села. Молоденькая девушка 1928 года рождения – почти девочка, но уже большая. Красивенькая, однако еще не искушенная в любви. Смотрит, смотрит и молчит, как будто хочет узнать, что я за человек. Смотрит бесконечно своими прекрасными голубыми глазами. Маленькое миленькое созданье! Жаль, что я не твоих лет, а то я б показал тебе, что такое любовь.

17.03.1944

Поселок Червоно-Любецьке[44] против Калининдорфа, по другую сторону реки.

Остановился у хорошей доброй хозяйки, спасавшей от гибели несчастных евреев и горько сожалеющей сейчас о смерти многих из них от рук немецких палачей.

Она мне [*одно слово нрзб*] рассказы об ужасной трагедии убийства еврейского населения, разыгравшейся в первые дни хозяйничанья немецких разбойников на Украине[45].

Сегодня разговаривал с одним сотрудником красноармейской газеты. Старшим лейтенантом он зовется. Допоздна разбирал стихи мои, кое-какие обещал напечатать. Он личным секретарем Тычины был[46], друг С. Голованивского[47], Голодного[48] и других.

Яцеленко Параска Антоновна – хозяйка квартиры. Два сына у нее летчики. Мать. Она так похожа на горьковскую мать из одноименного романа[49]. Сильно строгая. Мужа увели в Германию, и она сейчас одна. Книги советские, портрет Сталина сохранила. Книги закопала в землю, а портрет висел на стенке и при немцах, только под портретом Тараса Шевченко[50].

Угощала всех военных последним и лучшим из того, что у нее имеется: сахар, повидло, компот из фруктов. Это ее все добро. Картошку отдал [*три строки нрзб*].

30.03.1944[51]

Развалины. Миновал за эти два дня Варваровку[52], Ново-Ивановку[53]. Ночевать буду здесь. Много пленных румын, есть пленные немцы.

Хозяева негостеприимны [*одно слово нрзб*]. У них остались коровы, но до сих пор не угостили даже молоком. Врут, что в первый час прихода сюда наших они угостили двумя литрами вина, [теп]лым молоком, сметаной и проч. Но сейчас они едят жаркое и мне даже не предложат. Он сапожник.

31.03.1944

Девушки! Слышите, нежные, славные,
К вам обращаюсь я с песнею вновь,
Кто из вас сможет с ней прелестью равною
Вновь заменить мне к Тамаре любовь.

[*Начало листа оборвано – одна строка нрзб*] Я и заявил, что это нахальство – распоряжаться моим супом. Но хозяйка с моего же разрешения налила супу, когда я увидел, что пришел командир роты. Я ведь

не знал, что это для него. И, кроме того, Лепин заявил мне, что я, дескать, не имею права являться туда, где расположен командир роты.

– Конечно, ведь я не пойду туда, где комбат находится. Без его вызова не пойду. Так и вы должны поступать.

Это больше всего задело меня. Запрягайло и Колесник повседневно находятся где Третьяк[54], а мне нельзя даже туда входить? Даже Горбатько и иже с ним неотлучны там. Но я смолчал, сдерживая обиду в своем сердце.

– Нарядов вы тоже не имеете права давать не своим бойцам. И вообще вы не будьте о себе такого высокого мнения. Я буду вынужден ходатайствовать, чтобы вас от меня перевели. Вы меня не уважаете, не уважаете бойцов. Объяснений не надо, – сказал он, когда я попросил слова. – Мне достаточно того, что бойцы о вас говорят.

– Нет, говорят не бойцы, а Запрягайло – вот что обидно. Склоки, ложь – я думаю, этого не должно быть среди нас. А еще обидней, что вы не хотите меня выслушать, верить мне и что показания любого человека для вас авторитетней, чем действительность, рассказанная мною.

Третьяк относится теперь с недоверием ко мне.

Вчера угостил я его медом. Кстати, с медом опять ерунда получилась. Зашел мой взвод в помещение, выбранное мною для отдыха в Варваровке. Запрягайло и своих туда впер. Двое из его бойцов пошли по хатам побираться. Я оставался на улице некоторое время. В хату меня позвал старший сержант Полтавец: «Идите, товарищ лейтенант, в хату, там ребята мед, повидло едят». Когда я пришел, уже все поели, встали со стола. Пригласила хозяйка и меня, но я решил лучше купить за деньги оставшуюся четверть банки меда. Заплатил хозяйке 50 рублей. Банку, правда, со стола не убрал. Пришли Пустовой и Аминов. Стали есть варенье, а потом и за мед взялись. Ребята сказали им, что мед куплен. Пришел и Руднев и тоже стал ложкой есть. Некоторые стали вновь говорить, что мед мной куплен, и тогда Руднев стал разглагольствовать, что, коль я не спрячу его, они весь поедят. Я решил завернуть его в бумагу.

А позже Запрягайло подошел ко мне и сказал: «Ты опять подлость сделал: отобрал мед у бойцов, что ели его, и заплатил за него 10 рублей». И потом, не удовлетворившись этим необоснованным упреком мне, он подошел к бойцам и стал среди них пропагандировать эту выдумку.

Я заявил, рассказал обо всем парторгу. Рассказал и о прежних склоках Запрягайло. Епифанов пообещал поговорить с ним.

Яблоневка[55]. Сейчас пойду дальше – на Чапаево[56]. Санчасти своей не нашел здесь. Они уже где-то впереди.

Надя-комсомолка. Она была руководителем-организатором борьбы с врагом, саботажа его постановлений. Два раза ее возили в Одессу на допросы, два раза возили в Суворовку. Сидела она и в немецком гестапо, но изворотливость выручила ее жизнь. Немцы-румыны обвиняли ее в связях с партизанами и организации передач из Москвы. Последние известия по радио, сведения о местонахождении наших войск – все это было известно Наде и немедленно передавалось всем жителям.

– Надя у нас герой! – заявляет Люда.

Казаки ее чуть было не расстреляли, и обе девушки наперебой рассказывают, как это было[57]. Надя была в степи. Казаки приехали за ней домой и, не застав ее дома, поехали верхом в степь. Там они приказали ей отойти на десять шагов, но потом отложили свое намерение и сказали: «Жди здесь, мы еще одну партизанку разыщем», – и поскакали дальше в степь. Люди, присутствовавшие при этом, посоветовали Наде бежать. Она так и сделала. Пригибаясь и прячась в степной растительности, она скрылась в деревне, быстро переоделась в одежду старухи и ушла на [*лист порван – одно слово нрзб*] из своей квартиры. Казаки, приехавшие за ней, остались ни с чем. Больше они ее не смогли найти.

– Это ее заслуга и всех нас: ее друзей и подруг, ее помощников, что у нас остались, все до одного – мужчины. Это мы их перепрятали, спасли от эвакуации, – рассказывает Людмила. – А на днях мы были в Одессе. В машине, где мы ехали, было полно румын. Так мы их изрядно попугали: «Знаете, господа, Сталин только развертывает свои силы. Он скоро придет в Румынию и Германию и отомстит вам жестоко!» – и румыны в ужасе схватывались за головы.

03.04.1944

Снег, снег, снег. Что за погода. Думаю двигаться на Червону Украинку[58]. Вчера задержался здесь, встретив друзей из резерва. Палец перевязал здесь в больнице. Уже сильно просрочил свое отсутствие из части, но сегодня мечтаю догнать. А погода, как назло, испортилась, и так не хочется выходить из теплой квартиры на волю.

Анатолиевка, Телегуло-Березанского района,
Николаевской области, Садовая, 5
Ковалевой Надежде.

Одесская область, Ананиевский район,
село Байталы[59]
Людмиле Барбелат.

04.04.1944

Капустино[60]. Вчера пришел сюда, попал на партийное собрание и удивился. На партсобрании не было начальства нашего батальона. За исключением начальника штаба, все люди незнакомые мне. Парторг Петрушин[61] со второго батальона, много других людей со второго батальона. Кончилось собрание, и я направился в роту, где узнал о преобразовании двух батальонов в один – «второй». Комбат и все руководство батальона отослано куда-то в резерв. Мне указали еще одного командира расчета и расчет новый. Теперь у меня десять человек. Со мной – одиннадцать.

Я сдал в дезкамеру[62] одежду, а бойцам приказал почистить миномет и личное оружие. Командира роты пригласил кушать со мной яички, но он был занят. Вдруг он явился вместе с Запрягайло и лейтенантом из резерва.

– Товарищ лейтенант, передайте взвод лейтенанту, – указывая на вновь прибывшего лейтенанта, проговорил командир роты.

Позже вызвал меня новый комбат – капитан-золотопогонник Пархоменко[63]. Он ругал меня за якобы самовольный уход из части и сказал, что в наказание направляет меня в строевой отдел – в резерв[64].

Да, теперь позабыли эти люди, командир роты Третьяк в особенности, о том времени, когда я остался один на роту в самый трудный момент, под Анновкой, откуда драпали. Тогда я нужен был. Савостина убило, Запрягайло был при хозвзводе, а Третьяка тоже не было при роте. Я задержал пехотинцев, минометчиков отправил к переправе, спас и матчасть, и людей. Третьяк тогда сам говорил, что если бы матчасть растеряли, то его бы расстреляли за это. Даже мины вынесли из прежнего участка и потом открыли огонь по немцам. Третьяк появился только тогда, когда уже все уладилось и пехоту задержали[65].

06.04.1944

Сычавка[66]. Вчера еще был снег, а сегодня теплый, необыкновенно солнечный день.

Написал письма маме, папе, Ане Лифшиц (открытку «моряк»), тете Ане, Майе Белокопытовой, Ане Перкиной; итого – шесть писем.

Сейчас иду в Визирку[67].

07.04.1944

Хутор Вороновка[68]. Ночевать решил здесь, в стороне от дороги. Но всю ночь ходили люди: просили есть, просили переночевать. Военным с подвозом трудно: дороги не больно просохли, а транспорт не успевает за передней линией двигаться. Гул стал слышен отдаленней, чем прежде – фронт удалился. Очевидно, наши перешли уже за второй лиман[69]. Крапает дождь на дворе, а мне предстоит длинный путь. До Визирки четыре километра.

09.04.1944

Одесса. Вторая застава. Вчера ночью вместе с передовыми частями не нашей дивизии вошел в город.

Павел [*продолжение отсутствует*].

11.04.1944

Одесса. В гостях у сестры Павла Басюка.

Несколько дней назад я познакомился в резерве со старшим лейтенантом Басюком[70]. Он 22-го года, молодой, интересный; рассказал мне, что он одессит и что дома у него есть родные, знакомые. Подговорил меня идти вместе в Одессу первыми.

После нескольких дней скитаний мы, наконец, вошли вслед за наступающими частями, бог ведает, какой части на окраину Одессы – станцию сортировочную. Остановились в одном доме, что неподалеку от железной дороги. Группа домов расположена отдельно от других строений.

Вошли в комнату и застали в ней траур и слезы. Посреди комнаты лежал женский труп. Голова мертвой женщины была перевязана, и вокруг нее стояла лужа крови. Девяностолетняя старуха-мать, молодой муж и стая детишек навзрыд плакали над трупом. Нас угостили молоком, и несчастный муж рассказал нам об обстоятельствах гибели своей молодой жены.

Была ночь. Немцы накануне издали приказ никому не показываться на улице с наступлением темноты. Женщина выглянула, открыла дверь, немец прицелился и хладнокровно застрелил женщину. Я не мог долго видеть страдания семьи. День освобождения был для семьи ее днем траура[71]. Мы перешли в соседний дом, там и заночевали.

Ужинали – по стакану вина, вкусное жаркое, сало. Опьянел. Вино было крепкое. Лег спать после двухдневной бессонницы, связанной с ночным хождением.

Гремел кругом бой. Очень жестокий и страшный. Трескотня не прекращалась ни на минуту. Орудийные залпы, разрывы гремели бесконечно. Уснуть нельзя было. Потом пришел Павел и тоже разделся, но долго мы не смогли полежать в одежде, оделись и всю ночь не спали, только перед рассветом вздремнули.

Наутро фронт значительно отодвинулся, и мы пошли с Павлом на первую заставу. Зашли к его любовнице. Там остановились. Маруся сразу бросилась Павлу на шею, и соседи, и мы радостно говорили, что «муж Марии пришел». Но Павел холодно к ней отнесся и рассказывал, что это не главная его любовница.

Она прижималась к нему, нежилась, но он холодно отталкивал ее. Так протекала встреча Павла со своей любовницей. Наконец, Павел

собрался уходить. Меня оставил на квартире у Маруси. У нее живет одна девушка 22-х лет. Она длинная, противная, хотя лицом ничего.

Когда Павел «ласкался» со своей любовницей, она стала рассказывать, что ее муж убит, и что в моем лице она найдет достойную замену. Приготовила мне воду и помыла мне голову и спину, постирала нижнее белье и платочки. Но любезности ее я не мог выносить и, понятно, не отвечал ей взаимностью. За все только вежливо благодарил, хотя она намекала, что одной благодарностью не отделаться.

Возле железнодорожного полотна в будке 191 живет симпатичная девушка, 23-го года. Она не красивая, но и не поганая, однако с ней очень приятно разговаривать. Когда я пошел за трофеями, она тоже со мной пошла. Нашел для нее немецкое обмундирование, себе – бритву. Она нашла платочек и подарила мне.

Позже зашел с ней на квартиру. Родные угостили меня оладьями, мамалыгой[72]. Несколько раз в течение двух дней забегал к ним, и они угощали меня всякий раз медом и прочим.

12.04.1944

Одесса. В доме у родственников Павла. Костецкая улица.

Павла радостно встретили, расцеловали – какой он счастливый! Рассказали об ужасах немецкого хозяйничанья в Одессе. О партизанах одесских, о коммерсантах.

Вечер. Недавно вернулся из города после большого и интересного экскурса по его улицам. Видел массу трупов, обломков автомашин и прочих остатков из уже разобранных трофей врага.

На одной из улиц в центре (Тираспольская улица) мы увидели большую толпу людей. Подошли ближе и увидели виселицу – автомашину, на которой с петлями на шее стояли три мерзавца: два румына и один русский. Один из румын был сильно расстроен и еле держался на ногах от предчувствия смерти. Два других гада ничем не выдавали своих чувств, и глаза их смотрели безразлично на окружающих их людей. Ни страха, ни гнева, ни грусти, ни мольбы – ничего нельзя было прочесть в этих жутких разбойничьих и предательских глазах. Я подошел ближе и выслушал приговор. Потом отъехала машина, их столкнули с ее борта, и они повисли в воздухе. В тот же миг им накинули таблицы с надписью «Казнен за такие-то провинности». Средний, безразличный румын, забился в судороге перед смертью, и затем все кончилось. Два других даже не шевельнулись, в агонии они были слабее среднего. Так они остались висеть. И последние слова приговора, и момент казни сопровождались овацией собравшихся одесситов. Бесчинствовали эти разбойники еще в Анатолиевке.

После этого мы пошли посмотреть порт, море, оперный театр[73], вокзал. Увидели костел, собор, памятник Пушкину[74], высокую цер-

ковь, на которой при немцах кто-то вывесил наверху колокольни красный флаг. Больше всего мне понравился оперный театр. Трудно даже рассказать, какие великолепные архитектурные узоры и оформления были на его стенах. Ознакомил нас военный с историческими положениями о театре, об условиях его возникновения и повел по наиболее выдающимся местам. Особенно Потемкинский вход великолепен. Зрительный зал: стулья в нем мягкие, сцена и за сценой – железобетонные своды для охраны сцены, и пр. и пр. До этого я расхваливал перед Павлом и его родственницей Лидой свой город и рассказывал об его преимуществах перед Одессой, но после театра мне оставалось только помалкивать. Он – второй в мире по красоте. Даже немецкие мерзавцы и те не решились посягнуть на это редкое сокровище. Они, правда, потом стали каяться и бомбы бросать, но не угодили, и только один кусочек театрального потолка обвалился.

У двери театра собрались артисты на митинг. Это было трогательно и радостно. Артисты были готовы дать спектакль для Красной армии завтра, но мы, к сожалению, двигаем с Павлом.

Порт весь разрушен, и сейчас еще горят его постройки. Вокзал тоже разрушен и сожжен до основания. Перед его входом висит еще один румын за насильничанье и расстрелы мирных граждан.

В Одессе много красивых девушек. Некоторые, правда, чересчур модничают и расфуфырены до крайности. Этого я не люблю. Простота красит человека. Почти все они смотрели на меня влюбленными или, вернее, восторженными глазами, и это доставляло мне удовольствие. Я определенно нравился многим, тем более что я был в новой офицерской форме и шинель носил внакид. Только вот держать себя я с ними не умею и страшно боюсь того момента, когда понадобится иметь половые сношения с девушкой. Страшно сказать – мне 21 год, и я до сих пор не имею насчет этого понятия и опыта. «Живой п.... не видал», – смеются товарищи, и это верно. Ведь я не знаю, как и не умею приступить к этому и объяснить девушке или попробовать хотя бы на уже видавшей виды? Вчера, правда, мертвую видел, но не пригляделся к тому, что у нее под ногами находится, – постеснялся, а о живой и говорить не приходится.

Только картинки меня забавляют и, как говорят некоторые, я занимаюсь сухим онанизмом. Секретно.

Вчера, правда, Мария, что живет с павловой Марией, намекала на это дело и даже предлагала, но мне противно, и с ней я не могу вообще иметь дела.

На дороге встретились со знакомой Лидии Польской – старушкой Чубановой. У нее три сына, и она страдает: двое – на фронте, один увезен в Германию. Она захотела меня принять у себя за сына, повела домой к себе.

Павел с Лидой пошел к ним, тем более что его поджидала Нина. Долго я не задерживался – взял одесские газеты, пошел тоже к Лиде. Там вместе с Ниной пошли сюда, к сестре Павла. Нина решила завести нас к себе, в свой особняк, как она выражается, и мы пошли.

Ее мать – добрая хозяйка и женщина. Поговорили немного, и мать заметила мне, что я очень похож на нее, как брат родной. Вдруг появился ликер на столе, и мы выпили по полтора стакана.

Поздно ночью вернулись к сестре Павла. Они уже спят, Павел и [оные] сестры, а я все пишу и не успеваю излить дневных впечатлений на бумаге. Адресов теперь у меня уйма, и я боюсь, чтоб не перепутать их. По два слова всем напишу.

Случайно встретил здесь днепропетровку. Шел в уборную и заблудил. Пришлось возвращаться в калитку (я хотел через забор перейти и наткнулся на проволоку колючую), когда на пути встретил ее. Из разговора я узнал, что она из Днепропетровска эвакуирована и собирается туда выехать, а сестра ее жила в четвертом номере на улице Жуковского. Записал ее адрес и ей отдал свой.

Группу пленных видел: три немца, два русских и одна девушка. Красивая, но дрянь – изменница или проститутка.

Читал приказы о возобновлении работ на производствах, о призыве лиц призывного возраста, о взятии Одессы приказ Сталина[75]. Салют грандиозный. [Наши] командующие генерал-полковник Цветаев[76], генерал-майор Горохов[77] тоже упоминаются в приказе.

Видел много-много интересного, но всего не передашь. Например, оперный театр я смотрел в обществе генералов-майоров двух и одного полковника, а [*одно слово нрзб*].

Одно море сто́ит, чтоб о нем рассказать.

Время позднее, сердце [мое] не может долго переживать тяжелых впечатлений от оставленных врагом разрушений и пепелищ; оно настаивает, чтоб я прекратил свои записи, и глаза мои тоже устало подмигивают – разум не в силах с ними совладать. Иду спать. Пора, а завтра, может, чего катану, если не уедем рано[78].

14.04.1944

Вчера решили трогать. Утром я забежал к павловым Мариям. Забрал свое нижнее белье, попрощался с ними. Отобрал свою фотокарточку, что взята была ими нахально. Записал адреса и дал свой адрес.

Потом отправился за стеклами. Достал в парниках большие и длинные стекла – шесть штук, однако их у меня отобрали охранявшие помещение местные жители, угрожавшие мне майором. Взял только два стекла и несколько маленьких. Маленькие занес в будку 191 к Галине. Распрощался и с ними. Большие занес сестре Павла. Днем двинули.

Дошли до сухого лимана и уже хотели было идти дальше, как встретили [*продолжение отсутствует*].

16.04.1944

[*Лист порван – одно слово нрзб*] майора – начальника контрразведки дивизии. Он сообщил нам, что часть наша ушла в тыл в направлении Раздельной[79]. Пошли обратно.

В Одессе что-то взрывалось. Когда мы пришли на заставу, взрывы затихли. Это, как оказалось, взорвался на оставленных немцами минах склад с боеприпасами. Все небо заволокло густым облаком дыма, который стремился уплыть как можно дальше в широком небесном океане.

Мы пришли в город, когда уже смеркалось. Идти дальше нельзя было, ибо мы сильно устали. Решили еще ночь побыть в Одессе. Начали договариваться, как проведем время. Павел пообещал меня научить иметь половое сношение с особой женского пола. Я чистосердечно признался ему, что я еще не сведущ в этом вопросе. Он посмеялся надо мной тогда и дал слово, что сделает меня таким же профессионалом, как и он. Дома сестра ему посоветовала подойти к двум девушкам, якобы интересным и хорошим. Прельстила тем, что они играют на гитаре и прочее. На деле оказалось, конечно, не так. Мы провели время не так, как нам хотелось. Просидели за столом, разговаривая и играя в карты.

В два часа ночи мы вернулись к сестре Павла. Спать не ложились, попили чай и пошли догонять своих. Догнали их на третий день, после многих странствий, приключений и мытарств.

Сейчас мы находимся невдалеке от Раздельной в хуторе Владимировка – два километра от станции.

На станцию прибыл вчера на машине после того, как я вторично отстал на ночевке в одном из сел.

Получил сегодня множество писем, но не ответил на них, так как мешают посторонние люди – бойцы, пришедшие в комнату и усевшиеся без разрешения за стол.

Хочу написать стих об Одессе, а письма разбирать завтра буду.

От Ани получил [*лист порван – одно слово нрзб*] письмо. Получил одно письмо от Лившиц, одно – от незнакомой девушки Короткиной Ани (немного малограмотна, но содержательна), от Оли одно письмо, от тети Ани три, дяди Жоржа одно, тети Любы, от мамы три, от папы два.

Написал одно письмо Ане Л[ившиц], тете Любе, дяде Жоржу, тете и маме. Два письма написал на имя родных погибших товарищей лейтенанта Савостина и старшего лейтенанта Кияна, в которых извещал об их гибели.

Написал Короткиной Ане – незнакомой сотруднице дяди Сени, комсомолке. Написал Оле.

19.04.1944

Глинное на берегу реки Турчанки в Днестровских плавнях[80]. Позавчера еще пришли сюда наши пехотинцы, наш полк и вся дивизия с намерением переправиться на другую сторону Днестра. Пехота, минометчики, артиллерия и даже часть «Катюш» переправились в плавни, но неожиданно вода в плавнях стала прибывать и затопила их постепенно. Дело приняло такой опасный оборот внезапно, что никто не успел опомниться, когда вода уже значительно затопила плавни и создалась угроза гибели всех людей. Много пушек и «Катюш» уже нельзя было вывезти, и люди были по колено в воде.

21.04.1944

Чебручи[81]. Тогда полковником Галаем[82] был отдан приказ полковнику Паровышникову вывести людей и технику из угрожающего района.

Днем на Глинное налетели самолеты врага. Они бомбили, и несколько бомб средней величины упало во дворе, где находился комендантский взвод. Я в это время убежал в подвал и находился там до окончания бомбежки. Женщина-хозяйка плакала и кричала. Бойцы и командиры-военные опасались, что в подвале может убить волной, ибо отдушины-выхода наружу не было, но все обошлось благополучно, и только снаружи были убиты четыре лошади. Тела их были прямо-таки разрублены во многих местах, две других были убиты волной.

Вечером хоронили подполковника, тоже пострадавшего от бомбежки.

Военные стремглав выезжали из села, жители с котомками на плечах и отчаянными причитаниями стали убегать прочь оттуда, но паники не получилось – много военных оставалось в Глинном, и жителей это успокоило.

Вечером, когда уже смеркалось, был получен и нами приказ об уходе под Чебручи, дабы на другом месте переправиться через Днестр. Здесь, в Чебручах, реки Турчанки нет, но форсировать Днестр за ночь не удалось, так что полк и поныне пребывает в плавнях.

Умер Ватутин[83], подал в отставку Бадольо[84], отстранен от руководства борющейся Франции Жиро[85], и де Голль[86] получил большие права. Благодаря ему в правительство Франции введены представители компартий (двое).

Дивизии присвоили [звание] Одесская. Сейчас полк впервые принимает знамя.

25.04.1944

Вчера написал письма маме, папе, Лялюшке. Сегодня – тете Ане, Нине Каменовской, Лахтионовой Тине, Свищеву Николаю, Бусе Кац. Получил письмо от мамы и от Буси Кац.

27.04.1944

Написал в Днепропетровск Наде Викторовской, в Москву – во всесоюзный радиокомитет в отдел радиовещания; Магнитогорск, Дербент, маме, папе, Бекасову, в Астрахань – дяде Жоржу, в Николаев – Шунько.

20-го, кажется, придя в комендантский, застал всех в сборе. Возле кухни стояла бричка с запряженными в нее лошадьми. Поел и вместе со всеми резервистами отправился в лагерь, где формируется батальон Рымаря. Мне сказали, что минрота тоже подготавливается там.

Но оказалось совсем иначе. Я попал стрелком. Лейтенант Черепахин, вместе со мной окончивший курсы, – командиром роты, он стрелок по специальности.

28.04.1944

Наконец то, о чем я лишь слегка догадывался, осуществилось. Сегодня Полушкин назначил меня командиром стрелкового взвода. Подумать только, в награду за восемь месяцев боевых действий на фронте в этой части! Но назло всем чертям он не погубит меня – этот человек, ненавидящий меня исключительно за то, что я еврей; очевидно, мечтающий: «Пусть повоюет, раз еврей!» Он думает, что я еще не видел то, что называется передним краем. Страшновато, конечно, и жить так хочется, что и выразить трудно, но... ведь не может быть, чтобы судьба погубила меня столь внезапно, тем более что я – это мир, движение, музыка, поэзия, солнце светлое и постоянная бумажная волокита. Ведь так приятно, что я и жизнь столь неразлучны были до сих пор, и трудно подумать, поверить, что они могли бы разлучиться в дальнейшем.

Буду смелым в бою. Забополь и Николаев, с которыми я попал в роту, – мои повседневные противники во все дни прошлого в этом полку. Как будто специально все сделано. С ними будет тяжело и даже опасно, так как один (Николаев) застрелил кого-то еще в тылу, а на фронте это проще простого. Другой – командир роты, тоже отчаянный и вспыльчивый.

Из нас создали отдельную роту в 80 человек. Она будет пока в резерве полка – очевидно, для штурма. В моем взводе 40 человек. Завтра или послезавтра – в бой. Сейчас обмундировываемся.

Поздняя, глубокая ночь. Половина четвертого. Слегка сереет темень ночи.

Со всеми распрощался. Старший лейтенант Лапин обещал, что пойду я с ним вместе, а сейчас совсем иначе получилось – хуже, чем я мог предполагать когда-нибудь. В зубы зверю, да еще в какие – в крепкие и злые зубы. Выход только в личной отваге. Мне нужно получить награду – орден, не меньше.

Вечер. С нашей ротой разговаривает гвардии полковник Паровышников. Он рассказывает, что «от села Галмуз, которое нам предстоит занять, наши находятся метрах в 75. Так что для занятия его необходим лишь один дружный рывок. Но у нас очень жиденько там было, и поэтому противника не выбивали сразу, в первые дни сближения с ним на эту дистанцию. Теперь, конечно, иное положение».

Полковник обещает, что со временем я опять попаду в свою минометную роту.

Написал два словечка маме.

01.05.1944

Весь вчерашний день, всю ночь и даже часть утра шел проливной холодный дождь. Накрылся шинелью и, сидя, спал. Шинель вся промокла, отяжелела, подо мной тоже вода очутилась. К утру вода добралась в верхнее нижнее белье и до самого тела. Промок, как говорится, «до ниточки». Только вокруг живота и груди осталось сухое место. Сюда шинель не прилегала плотно и здесь, «за пазухой», я хранил партийный и другие документы.

Сейчас, в основном, высох. В окопчике на два штыка глубиной полно воды, только сидение сравнительно сухое, да плюс к тому я под себя подкладываю сумку. Ноги мокрые, и холодно в них, руки и щеки горят огнем.

Вечером прояснился горизонт и солнце, еле греющее и ветреное, слегка заласкотало взор. Но портянок и шинель полностью не успел высушить.

Село рядом – метров 300 отсюда. От передовой – метров 50.

Сегодня был у Пархоменко. Он говорит, что пока ничего не будет делать для того, чтобы я вновь попал в минроту. Я сказал ему, что если он желает проверить мою смелость, пусть даст мне индивидуальное задание. Вечером он написал мне до одури несуразный приказ: одному переправиться на другую сторону к затопленным водой ПТРам и, войдя в село, забросать гранатами или другим путем уничтожить ДОТ с амбразурой станкового пулемета. Я расписался, что читал, но едва ли буду выполнять, если невозможно будет безопасно сделать. Ведь я командир – средний командир, а он мне такие задания дает.

В селе кричат петухи, и лают собаки. Здесь плавни, а там, за ними, сухое место. Село на круглой высотке расположено, похожей на кур-

ган, но сравнительно больше. Дома и улицы отчетливо видны, но ни один немец не показывается наружу.

Написал письма маме, Лялюшке, папе, тете Ане со стихом «Одессе», Третьяку записочку-письмо и Лапину.

02.05.1944

Написал Ане Лифшиц в Москву с фото Тургенева, маме – в Днепропетровск, папе – в Дербент, дяде Жоржу – в Астрахань, дяде Люсе – в Калинин, Бебе Койфман – на станцию Баская Молотовской области, Бусе Кац – в Ярославль, Селивестровой Галине – в Одессу, Оле Штуль – в Магнитогорск и Валентине Буховец – в Николаев: итого десять писем.

Наблюдал за противником. Мы на прежнем месте. Видел жителей – двух взрослых бессарабцев – мужчину и женщину, двух ребятишек с ними. Все они были с котомками за плечами.

03.05.1944

Написал маме, папе, Алле Беспарточной, Марии Бойко – в Одессу, Замуле Н., Майе Белокопытовой – в Москву и Романовой Н. Г. – близкой покойного Савостина.

Вчера ночью перешел вместе с взводом на передний край. Говорили нам, что нами подменяют на ночь, затем на сутки, передовиков, якобы те приоделись, но, очевидно, соврали. Постарались поскорее пихнуть меня в пропасть, но нет, шалят, я буду сверху, над пропастью и не погибну назло всем врагам внутренним и внешним – немцам.

Фрицы активничать стали – обстреливают и нас, и тылы. А окопчики у нас никчемные – два неполных штыка. Так что стоит начать, и все мы попадем в нехорошее дело. Здесь, в обороне, быть опасно. С продовольствием тоже безобразное положение. Хлеб, по неизвестным причинам, мы получаем не полностью – буханка на четверых, а то и на шесть человек. Пищу – один раз в сутки – 200–300 грамм супу фасольного. Добро еще, что выдали в качестве доппайка немного сала свиного, а то б я не знаю, как жил бы.

Погода сегодня неважная. Ветер и солнце холодное. В селе поют петухи, мычат телята. В плавнях кукушка кукует, но и тут и там грохочут снаряды. Ими перебрасываются, как мячиками, обе стороны, и везде такое молчание, как будто и войны нет, а так, кто-то шалости ради бросается. То справа, то слева рвутся, то далеко, то близко, позади. А один раз метра четыре от меня сзади перелетом упал как раз на мертвую корову, и ту подбросило и закинуло метра на два в сторону. Последние, еще не сгнившие, кишки вывалились наружу.

В ночи холодно. Сумку я свою оставил в хозвзводе у ездового одного, а там портянки мои, гимнастерки. Вечереет. Перо у меня что-то испортилось.

07.05.1944

Вчера исполнилось два года моего пребывания в Красной армии.

Сейчас передвигаемся. Ушли с плавней назад, перевалили через Днестр и теперь очень тяжело двигаемся по эту сторону реки (левую) на север, вдоль фронта. Очевидно, где-то намечается новый прорыв.

Рапорт полковнику начисто еще не переписал. Сейчас займусь.

Вчера получил письмо от тети Ани, а сегодня два письма от нее, одно – от папы и одно – от дяди Люси.

Ноги болят немного, и чего-то горят руки.

09.05.1944

Командирское собрание. Зачитан секретный приказ. Выступает гвардии полковник: «Я полковник. Слов попусту [*две строки нрзб*]».

Сейчас, когда ведется эта беседа, четверо офицеров из батальона 120-мм минометов устроили стрельбу из автоматов в погоне за зайцами. В результате убит один заяц и три лошади. Их привели сюда.

11.05.1944

От дяди Люси получил вчера второе письмо за последние месяцы. Оба – 23.04 и 31 марта 1944 года. Отвечаю вторично. От мамы третье – ответил опять сегодня. От тети Ани за 27.03, 04.04, 07.03, 07.04, 25.01, 18.04, 19.03, 10.04. От папы – 23.03, 14.04, 28.03. Папе написал, Оле, от которой получил вчера два письма. От Сани – два письма, от Нины Каменовской – одно. Написал Нине Каменовской вчера и сегодня. Выслал стих «Жизнь», Сёме написал.

Сегодня уходим на передовую. Будем занимать оборону по эту, левую, сторону Днестра, на окраине села Красная Горка. Уже вечереет. Скоро опустится солнце, скроется за горизонт, и когда посереет воздух, мы двинемся.

12.05.1944

Написал письма в редакцию армейской газеты «Боевой товарищ» со стихотворением «Жизнь» и Зое Гродинской с портретом Шолохова.

Получил письмо от тети Ани, две открытки – от Ани Лившиц и одну – от Майи Б[елокопытовой]. Кроме того, получил обратно свои письма к Бекасову за выбытием адресата.

Открытки Анины кратки, но и в этом виде любая весточка от Ани вызывает во мне теплоту и трепет радости. Как хорошо получать письма от таких славных и умных девушек! «Вовочкой» называет она меня в письмах, но это ничуть не оскорбляет меня, а напротив, радует.

Сейчас ночь. В обороне. Северо-западнее хутора Ташлык.

14.05.1944

Все дни моего пребывания здесь (а я уже вместе со своей частью здесь нахожусь с девятого числа) кругом гремят бои страшные. Особенно по ту сторону Днестра, где наши занимают небольшой, но довольно укрепленный плацдарм. Несколько дней назад немцы потеснили наши части и отодвинули их от села влево, но дальше все их потуги ни к чему не привели, и теперь фронт вот уже несколько дней стоит на месте.

Днестр здесь неширокий – 100 метров, и вот ежедневно по ту сторону Днестра наведываются группы самолетов на протяжении всего дня по 20, по 30, по 15. То наши, то немецкие. Наши, конечно, преобладают сейчас в воздухе.

Ответил Ане письмом со стихотворением «Жизнь», Майе – со стихотворением «Маю». Написал в редакцию «Кировца» стихотворение «В Одессе». Отправил письма маме, папе, тете Ане. Написал письмо Сане в Магнитогорск и Ляле Цюр в Днепропетровск.

15.05.1944

Получил письмо от Оли, в котором она требует, чтобы я помог ей занять ее же собственную квартиру, в которую забрался какой-то военный и соглашается пустить туда только Олю, а семью отказывается. Думаю написать в редакции газет «Зоря»[87] и «Днепровская правда», чтобы помогли[88].

Получил письмо от Ани Перкиной из Мал[ого] Лепетиха – изорвал его в клочья от досады и решил не отвечать. Она учительница, но ее письмо до ужаса несодержательно – бестолковщина да и только: «Я дам тебе ответ...» и т. п.

Написал письмо в редакцию «Днепровской правды», в котором прошу их помочь Оле выселить проходимца в военной форме, не впускающего ее с семьей. Два письма – в «Зорю» и Оле, для [*одно слово нрзб*] военкомата отошлю завтра. Ляле Цюр написал в Днепропетровск, Нине Каменовской – в Одессу, со стихотворением «Одесса»; Сане в Магнитогорск.

Сейчас уже стемнело. Только что принесли газеты, и я прочел пространную статью в «Кировце» о Третьяке. Этот подлый человек только из-за того, что ему наклеветали на меня, что я якобы запретил

угощать его супом своим бойцам, постарался спихнуть меня сюда в стрелки, а сам чисто случайным стечением обстоятельств приблизился к славе. Было даже неудобно читать, как его расхваливали, врали. Такие люди царствуют и живут в свое удовольствие, а кто-то из-за них страдает.

Сегодня наши на той стороне подобрались совсем вплотную к немцу по берегу, но почему-то вернулись. Вероятно, пулемет сорвал наступление. Немцы установили его у самого берега, и он хлестал пулями в течение всего наступления.

1. Вырыть ячейки по размеру.

2. Для ручных пулеметов выбрать ячейки с обзором и точно по размеру. Ячейки отрыть полного профиля, сделать брустверы[89] и бермочки[90].

3. Во всех взводах оборудовать землянки на отделение для случ[айного] арт-огня и для отдыха. Все отрытые ячейки обвести лозой.

4. Для ручных пулеметных позиций – 3.

27 ячеек для шести руч[ных] пул[евых] позиций.

Дамбу прорыть хода. Всю оборону замаскировать дерном, брать в саду 110 м[етров] от дамбы.

В восемь часов приступить к работе, в восемь часов 17 минут – окончить.

16.05.1944

Написал в редакцию «Зори» по Олиному вопросу, тете Еве – в Магнитогорск и в редакцию газеты «Кировец» послал стихотворение «Жизнь». День прошел почти даром. Создать ничего не успел, хотя пытался доработать стихотворение «Я мечтал о Днепре».

Здесь все лейтенанты – молодые парни, хорошие ребята. Но мне очень тяжело, и сердце мое ноет от бессилия и досады. Что мне делать? Как мне выйти из этой трясины, опутавшей меня всего? Пархоменко, как низкий человек, вскрыл мое письмо к Лапину и прочел то место, где было сказано о его вздорном приказе мне: «Переодеться солдатом и забросать, переправившись лодкой на немецкую сторону, их амбразуру гранатами». Теперь он мстит мне и даже рапорта моего не принимает к командиру полка, писал к нему же с просьбой о назначении меня по специальности. Он меня определенно хочет угробить, и вместе с Полушкиным, который ненавидит меня исключительно потому, что я – еврей, спихнул меня на прозябание в стрелки.

Люди (бойцы) тяжелые. Суровым с ними я быть не могу – мне жалко людей. Ругаться я тоже матерно не умею на бойцов. Упрашивать, уговаривать, объяснять – вот что остается мне. Но люди этого

не понимают, и хорошее отношение вызывает в них непослушание. Заборцева, правда, все боятся – он кричит и ругается. С ним бывает трудновато, когда он горячится, и мне.

Чернилами я не пишу, так как их у меня забирает Заборцев. Отказать ему неудобно, но когда я прошу обратно, он не возвращает – говорит, заняты.

Фриц спокойно сегодня себя ведет – изредка попукивает из винтовок и ахает минами недалеко от меня. Чудом никого не убило из моих бойцов, когда они рыли блиндаж. Случайно они перед тем порасходились, и как раз в полуметре от того места упала немецкая мина 81 мм.

Сапоги продырявлены. Надобно починить, а сапожника нет. Как бы не довелось одеть обмотки. Руки мою через день – некогда. А нахожусь у самой воды. Самолеты реже летают. Винтовки подготовил к ночной стрельбе.

Вчера здесь были Хоменко и Рымарь – я читал им свои стихи. Присутствовали кроме них Заборцев, Толокнов[91]. Напомнил как бы невзначай о своем, наболевшем. Они отвечали, что не все стрелки погибают, и чтобы я не отчаивался. Я объяснил, что не смерть меня страшит, а люди, с которыми работать нужно. Но все мои разговоры впустую. Стихи мои нравятся им, а сам я, очевидно, нет. Вот в чем беда. Хоменко, правда, мало меня знает, а Рымарь любит, уважает и ценит самого себя, да и только.

Эх, если бы с полковником удалось мне переговорить!

17.05.1944

Зое Гродинской, дяде Сене, в редакцию «Советский воин» и «Советский боец» со стихотворением «Жизнь»[92]; Оле – ответ на ее просьбу, письмо для военкома.

20.05.1944

Вчера получил три письма: от Ани, Нины Каменовской и Галины Селивестровой. Написал сам тете Ане, в редакции «Советский воин» и «Советский боец», Третьяку – о письмах и Короткиной Ане.

22.05.1944

Вчера у меня было происшествие – не первое и, к сожалению и боли сердца, не последнее.

Заборцев собрал всех командиров для беседы. В середине нашего собрания мы заметили каких-то двух неизвестных гвардейцев-командиров, проходивших по нашей обороне. Кавалеры нескольких орденов, они сразу обращали на себя внимание со стороны. Я сказал Заборцеву, что их нужно проверить, и он поручил это делать мне.

Тем временем оба человека прошли по верху ворота в дамбе, мимо которых у нас были вырыты специальные хода сообщений.

– Подождите, – окликнул я незнакомцев. – Одну минуточку! – и когда те остановились, стал узнавать у них, кто они, откуда и для какой цели пришли.

Охнул снаряд в трех шагах от нас. Несмотря на свою большую величину, нас не поразил этот демон смерти, так как мы упали, а моих собеседников лишь припугнул и заставил спуститься в траншею. Мы вернулись назад, откуда спутники мои начали движение, и с изумлением наблюдали, как точно по дамбе, изменяя угломер, противник бросал свои железные чудовища по пути вероятного следования незнакомцев.

Переждав немного и дав мне подробные объяснения о целях и причинах своего прихода, оба орденоносца снова пошли вправо вдоль дамбы, но теперь уже ходом сообщения, а я вернулся к командиру роты. Отчитавшись перед ним о результатах «переговоров», я собрался к себе во взвод.

– Товарищ старший лейтенант, – отрапортовал с печальным взглядом боец, – упавшим у дамбы первым снарядом насмерть ранило человека по фамилии....

Мой путь во взвод лежал этой траншеей, где на отходной вехе, в ячейке на посту наблюдателя трагически закончилась жизнь красноармейца, погибшего за Родину. На месте живого, зрящего, действующего бойца сидела одна спина, в которую, казалось, ушли и свесившаяся голова, и безжизненное туловище. Рядом, на всей стенке бруствера застыло разбрызганное во все стороны кровавое пятно – та часть человеческого существа, которая своим непрерывным движением и беспокойством заставляла чувствовать и мыслить сердце и разум живущего. Я смотрел молча, без страха и ужаса в глазах, привыкших к подобного рода эпизодам. Кругом стояли бойцы и тоже смотрели, соболезнующе рассказывая историю гибели человека.

Мне показали ботинки покойника перед его погребением: обувь, как и одежда, были целиком изорваны и исковерканы безобразными, бесформенными кусками металла, которые принято в военном деле называть осколками. Так неожиданно и так бесценно[93] превратилось в ничто большое что-то, необъятное, выраженное в человеческом наречии одним словом – «жизнь». Так улетучилась, обездолив, ограбив лишь недавно клокотавшее сердце, так предательски осиротила разум спасовавшая перед смертью частица человеческой жизни. Да, это не вся жизнь, это именно частица, так как жизнь, самое сильное, самое непреодолимое понятие во всем живущем, никогда не уходит

бесследно из человеческого существа. Она оставляет о себе воспоминания, память, которая продолжает долго, а порой бессмертно, жить в людях.

Почему же меня сохранила судьба? Ведь я мог сделать еще три шага вслед за неизвестными мне дотоль военными и очутиться в лапах злорадной кровопийцы – [*часть слова нрзб*]ницы смерти. Почему жизнь не бросила меня и тогда, когда несколько дней назад в меня долго целившийся снайпер метнул пронзительно свистнувшую, а затем и трахнувшую меня, слегка зацепив, царапнув ухо, медную разрывную пулю? Я долго тогда стоял с привычной беспечностью на просматриваемой немцами поверхности земли и объяснял, позабыв об опасности, задачу бойцам по усовершенствованию ОП. Почему не покинула меня жизнь и во многих других смертельных опасностях, о которых была речь раньше? Значит, жизнь любит меня. Значит, она ждет от меня чего-то; значит, смерть вынуждена дать отсрочку моим юным годам, моему бьющемуся сердцу и страдающему от несправедливости людей разуму. Выходит, я полезен чем-то величавой красавице в разношерстном кудрявом платье, которая носит такое нежное, такое неповторимое название – «жизнь».

Я знаю, я понимаю мысли и чувства жизни. Она любит, когда живущие ею платят ей дань, благодарят ее чем-либо возвышенным, хорошим, неисчезающим и бессмертным. Она любит, создательница, создания, ею живущие, и она щедро удерживает за собой в дни, когда смерть особенно нахально берется за судьбу человека, на долгие-долгие годы его дыхание, его мысли. Разве не долго боролась она со смертью за судьбу Ильича Ленина? Разве не хотела она спасти от смерти Николая Островского[94]? И в том-то ее и величие, что даже в смерти она умеет быть бессмертной. Может ли костлявая смерть похоронить в себе произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Гейне? Может ли она, ненавистница всего, создаваемого жизнью и природой, что-либо сделать против величайших памятников древности, и по сей день сохранивших свое великолепие? Может ли она руками Гитлера и К° варварски ликвидировать культуру и свежую мысль современного человечества? Может ли она загубить бесследно великих писателей, ученых, мыслителей текущих годов: Ромен Роллана[95], М. А. Нексе[96] и других, очутившихся и частично вызванных из лап убийц шайки Гитлера? Нет, нет, нет!

Таков смысл жизни. Жизни на войне, жизни в грохоте и кровавом пьянствовании разгулявшейся сейчас смерти. Не значит ли это, что я должен отблагодарить жизнь за свое спасение; за возможность, не кланяясь снарядам, не сгибая головы и не прячась часто в убежищах, жить и любить жизнь до настоящего времени включительно? Не по-

тому ли я полюбил бумагу и карандаш, не потому ли я полюбил искусство претворять беспорядочно струящиеся в голове мысли на бумагу? Не потому ли, что я полюбил жизнь, мне так страстно хочется быть писателем?

Написал сегодня письма тете Любе, Оле, тете Ане, папе и Галине Селивестровой и дяде Люсе.

23.05.1944

Ответил на посылку Чечкачкиной Тане.

Первое чрезвычайное на фронте происшествие – это посылки. Впервые за службу в Красной армии мне посчастливилось получить приличную посылку от мирных советских граждан: кусочек сала, печенье, бумага. Прислали жители с Госпитальной, 34 города Одессы. Ответил им письмом. Но, конечно, всего, что одесситы выслали, не было в посылках. А в сегодняшней партии посылок, кроме бумаги и мыла, вовсе ничего не оказалось. Первые посылки были хоть и в распечатанных, но мешочках. Зато вчерашние даже мешочков не имели, а бумага, в которую они были завернуты, была изорвана. Ясно, что мешочки или сумки, в которых посылались посылки, были распечатаны, и половина, если не больше, содержимого в них – украдена. Сумки вскрывались, очевидно, так безобразно, что держать их больше нельзя было. И эти мерзавцы-тыловики были вынуждены залепить их бумагой, но и та неоднократно развертывалась и была вся изорвана, а содержимое вываливалось наружу. С трудом удалось мне из девяти посылок сделать шесть более-менее приличных и передать бойцам. В одной из посылок была записка, в которой писалось о носках и платочках носовых, посланных бойцу. Ничего этого, конечно, не оказалось – одна бумага, конверты и мыло. Так тыловики полка дивизии отнимают последнее удовольствие, развлечение и отраду наших стрелков, беззастенчиво ограбляя даже посылки. Так, в некоторых посылках были помазки, баночки для мыления, лезвия, а бритв не оказывалось и пр., и пр.

Заборцев у себя в роте тоже подчищает, что возможно: выгоняя из помещения бойцов, распечатывает и забирает ценности. В первый день ему неудобно было самому хозяйничать. Он выгнал всех связных – всех, кто нес посылки, заявив, что остаются лишь он и парторг, то есть я. Под предлогом распределения посылок он вскрывал каждую, забирал себе платочки, зеркальца, расчески, конфеты, спички, карандаши, туалетное мыло, зубные щеточки и порошок, пасту и прочее, что еще уцелело от тыловых грабителей. Мне было страшно неудобно присутствовать при этом деле, но ничего поделать я не мог. Жаловаться тоже нельзя и некуда. Он пытался меня подкупить

зеркальцем, бумагой, карандашами и т. д., но я ничего не брал. Одно зеркальце я все-таки принял из его рук: все равно он его кому-либо отдал бы – такому же подлецу, как сам.

Сегодня он решил меня и вовсе не звать. Но я понял со слов бойцов, из вида посылок и из его разговора, что и сегодня он все посылки перерыл. Сейчас еще привезли. Если бы я имел возможность сам принять посылки, хотя бы из полка! Ведь и сегодня бойцы останутся ни с чем. 16 посылок за два дня можно было свести и даже без разборки: за пять – к половине, а с нею и того меньше осталось.

Второе, не менее важное чрезвычайное происшествие – высадка немцев на правом фланге в районе обороны [*одно слово нрзб*] батальона и обращение ими в бегство целой роты – восьмой. Беспечные люди проспали и допустили немцев на берег, но они, к тому же, были трусами и драпанули. Два ПТРовца, которые остались на месте, представлены к ордену Славы[97]. Схватка в конечном итоге закончилась двумя ранеными с нашей стороны и двумя – со стороны немцев.

24.05.1944

Вчера во время моего дежурства один пулеметчик тяжело ранил старшего лейтенанта из вновь прибывшей и нахально расположившейся без согласия командования 88-й части. Раненый скончался. Он, оказывается, грозил пулеметчику нашему, что застрелит его, и кричал: «Прыгай в траншею. Сейчас тебе капут!» Но капут получил он сам. Лес, который хотел негодяй забрать, боец самоотверженно защитил, пусть даже ценой гибели старшего лейтенанта. Все бойцы и командиры, в том числе второй командир роты, удовлетворенно констатировали, что хорошо сделал боец, ибо этого замкомбата все ненавидели: он бил бойцов рукояткой своего револьвера, многим бойцам и командирам без причины угрожал расстрелом.

Была глухая темная ночь. Я проходил траншеей по расположению роты, проверяя бдительность часовых, а также ход оборонительных работ. Вдруг я услышал шум и поторопился подойти к тому месту, откуда он исходил. Когда я уже был недалеко, до меня донеслись голоса: «Товарищ старший лейтенант, за что вы меня бьете?» И другой: «А ты знаешь, что я замкомбат? Я замкомбат! Спускайся в траншею! Капут тебе! Расстреляю тебя! Ты еще будешь меня к командиру взвода вести?! В траншею!»

Завязалась борьба. Присутствовавшие при этом бойцы рассказывают, что в это время старший лейтенант схватил бойца за винтовку и стал тянуть в траншею. Винтовка была на боевом взводе. Когда я уже подбежал близко, крикнул: «Что вы делаете? Стойте!» – и в это время раздался выстрел, до меня донеслось громкое «О-ой!» Кругом

заволновались люди, забегали. Ко мне подошел боец и со слезами на глазах попросил: «Товарищ лейтенант, перевяжите человека!» И потом: «Винтовка была заряжена, как же это получилось... Он потянул... Меня заберут, но я же не виноват...»

Пришел санитар и перевязал раненого. А присутствовать [*лист порван, продолжение отсутствует*].

Мне люди рассказали тем временем обо всем, что произошло до моего прихода. Бойцы-пулеметчики Толокнова переносили на старое место украденные у них бойцами вновь прибывшей на оборону 88-й гвардейской сд. Тем временем [*продолжение отсутствует*].

Написал открытку М[айе] Белокопытовой, папе, маме.

28.05.1944

Холодно. Ветер после дождя жестокий, безжалостный. Я в шинели. На голове – плащ-палатка. Под плащ-палаткой – сумки и бумага. Я накрылся с головой, и мне не видно ничего, что творится снаружи. Ни самолетов, что гудят где-то в один голос; ни снарядов, что привычно рвутся и гуркают; ни неба, которое серьезно нахмурило тучки, раздуваемые ветром. Холодно, только писать необходимо. Спать тоже хочется.

Ночью я не прилег ни на секунду, так как лазил на передовую к Чубу – командиру четвертой роты. Надо было прокопать ход сообщения вниз от бугра и от минометчиков. До самого спуска мы прокопали, но когда я решил проверить с минометчиком спуск, то оказалось, что там был обрыв глубиной в 50 метров. Помимо этого был мост. Проверкой установили, что обрыв на всем своем протяжении скалистый, и чтобы найти более пологое место необходимо [*часть слова нрзб*]нуть ход сообщения длиной еще не менее 700 метров, а это нашим и без того изнуренным каждодневной ночной работой людям физически не под силу. Выбравшись вниз с минометчиком и своим ординарцем Кальмиусом[98], я направился в лес к Чубу.

Минометчик еще вверху стал ныть и спрашивать, что ему делать и как рыть проход в обрыве. Я посоветовал ему проверить, исследовать весь спуск сверху донизу. Но он боялся, утверждая, что предыдущей ночью спустившегося со своими бойцами младшего лейтенанта Соснина обстрелял секрет, заставил залечь, а одного бойца убил. С трудом удалось его уговорить на «подвиг», и втроем мы стали спускаться. У минометчика, как и у меня, не было оружия. На троих был один кальмиусов автомат. Несколько раз я падал и срывался вниз при спуске. Обцарапал руки. Внизу проходила дорога, а за ней – лес. Когда мы погрузились в лесную чащу, темнота резко ослепила наши глаза. Ночь была облачная: не было ни звезд, ни луны – вечных спут-

ников ночного шественника. Мы ударялись лбами о деревья; длинные сучья назойливо лезли нам в глаза, но мы шли. Наконец я заметил траншею, и втроем мы опустились в нее. Траншея вела к берегу. Метрах в четырех от берега я наткнулся на небольшой отход от хода сообщения и направился через него прямо в ячейку одиночного бойца. Забрался на приступку, сделал еще шаг и очутился лицом к лицу с человеком.

«Гельфанд, куда ты полез, куда ты полез?» – испуганно заговорил минометчик. Но я не слушал его и стал расспрашивать человека в ячейке, оказавшегося бойцом-пехотинцем. Винтовка его находилась внизу, метрах в трех от его места. Сам он сидел спиной к реке Днестр, на которой наша часть занимала оборону. Видно было, что кругом царит беспорядок и беспечность. Вражеский лазутчик, догадайся он сюда прийти, безо всякого труда сумел бы наделать делов в районе обороны. Боец к тому же не знал, с какой он части, и кто у него командир. Ко всему, он был какой-то недотепа, несмотря на молодость свою – 20 лет.

Чуба я на КП не застал (на КП нас проводил командир отделения, дежурный по роте). Там сидел один Толокнов. Минометчик не захотел возвращаться назад ночью, ибо боялся – я решил идти сам. Кальмиус – верный спутник мой и товарищ – не покидал меня ни на шаг. Проверив весь берег и убедившись в невозможности рыть вниз проход, мы стали, цепляясь за камни, выбираться наверх. Противник, страшась темноты, непрерывно пускал ракеты. За каждым разом приходилось ложиться. В перерывах удавалось подняться на три-четыре метра вверх. Когда мы преодолели подъем и оказались на ровном месте, уже начало светать.

Бойцы мои нехотя копали, и хотя мы вчера в селе добыли лопаты большие, работа шла медленнее, чем всегда прежде, и многие бойцы почти ничего не выкопали. Помкомвзвод тоже копал и не наблюдал за работой. Некоторые из бойцов спали. С трудом удалось мне доказать Заборцеву невозможность прорыва хода сообщения вниз. Он не верил, что обрыв крутой и скалистый. Наступил рассвет, и мы тронулись сюда. Так мне и не удалось поспать. Кроме того, я не успел даже писем написать.

Получил два письма от мамы и от Г[али] Селивестровой. Второе – в распечатанном виде. Какая-то сволочь даже и здесь пытается ущемлять мои интересы, мои чувства и свободу. Только гады, мутящие свет, умеют жить счастливо и на войне, и на фронте, и в глубоком тылу. Хороший, честный, преданный человечеству гражданин «али» гражданка при всем своем материальном благополучии не будет весел, беззаботен в наши дни кровавой войны. Лишь свиньи и мерзавцы

типа Полушкина способны жить в свое удовольствие, пьянствовать до крайности, веселиться, фронта не видеть на войне, награждать себя орденами (в буквальном смысле слова). Подумать только. Толокнов получил уже две награды, ничем особенно не отличившись, – орден Красного Знамени и Отечественной войны II степени[99], Третьяк – звездочку[100], Пархоменко – звездочку, Петрушин, Епифанов – по звездочке! А все они и еще многие другие значительно меньше меня воевали в этой части и имеют меньше меня заслуг. Достаточно сказать, что из всех командиров, воевавших в этой части более четырех месяцев, только я один остался ненагражденным. Кто виновен во всем? – Полушкин, Третьяк, Пархоменко. Три человека, сделавшие меня стрелком, пытающиеся меня загубить на каждом шагу, препятствуют к тому же получению ценой жизни завоеванной мною награды[101].

[..].05.1944

От Оли две карточки.

Секретарь Днепропетровского [*областного – ?*] КП(б)У Найденов.

Предисполкома Днепропетровского областного совета депутатов трудящихся Дементьев.

Письма от А. Кропоткиной за 12/V/44.

От Нины Ременовской за 19/V/44.

[..].06.1944

Едва дребезжит[102] рассвет, а снайперы двумя чуть заметными тенями скользят в траншею, ведущую на НП. Вот они устраиваются в уютных стрелковых ячейках и аккуратно изготавливаются к стрельбе. Вон пробежал немец вприпрыжку, с котелком в руках. Другой [*одна строка нрзб*]. Это событие не ускользает из внимания снайперов. Мгновение – и звучат два выстрела и, сраженные меткой пулей, камнем падают оба фрица.

Таковы будни снайперов Онищенко и Соболева. Оба они молодые бойцы, недавно призваны в Красную армию, но их мастерству и исходящему из [глубин ненависти к врагу могут] позавидовать [*лист порван – две строки нрзб*] бойцы. Первый уничтожил девять, второй – семь гитлеровцев. Третий снайпер в подразделении офицера Заборцева Морозов уничтожил четыре фрица. Таковы будни снайперов[103].

Нос – хор.

Лежненко – хор.

Сахаров – хор.

Трымбач – отл., отл.
Швец – хор., отл., хор.
Марченко – отл., хор.
Шрамко – пс.
Каплунов – хор., хор.
Чередлин – хор., хор.
Авраменко – отл., хор.
Дваль [*несколько слов нрзб*] – пс.
Малышко – отл., хор.
Бочишвили – хор., хор.
[*часть слова нрзб*]лышкин – хор., хор.
Ясенин – отл., хор.
16. Ерасов – хор., хор.
17. Синченко – [*два слова нрзб*]

тактика огневая
отл. – 3 отл. – 5
хор. – 13 хор. – 11
пс – 2 пс – 2

01.06.1944

Написал в редакцию «Советский боец» А. Кошелеву[104]. Маме, папе, тете Ане.

03.06.1944

Письма Ане, Майе, в Одессу – сестре Павла, дяде Сене – в Магнитогорск.

07.06.1944

Наконец-то свершилось то, чего так напряженно, так нетерпеливо ожидали люди всего мира: началась высадка войск союзников на французском побережье[105]. Трудно передать словами чувство радости и счастья, охватившее меня при этом сообщении. Вчера был митинг, ночью почти. Я выступал, и из всех выступлений, по определению бойцов, мое было самое волнующее, самое захватывающее и проникновенное[106].

Вообще событий много. Я стал получать массу писем от девушек: знакомых и незнакомых. Недавно сфотографировался у фотографа из Одессы.

Заборцев достал бочку вина, но меня с Николаевым угостил чаркой лишь на второй день пьянствования, когда все начальство батальона уже перевалялось пьяным.

Каюнов[107] – замкомбата – мнительный молокосос 24-го года, вчера в пьяном виде пришел к нам на оборону и, грозясь кулаками в сторону противника, кричал им: «Почему не стреляете, мат – такие-сякие поганые фрицы?!» А в это время некоторые бойцы копали траншею и могли подвергнуться спровоцированному Каюновым огню противника.

Сегодня Заборцев достал еще вина, но меня угостили чуть-чуть чарочкой, когда другие были до одури пьяны. Так вот оно и бывает. Старшины и прочие шкурники пили, а командир взвода остался с носом. Это тогда, когда 25 ведер вина было откопано Заборцевым.

За освобождение Никополя, Николаева и Одессы были получены благодарности от т. Сталина. В нашей дивизии все старые в этом полку получили, один я – нет. Зверская несправедливость повисла навеки над моей головой. Сколько души, сколько сил и энергии, сколько здоровья и времени я положил на дело борьбы с немецкими варварами. Сколько работы проделал по воспитанию бойцов, и после всего – такая мерзкая неблагодарность. Люди ходят увенчанные лаврами, наградами и чинами, воюя так, что война для них – торжество, а не смертельная опасность. Все эти Полушкины и К° – бездушные, никчемные твари, наживающиеся и властвующие за счет подкупа и обмана.

Сегодня я прошел по ротам: объяснил людям и показал по карте все, что касается высадки союзников во Франции и международного положения в Европе. Бойцы меня очень благодарили и просили еще приходить к ним. В пятой пулеметной роте и в нашей я рассказал людям, о чем узнал из газет.

10.06.1944

Вчера отправил в редакцию газет «Кировец» и «Советский боец» стих «Мне восторгом глаза голубят небеса». Папе и маме по письму. Сегодня отправил письмо Б[ебе] Койфман и опять маме и папе.

Получил фотокарточки – сильно не похож на себя: лицо там у меня какое-то угловатое, глаза исподлобья смотрят.

12.06.1944

Письма Ане Лифшиц, Б[усе] Кац, тете Ане, Г[але] Селивестровой.

14.06.1944

Нине Каменовской, в редакцию дивизионной газеты «Советский боец»[108] Филиппову – стих.

15.06.1944

В Редакцию «Советский воин» Кошелеву стих – «Мне восторгом глаза...»

16.06.1944

Сегодня получил пять писем: от мамы, тети Ани, от папы – два, и от Майи Б[елокопытовой]. Вчера получил четыре письма: от Зои, Ани Лифшиц, Ани Короткиной и новое от Нади Викторовской. Особенно приятно было получить письма от Зои и Нади. От Оли тоже получил письмо. Сегодня написал письмо со стихотворением «Мне восторгом...»

Весь день занимались. В свободное время пишу, тороплюсь гнев свой вылить наружу. Множество офицеров первого батальона едут в резерв или же на формировку. Много офицеров едет в отпуск из числа ветеранов полка.

У всех старых бойцов и командиров груди увенчаны лаврами, на руках у большинства «старичков» – у всех, вернее, – благодарность Сталина. На ногах – новые изящные сапоги, новые шинели, перешитые на комсоставский манер. Все офицеры пьют вино, развлекаются и вообще удачное время передышки используют, развлекаются. А мне нечего сказать хорошего, незачем развлекаться. У меня кругом горе и неудача. Ко мне нет ниоткуда чуткого отношения и внимания, меня третируют отовсюду.

Из дому тяжелые вести о плохом отношении к маме, об отсутствии у нее решения на въезд в Днепропетровск, от Оли – о хозяйничанье в ее доме какого-то хама в военном мундире. От папы – о болезни, от тети Ани и других родных – об их затруднениях в семейной жизни. Всем надо помочь, обо всех нужно думать, писать письма в соответствующие органы[109].

Вечный блат, круговая порука: хозвзвод не для бойцов существует и не для средних командиров, а главным образом, для комбата, его заместителей и К°. Каюнов пошил себе третью пару сапог, но и этого ему показалось мало. Он вздумал шить новые какие-то сапоги, а когда ему сделали передок из грубого материала, он отдал сапоги ездовому своему и пришел, раскричался на сапожника, чтоб тот где угодно доставал материал и шил ему новые хорошие сапоги. А мне так и не удалось из своего материала добиться пошивки сапог.

Написал А[не] Лифшиц.

Идет кино «Машенька»[110]. Только в кино, только в искусстве, в книгах, в поэзии, нахожу я отраду и отдых.

18.06.1944

Колосово. На репетиции в клубе дивизии. Прочел стихи «Жизнь», «Я мечтал о Днепре», «Одесса», «Мне восторгом глаза голубят небеса». Стихи мои, конечно, подошли к репертуару.

20.06.1944

Нине Каменовской, Наде Викторовской, маме, папе.

21.06.1944

Вчера перешли на передний край, в оборону. Под Григориополем[111], у самого Днестра. Какое здесь великолепие! Какая замечательная природа, сад, воздух! Курортом называли эту оборону наши предшественники – пятерка большая, которую сменили мы вчера ночью, и так не хотели отсюда уходить.

Весь день работы никакой. Солдаты спят. А я занимаюсь писаниной. Так привольно здесь. Блиндаж у меня величиной с комнату: две койки, подушка пуховая, посуда всевозможная. Неприятно, что фактически все разворовано по квартирам и принесено сюда, но удобно в том смысле, что чувствуешь себя по-домашнему.

Ходы сообщения широки, просторны. Везде чувствуется [*продолжение отсутствует*].

Гале Селивестровой, М[айе] [*зачеркнуто* – Белокопытовой], маме.

[..].06.1944

Трехдневные сборы, куда я прибыл еще [*одно слово нрзб*] числа, сегодня подходят к исходу. Артисты клуба дают нам концерт. А вообще, ничего хорошего я не получил за эти три дня. Ни минуты свободной. В ночное время мне, правда, удалось поговорить с Щетининым насчет моих стихотворений. Много стихотворений утеряно, не дошло до редакции. Говорили мы со Щетининым часа два.

25.06.1944

Вечер. Недавно узнал о двух письмах, полученных здесь в мое отсутствие – от тети Ани и Майи Б[елокопытовой]. Много оставшихся без ответа имеется у меня и по сей день.

Вчера был вечер и обед у командира дивизии полковника Галая. Ночью – кино. Киножурналы и фильм «Освобождение Орла»[112]. Картина ужасно потрепана, склеена из кусочков, так что плохо было ее смотреть без досады на внезапные срывы сеанса. Не досмотрел и пошел спать в Колосово, хотя полковник и отдал нам распоряжение идти ночью на передовую. Наутро встал – никого из своей группы командиров.

26.06.1944

Нине – с фотокарточкой; маме, тете Любе – с фотокарточкой; тете Ане, дяде Люсе, папе, Майе – с фото; Оле – на завтра.

28.06.1944

[В каком звании умер Б. и имеет ли сов. награды]

Колосово.

Семинар парторгов. Лекцию о Брусиловском прорыве[113] читает полковник Вергаев, замкомполка по строевой части. Сегодня читали лекцию о боевых традициях 5-й уд[арной] арм[ии][114]; в связи с исполняющимся двухлетием боевых действий – директиву. Майор Нодченко, о плане партработы, парторг артполка майор ... о выпуске Б[оевого] л[истка] майор Щетинин.

Только что здесь был полковник Галай, комдив и майор Коломиец. Галай говорил о задачах, стоящих перед нами, парторгами. Он очень сердечный человек, хотя и грубоватый немного мужичище. Мне он нравится своей простотой и непосредственностью. Иной комбат, к примеру, Пархоменко, ставит из себя гораздо большего человека, нежели комдив Галай.

Еще понравилось мне в Галае, что он любит бойцов, разрешает разговаривать им о своих нуждах и запросах. Свой вопрос я тоже думаю поведать ему, если у меня ничего не получится в полку.

– Вопросов нет? – закончил полковник свое обращение к нам.

– У меня есть вопрос, – произнес я из другой комнаты.

– Кто ты такой? Иди сюда! – сказал комдив, и я, войдя в другую комнату на середину, стал истолковывать свои мысли.

Лично я ни в чем не нуждаюсь и ничего не прошу.

Кино «Пархоменко»[115]. Вечер. На деревьях развешано полотно.

01.07.1944

Опять получил письмо от этой Ани Короткиной из Магнитогорска. По ее письмам я сделал для себя вывод о ее бессодержательности и наивности, а фотокарточка утвердила во мне мнение, что она лишена красоты к тому же. Порвать с ней переписку – вот первая мысль моя, но так поступить неудобно, и я решил, постепенно снижая тон и сокращая ширину письма, вынудить ее самой отказаться от каких-либо претензий на мое расположение. Фотокарточку высылать не стану под предлогом отсутствия таковой. Не должен же я всякой девушке, навязавшейся мне письмами в жизнь, дарить свой образ.

Она прельщает меня купанием в Днепре; указывает, подчеркивая многозначительно, на свою молодость; пишет, что комсомолка. Добивается признания относительно ее внешности и говорит, что она очень веселая девушка. Это все глупости, а насчет Днепра я ей сегодня ответил, что с меня довольно множества водных преград, в которых я искупался во время преодоления их. Напоминание, что

«победа сама не завоевывается», тоже ни к чему. Пускай она себе его возьмет и работает лучше для нашей победы, а нам указывать эту давно усвоенную истину, да еще и из глубокого тыла, излишне. Письма у нее громоздки, а содержания – на копейку, по ценам военного времени.

От Сани. Он уже пишет как взрослый и предлагает даже делиться с ним в отношении моей любви и т. п. Но много детского замечается и сейчас у него. Тут, правда, ничего нет удивительного, он ведь еще подросток. Отрадно, что он стал отличником в учебе без отрыва от производства. Саня – способный парнишка.

От папы. Он все со своей ногой возится. Его болезнь меня сильно беспокоит. Побольше утешения и ласки требуют и его раздраженные нервы. Я делаю все возможное. Бедный папочка!

Из редакции газеты «Советский воин» за подписью зам. ответственного редактора подполковника З. Грек[116]. «Ваши стихотворения потеряли всякую актуальность», – пишет он. Конечно, если бы они продержали их под сукном еще месяц-другой, то они совсем устарели бы. Я напишу ему об этом, когда создам что-либо новое.

Получил за вчера и сегодня письма. Из Днепропетровска – от Оли, Е. Цюритиной; из Магнитогорска – от Сани, тети Любы, тети Ани, от папы; свое письмо обратно, которое я писал Майе Б[елокопытовой].

Ответил тете Ане, папе, В. Шунько. Написал письмо Нине Каменовской.

09.07.1944

Наконец-то свершилось долгожданное – ушел из стрелковой роты и, надо думать, никогда в нее не возвращусь.

Отправил письма в горисполком Днепропетровска – Оле и дяде Люсе.

Сегодня узнал, что Заборцев ранен тремя разрывными пулями в ногу.

Вчера был партактив, на котором выступил капитан Пичугин и критиковал меня за то, что я не имел конспекта. Он не знает или, вернее, не хочет знать, как я провел занятия по политподготовке на другой день. Тема: «Успехи наших союзников». Парировать его обвинение мне не дали под предлогом подведения черты прениям. Я об этом говорил майору Суслину после собрания.

Вечером. Резерв. Здесь хорошо, времени вдосталь, не гоняют, и вообще в тысячу раз лучше, нежели я предполагал. Одно только плохо – что из числа нашего назначают оперативным дежурным ежедневно одного человека.

Писем никому не писал, хотя давно пора.

На фронте большие события. Один за другим возвращаются в семью народов СССР все новые и новые земли и города. За границей тоже успехи. А я и стихов не пишу.

«Кировец» Щетинина опубликовал мое стихотворение «Миномет», но при этом изменил название на «Мой миномет» и допустил помимо неудачных исправлений в тексте грубейшую ошибку, вместо «удостоен» написав «удостоин». Я возмущен до предела, но и ему еще не написал – все нет времени; едва соберусь – что-либо помешает моей затее. Сейчас займусь письмом майору товарищу Щетинину (непосредственно)[117].

17.07.1944

Дежурю в оперотделе. Помдежем[118]. Капитан Щинов[119] – дежурный. Но фактически всю работу дежурного я выполняю сам, так как Щинов очень занят штабной работой, так как он один остался на оперотдел. Телефонистки – девушки. Есть хорошенькие, поэтому я увлекся работой. Вначале я немного робел от мысли быть дежурным, но потом настолько привык, что свободно говорил с Армией, с представителями опергрупп и др.

Начальник штаба полковник часто сюда заходит. Капитан Щинов доверил мне всю работу в отношении запросов, сводок, донесений от полков и передаче их в Армию: мы сейчас подчиняемся непосредственно ей. Передача приказаний лично командирам полков, прием от них сводок и обстановки – все это было мною выполнено, к радости и торжеству моему, блестяще.

Щинов рассказывает, что его семь раз исключали из школы. Как я теперь жалею, что только раз, да и то на несколько дней, меня исключили из школы. Лучше бы я был в детстве и юности босяком и хулиганом, нежели таким нерешительным в любви и жизни человеком, как теперь.

23.07.1944

Мои любовные похождения не блещут удачей и не таят в себе ничего привлекательного, за исключением, я бы сказал, элемента приключенчества.

Еще в первый день прибытия в резерв [*продолжение отсутствует*].

25.07.1944

Начинаю снова все сначала. 902-й полк. Сегодня меня направили из резерва в первый стрелковый батальон этого полка. Посмотрю, постараюсь быть посерьезнее. От людей стану скрывать свои мысли и

намерения, как учил Чернявский, до того, пока сам хорошо не узнаю характер и натуру людей.

По совету Чернявского решил сегодня знакомиться с помощью записки.

27.07.1944

Рота, куда я прибыл, не полностью укомплектована. Имеется здесь два взвода, но и те насчитывают по три–шесть человек, а в них – по два расчета. Командиры взводов мне хорошо знакомы (как и я им). Лейтенант Филатов, с которым мы вместе учились, и лейтенант Бархударов, с которым мы познакомились на сборах командиров взводов и на партсеминаре. Командира роты я, правда, не знаю, но он показывается мне сейчас, на первый взгляд, неплохим человеком. В нем много серьезности, замкнутости. Но он много разговаривает, если это касается деловых вопросов. Вообще в этой роте жить будет неплохо, надо только ни на минуту не терять равновесия и быть серьезным, серьезным и еще раз серьезным. Надо учиться, военное дело совершенствовать, чтобы в знаниях не отставать и не быть ниже остальных командиров взводов.

Литературу не забываю и не думаю. Времени мало – оно уходит большей частью на перекладывание старых бумаг и просмотр их.

С бойцами еще не ознакомился. Взвода мне сейчас не дают, а поработать в роте, конечно, придется, необходимо работать. А раз работать, то и знакомиться. Сегодня ночью дежурю по роте.

Письма написал позавчера во все концы с сообщением своего нового адреса. Много придется волокиты перенести и трудностей, прежде чем я начну получать свои письма из Девятки[120], а там уже большое скопление их имеется.

От Бебы получил письмо. Это последнее письмо, полученное в Девятке. Она упрекает меня в нежелании писать и пытается заставить каяться в грехах и иметь угрызения совести. Все это, конечно, напрасно. Совесть, если она у меня и есть, то только не для того, чтобы служить для бесплодных покаяний. Но в данном случае совесть у меня исключительно чиста, так что она напрасно обвиняет меня. Я немедля ответил на это письмо и собираюсь написать другое, более подробное.

Характерен тон письма, постепенно снижающийся в ее корреспонденции. Первое письмо было более нежно написано, и в самом заголовке заключалась интонация всего письма: «Милый Вовочка!» Во втором, уже безо всяких оговорок (в отличие от первого) было написано: «Милый Вова!», а в третьем, без всяких нежностей и прочей мишуры: «Вова!»

29.07.1944

НП – наблюдателем. Скучно. Жара невыносимая. Впереди великолепная картина Днестровского ландшафта: гладь реки, зелень берегов и земных просторов. Позади Григориополь, а в НП – мухи, мухи, мухи, заедающие, как шакалики маленькие. Они до того теперь обнаглели, что не боятся, когда их отгоняешь – лезут прямо в руки, в рот, в сапоги и везде, куда только можно пробраться с их крохотным тельцем. Берешь их за ноги, за крылышки – они барахтаются в руках. Отпустишь – не улетают, пока насильно не прогонишь. Стаей мелькают перед глазами, жужжат, до одури беспокоят.

Палец тоже действует на нервы. Его красный, безноготный конец раздражает взор, и хотя совсем не чувствуется боли, но тоска какая-то вкрадывается в душу от одного чувства изувеченного пальца.

Противник методически обстреливает Григориополь. Вот уже снарядов 20 он выпустил, но продолжает со звериной тупостью метать снаряды. Впереди ни один не показывается. Бинокль тоже не видит немцев. Вообще, место для наблюдения очень неудобное: земля сыплется со стен блиндажика, сектор наблюдения узок.

Вчера на город налетала вражеская авиация и побросала мелкие бомбы. Ранило военфельдшера. Хороший парень был – шутник, и у него была интересная книга – «Записки проститутки».

Писем не получаю, но пишу много.

31.07.1944

Был в Девятке 30 числа. Одно письмо получил, да и то не в ПСД, а от почтальона 3-го сб. Симпатичный старичок. Пишет понемногу. Вот он-то и сохраняет, и вручает бережно мне всю попадающую к нему корреспонденцию.

В полку меня встретили безразлично и неприветливо.

Письма пообещали к вечеру. Почтальон, говорили, уже ушел с ними. Но разочарование постигло меня вновь. Эти маленькие шкуродеры-бюрократы тоже треплют мое сердце, придется [*в конце страницы несколько строк нрзб*].

[*Больше половины следующего листа нрзб*]

Вчера вечером перед уходом я зашел к комбату за разрешением. Мне указали на дверь, которая была приоткрыта. Едва я зашел в дверь, которую считал коридорной, как ставня отворилась. Сестра комбата открыла ее, и я застал комбата и Фингириту в постели. Бесстыдная кошка: она лежала раздетая, полуголая и даже не попыталась прикрыться одеялом. Я попал, по крайней мере, мне так показалось, в неловкое положение, и хотя поздно, но попросил разрешение (уже будучи в квартире) войти. Комбат разрешил. Я изложил ему свое дело. Он опять разрешил, предварительно сказав, что этот вопрос можно было урегулировать с командиром роты.

Я ему сильно помешал. И потому я страшно испугался сегодня, когда за мной пришли на НП и передали приказание прийти на КП второй стрелковой роты. Ужасного ничего не случилось: вызывал не комбат, и вызывали меня по другому поводу.

А вообще, закон счастья и благополучия на войне – бойся ссоры и неприязни начальства.

01.08.1944

Нахрюкался до потери сознания. Головы поднять не могу, и мухи назойливы. 600 грамм – странно, но даже комар сел на руку бесстрашно. Осмелел неожиданно. 600 грамм. Все офицеры ушли, один я остался и нахрюкался. [Вокруг] мухи. 600 грамм. Думают, что 600 грамм свело с ума меня, и фрукты невкусные. Думают, что 600 грамм подорвали мои силы и мысли. 600 грамм и все не [*одно слово нрзб*] и мотыльки, и мухи. Груши сухие, и мне не хочется. И дневник прячется. И мухи кусают. И руки опускаются. И глаза слипаются. И все офицеры ушли, и я один. И мухи чернят мою руку, кусают. И головой об стену. И 600 грамм. И даже хороший. И мухи кусают. И водка. И 600 грамм. И солдаты меня побили. И листья шелестят. И небо высоко. И облака белые. Все хорошо, только я нехорош. [*Три строки нрзб*] и война капут [*два слова нрзб*] письма, чем и я ем ум у последнего. И мух 120 штук. И клоп укусил за щеку. И месть. И хочу-то пределаю. И Б. Койфман написал, а остальным – нет. И рубашку не одену. И птицы поют «кап». Я опять не спать, а мух – спать.

02.08.1944

Сегодня опять был на НП. Написал письма всем своим основным адресатам за эти два дня. Но мне письма не ходят, а если и бывают, то очень редко. Сегодня ни одного, а вчера – десять.

Сильно кусают блохи. Вчера напился крепко. Днем спал, а в ночное время, до рассвета, никак не мог уснуть.

Наши войска (из газет я узнал) успешно продвигаются, режут и окружают вражеские силы[121].

Эстония и восточная часть Латвии – накануне изоляции от остальной оккупации германской территории. Остальная часть Латвии и северо-западная часть Литвы – тоже накануне. Пруссии грозит та же участь[122].

04.08.1944

Сегодня прибыл старший лейтенант. Приехал с орденом Красной Звезды. Хотя он здесь совсем недавно и еще не участвовал в наступлении, орден ему вручили, очевидно, в дивизии.

Старший лейтенант мне не доверяет и, очевидно, опасается меня – дело рук Филатова, ибо скрывает от меня все секреты. Вот и сейчас он зашел в ленкомнату[123], сказал: «Остаются Бурлаков[124] и Филатов». Я вынужден был уйти вместе с младшим лейтенантом и другими людьми-бойцами, оказавшимися в ленкомнате. Мне весьма непонятно такое ко мне отношение. Ведь я только первые дни здесь, и меня никто не знает. Лучше бы он меня выругал, если ругал обоих, но оставил с ними. Ведь он разделяет меня и их. Мне странно. Мне досадно. Но я бессилен что-либо предпринять. Остается молчать и терпеть, смотреть, что из этого получится в дальнейшем. Но бойцы – очень чуткий и внимательный народ: они уже видят это отношение и начинают не уважать меня, а это самое пагубное на фронте для командира.

05.08.1944

Только что получил восемь писем. Самое дорогое – от Нины. Фотография и ласковые слова. Грамотное письмо, если не считать отдельных срывов. Она хотя и кончила восемь классов, а пишет красивее (я имею в виду красоту слога), нежели студентки институтов, даже самые грамотные в литературном отношении. Я буквально разочаровываюсь в них – девушках, которых я считал больше своего развитыми и способными в литературе.

Софа Рабина – отличница в литературе, всегда обладала ясностью мысли и свежестью ума. И теперь она, студентка филологического института (третьего курса!), закатала мне такую философскую стряпню, что еле-еле, при всей внимательности моей к письму, я мало чего разобрал в нем хорошего и полезного уму и сердцу. О стихах говорить не буду – они, конечно, слабы у нее, но здесь ее винить нельзя. А мыслью письменной владеет она слабовато, по сравнению с другими моими адресатами.

Еще хуже обстоит дело с Бусей Кац. Эта надоела своими предметами, которые она проходит в институте. Ничуть не интересно.

Это о лучших письмах. Что же говорить тогда об Ане Короткиной и Тине Лахтионовой?! Первая от начала до конца неинтересна. Какие-то общие, заученные фразы. Абсолютно отсутствует живая душа и мыслящий человек в ее письмах. Точно попка она повторяет все, что уже всеми и везде подхвачено, и от этого ее письма производят впечатление касторки, от которой ужасно хочется рвать. Вторая безграмотна и ничуть не уступает первой.

Мама пишет, очевидно, впервые из Днепропетровска. Второе ее письмо я получил раньше этого. Все мои хлопоты – «глас вопиющего». До сих пор мама без квартиры. Это просто из рук выходящее явление. Хуже смерти не могу выносить своего бессилия в каком-либо

вопросе. Не верю, чтобы нельзя было помочь маме, хотя она абсолютно со мной не считается и не хочет понять моего положения. Если я своего вопроса не сумел по-настоящему урегулировать... Я просто теряюсь – за что раньше браться?

Литературу почти оставил. Стихи не пишу. В газетах не печатаюсь: мечты и клятва в душе дать о себе знать врагам моим в газетах, в литературе бесплодны и преждевременны.

В военном отношении фиаско за фиаско. Орденов нет. Даже медалей, хотя бы за Сталинград. Репутации нет. Снова фактически начинаю вступать в жизнь, испытывая на себе подозрения и неискренность со стороны начальства. Почва под ногами шатка и ухабиста.

Любви тоже нет. Странно, но до сих пор за свои 21 с половиной года я даже не поцеловал, не взял под руки ни одной девушки (кроме Оли), не говоря уже о другом, чем хвалятся все мужчины и юноши, даже на несколько лет моложе меня. Робость, трепетность души и идеальность любви и чувств – вот они, губящие мою жизнь вещи. Жизнь пóшла, в ней нет настоящей любви, стремлений, взаимоотношений между людьми; в ней слишком много подлости, коварства, злобы, и они-то преобладают во всем. Вот что я понял, вот чему меня научила жизнь и война.

От папы и тети Ани по одному письму. Ничего особенного в них нет, но они, эти письма, приятны мне.

Семь писем отправил только что (писал еще вчера): Оле, Бусе, матери Селивестровой, Ане Л[ившиц], Сане, дяде Люсе, дяде Жоржу. Позже буду отвечать на новые письма, а сейчас стану выполнять поручение хозяина по сбору фруктов, ведь сегодня мы отчаливаем во второй эшелон, а там фруктов не будет.

Три часа дня. Только что выяснилось – уходим на плацдарм для прорыва. Наше направление, основное на всем протяжении Днестра – Кишиневское, поэтому и положение серьезное на том участке, куда мы сегодня пойдем. Но я рад этому. Люблю, когда события меняются и переплетаются важными моментами, уводя из застоя и однообразия. Воевать так воевать! Пусть жизнь в опасности, и нервы в напряжении, но это ведь замечательно! А остальное возлагаю на судьбу – она да сохранит мне жизнь и здоровье!

Старший лейтенант Семенов недоволен: я не выполнил его поручение – фрукты не нарвали, и сейчас мы уходим. Но меня он не ругал – старшину; зато сам я ругал себя больше.

06.08.1944

Вчера вечером получил еще два письма. От мамы и от Ани Лифшиц.

Мама опять пишет, что с квартирой у нее не улажено. Вещей тоже ей не отдают. Ведь это просто страшно и странно: собственных вещей

не хотят отдавать случайно поселившиеся в квартире люди! Работы опять же нет у мамы. Просит моей помощи. Но что же я могу еще сделать? Напишу гневное, угрожающее письмо всем, кто мешает моей маме жить, как должно жить матери фронтовика.

О Тамаре Лаврентьевой мама обещает узнать, но не сразу. Спрашивает, почему я ей не пишу о своих наградах: «Девочки все говорят, что я имею орден!» Откуда они взяли? Но обида сердечная гложет мое сердце: у других уже вся грудь в орденах и медалях. А разве все награжденные – герои? Или хотя бы смелые люди? Сколько трусов и мерзавцев с орденами ходит! Некоторые фронта не видели, но характер у них таков, очевидно, что они понравились начальству. Вот и ордена! Милые, наивные девочки. Им ордена нужны! Но если бы они знали, как эти ордена добываются... За деньги, за водку, за хороший подход, подхалимничанье. Бывает, правда, когда по заслугам наградят человека, но очень редко.

Анино письмо потерял. Она в нем извиняется, что не отвечала, и обещает писать теперь часто. Готовилась к физкультурному параду и потому, сильно уставая, не могла мне ответить. Теперь она выехала в Киев работать (?) и просит писать ей туда на главпочтамт. Я письмо едва успел прочесть дорогой, но черт его знает, где утерял. Очень жаль, но ничего не поделаешь.

09.08.1944

Сегодня дежурный по батальону. Дежурство мое, как и все на свете, с чем я сталкиваюсь, знаменательно.

Утром после завтрака батальон выстроили, и я докладывал комбату Ромазанову, а когда батальон ушел, мне довелось встретиться с рядом весьма ответственных лиц. Первым появился во вверенном мне районе командир полка майор Ленев[125]. Затем – майор (НШ полка) Ладышников, потом – замкомдива по строевой полковник Веречев[126] и, наконец, на машине – полковник какой-то из корпуса. Всем им докладывал, и все они делали замечания, непременно находя недостатки в подразделении. Особенно ругались за ящики с минами, оставшиеся не вкопанными в землю, и за людей тоже, оставшихся (или, я бы сказал, не сумевших скрыться от взора слишком взыскательного наблюдателя) в расположении батальона.

Начальник штаба заставил меня переписать оставшихся в расположении как по, так и без уважительной причины. Я постарался вполовину ошибиться, но и в этом случае оказалось 32 человека. Во втором батальоне таких людей было 40. Я рад был в душе, что у нас «оказалось» меньше.

Когда пришел комполка, и я узнал об этом, мне случилось побриться – довелось бросить бритье на середине. Затылок так и остался недоработанным.

Особенно много хлопот доставил неожиданный случай с полковником в посадке: он укололся о кустарник в посадке, и на щеке у него выступила кровь. Пришлось поднять на ноги и военфельдшера, и санинструктора, и они мигом оказали высокому лицу первую помощь – ликвидировали «кровотечение», смазали йодом или спиртом.

10.08.1944

Наконец-то сегодня уходим на плацдарм. Безумно надоело здесь. Мы – на пароме, другие батальоны – по мосту.

Писем нет уже много дней.

Вчера смотрел кино «Кутузов»[127], позавчера – «Два бойца»[128]. Оба фильма удались. Первый сильнее по тематике, второй – по своей исторической значимости. На фильмах, в числе других девушек из штаба дивизии, была и Галя, но я решил с ней не разговаривать из гордости и обиды за такой ответ.

11.08.1944

На плацдарме. В саду, перед выходом на участок обороны.

С утра читал книгу Горького о Толстом, Чехове, Короленко[129]. Эта небольшая красивая суждениями и простотой книга произвела на меня сильное впечатление. Хорошо сказано в ней о великих писателях прошлого, с которыми Горький был в близких отношениях. Но еще лучше в ней показан сам автор – грубоватый, крепкий человек, испытавший трудности жизни, но упрочивший на пути своем замечательную тонкую впечатлительность в себе, знание людей и их характеров, умение читать их мысли, настроения. Я вторично читаю эту книгу, но кажется мне, еще не раз буду ее читать впредь.

Налет авиации. Рокот моторов, выстрелы зениток, пулеметных установок. Обстрел вражескими орудиями территории плацдарма. «Воздух, воздух!» – волнуются и шумят люди, а мне все равно, я еще под впечатлением прочитанного. Бомбежка где-то недалеко справа.

Улетели. Все стихло. Зенитчики молодцом поработали. Трижды прилетали самолеты.

12.08.1944

Плацдарм. Балка у самого Днестра – здесь наша огневая.

Бессарабия...[130] Первые шаги по бессарабской земле. Как интересно здесь загибает Днестр. Получается, что враг у нас спереди, справа, слева – плацдарм ведь. И, наконец, сзади тоже враг. Один только узенький участок сзади слева чист от неприятельских огней-ракет.

16.08.1944

Метрах в пятидесяти, сзади КП первой роты. Сюда меня направил Семенов с расчетом из трех человек. Место хорошее. Главное –

свобода! Ни начальства, никого нет, кто бы указывал и командовал мною. Живу один с бойцами, целиком и самостоятельно распоряжаясь своим временем и действиями. Одно плохо: близко от передовой (100 метров). И отдельно мы одни находимся. Здесь очень опасно. Нужно очень бдительно нести службу часовым, и обстрел позиций весьма интенсивен.

19.08.1944

В прошлый раз действовать не пришлось, и ночью мы вернулись обратно в роту. На позиции оставили семь минут, глубоко отрытые (два метра) щели. Вчера, однако, я вновь получил задачу и был направлен сюда с расчетом из трех человек, что были со мной и раньше. Фамилии я хорошо успел изучить. Характеры тоже каждого.

Михо – командир расчета, наиболее уравновешенный и спокойный, исполнительный красноармеец. Шаповалов – норовистый, как молоденькая лошадка, которую все время хотят оседлать, но мне кажется, что в большинстве случаев – на словах. Я наблюдал его при артналете и убедился, что он крепко любит жизнь и ни за что не согласился бы с ней расстаться. А накануне он говорил мне, что пойдет (я посылал его в роту) днем поверху ходов сообщений – так сильно они ему надоели. Тогда я еще подумал на него, что он способен на такое безумство, но теперь я твердо уверен в обратном. Третий – Мартынов, увидав спокойное и чуткое отношение к бойцам с моей стороны, решил даже грубить мне и нахальничать со мной, полагая, что это сойдет безнаказанно.

Они, бойцы, очень обозлены на комсостав, что он не интересуется их нуждами и запросами, и решили в лице Мартынова выместить на мне всю свою злобу. Но я дал понять, что они меня не за того принимают. Да, я добр, вежлив с бойцами, но если нужно, я буду строгим. Они это поняли, и теперь между нами дружеские отношения.

Накануне ухода сюда я получил письма от Бебы, Ани Короткиной и два от папы. Я не смог их сразу прочесть. Только сегодня. О них пойдет речь позже.

Направляя меня сюда, командир роты упомянул о награде и проч. и т. п. Запрещал делать пристрелку, запрещал стрелять в артподготовку – только когда все стихнет, и будут появляться отделения от противника, только если противник будет контратаковать. Обещал сто мин, но на деле я получил их меньше. Вместе с семью, спрятанными здесь, общее количество составило 97 мин.

Прорыли ниши для мин и гранат, установили миномет, зарядили мины, приготовились. Поставил часового, остальным решил дать отдохнуть до рассвета. Было два часа ночи. Сам я долго не мог заснуть,

и только когда утренняя дымка стала постепенно рассеивать вечернюю мглу, меня разбудили первые выстрелы артиллерии – задремал. Отдал распоряжение бойцам быть наготове. Наблюдение нельзя было вести: землю обволок, начиная 200 метрами от меня в окружности, густой белоснежный туман.

Артподготовка была непродолжительной и с большими интервалами, потом началась сильная ружейно-пулеметная трескотня. 20 минут – и все стихло. Я начал стрелять по немецким траншеям, догадываясь, что наши туда не дошли. Мины ложились хорошо. Одна, правда, упала в воду. Стрелял на километровую дистанцию, а на деле оказалось, что до траншей немецких – 700–800 метров.

Замкомбат Каратаев, ставя ночью задачу мне, говорил, что туда всего 300–400 метров. Он-то совсем ошибся, и хорошо, что я его не послушался.

Мин 20 выпустил. Оставил стрельбу, решил выяснить обстановку. Она оказалась плачевной. Артподготовка только сорвала операцию. По своим. Пехота уже была возле траншей. Немцы ничего не ожидали и стреляли вверх. Стоны раненных своей же артиллерией всполошили немцев, и они открыли крепкий огонь: сначала ружейно-пулеметный, затем – артиллерийский. Этот особенно силен был у нашей ОП. Все содрогалось от грохота. Саперы по неопытности пустили дымовую завесу при встречном ветре, и он отнес запах химии в нашу сторону. Кто-то из бойцов сказал, что газы. Я поддержал это мнение (не надеясь на сознательность, [напр., Шип.]) для того, чтобы на случай обвала стенок мы могли дышать под толстым слоем земли, готовые при разрывах снарядов и мин вот-вот обрушиться на нас. Осыпáлись стенки, валились целые куски глины нам на спины. Мы же лежали один на одном в противогазах, в касках, готовые принять все, что только способна была нам преподнести злополучная судьба в этот тяжелый момент. А она играла нами, прислушивалась, как замирают наши сердца при выстрелах, как стучат и вздрагивают при разрыве, при визге разлетающихся осколков.

Самое тоскливое на войне, самое кошмарное в момент боя – сидеть в окопе, в щели, наблюдать дым от рядом разрывающихся снарядов, чувствовать дрожание земли, чувствовать запах гари и ощущать неровное сердцебиение в своей груди. На воле, в бою, в момент схватки с противником забываешь и страх, и опасность и никогда не испытываешь такого неприятного ощущения, как сидя на одном месте в бездействии, проникнувшись навязчивой мыслью о неудобном соседстве с кромешным адом смертельно злых и беспощадных [*одна строка нрзб*].

От роты осталось человек 30. Было 70. Два командира взводов убиты, один – ранен. Я присутствовал, когда они получали задачу. Те, что убиты, – лейтенанты-узбеки или калмыки – были бледны, и на их лице я прочитал смертельную тень мертвецов. Я испугался при взгляде на безразлично-мертвенное лицо одного и на его ровные, неживненные ответы, на торопливо-неровные расспросы другого и испуганное мигание глаз и понял, что им не жить. Мне хотелось тогда закричать, пожать им руки и успокоить перед боем их сердца, но я не посмел этого сделать, ведь не ребенок же я. Младший лейтенант отвечал бойко: чуть испуганно, но уверенно, и в его словах чувствовалась жизнь и способность за нее бороться. Не знаю, жив ли он, но, кажется, здравствует.

Третьего командира взвода, младшего лейтенанта Елисеева, я не видел перед боем.

Встречал раненых. Они возмущались артподготовкой и во всем винили этого «бога войны». Да, сегодня бог артиллерии был немилостив к людям, и отсюда результаты, возможно. Я, конечно, склонен верить, что здесь преувеличение, но доля истины, большая доля чувствуется в показаниях пехотинцев.

Много оружия осталось на поле боя. Пехотинцы, оставшиеся в живых, проявляли большой героизм. Одного такого героя, который, очевидно, так и останется безвестным и ненагражденным, я видел сегодня. Он был ранен в обе руки, но ранеными руками перевязывал других раненых (не было санитаров), вынес этими же руками десять автоматов и одиннадцатый – свой. Больше у него не хватило сил, и, когда я встретил его, он истекал кровью.

20.08.1944

Оказывается, пехота сама подлезла под артогонь, раньше времени начав наступление, а саперы не разминировали минное поле противника и ушли. Петрусян мне рассказывал, что он сам разминировал большой участок у окопов противника. Первая линия ходов сообщения оказалась ложной – вырытой на полштыка. Вторая была значительно дальше, и обе разделяла сеть проволочных заграждений и минное поле. Часть людей подорвалась на минах, часть – от арт-огня. Противник не стрелял, и если бы [были] согласованные и правильные действия пехоты и артиллерии с саперами, можно было бы удачно завершить операцию.

Язык мой – враг мой! Совершил огромную глупость. Читал Пугачу дневник в присутствии бойцов. Особенно в присутствии Тарнавского. Это исключительно подлый, коварный и нахальный человек. Мне теперь придется бояться его и добиваться расположения,

но я знаю, что никогда не пойду на это, и при первом же выговоре ему или взыскании он постарается меня угробить путем доноса о непозволительных записях в дневнике. Это может повлечь за собой отнятие у меня (конфискацию) дневников, и даже больше. Вот почему я хочу начать новый дневник.

Вот так из-за какого-то подлеца можно пострадать невинно. Кто его знает, что могут приписать мне за этот дневник, возможно, даже позабыв о моей жизни, о моей честной службе в Красной армии и беззаветной преданности Сталину и правительству, советскому народу. Ведь я еврей и этого никогда не забываю, хотя абсолютно не знаю еврейского языка, а русский стал мне самым близким и дорогим на свете. Я, конечно, буду изучать и другие, особенно основные западноевропейские, но тем не менее русский язык навсегда останется для меня родным языком. Советская власть и, в первую очередь, Сталин и партия стерли грань между национальностями и народами, и потому я обязан им всей своей жизнью и старанием, не говоря уже о другом, за что я так люблю и беззаветно предан СССР и ВКП(б).

Дежурю по роте. Ночь. Темная, глубокая. Ребята хорошо несут службу. Враг не пройдет! Гул орудий, рокот самолетов, ружейно-пулеметная перестрелка – впечатление рубки мяса секачом – Чак! Чак-чак! Чак-чак-чак!

Где-то на других плацдармах и участках фронта бои сильнее, чем здесь.

Собираюсь написать много писем. Пять писем получил вчера-позавчера и еще не ответил. На новый адрес мне уже пришли письма от Нины К[аменовской] и Ани Л[ившиц]. От Б[ебы] Койфман получил письмо. Легко, свежо пишет, но с ветерком холодным. Рассказывает о своем желании и цели переехать в Днепропетровск, а пока едет в Молотов в мединститут.

О Жене Максимович: «Между прочим, знаешь ли ты, что у нее есть уже сынок?» – и дальше: «Вот молодец! Я хвалю ее за храбрость!» Интересно, есть ли у Жени муж? Очевидно, Берта тоже несмелая, как и я, в разбираемом вопросе, иначе бы она не назвала этот факт храбростью.

21.08.1944

Хозяин спрашивал относительно дневника. Потребовал его у меня. Я дал ему, но он, конечно, ничего в нем не нашел предосудительного. Те записи я уничтожил. Жалко их, но ничего не поделаешь. Кажется, сама жизнь препятствует моему желанию писать. Но я буду, хотя может не так подробно, продолжать ведение дневника.

Написал сегодня много писем. Утром получил два: от тети Любы и А[ни] Короткиной. Ответил обеим. Аня К[ороткина] скоро совсем

обезумеет. Странное дело, как можно, не видя ни в лицо, ни на фотографии человека, увлечься им только по одним буквам письма. Но, может, у дяди Сени была фотография, и он показал ей? Не знаю.

22.08.1944

Немец зол: весь день бросает снаряды кругом нашей балки. Но в балку – ни-ни! Как будто это для них запретная зона. Мины тоже пролетают прочь отсюда, оставляя за собой лишь неприятное шипение. Видно, подвезли снаряды проклятым врагам, а может, они последние выбрасывают перед отходом? Дай бог! Ведь говорят, что Бендеры[131] пали, перешли в наши руки. Действительно, с левого фланга и на противоположном плацдарме ожесточенные бои длятся вот уже несколько дней подряд – и днем и ночью – с участием «Катюш» и авиации. Только у нас сравнительно тихо.

Определенно фриц играет отходную. Это хорошо, но и плохо: пострадает село, которое он беспощадно избивает снарядами на той стороне, в Молдавии, но совсем рядом от нашей ОП.

23.08.1944

Пять часов утра. Началась война. Фриц, по-моему, драпанул, хотя Пугач еще звонит по телефону, что бросает гранаты.

Только что с передовой. Тишина. Ни одного выстрела. Ночью до самого раннего рассвета он стрелял, враг и подрывал свои противотанковые мины; стрелял из винтовок и автоматов, бросал ракеты. Утром это стихло. Пошел по брустверу на передке – не стреляет. Я нарочно прислушивался к выстрелам с разных мест. Стреляли из винтовок еще не уверенные в совершившемся «уходе» противника наши стрелки-славяне.

Ну, вот новость! Второй батальон уже село занял, а здесь не верят...

Что я делал на передовой? – «корректировал», но огня наша рота не вела. Да и разве можно корректировать огнем ночью? По совету Пугача лег отдыхать до второй половины ночи с двух часов.

Говорят, заняты Бендеры и Яссы[132], а еще говорят, что на нашем участке соседи взяли пять или шесть тысяч немцев в плен.

Писем не получил, хотя отправил вчера пять во все концы: Ярославль, Калинин, Одесса, Днепропетровск, Дербент... Не верю, что мне не пишут.

Село Бытпарешты. Стоп! Заминировано! Обоз стал. Я двигаюсь с минометными повозками в середине обоза. Саперы быстро приступили к очищению дороги. Все противопехотные мины были сняты – тронулись. Впереди артиллерия – две пушки, за ними – двуколка со связью и затем – весь обоз. Вдруг взрыв. Большой силы. Движение

прекратилось. Все бросились ближе туда – пошел и я. Оказалось, что подорвалась повозка со связью. Две лошади ранило, ездового контузило, и он без памяти. Артиллеристы проскочили.

Стали разминировать и выяснилось, что поверх противотанковых немцы положили противопехотные мины. Последние только и сумели обнаружить – противотанковые были глубоко заложены, имели, помимо основного, боевой взрыватель, и сила взрыва от этого увеличивалась.

Долго пришлось щупать и ковырять дорогу, пока она стала безопасной. Обоз тронулся.

24.08.1944

Село Трейсте. За ним, на западной окраине, возле села Броска[133], догнал своих минометчиков. Единственный раз ехал тогда на повозке, да и то не всю дорогу. Вот почему я сильно устал и едва тяну ноги. Мозоли и натертости, бессонница, но настроение бодрое, ведь каждый шаг на запад, пусть трудный, тернистый, приближает разгром врага, окончание войны. Это утешает, поддерживает в трудную минуту.

Бытпарешты, Броска, Синджары, Бичай, Приесте – все села позади маршрута.

26.08.1944

Котовск[134]. Под Котовском. Здесь окружили группировку противника в количестве 12-ти дивизий. Нам предстоит ее ликвидация. Другие части ушли далеко на запад от этого места и уже находятся в Румынии.

После трудного двадцатидвухкилометрового перехода на следующий день хорошо отдохнули. Побрились за полмесяца. Впервые. Все некогда было – писанина заедала. Вчера не писал писем, а сегодня получил шесть писем: четыре утром и два сейчас. Одно – дорогое – от Нади Викторовской. Люблю ее письма, хотя всего два получил. От Ани Кор[откиной] – три, но она надоела, и ее письма служат лишь незначительным утешением, когда совсем ни от кого не получаю.

27.08.1944

Поистине события опережают воображение. Вчера Румыния вышла из войны. Сегодня она уже воюет со своей бывшей «союзницей» – Германией – и даже посылает делегацию в Москву с заверением о предоставлении нам своей территории, транспорта и отдаче всех пленных...[135] Словом, полный поворот политики на 180°. Болгария изгоняет немцев из своей территории и вдруг заявляет о своем полном нейтралитете[136].

А наши войска все дальше идут на запад, уничтожая и беря в плен все новые и новые вражеские дивизии и полки. Румыны сдаются дивизиями без боя. Во Франции очищаются патриотами крупнейшие города – Лион, часть Парижа, Т[137], Бордо и другие, а союзники захватывают и очищают от неприятеля целые районы и области на французской территории. Почти вся Франция изрезана и посечена войсками наших союзников. В разных местах французской территории, в разных уголках страны немцы бессильны что-либо предпринять во имя удержания своего плацдарма. Так бы я назвал сейчас позицию немцев во Франции.

Италия наполовину в руках союзников, Югославия – тоже. Положение в ней еще более катастрофическое для немцев, чем во Франции, хотя значение Югославии несравнимо менее велико.

С востока наши войска вплотную подошли к Пруссии, а на западе союзникам предстоит еще один сильный рывок, и кто знает, как далеко они сумеют продвинуться – может, и до Берлина! Событий ход сейчас трудно предугадать. Но факт очевиден – слова Сталина, что наш удар совпал с ударом по врагу войсками наших союзников, сбываются как нельзя лучше[138]. А так же и те его предсказания, которые характеризуют союзников Гитлера как очень ненадежный материал помощи нашим врагам.

Сейчас буду отвечать на письма.

По дороге мимо нас проезжают бесконечные вереницы бессарабцев: брички, груженные барахлом, черные причудливые одеяния, сказочные шляпы и босые ноги жителей Бессарабии – все это напоминает старые картинки из детских книжек или школьных учебников географии. Цыгане! У Пушкина хорошо сказано: «Цыгане шумною толпою по Бессарабии кочуют»[139]. Но сейчас последние слова не подходят – бессарабцы возвращаются домой.

Непрерывной вереницей еще со вчерашнего дня движутся потоки пленных немцев. По шоссе. Колона за колонной. По четыре человека. Вот и сейчас сереет их темная масса равномерно движущихся фигур. Полк. Нет, больше – дивизия, и конца краю нет этому шествию обанкротившихся вконец ненавистных фрицев и [*продолжение отсутствует*].

Только что провели колонну пленных к шоссе. Шли изнуренные, жалкие, пугливые. Фрицы – это еще терпимо, но... русские! Трудно выдержать, чтобы не закричать: свои люди – предатели, это же вопиющее явление!

– Из Ярославля никого здесь нет? – спросил один старший сержант из числа зрителей.

– Я из Ярославля, – вызывается один из пленных предателей.

– Иди сюда, – позвал старший сержант.

И когда тот вышел из строя, он его со словами: «Ну, здравствуй, земляк!» – изо всех сил ударил мерзавца по лицу кулаком. Брызнула кровь, и предатель поспешил спрятаться в середину колонны. Тогда солдаты начали чествить весь хвост колонны подряд. Нашли откуда-то и толстомордого калмыка, вытянули и начали бить. Шариком покатился он под ударами многих кулаков, ног, и рубашка его быстро окрасилась кровью. Удивительно, как он ноги унес! А когда он вернулся в строй и спрятался за пленного немца, тот, в свою очередь, ударил подлеца и указал на другого калмыка.

30.08.1944

Село Нудьга (Сарота-Галб).

Фронт от нас более 200 километров. Костанца[140], Галац[141] и другие крупнейшие румынские города заняты нашими наступающими частями. Сегодня отчаливаем в обратном направлении. Строго на восток будем идти километров 15. В пять утра – привал. Очевидно, нас перебрасывают на другой участок.

Получил два письма: от папы и Берты Койфман. Папа о болезнях. Беба намеками говорит о таких вещах, что и предполагать трудно было об этом ранее. Без моих писем она жить буквально не может, ибо... она говорит словами стихотворения, с которыми не согласна. Очень приятное письмо. Удивила она меня. Замечательно удивила. Трепетная радость и удовлетворение пронеслись по моей груди.

31.08.1944

Со старшим лейтенантом Семеновым у меня появились трения еще в самом начале прихода моего в минроту. Как-то на второй или третий день моего знакомства с минротой Семенова, еще в городе Григориополе, я вышел в сад, предупредив об этом Бурлакова. Когда я, однако, через минут 15 вернулся в расположение ОП, старший лейтенант мне сказал: «Чтоб это было в последний раз – в сад ходить не разрешаю!»

Целыми днями командир роты пьянствовал. На свои вечера пьянки и веселья он обычно приглашал старших начальников. Изредка, когда мы случайно оказывались к моменту сбора гостей в помещении, доставалось и нам по стопочке. Но это было в исключительных случаях. А чаще мы, офицеры роты, вместе с бойцами сидели внизу под окнами помещения, где мы жили в Григориополе, и почти ежевечерне слушали волей-неволей доносившиеся до нас дикие выкрики, пьяные песни и танцы веселящихся «верхов». Люди маленькие, мы не имели права сказать начальству, особенно своему «хозяину»,

о том, что игра гармошки, танцы и крики, хорошо слышимые ночью из-за выбитых стекол помещения, доносятся и к фрицам (враг был от нас в 50–70 метрах по другую сторону Днестра), и они открывали не раз по нам стрельбу. Иногда на «вечерах» присутствовала Катя, и тогда было особо шумно в помещении и за его пределами. Уснуть нельзя было при всем желании ночью, а немец воротил вокруг нас огромными снарядищами и ковырял землю. Катю легко удавалось напоить, и ее пьяный голос своеобразным визгом смешивался с клокочущими переливами капитана Садукевича. Было весело, но только не очевидцам со стороны.

Однажды, в первую неделю моего пребывания у Семенова, решил и я повеселиться. Собственно, и не решился, а так, без меня было все предрешено. Бойцы варили Семенову самогон. Я был в саду (несмотря на предупреждение старшего лейтенанта). Поднесли мне стакан – выпил. Тогда второй боец принес мне чашку самогона. Долго отказывался, но все же выпил и чашку, доверху наполненную. В голове слегка помешалось. Тогда еще два бойца, один за одним, принесли мне по новой порции водки. Я не отказывался больше. Как я вел себя в дальнейшем, не помню. Филатов только рассказывал, что пришел я из сада в каске, сильно улыбался, шатался и быстро завалился спать.

Разбудил меня боец, присланный командиром роты. Я еще не совсем отрезвился тогда, но чувствовал себя легче, когда явился пред ясны очи своего хозяина. Обедали.

– Чтоб это было в последний раз. Предупреждаю вас, товарищ лейтенант, пейте, но не напивайтесь! Я, например, пью, вы сами видите, но я никогда пьяным не бываю.

– Это правильно, – подтвердил я в оправдание.

– Я никогда не говорю неправильно, – заключил Семенов.

На этом разговор закончился.

Еще много раз старший лейтенант Семенов меня «в последний раз» предупреждал, и я отчетливо чувствовал невозможность с ним ужиться при моем характере.

В роте старший лейтенант был не только хозяином, но и полным тираном: обругать бойца по всем правилам матерщины, нагрубить своему подчиненному или человеку младшему по званию и должности, было первым делом этого человека. Небольшого роста, простоватый, с маленьким лицом и пятачкообразным носом хрюшки, он обладал вечно суровыми глазами; сердитым, нахмуренным взглядом; жестоким, редко улыбающимся лицом и надменным поведением по отношению к младшим чинам. Со старшими же начальниками это был милый, улыбающийся человек, готовый выполнить первое

же желание начальства. И по одному кивку высокого лица он понимал и предупреждал его желание. Водка – старший лейтенант ясно полагал – первый источник впечатления, вдохновенно действующий на всякого влиятельного военного человека. При помощи этого чудодействующего вещества он сумел расположить к себе весь полк. Редкий человек, начиная от командира роты и до... бог ведает, до кого, не выпивал с ним за одним столом. Командиров взводов он не приглашал. Даже и в мыслях он не представлял себе такого унижения. Бойцы дрожали от его одного взгляда. Вряд ли решился бы боец откровенно поделиться с ним своим сокровенным чем-либо. Не раз я видел в разговорах бойцов и младших командиров неприкрытую ненависть к тирану. Боялся и я его взгляда, его надоедливо злой физиономии и не знал, как избавиться от его постоянного гнева. А на днях...

Собрали мы, командиры взводов, деньги на «что-нибудь покушать». У Семенова денег не было, но мы трое сумели собрать достаточную сумму. Я лично сдал все свои ресурсы – 100 рублей. Старшина купил яиц, вина, курицу, огурцов, помидор, картошку, и был приготовлен замечательный обед, но когда дошло дело до кушанья, пришли два командира батальона, один командир батареи 45-мм, заместители нашего комбата, Катя и еще две девки: одна – в чине лейтенанта, другая – солдат. Старший лейтенант пригласил их всех за стол, и началось пирование, пока, опьянев, все гости не разругались между собой, а мы, виновники обеда, оказались совершенно в стороне и даже не имели потом чего покушать. Вот образец отношения к нам.

Вчера на привале после пятнадцатикилометрового похода старший лейтенант созвал бойцов в полном боевом. Я пришивал воротничок к гимнастерке и, не будучи оповещенным в необходимости тоже присутствовать, остался на месте. Закончив разговор с бойцами, Семенов позвал меня через связного и «в последний раз предупредил, чтобы этого не было».

– Раз вызываю – должны являться. Не стану же я вас персонально вызывать. Еще раз, учтите, повторится, – заявил он мне напоследок, – и я вас разжалую.

– Не так-то легко разжаловать, – ответил я.

– Что?! – и ушел, а я в душе подумал только о возмутительном нахальстве и подлости этого зверя и возжелал избавиться от этого проклятущего ига.

Сегодня меня отозвали в батальон. Пропадай моя война и награды – все, что есть у меня желанного в дни наших побед. Опять как дым рассеивается все, но зато – свобода! Как хороша и желанна она теперь!

Расчесываясь, обнаружил у себя седые волосы. Значит, горе и разочарования, особенно в людях, сильно на меня подействовали. Вот чем я обязан войне и фронту.

Хочу ответить Бебе. Ее письмо слегка неожиданно и важно для меня. Смысл письма тонкими намеками зашифрован.

Сейчас отвечать некогда. Серийная ракета – шесть цветов – сбор. Стало быть, трогать будем сейчас.

01.09.1944

Константинешти.

Сейчас уходим отсюда. Маршрут – 25 километров. Движемся на восток. Очевидно, вторично будем переправляться через Днестр в обратном направлении на левый берег, ибо железная дорога работает только по ту сторону Днестра.

03.09.1944

Под Тирасполем.

Вчера получил письмо от Ольги Михайловны, два – от мамы. Сегодня – от Нины Каменовской. На письма ответить некогда. Едва успеваешь выспаться – в поход строиться. Писать смогу, очевидно, только в поезде. Сегодня еще 30 километров маршрут.

Войска союзников подошли к границам Германии, заняв Верден, вышли на Бельгийскую территорию, а наши, от Дуная до Черного моря, – на границу с Болгарией[142].

05.09.1944

90 километров от Одессы, 46 – от Кишинева и четыре – от железной дороги. Село Подкольное.

Села Нелешт, Мершени, Нудьга, Гиска (предместье Бендер), юго-восточная окраина Бендер, Тирасполя – вот основные вехи моего пути совместно с частью.

Жители называют наш приход вторым фронтом. Все огороды, бахчи, сады приведены в полную негодность, опустошены. Виноградники исчезли с лица земли на всем пути нашем. Ужас, и только. И никто не в силах сладить со славянами. Судят, расстреливают, наказывают, ругают – все бесполезно. Люди одичали на фронте, и постоянная близость смерти сделала всех отчаянными.

Обеденное время. Где-то недалеко слышен гудок паровоза. Как это удивительно и интересно мне, одичавшему жителю фронта. Продолжу свою переписку, ибо время идет. Неужели я буду ехать в поезде сегодня?

Читал о Финляндии. Снова эта политическая хамелеонка запросила у нас мира или хотя бы перемирия. Знать, ей поистине те-

перь «не до жиру». Опять начались переговоры[143]. По всей вероятности, окончательные, предрешающие выход Финляндии из войны. И сам пресловутый палач и инициатор войны Финляндии с нами Маннергейм[144] теперь отнекивается от прежней своей политики и даже заявляет, что не разделяет политики [Рюти[145]].

Но шут с ним. Кто он есть, Маннергейм этот? Мы – миролюбивая страна, и нам нужен мир. Будущее покажет, как развернутся события.

Вот когда они сбываются, слова т. Сталина о полной изоляции Германии[146]. Одна оккупированная немцами Венгрия не в силах отрешиться от политики сговора с Германией и войны на ее стороне[147]. Однако же венгры – не хозяева в Венгрии, хотя при желании они могли не допустить до этого еще прежде.

06.09.1944

Финляндия приняла все условия, и сейчас между СССР и ней установлено перемирие[148]. Столица Бельгии и крупнейший город Антверпен в руках союзников[149]. Германия падает в пропасть с поразительной на международной арене быстротой.

09.09.1944

Вчера заходил в штаб полка проставить печать на расчетную книжку. Там был командир полка майор Лынев. Он спросил, почему я продолжаю носить длинную прическу, а затем произнес: – Так вот: за то, что вы не выполнили моего приказания... – но я поспешил его перебить, ибо чувствовал, что он хочет меня наказать. – Я стригся, товарищ майор, но со времени нашего знакомства, то есть прихода в полк, моя прическа отросла.

Тогда он оставил свое намерение дать мне взыскание и спросил:

– Вы что, писатель? Или вы занимаетесь сочинительством, или просто пробуете писать?

– Пробую писать.

– Что же вы пишете?

– Стихи.

– Почитайте нам, я люблю стихи.

И я принялся за чтение. Прочел один, «В Бессарабии».

– Все? – спросил майор, – или еще есть?

– Еще есть.

– Тогда читайте.

И я снова читал: «На привале», «В Одессе», «Глаза большие, синие» и другие. Когда я кончил, он сказал, обращаясь к НШа[150]:

– Нужно его использовать для создания истории полка. Я еще раньше говорил, почему не исполнили. Смотрите, человек больше

месяца шатается без дела в резерве, и мы не можем его с пользой использовать. И затем ко мне:

– Вы что же не пишете о героях полка, о своей части? Вероятно, вы большой лодырь, раз за такое время нахождения в резерве ничего не написали на актуальную тему?

– Я люблю лирику.

– Так вот, теперь придется перейти к сухой прозе.

Вчера ознакомился вечером с состоянием дела. Оказывается, история полка была уже однажды написана. Буркcер сказал, что ему даже медаль «За боевые заслуги» выдали, отмечая его роль в ее написании.

– Сейчас, – информировал меня Буркcер, – уже 15 листов этой истории печатается, а остальные почему-то задерживаются в редакции. А ведь я на нее больше, чем полтора года трудов положил, и ее одобрил политотдел дивизии.

Однако майор только посмеялся, когда я передал ему слова Буркcера: «"История" забракована, ее нужно переделать». Назначил мне аудиенцию на девять часов утра девятого числа, то есть сегодня. Обещал проехать со мной в редакцию.

10.09.1944

История с моей «Историей» слишком запутана и неблагодарна. Материал неоткуда выкапывать, а имеющийся под рукой далеко не достаточен.

От мамы – два письма. Пишет, что жизнь у нее улучшается, и она стала даже получать ежедневно 500 грамм хлеба. Мои письма подействовали до некоторой степени, однако в редакции местной газеты маму ругали за то, что она мне писала о своем положении, и представитель редакции заявил ей категорически, что квартирный вопрос – не его дело.

Написать снова придется, но уже в другое место. Как они мне надоели, эти все бюрократы-тыловики, дополняющие мои страдания, чинимые мне здесь некоторыми мерзавцами в больших санах.

Ругает меня мама за усы, говорит – некрасиво. С каким-то майором познакомить хочет из авиачасти. Спрашивает и о папе. Папа в письмах о маме не раз упоминает. Но почему же они, черт возьми, не хотят возвратиться к совместной жизни, чего ожидают? Пока их за руку ни сведешь?

Тетя Люба готовит мне нового братика или сестричку – забеременела, Саня сообщает.

Софа Рабина наивничает в письмах, говорит: «Ты, очевидно, не в самом пекле, ибо пишешь чернилами и на хорошей бумаге». Зато у нее товарищ есть – пишет ей на клочках бумаги грязно и карандашом.

Она считает, что он «фронтовик». Что ж, напишу ей на самом паршивом материале, раз она любит романтику и такое неправильное представление имеет о фронте. Бестолково пишет, скверно, неграмотно, глупо действует на нервы: «Ты даже не передавай привет девочкам, ибо я знаю, что они только посмеются».

13.09.1944

Станция Веселый Кут. Здесь мы грузимся. На станции. Возле самой железной дороги расположена школа-семилетка. Преподавательницы – молоденькие, хорошенькие девушки. Мечта, одним словом!

Жаловались на отсутствие у них бумаги – пришлось поделиться с ними своими трофеями. В школе есть свободные классы, в одном из них я и пишу сейчас.

Рядом со школой небольшая хатенка. Я зашел туда, когда там было много офицеров наших. Разговаривали. Молоденькая семнадцатилетняя девушка восторженно поглядывала на меня. Ее хорошенькое личико нравилось и мне.

Пришел и Тарадзе – нашумел. Девушка говорила, что он очень страшный, и у него большие, неестественные глаза.

– Ему хорошо быть артистом. Вам тоже хорошо быть артистом, – сказала она, обращаясь ко мне.

– Почему? – поинтересовался я.

– А потому, – скромно проговорила, опустив ресницы, она, – что на сцене идет быть красивым, сильным, с большими глазами людям.

Комплимент относился явно ко мне.

Маженов что-то писал за столом. Я снял с него фуражку и примерил на себя. Посмотрел в зеркало.

– Вам любой головной убор идет, – сказала девушка, – даже платок женский.

Я поблагодарил ее за вторично отпущенный мне комплимент. Маженов отнюдь не был польщен ее отношением ко мне. Он поспешил перевести разговор:

– Вам пора выходить замуж, ведь вы уже взрослая, – говорил он ей, – вам 17 лет, как вы терпите?

– Что? – спросила девушка.

– Как вы терпите, ведь вам нужно... пора... исполнить ваши естественные потребности.

Она поняла, покраснела и вышла из комнаты. Я сказал ему: «Видел дураков, но такого еще не видел!»

Действительно, пошлость этого глупца не имела границ.

Между тем девушка рассказала все матери, и та попросила нас выйти под предлогом своего ухода на работу. Все вышли, только

Маженов продолжал сидеть, а Пугач, стрелой вылетев из квартиры, долго продолжал еще ругаться вслух: «Видали ли такого дурака!» и проч.

Семенов – ужасный мерзавец и невежда. Когда я по приказу комбата вошел в вагон, где грузились лошади, и попытался проследить за их погрузкой, он несколько раз крикнул в присутствии бойцов: «Выйдите вон, выйдите вон!» Такое ничтожество!

Старшина его тоже себе позволяет вольности. Сегодня, например, он вошел в тот же дом, о котором шла речь выше и, ничего не говоря, стал шарить по комнате: «Где бы поместить больного?» Была хозяйка, мы, наконец, три офицера: я, Пугач, Маженов, а он безо всякого разрешения и спроса позволил себе хозяйничать в чужом доме. Я попросил его выйти из квартиры, но он стал пререкаться и говорить: «Не указывайте мне!»

Ишь, какой герой! «Цытьтс замовчить»[151]. Даже хозяева и то заметили, что «сколько военных ни было на станции, еще никогда не было такого случая, чтобы старшина так разговаривал с офицерами, и чтобы военные в глубоком тылу распоряжались в чужих квартирах».

Тарадзе продолжал чудить. Я вошел в свободный класс, он тоже туда зашел.

– Вы в какую группу записываетесь? – спросил я шутя.

Он тоже начал шутить, причем сильно кричал. Я, опять же, шутя, сказал:

– Вызовите своих родителей. Вы нарушаете дисциплину.

Он вышел и привел с собой трех молоденьких учительниц:

– Вот мои мама, тетя и бабушка.

Мы посмеялись. Он тем временем шептал на ухо одной из них: «Он хочет завести с вами любовь».

Пошел на базар: вино – 60 рублей литр. Подошел – ругань: бойцы грозились конфисковать вино за то, что дорого продается. Хозяйка упрашивала пощадить ее и оставить вино. Я спросил: «В чем дело?» Боец, назвавшийся представителем комендатуры и успевший уже проверить документы торговки, предложил: «Вы хоть офицера угостите стаканчиком! Офицеру в первую очередь полагается!»

Продавщица налила шестисотграммовую. Я долго отказывался, но боец настоял на своем. Выпил. Сразу ничего, но потом почувствовал действие напитка и сильно чудил. Сейчас только все прошло, и голова освежела, только боль продолжает кружить ее.

Отправил сегодня письма маме, О. Ш[туль], папе, Софе Р[абиной], Ане Кор[откиной].

«Историю» довел лишь до Днепра (от Ново-Петровки). После вторичной обработки неплохо получилось, на мой взгляд.

14.09.1944

Веселый Кут.

Вчера ночью старший адъютант капитан Бондаренко ошеломил меня:

– По приказанию комбата берете пушку!

– Как это пушку, ведь там командир есть.

– Вас назначает комбат – бывшего командира 45-й отстранил от командования командир полка.

Я был страшно удивлен назначением внеочередным, но как дисциплинированный военный только повторил: «Есть!»

И вот теперь на открытой платформе, на передке 45-й пушки вольно-невольно восседаю.

Предыстория этому следующая. Командир взвода еще вчера утром перед погрузкой отправил за сеном парную повозку с двумя бойцами. Ни повозка, ни люди не пришли. Конечно, получился большой скандал. Лейтенант голову потерял в поисках.

Поезд тронулся. 13 часов дня.

Перед взором открылся быстро плывущий навстречу мир. Родина дает смотреть своим бесстрашным защитникам на свои просторы. Как горячо люблю я эти минуты! Навстречу ветру, навстречу судьбе! Вперед, куда бы ни было, но только вперед!

Ехать будем через Котовск. Оттуда, говорят, два пути: на Киев и на Днепропетровск. Оба в моем духе, и оба одинаково приемлемы для меня, но мой город сильнее меня тянет к себе. Как бы мне хотелось хоть на одну минуту встретиться со своими земляками! Мечта...

Полустанок. Маленькие, замурзанные ребятишки, женщины-железнодорожницы, хата с отметкой «87» на стене. А вдали – стога сена. Целый ряд аккуратно сложенных пирамид из спрессованных кирпичей сена. Небольшая деревушка, чуть-чуть выглядывающая из-за балки, спрятавшей ее. И военные, лошади, повозки. Люди. Поехали. Минуем эшелон, который грузится на параллельном пути. Одинаковые все, что и отличить невозможно. Только офицеры различаются кое-чем друг от друга.

На одном из вагонов собралась группа бойцов и офицеров. Капитан, по-видимому, старший из них – отчитывает за что-то виновато опустившего голову бойца. В другом вагоне группа бойцов обнимает попеременно находящуюся с ними девушку-сержанта. Она непременно с медалью. Таковы мгновенно возникающие и так же внезапно исчезающие картинки жизни. Глубочайший тыл в дни войны.

Прощай, еще один полустанок, снова тронулись. Врезаемся в длинную, многорядовую вереницу составов, минуем ее и выезжаем

на широкий простор полей, на гору. Поезд стремительно мчится вперед. Навстречу летят телеграфные столбы, поля, посадки. Я высоко-высоко на своем пьедестале. Как хорошо лететь так высоко и так воздушно. Со всех сторон, исключая сидение, меня омывает воздух. Он рвет и развевает мои волосы, он поет мне прекрасную песню жизни. Как хорошо и чуть страшно!

Но вот поезд замедлил ход.

22.09.1944

Несколько писем получил за вчерашний и сегодняшний день. От мамы – три. Она благодарит за чуткость и заботу, но пишет, что все мои хлопоты до сих пор не дали результатов. И поныне мама без квартиры, а надвигающаяся зима рисует перед ней плохие перспективы. Пообещал в своем ответе, во что бы то ни стало, помочь маме добыть себе жилище.

Из писем маминых становится очевидным, что Оля стала совершенно безразличной ко всему, отупела в своей отчужденности от людей и загрязла в своих личных интересах. Она совершенно не имеет понятия о родственных чувствах и месяцами не видится с мамой. Я поражаюсь переменам в характере Олином[152].

Встретила мама в городе преподавательницу украинского языка, которая крепко интересовалась мной и заявила, что я все-таки «был ее любимцем». Мама не называет фамилии и имени-отчества, но я догадываюсь, что это Ульяна Алексеевна. Неплохо было бы списаться с ней, завязать переписку.

О Гуревичах тоже сообщает. Липа – инвалид Отечественной войны. Емельянченко – очень хороший человек. Она внимательна и заботлива к маме, как родная. Вся семья Емельянченко не уступает ей в чуткости.

27.09.1944

Кажется, меня отзывают в полк. Начальник штаба по приказанию комбата разговаривал обо мне с начальником строевого отдела полка. Но сейчас я его не застал и точно его решения еще не знаю.

Положение мое в батальоне сделалось невыносимым. Через день назначают меня дежурным, причем старший адъютант говорит, что дежурному положено два часа в сутки отдыхать. С питанием тоже много хлопот и унижений. Обмундирование порванное, грязное. Денег не выдают мне, так как Семенов совместно с Бондаренко и еще бог его знает с кем сделали махинацию: оформили приказом по минроте какого-то несуществующего младшего лейтенанта, а я остался, таким образом, за бортом приказа. Вот уж поистине воскресают го-

голевские «Мертвые души»! Традиции отвратительного прошлого, с которым нам, современникам новой советской власти, вести борьбу.

Бойцы тоже позволяют себе разные вольности. Парикмахер Егор заявил сегодня, что не побреет меня, пока не кончит обработку всех бойцов роты. Но когда я пообещал дать ему мыло, он побрил меня. Вот до какого унижения перед бойцами довело меня «сердечное» начальство.

Сами же верхи батальона решительно погрязли в своих личных интересах. Бойцы и офицеры их мало беспокоят: как ходят, что едят. Зачем им. Лишь бы сами в довольстве жили. Зато требовать – о, это пожалуйста. И чего только вам не прикажут и как только не изощрятся использовать имеющиеся у вас клочки времени!

Дома тоже не все в порядке. Мама, хотя ей и обещали что-то, до сих пор без квартиры. Папу призвали в армию. Письма получаю плохо в сравнении с тем, как я сам пишу. Регулярно пишут только мама, папа, Нина К[аменовская], ну и Аня К[ороткина]. Остальные редко. Вчера получил бездарное и неграмотное письмо. Кто-то, оказывается, перехватил мое письмо к Гале Казус и решил удивить меня своей сообразительностью: «Ты манэ изменяеш» и подобные глупости. Все ничего, но как бы они и ей не вздумали отправить такую же пилюлю.

Сегодня еще лучше: получил свое собственное письмо, которое писал в редакцию «Советский боец». Очевидно, дивизионная цензура нашла нежелательным пересылать заметку о своей газете и вернула мне обратно. Я снова написал, уже по всем правилам, с полевым номером. Не думаю, чтобы еще раз вернули. Написал также в ТАСС. Узнавал о Ромен Роллане[153].

Говорят, сосновый лес полезен для здоровья. Воздух его используют для лечения людей, больных легкими и др. болезнями.

Комбат заглядывает, как я пишу, и улыбается. Как я хотел бы освободиться от его контроля и вообще быть немножко более человеком, нежели здесь меня считают.

У командира полка. Читает только что полученный БУП и проделывает все на практике. У него красиво получается. Он подтянут, имеет изящную выправку и вообще человек, созданный, казалось бы, для военного дела специально. Начальник штаба стрижется-бреется. Ему некогда. Долго жду. Но вот майор Лынев смотрит на часы и говорит начальнику штаба: «Ты запаздываешь, пора на строевые занятия» и последний, быстро заканчивая туалет, одевается.

Я понял, что медлить нельзя, и спросил:

– Товарищ майор, разрешите передать начальнику строевого отдела, чтоб меня откомандировали в полк?

– Обязательно, обязательно...

И я, обрадованный, отправляюсь в строевой отдел. ПНШ(а)-4[154] где-то отсутствует. Его долго жду.

Ночь. В полку идет кинокартина – еще не знаю, какая. Сел в удобном месте, куда нахально пролез, несмотря на протесты некоторых лиц.

Писем до сих пор нет, а ведь очень интересно, что мне ответят мои новые адресаты.

[Битва за Россию[155].]

28.09.1944

[С Новым годом, гвардейцы.

Огонь! О фильме.]

На мой взгляд, задача фильма – не только дать американцам понятие о мужестве, героизме и любви к Родине, которую проявил в этой войне наш народ, но и навсегда рассеять представление о нашей стране как о стране варваров, которое и сейчас еще царит в головах американцев. Наша высокая техника, наша интеллигенция, наша молодежь и неиссякаемые памятники культуры...

Впрочем, больше всего для просвещения мирового общественного мнения о нас сделала наша кровь и наша борьба, в особенности же – наши победы. Когда немцы, легко пройдясь по Европе, вздумали совершить не менее быструю и удачную прогулку по России, весь прогрессивный мир (об этом недвусмысленно говорит фильм) считал, что дни России сочтены. Один за другим падали города и села под силой немецкого натиска. Немцы шли легко, бодро и надменно полагали, что Россия упадет на колени в течение нескольких недель. Но тут случилось чудо.

И фильм показывает битву за Москву, окончившуюся полным поражением немцев. Перед нами – освобождаемые города Московской и Тульской областей, встреча населения и Красной армии, слезы, радость, поцелуи. Жертвы немецкого мракобесия, дети-сироты, дети-калеки, мертвые дети и взрослые невинные граждане. Об этом говорится: «Русские никогда не забудут».

Бегут опрокинутые враги. Совсем иной вид они имеют. Усталость, сомнение охватывают их. Об этом красноречиво рассказывают кадры фильма. Впервые за время войны немцы вынуждены отступать. Ленинград продолжает еще оставаться в блокаде – непередаваемые ужасы жителей города. Потрясающи картины разрушения его немцами. Голод, норма питания – 100 граммов хлеба в день; все это не требует комментариев. Но люди не бросают работу: на каждый выстрел немецкого орудия ленинградцы отвечают увеличением темпов и улучшением качества работы. Самоотверженность людей не имеет

границ. Прокладывается на льду в Онежском озере шоссейная дорога, по которой до последней возможности (даже по сильно оттаявшему льду) продолжают идти автомашины[156]. Бомбежки, артобстрелы – ничто не останавливает советских патриотов-водителей. Ленинградцы прокладывают по льду железную дорогу – поистине изумительны и чудотворны дела русских. Но вот и освобождение. Сказываются в успехах войск Ленинградского фронта как нельзя лучше две тактики.

Фильм показывает одновременно на экране советских и германских генералов. Вот столкнулись их стратегии. Немцы отступают, блокада города Ленина ликвидирована. Освобождается от немцев Кавказ, изгоняются немцы из Сталинграда.

Столкнулись две армии, и фильм показывает одновременно и ту, и другую на экране. Русская стратегия – лучшая в мире. Немцы захватили европейские страны потому, что они сосредоточили все свои силы у границ своих, когда немцы пересекли их в 1941 году. Но советские генералы противопоставили немецкой тактике молниеносного сокрушения главных сил противника и внезапного окружения войск свою, рассчитанную на долговременную оборону и сопротивление, тактику. И немцы, которые были уверены в сокрушении России в несколько недель, оказались перед фактом позиционной длительной войны. Их прежняя тактика не действует здесь, в условиях России.

Вот она, двухмиллионная армия, ринулась на Советский Союз. Немцам удалось сокрушить первую линию, небольшая часть которой остается окруженной и плененной, но впереди есть вторая, третья, четвертая линии. И опять повторяется та же картина: отходящие войска первой линии сливаются со второй, второй – с третьей, третьей – с четвертой, образуя, наконец, линию такой толщины и упорства, о которую разбиваются все усилия немецких войск.

Наступает небольшая пауза. Сталинградская битва, после которой советские армии переходят в наступление. Развертывается туго сжатая пружина и отталкивает на сотни километров захватчиков от предельной черты немецких завоеваний. «Кто к нам с мечом придет – от меча и погибнет!» – эти слова великого предка-полководца Александра Невского являются лозунгом и стимулом всей картины.

Хорошо показаны города-герои: Ленинград, Одесса, Севастополь и, наконец, Сталинград; захваченные немцами страны; сателлиты фашистских разбойников Германии с их богатствами, армиями. Вот она, морда бандита-Гитлера. Типичная фигура убийцы с большой дороги. Он выступает: речь его самодовольна и величественна. И недаром приходит на ум Паулюс – плененный германский фельдмаршал на два года или и того меньше под Сталинградом. Какая унылость,

растерянность и унижение в его лице. Поистине парадоксальный контраст.

А вот он – итальянский дуче Муссолини[157]. Он произносит сопровождаемую бурной мимикой речь. Но теперь, где он, этот жалкий лакей Гитлера? Украден Гитлером у ит[альянского] народа!

Антонеску[158], сколько гордости в нем от полноты власти. Так ли он себя чувствует сейчас, находясь под стражей в ожидании суда?

А Хорти?[159] Ведь и его черед наступает. Удивляюсь, почему не показаны финны. Разве из-за излишней симпатии к ним американцев?

Оригинально звучат слова воинов в дни Нового года: «С Новым годом, гвардейцы, огонь!», и самоотверженный труд в этот день [*лист порван – одна строка нрзб*].

От тети Ани получил на рассвете три письма сразу. Она все пишет, чтобы я берег себя. Какая наивность! Вместе с тем она забывает о народе и обществе, когда говорит: «Ты в опасности, только бы ты вернулся!»

А другие люди? Всем жить хочется, но больше всех должна жить Родина. Об этом я никогда не посмею забыть и жизнь свою посвящу ее счастью. Беречь себя, прятать свою голову в кусты – подло и преступно. Это ли любовь к Родине, когда человек хочет ее победы, любит ее... издалека? Душой патриот, а делом трус, погрязший в личных мелочных интересах. Так я жить не могу и не желаю.

Многие офицеры в армии живут сейчас для себя. О солдатах говорить не приходится – они рабы своего начальника, и его воля для них закон. Но есть офицеры (и много их), которые воюют на словах, отсиживаясь в тылах; ничего, кроме как для себя, не делают и получают, благодаря выпивке и умению подойти к начальству, ордена и славу, а в конечном итоге тыл глубочайший, кусты (Ромазанов, Рымарь, Гержгорин, Пархоменко – комбаты, увенчанные наградами, но провоевавшие, в особенности первые два и последний, по два-три месяца всего на фронте). Действительные люди фронта редко по заслугам оцениваются. Разве только когда об его заслугах узнают старшие начальники. Иначе все его дела и подвиги не выходят из зоны хозяйничанья всяких полушкиных, пархоменко и других мерзавцев. А сами-то они, люди тыла, непременно награждены орденами.

Бойцы. Те совсем остаются за бортами внимания. Разве только лесть (опять же, эта лесть и подхалимство) или же какой-либо кричащий о себе подвиг отмечаются орденом. Медаль и, в последнее время, «Слава III степени» – удел бойца и младшего командира.

Я, наверно, не буду иметь награды. И если выйду из войны невредимым, не знакомые со мной по схваткам с немцами люди скажут совершенно резонно, что я не воевал. Но пусть их, людей! Я люблю

человека, но за последнее время абсолютно перестал дорожить его мнением – так много несправедливости и неприятностей встретил я от людей в период войны и фронта.

Сейчас хочу попасть в резерв полка, оттуда – в дивизию. Буду стараться, чтобы затем вернуться в свою Девятку. Если не удастся из полка, буду требовать, чтобы немедленно, в первый же бой, я был направлен в действующее подразделение. Конечно, много больше пользы принес бы я, если бы был политработником. Но опять же меня никто не хочет понять, и дальше начальника политотдела мой рапорт не ушел. Здесь, видишь ли, дневник мой, предпочитают неграмотных людей, полуневежд человеку, способному вести дело и стремящемуся и любящему политработу.

Маженов, Епифанов – эти «парторги», не умеющие двух слов связать, руководят мозгами, много больше их знающих и понимающих бойцов и командиров батальонов. Не обидно ли? Не жутко ли? Но я бессилен что-либо сделать, хотя меня неплохо знает и начальник политотдела, и его помощник, подполковник Коломиец.

Круглый день не перестает лить дождь. Я забрался далеко в лес, в самую глубину его. Здесь нарыто много землянок. В одной из них я расположился. Этим самым я нарушаю, конечно, приказ командующего армией генерал-лейтенанта Берзарина[160] не ходить в лес одному, так как здесь свили себе гнезда украинские национал-социалисты, продавшиеся немцам. На днях они убили двух офицеров и одного бойца. Но что же я могу сделать – в батальоне находиться мне негде. Я на положении лишнего человека. Просить впустить меня куда-либо в землянку неудобно и стыдно, а собственного пристанища у меня нет. Кроме того, здесь для меня полное уединение. Вероятность нападения – процентов пятьдесят, не больше. И хотя у меня совершенно нет оружия, тем не менее я себя чувствую здесь гораздо спокойней, нежели в батальоне. Мое отсутствие могут мне верхи батальона назвать самовольной отлучкой и пришить мне дело. Но и этот вариант благоприятней тех мытарств, которые мне приходится переносить ежедневно. Сюда могут забрести бойцы моего или же другого батальона и полков, могут посчитать меня за шпиона, арестовать до выяснения и создать вокруг меня целую шумиху. Это самое паршивое.

Слышу, недалеко кто-то ходит. Группа людей. Свои или чужие? Тихо разговаривают. Вот они прошли в плащ-палатках совсем близко. Голоса удаляются, люди тоже.

Ночью сегодня тоже шел дождь. После картины я нашел пустую огромнейшую землянку-шалаш и уснул в ней. На рассвете, однако, меня разбудили разбиравшие ее бойцы и хлынувший в образовавшиеся отверстия дождь. Так, нигде, как бездомный бродяга, не могу найти себе я места в своем подразделении.

Начальник штаба Бондаренко грозил исключить меня из довольствия. Требовал, чтобы снова я шел к начальнику строевого отдела. Тот, когда я к нему пришел, начал ругаться, назвал меня недисциплинированным и сказал, чтобы я больше не приходил к нему, пока он сам не потребует. Бондаренко сказал, что поговорит с Антюфеевым. Мне это очень нежелательно было, ибо тот может дать плохую характеристику (которую запросил комбат), но, тем не менее, теперь для меня уже все стало безразлично. Я готов на что угодно, лишь бы вырваться из этой ловушки и не попасть снова к Семенову, где я совсем окажусь в безвыходном положении. Ведь он хотел еще на Днестре бесцельно меня загубить, когда выделил с тремя бойцами и минометом под огонь вражеской артиллерии, запрещая в то же время, ввиду боязни неприятеля, самому вести стрельбу.

Пора обедать идти, а я еще не написал писем тете Ане и некоторым другим.

Несколько дней назад радовался, что не болею. Ведь почти все окружающие меня люди были охвачены повальной малярией и другими заболеваниями. Сырость, однако, повлияла и на меня. Грипп и насморк вот уже ряд дней не покидают меня, но я переношу все на ходу, ибо отвык лежать. Днем никогда не люблю валяться в постели и свободное время стремлюсь заполнить работой – писаниной. Много времени у меня занимает, однако, любовь к перекладыванию и пересматриванию написанного мною и прочего содержимого сумок, но беспорядок и теснота портят бумагу и являются одной из самых больших трудностей для меня.

29.09.1944

Дядя Лева пишет, что очень хорошо и заботливо относится к папе. Он утверждает, что папа, семья его и я – единственные на свете родные. Упрекать, говорит он, не за что его. Тетя Роза имеет вспыльчивый характер, но она очень рада папе и хочет, чтобы он жил с ними. А папа сообщает другое. Не люблю неискренности все же.

Вечером. Прогуливаясь по расположению лагеря, задумался над словом «талант». Вот, например, сегодня опубликована песня одного поэта в газете. Обыкновенная, заурядная. А ведь у меня есть сильнее звучащие, но почему-то их не печатают. Секрет мне доподлинно известен. Стихотворения мои неотесанны, необработанны как следует, и в отдельных местах встречаются в них неровности, в то время как у печатающихся сочинителей все очень гладко и чинно, хотя рифма куда слабей подчас, а смысл у́же.

Читал я многих авторов умных, знаменитых, храбрых, настойчивых, чванливых и скромных, народных и замкнувшихся в личных

интересах. Читал, но почему-то кажется мне, что я сумею достичь положения любого из них. Юмористично несколько звучат мои слова – безызвестного неудачника и мечтателя. Но не только потому, что «плох солдат, который не мечтает быть генералом», не только потому. Уверен я, что непременно добьюсь своего. Гвоздь уверенности моей в том, что я не признаю врожденную талантливость человека как силу, способную сделать его великим. Человек сам делает себе дорогу, сам обогащает свой ум, сознание свое и при желании, сопряженном с необыкновенными усилиями, волей может заставить восхищаться собой, следовать за собой миллионы людей.

Вот я, скажем, теперь и раньше. Мог ли я на школьной скамье в пятом-шестом классе мечтать хотя бы обворожить своими мыслями (я не говорю о природной красоте человека, имеющей чисто внешние свойства и далеко не достаточной для создания хорошего впечатления со стороны) одну девушку, которую уважал (ведь я уже в четвертом классе начал восхищаться девушками)? Ясно, нет. Ведь за литературные только сочинения я не раз получал посредственную оценку. Чтение полюбил я, правда, как только научился читать и диктанты всегда писал грамотно, хотя ненавидел грамматику (о чем сейчас весьма сожалею).

Мне вспоминается, как пытался я присвоить себе чужие мысли только из-за слабости собственной. Брал отдельные фразы от различных критиков и писателей и складывал их в одно целое «сочинение». Учителя не замечали моих комбинаций и ставили мне хорошие оценки. Однако я не мог ограничиться плагиаторством, довольствоваться им. Мне хотелось большего, и я стал сочинять стихи. Потом вставлял их в свои сочинения. Но и этого было мне мало. Я много читал и научился воспринимать мысли, стал умнее. Постепенно стал отрываться от сковывавших меня прежде чужих, мертвых мыслей и, наконец, приобрел собственные взгляды на жизнь и вещи. Во многом способствовала этому война.

Многочисленные дневники, стихотворения, попытки в прозе – все это расчистило дорогу не засыхающему от чернил моему перу, дало широкий простор моему воображению. Еще в школе мои сочинения стали лучшими по глубине мысли (8 класс) во всей школе. В армии «Боевые листки», статьи и особенно письма и дневники довершили обработку моего сознания и научили передавать то, что думаю, на бумагу.

Конечно, я еще далеко не на грани совершенства, но могу считать себя не последним человеком в литературе. Не только потому, что есть неграмотней и ограниченней меня люди, которые пишут, нет! Я не хочу уподобиться невеждам, воображающим себя знатоками,

мастерами своего дела. Я стою у основания опаснейшей в мире дороги, на которой столько предстоит падений, неудач, переживаний и отчаяний. Но я твердо на нее стал и, когда двинусь вперед, не упаду безвозвратно.

Я много натерпелся за мою жизнь. Мои литературные опыты вызывали у многих людей насмешку, пренебрежение и снисходительность (М. Шехтер), желание покровительствовать мне (редакторы из неизвестных газет), некоторые меня просто отговаривали писать (Савостин): одни – из злобы, другие – из зависти. Но я упорно двигался к цели и не остановлюсь, чего бы мне это ни стоило. Я добьюсь своего! Добьюсь!..

Сделаю себе талант. Многие говорят, что талант – врожденное качество. Некоторые даже утверждают, что неталантливые писатели доживали подчас и до глубокой старости, но из них ничего не получилось. Аргумент этот приводился для того, чтобы отговорить кое-кого из начинающих от их желания быть литератором. Но я с этим не согласен. Если человек не будет работать над собой ежедневно, если он не будет неустанно упражнять свою мысль, не научится правильно и умело держать в руках перо и заставлять его оживать на бумаге, то ясно, что из него ничего не получится. Но тут есть и причина. Она ясна и вполне определенна: этот человек не вполне отдался делу; он не полюбил пера; не полюбил бумаги; не полюбил беспредельно слово «писать» и не только не находит удовольствие выразить свою мысль на бумаге, но, в силу своей закупоренной в лень и безразличие ограниченности, он не в состоянии предвосхитить ни в настоящем, ни в будущем ни других, ни самого себя.

Есть и великие люди, которые любят литературу, но еще любят больше самого себя в ней и не хотят дать свободу новому человеку, появляющемуся или желающему появиться на одной с ним дороге. Поэтому они выдумывают всякие сказки для нас, начинающих. Пугают всем: и трудностью пути, и словами «талант», «ум», «образованность», «умение читать мысли», «знать душу и повадки человека». Очевидно, эти «гении» сами-то забывают о том, что все это достижимо человеком и что все это – процесс труда, учебы, желания, наконец. Сами-то они не выросли умными, образованными. К чему же эти старческие запугивания? Молодежи задача – дерзать. И какая мне польза от того, если я прегражу дорогу растущему гению? Вот что непонятно мне в некоторых стариках. Потому-то у меня зародилась мысль о таланте: что сам я хочу приобрести его, хотя считаю себя еще не талантливым человеком. Талант – это не случайная находка, удачный выигрыш, благосклонный подарок судьбы, а постоянное напряжение и борьба ума и воли, мыслей и желания. Это большое,

но тяжелое завоевание, которое нужно уметь, как переходное знамя, удержать в руках. Талант рождается любовью.

Получил письма. Желанное от Нины. Очень мило пишет, но низко ставит себя, когда говорит обо мне. Аня Короткина по-прежнему наивничает. Она, например, спрашивает меня: «Как ты смотришь на эту переписку? Чем все это должно кончиться?» Отвечу им обоим. Дяде Люсе не буду – ему написал сегодня.

Какая масса мышей в лесу; не говорю уже о квартире, о землянках. Но по лесу, по траве не успеешь и шага сделать, как дорогу пересекают быстро катящиеся серые шарики с визгом неудержимым. Опротивели они ужасно.

Ночью мышь забралась ко мне в сапог, который я не разувал, разбудила меня, проклятая. Долго шевелил ногой, пока она вылезла и убежала.

Сплю на полу в комнате опергруппы. Холодно. К утру ноги мои закоченели. А сейчас ПНШ–1 дал мне работу – проверить караул и доложить к 12.00. С 12 часов парад. Маршируют и люди, и лошади. Музыка. Невообразимая картина. Беготня запряженных в повозки лошадей под звуки марша, топот человеческих колонн, крики «Ура!», троекратные «Служим Советскому Союзу!», «Здравия желаем, товарищ полковник!» и прочие. Парад принимает полковник Коняшко[161]. Вчера – комдив, генерал-майор Галай.

Мне поручил начальник штаба полка проверить оборудование и уборку караульного помещения. Много пришлось самому делать, поэтому все время было занято. Сейчас отошел в сторону от леса, лег на травку, где и пишу.

Опять зачесало меня что-то. Неужели насекомые? Заботы обо мне нет.

Перед вечером получил три письма от папы. Он в Красной армии. С больной ногой и уже очутился в городе Шахты[162]. Но, полагаю, он сможет добиться освобождения от службы – больной и в преклонных летах. Но, в любом случае, он строевым не будет.

Берта написала небольшое и слабо запомнившееся письмо, но присланная ею фотокарточка явилась для меня изумительным сюрпризом. На обороте, помимо посвящения, написано: «Цветы осенние милей роскошных первенцев полей»[163]. Слова эти настолько противоречат ранее сказанному Бертой: «Я ведь не согласна, что “Цветы осенние...” и т. д.», что совершенно сбивают меня с толку. Что же тогда правильней? Очевидней всего, что когда она пишет, то очень невнимательна и забывает, что говорила прежде. Я нарочно перечитал еще раз свои последние письма к Берте. Очевидно, письмо от 31.VIII, в котором я просил ее пояснить значение приведенной в письме ци-

таты из одного поэта об осенних цветах и о разлуке часе, она не получила. Но, тем не менее, она пишет, что получила письмо после того, в котором я говорил о Жене М[аксимович], т. е. от 21.VIII. Почему же она тогда не отвечает на вопросы ни того, ни другого письма? Вероятно, она не читает моих писем, когда отвечает на них. Очень странно. Факт, однако, реален. Берта первая прислала свою фотокарточку и скоро готова будет, как и Нина, пасть передо мной ниц и просить о моем расположении к ней чуть ли не на коленях. Ведь это огромное достижение мысли моей. И обязан я только своим письмам, которые с некоторых пор приобрели такую действенную силу. Решил не писать пока, подождать следующего письма от Бебы. А сперва-то соблазнился мыслью отправить ей свою единственную фотокарточку еще периода пребывания моего в Сальске. Это одна из лучших. Чтение своих и Бертиных писем охладило меня. Ведь я столько вложил старания в свои письма. А она безынициативно пишет, не отвечает ни на один из поставленных мною вопросов. Просит длинных писем, а сама пишет коротко и ограниченно.

Софе Рабиной, пожалуй, отвечу. Не просил ее, но она сама обещает мне выслать свои фотографии и просит, однако, мою. Где уж всем высылать! Для этого ну [*продолжение отсутствует*].

03.10.1944

Получил четыре письма. Все не особенно привлекательные. От мамы плохие вести об отсутствии у нее по сей день квартиры и сообщение, что 18 дней не получала моих писем. Саня по-детски пишет. Неинтересно – тетя Аня. Короткина А[ня] – совсем неразборчиво. Желанных писем нет как нет. Ни Маруся Р[ишовская], ни другие, кому я так недавно написал, не отвечают. Троим первым ответил.

Вчера был в Девятке. Встретил там много старых бойцов и командиров, с которыми вместе служил. Многие стали выше по званию, некоторые получили ордена. Целый ряд офицеров новых прибыл в Девятку за время моего отсутствия. Я их не знаю.

04.10.1944

Всю дорогу в Девятку находился под впечатлением великолепия лесной природы, наслаждался ароматом соснового леса, пением птичек, красивой лесной тропинкой – той, по которой шел. Пел песни, а на «привале» попробовал даже написать стишок, но получился только один куплет. Стихотворение написал только сегодня и назвал его «Дорожка».

Собирал ягоды в лесу черные, но всем остальным – и листьями, и цветами, и даже ягодами – похожие на малину. Видел большие, крас-

ные, с белыми пятнышками грибы – как на картинке – и я долго не мог оторваться от этого дивного зрелища.

В Девятке меня встретили очень любезно бойцы и командиры. Однако, нашлись и такие мерзавцы, как старший сержант Лемин, с которым я был в одной минроте когда-то, пожалевший мне 100 граммов хлеба, когда мне предложили покушать в столовой второго батальона.

Петрушин, Бобров, Скоробогатов – уже старшие лейтенанты. Николаев – лейтенант. Боровко, Пархоменко – майоры. И еще многие другие, о чем в другой раз.

Непрерывно в течение всего дня слышатся крики красноармейцев: «Здравия желаем, товарищ старший лейтенант!» (майор, капитан и т. д.), «Служим Советскому Союзу!», «Ура, ура, ура!» Музыка, суета, большое начальство. Распространено мнение, что готовят нас специально для каких-либо выдающихся событий. Целая армия занимается шагистикой! Ежедневно, с утра до темноты!

Каждый из нас помнит недавно опубликованное мнение видных политических кругов о порядке оккупации Берлина[164]. И поэтому в каждом живет трепетная и величественная, хотя и несколько затаенная, мысль, объясняющая столь тщательную подготовку наших бойцов и командиров и специально выделенное для этого время возможностью участия нашей армии в оккупации Берлина. Ведь это необычайное счастье и удача – побывать и закончить эту ужаснейшую войну в городе-разбойнике Берлине вместе с нашими союзниками, на одной из трех частей города, оказаться на последнем этапе победы. Эту мечту лелеет каждый, переживший все ужасы и неудобства этой войны на фронте, желающий расплатиться с немцами.

06.10.1944

Вчера получил свое письмо. Придется чаще писать, тогда хоть в случае выбытия на другое место адресата буду получать свои письма. Ведь и это своего рода утешение. Тем не менее решил не писать на каждое письмо по одному ответу. Нет писем, и я молчу – таков мой девиз на сегодняшний день.

Просматривал адреса и даты отправки по ним писем. От всех (30 человек) ожидаю писем, за исключением, правда, одной, которой я не написал еще ни разу и которой, возможно, еще и писать не буду.

На рассвете людей вывели на парад. Всю дивизию! И люди, и техника, и лошади! Удивляюсь, как только вместила их всех площадь.

09.10.1944

Антюфеев уже второй раз заявляет мне, что отправит в роту.

– Что вы здесь делаете? Пишете?

– И пишу, и нет, – отвечал я ему.

– Завтра последний срок. Пойдите к командиру полка и спросите его, что вам делать!

Новости. Буду я еще ходить спрашивать. Пусть сам дознается, если я ему мешаю.

11.10.1944

Ни одного письма не получил сегодня. Адресатка, с которой познакомился в пути и на которую тщетно израсходовал деньги, не пишет вовсе. Попробую ей вторично написать. Вчера написал пять писем.

Большое место в моей переписке занимают хлопоты о квартире для мамы. В строевом отделе сегодня печатали письмо в горсовет. Они говорят, что это второй раз. Но я не верю. Иначе уже давно были бы результаты. Все эти бумажные крысы типа антюфеевых, полушкиных – крайне бездушные люди. К великому удивлению, не далек от них и теперь уже старший лейтенант Скоробогатов, что в Девятке. Он тоже говорил, что отправил письмо от имени части, но все это чистый блеф.

Сегодня выдают пистолеты, бинокли, компаса. Я опять за бортом остался.

Историю полка писать перестал. Подполковник Шаренко, который обещал мне помочь создать условия для писания «Истории», уехал в отпуск в Киев. Остальные не понимают или не хотят понимать и вмешиваться в мою работу. Я ведь должен выслушать чье-либо мнение.

Часто раскаиваюсь, когда знакомлю кого-либо со своим неоконченным произведением. Критика, пусть даже в неоконченном виде, и мало понимающими в поэзии людьми, тем не менее, способна вызвать у меня отвращение к своему детищу, и я не могу больше продолжать писать. Однако и без критики я не могу жить. Часто она служит стимулом для серьезной обработки раз написанного еще начерно стихотворения, или... Впрочем, прозой я писать не умею, за исключением разве критических вещей и дневника, с обработкой которых я еще так-сяк справляюсь. Мне недостает грамотности в русском синтаксисе и в грамматике, пожалуй.

И сегодня ни одного письма не получил – убиться мало! Решил не писать и сам сегодня, хотя очень трудно отвыкнуть от переписки, даже на один день.

Антюфеев меня уговаривает обратиться к майору, чтобы тот меня направил в батальон. Нашел дурака!

Сейчас очень тяжелое для меня время: муштровка, муштровка и еще раз муштровка. До чего же не люблю я ее! Хотя пополнить свои

знания теоретически не мешает, ведь мне придется еще воевать, и в предстоящих боях я должен добиться, наконец, того, чего не добился раньше из-за отдельных полушкиных, препятствовавших мне на всем боевом пути. Чего добиться, это секрет. Я не хочу больше об этом упоминать.

Майор Ладовщик, НШ, получает третий большой орден Отечественной войны I степени[165]. Теперь он сможет гордиться после войны. А я? Впрочем, для тех, кто видел фронт и знает, как и за что награждают на фронте, орден – не удивление сейчас.

Начальник штаба предложил мне отмечать у него по карте ход военных операций на фронтах Отечественной войны. Я, однако, не сумел этого сделать сразу, и только получив серьезное замечание с его стороны, отправился исполнять приказание. К этому времени командир полка обедал, и когда я пришел и спросил разрешения войти, он недоуменно посмотрел на меня и сказал: «Иди-ка ты на хрен, дай хоть покушать!» Я вышел и решил больше не ходить отмечать, но на другой день майор Ладовщик опять поругал меня. И сегодня я окончательно решил отмечать по карте, выбрав удобную минуту, когда отсутствовал Ленев.

Карта очень громоздкая. Их две. Населенные пункты очень мелкие и не те, что нужны: названия на них какие-то немецкие, а не характерные для того или иного государства, и потому этих названий нелегко отыскать, ибо они часто расходятся с действительно существующими. Поморочил себе голову сразу после проведенных мною занятий и до самого обеда. Потом все-таки решил наугад отмечать линию фронта, ибо всех населенных пунктов невозможно углядеть на картах.

Занятия прошли неплохо, но Попкову не понравились. «Опять лекция?» – спросил он меня. Он требует живой беседы, а мне эта форма несколько трудней, ибо я очень медлителен в соображениях и не нахожу своевременно, вовремя нужных слов. Приходят они мне на ум лишь тогда, когда без них уже можно и должно обойтись. Заключил я свою беседу показом карты. В ней я наиболее силен. Международное положение – отрасль моих устремлений. Бойцы и сержантский состав слушали меня в конце беседы с особым интересом. Вначале же некоторые дремали, и мне было очень больно. Аудитория моя сегодня – самая большая на политзанятиях во всем [*одно слово нрзб*]. Присутствовали полковой агитатор Попков и командир полка.

Где-то потерял топографическую карту с записями на чистой стороне. Нашел Троицкий – старший сержант и секретарь Шишикина. Мой почерк узнали и вызвали к себе. ПНШ–1 – Шишикин. Он говорил о могущих возникнуть последствиях, если бы карту нашел ко-

мандир полка или, еще хуже, Фурманов. Я понимал, что плохо сделал, что утерял карту, ведь все карты являются секретными. Но молчал и ожидал взыскания. Но Шишикин ограничился одним распоряжением не давать ни мне, ни другим лицам карт. Для меня хорошо окончилось это дело.

Вечером после обеда ушел в лес, выбрал себе землянку и принялся дописывать стихотворение «Карта», но долго ничего не получалось, и у меня возникла мысль переделать стихотворение с самого начала. На четыре куплета ушло все время, и я спохватился, что поздно, когда уже начало на дворе темнеть. Сложил в сумку разбросанные в земляночке бумаги и ушел прямо в столовую.

А сейчас буду спать. Уже очень поздно, и глаза слипаются. Ксеник ушел на «блядки» и я, кажется, буду спать сегодня на его месте, а не под кроватью, как прежде.

12.10.1944

Антюфееву я как бельмо в глазу. Сам-то он боится направить меня в батальон и поэтому изыскивает окольные пути. Сегодня, например, когда он стоял с замкомполка по строевой части, и я проходил мимо, ему пришло на ум напомнить майору, что я без дела, и меня нужно направить в батальон.

– Он, товарищ майор, сидит – только в дудки играет, – разрисовывал Антюфеев.

– Немедленно в батальон! – сказал майор и потом, подумав: – Нет, лучше не ходите пока. Я переговорю с командиром полка, и мы посмотрим: может, перемещение сделаем (я говорил ему, что не хочу к Семенову).

Так до сих пор и не решили этого вопроса.

Писем и сегодня не получил. Третий день! Это же невообразимо! Впрочем, и я не стал писать сегодня, хватит баловать их!

С квартирой совсем плохо вышло. Теперь даже под кроватью мне места не было. В комнату Шишикина перешел Ладовщик, а Шишикин – в нашу, и всех выгнали. Но все хорошо, когда хорошо кончается – я попал в лучшее место. Рота автоматчиков приютила меня, «сиротинушку».

Семенов, старший лейтенант, дежурил сегодня. Он пришел в мою комнату и смотрел журнал боевых действий, который я веду.

– Это полезная и хорошая вещь, – сказал он, покачав головой, а потом спросил:

– Вы здесь спите?

– Да!

Он удивился.

Майор из политотдела проводил беседу с офицерами в батальонах. Мне удалось попасть на заключительную часть. Речь шла о победах, одержанных полководцами прошлого в борьбе с врагами, об их тактике и стратегии, а также о нашем военном мастерстве, о гениальности наших генералов, о прозорливости и умении руководить войсками нашего Сталина. Это интересная тема была, однако, очень сухо развита. Лектор говорил плохо, заученными фразами, и слушатели дремали, смотрели в потолок. Когда он кончил, все облегченно вздохнули. Вот пример плохой лекции!

Волей случая привелось мне слушать лекцию второй раз – майор Ладовщик заставил. В штабе. И опять лились те же неинтересные, скучные слова, тянулись бесконечно так, что хотелось даже закрыть уши и думать о другом, о чем-то совсем отвлеченном.

13.10.1944

Антюфеев не унимается. Он как злой демон преследует меня. Вот и сегодня он напомнил обо мне командиру полка, когда я оказался в штабе по вызову Шишикина, который, кстати сказать, поручил мне переписать в батальонах и спецподразделениях план занятий в общий лист, специально для этого заготовленный, в результате чего я всю ночь не спал (только возле Бондаренко я простоял около часа: то он ужинал, потом курил, а затем просто действовал мне на нервы – я ушел и только вечером сегодня получил сведения у писаря).

Командир полка вызвал меня и спросил.

– Вы пишете?

– Пишу.

– Стихи пишете?

– Пишу.

– А «Историю» пишете?

– Нет, я ее отставил, но веду теперь журнал боевых действий.

– Вот-вот, это же и нужно! – обрадовался майор Ладовщик, но майор Лынев этим не удовлетворился.

– А миномет знаете?

– Знаю.

– Людьми командовать сумеете?

– Смогу.

– А на какое расстояние стреляет миномет?

– На 3100, – ответил я неуверенно.

– А для чего служит стабилизатор?

– Для направления полета мины, придания ей устойчивости полета, – заговорил я, испугавшись вопросов со стороны присутствующих штабных работников.

Но все молчали, а сам он, как видно из вопросов, был не глубоко осведомлен в моей правильности.

16.10.1944

Долго я простоял в кабинете начальника штаба, где собиралось совещание, в ожидании разрешения выйти, но командир полка не отпускал. А я не решился вторично напоминать ему об этом. Наконец ПНШ–1 сказал мне, чтобы я вышел. Я обрадовался его идее и незаметно выбрался из комнаты.

На другой день Антюфеев придумал новый трюк, который, наконец, удался.

Вечер. В резерве дивизии. Сейчас все выезжают. Село Купичи.

Командир полка, когда я сказал ему о намерениях Антюфеева, согласился, было, оставить меня в полку и сказал даже начальнику штаба об этом. Но когда я его вторично попросил, он отклонил мое желание, и я решил не добиваться больше. Так я попал в дивизию.

Майор Ладовщик, которому я дал посмотреть чернила, не отдал мне их, а когда я стал добиваться, часа два заговаривал мне зубы, танцевать меня тянул. Нахальный он человек до невозможности. Сегодня, например, забрал у одной санитарки часы, а когда та стала требовать их назад, грубо вытолкнул ее. Но черт с ними со всеми. Главное – писем жалко!

Напоследок написал песню о 902-м полке. Пусть поют солдаты! Может, в песне найдут отраду и справедливость...

17.10.1944

Село Нири.

Саша Лобковенко устроился в транспортную роту командиром взвода. Теперь и мы втроем возле него.

Ночевали в деревне. Дивизия уже выехала, но транспортная рота еще на месте. Полагают, что мы будем действовать в Чехословакии. Я этого очень желал.

Капитан Романов и лейтенант Султанов жалеют, что не попали в армейский резерв – там лучше, говорят они. Но я – нет. Моя единственная цель – быть на передней линии и заслужить хотя бы один орден, о котором так мечтают глупенькие девочки, и без которого на меня будут смотреть с презрением не знающие цену ему на фронте люди тыла. Что я смогу ответить им, чем смогу оправдаться? «Ты не воевал!» – скажут мне, и это будет внешне выглядеть правильно. Но в действительности... Какой парадокс!

Все эти пархоменки и полушкины... и др. – они, которые не знали ужаса, не видели смерти такой, какая она есть в бою. Все эти люди,

которые лишь пропивали государственные деньги и жили в свое удовольствие, не испытывая ни разу даже чувства патриотизма и не понимая в настоящем смысле, что такое любовь к Родине, к народу, к человеку – они выйдут героями из войны; будут – и уже увенчаны лаврами патриотизма, героизма, самоотверженности. Но все-таки все их ордена и медали, все их незаслуженные чины и отличия не стоят гордой, пусть пустой подчас, груди настоящего воина, сына своего Отечества, который верой и правдой, кровью и жизнью своей послужил и не устает служить своему народу. Не хочу я славы этих людей – лицемеров-шкурников, рвачей, лишенных и тени совести. Но, все-таки, одна награда – скромное и вполне заслуженное желание мое.

Смотрю на природу и вспоминаю. Темно-густые леса с чуть сероватым туманцем далеко раскинулись вокруг и, кажется, нет им конца и предела! Но теперь эти леса не привлекают моего внимания, как вначале. Теперь мой взор не загорается восторгом, и в глазах не рябит от их зеленого бархата. Я привык, пожил в лесу, подышал его сосновым запахом и вдоволь насладился его высотой и величием. Хочу перемены и без тоски покидаю эти места.

Ночь. Без пяти минут восемь. Немного тряхнул. Хозяйка скупа, без денег не соглашалась нам дать. Николай предлагал ей гимнастерку. Неуклонно она продолжала стоять на своем. Тогда я вынул свою последнюю сотню. Пол-литра на троих – конечно, слабая штука. Закусили.

Перед этим, еще при дневном свете, познакомился с девушкой на одной квартире. Она 1926-го года. Хотел у них остановиться, но там находился один лейтенант, и отпала всякая необходимость и даже возможность для этого. Второй раз пошли туда вместе с Николаем Султановым. Он увлекся меньшей сестрой (1929-го года), я, конечно, старшей. В этот день я был смел как никогда. Началось с фотокарточек. Мать не возражала, даже когда Катюша называла меня Вовочкой и вообще, казалось, была безразлична ко всему. Подробности завтра, но я решил ее поцеловать, взять под руки. Ведь никогда еще я не умел и не смел делать этого. Попросил девочек проводить нас. Мать, к моему удивлению и радости, сама помогла в этом деле и сказала Кате, чтобы та проводила нас до соседей и показала их квартиру, в которой, по ее словам, мы смогли бы переночевать.

Дорогой, как только мы вышли из квартиры, я взял ее под руки, потом обхватил за талию. Наконец, стал целовать в щеки, шею, лоб, губы. Все лицо исцеловал, но мне не показалось это вкусным. Почему – не знаю.

Люди, особенно поэты, считают поцелуй самой великолепной вещью. Я первый раз целовал девушку, не считая Оли, и разочаровался в этой процедуре. Катюша – не поганая штука, но, тем не менее, даже

поцелуй в губы не произвел на меня должного впечатления. Она не противилась, но сама не целовала первая и только открывала или смыкала губы для поцелуя. Самое нежное во всей нашей встрече – это прикосновение моей головы, лица к ее мягкой, ласковой шее и рук к еще не вполне развившейся груди. Руки у нее были жесткие, хотя маленькие, женские, но измученные работой.

Когда еще днем я пробовал ей помочь молотить зерно, то показал свое неумение, что, вероятно, вызвало у нее смех в душе. Катя – жемчужина, выросшая среди чертополоха. Жизнь ожесточила ее своею требовательностью и суровостью. Она так хочет жить! В ней много любви, и поэтому даже поцелуй незнакомого ей человека явился для нее неожиданной радостью. Я был возбужден, но не решился сделать последнюю попытку, совершить подвиг, о котором мечтают, и который так часто практикуют мужчины.

18.10.1944

Вот сегодня выпил неплохо. Водка крепкая. Говорят, что я пьян, но нет, это впустую. Кляксы... это неплохое дело. Люблю кляксы, как люблю природу. Когда напился, так хорошо становится на душе и тепло, и весело, и сердце радуется, и душа поет. Тогда забываешь обо всем на свете.

Чернила разлил. Чем я буду писать? Горе мне, и только! Люблю правду и пишу правду. Люблю [много] и хочу уметь писать. Мне сказали: «Закрой дневник и не порть его» (капитан Романов), и решил [*одно слово нрзб*] закрыть дневник, чтобы его не испортить, не имею промокашки. Пьяный бред, сумасшедший бред, бред умалишенного по причине выпитой самогонки (капитан Романов). А кляксы наставил. Даже в школе это недопустимо.

Сам знаю, что ерунду написал, но иначе не могу. А писать люблю. Лейтенант Султанов говорит: «Пиши», а капитан не разрешает. Мне неудобно быть неграмотным, но я не умею держать себя, и поэтому мне все безразлично. Султанов, они говорят: «Пиши про себя и заткнись. Надоело».

Сильно подвыпил, дорогой сильно занемог и насилу волочил ноги. Чернила перелил еще на квартире, где выпил. К счастью, догнала нас подвода. Лучше всех держался капитан [мин. полка] и почти не отставал от меня. Он всю дорогу чудил. Видно было, что и на него повлияла водка. На подводе вырвал, и стало легче, но все-таки тошнит еще.

19.10.1944

Районный центр Волынской области. Местечко Мацеев[166].

Идет сильный дождь, и я решил укрыться от него в райпотребсовете[167] – «Райспожилспілка», как зовется это учреждение местным

населением. Подводы транспортной роты далеко уехали вперед, но мне все равно, ибо я мечтаю доехать до Любомля[168] машиной.

Секретарь здесь очень красивая и толковая девушка. Она 27-го года. Но красота ее изумительна. Какое чистое, белое лицо, какие широкие брови и ясный, открытый взор! Она напоминает во многом Иру Гусеву, но гораздо красивее ее.

Город Любомль. Неожиданно мне подвезло – чудную девушку встретил я здесь. Она невысокого роста, фигура у нее хорошая. Образованная, умная и вся кипит, дышит жизнью. Они сами нас зазвали к себе. Николай решил, что он имеет право претендовать на ее расположение. Я держался, старался сначала не выдавать своих чувств.

Село Пища. Вспоминаю свой сегодняшний «подвиг».

Я не хотел идти на квартиру, куда меня звал Николай, но он настоял на своем. Девчата, предложившие свои услуги, показались мне на первый взгляд неинтересными и слишком молодыми. Они не привлекли меня. Лишь только войдя в квартиру, я обратил внимание на карие глубокие глаза, на высокий нежный лоб, на слегка розоватые щечки и мягкую красивую фигурку одной из них. Между тем Николай начинал заигрывать с девушкой – хозяйкой квартиры; с той самой, чьи нежные женственные черты привлекли мое внимание. Я решил не мешать ему, но получилось совсем иначе, нежели я ожидал. Клава – так звали девушку – обратила на меня все свои ласки-взоры, и я не выдержал, стал с ней разговаривать, подсел к ней ближе. В процессе нашего разговора все больше и больше вырисовывалось мое преимущество в глазах Клавы. Симпатичные девушки были явно на моей стороне, и через несколько минут она целиком увлеклась мною, моими стихами и, казалось, совершенно не замечает моего Султанова. Николай долго пытался сдерживать перевес над ее чувствами. Однако, «мой девушка», «харош девушка» думала совсем по-своему и дала Султанову понять, что не расположена к нему. Он помрачнел, насупился, и когда случайно мы встретились с ним глазами, он, сжав кулаки, метнул сердитый быстрый взгляд. Затем он углубился в чтение. Я не понял его мыслей и решил, что он не особенно интересуется Клавой. Пододвинул к ней ближе стул и почувствовал ее легкое, горячее дыхание. Впрочем, тело ее имело какой-то специфический запах. Моя мама тоже так пахнет, и это сделало Клаву чем-то родней, ближе для меня. Впрочем, имя ее мне не особенно нравится, ибо оно связано с воспоминаниями с уродливой Клавой Тимченко, ставшей со своей любовью в 8-м классе на дороге мне к сердцу Тамары. Но это дело прошлого, и потому не явилось серьезной причиной моему сближению с девушкой.

Я твердо стал на дороге, ранее казавшейся мне столь запретной и святой. Взял ее за руку, потом за плечи, прижал к себе. Она не предпринимала сама никаких шагов навстречу моим желаниям, но и не отклоняла моей нежности. Я становился смелей и азартней.

Но Николай неистовствовал – нужно было с ним объясниться. Мы вышли, испросив разрешения у девушек. Не помню слов, которые мы употребляли в нашей беседе для взаимного объяснения чувств, но, во всяком случае, знаю, что ни слова матерщины не вылетело из моих уст. Однако разговор, очевидно, был очень бурным, ибо из комнаты вышел капитан Романов и предупредил, чтобы мы осторожней были в выражениях, после чего мы постарались быстрей закончить разговор. Вошли и встретили укоризненный взгляд Клавдии.

– Вы о чем говорили?

Я не мог ей передать содержание нашего разговора и потому поспешил замять этот вопрос. А Николай говорил о своей ревности, хотя и немного замаскировано, но вполне для меня понятно. Он был смешон в своих претензиях ко мне, и я открыто заявил ему об этом. «Если она расположена к тебе больше – пожалуйста, я уступлю тебе дорогу». Эти слова я передал и Клаве, но она поспешила лишь заявить, что ко всем одинаково расположена. Тем не менее я и мои друзья хорошо видели действительное положение вещей.

Галя, другая девушка, тоже было пробовала начать со мной «разговор» и даже предложила сесть возле нее, но я, даже сев рядом, не очень-то сентиментальничал с ней, и она поняла, что все напрасно.

Капитан вышел с Галей прогуляться, а я тем временем все больше наслаждался женственностью и теплотой моей девочки: гладил ее руки, шептал нежные речи и прижимал свои губы к ее телу. Николай молчал, был сердит, и когда капитан пришел, решил оставить нас самих. Галя, однако, сразу после ухода Николая легла спать, и капитан тоже оказался в «положении». Самым счастливым оказался «юноша», по словам капитана.

Ко времени нашего знакомства с Клавой я зарос и выглядел отнюдь не свежо, мне думается. Моя щетина, очевидно, сильно колола. А Клава – о, это олицетворение нежности и блаженства! Я не помню, как я ее обнял, как я впервые поцеловал ее, как ласкался к ее мягкой груди, к ее нежному приятному лицу, к ее лбу, но помню, что это было. Я был пьян душой и телом.

Но вдруг влетел Николай.

– Пойдем, Володя, пойдем, товарищ капитан! – сказал он.

Капитан вышел, с ним поговорил, и потом они вместе вошли в комнату и стали собираться. Я недоумевал, но, тем не менее, поспешил собраться. Клава на прощание сунула мне свой адрес, и я вышел

с Николаем. Клавдия проводила меня на крыльцо, и я вытянул свои губы для поцелуя. Но лишь только мои губы коснулись ее, как она оттолкнула меня красивым жестом гордости.

Николай привел меня на квартиру, которую он нашел после своего ухода. Капитан не хотел оставаться и решил вернуться к девушкам. Тогда и я решил последовать его примеру, тем более что уходил я только из-за предчувствия чего-то недоброго, ибо капитан оставался – проверял телефон, смотрел открытки.

На улице капитан вдруг сказал, что это очень честные и далеко не развратные девушки; свои, тем более с родных мест, и с ними нужно быть вежливым и не позволять себе вольностей, как с «хохлушками». Я поверил и, когда вернулся к Клаве на квартиру, весь отдался своему чувству. Одно мне не нравилось, что они употребляли в своей речи нецензурные слова и выражения, но это было нахватано где-то, почему-то казалось им криком новой моды. Капитан, правда, заметил им, что «хватит, что мы прибавляем к своей речи различные "крепкие слова", а девушкам это излишне и не идет», я старался не замечать этого.

До поздней глубокой ночи я ласкался к ней, Клаве, и целовал ее. Даже когда она легла в постель. И, странное дело, такая маленькая, 1925-го года рождения девочка, обладала таким морем любви и блаженства, что я окунулся в него с головой и чуть было окончательно не потонул в нем. В этот день я был пьян, как и накануне, от водки. Однако я не любил Клаву, как должно любить настоящей любовью, а только наслаждался ее нежностью.

Как бы в подтверждение своей девственности Клава легла с Галей, а мне постелила с капитаном отдельно. Я плохо спал ночью и наутро поднялся и сел на койку. Тогда Клава позвала меня к себе, а Галя предусмотрительно уступила мне место. Я лег сначала сверху на одеяло, а потом, осмелев, забрался и в середину. Вот тут-то и началась самая золотая пора. Уж я-то ее обнимал и целовал, и прижимался к ее груди! Как было трепетно моему сердцу. Оно и сейчас, когда я (22.X.) дописываю свои воспоминания, трепещет и жарко бьется, чувствуя, что та минута, увы, безвозвратно потеряна мною.

Клава тоже меня обнимала, целовала и остро смотрела мне в глаза своим задорным, но ласковым девичьим взглядом. Я не помнил, что делал. Полез ей за пазуху, вынул грудь и начал целовать, обнимать и прижиматься лицом и губами. Гладил и трогал пальцами соски, теребил подмышками. Она нисколько не мешала мне и не сопротивлялась, даже не стыдилась меня. У меня все нервы были возбуждены, но я так и не решился на большее, самое запретное, хотя Николай и капитан потом стыдили меня и ругали, а Клава, не знаю из каких соображений, назвала «мордочкой», а потом «юношей» и даже «бабой».

Клава ушла на работу, и обстоятельства помешали нам – мы хотели сфотографироваться и быть у нее еще ночь.

21.10.1944

Томашевка. Возле регулировщика ожидаю. Отсюда до Владова – пять километров.

Дорогой окончательно разругался с Николаем. Он безумно глуп и все время пути нашего от Любомля не переставал ругать и рисовать самыми мрачными и непривлекательными красками Клаву и все наше знакомство. Конечно, он ревновал и завидовал, но я ведь не виноват, что девушке он не нравился. Он хотел драться даже со мной, но я не такой горячий и предпочитаю с людьми, подобными Николаю, лучше не иметь дела. Решил ехать отдельно, тем более что капитан предпочитает его сопутствие моему, ибо Николай пропивает буквально все, что имеется у него из вещей. Но этого мало было. Он пропил и мои вещи. Стиральное мыло, оба куска туалетного. Мне, например, с ним очень разорительно было ехать. Вчера он даже мою рубашку хотел пропить; обещал, что отдаст, но я ему не верю. Плащ-палатку он куда-то положил на подводу и говорит, что сам не знает ее местонахождение. Опять же для того, чтобы пропить.

22.10.1944

Польша. Село Ганна.

Вчера расстался с Николаем и капитаном Романовым. Они пошли, а я остался на почте. Там написал несколько писем. Продавали почтовые открытки, а денег у меня не оказалось – я обанкротился в дороге. Надо было найти выход из положения. Тогда зашел в первую же попавшуюся хату и предложил хозяину свой помазок и мыло. Просил 20 рублей, но тот торговался, и я уступил ему за 15. Все деньги вернул за открытки, но пришли еще какие-то майоры-медики и стали требовать, чтобы им тоже отпустили открыток. Вынужден был купить только 50 открыток на десять рублей. Пять рублей осталось в кармане.

Через границу переехал с этими майорами – у них было командировочное предписание, три машины, люди и имущество. Однако у пограничного столба люди, с которыми я ехал, указали на меня, что я сел в дороге к ним. К счастью сумок не проверяли, а только документы, но так как по этому пути ехала вся дивизия, меня сразу же пропустили.

Во Владове везде были наши. Натолкнулся на Пятерку. Там у меня были знакомые из офицеров и бойцов, и они указали мне, где штаб дивизии. В оперотделе застал Щинова, топографа и других. Щинов уже майор.

– Здравствуйте, старший лейтенант, – сказал он мне, но сразу запнулся – увидел, что лейтенант.

– Меня не повышают, – объяснил я ему и рассказал мою историю со времени направления в 902-й.

– Ты неисправимый. Когда же ты начнешь воевать? Вот увидишь, попадешь в стрелки, а там тебя убьют.

Я ответил, что больше в стрелки не пойду, но его слова обидны мне стали, и сердце мое екнуло от боли. На груди у Щинова две звездочки и орден Отечественной войны. Он-то себя считает воякой и мне, который непосредственно на передовой находился и будет еще находиться, заявляет: «Когда ты начнешь воевать?» Но у меня грудь пуста, и он прав. Узнал маршрут и вышел.

Магазины переполнены, все в них есть. Вынул свои деньги и хотел купить несколько карандашей: стоит 40 рублей, а лист бумаги – 25 рублей или злотых. Я спрятал свои капиталы и решил поскорее убраться из города, чтобы не умереть от голода, который предстоял мне здесь. Однако уже на окраине вспомнил, что я без сумки с дневниками. Вынужден был вернуться в оперотдел. Щинов меня встретил на улице и укоризненно покачал головой. Вот она, моя рассеянность, к чему приводит! Но, к счастью, сумка оказалась на месте, и я, довольный ее возвращением, без оглядки поспешил на дорогу маршрута.

Дивизионного банка тоже не было. Я был почти нищий, если бы не две звездочки на погонах, которым здесь оказывали большое предпочтение.

На дороге за городом остановился возле наших машин. Они должны были с минуты на минуту отправиться, но сами шофера не брали, и надо было подождать майора – начальника колонны.

Вдали вырисовывался оставленный мною город с польским названием, с красивыми полячками, гордыми до омерзения.

Мне вспоминается еще в Западной Украине встреча с одной полячкой-старухой. Ей было 70 лет, она была без зубов, и морщины безобразно сплюснули ей лицо.

Мы вошли втроем к ней на квартиру, и нам сразу бросился в глаза вывешенный в центре комнаты на стене большой, золотом вышитый герб польский.

– Что это? – спросили мы.

– Это герб Польши. Жечь посполита[169], – высоко подняв голову, ответила она. – Я обязательно поеду к себе на Родину, в свой край.

– А здесь вы давно живете?

– Здесь я родилась, но моя Польша – там, – указала она гордо. – Здесь моей Польши нет, здесь чужой край.

Мне было противно, и я постарался поскорее уйти оттуда. Капитан сказал, что ее мысли и спесивая гордость нас не должны огорчать, нам важно уже то, что она нас покормила и приняла по-человечески.

Во Владове и в других местах польские солдаты и офицеры первые приветствуют нас. В их приветствиях хорошо заметно то униженное достоинство и подобострастие, которое они испытывают перед нами. Вся Польша наводнена польскими войсками. Они всюду есть и в городах, и в селах, и везде они первые приветствуют, даже младших себя по званию. Я не приветствовал их первый. Чувство законной гордости своей армией, народом и ничтожество этих петушиных манекенов: разукрашенных солдат и офицеров, барышень и даже глубоких старух, мужчин всех степеней и рангов. Я презираю этих глупцов, чья зловредность явилась во многом причиной той войны. А теперь они, поляки, вооруженные до зубов, расхаживают по тылам – не воюют. Очень ничтожная часть их на передовой. Призывают здесь только молодых, от 18 до 35 лет, а может и того же круг призывного возраста поляков.

Эта часть Польши, где много русских и украинцев, хорошо еще, за некоторым исключением, нас встречает. Но туда дальше – звери и русскоменавистники. Евреев тоже здесь не любят и открыто называют «жидами» – так принято здесь. Еще бедные люди, особенно русские и украинцы, те так-сяк, сочувствуют даже им, но поляки... те со скрежетом зубов отзываются о евреях.

Мне рассказывали о женщинах: они заманивали наших бойцов и офицеров в свои объятья, а когда дело доходило до постели, отрезали половые члены бритвочкой, душили руками за горло, царапали глаза. Безумные, дикие, безобразные самки! С ними надо быть осторожней и не увлекаться их красотой. А полячки красивы, сволочи.

Здесь в деревне я один. Долго разыскивал украинцев, чтобы у них стать на квартиру. Но и это было опасно. Я рискнул, ибо без оружия меня бы быстро сумели отправить на тот свет. К счастью, хозяева хорошие и с уважением и любовью отзываются о русских. Я ночевал здесь, и кормили они меня почти «от пуза». Живут они не особенно хорошо, но и не плохо, однако жиров у них нет. Солдаты наши ходят, молока просят, самогонку, воруют лошадей, скот, и вообще движение армии сопровождается слезами и причитаниями жителей. Немцы хуже делали, но и нашими славянами в этом отношении здесь недовольны. А ведь здесь глубокий тыл, польская администрация и совсем чужая страна. Польша, где не прощают и вредят.

О партизанах тоже здесь отзываются с неприязнью; говорят, что партизаны грабили население.

23.10.1944

В Ганнах хорошо провел ночь. Утром плотно покушал и взялся за писанину. Хозяева очень добрые и уважают русских. Мне они дали

несколько карандашей и бумаги два-три листа. В Польше это большая доброта. Карандаши, правда, разноцветные, а бумаги на один раз хватит едва ли, тем не менее здесь это редкость.

Когда я собрался уходить, в комнату вошли девочки деревенские. Они очень мило разговаривали. Одна из них была красива, и я решил подождать, остаться немного в Ганнах. Имя самой красивой было одноименно с названием села – Аня. Она попросила у меня [*продолжение отсутствует*].

24.10.1944

Колония Горбув. Дорогой сюда встретился с Галаем. Я ехал на подводе местного жителя и, узнав, поприветствовал Галая. Большую ошибку сделал, ибо это обратило на меня его внимание. Он остановил машину, пальцем показал, чтобы я шел к нему. Подбежал, доложил.

– Куда идешь? Почему сам? Сукин сын ты! П... ты, х... моржовый!

Слыхал я от него матерщину, но такую – впервые. Я молчал, ибо знал, что с генералом, особенно таким, как Галай, лучше не разговаривать. Между тем комдив продолжал.

– Лодырь ты. С гражданскими едешь. Не стыдно ли тебе? Эх ты, разгильдяй, – и, махнув рукой, закрыл дверцу машины.

– Как фамилия? – спросил он в заключение.

– Гельфанд, – ответил я, и машина тронула.

Переждав, пока она скроется на горизонте, я снова сел на подводу. Однако мне не везло. На пути опять столкнулся с машиной Галая; правда, не доезжая до нее, спрыгнул с подводы и спрятался за дерево. Однако кто-то из его спутников заметил и указал пальцем на меня. Галай посмотрел, но не стал предпринимать чего-либо в отношении меня и после пятиминутного моего ожидания под деревом уехал вперед.

Еще раз я встретился с машиной Галая в одном из сел, где была Пятерка, но поспешил обойти ее как можно дальше огородами. И, наконец, в последний раз в течение дня к моменту моего прихода в село, где расположен штаб дивизии.

Перед этим зашел в одну хатку и, будучи очень голоден, попросил у хозяйки за деньги дать мне чего-либо поесть. Она сначала говорила, что наших денег в Польше не принимают, но взяла последние мои шесть рублей и налила мне супу – чистую водичку, причем даже в хлебе отказала, оправдываясь словами, что раздала его бойцам. Села есть рядом. В то же время налила себе довольно-таки густой суп, положила пюре картофельное и вынула свежий хлеб. Я бросил суп и, не попрощавшись, вышел из квартиры. Вот она, приветливость поляков!

В Польше много лесов. Они густы и зелены, но принадлежат не государству, а отдельным лицам. Земля – тоже: вся огорожена и по-

делена на части, на хозяйства. Встречал и больших, и малых хозяев; видел, как в поте лица работают бедные, но молодые и красивые девушки и парни на какого-то уродливого, но богатого старика-пана. Как гнут спину старики и дети, мужчины и женщины, и все-таки все они хвалят работу.

Хозяйка постелила постель и, толкнув меня за руку, предложила: «Товарищ спать хоче?!» А ее мальчик заметил: «Товарищ еще пише», между тем как самая маленькая дочь бормочет себе под нос «пан, пан». Очень любопытно. Здесь иначе ведь не называют, чем пан, и вдруг им приходится ломать язык на какое-то «товарищ». Мне, например, трудно называть поляков «панами», ведь на самом деле все они простые трудящиеся.

– Пан шиско пише, бо умее писать.

– Он люмбже пшигляндать на войско, на самоходы.

Село Грудск. Хозяева дома, где я остановился, – настоящие трудящиеся-бедняки. Это действительно люди добрые и приветливые. Если бы такие были все в Польше, то лучшего не нужно было и желать. Они жили в городе. Бедняки. Даже хлеба утром у них не было, а продуктов едва-едва хватает. С топливом тоже у них трудно – покупать не за что. Тем не менее они последним со мной делились, и я на них не могу обижаться.

«Друзья» мои поступили так подло и неблагодарно, что даже охарактеризовать их действия трудно. Все мои продукты и даже доппаек[170] они получили и скрылись неизвестно куда, оставив меня голодным. Естественно, они выпьют хорошо и повеселятся. А я-то... Бог с ними! Однако прокурору придется пожаловаться. Ведь они набрали продуктов дней за десять: допсахар, консервы, печенье, табак, хлеб и прочее и прочее. Так-то оно, друзья!

Денег в банке мне не дали. Кассир в дивизии тоже отказал мне в зарплате, мотивируя наличием закона, запрещающего держать резерв при полку и дивизии и в особенности выплачивать деньги.

– В СССР получите по вкладной книжке, – повторил мне те же слова кассир.

Писем, однако, получил много – девять штук; на одно письмо меньше, чем написал.

От Бебы Койфман получил милое письмо, на которое надо дипломатично, подумавши, ответить. Немного, однако, непонятно она выражает свою мысль и говорит, как бы оправдываясь, о своем увлечении, точно она передо мной виновата: «Мне 20 лет, и могу же я хоть чуть-чуть увлечься». Очень забавно получается – она извиняется передо мной за свое увлечение. Теперь я вижу, что ее рассуждения ис-

кренни, и ей обязательно следует выслать фотокарточку. Только напишу ей, что ее фотокарточку не получил, – пусть еще одну вышлет.

Ире Гусевой ответил уже. Ее письмо чрезмерно сдержанно и сухо, хотя и немедленно она ответила на мое.

Мама обрадовала: оказывается, она хочет сближения с папой! То-то новость для меня!

Аня Лифшиц пишет очень грамотно и очень хладнокровно, без души как будто.

Софа Рабина хочет писать «учено», но у нее не получается. Неужели она будет иметь успех в литературе и даже займется научной работой в одной из ее отраслей? Ведь у нее очень наивные и неотесанные мысли и тупые слова. А помню ее в школе очень толковой и грамотной девушкой. Или несоответствие мыслей на бумаге и в живой речи? Вряд ли такое допустимо.

Тетя Аня коротко пишет, тетя Люба – тоже. Мои открытки доставили всем двойное удовольствие.

Сегодня пришел в село, где находится штаб дивизии как раз перед его отъездом.

Добрался разными путями: и пешком, и на подводе, и машиной. Но с одной машины пересел на другую. Полушкин не хотел брать. Сел исключительно с помощью майора Щинова. На дороге, однако, этот подлец Полушкин дважды пытался ссадить меня, а когда приехали на место, рассказывал о моем письме, которое невесть каким образом попало к нему (речь идет о письме по поводу безграмотности газеты «Кировец»). Теперь понятно мне, почему майор Щинов даже не обернулся ко мне лицом, когда я зашел в оперотдел, где он играл в шахматы: ему все известно. Обидней всего, что невежда Полушкин назвал мое письмо неграмотным, а еще более обидно, что оно к нему попало в руки.

Солнце спускается. Минут двадцать назад прибыл в село Домброва. Квартиру себе выбрал как всегда в стороне от села. Сюда никто не придет, и я себя буду чувствовать свободно, особенно потому, что подальше от галаевского гнева.

Начальник отдела кадров капитан Лысенко тоже ругался и грозился, что мне попадет, что я шляюсь самостоятельно.

– Почему не в полку?

Я рассказал ему, что капитан Романов дал аттестат в АХЧ и передал мне, что нам разрешили находиться в дивизии.

– Вам приказал НОО дивизии, а вы слушаетесь какого-то капитана. Вам попадет!

– Но я ведь не дурак плестись пешком, ноги бить, когда в этом нет абсолютно никакой надобности.

Завтра последний раз наведаюсь в штаб дивизии с тем только, чтобы устроить свои некоторые дела: получить деньги, продовольствие, письма. И больше меня не увидят здесь – буду с транспортной ротой двигаться.

«Пан!» – интересное дело! Еще ни разу не был паном и вдруг сделался им. Как-то режет слух это наименование. Видел сегодня настоящего барина-пана и чуть не засмеялся: живой, толстый, тот самый, которого я видел до этого только на картинках. Настоящий Мистер-Твистер, каким его рисовали в детских книжках[171]. Он стоял в одном городе, который мы проезжали, и о чем-то рассуждал, сильно жестикулируя.

Польские деревни и города очень красивы издали. Надо всеми строениями величественно господствуют церкви у въезда в населенный пункт. Обязательно красуются великолепной отделкой (архитектуры) дома. Внутри, однако, огромное несоответствие с внешним видом резко бросается в глаза.

О церквях. Здесь веруют все. И неверующих бойцов, и командиров наших сразу безоговорочно называют коммунистами. Это тоже характеризует убогость мысли среднего поляка.

Сегодня спутницами мне к одному из сел оказались красивые полячки-девушки. Они жаловались на отсутствие парней в Польше. Тоже называли меня «паном», но были неприкосновенны. Я одну из них похлопал по плечу нежно в ответ на ее замечание о мужчинах и утешил мыслью о поездке в Россию – там-де много мужчин. Она поспешила отойти в сторону, а на мои слова лишь ответила, что для них и здесь найдутся. Так мы не договорились. Попрощались пожатием руки. А славные девушки, хоть и по́лечки.

В городе Бела-Подлески[172] разыскал банк. Однако оказалось, что деньги выдают в нем только по особым документам.

– Где же можно будет получить деньги, наконец? – спросил я кассира.

– В СССР, – ответил он, и я сразу почувствовал, как это тоскливо, что я за рубежом. Сердце скинуло от его слов.

Наши войска покорили уже три столицы европейских государств; одну освободили целиком – Белград, одну наполовину – Варшаву и возле одной – Будапешта – близко очень находятся. Теперь наши части дерутся на территории Германии. Перед нами – последний путь на последнюю столицу – Берлин. Успехи Красной армии велики. Сегодня впервые читал оперативную сводку за вчерашнее число о действиях наших войск на фронтах. Полностью очищена вся территория [Клайп]еды, за исключением самой одноименной столицы[173].

25.10.1944

[*Начало записи оборвано*] выгоню – заключил он и тоже отошел прочь. Я, тем временем, скрылся из виду.

Попасть на машину мне удалось, только когда солнце спряталось на горизонте. В пути нас остановил генерал-майор Галай. Двигалась колонна. Это оказался 902-й сп. Я быстро слез с машины и переждал, пока пройдет весь полк. Видел и почтальона, и Ксеника, и всех, однако писем не получил. Почтальон говорит, что передал их в дивизию. Потом машина обогнала колонну, и я приветствовал полк, стоя на ней.

Поздно ночью пришел в местечко Писча. Вошел в один дом на главной улице. Хозяева посоветовали пойти мне в дом по соседству, к девушкам – там есть, где ночевать, и весело будет. Я увлекся этой идеей и ушел [из] того дома. Однако у девочек было полно гостей, а все другие дома оказались к тому времени занятыми. Обошел все село, трижды заходил в комендатуру и когда я сильно устал, а вся эта канитель мне надоела, решил пешком уходить из этого неприветливого села.

Дорогой ехали две брички, и я пошел за ними следом. Возле регулировщика спросил дорогу на Горбу.

Вместо регулировщика ответил другой голос: «Влево, влево иди!»

Мы опять встретились!

– Ах, это вы, товарищ полковник! – изумился я и поспешил свернуть влево. Оказалось, недаром, ибо он был в гневе и напал на старшину, ехавшего на повозке, когда тот сказал ему: «Что это за мудак кричит?!»

Полковник был, кажется, начальником штаба корпуса, но ругался он так матерно, что неудобно было слушать.

Старшина не хотел меня взять на подводу, и я решил искать себе ночлег. Набрался храбрости уйти в сторону от дороги и пошел прямо на огонек, который тускло мерцал в лесу. Километра три от села отошел. Дом стоял одиноко рядом с лесом, что усугубляло опасность. Но я решил опять рисковать, ведь судьба до того не раз выручала меня. Не все люди способны на убийство, на подлость.

Постучал. Хозяин дома вышел из квартиры и долго расспрашивал, откуда я, сам ли, или есть ли еще военные и т. д. Наконец он разрешил заночевать у себя. Я был голоден и сердит, но ужин не удовлетворил меня: хозяева налили мне миску борща, которой в основном был из капусты и имел в себе немного юшки[174]. Юшку я выпил, но капуста была мне противна. Тогда мне налили полстакана молока. Явно это делалось ценой больших усилий. Спать постелили на соломе, причем укрыли эту солому каким-то рядном[175]. С тяжелым предчувствием чего-то недоброго лег я спать и дважды за ночь просыпался.

Наутро проснулся рано и хотел, было, начать писать, но не пришлось – хозяева опять мне дали полстакана молока и немного картошки. Я поел, и тогда у нас завязался разговор.

Хозяева выявили передо мной целиком свои реакционные взгляды. Они, например, говорили о том, что немцы для них лучше, чем мы; утверждали, что те не накладывали на них таких налогов, не брали для армии столько зерна и даже платили сахаром и жирами, если брали что-либо.

– Сталин дал немного зерна для жителей Варшавы, но это зерно он отобрал раньше у населения еще в большем количестве. Мы не считаем, что Красная армия освобождает нас – она несет нам другой гнет, еще более тяжелый, чем немецкий. Новое правительство народ наш не признает – это предатели. Поляки смеются с люблинских ставленников Сталина, и они не допустят, чтобы те стали у власти. Вы пришли к нам с оружием, потому что сильнее нас. Если бы мы смогли, мы бы не пустили вас к себе, но те поляки, которые сейчас стоят у власти, предали интересы нашей Польши[176]. У нас привыкли свободно рассуждать, были даже специальные журналы, которые критиковали правительство (мне показали журнал), но все-таки мы любили наше правительство прежнее и сейчас с уважением относимся к нему (портрет Сикорского[177], который до сих пор хранится у хозяев, – наглядная иллюстрация). Почему ваша страна закрыла для нас границу? В другие страны мы ехали легко и свободно, а к вам нельзя было. Вы закрылись от всего мира, чтобы он не знал о тех ужасах, что делаются у вас! И в то же время вы кричали на всю землю о своих достижениях и успехах. И не стыдно ли вам, такой большой стране, что вы не устояли перед немцами?

– Но, – возразил я, – теперь даже враги признают, что мы оказались сильнее Германии в этой войне. Союзники наши очень уважают нашу стратегию и тактику и даже держат специально военных советников наших при своих армиях. СССР спас мир от немецких разбойников.

– Ничего подобного. Вы допустили до того, чтобы заняли Польшу и другие страны, вы не смогли устоять, и только помощь союзников обеспечила вам успехи. Польша же сумела продержаться целый месяц[178]. Своей героической борьбой она дала вам возможность подготовиться к войне. Немцы только из-за вас пошли на Польшу, иначе они ее не трогали б. Но Польша очень мала, чтобы задержать таких сильных солдат, как немцы, и она уступила их натиску.

– Но Югославия, – опять возразил я, – она же еще меньше и почти совсем не имеет вооружения, однако она сумела организовать внутри себя такое сопротивление, которое затем переросло во всенародную

борьбу с врагами[179]. Вы вот сами говорите, что у вас каждый делает, как ему хочется. Каждый критикует, каждый покупает и продает и оружие, и продовольствие, кому хочет, даже врагу. В Польше нет сплоченности: один тянет в лес, другой по дрова. Смотрите, как наша страна, например, организовала отпор немцам: когда ей угрожала опасность, народ встал на защиту своих рубежей сплошной стеной. И победил. Франция тоже сильная страна, передовая в Европе, однако в ней не было единодушия, были предатели, и немцы ее захватили. Польша могла сопротивляться лучше, чем она сопротивлялась. Советский Союз помог бы ей, если бы она захотела этого.

– Она хотела. У нее границы были открыты.

– Да нет же. Вспомните, о чем договаривались с нами Англия и Франция перед тем, как мы заключили мир с Германией[180].

Разговор перешел на другую тему. О евреях. Я нарочно не говорил, что еврей, ибо хотел узнать их мнение по этому вопросу.

Хозяин мне показал немецкий журнал на польском языке. В этом журнале были сфотографированы руководители трех государств: СССР, США, Великобритании.

– Эти люди ввергли мир в войну, – пояснила жена хозяина (хозяин к тому времени ушел на работу). – В правительствах всех этих стран евреи находятся – и она стала показывать, кто именно. – Правительство Роля Жимерского[181] и ... тоже состоит из евреев. Эти люди с отвисшей скулой и красным носом хотят править нашей страной. Но никогда этого не будет! Однажды в Польше хотели поставить одного большого еврея-миллионера у власти, но народ протестовал, и его не поставили. У нас все зависит от народа!

О Ванде Василевской:

– Это детская писательница, она писала байки для детей, а Сталин сделал ее великой. Но поляки смеются с нее. Она – предательница, и ребенок пишет лучше ее.

О Буре:[182]

– Он хотел освободить Польшу сам. Мы не хотим, поляки, быть обязанными вам и платить вам своей землей за «освобождение». После войны вы заберете Польшу, но Англия и Америка будут хозяйничать над вами. Вы – глупые: для союзников вы – только пушечное мясо. Все равно у вас будет строй такой, как захотят они. Они имеют вооружение, людей, но они берегут свои силы. Они подставляют ваши головы, как подставляли раньше и теперь польские.

26.10.1944

Главным препятствием на пути наиболее благоприятного разрешения польского вопроса «служила в течение четверти века узко-

лобая авантюристическая политика польской реакции, занимавшей господствующее положение в Польском государстве и определявшей направление его политики» («Правда» по поводу итогов московских переговоров Черчилля, Идена[183], Сталина, Молотова 21 октября[184]).

27.10.1944

Вчера получил 20 писем, но сам написал только девять.

Сюда приехал ночью. Было очень холодно, и я не в состоянии был ехать дальше на машине. Люди хорошие хозяева и этой квартиры, но девочек моих лет или хотя бы для моего возраста здесь тоже нет. Как неудачен всегда мой выбор!

Султанов отдал мне лишь кусок сала и сахар – остальное, говорит, поел. Консервы, табак, печенье и прочее. Какой же он мерзавец! Я пригрозил ему прокурором, но он попытался запугать меня тем, что я с ним вместе пил. Палатку мою он тоже не хочет отдавать. Говорит, положил на подводу, а на самом деле пропил. Капитан Романов молчит, делает вид, что непричастен ко всему, но он-то – голова, а Султанов – лишь орудие желания капитана выпить.

Село Нова-Вещь, Повед Соколув, Варшавского воеводства. Здесь решил заночевать сегодня. На машину не попал. Прокатился на одной из попутных километра три. Ехало много свободных, но они не брали. Шофера, с равнодушным от благополучия и довольства лицом, отрицательно качали головой и еще увеличивали скорость машины, когда я просил их поднятием руки подвезти меня до места. Наши машины дивизионные тоже обгоняли меня в пути.

Подвода с груженным на ней мотоциклом следовала по тому же маршруту, что и я, и на ней я поехал.

Весь день на дворе стоял жгучий мороз. Всю деревню обошел, но везде под разными предлогами отказывали в квартире.

Только здесь мне оказали гостеприимство. Хозяйка очень внимательно отнеслась ко мне с самого момента моего прихода: она и ее молодая дочка стали делать мне комплименты, что я-де красивый, чернявый. Хела – так звать хозяйскую дочь – сразу в упор спросила меня, сколько мне лет. Я сказал и, в свою очередь, спросил ее о том же. Ей 19. Она интересна, но слишком высока, чего я очень не люблю. Однако попытался с ней поамурничать. Не получается. Тем более что случайно сюда попал Маженов и остался ночевать. Он со своими подходами...

Впрочем, и здесь он не преминул совершить подлость. Несмотря на то что я первый пришел в квартиру, он улегся в постеленную для меня постель и сказал, что со мною ему будет тесно. Решил не скандалить с ним и лечь на соломе. Подлецам всегда везет!

28.10.1944

Польша похожа на злого капризного ребенка, с которым нянчатся, из-за которого убивают много времени очень взрослые и очень серьезные люди. Видел я Польшу и, насколько мог, изучил ее нравы, быт и обычаи. Много внимания здесь придается внешнему лоску.

Жители ездят на велосипедах. Пешком редко ходят. Велосипеды здесь – предмет первой необходимости. Дороги все мощеные, дома очень красивые и большие встречаются. Если проехаться Польшей в качестве наблюдателя-интуриста, впечатление от этой страны может получиться весьма превратное от такого путешествия. А на самом деле искушенному наблюдателю, познавшему и другую сторону жизни и устройства Польши, открывается нисколько не привлекательная картина. Люди, обутые в зимний период в сандалии и лапти; лохмотья: шелковые, правда, изящные, но лохмотья, в которые они одеты; борщ из одного бурака и воды, который они едят; плуги, которыми они пашут. Методы обработки земли – вручную. Детская почти промышленность. Маленькие кирпичные заводики, фабрички. Жирные отъевшиеся хозяева-помещики и нищие рабочие и крестьяне – батраки, которым продуктов хватает едва на жизнь. Огромные магазины частников, недоступные из-за установленных в них цен на товары для основной массы польского населения. Большие серые деревянные кресты, так неприветливо открывающие вид на деревни у входа и выхода в нее. Деревянные дома даже в городах. Деревянная Польша!..

Косув-Лядский, Повед Соколув. Решил остаться здесь, хотя дивизия ушла далеко вперед.

Случилось так. В городе Косув я с Маженовым остановился перед одним магазином и заинтересовались его содержимым. Денег не было, и Маженов сокрушенно вздохнул. Стоявший неподалеку местный житель, слышавший наш разговор, подошел к нам и предложил зайти к нему, попить чаю. Маженов опять сказал, что от водки не отказался бы, но чаю не хочет.

– Можно и водки, – сказал человек и повел нас в квартиру.

Там нам налили чаю, принесли по два яйца. Но видя, что мы не прочь все-таки выпить немного, поставили поллитровку, потом другую, луку, яичницу, и пошло пированье. Выпил я, однако, немного – четыре стопочки; кажется, по 75 грамм каждая.

За столом выяснилось, что пригласившие нас к себе люди – евреи, бежавшие из концлагеря, так называемого лагеря смерти Треплинника[185].

09.11.1944

Хозяева попросили его им продать. «Мы покупим», – предупреждали они. Но мне было неудобно даже разговаривать об этом, и я

только смекнул напомнить, что нуждаюсь в тетрадях. «Хорошо, мы дадим тетради, – сказал старший сын учителя. – У нас их очень мало, но за табак мы не пожалеем бумаги».

Прошло, тем не менее, три дня, прежде чем после напоминания насчет бумаги ... мне вручил две тетрадки. Я ничего не сказал и даже поблагодарил его, но 200 грамм табаку здесь стоит 200 рублей, а две тетрадки – 60 рублей. Так что [*несколько строк нрзб*].

[*Лист порван – одна строка нрзб*] потому что в Польше каждый погряз в личных интересах, а у нас все думают не только о себе, но и о своем народе». Об украинцах учитель и его жена отзываются с ненавистью: «Они все предатели, и их нужно вешать». Но я решительно высказался против такого суждения и попытался доказать, что ни один народ нельзя обвинить в целом за преступления отдельных выродков.

– Сколько вы видели здесь украинцев-изменников?

– Тысячи!

– Вот видите, а украинцев 46 миллионов человек и [*лист порван – две строки нрзб*].

15.11.1944

Сегодня мне улыбнулось счастье неожиданно совсем в лице девушки, пришедшей сюда на квартиру.

Когда она договаривалась с хозяевами, я сразу изъявил свое согласие, чтобы она здесь поселилась. Хозяйка не совсем была довольна появлением девушки, но после настойчивых просьб ее согласилась пустить на квартиру.

16.11.1944

Наконец-то получил письмо от Клавы Плескач и, надо сказать, разочаровался в ней. Лучше бы она совсем не писала мне. Я любил бы ее страстно и уважал бы по-прежнему. Но теперь... Ведь она безграмотна ужасно, и в ее письме не видно того ума и глубины мысли, которые я в ней предполагал.

Хотел ответить на письма. Сегодня рекордное число – четыре. Как изменились времена, однако. Не так давно я получал по 10–15 писем в день, а однажды – 29! Но вот уже много дней, как я совсем ничего не получаю или одно-два письма в день.

Занялся сейчас составлением объяснительной записки для моей новой приятельницы-квартирантки, которую хотят исключить из партии по обвинению в сожительстве и пьянствовании. Подумать только, какое позорное обвинение для девушки! Однако она говорит,

что обвиняют ее несправедливо, и попросила помочь ей оправдаться. Я слабый и податливый, и сравнительно легко она меня склонила помочь ей[186].

17.11.1944

Второй день ни в клубе, ни на почте нет газет. Писем тоже не было сегодня, и я отвечал исключительно на старые. Скучно. Читать нечего, а писать неудобно, так как в доме теснота и шум.

Хозяева и их дети рассказывали мне польские анекдоты, из которых наиболее многочисленные и едкие – о евреях. Спели даже ряд песен польских, высмеивающих «жидов». Мне было неловко слушать, и глазам моим стыдно смотреть на этих «представителей интеллигенции», улыбающихся стремлению своих детей опорочить другую нацию, развивающих в них расовую ненависть и национальный шовинизм. Но что я могу поделать? Я в чужой стране и отвратительные обычаи и нравы этой чужой мне державы не могу критиковать открыто, хотя и изредка в деликатной форме я себе это позволяю.

18.11.1944

Вечером в ожидании обеда. Моя хозяйка с каждым днем все в большей мере проявляет по отношению ко мне свою мелочность и скупость. Сегодня, например, когда я стал умываться ее мылом, она подошла ко мне и предупредила, что мыло сейчас стоит 500 злотых и поэтому «я нихце, чтобы вы умывались моим мылом». Другой аналогичный случай – с одеялами. Сначала, когда я перешел в холодную комнату спать, она дала мне укрываться три одеяла, но на другой день одно забрала, а вчера лишила меня еще одного. Так что сегодняшней ночью я основательно намерзся.

Проявляя максимум терпения, я, однако, не оставляю своего намерения перед отъездом дать им понять, панам-учителям, насколько они противные и неприветливые люди и как не похоже их отношение на отношения наших граждан от края и до края моей социалистической Родины.

Девушка, поселившаяся со мной, ведет себя смелее и непринужденней. Она вызвала недовольство хозяев особенно тем, что иногда пользуется их вещами мелкого обихода: полотенцем, мылом, а сегодня по ошибке стала чистить зубы хозяйской щеточкой.

– Ей щетину надо дать, раз она не понимает, – шутили хозяйские сыновья после того, как возмущенная панна-хозяйка рассказала о случае со щеточкой, прибавив при этом, что придется прятать и запирать от нее.

Написал письмо в «Красную Звезду», которое явилось скорей копией моего письма в «Крокодил», чем самостоятельным сочинением.

Одно письмо написал маме. Больше некому писать, ибо мне никто не пишет.

Девушка, что поселилась в одном со мной доме, – чистая дрянь. Я весьма сожалею, что помог ей оправдаться перед ДПК, она этого не стоит. Грубит со мной и не хочет разговаривать, между тем как ежедневно по несколько раз подряд приходят к ней всякие мужчины: и трезвые, и пьяные, и под видом «больных», с которыми она непременно кокетничает и «мило» ведет себя.

Но что-то в моем сердце трепещет при ее появлении. Нельзя назвать Нину (так она именуется) красивой или умной, нельзя ее считать содержательной и солидной, несмотря на то что ей уже 23-й год пошел. Тем не менее она – девушка, а моя натура слабеет перед нежностью и теплотой молодой женщины и как наэлектризованная кипит и терзается от близости, но отчужденности от меня подобного мягкого существа. А впрочем, у меня хватит силы воли проявить известную твердость и долю гордости в отношении этой развращенной особы и не думать о ласках и нежностях ее тела. Этот товар мне не по вкусу. Особая порода животного, которое ни в коей мере не походит на человеческое существо.

Видел вчера фильм «Большая земля»[187] о работе нашего тыла, перебазировавшего промышленность из Ленинградской области и самого города на Урал. Картина мне показалась недоработанной. Сюжетная канва не до конца доведенной, в ней недосказано о [*продолжение отсутствует*]. Действующие лица, однако, живые и правдивые, но все их поведение становится непонятным и несколько бессмысленным, когда неожиданно обрывается сюжетная канва фильма.

20.11.1944

Вчера выехал из Мужичина. Хозяева на прощание решили быть до конца откровенными и высказали «наболевшее» Нине.

Был праздник артиллерии. Я маленечко подвыпил. Не хотел ссориться и молчал, когда хозяин требовал от меня, чтобы я свидетельствовал его невиновность в оскорблении часового мастера.

Адрес учителя все же постарался записать, несмотря на протесты жены, которая говорила ему по-польски: «Все это ты на свою голову делаешь. Они все одинаковы, и адреса им не следует давать». И действительно, так оно и будет – непременно им придется пожалеть, ведь я напишу всю правду о его скупости и о моих выводах, об отношении ко мне его семьи. Всю подноготную вскрою перед ним, расскажу ему о его ничтожестве. Ведь за все время моего пребывания я не сделал хозяевам ничего плохого, несмотря на их скверное поведение со мной.

И только перед отъездом я взял на этажерке шесть тетрадей – пусть, дескать, помнит меня, раз на то пошло!

Нина перед отъездом перестирала белье своему командиру, договорилась с часовым мастером о довершении ремонта часов и отправилась в медсанбат за медикаментами.

– Если хочешь, проводи меня до медсанбата, тут недалеко – три километра. Но зато продолжим наш вечерний разговор, и ты не пожалеешь.

Я согласился, но продолжить этот интересный разговор для меня не пришлось, так как медсанбат выехал, Нина не получила, чего следовало, и была расстроена. А разговор состоял в следующем. Когда я подошел к ней и хотел приласкаться, она оттолкнула меня грубо, поругалась со мной, а вечером вспомнила мне, что я не могу «завлекать девушек». Я поинтересовался, как это нужно понимать, и до 12-ти ночи я наблюдал, как она стирала, и не спал только затем, чтобы выслушать ее рассказ.

– Видишь ли, я старше тебя на год и некрасива собой, – скромно начала она, – но я могу привлечь и расположить к себе любого мужчину, как бы он ни был интересен. Вот ты – красивый парень, неглупый довольно-таки, но я уверена, что ты уже трепещешь передо мной. А почему? Да ведь ты еще не настолько опытен в жизни, как я, и не можешь понимать женщины. По своему отношению ко мне, скажем, ты показал, что у тебя в отношении женщины детские мысли и поведение. Женщина не любит, чтобы противились ее воле и делали ей назло.

Я был согласен с ней. Все, что она говорила, было действительно так, и я готов был ее, чем бы она только пожелала, благодарить за откровение.

Рассказывала она о половом влечении, которое она испытывает (боже упаси, не ко всякому!) к любимому мужчине.

– Что ты понимаешь! Ты хочешь только ласки от женщины, а ведь самое прекрасное – другое! Вот я, например, какое блаженство испытала прошедшей ночью, когда сюда приходил капитан, и я провела с ним ночь в постели.

21.11.1944

Станция Лохув.

Какая просто-таки поразительная разница между людьми! Здесь меня так приняли и окружили такой заботой, что, ей право, уезжать не хочется дальше. А ведь мне должно еще вчера двигаться отсюда.

Узнал маршрут у майора Щинова. Он был настолько добр, что ознакомил меня с конечным пунктом следования нашего соединения, предупредив, однако, чтоб я не попадался на глаза генералу, иначе ему (Щинову) будет крупная неприятность. Я пообещал.

Здесь квартируются две девушки военных, работающих в качестве вольнонаемных портных в одной из мастерских н-ской части. Одна из них очень интересная. Зовут ее Лидой.

Позже. После обеда уезжаю. Какой парадокс опять на пути мне встретился! Лида, эта молоденькая славненькая девчушка – она замужем! Только что узнал от хозяйки. А ведь ходил специально ради нее в мастерскую. Впрочем, мастерская тоже сегодня выезжает, и насчет перешивки шинели мне не удалось договориться. Теперь мой курс – на Минск-Мазовецкий[188].

Хозяйская дочь тоже хорошенькая, но дикая чересчур, и родные все время на глазах – обнять ее неудобно и любезничать с ней неловко. А на сердце такая печаль и скука, что без ласковых объятий и нежности девушки отвести ее немыслимо. Отсюда и потребности в перемене климата.

Мне не дано знать, что впереди ожидает меня, но, доверяясь своей судьбе, я без раздумий рад всегда с головой окунуться в будущее, такое туманное и неизведанное мною.

Дорогой из Садовно в Лохув познакомился с шофером, который меня подвозил сюда. Он подарил мне две открытки-видика. Рассказывал, что узнал от знакомой девушки о моих литературных занятиях и просил, чтобы я прислал ему стихи на вечную, битую, но живую тему – о матери-старушке, одиноко грустящей о сыне, и о любимой девушке Марусе. Я пообещал и взял у него адрес.

Вчера узнал из «Красной Звезды», что умер И. Уткин[189]. Я весьма давно его видел. Он не понравился мне своей надменностью, но поразил богатством ума и хитрой легкостью стихотворного изложения мысли.

Под некрологом о его смерти подписалось большинство выдающихся писателей нашей страны, в том числе и Л[ебедев]-Кумач, о котором Уткин так нелестно отзывался, когда выступал на литературном воскреснике в Днепропетровске, на котором я присутствовал. В некрологе говорится: «Трагически оборвалась жизнь талантливого [писателя] И. Уткина», но где и как он погиб, не рассказывается.

Илья Эренбург опять напоминает о Париже и Франции, которую до сих пор наводняет пятая колонна[190]. Его статья исключительно правдива и своевременна, но не знаю, повлияет ли она на общественное мнение Франции – слишком оно сейчас противоречиво и запутано действительностью.

Село Страхувка. Сегодня сделал рекордную цифру маршрута – 12 километров! Ехал на прицепе тягача медленно и с большими остановками. Сюда прибыл, когда уже было темно. Опять, как и везде, нигде не пускали, ссылаясь на запрещение комендатуры, на тесноту

помещений, на отсутствие коек, постели и т. д., и т. п. Надоело. Решил зайти к беднякам. Без разговоров приняли, угостили польским супом, галушками из картофельной муки, молоком и капустой. Какая безвкусица! Но, тем не менее, поел.

До Минска-Мазовецкого отсюда от 29 до 32-х километров, по разным толкованиям. Людишки из отдела укомплектования корпуса, с которыми я когда-то ехал уже на машине из Косова, теперь отказались меня посадить, хотя места в машинах было вдосталь. А один лейтенант вдобавок еще и обругал меня матерно. Мерзавец! В отчаянии после тщетного и утомительного ожидания машины я решил сесть даже на эту черепашью тягу-трактор. Но он сломался дорогой или устал и ушел отдыхать в попутную деревню. Я пошел дальше, но сделал не более одного километра и решил приваливать. Устал.

Здесь совсем какой-то специфический акцент. Еще трудней разобрать, чем в Мужичине, что говорят жители. Их речь стоит мне большого напряжения ума и слуха.

Влюбился в портрет Богоматери, висящий здесь на стене. Какая удивительно красиво скомбинированная женщина изображена на портрете! Поистине идеал красоты девичьей! Кое-что здесь есть от Тамары, но более утонченное; кое-что – от других девушек – и опять лучше! Слов не хватает для описания всех качеств, глядящей на меня на портрете женщины. Скажу просто: люблю ее и обнял бы ее так крепко, так пламенно, расцеловал бы, кабы она не была портретом и не смотрела на меня так неподвижно.

22.11.1944

Хозяева сильно и азартно ругаются. Мать-старуха особенно яростна в этом отношении, и с нее начинаются все споры и грызня. Начал было писать стихи, но в комнате поднялся такой крик, что нельзя было, что чуть уши мне не заложило. Уже вполне светлое утро, но я жду завтрака и в душе жалею, что сюда попал. Я не люблю криков и бедности. В довершении всего скупость старухи мучительно отражается на моем терпении. Помимо этого, люди темные, они не понимают, что когда человек пишет, ему не следует мешать, и все время перебивают меня пустыми вопросами, на которые из приличия нельзя не ответить.

Вчера, когда я ложился спать, хозяева спросили меня, куда я дел пистолет. Я сказал, что у меня его нет, но сразу же пожалел, что не сказал, что спрятал в карман, ибо в квартире двое мужчин, и кто знает, что они могли задумать. Сначала я чувствовал себя тревожно, но потом уснул и наутро увидел, что все обошлось как нельзя лучше, ведь я опять один в селе.

Минск-Мазовецкий. Ехал до города с большим комфортом – на бочках с бензином, однако весьма быстро прибыл сюда. На этот раз моя машина оказалась самой скоростной из всех встречных и попутных, так что я почти прилетел на ней в этот район. Дорóгой даже едва пилотки не лишился – ветром сдуло. Когда слез, почувствовал, что сильно намерзся, и хотя машина еще не подъехала к городу вплотную, решил больше на нее не садиться, а идти пешком, чтобы согреться. И только возле пропускного пункта у входа в город, когда у меня спросили документы, я спохватился, что у меня выпал блокнот, на котором был записан маршрут дивизии. Очень опечалился, но не так пропажей блокнота, как отсутствием у меня маршрута, который едва запечатлелся в моей памяти. «Через Минск-Мазовецкий на Ягодин». Ягодина никто не знал ни в комендатуре, ни на КПП, ни жители Минск-Мазовецкого, ни даже военные карты не имели его на себе, и я стал сомневаться. Единственное, что вселяло надежду, – это непрерывно курсирующие машины и во все стороны со знакомыми буквами и цифрами «Д», «Т» и, наконец, нашей «8». Однако точного направления пути этих машин я установить не мог и, казалось, окончательно лишился выхода из своего отчаянного положения, в котором оказался так неожиданно.

Махнул рукой и отправился посмотреть Минск-Мазовецкий. Это первый достаточно крупный встретившийся мне в Польше город за время моего здесь путешествия. Ровная асфальтированная улица тянется через весь город, составляющая вместе с прилегающими к ней переулками центр Минск-Мазовецкого. Здесь и магазины столь многочисленные и разнообразные по своему ассортименту, что даже удивительно становится, откуда столько богатства в таком далеко не перворазрядном городе. Ведь Днепропетровск в десятки раз больше этого уездного центра Польши, но там магазинов и не предполагалось таких, как здесь есть.

Дома невысокие. Больше трехэтажных, кажется, нет во всем городе, однако все они шикарно выглядят, имеют кричащую форму и отделку как изнутри, так и снаружи.

Шумная праздная толпа: женщины в белых специальных шляпах, видимо, от ветра надеваемых, которые делают их похожими на сорок и удивляют своей новизной. Мужчины в треугольных шапках, в шляпах: толстые, аккуратные, самодовольные люди. Сколько их! Крашеные губки, подведенные брови, жеманство, чрезмерная деликатность. Как это не похоже на естественную жизнь человечью. И кажется, что и люди-то сами живут и движутся специально лишь ради того, чтобы на них посмотрели другие.

Костел белый, огромный, красивый. Велосипедов исключительно много, и они являются обычным средством передвижения для

поляков. Женщины, мужчины, дети и даже старики – все ездят на велосипедах.

Базар очень большой и многолюдный. В жизни не встречал лучшей толкучки! Торговцы наперебой выкрикивают свои товары и, когда покупатель подходит к прилавку, обращают его внимание популярным в Польше оружием вежливости «пр**о**ше». Все дорого. Коробка спичек – 40 рублей, расческа, даже самая никудышная – 200–250 рублей. Остальное меня не весьма интересовало, однако удивился, когда узнал, что 100 грамм сала – 40 рублей. При нынешних ценах это дешево.

В магазине приобрел три пера для вечной ручки по 40 рублей каждое. Это разорительно для такого «богача», как я, но ничего не поделаешь... От расчески отказался пока, но от перьев – нет. Слабое сердце у меня насчет этого товара. Чернило тоже купил специальное. Только вот ручку наладить никак не могу, а к мастеру идти боюсь, ибо он может шкуру содрать.

Вспоминается мне село Страхувка, где я ночевал вчера. Нынче утром на квартиру, где я остановился, явилась одна славненькая личиком паненька. Я предложил ей стул и почти силком заставил сесть. Она отмежевывалась от моих ласок, а потом неожиданно сказала: «Пан похож на жидка».

– Как это понять? – изумился я.

– На еврея пан похож, – объяснила девушка.

– А, может быть, я и есть еврей, – ответил я, и паненька вдруг мне опротивела.

Как здесь не любят евреев! Жутко подумать, какую пошлость взглядов и тупость мировоззрения развила в людях польская реакция и как, тем не менее, сильно впиталось это гнилое понятие о людях других наций и народностей в пропахший горькой пилсудчиной дух польский.

Был в клубе-агитпункте, но там, кроме газет за 18 число, ничего свежего не нашел. Военторга здесь нет – он наезжает временами. Варшава – 45 километров отсюда, и, по рассказам жителей, немцы обстреливали не раз Минск-Мазовецкий огнем дальнобойной артиллерии. Много жителей убили и многих ранили.

Еще в начале своего обзора Минска польского набрел на огромное скопище людей с лошадьми и свиньями. Подумал, что базар; однако, когда вошел внутрь и заинтересовался, чем люди торгуют, мне со смехом ответили, что это мобилизация лошадей происходит и сбор контингента свиней и проч.

Прочел надпись: «Ксенгарня»[191]. Вошел.

– День добрый, что продаете, пани?

– Здесь библиотека, а вот в другой половине – книжный магазин.

Мне понравилась эта идея: библиотека-магазин, но на русском языке ничего не было, а по-польски я еще младенец. Спросил словарь или букварь, но ни того, ни другого не оказалось. Молоденькая продавщица как зачарованная стояла возле своей матери и смотрела широко на меня.

Я ушел и откланялся: «Довидзення»[192].

Польские военные девушки встретились мне в другом магазине. Внимательно посмотрел им в лица. Их было две, и обе обладали такими белыми лицами молодыми, нежными, слегка неестественными из-за чрезмерной девственности своей, что мне захотелось подойти и притронуться к их щечкам: действительно ли эти девушки живые или, может, чудесные создания художника.

Почти до вечера бродил по городу, а когда надоело, всерьез задумался насчет отыскания своей части. Спрашивал во всех комендатурах, у встречных солдат и офицеров – никто не знал. Машины мелькали своими номерами, знакомые буквы курсировали во все стороны, чем окончательно сбили меня с толку и оставили недоумевающим на перекрестке одной из улиц.

Вдруг мимо меня пробежала повозка, груженная кирпичом, на передке которой крупно, но поблекшими буквами, было выведено цифра «8». УРР – сообразил я, когда повозка уже отъехала далеко от меня, и кинулся ее догонять.

Солдаты на повозке рассказали, что штаб дивизии недалеко в местечке расположен, а полки еще ближе в лесу – от трех до пяти километров от Минск-Мазовецкого. На душе стало легче.

Я остался «пшеноцеваць»[193] и опять, как и всюду ранее, долгие и почти безнадежные поиски квартиры, невинные жесты жителей: «тут нéма места», «вам надо сходить в комендатуру» и, наконец, в виде доброй феи – благосклонная хозяйка-старушка, безоговорочно приютившая, и согревшая, и поесть давшая.

23.11.1944

Окраина Минск-Мазовецкого. Проснулся сегодня рано. Хозяева оказались исключительно приветливыми поляками, каких я еще здесь за все время нахождения в Польше не встречал. Старушка-мать имеет 61 год, ее муж на восемь лет старше, но мечтают дожить до окончания войны и увидеть хотя бы один год мирного времени. Они много пережили, большинство родных своих потеряли в молодости от туберкулеза или, как здесь принято называть, «холеры».

Дочь стариков, средних лет женщина, лишилась мужа при немцах, которые его угнали в Германию, оставив на руках матери полутораго-

довалую дочурку Марысю. С рассвета она уходит на работу и возвращается вечером. Зарабатывает она немного, но получает продукты и в состоянии ими обеспечить прожиточный уровень стариков. Дочь на руках бабушки, которая, к тому же, и стирает, и готовит пищу, и заведует всем небогатым хозяйством.

Доброта этих людей не имеет границ. Они ничего не жалеют и всем готовы поделиться – даже последним, что у них имеется. Поджарили для меня картошку на масле, угостили капустой соленой с луком и с маслом приготовленной, дважды за вечер вынудили выпить чаю с маслом-хлебом, сахаром. Постель приготовили роскошную, хотя им пришлось для этого сильно потесниться.

Сейчас готовится завтрак: предчувствую, вкусный, ибо жарится сало, лук, и тепло топится маленькая железная печурка, которую хозяева приобрели из-за недостатка и дороговизны дров и необходимости экономить топливо.

Маленькая Марыся меня боится и весело воркует возле старушки-бабушки. Ей сейчас два годика, но она уже много перенесла, и, когда на дворе слышится гул самолета, она вся съеживается и в страхе бросается в объятия к бабушке: «Ой, бу-бу-бу!» И больно становится мне, взрослому, от переживаемого крошкой ужаса, вселенного в ее маленькое сердце дикой, нелепой, империалистической бурей войны.

Вечер. Хуторок близ Якубова. Лысенко меня вызвал к себе тот час же по прибытии в Якубов. Однако он никуда на должность не определил меня, а только предложил почитать стихи или дневник. Потом он расстроился из-за плохо приготовленного ординарцем обеда, и совсем ему не до меня было. Назначил мне аудиенцию на завтра. Что день грядущий мне готовит?

Квартиру не нашел в Якубове и очень пожалел, что не имею возможности попасть снова в Минск-Мазовецкий и воспользоваться любезным предложением двух женщин (одной молодой), оказавшихся мне случайными спутницами по дороге на Ягупов, переночевать или вообще поселиться у них на квартире, где они были раньше, когда ночлег стоил мне таких тщетных поисков и усилий? Сейчас опять долго искал квартиру вблизи от Якубова, ибо Лысенко мне не позволил далеко уходить.

24.11.1944

На хуторе устроился вместе с летчиками в одной милой хатенке у одной еще более милой паненьки на квартире. Она на два года старше меня, но очень элегантная и умная девушка. Ее родители радушно приняли меня, а сама она даже подшила стряпли на моей шинели, ко-

торые безобразно свисали книзу. Ужинал весьма неплохо, а завтрак был приготовлен для меня так старательно (и отдельно), что до сих пор не забывается его великолепие. На прощание записал адрес девушки, местный и Варшавский, где живет ее тетя. Крепкое рукопожатие надолго запечатлелось в моей голове.

Стефания Хжановская
Stefania Chvzanowska
Pow. Minsk Masowiesk
Woj. Warszawske, gm. Jakubobo.

Лысенко не застал в отделе кадров – он уехал в Армию, и опять я остаюсь в неведении относительно моей судьбы. К счастью, почта ушла на другую квартиру, а я остался на ее месте. Сюда добавили четырех солдат из связи, и пока даже не знаю, где буду спать, но, тем не менее, я близко нахожусь от столовой и отдела кадров, что избавляет от напрасных и длительных поисков квартиры на отдаленных хуторах, и очень доволен, несмотря на отсутствие здесь паненок и приличных условий жилья.

Сейчас вернулся с танцев. К сожалению, только присутствовал и жадно смотрел, как другие перебирают ногами. Девушки были не особо шикарны: выбор был невелик, но, тем не менее, очень хотелось бы и мне иметь уменье и возможность так свободно и безоговорочно взять любую из них и повести под сердечные напевы гармони.

Летчики живут хорошо. Каждый вечер устраивают концерты, танцуют, развлекаются, веселятся и только по заданию вылетают в воздух. А наша жизнь не имеет себе равной по своим тягостям и лишениям. Все летчики, даже женщины, имеют награды, хоть многие совсем молоды по годам и опыту работы, и все только младшие лейтенанты.

Получил письмо от Ани Лифшиц. Милое. Так просто написано и коротко, а все-таки радостно на душе от него. Почему она все же слов жалеет для меня и так сдержанно разговаривает? Папа долго не пишет, я уже серьезно стал переживать – более одного месяца нет от него писем. Беба, Нина и все другие девочки, за исключением Ани К[ороткиной] и ... молчат уже долго.

Вообще с перепиской неважно у меня дела обстоят за последний месяц.

25.11.1944

Лысенко сегодня опять не застал, хотя дважды к нему заходил. Ездил в тылы днем, однако ни Побиянова, ни полковника Жирова не было, и я ничего не добился в отношении обмундирования.

День пробежал так стремительно, что и ухватиться за него не успел. Еще ничего не написал и прочел разве только полстранички

из польской газеты «Wolnošč»[194]. Меня она весьма заинтересовала ввиду ряда обстоятельств, явившихся для меня полезными и давшими мне правильное представление о сущности нынешней польской прессы на освобожденной территории.

Характерно для всей польской печати, что она почти не проявляет самостоятельности в суждениях и является сродни нашему «Кировцу». Целый ряд статей я читал ранее в наших газетах, но под другими названиями и русскими подписями. Теперь все они перекрашены на польский лад. Я не говорю о политической стороне дела, но с чисто художественной точки зрения подобное бесшабашное заимствование и перелицовывание наших статей и рассказов я бы назвал плагиатством. Для меня, однако, полезно было читать в польском переводе уже раз прочитанное до того по-русски – для лучшего усвоения польского разговорного стиля. Отрадно только одно – что настроение всей польской печати вполне дружественно нам и благоприятно для нас, а поляки любят читать газеты и критически осваивать их содержимое. Так что, будучи живыми свидетелями текущих событий и видя наше благородное поведение в их стране, желание помочь им избавиться от коричневых изуверов Гитлера, сумеют преломить в своем сознании всю правду о нашей стране и о советских людях.

Слушал песни маленьких польских девочек. Дети любят, когда ими интересуются взрослые, и своим вниманием к ним я сумел расположить к себе девочек. Они доверчиво начали со мной разговаривать, играться, а потом и совсем полюбили меня и, крепко обняв, все трое стали тихонько петь свои песни. И о чем только не рассказали они мне в своих «спевах»![195] Поразила меня только серьезность и злободневность всех песен, а также то, что все они, с точки зрения морали, не подходят детскому возрасту этих девочек-первоклассниц. Типичная тема для всех песен – любовь и война, а дети не понимают, да и не могут понимать всей глубины этого вопроса, и потому для них рано затрагивать его.

Идея! Передо мной открылась замечательная перспектива... Топограф дивизии Зыков предложил мне серьезно заняться топографией, дабы стать полковым топографом. Очень многообещающая работа! Во что бы то ни стало нужно освоить этот всегда необходимый предмет. Пусть даже я и не стану топографом, но поскольку мне предлагается помощь и внимание со стороны знающего человека, почему бы не взяться за учебу! Наука никогда не помешает.

А сейчас напишу несколько писем, записку тронувшей мое воображение Гале[196] (кажется, ППЖ[197] Галая), и пойду посмотрю танцы.

О Тамаре Лаврентьевой узнал весьма печальную новость: она уехала в Германию. Сама или по принуждению, мама не пишет, но факт фактом.

03.12.1944

Событий много. Получил предписание в Девятку. Но не на должность. Направляли меня в Пятую и Вторую, но отказался. Начальник отдела кадров новый. Человек, по-видимому, другой, чем Лысенко. Он, со слов Пивня, заключил, что я «больше в резерве был, чем на передовой». Кричал на меня и говорил, что я хлеб государственный даром ем, а когда я посоветовал ему направить меня в армию, он возразил, что там не такие, как я: есть люди – и полковники, и подполковники – и нет им работы.

Преднамеренно направляют в резерв полка. Полушкин почему-то оказался в отделе кадров:

– Вы его в пехоту направьте – пусть учится, – позлорадствовал он.

Предписание получил сроком на несколько часов явиться в полк, но думаю завтра туда пойти. Утром поеду в тылы, выясню насчет обмундирования, а потом, после обеда, – в Девятку.

От Мити, кладовщика АХЧ, узнал, что Тося-военфельдшер читала с Галиной мое письмо. Интересно узнать у Тоси мнение Галины, ведь она не отвечает упорно.

Сегодня, когда я собирался на почту, мимо моего дома проезжал Галай. В руках у меня были семечки, в зубах папироска, а на плечах наброшена шинель. Успел выбросить семечки и поприветствовать Галая. Он посмотрел на меня из машины и погрозил пальцем. Долго наблюдал я вслед промелькнувшей машине и не мог понять причину сегодняшнего недовольства мною генерала. Может быть, Галя, а может быть, форма моя оставила нехорошее у него впечатление. Кто знает.

Получил шесть писем, а отправил сегодня 15, чтоб не соврать. Как мало мне теперь пишут.

В клубе узнал много новостей. Де Голль в Москве[198], М. Андерсен-Нексё – в Ленинграде. Черчиллю 70 лет[199]. Новое польское эмигрантское правительство сформировал в Лондоне Арцишевский. Квапинский вошел в его кабинет. Это антисоветская клика[200]. Они только и занимаются склоками и интригами. Подумать только, в такое время, когда Польша охвачена огнем войны, и нужно думать о ее освобождении от гитлеровской нечисти. Арцишевский и Квапинский – предатели-шкурники, а не госдеятели.

04.12.1944

Теперь понятно, почему генерал погрозил мне пальцем. Сегодня разговаривал с Тосей-военфельдшером. Она рассказала по секрету, что Галя читала ей письмо мое. Но добро бы ей только... она поставила в известность о моем письме Галая и все его окружение. Над

чувствами моими смеется она, Галя, и, следовательно, мне нужно о ней забыть. Пусть это трудно, но справедливость и моя честь, достоинство требуют этого.

Сегодня, как и вчера, невообразимая серия событий развернулась вокруг меня. В Девятку не пошел сразу, а решил отложить на сегодня, ввиду еще не разрешенного вопроса с обмундированием. Побиянов написал на требовании АХЧ: обмундирования на складе нет, поэтому не могу выдать. Пошел к Жирову – он умывался, и я не заметил его сразу, тогда начал спрашивать у солдат: «Где полковник?» Он обернулся.

– Что вам нужно?

Я рассказал о своем наболевшем.

– Немедленно давайте сюда Побиянова!

Но когда тот пришел, оказалось, что мои надежды совершенно тщетны. На складе даже летнего обмундирования не было.

В Якубове я сразу по возвращении отправился в АХЧ за аттестатом, на почту – за письмами, а оттуда дерзнул зайти в отдел кадров – и напрасно. Встретил Пивня, который потребовал у меня предписание и, предупредив, чтобы я подождал, вошел в другую комнату. Через несколько минут ко мне вышел сам начальник отдела кадров. Он зло посмотрел на меня и бросил в лицо: «Идите к подполковнику!» Я вошел, немало удивившись такому обороту дела. Подполковника я не знал, но ему за эти несколько минут успели обо мне наговорить много неправды. Он встретил меня как преступника.

– Вы что же так скверно относитесь к своим обязанностям? Почему сюда ни разу не явились при новом начальнике отдела кадров? Зачем не выполнили его распоряжение и остались здесь, когда вам еще вчера предписывалось быть в полку? Вы, говорят, всю войну в резерве околачиваетесь?

Я начал рассказывать, что остался исключительно ради того, чтобы добиться, наконец, получения обмундирования, что до этого очень часто бывал в отделе кадров, но теперь решил больше не надоедать и всего два дня как не наведывался сюда. Тем не менее все знали, где я живу, так как я рассказывал об этом Пивню и другим. В дивизии я полтора года, но только три месяца нахожусь в резерве. Насчет моего поступка последнего – признаю, что виноват, но к нему привели меня условия, в которых я по ряду не зависящих от меня обстоятельств очутился.

В разговор вмешался капитан.

– Вы знаете, товарищ подполковник, этот лейтенант, по рассказам, всю свою службу у нас в дивизии находится в резерве. Со дня моего прихода сюда он ни разу здесь не бывал, а когда он мне пона-

добился (командир дивизии заинтересовался резервом и приказал мне разогнать по полкам его), потребовались неоднократные многочасовые розыски, пока удалось его обнаружить. Вы посмотрите, что он записал у себя на блокноте: «Пивень представил меня, как всю свою боевую жизнь, на х.. в резерве», «новый начальник отдела кадров – нехороший человек» и т. д. Его записи требуют внимательного рассмотрения. Он недоволен мною и не хочет считаться с моими приказами!

– Не в этом дело! – перебил полковник Елистратов (из корпуса). – Главное не дневники, а невыполнение предписания, что, по сути, можно приравнивать к дезертирству.

В разговоре я, незаметно для себя, по привычке употребил отдельно от звания фамилии больших начальников – Коняшко и Жирова, и это обратило на себя внимание подполковника. Он предупредил, что устроит мне экзамен по проверке моих знаний в боевой и политической подготовке, ибо на него я произвожу не весьма благоприятное впечатление.

– Вы не научились по званиям называть своих начальников, позволяете себе говорить о штабе дивизии, в то время как вам дано право говорить только о взводе. Я вижу в вас гражданское настроение.

– Я, товарищ подполковник, до войны в армии не служил, крепкой дисциплины не встречал – еще и потому, возможно, допускаю ошибки.

– То-то видно, что вы не испытали еще настоящей дисциплины!

– Его надо разжаловать! – вставил Дроботун[201].

– Разжаловать пока мы не будем, – объяснил подполковник, – но мы хорошо проверим его знания. А сейчас направим его к прокурору. Пусть разберется в причине неявки лейтенанта своевременно в часть. – И он написал на предписании свою резолюцию.

Как я ни настаивал перед ним, чтобы он простил меня и не возбуждал вопроса, ничего не помогало. Он решил непременно меня наказать. Пошел к прокурору, но того не застал и вернулся в отдел кадров. Подполковник был занят, и я остался ожидать его в другой комнате. Вышел Дроботун.

– Подполковник передал, чтобы вы сейчас же отправлялись к прокурору и возвращались с его запиской насчет вашего дела.

– Но его нет и...

– Не разговаривайте. Вы не хотите выполнять приказание подполковника тоже! – подчеркнул Дроботун, умышленно повышая голос (тон).

Я ушел. Вместо прокурора мной занялся следователь. Он договорился с подполковником о характере моего дела. Позвал меня к себе

в кабинет и там стал отчитывать. За столом сидел подполковник – начальник артиллерии.

– Позвольте, это не о вас генерал говорил? Он встретил вас на дороге и указал вам маршрут, вы тогда отстали от части? Ну да, о вас, генерал дал вам даже пять суток и просил нас расследовать причину вашего отставания.

– Так вот, – начал следователь – вы, значит, второй раз попадаете к нам на заметку. Вы знаете, что за это судить надо? Ведь вы совершили то, что иными словами можно назвать самовольной отлучкой.

Но хорошо отчитав и попугав меня, следователь отпустил в отдел кадров.

– Идите туда, там еще поговорят с вами, а потом пойдете в часть и смотрите, не попадайтесь больше, ибо вы уже на заметке.

В строевом отделе подполковник опять поругал, потом спросил:

– Ну, вы поняли, о чем говорил вам следователь? Вы поняли также свою ошибку? Смотрите. Я записал вашу фамилию. Сейчас получите новое предписание, а за совершенное вами вы получите еще сильное взыскание. Вся дивизия будет знать о том, что вы совершили.

Мне вручили направление и сказали: «Идите!» Я повернулся, козырнул и через мгновение оказался на дворе.

Бархатные пушинки обильного мягкого снега цеплялись за лицо и таяли на нем холодными ручейками. Садились на погоны густым белым слоем, и только злящийся ветер нарушал их радостный отдых, после большого и веселого путешествия на землю.

Долго ли, рано ли, шел до Девятки, но явился своевременно и хотя ночью, но легко разыскал строевой отдел.

Старший лейтенант Скоробогатов – чудесный человек и обладает к тому же большим опытом в жизни. Он по специальности журналист, и с ним хорошо разговаривать на любые темы.

05.12.1944

На КП в доме у майора Боровко.

Приняли меня в полку как родного. Скоробогатов направил в третий батальон. Должности у меня все еще нет, но, тем не менее, я сразу почувствовал, что нахожусь среди своих, и обо мне есть кому позаботиться.

Майора разыскал в лагере рано утром. Был митинг, посвященный дню Конституции[202], и все начальство батальона находилось там. Комбат посадил меня кушать, а сам с тремя его помощниками ушел.

29.12.1944

Последние дни учебы отобрали у меня все личное свободное время. Едва удавалось схватывать свободную минутку на занятиях

в поле и в ночное время в расположении лагеря, чтобы написать письма, подготовиться к занятиям. Все больше ощущаю недостаток в знаниях военного дела, которым чересчур грешу, особенно после трехмесячного пребывания в резерве и отрыва от учебы и подразделения боевого, однако на самообразование часов не хватает.

30.12.1944

Теперь я стал получать столько писем, что не всегда при моей занятости успеваю на них отвечать. Особенно часто получаю письма от мамы и папы.

Сейчас занятия проходят вяло, по старой программе. Дивизия стала понемногу приходить в движение, зенитчики, минометы 120-мм...

1945 год

По-видимому, этот отрывок является черновым вариантом рапорта, сохранившегося в архиве Вл. Гельфанда:

[15.03.1945]

Начальнику политотдела
подполковнику Коломийцу

РАПОРТ

Прошу вас обратить внимание на недопустимое отношение командира роты капитана Рысева к своим подчиненным – командирам взводов и расчетов, ко всему личному составу подразделения, приведшее состояние дисциплины в роте к чрезвычайно низкому уровню. Командиров взводов капитан Рысев не уважает, не заботится об укреплении их авторитета, напротив, сам систематически его подрывая, топчет на каждом шагу нашу офицерскую честь и звание.

01.01.1945

Вот и Новый год наступил. Праздновать не пришлось: были на колесах, в движении. Но отмечали в пути как могли – по-своему, по-военному. Выпили по 100 граммов из круглой крышки от немецкого котелка. Первым, кто пил, досталось больше, последним – и по 50 граммов не досталось, но, тем не менее, все были одинаково веселы и рады наступлению нового, [19]45 [года].

Пели песни, потом салютовали. Не все, конечно, – кто посмелей и постарше званием. Канониенко[1] выпустил из своего револьвера штук 50, несколько пуль выкинул в воздух Шитиков[2]. У меня было мало патронов – семь штук, но три все же уделил Новому году.

Больше всех расходился ординарец командира роты, молодой добродушный парень Сивопляс. Он дал длинную очередь из автомата, и диск кончился. Конец[3] стрелял из винтовки. Один командир роты не проявил инициативы, но и не запретил стрелять.

В эту же ночь рядом совсем, по обеим сторонам дороги, проходили тактические учения пехоты какой-то энской части, со стрельбой и криками «Ура!» Так что наши выстрелы оказались вполне уместными и не выделялись из общего шума, а только дополняли намерения пехоты произвести стремительную и всесокрушающую атаку на «противника».

Двигались всю ночь, и пришли на привал утром Нового года. Перед выходом из расположения нас провожал комбат и его замести-

тели. Офицерам жали руки, желали успехов. Потом перед всей артиллерией выступил командир полка. Он поиронизировал весьма приятно: «Наш приход к вам и встреча разделяется целым годом времени. Увидимся с вами в [19]45 году, так что, надеюсь, за такой большой период времени вы оборудуете на передовой прекрасные ОП и поможете нашей пехоте в предстоящих операциях крупного значения».

Маршрут у нас большой – трехдневный. Вчера и сегодня по 25 километров. Завтра еще не знаю. Дойдем до Вислы.

Вот она и началась замечательная, отрадная пора – так долгожданная мною свобода! Дышу и наслаждаюсь ею с таким упоением и восторгом! Пусть сейчас и в дальнейшем она представляется в виде холодной тещи или причиняющей боль мачехи, все равно, какая она ни есть, но свобода в любом облике.

Шесть часов вечера. Артиллерия выстроилась у грейдера[4]. Впереди минометчики 82-мм[5]. Сейчас будем двигаться. Холодно. Небо серо-пунцовое. Выглянула и заблестела первая звездочка. Как ее, бишь, звать, не Полярная ли?

Пишу, на бричку положив тетрадь. Пальцы мои тверды и послушны: привычка – большое дело. Иногда мне кажется, что в мирное время, когда в дымке прошлого останется среди прочих мыслей и воспоминаний суровый образ войны, я все же иногда по старой памяти и привычке буду выходить по ночам на двор, так как сон в нормальных условиях, в теплой пуховой постели мне будет казаться странным и непривычно роскошным.

02.01.1945

Морозы стоят крепкие. Среди нас нет человека, который хоть немножко не простудился. Я тоже не остался в стороне от общей волны заболеваний, и в горле у меня заметно чувствуется хрипота, боль, кашляю, как и все другие.

Бойцы очень недовольны пребыванием под открытым небом в такую лютую стужу и ропщут. Для успокоения солдатской массы (командиры не имеют права высказывать вслух свое недовольство), вернее, для оправдания нечеловеческого отношения к нам, руководство колонны ездит в седле и передвигается на конской, а то и механической тяге. Нам объяснили, офицерам, чтобы мы передали бойцам: вас не пускают в квартиры для того, чтобы предохранить от вшивости. Однако людям было неубедительно подобное объяснение, и они возмутились еще больше: «От вшей?! Завшиветь бы ему до смерти, кто приказал нас держать на холоде!»

Сегодня ночью на новом месте привала обнаружили длинные сараи-землянки – очевидно, конюшни для лошадей. Неудержимо ри-

нулись все туда. Набились, как в бочке сельди. Даже это холодное укрытие показалось раем по сравнению с заснеженной землей.

Нас берегут от завшивления – иронизировали многие. И действительно, ни в одном доме не было такой пищи для вшей и такого источника для их размножения. В душе пожалел каждый об отсутствии среди нас начальника артиллерии – пусть бы попробовал, хлебнул солдатского счастья-отдыха. Холодно не было, но зато наутро у многих от тесноты и неудобства спанья болела голова. Я поспешил немедленно после завтрака вырваться из этого «уюта» и перебраться на землю вольную, которая куда более приветлива и просторна, нежели все эти искусственные строения, прельстившие нас на первых порах своей вместительностью.

Несколько дней тому назад, после одного крупного инцидента во взводе, о котором я буду вести речь позже, командир роты предложил мне переменить ординарца. Я взял на место учителя, в прошлом [*две строки нрзб*] оскандалившегося на консервах и попытавшегося было втянуть и меня в неприятность [по фамилии] Наконечный[6]. Он помоложе меня, но трудолюбивый, исполнительный, честный и добросовестный парень. Его характер и поведение вполне для меня приемлемы, и я уважаю его, хотя так недавно узнал поближе.

До нашего выхода осталось четыре часа. Я мало спал, но и не хочется ложиться из-за холода, хотя глаза привычно слипаются от бессонницы. Болтают, что до передовой 12 километров. Но я не верю. Чего зря разговаривать.

Теплотой дышит костер. Трещат дрова и кукуруза, которую жарят солдаты. Она твердая, горелая получается, но для разнообразия вкусно покушать этот своеобразный фронтовой пряник местного изготовления.

Эренбург – неиссякаемый источник ума. Он возвысился над войной, как никто у нас не возвысился за последние 20 лет, разве исключая Горького, но этот мне кажется умней и глубже, хотя и не столь многогранный он художник, но знаменит не меньше.

Наконечному встретилась на дороге хорошая находка: две газеты – фронтовая и армейская, из которых я узнал некоторые новости. Венгерское временное правительство на очищенной от немцев и венгров, дерущихся с ними совместно, территории, объявило войну Германии[7]. Это выгодно для нас. Теперь венгры в еще большем количестве станут переходить на сторону Красной армии. Получится еще лучше, чем в Румынии, впрочем, время покажет.

В числе других событий, вычитанных из газет сегодня, статья И. Эренбурга[8]: новогодняя, свежая, но еще более глубокая и насыщенная остротой, чем все прежние.

Из зарубежных сообщений явствует, что контрнаступление немцев выдохлось. Англичане сейчас держат инициативу и совместно с франко-американскими войсками готовятся к новым значительным операциям.

В остальном все по-старому, если не считать обстоятельств, лишающих нас возможности быть в курсе событий на протяжении двух последних дней – перехода.

Думаю о бойцах моего взвода и в меньшей мере, но размышляю мучительно о солдатах и младших командирах минометной роты нашей. Интересные фамилии подобраны для моих бойцов жизнью-родительницей. Помкомвзвод – Конец. Ординарец-заряжающий – Наконечный, наводчик – Деревьев, другой – от слова береза – Березнев, заряжающий – Бублик. Характеры у моих бойцов еще более разнообразны, чем их фамилии, а поведение – ну просто в гроб завести меня может.

Сегодня на посту Гордиенко и Бублик, результат – пропажа хлеба у одного бойца и, что еще более ценно и необходимо – одна из двух кирок во взводе исчезла с подводы. Теперь – изволь, грызи землю руками. Капитан забрал и вторую: «Отдам связистам», – а когда я спросил, зачем, он сказал: «Будете хранить в другой раз».

Земля простужена и окаменела насквозь. Так что без кирки сейчас воевать невозможно.

Березнев на посту обязательно спит[9], и ничего на него не действует, никакие меры взыскания. Все инциденты, все беды на третий взвод падают. И что за коллектив у меня собрался? Ни дружбы, ни сплоченности, ни единодушия – ничего подобного не наблюдается за ними. Такую картину создали для взвода два-три человека, но вина ложится на всех, и на меня в особенности. А ведь есть у меня и хорошие ребята – большинство хорошие. Наконечный, Деревьев, Яковенко. Как жаль, что я не с самого начала во взводе. И потом, капитан – он на поводу у Каноненко и Шитикова. Он боится их, и за мой счет – нового в роте человека – удовлетворяет их прихоти. Несколько раз он производил перегруппировку личного состава и путем отсеивания выделил мне самый тяжелый осадок – трех-четырех разгильдяев, которые гадят на каждом шагу своем. А как их воспитывать? Ведь они сами воспитывали людей...

Фронт совсем близко – за Вислой, которая километра два отсюда. Идти до своей обороны будем километров восемь-девять. Уже сейчас слышны разрывы, гул выстрелов артиллерии и рокот самолетов. На фронте проходят гигантские бои, и после шестимесячного, если не большего (я не помню даже), пребывания в тылу делается временами несколько жутковато при мысли о вое снарядов и причитаниях вражеских пулеметов.

Там, за несколькими километрами пути на Запад, на левобережье Вислы, у Красной армии мощный плацдарм. Долго стоять в обороне не станем – будем прорывать.

На мою долю выпала большая миссия – драться за крупнейшие города Европы в ходе этой войны. За Харьков, за Сталинград, за Николаев, за Одессу и, наконец, за Варшаву. Бои будут жестокими. Встретиться доведется, возможно, с самым трудным сопротивлением врага. Будет смерть гулять еще, будет кровь литься, и мороз и ветер дополнят трудности текущего времени, как только умеют это делать. Но я на все готов, и одно у меня желание неодолимо – получить любую, хотя бы самую скромную награду за все, что я отдал Родине, людям моей страны – лучшие годы молодости, здоровье, отдых, свободу. Я не хочу многого. Пусть недостаточно будет оценен мой труд и самопожертвование, но больно и убийственно, если он совсем не будет оценен. Тогда не стоит жить и радоваться мною завоеванной победе.

Поздний вечер. Темно. Опять появилась яркая звездочка на западе и скрылась в тучах зимнего неба. Бойцы называют ее Вечерней звездой, а капитан Рысев[10] говорит, что это Венера – планета.

Ветер сильный. Дым застилает глаза, костер плохой, но все же теплый, и без него нельзя обойтись. Уйдем в одиннадцать часов, сейчас – восемь. Все ушли отдыхать, и у повозок одни часовые расхаживают. Я один у костра, несмотря на усталость и недосыпание. Дым, ветер, мороз и отсутствие нужных мыслей. Пачкаю бумагу с таким необузданным желанием, что буквально не в состоянии меня оторвать от нее никто.

03.01.1945

Вот и пришли на новое место. Спал весь день, и только когда стало темно и серо над лесом, где мы расположились, я удивленно протер глаза и понял, что наступила ночь. Семь часов вечера.

04.01.1945

Висла – широкая река. Поляки хвалились, что она никогда не замерзает благодаря своему быстрому течению. Но они врали. Почти вся она замерзла уже сейчас, в начале зимы, и только на самой середине кое-где чернеют полосы волнящейся воды. Мост деревянный на сваях. Он не весьма дорогостоящий, но все же удивительно, что он цел и невредим по сей день – немцы ведь совсем недалеко за Вислой. Берега пологие, гладкие. По обе стороны речки хорошие шоссейные дороги, на которых сильное движение.

Автомашины едут с зажженными фарами, невзирая на близость фронта и необходимость маскироваться от вражеской авиа-

ции. По дорогам море огня – берега реки окружены движущейся иллюминацией.

Думаю о себе. Куда только забросила меня судьба! Теперь напишу родным: «Некоторые военные находятся уже за Вислой!» – пусть радуются и гордятся моими достижениями. «Даешь не меньше!» – сказали бы они мне, если б знали нашу фронтовую солдатскую поговорку.

Ординарец предложил закурить и сам скрутил для меня папироску – такой из меня курец. Дым едкий, противный, но кое-что в нем есть теплящее, отвлекающее, и для разнообразия хочется чего-нибудь дурманящего, горького – табак приходит на помощь.

Курить стал недавно. Затягиваюсь без особого интереса и удовольствия в дыме не испытываю, как другие. Но, тем не менее, факт фактом: не выдержал, поддался общей моде, и вот хотя изредка и без азарта, но курю на исходе четвертого года войны.

Сейчас во временных землянках в трех километрах от переднего края. Где-то трещат пулеметы, гремят орудия, а здесь войны нет. Хотя командир роты рассказывал, что рядом, в 100 метрах от нас, позавчера во время налетов вражеской артиллерии было убито три наших артиллериста, которые тоже здесь, как и мы, остановились до оборудования на переднем крае огневых позиций, КП и землянок.

Вчера ночью занялись отрывкой нового места для работы. К слову сказать – плохое место. Открытое. Воронка на воронке. До неприятеля оттуда 250 метров, а до нашего переднего края – 150. Впереди нас, метрах в шестидесяти, роются артиллеристы 45[11], сорокапутники, как их называет майор Искаев, заместитель по строевой командира части. Это для нас особенно неприятно, так как артиллерия своим звуком при выстрелах и своим массивным туловищем часто выдает себя и легко засекается вражескими наблюдателями. Наши беззвучные, почти длинношеие любимцы будут преданы совершенно напрасно своими неповоротливыми собратьями. Обычно мы должны находиться в 200–300 метрах от 45-миллиметровок. И кому только в голову пришла идея объединить нас всех вместе для создания артгруппы ПП?[12] Сами мы б выбрали лучшую и куда более безопасную позицию со скрытыми путями подхода, как положено. А тут этого нет. Боеприпасы днем подвозить невозможно. Вообще, неудобств уйма. Земля промерзла более чем на полметра. Наша ОП находится на месте когда-то существовавшего нас[еленного] пункта, от которого теперь остались – и то не везде – кучи кирпича. Однако в земле масса камней и щебня – остаток фундамента домов – копать ужасно трудно.

Всю ночь с третьего на четвертое января вгрызались в землю. Саперный взвод выделил на роту дополнительное количество кирок

помимо имевшихся у нас прежде, и у меня их оказалось три на девять человек бойцов и командиров взвода.

Работали без отдыха, не чувствуя усталости. Горячие искры отскакивали при ударах кирки о землю. Мороз подгонял работающих, не давал задерживаться, стоять. Ветер мешал останавливаться и набрасывался с особой яростью на пытавшихся было передохнуть. Люди работали, что называется, «не покладая рук», и все же дело продвигалось медленно. К исходу ночи, когда рассвет начал понемногу пронизывать и освежать землю, только один мой расчет, где командиром помкомвзвод старший сержант Конец, закончил отрывку стола для миномета. Остальные едва-едва только дорылись до мягкого грунта и стали откусывать кирками большие клочки замершего грунта. Теперь становилось легче. Я смотрел на самоотверженную работу моих солдат, и на ум приходили стихи И. Франка:

«Лупайте цю скалу
Нехай ні жар ні холод
Не спинить вас
Бо вам призначено
Скалу оцю розбить»[13], – как будто специально написанные для нас.

Передовая встретила нас ночью и проводила на рассвете довольно неприветливо, как и всегда встречают «новичков». Неподалеку ухали снаряды в каких-нибудь 30–50 метрах от нашей колонны. Мы рассредоточились. Сначала рота от роты набрала интервалы, потом взвод от взвода и, наконец, расчет от расчета. Но ничего дурного на сей раз с нами не случилось – все люди целы. Очевидно, потому, что немец увлекся агитацией и немного прекратил стрельбу, чтоб на передке могли слушать.

Радио было установлено где-то недалеко от переднего края и говорило так громко, что большинство слов агитаторов удавалось легко разобрать.

Говорили по-русски. Предатели из кожи вон лезли, чтобы хоть немного успокоить израненную, доживающую последние дни свои, немецкую душу гитлеровских разбойников. Они лаяли и хрипели в выброшенный наперед рупор, доказывали, что «Сталин завоевал пространство, но проиграл политически». Подумать только, какая крайняя наглость у этих мерзавцев! – за недостатком собственных мыслей они присваивают себе гениальные мысли нашего Сталина[14]. Напрасно, ибо это вызвало в сердцах советских людей только смех, презрение и ненависть, но убедить разве может кого пустой лай взбесившейся и покинувшей дом отчий (чтобы вредить ее обитателям) собаки? О, никогда, нет!

«...история войн учит, что большевизм неминуемо должен погибнуть, завоеванная земля не спасет Сталина от разгрома. Мы боремся за ваше освобождение, братья...» И не стыдно им называть нас братьями, тех, кто честно защищает родную землю от кровавых нашественников, не стыдно утверждать, испытавшему не однажды их «добродетельность», советскому народу, что он-де, предатель, борется за дело народа! Какое невероятное кощунство и какая наглость! Особенно меня поразил призыв ко всем национальностям Советского Союза, в котором они, «последовательные националисты-шовинисты, ратовали за счастье всех национальностей». В жизни не слыхал такой глупости. Ведь для них это равносильно, что самим бить себя по лбу. Очевидно, они поняли, что им терять нечего, и лишь болтовня их вызовет снисхождение у разорившегося гневного хозяина: бросит он им краюшку порченого хлеба – пусть лают.

Выступало три подлеца-предателя. Один из них призывал переходить на сторону немцев. Старая побасенка, давно уже переставшая быть убедительной: «Вы видите, как ежедневно все новые и новые русские люди переходят на нашу сторону, вы видите, как они борются с большевизмом. Теперь мы стоим у ворот победы (!!!), переходите на сторону немецких братьев (!), и война для вас будет окончена».

Другой уговаривал, что мы боремся за кучку тыловых крыс. Подумать только, как быстро и умело они подхватили ходкое у фронтовиков выражение, наивно полагая, что это поможет их агитированию.

Третий утверждал, что предателей на стороне врага накопилось уже четыре взвода[15]. Впрочем, до конца ему не дали договорить. Забила наша артиллерия и оборвала этот позорный балаган с чужой, даже на грамм не русской, музыкой, и совершенно нечеловеческим блеяньем омерзительных выродков народа.

Радио перестало «веселить» публику. Наступил продолжительный артиллерийско-пулеметный разговор. А когда вдруг образовалась пауза, кто-то с немецкой стороны крикнул по-русски: «Почему стреляете, когда Германия разговаривает с вами?!» Ему ответили, еще бы не по-русски: «х... на!» И опять началась стрельба уже с обеих сторон, грозная и не умолкающая до самого нашего ухода.

С нетерпением жду развития событий, когда начнется оно, желанное наступление, и мы двинемся вперед неудержимым потоком, громя и уничтожая проклятых врагов земли русской. Ведь так надоело это томительное и неопределенное стояние на одном месте. Зима с морозом, невзгоды и лишения, разлука с родными, близкими, армия, наконец, от которой вряд ли вообще когда-либо избавлюсь...

Вчера и сегодня и все дни нашего следования сюда и пребывания здесь, завтрак и ужин – вода. Ну хоть бы назло попался мне кусочек мяса или же крупинка картошки. Обед более-менее подходящий. А ведь продукты те же, что и прежде были на месте стоянки в лагере.

Обед сегодняшний сглазил (писал какую-то чепуху перед обедом) своей похвалой. Он оказался еще хуже завтрака, и если добавить к этому, что хлеба на обед не хватило, то голодавший когда-либо человек поймет, что водой не очень-то напитаешься. А ведь работа адская предстоит сегодня солдатам – еще только треть сделано по оборудованию ОП, не говоря уже о землянках и НП. Газет и писем тоже не слышно – ну прямо оторвались от жизни и только.

Плацдарм здесь за Вислой большой и клинистый. Место, где мы должны располагаться, со всех трех сторон находится под обстрелом неприятеля – ракеты носятся и брызгают светом справа, слева, спереди и даже немного сзади нашего расположения, пули тоже.

07.01.1945

[*Три строки нрзб*] об этом мне рассказали следующие события, развернувшиеся к исходу дня на 06.01.1945. Разведка боем, в которой основную роль возлагали на штрафников[16]. Немецкая агитация у них вызывает смех и презрение, однако на днях из взвода, который я называл прежде, в другом месте, на нашу сторону перебежал немецкий артиллерист, так что мы квиты. Вообще здесь творились такие дела, что ни в сказке сказать, ни пером, пожалуй, описать. Так, однажды, немцы утащили пушку 45[мм], а расчет разогнали.

Исходил я вчера оборону от края переднего и глубоко в тыл, всюду видел столько интересного, что насилу ухватил все виденное мною. Целая артиллерийская дивизия с газетой «Советский артиллерист» стоит на этом участке. Несколько гвардейских дивизий, несколько артполков и, наконец, наша артиллерия – то-то силища!

Вчера утром начали готовиться к местного значения операции. У штрафников отобрали документы, вещи, заставили их надеть каски во избежание напрасного риска, за несколько минут до артподготовки уведя подальше в тыл.

Артподготовка предполагалась на четыре часа. Штрафники легко посвятили меня в эту, казалось бы, святую для них тайну, и я был ко всему подготовлен заранее.

Вообще же здесь не умеют держать язык за зубами, а часовые просто-таки преступно относятся к своим обязанностям. Особенно мне запомнился случай в траншее, когда я искал со своими бойцами ночлег. На передней линии мы были новые и незнакомые никому люди. Тем не менее, когда мы на оклик часовых отвечали «свои», они пропускали нас без лишних вопросов и без проверки документов – «идите, раз свои». Я оставил Деревьева, а сам с Наконечным пошел дальше по передней траншее. Один часовой нас окликнул и попытался, было, не пускать дальше, но его одернули сразу несколько голосов: «Какой ты бездушный человек. Людям надо пройти, а ты не пускаешь

из-за своего принципа», и он отступил, стушевался, и только через несколько минут, когда мы разговаривали с бойцами у одной из землянок, он жалобно попросил нас: «Ну, идите дальше скорее, а то меня будут ругать. Идите дальше, там есть другие землянки». Мы пожалели беднягу и ушли вперед по ходу сообщения.

«Стой! Пропуск!» – громко окликнули нас у одной из стрелковых ячеек. – «Свои!» – «Пропуск!» – «Мы не знаем» – «Как не знаете?» – изумился часовой, – «Пропуск старый, вчерашний» – «Дайте, хлопцы, закурить». – Наконечный вынул немного табаку. – «А какой пропуск? Я позабыл» – почти не надеясь, что он мне скажет, спросил я. – «"Танк!", ребята». – И с пропуском мы прошли совершенно беспрепятственно километра на два вдоль переднего края.

Но вернусь к бою вчерашнего дня. Едва только мы достигли желанного расстояния от переднего края, как раздались первые выстрелы артиллерии. Мы зашли в блиндаж, что желтел неподалеку от кургана свежей землей, – очевидно, только что был построен. Сразу же началась подготовка. Ее нельзя было назвать слабой, но для данного участка она оказалась недостаточной. Противник, не будучи оглушен, остался доволен, ответив весьма ожесточенным огнем, не прекращающимся до следующего утра, т. е. сегодняшнего.

Вот и сейчас, когда я нахожусь в трех километрах от того места, на передке не прекращается ожесточенная перестрелка, и снаряды гремят непрерывно. Результаты боя мне не известны, но рассказывают, что пехота ворвалась в неприятельскую траншею и захватила семь немецких языков[17].

Ночью пехота отошла на свои места, но противник сильно растревожился и не успокоился до настоящей минуты. Яростно рычат немецкие коровы – шестиствольные минометы врага, их-то здесь хватает[18]. Гремит тяжелая артиллерия, но все-таки в ходе этой операции уже ясно обозначилась слабость неприятельской артиллерии по сравнению с нашей и неумение ее использовать достаточно эффективно, дабы обеспечить пехоте стойкость в бою.

Впервые получил сегодня несколько писем, на три адреса.

Пехота наша находится теперь неподалеку, в пяти–десяти километрах за Вислой, сразу в лесу[19].

[Дел] не весьма много, но по сравнению с другими и того, что сейчас есть, – предостаточно. Теперь я уже могу переходить на свою оборону. Остальные взвода даже столько еще не отрыли – земля, поистине, неодолима.

Ночевал в землянках у штрафников. Их здесь много – несколько отдельных рот. Основной состав пехоты на передке – гвардейцы. Каноненко рассказывает, что они не раз драпали, когда стояли рядом со Сталинской дивизией – нашей[20].

Штрафники с радостью согласились нас принять на ночь, когда узнали, что мы с табаком. Обкурили Наконечного и Деревьева до ниточки. Но жилье штрафников, показавшееся сразу нам таким привлекательным и уютным, на самом деле было очень неудачным в эту ночь. Пришли бойцы с поста, началась ругань между штрафниками из-за места и продолжалась всю ночь, вплоть до нашего ухода – часов в шесть утра.

Штрафники много рассказывали о своей жизни – хвалили, но ясно было, что мечтают-то они о другой службе честными, оправданными солдатами.

Кушают они лучше нас – у них своя кухня.

08.01.1945

Я очень тепло одет. На мне две гимнастерки, свитер, нижняя рубаха, телогрейка и шинель, кальсоны, брюки, теплые брюки ватные. И все-таки вши не заводятся.

10.01.1945

Получил вчера много писем. Два от мамы, два от папы, по одному от тети Ани, тети Любы, Оли, К. Барановой, которую я первую из всех девушек (кроме Оли) поцеловал; открытку с цветком от Ани Короткиной, открытку от Ани Маринец и, самое замечательное, – два теплых письма-поздравления с не менее удачно подобранными видиками от Нины Каменовской.

Ответил, однако, не всем. Решил быть открытым, если не до конца, то хоть наполовину с мамой, папой и рассказал им кое-что из моей настоящей жизни.

13.01.1945

Каша заварилась, что называется. От противника нет спасения буквально. Сыпет и сыпет снарядами, очевидно, предлагая начало больших действий[21].

Насыщенность нашей обороны всеми видами вооружения очень велика. Враг в несколько раз слабее нас и, несомненно, не выдержит с самого начала артподготовки, однако нельзя не ожидать, что первые 20–30 минут он еще будет отстреливаться, и тут только держись, Иван!

Сегодня он нас накрыл. Осколки усыпали весь стол для миномета, но все остались живы. Считаю это чудом.

14.01.1945

Четыре пятьдесят утра. На дворе еще темень непроглядная, а фриц донимает душу яростными налетами. Сердце колотится, коло-

тятся мысли и не могут прийти в спокойствие. Как это жутко, когда рядом гремят, воют, рявкают снаряды, а ты сидишь ни жив ни мертв и дожидаешься решения судьбы, уже не раз вмешивавшейся в твою историю.

Свет тухнет за каждым разрывом снаряда. Земля осыпается, она тоже нависла серым кошмаром над моей головой. Толщина ее слоя сверху 50–60 см. Я в тоннеле, прорытом от огневой вправо на один метр или, самое большее, на полтора в глубину. Выход в сторону противника очень опасный. Как никогда навис дамоклов меч[22]. Мы на глазах у неприятеля, и все самые яростные его налеты посвящаются нашей позиции и отзываются в наших сердцах тоской отчаянной. Бойцы ругаются, им страшно. Но я молчу, не подаю вида, что боюсь, – командир должен обладать железными нервами.

Еще артподготовка наша не началась, кажется, в пять часов утра ее время.

Смотрел карту со схемой немецкой обороны. Что-то непостижимое, но наша в трикрат сильнее! Вчера ходил в шестую роту по вызову комбата соседнего стрелкового батальона, который мы временно поддерживаем. Там, после одного из налетов артиллерии врага, убито четыре человека. Лежат прямо в ходу сообщения, искромсанные, окровавленные – их некогда убирать.

Наши минометы расположились густой цепью у самого переднего края – минометы всей армии! Впереди, метров 20, артиллерия 45[-мм], тоже цепью. Сзади 76-мм. А еще дальше... Что и говорить. Видел я множество «Катюш», «Иванов Грозных» или, как их называют, «Мудищевых»[23], видел я массу танков, самоходных пушек и вообще, чего я только не видел в стане нашей обороны, но все-таки враг не сразу умолкнет, у него тоже много техники, и подавить ее очень трудно. Этот прорыв будет самым потрясающим и самым значительным из всех существовавших ранее, ибо здесь противник более полугода укреплялся и подтягивал силы и технику.

Впереди нас речка – форсировать придется. Мороз слабый, даже снег растаял. Впереди железная дорога – доведется овладеть и ею.

Принесли завтрак. Много, горячий, но невкусный, без заправки – жиров, мяса. Суп пшеничный или перловый – мне эти крупы так приелись, что даже не упомню их названий – бывает всяко.

Опять налет. Свет потух. Пишу в темноте, а снаряды гремят, сердито воют, злорадствуют нет, брешете! Зажгут свет, и тогда увидим, чья взяла. Со светом и на душе спокойнее. И хотя разрывы не умолкают, земля и руки дрожат, мысли прыгают, а разум сбивается, воздух свистит и воет, звякают и с треском ударяются оземь сотни бесформенных, пронзающих осколков – я все же способен владеть собой и пишу.

Опять погас свет. Очевидно, немец разгадал наши планы, вернее, ему выдали предатели-перебежчики. Их было много. Зажгу коптилку, черт с ним!

Налет перенесся вправо и пошел далеко в сторону. Очевидно, последний, ибо прокатился он через всю оборону, как волна на море, и последние его отзвуки раздаются не близко. Новых выстрелов не слышно, и только пулеметы изредка заливаются длинными очередями.

Темно по-прежнему. Немец глупый, но не настолько, чтобы не понять, что выдает свои ОП ночной стрельбой из орудий и минометов. Поэтому, наверно, он умолк и тоже ждет рассвета, начала нашей артподготовки.

На место грозного урагана пришел тихий ветерок в виде пуль, взвизгивающих то и дело над нашими головами. Они безобидны для нас.

Хочется спать. Я нисколько не вздремнул за всю ночь, хотя ничего полезного не сделал, разве только писем штук десять написал за это время. Хочу вздремнуть. Авось все обойдется. Спокойно вздохну лишь тогда, когда мы прогоним отсюда немцев. Больше такой открытой и опасной обороны, думаю, не встретится.

Немец полный дурак – стреляет. Пусть себе. По вспышкам засекут наблюдатели его огневые средства, и тогда живого места не оставят наши пушки там, где они стоят. Нам легче будет, авось те батареи, что сюда стреляли, будут подавлены сразу, и мы будем спасены.

15.01.1945

Вторые сутки боев. От первоначального месторасположения километров 14–15. Артподготовка была неимоверная, но, думается мне, слабее, чем в [19]43 г. у Ново-Петровки.

18.01.1945

Пятый или четвертый день в пути – дорога в наступление. В деревне Вицент[ув].

19.01.1945

г. Белевы.

Трофеев здесь очень много разбросано. Кругом – огни пожарища. Немцы зажгли склады, все ценное пытаясь уничтожить. Однако им это редко удается.

Дорогой встретил первые пожарные команды на спецмашинах, спешивших спасать трофейное имущество и народные здания.

Наши славяне пообъедались. Ходят животами крутят. Повидло целыми ведрами достали, сало, мед и т. п.

Я достал самое главное – бумагу. Теперь писать есть на чем. Карандашей много и хорошие, химические, лучших сортов. 80 руб. польских злотых нашел, купил на них конфеты. Магазины работают сразу после боя. Немец ушел отсюда вчера на рассвете.

Поляки скупы и жадны. Продают дорого, но не все. Водку, вино и продовольствие берегут, ожидая повышения цен. Кусочка хлеба не дадут бесплатно, за все им плати пенёнзы[24].

Мужчины и молодежь почти все дома. В армии поляки служить не хотят. Города здесь маленькие, но красивые и многолюдные.

По лесам много солдат противника. Их вылавливают сотнями. Так, вчера вели навстречу нам более 200 человек. Несколько раз и мы занимали круговую оборону – вели бои с остатками рассеянных войск неприятеля.

Командир роты оказался сопливым мальчишкой – ни больше, ни меньше. Он придирается на каждом шагу и к каждой мелочи. Я с начала своего пребывания в роте веду себя дисциплинированно и не ругаюсь с ним, как другие, а ведь его не слушаются даже бойцы. Он разложил дисциплину в роте, Каноненко и Шитикова боится, те верховодят им и вообще – в роте бардак невообразимый. У Шитикова отстало два человека – несколько дней их нет. У меня отсутствовали несколько часов и пришли двое, но он поспешил пригрозить: расстреляю тебя в первом же бою и отстранил от должности. Пусть так, решил я и поехал на машине вперед. Заехал далеко от своей колонны. Там наткнулся на комбата. Он вдрызг пьян был. Я угостил его конфетами и спросил маршрут. Он не знал сам[25].

В период марша командир роты вместе с лейтенантом Шитиковым, ничего не сказав, ушли на отдельную квартиру, где ординарцы приготовили им ужин и завтрак, и где они хорошо отдохнули, придя в расположение только перед рассветом. А когда в других взводах оказались непорядки, капитан стал обвинять и ругать матерно меня, хотя не оставлял за себя перед уходом и не поставил меня даже в известность об этом.

Когда мой ординарец, ефрейтор Наконечный, достал золотые часы, он подарил их командиру роты и с тех пор стал вьюном. Крутится возле него, подыскивая сигары. За все время марша ни разу не спросил у меня разрешения уйти, а когда я делал ему замечания, он ссылался на разрешение командира роты, и тот неоднократно вступался за него. В результате он совершенно перестал считаться со мной и из дисциплинированного бойца превратился в яростного и злостного нарушителя дисциплины.

Не раз от него можно было услышать, что мое приказание не играет роли, так как его легко и несомненно отменит командир роты. А на днях, когда я временно передал Наконечного в первый взвод и требовал

по истечении необходимости в нем там обратно, лейтенант Каноненко отказался мне его возвратить, а сам Наконечный заявил мне, что «раз Каноненко сказал, то так и будет, а ваше слово пустой звук».

Однажды, когда бойцы Березнев и Наконечный стали задевать бойцов, проходивших мимо, и обзывать их беспричинно матерными словами, я запретил им повторять подобные штуки, объяснив всю пошлость и некультурность их поступков. Однако Наконечный, а затем и Березнев, издеваясь над моими замечаниями, стали наперебой оскорблять первых встречных им красноармейцев. Тогда я заявил об этом командиру роты, но тот только посмеялся в присутствии самих Наконечного и Березнева и др. После этого и по настоящий день эти бойцы не прекращают своих пошлых выкриков и особенно упорно употребляют их в моем присутствии.

Приведу пример:

– Березнев! – кричит Наконечный.

– А?

– Х... на!

– Наконечный! – окликает Березнев.

– Ну?

– Х... вогну! и т. д. и т. п.

Так командир роты позаботился о разложении дисциплины во взводе и, в особенности, о подрыве моего авторитета.

Дошло до того, что в присутствии бойцов он, капитан Рысев, стал по всякому поводу и без всякого повода называть меня «расп...м», «х...м», «дураком», стал говорить, что любой боец лучше меня сможет командовать взводом (при бойцах), что я не офицер, а гавно, что в первом же бою он меня расстреляет и т. п.

Вслед за ним стал угрожать мне расстрелом лейтенант Каноненко. В присутствии бойцов он называл меня не менее нецензурными словами, затем принялся утверждать, что раньше я «работал начальником ОВС и ни х... не воевал». Дальше – больше. Однажды в меня полетели горшки и кувшины, брошенные Каноненко в пьяном виде. В другой раз Каноненко вынул револьвер и стал крутить им перед моим лицом. В третий раз Каноненко организовал стрельбу в помещении – левее того места, где я сидел. И всегда, как только Каноненко оказывался пьяным, единственным и, по-видимому, излюбленным предметом его нападок являлся я.

Впрочем, командиру роты, не секрет, тоже неоднократно доставалось от Каноненко. Но он[26] [*продолжение отсутствует*].

21.01.1945

Село Руштув; по правую сторону дороги, ведущей до Кутно[27].

До Кутно осталось не более десяти километров. Здесь я решил заночевать с солдатами. Старший лейтенант-медик из полковой сан-

части еще позавчера перепил сильно, уехал на лошади вперед и, очевидно, куда-то заехал. Я остался с бойцами и, хотя мог еще позавчера ночью догнать свой полк на любой из попутных автомашин, остался ехать на повозке, ибо совестно оставить 20 бойцов на произвол судьбы – они не найдут своих, отстанут и будут считаться дезертирами.

Так, вчера, когда я шел сзади, они два раза сворачивали совсем на другую дорогу, ведущую в сторону от нашего пути. Взвод мой остался там без командира, но чем я виноват. Капитан сам будет расплачиваться за свои действия – он отстранил меня от должности за то, что у меня отстали на два часа Чередниченко и Деревьев, и поручил командовать помкомвзводу Концу.

В этом селе меня приняли очень хорошо. Хозяин дома, где мы остановились, долгое время батрачил у немцев, и дом его уцелел. Остальные поляки, эвакуировавшиеся в протекторат, начинающийся от Ловича[28] на восток, лишились хозяйства, жилища. Их дома были разрушены, в новых поместились немцы – эту территорию они считали своей, а не польской и заселили ее людьми своей «высшей расы». Так что сейчас мы проходили по территории, где уже немцы жили. Тут больше богатства, чем в восточных районах, где немцы грабили до предела. Свое хозяйство увезти не успели немецкие колонизаторы и оставили массу курей, поросят и пр.

Я разместил солдат на квартирах по два-три человека в каждой. В одном из домов хозяева только вернулись после четырехлетнего отсутствия и застали дома богатое наследство от немцев. Солдаты расспросили, разузнали все, а потом заказали хозяевам приготовить им богатый обед. Поляки зарезали пару курей, принесли кислой капусты, а сами солдаты после тщательных поисков нашли водку, помидоры. Хозяева удивились: «Мы еще сами не знали, что там есть. А вы уже успели разведать».

Немцы рыли сильные укрепления. Все население мобилизовывали на работы. «Скоро, скоро, рус не будет чекать[29]», – рассказывают поляки, подгоняли немцы. Мосты, почту, телеграф, железную дорогу – все оставили, не разрушив, солдаты неприятеля – уж больно быстро их гнали.

Рассказывают, что здесь жила русская немка из-под Николаева. Она хвалила советские земли и жизнь, но боялась, что ей попадет, что она выехала из России. Немцы забрали ее сына в армию, и это держало ее по эту сторону фронта – я бы давно убежала к своим, – так она называет русских.

Одного немца публично расстреляли, когда немцы одерживали успехи в [19]41-м. Немец этот был дальновидным человеком и открыто говорил своим соотечественникам: «России вам не победить». Его расстреляли и сожгли как изменника. Немцы были тогда сыты,

довольны, они шли вперед, даже летели вперед. Теперь, рассказывают жители, они отступали в панике, были изможденны и разочарованы. Один молоденький фриц пришел в квартиру, тяжело опустился на стул и со вздохом сказал: «Я не могу больше идти, лучше сдамся в плен», – и заплакал.

Сейчас немцы отступают пешком. Им трудно, пожалуй, трудней, чем нам было в [19]41-м. Немцев обошли с северо-запада, отрезали им пути отхода – рассказывают поляки, в Кутно они все побросали, и сами были перебиты и взяты в плен.

Жители разговаривают на смешанном польском. Немецкий язык отдельными фразами и словами засоряет польскую речь. Здесь запрещали говорить по-польски.

Читал власовскую газетку[30], какой юмор! «[19]45 год будет поворотным в истории. В этом году мы победим!» – говорит этот продавшийся мерзкий генерал. Доктор Геббельс выражается интереснее – его статья опубликована тоже. Он говорит: «Враги утверждают, что Гитлер болен, но это неправда. Фюрер крепок духом, и на этом покоится сила немецкой армии». Умереть можно, до чего парадоксально и наивно придумано!

Некий Бардониец выражает свою предательскую сущность в стихах. Какая бедность языка у всех этих собак. Неужели они могут считать еще себя русскими?! Ведь они хуже немцев! Что может быть отвратительней предателя Родины?!

Наступает рассвет. По местному времени половина седьмого. Мы собираемся. Впервые в Польше ел курятину, бульон, какао пил и хорошо отдохнул в постели.

Надо двигаться. Хозяева хорошие, кормят как на убой, приговаривая, что мы в дороге, нам нужно покушать. «Данке»[31] – пошло уже. «Не будем видеть, нехай он там пропадет, сукин сын», – говорит хозяин своему сыну, и нам радостно, что нас хорошо приняли.

Сержант и бойцы, что со мной, наперебой расхваливали, как нас кормят, как одевают, какова наша техника, вооружение, страна, территория, люди, армия, а я поддакивал им и прибавлял от себя, например, что на одного нашего бойца работает 15 человек в тылу – пять на продовольственном обеспечении и 10 на вооружение. Поляки почти с любовью отзываются о России и восхищаются ее могуществом.

Вечер поздний. Бжезины[32] – деревня близ города Владавы[33]. Здесь опять хорошо нас встретили.

Сегодня ночую с ротой, однако моего взвода и повозки нет с нами, – они остались в Кутно ковать лошадей. Капитан страшно мне обрадовался и протянул первый руку после размолвки между нами. Впервые он стал разговаривать со мной по-прежнему. Оказывается,

так говорили бойцы, майор сильно ругал Рысева за меня и приказал во что бы то ни стало к исходу нынешнего дня отыскать меня и доложить ему об этом. Я предрешил исход всем неприятностям капитана своим неожиданным возвращением. Доложил майору. Он ничего не сказал, только спрашивал насчет лошадей, где они, которых мы достали.

Кутно коснулся только слегка. Видел один костел и прилегающие к нему некоторые дома. Остальной город скрыл от меня густой, непроглядный туман и свернувшаяся влево дорога. Костел огромный, красивый – мне очень понравился.

В городе немцы побросали так много трофеев, что об этом уже прогремело по всем деревням района. Люди боятся военных – немцы напугали – и прячутся, боятся выходить и трофейничать. Все немецкое, за исключением пустяков, достается нам.

Солдаты ведут себя безобразно. Мало того, что воруют и отбирают лошадей, но они еще умудряются шарить в квартирах, красть-отбирать велосипеды, имущество, свиней, коров и прочее. Люди, которые всей душой рады нам, смотрят после этого разбоя с недоверием, а то и с неприязнью на нас. Я противник партизанщины в Красной армии, в особенности с местным населением.

Глаза слипаются, спать хочу.

22.01.1945

Деревня Свянтково (близ городов Яновец[34] и Жмин).

Нынешнюю ночевку можно назвать удачной, хотя плохо спал – сильно потер ноги (болели) и потел под пуховой периной. Ну, как только поляки спят? – ведь жарко безумно.

Дома здесь каменные. В этих районах люди добрее несравненно, испытали горе, встречают нас как родных, и нам живется как у себя дома в Николаеве, в Одессе и лучше, чем в Ростове – там у населения ничего не осталось.

Паны-колонизаторы бросили все, убегая: лошадей, скот, имущество. Наш полк стал транспортным – буквально вся пехота села на лошадей. Командир полка сказал, что временно разрешили, чтоб люди ехали, но в первом бою все будет по-прежнему, ибо при ограниченном числе людей невозможно, чтобы все были ездовыми, а воевать-то кому?

Трофеями живем, водки – безмерно. В каждом селе, у каждого немца-колонизатора был и остался спиртовой завод. Самый обыкновенный спирт-сырец люди пьют до упоя. Многие выжигают себе внутренности, но это не останавливает. Один боец сгорел – умер.

Мама пишет, чтоб я ей выслал посылку. Непременно постараюсь, но неудобно, что она сама мне напомнила, я бы догадался. А то вы-

ходит нечто похожее на Эренбурга: немецкая Гретхен пишет своему мужу: «Пришли мне рейтузы...» и т. п.[35]

Оля интересно рассказывает, как они там, девочки, праздновали Новый год и вшестером гонялись за одним юношей-студентом, который, хотя и не совсем хорош собой, но все же, за неимением лучшего, подходящий. Но и тот сбежал – какой парадокс! Тень гордости и упоения не сходит с лица моего. Как это не похоже на гордых девушек-львиц. Не они ли когда-то считали себя выше всех, умнее всех, а теперь унижаются так перед всяким парнем, лишь бы он был хоть на грамм мужчиной. «Не подумай, что мы уже совсем уроды», – оправдывается Оля за свою неудачу.

Наступление наше имеет важное значение. Мы (полк 1052) особенно отличились. Всех офицеров представили к награде. Сейчас, перед маршем, на партсобрании. Повестка: итоги боев и задачи парторганизации на будущее. Комбат майор Бойцов в докладе по этому вопросу. Сейчас на марше в роте отсутствует 12 человек у Шитикова и Каноненко, нет и самого последнего. Комбат предупреждает в своем выступлении о снижении награды за утерю людей.

Ручка моя плохо пишет – перехожу на карандаш.

До Познани[36] 90 километров. Девушки внимают нам и восхищенно приветствуют своих освободителей. Вчера одна паненка подарила мне зеленый букетик подснежников, и я долго держал его возле самого сердца, пытаясь не упустить из памяти незабываемое мгновение.

Вчера, рассказывает комбат, бойцы зашли на спиртзавод, и в это время вооруженные немцы напали на них. Жители предупредили вовремя, и два немца были убиты, остальные разбежались.

Пишу в темноте и спешке.

26.01.1945

Еще темно. Сейчас двигаемся. Маршрут 50 километров. Нынче будем в Германии.

27.01.1945

Село ... в трех километрах от германской границы, которая проходит вдоль по реке ... довольно таки широкой и многоводной[37].

Уже рассвело. Спали часа два – не больше, и сейчас опять двигаться. Уже стали действовать вши. Постепенно. Наглее и наглее становятся, живут, размножаются – дело плохо и пахнет керосином, как говорит Каноненко. Он, между прочим, нашелся. Опередил нас, приехал сюда, два дня жил, запасся вареньем, повидлом, курятиной и ждал нас с богатым трофейным ужином. Выпивал на этот раз и я. Не удержался, выпил предложенные две стопки спирта, до предела

намешав его водой. Напиток оказался слабым, но и от него опьянел. Канонеко и Шитиков нахрюкались.

28.01.1945

Германия.

Через 38 километров от прежней (вчерашней) ночевки. Таким образом, за два дня – 90 километров. Германия встретила нас неприветливо: метелью, ветром лютым и пустыми, почти вымершими деревнями. Люди здесь – немцы – боятся гнева русского. Бегут, бросая все свое хозяйство и имущество.

Еще в Польше нам встречались люди с надписями на рукавах «Р», с бело-красными полосками через рукав и с такого же цвета значками на груди[38]. Каждому хотелось сказать, что добрая половина немцев перекрасилась под польский цвет.

Граница на весьма широкой реке, а по эту сторону какое изобилие лесных массивов, гор. Местность пересеченная. До Берлина недалеко. Германия пылает, и почему-то отрадно наблюдать это злое зрелище. Смерть за смерть, кровь за кровь. Мне не жалко этих человеконенавистников.

Здесь мы застали трех спящих немцев. Они все молодые. Сильно перетрусили, дрожат и говорят «капут»[39].

30.01.1945

Нам не дают отдохнуть. Сегодня пришли в пять часов, а в семь был организован подъем, так что только успел поужинать, и отдых кончился. Обижаться, конечно, не на кого. Каждый наш шаг имеет крупнейшее историческое значение. Вот почему об отдыхе думать не следует.

Жители страшно перепуганы. Когда мы пришли, они все подняли руки кверху и спрашивали со страхом: «алес капут, алес капут?»[40] У них сделали переворот, все нужное забрали. Роскошь обстановки неописуема, богатство и изящество всего имущества потрясает[41]. Вот когда наши славяне дорвались!

Никто никому не запрещает брать и уничтожать у немцев то, что они награбили у нас раньше. Я весьма удовлетворен. Не нравится мне только безрассудное буянство Шитикова и, в особенности, Канонеко. Вчера, например, Рысев разбил бюст Шиллера[42] и уничтожил бы и Гёте[43], кабы я не вырвал его из рук сумасброда и не схоронил, обмотав тряпками. Гении не могут быть приравнены к варварам, и уничтожать их память – великий грех и позор для нормального человека[44].

Канонеко идиот в самом буквальном смысле. Сегодня, да и каждый день, пожалуй, напивается до безсознания и начинает стрелять

из любого, подвернувшегося ему оружия, бросать в людей, что попало под руку. В этом отношении немало достается и мне, и хотя он слабее меня, я все же не решаюсь с ним сталкиваться, ибо не верю в его рассудок. Сегодня мы поругались, и он разбил об стенку, промахнувшись в меня, большой глиняный горшок. Я удивляюсь, как ему все сходит – он и Рысева бил, и замполита роты.

Денег запасся – семь тысяч (!) немецких марок. Они не сойдут с рынка, да и позже пригодятся. Среди немецких денег нашел и своих десять рублей.

02.02.1945

Попали под бомбежку. Немецкие коршуны ненасытно грызут колонну. Бойцов рассредоточили по сторонам, а на дороге остался только обоз с конюхами. Колонна стала. Вот уже полчаса стоит.

03.02.1945

Лес у реки Одер.

Свой дневник оставил.

Движемся по направлению к реке, где сейчас идут очень жестокие бои. Над головами у нас кружатся вражеские стервятники, хлещут длинными, а чаще короткими очередями разрывных пуль из крупнокалиберных пулеметов.

Отдохнуть не пришлось. Занимался ночью очищением сумок от излишнего трофейного барахла – носиться ведь невозможно.

Получил письма от мамы, Оли, Зои, Саши, но ответить им буквально не в состоянии – время. Сейчас оно как воздух на учебе – по миллиграммам.

Немцы боятся, трусятся. Они почему-то все глупые, недалекие, как истуканы, чего я при всем моем о них мнении, никак не мог ожидать раньше.

04.02.1945

Вечер. Противник измучил нас своим упорством. В стрелковых ротах выведена из строя половина личного состава.

Здесь в подвале жарко и потно – верх горит, подожженный неприятелем. Крыша почти сгорела, хотя потолок крепок – он каменный. Враг неистовствует. Неустанно гудят бронетранспортеры и танки неприятеля. Танки близко. По ним стреляют наши «сорокапятки»[45].

05.02.1945

Маршал Жуков за период нашего наступления вторично объявил нам благодарность. Вчерашняя ночь была очень важной для нас и для всего фронта. Мы удержали плацдарм, на котором накануне полегла,

не удержав его, почти вся 248-я. И опять нас выделили и отметили в среде высшего командования[46].

Сегодня отправился в домик, что на нейтральной полосе, и тут-то случилось новое, выдающееся для меня событие, где судьба как никогда отчетливо показала свою мне благосклонность.

6 или 07.02.1945

До Берлина 70 километров, а до дня окончания войны... далеко еще, видимо. Немцы не только сопротивляются, но и способны задержать нас (несколько дней мы топчемся на месте) и наносить нам невосполнимые потери. По меньшей мере половина людского состава оказалась за эти дни в лапах смерти, получила ранения, контузии.

Кошмар непередаваемый, да и только. Вчера в этом полуразрушенном подвале, где я сижу, ранило трех человек (одной миной). Сегодня убито два зенитчика, один тяжело ранен, ранен также военфельдшер и боец минометной роты. Это только на стопятидесятиметровом по фронту участке нашей обороны. А что у стрелков творится! Вчера я с вечера и до рассвета просидел у них на передке и десять тысяч раз проклял свою жизнь за это время. Намок и продрог.

Землянка, которую я подрывал тоннелем в насыпи железнодорожного полотна, обвалилась от ударов снарядов, и счастье мое, что я высунул голову и туловище в то мгновение, иначе меня б задушило землей и льдом, и вычеркнут был бы из списка живых. Ноги насилу откопал, и теперь мне очень больно передвигать ими. Добро еще, фриц не торопится отходить, иначе не знаю, чем бы я его преследовал.

Горит сарай большого немецкого хозяйства во дворе, где я только что перенес все ужасы артнападения. Сюда упал неподалеку немецкий самолет и грохнулся с такой силой и ожесточением, что одним дымом и пылью заволокло все вокруг и стало темно, как ночью. Шитиков забежал, схватил, что можно было успеть взять и, говорят, что он сейчас под двухэтажным домом в подвале и принес туда слух, что мина упала сюда, в подвал. Он трус ужасный, а наградили его орденом Отечественной войны. Вот так оно и ведется. А правда где? Справедливость? Ведь все одинаково головы кладем, рискуем, вместе находимся, воюем. Но один, как Канониенко, глоткой берет, другой, типа Шитикова – подлой хитростью и лицемерием. Таковы факты и таковы люди.

Майора Лаптева вчера ранило. Конца тоже. Наган[47] мой пропал. Майор отобрал его у меня накануне нашего сюда прихода, полагая, что я пьян, и Конец, которому он его вручил, отдал кому-то вместе с поясом, когда его перевязывали.

09.02.1945

Рысев – мальчишка. Опять отстранил меня от взвода и даже замахивался на меня в присутствии бойцов, лаялся матерно. Я не ругался, а только сказал, что ничего культурного и вообще ничего лучшего от него и не ожидал. Впечатление о нем с первого раза складывается как о сопливом драчуне, мальчишке, которого побили, но который не унимается, и еще и еще лезет драться. Такое у него и лицо, и поведение, и образ мыслей.

Я никогда не делал ему ничего плохого, боролся за поддержание его авторитета и вообще всегда был целиком на его стороне, но затем... Какая вопиющая неблагодарность была преподнесена мне Рысевым, и как жестоко обманул он мою преданность и доверчивость.

Вчера он меня вызвал к себе.

– Почему Вы не заходите сюда? – спросил он.

– Так спокойней, – ответил я. – Предпочитаю находиться подальше от неприятностей и напрасных придирок.

– Почему Вы не докладываете о состоянии взвода?

– Вы не требовали от меня докладов.

– Ах, так! Сегодняшней ночью десять раз придете и доложите мне. Расп...й, х..., разъе...

– Товарищ капитан. Вы не забывайте, что я офицер, и хотя я от Вас лучшего не ожидаю, но в присутствии бойцов остерегайтесь называть меня так.

– Дурак ты, вот что. Ученые слова мне разводишь. Тебя расстрелять мало.

– Товарищ капитан, Вы уже достаточно подорвали мой авторитет, и я попрошу Вас не оскорблять меня нецензурными словами.

– Я подорвал твой авторитет? – и он как мальчишка-драчун бросился на меня с кулаками. Два раза ударил меня по лицу, начал выталкивать меня из подвала. Потом отошел, замолчал, через несколько минут предложил: идите во взвод.

Я ушел. Однако не успел я дойти до своего подвала, как прибежал связной Рысева и позвал младшего сержанта Чередниченко. Тот скоро вернулся.

– В чем дело? – спросил я.

– Сейчас узнаете. Третий взвод, ко мне!

Бойцы подошли.

– С нынешнего дня командиром взвода у нас лейтенант Широков. А Вас, – обратился он ко мне, – капитан выгнал из роты.

Я стоял красный, взволнованный, и мне так хотелось изо всех сил треснуть по морде Чередниченко, но я сдержался и молча отошел в сторону.

С тех пор началось буквальное издевательство солдат над моей честью, званием и над моим человеческим достоинством. По всей вероятности, поощряемое командиром роты и Канонен ко[48].

13.02.1945

Как зарождалась слава.

Старший лейтенант Безносов был ранен еще при прорыве Висленской обороны[49].

Полк отличился. Наш батальон вместе со вторым и первым отстояли в двух или трех (не помню) дневных боях с неприятелем плацдарм за рекой Пилица[50]. Стрелки, пулеметчики, артиллеристы 45[51] и мы, минометчики, все сидели в одной траншее – единственном укрытии от вражеского огня. Больше не за что было зацепиться. Вторую траншею враг никак не хотел отдавать, а сзади, вплоть до самой реки, на протяжении 500–700 метров не было места, которое бы не простреливалось неприятелем.

Вся артиллерия, вся техника была сосредоточена на восточном берегу реки Пирица, и батальоны были лишены локтевой связи с поддерживающими подразделениями. Это создавало для нас критическую ситуацию. Противник обладал господством в местности, имел при себе артиллерию и пресловутых «Ванюш»[52], которые все время изматывали душу своим воем и скорым гулом разрывов. Танки непрерывно ревели в 100–200 метрах от нас. Самоходные орудия подходили вплотную к нашей траншее.

16.02.1945

Говорят, на Одере есть один Франкфурт, другой – на Майне[53] но зато вшей!.. Сколько их развелось у меня за дни пребывания в Германии! Ни в Польше, ни в Бессарабии, ни у нас в России у меня еще не было такого количества вшей. Теперь их у меня столько, что они ползают по телу как поросята на германском подворье: и маленькие, и большие, и совсем здоровенные; в одиночку, вереницей... Наверно, съедят... Носить их на своем теле совершенно невыносимо, и это испытание представляется мне более хлестким и изощренным, нежели боевое. Прямо хочется кричать до хрипоты и рвать на себе волосы. Все тело в синяках от укусов этих гадких, опасных насекомых.

Белье не менял с декабря [19]44 г. Оно все грязное и уже рвется – вши прогрызают его, и на теле остается свернутая в комки вата.

Сейчас стоим на месте. Квартиры все обследованы солдатами, и нет подходящего белья для перемены. Нижнее белье получил старшина на всю роту, но когда начался обстрел (он находился тогда у дамбы на Одере) из «Ванюш», старшина бросил все и драпанул от подводы. Тем временем белье украли.

Баню устроить сейчас нельзя – не до этого. Плацдарм наш очень небольшой, но исключительно важный для всего развертывания военных действий, поэтому от нас требуют и даже просят (Берзарин, Жуков) во что бы то ни стало удержать завоеванное.

Погода здесь капризная. Почти ежедневно идут дожди; снега нет, и грязь непролазная заляпала всю землю. Тепло как весной. На Одере тронулся лед, снес переправу и понес ее обломки вверх по течению. Связь с правобережьем прервана. Так обрываются наши надежды, наши мечты и желания поскорее наступать, пробиваться на оперативный простор, брать Берлин с хода и завершать за его стенами разгром гитлеровских полчищ. Все это могло очень просто осуществиться вначале – у немцев было очень мало людей и техники, в особенности, людей.

Но теперь враг подбросил сюда из Франции свежие резервные дивизии, и положение значительно усложнилось. Прорывать опять будет нелегко, и бог весть кто останется из нас в живых до Берлина.

Вчера расстреляли двух самострелов, так что я после ночного дежурства. Весь день был занят на судах. На моем дежурстве в штаб батальона привели бойца-самострела Коляду из восьмерки нашей. Мне старший адъютант приказал следить за ним всю ночь: «Отвечаете головой в случае его исчезновения». Людей мало. Один часовой был в моем распоряжении, но он стоял во дворе, и я вынужден был никуда не отлучаться и держать под личным наблюдением преступника. Сразу поутру его судили и расстреляли за сараем нашего двора.

Другой самострел – лейтенант (!) Первый раз слышу, чтобы офицер стрелялся из-за трусости – левую руку прострелил себе. Молодой, награжденный орденом Красного Знамени и медалью за оборону Сталинграда. Награды у него отняли, имущество личное конфисковали, самого лишили всех льгот и расстреляли как собаку.

Жалко не было ни одного, ни другого, но переживания их передались мне. Особенно в последний момент, когда комендант приказал конвоирам: «По изменнику Родины, огонь!» Он крепко зажмурил глаза, весь сжался, и в ту же минуту три автоматные пули едко впились ему в голову. Он рухнул наземь, обливаясь струйками хлынувшей крови.

Позже начальство ушло получать ордена. Подумать только, какая несправедливость! Вместе участвовали в боях, вместе переживали в одинаковой степени остроту событий, причем Рысев и Шитиков половину времени «болели» – и их наградили орденами Отечественной войны, а мне – дудки! А ведь на плацдарме раньше всех занял ОП на передней линии один я из роты и нашего батальона. Пять дней пробыл со своими минометами, пока накануне самого штурма батальон и рота явились на передок. Ни одного человека не потерял вплоть до Одера.

17.02.1945

Часто размышляю о своей нынешней жизни. Ну чего мне сейчас не достает? Бумаги много, время тоже не покидает меня, есть карандаши и чернила – пиши, дружок, пользуйся возможностью. Но вот два препятствия сильно тормозят мою работу, путают мысли и мучают невыносимо: вши и холод.

С пищей тоже как нельзя лучше: скот крутится повсюду, мечется, мычит и блеет, хрюкает, страдает и... уничтожается везде и всюду в районе обороны. Вот и сейчас одна лошадь, раненая в переднюю и заднюю ноги, стоит, прислонившись к дому на двух ногах, и шатается, вот-вот упадет, а из глаз лошади стекают грязные большие слезы. Она, может быть, что-то думает и, наверно, совсем обезумела от тоски и горя.

В другом месте раненная в спину и голову несчастная корова упала в неглубокий окоп и заплакала громко и пронзительно: Му! Му! Му! Глупая овечка заметалась на одном месте, замотала головой, жалобно заблеяла и упала в смертельной судороге.

Мяса здесь много, убивать не приходится – война сама его отстреливает ежедневно и ежечасно. С рассвета до сумерек жарится картошка, сало. Люди кушают, не поедают, и все стали такими разборчивыми и брезгливыми, что трудно узнать в них висленских воинов, так все переменились в Германии.

19.02.1945

Сегодня опять переходим на новое место в чистое поле. Прощайте, тесные, но теплые подвалы и чердаки домиков, уцелевшие точно специально для того, чтобы мы в них грелись. Прощай, тепло. Теперь опять земля сырая, холодная надолго примет нас в свои неприветливые «стены».

Командиров после злополучного боя 12-го числа осталось мало. Каноненко говорит, что теперь на роту положено два командира взвода. Рысев постарается при такой возможности от меня избавиться, и я снова могу очень легко попасть в стрелковую роту.

Каноненко, Шитиков и Рысев получили награды – ордена Отечественной войны. На меня даже приказа нет. Вот она – вся справедливость и правда на войне.

21.02.1945

Опять заняли ОП у реки Одер на дамбе, но, вероятно, завтра-послезавтра перейдем на совсем открытую равнину. Есть приказ отрыть огневую.

Эту ночь по радио говорили немцы. От имени взятых в плен негодяев они обращались ко всем бойцам и офицерам, называя «товари-

щами». Номера дивизий наших – 301 и 248 – известны немцам, и ими назывались даже фамилии командиров дивизий, их звания, нескольких командиров полков: двоих из нашей и двоих из 248-й, капитана Благина и даже лейтенанта Ставрова. Пленные солдаты все выболтали, и немцы не скрывают этого.

Позавчера на левом фланге действовал женский батальон[54]. Их разбили наголову, а пленные кошки-немки объявили себя мстительницами за погибших на фронте мужей. Не знаю, что с ними сделали, но надо было бы казнить негодяек безжалостно. Солдаты наши предлагают, например, заколоть через половые органы и другое, но я просто бы их уничтожил.

По ту сторону Одера тоже случился бой. Оказывается, группа немцев в составе двух полков пехоты и сопровождении танков шла по маршруту «из Варшавы», отступала, не зная, что мы уже здесь, и неожиданно наткнулась на наши части. Завязался бой. Немцы были уничтожены и частично пленены.

Рысев обосновался в домике, и Каноненко тоже находится там. Ему он боится сказать что-нибудь, но мне – прямо и категорически приказывает (я вчера заглянул туда): «Шагом марш на огневую!»

Вчера вечером приболел. Ночью позвонил Рысев – приказал вести людей на работу. Когда я сказал, что болен, он снова повторил приказание, и я вынужден был прийти в его резиденцию.

– Пойдем со мной, – предложил он мне и завел в соседнюю комнату. – Фельдшер, проверь у него температуру. Тот установил градусник.

Я был растерян и унижен. Первый раз я встречаю подобное обращение с офицером, да еще кто... Был бы он хотя бы комбатом, и то бы обидным считалось его недоверие ко мне, но в данном случае его отношение не имеет себе прецедента. Какой глупый и мерзкий мальчишка.

26.02.1945

С Рысевым у меня снова начались трения. Дело дошло до командира полка (временно и[сполняющий] о[бязанности] Штанько[55]) и до следователя, который разбирал наш вопрос. Рысев написал рапорт, после которого я был вызван к командиру полка. В этом рапорте он оклеветал меня. Сегодня я написал свой рапорт – в нем я разоблачаю несусветную ложь капитана Рысева[56].

Командир полка обещал судить, но в связи с развернувшимися событиями второй день меня никто не трогает. Я же в постоянном напряжении, ожидании чего-то неприятного – люди злы и строят козни, в настоящее время – исключительно Рысев. О Каноненко не знаю, ему сейчас не к чему придраться – он сыт своей славой, каж-

дому показывает свою грудь с тремя орденами и медалью, пишет и просит других писать о нем заметки в газету, рассказывает о своих подвигах и вообще очень увлечен своей популярностью. Я стараюсь с ним меньше встречаться и сталкиваться – с обоими опасно враждовать, как бы ни отвратно было бы моему сердцу их поведение.

Несомненно, Рысев – глупый мальчишка, иначе – забавный котенок, стремящийся показать, что он лев[57]. Канонено – хитрый, ловкий человек, умеющий своими словами, а не действиями, убедить всех, что он незаменимый на войне. Я видел его в боях и хотя знаю, что он не трус, убежден, что свою жизнь он будет спасать всегда и везде, даже за счет жизней своих товарищей, с которыми он считается постольку, поскольку они пользуются авторитетом у комбата и других старших начальников. О Рысеве он говорит, что тот тряпка и у него целиком на поводу. Так оно и есть, здесь я с ним согласен.

Теперь мне приходится опасаться споров с ним, хотя ежедневно он говорит бойцам: «Я тебе не Гельфанд!», но я молчу, будто не замечаю, а на самом деле – как больно, что это ничтожество стало красиво и величественно только благодаря бог весть за что полученным орденам и раздувшейся славе.

В бою 12-го числа я больше сделал, и обо мне больше людей знает и хорошо отзывается, однако скромность помешала мне прославиться, а Канонено везде и всюду кричал о своих действиях, и потом – кое у кого заискивающе, кое у кого – требовательно: «Ну, как я даю?!» И все утвердительно отвечали: «Не меньше!», причем находились подражатели, которые тоже спрашивали: «Ну, а я как давал?!» и, правда, не все, но и тем отвечали: «Не меньше!» и они, чтобы не уронить своего престижа, в один голос подпевали Канонено.

У нас новый замкомбата по политической части, лейтенант. Без орденов. Таких я люблю, если только он фронтовик. Значит, справедливый и скромный парень, и его за это невзлюбили. Ведь меня, например, трижды представляли к ордену (как и всех офицеров по приказу высшего командования), и до сих пор нет даже ни одного приказа. Понятно, я самый незаслуженный человек, не смотря на свое активное участие в боях, особенно 12/II/45, когда почти все, в том числе и Канонено, попрятались в подвалах, и оттуда, по телефону, были героями, а я на поверхности руководил всеми силами обороны: и минометчиками, и стрелками, и даже ранеными. А сколько людей на моих глазах падало, истекая кровью, лишаясь ног, рук, живота, который вместе с осколками вываливался наружу – страшная картина! Но я не замечал ее, а видел впереди, в каких-нибудь пятидесяти метрах наступающих немцев, танки, и для меня это было наглядней всего. Я не трусил, не убегал от снарядов, и судьба меня уберегла, хотя я бегал по двору, устланному трупами людей и животных, усыпанному

щепками, кирпичом, изрешеченному снарядами и минами, окутанному дымом и гарью.

Алексей Толстой умер[58]. Какая обидная утрата перед самым окончанием войны! Ромен Роллан не дожил до нового года одного дня, а Алексей Толстой погиб за месяц раньше, чем окончились мучения людей и злодеяния гитлеровцев на земле, о которых он столько писал в своих острых, бичующих статьях и рассказах. Смерть вырвала у нас большое сердце и страстную, молодую, несмотря на пожилой возраст, душу Толстого. Его жена[59] – я видел ее на фотокарточке – очень любит писателя, предана ему, молода и красива. Жаль ее. Но еще больше жаль литературу, понесшую колоссальную, ни с чем не сравнимую потерю со дня смерти престарелого Роллана.

Алексей Толстой – один из любимых моих писателей и, пожалуй, самый большой после Горького мастер художественного слова. Тот факт, что о его смерти сообщают ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР[60], говорит о значении, которое придавало писателю наше правительство и наша партия большевиков.

Сегодня или, может быть, завтра будем уходить отсюда. Очевидно, нас сменяет другая армия. Точно ничего не известно, но сейчас на другой берег Одера и днем и ночью наши бойцы перевозят мины. Странное дело, ведь отсюда даже винтовки лишней и трофейной не разрешают вывозить, а мины возят. Ведь это только загрузит переправу. Не лучше ли было бы им сдать наши мины, а те, что мы сменим на той стороне, дадут нам такое же количество мин.

Вчера перекинулась лодка с людьми и минами. Шесть человек искупались в Одере, а девять ящиков с минами потонуло в реке. Как это все глупо и неосмотрительно.

Сменяют нас, по-видимому, из-за недостатка людей, а также, мне кажется, из-за того, что о нас узнали немцы, захватившие языков.

Женщины со стороны противника больше не появляются с тех пор, как одной из них проткнули тело колом и послали голую обратно к немецким позициям. Но не исключена возможность, что они могут опять появиться.

Сегодня немец всю ночь делал артподготовку и на участке третьего полка пустил свою разведку. Чем кончилось, мне еще не известно.

Писем сегодня не писал, а вчера только маме и папе по два слова. Времени даже оправиться не хватает – недаром у меня застой желудка сейчас, от которого я сильно страдаю.

В последние дни получил ценные и умные письма от Нины, но некогда ответить толково, а иначе я не могу. Ире Гусевой, Ольге Михайловне и другим нужно непременно хорошо и тепло написать, но время, черт побери, как оно выскальзывает из рук, когда так нужно за него уцепиться.

Владимир Гельфанд с родителями Натаном Гельфандом и Надеждой Городынской. 1927

Владимир Гельфанд. 1936

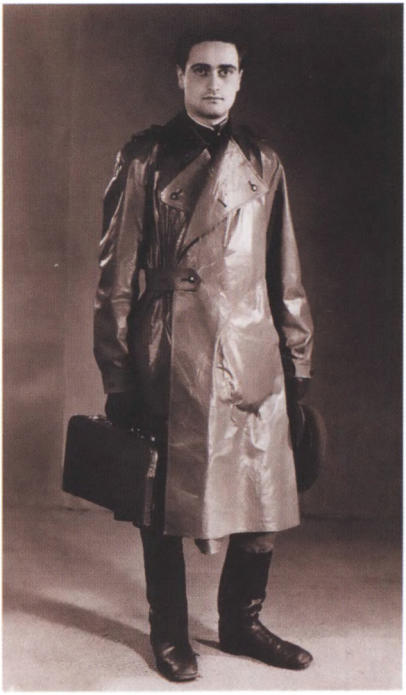
Владимир Гельфанд с матерью на отдыхе. 1937

Владимир Гельфанд –
работник ремонтно-восстановительной
колонны связи 4-го линейного участка
(октябрь 1941 – апрель 1942)

Подпись под фотографией:
Ростов-Дон, пригород. 1943 г.,
по окончании курсов
мл. лейтенантов 28-й Армии

По окончании курсов мл. лейтенантов.
1943

Владимир Гельфанд в период службы в Германии. 1945–1946 (С. 3–16)



Подпись под фотографией:
Август 1945. Берлин, Александр Платц

Кёпеник. Кабельный завод «Фогель»

Вольгарст. 4. 9. 46 г.
На перевалочной базе. Выгрузка досок из вагонов

Немецкие женщины на работе в Вольгарсте

Подпись под фотографией: Креммен. 10. XII. 45 г.
С бойцами Базы, работавшими под моим руководством

Владимир Гельфанд с сослуживцами. Берлин. Темпельхоф

Подпись
на фотографии:
Август 1945 г.
с. Рюдерсдорф
(р-н Берлина –
предместье)

Подпись на фотографии:
У Рейхстага. Берлин. 25. 8. 1946 г.

Подпись на фотографии: Колонна Победы в Берлине.
Я в очках от солнца. Слева двухэтажный омнибус

Подпись на фотографии: Берлин. Памятник погибшим в боях за овладение городом красноармейцам. В панораме Рейхстаг и здания в центре Берлина

Подпись на фотографии: Берлин. Памятник Вильгельму I, германскому императору, и замок

Подпись под фотографией:
Берлин. Мариендорф. Июнь 1945 г.

«Судьба подбросила меня в Трептов-парк <...>. Дорогой бросилась в глаза симпатичная девчонка. Два раза щелкнул фотоаппаратом. Заинтриговал ее то ли своей внешностью, то ли сделанным фото. <...> Согласилась остаться в Трептове. Там я еще раза три сфотографировал девушку и ее подругу, с которой она живет» (Запись 26 мая 1946)

Владимир Гельфанд, Ванда
и моряк Миша. 1946.

Подпись под фотографией:
Минц-штрассе у Александер-плац

Подпись под фотографией: Бангоф Пренцлауэр аллее. Дети портного, у которого шил костюм и шинель. Улица... 10 мая 1946

«Проходя по одной из улиц, обратил внимание на большую толпу людей у забора. Люди подымались на цыпочки, заглядывали в щели и через головы. Заинтересовался и я. А когда, наконец, приоткрыли калитку, увидел по ту сторону забора два сгнивших и, если бы не скелеты, то обесформившихся комка человеческих тел. На одном из них торчала крепко вросшая в череп каска, обрывки обмундирования немецкого солдата. На другом, кроме скелета, ничего нельзя было различить. Из разговоров, подслушанных мною, узнал, что трупы были извлечены из-под обломков здания и, как явствует из состояния трупов и исторических событий, пролежали в земле более года. Немцы сокрушенно встряхивали и медленно затем покачивали головами, вздыхали: “Кто их теперь узнает, бедные..”»
(Запись 17 июня 1946)

Подпись на фотографии: Осткройц

Берлинское метро.
Подпись под фотографией:
станция Лихтенберг.
Двухэтажные скамейки на перроне

Подпись под фотографией:
Метро. Женщина с двумя догами

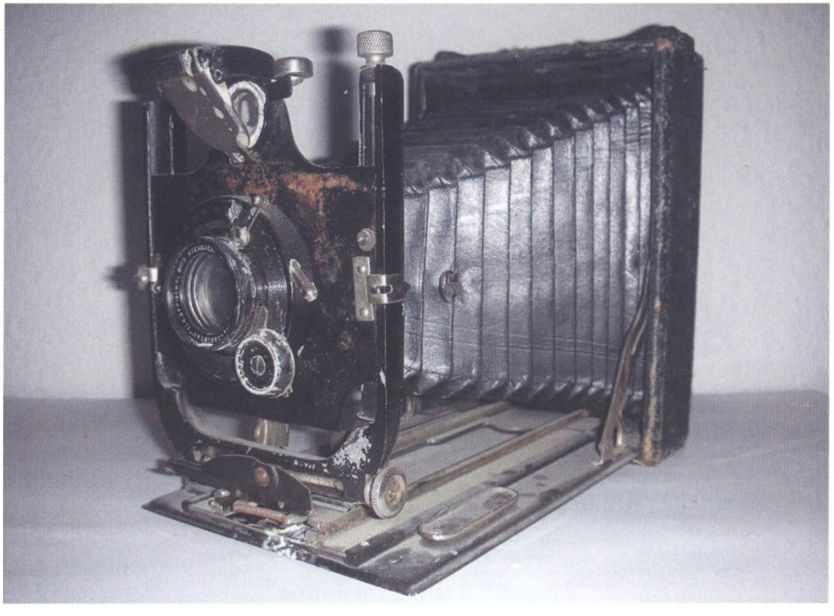
Подпись над фотографией:
Черный рынок (как бы
полиция не нагрянула!)

«Вчера фотографировал
шоферов. Нарочно выбирал
исторические места,
и важно было для меня не
этих чумазых крепышей
запечатлеть на снимках,
сколько Берлин во всей его
пустоте и величии»
(запись 22 мая 1946)

Улица немецкого города. 1945–1946

Подпись под фотографией: Балтийское море. Польский порт Свинемюнде

Румынская ложка-вилка,
подаренная Владимиру Гельфанду
в Сталинграде
(см. запись 9 марта 1943)



«Фотоаппарат немецкой марки “Агфа” Квадратный, черного цвета
под вид целлулоида. Редкий по внешнему виду. Линзы сверху не видно — она внутри»
(запись 14 января 1946)

«У парикмахера остановился у портрета, великолепно сработанного кистью художника, девушки. Не смог оторваться и решил приобрести» (Запись 27 января 1946)

Н.К.О.—С.С.С.Р.
АРМЕЙСКИЕ КУРСЫ
Младших Лейтенантов
28-ой АРМИИ
По части строевой
26 августа 1943 г.
№ 1/2608

СПРАВКА.

Курсанту Гельфанд Владимиру Натановичу
присвоено воинское звание младш. лейтенант приказом
по 28 АРМИИ за № 0-11 от "11" августа 1943 года.

НАЧАЛЬНИК СТРОЕВОЙ ЧАСТИ
-майор- /СЭИДЕРСКИЙ/

Н.К.О.—С.С.С.Р.
ШТАБ
899 Стрелкового
Полка
20 февраля 1944 г.
№ 4/202

Командиру начальнику Минометного взвода
мл. Лейтенанту Гельфанд Вл. Н.
Приказом Войскам 3 Гвардейской
Армии за № 064 от 11.1.1944 года
Вам присвоено воинское звание Лейтенант

Помощник начальника штаба-4
Капитан /Полушкин/
Зав. дел штаба полка
мл. Лейтенант а/с /Пивень/

Справки о присвоении Владимиру Гельфанду звания младшего лейтенанта (26 августа 1943) и лейтенанта (20 февраля 1944)

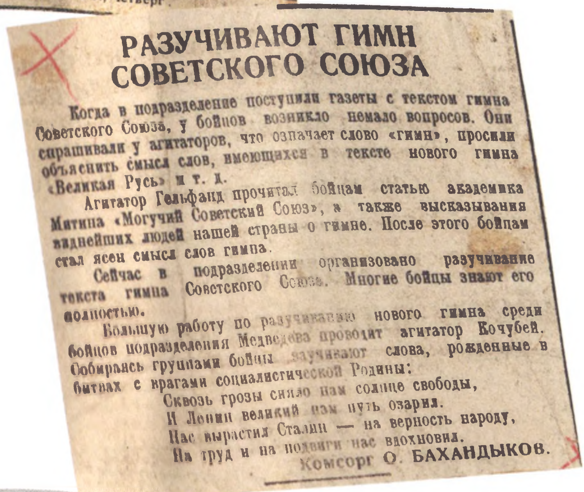
«Получил за три месяца около трех тысяч рублей. 2 тысячи отправил аттестатом папе, 700 рублей на заем отдал <...>» (запись 13 ноября 1943)

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

КИРОВЕЦ

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

№ 6 13 января 1944 г., четверг


РАЗУЧИВАЮТ ГИМН СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Когда в подразделение поступили газеты с текстом гимна Советского Союза, у бойцов возникло немало вопросов. Они спрашивали у агитаторов, что означает слово «гимн», просили объяснить смысл слов, имеющихся в тексте нового гимна «Великая Русь» и т. д.

Агитатор Гельфанд прочитал бойцам статью академика Митина «Могучий Советский Союз», а также высказывания виднейших людей нашей страны о гимне. После этого бойцам стал ясен смысл слов гимна.

Сейчас в подразделении организовано разучивание текста гимна Советского Союза. Многие бойцы знают его полностью.

Большую работу по разучиванию нового гимна среди бойцов подразделения Медведева проводит агитатор Кочубей. Собираясь группами бойцы заучивают слова, рожденные в битвах с врагами социалистической Родины:

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Комсорг О. БАХАНДЫКОВ.

Вырезка из газеты
«Кировец»
13 января 1944 г.

Смерть немецким оккупантам!

Куда Днепропетровск, 3-я ул. Ленина, отдел кадров

Кому Городынской Н. В.

Обратный адрес: Полевая почта 91155-Д

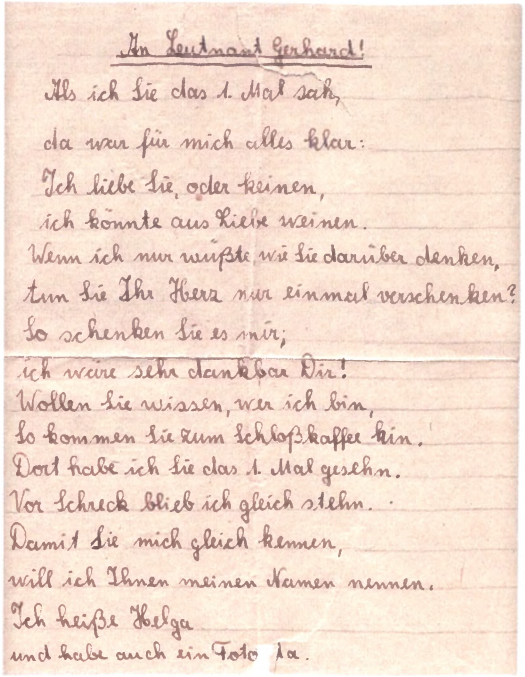
Гельфанд В. Н.

25.12.44

Просмотрено Военной Цензурой 96165

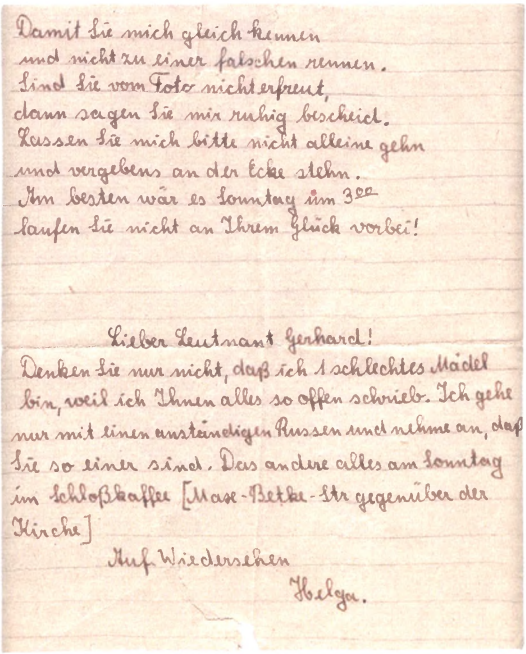
Открытка Владимира Гельфанда матери Н.В. Городынской. Почтовая печать 25.12.1944. Почтовый штемпель: Просмотрено военной цензурой 96165

Листовка. 1945



An Leutnant Gerhard!

Als ich Sie das 1. Mal sah,
da war für mich alles klar:
Ich liebe Sie, oder keinen,
ich könnte aus Liebe weinen.
Wenn ich nur wüßte wie Sie darüber denken,
tun Sie Ihr Herz nur einmal verschenken?
So schenken Sie es mir;
ich wäre sehr dankbar Dir!
Wollen Sie wissen, wer ich bin,
so kommen Sie zum Schloßkaffee hin.
Dort habe ich Sie das 1. Mal gesehn.
Vor Schreck blieb ich gleich stehn.
Damit Sie mich gleich kennen,
will ich Ihnen meinen Namen nennen.
Ich heiße Helga
und habe auch ein Foto da.



Damit Sie mich gleich kennen
und nicht zu einer falschen rennen.
Sind Sie vom Foto nicht erfreut,
dann sagen Sie mir ruhig bescheid.
Lassen Sie mich bitte nicht alleine gehn
und vergebens an der Ecke stehn.
Am besten wär es Sonntag um 3ºº
laufen Sie nicht an Ihrem Glück vorbei!

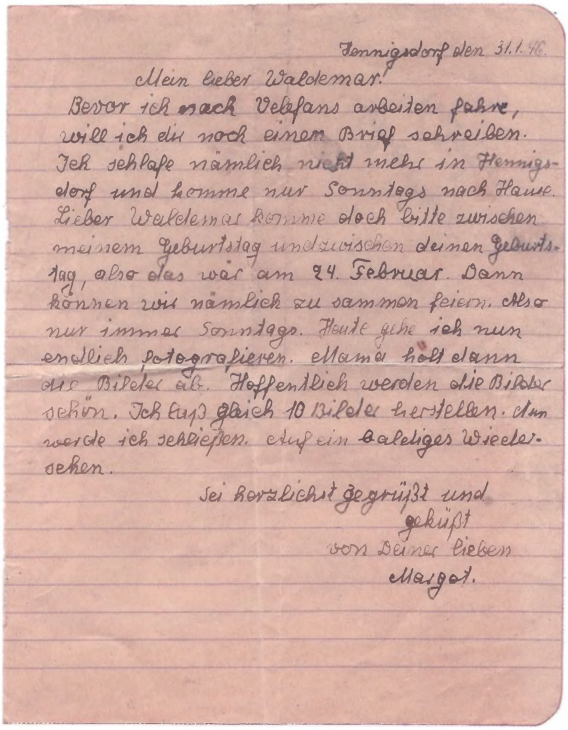
Lieber Leutnant Gerhard!
Denken Sie nur nicht, daß ich 1 schlechtes Mädel bin, weil ich Ihnen alles so offen schrieb. Ich gehe nur mit einen anständigen Russen und nehme an, daß Sie so einer sind. Das andere alles am Sonntag im Schloßkaffee [Masse-Betke-Str gegenüber der Kirche]
Auf Wiedersehen
Helga.

Лейтенанту Гельфанду!
Когда я впервые увидела Вас,
Все стало мне понятно:
Я люблю Вас и больше никого,
И я могла бы плакать от любви.
Если бы я только знала, о чем Вы думаете,
Подарите ли Вы мне хоть раз свое сердце?
Подарите мне его,
И я была бы Вам так благодарна!
Если Вы хотите знать, кто я такая,
Приходите к Schlosskaffee.
Там я впервые увидела Вас.
От испуга я так и осталась там стоять!
Для того, чтобы Вы меня узнали,
Назову я Вам свое имя.
Меня зовут Хельга,
И вот Вам моя фотография.

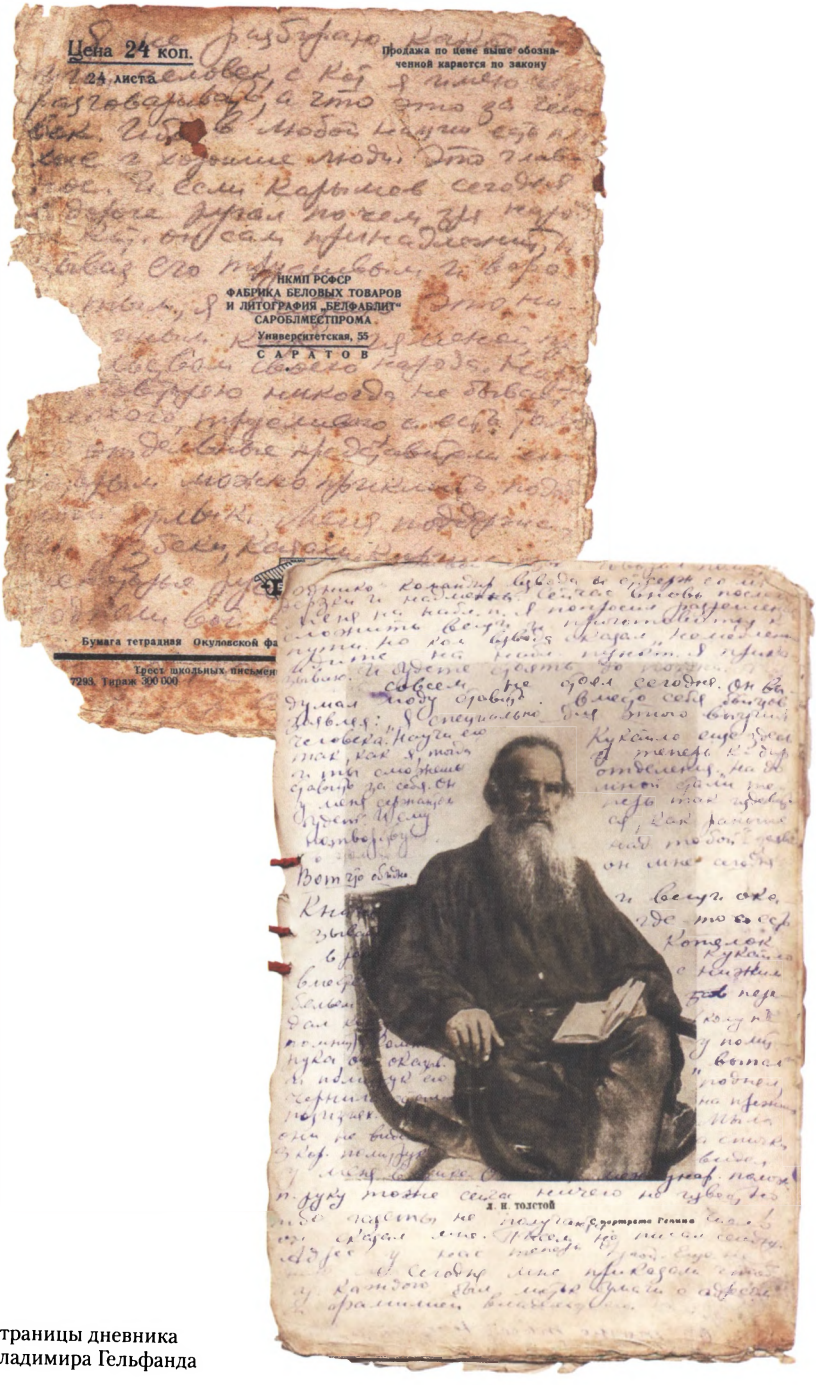
Для того, чтобы Вы меня узнали,
И не приняли за другую.
Вас не радует моя фотография,
Поэтому просто скажите мне тихо свой ответ.
Не оставляйте меня, чтобы не идти мне одной.
Более того, чтобы просто не стоять мне одной на углу.
Лучше было бы для меня воскресенье в 3 часа дня.
Не пробегайте мимо своего счастья!

Дорогой лейтенант Гельфанд!
Только не подумайте, что я какая-то плохая девушка только потому, что так открыто Вам обо всем написала. Я встречаюсь только с достойными русскими и допускаю, что Вы таковым являетесь. Все остальное – в воскресенье в Schlosskaffee. [Masse-Betke-Straße, напротив церкви]

До свидания,
Хельга.



Hennigsdorf, 31.01.1946
Мой дорогой Вальдемар (Владимир)!
Перед тем, как я отправлюсь на работу в Velefans, хочу я написать тебе еще одно письмо. В Hennigsdorf я ведь сплю не так много и только по воскресеньям езжу домой. Дорогой Вальдемар, приходи, пожалуйста, между твоим и моим днями рождения, то есть 24 февраля. Тогда смогли бы мы их вместе отпраздновать. Он всегда выпадает на воскресенье. Сегодня я иду, наконец-то, фотографироваться. Мама потом заберет фотографии. Надеюсь, они получатся красивыми. Я заказала десять фотографий. Пора заканчивать. До скорого свидания!
Сердечные тебе приветы и поцелуи!
От твоей любимой Марго.



Страницы дневника
Владимира Гельфанда

ДАНТЕ

Фрагмент фрески Рафаэля „Диспут"

Владимир Гельфанд, начало 1970-х гг.

Отправил посылку маме. Трижды перешивал ее и перекладывал, так как говорили, что неправильно зашил ее, надписал. Оценил в 3000 рублей, авось дойдет в целости. Больше всего я молюсь о переписке, чтобы она непременно дошла, а барахло всегда найти можно, хотя, правда и оно имеет в тылу большую ценность.

Оле послал 250 рублей – больше у меня не оставалось в этом месяце, так как выплатил за заем, а у меня подписано на 1200 рублей.

Уже темнеет. Слышен стук моторов. На мосту кипит работа. Ни днем, ни ночью, ни под обстрелом врага люди не прекращают строительство моста через Одер. Немцы бросают туда шрапнель и картечь, но мост все же будет готов.

В приказе командующего говорится, чтобы офицерский состав в ближайшие дни подготовил личный состав к боям в условиях крупного города. Это что-то да значит! Очевидно, нас отводят, чтобы мы набрались свежих сил и ударили, куда иначе, если не на Берлин – наша ведь армия – ударная![61]

Ах, чуть не упустил – наша дивизия получила орден Суворова II степени[62] и, по слухам, представлена к ордену Красного Знамени и званию гвардейской. То-то полковник Антонов[63] растет! Герой! Хотя его многие не любят за строгость и причудливость характера, а может быть, и за то, что он цыган. Ведь не перевелись еще люди с шовинистскими и национальными предрассудками. Я лично полковника не знаю как следует, хотя не раз видел его в лицо и слышал о нем из рассказов.

На плацдарме теперь спокойней. К нам переправились самоходки – скоро будет у нас мост. Ближе подошли к нам Прибалтийский и Украинский фронты, клин к Берлину стал шире, а позади нас, в Познани и ряде других городов, уничтожены группировки противника. Так что и в тылу теперь спокойно у нас, причем освободились силы, прибавилось техники и боеприпасов.

В международной жизни тоже изменения: Турция объявила войну Германии[64], Бенеш переехал в Кошицу[65], а де Голль отказался от встречи с Рузвельтом[66]. Арцишевский и [К°] соглашением большой тройки выкинуты за двери международной арены и потому истошно вопят о несправедливости переговоров[67]. Впрочем, им подпевают и их хвалят немцы. Вот до чего докатились эти подлые эмигранты. Мне вспоминаются в связи с этим куплеты Вл. Дыховичного[68] (в «Красной звезде») «Чижик-пыжик, где ты был».

27.02.1945

Канониенко меня уговаривает подать рапорт самому командиру полка. Возможно, это просто подстрекательство, ибо он говорит, что вчера на меня затребовали боевую характеристику у комбата, и он

не преминул ее отправить. Впрочем, может быть, он хочет угробить Рысева моими руками – очень мило было бы с его стороны. Но, во всяком случае, подготовиться нужно ко всему и писать, писать, пока есть мысли и возможности для этого.

Сегодня встретился со связным из девятки – той самой, в которой я так долго служил минометчиком, а затем и стрелком у Пархоменко. Оказывается, они меняют нас, а мы, видимо, идем на другой берег пополниться людьми.

01.03.1945

Большой, столь долгожданный день прошел по воле судьбы так для меня незаметно и фальшиво[69]. Полдня «шускал» часы. Слово «шус» появилось в нашем обиходе недавно, и невесть кем оно выдумано. Очевидно, оно пришло к нам вместе с барахлиными трофеями, которые, без наличия в нашем обиходе этого слова, никак не хранились бы и выбрасывались как негодные. Слово «шус»[70] – нелитературное и весьма неприятно на слух, но у нас обычно и даже более плохие слова принимаются, как говорится, за чистую монету.

В «шусе» я уже не новичок. С момента приобретения мною часов через мои руки стали проходить десятки неисправных механизмов. Первые мои четверо часов, найденные в сравнительно исправном виде, быстро перешли в другие руки, и с тех пор, за исключением одного раза, хорошие мне не попадались. Сегодня сравнительно удачный выбор сделал я – приобрел часы на ходу, но без стрелок.

Ныне погодка – ну и разгулялась! С утра пасмурно, потом дождик, солнце до вечера, а с вечера снова дождь; и сейчас такая буря и ливень, что морозец по коже пробегает при одной мысли об этом. 1 марта был всегда таким непоседливым, бурным, с переменами неожиданными. Недаром и я выдался таким похожим на день, в который по воле провидения родился.

Рысев не перестает дурить. Как-то по-детски набрасывается он без причины и с самой беспардонной матерней. Сегодня ему показалось, что мой боец Гордиенко не почистил двуноги[71]. Он разругался: «Е... мать, почему сидишь, разъе... а с матчастью не в порядке?» Я ответил только, что то же самое можно сказать человеческой речью, а не таким беспардонным матом. «Ну, ну, не шипи!» – рявкнул он мне вдогонку, когда я выходил из сарая, где мы второй день уже располагаемся.

Так жить нельзя. Надо кончать всю эту музыку и притом решительно и побыстрей. Все офицеры награждены, все пользуются почетом и уважением, а я так неблагодарно отмечен всюду злобой и насмешками пустых людишек.

«Вот вы, товарищ лейтенант, маете такий запас слов. Сьогодні ви виступалі, так гарно було послухать, а ваши слова целиком можно

було взяти за резолюцію, – говорил мне боец Деревьев без всякого оттенка лести, – а вот вони балакали і тільки. Як же ви допускаэтэ, шоб воны властвували над вами?»[72] Так говорили мне не раз, но я и сам не могу на это ответить. Все эти рысевы, шитиковы, каноненко – разновидности трусов, болтунов, лицемеров. Все отрицательные качества совмещены в этой тройке, и если у одного из них нет какого-то своего, то оно непременно найдется у другого.

«Я не буду казать хвалебную оду, – заискивающе начал Шитиков, – но Каноненко, як командир проявил [*продолжение отсутствует*]».

02.03.1945

Я все еще терплю, хотя не знаю, к чему может привести терпимое отношение к подобным нетерпимым явлениям, которые ежедневно являются в нашей роте. Рысев наступает всеми видами подлости и нахальства, причем широким фронтом, и не останавливаем никакими укорами совести и рамками приличия. Моя пассивность позволила снова ему отстранить меня от должности. Без моего ведома и даже в тайне от меня он объявил Шитикову, Каноненко и всей своей ординарии, что мои люди теперь переданы Шитикову. Когда, однако, эти мероприятия не помогли, и бойцы продолжали выполнять мои требования, он вызвал всех к себе и приказал ни в коем случае мне не подчиняться. В результате сегодня Гордиенко заявил, что пищу на меня получать не станет, а когда заметил, что я пишу, взял, переложил мои тетради и нагло заявил: «Зараз як швирну оці бумажки, то ви их не побачите більш»[73].

Впрочем, капитан Рысев прибегает еще и к другим уловкам. Сегодня, например, когда раздавали благодарности товарища Сталина[74], и я сказал: «Я бы сейчас поел картошки немного», – Рысев, подхватив эту фразу на ходу, исказил, передав Каноненко: «Гельфанд говорит, что он лучше бы картошки поел, чем благодарности от Сталина получать». А через несколько часов эту выдумку я услышал уже из уст старшего лейтенанта Ставрова. Так из клеветы может получиться большая неприятность, – ведь это могут истолковать как враждебную пропаганду.

Сейчас идет снег. Утром и еще ночью к исходу 1-го числа началась метель. Снегом замело все вокруг. Началась зима, а ведь целый зимний месяц ее не было, и появилась она, как ни странно, весной. Днем, однако, показалось солнце, блеснуло – и снег мгновенно растаял. А сейчас опять намело – все бело. Писать надо еще много, а день клонится к концу – не успею. Писем третий день не пишу. Получил ценные весточки[75] – надо ответить, но некогда.

В редакцию нужно написать о бое 12-го числа, просил парторг и обещал подписать статью своим именем; рапорта отшлифовать нужно и переписать начисто, потом стихи; словом, уйма работы.

Холодно. Мороз отнимает у меня половину сил и желания, а жизнь требует: пиши, и нужно подчиняться ее воле. Скоро почтальон принесет почту, и надо приготовить письма.

03.03.1945

Лес у реки Одер. Свой дневник оставил.

Движемся по направлению к реке, где сейчас идут очень жестокие бои. Над головами у нас кружатся вражеские стервятники, хлещут длинными, а чаще короткими очередями разрывных пуль из крупнокалиберных пулеметов.

Отдохнуть не пришлось. Занимался ночью очищением сумок от излишнего трофейного барахла – носиться ведь невозможно.

Получил письма от мамы, Оли, Зои, Саши, но ответить им буквально не в состоянии – время. Сейчас оно как воздух на учете – по миллиграммам.

Немцы боятся, трусятся. Они почему-то все глупые, тупые как истуканы, чего я при всем моем о них мнении никак не ожидал раньше.

Богатства кучи. Поляки ходят ободранные, почти нищие. Встречал много русских девушек, почти землячек (из Криворожья), но поговорить с ними не успел – мы двигались.

Время к вечеру. Теплый, почти летний день – удивительно в разгаре зимы. Снег, который стоял по колено над землей, стаял почти совсем, и поля позеленели. Впрочем, полей здесь немного. Густые темно-зеленые еловые леса тянутся сплошными массивами, тянутся по «шёнем фатерланд»[76], как любят называть страну свою немцы.

04.03.1945

Плацдарм на западном берегу реки Одер. Ночью переправились через реку (вода всюду по колено). Шел дождь. Снег весь стаял. Грязь непролазная на полях, по которым нам случается проходить. Идти было тяжело. Сапоги разлезлись, вода и грязь хлюпала внутри их.

До темноты нас обстреливали из пулеметов, артиллерии, самолетов и танков. Все, казалось, встало перед нами тяжелым препятствием. Река оказалась хорошо промерзшей, и вслед за нами сумели переправиться повозки с боеприпасами. Ночью подвода привезла мою сумку, в которой были дневники и подготовленные к отправке письма. До темноты писал в дневник свои мысли, после, для отвлечения тоски, играл на губной гармошке.

Бойцы стали невыносимы, оскорбляют меня беззастенчиво, встречая потворство капитана Рысева и, в особенности, Канонено. Мне очень тяжело командовать, хотя еще никогда у меня не было так мало людей – шесть человек бойцов.

В середине ночи вышли на хорошую шоссейную дорогу. По ней двинулись легко, свободно – она была суха и гладка – все почувствовали облегчение. Сзади нас затарахтела машина. Вдруг раздалась команда: «От дороги в стороны!» – и в ту же минуту прогремел выстрел, за ним другой, третий. Кое-кого ранило. Мы опомнились, спохватились, вернулись на дорогу, и пэтээровцы[77] открыли огонь. Это был немецкий тягач, везший на буксире подбитый танк. Он легко и неожиданно проскочил, ошеломив нас своей дерзостью. Было поздно, когда мы открыли огонь. Удалось окончательно остановить и добить только одну машину, зато несколько наших человек были ранены вражеской мушкой. После этого мы немного прошли, очутились в отдельном двудомном хуторе, где заняли оборону.

Ночью стало спокойно. До рассвета ни одного выстрела не было, так что даже не верилось, что враг рядом. Когда только пришли во двор, кто-то сказал из начальства: «Проверьте дома». В один дом зашли пулеметчики капитана Мусаева и командир взвода из его роты. Они стали шарить повсюду, искать трофеи с фонариком в руках. Пошел и я вслед за ними. Остановился в одной из комнат, зажег спичку и нашел пару свечей. Засветив обе, стал осматривать шкаф. Нашел ручку вечную, колоду игральных карт в футляре, часы и цепочку серебряную для ручных часов. Рассказал о своей находке. Часы стояли, и я полагал, что они испорчены. Скоро вошел майор Искаев – замкомполка по строевой, оба замкомбата наши, Лаптев и капитан Костюченко. Мусаев похвалился, что я нашел часы. Майор потребовал, чтоб я ему дал часы. Я решил дать другие, которые нашел прежде и в которых отсутствовал ключ для завода. Он посмотрел, покачал головой.

– Это не те, у него ручные, – вмешался Мусаев.

– Дай сюда часы! Как ты смеешь обманывать своего начальника!? Дай часы!

Я оторопел и решил не сопротивляться, так как и без того я уже очутился на последней стадии бесправия.

05.03.1945

Сегодня выдавали ордена награжденным. Старшина и Деревьев получили награды за прорыв.

13.03.1945

Немецкий плацдарм на правобережье Одера, носящий у нас еще название «аппендицит». Здесь местность пересеченная и, несмотря на то, что плацдарм невелик – два с половиной – три километра – противника трудно вышибить, ибо он сидит на огромных и крутых, основательно укрепленных высотах.

Против нас стоит морская пехота, насчитывающая в батальонах по 400 человек – противник серьезный. Впрочем, наши славяне зазнаются, говорят, что они плевали на состав дивизий и вышибут любого неприятеля, потому что они сталинцы. Это не плохо, но в условиях притупленной бдительности может получиться и наоборот, и слова станут тогда простым бахвальством. Ведь получилась такая история у наших здесь предшественников, когда их выбили из этого участка немцы, и восстанавливать положение приходится другим частям и с новыми жертвами.

Удивительно нам везет. Всегда нам случается занимать оборону уже битых частей и подразделений, и тут-то мы оказываемся героями против не менее битого в боях нашими предшественниками противника.

Уже темно. Пишу, наугад складывая буквы.

«Человек, изгаженный жизнью», – так я подумал вслух после длительного разговора и наблюдения за Каноненко.

«Кто, я?» – неожиданно спросил он. И я обрадовался правильности пришедшего мне на мысль определения его натуры.

15.03.1945

Почему я сел играть в карты.

Однажды я дал Каноненко 200 рублей, чтобы он уплатил за посылку. Он взял у меня деньги, и когда я на другой день осведомился, уплатил ли он, получил утвердительный ответ. Так шло время, и неожиданно выяснилось, что Каноненко эти деньги присвоил себе – посылку мою не приняли, следовательно – и деньги за нее.

Каноненко большой картежник. Круглые сутки играет он с Шитиковым, Рысевым и К° в карты и режет тысячи, т. е. выигрывает большие суммы. Когда я однажды узнал, что он выиграл 16 тысяч денег, то потребовал у него долг. Тем не менее он не возвращал, пытаясь изобразить меня скрягой и мелочным человеком. Вскоре, однако, он совсем разбогател – выиграл 24 тысячи – и свеликодушничал – публично вернул мне 200 рублей, сопроводив этот акт насмешками о моей скупости.

– Вот сядь играть в карты, – подзадоривал он. – Боишься! Это ты из-за денег трусишься!

– Нет, мне не жаль денег, – возразил я, – но совесть свою терять из-за мелочи, о которой ты столько говорил, – стыдно и нехорошо. Я не люблю картежной игры и ни разу еще не играл в карты, но сейчас я буду играть, заведомо зная, что проиграю, ибо не знаю даже правил игры.

Началась борьба за выигрыш. Каждому из К° хотелось меня первому обыграть. По старшинству первым занялся мною Рысев. Пользуясь моей неосведомленностью в игре, он заставил меня вместо проигранных 300 мною марок платить ему 600 (только впоследствии мне рассказали об этом другие участники «очистки карманов»), пока, таким образом, я не передал ему 12 500 марок, – половину заработанных в этом месяце. Тогда его сменили другие – Каноненко, Шитиков. И до самого вечера крутили меня, пока я добровольно не решил сдать им последние сотни моей получки.

Так во имя справедливости я решил пожертвовать своей «кисой», как называют карман здешние картежники. И совершенно напрасно. Это никого не научило, никому не послужило пользой и только вызвало еще большую волну насмешек. Я оказался в дураках!

Как-то, когда я выделен был на прическу леса, мне встретился на велосипеде старшина нерусской национальности. Я остановил его и потребовал документы на велосипед, но в ответ встретил глупую реплику: «Нам командир дивизии говорит: если пьяный – пойди, выспись!» Я возмутился и потребовал от старшины, чтобы он вел себя по-красноармейски и не позволял себе наглости по отношению к офицеру.

Он опять повторил свою реплику, свистнул. На его свист собралась большая группа (человек 15) бойцов и младших командиров, которые стали наперебой осмеивать меня, а старшина, подойдя ко мне вплотную, строго взглянув мне в лицо, предупредил:

– Ты знаешь, кто я такой?! – и назвал свою фамилию, а кто-то крикнул из толпы сподвижников: «Он Герой Советского Союза!»

– Очень жаль, что Ваше звание не сумело Вас воспитать, если Вы вообще когда-нибудь были достойны его, – сказал я и, видя, что меня не понимают, отошел в сторону, тем более что все люди были вооружены, а у меня было лишь два человека.

Фамилию этого старшины я действительно читал в списках людей, удостоенных звания героя, но каким гнусным оказалось поведение его[78].

1. положение офицеров в мин[ометной] роте.

а) отношение Рысева к нам: ругань матерная, угрозы расстрела, отмена приказаний при бойцах (хорошо, если бойцы отнимают, но плохо, если у бойцов отнимают доски), мордобои, неискренность в отдаче приказаний, ставящая офицеров в плохое положение по отношению к бойцам (случай с бойцами, разбирающими сарай), не поддерживает намерений командиров взводов устанавливать дисциплину, а напротив, препятствует наведению порядка (Наконечный х... на???).

б) подкуп (часы, деньги, пистолет и пр.).

Солдата ставит выше офицера (Сивопляс).

Лживость в отдаче приказаний и показаниях.

в) отношение к бойцам: не учитывает труда бойцов, матерные угрозы расстрелом, не заботится об их быте и нуждах, их просьбах и запросах.

г) игра в карты, пьянки.

д) не бывает в расположении, нет заботы о раненых (Щербина).

е) рота неделю не получала хлеба – сам был всем удовлетворен; хотя есть несколько пар сапог, портной шьет ему сапоги и не первую пару; нет правдивости в представлении к орденам (Гордиенко) и заботы о получении бойцами наград; воспитательной работой не занимается и всем от нас [*продолжение отсутствует*][79].

Как он подорвал мой авторитет.

1. Случай с Наконечным и Березневым. 2. Золотые часы. 3. Расстреляю. 4. Избиение при бойцах. 5. Два раза – отстранение от должности (не в боевой обстановке): выгнал из роты через командира расчета – последствия. Первый раз – неподчинение помкомвзвода. Второй раз – из рук вырвали воду, пищу. Третий раз – полный отказ бойцов повиноваться мне. Избиение меня ординарцем. Как он мне укомплектовал взвод. Березнев и др.

Обо мне. Как я вел себя в бою, скажут офицеры, бойцы батальона, кто видел, раненые в госпитале, в медсанбате и 248-й сд.

Подчинение Рысеву дало ему повод окончательно распоясаться по отношению ко мне. Изо всех командиров взводов один я ежедневно посылался на окопные работы, по устройству бани, оборудованию ОП и КП. Дежурил и проч., в то время как другие командиры [*одно слово пропущено*] его авторитет. Сам – на полу, бойцы – на койках. Почти все командиры взводов, не говоря о командирах рот, не раз избивали его, когда он хотел применить к ним силу. Неповиновение красноармейца Гордиенко (оставшееся безнаказанным). Его фигура. Мордобой. Передрался со всеми командирами взводов, и только я изо всех не оказал ни разу ему сопротивления. Самовольно забрал перед боем ординарца. Случай последний. [Взводам предоставлялась] возможность отдыхать. На любые задания первым долгом посылаются мои бойцы и, видя это, начинают открыто и в грубой форме выражать свое недовольство. Если нужен ему боец из любого взвода – забирает сам он или ординарец, не ставя даже об этом командира взвода в известность, а затем вызывает, спрашивает, где ваши люди, вы не знаете, что делают ваши бойцы [*продолжение отсутствует*][80].

17.03.1945

Скоро будет погибель фашистам

Надвигается май серебристый,
Пляшет Одер волной-серебром.
Будет скоро погибель фашистам,
Будет немцам жестокий разгром!

Зеленеют поля над рекою,
Дышат сосны легко по весне.
Наступаем мы с силой такою,
Что иным и не снилось во сне!

Здравствуй, май, новогодний, хороший,
Поскорей нас к победе веди.
Пусть нам всем нелегко было в прошлом,
Но светла наша жизнь впереди.

В. Гельфанд

19.03.1945

За два дня получил 12 писем – это рекордное число. Всего больше из них от мамы и папы. Остальные – по два – от тети Любы, тети Ани и по одному от Нины К[аменовской], Тины Л[ахтионовой] из Б.-А. района.

Вообще события переплетаются весьма разнообразными видами явлений. Вчера, например, над нами пролетели целые тучи английских самолетов. По 50–30 в каждой группе. День был жаркий, почти летний, солнечный, и небо стало пятнисто-белое от рябивших на фоне синего воздушного пространства самолетов. Неожиданно в небе загрохотало, и белые полосы исчертили его вдоль и поперек – отовсюду неслись спокойные стройные птицы, и было радостно смотреть на их величественный полет в дни нашего торжества. «Вон еще один отставший летит», – воскликнул Каноненко, указав в другую сторону; и все увидели медленно парящую «лейку» – журавля – и засмеялись.

20.03.1945

г. Морин.

Кто там? Войдите!

Я услышал и проснулся. Кто-то стучал в палатку.

– Да, да, – крикнул я, не открывая головы из-под шинели. Никто не отозвался и в землянку не входил. Решил, что послышалось, и снова стал засыпать, но опять был пробужден тремя таинственными «Тук-тук-тук».

– Кто там? – спросил я. Опять молчание. Ну что ты будешь делать?! Наверно, шутки ради балуется кто-то. Ну, пусть его! Все равно не откроюсь!

Опять через одинаковый промежуток времени раздалось надоевшее «Тук-тук-тук».

– Да войдите же! – нетерпеливо воскликнул я, сбросил с себя теплую шинель и выскочил на двор – нигде никого не было. Я остановился в недоумении.

Вдруг я услышал то, что так необычно меня разбудило, – теперь никаких сомнений не оставалось. И я, смущенный, поспешил войти внутрь землянки. А где-то высоко над головой визжали пули, и раздавалось привычное «Тук-тук-тук» – трещал вражеский пулемет короткими очередями, похожими на стук человека в дверь плотно занавешенной палатки.

Ой, куте, куте.

Старший сержант Андреев прибыл. Во время марша он отстал, испытал массу приключений, побывал в танковом десанте, но затем оказался в руках контрразведки, которая его немного «повозила» и направила в наш батальон, но в стрелковую роту. Теперь он пришел к нам в гости, и я с интересом слушал его рассказ.

В боях за город Бернлихет он встретился лицом к лицу с контратаковавшим женским батальоном неприятеля. К этому времени наши десантники хорошо окопались и спокойно встретили вражескую вылазку. Но когда они увидели женщин – сердца у бойцов забились. Однако приказали не стрелять.

Женщины шли стройными цепями: одна, вторая, третья и стреляли из автоматов. Четвертая и последняя цепи состояли исключительно из мужчин. Наши молчали. Женщины обнаглели и стали в упор обстреливать нашу пехоту. Они подступили совсем близко и, казалось, были у цели. Но вдруг пронеслась сзади их пронизывающая волна пуль. На флангах прозвучала с нашей стороны захлестывающая пулеметная трель. Как снопы падали убитые и медленно, неуклюже опускались к земле замешкавшиеся ряды «воинов». С флангов не переставали стучать по врагам пулеметы, и они, как одержимые, в страхе и панике бросая оружие, кинулись бежать в непростреливаемое место на улице города. Женщины попали в надежные руки. Наши солдаты встретили женщин с удовольствием, ненавистью и торжеством. А несчастные «воины», многим из которых не было 17 лет, испуганно мигали глазами и плакали: «Ой, Куте, Куте, Куте!» (ой, боже, боже).

Горько твердила одна из молодых девушек-солдат: «Ой, Куте, Куте!» – и ее красивые глаза светились изумрудными слезами раскаяния.

Десантники расправились живо. Пленных разбили на три кучи.

1. Русские. Их оказалось две.

2. Замужние и те, у которых мужья и родственники в этой же части, где и они служат (некоторые назвались сами: «Мой муж офицер!»).

3. Девушки.

Оставили только третью группу пленных. Русских, которым было не более 19 лет, после опроса расстреляли первыми.

Из третьей группы начали растаскивать «трофеи» по домам и по койкам и там, на протяжении ряда дней, вели над ними не передаваемые на бумагу эксперименты. Немки боялись, не сопротивлялись молодым и, во избежание надругательств более старших по возрасту бойцов, сами упрашивали с собой спать тех, кто помоложе. К счастливому возрасту принадлежал и Андреев. Он выбрал самую молодую и проводил ее с собой спать. Но когда он предложил ей свое более принципиальное желание удовлетворить, она покачала головой и застенчиво прошептала: «Дас ист никс гут»[81] (это не хорошо), я ведь еще девушка. Последние слова еще более разгорячили нашего героя, и он стал более настойчиво требовать удовлетворения своих притязаний. Она долго отказывалась, пока он не вынул пистолет. Тогда она притихла и, дрожа, опустила рейтузы. Он спросил у нее, знает ли она, что такое значит «подмахивать». Она долго не понимала, но потом все же ответила: «гут махен»[82]. Тогда он посоветовал кивком на пистолет: «Только гут махен, а никак не иначе!», – и она поняла, ухватившись за него крепко, стала толкаться ему навстречу. Так, дружно работая, они пришли к цели. Он почувствовал, что что-то лопнуло, девушка вскрикнула и застонала: «Ой, Куте, Куте», – однако вскоре сумела себя заставить улыбнуться.

Он приодел ее в гражданское платье, и она вышла к своим сомученицам веселая и невинная.

В середине дня меня и Каноненко вызвал Рысев. Он был вежлив и добр. Пригласил сесть, застенчиво приступил к изложению своего требования.

Я получил задание руководить всеми окопно-оборонными мероприятиями, на осуществление которых мне давался весь личный состав подразделения. Я выслушал, ушел к себе и, в ожидании бойцов из бани, где они мылись с Шитиковым во главе, стал перечитывать письма и готовить на них ответы. Я отходчив. Встретив такое милое обращение Рысева, я почему-то посовестился своего рапорта, который вчера отослал на имя начальника политотдела, а позавчера помог Каноненко оформить и отослать его рапорт туда же.

Еще раз упрекнул я уже несколько позже, когда перед отправкой в командировку узнал о вынесении Каноненко пяти суток ареста,

и снова встретил улыбающегося Рысева в хозвзводе в тылах батальона. Но было уже поздно, и я не могу теперь ничего сделать.

Дело в том, что в мое отсутствие приедет комиссия, будет разбирать, и бог весть, что там на меня могут наговорить. Не надо было мне торопиться, ведь остался в стороне Шитиков и, наверно, опять выйдет сухим из воды. Впрочем, сейчас не до этого.

Глубокая ночь. Морин мертв, если не считать комендатуры и воинских частей на его окраинах.

21.03.1945

г. Нойдамм.

Повезло. Только пять километров случилось мне пропутешествовать пешком. Остальное – машиной. Более 30 километров сделал сегодня, и вот – в Нойдамме.

Средней величины город, много четырехэтажных зданий. Улицы есть асфальтированные, остальные – мощеные. Всюду следы разорения и боев. Некоторые здания разрушены до основания, некоторые целые или частично разрушены. Двери настежь, стекла на земле вдребезги, всюду пух и прах.

В одном доме неожиданно наткнулся на труп безобразной старухи и ужаснулся. Она лежала как бревно на распотрошенной кровати и была похожа на саму смерть, какою рисуют ее – полуисчахшей и страшной старухи или бабы с венком. Быстро захлопнул дверь, вышел, с отвращением сплюнул. Обошел кругом дома и с другой стороны приоткрыл дверь – остолбенел. Опять труп, старика-немца. Бросился вон из этого мрачного дома, а вдогонку мне яростно свистел ветер, стуча окнами, вертя пухом и шелестя верхушками деревьев.

Дезертира Осмоловского не нашел. Спрашивал в комендатуре, искал в списках запасного полка особого отдела.

В лесу за городом масса артчастей. Дошел до опушки, чуть углубился в лес – увидел машины армейские, корпусные – много, не сосчитать сразу. Возле них работали пленные немцы. Им не трудно здесь жить: пищи хватает, работа легкая, и в отношении ночлега неплохо. Они и сами говорят об этом. Самых различных возрастов офицеры и самой различной формы: и в гражданских костюмах, и в шляпах, и во всем военном. Насмотрелся на них, решил дальше не ходить. Мудрено найти человека, пребывающего нелегально в части среди тысяч и тысяч людей.

Вернулся в город. Комендант дал мне справку для получения талонов в столовую. Пошел с этой справкой, да не туда, куда следует и, по простоте поваров, неплохо пообедал в неположенном месте. Хотел

было поужинать в офицерской столовой гарнизона, но совесть не позволила, и стал разыскивать свою столовую.

Тут девушки. Весьма симпатичные, но у одной из них отвисли груди, а у другой... и вовсе темное дело, хотя фигура, что называется. Полюбезничал немного, но дальше этого не пошел. Ночь застала меня слишком несвоевременно – девушки спешили спать и столовую оставили на замке. Пришлось распрощаться.

Палец мучает. Тревожат думы всякие, и жизнь все больше разочаровывает.

Встретил Ставрова. Он в госпитале. Три ордена украшают его грудь. Он ходит гоголем и говорит всем, что воевал бесстрашно. Отрицать нельзя. Отрицать правительственные награды – значит отрицать справедливость. Люди со стороны не знают всей истины – и пусть их, глупцов! Обидно только за себя, и эта неотвязная мысль пытает душу. Что делать? У кого искать правды и справедливости? Бога нет, а кроме него никто ничего знать не может о мною пережитом. Рапорта, но к ним везде относятся наплевательски. О, судьба, зачем я страдал так бесплодно? Родина, за которую я так много пережил, за которую столько рисковал жизнью: она ли не поймет моих дум и страданий. Она ли не поможет моему горю? Но, господи, она ведь не знает ничего обо мне, я ведь ничем ни на грамм не возвысился над жизнью, и дальше полка, дивизии обо мне никто ничего не знает. Горе мне и стыд беспощадные!

Девушки в гражданском выглянули в окошко. Я посмотрел – они исчезли. Стал подходить ближе – они вышли на улицу, важно пересекли ее и скрылись в дверях парадного подъезда большого трехэтажного здания. Я остановился. Милые лица и гражданские платьица привлекли мое внимание. Неужели немки? – подумал я, – ведь еще ни разу не встречались мне красивые «фрейлин»[83].

Девушки вдруг выскочили на крыльцо, улыбающиеся, и опять скрылись. Я кинулся к зданию, но было уже поздно. Когда я поднялся на первые ступеньки лестницы, на третьем этаже хлопнула дверь. Так неожиданно оборвалось в самом начале нечто заманчивое.

Позже я заходил туда. Щупал дверные ручки в темноте и открывал одну за другой двери. Но всюду встречали меня комнаты, пахнущие медикаментами, светящиеся белизной простыней и материи. Людей нигде не было. Мне надоели эти тщетные начинания, и я вернулся в отведенное мне комендатурой помещение. Так больше я и не увидел этих двух девушек.

22.03.1945

Нет, вру! Сегодня утром, когда я уже собирался уезжать из города, в окнах здания увидел несколько заинтересованных женских фигур,

улыбающихся мне навстречу из операционной госпиталя, среди них были красивые девичьи головки, и пошел прямо к окну на первом этаже, чувствуя на себе восторженные девичьи взгляды.

– Это не вы ли вчера выглядывали из-за дверей здания и улыбались?

– Да, мы.

Я рассказал, как искал их потом в доме. Мимо прошла женщина-майор, пожилая, поседевшая и улыбнулась во весь рот нам, молодым.

Я распростился с девушками и, когда отошел, помахал им на прощанье рукой. Они радостно отвечали кивками головы, взмахами ручек своих, и одна даже воздушным поцелуем ознаменовала это прощание.

Я покидал город довольный и гордый собой и своей молодостью. Да, судьба не обидела меня, наделив внешностью и умом. Но характер мой портит впечатления первого взгляда и отвращает от меня окружающих. Вот почему мне так нелегко живется на свете, вот почему я нередко бываю обижен своими товарищами зря и несправедливо.

23.03.1945

Сегодня был строевой смотр. Комдив приезжал и проходил через весь полк, тщательно осматривая каждого – от рядового до офицера. Он маленький, плотный, черный, сердитый. Ругается отвратительно. Прямо перед строем крепко матюгнул начальника связи полка – капитана – и пригрозил понизить в должности до командира взвода. Меня миновал, хотя я был без шинели и без звездочки на гимнастерке – нашил две лишних пуговички – и вообще отличался от других лиц.

После смотра, который вместе с тренировками (подготовкой к нему) занял почти целый день, командир роты устроил комсомольское собрание. Лысенко попросил меня составить резолюцию. Я составил, и Рысев решил весь свой доклад строить по ней – понравилась.

На комсомольском собрании присутствовал и я, выступил в прениях, сказал на ветер, но сильно, и даже Сивопляс (ординарец Рысева) назвал мое выступление докладом. Но я поправил его – он, конечно, ошибался. Я говорил мало, но по сравнению с рысевским словословием – по существу и прямо в цель: вот и впечатление.

После собрания поругался с Каноненко из-за погон, которые принес старшина и которые они с Шитиковым перебрали, оставив мне самые негодные. Я открыто сказал им об этом, но Каноненко вспылил, обозвал меня нехорошим словом и бросил на пол свои погоны. Теперь я не говорю с ним, хотя он заискивает передо мной и ищет примирения.

Сейчас офицерня играет в карты. Здесь Мусаев. Он рассказывает, что его бойцы возмущены тем, что я не награжден за 12-е число, где они видели меня в бою[84].

24.03.1945

На лекции – представитель корпуса: «Решения Крымской конференции»[85]. Он говорит неплохо, но слишком напряженно и погазетному. Нового ничего не сообщает, и лекция неинтересна.

25.03.1945

Письмо матери

Далеко родная мать,
Край далек родной.
Я умею понимать –
Тяжело одной.

Знаю, все ее мечты,
Думы все со мной,
– Где же ты и как же ты,
Сын мой дорогой?

– Не грусти, – пишу всегда, –
Жив я и здоров,
Пусть в последние года
Сделался суров.

Пусть я сильно возмужал,
Стал в боях жесток,
На ветру в пыли лежал,
Под дождем пусть мок.

Сердцем я не огрубел,
Не озяб душой.
Только в письмах вот пробел
Допустил большой.

Извини, родная мать,
Жаркие бои
Стали вовсе отнимать
Все часы мои.

А сейчас, утих чуть бой,
Взялся написать:

Думы все мои с тобой,
Дорогая мать!

Отгремит война вот-вот –
Я вернусь к тебе,
А пока мой путь вперед –
К славе и борьбе!

Не грусти, старушка-мать,
Не грусти, отец,
Близок, надо понимать,
Злым врагам конец!
Лейтенант В. Гельфанд

28.03.1945

Только что с концерта армейских артистов, с которыми, кстати, сейчас обедаю в столовой АХЧ[86]. Нахожусь при дивизии и до сих пор не пойму причины моего здесь нахождения.

В полку говорили, что направляюсь на сборы. В батальоне и вовсе ничего не сказали, только торопили собираться, и я, чуть ли не очертя голову, бросился сюда. Здесь младшие лейтенанты, только что с курсов. Молодые, здоровые, в новом обмундировании.

29.03.1945

Бервальде.

На квартире у сотрудника редакции, капитана. Здесь майор из армии, тоже представитель прессы и, по-видимому, видный, раз даже начальник политотдела внимает каждому его слову. Фамилия майора Шухмиц.

Я откровенно рассказал ему о своей жизни, даже о весьма интимной и щекотливой стороне ее – девушках и отношениях моих с ними. Он и капитан выслушали внимательно, участливо и даже посоветовали мне много полезного – а они, несомненно, опытнее меня.

Майор Шухмиц рассказал и о своей жизни: о любви и любовнице, о жене своей и о писателях. Я слушал с интересом, но отвлекала внимание мое нестерпимая боль по всему телу – опять, бесы, грызут!

Капитан предложил мне спать у него. Глубокая ночь, часовые задерживают – опасно. Я согласился и сейчас дописываю свой день – спать!

01.04.1945

Последнее заседание суда по делу бандитов из шайки, возглавляемой лейтенантом Абдурахмановым. Раньше людей было не так много,

но теперь, в ожидании приговора, зал переполнен. Судят 23 человека. За исключением двоих, они все принимали участие в ограблениях и нападении на отдельные предприятия и воинские части. Партийная прослойка банды внушительна, грамотность бандитов тоже приличная, но, тем не менее, они пытались объяснить свои действия тем, что сошли с дороги правильной случайно, и некому было повернуть их на путь истины.

04.04.1945. Ночь.

Бервальде.

Еще в начале своего посещения Бервальде я наведался в редакцию со стихами. Капитан Шестобитов, помощник редактора, оказался очень любезен. Он, оказывается, тоже пишет. Стихи ему понравились, попросил меня переписать несколько для редакции.

На другой день, когда я к нему пришел, у него гостил видный представитель из армии – журналист-майор. Капитан Шестобитов представил меня журналисту: «Вот он – тот самый автор стихов». Замечания перемешивались с похвалой и комплиментами. До глубокой ночи засиделся я в беседе и остался в редакции у Шестобитова ночевать.

Наутро, когда майор еще спал, капитан посвятил меня в свои творческие замыслы.

– Видите ли, я сейчас думаю над созданием песни о нашей дивизии. Проблема очень сложная. Не возьметесь ли вы вместе со мной писать песню?

Я согласился. А когда майор проснулся, Шестобитов сказал ему: «Знаешь, я хочу его познакомить и приблизить к комдиву. Мы напишем вдвоем песню о дивизии».

09.04.1945

Бервальде. Середина ночи.

Сюда прибыл госпиталь какой-то Н-ской армии – одни женщины. Целый день длилась суета и движение в районе нашего расквартирования – новосельцы искали перины, кровати, простыни, одеяла (увы, было очень мало постельных принадлежностей – все необходимое находится в употреблении) и находили одно старье. Несколько визитов было сделано и в наш двор, причем двоих мы таки застукали, ковыряющимися у нас на чердаке.

Разговорились. Ребята сильно разгорячились и захотели их задержать подольше, познакомиться с ними – перспектива! Я и сам голоден любовью к нежным существам, но эти меня не привлекли – они были слишком высоки и некрасивы. Однако ради общества нашего я не отказался занять девушек и пригласил их в свою комнату. Они от-

казывались, но когда им сказали, что я пишу стихи, – повиновались. Вслед за ними в комнату ворвалась вся моя шумная компания ребятишек в форме младших лейтенантов – уж больно резво и балованно ведут себя некоторые из молодых офицеров.

Моя обстановка: стол с разбросанными на нем бумагами; шкаф с тремя отделениями, замыкающийся на ключ, доверху набитый сумками, бумагами и прочим барахлом; два зеркала – одно из них во весь рост. Кругом портреты и, главным образом, женские; географические карты. На зеркале, что во весь рост, я подцепил голую женщину спиной к людям. Каждому, кто посмотрит на зеркало, невольно приходится смотреть и на красивого телосложения женщину.

– Вот кто вызывает во мне вдохновение, – сказал я, когда ребята зарекомендовали меня как пишущего.

Девчата улыбнулись и покачали головой.

– Как вы не умеете жить, мужчины. Столько здесь столов шикарных и шкафчиков. Разве вы не можете сделать свою комнату более уютной?

Я ответил, что обстановка эта мне нравится и в ней нахожу я свой лучший уют.

В конце чтения стихов одна из девушек в звании старшины медицинской службы попросила дать ей переписать «Дорожку» и, пообещав заходить, вышла вместе со своей подругой.

Прошло время. Я работал над песней, которую комдив забраковал и поручил переделать, когда вдруг слышу женские голоса, шум и веселье. Выглянул – они, которые были, и еще много других, среди них красивые.

– Девушки, развеселите и меня, у вас такой хороший смех, а мне грустно.

Они что-то ответили. «Пойте, ласточки», – подумал я и снова приступил к песне.

Вечером собрался в кино «Март, апрель»[87]. Поспешил в зрительный зал первым, заблаговременно, до начала сеанса, чтобы занять хорошие места. Людей было мало, и мне почему-то захотелось сидеть рядом с девушкой. Я попросил капитана удержать три места за собой, а сам бросился из зала к озеру. Там было хорошо, как на бульваре. Дома, местность располагали к любви и мечтам. У самого озера я увидел двух девушек: одну – в платке, другую – в кубанке[88].

– Что, девчата? Пришли помечтать на озеро в Бервальде? – спросил я и сразу же, перебив себя, предложил в упор, – пойдемте в кино, девушки!

Те растерялись и мгновенно обернулись ко мне лицом.

– Серьезно, девочки, вам не мешает пойти посмотреть кинофильм, тем более, что он будет демонстрироваться совсем недалеко отсюда, и я занял для вас места.

Они растерялись и обрадовались, но природная застенчивость продиктовала им известную нерешительность. Они долго совещались, заставив себя упрашивать. Наконец, о счастье, согласились, однако по пути в кино продолжали сомневаться и дрожать.

Часовой обратил внимание на их боязливость и понял, что они не из нашей части. Спросил, из какой они части, и я, опережая их ответ, назвал номер своей части. Но девчата наотрез отказались идти в кино, и мне довелось с ними распрощаться. Пожал обеим руки. Они были красивы, особенно та, что в кубанке...

– Приходите к озеру, помечтаем вместе и, кстати, короче познакомимся, я почитаю для вас стихи, и вам будет нескучно.

– Непременно придем, – ответили девушки.

– Мы любим стихи, вспоминать прошедшее, – сказала другая.

Я побежал в клуб. Людей уже стало много, но одно место капитан для меня удержал. Картину я видел. Интересной для меня оказалась лишь хроника о Тегеранской конференции[89].

Перед концом фильма я увидел, что возле двух славненьких женских фигурок освободилось место, и поспешил воспользоваться этим для знакомства. С другой стороны сюда же поспешил еще один любитель приключений, но получил ответ от девушек: место занято. Разговаривать много не пришлось: фильм закончился, и девчат подхватили майоры и пр. Я оставил их.

Вчера смотрел «Женитьба Фигаро» по Бомарше. Было много девушек и больших начальников. Присутствовал комдив 47-й армии.

10.04.1945

15.00 часов.

Прощай, Бервальде! В пять уезжаем на Кюстрин[90].

Только что из театра. Вторично смотрел «Женитьба Фигаро» в исполнении московских артистов: плохо играют, ибо стараются побольше людей обслужить. Впрочем, не постановка меня увлекла, а одна девушка по имени Тося, возле которой я сел и которую на протяжении всего спектакля обнимал и прижимал к себе. Она не мешала мне, но я торопился.

Ах, не туда заехал! Надо перескочить страницу, там продолжу повествование – этот листок предназначен для других записей.

12.04.1945

Наконец-то в Кюстрине. Инспектировал его сегодня: большой, но разрушенный до основания город. Кое-где уцелели подвалы, изредка – первые этажи некогда огромных зданий – ответ на Сталинград, хотя и более мягкий: в Сталинграде даже подвалы были снесены

с лица земли. Немцы много постарались, осуществляя свои злодейские замыслы.

Кюстрин раскинулся широко, и разнообразие формы и величины его строений делают город похожим на гигантский муравейник вымерший, осыпавшийся от ветра и жары. Улицы начинают зеленеть. Природа – нет, никогда она не умирает и не устает радовать взор человечий своей свежей прелестью. Она не виновата, что в ее роскошных покоях развелись ненасытные кровью и подлостью чудовища, опоганили города и села своей родины вечным позором.

Четверть города обошел, пожалуй, за однодневное мое пребывание здесь. Воочию убедился в прочности и жесткости неприятельской обороны на подступах и в самом городе Кюстрин. Огромные бетонированные подвалы ограждены колючей проволокой в несколько рядов. У входа в подвал построены мощные пулеметные доты с круговым сектором обстрела и хорошо оборудованными бойницами. Внутри самих зданий и подвалов всевозможной величины мешки, доверху наполненные песком. От одного здания к другому тянутся многочисленные змейчатые канавы, называемые военным термином «хода сообщений».

Все это не спасло разбойников. Я видел массу трупов немцев, нашедших себе справедливо явившуюся смерть под обломками зданий, в комнатах и подвалах, принявших на себя все ужасы происшедших здесь кровопролитий.

Так вот ты каков теперь, Кюстрин. Я не радуюсь твоим развалинам, но от всего сердца улыбаюсь твоему падению. Ты заслужил его, подлый дом подлых разбойников! Ты заслужил его, крепость страданий, крепость ужасов и насилия над людьми, крепость крови и слез, так беспощадно и справедливо раздавленная нашими орудиями и бомбами. Я люблю красоту, свежесть и жизнь, но в тебе я, наряду с красотой, рад видеть уродство.

13.04.1945

Плацдарм за Одером, западнее Кюстрина.

Только что почтальон принес самую трагическую и самую горькую для меня из всех заграничных сообщений весть: умер Рузвельт[91]. Как я его уважал и ценил всегда за его обаятельную, умную натуру, за исключительную популярность среди американцев, позволившую ему возвыситься над всей американской политикой и над всеми политиками антидемократической оппозиции. Он один сумел повернуть американскую политику резко и основательно спиной к фашизму и реакции, заставить американского гражданина отвернуться от всех больших и малых антисоветских клеветников, национальных отще-

пенцев, которые хотели вернуть цивилизованную Америку к старым законам рабского, нечеловеческого существования.

Рузвельт – всеамериканец, всечеловек; в этом его огромная сила и величие. За последние десятилетия жизнь не знала более высокого, более мощного деятеля. В одном из последних, весьма популярных своих выступлений[92], Рузвельт как бы подготовил мир к этой трагической новости, говоря, что нужно быть готовым ко всяким неожиданностям.

На Рузвельте лежала вся политика США последних лет. Рузвельт – торжество американской демократии, ее величина и лицо ее. Равного ему нет за границей, и англичанин Черчилль не стоит гениального Рузвельта. Не равен ему ни умом, ни величием, ни даже популярностью во всем мире, ни даже среди своего народа.

Кто заменит Рузвельта? Как теперь политическая физиономия Америки (я умышленно не говорю – только США)? Не возобновится ли с новой ожесточенностью политическая борьба демократов с реакцией и чем она может кончиться? Возникает теперь много опасений, но есть и успокаивающие мотивы, исходящие из развития военных операций на фронте наших союзников. Реакции трудно теперь повернуть колесо истории, каких бы трудных оборотов она ни совершала, и смерть президента Франклина Делано Рузвельта, как она ни тяжела и нежелательна всякому честному человеку во всем мире, да не отразится на нашем большом, победоносном движении вперед к счастью, величию, жизни.

Вечная память Рузвельту – моему любимому зарубежному деятелю. Склоняю свою голову, отягощенную горечью утраты.

14.04.1945

Весь день оформлял ЖБД[93] дивизии. Наша артиллерия устроила немцам весьма не сильный концерт, но и так подействовал на противника, что тот откатился гораздо дальше, чем было в расчетах нашего командования. Полная неожиданность – много пленных. Есть раненые и с нашей стороны. Сейчас наш отдел будет двигаться дальше. Команда: «По машинам!» Полки и комдив далеко – нам пора ехать три километра. Успех развивает артиллерия, даже «Иван Грозный» только что запыхтел на противника. Далеко разрывы – не слышно даже. Видимо, противник километров шесть отсюда; впрочем, на месте все выяснится.

К концу войны я оказался тыловиком основательным: от противника не ближе двух-трех километров все время нахожусь. Что-то не радует меня подобная перспектива, и тянет туда, где гремит, охает и пылает.

16.04.1945

Противник нервничает, догадывается. Сегодня к вечеру, говорит майор Жадреев, мы должны быть в Берлине. В пять часов начнется работа. Я – ОД[94], спать не придется и днем. Всю ночь ни на секунду не сомкнул глаз, а у ног моих спала одна девушка-машинистка. Кто-то специально потушил лампу, когда я на миг вышел из комнаты, но все же я не уснул.

ЖБД не так-то и трудно вести при наличии необходимого материала. Но здесь барделью все пахнет: люди пишут неграмотные и бессодержательные донесения – тяжело преломить подобную дребедень в уме своем.

Пусть я не спал, но в Берлин – непременно!

18.04.1945

Дворец немецкого вельможи – роскошь и великолепие.

Дорога забита и одна. На всех остальных дорогах мосты взорваны, и нельзя проехать. Мы вынуждены остаться здесь ночевать.

Дворец почти совершенно цел, только в одном месте небольшая пробоина. Со всех сторон дворец обтекает зеркальный пруд, а само здание красиво отражается в воде. Зелень, зелень, зелень. Комнаты огромные. Их так много, и все они богаты прекрасной обстановкой, люстрами, шкафами, этажерками и, наконец, книгами, картинами. Все стены увешаны ими, а вокруг дворца целый поселок больших красивых зданий. Даже представить себе трудно, как мог здесь жить и владеть таким богатством один человек. Впрочем, отныне это все наше, все советское, и так радостно чувствовать сегодня величие нашей победы.

Вчера дорóгой обогнали обоз третьего батальона. Сердце екнуло: на повозках я увидел несколько бойцов моей минроты. Дорога была битой, и нам случилось остановиться неподалеку от бойцов. Минометчики рассказали, что вся рота выведена из строя. Что Каноненко[95], его ординарец, и еще некоторые бойцы убиты. Рысев, Шитиков и все остальные, за исключением шести человек – ранены.

Так трагически кончила минометная рота, в которой я искал славу, и которая сама, прославившись с моей помощью и участием, оставила меня в стороне.

Бой недалеко отсюда, но здесь уже есть представители с армии, фронта, корпуса, и кругом столько машин и людей. Все хотят поскорее к Берлину, и обозы догоняют передовую, тылы догоняют обозы. До Берлина недалеко теперь – километров сорок, а то и меньше.

25.04.1945

Берлин. Шпрее[96].

Пехота еще вчера и позавчера ночью форсировала Шпрее и завязала бои у железнодорожного полотна. А мы, штаб дивизии, обо-

сновались до сего времени на одной из прибрежных улиц пригорода Берлина в больших полуразрушенных многоэтажных зданиях.

Сейчас выехали и ожидаем у берега Шпрее – форсировать будем.

События меняются так стремительно, что их не всегда успевает схватывать воображение, и порой так трудно, но необходимо запечатлеть наиболее сильные моменты в моей жизни, что готов забыть все остальное специально для этого.

Позавчера, в предместье Берлина, катаясь на велосипеде (кстати, днем раньше я научился ездить на этой замечательной, так мне показалось, машине), я встретился с группой немецких женщин с узелками, чемоданами и тюками. Возвращаются домой, подумал я, местные жители и, сделав два круга на шоссе, попытался разглядеть их поближе. Но вдруг они все бросились ко мне со слезами, что-то не совсем понятное втолковывая мне по-немецки. Я решил, что им тяжело нести свои вещи и предложил к их услугам свой велосипед. Они закивали головами, и вдруг неожиданно на меня глянули такие изумрудные очи, так чертовски остро глянули, что где-то в глубине сердца кольнуло огоньком страсти, и я убедил себя в необходимости узнать причину страданий этих женщин. Они долго рассказывали, много объясняли, и слова их сливались и таяли в неуловимой сразу немецкой скороговорке. Я спросил немок, где они живут, на ломаном немецком, и поинтересовался, зачем они ушли из своего дома, и они с ужасом рассказали о том горе, которое причинили им передовики фронта в первую ночь прихода сюда Красной армии.

Жили они недалеко от места нашего стояния и моих прогулок на велосипеде, так что я свободно мог подойти к ним домой и обстоятельно разобраться во всей истории, тем более, что сильнее всего меня притягивала чудесная девушка, ставшая так случайно и так неожиданно для себя и родителей своих виновницей стольких переживаний. Я пошел с ними.

На минуту прервусь. В воздухе тарахтят десятки зубастых Бостонов[97] в сопровождении, кажется, наших истребителей. Летят к центру Берлина, и так гармонично сочетается вся эта мелодия победы (грозное пение «Катюш», гул самолетов, рявканье многоголосых орудий) с моим душевным настроением. Но продолжу свой рассказ.

Жили они хорошо. Огромный двухэтажный дом с роскошной меблировкой, великолепной внутренней отделкой и росписью стен, потолка. Семья была многочисленной. Когда пришли наши солдаты, они всех вытеснили в подвал. А самую молодую из всех взрослых людей и самую, пожалуй, красивую, забрали с собой и стали над ней глумиться.

– Они тыкали сюда, – объясняла красивая немка, задирая юбку, – всю ночь, и их было так много. Я была девушкой, – вздохнула она и

заплакала. – Они мне испортили молодость. Среди них были старые, прыщавые, и все лезли на меня, все тыкали. Их было не меньше двадцати, да, да, – и залилась слезами.

– Они насиловали при мне мою дочь, – вставила бедная мать, – они могут еще прийти и снова насиловать мою девочку. От этого снова все пришли в ужас, и горькое рыдание пронеслось из угла в угол подвала, куда привели меня хозяева.

– Оставайся здесь, – вдруг бросилась ко мне девушка, – ты будешь со мной спать. Ты сможешь со мной делать все, что захочешь, но только ты один! Я готова с тобой «фик-фик», я согласна на все, что ты захочешь, но спаси меня от массы людей с такими вот х...!

Она все показывала и обо всем говорила и не потому, что была вульгарна. Горе ее и страдания превысили стыд и совестливость, и теперь она готова была раздеться донага прилюдно, лишь бы не прикасались к ее истерзанному телу, не прикасаться к тому, что еще годами могло оставаться нетронутым, и что так внезапно и грубо было [*продолжение отсутствует*].

Вместе с ней умоляла меня мать.

– Ты разве не хочешь спать с моей дочкой?! Русские товарищи, что были здесь, – все хотели! Они могут прийти, или на их место новые двадцать появятся, и тогда горе мое безраздельно!

Девушка стала обнимать меня, умолять, широко улыбаясь сквозь слезы. Ей было трудно меня уговаривать, но она постаралась прибегнуть ко всему, что есть в искусстве женщины, и неплохо сыграла роль свою. Меня, склонного ко всему красивому, легко было привлечь блестящими глазками, но воинский долг превыше всего, и я решил [*продолжение отсутствует. Зачеркнуто*: во-первых, воспользоваться положением, во-вторых, помочь людям].

28.04.1945

На улицах Берлина шумно и людно. Немцы, все как один, с белыми повязками. Они уже не боятся нас и вовсю разгуливают по улицам. Событий много и таких сильных и впечатлительных, что трудно словами их передать.

Генерал Берзарин, мой командарм, назначен комендантом г. Берлина и уже издал приказ-обращение к местному населению, в котором требует от того наладить мирную жизнь и возобновить работу[98].

А союзники соединились с нашими войсками и рассекли силы противника пополам в г. Торгау[99].

Три главы правительства специальным обращением к своим войскам довели это до сведения всех – с призывом направить усилия для последнего удара по врагу.

Только что был в метро. Очень интересно! Несколько рядов-этажей тянутся подземные коридоры. Во втором в глубину железнод[орожное] полотно по обе стороны.

28.04.[1945]

Дрезднер штрассе. Deutsch Bank. Мост Einbeinstrasse.

Сейчас переезжаю еще дальше, и перед моим взором мелькают знакомые здания и улицы периода вчерашнего визита в полки и батальоны.

Впервые за несколько дней наступления в самом Берлине мне довелось осуществить мечту свою – побывать на передовой, на самой передней линии и посмотреть, как там сейчас идут бои. Сначала я, конечно, пошел в свой полк на КП. Подполковник Штанько не захотел со мной на первых порах даже разговаривать.

– Кто вы будете? Покажите мне свои документы! Как я жалею, что не расстрелял вас еще тогда, когда вы заснули во время рытья окопов.

01.05.1945

Немцы не согласились капитулировать. В 21.15 начнется артподготовка. Будем разговаривать языком оружия.

Вечером 30.04 началась артподготовка частей дивизии. К этому времени наши бойцы находились на втором этаже здания, немцы – внизу. Вдруг заметил, как замахали флажками. Огонь прекратили. Тогда навстречу нашим передовикам вышли четыре парламентера с белым флагом. Пока наш офицер спускался вниз, чтобы их принять, соседи (35-я дивизия) перехватили парламентеров. Те заявили, что привезут начальника генерального штаба германской армии, генерал-полковника.

Действительно, он был привезен, и на машине выехал для переговоров во фронт.

07.05.1945

Берлин. 23.30.

Сегодня был парад частей дивизии. Начальник заставил и меня явиться. Майор Яровой дал свою фуражку, и я стал представительным человеком. Только брюки были очень запачканы, и это портило впечатление.

Я неряха ужасный во всех отношениях. В голове у меня беспорядок, с бумагами то же самое, да и вещи мои пребывают в весьма хаотичном состоянии. Впрочем, не стану больше говорить о себе: ну, испачкал свою форму; ну, не могу ухаживать за собой; ну, словом, грязнуля. Но на парад все же явился.

Наша группа штабных офицеров была в самой голове дивизионной колонны и представляла собой смесь и сплетение разнообразных офицерских званий, специальностей и должностей: тут и майоры, и лейтенанты, и капитаны и т. п.; тут и связисты, и химики, и автоматчики, и журналисты, газетчики, и начфин, и прокурор, и прочее, прочее.

Ходить не умели, как следует.

1 мая в три часа в районе 3-го сб 1050-го сп пришли германские парламентеры пять человек, из них полковник, переводчик и другие (с белым флагом и двумя плакатами; один – на русском языке, другой – на немецком) по вопросу о полной капитуляции Германии.

После коротких переговоров они привели двух генералов, в числе которых был начальник генерального штаба генерал-полковник, который сообщил, что 30 апреля в 15.55 Гитлер покончил жизнь [самоубийством].

08.05.1945

Оркестр под руководством капельмейстера старшего лейтенанта Гричина гремел на всю площадь свои марши. Было приятно и весело слушать, тем более что сами исполнители представляли собой по внешнему виду очень забавную компанию.

Маленький, коротконогий, но весьма подвижный старший лейтенант, высокий старшина-трубач. Комичный сержант-барабанщик, неказистый красноармеец с перевязанным глазом и горном в зубах и другие. Впрочем, играли они хорошо: во всем видна была творческая работа руководителя, который стоял лицом к музыкантам с тоненькой перламутровой палочкой и взмахами оживлял музыку так, что казалось, со стороны, она лилась из рук этого маленького улыбающегося человечка.

Вдруг оркестр смолк. По рядам пронеслось настораживающее: «Равняйсь!» – затем: «Смирно!» – и под разбег бурного клокочущего марша на площадь вылетел на коне комдив – Герой Советского Союза полковник Антонов. Из-за туч на минутку вылезло огненное светило, блеснуло на груди комдива всеми орденами и медалями ослепительно нам в глаза: «Смотрите, вот он каков, ваш командир!» – и опять ушло, спряталось в черные мокрые тучи.

И когда полковник Антонов проезжал ряды и приветствовал свои полки: «Здравствуйте, герои-сталинцы!» – гремела площадь в ответ, гремел воздух, и содрогалась земля: «Здравия желаем, товарищ полковник!» Нервная лошадь вставала на дыбы: она не понимала всего величия своего хозяина и обиженно встряхивала головой – ей не нравилась эта церемония. И когда отгремели последние приветствия, когда прокатилось по рядам, убежало в пространство мощное

трехкратное «ура!», полковник слез с лошади и, обнажив саблю, приложил ее к плечу и, размахивая локтями и удерживая саблю, направился в голову колонны. Когда он, наконец, оказался впереди, дивизия выпрямилась по стойке смирно, и одновременно, по команде «марш!» все выбросили правую ногу.

Я шел в третьем ряду за полковником. Мне была приятна пусть такая, но близость к этому человеку. Вдруг все замерло: к столику, укрытому красной материей, подошли люди в особой воинской мантии с красными лампасами. К площади подъехало несколько легковых автомашин.

– Смирно! – скомандовал Антонов, спешившись и обнажив саблю, приветствовал гостей-генералов и полковников. Высокий статный генерал-майор, Герой Советского Союза в сопровождении двух полковников и одного низенького толстенького комдива 248-й сд генерал-майора Галая обошел ряды, приветствуя каждый полк и подразделение в отдельности.

Подошли к нам: «Офицеры без орденов. Что, нет разве?» Антонов стал оправдываться, а мне так и хотелось выступить и сказать во всеуслышание: «Да, товарищ генерал, нет орденов, гордиться нечем, одна лишь боль и досада вынесены мною из стольких кровопролитных, рискованных сражений». Но я сдержался, ибо понимал, что этим ничего не добьюсь, а скомпрометирую комдива, вызову его гнев, а если он захочет, очернит меня, обрисует и негодяем, и преступником, и чем только сумеет, – ведь надобно же будет ему защитить себя.

Генерал и его сопровождение направились к столу, что служил у нас вместо трибуны. Меня заинтересовал маленький генерал-майор. Кто он? Я его еще ни разу не видел. Вероятно, он политик или медик. Не строевик, ибо руку держит к головному убору, едва подняв на уровень лица.

Начался парад. Впереди колонны шел полковник Антонов и поразил всех своей воинской выправкой и слаженностью фигуры. Каждый шаг, каждое движение полковника было, казалось, глубоко обдумано, производило на всех глубокое впечатление. Я еще не видел в жизни своей такого безукоризненного строевика. Дойдя к трибуне, он остановился, отошел в сторону и, обернувшись лицом к продолжавшей движение колонне, пропустил ее всю через свои проницательные черные, пиявками впивающиеся в человеческие души, глаза. Я был в числе первых, вслед за комдивом прошедших трибуну. И еще решил рассмотреть тревожившего мой ум какой-то мучительно-настойчивой мыслью забытого маленького генерала, и... о боже! Глаза мои встретились с его глазами. Он прищурился и зажмурил их. Это был Галай – тот самый, у которого юная красавица ППЖ Галина отобрала всю любовь и ревность; тот самый, у которого я хотел похи-

тить любовь, которому намеревался возвратить ревность, и который в отместку за это обрушил на меня весь свой грубый мужичий гнев и угрозы. Это был он и, по-видимому, наша встреча оказалась ему неприятной. Я постарался отвлечься от этих мыслей, перенес свое внимание на стройные, свежие ряды воинов.

Черные, запорошенные пылью и грязью, опаленные порохом и окуренные дымом люди в грязном потертом обмундировании входили в полыхающий Берлин. Всюду была масса обмундирования гражданского и военного. Люди брали его с собой, но предпочли не одевать, а остаться в своем, советском, пусть старом, видавшем виды красноармейском костюме.

За время нахождения здесь пришло дополнительное число солдатских костюмов. Людей приодели, перемыли в бане, и они вновь приобрели свежий праздничный вид. Изменились до неузнаваемости вчерашние фронтовики, и ныне вполне способны вызвать изумление у немцев своей выправкой, опрятностью, бодростью и жизнерадостностью. И если немецкие солдаты гордились своей [*продолжение отсутствует*].

10.05.1945

Вчера утром произошло незабываемое событие. Немцы согласились на полную безоговорочную капитуляцию. Скупо, но торжественно сообщали об этом газеты[100].

15.05.1945

Несколько дней назад возле столовой я встретил двух красивеньких немок-девушек. Разговорились. Они меня сравнивали с итальянцем и говорили, что у меня очень черный волос, делали комплименты, о чем я не преминул им заметить. Слово «комплимент» вызвало почему-то у них восторг, и обе, всплескивая руками, выразили мимикой свое настроение.

Подошла оказавшаяся поблизости мать одной из девушек и стала показывать ее фотографии, предупредив, чтобы мы их ей вернули (со мной было еще два человека: один – переводчик при политотделе, другого не знаю).

Разговоры отняли много времени. Надо было спешить на ужин, и я распростился с девушками. Но только ужинал я без аппетита. Девушки были очень хороши, заинтриговали меня своей красотой и нежностью.

Я выпил чай наскоро, первое не ел. Были пирожки. Бережно завернув их в газетку, я вынес их и отдал одной из них. Они были сильно голодны, сами не подавали вида, но я догадывался, и когда одна

взяла в руки мой сверток и ощупью рук догадалась о его содержимом, подпрыгнула радостно и мило выразила мне свою признательность.

У ребят оказался шоколад, и когда переводчик вручил его девушкам, они были совсем покорены, и даже невозможно передать частицу того восторга, который преобразил эти фигурки до неузнаваемости.

Разговор и знакомство с этими немками приобрело для меня живой интерес, и я был доволен неожиданной случайности, столкнувшей нас у столовой. Было еще много товарищей, которые их окружили густым шумным полукольцом.

17.05.1945

11–14.30 – творчески преломляю в своем сознании подобранный материал, пишу за 4–5 мая, дополняю уже написанное прежде.

15.30–16.30 – письма.

16.40–20.10 – в третьем сп беру материал за период боев за Берлин. Просматриваю журнал боевых действий и даю указания по его дальнейшему ведению.

23.00–24.00 – политзанятия, дневник.

18.05.1945

11–14.30 – изучаю собранный материал, делаю необходимые поправки к ранее написанному, дополнения.

15.30–16.30 – письма.

16.40–20.10 – пишу журнал за шестое–седьмое [мая].

С 23.00 – литературные опыты.

19.05.1945

11–14.30 – пишу журнал за период с седьмого по девятое [мая].

15.30–16.30 – письма.

16.40–20.10 – заканчиваю журнал.

С 23.00 – работаю над изучением немецкого языка, дневник.

21.05.1945

Пусть я выпил изрядно. Два часа ночи. Пускай. Стихи не выходят[101], любовь неудачна, а на пошлость и проституцию сердце не бьется. Сейчас я пьян, и голова тяжела, но мысли трезвые не хотят покидать мой ум.

В третий раз прихожу сегодня к немке по фамилии Ильзе, хотя она не уродка, но завтра, – все отяжелело, и голова.

24.05.1945

За эти дни, что я не писал, в жизни моей произошли важные, интересные события. Много они мне принесли радости, разочарований,

неудач и переживаний. Первое и самое невыносимое счастье – это то, что война кончилась, и я остался в чем пришел на битву, хотя многие (и большинство!) тыловики или негодяи-трусы имеют полную грудь орденов. Награды вручаются за подхалимство, выслуживание, лицемерие. Честный человек сможет получить ее лишь только тогда, когда все увидят его в бою и разом заговорят, когда о нем прогремит в ушах большинства. Впрочем, хватит об этом. Безусловно, праздник Победы отчасти горек для меня[102].

Журнал закончил[103]. Он принес мне много хлопот: материала никакого не было, боевые донесения сухие и не всегда точные, приходилось многое домысливать из памяти прошлых боев. Художественная сторона дела тоже прихрамывает, ввиду отсутствия живого материала. Остается только форма, но и та меня не удовлетворяет. Конечно, по сравнению с предыдущим, мой журнал, безусловно [*продолжение отсутствует*].

28.05.1945

С дневником у меня почему-то натянутые отношения. Делюсь я с ним редко в последнее время, хотя в жизни моей событий исключительно много. Но объясню секрет моей холодности к моему любимому детищу: снова стал нравиться девушкам, и они мне – еще больше.

Сегодня проснулся в 11 часов дня. Выходной день (второй за время мира): музыка, игры в волейбол и футбол. Прозевал много, но если учесть, что лег я не раньше трех часов ночи, что в первом часу нового дня меня привлекла луна, во втором – девушка-часовой из отдельного батальона связи и в третьем, безусловно, сон, то простительным станет утерянное время сегодня. Сегодня у нас кино было – «Остров сокровищ»[104]. Капитан Шестобитов не первый раз меня уговаривает: «Найди девушек, приведи их ко мне, а я помогу оформить дальнейшее, – ведь ты сам говоришь, что неопытен в жизни и совершенно неискушен в этих именно вопросах». Я обещал. Однажды познакомил его с девушками из этого же батальона, которых видел лунной ночью прошлых суток. Знакомство, видимо, неудачным оказалось. Тогда я его с другими познакомил – и тут фиаско!

Сегодня перед началом киносеанса он снова предложил привести к нему девушек: «У меня и вино есть, и шоколад». Уговорил его пойти вместе, но неожиданно встретились с двумя девушками из этой части, окруженных гурьбой наших солдат. Подошли. Капитан безо всяких стеснений предложил им пойти с нами в кино и нахально вывел девушек из «кольца» обступивших людей. Они отказывались, но потом одна, та самая, которую я два дня назад катал на велосипеде, посмотрела на меня – я тоже попросил, и они пошли. Капитан стал много хвалиться, рассказывать о своей занятости.

«Мы с Володей друзья, вот его стихи» (показал газету). Вдруг вынул шоколад, угостил обеих и стал с ними любезно себя вести...

Кино начиналось, когда мы вошли в зал. Несколько мест на галерке оказалось незанятыми, и мы сели: он, потом Женя, потом Дина и я. Женя убежала сразу, а Дина встала к стенке – ей было плохо видно. Капитан стал лебезить с Диной, несколько раз она отталкивала его руки от себя, предупреждала не прикасаться, смотрела на меня.

«Володя, на кого ты Женю бросил?» – и я удивился и возмутился сразу. Подумать, какая наглость: не удалось ему у одной [*нрзб* полное удовлетворение].

29.05.1945

Два часа 15 минут. Никак не успеваю закончить. То спать хочется, то работа не позволяет, ведь пишу я в неурочное время. Вот и сейчас только что вернулся из очередной прогулки ночью.

Тут рядом с нами есть тыловая радиочасть. Девушки в ней очень хорошие, а за ними следят, и они вообще нисколько не чета нашим. Здесь я и провел два последних часа в разговоре с [Т.].

03.06.1945

Берлин. 2-й сп. Район госпиталя или, вернее, больницы, так как это гражданское учреждение.

Сегодня я в полку. За последнее время пережил массу приключений, много пережил, увидел нового, но стал лодырем и бабником. Все тщетно и глупо мечтаю о любви, пусть даже с немкой, но лишь бы она была умна, красива, чистоплотна и, самое главное, преданно любила меня. Дальше этой мечты об этом объятии, поцелуе и разговоров на два-три часа дело не доходило. Вполне подходящей девки не нашел еще. Остальные или нежны, но холодны, или если горячи, то капризны; третьи уродливы, четвертые не обладают фигурой, а русские девушки горды и легко восприимчивы ко всяким тонкостям разговора.

По-прежнему в шатком положении, определенной должности не имею[105]. Время проходит глупо, бездарно, ничего не успеваю сделать, не умею планировать свои часы.

Писем стал получать много, от девушек тоже. Берта действительно заинтересована мной. Она пишет сейчас часто, но мне не удается своевременно отвечать ни ей, ни всем другим адресатам. В одном из последних писем она упрекает меня в принципиальном нежелании писать ей. Видимо неспроста – допекло и потом, видно сохранилось в ней чувство ко мне, похожее на страсть. Меня это радует. Берта – наиболее развитая и одаренная из всех, с которыми мне за последние годы довелось столкнуться в жизни. Берта – хорошая кандидатура в подруги жизни[106].

09.06.1945

Второй час ночи. Подъем завтра в семь. Я опять в минометной роте, но другого батальона.

Кузнецов, начальник штаба и Герой Советского Союза[107], заявил мне, что он лично недоволен моим приходом в батальон, так как имеет плохую на меня характеристику. Мне стало до самого сердца больно, и я не преминул сказать капитану Кузнецову, что он, не зная человека, напрасно пытается о нем судить.

Начались нудные, пустые дни моей жизни, когда каждый шаг, каждая минута и любое мое движение кажутся мне столь бессмысленным и непременно являются...

Дежурил уже, был на занятиях. Взвод не принимал, хотя третий день здесь нахожусь. В первые дни, когда сюда попал, подполковник Штанько даже обрадовался мне: «Тедеев[108], смотри, Гельфа́нд прибыл! Взгляни на него!» – и позвал: «А ну, иди сюда!»

10.06.1945

Все мое существование, самая юность – это маленькая, но яркая, выделяющаяся соринка на гребне самой высокой волны буйного океана жизни. Каких захватывающих подъемов не достигал только я и как низко после них не опускался. У порога какой славы, величия и счастья стоял прежде, и как быстро и несправедливо захлопнулась передо мной дверь, пропустив через себя всех без исключения, рядом и даже позади шедших людей[109].

Сейчас по радио сообщили об учреждении новой медали «За взятие Берлина»[110]. Я ее, наверно, не получу, как не получил всех других наград, к которым представлялся. Амокович говорит, меня не обидели, но не скрывает, что я хорошо воевал.

Влип посреди предыдущего повествования, но ничего, продолжу здесь.

Вот и сегодня все офицеры ушли гулять, знакомиться и пр.

12.06.1945

Уже несколько дней нахожусь в части, но еще до сих пор не принял взвода и не поговорил, не узнал каждого своего бойца. Это очень нехорошо как для меня, так и для людей моего взвода. И, в то же время, начальство будет недовольно.

Полная апатия, безразличие.

[..].06.1945

Какое сегодня число – не помню, право. Вот уже три дня, как я регулярно, от зари до зари в отлучке из лагеря и в разлуке со своим дневником, газетами и девушками (можно подумать, я действительно дружен и счастлив с последними!).

Когда меня вызвали к полковнику Гужову [*продолжение отсутствует*].

Палец опять разболелся, приводит в бешенство. Лучше умолчу до лучшего времени. А рассказать есть о чем, и ой как много.

16 или 17.06.1945

Ну и работенка выпала на мою долю. Расхищать Академию наук!..[111] Никогда бы не подумал, что окажусь способен на такое грязное дело, а заставляют и люди, и обстоятельства. Пакость в храме науки, да и только!

Дело в том, что наши политики решили создать библиотеку в полку. Где-то когда-то агитатор разнюхал большой склад русской книги, приведенный временем и халатным отношением обслуживающего отдел персонала в запустение.

Подкупив охрану, «обмыв» свое пребывание в академии, он получил доступ во все ее уголки.

Решил начать с меня. Вызвал (я дежурил по батальону) через комбата, приказал собрать семь знающих литературу человек, посадил на машину и увез в центр города длинным, зигзагообразным путем, по которому без карты едва ли можно было разобраться и вернуться в лагерь. Вызвал неожиданно. Я полагал – ненадолго, и оставил в тумбочке все свои записи, все черновики, письма, стихи.

Вернулся вечером и, к своему ужасу и отчаянью, узнал о том, что батальон выехал. Трудов своих не обнаружил, тумбочки тоже; одни письма на полу сиротливо напоминали о своем существовании. Я подобрал их, обшарил всю пустую теперь комнату и, отчаявшись, выбежал на двор. Там сразу наткнулся на агитатора полка. Он заставил сесть на машину, и мы поехали. С нами было семь человек.

Первые два дня мы перебирали книги с русскими штампами и печатями. Книги явно украденные у нас в библиотеках – потому я еще не чувствовал угрызений совести, если не напротив.

Единственным и самым большим неудобством явилась для всех нас и для меня особенно липкая, удушливая пыль, покрывавшая все книги толстым слоем изнутри и снаружи книжной стенки. Только накануне я постирал обмундирование, но теперь оно приобрело такой страшный вид, что просто стыдно было показаться на улицу. Лицо мое и руки почернели, подворотничок стал грязным, а фуражка, которую я приобрел на пилотку в обмен и до того весьма невзрачная, теперь оказалась промасленной сверху и пятнистой по бокам.

24.06.1945

Сегодня собирался много написать, сделать много полезного, но судьба решила иначе.

После завтрака встретил двух девушек. Они оказались русскими из лагеря, откуда подлежат эвакуации домой.

Чуть было не согрешил вторично за свою жизнь, но посовестился молодости девушки – ей нет еще и 19. Она 26 года, зовут Марусей, некрасива, но симпатична настолько, что вполне достойна спорить с красотой иных девушек. Совершенная противоположность Наде из Берлина. Та была очень красива и очень податлива. Когда я ее увидел... впрочем, расскажу всю историю этого исключительного для меня события, когда я «согрешил».

Все уехали на новое место. Я поселился в квартире командира полка, где оставался единственный свободный диван на весь кабинет.

За несколько дней до описываемого события я увлекся всякого рода медицинскими книгами, трактующими о половом бессилии и другом. Угроза навсегда остаться неспособным к половой деятельности меня напугала теперь как никогда ранее, и я решил, во что бы то ни стало, использовать последние дни пребывания в городе с пользой для себя, дал клятву себе быть до конца настойчивым, перебороть в себе застенчивость и щепетильность.

Днем, когда утомленный работой с книгами, выглянул я в окно, заметил шедшую улицей красивую девушку – блондинку с чуть рыжеватым оттенком волос. Я позвал ее к себе. Она подошла. Тогда я выбежал из комнаты и, не затягивая разговора, в упор предложил пройти в дом.

– Что я там буду делать? – спросила фрейлин.

Я ответил на ее языке – книги читать.

– Но это же скучно...

Я обнял ее, – пойдем на второй этаж... – посоветовал ей. Она согласилась и на это.

Вдогонку повар командира полка, который все еще жил там, шепнул: «Я после тебя!»

– Это от нее зависит. Пожелает...

– Но я все-таки готовлю ей кушать.

– Как хотите, – и закрыл на защелку обе двери, ведущие с разных сторон в комнату.

Обнял, прижал к себе и почувствовал запах псины. Но это не охладило; я был настойчив и последователен, иначе нельзя было.

На полу был раскинут матрас и маленькая подушка, в комнате было светло, и лучи солнца с любопытством заглядывали в комнату. Мы не обращали на них внимания – ей было и так горячо; у меня страстное сердце, а мне, признаться, не вполне хватало тепла: она была холодна телом, хотя душа ее уже успела полюбить, и сердце – я слышал – билось учащенно.

Я положил ее на постель. Ласкал, целовал, гладил; где у нее сердце – выросла электрическая струя, она обошла тело и остановилась в самом конце его, возле которого сконцентрирована половина человеческой жизни. Мне показалось мало одних ласк. Я затем полез «за пазуху», как выражаются в народе, вытащил груди. Она не сопротивлялась и выжидала – так по крайней мере показали мне ее глаза, что будет дальше. Я поспешил к развязке. Ощупал всю ее, затем опустил руку туда, где скрывается самое ценное в жизни девушки и женщины, что бережет она так ревниво, за чем ухаживает и без чего не может жить. Прикоснулся к этому сокровищу – и быстро отдернул руку – намочил ее там. На минуту меня терзало раздумье, что бы это могло быть такое мокрое.

«Снимай с себя все, будем фик-фик, хорошо?»

Она этого ждала и охотно выполнила это мое предложение. Пока раздевалась, я испытывал нетерпение. Электрический ток не терял своего напряжения. Я рисовал в своем воображении формы этого клада, который вот-вот впервые должен был мне открыться сейчас. В памяти возникали рисунки знаменитых и маленьких художников, фотографии, и даже порнография примешивалась мною к обобщаемому выводу о ценности и характере этой штуки. И даже в худшем случае я не мог так свою обезобразить мечту, чтоб она не казалась мне столь же великолепной и гладкой, как и все в женщине.

Но каково же было мое удивление, разочарование и обида, когда я увидел вместо своего мифического другое, реальное, красное, выпяченное, мокрое, безобразное до омерзения. Тем не менее я не бросал своего намерения быть последовательным. Она расставила ноги, я разделся, лег и когда только коснулся ее тайного своим сокровенным, ток выключился. Мне было страшно, я покраснел и напугался до невозможности. «Помоги мне включить электричество и пустить его в сеть». Она рада была бы помочь, но понимала, что не от нее это зависело, и беспомощно разводила руками. Я обессилел от душевного потрясения. Начитавшись столько предостерегающих книг, посчитал себя безвозвратно погибшим для половой жизни. Она смотрела, удивленная, и не понимала. Вдруг мне пришла мысль попробовать прикоснуться и поводить друг у друга два противоположных заряда. Одним зарядом, исходящим от меня, я прикоснулся к другому и несколько раз повторил процедуру. Вдруг ток пошел, ударил ровно и пронесся от меня к ней. Сколько раз переключал я струю электричества, не помню.

Она считала: 13, 14, 15. На 16, когда она уже совсем стала задыхаться, положив еще задолго до этого обе ноги на плечи мне, я пожалел ее и остановился. Снова осмотрел ее всю с ног до головы. Маленькое тельце, искусанное, исцарапанное до крови, с еще не вполне разви-

тыми, но уже свисающими книзу грудями и скользким, как улитка, распадающимся на две втягивающие в себя губы, предметом.

В дверь постучались. Женский голос просил по-русски отворить. Я предложил немке одеться и посоветовал поспешить. Она оказалась весьма сообразительной и через минуту была готова. Однако я все еще не оделся и потому не открывал. Стук прекратился, но вскоре повторился снова. Отворил. Повар звал обедать. Немка, когда я ей откровенно рассказал причину появления повара и его гостеприимства, отказалась от пищи, хотя и была очень голодна: «Я не могу всем давать, это нехорошо, пусть лучше останусь голодной». Мне понрави[*продолжение отсутствует*].

25.06.1945

Джамбул Джабаев[112] умер. Почти столетним старцем. Дожил до победы и пережил не на много дней славную дату достижения ее.

Алексей Толстой, Янка Купала[113], Демьян Бедный[114], Вересаев[115], Ромен Роллан... я не говорю уже о таких писателях, как Уткин, которые не столь знамениты – умерли значительно раньше и на фронте. Сколько замечательных жизней унесено из нашей действительности кровожадной смертью, во всю разгулявшейся за время войны.

Наш командарм Берзарин несколько дней тому назад погиб, наскочив мотоциклом на автомашину, на пороге расцвета своей славы. Хотя и без того он стал всемирно знаменит как командарм самой прославленной армии – Пятой ударной, самого прославленного фронта – Первого Белорусского, как комендант самого большого города самой большой противницы Объединенных наций Германии – Берлина.

Позже.

Весь день гремит радио. Наши офицеры-любители сидят на волне и ловят одну за другой. Волна «московская», бесспорно, на высоте и почти не перестает радовать слух своими родными передачами на самом близком для всех нас и самом приятном на свете русском языке. Музыка, концерты, специальные передачи для воинов, находящихся в Германии. Только что в эфире прозвучали слова, которые впервые с предельной ясностью охарактеризовали для меня наше отношение к Японии и предсказали, до некоторой степени, дальнейшее их развитие на фоне Японо-Китайской войны[116], в которой участвуют на стороне последней Англия и США.

«Несмотря на нейтральность СССР в войне с Японией, продолжаются поставки вооружения со стороны союзников. Официально считается, что СССР вступит в войну с Японией и этим самым стянет огромные силы японских вооруженных полчищ в Маньчжурии».

Теперь уже почти не остается сомнений. Подтверждением служит частичная демобилизация[117] в Красную армию, призыв новобранцев, ранее не участвовавших в войне, в наши ряды.

Я, наверно, побываю и в Японии. Во всяком случае, постараюсь этого добиться. Но теперь уже не буду столь глуп и наивен, как прежде и больше не стану так безудержно и очертя голову рваться в самую гущу сражений. Люди не оценили всей глубины моего самопожертвования, они нечестно отнеслись ко мне и несправедливо отвернулись в дни Победы.

Я увидел войну глазами солдата. Другую войну я должен увидеть другими глазами, ибо не смею рисковать собой – много накопившегося в моей голове исторически правдивого богатства не должно подвергаться риску быть навсегда потерянным для потомков.

28.06.1945

Вчера узнал номер приказа [№] 73 от 17.06.1945, которым награжден Красной Звездой[118]. Строевики-писари предлагали обмыть награду, но мне только еще неприятней стало от этого на душе. Эта награда стала моим позором и укором моего рассудка[119].

Зачем я воевал всем своим существом, а не обдуманной хитростью, как другие: ими получены большие награды безо всякого риска для себя; они или многие из них – герои, а я, пронесший свою жизнь на волоске судьбы через стихию черной гибели, я... Ах, стоит ли повторяться? Это моя вечная больная тема, и я расскажу людям о ней позже. Я расскажу.

29.06.1945

Сегодня новый день, а я все еще не знаю, какой: ни по числу, ни по названию. Темный я теперь человек. Вышел из подчинения всех начальников. В полку меня почти не трогают, в батальоне много не интересуются, и я от них совсем не завишу. Что со мной дальше будет, куда меня пошлют и как со мной поступят, ведь я со всеми или поругался, всех возненавидел, тупоголовых этих «руководителей», и они готовы меня задушить.

С бабами тоже не ладится. У нас в армии нет ни одной приличной девушки, все развращенные и пошлые твари. Они не любят, когда с ними тактичен и вежлив, им нужно побольше животного и как можно менее человеческого. Что им чувства? Что им рассудок? Они не способны постичь всего величия человеческой натуры, им нужна временная случка и минутные наслаждения – в этом их мир, жизнь их.

Об одной из них мне говорили, что она честная и не успела потерять своей невинности, но после непродолжительного разговора с ней и знакомства выяснилась истина горькая и разочаровавшая. Она вела себя скромно, но кокетливо. Пока я с ней разговаривал, пришел старший лейтенант и вызвал ее к себе. Она ушла и больше не вернулась. Я не стал дожидаться, ушел и дал себе клятву никогда и нигде

не выходить за рамки официального в разговоре с нашими военными девушками.

Только что из столовой. Встретился с моим бывшим помкомвзводом. Не узнал его – он сам меня окликнул. Я долго думал, кто бы это мог быть, пока не подошел ближе и увидел знакомые глаза.

Мы часто спорили, он был со мной не согласен во многом и по-своему негодовал. Даже в письмах не передавал мне привета, но теперь я все забыл и счастлив встретить его как друга. Боже, как он изуродован и как несчастен! Большая яма на лице с расходящимися от нее вкруговую швами; чуть сдавленный опухолью правый глаз и большой перекошенный рот – как это страшно и как жестоко! Два осколка сидят еще в области шеи. Уже видна опухоль, и теперь можно их вынимать, но Конец уже выписан в часть и снова назначен на строевую работу.

Вспоминали Каноненко, вспоминали всех. Разговаривать долго некогда, и я простился.

Сейчас опять тороплюсь. Вызывает начальник штаба полка. Он новый, и лучше прийти без опоздания.

30.06.1945

Весь день прошел под знаком неопределенности. Еще до обеда вызывали в строевой отдел. Там было много солдат старших возрастов, женщин. Их отправляют домой по демобилизации. Нас почему-то очень торопили, искали везде, пока собрали. Мне, например, сообщили, что меня ждут у начальника штаба, когда я был в столовой. Все мы сомневались и глубоко раздумывали насчет истинной причины нашего вызова. В голову приходили даже фантастические мысли, вроде того, что нас отправляют домой, так как офицеров везде много. Помощник начальника строевого отдела лейтенант Аржанов ушел докладывать о нашем приходе командиру полка. Мы его очень долго ждали.

Присутствовали при церемонии вручения наград, которая меня, признаться, еще больше ожесточила по отношению к[о] всякого рода негодяям, прославившимся и добившимся здесь высоких чинов и наград исключительно своей подлостью и лицемерием.

Девки все получали ордена сегодня от Красной Звезды и выше. Одна получала третий по счету орден Красного Знамени. За что? Фронтовики знают и не забудут.

[..].06.1945[120]
Весна
Какая синь на небе стала!
Какая свежесть на земле!

Так никогда не вырастала
Весна-красавица при мне.
Цветистой, предрассветной птицей
Она подкралась к нам тайком.
Впервые с нею за границей
Теперь я близок и знаком.
Друзей с победой поздравляя,
Любя весну, дыша весной,
Я славлю светлый полдень мая,
Я славлю край советский мой!
Лейтенант Вл. Гельфанд

02.07.1945

Сопровождаю «старичков» в запасной полк. Много девушек. Почти всех их отправляют домой. Осиротела наша столовая, прачечная, санчасть и прочие заведения, где подвизались многие любители роскошной жизни за счет торговли своим телом из числа женского персонала.

Большинству девок не хотелось ехать: они плакали, писали рапорты, чтоб их оставили. Не помогло. Сделали наоборот. Которые просились домой, в последнюю очередь были оставлены в части, и наоборот.

Километров 50 уже сделали, если не больше. Маршрут рассчитан на 60 километров. Утром достал велосипед, когда мы, пройдя 30 километров, очутились на месте нашего недавнего квартирования в Берлине. Подполковник Гужов, руководящий колонной, предложил расположиться на отдых, но солдаты настолько были обуяны «чемоданным настроением», мечтой поскорее домой, на Родину, что ног под собой не чувствовали и в один голос заявили: «Идем дальше!»

Снова застучали колеса, зацокала мостовая, и откуда-то из глубины колонны вырвалась буйная, раздольная песня. Она взлетела над головами, на секунду задержалась (остановилась) в воздухе и затем, дружно и порывисто подхваченная всеми, раздалась широко-широко над городом, затем каждый раз голосом запевалы сжималась, уплотнялась, становилась чуть слышной и снова взлетала и замирала над головами и падала и рассыпалась раскатисто, когда подхватывали сиплые голоса счастливых стариков.

Через 20 километров, однако, наблюдалась совсем другая картина. Люди устали, выбились из сил и многие лишились бодрости и веселости: больше не пели, смеялись мало, слышался ропот недовольства. Когда перевалили за 40 километров, подполковник Гужов решил дать отдых. Моросил дождь, было холодно – бойцы просились в квартиры. Сначала не разрешал, но потом стал неслышен.

Долго стучали. Немцы не отзывались. Сразу потух свет во всех квартирах, стало тихо и подозрительно. Обошли с бойцами весь дом. Стучали попеременно и сразу во все двери. Наконец, обнаружили окно без стекол, влезло несколько человек, стали приспосабливаться, чтобы пропустить остальных. Кто-то проломил дверь – втиснулись. Пришли девки, быстро пронюхали теплую светлую кухню, расположились. Я поместился с ними. Кое-как притиснулся к ним, но уснуть долго не мог – кусали мухи, свет ел глаза, да и само присутствие женщин отвлекало ото сна. Девчата попались совестливые – даже обнять себя не разрешали. Долго ворочался и уснул примерно к середине, с третьего на четвертый час.

На рассвете меня разбудили. Квартира, где мы ночевали, оказалась пивной, и хозяева могли с минуты на минуту явиться. Неудобно и опасно было оставаться здесь долго. Скомандовал выходить, сам остался – искал, не уснул ли кто-либо в непроверенном месте; боялся, чтоб не остались. В одной из комнат, заваленной бочками, инструментом и прочей всячиной, стоял велосипед. Вынес его, сначала полагая, что кто-либо из бойцов оставил, но потом, даже когда узнал, что все налицо, решил не вносить обратно: рискованно было, да и велосипед-то мне нужен был сильно. Так я на нем и доехал остальные километры нашего пути: побил себе руки, измазался и получил удовольствие, неожиданно сменившее мою усталость.

Девки вели себя героями. У всех были ордена; у некоторых по несколько, в числе которых очень высокие. За что они их получили: военные люди, не задумываясь, определяют цену их героизма, ибо только редкие исключения наблюдались в среде женского воинского персонала, поистине заслуживающие уважения и внимания. Все эти Полушкины и Тедеевы как две капли воды похожи друг на друга, брызгали безграмотными кляксами, писали резолюции с легкостью и безответственностью, что становилось стыдно за людей, которые им доверяли. Ордена и медали отпускались по договорам, по заказам. Надо было только заслужить расположение этих мелких, пустых людишек. Хорошему сапожнику или понравившемуся портному, кладовщику или хозработнику было легче завоевать высшую награду, нежели мужественному, честному воину, пролившему не одну каплю своей, а еще больше вражеской крови на поле брани; возомнили из себя нечто ценное и полезное обществу и действительно брали на себя (и сейчас еще продолжают брать) такую полноту власти, что и командиры частей не решаются порой брать[121]. Тедеева, например, в насмешку называли «маленький Калинин». Так вот, покровительствуемые всякими Тедеевыми и прочими К°, окруженные ореолом славы, девки наши прибыли в запасной полк и заявили сразу: «Вы знаете, кто мы?! Мы герои-сталинцы!» И в подтверждение сказан-

ного подняли такой визг и шум в отведенном им бараке, что туда вынужден[ы] был[и] прибежать майор и капитан; но и они не в состоянии были что-либо сделать. Майора девки послали «на х...», а капитана «к е... матери». Оба ушли как побитые. А когда заявили: «Мы вас обсосем», женская природа, смешавшись с мужскими привычками, заиграла, вскипела и во всю ширь вылилась наружу. Крик, плач и матерная ругань, все это смешалось вместе, носилось по комнате, вырывалось наружу и долго висело в воздухе.

До позднего вечера провозился я с женщинами. То перепутали имена, то списки, то написали одной в личном деле «ПЖД». Наконец, сдал... и вздохнул облегченно.

Обратно почти всю дорогу ехал велосипедом. Гужова возненавидел за его бесчеловечность. Всю дорогу он продолжал выпивать и лопался от пищи, а мы, офицеры, по его вине оставшиеся необеспеченными продовольствием, присутствовали рядом и не были ни разу приглашены.

В центре Берлина и в районе Темпельхоф[122] наших войск не было. Всюду расхаживали серьезные американцы в форме, похожей на спортивную[123]. Нигде меня не остановили ни свои, ни иностранцы.

Проголодался, стал искать пива и хлеба. В булочной купил буханку жесткого немецкого хлеба, в пивной выпил несколько чашек горячего кофе. Хозяева спросили: «Что, у вас тоже едят сухое?» – Меня ущемил вопрос. – «Нет, напротив, сегодня я вынужден так питаться, ибо оторвался от части». Она легко поверила.

Пива нигде не было, а пивные в этот день были закрыты. Только уже в советской зоне[124] в одном из домов, где укрылся от дождя, было пиво. Выпил много кружек, но не опьянел по слабости напитка. В лагерь приехал в середине дня, принес массу впечатлений. Люди верили по простоте своей и с интересом слушали мой рассказ «о встрече с американцами»: «Они приветливо отнеслись ко мне. Группа офицеров пригласила на квартиру. В комнате висел большой, через всю стенку портрет Рузвельта. Стояли мягкие, с белыми звездочками на спинках, кресла, а на столе красовалась закуска, и шипело удивительной крепости шампанское. Американцы хлопали по плечу, восторженно называя “русский” С немцами они строги и неразговорчивы. Я не встречал еще ни разу ни одного из них, чтобы он любезничал с фрейлин (это единственная истина). С продавцами скупы и мелочны до пфеннига[125], но мне не разрешили платить за себя – когда вместе выпивали, рассчитывались сами...»

Велосипед у меня отобрал начальник штаба сразу же, на другой день. Все из-за Мусаева. Он стал у меня отнимать, я поругался с ним, дошло до скандала. Под предлогом выполнения приказа майор вме-

шался, приказал поставить в сторону велосипед, и автоматчики его убрали.

За день до этого, сразу по прибытии в лагерь, меня вызвали, вручили обходной лист и сказали, чтоб собирался. Больше всех усердствовал Аржанов. «Ты, видимо, поедешь на Родину. Быстрей собирайся, для тебя же хлопочу!» – и изобразил такое доброе лицо, что я ему поверил на слово.

Нас было двое: я и Токсунбаев, старый лейтенант-казах.

09.07.1945

Итак, впервые я очутился в офицерском полку, которого так всегда боялся и в который всегда так не хотел попасть.

Смотрел кино. Два часа ночи.

12.07.1945

Вчера было партсобрание. Я выступил в прениях. Говорил последним из четырех записавшихся. Критиковал. Меня слушали, одобряли. Начальству было невыгодно: парторг попытался остановить ход моей речи, прервал меня, но с мест стали шуметь коммунисты.

– Время истекло, товарищи. – Попробовал было заикнуться парторг.

– Пускай говорит, пусть продолжает, – ответила аудитория, и тот был вынужден уступить.

Когда я окончил, некоторые пристукнули в ладоши, расходясь, жали мне руку, улыбались.

– Товарищи, внимание! – остановил председатель. – Прошу остаться всех парторгов, членов бюро и последних трех выступавших товарищей.

– Мы берем вину прежде всего на себя, – заявил майор, заместитель комбата по политчасти. – Разрешили слишком большую демократию, не дали русла, направления вашим выступлениям (два других говорили: один – о «чемоданном настроении», другой – о требовании, которое он выдвигает перед командованием от имени коммунистов).

Серьезных обвинений мне предъявить политики не могли, поэтому лишь ограничились общим замечанием; читали наставления и говорили с полным откровенным цинизмом, что начальство критиковать нельзя: «Мы возьмем над вами шефство. Вам, товарищи члены бюро, помочь надо товарищам».

Я предупредил, что помощи мне не требуется, что я не первый раз выступаю и о политической работе, агитации и пропаганде имею довольно-таки широкое представление. Но они и слушать не хотели.

– Вы – молодые коммунисты, и нам, старикам, нужно много над вами поработать для того, чтобы вы поняли свою роль и задачу в жизни любой организации, коллектива.

Так началась для меня жизнь в офицерском полку, где так же, как и везде, не терпят правды и где за нее крепко бьют и жестоко ненавидят.

Сейчас в местечке Rüdersdorf[126], что неподалеку от нашего лагеря. Делаю электрическую шестимесячную завивку, исключительно ради интереса. Часа два меня все обрабатывают. Молоденькая красивая немка особенно заботливо ухаживает за моей шевелюрой. С ней надо будет подружиться и постараться убить время возле нее.

Inga Berensteder
Rüdersdorf,
Kaiserstr, 67
Kaiserstrasse

Вот и адрес, который она сама написала. Сегодня она просит не приходить, так как изучает русский язык в школе после работы, но завтра вечером в семь часов она приглашает меня к себе. Знакомство обещает быть интересным.

Итак, завивка готова.

13.07.1945

На партсобрании.

Только что сдал дежурство по полуроте[127]. Кстати, в ней сотни две человек, а что же делается в роте; в батальоне личный состав не поддается учету не столько в силу своей многочисленности, но в силу того, что люди по целым неделям порой отсутствуют из части, и об их местонахождении никто не знает.

14.07.1945

Вечером вчера был в лагере русских девушек, работающих здесь на фабрике. Ездил на велосипеде, доставшемся мне в залог в 2000 марок. Там было много офицеров, сержантов и бойцов. Девчата стали нарасхват.

Несколько кругов сделал площадью, где должен был состояться концерт. Ко мне подошло несколько бойцов.

– Товарищ лейтенант, вы не из 248-й сд? Назвали батальон, в котором вместе со мной служили. А я-то ведь успел и позабыть все детали из прошлого, относящегося к периоду моего пребывания в Галаевцах.

– Вы не из 301-й сд? – подошел старшина, и все остальные удивились.

– Да, был и там, и там. Вы меня правильно узнали.

Много расспрашивали, так как давно выбыли из частей. Было десять часов. Бойцы предупредили, что в пол-одиннадцатого в лагерь наезжает комендант со своей командой в 10–15 человек со станковым пулеметом на тачанке. Посоветовали прийти лучше днем, сами они тоже уходили.

18.07.1945

Несколько дней подряд был в разгуле и почти ничего не написал, за исключением нескольких писем.

Озеро с живописными берегами и густым лесом, с голыми купающимися посетителями, из числа солдат и офицеров нашего полка, с русскими девушками, нередко полуголыми, и немецким населением, сбившимся только в одном уголке озера и пляжащегося на берегу.

Чистое, прозрачное озеро. Рядом заводы бездымные, а на горе, у самого озера – несколько многоэтажных домов, площадка перед ними, музыка, танцы... Здесь живут девушки, недавно освобожденные союзными американцами и прикрепленные временно к воинской части, занимающейся эвакуацией станков, оборудования заводов и др.

С одной из них я познакомился в парикмахерской. Она положительно отозвалась о моей внешности, сделала мне комплимент. Симпатичная, умная и культурная, хотя и не совсем интересная Аня (так ее звали) привлекла меня открывшейся перспективой более близкого с ней знакомства. Она сказала мне номер квартиры и дома, где живет. Казалось, теперь уже все для начала сделано, остается только некоторое усилие с моей стороны, и события разовьются сами собой. Но судьба решила иначе.

И вот через день, когда я с товарищами пришел в лагерь, увидел свою мечту в окружении целой группы курсантов, дарящей ей яблочки, ласковые улыбочки, восторженные взгляды и слова. И она всем улыбалась и со всеми была одинаково хороша.

Я поздоровался и подсел к ней. Она была в нерешительности.

– Пойдем, пройдемся – предложил я.

– Позже. Видите ли, сейчас неудобно. Придет подруга, и тогда пойдем.

Но и когда подруга подошла к нам, она все еще отказывалась. Долго не стал упрашивать, и хотя она обещала позже, просила подождать – простился холодным рукопожатием и пришел снова только на другой день.

Дома ее не оказалось. Я подцепил другую – хорошенькую грамотную девчушку – и долго с ней беседовал. Узнал всю жизнь, всю биографию от начала до конца. Выяснил, какого она года и даже где и как жила во время немецкой оккупации, а затем в Германии, куда ее вывезли немцы. Но главного так и не спросил – ее имени – узнать не догадался.

В середине разговора явилась Аня, почему-то решила, что я исключительно ее дожидаюсь, и сказала, как бы опережая мой вопрос: «Подождите секундочку, я сейчас выйду».

Мы продолжали разговаривать. Вдруг она вышла и прошла мимо. Мне показалось, что она обиделась. Быстро простился я с интересной безымянной девушкой и догнал, окликнул: «Аня!» Она остановилась, но подруги торопили: «Скорей, на работу опоздаем». Она извинилась, стала отговариваться своей занятостью и затем простилась.

– Если хотите, завтра в восемь часов.

На другой день, 17 числа, я был занят, и только к вечеру после ужина у меня выдалось свободное время. Перевалило за десять. Решил ехать велосипедом, но все поиски не принесли результатов. Перспектива идти пешком не радовала. Решил жертвовать патефоном – сменял его на велосипед и поехал. Во дворе общежития сделал несколько кругов. Ани не было. Встретил другую, безымянную, в розовом платье девушку, улыбнулся ей, но не подошел. Решил не бросаться за двумя сразу, а поочередно сблизиться с каждой и выбрать что получше для своего времяпровождения.

Я стал решительней по сравнению с предыдущими годами, забыл робость и потерял застенчивость. Девушки, к тому же, лишились гордости и высокомерия, в силу роста цены мужчины за время войны. Я не урод и могу рассчитывать на любовь, уважение, ласку столь желанную, наконец, многих хорошеньких девушек. Я буду купаться в этой ласке, знаю, а пока только изредка и тайком успеваю в нее окунуться, но ненадолго и без определенных результатов, а тем более, без полезных и памятных последствий.

Но вернусь к рассказу. Подруга Ани, встретившаяся мне на дороге, ничего решительно сказать не сумела о местопребывании девушки, и я уже собрался ехать домой, как встретил ехавшую на велосипеде навстречу мне Аню. Остановился, стал ждать. Она кивнула головой и, как ни в чем не бывало, продолжала кататься, потом слезла с машины, подошла к бойцам-курсантам и стала с ними разговаривать. Не выдержало мое самолюбие. Последний круг – и во весь нажим педалей устремился домой.

На этом пока закончил, но буду еще бывать и на озере, и в живописном лагере русских, многими из которых потеряны на сегодня не только честность и приличие, но и образ человеческий, утопленный в океане разврата, захлестнувшем Европу во время войны дикими волнами грязи.

С немками мне не по пути идеологически, нравственно. Есть у них хорошенькие, красивые даже, но они не способны меня затронуть по-настоящему и всколыхнуть мои чувства любовью и думами. В ласках они не отказывают, да и вообще ни в чем.

23.07.1945

Настроение какое-то полуобывательское, нет ни к чему инициативы. Чего-то хочется непостижимого. Мечтается о чем-то большом, впечатлительном, полном контрастов и преисполненном теплоты и благополучия. Надоело влачить полунищенское существование, терпеть во всем нужду, обиду и обман.

24.07.1945

Вчера чистил картошку в столовой. Сегодня в полковом наряде.

У нас есть определенная категория людей, всегда увиливающих от нарядов, занятий, построений и прочего, называемая «сачками». Так вот, сегодня я вместо них попал в караул, но для меня выгодно нынешнее дежурство. Командир роты обещал после наряда дать мне трехсуточное освобождение от всех нарядов и занятий. Поеду в Берлин. Пусть мне хуже будет.

26.07.1945

Поздний вечер. Судьба-шалунья жестоко балует со мной. Ей весело доставлять мне неприятности. В который раз она то на мгновение, то на целые часы, сутки, а порой и дни разлучает меня с дневником, стихами, записями, прозой и черновиками, играя моей рассеянностью.

Сегодня оставил у портного свои стихи и все прочее, что относится к моим литературным упражнениям.

Ходил купаться на «See»[128], дорогой подцепил двух фрейлин, и сам был не рад этому. Ходил с другом – молодым парнем богатырского сложения – Мишей. Обе уцепились за меня: они торопились на танцы и тянули с собой. Я перепоручил одну Мише и принялся уговаривать немок изменить маршрут в противоположную сторону – на озеро.

Не буду описывать всего нашего пути. Дорогой мне опротивели обе за накрашенные губы, за жеманство и особенно за что они меня любили. Пошли крутыми обрывами – они заставляли себя упрашивать. Я махнул рукой, преодолел препятствие и быстро очутился на озере, между тем как Мишель остался за двоих нас в качестве галантного кавалера, помогая им перебраться через насыпи, что перед озером.

06.08.1945

Рюдерсдорф.

Не лишне сейчас поделиться с тобой, мой дорогой дневник, своими впечатлениями из Берлина (вывезенными). Ты любишь слушать молча, никогда не перебивая, и всегда внимательно запечатлеваешь в себе мною сказанное, потому-то я так охотно и прибегаю к твое-

му участию в моих размышлениях, беседах, к дружбе с тобой, о мой единственный, честный, преданный (увы, иногда и ты подводишь!) лишенный коварства и лицемерия товарищ.

В Берлин.

Моя затаенная, мучительная мечта – еще хоть раз увидеть, почувствовать Берлин: не фронтовой, не пылающий, а послевоенного периода, слегка посвежевший гигант, опозоренный и униженный своими жителями и теперь раболепно заискивающий перед иностранцами, распахнувший все свои ворота – от Бранденбургских и до последней калиточки на окраине города – советским людям, русским воинам[129].

07.08.1945

Предместье Берлина – Рюдерсдорф.

Необычная обстановка. На дереве во дворе столовой в ожидании кинофильма, названия которого еще не знаю.

Жизнь моя сложилась интересным образом: масса переживаний радостных, печальных, душевные потрясения, неудачи и конец по формуле: «нет худа без добра».

Берлин не успел осмотреть. Мельком лишь пробежал взором все, что оказалось на пути у меня.

09.08.1945

Сегодня день событий. Больших, выдающихся из ряда вон. Все мои планы, все ожидания спутались, смешались так внезапно, что сейчас я не в состоянии как-нибудь систематизировать их.

Самое значительное событие – это сообщение о новой войне, об открытии дальневосточного театра военных действий Советского Союза с Японией[130]. Обычно слухи опережают события и, взбудоражив умы людей еще задолго до фактического оформления их, подготавливают к хладнокровному восприятию.

Так было и на сей раз. Еще дней за семь–десять до нынешнего сообщения кто-то пустил слух, его подхватили все и стали шепотом, не лишенным таинственности, передавать друг другу, что СССР объявил Японии войну. Приходилось верить и не верить в одно и то же время. Говорили люди взрослые, в разных чинах, и их никак нельзя было назвать сплетниками.

Чтобы удостовериться, пошел в клуб, тихонько спросил. Меня не обругали, не удивились моему вопросу, ибо сами задались им до моего прихода – радио ничего значительного не сообщало. И вот теперь – вторично.

В столовой долго ожидал завтрака – не подавали. Решил почитать газету. В ней новости, хотя и не первой свежести, но все же

интересные. Когда я вернулся, услышал, что все говорят о Японии. Молнией ударило в голову: а может, правда? То самое у всех стал расспрашивать. Даже шутники или грубияны теперь серьезно и вежливо отвечали: «СССР объявил войну Японии. Мы воюем теперь с японцами. Молотов заявил японскому послу о нашем решении воевать с японцами[131].

Теперь это оказалось правдой. И радостно, и тревожно на душе. Война долгой не будет – это сейчас ясно как никогда. Япония слабей Германии, а союзники сейчас значительно могущественней, чем прежде. Ставили предположения о длительности войны – три месяца. Иные говорили, японцы слабее, но они еще дадут нам жизни. Это были упаднические настроения, и они оказались весьма распространенными.

Некоторые почти плакали: «Мы столько воевали, и теперь опять придется. Нам из войны не вылазить». Штабные радовались – их не пошлют на фронт. Хулиганы и прочая анархистски настроенная братия не скрывала своего огорчения: «Теперь опять штурм и штрафбаты... опять по-военному» и крутили носом недовольно.

А мне было радостно. Теперь мы покажем японцам. Я не боялся, хотя решил не быть больше дураком и самому не напрашиваться на фронт, а если и идти, то политработником, чтобы оказаться полезным и быть заметным везде на фронте – не только и не столько товарищам по оружию, сколько начальству, которое оценивает. Теперь пора получать награды. Отвоевал, дескать.

Это были довольно-таки нечестные мысли, но справедливые. Для меня в этом случае был важен не столь сам факт предстоящего обуздания японской агрессии, сколько сила и значимость голоса нашей великой державы, к которому уже сейчас чутко прислушиваются и с которым всегда считаются не только друзья и союзники Советского Союза, но и даже враги и нейтралы всего мира.

Эта война принесла нам не поражение, не бедность и разорение, а могущество, силу, величие, которое превзошло теперь все ожидания. Ни одна страна не сделала так много для утверждения мира во всем мире, как наша. Ни один народ не понес столько жертв и не пережил столько трудностей, как советский. И поэтому было бы обидно, если бы с Японией расправились другие страны без нашего участия, а мы бы, при торжестве их победы, оставались в стороне, хотя интересы наши отнюдь не в меньшей степени, чем интересы союзников, упираются на существующее положение на Дальнем Востоке.

Второе событие – новый приказ маршала Жукова, командующего фронтом. Этот приказ в основном весьма приемлем и необходим в данных условиях, и все же некоторые моменты в нем мне не по душе.

У нас есть много хулиганов, провокаторов различных инцидентов, ссор, драк; врагов и негодяев, сволочей. С ними нужно бороться жестоко и принимать по отношению к ним самые решительные меры. В наших рядах не должно быть места людям, позорящим Красную армию на глазах Европы, вызывающих укор и негодование пославшего нас как своих представителей в Германию передового, культурного, русского народа. Таких выродков надо выкорчевывать из нашей среды, бить неустанно, повседневно. Но при чем здесь чистый армеец, прослуживший в действующей армии и так много времени отдавший борьбе за народное дело: свою молодость, здоровье, знание и все, что только можно отдать человеку.

Теперь пора отдохнуть хоть немного, увидеть то, чего еще никогда не видел – зарубежный мир; узнать то, о чем так мало знал и не имел ясного представления: жизнь, нравы, обычаи за границей и, наконец, побыть в городе, видеть людей, говорить, ездить, наслаждаться мизерной долей (если она есть в Германии) счастья.

Нам запретили разговаривать с немцами, запретили ночевать у них, покупать. Теперь нам запрещают последнее – появляться в немецком городе, проходить по его улицам, смотреть на его развалины. Не только бойцам – офицерам. Но ведь это невозможно! Мы люди, мы не можем сидеть за решеткой, тем более что на этом не кончается наша служба в армии, а казарменное положение и жизнь в казармах успела нам до чертиков надоесть. В армии отвечают лишь за себя, и я попытаюсь сделать то же самое.

Чего я хочу? – свободы! Свободы жить, мыслить, работать, свободы наслаждаться жизнью. Теперь я лишен всего. В Берлин закрыт мне доступ. Из роты даже нельзя самовольно уйти. Опять занятия, снова проверки. Все сызнова, как на войне. Скучно так и томно на душе. Таков смысл приказа, вернее, вытекающие из него обстоятельства.

Временно решил в Берлин не ехать. До окончания срока прически (согласно последнему приказу маршала Жукова – 15-го сего месяца). Но за своими фотокарточками и фотопортретами должен непременно днями заскочить в город, ибо все пропадет.

Если бы не последнее обстоятельство, которое я могу для себя назвать также событием, возможно, 10.08 я и побывал бы в Берлине, и справил бы свои дела, но... Неожиданно нам сообщили, что мы переводимся в 3-й сб, приказали приготовиться и с вещами ожидать машин у ворот.

12.08.1945

День прошел впустую. И анализируя причины бесцельно проведенного времени, я пришел к выводу, что виновата моя старая и самая плохая во мне привычка распыляться по мелочам, почти ни-

чего начатое не доводя до конца. Дня своего я не осмыслил заранее, времени не планировал, цели перед собой определенной не поставил. Отсюда и последствия.

Утром принялся искать пуговицы для кителя – задумал пофорсить, но не нашел и только убил несколько часов на перекладывание чемоданов, на поиски безвременно и, очевидно, безвозвратно пропавшей в квартире моей любимой ручки. После обеда, еще не успев навести порядок в помещении, выдумал помыться – нужное дело, но потом явилась у меня еще более заманчивая мысль – одеться в гражданскую форму. До ужина занимался новым своим убранством. Потом прогулка по городу, знакомство, шутки, разыгрывание своих, немцев и самого себя; инцидент с русской девушкой, которую принял за немку, с которой заговорил на немецком, но которая тем не менее сразу узнала во мне русского, ответила мне на родном языке и заставила растеряться; случаи (много), когда меня принимали за немца местные жители и наши воины.

13.08.1945

Хеннигсдорф[132].

На политинформации. Лектор слаб и малосведущ в политических вопросах. Взялся не за свое дело, и потому его речь режет слух. «Выведение немцев из Польши...» – видимо, хочет сказать – эвакуация; «конференция решила создание министров трех государств» и прочая чепуха. Скучно. Когда он закончил, поинтересовался, какие будут вопросы. Я поднял руку: «Фамилия лектора?» – и все захохотали.

Сегодня зачитывали сводку Совинформбюро[133]. Наши войска продолжают громить японцев и углубляться все дальше на его территории.

14.08.1945

Сейчас в Германии пора дождей и слез. Хнычут немцы о пище, о барахле, о добрых старых временах, когда было всего вдоволь. И омывает тусклое немецкое небо мрачные здания на немецкой земле так обильно, точно хочет растворить всю Германию в неудержимом водном потоке. Очень неприятно для меня это знакомство с немецкой природой. Такая она серая, неприветливая – мачеха, и только!

Сегодняшний день принес удовлетворение, не полное, правда, так как не все задуманное накануне выполнил, но... Написал четыре письма[134]. Подробных. Читал немного из Тургенева и из области политобразования: «Краткий курс истории партии» В. Волосевича, [19]26 года издания[135]; газеты.

Было партсобрание, на котором критиковал с места. Выступить не пришлось ввиду усталости коммунистов, успевших выслушать столько глупостей и вздора ряда выступавших, что невольно пришлось пожалеть слух аудитории и, дабы не наговорить самому, упаси господи, под влиянием заразительных речей чего-нибудь несуразного.

Вечером после собрания опять встретился с Женей – красивой девушкой, работающей в столовой. Впервые я узнал ее дней тридцать тому назад и попробовал повздыхать и поволочиться за ней, но однажды, в 12 часов ночи, когда после тщательного наблюдения за Женей и ожидания ее во дворе столовой я увидел ее с майором, а затем еще с двумя офицерами, сердце мое остыло, и я постарался не вспоминать больше об этой красивой голубоглазой девушке. Позже мне говорили, что ее обворожил один лейтенант-татарин, увел ее [слишком] далеко за собой, а майор, привезший ее сюда, отвернулся от нее и, наконец, выгнал.

Так она попала в третий батальон, где теперь не раз ее встречаю. Она кланяется мне мило, приветливо – видимо жалеет о несостоявшемся знакомстве и дружбе. Вот и сейчас она широко и ласково улыбнулась мне из окна своего дома, но я прошел мимо, памятуя о гордости и достоинстве мужском и в то же время тревожась мыслью о накожном заболевании, которое мои [*продолжение отсутствует*].

15.08.1945

Сегодня день туманный, как ни разу еще в Германии за мое здесь пребывание. За пять–десять шагов не видно человека.

На политзанятиях тема: «Япония». В строю старые дальневосточные песни: «И на Тихом океане свой закончили поход»[136], «О японских самураях»[137]. В столовой, в помещении, на улице и даже в уборной – везде одна тема, один вопрос – Япония и война с этой хищнически агрессивной державой, затрепетавшей, тем не менее, и убоявшейся нашей страны с первых ее шагов на тихоокеанском театре военных действий.

Нужно отметить, что за пять дней боев мы сделали больше, чем Китай и англо-американские союзники за целые годы[138]. Наша мощь, безусловно, более решающий фактор на полях войны и в дипломатических кабинетах, нежели любая атомная бомба, изобретенная за границей[139]. В этом теперь убедился весь мир.

На политзанятиях младший лейтенант хорошо и красиво читает – приятно слушать. Только что он сообщил новость, которая, утками пущенная в массы каким-то провокатором или интриганом, или группой таких людей, на протяжении всей советско-японской войны опережалась до этого неоднократно и совершенно спутала умы. Япония приняла условия капитуляции. Император Великой Солнечной им-

перии[140] отдал приказ войскам прекратить сопротивление и сдаться на милость победителям[141]. Вот где сила величия Советского Союза! Что я могу еще к этому прибавить?

Итак, новая, грандиозная победа! Мир во всем мире, и на фоне всего – мощь, благородство, свободолюбие, богатство идеалов большой, многонациональной, миролюбивой семьи советских народов, коммунистической партии и правительства, внесших неоценимый вклад в достижение того, о чем мечтали веками лучшие сыны человечества.

Поистине, в какое неповторимое время довелось мне жить и трудиться. Только теперь, после войны я со всей полнотой и очевидностью ощутил в своем сердце величие данного исторического момента.

В ознаменование окончания последней войны на земном шаре решил составить стихотворение. Когда оно уже почти получилось, я прочел его себе вслух. С улицы подхватил и стал критиковать и осмеивать лейтенант. Он говорил жестоко и во многом справедливо, потому его отдельные фразы особо ощутительно ударяли в сердце и судорожно ломились в голову. Он говорил, о чем я уже неоднократно слышал от покойного Савостина, чтобы я бросил писать, чтобы забыл о литературе, так как самое лучшее для меня – это изучить военное дело, иначе я обречен на полунищенское существование: подбирать крошки со стола, всегда быть голодным, не иметь своего пристанища, семьи и счастья: «Поэты всегда приобретают известность очень юными, а тебе уже 22 года, но о тебе до сих пор никто не знает, и сколько я газет ни читал, твоего имени ни разу не нашел в них».

Это было не совсем так, но в основном правильно, и я начал сомневаться в себе, затосковал. Тем более что все это он говорил для публики. В окнах показалось несколько офицеров и восторженно гоготали, некоторые даже визжали от удовольствия, одобряли выступавшего. В довершение всего он стал кривляться, приводить анекдоты о плохих поэтах, как, например: «Один начинающий, но бездарный поэт решил обратиться за помощью к Пушкину, долго не находя чего присочинить к первому куплету начатого стиха: “Луна зашла за облака...” На вопрос гениального сочинителя, в чем нуждается к нему пришедший начинающий поэт, вторично привел: “Луна зашла за облака...” и спросил, что дальше. Тогда Пушкин сказал: “Луна взошла за облака, увидела такого дурака и спряталась опять за облака”». Не совсем удачный, правда, анекдот, но вполне характерный для смеявшегося и иронизировавшего надо мной с их помощью товарища.

Я не стоял в окне, куда теперь все смотрели. Я отошел в угол, схватился за голову и серьезно, хотя не без чувств раздражения и боли, выслушивал пророчества лейтенанта и смех товарищей. До чего люди жестоки, несправедливы и как они любят отравить существование ближнему. Судьба человека очень похожа на людей: так же лю-

бит шутить и смеяться, делать зло и насилие над личностью, особенно таких индивидуумов, как я[142].

17.08.1945

Вчера ночью по радио передали, что японцы перешли в контратаки на всех фронтах наших войск[143]. Вот оно, неслыханное коварство японских милитаристов. А ведь многие еще вчера считали, что война окончена. Решил идти на фронт. Здесь мне делать нечего, раз снова грозит опасность Родине[144].

Интересный случай произошел с англичанами. Они совершали полет над Японией, причем проявили беспечность, полагая, что война для них окончена. Но японские хищники, заявившие о капитуляции, тем не менее, подло напали на летчиков и почти всех уничтожили в воздухе[145]. Вот что значит убаюкать себя мечтами, надеждами и верой в несуществующее.

Только что раздались два сильных взрыва в направлении Хеннигсдорфа, над домами поднялись два серых облака дыма. Как на войне неожиданно гремит выстрел, грохочет взорванное здание и рушится, рушится до основания. Враг не умолкает, не успокаивается и вредит нам на каждом шагу. Нет того дня, чтобы где-нибудь да что-нибудь не взорвалось, и земля не задрожала от грохота на месте происшествия. Впрочем, это уже не происшествие, а обычное теперь, в условиях данной местности, явление.

Сейчас в поле и лесу рассредоточились в ожидании. В наш офицерский полк прибыли «покупатели», как здесь называют. Они будут нас набирать, куда – еще не известно.

В Берлин опять не еду сегодня – нельзя, искать будут.

24.08.1945

Всю ночь не спал. Неожиданно Берлин вышел боком. Прошло несколько дней со дня последнего визита моего в этот город. Моя поездка туда явилась предметом долгих и весьма оживленных обсуждений.

Я фантазировал. Рассказывал офицерам о том, как я отпугнул от себя офицерский патруль, как ездил с генералом домой (хотя на самом деле – с его шофером) и, наконец, как прибыл к самому подъезду нашего дома исключительно благодаря приказанию самого генерала. Командиру роты проболтался, что ездил в Берлин. Он попросил у меня планшетку и денег не вернул, я и не требовал.

Время шло. Позавчера я вторично за эту неделю решил навестить город, о котором я написал на вершине Рейхстага:

«На балконе берлинского здания
Я с друзьями-бойцами стою,
И смотрю, и плюю на Германию,
На Берлин побежденный плюю».

Вернулся благополучно. Достал сапоги, часы купил в обмен на продукты из гастронома, достающиеся мне по дорогой цене, но, тем не менее, стоящие дешевле денег на берлинском рынке.

Командир роты вызвал меня к себе, долго ругал и грозил совместно с парторгом, предупредил об ответственности и отпустил, повторив угрозу. Я решил жить иначе, по крайней мере в течение десяти–пятнадцати дней. Выпустить стенгазету, развернув во всю ширь свои агитаторские способности; сделать так, чтобы обо мне гремело, как тогда, в 248-й сд, где я отдался целиком политработе. С этой мыслью провел я весь остаток своего времени до вечера и улегся спать.

Меня подняли с постели, когда было совсем темно. Командир роты вызвал в штаб батальона. Пришлось долго там ждать.

Трое офицеров вчера ездили в Берлин, там у них отобрали документы, их посадили, решили судить. Обо мне командир роты доложил все, что ему было известно; не прибавил, но и не уменьшил. Все мои злоключения – поездки без увольнительной – всплыли наружу. Дело, как говорится, запахло керосином. И когда комбат отобрал у меня документы, и когда, к моему ужасу, потребовал партдокумент и справки о ранениях и наградах, у меня отяжелела голова, помутилось сознание, и я зашатался.

26.08.1945

Рюдерсдорф.

Опять в полку, но теперь уже в качестве свободного часового, а не опального лейтенанта. Впрочем, и то и другое одинаково отвратно моему сердцу.

С чего начать светлую страницу моего дневника? Хотелось бы с чего-либо необычного, и, как ни обидно, не нахожу слов.

Только что просмотрел кинофильм «В шесть часов вечера после войны», по сценарию В. Гусева[146]. Сейчас на концерте. Артисты какие-то гражданские, девушки с простыми колхозными лицами. Если не будет скучно – значит, я сильно ошибаюсь в людях.

Когда артистки появились на сцене, по рядам прокатились выкрики: «Воздух!», «Рама!», но аплодисменты заглушили эти профессиональные военные реплики.

С тех пор минуло много времени. В подразделение хлынула волна партсобраний с персональными делами на повестке почти каждого; суды офицерской чести. Начальство стало серьезно заниматься наказанием провинившихся офицеров, а между тем происшествия участились и в нашем полку.

[02.09.1945]

По радио последние известия. Сегодня на Красной площади в Москве с сообщением о подписании Японией акта о безоговороч-

ной капитуляции и наступлении мира во всем мире выступил товарищ Сталин[147]. Обратившись к советскому народу, он поздравил его с окончанием Второй [мировой] войны. Всенародное ликование охватило Родину. По радио передают выступления знаменитых людей страны, в том числе старейшего писателя А. Серафимовича[148]. Ничего нового он не сказал.

У всех у нас сейчас одни мысли и одни настроения: радость, счастье и опять счастье. Радио гремит победу. Одно сообщение за другим о вдохновенном труде нашего народа в честь разгрома восточного агрессора – Японии[149].

Вторая мировая война ушла в историю.

Сегодня меня записали на учебу. После нескольких дней уговоров соблазн поехать на Родину возымел свое действие, и я уступил. Сердце на минуту стало преобладать над умом, жертвовать будущим своим во имя молниеносной улыбки настоящего.

09.09.1945

Вчера смотрел замечательный фильм по Гоголю «Черевички»[150]. В нем правдоподобно и красочно переплетается сказочное с реальножизненным. Много смешных сцен. Черт здесь веселый, сильный, но не всегда и не ко всем злой. Он во многом напоминает мне немцев – как и они, переходит от крайности к крайности. Сначала он весь погружается во зло, смеется и издевается над чувствами и привычками людей; даже попав в невыгодное положение, он не теряет оптимизма и не бросает своих вредных привычек. Когда же он сталкивается лицом к лицу со смертью, он впервые ощущает на себе весь ужас зла и жалко молит о пощаде, обращаясь к человеку, над которым так больно пошутил. Он клянется помочь герою фильма жениться на Оксане, к которой сам был неравнодушен, и действительно становится причиной счастья молодых возлюбленных.

В эпилоге он вызывает у зрителей глубокую симпатию тем сочувственно-радостным видом, который выражает его существо: ни тени ревности, а отеческая теплота под влиянием свадьбы обоих героев «Черевичек».

14.09.1945

Село Капут, шесть километров от Потсдама[151].

Так вот на новом месте. Всю дорогу и уже по приезду мечтал остаться с клубом, но меня как будто умышленно оставляли по сей день в роте и, несмотря на все разговоры и обещания, по сей час нахожусь в безвыходном положении.

Надоело мне здесь, ой как надоело! Хочу [*продолжение отсутствует*].

27.09.1945

Я люблю себя. Очень сильно и мучительно. Но беда в том, что еще не уяснил себе, для кого именно: для себя самого или других, и что лучше. Что приемлемей и что характерней для моего себялюбия? А ведь и правда самолюбивый тип, но память плохая делает меня простодушным, с глупцой, человеком. Люди замечают, чувствуют все прекрасно, но не могут называть искренне меня глупцом, потому что глупостью своей я не зол, не коварен, а доверчив к окружающим. Это плохо, это губит мою жизнь.

Разве можно сейчас боготворить девушку? Разве можно, подобно мне, страдать из-за нее и трепетать перед ее фигуркой? Нет ведь! Жестокая насмешка, плевок и оскорбление, как это ни странно и как ни возмутительно, ближе и приятней.

В наших столовых есть много хорошеньких официанток из числа девушек вольнонаемного состава. Почти за всеми пробовал волочиться, поверхностно беседовал с несколькими в разное время и с каждой в отдельности, дарил цветы. С одной, которая наиболее (на первый взгляд) ко мне относилась, однажды после ужина пошел домой, пробовал объясниться, но оказалось, что она замужем. Другая и вовсе отвергла мои [*продолжение отсутствует*].

30.09.1945

Капут под Потсдамом. Снова потянулись томительные дни ожидания, вернулась привычная неопределенность будущего, неустойчивость настоящего. Мое «счастье» оказалось временным.

Захаров – мальчишка и негодяй. Он доказал это своим отношением ко мне. Когда меня брал в клуб, обещал предоставить возможность заниматься литературой, создать все условия для работы, взамен у меня просил только участия в самодеятельности.

В роте к этому времени усилились гонения со стороны командира взвода, младшего лейтенанта. Парторг надоедал своим надзором, который, в конце концов, стал настоящей слежкой. Клевета и придирки дамокловым мечом собрались над моей головой и могли вот-вот обрушиться крупнейшей неприятностью. Но тут впервые почувствовал я себя независимым и стал не обращать внимания на приставания окружающих.

Построения и собрания меня не касались, в столовую я ходил самостоятельно, на занятия не ходил. Одни наряды вконец вымучили меня и тем самым увеличили мое желание вырваться из роты. Захаров каждый день обещал, назначал встречи, аудиенции, свидания, я своевременно являлся к нему, подолгу ждал, беседовал; иногда, не дождавшись, уходил. А назавтра все сызнова. Моя первая и самая главная беда – глупость. Я рассказал ему свою историю без утайки.

06.10.1945

Берлин. Гостиница. [...strasse 22]

Знакомый по другим гостиницам зав.-сержант, обычно молодой.

– Ваше командировочное предписание зарегистрирую, получите завтра.

Услужливый немец-элегант, протягивая подобострастно ключ от комнаты, записывающий ваш номер и внезапно бросающий по-русски: «Десять марок!» Сам ведет, отпирает ее, и когда я вошел:

– Вам кофе или чай?

– Чай.

Проходит не более чем полминуты, и на столе появляется горячий чай, тарелка, блюдечки, чашечка, нож, вилка и даже маленькая ложечка. Ну, в общем, о чем только успел (или даже не успел) подумать.

– Битте, битте шеен![152]

– Данке![153] – и кокетливая официантка уходит.

Через несколько минут она появляется вторично, жадно смотрит на пищу и спрашивает: – Нох маль?[154]

– Genug, danke![155]

И наступает холодное одиночество. Гостиница не отапливается, поэтому сказанное выше можно понимать и в буквальном смысле этого слова.

Но перейду к существу. После ряда ужасных неприятностей, окончившихся для меня оставлением клуба, я, как утопающий, стал цепляться за любую возможность не попасть в роту. Слухи росли вокруг моего имени. И нужно отдать справедливость лейтенанту Р. (которого я имел неосторожность даже уважать прежде и который оказался отменным негодяем), постаравшемуся в этом отношении больше всех. Ради красного словца он пустил в массы на одной из своих лекций: «Гельфанд, у которого немцы убили родных, теперь фотографируется с немками, хранит их фотокарточки и гуляет с ними».

Слухи обычно любят быть занимательными. Истина не всегда привлекает к себе внимание, поэтому плохая истина в таких случаях становится еще раз в десять неправдой. Кто-то и где-то сказал, что якобы мною было выражено недовольство в связи с приказом Жукова; кто-то прибавил, что я попросту осудил этот приказ. Нашлись еще более смелые: те заявили, что я агитировал офицеров не выполнять приказа Жукова, и все это с одинаковой выразительностью было подхвачено и послужило благодатной темой для разговоров «политработников». Более того, оно вызвало целый кураж в людях: «Подумать только, какие у нас есть офицеры, да еще коммунисты?! Почему его держат в партии?!»

И стали говорить на партсобраниях. Для того, чтобы речи были эффективнее, а содержание многозначительнее, придумали еще

«Из жизни Гельфанда в ОПРОСе[156]»: «20 суток не могли найти в роте», «семь суток он был в самовольной отлучке в Берлине».

Парторг управления майор Маломед вызвал меня на беседу. Я объяснил ему, что ничего в действительности этого не было; что все, что носится сейчас в воздухе вокруг моего имени, ложью, подлостью и лицемерием рождено и не заслуживает, чтобы ему придавали так много внимания.

– Нужно проверить, где источники этим помоям, которые на меня столь незаслуженно пытаются опрокинуть, а вы, не узнав истины, поднимаете клевету и поддерживаете ее авторов своим тенденциозным отношением ко мне.

– Я вас не привлекаю к партийной ответственности, не накладываю партвзысканий, а только хочу предупредить на дальше. Сигналы есть – последствия будут для вас неприятны.

Я простился с ним – он обещал проверить настоящее положение вещей.

Но каково же было мое возмущение, когда на второй день на партсобрании им же были приведены в качестве красноречивых иллюстраций к выступлению те же измышления, но еще более разукрашенные.

В зале раздался шум: «Где он? Кто он?» – не все меня знали в лицо. И удивительно еще, как он не отважился меня поднять, показать массе и сделать своего рода экспонатом для изучения.

После собрания я выразил ему свое негодование. Он ласково усмехнулся:

– Это я не столько для вас, сколько для других, чтобы не позволяли себе такого.

– Но ведь вы играли моей фамилией. Гнули, ломали, жонглировали ею.

– Ничего, ты постарайся исправиться, и все будет забыто.

– Позвольте, товарищ майор, никогда, никогда это не может быть мною забыто все, и если бы не пять суток ареста и предшествующая им самовольная отлучка в Берлин, я бы не побоялся поставить вопрос открытым, дабы любыми путями вывести на чистую воду всех виновников моих переживаний, вас включая.

Майор молчал, но через пару дней на партийном активе обо мне уже говорил подполковник – заместитель комполка по политчасти.

Так разрасталась эта гнусная легенда и становилась в глазах непосвященных в глубину ее сути людей правдоподобной, делаясь тем самым еще более дикой перед лицом справедливости.

Несколько дней, несмотря на неустойчивость моей жизни в ОПРОСе, я не являлся в батальон. С клубом рассчитался, талоны на довольствие в полковой столовой получил, питался и жил себе отдельно в стороне и в страхе. Укладывался, был готов ко всему, но ни

в коем случае не хотел расставаться с квартирой, где единственную отраду и спокойствие я находил в беспримерном одиночестве и перелистывании своих бумаг.

Захаров не давал жить. На улице, в столовой, в клубе – всюду, где только ни встречался с ним, он не упускал случая напомнить мне в самой грубой и надоедливой форме о необходимости немедленно явиться в батальон. Вначале я не знал еще, где зарыта собака, но позднее, когда для меня стало ясно, почему Захаров так добивался моего оформления в списках батальона, я наоборот тянул и стал открыто негодовать при виде этого недоросля с заносчивым, самодовольным взглядом самодура. Наконец мне надоело быть все время в ударе, и я решил уступить, тем более что майор еще не приехал из отпуска, и надежда остаться при клубе была навсегда потеряна для меня.

В батальоне, когда я брался на учет и довольствие, мне посоветовали поговорить с представителями демонтажной бригады. Я почти бросился к нему, стал проситься.

07.10.1945

Кондрашов Александр 283/8. Его встретил 7.10.1945. Горд и высокомерен. Совесть потерял – издевательски назвал меня тыловиком; вспомнил, что я настаивал на определении меня по специальности, когда по вине Полушкина был втянут в стрелки.

08.10.1945

Креммен[157].

Так вот, прибыл я сразу в политотдел. Беседовал с начальником. Он обстоятельно расспросил обо всей моей деятельности. Еще до этого, в ожидании его читал немецкую газету и капитан, представивший меня начальнику политотдела, добавил: «Знает хорошо немецкий язык». Я скромно отнекивался. Ведь будет невежественно агитировать немцев, не умея окончательно гладко и свободно говорить на их языке.

В общем, судьба моя на решении[158]. Завтра в девять часов я буду представлен командиру бригады, а пока ночевать и мечтать о будущем предстоит в гостинице.

День израсходовал на дорогу, сильно устал, проголодался, но набрался впечатлений досыта, так что «genug»[159] с меня.

Вчера в Берлин ехал на двух легковых машинах, и об этой поездке нельзя умолчать.

На перекрестке дорог у окраины Потсдама я тщетно и долго голосовал. Вдруг на другой стороне улицы остановилась шикарная легковушка, открылись дверцы, и мне помахали оттуда рукой. Я подбежал, смотрю – генерал-лейтенант. Растерялся, оробел. Вот, думаю, лейте-

нант, и попался. Теперь не видеть мне Берлина и не избежать неприятности – начальство, особенно высокое, придирчиво.

– Вы куда едете? – спросил генерал.

«Сказать?» – мелькнуло в глубине сознания. «Что будет, тому суждено!» – и ответил, посмотрев прямо в глаза: «В Берлин».

– Как же вас довезти? Я могу вас доставить только до шлагбаума, дальше мы едем в другую сторону, – и кивнул на шофера.

Шофер завел мотор.

Поеду, решил я, обрадовавшись случаю прокатиться в одной машине с генерал-лейтенантом.

Путь был недолог. Я молчал, между тем как генерал беседовал с шофером по поводу указа Президиума Верховного Совета СССР о дополнительных мероприятиях помощи семьям военнослужащих, погибших в войне[160]. Внезапно он прервал разговор и, приоткрыв дверцу, сказал: «Ну, вот и доехали! Здесь ходит поезд, и автомашин поболее».

Я вышел, преисполненный смущенной благодарностью, не зная, как передать такому высокому человеку, что накопилось на душе. Хотелось узнать его фамилию, запомнить, чтобы когда-нибудь на равных правах отдать ему дань уважения и признательности. А пока я, маленький, неизвестный человек, не смел надоедать генералу своими восторгами.

– Спасибо, товарищ генерал! Большущее спасибо! – выпалил я, одновременно с движением старика для того, чтобы захлопнуть дверцу кабины и, отдав четкую красноармейскую честь, застыл в долгом военном приветствии.

Короткий вихрь пыли поднялся на месте, где перед этим стояла машина, и разостлался вдогонку ей сероватой воздушной дорожкой.

Я подошел к шлагбауму. Поезда еще не было, а машины, как назло, редко появлялись на дороге. Пришлось сильно намучиться в тщетном ожидании транспорта. Вдруг на противоположную улицу шариком метнулась маленькая машина и замерла странно и вопросительно на перекрестке. Вылез шофер, выбрался еще один военный в красной французской шапке, напоминающей историю Версаля, Парижской коммуны, Тьера[161] и прочее из старины глубокой[162]. С трудом выговаривая по-немецки, француз-пассажир интересовался дорогой на Берлин. Я обрадовался, бросился к машине.

Покажу, – вздохнул, усаживаясь в середину, – я хорошо знаю!

И мягко понеслись старенькой французской вездеходкой по широкому асфальтированному берлинскому шоссе.

Пробовал заговорить со спутниками. Один с трудом понимал, шофер не знал или не уважал немецкий разговор. Молчание оказалось неловким, я постарался, как мог, чтобы его избежать поскорее. Вдруг

мой сосед засвистел веселый мотив марсельезы, шофер подхватил его. Мне захотелось доставить удовольствие веселым иностранцам, и я запел знакомые и популярные у нас песенки из французских кинофильмов «Под крышами Парижа»[163], из неизвестного мне – песенку о «Чилите»[164]. Эффект оказался сверх ожидания бурным. Мой сосед чуть не расцеловал меня и вместе со своим шофером восторженно захлопал в ладоши: «Браво, русский, браво!» – и больше от удовольствия ничего не мог сказать. Затем они оба подхватили мелодию, и мы втроем пели ее, позабыв о языках и званиях и помня об одном понятии: человек, которое на всех языках и во всех странах самое высокое.

Машина резко затормозила, и мы остановились, не доезжая до группы русских и американских офицеров, беседовавших о чем-то на дороге. Высокий статный американец с двумя звездочками на погонах что-то объяснял нашему полковнику, и тот утвердительно кивал головой, будто понимал, о чем ему говорят. Остальные офицеры с обеих сторон почтительно вслушивались в ломаную беседу на немецком языке и, видимо, не знали Deutsche Sprache[165].

Так немецкий язык превращается в международный. Немцы попадают в самый зенит международных встреч и связей, а Берлин становится центром, где сталкиваются людские интересы, обычаи, где оседает и рассеивается человеческая культура и невежество.

16.10.1945

Берлин.

Передо мной почти законченный вид проститутки. У нее и брови подведены, и на губах налеплена помада, и пахнет плесенью всевозможных кремов и одеколонов. Она не лишена красоты, но рука уродливого художника – пошлости – отобрала всю свежесть у нее и привлекательность. Тело у нее нежное, груди большие, но упавшие, с твердыми сосками, за которые с удовольствием можно взяться.

Нашел я ее на улице у Александерплац[166] и узнал совсем неожиданно и случайно. Было еще не очень поздно. Трамваи ходили, и я мог свободно добраться до гостиницы на Weissen See[167]. Но меня вдруг привлекла мысль поискать приключений у входа в метро, где обычно собираются сливки столичной суеты и неприглядности. Торговля, что очень редко бывает, уже закончилась. Обывателей, опять же, не хватало для хорошей толкучки и всяких Geschewtow[168].

17.10.1945

17.00 по Берлинскому времени. На самой вершине немецкой Колонны Победы[169]. Виден весь Берлин. Центр от колонны зеленый – сады, потом здания. Улицы узкие, только две-три широких. Развалины города безобразны.

Решетчатый бронзовый барьер огибает постамент, на котором широко развернулась «Победа» в образе женщины с лавровым венком в поднятой кверху руке.

Долго искал по карманам что-либо пригодное для надписи на стене в знак посещения этого места и не нашел. Тогда обратил внимание на чьи-то царапины по-английски, ярко выделяющиеся на уже почерневшей сверху бронзе. И у меня возникла идея – ножиком!

Прошло не менее часа, а я все оформлял свою надпись. Еще один человек поднялся на балкон, посмотрел, обошел кругом и сделал сравнение с Москвой, бросил замечание, не лишенное поэтизма, насчет моего марания и спустился вниз. Я все писал. Наконец, не вытерпел. Кое-что навел посильнее, в стороне приписал фамилию, спрятал ножик, бумагу и, бросив последний взгляд на обнаженный до предела развалинами город, стал на выход[170]. Лифт не работает. Пришлось перебирать ногами, и если утомил подъем, то спуск оказался невыносимым, куда тягостнее, [так] что я почти выскочил с последней ступеньки, побежал.

На Александерплатц приехал, когда уже начало темнеть. Базар – «der Schwarzer Mark»[171], как его называют немцы, не поредел. Люди суетились и толкались. Воздух будили свистки немецких полицейских, крики бегущих людей, гудели английские и американские машины, и всюду сновали люди в красноармейской форме и красной повязкой на рукаве, где ярко кидалось в глаза «КН»[172].

Решительно наступала темнота, и день неохотно прятался в сероватую величину горизонта. Люди тоскливо поглядывали на бледно мерцающие звезды, только что возникшие пред глазами, и уходили. Настало время, когда «туристы» и «паломники» на Александерплатц, вдоволь насытившись его прелестями, разъезжались по всему Берлину и далеко за его пределы, домой.

Теперь немцы не находили сбыта своим товарам и продавали дешево. Я остался на площади, даже когда не стали ходить поезда в метро, и когда темное осеннее небо досыта напилось звездами.

За 250 марок купил Rasier Apparat (бритвенный электроприбор), дешево достал две пары женских туфель (за 100 и 200) – пошлю маме. Недорого отдал за женские платьица. Зато с пальто меня надули. Утром, когда я к нему присмотрелся внимательно, оно оказалось все дырявое, так что даже брюк из него не сделаешь[173].

В десять часов вечера вернулся на Вайсензее.

В квартире немецких евреев, семьи Ришовских, задержался совсем поздно. Они угощали меня искусно приготовленными сладостями, поили горячим чаем. На прощание почти вырвали из рук фотокарточки, только накануне полученные в фото Берлина. Из семи

видов пять пришлось оставить у них. Сделал надписи по-немецки: «zum andenken»[174] и т. д., крепко пожал всем руки и побежал на трамвай. Но и тот не ходил больше. Тогда принялся останавливать машины. Перспектива ночевки на улице или шестикилометрового марша до «Гранд готеля»[175], где я пишу эти строки, не радовала, и я решил приложить все силы и всю предприимчивость свою, чтобы через час быть в постели. И действительно, мне это удалось сделать.

В «Гранд готеле» заказал горячего чаю. Пил много. И когда наутро стал уходить, мне насчитали семь графинов и 12 марок.

Мой вес на 17.10.1945 – 66 кг.

19.10.1945

Вчерашний день гостил у Ришовских. Вечером смотрел с девчатами «Кабаретт»[176], а совсем поздно чаевал и слушал музыку – пение старшей дочери хозяина Эльзы, с которой, кстати сказать, успел обменяться поцелуями.

Bahnhof Weissensee. Начало первого, в пути на Карлсхорст[177].

Сегодня получу все свои фотокарточки. Времени остается мало, и больше фотографироваться не придется. Хочу попасть еще сегодня же в Потсдам, Капут, получить там письма и необходимые мне документы[178]; к вечеру быть снова в Берлине, а завтра ехать домой.

Насчет покупок успел сильно. Предстоит еще достать козырек и фуражку моим будущим начальствующим сотрудникам, радиоаппаратуру и перчатки, погоны и звездочки, но последнее надеюсь купить в Карлсхорсте.

Сейчас еду за деньгами в сберкассу и военторг – Карлсхорст кишит ими. Против меня сидят хорошенькие немецкие девушки и мило улыбаются. Ну как не прерваться?

В немецком театре «Кабаретт» преимущественно выступают акробаты. Особенно поражает и вызывает отвращенное восхищение один подросток, который, подобно перламутровой кукле, гнется во все стороны и совершает непостижимое нормально развитому человеку.

21.10.1945

Четверть десятого. Берлин. Esbahn[179] – электричка.

Еду на Штеттинский вокзал[180]. Там думаю заночевать. А наутро – Ораниенбург[181] – Кремммен.

Срок командировки еще позавчера истек, и мне боязно было ходить по Берлину – комендатура особенно активничает в выходные дни, много военных. Для меня воскресенье – самая плохая дата. Все закрыто, даже побриться нельзя. Так у немцев устроено. С мага-

зинами у нас наоборот, но почта и прочие ответственные учреждения не работают. Поэтому денег не перевел, а только [*продолжение отсутствует*].

22.10.1945

В десять вечера был на вокзале. Стал спрашивать немцев насчет предстоящего пути: каким поездом ехать, где пересаживаться. Одни советовали на Ораниенбург, а оттуда с утра на Креммен, другие – и большинство – советовали на Хеннигсдорф. Я уже ездил по одному и другому пути. Первый путь был длинный, но легче – только одна пересадка. Но склонился на сторону большинства и поехал на Хеннигсдорф.

Ехали долго. В поезде было темно и битком людей. Навалило, в темноте и давке было весело. Обыватели берлинских пригородов болтали о сале, о масле, о шоколаде. Потом перешли на политику. Какая-то женщина крикнула: «Ты переняла русские привычки!» Эти слова кольнули прямо в сердце, и я решил не оставлять это незамеченным. Обращаясь сразу ко всем пассажирам, спросил: «Разве русские так уж плохи, и привычки их хуже ваших?» Все зацыкали на ту, которая выронила неосторожное выражение: одни – лицемерия ради, другие – из боязни передо мной, а третьи, может быть, и искренне. Нашлись такие, что ставили русских выше немцев в культурном отношении (и не без основания), приводили примеры и доказательства. Разговор не умолкал до самого Креммена и уже дорогой с поезда продолжался с не меньшим напряжением. Я старался, как мог, для того, чтобы утвердить в немцах лучшее мнение о моей Родине, о народе, вызвать уважение к нашей культуре. Не знаю, насколько мне это удалось, – во всяком случае, они больше не решились плохо отзываться о России, и только одна старуха, заискивающе улыбаясь и подобострастно заглядывая мне в лицо, тихонько сказала: «А у меня, господин лейтенант, позавчера "камрады"[182] обобрали квартиру», – и замешалась в толпе дорожной[183].

В Креммене было все по-старому, только в квартире произошли перемены. Капитана, который тоже без меня был поселен в квартиру, уже не было, и на его место перебрался сержант из политотдела. Мне пришлось ночевать на полу.

Наутро весь день перекладывал чемоданы. Ожидал неудачи с моей затеей насчет политотдела и готовился, на всякий случай, в дорогу или в батальон, или даже обратно в запасной полк. Я сильно просрочил командировку – приехал на два дня позже указанного срока и, следовательно, с начала пребывания здесь не оправдал доверия начальства. Оно могло реагировать по-своему.

23.10.1945

Все кончено. Свершилось, чего я более всего опасался и чего с отвращением ожидал. Двери, ведущие на политдорогу, захлопнулись, заманчиво блеснув светлой щелью многообещающего пути. Что ж, буду и дальше тянуть лямку. Судьба творит наперекор мне свое черное дело. Итак, завтра опять все по-старому. Снова командир взвода, снова строевик, и опять, как прежде, маленький Ванька-взводный, не видящий впереди себя никаких перспектив. Неужели для этого я родился и во имя этого рос?

24.10.1945

Кремлен. Еще вчера обратился я к майору Иванцову, начальнику отдела кадров.

– Политотделы армии и фронта отказали в переводе меня на политработу. Я снова к вам.

– Ну что ж, идите, раз прибыли, – и, подумав немного, смягчился. – Я сейчас уезжаю в командировку. Придите ко мне поздно вечером, часиков в десять.

Но ни в десять часов вечера прошлого дня, ни в девять часов вечера, ни в полдень сегодняшнего он меня принять не мог. В час дня он попросил «подождать немного», и до четырех я терпеливо топтался в коридоре.

– Ну вот куда я вас теперь пошлю? На что вы способны? Пойдете техническим делопроизводителем?

– А какая еще работа у вас есть? Полегче?

– А вы хотите, чтобы ничего не делать?!

– Нисколько, только на первых порах мне трудно будет на новой должности.

– Справитесь. Вы грамотный, писать умеете.

И я согласился.

– Пойдите, принесите командировочное предписание и личное дело. Это у капитана, напротив, в кабинете.

Я пошел, радуясь, что мои документы в ОПРОСе; по крайней мере, так меня информировали в штабе 27-го полка. И каково же было мое удивление и растерянность, когда я встретился лицом к лицу с моим потрепанным гадким личным делом, уже немало жизни и нервов попортившим мне за последние месяцы. Но делать нечего.

С начальником ОК[184] вторично был на приеме у комбрига.

– Ну вот, придется на другой работе показать свои способности. А почему у вас такое личное дело плохое?

Я молчал.

– Товарищ лейтенант, я спрашиваю, почему у вас такая аттестация?! Объясните!

– Они меня заставили грабить публичную библиотеку, поставили меня начальником ее. Мы вывезли более десяти тысяч книг русских со штампами. Это были русские, ворованные у нас книги, и я брал их без зазрения совести. Но когда на книгах появились немецкие штампы, я отказался их брать и встретил недовольство со стороны начальства.

Немецкий профессор, научный работник русского отдела Академии наук Германии, в беседе со мной рассказывал о плане Академии в деле перевоспитания немецкого народа: «Все свои будущие труды мы будем готовить, пользуясь имеющимся у нас запасом русской революционной литературы, которую вы особенно беспощадно забираете у нас».

25.10.1945

Хеннигсдорф. 12 ночи.

Снова непредвиденная случайность забросила меня сюда, к прекрасной Маргот. Здесь нет ни любезных пощечин, ни щипаний, ни прочих «ласок», как у русской Ниночки, а одна нежность: робкая, горячая, почти детская, простая и сердечная. И опять, как и в прошлый раз, в пять часов предстоит подняться, а к шести быть на вокзале – кто знает, может, в последний раз...

Судьба. Ты меня хранила и миловала, баловала и ласкала. Но нет тебя злей и бессердечней, нет коварней и беспощадней тебя ничего на земле. И сколько твоих самых худших качеств было обрушено тобой не однажды на мое крохотное и незначительное существо!

Завтра пойду на работу делопроизводителем; какой удел принадлежит мне на 23-м году жизни. И все судьба...

Половина первого. Отбой.

26.10.1945

На станции Вельтен[185].

Против первоначального своего намерения встал поздно. Хотелось вдоволь насладиться ласками хорошенькой Маргот – одних поцелуев и объятий было недостаточно. Ожидал большего, но не смел требовать и настаивать. Мать девушки осталась довольна мною. Еще бы! На алтарь доверия и расположения со стороны родных были принесены продукты, конфеты и масло, колбаса, дорогие немецкие сигареты. Уже половины этих продуктов достаточно, чтобы иметь полнейшее основание и право, что угодно творить с дочерью на глазах матери, и та ничего не скажет против. Ибо продукты питания сегодня дороже

даже жизни, и даже такой юной и милой, как жизнь и существование нежной красавицы в образе девушки.

Но я вдался в разглагольствование.

Вчера, сразу по приезду, предложил Маргот пойти со мной в кино, и та не посмела отказать. Мать – тем более. Еще три фотокарточки получил я в подарок и с надписью. Лучшие все пропали, так что достались мне снимки детства девушки. Обещала специально сфотографироваться, но мне вряд ли здесь снова случится бывать. Теперь между нами будет пролегать по меньшей мере 60–80 километров.

А там, в Кремменe, ждет меня хорошенькая, но распущенная Нина, которая на четыре года старше немки и не столь уж свежа и невинна, как она. Ругается матом, говорит, что «уж привыкла». Сегодня один у нее любовник, а завтра другой найдется. Средств моих не жалеет, если ей нужно, и даже старается, чтоб я побольше денег выложил – например, на фотографирование. Когда я сказал, что отдал бы 100 марок, если б он назавтра приготовил фотоснимки, она не замедлила несколько раз передать ему по-немецки. Но русская. А это самое сейчас главное, если добавить, что брошена не примирившимся с ней начальником АХО[186] и сейчас никем еще не занята – очень редкое состояние среди русских девушек. Они все или «жены», или «ППЖ», куда ни ткнешь.

Подъезжаем к Кремменy. Прервусь. Десять минут десятого. Усатый майор, начальник ОК будет ругаться. Поздно.

В 15 часов уже получил направление в третий батальон. Приказом зачислен делопроизводителем. Опять нужно начинать все снова и, что особенно важно, – завоевывать к себе доверие и преданность людей. Этого я не умею. Трудно и несогласно моей натуре. Вечером буду в батальоне и там окунусь (но, верно, не с головой) в «прелести» новой жизни. Буду молчать при людях, но больше писать в газеты и о плохом, и о хорошем. А если не понравится – перетерплю, пока на меня ни обратят внимание умные люди (их так теперь мало на свете!) и не помогут мне вырваться из полосы окружающей посредственности.

Кремменe. Уже поздний вечер. Только что поужинал, взял аттестат, чемоданы и жду в прихожей политотдела. В третий батальон машины нет, но один из парторгов подразделения бригады едет мимо города, куда мне нужно прибыть. Он обещал подвезти, и вот жду, пока освободится.

Сильно устал от бессонницы. Клонит ко сну и отдыху.

С Ниной, кажется, все кончено. Она вынудила меня быть откровенным. Высказал ей все, что думаю, и она охладела.

На фотографии мы оказались в самых непринужденных позах. Совсем по-немецки, как на широко распространенных здесь картинках. Снова фотографировались, и когда я принял от мастера пять марок сдачи, Нина поспешила заметить: «Зачем ты берешь мелочь?»

27.10.1945

Кремmен. Еще не уехал. Все жду машину. Вещи все, по-видимому, не заберу сегодня.

Майор Иванцов, увидев меня из окна комнаты начштаба, вызвал к себе и ругал: работа ждет. Начальник штаба заметил, что кто хотел, тот еще вчера уехал. Я не нашел других оправданий, а ехать можно было только поздно ночью или на рассвете с двух до шести часов. Я не выспался и не выдержал многочасового ожидания в штабе, куда приезжало всякое малое и большое начальство на малых и больших автомашинах. Сегодня обязательно надо быть на месте. Хватит оттягивать.

Поздний вечер. Остерхаузен[187].

Прибыл сюда на попутной машине с двумя чемоданами и двумя чемоданчиками. В самую последнюю минуту, когда уже стали подъезжать к городу, хлынул дождь и одел вечерние дороги грязной мутноватой жижей. Водитель не захотел довезти нас до места, и метров 800 пришлось идти пешком. Добро еще не один был. Старший лейтенант, прибывший сюда на должность помощника по технике и оказавшийся моим попутчиком от самого Кремmена, взял мои маленькие чемоданчики, и мне стало легче.

В штабе застали одного дежурного. Он нас повел сначала к комбату, затем – к начальнику штаба, и мы долго еще месили грязь по улицам и огородам возле домов. Наконец, когда снова вернулись в штаб, застали там начальника штаба и были приняты им на беседу.

– Вы знакомы с этой работой? – спросил он меня, когда я ему рассказал о моей прежней службе в армии.

– Нет.

– Так зачем же вы шли на нее, ведь не справитесь и, в лучшем случае, вас попросят, если не сказать, выгонят, а то и отдадут под суд.

Я слушал и не возражал. Он говорил вполне резонно, и с ним нельзя было не согласиться.

– Ну а с какой еще работой вы знакомы и сможете работать?

– Наиболее близка мне политическая дорога.

– У нас есть должность комсорга, ставка – 650 рублей. Я поговорю с командиром части; если он согласится, мы назначим вас комсоргом.

На этом разговор окончился. В комнате присутствовала при беседе молодая женщина: интересная, прилично одетая, которая, как я узнал позже, была женой капитана.

Сейчас мы ночуем в неизвестном нам доме, на неизвестной улице, так что и выбраться отсюда, особенно до штаба, нелегко будет ночью.

28.10.1945

Остерхаузен.

Розовое утро, слегка морозное, но безветренное и безоблачное.

Хозяйка-немка, затаив дыхание, таинственно сообщает, что Америка и Турция вступили в войну с Россией. Об этом она слышала еще вчера после обеда, а сегодня с утра этими слухами полон весь город. Слухи – всегда предвестники событий, и надо ожидать чрезвычайных сообщений если не сегодня, то, во всяком случае, на протяжении этой недели.

13.30. Еду обратно. Судьба забавляется моими скитаниями, бессмысленно бросая меня из одного города в другой – ей весело видеть мои мытарства.

Начальник штаба серьезно интересовался моими знаниями в области канцелярской работы, и я откровенно отвечал, что не работал на ней, не знаком, но буду прилагать все усилия, чтобы освоить.

– У нас уже есть делопроизводитель. Что вы еще можете?

И после моего рассказа: «Ладно, у нас есть должность комсорга, ставка – 650 рублей».

И я ушел на квартиру, убаюканный надеждой. Спал хорошо и беззаботно. В десять часов был пробужден звонкими ударами будильника, а в одиннадцать за нами прислали связного из штаба. Вместе со старшим лейтенантом был приглашен в кабинет комбата на беседу.

Пожилой майор – «хозяин» – пригласил сесть, просмотрел направление и поинтересовался, чем я занимался прежде.

– А в штабе работали?

– Нет.

– Зачем же вы не отказались от должности делопроизводителя? Тем более, что у нас уже работает офицер знающий и практически подготовленный. И... «Ввиду того, что лейтенант Гельфанд совершенно не знаком с работой делопроизводителя, а вакантной должности у нас нет для него, направляю обратно в Ваше распоряжение».

И снова ожидаю автомашины. Мыслями – в Креммене, душой – в политотделе, а сердцем – на гражданке, где-нибудь вне армии, на свободе.

Креммен. Восемь вечера. В столовой перед ужином.

Так в дороге прошло воскресенье. Здесь прямо с машины направился к начальнику ОК, который, кстати, оказался у входа в штаб. Доложил ему.

– Вы не захотели сами, испугались трудностей! И потом, в парикмахерской давно были?

– Позавчера.

– А постричься забыли? – и дальше: – Позовите капитан-адьютанта третьего батальона.

Вернулся вслед за капитаном.

– Нет, вы можете идти!

– А к вам когда явиться?

– Сегодня вы будете в гостинице ночевать? – дал понять вместо ответа Иванцов.

И, преследуемый надоедливой неопределенностью, я выскочил на улицу, остановился в тяжелом раздумье, не зная, что делать, куда идти.

В АХЧ на довольствие не брали: «Принесите записку от начальника штаба или майора Иванцова». Лейтенант, с которым находился прежде, именем начальника политотдела предупредил, чтобы искал квартиру.

Все было против меня, и жизнь от этого становилась тяжелей и безотрадней.

29.10.1945

Сегодня, однако, судьба решила повернуть свое лицо в мою сторону и слегка улыбнулась мне своей шаловливой улыбкой.

Помощник начальника штаба написал на аттестате резолюцию о взятии меня на довольствие, и я получил талоны до конца месяца. Только что нашел квартиру в самом городе и определился на работу в транспортный отдел Бригады диспетчером. На душе отлегло. Утром на работу. Начальник простой, сердечный, помощник вроде тоже свой парень, и остаюсь только я со своим характером. На этом, думаю, кончится нудная история с устройством на работу.

Еще одно хорошее событие – отправил посылку маме, освободился от семи с половиной килограммов груза. Да еще пол-литра водки у меня украли «друзья», с которыми я жил. За это тоже стоит поблагодарить судьбу. Теперь она лишний раз дала понять, сколь пагубна доверчивость к окружающим.

Половина двенадцатого ночи.

Вчера смотрел концерт немецких артистов в местном драмтеатре. Общие качества характеризуют весь стиль современного театраль-

ного искусства – вульгарность. В этой связи особенно характерен номер, выброшенный одним из постановщиков: «Женщина моется», в котором он не только отобразил все части тела женского, но и позволил себе, под неописуемый восторг публики, рисовать в воздухе выпуклость грудей и полотенцем несколько раз провести между ног, пытаясь воспроизвести, как женщина, вытираясь, осушает свой половой орган. Раньше, в Берлине, на сцене «собачка» подошла хладнокровно и с достоинством к подаренному ей букету цветов, повернулась боком к нему и подняла ногу. В таком положении простояла «она» минут десять, а публика бурно реагировала, аплодируя, визжа от удовольствия и восторга.

Другое характерное свойство немецкого зрителя – любовь ко всякого рода дешевым эффектам и беспринципному легкому смеху. Поэтому кривляние и паясничанье артиста более доходчиво публике, нежели серьезное и вдумчивое выступление.

30.10.1945

Но я еще не работаю. Снова ожидаю. Начальник отдела кадров в третий раз собирается повести к комбригу. И опять моя судьба на решении.

31.10.1945

Креммен.

Опять делопроизводителем назначают. Сегодня еду в Вельтен на Базу, где буду работать. Комбриг теперь новый. С ним у меня случился неприятный инцидент, который еще неизвестно как может разрешиться в дальнейшем.

Комендант управления – энергичный курносый парнишка, сказал мне как-то: «Сейчас всех ваших хозяев выгоню, комбрига поселю в этом доме». Я не обратил внимания, не поверил. На другой день встал поздно и только в начале десятого пошел умываться. Хозяйка налила в тазик воды, приготовила стакан и полотенце, а я еще и свое притащил, старенькое. Был в нижней рубахе, без фуражки, по-домашнему. Лишь только стал вытираться – вижу, входит плотный пожилой человек в свежих комсоставских брюках цвета хаки с красными кантами. Тоже в одной рубашке и с неприкрытой медной лысиной на голове. Здоровается по-немецки. Немцы отвечают, а я молчу, ведь не ко мне относится его приветствие. Смотрит на меня пристально, я на него – с любопытством. Кто он таков? Ни разу еще не видел. По-видимому, зам по тылу или интендант[188], думаю про себя, они все толстые.

– Ну, где же вы обосновались? – спрашивает покровительственно.

– Наверху, на третьем этаже.

– А мне комендант говорил, что нашел вам квартиру...

Кончаю туалет, забираю все приборы и быстро выхожу их кухни, а в уме та же мучительная дума: кто он таков?

Посреди дня в штабе узнаю о прибытии нового комбрига. Подполковник Генкин сдает дела и остается заместителем по технической части. Еще позже вижу – поднимается наверх в сопровождении подполковника Генкина, начальника штаба, заместителя по строевой и других лиц. Аж заколотило у сердца. Добро еще, что не знает моей фамилии, а Генкин – тот уже морщится при упоминании обо мне и, говорит, понял мою политику.

Сегодня в конце завтрака он зашел в столовую, увидел меня:

– А вы, товарищ офицер, почему так поздно кушаете и не на занятиях?

Я молчал. Тогда он еще два раза переспросил.

– Уезжаю в Вельтен, товарищ подполковник.

– На какую должность вас там назначают?

– Опять делопроизводителем.

– Так вы смотрите, вы уже две недели здесь болтаетесь, не так ли?

– Так, – поспешил я, боясь, чтоб не вспомнил большего.

– Вы не хотели сами там работать?!

– Нет, товарищ подполковник.

– Не говорите, я знаю все. Я понимаю, почему вы оттягиваете с устройством на работу!

Через 20 минут получил предписание и уже давно должен был быть в пути, но подожду до обеда, чтобы не топтаться бесполезно возле штаба и не мозолить глаза. Сейчас все на занятиях (офицеры).

Ночью захотелось увидеть Нину, позвать ее на концерт, что в городском театре, прижаться к ней, понежиться.

Тихонько, сразу после ужина, поднялся на третий этаж, где сейчас в маленькой конурке обитает моя красавица. Взялся уже за ручку маленькой дверцы, чтобы открыть, как вдруг услышал мягкий мужской голос и нежное перешептывание с женским, едва долетевшее до моего слуха. Глянул в щелку и отшатнулся: на коленях сидела моя Нина, зачарованно смотрела в глаза какого-то мужчины и была счастлива. У меня не хватило выдержки до конца проследить эту сцену, разобрать лицо незнакомого мне человека и видеть снова красивую голову случного животного, каким мне отныне представилась эта девушка. Больше я ее не знаю. Последнее отталкивающее средство судьба злорадно преподнесла вчера.

Вельтен. Орудийный завод.

В город на бригадной машине попасть не удалось. Но я торопился и остановил немцев, с ними доехал до пункта, что в трех километрах от Вельтена, и оттуда пошел пешком.

В центре и на окраинах никто не знал что за «База» и тем более где она размещается. Тогда стал искать комендатуру. Не доходя до нее, встретил майора – заместителя комбата по политчасти. Получил у него направление.

Артзавод, где размещается База, очень далеко от города. Пришел, когда уже было совсем темно. Большие деревянные бараки летнего устройства. В каждой комнате – два-три офицера. Беседа со многими выявила много неприятных вещей: скука, строгость начальства и прочее.

Дежурный встретил меня любезно – новый человек здесь редкость, и беседа с ним приносит удовольствие. Командира части не было, тогда пошел к его зам. по строевой – майору. Он внимательно выслушал меня, когда я рассказывал о своей трудовой деятельности, смотрел мои стихи, интересовался. Очень отзывчивый, чуткий и проникновенный человек. Он сразу понял характер моих устремлений и постарался пойти мне навстречу.

– Должность делопроизводителя – низкая должность. На ней нет роста. Я бы посоветовал другие должности: помощник начальника транспортного отдела. Помощник начальника или начальник АХЧ, помощник начальника склада. Я поговорю еще с командиром базы, и к завтра будет насчет вас решено.

Потух свет, когда я вышел от майора. От моего фонарика он отказался.

В коридоре встретил капитана зам. по политчасти. Он рассказал о своих лозунгах.

01.11.1945

Заводской пригород Вельтена (один километр от города).

Пожелал увидеть все, что относится к политической работе и культурному развитию красноармейцев. Лозунги и плакаты висели повсюду.

02.11.1945

Обратил внимание на грамматические ошибки и отсутствие знаков препинания в текстах. «Пойдемте со мной, – потащил меня капитан на улицу через весь ряд бараков, – в ленкомнатах бойцов нужно проверить. Я три класса закончил, мне трудно контролировать их создания».

С карандашом в руках бегло осмотрел, исправил ошибки и посоветовал художникам заново переписать наиболее неудачные места. Вошел командир роты и стал оправдываться, извиняться: «Видите ли, это начало, ошибки поправимы, все делают ошибки, тем более молодые парни-украинцы. Здесь был комбриг, сюда приезжала комиссия и даже похвалила нас за оформление ленинских комнат. А вы придирчиво относитесь; откуда прибыли, простите, не из политотдела?»

Его поторопился успокоить капитан: он прибыл к нам работать, а сейчас я попросил его помочь нам.

Поздно вечером ко мне постучался майор-заместитель: пойдемте к комбазы[189].

Долго выбирали втроем наиболее подходящую мне работу и остановились на транспорте. Ставка – 700 или 750 рублей. Должность инженер-капитана, а справиться с ней будет легче, чем со всякой другой, в том числе и делопроизводителя.

– Пока вам нечего делать – транспорта нет. Вы ознакамливайтесь. И особенно я вас попрошу – помогите выпустить стенгазету и оформить плакаты к Октябрьским дням, – заключил комбазы.

– Есть, – отрапортовал я.

– Учтите, что возможны перемещения. Мы посмотрим, как вы поворачиваетесь, как справляетесь с работой.

Я вышел довольный собой, начальством и новой работой. Это было еще позавчера, в день моего прибытия. А вчера ездил за вещами в Кремменн. Не хватило бензина, и мы пробыли там до вечера.

Встретился с лейтенантом-политиком, с которым так неудачно поселился и который меня обобрал. Что еще он похитил, не знаю, но бросилось в глаза исчезновение водки и запертая от меня половина шкафа – видимо, он что-то перепрятывал, причем сержанту доверил ключ, а мне – нет. Увидев меня в столовой, он впервые не поздоровался и поспешно ушел в другую комнату. А сержант – тот продолжает прикидываться невинным и даже позволил себе спросить, почему я не оставил фуражку, которую обещал ему прежде. Когда заехал за вещами, к Нинке и не подошел, а та не особенно была заинтересована в этом. Видимо, нашла себе более «достойную» пару. Пропащая она девка...

04.11.1945

Вельтен.

Судьба опять подарила мне удовольствие – еще одну поездку в Потсдам – Капут, Берлин – Хеннигсдорф – Вельтен. На все отводилось мне мало времени – полтора дня. Но сколько самых разнообразных, самых свежих и самых неожиданных впечатлений вынес я

из своего внеочередного рейса по уже знакомым и проторенным местам-дорогам. Не передать! Но попробую.

Темно и сонливо повсюду: и в комнате, и на дворе. До двух часов ночи не спал накануне – перекладывал. И теперь так не хотелось подыматься, идти навстречу этой серой холодной неизвестности. Телу хотелось тепла и отдыха, уму – пытливому, неспокойному и тревожному – впечатлений.

Машина уже стояла во дворе завода (орудийного), где сейчас живу и работаю. Шофер устал ждать и, пока я одевался, отчаянно гудел сигналом, не щадя аккумулятора.

05.11.1945

Я сильно пьян. Все здесь перепили. С моей затеей получилась крупная неприятность. Я не умел удержать в груди черную тайну своего преступления и выложил откровенно майору Корнееву. Он передал командиру Базы, и дело зашло слишком далеко.

Зачем я участвовал, ковырялся в болоте этом? Но ведь и предать-то старшего лейтенанта нельзя было. Он бы опозорил мою часть. Я должен был его выручить, пусть я наравне с ним теперь виновен. А болтать лишнее – это ли не глупости?! Я тогда еще не выпил, когда проболтался.

Комбазы и его зам. – очень справедливые и умные люди. Они, если тоже хотят погулять и повеселиться, то только за счет своих собственных денег. А мы-то, дураки, на мелочи размениваемся.

Так своей откровенностью я потерял авторитет у начальства.

Если бы я сидел, я бы написал больше, но рука трясется от трамвая [*продолжение отсутствует*].

06.11.1945

Хейликензее.

Праздничные дни, подготовка к ним в особенности сильно попортила мою репутацию в глазах начальства.

Началось с военторга. Начальник АХЧ никак не мог прикрепить к нему свое хозяйство. А ведь нужно было – особенно к праздникам. Тогда он попросил меня вместе с ним съездить, попросить:

– Ты – еврей, и майор тоже еврей, тебе с ним легче договориться.

На самом деле, совсем напротив. Судьба и злосчастная природа лишили меня красноречия. И обычно все мероприятия, в которых мне случается участвовать, непременно не имеют успеха. Но в данном случае мне повезло. Нам посоветовали ехать в Потсдам за получением разрешения на прикрепление к военторгу, без которого все труды и старания бесполезны.

Перспектива замечательная. Я намекнул о своем желании съездить в главное управление торговли. Старший лейтенант Юрченко, так именуется начальник АХЧ, с радостью подхватил эту мысль, передал начальнику. И вот опять я получил командировку, хлеб на дорогу и, захватив с собой привычный маленький чемоданчик и плащ, поднялся в кабину автомашины.

В семь утра выехал, в 12 был в Потсдаме. Все на попутных автомашинах. По дороге-шоссе длинной вереницей тянулись красные узкотелые автобусы, до отказа груженные детьми. Я насчитал машин пятьдесят. Было интересно знать, куда и зачем едут дети на английских машинах, и когда у моста случилась «пробка», подошел, поинтересовался. Оказывается, добрые великобританские джентльмены-дядюшки принялись создавать курорты и лечебницы для бедных, невинных немцев. Всего отправлено на поправление более 50 тысяч детей, и предстоит еще не одна отправка.

В Вельтен вернулся благополучно. Был голоден, намерзся. Сразу направился в столовую. Там было весело: пели все дружно, и командир базы майор Скоркин[190] был душой коллектива. От него исходило столько жизнерадостности и веселья, что и вся душа радовалась при взгляде на него.

Было настроение грустное, но когда выпил, сразу развеселился, забыл о горестях и неудачах житейских. Хлебнул порядком граммов 600, после этого вдруг позабыл себя и не могу по сию минуту вспомнить.

Офицеры не умеют пить. Напившись, теряют самообладание и свой авторитет в глазах подчиненных. Всю ночь хлопанье дверьми, площадная ругань, драка и крики.

07.11.1945

Берлин, по дороге на Хейликезее, в электричке.

Мой праздник в дороге. Пусть утомительна моя поездка, пусть временами я голоден и на ветру и морозе нахожусь, все же мне доставляет удовольствие то богатство впечатлений, которое повсеместно окружает меня в пути. Бывают неприятности, чаще – хорошие знакомства, разговоры, наблюдения.

Сегодня, например, два особо знаменательных события врезались в мою память и неотвязно грызут воображение. Нет, вру! Еще длинная цепь происшествий тревожит мою память, никак не соглашаясь оставить бесследно.

Сразу по приезду на Вайсензее я обратил внимание на двух офицеров, которые, крепко напившись, безобразно себя держали на большой людной улице (Берлинер штрассе). Особенно меня возмутил и

обидел поступок старшего лейтенанта, который с дикими ругательствами бросался к одной немке, чем обратил на себя косые и вредные взгляды прохожих. Я поспешил вмешаться в назревавший инцидент и успокоить наших людей.

– Достань нам водки, лейтенант! – обратились они ко мне, уже позабыв о немках.

Я вспомнил о своей бутылке и пообещал им ее продать, но при условии, что если они не будут ругаться и бушевать на улицах.

Обошлось не без выгоды для меня. Я выручил полторы сотни марок, продал по гастрономовской цене, по сравнению со стоимостью водки в военторге, и на эти деньги купил любимых шоколадных конфет.

08.11.1945

Дом, где живут Ришовские, был наглухо заперт, и оттуда не показывался ни один человек. Была странной такая перемена. На дверях висела немецкая надпись, которую я не мог разобрать и терзался догадками.

Решил, что всех выселила комендатура. Пару раз крикнул: «Ау, Хельда!» – но никто не отвечал и не показывался в окнах здания. Тогда попросил ребятишек «покричать». Они неохотно выполнили мою просьбу: немцы, от стара до мала, сплотились против «страшных русских» из комендатуры, являющихся для них грозой. Дети, видимо, и меня причислили к этой беспокоящей категории военнослужащих.

Пришел капитан, угостил водкой в знак благодарности за привезенные ему из Берлина папиросы. Охмелел и потянулся в столовую. Там плотно закусил, подкрепился, а когда разошлись офицеры, взялся продолжать записи в дневнике.

Вдруг пришли Юрченко и К°, пьяные. Не успел я спрятать дневник, как он у меня его выхватить попытался, рванул и разорвал один лист свежий.

– Ты думаешь, я не знаю, что ты пишешь?! Ты про меня треплешь языком! Смотри, скажи еще что-нибудь, поболтай! – и сжал кулаки.

Я отвечал спокойно, ибо не хотел поднимать шума. Но тот, Юрченко, не унимался.

– Завтра передам тебе склад, будешь ж... лизать!

Я опять не выдержал, хмель заговорил во мне сам:

– Нет, дорогой, никогда я не пойду на это дело, ибо не могу воровать и обманывать!

Тут он вскипел, схватился за пистолет, попробовал меня ударить рукояткой. Я уклонился. Тогда выхватил из кармана вторично и потребовал или уйти, или «пристрелю на х...!»

Я спокойно повернулся, предоставив судьбе свой затылок. Но другие офицеры схватили его за руки, уговорили спрятать пистолет.

Вышел я, разгорячившись, побежал – и прямо к майору в кабинет, доложил обо всем. В это время на улице раздался выстрел.

– Вот дурной, – покачал головой командир базы и пошел со мной выручать дневник.

– Это мой! – нагло заявил Юрченко, – не отдам!

– Но пойми, даже в конституции разрешено человеку иметь свои мысли и записывать их у себя.

– Все равно не отдам!

– Тогда прикажу тебя связать. – Вызвать дежурного! – обратился к солдату, и пока тот побежал выполнить приказание, Юрченко сам возвратил дневник, предварительно отпустив по моему адресу несколько тяжеловесных матюгов.

А возле казармы, где живут бойцы, в это время собрались люди. Оказалось, два сержанта из комендатуры приехали на автомашине за нашим лейтенантом, который якобы избил немку. Часовой пропустил их в расположение. Они догнали лейтенанта уже у казармы, и когда он стал уходить, дважды выстрелили вверх. Сбежались солдаты, и поднялась карусель.

Сержанты из комендатуры были пьяные, за немкой ухаживали сами, а гонялись за тоже выпившим офицером из «ревности». Дело уладили очень просто: развели участников инцидента в стороны, отправили по домам.

Но вернусь к Берлину.

Когда я стал расспрашивать, зачем они заперлись überal[191], меня посвятили в «секрет дня». Оказывается, предусмотрительная комендатура в ожидании неприятностей приказала немцам: «В дни праздников, когда русские будут пить и гулять, запирать двери на все запоры, чтобы военные не могли врываться в дома и бедокурить там».

В связи с этим мне вспомнилась статья в «Правде» или «Красной Звезде» за 27.11 сего года «Клевета по команде». О своих соображениях лучше умолчу. Только обидно, что люди, которые кровью не раз защищали свои завоевания, теперь наносят большой ущерб своим поведением за границей нашей внешнеполитической международной политике. И то, что завоевывается дипломатами ценой больших усилий и ума, в один раз теряется здесь неосторожной выходкой безмозглого пьянчужки, волей случая не выгнанного еще из рядов оккупационных советских войск в Германии. На мой взгляд, никакая статья так не убедит иностранного здравомыслящего человека, как действительно благородное поведение всех наших людей – такого, как этого требует наша партия, как учит т[оварищ] Сталин и как над-

лежит воину-победителю, а не чванливому босяку с улицы. А всех паршивых выродков нужно безжалостно выкорчевывать, изгонять из нашей среды, как недостойных представлять великую Советскую Державу за ее пределами.

На А[лександер]платц черного базара не было. Комендатура старалась изо всех сил. Вся площадь контролировалась зоркими патрулями, которые то и дело неоднократно и на одном месте проверяли документы, беззастенчиво требуя их у офицеров на глазах немцев.

И те не раз мне говорили: «У нас этого не было, чтобы солдат контролировал офицеров и даже отбирал у них документы и арестовывал».

Мне нужно было что-либо купить. Но как это сделать? И я догадался почистить сапоги. Меня тотчас обступили, предлагая товары, чуть-чуть выглядывающие из-под полы. А я стоял, точно ничего не замечая, и смотрел, как хорошеют мои сапоги в умелых руках чистильщика.

Несколько раз разгоняли толпу, несколько раз подходили и смотрели на меня солдаты с надписью «КН» на рукаве, один раз даже их командир – офицер. Но придраться было не к чему.

К этому времени я успел уже купить рубашку, кожанку, три пары носков мужских, перчатки. И когда я почистил свои «штифель»[192], чистильщику предложили убраться подальше.

Вдруг бросилась в глаза большая толпа на другой улице, у площади. Там раздавали бесплатно листовки. Какой-то церковный хор под аккомпанемент баяна пел хвалебные гимны Красной армии, Советскому Союзу, и так странно все это было в устах немцев.

У киосков и просто на стойках и в корзинах продавались газеты. И первый получивший свежую «Zeitung»[193] немец радостно бежал на трамвай или метро, размахивая газетой, где с первой страницы смотрели великие вожди наши Ленин и Сталин на новых читателей и почитателей всего русского и всего относящегося к Советскому Союзу. Да, только здесь, за рубежом, можно понять, сколь велика и авторитетна страна наша.

Купил газету немецкую. Бросил, как поощрение, церковному хору пять марок, прощальным взглядом окинул серый, трепанный А[лександер]платц и уехал на 60 номере в сторону гастронома и Ришовских.

Перед тем как покинуть Берлин, зашел в ресторан купить папиросы капитану. У самых дверей ко мне бросился немой немец; мыча и жестикулируя, схватил меня за рукав и не пускал войти, пока его не оттолкнули. Это был тот самый глухонемой, у которого я как-то

ночевал с месяц назад. Я его сразу узнал, но не мог понять, чего он от меня хотел. Интересно было, хотя и очень неудобно перед людьми с ним связываться.

Но когда я вышел, он опять ко мне бросился. Я дал ему пачечку конфет. Он взял, но стал просить, а потом и требовать еще денег. Широко жестикулируя, он показывал, что [*продолжение отсутствует*].

10.11.1945

Выходной день. Скука съела целиком. Выдали еще по одной бутылочке. Долго не хотел пить, но не вытерпел от тоски, от одиночества и бездельничанья. Слегка тряхнул с двумя офицерами. Потом пришли новые товарищи и заместитель начальника базы майор Корнеев.

Играли на гитаре, а тоска не ушла из сердца. Уже темнеет, и день на исходе, а ничего нового, хорошего при мне не сл[училось].

13.11.1945

В тот день старший лейтенант был напоен Юрченко до потери сознания. Пришел домой, не умея ворочать языком, и сразу вырвал. Было часов десять вечера.

Спать не хотелось, и взялся за писанину, но мой сожитель поднял крик:

– Туши свет, спать буду! – и я решил уступить, дабы не поднимал шума.

При свете фонарика стал раздеваться. Старший лейтенант задремал, но вдруг проснулся, поднялся с постели и, подойдя ко мне, стал требовать уйти из комнаты[194].

На лекции лейтенанта из политотдела. Того самого, с которым жил прежде в Креммене. Теперь я впервые слушаю, как он читает. И, признаться, разочарован крайне. По его словам выходило, что он первоклассный лектор, но сейчас передо мной попросту малограмотный заика... «В то время Плеханов был гениален...» (!)

Хейликензее: деревянные домики, поселок.

Улыбки повсеместно.

Болела голова.

Берлинцы много и везде читают. Но что они читают? Я интересовался содержанием читаемых книг – ни единого всемирно знаменитого автора, даже Гёте редко попадается. Зато криминальная литература очень [*одно слово нрзб*]

14.11.1945

Любят военную форму. Носят даже к гражданской одежде, о войне имеют совсем другое представление, чем мы, и даже считают ее

необходимостью. О поражении: проклинают поход на Россию, а за затеянную бойню не раскаиваются нисколько.

В трамваях на правах рекламы наши лозунги и плакаты на немецком языке. Английских, французских нет.

«Staatsfeiertag der UdSSR»[195] – что означает этот лозунг на стене трамвая, не знаю.

Теперь разобрался, в чем дело. Городские торжественные заседания по поводу 28-й годовщины Октября состоятся в четыре часа в городских театрах.

Веддинг[196]. Скелеты страшные. Улицы еще не везде убрали от кирпича, да и мыслимо ли разве убрать? Совсем разбитые дома сваливаются и до основания убираются прочь. Создается еще более некрасивая картина. Отдельные дома высятся среди пустых мест как непрошенные гости-великаны. Безотрадно, но по заслугам. В жилищном строительстве забота, главным образом, о внутреннем устройстве, а не внешней красоте зданий.

1 час ночи.

Как-то в поезде, когда я возвращался из Берлина в Вельтен, меня спросил сидевший напротив меня немец неожиданно и серьезно: «Германия будет снова большой и сильной?» От выводов я воздержусь, ибо вопрос сам столь циничен, что комментарии и ответы ничего не дадут.

В Креммене я зашел в парикмахерскую. Побрился и заглянул в отдел, где делали завивку. Там было много женщин и девушек. Электрический ток сейчас проявляет капризы, поэтому многие из них не имели возможности своевременно завить волосы, томясь в большой очереди теперь.

Стал разговаривать и, между прочим, заметил: «У вас так тепло, что здесь можно спать». Это слово молнией кольнуло всех, и они, как по команде, переглянулись, улыбаясь.

17.11.1945

Выпил. Юрченко не хочет совсем портить отношений. Капитан Лебедев очень смышленый человек – он умно руководит Юрченко.

Сегодня дежурный. Немного пил, но хорошую мысль потерял безвозвратно. Пришла в голову за ужином, но сейчас тщетно силюсь вспомнить.

Опять письма отложил «до завтра». Дневального крепко предупредил на всякий случай.

Часы побил сразу из столовой.

Немка обещала прийти завтра. У нее горячая грудь и молодое податливое сердце. А я со своей жаждой ласки скоро утону в болоте любви или изумруде пошлости. Есть только эти два выхода.

Я опять в центре событий. В два часа ночи, проверив посты и изрядно выпив у Юрченко уже по второму разу, лег в одежде, чтобы заснуть. Но трудно было, сознавая свои обязанности. Так пролежал я около часа, когда в комнату постучался капитан Лебедев.

– Вставай! – провозгласил он, переступая порог и спотыкаясь при этом на обе ноги. Был пьян еще больше моего, но пришел меня будить, хотя я и не спал.

Подыматься, однако, сильно не хотелось, и я попытался его уговорить уйти к себе. Но водка разгорячила человека и сделала настойчивым и упрямым. И, как это ни странно, теперь я ему благодарен за пьяную выдумку, за надоедливость в прошлую ночь, и вот почему.

Едва я оделся, чтобы успокоить капитана, который доказывал мне некстати о том, что он будет начальником, что разгонит и половину личного состава накажет и что меня возьмет своим помощником, но будет требовать работы и исполнительности и многое прочее; а потому, как будущий хозяин части, он уже сейчас должен от меня требовать, чтобы я был на своем месте... На улице поднялся крик и шум. Я выбежал навстречу неизвестности, которая тут обернулась для меня неприятностью крупнейших размеров, со всеми роковыми отсюда последствиями.

Свет потух, и в темноте я не сразу заметил начальника Базы майора Скоркина. Только по голосу догадался, что это он, и поторопился (именно поторопился!) доложить и представиться ему как дежурный. С той минуты весь гнев и все гонения майора обрушились на меня так, что я и опомниться не успел до самого рассвета. А ругаться действительно следовало. Знаменательно только то, что фокусом преломления всех безобразий и нарушений внутри службы явился я, и не кто-нибудь иной. И, как назло, при моем дежурстве майор приехал выпивши (начальство пьяным никогда не бывает), был сердит и придирчив к[о] всяким нарушениям внутри части.

В эту ночь ему бросилось в глаза все, что он раньше, по-видимому, не замечал: и паутины нескольких месяцев давности, и битые стекла, и мусор во дворе, сор в помещениях, чего только ни обнаружил при мне начальник.

Наконец, он стал проверять посты. В одном месте наткнулся на спящего красноармейца (я перед этим, когда шел в уборную, проверил посты, и все было в порядке), отобрал, как водится, у него винтовку, долго ругал его и караульного начальника и затем не придумал ничего лучшего, как поставить меня на пост вместо проштрафившегося красноармейца. А мне не привыкать еще со времен офицерского полка: стал и замер, примкнув к груди холодную винтовку, как святую.

– Видите, кто стоит на посту? Офицер! – рассказывал он солдатам. – А почему стоит? Из-за таких вот разгильдяев!

Долго ругался, а когда устал, приказал карначу[197]: смените лейтенанта и пришлите на пост другого красноармейца. А который уснул – посадить на двое суток строгого.

Карначу влетело, что сменил меня и не доложил, а мне начальник пять суток влепил при солдатах, да еще при таких обстоятельствах, всю ночь не спал.

Корнеев, которому тоже попало, несколько раз прибегал в офицерскую казарму, в столовую и просил, чтоб был порядок, ибо начальник снова может прийти, так как не спит.

Наутро была полная тишина до тех пор, пока начальник не отоспался. Но как только он появился в расположении, снова ходуном заходило все, и суета охватила Базу. Но только начальник уже не кричал, а спокойно и деловито указывал на недостатки.

– Какая разница в человеке, – заметил я майору Корнееву, – вчера и сегодня: небо и земля.

– Вам предстоит генеральный аврал совершить сегодня! Учтите, если не уберете всех помещений, не наведете должного порядка в подразделении, у вас дежурство не примут. Я решил начать с вас!

И целый день шла генеральная уборка помещений.

После обеда еще одно событие доставило мне изрядно хлопот. Юрченко поругался с майором Корнеевым, и дошло до драки. Пришлось вызывать караул, но пока бойцы пришли, все утихомирилось. Я опять увлекся приведением в порядок и чистоту месяцами не соблюдавшуюся на территории завода.

Однако, несмотря на порядок небывалый [*продолжение отсутствует*].

22.11.1945

Три часа ночи.

Женщина. Ну что с ней поделаешь? Она старше меня на три года, тело нежное. Полюбила меня с первого разу и так сильно, что я, даже напившись, не смею умолчать об этом.

Уже два часа. Я снова у себя на дому.

Ну чем виновата моя юность, что произошла война, и мы очутились в Германии? А я без любви обойтись не могу, мне нужна ласка, и для меня обязательна люб[овь].

23.11.1945

Фюрстенберг[198].

Вчерашний случай из памяти неизгладим. Женщину встретил на улице, когда было уже темно. Она шла с подругой и на вид показалась

мне интересной. Обе обознались, посчитав меня за другого знакомого им офицера, но я подозвал их к себе и почти без возражения привел к окну своего барака. Сам вошел в комнатку, потом долго беседовал с ними через окно.

Одну, которая мне нравилась (было темно, и я не мог отчетливо рассмотреть ее лица), прижал к себе (было холодно, и у нее обледенели руки), стал согревать теплом и лаской. Другая быстро поняла, что ей надо уйти и сказала, что печальна роль свидетеля чужой любви, и распрощалась. Я заметил, что не могу любить одновременно или увлекаться несколькими.

Пригласил в окно, на что она согласилась после минутной нерешительности и колебания. Хорошего я подумать о ней не мог, в особенности же после того, как она сама и первая спросила: «Ты не болен?» Было ясно, что она пришла только из полового влечения и лишена чувств и совести. Но мое мнение оказалось преждевременным, хотя упрочнялось с каждой минутой нашего разговора.

В коридоре шумели и стучали дверьми. Стенки легкие, через них все хорошо слышно, и потому говорили шепотом. Ей это не нравилось, она собиралась домой и уговаривала отпустить. Безусловно, я этого не мог сделать, иначе какой же я мужчина?!

Соседи услышали мой разговор. Законспирировать нельзя было, и пришлось посвятить их в свою тайну. И то и дело они спрашивали: «Ты уже?», а когда я отвечал, что еще и не начинал, смеялись и уверяли, что если я их пущу, они оформят все как полагается и гораздо быстрей.

Кто-то потянул за дверную ручку. Потом услышался голос майора Корнеева (мне сразу показалось – майора Скоркина): «Где Гельфанд?», – и ответы офицеров: «Я его видел в городе, он шел домой», «Я его только что встречал в коридоре». Попросил немку вылезть и подождать за окном, пока я переговорю с майором. Она моментально исполнила мою просьбу.

В коридоре офицеры в один голос уверяли, когда я спросил, кто и зачем меня спрашивал, что пришла батальонный врач, старший лейтенант и хочет осматривать половые органы. Поэтому, дескать, и искали меня и спрашивали.

Майор Корнеев, когда я к нему постучался, сказал, чтоб подождал. Остался ждать, терзаясь нетерпением. Вдруг подошел капитан (зам. по политчасти), повел меня к себе и заставил написать характеристику на одного нашего офицера. Я не мог отказать, ибо предполагал, что он догадывается о моем «темном деле».

Когда освободился, снова постучался к майору, спросил, зачем вызывал.

– Я вас не вызывал, – ответил он, – но раз вы хотели со мной поговорить, – просил подождать, так как сейчас занят.

Отлегло на сердце. Вернулся к себе. Аукнул. Женщина подошла, и я впустил ее Durch Fenster[199]. Долго потом шептались. Она тешилась поцелуями, а мне целоваться отвратно было.

Надо было поесть. Я вынул маргарин с медом, закрыл дверь – на этот раз вместе с немкой – и сам побежал в столовую. Суп с лапшой и холодный чай. Ужинать не стал – только набрал хлеба несколько слойков – и сразу домой. Мое поведение было подозрительно, и присутствующие высказали ряд предположений, до которых мне, однако, стало безразлично, ибо мысли мои были заняты другим.

Пришел, включил свет. Она лежала в той же позе, в какой я ее оставил. Подзакусили с шепотом и со страхом перед посторонним вмешательством. Я разделся при свете фонарика. Она просила свет не включать.

Говорила об евреях с отвращением – знакомила с расовой теорией. Лепетала о красной, белой и голубой крови. Меня это раздражало, во мне вызывало возмущение невежество этой и других молодых немок, о чем я не замедлил ей признаться. Дальше я пытался убедить ее, что у всех людей кровь одинаково красная и горячая, где бы они ни находились, и что басни о якобы «благородной арийской крови» – сплошная выдумка и мракобесие фашистских бездарных теоретиков типа Розенберга[200]. Тогда я решил ей доказать иначе, и после того, что по моим предположениям, обязательно должно было случиться, разделся до нижнего белья, лег спать.

Она легла рядом в одежде, обуви, и никакими силами нельзя было уломать ее последовать моему примеру.

– Я должна посмотреть: сегодня между нами ничего быть не может – я не для одной ночи девушка.

Пробовал ее убедить, что искренне ею заинтересовался и уделить рад ей все минуты свободного времени, но она сомневалась:

– Завтра у тебя будет другая, ты удовлетворишься сегодняшней ночью и меня бросишь.

Уговаривал и попутно действовал руками. Добрался до груди, ущипал все тело под рубашкой, залез в трусы, прихватил двумя пальцами очень важное сокровище, которое любят прятать от взора, от света женщины, но в которое, тем не менее, позволяют забираться ночью всяким любителям таинственных сладких наслаждений.

25.11.1945

Вельтен.

В кинотеатре «Film Palatz». На экране среди реклам – «курить воспрещено»: «Rauchen verboten».

Посмотрели журнал «Новости дня»[201]. Слишком быстро он пробежал, и затем началась картина «Воздухоплаватель», кажется. По-немецки – «Lüftformann»[202], а русского названия припомнить точно не могу по рассеянности своей.

Сижу посредине между двумя девушками-сестрами, немками. С одной из них, Ингой, я, было, начал крутить, развлечения ради, но когда пришел к ним домой, меня увлекла ее сестра Люци. И вот опять, как прежде, меня терзают сомнения: на чью сторону отдать целиком свое внимание и симпатию свою. До сих пор я делюсь вниманием с Ингой, но вся нежность моя на стороне Люци – она по простоте своей и невинности покорить сумела мое сердце.

Третья девушка красивее их обоих, но развращена до предела и уже сумела заболеть от Гайдамакина венерической болезнью. С ней не стоит вязаться – грешно и опасно.

В самом интересном месте потух свет, и кинофильм остановился. Зал освещает одна маленькая лампочка. Темно, и пишу при свете фонарика. А там, в расположении, возможно, меня ищут. Предстоит дежурство, но только не знаю, сегодня или завтра.

06.12.1945

Кремменн. В поезде.

Уже много дней нахожусь здесь. Выходные и вчерашний день Конституции целиком заполнены работой по погрузке транспорта со складов комендатуры и лесозаводов Кремменна. С восьми до восьми работаем. Бойцы хорошие, но мягкотелые.

Сейчас дали нам женщин и девушек [из] города. Всего 50 человек, и среди них только с десяток мужчин. С ними очень трудно, тем более, что они уклоняются от работы любыми способами. Девушки, например, обольщают моих солдат глазками и улыбками, на которые они только способны. Бойцы тают, и никакими словами нельзя их привести в чувство. С вечера обещают мужественно и решительно быть требовательными и даже злыми, но утром ребята меняются, и мне уже трудно изменить их, я бы сказал, трогательное отношение к молодым красивым немкам. А ведь все были в рабстве немецком, и большинство испытало ужасы фашистских концлагерей и застенков. Впрочем, некоторые хранят о немках хорошие воспоминания. Так, один из бойцов показывал мне фотокарточку одной [*продолжение отсутствует*].

[..].12.1945

Кремменн. 24 часа.

Девушка мне приглянулась еще давно, в бытность мою «кандидатом в политработники» здесь, при Бригаде. Я нечаянно увидел ее в парикмахерской города и с тех пор стал частым гостем этого предприятия. Всегда было полно людей, говорить нельзя было, и только беглую улыбку, да в сердце крадущийся взгляд, ловил я на ходу в минуты посещения парикмахерской.

Она работала ученицей по завивке перманента или, как его здесь называют, локона. Лицо у нее было юное, взгляд бархатный, мягкий и красивый, но руки, видимо от непосильной работы, полоснились и покрылись прыщами.

Дня три тому назад мне посчастливилось ее увидеть на улице, узнать ее имя, возраст и даже проводить домой. На крыльце, где мы остановились, она пожала мне руку, прижалась, и щеки ее зардели. Тогда впервые мы поцеловались.

На другой день, в назначенный час, она впустила меня в квартиру. Мать была заблаговременно подготовлена и, несмотря на свой дурной нрав, отнеслась ко мне хорошо, но подозрительно.

В следующий раз, когда я пришел, Маргот плакала. Мать сердито смотрела на меня и исподлобья на девушку. Я был сконфужен и обозлен одновременно. С одной стороны, было неприятно, что я оказался виновником семейной распри, а с другой досадно, что эта скверная старуха-немка издевается и угнетает своим Schimpfen[203] невинную ни в чем девчонку. С трудом успокоил одну и другую, а про себя решил не приходить больше в квартиру эту.

На следующий день, однако, получил доппаек, побывав в Вельтене и вернувшись в сей город, опять решил попытать счастья и любви.

Но не затем я родился, чтоб быть счастливым. Мать обрадовалась продуктам, как и ожидал я накануне, но своим поведением и алчностью она убила во мне всякое терпение и отравила во мне столько чувств, что даже симпатия моя погасла наполовину.

Я отдал ей полную баночку с жиром и предложил пожарить картошку, чтоб потом с ними вместе поужинать. Она схватила ее обеими руками, выложила содержимое на тарелку и затем вылизала ложечкой и пальцами банку насухо. На сковороде уже плавала какая-то жидкость, и я подошел с ножиком, отрезал слой жира, который принес, и уже хотел было бросить в сковородку, как старуха встрепенулась, подлетела ко мне и, вскрикнув как одержимая, кинулась отнимать его.

– В чем дело? – удивился я. – Warum?[204]

Она объяснила, что это для нее останется на завтра и на другие дни, а сегодня мне придется кушать ее жижу.

Меня это не устраивало. Я знал, что порядочные люди так не делают, и потому возмущению моему не хватало границ, но я сдержался и, улыбаясь, точно ничего не заметил, все-таки вбросил кусочек жиру в сковороду, что заставило немку закрыть глаза и охнуть.

Стал умываться принесенным с собой мылом – она попросила. Отрезал кусочек – она опять ухватилась за него всеми пальцами и держала крепко, точно боясь, чтоб не убежал. Когда покушали, я предложил всем выпить чаю. Старуха уверяла, что у нее нет ни чаю, ни кофе. У меня оказалось какао. Отдал ей всю плитку, и она снова спрятала ее, отломив в чайник, по алчности своей, чуть-чуть заметную «грудку». Я выложил мед, угостил сестренку Маргот, потом предложил ей самой. Она отказалась. Тогда мать цинично приказала: «Бери, почему отказываешься?! Тебе жалко?!» И мне стало совестно за себя, что я пришел в этот дом и унизился до чаепития со старой негодяйкой, пусть даже матерью красивой девушки.

Но я продолжал сдерживать себя и уговаривать (впрочем, особенно уговаривать не пришлось) Маргот выпить чаю. Дал ей ложечку меду. Она съела сразу и какао пила уже несладким. Я спросил ее, зачем она так делает, но мать не дала ей ответить и за спиной шептала: «Еще, еще».

Она съела две, три ложечки и опять пила чай без сахара. Меня это возмущало, тем более что я чувствовал, что все это она делает нарочно, чтобы угодить матери и съесть побольше меду.

А старуха тоже постаралась себя не обидеть. Она схватила большую столовую ложку и набрала полную, опустошив одним приемом.

Затем, когда трапеза окончилась, я спросил насчет погонов: можно ли их обшить красными кантами, но получил незаслуженный ответ, что сейчас некогда – много работы.

– Хорошо, – заключил я, – отнесу мастеру табак, и тот мне выполнит эту работу к середине дня.

20.12.1945

Старший лейтенант Шлепентох все больше наглеет. Сегодня он был здесь, на заводе и, несмотря на то что знал о моем местонахождении, не захотел меня видеть на месте, а передал «приказание» через моего красноармейца: «Пускай лейтенант явится в мой отдел и ждет там, пока я не приду!»

Я, конечно, не сделаю ни того, и ни другого. Ведь это заявление! И тем еще хуже, чем прежние. Какой-то поцоватый[205] юноша в при-

сутствии бойцов смеет заявлять подобное. Ты поц и прочее. По-моему [*одно слово нрзб*].

23.12.1945

Про меня говорили матери в моем присутствии, когда я был еще маленьким: «Его девушки будут на руках носить». Тогда мне не верилось, я думал, что все преувеличивают, считая меня красивым. Когда я стал подростком и учился в школе, был застенчив, необщителен, робок, и мои ровесницы быстро охладевали. Мне не везло в любви. За все время войны я познакомился ближе с любовью, наслаждением, но ни разу не испытал ни того, ни другого, хотя успел многим и многим, большинство из которых мне теперь совсем неизвестны, вскружить голову.

Впервые я познал женщину только после войны, в Берлине, да и то лишь потому, что она сама нарвалась на это. С тех пор на моем счету пятеро, из которых трое приходятся на Берлин, двое – на Вельтен. Причем одна из этой пятерки – проститутка с Александерплатц, другая – трипперная[206] (удивительно, как только я не заразился!), третья была противна, четвертая [имела узкую щель, о которую пришлось поломать свой инструмент и потом ходить, растопырив ноги], и только один случай с женщиной запомнился и пришелся по вкусу.

Сейчас меня рады не то что на руках носить, но и на голове. Но я сам отталкиваю своей расплывчатостью, непоследовательностью. Мой вкус, как борзая, мечется, ищет и не находит. Чего ему нужно? Одних я сам бросаю, другие от меня отшатываются, третьи любят, но боятся близости, а четвертые просто стесняются показать свою испорченность предо мной.

Пятеро сами признались, что трипперны, иные оказались замужними, а были и такие, которые со мной соглашались спать и спали даже, но наотрез отказывались тайну своего тела открыть мне. Я не груб, не жесток, не безнравственен и потому так [*продолжение отсутствует*].

28.12.1945

Вчера никуда не ходил, не видел ни одной молодой красивой немки, а все время был занят составлением отчета за период с шестого числа по сегодня.

Старший лейтенант Сергеев – плотный, медлительный мужик с добродушным медвежьим лицом. Он умеет быть сосредоточенным как камень, и тогда ни за что его не собьешь с той мысли, на которой он остановился. Он малограмотен, неуклюж и толстобрюх, но практический опыт и житейские навыки много помогают в работе ему.

Он безобиден, спокоен и не выходит из того редкого сейчас в человеческой натуре равновесия, которое делает его уважаемым всюду. Человек простой, недалекий он, тем не менее, занимает ответственный пост на базе – ему доверено секретное делопроизводство, оперативная и штабная работа. Сюда прислал его майор Скоркин для составления и оплаты счетов на имеющиеся на обоих заводах бревна и доски.

Я – молодой и, как мне стало казаться, интересный человек, с неровным характером, обидчивыми, как сильно натянутые струны, нервами, порой плаксивым голосом, длинным носом и ртом. Порой вспыльчивый, порой замкнутый в себе и глубоко таящий переживаемые неприятности, обиды в своем сердце; с черными бархатными глазами и любящим сердцем – единственным и главным достоинством моей натуры.

Во мне есть все: и скупость, доходящая до мелочей, достойная, пожалуй, нередко и скупого рыцаря и жадного торговца с большого рынка и, вместе с тем, щедрость, простота и расточительность, не имеющая себе прецедента. В один день я могу израсходовать то, что порой мною хранилось годами; после этого опять буду бережлив, пока снова не найдется причина для расчета с тем, что до нее было ценно и значительно в моем воображении. Так во всем. Я непоследователен в своих действиях, планах. Мое время не знает планировки, а труд – системы. Мои мысли зависят от настроения, моя [хандра] – от обстановки, но и не от нее одной. Я слишком подвержен влиянию среды, и мнение окружающих всегда играет для меня важную роль, хотя редко даже от умных и порядочных людей можно услышать справедливое и в полном смысле человеческое слово.

Тонко реагирую на все человеческие тонкости, несправедливости выносить не в силах. Иногда готов на большие дела, и всегда у меня хватает и пафоса, и красноречия, и силы убеждения, и воли для начала, но редко начатое довожу целиком до конца – терпение ослабевает, тухнет инициатива, и затеянное быстро спешит опротиветь, в особенности, если встретит критику или насмешки, пусть даже несправедливые и злые, пусть даже несерьезные и пустые.

Одна только мысль и одна моя надежда при всей неспособности к длительному и аккуратному труду неизменно не покидает: непременно быть литератором и быть знаменитым. Сегодня я еще далек от осуществления хотя бы первой половины этой мысли, но величина честолюбия и большое воображение мне рисуют нежный и сильный, горячий и музыкальный мундир поэта, в который, как мне думается, должен непременно облачиться безызвестный, тяжелый и сложный

материал из человеческих костей и мяса, мозгов и крови, давшей мне жизнь и горе, жизнь и горе бесконечные.

29.12.1945

Сегодня работу закончили в 20.00. Подняли горы материалов и совсем замучили владельца и директора первого и второго заводов. Сами тоже устали. В техотдел сам идти не решился, а вместе со старшим лейтенантом Сергеевым. Подполковник не ругался – он собирался куда-то в Берлин.

Еще утром встретил начальника политотдела майора Шабанова. Он попросил зайти к нему.

30.12.1945

Креммен.

Я опять одинок. Живу на отшибе. В театры, рестораны, кафе и на квартиры к немкам появляться запрещено; русских девушек нет подходящих. Ежедневно с восьми до десяти-одиннадцати вечера брожу одиноко по улицам, потом возвращаюсь домой, читаю газету, пишу что-нибудь и, разочарованный в жизни, судьбе и людях, ложусь спать.

Так и сегодня. Посетил одну девушку, оставил ей сигареты, обменялся взглядами, улыбками и приветствиями с ней и родителями и ушел восвояси. Покрутился у театра. Там опять демонстрировали «Музыкальную историю»[207] – наш фильм, но на немецком языке. Я его впервые увидел позавчера. В России, еще до войны, мне так советовали посмотреть этот фильм, особенно девушки-соученицы и Ольга Михайловна:

– Ты очень похож на героя фильма, – уверяли они.

Но все обстоятельства собрались вместе, чтобы помешать мне ознакомиться с кинокартиной. И вот, впервые, в Германии... Странно и печально до некоторой степени, но факт неоспоримый.

Мне он понравился, и сегодня днем я пробовал договориться о пуске его у себя; недорого обошлось бы это удовольствие – 150 марок. Но комната моя слишком мала, а другую (40 метров длиной) нелегко сыскать в стороне от глаза комендатуры. Остался в раздумье. Затея сорвалась.

Теперь стоял у окна клуба, где немцы слушали и смотрели сокровище нашего искусства, и слушал музыку и песнопение героев. Потом заскочил в ресторан – там веселилась и танцевала немецкая молодежь. В офицерском «Казино» выпил две кружки пива, пошел, наткнулся на женский смех и осветил фонариком лица – все три отвернулись и завизжали. Заинтересовался – старухи. Дал по сигарете каждой и убежал от них в темноту.

И вот теперь уже раздетый. Время – 12 часов, даже больше. За окнами прыгает снег, стучится-радуется в стекла. Зима опять хочет быть сама собой и каждой снежинкой, подглядывающей, что я пишу и липнущей к окну, уверяет, что она зима, а не плакса степная и что отныне она не допустит больше ни дождей, ни слякоти, ни мокрого серого ветра, а будет бела и сурова.

1946 год

05.01.1946

Вельтен. Полночь.

И вот опять, событие за событием... больше неприятных и скучных.

Меня направили в Креммен на лесозаводы[1]. Там два их в моем распоряжении. Работы не так много. Квартира хорошая.

В последнее время меня стали навещать даже немки-девушки, так что я почувствовал себя веселей и счастливей. И все бы не беда, если бы не один негодяй из технического отдела, выскочка и подлец по фамилии Шлепентох, старший лейтенант. Он еврей, и тем более обидно, что он шкурник и клеветник. Шофера рассказывают, что когда он ездил по заданию в Россию, то захватил с собой две автомашины различного имущества, а ведь нисколько не воевал – только собирал по тылам богатство, завоеванное нашей воинской кровью. Он и не скрывает, что обогащался за время войны, даже гордится и хвастает своими приобретениями. А я-то топтался по шелку и золоту, но бои не позволили барахольничать, и родители мои по-прежнему, если не больше, бедны и несчастны.

Теперь этот сморчок с грязной бородой и ехидными плюгавыми глазами позволяет себе матюкать меня, командовать мною и кляузничать перед моим майором и подполковником Тульчинским. И те ему верят и даже не утруждают себя проверить, так ли все в действительности, и особенно последние два раза буквально выставил меня за дверь.

Сегодня докладывал майору. Он, как всегда, мне не верит и заверяет, что Шлепентох-де работает, а я – нет. Так правда на стороне подлецов.

В три часа дня, когда закончил оформление акта и написал два рапорта, по поводу меня лично касающихся вопросов[2], решил ехать. Было грязно и сыро. Дождь проникал всюду, он был неумолим и противен. Ему безразлично было до меня, и мне хотелось как можно раньше укоротить сырое ненастье, пронизывающее отовсюду мою душу и тело. В этот миг я позабыл и о кучерявой Инге, с которой порвал вчера вечером после того, как застал у нее в квартире несколько военных; и о картине, которую смотрел в вельтенском кинотеатре уже несколько позже нашей размолвки. И, к несчастью моему, эта молодая немка оказалась совсем неподалеку от меня и уже без во-

енных – видимо, бросила их, но слишком поздно. Я решил до конца испытать величину своего самолюбия.

Я ехал навстречу ветру, навстречу... впрочем, время показалось мне невероятно длинным, и только вечером (в половине пятого), когда уже стемнело, я увидел знакомые очертания домов и улиц и первым шагом своим совершил визит к прекрасной вдовствующей Кристине.

– Ein schöne Waldemar![3]

06.01.1946

Креммен.

Эта девушка поистине достойна любви и уважения. Она старше меня на год и уже имела мужа, с которым прожила не более 13 дней, но сохранила при этом свою девственность и красоту. Она человек в полном смысле этого значения, хотя и женщина, и немка, да и работает в театре, где очень трудно сохранить моральную чистоту особе ее пола.

Но только одно несчастье против нас обоих – родители. Когда после первого посещения моей резиденции на Отто Шранк она задержалась здесь до утра, мать категорически запретила ей сюда являться, и теперь мы вместе изыскиваем разные способы, включая даже обман, чтобы как-нибудь нам оказаться вместе.

Я побыл у них недолго. Ко мне обещали прийти девушки-немки, и я торопился их встретить. Их визит намечался на полседьмого вечера, а уже было начало шестого.

У отца Кристины был день рождения, и она, как любящая дочь, сокрушенно заметила, что отцу нечего курить. Это был предлог, на который я охотно отозвался, решив пожертвовать еще одной пачкой сигарет ради только минутного времяпровождения наедине с девушкой. Мать категорически отказалась пускать Кристину со мной ко мне домой даже за сигаретами: «Найн, найн, найн!»[4] Отец не возражал и даже, напротив, настаивал, чтобы она со мной пошла. После непродолжительных «прений» перевес оказался на стороне законного большинства, и Кристина вторично одарила меня нежным смехом, горячим поцелуем и ласками всевозможными у меня в квартире.

Мне всегда приятно с ней, и любой вопрос, как бы он щепетилен ни был, при ней не становится пошлым, ибо она, как ангел, обожествляет все подле себя.

Люблю ли я ее? Нисколько! Да и могу ли я ее любить по-настоящему, как, например, нашу, родную девушку из СССР? Нет, просто я ее безумно уважаю за чистоту и девственность, ценю за человечность, за преданность и постоянность, симпатизирую ей за ее красоту и свежесть, за белизну ее тела, ласковость души, за мягкие

нежные груди, точно со знаменитой картины снятые и выросшие в ней живой. Но что хвалить? Ведь это похоже на оправдание. Я хочу отогнать от совести страшную истину моего увлечения. Сейчас все говорят со злобой и негодованием о людях моей природы, а между тем сколько случаев времяпрепровождения для одной ночи. И самые главные протестанты и ненавистники больше всех усердствуют в разврате и бесстыдстве. Но пусть кричат они и ударяют себя в грудь, пусть клянутся в своей неискушенности и незамаранности – я им не верю. Человек – он всегда человек и не может терпеть душевного заточения – одиночества... Но я забираюсь в философию, и это уж слишком для моего не вполне заточенного карандаша, и следует, думается, остановиться на точке-избавительнице. «Как бы чего не вышло» – нестареющая щедринская формула[5].

Через десять минут я проводил Кристину домой вместе с ее подругой – одну Кристину мать больше никуда не пускает по ночам, хотя ей и 23 года.

Вернулся, ожидал. Никто не явился, и я счел себя одиноким и несчастливым. Долго всматривался в черное окно, но оно было безответно. Время показывало седьмой час, и секундная стрелка прыгала нетерпеливо на часах.

Вышел на двор оправиться, когда услышал женские голоса у парадного подъезда здания. Немного удивился, почему там оказались женщины, но решил, что они пришли к хозяевам дома и, бросив косой луч фонарика в их сторону, быстро погасил его, собрался уходить.

Женщины отошли от ступенек и закопошились в кустах. Решил – оправляются, и мне еще неловче стало от моего любопытства и присутствия в это время. Я совсем прилип к земле и не смел шевелиться. Вдруг они выросли передо мной, и молодой голос девичий спросил по-немецки, где здесь лейтенант. Я был в теплой плетеной косоворотке с железным замком на воротнике, и меня трудно было ночью узнать. Я еще раз осветил лица, почувствовал в них знакомые очертания и, схватил за руку ту, хорошенькую, визита которой я дожидался не раз и ради которой принимал ее подруг и одного парня, обещавшего мне ее привести. И вот случайность: пришли сами, в такую темень, не побоялись навестить мой дом, причем обе ни разу у меня не были еще.

Она вздрогнула, испугалась моего прикосновения, тогда я осветил и себя. Она вскрикнула: «Вольдемар!» Мы пошли в дом. Здесь первый раз я прильнул к ее губам, потом прижал крепко, и хотя она была чуть моложе Кристины, но взгляд ее слегка был тускл и холоден, а сердце билось как-то совсем фальшиво, неискренне – я не поверил, что она может любить.

12.01.1946

Кремлен. Отто Шранк.

Только что вернулся с кино. Смотрел вторую серию «Петр I»[6]. Сильно увлекательно! До двенадцати часов досидел и не заметил, как время успело убежать.

Выразителен Меньшиков[7] – Жаров[8], силен и размашист Петр, Екатерина немного неестественна, совсем не та грозная и, вместе с тем, умная женщина, какой я знаю ее по ее дневникам и воспоминаниям[9]. Прекрасна сцена беседы Петра со столетним старцем, триумф Арапа[10], встреча первого обладателя Екатерины со своим бывшим фельдмаршалом...

Но некогда об этом, ведь мне завтра в Берлин, Потсдам[11]. Снова, снова знакомые места, жизнь, мир свой и чужеземный как на ладони, прелести и грязь земного шара наших дней.

Я счастлив еще раз увидеть все то, что за два месяца успел забыть и выбросить из головы, так как незачем было думать о безвозвратном. Мне нужно посмотреть Берлин, ведь я его так мало знаю! Но время ограничивает мои возможности.

С посылкой опять несчастье. Ее не приняли, так как на адресе указано «До востребования», а ведь незадолго перед тем я ее переупаковывал – было 11 килограммов 100 граммов – и уплатил пачкой сигарет только за то, что мне ее зашили[12].

14.01.1946

Потсдам, гостиница.

Берлин почти не изменился. Жив «Шварцер Маркт» на Александерплац и филиалами на всех улицах и перекрестках, в домах и коридорах города. Полны праздной публики кафе и рестораны, тесны трамваи и автобусы. Суетливы улицы и надоедливы трамвайные остановки, где не дают покою попрошайки: взрослые и дети, богатые и бедные -- все просят и просят.

В Потсдам приехал поздно – в восемь вечера – задержал торг: купил фотоаппарат[13], часы, две ручки, фуражку – половину из того, что наметил. Обошел фотоателье и был у художника. Фотографировался и оставил для увеличения свои фото.

14.01.1946

Фотоаппарат немецкой марки «Акфа»[14]. Квадратный, черного цвета под вид целлулоида. Редкий по внешнему виду. Линзы сверху не видно – она внутри. Светосила слабая, примерно семь на семь. В одном месте краешек надломан и грубо прихвачен клеем в месте соединения двух половинок аппарата – он складывается из двух ча-

стей. Защелки с двух частей белые – цвета стали. На них написано по-немецки: «цу, ауф»[15].

Аппарат держится на одной защелке – другая сломана. Имеются две стальные втулочки: для примитивных установок на выдержку и моментальную съемку; светофильтр; два видоискателя для продольных снимков и поперечных. Оконце с красным стеклом, через которое можно следить за передвижением кадров пленки, без прикрытия – оно сломано.

Аппарат работает пленкой шесть на девять на деревянной катушке. Внутреннее устройство аппарата очень простое, хотя наружный вид внушает невольное уважение своей необычностью.

14.01.1946

Ришовские меня встретили с восторгом и упреками, почему я не был так долго. Меньшая, пятнадцатилетняя, дочь Марьяна – самая милая и самая приятная. Старшая Ильза – терпима, но средняя – надоедлива и привязчива до невозможности, причем худа и лишена фигуры. На улице она беззастенчиво строит глазки, когда случайно я попадаюсь ей навстречу, гримасничает, чем ставит меня в весьма неловкое и опасное положение.

Здесь воли больше. Часто можно встретить в самом центре военнослужащего К[расной] а[рмии] и немку под руку, идущих и обнимающихся. В кино и театры доступ открыт для всех без разграничений, а рестораны немецкие всегда заполнены офицерами. Солдат здесь, правда, реже увидишь. Им труднее в Берлине и его окраинах. Зато немцам здесь воля вольная: круглосуточно разрешено ходить по городу, и уже не ходят-проверяют по квартирам патрули.

H. Rischowski
Weissensee,
Linden-Allee, 51.

16.01.1946

Хеннигсдорф.

Опять ночевал у Маргот. Она мало изменилась: хорошенькая, но руки у нее покрылись прыщами, она расцарапала их по всему телу, и теперь я немного брезглив, но не настолько, чтобы оставить ее совсем. Вчера вечером, когда все вышли, касался даже таких запретных частей ее тела, что и словами не называются свободно.

Сейчас я пишу, а она смотрит. Уж очень интересно ей знать, а мамаша, улыбаясь, говорит: «Но ты же не можешь читать». Сейчас я целую Маргот при мамаше. Раньше она не позволяла дочери даже поздно засиживаться со мной. А перед тем как лечь спать я даже договорился с девушкой, чтобы она пришла ко мне в полночь. И толь-

ко слежка и наблюдательность матери послужили препятствием для вкушения всех сладостей сна и близости телесной с ней.

Раньше она скрывала точную дату своего рождения – говорила, что ей 18 лет, а вчера мать и дочь поочередно признались, что девочке всего-навсего 16.

Вельтен, 12 часов.

Только что обработал Маргот, но сам не удовлетворился. Она вся без движения и послушна, как вещь. Мне случилось поработать вдвойне, устал страшно, но моя только инициатива ни к чему спешному не привела. Когда я освободил ... она схватила руками и начала играть. Только тогда брызнуло молочной пеной. В комнату затащил через окно. Даже стул подставил. Соседи мои все совещаются и занимаются, так что обошлось гладко. Она, повторяю, если и сопротивлялась, то только для виду. Красивое тело, но все расцарапано прыщами, а глубина мокрая и вонючая. Головка изумительна. В соседней комнате убирала Инга и прислушивалась, а когда я потом проходил по коридору, смотрела на меня гордо и открыто.

Майор Скоркин, видимо, недоволен моей поездкой. Все говорили, чтобы я поскорей шел к нему, так как предстоит поездка в Потсдам для прикрепления к военторгу нашей Базы, но я в беседе не напомнил ему об этом, а он сказал, что надо работать, а не разъезжать. Ну и пусть. Через н[ачальника] ш[таба] буду добиваться.

17.01.1946

Вельтен.

Сегодня в Креммен прибыл старший лейтенант (я забыл его фамилию) и предъявил записку, в которой содержалось требование майора Корнеева немедля сдать лесозаводы и прибыть в распоряжение помощника начальника базы по технической части. За мной прибыла машина, и я все вещи и велосипед погрузил.

И вот снова Вельтен. Немного жаль прежнего спокойного одиночества, воли вольной, степной и природной. Но пусть его – так суждено; и потом, здесь не может быть плохо.

До 12 укладывал свое барахлишко – бумаги. Сейчас полпервого ночи. Спать нужно.

18.01.1946

Берлин. Вайсензе[16].

В Креммене пробыть много не пришлось – одну ночь. Утром выглядывал в окно и бросился в глаза следовавший по дороге старший лейтенант из техотдела. Я, было, подумал, что контролировать явил-

ся, потому что уж очень внимательно он вглядывался в содержимое лесозавода, изучал на ходу с интересом.

– А ну-ка, сбегай, – сказал я моему бойцу Жидкову, самому смекалистому из всех моих помощников, – уж не для проверки ли прислан этот старший лейтенант?

Мгновение – и боец был на дворе, встретил офицера и последовал вместе с ним по дороге.

Меня терзало любопытство, и, чтобы поскорей от него освободиться, я выскочил во двор, навстречу неожиданному посетителю. Он поздоровался и тот час же всучил записку, в которой подписью майора Корнеева официально предлагается мне сдать лесозаводы старшему лейтенанту, а самому в тот же день [направиться] в распоряжение капитана Ануфриева.

Через час машина была во дворе. Второпях собрал чемоданы, постель, прочее движимое имущество, содрал со стен и уложил в вещмешок фотопортреты – и был готов. Не успел ни с кем попрощаться, даже фотокарточки у фотографа забрать не смог. Лишь только со счетами расквитался, а расписку разорвал и разбросал по всему городу, когда проезжал машиной.

Майора Скоркина в Вельтене не застал. Корнеев хотел, чтобы я съездил в Потсдам, прикрепил к военторгу Базу, но сам отпустить не решался. Тогда наутро я обратился к капитану Ануфриеву. Он снова напомнил о работе, но прежде я должен разрешить вопрос с обмундированием.

– Все документы для дороги у меня на руках; пройдет не более двух дней, и я вернусь, приступлю к работе.

– Ну, езжайте.

И, даже не дождавшись продуктов на дорогу, я сел на велосипед.

В Хеннигсдорфе я снова заехал к Маргот. Она одарила меня ласками, и я минут на десять отдался обаянию любви.

21.01.1946

Шёнвальде-Глин[17].

В Берлине задержался надолго. Приобрел радиоприемник, материал на шинель и многое другое[18]. Но теперь уже пятый день моего отсутствия из части. Что скажет начальник, и что я ему отвечу?

Вчера, когда ехал на Шпандау[19], еще в трамвае разговорился с девушками-лейтенантами из той самой воинской части, предназначения которой и Beruf[20] так и не знаю по сей день. Они уговорили меня поехать с ними в цирк, и до семи вечера время было потеряно. Поздно возвращался на станцию, и все четверо меня провожали и грели «мальчика», обхватив за руки. На память надписал каждой

открытки с изображением красивого мужчины и тепло распрощался, пообещав баловать весточками.

До О[лимпишес]дорф в тот день и даже сегодня добраться не пришлось. Поезда, автомашины и автобусы перестали ходить. Было уже 11 вечера, когда я приехал в Шпандау. На трамвае доехал до шоссе и там – пешком. Через два километра пути углубился в густой лес. Светлый диск луны серебрил землю, старательно пробиваясь сквозь крону деревьев. Было немного страшно одному и без оружия. Лес тянулся вдоль дороги, и, казалось, бесконечна его мохнатая непроглядность.

Где-то сзади вдруг послышались женские голоса, и зазвучала вихрастая мелодия песни. Я не знал дороги дальше и остановился подождать, чтобы расспросить ее у подорожных певунь. Они тотчас насторожились и засуетились, однако с песней не расстались, только мелодия стала робкой и прерывистой. Их было четверо. Когда уже были недалеко от меня вдруг поменялись местами, и я заметил с краю англичанина с широкой грудью, испуганным лицом, напряженной поступью и заложенной в карман правой рукой. Мне показалось, что он пьян, и я осторожно, чтоб не потревожить его нервов, касающихся спускового крючка пистолета в кармане, спросил дорогу на О[лимпишес]дорф. Мне показали, наперебой объяснили маршрут.

Лес, отступивший перед деревней, снова потянулся далеко по длине шоссе. Теперь я опять остался один, и движение веток, хрустевших на ветру и на холоде, шорох ног моих подхватывались эхом и уносились в разожженный[21] колючим холодом воздух. Я старался неслышно ступать по обхваченной холодом земле, но выходило как раз наоборот: мои шаги кошмаром грохотали в ушах, тяжелым шорохом догоняя меня в движении.

Впереди блеснула красная фара велосипеда и приближалась мне навстречу. Стало легче. Вдруг яркий луч прожектора вырвался из темноты и на мгновение ослепил меня своим светом. Когда автомашина проехала, велосипед исчез из виду и больше нигде не появлялся. Стало опять тревожно. Как никогда почувствовал цену жизни, в душе ругал себя за небрежное отношение к ней. А лес нигде не кончался. Я шел уже почти бегом – хотелось вырваться из этого сгустка тревожных ощущений.

22.01.1946

Ол[импишес]до[рф]

Где-то замелькали огоньки. Их становилось все больше, и они оживали на глазах, мигали, издалека веселили душу. И деревня показалась мне не столь отдаленной, как было на самом деле. Она была

рядом (я не чувствовал километров между нами), ибо жизнь и свет неотделимы от моего существования.

Лес, однако, тянулся дальше, и только через полчаса нетерпеливой прогулки я вырвался в каменную двухэтажную деревню, которая долго не выпускала меня из своих улиц.

На окраине достиг регулировочного пункта. Там простоял часа два. Был выходной день, а шофера не любят лишать себя отдыха, начальство тоже и тем более свято блюдущие свои «зоннтаги»[22] немцы.

Случайно подвернулась «гулящая» машина – доехал до следующей деревни, еще десять километров пути минусовав из своего маршрута. Но впереди было еще много идти, и решил остановиться до следующей «попутной».

До Вельтена было 15 километров, до Хеннигсдорфа – семь, а до Креммена по той самой дороге, на которой меня застала ночь, – 32. Я растерялся: куда и как я шел, если после более 20 километров пути до О[лимпишес]дорфа не добрался, оказался по-прежнему, если не более близко к Креммену, Вельтену и Шпандау. Немцы советовали ехать в другую сторону; говорили, что там Шпандау и О[лимпишес]дорф. Другие, наоборот, указывали «форвертс»[23]. Но машин больше не было, хотелось спать, и было холодно.

В сторожевой будке контрольно-охранного отделения, где стоял часовой-красноармеец, прикорнул возле печки. Разбудили какие-то женщины, принесшие уголь. Боец посоветовал переспать до утра, и женщины отвели меня в комнату, где располагались солдаты. Они потеснились, уступили мне койку. Лег, не раздеваясь, и сразу уснул.

Наутро встал рано. Ребята попросили подождать завтрака, и я уступил их уговорам. Поел с ними плотно, однако машины не было до 12 часов. Пошел пешком и еще километров десять проделал в это утро. На дороге стали тарахтеть легковушки, появились и грузовые. Я вышел на широкий шлагбаум[24]. Но никто не хотел посадить, а тем более остановиться на полном разбеге. Я шел, ругаясь на всех шоферов и иже с ними: бесчувственных встречных и попутных негодяев, так бесчеловечно ведущих себя на машинах, но это не помогало. И только маленькую коптилку немецкую мне удалось остановить и подъехать на ней еще несколько километров.

Теперь до Олимп[ишес]дорфа было недалеко.

Шофер хотел закурить и остановил машину. Довез до самых ворот с высокими белыми львами наверху. Я ему дал пачку сигарет и поблагодарил крепко. Наконец-то я был на месте!

Предстояло еще немало хлопот, и первым делом я выяснил, что ни одна канцелярия и другие учреждения, кроме библиотеки и читальни, не работали в полку в этот день.

Ночевал в комнате отдыха на диване, скорчившись, не раздеваясь. Было жарко, и я долго не мог заснуть, вспоминая и раздумывая о своей дороге.

Полк не изменился. Люди в нем тоже: скандалы и ругань, самоволки и безответственность – характерно. Люди убивают свой день и ждут вечера. Заболеваемость венерическими болезнями стала массовой: не держат ни решетки, ни проволочные заграждения – прорываются и ездят в Берлин и в окрестности. У входа в лагерь контроль сильный: несколько офицеров всех рангов, до подполковника включительно. Все спрашивают: куда, зачем и тщательно проверяют документы.

Смотрел кинокартину «Морская пехота»[25], ленинградской студией сработанную. Не очень сильная, но интересная вещь. Офицеров развлекают, но их тяготит застенок, в котором их хотят удержать.

Много старых знакомых. Меня узнавали, а я не всех – память проклятущая подводит!

Вещевую книжку получил быстро и легко, хотя вполне свободно мне могли ее не выдать, ведь прошло столько времени.

В голове росли дурные мысли: был шестой день моего отсутствия из части. Как отнесутся майор Скоркин и капитан Ануфриев к моему поведению? Может, и на работу не примут больше, а отошлют в Бригаду, тогда я потеряю свою комнатку[26] и хорошую службу – я люблю такую жизнь и работу, в разъезде, где впечатления и весь водоворот жизни в движении[27].

В Берлин приехал на попутной. Слез возле толкучки, что возле Рейхстага, походил с краю, чтоб легче было избежать облавы. Кое-что купил (ручку, батарейки), и деньги вышли. Тогда решил продать часы, что купил у Ришовских, офицеру-товарищу, с которым приехал с полка, – он едет домой. Продал по той же цене, что и купил. И снова появилось полторы тысячи марок в кармане.

Было холодно, и клонило к вечеру. Мне надоело замерзать на улице, тем более что в дороге меня внушительно продуло ветром, а я без шинели и без шапки зимней. Привык, не болею и не коченею, как прежде, до войны, при первом осеннем ветерке. Но организм человеческий не железо и чувствителен к температуре.

Трамвай сбросил меня у гастронома, и я в последний раз (так решено) остановился у Ришовских. Кушать отказался, да и они настаивали не сильно. Быстро собрал вещи, поехал.

Болгарина Димитрова, у которого оставил приемник, дома не оказалось, и в Вельтен вернулся без моей столь желанной музыки.

Меня не ругали, никто даже не укорил. Только спрашивали, привез ли книжку, и когда говорил, что привез, были удовлетворены.

Видя мои удачи в любом намеченном мероприятии, майор Скоркин предложил готовиться еще в одну командировку.

25.01.1946

Берлин.

И вот снова я в Берлине. Вчера зашел к девушкам, с которыми познакомился в Рейхстаге. Просидел почти до 11.30 ночи. Они умные, развитые, но неинтересные в том смысле, в каком я понимаю это слово.

Спал хорошо и много в гостинице, где пишу эти строки.

Только сейчас зашла большая красивая официантка и принесла ситро. Попробовал ее посадить на стул, но она спешила «работать». Через минут десять снова пришла, улыбаясь и закатывая глаза. Я осмелел, сразу подошел к ней, обнял. Она слегка сопротивлялась. Я рассмотрел крестик у нее на шее груди и опустил руку пониже, за пазуху. Лифчика не было, и сопротивление оказалось столь слабым (видимым, я бы сказал), что мне сразу удалось вытащить на свет божий поочередно одну и другую груди. Она только склонилась как бы в обмороке и молчала. Посадил я ее к себе на колени, она обняла меня и потом, вдруг встрепенувшись, вздумала вырываться. Схватила два фото со стола и ключ, бросилась к двери, а когда я захотел ее остановить, ударила по лицу.

Вот такие они все женщины, бесстыжие, а эта, вдобавок, претендует на гордость и самолюбие. Не верю, чтобы она имела хоть одно из этих качеств, ведь вся моя сцена с ней прошла при свидетельстве десятиминутного пробега часовой стрелки.

Уже 11, а мне еще много работы. Сегодня в Потсдаме допишу впечатления.

26.01.1946

Потсдам.

Здесь в гостинице холодно и людно – неинтересно ночевать. Одно привлекает – много молодых девушек русских из числа репатрированных.

Неожиданно на ступеньках услышал смех и щебетание, бросился вдогонку за двумя шалуньями, но они быстро добежали до своей комнаты и закрыли дверь. Стал уговаривать отворить и достиг своего. Вскоре сидел за столом и спокойно беседовал с ними. Одна весьма серьезна и принципиальна, понравилась своими рассуждениями, лицом тоже приятна. Адрес ее со мной. Наболтал много лишнего, разоткровенничался, забывая слова Толстого, что «не та баба опасна, которая держит за х..., а которая за душу»[28]. Но держать она меня ни за что не держит.

Лег спать в 12.

27.01.1946

Берлин. Пренцлауэр-Берг[29].

Гостиница «Гранд Отель».

К военторгу прикрепился в тот же день, когда прибыл в Потсдам, однако на руки документов не дали, а посоветовали позвонить по телефону из Вельтена, чтобы ускорить дело.

В 12 дня прибыл на Пренцлауэр-аллее[30]. Решил отвезти приемник и снова вернуться за фотопортретами и чемоданчиком. В Вельтене (немцы так называют город, ударяя на букву «Ф», а не на «В», как мы), однако, сразу показался всем на глаза, было опасно вторично уезжать, не спросившись у майора, хотя срок командировки не истек, и только через день я мог явиться в часть.

Встретил Сергеева с еще каким-то военным без погон, но тепло и изящно одетым в офицерское обмундирование. Он первым поприветствовал меня, и я не обратил внимания на его персону. Стал рассказывать Сергееву историю моего рейса в Потсдам и прикрепления к военторгу; между прочим, рассказал, что, когда меня спросили о моей части, ответил «База 21 т[рофейной] бригады».

– Лучше было бы, если б вы совсем не ездили никуда, было бы больше пользы от вас, – процедил сквозь зубы повелительно человек в меховой кожанке без погон. – Снимите перчатки и станьте, как полагается! Вы говорите со ст[аршим] л[ейтенан]том!

Я снял перчатки, покраснел и удивился: – Позвольте, не имею чести знать, с кем разговариваю, – спросил вежливо, но с достоинством.

Он назвался майором[31] ... и продолжал кричать. Мне стало невмоготу. Я быстро вышел, в коридоре припоминая, кто он таков есть. Все догадки привели к одному выводу: начальник контрразведки бригады, и теперь мне могут нагонять хвоста, хотя я и не болтал зря и где-нибудь в неофициальном учреждении, тем более что подполковника из торготдела управления торговли уже я знал; да и само управление рассекречено настолько, что я нашел его только по одним справкам, которые наводил у прохожих военнослужащих, и проник вовнутрь городка безо всякого пропуска только благодаря беспечности часового. Так что тут еще трудно говорить о разглашении военной тайны – палка о двух концах, и в торготделе не посмеют об этом заикнуться.

Скоркин снова был недоволен: «На словах я не верю! Где бумажка?» Объяснения были излишни. Я решил позвонить и прийти с окончательным результатом, но потом вспомнил, что перерыв.

Возвращение мое в Берлин срывалось. Что было делать? Я переждал с полчаса, снова пришел к майору и сказал, что звонил и получил ответ: «После выходного». Так мне и в действительности сказали в Потсдаме: «Или утром, или после выходного звоните».

Попросил, чтоб пустил в Берлин, так как оставил там фотопортреты и чемоданчик с продуктами. Не поверил. «Что-то у него там есть в Берлине, наверно, баба?» – задал вопрос присутствующим. И майор Корнеев (нет, трепач все же он, ему ничего нельзя говорить), поспешил передать, что рассказывал я ему накануне о девушках, причем смешал с лесом и со звездами, и получилось пошло и глупо.

Начальник был в нерешительности. Я стал упрашивать и объясняться.

– Да ну тебя на х..., не плачь! – сказал он полушутя, полусердито. – Езжай, но утром возвращайся!

Я обещал. И с машины на пешую, с пешей – на поезд, с поезда – на электричку, на трамвай и опять на пешую – добрался в Берлин к восьми часам.

Отобрал чемоданчик, уплатил за фото и побрился.

У парикмахера остановился у портрета, великолепно сработанного кистью художника, девушки. Не смог оторваться и решил приобрести. «500 марок стоит портрет», – сообразил проклятущий немец с хитрой змеиной мордочкой и, чтоб заохотить, стал рассказывать, что рисовал картину еврей и продал еврей, и сама девушка тоже еврейка – старый негодяй, видимо, догадывался, что я еврей, и решил сыграть на национальных чувствах.

– Мне безразлично, кто эта девушка, я хочу ее иметь, – и вынул полкилограмма свинины, отдал ему.

– Мало! – жадно вскрикнул парикмахер и ухватился обеими руками за две оставшиеся в чемодане луковицы.

Я дал ему одну – у меня ничего не оставалось, кроме хлеба, и предстояло голодать, но зато девушка, живая и красивая, сто́ит, чтобы иметь ее у себя, пусть даже в пределах портрета!

К засекреченным и полузамурованным девушкам из безымянной части п/п 93570 – МБ(Э) пришел, когда уже было десять вечера. На дверях сразу встретил ... Вовнутрь не пускали, и девушка приложила все свои старания, чтобы уговорить часовых и начальство; ей помогали подружки, но все оказалось тщетно. Тогда предложил пройтись со мной. Ани не было, и только две девушки были со мной. У самой гостиницы предложил зайти в мой номер, который к тому времени я не успел еще снять. Квартиру мне определили быстро, а девчат не согласны были впустить. Комендатура нагоняла накануне, и теперь им страшно (немцам) было допустить неосторожность. Тогда посидели, поболтали в передней почти до 12 часов, а на сегодня договорились пойти в театр.

Около 11 дня девушки были уже здесь, и опять Ани не было. Пришла она только к концу постановки – сидела где-то в стороне.

В общем, остался доволен, хотя было холодно, и не все из того, что говорилось со сцены, до меня доходило.

Девочки проявили заботу и наутро принесли мне хлеб с маслом. Зачем я рассказал, что отдал свои продукты за картину?! Каялся, но отказаться неудобно было – они готовы были обидеться. Билеты они тоже купили сами; в общем, я целиком на их иждивении пробыл весь день.

Тепло распрощался со всеми. С трамвая вылезла ... – из той четверки, с которой был в цирке. Она поклонилась мне, и я ответил взаимностью. Девушки проявили любопытство, но я легко объяснился и правдиво о нашем знакомстве в цирке. Тогда они выразили предположение, что я имею много знакомых, и сами поспешили переменить разговор, видя неловкость складывающейся из него ситуации. Умные, догадливые девочки.

А сейчас я еду в Вельтен. Пора. Два часа дня.

В поезде. В разговоре один гражданин спросил, не еврей ли я. Ответил утвердительно, тогда он сказал [*продолжение отсутствует*].

02.02.1946

Вельтен.

После большого перерыва вновь навестил знаменитый здесь ресторан с пивом, танцами и прочими разностями – «шалман», как у нас на Базе называют его офицеры. Опять, как и прежде, все взоры и все улыбки на мне, но не смущают, а только радуют. Женщины бывают красивые, и с ними нельзя тосковать и думать на грустные темы[32].

Мысли свежи и серьезны во мне одном и наедине. Военнослужащие пьяные шатаются, музыка легка и свободна, и все кружатся и резвятся в такт ей, как дети. Хватают мелодию и подпевают в такт музыке – приятно и трогательно получается. Лишь сердце плачется на судьбу свою, просит ласки и нежности.

Глаза разбегаются у меня и у окружающих немочек[33]. Хорошие головки – так много, и все для меня легки и доступны, а я сижу, забился в уголок под [*продолжение отсутствует*].

Ст[арший] л[ейтенан]т, позавчера прибывший на Базу, уже назначен дежурным. Он долго не соглашался, но приказ есть приказ и, немного поразмыслив, он заступил в наряд.

Еще утром мы познакомились с ним на работе. Капитан Ануфриев послал обоих нас на алюминиевый и патронный заводы искать столы и стулья для кабинета транспортного отдела, который давно назрела необходимость оборудовать. В пути ст[арший] л[ейтенан]т рассказал, что он еще не определен на должность и что его пророчат[34] в транспортники.

Вечером уговорил его на танцы. Пробыли недолго, но денег ушло достаточно для одного вечера. Но и этим не кончилось. Я искал приключений. Мне не терпелось познать все счастье ночного свидания, встречи, знакомства – всего, чему спутница – молодость и здоровье, свет и теплота лучей солнечных. Но мне решительно не везло.

С девушками за столом, с которыми очутился, сговориться не сумел и даже узнать имена каждой, хотя и потратился изрядно на пиво материально и на попытку познакомиться, – душевно. Тогда не выдержал, бросил их и ушел прочь из зала. Так и на этот раз суждено мне остаться. Дело не доведено до конца. После долгого раздумья на улице, где брызгал в лицо холодными струйками дождик, где все было мокро и противно от одиночества, решил вернуться, снова искать и снова терзаться, но уже не глухим раздумьем, а решимостью и желанием.

Были сумерки. Время обязывало торопиться. Из зала выходили по парам и группками немки. Можно было легко подцепить одну, можно было догнать дорогой, но такая перспектива меня не устраивала. Я вошел в помещение с удовольствием, снова чувствуя на себе большинство взглядов женских, бархатных и глубоких, печальных и ждущих.

14.02.1946

Политзанятия.

Еще раз перечитываю речь т. Сталина накануне выборов кандидатов в депутаты Верховного Совета[35] и поражаюсь, в который раз, ясности ума и простоте изложения сталинской мысли. Еще не было ни одного высказывания т. Сталина, в котором не вырисовывалась бы мудрость, правда и убедительность преподносимых слушателям фактов и цифр. Вот и на сей раз. Кто смеет оспорить или выразить сомнение в правдивости гениального рассказа вождя нашей партии и нашего народа о причинах и условиях нашей победы, о корнях возникновения империалистических войн, о существенном отличии только что минувшей войны от всех других, предшествовавших ей прежде, ввиду участия в ней Советского Союза.

Говоря о развитии внутренних сил Родины, способствовавших одержанию великой исторической победы над врагом, т. Сталин указывает, что «наша победа означает то, что победил наш Советский общественный строй, что Советский общественный строй с успехом выдержал испытание в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность»[36].

Интересно сопоставить, приведенные т. Сталиным цифры, характеризующие материальные возможности нашей страны до первой, и перед второй империалистической войной, с тем, что планируется партией на будущее:

1913 г. 1940 г. на будущее

Чугуна

4 млн 220 тыс. т. 15 млн т. 50 млн т.

Стали

4 млн 230 тыс. т. 18 млн 300 тыс. т. 60 млн т.

Угля

29 млн т. 166 млн т. 500 млн т.

Нефти

9 млн т. 31 млн т. 60 млн т.[37]

Нелишне подчеркнуть указание т. Сталина на условия политики индустриализации в нашей стране и за рубежом, приведшие к такому невиданному скачку в деле развития индустриализации страны.

У нас, в отличие от стран зарубежных, партия провела индустриализацию, начиная не с легкой промышленности, а с тяжелой, так как предвидела надвигавшуюся войну и, соответственно, необходимость быть начеку, во всеоружии. Коллективизация же помогла развитию сельского хозяйства, позволила покончить с «вековой отсталостью».

«Ваше дело – судить, насколько правильно работала и работает партия (аплодисменты), и могла ли она работать лучше (смех, аплодисменты)»[38], – обращается под конец к избирателям т. Сталин. И все награждают его такими горячими аплодисментами и любовью, что просто трогательно становится со стороны. Да, он заслужил ее, мой Сталин, бессмертный и простой, скромный и великий, мой вождь, мой учитель, моя слава, гений, солнце мое большое.

И теперь неудивительно, когда маленький двухгодовалый ребенок из побежденной Германии, увидев на моей левой груди медаль «За победу»[39] с изображением т. Сталина, радостно и трогательно воскликнул: «Сталин!», пальчиком показывая на медаль. И, может быть, мать этого ребенка была недовольна; может, она таила в душе злобу и ненависть побежденного народа, но будущее смотрело иначе, будущее во всем мире, на всех языках и наречиях за нас, за партию нашу, за товарища Сталина.

14.02.1946

Вельтен.

Жизнь моя в корне изменилась. Работы теперь хватает, так что даже поспать не всегда есть возможность. В транспортном отделе теперь шесть офицеров. Трое во главе с начальником-майором только вчера прибыло.

На завтра есть работа. Два часа ночи.

21.02.1946

Вышинский[40] умница. Читал все его выступления на Международной ассамблее и не мог не проникнуться к нему неуемной симпатией. Понятен его успех и прежде, и сейчас. Не помню Литвинова[41], но Вышинский теперь мне кажется сильнее как дипломат и умнее как теоретик.

Какой он родной, какой он красивый, какой он, черт возьми, правильный человек! Нет, он похлеще Литвинова![42]

Сейчас уже начало первого. Все спят, только мыши неспокойные робко скребут о пол – ждут, пока я усну, и тогда им воля вольная. Вчера поели полный кулек чудесного пряничного печенья, которое я получил в счет доппайка, но воевать с ними некогда; я лишь боюсь, как бы они не перепортили все мои бумаги, разбросанные по полу и стульям.

Внешне дома уродливы и мрачны, скучно обозревать немецкие населенные пункты – они все похожи, как близнецы. Но изнутри квартиры отлично и комфортабельно оборудованы, хотя однотипны по своему устройству. Деревни каменные, много церквей, но редко встречаются священнослужители[43].

21.02.1946

Пора покончить с воровством.

Сказано: в семье не без урода! И в нашем большом офицерском коллективе немало есть еще лиц, чьей морально-нравственной красотой никак нельзя похвалиться. Таких людей не одобряют, им не сочувствуют, но и не борются с ними в нашей среде – обходят мимо, точно не замечая. И результаты сказываются на всей жизни нашего подразделения. Пример заразителен. Появились воры, картежники, пьяницы. Картежная игра приобретает широкий характер. Сотни и тысячи марок режут воздух, ударяют о стол и, скрываясь в кармане одаренного счастливца, обращаются в водку, одеколон, спирт. Проигравшему ничего не остается, как мечты о реванше, и он проигрывается из последних сил, пока не остается в одном белье и обмундировании. Хорошо, если он чист на руку. В противном случае...

Сигналы не единичны. У многих офицеров стали пропадать вещи. Крадут все, что попадет под руки. Не брезгуют мелочами: ножницы, карандаши, открытки. Не гнушаются никакой подлостью: ломают чемоданы, вскрывают замки, пьют, играют. А масса молчит, лишь пожимая плечами и про себя возмущаясь. Иногда говорят на партсобраниях, но дальше разговоров и резолюций дело не идет. Берутся[44] коммунисты, берутся комсомольцы, а воровство продолжается, по вечерам носятся пьяные крики, жизнь течет своим чередом. И какой

она серой становится при общей незаинтересованности ее содержанием со стороны офицеров.

28.02.1946

Решил накануне дня рождения затеять пир, но затея немножечко лопнула.

01.03.1946[45]

Майор Корнеев выпить со всеми не захотел и вообще куда-то торопился. Я ему налил отдельно, он втянул одним махом грамм 300–400 и стал рассказывать, поучать насчет разных казусов жизни. Время затянулось. Люди, коих я приглашал, давно перестали думать о реальности моих намерений, а чета Грабилиных собралась ко сну. Но мне отступать нельзя было. Решил все же начинать. Закуски много, людей – семь человек.

Две бутылки водки ушли незаметно. Никто не был пьян, но многие были навеселе, как водится в хорошем обществе. Тосты произносились сухие, слов было мало, и вечер скоро закончился.

В семь утра проснулся я именинником. До восьми ворочался в постели – боялся нового дня, был неуверен в нем.

02.03.1946

Вельтен.

Так и ушел он бесследно, мой день небеснейший, 1 марта, даже не улыбнувшись мне приветливо. Такой суровый, желчный и пустой, как и все прочие, ушел, чтобы никогда не вернуться больше.

Погода опять изменилась, стало тепло и мокро. Снег пожелтел и приник к земле, словно не хотя расставаться с ней. По радио тоже голос сырой, плачущий устами какой-то немки-артистки, наводит тоску на душу. Скучно, безрадостно, и даже музыка веселая не отвлекает.

03.03.1946

Солуянов – премерзкий тип. Такие могут хорошо устраиваться; их, наперекор справедливости, уважают и хвалят. А ведь чистейшей воды подхалим и наушник. В который раз он только ради того, чтобы другие его считали старательным малым, ябедничает и клевещет на меня и других. Так, в одну из прошлых погрузок он весь день не выходил на улицу. А когда вечером все же в нем заговорила совесть, он, прежде чем побывать на месте погрузки, забежал в канцелярию и нажаловался, что электропровода де нет, вагоны нечем передвинуть, и люди стоят, не находя работы. А на деле было совсем иначе. Сам я ездил, расставлял вагоны с помощью мною привезенного электровоза. С пяти часов утра люди работали, и погрузка была почти закончена.

Майор Корнеев, не удостоверившись в правильности показаний Солуянова, стал ругаться. Тогда я вышел вместе с ним во двор завода, и он увидел и электровоз, и работу, но промолчал и не воздал должное кляузнику. И можно ли? Ведь тот охотник и каждый раз в выходной день, а нередко и в будние дни, приносит дичь, угощает начальство, пьянствует вместе с ним – такие люди плохими не бывают, они всегда на высоте, и никто не смеет назвать их хамелеонами. На том построена неправда жизни.

Во второй раз он поступил еще более гнусно со мной. Когда я был в канцелярии штаба, на секунду отвлекшись от работы во имя ее же, Солуянов отыскал зам[естителя] по политчасти майора Жарких, парторга капитана Бородина и вместе с ними направился в наше общежитие, заявив, что я там и что вместо работы занимаюсь покраской велосипеда.

У входа в штаб я встретился с троими всеми, и политработники принялись на чем свет стоит ругать мою персону. Но трудно было их убедить в вероломстве (охотника, прежде всего, и хорошего собутыльника, вместе с этим!) Солуянова.

А только сейчас за мной приходил м[айо]р Корнеев, пом[ощник] ком[андира] базы по складам. Солуянов, оказывается, опять ему нажаловался. Он, видится мне, считает, что я должен каждый вагон ставить под погрузку, хотя на деле это целиком входит в его компетенцию.

Я дал ему электровоз, я предоставил ему порожние вагоны и даже расставил их на погрузочных площадках. Чего же еще, спрашивается?! Надо было подчеркнуть свою деловитость, надо было показать свое старание, но как это сделать? Ведь на деле ничего похожего нет! И вот найден удобный выход – свалить с больной [головы] на здоровую. Куда проще, чем работать и мерзнуть на улице!

Проснувшись, когда еще было мутно за окном, когда стрелка часов застенчиво остановилась на пяти, не решаясь никак показать свою молодость, и глаза не умели подняться на свет, не умываясь, не застилая постели, выскочил на место погрузки и организовал условия для предстоящей работы, до 11 часов побывав на станции, на переездах и на всех линиях, где нужно было ставить вагоны. И, ни разу не навестив своей квартиры, я, тем не менее, в угоду лжи, против фактов, оказался всего-навсего бездельником, которого можно и должно ругать всем и вся. И меня ругают. И капитан Ануфриев, принимая мои оправдания как слезы, которым Москва не верит, и Корнеев, убеждая меня, что я спал до его прихода, и даже Солуянов пугал тем, что «мы еще поговорим об этом!»

04.03.1946

Читая газеты[46]. В мире, как в пекле: все жарче и жарче. Война окончилась, но кровь еще льется, унося из жизни тысячи людей ежедневно.

Социалистическое правительство Великобритании[47] не оправдало надежд человечества. Англия не изменила своей гнусной и ничем не оправданной роли душителя свободы и независимости народов. Индия негодует. Сирия и Ливан выражают протест, Греция задыхается от захватившего ее фашистского угара. Индонезия и Палестина истекают кровью. Египет охвачен волнением[48]. И над всем этим холодная, неотвратимо жесткая, диктаторская рука Англии, топчущая военным сапогом, попирающая своей властью национально-политические интересы и чаяния малых, зависимых стран.

Международная Ассамблея Объединенных Наций[49] выявила до тонкостей перед лицом государств мысли и деяния международных политиков. Бевин[50] в особенности показал свое реакционное лицо.

06.03.1946

Под колыхания душистой русской музыки, приятно засыпать вдали от родины, за две-три тысячи километров. «Ох вы косы, косы русые»[51] и «Дунай»[52].

08.03.1946

Только что прослушал сообщение «В наркоминделе», в котором говорится о «памятной записке» от американского правительства болгарскому правительству и приводится нота Советского правительства по поводу нарушения этим необоснованным актом США условий тройственного соглашения о Болгарии.

Действительно, какое кощунство! Впрочем, за последнее время некоторые видные зарубежные политики стали бешеными, а отсутствием логичных убеждений и последовательностью в своей работе они всегда заражены были, эти черчилли, бевины и бирнсы[53], пожалуй, тоже.

10.03.1946

Вельтен.

На вечере немецком. Много музыки, духоты и грусти. Спать не хочется, хотя уже три. Танцы до утра. Немки голые, чуть ли не в буквальном смысле этого слова – стыдно и мерзко видеть, а они кривляются – им хорошо, что они противны.

Старухи семидесяти и более летние бодро кружатся в вальсе. Один я неудачник, хотя не последний летами и внешностью. Любовь жестока ко мне, а красота передо мной лицемерит.

Из многих нетрудно выбрать одну. Но из океана не найти это уж [*продолжение отсутствует*].

Danziger Str.

Ubahn, str 72, 73.

13.03.1946

Берлин[54].

В Кремлене пробыл ночь. Выслушал горькую исповедь измученной Шварцем [*одно слово нрзб*], спал с ней, но не согрешил. Вкусил плод бессонницы, испытал силу соблазна, и все же совесть оказалась на первом плане. В семь утра был на вокзале, а в начале восьмого – дома.

Майор Костюченко обрадовал новостью: электровоз не пришел, вагоны не поданы, погрузка приостановилась.

Не заходя в комнату, взялся за ручку велосипеда. На электровозной станции меня уверяли, что машина «ist bei Veltag»[55]. Поехал туда. И действительно, вся эта шумиха не имела под собой почвы и оказалась лишь плодом неуемной фантазии людишек мелочных и подлых, стремящихся доказать, однако, что они работают и чего-то стоят. Электровоз был на кафельном заводе с семи часов, задержек по вине транспорта не было.

Еще два раза навестил кафельный и решил ехать в Берлин.

Зашла – постучалась девушка Маруся, и я сильно задержался в Вельтене. В два часа только удалось выбраться.

До Хайликензе доехал на велосипеде, остальное – поездом.

16.03.1946

Берлин. Поезд.

Сегодня справился в Потсдаме со всеми порученными делами, в Берлине тоже успел. День не прошел зря, но, тем не менее, он позади.

Написал письма, вот только отправить их не успел. Опять наступил перерыв в корреспонденции, и опять впереди укоры и жалобы на мое непостоянство и невнимательность. Немцы определенно недовольны многим. Это особенно хорошо дал мне понять глава семьи Ришовских после того, как я указал на мудрость сталинского интервью в связи с речью Черчилля в Фултоне[56]. Между нами завязалась длинная дискуссия. Немец приводил примеры, доказывал русскую некультурность, русскую грубость и прочее. Стало ясно, что этот средний немецкий человек, говоря языком Германии, склонен больше симпатизировать нашим союзникам и среди них – правому лагерю Ч[ерчилля] и К°. Возразить Сталину у него не хватило рассудка, но зато он ограничился беспринципными придирками к Красной армии.

21.03.1946

Вельтен.

Смотрел кинофильм «Актриса»[57]. Сильная, правдивая вещь, но не так, как «Тахир и Зухра»[58], как «Музыкальная история» – эти мне больше нравятся[59].

Домой пришел трезвый. Один, без настроения. В коридоре пристал Полоскин, он был выпивши, вернее, вдрызг. Матюгался при женщинах, вел себя тупо и дурацки нагло. Подошел, хотел ударить меня без причины, но одумался, а я постарался умолчать обиду и не ввязываться в неприятность, молча посмотрел на него, пока он не отошел, бросаясь помойными словами[60].

24.03.1946

Ночь уже старуха – поздняя и глубокая. Робкие звездочки в небе померкли. Молчит и радио – спит вся Европа. Не говорит уже, уставшая от дневных трудов, далекая, любимая Москва. И только мне не дремлется, и глаза мои бдят тишину.

Не успел получить назначение в какую-то комиссию по учету железа, как его опередило новое решение майора Скоркина о направлении меня начальником рабочей силы, но и там побыл недолго. Через два дня (вчера) мне предложили именем начальника Базы сдать свои обязанности другому офицеру, а самому отправиться в длительную и непрерывную командировку начальником внутрибригадной вертушки[61].

Проблема! На днях офицеры уходят жить в другое место, и я могу оказаться перед фактом оставления всех вещей моих и квартиры без надзора, на разграбление улицы. В мое отсутствие получат промтовары из военторга, без меня останутся вельтенские немки-девушки, и Берлин вряд ли меня больше увидит: там шьется китель, там – чемоданы.

Креммен – тоже предмет раздумий: там – сапоги, а в Вельтене, помимо прочего, мне осталось пошить шинель и получить радиоприемник, за который платил уже деньги.

27.03.1946

Глёвен[62].

Длинный, приземистый ряд похожих домов далеко потянулся на обе стороны от железнодорожного полотна. Мрачные, тупоугольные здания нигде не мешаются в кучу. Изредка они уходят в лес, нежатся в объятьях елей лохматых, но потом отходят на почтительное отдаление, как бы боясь утонуть в лесном разговоре. Лес качается, стонет и шипит – сердится на ветру. Он единственный здесь всемогущ. В нем дымят немецкие «Sägewerke»[63], в нем разгуливают вольные звери,

и сквозь его неизвестные тропы тайком, без шороха, пробираются повеселевшие охотники.

Жизнь к лучшему. И этот маленький, незаметный город, имеющий только одну главную широкую улицу (асфальтированную, правда), шоссе, церковь и колокольню и 2-3 магазина, заулыбался на глазах весеннего солнца какой-то особо радостной улыбкой.

Только что прокатился по улице Глёвена на велосипеде, встретил доро́гой две-три улыбки девичьи, несколько пар светлых юных глаз, освежился и получил представление (внешнее) об еще одном немецком городке.

С Вертушкой много хлопот и мороки. Бывший комендант ее, старший лейтенант Борисов, на место которого я приехал, где-то загулял, бросив вагоны и двух солдат на произвол судьбы.

Начальник отдела перевозок направил меня сюда, но немецкие железнодорожники ничего о ней не знали, и со вчерашнего вечера выясняю, ищу Вертушку 1089.

Без десяти минут 12. Только что клубок распутался. Выяснилось, что Вертушка, о которой мне уже, было, сказали, что она расформирована и что ее больше не существует, на самом деле находится сейчас в городе ... на станции и сегодня ночью должна прибыть под разгрузку сюда. Поеду навстречу, чтобы поскорее выяснить суть дела – здесь мне задерживаться нельзя. Продукты на исходе, и нужно прийти к результатам.

С командировкой ничего не получится – здесь телефон не в порядке, трудно дозвониться в Креммен (далеко ведь тоже), и майор Шамес, не получая сведений долгое время, решил, что старший лейтенант сбежал, раз держит его в состоянии дезинформации.

Опять судьба на решении, но ничего страшного в этом для себя не нахожу. Дай бог, к худшему![64]

28.03.1946

Науэн[65]. Станция.

Мои размышления кончились на водке. Старшего лейтенанта искать дальше не пришлось – он сам появился на станции Глёвен, и железнодорожники немедля сообщили мне об этом. С Кремменом созвониться не смог. Надо было хотя бы дать знать о себе, чтоб потом не ругали.

Старший лейтенант оказался высоким немолодым человеком с рябым некрасивым лицом. Он действительно откуда-то с другого места приехал на автомашине и в течение нескольких дней не видел своих бойцов и вертушки. Тем не менее он выдержанный и прямой человек. Сильно терзался, что репутация его оказалась подорванной, и что им недовольны в штабе. Он при мне пробовал опять погово-

рить с майором Шамесом, но телефон Глёвена по-прежнему был верен себе.

Перед отъездом мы выпили, и дорогой я был навеселе – осушил грамм 400 водки. Скомпоновался с одним капитаном-летчиком: умным, но простым человеком, скромным, несмотря на полную грудь орденов. Он все время мне подстегивал подтяжки, когда отрывались пуговицы на брюках (они, как назло, терялись, пока не осталось ни одной), и мне казалось тогда, что он один только может достать так много шпилек взамен утерянных пуговиц и изумрудных брошек (ими я тоже поддерживал штаны), которых больше не было.

На одной из станций взбрело на ум проехаться вдоль полотна, а уже в процессе езды показать свое мастерство, и на узкой тропинке отнял от педалей ноги – положил на руль, от руля руки – за спину. Два рейса прошло удачно, третий завершился классическим падением со многими ушибами и вывихом ноги.

К восьми вечера окончательно протрезвился, выспался и решил внять совету моего красноармейца Карпюка: ехать в противоположную сторону, чем я ехал пьяный в сторону Берлина.

До Берлина оставалось 103 км, до Науэна – 90, а до Креммена – около 100.

Немцы в один голос рекомендовали нам этот путь. На станциях было полно людей. В поезде мест не хватало, только воинский офицерский вагон был свободен, и к нему потоком хлынули немцы, умоляя взять с собой. Решили делать отбор. Карпюк стал на дверях, пропуская молодых и красивых, насколько можно было увидеть в темноте. К моменту отправки поезда таких немок появилось в вагоне три. Одна была с матерью – сидели в уголку обособленно: ею-то мне и советовал заняться Карпюк. Другие уже были нарасхват. Я решил, что полезнее и умнее будет лечь спать, и занял с этой целью свободную скамейку как раз против этой досадно скомпонованной пары.

На одной из остановок, где наш вагон вдруг осветился электрической иллюминацией со станции, я открыл глаза. Немочка смотрела на меня так пристально и так нежно, что я перестал думать о сне. А мать – та совсем притворилась спящей, и ее старческое лукавое лицо ничего не выражало.

Стал смелее. И когда застучали колеса в дорогой темноте, я придвинулся к немке, прижался. Она не отклонилась и даже напротив, потянулась ко мне губами. Я принял вызов – поцеловались. Мать не меняла позы и, казалось, совсем умерла, чтобы не мешать шалостям юности, которые ввели меня в ряд соблазнов и искушений.

Первый шаг повлек за собой второй. Груди у нее оказались большими и мягкими. Она не сопротивлялась, пока я не отважился на третий шаг, когда она уже перешла ко мне, оставив матери всю площадь.

Доре, так звали немку, исполнилось недавно 21, она живет в Берлине на Шенгаузер-аллее[66]. На все вопросы отвечала прямо, правдиво. И все бы окончилось как надо, если бы не одна внезапно выявившаяся деталь, касающаяся тайного вопроса. В самый последний момент, когда преодолено было показавшееся мне странным после всей ее предыдущей кротости сопротивление, вдруг завоняло. Мне стало противно, и вся моя горячность исчезла.

Два часа. Где мотовод?

Передвинуть вагоны-полувагоны ненужные. Причин много.

А сколько раз случалось, когда шум поднимут – катастрофа! Вагонов нет!

Всегда не хватает от шести до десяти вагонов пустых. Загружают не по порядку, чтоб можно было вывозить груженые, а очередные ставить под погрузку. Не согласовывают, например, со мной, куда ставить какие, а потом, когда вагоны поданы, начинают говорить, что все не так[67].

08.04.1946

Вельтен.

Мне предстоит пожить в Берлине. И если только начальство не передумает до завтра, будет так, как я наметил.

На берлинском заводе необходимо контролировать выпуск высоковольтного кабеля по нашему заказу из нашего материала. Я еду в качестве контролера: не расходуется ли на сторону, и насчет срока.

09.04.1946

Виттенберг[68] (170 км от Velten)

Приехал сюда за гвоздями в первый батальон. На заводе «Зингер»[69]. Большое величественное здание. Смотрел корпуса. Техника поражает. Где-то рядом перерабатывают солому на ... шелк, отбросы – на бумагу, остатки – на вату. Здорово? Говорят, этот завод первый и главный в Германии. Все станки и швейные машины уже вывезены. 180 вагонов составило содержимое завода. Корпуса будут взрывать, но пока оставили пару станков для заготовки гвоздей. Вот за ними, чтобы затем доставить в Берлин, я и приехал.

Люди здесь любезные и не такие бюрократы, как в бригаде и у нас на Базе. Несмотря на то что наряд на гвозди не выдали, а только доверенность, мне отпускают гвозди.

Решил ночевать, а завтра с утра получать материал и – в Берлин. Там теперь буду жить.

10.04.1946

Берлин, Кёпеник[70].

Приехал. Хорошо устроился с квартирой. Немочек много молоденьких и хорошеньких. Начал на заводе.

Телефон, зеркало и прочие удобства в комнате. Забрал еще два чемодана. Теперь есть во что укладываться; с заказом, однако, не все в порядке. Сейчас опять еду в Вельтен. Справляться. Ну их к монахам, запутали меня с маршрутом, указав район Тапеник. И если бы я только вздумал по-настоящему, серьезно искать его, я бы пустой вернулся на Базу.

11.04.1946

Кёпеник. Берлин.

Приехал в 10.20. Выпили две бутылки в Виттенберге. 100 марок – недорого. Полбутылки опорожнил сам, остальное – шоферу. Он молодец, привез хорошо. Знает норму и время. Довез благополучно, и я ложусь спать. Первый раз на новом месте. Слышно, как работают машины. Интересна моя жизнь. Телефон, комната большая, все удобства, только холодно, да не страшно.

12.04.1946

Берлин.

Сижу, и дремлется, хотя еще десять часов вечера не свершились. На новом месте пока несладко: много работы и, как теперь оказалось, непосильной ответственности.

Я не техник.

13.04.1946

Köpenick

Начинаю разучиваться по-русски писать правильно – немецкий черт попутал! Рука болит неимоверно. Нарывает после знаменитого трехкратного пикирования с велосипедом.

Был в Берлине, центре. Мало успел сделать – столько суеты и движения там. Дальше писать трудно. А врача на заводе нет – поздно.

Паустовский просится в голову – «Далекие годы»[71].

14.04.1946

Палец прорвало. Начала гноиться ранка на другой руке; наконец и она разорвалась после перевязки. Сейчас уже можно писать, двадцать минут третьего, и я только что из Вельтена на велосипеде. Но таких дураков, как я, я не встречал, а бить надо, дурь вышибать; ведь от дури-то этой столько тоски и горя. Всю ночь ездил, а под конец оказалось, что в Вельтене забыл ключ от двери.

15.04.1946

Берлин. Кёпеник. «Кабель-Верк Фогель».

В действительности, жизнь и работа здесь оказались много сложней и запутанней, чем представлялось мне, когда я сюда ехал. Подполковник Плескачевский[72] не подготовил всех необходимых условий для скорой работы. Все делалось наспех и строилось на липе. Отсюда и результаты. Еще в первый день оказалось, что нет болтов, потом с гайками неурядица стряслась, и вот теперь, наконец, в пятый день со дня подписания договора, заказ не выполнен ни на миллиграмм работы.

Вчера был он здесь, подполковник. Пришел тихо, поел у меня конфеты из гастронома, отпил лимонаду, посмотрел и даже спросил, как живу, а затем, постепенно разворачиваясь, принялся ругать и запугивать не меньше, чем немцев накануне. Что я ему мог ответить? Я молчал, и это дало ему повод назвать меня тупым, а под конец пригрозить офицерским званием.

Я лейтенант, он подполковник, и по возрасту не ниже рангом. Он ничего не делал, что от него зависело, уехал и оставил мне, незначительному, в сравнении с его персоной, человеку сделать то, чего не сумел он. Поистине достойно подражания такое отношение к делу. А я тоже, не будь дураком, сделал, что было приказано, успокоился, не разузнал всего как следует, чтобы можно было потом оправдаться, уехал в Берлин, центр.

Сегодня еще один визит какого-то м[айор]а из трофейного отдела армии[73]. Встретились у майора Меньшенина. Все было тихо, спокойно. А в цеху разорался, начал стаканы бить, телефон бросил, заставил побледнеть, а потом и побелеть несчастного мастера. С немцами так, криком, не возьмешь, а он этого не понимает. Имел я и от него «скучную жизнь». Так все время: ждешь, авось еще кто явится, да повыше, да поплотней. Никуда не хожу, не езжу. Дожидаюсь скандалов и снятия с этой работы, как несправившегося. Ведь так проще начальству: и с больной головы свалить, и показать свою деловитость и строгость[74].

Станция Трептов[75].

Решил опять побаловать писаниной. Вчера, нет, теперь уже позавчера, был в Вельтене. Визит был кратким.

Почти ничего не успел сделать, однако претерпел много неприятностей в пути и по приезду в Кёпеник.

Дома (так называю теперь Вельтен-Базу) все по-старому. Так же пьянствует Полоскин и бузит безнаказанно (мне случилось, кстати, с ним ужинать за одним столом): я пришел первый, и мне подали раньше. Тогда он подозвал официанта и стал пробирать его нагло и грубо:

«Ты уважаешь старших?» – это относилось и ко мне, но я сделал вид, что не обратил внимания. Тогда он стал искать новых поводов; вернее, подавать повод для столкновения; и когда я говорил с майором Жарким, вмешался в разговор: «Гельфанд посоветует!», «Ждите, что Гельфанд скажет», но я и тут промолчал, хотя и надеялся на то, что майор не пройдет мимо этого факта.

По-прежнему плачет и жалуется капитан Панков и торгует приемниками и фотоаппаратами из военторга. Морщится Варавин (капитан, у которого в войну сбежала молодая жена), и бьет дичь начальству Солуянов (и – в почете). И все поголовно пьянствуют и орут.

Приехал голодный и ради того, чтоб покушать, напомнил Панкову о водке. Тот ухватился за стопочку, но закусить выложил селедку с луком (моя завонялась в дни отсутствия) – я был рад и этому. Пили, я подливал, сам стараясь держаться в рамках трезвости. Но вот язык развязался у моего собутыльника: начались надоевшие воспоминания о партсобрании, где его «обидели», о предшествовавшей всей этой истории драке, где у него «часы украли» и прочее. Нарочно я перевел разговор на радиоприемники.

Нечаянно и теперь уже я выбрал для себя лучшего из всего этого сборища Панкова. Он сам проболтался, что у него есть сало. Я принципиально потребовал поставить его на стол. Капитан колебался, но все же не устоял: выложил с килограмм жирного и соленого и сам стал резать тоненькие и маленькие слойки, чтобы и я следовал его примеру. Но чужого и притом такого вкусного – не жалко, и я нажимал на сало, как умел. Когда от куска сала осталась половина, я ушел к себе в комнату.

Там кавардак. Постель не застилается, вещи разбросаны – ведь я теперь вроде гостя всюду: две комнаты, два города, две среды и две обстановки. А сам я всего-навсего гастролер-курьер – такова моя жизнь в новых сложившихся условиях работы.

Но ни унывать, ни развлекаться не приходится. Все сложилось иначе, нежели думал я. Деньги вышли буквально до копейки, и теперь приходится за бритье, за пиво, за портреты, за мелочь всякую расплачиваться сигаретами. А вчера дело дошло до такого конфуза, что билет в кино взяли на меня девушки.

В Берлине все привлекает внимание: заманчивы вывески, заманчивы витрины, но, по сути дела, растрачиваешь деньги на пустяки – картинки, безделушки – без чего можно бы и обойтись. Но не в моей натуре.

В обоих городах (комнатах) беспорядок. В нескольких местах мои вещи: в Креммене – сапоги ремонтируются, в Хайликензе – поломанный велосипед: камера лопнула, бросил в кафе – на опеку хозяину; в Вельтене костюм «шьется» (и не обещают закончить),

в Берлине – брюки, а сам я весь изорвался в дорогах: их не счесть, изъезженных мною.

Впечатления набегают так стремительно, что при всем желании не зафиксировать их на бумаге.

Немцы наглеют. Стали не уважать нас, не боятся пакостить мелко, надоедать тошнотворно, приставать, попрошайничать и вообще почувствовали в нас добрых «камарадов», с которыми можно и запанибрата. У нас две тактики поведения здесь: официальная – корректная, человеческая, но твердая – оккупационная. Ей не во всем, не всегда и не везде следуют наши люди. И вторая тактика, основанная на негласных законах развития всех нас и каждого в отдельности человека. Иные выдержаны и культурны, но злы на немцев – испытали их жестокость. Есть кто избегает их и при случае подчеркивают свое пренебрежение к ним. Причем некоторые из этой группы людей умышленно не учатся говорить по-немецки; другие, напротив, стараются узнать их язык, нравы, среду и пополняют свои знания, как умеют, общаются с немцами и много разговаривают с ними, спорят даже по всем вопросам жизни. Такие люди вреда не приносят нашей политике на немецкой территории. Но есть другая категория людей – пьяницы, воры, хулиганы, психи. Эти, учиняя дебоши, подрывают авторитет. И третья категория – крайние либералы, не знавшие горя от гитлеровцев: здесь и любовь, и сожительство, и даже поклонение.

Все это разнообразие в уровне развития, поведении красноармейцев к местному населению и ведет к тому, что нас считают добрыми и простыми и вместе с тем грубыми и даже дикими людьми; нередко издеваются, хотя мы – хозяева-победители. Но эта тема достойна более глубокого анализа и рассмотрения, а не такого легкомысленного, как сейчас, – на ходу, в вагоне электропоезда.

21.04.1946

Вчера решил ехать за деньгами в Вельтен. Кстати сказать, познакомился в Берлине с одной интеллигентной семьей, и с тех пор жизнь моя в городе значительно просветлела. Случилось в немецком магазине обмена. Я отдал фотоаппарат за гармонику. Когда я уже хотел уходить, ко мне подошел старикан с бородкой и в очках и по-русски спросил, имею ли я еще одного – дочь хотела обменять на аккордеон. Я обрадовался – ребята (офицеры) просили достать аккордеон, а у меня было два фотоаппарата.

К нам подошла еще девушка, и мы разговорились. Я заметил, что страх не для меня, дочь говорит на ломаном русском языке, а отец совершенно чисто и свободно. Он уклонился от ответа. Пригласили оба приехать к ним.

Меня соблазнил аккордеон, и дня через два я постучался в дверь на третьем этаже, где по-русски было выгравировано «Ленский». Мне открыла девушка – совсем не та, с которой виделся в магазине и которая называла старика отцом. На чистейшем русском языке она спросила, к кому мне нужно. Я растерялся и застенчиво объяснил, что мой визит связан с фото и аккордеоном, и что мне указали адрес в магазине обмена.

Девушка была хороша и молода. Ее глаза умно и красиво смотрели на меня, надолго пригвоздив к месту, откуда я начал затем и стихи читать, и рассказывать эпизоды из жизни, пока не наступил час ночи.

Фотоаппарат оказался слабым и не подходил в сравнении с шикарным аккордеоном, который мне показали, но я не жалел особенно. Хозяин обещал научить меня фотографировать, девчата – танцевать, а я всему рад учиться.

И на другой день не преминул явиться к моим новым знакомым в гости. Ленские собирались в кино. Приглашали и меня, но деньги вышли, и было неудобно. Тем не менее уговорили. Пошли вчетвером: девушки, мамаша и я.

Ванда – так звать ту девушку, которую встретил в магазине, – была выпивши. Ее сопровождал до самого кинотеатра моряк-капитан Миша, который подпоил ее накануне. Ее белая шубка линяла, и капитан был весь в пуху, шутил, что ему в кармане нужно держать щетку. В кино, однако, было рано. Нам предстояло не менее часа ожидать начала сеанса. Вернулись к Ленским домой.

Мне надо было быть на заводе, так как должны были прийти машины за барабанами; надо было явиться и в комендатуру по служебным делам, а я, как маленький, увлекся, забылся.

Момент – и я был на колесах. Велосипедом заскочил в комендатуру, наскоро справился о делах.

22.04.1946

Жизнь вступила в новую фазу. Целый день провел с Диной Ленской (с Диночкой, даже в уме боюсь такого сильного названия) и с Вандой (еще не знаю ее фамилии). Девушки очень хорошие – редкость сейчас в обществе. Дина мне нравится, но сам я скучен и туп в разговоре, ничего не умею: ни танцевать, ни играть на гармошке, ни фотографировать, ни даже петь (пропал у меня голос). Недорослем не могу себя назвать – желание учиться всему, быть разносторонним человеком крепко зарубил в своем мозгу, но только одного желания мало, и оно ничего не прибавляет к моей характеристике.

Кроме того, я стал уродлив: голова маленькая с тех пор, как я подстригся, глаза чересчур уж впалые, нос длинный, как у Гоголя, а борода, как назло, жесткая и растет по секундам. И когда теперь мне

делают комплименты, говорят, что я красивый, могу ли я кому поверить – нет, конечно, так как жизнь моя для несчастий, а сам я для смеха и одурачиваний явился на свет.

Дина – умная девушка. Такой красивой поведением, такой веселой и приятной я не видел, и, если мне случится еще немного встречаться с ней, я умру от любви и горя. Ко мне она холодна (так чувствует самый кончик моего сердца), со мной она хитра и неискренна.

При ней я теряюсь и не нахожу слов, места и мыслей себе. Боюсь надоесть, не хочу быть противным. Если бы я только знал ее мысли, как дорого я бы отдал за их сокровение.

Сегодня днем я решил навестить квартиру Ленских. Встретили как всегда приветливо. Это было третье посещение новых моих знакомых. Дина сначала тоже сидела с нами (со мной и своим отцом), затем ушла в другую комнату, долго не появлялась. Ванда вышла, и когда я посмотрел ей в след, сказала: «Сейчас приду». Я решил отчаливать: надоел, мною недовольны. Стал одеваться. Выходит Дина: – Вы куда же? – Домой. – А мы с вами гулять собрались.

Холодно, и час ночи. Отложу.

Я был приятно удивлен и обрадован. А ведь, чудак, надумал уходить. Девчата предложили съездить в ресторан на Штеттинском вокзале.

Прогулка заняла много времени. Только в один конец надо было ехать по меньшей мере два с половиной часа. Но я не торопился и, хотя чувствовал себя неловко, смущался Диной, не заметил, как истек вечер.

Расщедрился, тем более что сам был голоден, на угощения. Но взяли недорого – 450 марок за троих – продукты подешевели.

Всю дорогу Дина вела себя очень элегантно, в ряде случаев проявляла редкую самостоятельность в ее возрасте. Посчитал ее идеалом – влопался почти до ушей. Она не подавала вида. Была со мной вежлива, приветлива, но держалась в отдалении, тем самым вызывая в моей голове массу раздумий. С ней и говорить было нелегко, но я оказался умницей и бестактности не проявил. Все были довольны. И Дина, рядом с которой я сидел, которая чувствовала себя не одной, и Ванда, по лицу которой скользили зависть и тоска.

К обеим девушкам приставали подвыпившие майоры, звали танцевать.

23.04.1946

Дина не выходит с головы. Ей посвятил все мои мысли и все мое время. Она славненькая, умная девушка. Нельзя назвать ее непревзойденной красавицей, но не любить ее нельзя хотя бы за ее умный

лоб, за ее тактичность и за то, что она так ласково, так приветливо умеет улыбаться. Мне с ней ужасно неудобно. Хочется рассказать о своем отношении к ней, приласкаться к ее нежному телу, но она умышленно остерегается любых напоминаний о чем-либо подобном.

Как-то раз мы вышли с Вандой и мамашей на улицу – собирались в кино. Ванду споил и вел под руки капитан-моряк, мамаша шла с краю, а я близко касался руками ее рук – рук Дины; было тесно, так что даже хотелось от неловкости поднять их над головой или за спину спрятать.

– Разрешите, я вас возьму под руку, – неуверенно спросил я у Дины.

Мать молчала, а девушка ответила: «Я не хочу под руку».

В другой раз, когда мы возвращались со Штеттинского ресторана, и по случайному стечению обстоятельств Ванда уехала, а мы, не успев, остались вдвоем, я спросил ее почему-то, поторопившись и не сформулировав, как следует, мысль, на последней остановке перед Адлерсхофом[76], где живут Ленские:

– А скажите, вы имели друга, настоящего, преданного мужчину?

– Хитер!

– А что, неуместно я спрашиваю?

– Это по́шло!

Я извинился и больше решил не задавать таких вопросов.

24.04.1946

Карлсхорст.

Узкая, качающаяся (на волнах) река с ровными желез[ом] уставленными берегами. Культурные пристан[и] сейчас разрушены (внутри скамейки, зеленые насаждения, катера, лодки). Многоэтажные, продырявленные здания и т. п. Дымовая завеса артобстрелов; артиллерия – на берегу [аэ]ростаты и [*одно слово нрзб*] по ним огро[мное] число переправившихся.

24.04.1946

Берлин. Кёпеник. 3 часа ночи.

Ну, вот и «Риголетто»[77] просмотрели. Ванда не пришла. Дина явно ко мне равнодушна. До двух часов ночи рассказывал и стихами и прозой о своей войне: родители слушали с воодушевлением, Дина дремала.

Женщина любит мужчину. А я показал себя перед Диной сентиментальным юнцом, не видевшим жизни. Она впечатлительная, с больной памятью девушка, с умом ясным, но заурядным. Я сильно соблазнился ее улыбкой и свежестью, позабыл остальное, расщедрился и на деньги, и на время, и все убил, а зря ведь.

К чему привело мое откровение? Она отвернулась от меня. Моя чистота душевная пришлась ей не по нраву. Теперь я понял, что возмущение, граничащее с высокомерным (чванливым), брезгливым негодованием неискренне, когда имеет место в ее лице. Только сегодня увидел ее глаза – бледные. Только сегодня полностью поймал ее мысли – я ей противен: она унесла в другую комнату принесенный мною журнал и осталась читать его, даже не выйдя попрощаться.

Отныне подвожу черту сумасбродству. Я не верю, что она не пробованная. Отец сегодня сам рассказал, что они были в оккупации.

Завтра к Ленским не пойду. Послезавтра на минуты. Буду сдержан. С Вандой[78] больше общаться стану. Брошу свою угодливость, раболепие перед этой мнимой красотой и кажущимся разумом.

Я заглянул в глубину своей души: что она вынесла из дома Ленских? Любовь? Пыл? Жар? Удовлетворение? Нет, только укор самолюбию и досаду на самого себя. А разве я хуже ее? Или хуже других мужчин, которым она, несомненно, симпатизирует, тридцатилетним, только за то, что они тверды, грубы и бесчувственны к настоящей человеческой красоте.

Вчера отец Дины фотографировал моим аппаратом. Дина ждала с нетерпением, пока он зарядит кинопленку, сфотографировалась первой, с гармошкой. Я предложил ей сфотографироваться вместе.

– Нет, вы лучше одни, а я тоже одна.

Потом, когда я сфотографировался, Дина подошла ко мне.

– Папа сфотографирует нас, что получится только полгармошки, половина головы.

– А вы станьте ближе, – предложил я.

– Нет, вы лучше сфотографируйтесь одни.

Только один раз вместе с мамашей сфотографировались, и мы с Диной, и то она поспешила надеть очки, а я, дурной, согласился еще так фотографироваться.

Сейчас пришел с кинофильма «Маскарад»[79] по Лермонтову. Вторично смотрел. Вначале, месяца три назад, по-русски. Сильно красивая вещь!

Приблизительно 27.04.1946

После продолжительного отсутствия (четыре дня) снова навестил квартиру Ленских. Вчера, правда, ездил к ним, но был зол предыдущим и, встретив Ванду, ушел с ней танцевать. Под конец, только в 11, вечером, заскочил к ним, но уже спали. Дина открыла дверь, спросив, почему поздно. Я нарочно подчеркнул: «Танцевал с Вандой!» – «Гм!» – вырвалось у нее вслух, и никто не помог, ничто не способствовало настоящей беседе, от которой люди ожидают счастья.

Ей ведь кажется, что, кроме нее, я ни с кем не должен хотеть беседовать, а тем более [*продолжение отсутствует*].

А ночь дышит глупостями, и глаза слипаются пустотой.

Я сегодня вел себя лучше. Выдерживал тон мужчины. Но сентиментальности не покинул и спешил поделиться своей одухотворенностью на балконе. К несчастью, нам часто мешали думать вслух. Дина сама предлагала танцевать и фотографироваться. У меня она взяла на память фотокарточку, и мне ее мать подарила. Дина говорила, что у нее хорошее настроение и чего-то ожидала от меня, безмолвного. Мои намеки принимала с болезненной подозрительностью, внимательностью.

С Вандой уже на «ты», бросается в глаза.

Сейчас два часа ночи.

[..].05.1946

Теперь я буду свободен и смогу в оставшиеся десять дней изъездить весь Берлин, побывать на старых местах, где воевал, где жил в прошлом году. Мечтаю посетить Бисдорф[80]. Это название связано со значительными воспоминаниями, оставшимися неизгладимыми: слезы отчаяния жестоко изнасилованной немки – красавицы молодой, горе ее родителей, мое вмешательство и помощь.

Подполковник сказал, чтоб я завтра был у него. Собирался вечерним поездом, но только ночь опередила мои намерения, внезапно подкравшись к Берлину и окутав его своим дыханием.

Решил визитнуть к Ленским. Мать была одна дома и рассказала, что Дина ушла с папой удить рыбу. Каково же мое удивление и досада были, когда, наконец, дождался отца, Дину и... Владимира Ивановича, того самого 35-летнего мужчину, которого Дина так страстно любит и предпочитает другим – и мне, несомненно. А ведь ей 19 лет.

Мужчина – моряк, ловко намекая родным, хочет склонить их, чтобы отдали Дину к нему на службу в качестве переводчицы. Родные отдадут! Так реагировали они при мне, что я и не мог подумать, что же [*продолжение отсутствует*].

Когда показал фотокарточки из моего аппарата, Дина попросила на память, но я отказал, пообещав из вежливости, «когда размножу». Решил не дарить ничего больше и родных не баловать своей щедростью. Так будет разумней, и я ничего не потеряю к тому, что уже потеряно мною, и чему цена неизмерима – время, мысли, переживания.

04.05.1946

Берлин.

Наконец, подполковник приехал. Он рассказал, что барабаны пока не нужны, но в один день могут прийти машины за всеми сразу.

Ругал за то, что я ему не позвонил на майские торжества и не сообщил насчет возникших у меня затруднений[81].

15.05.1946

Печальна жизнь, коль несчастлива любовь. Так у меня. С Диной бросил – переборол себя, сделал невероятные усилия над волей своей, и вот – охладел. Но надо же еще одному несчастью случиться!

И вздумалось мне съездить в Мариендорф[82], где год назад летом я познакомился и без успеха таскался к двум интересным и стройным молодым немкам. С одной гулял, воображая, что люблю ее, другую любил, воображая, что равнодушен к ней. Так длилось больше месяца. Между тем один боец-переводчик при политотделе по имени Алексей, вместе со мной пришедший однажды в тот дом, сумел завертеть мозги моей мечте, и та быстро поддалась и дала себя в его твердые руки. Он мне потом признался, что имел с ней сношения, причем уверен, что только человек, имевший контакт с женщиной, совсем до этого невинной, может рассчитывать на ее безграничную любовь. Я тогда вообще не имел представления обо всем этом и потому действительно верил и прислушивался.

17.05.1946

Станция Шёневайде[83].

Возобновляю записи после значительного перерыва. Вообще вернулся к прошлому. Вчера опять был у Ленских. Встретили, как никогда прежде, радостно, в особенности Дина. Вел я себя сдержанно – надоесть не успел. Времени было недостаточно – поторопился к восьми часам домой. Вышло, как и рассчитывал, – мое отсутствие повлияло к лучшему. Впрочем, она меня не любит, хотя, спасибо, и не брезгует мною, как мне казалось раньше.

Предложила сфотографироваться. Волосы у Дины порыжели, и сама она выцвела, по сравнению с первыми днями знакомства и первыми моими впечатлениями от него.

Высокая стройная Инга, молоденькая немка из Мариендорфа (теперь, спустя много времени, уже из Райсдорфа[84]), куда впервые ради нее я совершил визит, красивее и проще, хотя эта подвижней и душистей и, главное, русская. Обоим я не противен, но, что еще более вероятно, сердца обеих уже заняты. Владимир Иванович, величает меня иногда Дина и даже не замечает, что путает с кем-то другим.

22.05.1946

Поезда отнимают много времени. Ездить приходится почти ежедневно.

Решил кое-что приобрести. Уже пошил два костюма, но не за что было выкупить.

Сегодня продал сигареты и еду к портному. Фотофильмов теперь много. Есть и закрепитель, и проявитель. Снимки моим аппаратом неплохие, остается только научиться проявлять и закреплять, а для этого нужны подходящие условия: темная комнатка и фотограф-учитель. В Вельтене есть возможность заняться фото всерьез. Уже надоело в Берлине. Девушек не вижу, ни с кем не встречаюсь, хотя у нас на заводе их тысячи. Сами приносят цветы, ждут меня. Но время подводит. Почти всегда отсутствую – в разъездах.

Вот и сегодня одна чудная куколка настаивала, чтоб я был дома в четыре часа. Сейчас уже час дня, и я тороплю себя, поезд, сержусь на время, что не считается с моими нуждами и убегает так спешно в прошедшее.

Вчера фотографировал шоферов. Нарочно выбирал исторические места, и важно было для меня не этих чумазых крепышей запечатлеть на снимках, сколько Берлин во всей его пустоте и величии.

На днях встретил майора Ладовщика в Трептов-парке[85]. Он побывал в Днепропетровске, огорошил рассказом об исчезновении Шевченковского парка[86] и других чудных родных мест. Взял у него адрес, сфотографировал его. Решили переписываться.

В гастрономе встретил Гайдамакина. Он царствует безнаказанно на воле: пьет, гуляет и даже в партии. Успел заболеть сифилисом, а других всех болезней у него и раньше было хоть отбавляй. Хвастает своим образом жизни и новой должностью. Как глуп свет!

24.05.1946

Теперь с Диной покончено окончательно. Я убедился [*продолжение отсутствует*].

26.05.1946

Выходной день, и я снова в пути. Еду на Вельтен.

До предела насладился близостью с женщиной. Вкусил ласок предостаточно и всего, что только можно. А случилось так. Судьба подбросила меня в Трептов-парк, где я пошил костюм и где на фабрике «Акфа» достаю фотоматериал. Дорогой бросилась в глаза симпатичная девчонка. Два раза щелкнул фотоаппаратом. Заинтриговал ее то ли своей внешностью, то ли сделанным фото. Она быстро отбросила первоначальную мысль ехать в Грюнау[87], где пляж. Согласилась остаться в Трептове. Там я еще раза три сфотографировал девушку и ее подругу, с которой она живет. Затем втроем погуляли у речки. Я торопился и пробыл с ними недолго. Впереди еще было два визита к Инге в Рансдорф и к Дине в Адлерсхов.

Девушки обещали ждать до шести. Было два часа, и я полагал, что успею к этому времени вернуться в Трептов. На самом деле мое возвращение затянулось до семи, но девушки ждали меня. Я был очень обрадован их терпеливостью и благодарен за уже намечавшееся постоянство славненькой Лизелоты, так звали заинтересовавшую.

01.06.1946

И вот снова в дороге, но на сей раз в далекой, обещающей быть увлекательной и интересной, далекой, впечатлительной. Решительно оторвался от Берлина и прилегающих к нему городов, местечек.

Взору моему открываются чудесные картинки природы – горы, леса, реки. Такая яркая всюду земля, скалы и замки. Непостижимо слабообъемлющим человеческим глазом взять все это контрастировать в один прием. Веет Кавказом далеким, как все, что лежит по ту сторону пятилетнего тумана войны.

Еду в Веймар – город Гёте, город муз и памятников искусства[88].

Не спал эту ночь – собирался в дорогу. Вначале чувствовал переутомление и слабость, но теперь весь в окне, и даже больше того – где-то далеко впереди, в глубине природы.

Немец-кондуктор отвлекает меня, мои думы, переводит мой взор к другому окну, где медленно переворачивается и проплывает, как в сказке, красивый полуразрушенный замок Appolda[89] немецкой старины, весь в скалах, зелени. Я смотрю, пока он не исчезает бесследно, и долго держу его в воображении. Когда снова мой немец-спутник прерывает мои мысли, заискивающе улыбаясь, просит записать в дневник и, немного запнувшись, как будто лишившись дара речи почему-то, показывает сначала на губы, потом на свой пустой мундштук и ждет. Впечатление пропадает. Даю ему закурить и брезгливо отворачиваюсь от окна.

Снова клонит ко сну. До Веймара 16 километров. Сейчас остановились у красивого, церковной архитектуры городка, и снова вперед, навстречу неизведанному.

Веймар.

Какая здесь своеобразная архитектура, какая шикарная природа. Горы Тюрингии[90] – подумать только, и сюда, по воле случая, по прихоти шаловливого провидения, ступила моя нога.

Застал одну Шуру. Надя уехала в отпуск. При встрече дала себя знать отчужденность, которая оправдана всей непродолжительностью знакомства, ведь в разговоре мы никогда не называли друг друга на «ты», и только письма нас сблизили. Но затем в комнате, где на видном месте стоял мой портрет в рамке и где я встретил дружескую

заботу и внимание со стороны Шуры, вся напускная стеснительность пропала, и я почувствовал себя как дома.

Шура круглый день занята на службе. Пробовал отоспаться в счет прошедшей ночи, пока Шура отсутствовала, но днем не могу спать. Лежал, пока она не пришла, но затем ее опять позвали, и я один в комнате.

Пересмотрел фотокарточки. Из окна красивый вид на город и на возвышенность, мохнатую лесами. Кругом военные. Кажется, что их здесь больше, чем немцев, наших военнослужащих. На одном из красивейших зданий: «Военная администрация национальной провинции Тюрингия».

Пребывание здесь мое нелегально, могут забрать, и тогда на свой страх и риск. Но, думаю, пронесет опасность ветерком так пекущейся обо мне судьбы. Хочу и завтра остаться здесь, посмотреть, увидеть, и потом на Берлин.

Придется обойтись без Лейпцига[91].

04.06.1946

Берлин

Теперь нелишне отдаться воспоминаниям. Только что вернулся от Ленских – у них давно не был. Ждали нетерпеливо, но более чем уверен, не столь меня, как фотокарточек. И представь, дневник, их конфуз и разочарование, когда они увидели своего любимца Владимира Ивановича таким обезображенным и некрасивым. Выражая общее мнение – свое и матери (отец не разделяет их увлечения) – Дина заметила мне: «Почему Володя, вы лучше выходите на фотоснимках, чем Владимир Иванович? Или же вы нарочно так снимали?» Я не нашелся с ответом, хотя в душе хранил злорадство и удовольствие, – получилось так, как мне хотелось. Вступился отец и объяснил все просто: «Володя всегда спокоен, умеет фотографироваться, а вы с Владимиром Ивановичем все прыгаете». Ответ никого не удовлетворил, но и не обидел.

Пусть себе любится на здоровье. Я еще Дин таких немало найду в жизни. Сами будут проситься на ласки и любовь. И все-таки Динка чертовски интересна.

Надо было смотреть, с каким восторгом и цепкостью она ухватилась за фотокарточки, где был капитан. Как она их ласкала взором, руками и даже прижимала к губам; мать тоже – успел парень обоим закрутить головы.

Магнитны глаза у Дины – опять пригвоздили к месту. И я согласен был выслушать все: и тошнотворные старческие разглагольствования ее отца; и поцелуи, запечатленные на фотоснимках с Владимиром Ивановичем; и отсутствие Дины, когда она готовила чай, – за одну

улыбку, за теплое слово девушки. А все-таки мало, так мало она подарила таких минут.

Волосы у нее рыжие наполовину. Я не смею ее любить – для этого надо быть счастливым и старым если не годами, то жизнью и душой.

Теперь о Веймаре.

Мысль о писателе Никитине была главной в моей поездке. Девушки – потом, а если город – уж на третьем плане. В дорогу захватил с собой все наброски, даже письма, даже черновики – полный чемодан бумаги. Взял 14 фильмов. Захватил и хлеб, и масло, на случай если там тяжело с питанием. Рассчитывал проболтаться в Веймаре дня три-четыре. Хотел застать обеих девушек дома и непременно объясниться Никитину. Захватил даже журнал «Знамя», где в одной из рецензий жестко критиковался писатель за одну неудачную вещь[92].

Всю ночь не спал. Накануне приехала Лизелота, привезла белье со стирки, свои боли и страдания и запах женского тела. Помогала собираться в дорогу, и когда я, на всякий случай, незаметно вбросил в чемоданчик пачку из трех презервативов, ревниво вышвырнула их оттуда; спросила, зачем. Я покраснел и оправдывался, что по ошибке.

В два часа ночи купался. Лизелота не пошла со мной, осталась в комнате, и, вернувшись, я застал ее за наклеиванием в блокнотик фотокарточек моего изготовления.

Быстро разделись. Она – до половины, я – наголо. Тесно прижался к ней.

По телефону предупредил заводскую охрану, чтоб разбудили в шесть. Лизелота перехватила трубку и поправила меня – в пять.

Едва вздремнули, как наступило утро. Стали одеваться и, когда уже были готовы, зазвонил телефон.

Трудно добираться до Ангальтского вокзала[93] – потребовалось два часа. На полпути, у Александерплаца, Лизелота простилась со мной и обещала ждать у себя дома, когда я вернусь из Веймара.

Поезд уже стоял. Приехал перед самой отправкой. И потянулись семь часов усталого пути. Так пересекли Эльбу, множество других больших и мелководных речек: гладких, волнистых, бурных и ворчливых. Город сменили степи, степи ушли в леса, а те, последние, заползли на горы и там мохнатили скалистую землю.

Сердце стремилось наружу, где за окном, в полях и долах, жадно трудились люди, готовя себе пропитание к будущему.

Много деревень и городков. Все каменные. Архитектура менялась по мере приближения к Веймару.

Но вот Тюрингия, горная сельская земля. Галле[94], Апольда. Свои национальные флаги, своя отделка зданий: вся в узорах, в зелени и горах.

Сильно клонило ко сну. И спать невозможно было, ведь я оказался в другом мире, увидел другую жизнь, чем на протяжении целого года до этого. И радостно, и жутковато делалось, что вот далеко Берлин, что всюду речки и горы – совсем не то, что на людных столичных дорогах.

В Веймаре сходило много военных. Я, зажав в руках часть письма с адресом «... штрассе».

Улицу нашел быстро. Не очень-то присматривался к зданиям – первой мыслью было найти Шуру и Надю.

На указанной улице, в самом конце ее, увидел двух девушек, младших лейтенантов. Спросил переводчиц из пп.

– Тоже младшие лейтенанты, приехали из Берлина, – объяснил я второпях.

– А! Так это, наверное, из военной цензуры! Знаем. Пойдемте, покажем. – И они указали красивый, четырех-пятиэтажный, до самой крыши в винограде диком, зеленом, ползучем, дом.

Шура заметила в окно. Вышла и, еще не поздоровавшись, стала упрашивать своего начальника пропустить меня в дом.

Сразу были на «вы». Потом развеялось. Шура уложила меня в постель, сама ушла работать. Солдаты принесли обед: не хотелось, но съел в досаде на бессонницу. Часиков в семь Шура освободилась. Слегка прошлись по ближним улицам и ушли спать. Я – к одним военным, где договорились девушки обо мне на одну ночь.

07.06.1946

Читаю французскую газету на немецком языке – «Der Kurier»[95] и размышляю между строк о дипломатии, политике силы, зависимости, государственной самостоятельности и прочих разностях, в свете международных отношений сейчас, да и во время войны.

Как правильно, думаю, сделала моя страна, и как мудро рассудили наши рулевые на борту героически плывущего средь тех бурь и неисчислимых качек советского корабля, когда использовали военную ситуацию – мир с Германией и слабость нынешних союзников (тогдашних настороженных недружелюбцев Англии и Америки) – и поспешили укрепить и расширить наши границы на земле и на море путем возвращения Бессарабии и Черновиц с прилегающей областью, Западной Украины и Белоруссии, Балтийских стран и в Финляндии, Карельского перешейка с Выборгом. Что было бы, если бы у нас теперь не было бы этих территорий?[96] Теперь трудно было бы доказать твердолобым умникам (я говорю без кавычек – они по-своему умны и практичны) из-за рубежа в дипломатических мантиях законность воссоединения этих земель с нашей Родиной. Как трудно им вбить в голову справедливые и всегда, на мой взгляд, правые требования

и пожелания нашего правительства и всего нашего великого многонационального народа. Ведь насчет турецкой Армении мы даже не заикаемся[97]. Хотя всячески даем волю, поощряем сторонников объединения армян под флагом советской Армении у себя и особенно за рубежом; разжигаем, оставаясь в стороне, этот преткновенный вопрос. В начале войны все были заняты своими делами, думали о своей шкуре, нам было целесообразнее [*зачеркнуто, продолжение отсутствует*].

09.06.1946

Берлин, Кёпеник.

В поисках костюма. Где купить военный костюм? Вопрос ломал голову. Хочется одеться прилично, а отрез защитного цвета даже у немцев большая редкость. Снова решил навестить, чуть было не надувшего меня портного, что в Трептов-парке. Стал просить адреса, и он охотно написал мне три таких, чтоб отвязаться только. Под конец, когда я стал уходить, он предложил пройти с незнакомой немкой еще по одному адресу. Я согласился. Всю дорогу женщина расхваливала мне товар; между прочим, не забыла упомянуть, что он лучше и дороже того, который мне предлагался накануне. Одним словом, полностью раскрыла свои карты, дав понять, что она – маклер.

Нет, думаю, меня не проведешь, буду иметь дело с первоисточником, остальных и знать не хочу.

Между тем женщина, задыхаясь, поднялась со мной на пятый этаж, познакомила с молодой женщиной – хозяйкой дома – и разговор завела о сукне, о костюмах. Неожиданно я прервал на полуслове и прямо с ходу, как в хорошей битве, где хитрость и внезапность столь значимы, спросил, обращаясь к хозяйке:

– А сколько стоит?

Женщина, которая меня привела, опередила ответ собеседницы и поспешно почти крикнула:

– 1500!

Я понял, что дешевле уже хотя бы по тому виду, который выражало лицо хозяйки и по шепоту, которым тотчас же обменялись женщины. Но и это уже был успех моей дипломатической линии – портной оценивал материал в 1700–1800 марок.

Сделал вид, что я прост: обещал приехать, но не говорил, когда.

– Вы смотрите, обязательно заходите к геру Розе, – так звать портного, – и мы с вами пойдем сюда!

– Хорошо, хорошо, – молвил я, – иначе я и не мыслю поступить. А сам думал: – Нет, брешешь, не глупей я тебя, бабка. Выдала ты себя и всю свою комбинацию с головой и с первого раза.

На всякий случай решил записать адрес.

– Зачем он вам? Я хорошо знаю этот дом и квартиру!

– Может быть, я приду не вовремя, вас не застану?! – Крыть было нечем!

– Тогда шить приходите к геру Розе, – уцепилась она за последнее средство участия в сделке.

– Конечно, конечно! – успокоил спекулянтку и простился, когда они еще шептались с хозяйкой.

10.06.1946

Берлин.

Неожиданно наступило полное отупение рассудка. Дает себя знать не покидающий еще с довоенных времен недуг. Физическое состояние связано с умственным. Все парализовано. Руки отказываются работать, язык не согласен с разумом, и трудно говорить. Слабость и недомогание. Голова отяжелела, и письмо настоящее достигается высочайшим напряжением всех сил.

Не знаю, чего я наболтал майору. Он принял меня хорошо, угощал чаем. А я не смог ни есть, ни пить. Все наступило после выкуренной мною папиросы. И в голове как будто тысяча камней, а мысли вон. Я не пьян. А во мне все глупо и жестоко, как и от водки не бывает. О, когда наступит исцеление? Есть ли такой хирург-невропатолог или, не знаю, кто еще из врачей, который сумел бы освободить мою свежую мысль и пытливый ум от решеток, в которые их обрекла какая-то тайная необъяснимая болезнь, удерживающая меня на уровне самого среднего и самого посредственного человека. Превозмогая слабость и отчаяние, я должен поделиться с тобой, дневник. Мне тяжело и обидно. Зачем судьба наделила меня такой пакостью. Тяжелый туман давится в голове, жмет сознание и [*лист порван – одна строка нрзб*].

Вынужден отложить всю намеченную работу. Должен спать, а сейчас только десять часов.

17.06.1946

Проходя по одной из улиц, обратил внимание на большую толпу людей у забора. Люди подымались на цыпочки, заглядывали в щели и через головы. Заинтересовался и я. А когда, наконец, приоткрыли калитку, увидел по ту сторону забора два сгнивших и, если бы не скелеты, то обесформившихся комка человеческих тел. На одном из них торчала крепко вросшая в череп каска, обрывки обмундирования немецкого солдата. На другом, кроме скелета, ничего нельзя было различить. Из разговоров, подслушанных мною, узнал, что трупы были извлечены из-под обломков здания и, как явствует из состояния трупов и исторических событий, пролежали в земле более года. Немцы

сокрушенно встряхивали и медленно затем покачивали головами, вздыхали: «Кто их теперь узнает, бедные...»

Вчера в комендатуре района Кёпеник произошло очередное ЧП. Старшина, пьяный и запертый в комнате офицером, с которым выпивал, вывалился из окна здания, упал с третьего этажа на мостовую и разбился. Тоже, через год после войны...

23.06.1946

В конечном итоге два приличных костюма, один из которых сейчас на мне, обошлись, вместе с пошивкой, в две с половиной тысячи. Костюмы сменял на радиоприемник, который оценил в две тысячи марок.

Теперь назрела новая идея – фотоаппарат типа «Лейки»[98] за шесть тысяч, и радиоприемник-лилипутик в пять ламп за четыре тысячи марок. Обе вещи нужно приобрести любыми путями.

27.06.1946

И снова пишу в поезде, в Берлине.

Работу свою давно закончил. Пробыл здесь, в общей сложности, более трех месяцев. И все потому, что никто мною не интересовался, никто не спрашивал с меня по-деловому, но и не помогал мне[99].

Женщины долго не могли поколебать моего упрямства: я больше отдавался бумагам и чтению, читал я одни газеты: и русские, и вполовину доступные моему пониманию немецкие. Меня засыпàли письмами, всякого рода записками, стихами и прозой возвышенной. Мне улыбались на улицах, в трамвае, в поезде, махали руками из окон домов, кричали мне вслед ласково и призывно разными голосами и с разными лицами на ходу, когда я был на велосипеде. И если я вдруг отвечал на улыбку, светлели глаза, зажигались огнем и грустью, до слез отзывалось вокруг мое недовольство и мрачность. Мне стоило остановить немочку, сказать ей пару слов – она звездой загоралась и тухла от моей серьезности, была моя, и на все для меня соглашаясь с первого разу. Русскими я мало интересовался. Они здесь нарасхват и редкость. После Дины, которая так недоступна, уверенно стал тосковать о времени. Только под конец моего здесь пребывания соблазнился тремя по очереди, хотя не влопался, избалованный красотой.

И вот сейчас, когда я визитнул Кёпеник, застал кучу писем и записок со слезами и с вздохами, мольбами о жалости. Ну чем я им могу помочь?

Но об этом в другой раз.

29.06.1946

Хеннигсдорф.

Самый неприятный день в жизни – заболел гонореей. Боль, мучение и стыд унижения сжимали голову.

01.07.1946

Кремлен. Госпиталь.

Под влиянием Толстого, его «Войны и мира» и тяжело нависших мыслей о болезни, которые тщетно стараюсь отвлечь, вот, например, Толстым, но которые, тем не менее, гнетут и мозг и сердце. Хочется вспоминать прошлое, не всегда и не совсем беззаботное, но наивное и простое, как и все на земле весной.

Война пришла в мой мир большими неверными шагами, не так, как ушла всем знакомою уставшею стопою. Появилась, встала передо мной сильная, необъятная и полная таинств, неожиданностей. Трудно было увидеть, заглянуть в ее глубину, познать ее развитие, оборот. Так она стояла нерешительно, позволяя к себе привыкнуть, но не открываясь передо мной. Первые дни я был рад, был спокоен, уверен, что все хорошо закончится, и Германия с первых дней получит по заслугам. Благо, думал я, что, наконец, есть возможность разделаться с немцами, всегда врагами нашими злобными, сильными и коварными. Вот будет покончено с той опасностью, которой нам угрожал с первых дней этот агрессор. Я был насыщен патриотическими чувствами, не мыслил себе ничего другого, кроме поражения немцев, их отступления и разгрома. Все мне казалось так просто, и война, по моим положениям, должна кончиться радостно, счастливо.

Не задумываясь, ушел в колхоз. До двух месяцев дерзко трудился, собирая непосильный урожай. Потом эвакуация, бомбежки – война оскалила зубы и показала лицо свое. Страха не было – одна растерянность, недоумение.

Рытье окопов, тревоги ночные, самые ужасные стоны бабушки, крики женщин, тревога за мать. Желание видеть ее с собой, а не там, где заводы, бомбежки и тридцатикилометровое расстояние. С тоской отправлял ее на работу, радостно встречал по вечерам. Жизнь, однако, не улучшилась, горе не сплотило нас, нужда не заставила мириться, и семейные сцены-раздоры не без главного участия ворчливой злой бабушки не прекращались. Я был злораден. И умел раздражать своим смехом и кривлянием, но, с другой стороны, был жалостлив и предан ко всем без разбора, с чьей стороны замечал понимание и участие.

Мама нервная и тяжелая. Редко она могла приласкать меня так, как я любил прежде того, но почти всегда ругалась и была холодна. Сердцем я чувствовал, что она меня любит горячо и нежно, но умом такая любовь не укладывалась с ее таким отношением ко мне. В детстве я тоже балован не был душевной настоящей теплотой, но тогда я не встречал еще холодности жестокой со стороны матери, любовные чувства довлели над остальными, и потому скоро забывались и дикие побои (иногда головой о стенку), и злобные упреки, и бойкот всеми способами.

Ночь. Одолела бессонница. К мысли о триппере присоединилась другая, навеянная вычитанными брошюрами о сифилисе. Неужели и правда я так несчастлив, что жизнь меня не щадит и уничтожает еще более мерзким орудием своим?! Неужели да? Маленькая язвочка подходит под описание. Места не нахожу себе. Доктор целый день не приходил, а до утра еще не близко. Неизвестность хуже самого факта. Но лучше бы зверская неизвестность, чем ужасный факт. О, как тяжело и мыслить, и жить в этом мире...

02.07.1946

Данненвальде[100].

На приеме у врача в очереди ожидания. Сюда я когда-то привозил Юрченко. Теперь и самому довелось угодить сюда же. Дай бог, чтобы не сифилис, об одном молю с содроганием сердца и колючим дрожанием мускул.

Как я теперь буду умен и осторожен! Помилуй только меня судьба.

В обоих госпиталях сифилиса за мной не признают, однако я не жалею о потерянной ночи бессонной. Лучше пережить чувство страха, чем сам страх. Не жалею и о совершенной поездке по двум причинам: теперь я определюсь в госпиталь и буду подвергнут настоящему лечению. Анализ врачей меня наполовину успокоил.

Еду поездом. Из Нойштрелиц[101] до Берлина – 106 км. Но уже проехал Фюрстенберг[102], и осталось на два десятка километров меньше.

Теперь опять в Данненвальде. Куда теперь дальше – не знаю. Может, лучше остаться здесь? Или... нет, еду дальше. Река, лес, болото, а сквозь лес белеется шоссе. Как красиво!

Нойштрелиц – большой красивый город. В центре его теперь красивая бронзовая статуя – памятник воинам Красной армии. В огороженном вокруг статуи парке много могилок, братских и одиночных, из которых большая часть – безымянным героям: «Здесь похоронены красноармейцы, павшие смертью храбрых в боях за Советскую землю» или: «Здесь похоронен боец, павший в боях с немецкими фашистами». Статуя в центре изображает бойца с высоко поднятым знаменем, со звездой и с винтовкой. Сделана по образцу немецкой колонны Победы в Берлине, хотя размерами значительно меньше.

Только что на станции из вагона вынесли старуху. Она умирала, видимо, измученная толкотней и давкой в вагоне. Никто не подошел, не оказал ей помощь – ее положили на землю и ушли. С окон вагона любопытно смотрели на ее тело и прерывистое дыхание. Смотрели без жалости, без сострадания. Только какая-то безобразная горбатая девушка подошла, нагнулась, и когда поезд тронулся, я увидел, что она поит старуху водой.

Станция Гранзе[103]. Где-то недалеко должен быть Креммен, но теперь уж сходить не решаюсь.

Боль навевает тоску, желание отвлечься, но чем? Книгами? Уже прочел в эти два дня дороги и болезни четвертый том «Войны и мира» с комментариями; маленькие рассказы Дж. Лондона «Любовь к жизни», которые так ценил Ленин[104].

Красивый вид на поле у станции Буберов; жаль, не успел зарядить фотоаппарат. Сейчас вставляю пленку, пока поезд движется – это ведь тоже занятие, и отвлекает.

Женщины сейчас противны. Я не могу и боюсь переносить их присутствие. Поступаю сейчас весьма эгоистично, так как все отделение вагона на семь-восемь мест занимаю сам, немцев не впускаю – вагон воинский.

Гутен Гермендорф[105]. Здесь лес и поле с отдельными хатками и девушками, прячущимися в кустах. Я зарос пятидневной давностью. Немцы удивленно посматривают на меня, еле передвигающего ноги, молодого и старого вместе с тем, а я отворачиваюсь и злюсь в душе на себя и людей, на германскую землю, что наводнена теперь венерическими болезнями.

Доктор из госпиталя, Соломонник, меня подбадривал: «Что опустился? Тот не мужчина, кто не болел триппером. Ничего здесь страшного! Согнулся, опустился, зарос, как дед старый. Триппер – болезнь воина! А ты – офицер и мужчина!»

Сестра пообещала не пустить меня в госпиталь, если приеду небритый. Здесь чуткие, отзывчивые люди. У них надо лечиться, а не в бригадном лазарете, где даже санитарок заменили бойцами, редко, к тому же, заглядывающими в палаты.

Знакомая станция Грюнеберг[106]. Сюда я когда-то ехал с вертушкой, возил лес. Теперь до Ораниенбурга 20 километров.

Хочется пить. И, не смотря на жажду, совпадающую с настоятельными советами лекарей, всю дорогу не могу осуществить своего намерения – воды, воды, мелькает и остается на всех станциях; наивные мысли, но тщетно ищут глаза и мечтают губы... Воды нет. Еще речушка на подступах к Ораниенбургу. Как завидую тому мужчине, который только что, бодр и здоров, окунулся и выскочил из воды, и детям, которые так малы и не знают еще, как жестока и беспощадна жизнь.

03.07.1946

Берлин-Тегель[107].

Так и доехал я до Ораниенбурга, растерзанный мыслями о своем бедствии. Надо было успеть еще в Креммен, вовремя забрать аттестат и ехать обратно в госпиталь. Однако вследствие расхождения во

взглядах с судьбой та решила иначе – поезд на Кремменне шел, а автомашину невозможно было остановить на шоссе.

Кто-то из немцев посоветовал ехать электричкой до Шёнгольца, так как оттуда легко-де на поезде махнуть в Хеннигсдорф. Еще не все потеряно! – решил я. Лучше ведь ночевать дома, чем на улице.

Но и эта надежда не оправдалась. В Шоневайде был только в 11 часов, поезд мой запаздывал, а другой, что на Хайликензе из Штеттинского вокзала, не стал дожидаться, уехал. Оставались две крайние меры, ничего хорошего не прибавлявшие к моим неосуществленным мечтам:

1. Ехать на Берлин.
2. Оставаться в Шоневайде.

05.07.1946

Нойштрелиц. Госпитальная палата.

Сегодня, на восьмой день болезни, начинают впервые лечить меня. Наслушался рассказов о том, как скипидар оказывается испорченным, сырым, и о том, как разрезают то место, куда делалось вливание, и какая это мучительная боль, и как часто случается подобное явление. Признаться, набрался страхов.

Только что делали прижигание. На меня, человека, не искушенного в таких болезнях и впервые попавшего на лечение, произвело нужное действие. Но это начало. Сегодня еще укол. Самое страшное. Рассказывают: спать не смогу, грызть на себе все буду – уколы скипидарные.

Итак, сегодня получил спринцевание – $^1/_2$ ляпис. Теперь остается 40 % скипидар 1,0 гр., и затем 20,0 перемель по схеме. Таков рецепт врача.

Семь вечера. Получил скипидар. Товарищи говорят, что нужно ходить, чтобы рассосалось. Укол болит и чувствую, что уже набегает температура.

Зовут на ужин. Сейчас 7.30. Я еще могу ходить и стою на ногах. А кругом ходят толки и слухи. Из окна веет прохладой – выпал дождь, озеро посерело и сравнялось цветом с насупившимся небом.

Сегодня написал только четыре письма.

08.07.1946

Мне легче. Температура падает и поднимается и снова падает неравномерно и странным образом. Вчера вечером она у меня доходила до 39,6°; сегодня, в разное время, – 38,7, 37,9, 37,2, и сейчас, в шесть вечера – 38,3. Сесть не могу – лежать тяжело. Будто разбитый параличом лежу на животе, две подушки использую для почти неосуществимой цели – смягчить боль суставов, еще оставшуюся после уколов.

Три дня не кушал, сегодня впервые появился аппетит. За пять дней не было кала, и даже клизма не помогла. Сегодня же впервые освободился и от этих забот. Со вчерашнего дня стал принимать перемель: вчера – 12 штук, сегодня до 12 часов – десять штук (11 грамм), а всего нужно 20 грамм. Значит, завтра последний день лечения; потом начнутся всякие поверки, испытания, могущие продлиться очень долго.

Писать тяжело, оставлю до утра.

10.07.1946

11 вечера. Болезнь моя на последней стадии излечения. В 12 часов принимаю последнюю таблетку и тогда стану подвергаться исключительно проверочно-испытательным мероприятиям. Шестой день в постели. В первые четыре дня весь бок парализовало. Температура, правда, была не очень высокой – 37,8, 38–39 и временами – 39,6. Не знаю, как это отразится на ходе лечения; говорят, плохо, когда невысокая температура. Вчера и сегодня температура резко снизилась, не достигая 38,3, стало немного легче. Выделения прекратились с первого дня после принятия уколов. Однако позавчера утром, когда я еще не оправился, при легком нажатии головки показалось. Рези не было и сегодня, только после прижимания опять появились выделения.

В процедурном произошел неприятный случай со мной: ляпис, которым прижигали, не вышел сразу, а остался в мочевом пузыре. Только через два часа я от него освободился.

13.07.1946

Провокация.

Буж[108]. Прижигание однопроцентным ляписом, после обеда – молочный укол – вот те проверочные мероприятия, часть которых уже перенес. Остается укол. И тогда послезавтра скажутся результаты так называемой «первой провокации».

6 часов 30 минут. Только что принял укол. Пока не больно, лишь чуть поламывает. Зато скипидарный укол никак не оставляет в покое. Пишу, стоя на коленях в кровати, локтями рук упершись в изголовье. Боль и резь, кажется, состязаются между собой. Временами тяжелая, вдавливающая сила боли, утихая на месте укола, бросается ноющей резью в ногу и таз правой ноги, гнет мои кости, ломит их там безутешно.

Трудно лежать: правый бок и живот успели за восемь дней скипидара стать не менее чувствительными, чем больные части тела. Стоять тоже долго не могу. Ходить тяжело: появляется слабость и страшная жажда пить, а боль не покидает. Пять-шесть дней почти ничего не ел, только пил воду. Похудел в результате – предположитель-

но, килограмм на 10–15. В зеркале себя не узнал: глаза стали еще более впалыми, чем прежде, лицо тоньше, голова маленькой сделалась, а волосы падают клочьями. К тому же, появилась чесотка.

Много переживаний принесла мне маленькая язвочка на половом члене. Думал, сифилис. Она появилась внезапно (была безболезненной) задолго до последнего и рокового сношения с женщиной. Впервые заявил в бригадном санлазарете. Военфельдшер, толстый пожилой старший лейтенант с многолетним стажем работы, посмотрел и сказал, что это, вероятно, что-то другое, но уверять не решился в своем диагнозе и для проверки направил меня в специальный госпиталь в Донневальде. Там, однако, признали одну гонорею, и доктор прямо указал, что к настоящему времени болезнь (как он выразился по-латыни) не обнаружена. Я получил направление сюда, в госпиталь. От Донневальде надо было ехать 32 километра. И о возвращении в Креммен в тот день пришлось забыть. Но я решил не откладывать, ибо наслышался о плохом лечении в лазарете и о многом для меня неприятном.

16.07.1946

Много неприятностей доставил мне рейс в Креммен и обратно сюда. На попутных машинах, на поездах только к вечеру добрался до Ораниенбурга и там встретился с плохой новостью: поезд в Креммен не пойдет. Тогда решил останавливать попутные машины, но и здесь наткнулся на фиаско. И когда мне сказали, что со станции в сторону Берлина ходит электропоезд, решил ехать до станции Шоневайде, откуда можно пересесть на поезд, что на Хайликензе. Но только и здесь не вышло по моим расчетам. В Шоневайде приехал поздно. Последний поезд шел еще на Штеттинский вокзал. Решил ехать туда на ночлег. Однако все эти гостиницы и дома приезжих, о которых мне столько рассказывали, были далеко, и в них попасть можно было только через комендатуру.

Пришлось искать место на вокзале. Немцы спали на лестницах, на ступеньках у входа в метро и просто на каменном сыром полу, согнувшись и прижавшись друг к другу телом к телу. Меня подобная перспектива не радовала. Спустился вниз, на перрон. Однако поезда ушли в депо. Немцы-железнодорожники уговаривали подождать – через час должен прийти поезд последний, который должен был остаться здесь до 5 часов. Ко времени моего прихода на перрон было уже 12, но все-таки решил ждать – другого выхода не было. Прикорнул на лавчонке. Не спалось: думы приходили одна за другой, а потом пришел поезд. Я забрался в купе 1-го класса и сразу уснул на мягком сидении.

Разбудила суета, стук, движение. Было четыре часа, а поезд уже наполнялся людьми. Я вышел и опять прилег на скамейку, однако спать мне не дали. То на меня клали вещи; порой садились, не заметив при тусклом свете; а может, если учесть, что немцы нахальны, – нарочно.

Наутро с первым же поездом решил в Хейликензе. Но только сон одолел некстати, и прозевал станцию, спохватившись опять около Штеттинского [вокзала]. Тогда вновь поехал на Хейликензе, досадуя на 1,5 часа утерянного времени.

На Базе обрадовались: лишний офицер – лишний дежурный по части. Люди, страдающие от безделья, свыкшиеся с ним в кабаре и пивных, теперь не хотят даже дежурить. И, помню, Дрыгайт, ст[арший] л[ейтенан]т, встретил меня красной повязкой. Другие с радостью готовы были свалить на меня их работу – были довольны не мне, как человеку, но как единице в офицерской среде. Радость их омрачив в самом начале, я не задерживался и объявил, чтобы все слышали, что еду за аттестатом в Креммен и оттуда окончательно уже в госпиталь.

В санлазарете толстопузый его начальник удерживал меня и уговаривал, но я решил твердо и не сдавался, тогда он сам приказал выписать мне аттестат. Аттестатом моим воспользовались и там и здесь для различных экспериментов нехитрых. Там, например, написали так: «Исключен с довольствия четвертого числа, продукты получены по третье число», а выдать хотя бы сухим пайком причитающиеся мне продукты за сутки отказались. За четыре дня украли у меня сахар и мыло.

18.07.1946

Нойштрелиц. Госпиталь.

Вчера в последний раз был на приеме у врача. Вторая провокация так же, как и первая, признаков гонореи не обнаружила, и доктор Соломонник обещал меня выписать в пятницу, т. е. завтра.

Укол скипидара отнял у меня много здоровья и принес мне в дни своего действия сильную мучительнейшую боль. Десять дней я не умел ходить и почти столько же не подымался с постели. Пять суток не принимал пищу и страдал отсутствием стула. После приема перемели болезнь исчезла, но появились прыщики, по всем признакам подходящие под определение «чесотка». Доктор, однако, лишь посмеялся над моей мнительностью и назвал это простым раздражением и спасения не придумал. Теперь тело все чешется, в особенности место недавней болезни.

За мое здесь пребывание в качестве больного написал много писем адресатам. Почти все короткие, состоящие в основном из фотокарточек, от которых мне вдруг захотелось избавиться.

Мысль ослабела, отяжелел рассудок и, честно говоря, почти ничего полезного не придумал. Много читал книг и ослабил зрение.

Только что ощупал на месте скипидарного укола много бугорков. Снял штаны, посмотрел – сыпь, признаки сифилиса. Окончательно расстроен, жду утра, чтобы выяснить. Неужели он? Какой я несчастный! Опять!

19.07.1946

Нойштрелиц.

Выписывают меня после обеда, часа в три-четыре. Врач опять посмеялся, но все же выписал мазь, чтобы лечиться. Говорит, простое раздражение от разных причин: грелки и от компресса и проч. Не думал, что у меня такое нежное тело...

21.07.1946

Хеннигсдорф.

В поезде, дорóгой на Берлин.

Позавчера, когда я был еще в госпитальном халате, ко мне приехал Купцов. Оказывается, с Берлином до сих пор не рассчитались, запутались в полностью оформленных мною документах; деловые люди, нечего сказать – решили искать меня в госпитале!

Случайное совпадение в день выписки. Домой приехал поздно вечером, писем не очень много: три – от мамы, три – от Шуры с фотокарточками и по одному – от папы, от Софы Рабиной и А[ни] Короткиной. Вчера – от Нины К[аменовской], а ведь утекло немало дней – почти месяц!

До двух ночи (с двенадцати) писал ответы первым трем адресатам. Теперь решил только отвечать регулярно и подробно, но не унижаться, не надоедать первому.

В части к моему приходу прогремели слухи о том, что у меня двойная тяга и прочие ужасы, от которых еще тяжелей на сердце. Слухи, оказывается, распустил капитан Юрьев, наш начальник – авторитетный источник по единогласному решению офицеров. Со мной не хотят здороваться за руку, меня опасаются в столовой и так много рассказывают обо мне, что иной раз и сам начинаю сомневаться в себе и опасаться самого себя. Ведь это сказано не шутя, а совершенно официально на одной из «лекций», посвященной вензаболеваниям. Сказано для вескости, для красного словечка и еще для того, чтобы уничтожить меня еще заживо.

Утром сегодня не выдержал, пришел требовать к жене Юрьева – фельдшеру, чтобы направила в Олимпишесдорф на исследование анализ крови. Капитан встретил недовольно: «Что заслужил, то и носи!» – циничней нельзя выразиться. Но зачем же распространяют

слухи? Свое я выносил, приехал в часть полуживой после лечения, а меня боятся, как зачумленного.

24.07.1946

Берлин-Осткройц[109].

Все выходящие в Германии газеты немцы, подразделяя на русские, английские, американские, французские и партийные: коммунистические, социалистические, христианско-демократические, либеральные и другие, своими не считают.

Берлин-Райниккендорф[110]. Еду обратно в Хеннигсдорф. Накупил продуктов – по пальцам перечесть, а денег – 700 марок как не бывало. Теперь хорошо принимают немецкие, что при Гитлере имели хождение. У меня их было до пятисот – избавился.

Вишни свежие намокли и разорвали конверт. Надо было их ликвидировать, и я, при всей своей ставшей после болезни особенно утонченной брезгливости, не помыв их и не освежив рук, стал есть тут же на станции.

Эдакий сморчок подошел ко мне, плюгавенький ехидный немец и заглянул вначале с одной стороны, затем – с другой, поднявшись на цыпочки (он карлик ростом), улыбнулся заискивающе – что я ем? И когда я сердито спросил: «Чего вы хотите?» – отвернулся. Затем отошел, не меняя улыбки, – «Schmeckt gut?»[111], и долго потом крутил носом, нюхал и оглядывался вокруг своими маленькими, даже из-под очков, глазками так, что тошно стало в его присутствии. Долго плевался вишнями, испытывая единственное успокоение при виде этого человеческого безобразия. Но подошел поезд, и отлегло, забылось.

Вишен было много – не одолеть. К счастью, в вагоне оказались две девочки лет семи каждая. Они забавно играли в игру-отгадку, в которой, между прочим, были вопросы очень взрослые: «Твое сердце еще свободно?» и другие, так что невольно делалось смешно и забавно. Все вишни отдал им – уж они-то были рады!

Рядом едут французы – очень скромные и уважительные. Вошли, поприветствовали; один хорошо может по-немецки. Угостил их конфетами. Были рады. Давно, говорят, не ели таких.

Взвесился – 62 килограмма – ровно четыре потерял. Много, но значительно меньше, чем думал. Запустил бороду, усы, стал неузнаваем и постарел на вид. Парикмахер, у которого брился в Берлине, определил мне 30–35 лет! Оригинально!

Начальник Базы хитер на выдумки. Дал мне работенку – шесть полувагонов: вожу доски из Креммена в Хеннигсдорф. Дневной извозчик и охранник притом; нечего сказать, офицерская нагрузка! Езжу[112].

А дома у меня баба смешная, семнадцатилетняя. Печется о будущем; спрашивает, женюсь ли на ней. Третью ночь сплю с ней вместе. Скромничает, стесняется. Делает вид, что невинна и чиста. Бог весть, может и правда доля истины в этом.

Третий день не пишу писем. Головная боль, беспокойство, сифилиса боязнь лихорадочная. Каждый день ищу язвочки на теле и сыпь, но пока не нахожу, а утешения нет – злые мысли.

В Креммене получил направление в Нойруппин[113] на консультацию.

26.07.1946

Хеннигсдорф.

Пусть жестоко обижают люди, я тем доволен, что меня не обидела природа.

27.07.1946

Майор Корнеев попросил съездить в Берлин за сигаретами (во время работы!), взял на свою ответственность мое отсутствие из части. Мне, кстати, в Берлине еще много кое-чего предстоит сделать, и хотя устал и хочется побыть немного на месте, все же согласился.

Сейчас начало пятого. Хочу успеть в гастроном на Вайсензе и в комендатуру центральную насчет радиоприемника[114] (где она – еще даже не узнал точно), и затем в Трептов – за фотокарточками, в Кёпеник – отобрать у сапожника мои сапоги. Рано если выберусь, то загляну к Дине – то-то удивится, увидев меня с бородой!

Я теперь в стариканы записался: бородка у меня черная, выделяется и резко бросается в глаза. Видно, что я не стар, но и молодым меня не признают. Смотрят и улыбаются, а мне забавно: есть, чем удивить Европу, а казалось – она ко всему равнодушна и свыклась со всем.

Моя последняя привязанность, маленькая немочка Рут, просит побриться: «На тебя смотрят как на редкость. Эта мода с бородкой и усами отошла у нас в давность». – «Разве? Хорошо! Не будут любить и привязываться!»

28.07.1946

Хеннигсдорф.

День улыбнулся – сейчас начало двенадцатого, а мне еще много сделать.

Сыро на улице, идет дождь, и пасмурно у меня на душе – бесперспективность, пагубна теперь ее фигура.

28.07.1946

В детстве помню себя по фотокарточкам и по воспоминаниям родных. Круглый глазастый карапуз, я взбирался на возвышения и про-

износил [*нрзб*] речи путаным русско-украинским говорком. Люди хлопали в ладоши и носили меня по рукам[115].

Нежно любила меня молодая соседская женщина – тетя Феня. Она крепко обнимала и спрашивала, целуя: «А где Вовочка?» – «Який?» – в тон спрашивал я. – «А той, що купаэться»[116], – и указывала на [мал]енькую вихрастую речку Синюху[117], огибавшую где-то сбоку местечко.

В отдалении, далеко за Новоархангельском[118], где я родился и о котором веду речь, одиноко [*нрзб*]новилась крылатая мельница. Она непрерывно кру[тила] и пылила пустыми подсолнечными лушпайками. Пыль безраздельно властвовала в душном степном воздухе, [за] дыхалась от буйного разгула, а внутри мельницы горами гор, аж до самого деревянного потолка, были насыпаны еще живые семечки. Их доставляли все новыми и новыми возами и [возили].

29.07.1946

Хеннигсдорф.

Вот уже дней четыре–шесть побаливает голова слегка и беспрерывно. Чем это объяснить – склонен худшим истолковывать все. К моим опасениям прибавилось.

Сейчас опять еду в Кремменн. Вагон сошел с рельс и сейчас жду, пока его поправят.

Написал рапорт об отпуске[119] – расстроился. Как я беспомощен, и все ко мне безразличны.

Ко мне приехала Рут. Она сидит против меня, не спускает глаз, и мне досадно. Глупо как: ни любви, ни отрады в душе не осталось. Все унесло горе, тоска беспощадная и злоба. А голова болит, распадается и гнетет меня, так некстати познавшего свет.

Вечер. Весь день у меня Рут, а я в отлучке – работенка пустячная; не знаю даже, зачем мне ее дали, но отнимает много времени.

Сейчас партсобрание: странно, меня не предупредили, и я попал сюда случайно.

04.08.1946

I

Все плывет, плывет и тянется
Даль земли передо мной.
Куст мелькнет, порой оглянется
И взмахнет своей листвой.

А затем главой кудрявою
Навсегда сольется он
С елью, пихтой и дубравою
И ветвист и так зелен!

Шум колес ритмичной песнею
В такт мечтам моим звучит, –
Что же может быть чудеснее,
Чем страны любимой вид?

Я смотрю, смотрю без устали,
Широко раскрыв глаза,
Пусть давно исчез тот куст вдали...
Гнется, кланяясь, лоза.

Шепчет тополь там, колышется
Тонкий, стройный на ветру,
Щебет птичек еле слышится
Нам вдогонку поутру.

Ухожу, страна-красавица,
Жаль тебя мне покидать.
Суждено опять прославиться
И тебе, и мне, видать!

II
Дорожка лесом тянется
И тянется вперед...
Ни разу не оглянется –
А кто по ней идет.

Зеленую, волнистую
В уме своем несу.
Бежит она, где пни стоят,
Где сосны спят в лесу.

И так легко и весело
Дорожкой той идти! –
Сосна поклон отвесила
И встала на пути.

Кусты разлезлись в стороны:
– Пройти давно пора!
Вспорхнули где-то вороны
И вскрикнули: «Кра, кра!»

Люблю дорожку узкую
В таком густом лесу.

Люблю родную, русскую
Зеленую красу!

Лейтенант В. Гельфанд.

05.08.1946

В поезде давка: много народу собралось на вокзале: все хотят ехать, а мест не хватает. Немцы настойчивы, но боязливы. Лезут в окно, втискиваются в середину; аккуратней еще, чем селедка укладывается в бочку, – все равно все не вмещаются. Поезд один, вагонов мало – остаются. Для военнослужащих оккупационных войск отгорожена особая площадка; для немцев это – запретная зона. Они смотрят, соблазненные обилием пустых мест, трогают за двери, заглядывают в окна и уходят.

Но вдруг один смельчак решается пройти в середину и быстро усаживается прямо на полу в уголке вагона. Жест этот не остается незамеченным: тотчас в открытую дверь устремляется толпа народа, становится тесно. Все стоят, не решаясь коснуться свободных сидений. Так длится долго. Поезд минует ряд остановок, но и здесь без смельчака не обходится, и тогда все, как по команде, бросаются к скамейкам. Женщины оспаривают места мужчин: приводятся аргументы; и те, и другие ссылаются на работу, на утомление, доказывают, вынимают документы. Сидящий напротив немолодой немец в очках от солнца говорит:

– Немецкий юмор. Вы понимаете, о чем они спорят?

– Немножко, – отвечаю и продолжаю писать.

Вдруг появляется французский солдат и моментально очищает вагон.

Встал в 12 ч[асов] дня. До четырех накануне занимался писаниной. На работу поторопился, не умываясь, – думал, ругаться станут за опоздание, но где там! На Базе ни одного офицера. Бойцы разбрелись кто куда. Даже дежурный по части сержант, средний комсостав, занят – ему не до работы.

Покрутился у штаба. Было совестно и за себя, и за других, но затем, поразмыслив, ушел к себе. Дай, думаю, в Берлин съезжу. Пошел к начальнику просить разрешения. Тот был пьян, да так страшно, что я растерялся. Он обрадовался моему явлению, бросился меня целовать:

– Мой помощник! Жинка, смотри, мой помощник пришел.

А сам еле стоял на ногах. Лицо у него приняло тупое, почти дикое выражение и вместе с тем дурацки-доброе. Никогда я не видел таким майора.

– В Берлин хочешь? Езжай! Только выпей чарку! – Я отказывался, но безуспешно.

– Пей, пей, я говорю, – почти требовал он.

На меня действовал соблазн. Выпил рюмку, но больше – ни-ни! Надо было быть трезвым. Между тем шло время, я торопился, и надо было уйти незаметнее. Сфотографировал несколько раз самого начальника, его жену и ребенка. Два фильма израсходовал. Наконец, улучил момент, чтоб проститься. Майор вышел со мной вместе, завел меня в кухню и начал рассказывать о патриотах и трудолюбах его типа и о том, как, тем не менее, не ценят и обижают таких людей, «истинных коммунистов».

10.08.1946

Берлин.

По поводу транспорта для погрузки трансформаторов с электростанции был у старшего диспетчера района.

Поезд метро. С Панкова[120] на Потсдамский вокзал.

Теперь еду. Привык хотя ко всему, но удивляюсь: метро здесь в Берлине не соответствует полностью названию. Поезд часто выбегает из-под земли, а иногда даже забирается на мосты и там неоднократно встречают его станции, для видимости огороженные сплошным навесом, затемняющим весь перрон, и в то же время электричка убегает вниз и носится в тоннеле, навещая под землей ряд остановок. Потом опять и опять, меняясь ролями и назначениями, чередуются эти два поезда в пребывании под и над землей.

Немцы скупы и, как это ни обыденно, мне все же странно и трудно привыкнуть к их скряжничеству. Никогда немец не уронит, чтобы не поднять, одного пфеннига (меньше копейки, на русский рубль), никогда он не подарит без двойной выгоды для себя мельчайшей и пустячнейшей вещички. Никогда не пожертвует нищему более десяти пфеннигов и не уйдет от прилавка в точности, до гроша, не рассчитавшись.

11.08.1946

Мои наблюдения над здоровьем.

1. Ежедневная головная боль. В лежачем положении не столь ощущается.

2. Ломота суставов и на месте укола; тяжело передвигать ногами, общая слабость и жар.

3. Выпадение волос с головы, хотя коротко подстригся.

4. Первое время чесотка и прыщики по всему телу. Чирьи, раздражительность, особенно после бритья.

5. Коль в грудях.

6. Краснота глаз, кожи вечерами.

11.08.1946

На Базе. Взыскание «капитана». Капитан Ануфриев. Военторг. Новая квартира. Разговор по телефону: «Сними аппарат, или я у тебя его заберу». Мой ответ. Вмешательство высокого молокососа – начфина и антисемита. Крупный разговор. Деньги. Лида и немножко о ней (что говорил ее друг). Письмо Трегубенко и вкладыш. Дорога. Мое предложение. Вместе на велосипеде в дороге. Адрес. Разговор со старухой (махала руками); я ей ответил, когда спросила, где больше нравится: «Как вам это объяснить? Плохой гражданин – тот человек, который не любит своего Отечества, а еще плоше тот, который любит его меньше других стран». Ее риторическое восклицание: «Нет, этот не убивал женщин! Плох тот воин, который убивает женщин, настоящий воин дерется в открытом бою, бьет и побеждает достойно вооруженного противника».

17.08.1946

Капитан Модолевский демобилизуется и задал вечер. Нечаянно он пригласил и меня; впоследствии оказалось, что не ошибся. Благодарил.

Наши буяны, Мороз и Солуянов, чуть не передрались из-за утерянной пуговицы.

Кто-то из офицеров оскорбил немецкий народ. Женщина, что бывает у Модолевского, коммунистка-немка, хорошо владеющая польской речью, поняла, обиделась и ушла.

Оба вопроса я урегулировал, и наступил мир. Ушел я раньше других. Капитан благодарил и даже целовал.

По дороге домой встретил своего начальника майора Костюченко: ему нужно было стреляться[121]. Он вышел первым, перебив несколько рюмок с вином предварительно. Я хотел проводить его домой, но он наставил пистолет, выстрелил. Я понял, что сам он не убьется, и ушел, так как мог только усугубить все. Вдогонку – несколько выстрелов.

Я выпимши, но не без ума. Благополучно добрался домой и буду спать – ну их, свиней, к черту. Пусть дерутся, стреляются – от этого ни вреда, ни пользы. Вот жаль только, голова болит не переставая...

26.08.1946

Берлин.

Еду в Пилау[122] – порт на Балтийском море, недалеко от Калининграда-Кёнигсберга[123], Восточная Пруссия. Командировка длительная, транспорт длинный. А у меня – три бойца, разбалованные на базе. Результат: за два дня стоянки в Панкове стащили кубометра два досок[124].

Миновали Шонхаузер, Пренцлауэр Аллее, сейчас остановились на станции Вайсензе. Полдевятого. Темень легла над столом.

Еду через Кюстрин. У меня 37 вагонов с теплушкой и более 900 кубометров досок. Боец, которому поручил охранять доски и который в это время ушел в теплушку, сейчас, чувствуя свою вину за украденное, сидит на досках. Идет дождик; сопливый, вредный туман. На душе злость и отчаяние.

Два других солдата спят. Они беззаботны. Один успел объесться фруктов и сейчас болеет желудком. Другой – тихий, крепкий, с нежным голосом. Все ищут пожрать, да и у меня аппетит дьявольский.

Со всех сторон шныряют электрички. Прощай, Берлин! Покидаю тебя, залитого лампочками огня. Грустней грустного. Болит голова. Когда она перестанет?

27.08.1946

Всю ночь простояли в Панкове. Берлин никак не отпускает – любит? Или просто из-за своей сердитости? Дождь невыносимый, слизкий, как улитка.

Сейчас начало одиннадцатого. Успел съездить на велосипеде на «Акфу» и достать там десять фотопленок, проявитель и закрепитель. Сейчас обещают переправить нас на Руммельбург[125], а там опять стоянка – видимо, долгая и безотрадная. Скорей, Берлин, выпускай нас из своих цепких, широких объятий. Или ты хочешь в привязчивости своей посоперничать с маленькой немочкой Рут, измучившей своими признаниями, мольбами, увещеваниями и наивностью своей?

Кстати, о ней. В выходной ждал ее у себя, но был дождь, и она долго не приезжала. В полдень мы покинули Хеннигсдорф. Я знал, что мы едем на Панков-Шёнхаузер, и сказал хозяйке своего дома в надежде, что она передаст Рут. Так и случилось.

Когда уже совсем стемнело, на путях появилась маленькая блондинка в красном горбатеньком пальтишке, так сильно портящем ее фигурку, и я обрадовался, изумился и снова обрадовался, как никогда ей прежде. Она действительно доставила мне редкие минуты наслаждения и тепла. Спала со мной, не раздеваясь, ласкала меня и называла «Mein Engel», «Mein Sonne»[126] и прочее. Но к утру успела надоесть. И я под предлогом поездки в Трептов забрал ее с собой и простился в дороге.

Удивительное создание! Как она мила и приятна, когда ее нет, и как невыносима, когда ее присутствие ощутимо. Изо рта у нее несет, и пальто у нее противное, и слова неискренни, и выговор фальшив, и все мне не по вкусу в ней, не по нраву, когда она рядом. Но когда я один, становится скучно и в ласках, любви ее потребность ощущается невероятная. Вот и сейчас...

В окошко бьется-завывает враждебный скользкий ветер. Его пугает дождь, ударяющий равнодушным «цок-цок-цок» по крыше моей теплушки. Оба мне чужды, и оба стремятся вовнутрь. И немудрено – здесь топится печь, здесь много теплей и суше.

29.08.1946

Кюстрин-Кирицa[127].

Вечер. С крайнего рассвета стоим у границы – поляки не торопятся пропускать. Немцы бессильны что-либо сделать: поляки надменны и злы с ними, и железнодорожники Кирица, оскалившись, как цепные щенята, тщетно бранят железнодорожников Кюстрина. Русская же комендатура – на высоком пьедестале и в большинстве случаев занимает покровительственно-снисходительный нейтралитет – Польша-де, суверенная страна, ей все дозволено у себя дома.

30.08.1946

Вербиг[128].

Здесь предстоит длительная стоянка. Паровоз ушел. Лихтенберг[129] отвечает канцелярским тоном и часто бросает трубку.

31.08.1946

Вербиг.

В Кирице познакомился с двумя девушками-железнодорожницами, имел очень увлекательную беседу с ними и под конец сфотографировал несколько раз обеих. Девушки центральных районов Советского Союза. Одну зовут Олей, другую – Машей. Адрес дали, хотя знаю железнодорожниц весьма коротко.

После двухдневной стоянки, наконец, пришел ответ из Варшавы на запрос комендатуры о приеме моего транспорта. Пропускают через Штеттин[130]. Здесь, однако, задержали поезд, и когда я сообщил в Эберсвальде[131] по телефону, что (у меня нет коменданта вертушки), там отказались принять мой транспорт. Тогда позвонил в Лихтенберг. Комендант обещал ночью выслать офицера, ответственного за вагоны. Но наступило утро, за ним пришел полдень, а его все не было. Немцы нервничали, просили отпустить в ... на заправку углем и водой. Я чувствовал, что кроется в их просьбе другая причина, но не отпустить не мог – уголь действительно вышел. Они уехали всей бригадой, и это усугубило мои опасения, что паровоз не вернется. Так оно и случилось. Паровоз пришел на другой день, но за другим составом.

Выехали мы лишь третьего числа.

04.09.1946

Эберсвальде.

Большой городишко, окруженный лохматыми холмистыми возвышенностями. Не лишен красоты. Здесь не задерживаемся – сейчас отправляют, так что в город съездить не успел.

Сфотографировал лейтенанта – диспетчера железной дороги и записал у нее адрес. Сам город и людей на посадке в вагоны заснял несколько раз. «Теперь мы будем в газетах», – говорили немцы, ухмыляясь.

Впервые за три дня увидел русскую почту.

05.09.1946

Вольгаст[132].

В Вербиге простояли недолго. Я привез с собой Рут. Дорогой ее хотели забрать немецкие полисмены – она была у меня до моего отъезда.

Вольгаст – красивый город. Чистенькие, аккуратные улочки в центре залитые блестящим асфальтом. Беленькие людные домики, чистые, двух-, трехэтажные; высокая башня в глубине зданий, темный лес, церковь, электростанция, кино.

06.09.1946

Вольгаст – море.

Началось осуществление моей мечты. Конечная цель рисуется мне еще фантастической картинкой – столько препятствий и такая величина пути, что в счастливый исход мне все еще не верится.

Море пока еще внутреннее. По обе стороны – берега бугристые, придушенные лесом. Вольгаст все еще красуется на горизонте высокими трубами электростанции, башнями внутри города.

Двоих бойцов оставил – группой нельзя ездить. Они с теплушкой, наказал ее не отдавать. Все продукты оставил.

Со мной боец Мельник, из Каменец-Подольска[133] родом, недалеко – свезу его домой.

В путь взяли хлеб и колбасу, но не умрем с голоду. До Свинемюнде[134] 40 километров. Пароходик махонький и тащит три баржи. Так что туда приедем вечером. А до Пиллау километров 700. Страшно представить! Как и на чем я туда доберусь? А дальше – не слаже! Еще столько до Риги, а потом сушей не менее 1000 километров. Вот так поездка!

Захватил с собой много пленок, и виденное запечатлеваю неустанно. Вряд ли хватит до дому, а надо бы, чтоб хватило.

Капитан – забавный старик-немец. Он много видел, бывал в разных странах и свободно владеет французским и английским языком.

Мне он рассказывал о Японии, языком народов которой владеет. Был он и во Владивостоке в первую войну 1914 года. Воевал там в морской пехоте. У него мудрая усмешка и лукавые морщины. Везет с собой водку, намереваясь сбыть в Польше, где деньги ничего не значат. О поляках отзывается с ненавистью: они много насолили. Русские, говорит, завоевали Польше свободу, землю и независимость, но поляки легко забыли об этом – дерут нос и убивают красноармейцев и краснофлотцев. Будет война – немцы покажут полякам! Русские больше не вступятся! Тогда мы выгоним их на край света, а Польшу сотрем с лица земли.

Так думают все немцы, которых выселили поляки с земель на Восток от Одера. Немцы мечтают о перемене, которая, по их мнению, лежит через войну. Напрасные мечты! Не выйдет больше!

Здесь три молодых парня работают машинистами. Они с разных районов СССР. Остальная команда – все немцы. Парни с [19]29 года, но уже побывали всюду. Очень подвижные, веселые. Курят, насквозь татуированы и в совершенстве владеют морским жаргоном и привычками. Я перевожу им и обратно, что говорят немцы, и они от меня не отходят.

Здесь три немочки – дочери от персонала. Они некрасивые, но бойкие, как козы. С ними весь день балуются парняги.

Вдали виднеются Свинемюндские ворота. Едем в объезд, и, когда войдем в ворота, до города останется недалеко. Правее, чуть подальше на горизонте – Штеттинские ворота. Время – двадцать минут шестого.

07.09.1946

Свинемюнде.

Все здесь противно: и поляки, и часы ожидания, и товары в городе. И сам он маленький, со всех сторон окруженный морем, пароходами, набережной. Центр состоит из площади и ряда домиков, прилегающих к ней с разных улиц: красивых, зеленых, узких. Всюду снуют патрули наши в морской пехотинской форме, польские, петушиного вида. Проверяют документы, приглядываются. Продажа свободная розничная, не имеющая себе прецедента.

На улице подозвал меня любезный поляк, поздоровался и пригласил пройти к прилавку. Я внял его просьбе:

– Цо любите купить, проше пана!

Я поинтересовался ценой на виноград. Продавщица, жена услужливого поляка, вынула две грозди и начала расхваливать. Я молчал, пока мне не надоело слушать, но потом все же не вытерпел, дважды спросил, сколько стоит.

– Этот виноград, этот замечательный виноград стоит, всего-навсего, очень дешево – 20 злотых.

Чтобы уйти и отделаться, я сказал, что он, наверно, кислый. Она дала попробовать, и я действительно убедился, что виноград еще зелен. Ушел, а во рту было кисло не от винограда, а от всего польского, и больше ничего не хотелось здесь.

Поехал за город по лесной дороге, где люди (мне думалось) не ходят, где не торгуются, не продают, где свежий воздух и запах моря доступен легко и бесплатно. Но и здесь оказались заграждения проволочные, шлагбаумы, часовые, пушки на берегу, патрули. В одном месте мне удалось небольшой тропинкой выехать к морю и даже сфотографировать открытую безбрежную гладь воды. Первый раз я не увидел другого берега со Свинемюнде. Но неожиданно мне бросилась в глаза береговая артиллерия, шевелящиеся у пушек расчеты, и я быстро повернул обратно в город.

Продал отрез защитного цвета за 2000 марок.

08.09.1946

Штеттинское озеро.

В восемь утра выехал из Свинемюнде. Мечты и действительность далеки друг от друга. И вот еду обратно в... Вольгаст. Разочаровался в своей затее.

14.09.1946

Хеннигсдорф.

После командировки встретился с мрачной новостью – я оказался за штатом. Несколько дней раздумий и предположений, забот и гаданий. Сегодня мои мысли добрались до кульминационного пункта – я искурил полпачки сигарет. Хотелось кричать от тоски и одиночества. Не было выхода из этого вынужденного заточения за двумя границами от любимой земли.

И вот вечером неожиданная новость – еду домой. Демобилизуюсь... Я думал, меня высмеивают. Никому не хотел верить, пока майор официально не сказал об этом.

18.09.1946

Вчера барахольничал. Накупил перчаток, носков по несколько пар, много шляп и фуражек разных цветов – костюмы будут, раз есть чем накрыть голову. Радиоприемник не удалось приобрести. Теперь остается достать пишущую машинку и покрышки для велосипеда.

Рут надоедлива и слезлива. Любит меня страстной, но специфической любовью. Например, средств моих не щадит, и эгоистка: если

есть стакан воды Сельтерской[135] и вообще что-либо вкусное, съест до остатка – если только я ей предложу, конечно.

Сейчас в Берлине, в поезде. Немцы жуют и в вагоне, и на остановках – это какое-то семейство жвачных. Прилично одетые, представительные на вид люди медленно разворачивают слойку хлеба, аккуратно завернутую в газету и, не стесняясь, начинают подносить ко рту на виду у публики. С хлебом в зубах можно встретить и на улицах, и в уборной, и в поезде, и в трамвае, и в очереди, и у прилавка магазина, и в общественных местах, и в учреждениях, и во время работы в канцеляриях или на улице, возле кирпичей, угля, досок, где проходит погрузка. И вовсе не потому, что они голодны. Просто в силу утвердившегося здесь правила непрерывной заботы поддержания желудка.

19.09.1946

Берлин.

Теперь все разрешилось. Не без усердия преподобного Юрьева решили обвинить меня для формальности, т. е. сославшись на мою доверчивость, мягкосердечность (этот грех не скрываю за собой, но только в данном случае он напрасно вменяется мне в вину). Однако удерживать ни с кого не будут, так как решили зачислить недостаток в счет упаковки эшелона с трансформаторами, отправленного накануне.

Накупил много продуктов, две бутылки водки. Решил праздновать. Ушло около тысячи марок. Все есть: и закуска, и жир, и даже лук. Только вот о хлебе позабыл; не знаю, что теперь делать.

Немцы выручили: сменял буханку за одну пачку сигарет. Но, тем не менее, успокоение не пришло – людей будет много: не хватит на всех, а у меня поржавевшие сухари.

Еще одна неприятность – порвались пуговицы для подтяжек, а брюки-то широкие, сползают заметно книзу. Как я теперь доеду до Хеннигсдорфа? А там, в Хейликензе, у меня еще велосипед – морока и тяжба двойная.

Плащ продают за пять с половиной тысяч. Хороший, большой, новый, красной кожи. Хочется иметь – так хочется, аж слюнки текут, а деньги каши просят... Пишущую машинку приобрел – элегантную такую... Вот будет радость для мамы, и мне на пользу. Смогу печатать свои вещи. Она маленькая, в футлярчике, так что вместилась в один из моих чемоданов. Теперь у меня семь чемоданов, восьмой – маленький и две шинели, и велосипед, и радиоприемник, и столько мороки и забот впереди.

Германия, ты не приелась, но с удовольствием покидаю тебя, развратную и пустую. Ничего в тебе нет удивительного, ничего нет радостного. Но жизнь в тебе веселая и беззаботная, дешевая, много шума и болтовни. А Россия – я уже не помню, как она выглядит; не знаю, как живет и чем теперь интересна. Мне дорога ее земля, которую, кажется, как шоколад готов грызть без конца своими жадными зубами, лизать изломавшимся по-немецки языком, и жесткими губами целовать, умытую кровью и слезами. Нелегко будет мне, я знаю. Труд и здоровье отдам в жертву; рассудок и выносливость, и волю свою. Но добьюсь! Я так хочу, так нужно!

Жизнь повернулась ко мне лицом.

20.09.1946

Берлин.

И радостно, и скучно делается мне от разных мыслей. «Встречай, встречай, еду!» – хочу написать маме так коротко и так взволнованно! Действительно, мне подвезло, и на Базе меня зовут теперь «счастливчиком».

Сегодня наполучал продуктов... Доппаек выдали по 30. Подарок: мука, сахар, пакеты с печеньем, конфеты, сухой паек на путь следования. Теперь мне есть с чем потаскаться! Говорят, есть приказ у демобилизованных вещей не проверять в дороге. Я сильно думаю о машинке, чтобы ее, чего доброго, не отобрали.

26.09.1946

Берлин. Гезундбруннер[136].

Вчера нас подвели. Машина, которую выделили для четырех демобилизованных офицеров, уехала по какому-то преднамеренному подвоху всего с одним из нас, да и то с 25-й Бригады. Было очень обидно после всех наших напряженных усилий остаться и не успеть к поезду. Теперь нужно сидеть на чемоданах по меньшей мере два дня. Поезд прибудет во Франкфурт после выходного.

Пишу за цементной плитой на станции – своеобразной опорой для суетливых ног. Немцы тоже прислонились спинами, облокотились, читают. Я приехал сюда с моим теперешним спутником Купцовым. Время впереди. Нужно заботиться о чемоданах и разных приобретениях. У меня десять чемоданов маленьких, но тяжелых. Два мешка с барахлом, но девать вещей некуда. Хочется иметь меньше да покрупнее чемоданы, вот и пустился на поиски. Не достал.

Быстро стемнело, и время меня оставило. Надо попасть в Кремммен – там вещи на ночь бросать нельзя. Я поспешил на станцию. Поезд ушел незадолго до моего появления здесь. Придется ждать

45 минут. Выдержки хватит, занятие нашел для себя отвлекающее от уныния, только бы не прозевать кремменского поезда.

В одном месте подвернулся мне патефон. Просили недорого – 700 марок, но купить не смог – денег немецких нет. Отрез на плащ и подкладку для костюма сменял на сигары. Мне их выдали 150 штук взамен причитавшихся 45 пачек сигарет. Больше ничем похвалиться не могу.

К Дине мечтал заехать, но передумал. Не буду глупцом – уеду, не попрощавшись; не страшно, хотя и пообещал им. Они не стоят того.

С Купцовым расстался еще днем. Он уехал в Потсдам. Мы набегались, а даром. Чемоданов не сумели получить. Были дешевые по 16 марок, но по карточкам. Дорогие – по 500 марок, но дрянные и никчёмные. Деньги теперь уж не бросаю.

27.09.1946

Берлин.

Сегодня опять на берлинский рынок. Кое-чего надо приобрести. Возможно, с Германией больше не встречусь. В поезде напротив сидит француженка. Я угощаю ее конфетами.

01.10.1946

Варшава.

Большой-большой город, насколько можно окинуть взглядом. Поляки продают все. И откуда у них сейчас так много сала, водки, колбасы и шоколада?

Продал велосипед (500 злотых). Думал много, да только не ценятся деньги в этих краях. Поляки торгуют деньгами, продают отечественные польские и еще охотней покупают русские. Немецкие марки ценят вдвое дороже злотых. Сало недорогое – 100 рублей килограмм, а на злотые – 360. И ох, сколько набежало их к вагонам! Тьма-тьмущая! Чуть было не отдал фотоаппарат за часы и 500 марок, но передумал.

Скелеты домов не меняют очертания города. Издали выглядит он красиво и чуть величественно. Кажется мне, лучше Берлина. Дома здесь не такие ровные, прямые, бесформенные; напротив, они шиковатые, белые, нарядные. И только поблизости проглядывает их уродство и бестелость.

02.10.1946

Брест-Литовск[137], станция.

Не слышно немецкой речи. Всюду русское, всюду волнующее, странное, непривычное. Хочется плясать от восторга – я снова, и теперь уже навсегда, на родной земле.

Вещей у меня безобразно много. Знаю, все нужно, все понадобится, но столько хлопот и беспокойства доставляют они мне. Иногда пропадает мужество, и хочется все оставить на станции перед отъездом киевского поезда. Но так бывает редко. В основном одержим одной и естественной мечтой – довезти все, все вещи: восемь чемоданов небольших, но увесистых, два мешка и мешочек с мукой, скрипка и две сумочки-авоськи со всякими предметами первой необходимости. Для одного человека непосильно.

Носильщик хочет сыграть на моих трудностях: «Помогу вам погрузиться, можете не волноваться». Но задача не пустяшная. Нужно договориться заранее насчет оплаты.

Я пообещал 150 рублей и бутылку водки.

– Да что вы, шутите? За такую погрузку люди мне давали 500 рублей и затем кормили и поили до отвала.

Я не стал больше с ним говорить.

03.10.1946

Коростень[138].

Здесь высадил майора Костюченко. Простились на водке – он заказал в ресторане.

Большая красивая станция, забитая людьми. Так много народу сейчас ездит!

04.10.1946

Киев.

Город большой, бесконечный, издали похож на Варшаву.

Проводник вагона, девушка-киевлянка, всю ночь просидела у нас в купе. Она противно целуется, а так славная девчонка. Оставила мне свой адрес.

Корсунь-Шевченковский[139].

Я опять выпил. Скучно, холодно. Окна в купе выбиты, ветер хватает за душу.

Город похож на деревню: домики, домики, слабые, шаткие, деревянные.

05.10.1946

Вот и Днепродзержинск с широко разбросанными хатенками. Его нельзя назвать городом – такой он большой и грязный.

Станция Баглей[140] – первый трамвай на Украине: синий, нарядный, без стекол. Люди черные, в деревенском убранстве.

Днепр виден далеко, укутанный в белый песок. Мелкий и не такой широкий, как прежде.

Постройки, заводы. Долго тянется широкая полоса населенных пунктов вперемежку с горбатыми, изъеденными балками, полями. Уже не чаю увидеть моего любимца. Он еще за горизонтом, далеко впереди.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АХО – административно-хозяйственный отдел
АХЧ – административно-хозяйственная часть
БУП – боевой учебный план
в/в – военврач
в/ч, в. ч. – воинская часть
ВПП – военно-пересыльный пункт
гв. д. – гвардейская дивизия
гв. п. – гвардейский полк
ГВК – горвоенкомат
ГЛР – госпиталь для легкораненых
ГОКО – Государственный комитет обороны
ДОТ – долговременная огневая точка
ДПК – дивизионная парткомиссия
ЖБД – журнал боевых действий
ЗСП – запасной стрелковый полк
КП – командный пункт
КП – контрольный пункт
КПП – контрольно-пропускной пост (пункт)
МТО – материально-техническое обслуживание
НЗ – неприкосновенный запас
НК – народный комиссариат
НКО – Народный комиссариат обороны
НОО – начальник оперативного отдела
НП – наблюдательный пункт
НШ – начальник штаба
ОАБ – отдельная артиллерийская бригада
ОВС – обозно-вещевая служба
ОВС – отдел военного снабжения
ОД – оперативный дежурный
ОК – отдел кадров
ОП – огневая позиция
ОП – опорный пункт
ОП – оперативная часть
ОПРОС – отдельный полк резерва офицерского состава
ОТ – огневая точка
ОТБ – отдельная трофейная бригада
ПВО – противовоздушная оборона
ПНШ – помощник начальника штаба
ПП – пересыльный пункт, полевая почта

ППС – полевая почтовая станция
ППШ – 7,62-мм пистолет-пулемет образца 1941 г. системы Шпагина
ПСД – пункт сбора донесений
ПТР – противотанковые ружья
ПФС – продовольственно-фуражная служба
РВК – районный военный комиссариат (райвоенкомат)
РГВА – Российский государственный военный архив
РККА – Рабоче-крестьянская красная армия
сб – стрелковый батальон
сд – стрелковая дивизия
СНК СССР – Совет народных комиссаров СССР
сп – стрелковый полк
с/с – сельсовет (сельский совет)
ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза
тр. бр. – трофейная бригада
УР – укрепрайон (укрепленный район)

ПРИМЕЧАНИЯ

1941

[1] Койфман Берта Давыдовна (1924–2007), школьная подруга Вл. Гельфанда, с которой он состоял в переписке на протяжении всей войны. В 1949 г. она стала его женой.

[2] «Днепровская правда» – еженедельная газета, издававшаяся с 1938 г. в Днепропетровске. В номере за 26 апреля 1941 г. (№ 98. С. 4) было помещено сообщение «Очередной литературно-художественный воскресник», подписанное редакцией газеты «Більшовицька зміна» и областным отделением Союза советских писателей Украины: «Очередной литературно-художественный воскресник состоится 27 апреля в зале заседаний редакции газеты "Зоря" (проспект К. Маркса, 88). Начало ровно в час дня». В последующих номерах газеты отчетов об этом мероприятии найти не удалось.

[3] Уткин Иосиф Павлович (1903–1944), поэт, журналист. Участник Гражданской войны. Литературную деятельность начал в Иркутске. В середине 1920-х гг. по комсомольской путевке был послан учиться в Москву в Институт журналистики. В 1925 г. впустил поэму о переменах, принесенных революцией в жизнь еврейского местечка, – «Повесть о рыжем Мотэле...», которая была высоко оценена М. Горьким. В 1927 г. вышла «Первая книга стихов», в том же году был послан вместе с поэтами А. Жаровым и А. Безыменским за границу, побывав в гостях у Горького в Сорренто. В 1930-е гг. Уткин – один из наиболее популярных лирических поэтов того времени. Летом 1941 г. в ходе поездки по южным городам СССР посетил Днепропетровск.

[4] Союз советских писателей, созданный в 1934 г., членом которого был И. П. Уткин.

[5] Кирсанов Семен Исаакович (1906–1972), поэт. Был близок к В. В. Маяковскому, печатался в журнале «ЛЕФ». Активно публиковался в 1920-е гг. [книги «Опыты», «Зимние картинки» (1927), «Моя именинная» (1928), «Разговор с Фурмановым» (1928), «Последний современник», «Слово предоставляется Кирсанову» (1930)]. С начала 1930-х гг. писал в жанре стихотворной публицистики: сборники «Строки стройки» (1930), «Стихи в строю» (1932), поэма «Пятилетка» (1932) и др. В 1934 г. вступил в Союз писателей СССР. С середины 1930-х гг. к Кирсанову пришла всесоюзная известность. В 1936 г. принимал участие в поездке советских поэтов по странам Европы. В конце 1930-х гг. вернулся к лирике – сборники «Твоя поэма» (1937), «Мыс желания» (1938), «Поэма поэтов» (1939) и др.

[6] Еженедельная литературная и общественно-политическая газета. Выходила с апреля 1929 г. по инициативе М. Горького как орган Федерации объедине-

ний советских писателей. В 1932–1934 гг. – орган оргкомитетов Союза советских писателей СССР и РСФСР, после Первого съезда советских писателей (1934) – орган Правления СП СССР.

[7] Имеется в виду статья «Высокие требования: на конференции писателей краев и областей» (Литературная газета. 1941. 20 апр. № 16. С. 6), в которой цитировались, в том числе, и высказывания И. Уткина при обсуждении произведений советских поэтов. «<...> Н. Рыленков весь во власти литературной традиции, – говорит И. Уткин, – он скован железной силой ритма. Надо уважать классическую поэзию, но нельзя рабски подчиняться ее размерам. <...> Резкой, почти единодушной критике на конференции подверглись стихи Ивана Молчанова (Иркутск). <...> Наша задача, говорит в заключении заседания И. Уткин, – предостеречь т. Молчанова от благодушной самоуспокоенности, к которой привело его положение "ведущего" поэта в области. Все стихи т. Молчанова за последние 15 лет, по утверждению И. Уткина, идут за "календарем литературной моды" Поэт совершенно утратил творческое сопротивление шаблону. Критикуя композицию и форму стихов Молчанова, И. Уткин затронул общий дискуссионный вопрос о значении рифмы, вызвавший горячий принципиальный спор.<...>». Судя по газетному отчету, С. Кирсанов не выступал на этом писательском собрании. Возможно, Вл. Гельфанд спутал его с И. Эренбургом, после упоминания о котором в газете шел рассказ о выступлении И. Уткина.

[8] Лебедев-Кумач Василий Иванович (1898–1949), поэт. Автор слов многих популярных советских песен: «Марш веселых ребят» («Легко на сердце от песни веселой...», 1934; из кинофильма «Веселые ребята»; музыка И. О. Дунаевского), «Широка страна моя родная» (1936; из кинофильма «Цирк»; музыка И. О. Дунаевского), «Веселый ветер» (1936; из кинофильма «Дети капитана Гранта»; музыка И. О. Дунаевского), «Священная война» (1941; музыка А. В. Александрова) и др. Лауреат Сталинской премии (1941).

[9] Сумароков Александр Петрович (1717–1777), поэт, писатель, драматург, автор популярных любовных песен, расходившихся в списках.

[10] Мерзляков Алексей Федорович (1778–1830), литературный критик, переводчик, поэт, профессор Московского университета. Автор популярных песен и романсов: «Одиночество» («Среди долины ровныя»), «Я не думала ни о чем в свете тужить», «Чернобровой, черноглазой молодец удалой», «Ожиданье» («Тошно девице ждать мила друга») и др.

[11] Асеев Николай Николаевич (1889–1963), поэт. С 1914 г. – участник футуристической группы «Центрифуга» (членом которой был также Б. Л. Пастернак), с 1923 – объединения «ЛЕФ» (входил в «ближайший круг» друзей В. В. Маяковского), с 1934 г. – член Союза писателей СССР.

[12] Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович (1800–1844), поэт, друг А. С. Пушкина.

[13] Вероятно, речь идет о Самуиле Петровиче Ортенберге, который в 1930–1940 гг. заведовал учебной частью Еврейского индустриального техникума – единственного в СССР учебного заведения, где преподавание велось на идише. Помимо преподавания занимался литературной работой (в частности, написал статью «Пушкин в свете русской критики», выпущенную в юбилейном для поэта 1937 г.), печатался в журналах и газетах, участвовал в еврейской обще-

ственной и культурной жизни. Дневниковые записи Ортенберга были изданы его сыном под названием «Ткань жизни» (Иерусалим, 2004). Ее журнальный вариант опубликован в сборнике «Время искать» (2006. № 11). См.: URL: http://gorodinfo.org.ua/blog/racshiryem_krugozor/2721.html; http://newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=1872

[14] Двоюродная сестра Вл. Гельфанда, дочь Евы (урожд. Городынской) и Анатолия Штуль.

[15] В июне 1941 г. Малый театр выехал на гастроли на Украину, разделившись там на две группы. Одна часть труппы начала гастрольную поездку в Днепропетровске, другая – на Западной Украине. Предыдущие гастроли Малого театра в Днепропетровске состоялись в 1936 г. В этот раз театр привез спектакли «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Волки и овцы» и «Правда хорошо, а счастье лучше» А. Н. Островского, «Свадьба Кречинского» А. В. Сухово-Кобылина, «Стакан воды» Э. Скриба и «Слава» В. Гусева. Гастроли театра подробно освещались местной прессой. См., напр.: Большой успех гастролей Малого театра // Днепровская правда. 1941. 24 июня. № 145 («...За прошедшие 19 дней Малый театр дал в Днепропетровске 22 спектакля, которые посетило около 35 тысяч зрителей. Гастроли Малого театра продлятся до 28 июня...»).

[16] Комедия А. Н. Островского «Правда – хорошо, а счастье лучше» была поставлена в филиале Малого театра в сезон 1940/41 гг. всего за несколько месяцев до начала гастролей (реж. Б. И. Никольский, худ. Б. Г. Кноблок). См. рецензию на спектакль: Бейлинов Ал. ««Правда хорошо, а счастье лучше» (спектакль московского Малого театра)» // Днепровская правда. 1941. 22 июня. № 145.

[17] Русский драматический театр Днепропетровска основан в 1927 г. на базе труппы московского Малого театра, гастролировавшего тогда в городе. Располагался в бывшем Зимнем театре, построенном в 1906–1907 гг. В конце 1920 – начале 1930-х гг. в театре ставили почти все пьесы М. Горького, в связи с чем в 1934 г. ему было присвоено имя писателя.

[18] 22 июня 1941 г. в полдень народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов выступил по радио с сообщением, в котором он впервые официально объявил о нападении Германии на Советский Союз и начале Отечественной войны. На следующий день это обращение было опубликовано во всех газетах с портретом Сталина, помещенным рядом с текстом. Обращение к «гражданам и гражданкам Советского Союза» заканчивалось словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

[19] Рабфак (рабочий факультет) – в 1919–1940 гг. – общеобразовательное учебное заведение для подготовки в высшие учебные заведения рабочей и крестьянской молодежи, не имевшей среднего образования.

[20] В семейном архиве сохранилась характеристика, выданная Вл. Гельфанду в связи с его работой в совхозе [здесь и далее документы цитируются по архиву В. Вл. Гельфанда (Берлин)].

«Характеристика

Дана настоящая тов. Гельфанду Владимиру Натановичу в том, что он за время пребывания с комсомольской организацией Днепропетровского индустриального рабфака на уборочной кампании в совхозе имени Нансена проявил себя активным, политически выдержанным комсомольцем.

Тов. Гельфанд хорошо работал, стараясь всячески помочь родине.
Ст[арший] агроном совхоза [*подпись нрзб*]
Секретарь комитета комсомола
Днепр[опетровского] индустр[иального] рабфака Кушнер
23/VII–41 г.»

[21] Вл. Гельфанд успел покинуть город за неделю до его оккупации 25 августа 1941 г.

[22] Днепропетровский индустриальный рабфак, в котором Вл. Гельфанд успел проучиться три года до начала войны.

[23] Житомир был сдан 9 июля, Смоленск и Белая Церковь – 16 июля, Коростень – 8 августа, Гомель – 19 августа 1941 г.

[24] В 1941 г. при населении в 543 тыс. человек в Днепропетровске насчитывалось около 150 промышленных предприятий, в том числе металлургический завод им. Петровского, трубопрокатный завод им. Ленина и многие др.

[25] Домик Лермонтова (Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова в Пятигорске) был открыт в 1912 г. в доме, где поэт жил с конца мая до своей гибели 15 июля 1841 г. За исключением одного предмета – круглого преддиванного столика – подлинная обстановка комнат не сохранилась и после открытия музея постепенно пополнялась вещами лермонтовского времени. Активная научно-собирательская деятельность музея относится как раз к периоду 1930-х гг. В настоящее время дом-музей насчитывает свыше 7000 экспонатов (принадлежавшие Лермонтову вещи, изобразительные и документальные материалы, портреты лиц из окружения поэта, иллюстрации, картины и рисунки, в т. ч. известных художников: И. Е. Репина, В. А. Серова, К. А. Савицкого, Л. О. Пастернака, Д. Н. Кардовского, Б. М. Кустодиева и др.).

[26] Заведующий педагогической частью.

[27] Альбертон Меер Иосифович (1900–1947), еврейский писатель. Родился на Украине. Учился в Горном институте в Днепропетровске. После окончания учебы работал горным инженером. Начало литературной деятельности относится к 1926 г. Публиковал рассказы в еврейских журналах «Пролит», «Ди роте велт» и других изданиях. Альбертон первым в еврейской послереволюционной литературе ввел производственную тематику, показал перестройку еврейского жизненного уклада, создал образы рабочих, приехавших из еврейских местечек на заводы и фабрики: рассказ «Федор Зубков» (1927) и др., роман «Шахты» (1929), пьеса «Роман Цат» (1930), сборники очерков о донбасских и уральских рабочих «Без вымысла» (1941; 2-е изд. 1947). Читательским успехом пользовались его путевые очерки «Биробиджан» (1929), переиздававшиеся несколько раз.

[28] Гельфанд Полина Соломоновна, сестра отца Вл. Гельфанда.

[29] Бабушка по отцу, мать Натана, Полины, Бузи, Льва и Исаака Гельфанд.

[30] Имеется в виду всевобуч (всеобщее военное обучение) – система обязательной военной подготовки граждан, существовавшая в РСФСР и Советском Союзе с 1918 по 1923 г. и возобновленная после начала Великой Отечественной войны. 17 сентября1941 г. Государственный комитет обороны СССР издал приказ «Всеобщая воинская подготовка граждан СССР», вступивший в силу 1 октября того же года. Он предусматривал обязательную 110-часовую военную подготовку мужчин от 16 до 50 лет без отрыва от работы.

[31] Так в тексте.

[32] Новый дисциплинарный устав РККА был принят 12 октября 1940 г. взамен предыдущего устава 1925 г. РККА – Рабоче-крестьянская красная армия. Официальное название Вооруженных сил Советской России и СССР с 1918 по 1946 г.

[33] Преподаватель военного дела в школах, средних специальных и профессионально-технических учебных заведениях.

[34] «Златые горы» (1931; режиссер – С. И. Юткевич; автор сценария – Л. О. Арнштам и др.; композитор – Д. Д. Шостакович; в фильме снимались Б. М. Тенин и Л. А. Кмит, прославившийся ролью ординарца Петьки в фильме «Чапаев»). Действие фильма, посвященного забастовочному движению и революционной борьбе петербургских рабочих, происходит в 1914 г.

[35] Гельфанд Бузя Соломоновна, тетя В. Н. Гельфанда, сестра его отца.

[36] Сведения о ленинградских родственниках приходили в письмах, получаемых от них. Вл. Гельфанд неоднократно сообщал о них матери. 15 января 1942 г.: «В Ленинграде жить сейчас очень трудно, в смысле питания, они пишут, что получают 150 грамм хлеба, а картошки и мяса совсем не видят. Тети Бузин муж призван в армию, кажется – командиром». 5 февраля 1942 г.: «От тети Бузи получилось письмо. Им очень тяжело. Полписьма уничтожено цензурой. Но даже то, что не было уничтожено и дошло до нас, заставляет много тревожиться об их судьбе. Хлеба они получают 125 грамм в день, крупы 25, 25 грамм мяса, 35 грамм конфет. Больше ничего другого они не видят из пищи, и денег просто не на что тратить. Уехать пока оттуда нет возможности, хотя Нюре обещали эвакуацию вместе с институтом не то на Урал, не то на Кавказ. Но когда это – неизвестно. Нюра пишет, что похудела до неузнаваемости, и все платья стали на нее велики: вдвое шире. Кушают раз в день. Плохо кушают. Воды тоже нет, и каждый день голодные ленинградцы очищают после работы или учебы несколько часов подряд снег на улицах...». 11 февраля 1942 г.: «От Нюрочки было письмо. Им очень тяжело живется. Ленинград блокируют немцы, и туда очень трудно доставлять продукты. Они получают 125 грамм хлеба в день и почти ничего больше. Немного конфет (35 грамм, кажется), крупы (25 грамм) на 10 дней! Ждем их изо дня в день, может, вырвутся оттуда. Они настолько похудели, что не хотят прислать по моей просьбе своих фотокарточек. Все платья на них вдвое свободней стали, а сами они настолько истощали, что с трудом передвигаются. Но они твердо уверены в победе и верят в возможность эвакуации. Муж тети Бузи служит во флоте и находится в городе». [Здесь и далее письма цитируются по личному архиву В. Вл. Гельфанда (Берлин)].

[37] Жена Ильи Владимировича Городынского (дяди Люси).

[38] Городынский Илья Владимирович (1903–1985), брат матери Вл. Гельфанда. Родился в селе Покотилово Полтавской области, учился на рабфаке в Днепропетровске, затем в Московском инженерно-строительном институте. С 1942 по ноябрь 1943 г. в Красной армии, был контужен, после чего комиссован.

[39] Городынская Надежда Владимировна (1902–1982), до революции училась в гимназии. В гражданскую войну была санитаркой в Красной армии. По ее словам, была принята в партию из-за того, что «хорошо спасала раненых». Впоследствии, вероятно, в ходе одной из чисток, была исключена из партии за пассивность. Приблизительно в 1920 г. переехала в Москву. Как член ВКП(б), к тому же умеющая печатать на машинке, она была принята на работу в Кремль

машинисткой, где, согласно семейной легенде, даже разговаривала с Лениным. Затем работала непродолжительное время секретарем-машинисткой в военно-морском штабе, откуда перевелась в Киев, работала секретарем директора в одном из хозяйственных учреждений. После этого уехала в местечко под Уманью, где жили ее родители, и вышла замуж за Натана Соломоновича Гельфанда. После свадьбы переехала с мужем в Днепродзержинск (муж ее сестры – Анны Владимировны Городынской, главный инженер завода, устроил ее секретарем директора), а затем, за несколько лет до войны – в Днепропетровск, где она работала секретарем отдела кадров Днепропетровского трубопрокатного завода им. Ленина. После начала войны эвакуировалась в Среднюю Азию, а затем в Магнитогорск.

[40] Ежедневно, начиная с конца августа, оперативные сводки Совинформбюро сообщали о том, что «наши войска продолжали вести бои с противником на всем фронте».

[41] Блокада города началась 8 сентября 1941 г., когда немецкие войска группы «Север» захватили Шлиссельбург (Петрокрепость), тем самым блокировав Ленинград с суши.

[42] Племянница Н. С. Гельфанда, дочь Б. С. Гельфанд.

[43] Формирование народного ополчения началось практически сразу после начала Великой Отечественной войны. Так, 26 июня 1941 г. в ЦК ВКП(б) состоялось первое обсуждение этого вопроса. 4 июля вышло постановление ГКО (Государственного комитета обороны) «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения». В ополчение вступали люди различных профессий и возрастов, не подлежавшие мобилизации или призыву. Крупные заводы, фабрики и учреждения формировали целые подразделения народного ополчения.

[44] Городынская Анна Владимировна, сестра матери Вл. Гельфанда, врач. Во время войны находилась в эвакуации вместе с другими родственниками в Магнитогорске.

[45] Городынский Семен Владимирович (р. 1905). Во время войны был с семьей в эвакуации в Магнитогорске, где работал на металлургическом комбинате.

[46] Город в Оренбургской области. В годы войны в Орск было вывезено 28 предприятий и учреждений, работали 8 госпиталей. В город были эвакуированы десятки тысяч людей (в этот же период в него были сосланы тысячи немцев-спецпереселенцев), многие из которых остались здесь жить после окончания войны. За военные годы население Орска выросло в два раза (с 66 тыс. по переписи 1939 г. до 131 тыс.).

[47] Фундаментальный труд классика военного искусства Карла Филиппа Готтлиба фон Клаузевица (1780–1831), впервые опубликованный в 1832 г. Вероятно, речь идет об издании «Госвоениздата» 1934 г.

[48] Гельфанд Натан Соломонович (1894–1974), рабочий. В анкете при вступлении в партию Вл. Гельфанд указал, что до революции отец работал стекольщиком [см. прим. 144 (1943)].

[49] Советские войска оставили Орел 3 октября 1941 г. (Сообщение Совинформбюро от 8 октября 1941 г.)

[50] Речь идет о Вяземской оборонительной операции, продолжавшейся со 2 по 13 октября 1941 г., которую впоследствии окрестили «Вяземским котлом».

В результате этих боев Красная армия понесла огромные потери, по некоторым данным, только пленными – боле 600 тыс. человек.

[51] Аня, двоюродная сестра В. Н. Гельфанда, дочь тети Поли (П. С. Гельфанд).

[52] Гельфанд Исаак Соломонович, брат Н. С. Гельфанда.

[53] Центральный парккультуры и отдыха Днепропетровска, одно из главных мест отдыха горожан. С 1790-х до 1925 г. – Потемкинский сад. В результате реконструкции 1925 – середины 1930-х гг. превращен в Парк культуры и отдыха имени Т. Г. Шевченко.

[54] Брянск был оккупирован немецкими войсками 6, Вязьма – 7, Мариуполь – 8 октября 1941 г. (Сводка Совинформбюро сообщила об этом соответственно 12, 13 и 14 октября.)

[55] В утренней сводке Совинформбюро за 13 октября 1941 г. сообщалось: «В окрестностях города Днепропетровска идет неутихающая партизанская война против фашистских захватчиков. Здесь оперируют сильные подвижные партизанские отряды. Отряд под командованием тов. М. неутомимо преследует и истребляет мелкие подразделения противника. Вот краткий обзор действий бойцов отряда только за три дня. Бдительные разведчики донесли, что в районе села Л. должна пройти группа немецких солдат численностью в два взвода. Начальник разведки повел партизан кратчайшим путем навстречу фашистам. Партизаны замаскировались и приготовились к бою. Подпустив немцев на дистанцию в 15–20 метров, партизаны забросали фашистов гранатами. Только очень немногим немцам удалось бежать. На другой день разведчики перерезали в 30 местах провода телеграфной линии, которую немцы лишь накануне восстановили. На обратном пути в свой лагерь партизаны задержали и уничтожили одного связиста, мотоциклиста и немецкого чиновника.

Небольшая группа партизан во главе с тов. Ч. проникла в Днепропетровск. Под покровом темноты они подошли к зданию общежития металлургического института, в котором разместилась немецкая воинская часть, и бросили в окна несколько связок гранат. Убиты и ранены десятки фашистских солдат» (URL: http://www.pomnivoinu.ru/home/calendar/10/13/2581/).

[56] Днепропетровский металлургический институт – старейшее высшее металлургическое учебное заведение Украины. Основано в 1889 г. как заводское отделение Екатеринославского высшего горного училища. В 1912 г. преобразовано в металлургический факультет горного института, на базе которого в 1930 г. был создан Днепропетровский металлургический институт. В 1941 г. институт был эвакуирован в Магнитогорск.

[57] В утреннем выпуске сводки Совинформбюро от 15 октября сообщалось: «На одном из участков Ленинградского фронта части командиров Родина и Петрова вклинились в оборонительную полосу немцев и овладели высотой «А». За три дня боев в этом районе немцы потеряли 1500 человек убитыми и ранеными. Огнем нашей артиллерии подавлено 7 вражеских батарей, уничтожено 26 орудий, 28 пулеметных гнезд, 8 ДЗОТов и 15 автомашин с пехотой и вооружением».

[58] Кривой Рог был оккупирован немцами 15 августа, Николаев – 17 августа, Днепродзержинск – 24 августа, Полтава – 18 сентября, Киев –19 сентября, Орел – 3 октября, Брянск и Мелитополь – 6 октября, Мариуполь – 8 октября, Одесса – 16 октября 1941 г.

[59] Речь идет о Японо-китайской войне (1937–1945), Гражданской войне в Испании (1936–1939), Второй итало-эфиопской войне (1935–1936), а также оккупации Албании Италией (1939–1943), которые предшествовали Второй мировой войне. В этих конфликтах СССР оказывал помощь (в том числе, военную) Китаю и республиканскому правительству в Испании, а также выступал в защиту государственного суверенитета Абиссинии (Эфиопии), хотя и не имел с ней дипломатических отношений. Характерной чертой этих военных конфликтов стало активное применение партизанских действии.

[60] То, как была организована эвакуация местного населения, было вызвано, в первую очередь, стремительным наступлением немецкой армии, а отнюдь не отсутствием «правильных» приказов, как это казалось Вл. Гельфанду. 3 июля 1941 г. Сталин, впервые с начала Великой Отечественной войны выступая по радио (текст речи был напечатан в тот же день в газете «Правда» и затем неоднократно публиковался отдельно в виде брошюр), говорил: «При вынужденном отходе частей Красной армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни одного килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться». 17 ноября 1941 г. вышел приказ Ставки Верховного главнокомандования, обязывающий в случае отхода частей Красной армии «уничтожать населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать». В то же время многие историки оценивают проведение эвакуационных мероприятий в первые месяцы войны как весьма успешные. Так, Александр Верт, автор книги «Россия в войне 1941–1945», писал: «Эту эвакуацию промышленности во второй половине 1941 и начале 1942 г. и ее "расселение" на востоке следует отнести к числу самых поразительных организаторских и человеческих подвигов Советского Союза во время войны» (*Верт А.* Россия в войне 1941–1945. М., 1967. С. 144).

[61] Впервые сравнение Отечественной войны 1812 г. с начавшейся войной с фашистской Германией прозвучало уже в выступлении В. М. Молотова 22 июня 1941 г. («Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны»). Оно было повторено и в речи Сталина от 3 июля 1941 г. («История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками»). Во время Отечественной войны с Наполеоном населенные пункты на пути следования французской армии сжигались, а население по мере возможности уходило из них. См. об этом подробнее: *Будницкий О. В.* Изобретая Отечество: История войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941–1945 гг. // Российская история. 2012. № 6. С. 157–169.

[62] Гельфанд Лев Соломонович, брат Н. С. Гельфанда. После войны работал бухгалтером в Дербенте. Затем переехал с семьей в Москву.

[63] Роман Лиона Фейхтвангера (1884–1958), опубликованный на немецком языке в 1938 г., в СССР вышел отдельным изданием в 1939 г. В основу сюжета положены реальные события, связанные с похищением нацистами в Париже немецкого журналиста-эмигранта.

[64] 23 октября 1941 г. немецкие самолеты бомбили железнодорожную станцию Минеральные Воды.

[65] Имеется в виду город Невинномысск в Ставропольском крае.

[66] Штуль (урожд. Городынская) Ева Владимировна, домохозяйка. Во время войны находилась вместе с семьей в эвакуации в Магнитогорске.

[67] Харьков был занят немцами 25 октября 1941 г. Сообщение Совинформбюро о сдаче города датировано вечером 29 октября.

[68] Донбасс был захвачен войсками группы армий «Юг» в результате операции, проходившей с 29 сентября по 4 ноября 1941 г. Оккупационный режим в регионе был окончательно установлен в ноябре 1941 г.

[69] В оперативной сводке Совинформбюро от 29 октября 1941 г. говорилось: «Харьков оставлен нашими войсками по стратегическим соображениям в момент, когда это советское командование нашло нужным, а не тогда, когда этого хотели немцы».

[70] В той же сводке Совинформбюро от 29 октября 1941 г. сообщалось: «В ходе боев за Харьков немецко-фашистские войска потеряли до 120 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными, свыше 450 танков и бронемашин, до 3000 автомашин с разным военным грузом и более 200 орудий разного калибра».

[71] Немецкие войска вступили в Киев 19 сентября 1941 г.

[72] В вечерней сводке Совинформбюро от 29 октября 1941 г. сообщалось: «Беспощадно громят немецких захватчиков партизаны Днепропетровской области. Крупный партизанский отряд под командованием тов. Ж. совершил ночной налет на штаб немецкого батальона. Во время перестрелки партизаны уничтожили 17 солдат и 4 офицеров, захватили важные документы и трофеи. В хуторе Высокое партизанский отряд обстрелял расположившуюся на отдых колонну немецких войск. Во время схватки немцы потеряли убитыми 15 солдат и офицеров, много фашистов получило тяжелые ранения. Отступая на хутора, партизанский отряд захватил легковую машину, в которой находились немецкий полковник, лейтенант и два солдата. Фашисты оказали сопротивление и были уничтожены.

Несколько удачных нападений на обозы германской армии совершил в течение октября партизанский отряд тов. Л. Советские патриоты захватили три немецких грузовика с боеприпасами. Перебив солдат, сопровождавших груз, партизаны часть боеприпасов закопали в землю, часть бросили в реку. Затем партизаны проникли на территорию аэродрома противника, где находились три бомбардировщика и один истребитель. Партизаны сожгли машины и перестреляли до 20 немецких солдат и техников. Этот же партизанский отряд перехватил на шоссе четыре легковые машины с десятью офицерами».

[73] Югославия была занята странами гитлеровской коалиции в апреле 1941 г. Прокоммунистические партизанские отряды начали действовать только в июне 1941 г., после нападения Германии на СССР. Верховным командующим партизанским движением в Югославии стал И. Б. Тито. В августе–сентябре 1941 г. партизаны провели крупномасштабную операцию в Западной Сербии,

в результате которой им удалось очистить от немцев довольно крупные территории с населением около 300 тыс. человек. На освобожденных территориях была провозглашена «Ужицкая республика», которая просуществовала около двух месяцев, пока не была разгромлена немецкими, хорватскими и сербскими коллаборационистскими войсками.

В вечернем сообщении Совинформбюро от 30 октября 1941 г. говорилось: «Югославские партизаны совершили недавно большой налет на итальянский гарнизон в районе г. Плевле. В завязавшейся перестрелке убито и ранено до сорока солдат. Партизаны захватили одно орудие, боеприпасы и много винтовок. Сербские патриоты продолжают удерживать в своих руках ряд занятых городов и сел. Все попытки итальянских и немецких частей выбить сербские войска из сел около Вальево потерпели неудачу. Сербы прочно удерживают свои рубежи и отбивают атаки неприятеля. За десять дней октября немецко-итальянские части, действующие против югославских партизан, потеряли убитыми и ранеными около 300 солдат и офицеров. Партизанам достались богатые трофеи».

[74] Судя по всему, Вл. Гельфанд расстался с матерью в сентябре во время эвакуации из Днепропетровска, потеряв ее во время бомбежки. См. его письмо матери от 2 марта 1942 г.: «Мы растерялись при бомбежке нашего эшелона...»

[75] Стихийный рынок, на котором продавали подержанные вещи.

[76] «Тридцать дней» – ежемесячный литературно-художественный, общественный и научно-популярный иллюстрированный журнал. Выходил в Москве с 1925 по июнь 1941 г. Наиболее полно в журнале был представлен жанр короткого рассказа и очерка. В нем впервые были опубликованы романы И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1928) и «Золотой теленок» (1931).

[77] Анатолий (Навтул) Штуль, муж Евы Владимировны Штуль (Городынской).

[78] Александр Штуль (1927–1997), сын Анатолия и Евы Штуль, брат Ольги Штуль. Закончил ремесленное училище и горный институт в Днепропетровске, затем работал в Керчи главным инженером на рудном комбинате.

[79] «Щастліва зміна» («Счастливая смена») – газета, орган Днепропетровского обкома и городского комитета ЛКСМ Украины, выходившая в 1936–1941 гг.

[80] ВЛКСМ (Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи) – молодежная организация. Создана 29 октября 1918 г. под названием Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ). В 1924 г. РКСМ было присвоено имя В. И. Ленина (РЛКСМ). В марте 1926 г. переименован во Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи.

[81] В. Н. Гельфанд работал линейным рабочим в ремонтной колонне 4-го линейного участка связи с 5 ноября 1941 по 26 апреля 1942 г. Документы об этом сохранились в семейном архиве:

СССР
НК Связи
НАЧАЛЬНИК
4-го Линейного Участка
СВЯЗИ
ОРДЖОНИКИДЗЕВСКОГО КРАЕВОГО
УПРАВЛЕНИЯ СВЯЗИ
8 ноября 1941 г.
№ 07

Удостоверение
Предъявитель сего т. Гельфанд Владимир На[та]нович, действительно работает в ремонтно-восстановительной колонне 4-го Линейного участка связи.
[*Несколько слов нрзб*] билетам [члена ВЛКСМ].
Что и удостоверяется.
Нач-к: [*подпись нрзб*].

СССР
НК Связи
НАЧАЛЬНИК
4-го Линейного Участка
СВЯЗИ
ОРДЖОНИКИДЗЕНСКОГО КРАЕВОГО
УПРАВЛЕНИЯ СВЯЗИ
26 апреля 1942 г.

Справка
Дана гр-ну Гельфанд Владимиру Нусоновичу [*так в тексте*] в том, что он действительно работал в ремонтной колонне 4-го Линейного участка связи в качестве линейного рабочего с 5 ноября 1941 г. по 26 апреля 1942 года.
Уволен в связи с призывом в РККА.
Что и удостоверяется.
Нач-к 4 уч-ка: [*подпись нрзб*].

[82] Город в Дагестане, расположенный между Каспийским морем и предгорьями Кавказа, куда эвакуировалась мать Вл. Гельфанда.

[83] Медсантруд – профсоюз работников медико-санитарного труда, получивший это название в 1924 г. на V съезде профсоюза медиков.

[84] Вероятно, имеется в виду красноармейская книжка, введенная приказом НКО № 171 в 1940 г. 7 октября 1941 г. в связи с тем, что п. 7 приказа № 171 отменял красноармейскую книжку в действующей армии, был издан новый приказ (№ 330) о введении красноармейской книжки в войсковых частях и учреждениях в тылу и на фронте.

[85] Местная противовоздушная оборона.

[86] Приспособление для подъема на столб, представляющее из себя крюки с зубцами и ремнями, крепящимися на ступни.

[87] Украинская пословица: Не было у бабы хлопот – купила себе поросенка.

[88] 6 ноября 1941 г., накануне 24-й годовщины Октябрьской революции, Сталин выступил с докладом на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы, проходившем на станции метро «Маяковская». 7 ноября 1941 г. он выступил (вопреки сложившейся к тому времени традиции, согласно которой речь произносил принимающий парад, в данном случае – маршал С. М. Буденный) на Красной площади перед красноармейцами во время знаменитого военного парада, который проходил в момент битвы под Москвой, когда фронт находился всего в нескольких десятках километров от столицы. Его выступление транслировалось по радио в прямом эфире.

1942

[1] Марьины Колодцы – село в Ставропольском крае, расположенное в 20 км от Минеральных Вод.

[2] Барбюс Анри (1873–1935), французский писатель, журналист и общественный деятель, лауреат Гонкуровской премии. Сторонник Октябрьской революции 1917 г. Под влиянием событий в России в 1923 г. вступил во Французскую коммунистическую партию. Посетил СССР в 1927, 1932, 1934 и 1935 гг. В своих произведениях сочетал критику капитализма и буржуазной цивилизации с пропагандой строительства социализма в СССР и деятельности Сталина («Россия», 1930; «Сталин» – издано посмертно в 1935 г.). Барбюсу принадлежит афоризм «Сталин – это Ленин сегодня». Участник Парижского конгресса писателей в защиту культуры (1935) и антивоенных конгрессов. Умер в Москве во время написания биографии Сталина. Произведения Барбюса издавались в СССР большими тиражами, а его творчество активно пропагандировалось.

[3] *Барбюс А.* Золя. М.; Л.: Гослитиздат, 1933.

[4] Дело Дрейфуса – процесс 1894 г. над Альфредом Дрейфусом (1859–1935), евреем, капитаном французского Генерального штаба, ложно обвиненном на волне антисемитских настроений во французском обществе в измене и шпионаже в пользу Германии. Дрейфус был разжалован военным судом и приговорен к пожизненной ссылке. В январе 1898 г. Эмиль Золя опубликовал открытое письмо под заголовком «Я обвиняю», написанное президенту Франции в защиту Дрейфуса. Письмо вызвало раскол и бурные дискуссии не только во французском, но в европейском обществе, в результате чего дело было пересмотрено, и в 1906 г. Дрейфус был полностью оправдан.

[5] *Мокульский С. С.* Расин: к 300-летию со дня рождения. Л.: Гослитиздат, 1940.

[6] Сохранилось письмо Вл. Гельфанда матери, датированное декабрем 1941 г., в котором он описывает положение с продуктами и одеждой: «<...> Тетя Поля не работает, но в доме есть продукты. Мамалыга и кукурузные блинчики – очень сытная пища. Я столуюсь сейчас у нее, а не на производстве, как раньше. Там даже картошки нет. А у тети Поли я наелся ею вдоволь. Кое-какие продукты питания я получаю на производстве: масло сливочное 300 г, топленое сливочное 400 г, колбасу 500 г, вермишель, сахар и др. Ботинки тетя Поля купила 41 номер. Они хотя и малы, но очень необходимы для работы. Те, в которых я приехал, я порвал. Нижнюю и верхнюю рубашки ношу папины, только штанов у меня нет <...>».

[7] Далее следует трехмесячный перерыв в записях, который отчасти восполняется письмами, сохранившимися в семейном архиве.

1 марта: «Мамочка моя! Здравствуй, милая.

Не дождался твоего ответа и решил написать. Дело в том, что здесь уже призывают 23 год, даже не закончивших занятия по всеобучу. Я хочу повидаться с тобой, дорогая, до того, как меня призовут в ряды Красной армии. А это во многом от тебя зависит.

Дорогая моя! Я говорил здесь, что не знаю, где ты находишься (долгое время я действительно не знал этого), и теперь я попросил бы тебя написать мне письмо, как бы первое за дни нашей разлуки. Ты, дескать, впервые узнала от эвако-

бюро, где я нахожусь, и требуешь, чтобы я к тебе приехал, ибо тебе тяжело без меня и трудно. Все остальное я беру на себя.

Пока я продолжаю работать, а вечером посещаю всеобуч. Это сильно меня утомляет и, уставший от работы изрядно, на всеобуче я чуть ли не сплю.

Папе прислали повестку, хотя он и не строевик. От дяди Исака вчера впервые за полтора месяца получилось письмо: он в действующей армии, в обозе. Пишет, что бьет немцев и продвигается вместе с частями Красной армии на запад. От тети Бузи давно нет писем. Недавно (25 числа сего месяца) получил справку, что являюсь эвакуированным из Днепропетровска, и прошел перерегистрацию. Эвакобюро проводит перепись всех эвакуированных в различных городах Союза, и это, я думаю, поможет нам отыскать наших родных. Адрес эвакобюро я узнал, вот он: Бугуруслан, Чкаловской области, центральное переселенческое бюро.

Ну, пока, до свидания, пиши немедленно, ибо я не знаю, не возьмут ли меня этими днями. Пиши обо всем и чаще. Крепко целую, Вова. Привет всем дорогим. Кстати, сегодня я именинник, мне 19 лет».

2 марта: «<...> Дорогая моя! Я уже подал заявление о расчете. Сказал начальнику, что получил первое твое письмо, дабы он не подумал, что я специально перед ремонтом линии – самой тяжелой и длительной (около 4,5 месяцев) работы, хочу рассчитаться.

Дорогая моя! У нас уже призывают 23 год, и боюсь не увидеться с тобой до призыва, а потом и вовсе будет трудно – почти невозможно. Так что пиши скорей, пока этого не случилось, требуй меня к себе. А я тоже буду на основании твоего письма требовать и добиваться. Напиши по возможности пару писем, через день хотя бы, на случай, если одно пропадет. Повторяю, заявление я подал, но без твоей помощи – немедленного письма, вряд ли что у меня получится <...>».

[..] марта [*число не сохранилось*]: «<...> в армию пока не призвали. После 5 месяцев перерыва тетя Бузя [*находившаяся в Ленинграде*] прислала телеграмму – они выехали сюда. <...> Ехать я к тебе не собираюсь, хотя вызов мне нужен для другого. <...> В следующем письме я обо всем напишу подробнее <...>».

21 апреля: «<...> Дорогая мамочка! Я ухожу в Армию красную. Поступаю в военную школу по призыву <...>».

24 апреля: «<...> Вчера вечером получил два твоих письма, одно из которых с вызовом. Опоздала ты, дорогая, жестоко опоздала. Тебе было жалко 300 рублей? Но ведь я не просил их у тебя на дорогу. И вообще, откуда ты знаешь, может я и совсем не собирался ехать к тебе. Мне нужен был вызов, который помог бы мне выехать отсюда. А ты думала, приценивалась, пока, наконец, решилась. Я выехал бы к дяде Леве, а оттуда (мне недавно пришло письмо от тети Ани) я смог бы устроиться возле нее. Но после боя кулаками не машут <...> 26 числа этого месяца я уезжаю в военную школу. У меня уже на руках повестка. Завтра получаю расчет на производстве <...>».

28 апреля: «<...> Сегодня, 28/IV я еще нахожусь в Ессентуках. Жду ежеминутно от тебя писем. <...> Дорогая мамочка! <...> Пиши чаще, дорогая, – ведь я недолго еще здесь пробуду <...>».

[8] Режиссер С. А. Герасимов; в главных ролях: Н. Д. Мордвинов (Арбенин) и Т. Ф. Макарова (Нина). Премьера фильма состоялась 16 сентября 1941 г.

[9] Дидро Дени (1713–1784), французский писатель, философ-просветитель.

[10] В этот же день Вл. Гельфанд отправил письмо матери:

Майкоп, п/я 26-д

Просмотрено Военной Цензурой 1138/1

Дорогая мамочка!

Вчера прибыл в Майкоп. Меня призвали кадровым красноармейцем. Все мечты о военной школе, о возможности не бросать писать и в армии провалились по одному росчерку пера Тягунова, который рассердился, видимо, что я не пришел к нему в тот день, когда болел, и когда отправлять должны были меня в школу связи. Теперь я страшно жалею об этом, и если бы я тогда знал, куда попаду, то больным бы пошел в военкомат.

Дорогая моя, я попал в лагеря, где видимо-невидимо людей, и откуда нет выхода ни днем, ни ночью. Здесь нет выходных.

В наших лагерях спешно обучают людей. 23-го года здесь еще два человека, но они окончили только два класса, а с образованием нет никого. Кажется, также, что и партийных, кроме меня, здесь нет. Спим мы в землянках, крепко сбившись в кучу. <...> Сегодня нам выдают обмундирование. Обучение <...> проходит в спешном порядке, и примерно через два месяца нас отправят на фронт. Вместе со мной находятся люди, не раз побывавшие на фронтах Отечественной войны.

Письмо пишу до завтрака. Сейчас пойдем в баню, и нам выдадут обмундирование. Чувствую я себя очень одиноко и умоляю писать почаще. <...>

Здесь пока обучения не проходил, и то мне страшно тягостно на душе. Все бойцы (побывавшие на фронте и раненые там), говорят, что на фронте легче и свободней себя чувствуешь, чем в казармах. Буду стараться выдвинуться в стенной газете. Как зло судьба надо мной пошутила.

Тетя Поля, папа и тетя Бузя хорошо снабдили меня на дорогу, и сейчас я имею еще кое-что из продуктов на два-три дня. Сюда посылок не принимают, отсюда – пожалуйста. Письма, может быть, не смогу часто писать, но это да не смутит тебя, и ты будешь писать еще чаще, чем раньше, – учти мое положение. Сейчас мы пойдем в город баниться, и я опущу это письмо. <...> Целую крепко, Вова. Обнимаю всех.

Письма пишите бесплатно по адресу: Почтовый ящик 26-д, 427 батальон, Гельфанду В. Н.

[11] Статья «Немецкие войска применяют мины с отравляющими веществами» (Правда. 1942. 9 мая. № 129. С. 4): «Краснодар, 8 мая. (ТАСС). Вчера на Крымском фронте немецкие войска во время операций применили несколько мин с отравляющими веществами. Проверка показала, что отравляющие вещества поражают, главным образом, дыхательные органы и выводят из строя бойцов».

[12] Вот что писал Вл. Гельфанд в письме матери на следующий день, 13 мая:

«<...> Вчера отдавал присягу на верность Родине. Призван 6 числа в Ессентуках и отправлен вместе с другими красноармейцами в Майкоп, где размещаюсь те-

перь в лагерях. Первое время страшно горевал, так как не исполнилось мое заветное желание поступить в военную школу. Призвали меня отдельно от моих ровесников, и я нахожусь сейчас среди людей старшего возраста и, как назло, ни одного с 23-го года. Но теперь я свыкся немного и мне уже легче <...>.

Нахожусь сейчас в артиллерийской роте, номера не могу тебе сообщить – это секрет. В прошлом письме чуть было не написал его, но мне сказали что нельзя, и я зачеркнул. В какой взвод я попаду еще не знаю – может, в пулеметный, может, в минометный или противотанковых ружей. У нас проходит усиленное обучение. Время не терпит. Скоро на фронт (дней через 15). На какой фронт тоже не знаю точно, но скорей всего на Крымский.

Большинству бойцов уже выдали обмундирование, но мне и другим недавно прибывшим (после 6 числа) не хватило. Из лагерей не выпускают. Кормят хорошо, и я ни в чем не нуждаюсь».

[13] В письме, датированном тем же числом, адресованном матери и родным, Вл. Гельфанд писал: «<...> 6/V меня призвали в ряды Красной армии. С 7/V по 18/V я находился в Майкопе. С 18 по сегодняшний день нахожусь в пути на фронт. Сейчас остановка возле одной из станций около Новороссийска. Наверно, едем в Крым. Верю, что буду жить. Верю в разгром немецких фашистов.

Кончились чернила у меня. Ручка поломалась еще раньше. Придется заканчивать карандашом. Писем пока не пишите – адреса своего будущего еще не знаю. Может, мы и не на фронт едем, хотя полностью обмундированы. Пишите, когда узнаете адрес.

Целую крепко и горячо. Приветствую вас. Скоро встретимся».

[14] ПТР – противотанковые ружья. С декабря 1941 г. в стрелковых полках вводились роты ПТР (27, затем – 54 ружья), а с осени 1942 г. в батальонах – взводы ПТР (по 18 ружей).

[15] Пожарский Николай Митрофанович (1899–1945), генерал-майор артиллерии (с 1940 г.). 1 февраля 1942 г. приказом НКО назначен начальником артиллерии вновь сформированного 158-го Укрепрайона Южного фронта. С середины 1942 г. до окончания войны служил в 62-й (с 16 апреля 1943 г. – 8-й гвардейской) армии заместителем командующего артиллерией, а 18 сентября 1942 г. – командующим артиллерией. Герой Советского Союза (звание присвоено 6 апреля 1945 г.).

[16] Начиная с 11 мая 1942 г., ежедневно в оперативных сводках Совинформбюро сообщалось об «упорных боях» на Керченском полуострове, а с 16 мая – о боях в районе Керчи.

[17] Первые немецкие самолеты пролетели над Новороссийском уже в 1 ч. 20 мин. 23 июня 1941 г. Первой бомбардировке город подвергся 30 июня 1941 г. Регулярные налеты вражеской авиации начались с сентября 1941 г., когда немцы вошли в Крым, и усилились в начале 1942 г. В марте 1942 г. воздушная тревога подавалась 49 раз, из них пять раз город подвергался бомбежке. С конца марта и в апреле 1942 г. налеты немецкой авиации на Новороссийск участились. В апреле было 82 авианалета, из них 12 сопровождались бомбардировками, иногда от двух до четырех раз в день. В мае воздушная тревога раз-

давалась 74 раза. За первые четыре месяца 1942 г. было 145 авианалетов. В них участвовало 336 самолетов, которые сбросили на город 661 фугасную бомбу и 7000 зажигательных. Помимо городских зданий бомбежке подвергались порт, цементные заводы, элеватор, холодильник, железная дорога.

[18] Судя по названиям населенных пунктов (станции Первомайск, Помошная, Капустино, Знаменка), путь Вл. Гельфанда на фронт шел через Кировоградскую область.

[19] См. также письмо от 26 мая:

«<...> Я нахожусь в Новороссийске. Неизвестно сколько я здесь пробуду <...>. Сейчас я в минометном взводе. Командиром 4-го отделения. Командование наше позаботилось хорошо о нашем вооружении и обмундировании. Кормят хорошо, и я ни в чем не нуждаюсь кроме чернил, которые у меня перелились на занятиях, куда их попросил взять наш командир. Ручка тоже испортилась в поезде из Ессентуков, когда ехал.

Первое время сильно тосковал, но теперь привык. <...> Вчера во время боевой учебы впервые за жизнь свою стрелял из винтовки. Выбил все пять из возможных пяти, вопреки ожиданию. Теперь я смогу легко разбить врага».

[20] Полковой комиссар носил четыре эмалевых прямоугольника («шпалы») на петлицах. Три прямоугольника соответствовали званию старшего батальонного комиссара.

[21] Подразделение в армейской части, занимающееся хозяйственным обслуживанием.

[22] УР – укрепрайон (укрепленный район). Этот термин применялся не только к местности, оборудованной в инженерном отношении для обороны, но также в отношении формирований (воинских частей), предназначенных для выполнения оборонительных задач.

[23] «<...> Драться буду на родной украинской земле, на Харьковском фронте. Дорогая мамочка, мы едем сейчас на Сталинград <...>» (Из письма матери от 5 июня).

[24] Сальские степи расположены в западном междуречье нижних Дона и Волги, в восточной части Ростовской области. Калмыцкие степи – условное название степного региона на правом берегу низовьев реки Волги.

[25] Имеется в виду суточный наряд, в который назначаются солдаты в роте или батарее.

[26] Из письма от 5 июня.

«Дорогая мамочка! Дорогие родные! Здравствуйте!

Вот уже пять дней я нахожусь в пути. Еду, еду, еду на Украину милую, в Харьковскую область гнать немцев проклятых оттуда. Я минометчик – командир отделения. Мой миномет называется ротным, так как служит для прикрытия стрелковой роты. Находится он всегда позади ее. Звание мне пока не присвоили, хотя обещали. Меня выбрали комсоргом взвода. В мою взводную комсомольскую организацию входит пом[ощник] ком[андира] роты и командир взвода.

Ну, пока, спешу закончить, так как темнеет на дворе. Сейчас нахожусь на станции Лиски».

[27] Город в Харьковской области.

[28] Основано на рубеже XVII–XVIII вв. на берегу реки Красная, в так называемой Слобожанщине, в настоящее время практически совпадающей с территорией Харьковской области.

[29] В ходе Харьковской операции, после неудавшейся в мае 1942 г. попытки наступления советских войск и контрудара немецких частей 1-й танковой армии вермахта Э. Клейста в тыл наступающим частям Красной армии, последовавшего 17 мая, значительная часть ударной группировки советских войск к 23 мая оказалась в окружении в треугольнике Мерефа – Лозовая – Балаклея.

[30] В вечерней сводке Совинформбюро от 15 июня сообщалось: «В течение 15 июня на Харьковском направлении наши войска отбили несколько крупных атак пехоты и танков противника. За день боев уничтожено и подбито 180 немецких танков», в вечернем сообщении следующего дня: «В течение 16 июня на Харьковском направлении наши войска отразили несколько атак противника».

[31] *Иванов С. В.* Лермонтов. М.: Молодая гвардия, 1938. (Серия «Жизнь замечательных людей»).

[32] Город в Харьковской области, расположенный на реке Северный Донец. В мае 1942 г. во время Харьковской операции в окрестностях Изюма на Изюмско-Барвенковском выступе шли тяжелые бои.

[33] Железнодорожная станция, с 1938 г. – город в Харьковской области. В мае 1942 г. в районе Барвенково попала в окружение крупная группировка Красной армии. Вырваться из «барвенковской западни» удалось не более десятой части окруженных. Потери Красной армии составили 270 тыс. человек, из них 171 тыс. – погибшими. В окружении пропали без вести или погибли: заместитель командующего Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко, командующий 6-й армией генерал-лейтенант А. М. Городнянский, командующий 57-й армией генерал-лейтенант К. П. Подлас, командующий армейской группой генерал-майор Л. В. Бобкин.

[34] Легендарное оружие времен Великой Отечественной войны. Неофициальное название бесствольных систем полевой реактивной артиллерии (БМ-13, БМ-8, БМ-31 и др.).

[35] Весной 1942 г. после переговоров между Москвой и Лондоном, которые велись через советского посла И. М. Майского, а также путем прямого обмена письмами между И. Сталиным и У. Черчиллем, министр иностранных дел СССР В. М. Молотов отправился в Великобританию и США для ведения переговоров об открытии Второго фронта. 26 мая в Лондоне министрами иностранных дел Великобритании (Э. Иденом) и СССР был подписан «Договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны». По этому договору СССР и Великобритания договаривались оказывать друг другу военную и другую помощь, не заключать сепаратного мира с Германией, не заключать никаких союзов, не участвовать ни в каких коалициях, направленных против другой стороны. 12 июня было опубликовано англо-советское и советско-американское коммюнике о посещении Молотовым Лондона и Вашингтона, в которых была зафиксирована «полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году».

[36] На самом деле ответы были, просто письма не доходиди до адресата:
«<...> Родной мой! У тебя так часто меняются адреса, что действительно тебе не удается никак получить от меня письмо. Родной мой! Количество писем, которое я тебе написала и пишу, трудно установить, ибо я пишу тебе через день, иногда каждый день. Пишу тогда, когда представляется возможность попасть на почту, а эта возможность теперь очень часто бывает, почти каждый день.
Сегодня получила обратно свои три письма, писанные в Майкоп и Новороссийск. Если постигнет такая же участь и письма, писанные на предыдущий адрес почтовой станции 1532, то это очень печально, ибо на тот адрес я тебе написала не менее 20 писем. Хочу верить, что все-таки письма ты получишь <...>» (Письмо от 27 августа). Первые письма от матери были получены Вл. Гельфандом только спустя полгода после начала боевой службы. 17 октября он писал: «Дорогая мамочка! Получил два твоих письма и рад беспредельно. Это первые письма от тебя».

[37] В 1940–1943 гг. сержантские петлички были треугольной формы, что, вероятно, стало поводом для подобного обозначения их в солдатской среде. Присвоение звания предполагало и увеличение денежного довольствия. 28 июня Вл. Гельфанд писал матери: «<...> Мне присвоено звание сержанта, и я буду получать жалование свыше 100 рублей. Буду присылать деньги. Напишите, какую еще помощь я смогу вам оказать как красноармеец. Сделаю все возможное <...>». Через четыре дня, 2 июля, он снова писал об этом: «<...> Получил зарплату или как она здесь называется. 112 рублей, как командир отделения. Бойцы получают не то 15, не то 25 рублей, но не больше <...>». Деньги высылались и в дальнейшем: «<...> Днями выслал тебе 700 рублей. Получила?» (Письмо от 30 ноября).

[38] Вероятно, имеется в виду двухмоторный двухбалочный трехместный тактический разведывательный самолет «Фокке-Вульф» Fw 189 (*нем.* «Uhu» – Филин, в советских войсках получивший прозвище «Рама» за его внешний вид), широко использовавшийся в военных действиях против СССР.

[39] КИМ – Коммунистический интернационал молодежи. Международная молодежная организация, существовавшая в 1919–1943 гг. как секция Коминтерна. В мае 1943 г. вслед за роспуском Коминтерна был распущен и КИМ.

[40] Из письма 28 июня:
«Дорогая мамочка! Дорогие родные!
Сегодня меня перевели на другой участок Харьковского фронта. Теперь мы вблизи Купянска.
Я веду подробные записи дневника и когда-нибудь после разгрома фашистов и окончания войны поделюсь с вами многим, что мне пришлось видеть и пережить за период службы моей в РККА. А в письме долго рассказывать, утомительно и не особенно необходимо вам в данный момент. Здесь, как и на предыдущем месте, много комаров, и они мучают, не дают спокойно писать».

[41] Ежедневная армейская фронтовая газета [при 57-й, с февраля 1943 г. – 68-й армии]. Редактор – И. М. Шульман (http://www.jmemory.org/Pomnite/Shylman.htm). В письме от 5 июля, адресованном Лене Мячиной, Вл. Гельфанд писал: «<...> Стихи не бросаю, регулярно веду дневник. О миномете написал стихо-

творение. Начинается оно так: "Какой я чести удостоен! Кто мой восторг вполне поймет?! Отныне я советский воин. И у меня могуч и строен. На вооруженье миномет" <...>».

[42] О том, что он все еще «вступает в партию», Вл. Гельфанд писал и пять месяцев спустя в письме матери от 30 ноября.

[43] Описание этого дня в письме матери и родным выглядело несколько иначе: «<...> Сейчас уже нахожусь на передовой позиции фронта. Немцы по другую сторону реки. Перестрелки почти нет. Изредка раздается одиночный выстрел снайпера, застрочит пулемет. Мины часто рвутся неподалеку от меня, но никакого вреда они не принесли пока. Дальнобойные орудия обеих сторон бьют через меня далеко отсюда. Но чаще всего здесь тишина. Кругом лес густой, елки зеленые, тополя, березы. Соловьи поют, кукуют кукушки и весело щебечут другие птицы. Кажется, что и войны-то нет, что в жизни не произошло изменений. Смотришь на другую сторону реки – она гористая, песчаная – страшно живописная здесь местность. В стороне лес густой и зеленый, впереди поля. Но все теряет свою привлекательность, ибо враг коварный и беспощадный там и сейчас притаился, спрятался, готовит против нас новые козни <...>» (Письмо от 2 июля).

[44] Речь идет, вероятно, о самолете Fw 189 (см. прим. 38). За его разведывательные качества он получил в вермахте название «Летающий глаз». Несмотря на хрупкий вид и откровенно низкую скорость, Fw 189 обладал хорошей маневренностью на больших высотах и представлял собой сложную цель для истребителей.

[45] После успешного отражения немецкого наступления на Москву Сталин и советское верховное командование приняли решение начать активные действия и на других участках фронта, «не дать немцам передышки, гнать их на запад без остановки» (Сталин). В мае 1942 г. главком войск Юго-Западного направления маршал С. К. Тимошенко и командующий Южным фронтом генерал-полковник Р. Я. Малиновский начали наступление под Харьковом с целью окружения 6-й армии генерал-лейтенанта Ф. Паулюса. В разгар наступления танкисты Э. Клейста с юга нанесли удар в тыл наступающим, но Сталин запретил отход. К 25 мая значительная часть советских сил оказалась отрезанной в районе Лозовая – Балаклея, в последующие дни вырвались из котла не более 10 % личного состава. Общие советские потери составляли 280 тыс. человек (в т. ч. около 240 тыс. пленных). Поражения первой половины 1942 г. позволили противнику завершить подготовку к стратегическому наступлению на южном крыле Восточного фронта, цель которого заключалась в овладении Сталинградом и Кавказом (История России. XX век. Т. 2: 1939–2007. М., 2009. С. 74, 76, 79).

[46] 17 февраля 1941 г. на совещании верховного командования вермахта в ставке Гитлера был принят план, согласно которому вермахт должен был пройти через Балканы, Ближний Восток, Турцию и Иран в Афганистан, чтобы затем, преодолев Гиндукуш, вторгнуться в Индию. В принятом документе было зафиксировано, что целью операции должно было стать соединение наступающих частей вермахта с передовыми японскими частями на восточных границах

Индии. См., в частности, об этом: «Гитлеровские планы завоевания мирового господства» // Военно-исторический журнал. 1961. № 6. С. 87–92. Публикация включает текст директивы ставки Гитлера № 32 «Подготовка к периоду после осуществления плана "Барбаросса"», изданной 11 июня 1941 г. и представлявшей собой программу осуществления обширной колониальной экспансии.

[47] Город в Белгородской области.

[48] Сообщения об этом публиковались в газете «Правда» за 1, 2 и 3 июля: *Крылов Г.* Бои на курском направлении // Правда. 1942. 1 июля. № 182. С. 1 [«Курское направление, 30 июня. (Спец. корр. ТАСС). Наши войска, действующие на курском направлении, продолжают вести упорные бои с перешедшими в наступление фашистами. В ряде мест наши подразделения успешно контратакуют противника...»]; *Крылов Г.* Контратаки наших войск на курском направлении // Правда. 1942. 2 июля. № 183. С. 1 [«Курское направление. 1 июля (Спец. корр. ТАСС). Бои на курском участке фронта продолжаются с возрастающим ожесточением. Фашисты, неся колоссальные потери в живой силе и технике, вынуждены поспешно вводить в бой новые части. Наши войска уверенно отбивают одну за другой атаки немецких танков и пехоты, сопровождаемые авиацией...»]; *Цветов Я.* Бои на курском направлении // Правда. 1942. 3 июля. № 184. С. 3 [«Курское направление, 2 июля. (Спец. воен. корр. «Правды»). Пятые сутки с нарастающей силой идут бои на курском направлении. Противник вводит в действие большие массы пехоты, танков, самолетов. Наши части крепко и уверенно отстаивают оборонительные рубежи <...> Оборонительные бои на курском направлении продолжаются»].

[49] Имеется в виду судебный процесс над советскими гражданами, проходивший в Анкаре в апреле–июне 1942 г. Его предысторией стала спецоперация советских спецслужб по ликвидации посла Германии в Турции Франца фон Папена. После того, как из донесений советской разведки стали известны планы части германских высших кругов свергнуть Гитлера и поставить во главе Германии фон Папена, а затем заключить мирный договор с Англией, было принято решение о его ликвидации. Разработка и организация покушения была возложена на заместителя начальника 4-го управления НКВД Наума Эйтингона, прибывшего в Анкару под фамилией Наумов. Туда же под фамилией Павлов прибыл советский разведчик Георгий Мордвинов. В операции также принимали участие другие сотрудники НКВД и ГРУ. В качестве непосредственных исполнителей спецоперации выступала группа болгарских боевиков, работавших на НКВД. 24 февраля 1942 г. было совершено неудачное покушение на фон Папена: бомба взорвалась раньше времени в руках у боевика, и сам он был убит, а несколько прохожих были ранены. При этом фон Папен и его жена, находившиеся на другой стороне улицы, были лишь сбиты с ног взрывной волной. После покушения Мордвинов и другой советский сотрудник, выступавший под фамилией Корнилов, были арестованы. Советское посольство наняло им лучших турецких адвокатов. Под видом адвоката из Москвы в Анкару несколько раз летал близкий к А. Я. Вышинскому Лев Шейнин (впоследствии – популярный советский писатель). Турецкий прокурор потребовал обоим обвиняемым смертной казни через повешение, однако они были осуждены на 20 лет стро-

гого режима. Через два года, когда военное положение Германии на фронтах ухудшилось, они были переданы Советскому Союзу. В советских газетах публиковались сообщения об этом процессе. См., напр.: *Заславский Д.* Анкарская судебная комедия // Правда. 1942. 20 июня. № 171. С. 4.

[50] Янка Купала (псевд.; наст. имя и фам. Иван Доминикович Луцевич, 1882–1942), классик белорусской литературы, поэт, драматург, публицист. Лауреат Сталинской премии первой степени (1941).

[51] В оперативных сводках Совинформбюро, начиная с 7 июня, появились сообщения о боях на севастопольском направлении, с 28 июня к ним добавились ежедневные сообщения о боях на курском направлении.

[52] Не удалось установить, о каком селе идет речь. Возможно, имеется в виду село Ольшанка.

[53] Шинель, свернутая в трубку и связанная на концах для ношения через плечо.

[54] Возможно, речь идет о хуторе Кухтачев, расположенном в Константиновском районе Ростовской области.

[55] Вероятно, ошибка. Вихлянцево – сельское поселение Камышинского района Сталинградской (ныне – Волгоградской) области.

[56] Приказ за подписью Сталина «Об улучшении охраны и мерах наказания за хищение и разбазаривание военного имущества» № 0169 от 3 марта 1942 г. // Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2–2). Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. М.: ТЕРРА, 1997. С. 165–168. (Подлинник: РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 69. Л. 433–438). К приказу прилагалось постановление «Об охране военного имущества Красной армии в военное время» (№ ГОКО–1379-с), в котором речь шла о применении за хищение и порчу военного имущества высшей меры наказания – расстрела с конфискацией имущества, а за разбазаривание имущества – лишение свободы на срок не ниже 5 лет.

[57] Вероятно, имеется в виду хутор Белянский, расположенный в Константиновском районеРостовской области.

[58] Не удалось точно установить, о каком селе идет речь, в Ростовской области расположено несколько сел с таким названием.

[59] Хутор Камышевский, а также упоминаемые ниже хутор Мартыновка, село Кутейниково и поселок и станция железной дороги Зимовники расположены в Ростовской области.

[60] Сформированная 4 августа 1941 г. в составе Юго-Западного фронта 38-я армия принимала участие в обороне Киева (с 7 июля до 26 сентября), затем была вынуждена отходить на Полтаву, Волчанск, Валуйки и к концу декабря закрепилась на рубеже «Валуйки – Купянск». Зимой–весной 1942 г. армия вела бои в районах городов Волчанск и Балаклея. 12 июля 1942 г. была переподчинена Южному фронту. С 17 июля по 23 июля вела боевые действия в составе Сталинградского фронта. С 23 июля выведена в резерв фронта, ее войска переданы 21-й армии, а личный состав полевого управления направлен на формирование полевого управления 1-й танковой армии.

[61] Постановлением СНК СССР от 25 июня 1941 г. на войска НКВД была возложены задачи охраны тыла действующей Красной армии. В число этих задач входило, в том числе, наведение порядка в войсковом тылу и задержание дезертиров. С 22 июня по 10 октября 1941 г. военной контрразведкой и заради-

тельными отрядами войск НКВД были задержаны 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей или бежавших с фронта. Подавляющее большинство было вновь отправлено на фронт. 10 201 человек были расстреляны, в том числе публично, перед строем – 3321 человек (*Христофоров В. С.* Органы безопасности СССР в 1941–1945 гг. М.: Изд-во Главного архивного управления г. Москвы, 2011. С. 156). Своего пика репрессии достигли к лету–осени 1942 г., после выхода приказа Сталина № 227 от 28 июля 1942 г. (см. прим. 83): в августе–сентябре 1942 г. заградительными отрядами были расстреляны 1690 военнослужащих (*Христофоров В. С.* Указ. соч. С. 163). 11 октября 1942 г. Л. П. Берия направил Сталину информацию об итогах борьбы с дезертирами: «За время войны органами и заградительными отрядами НКВД задержано по подозрению в дезертирстве и уклонению от военной службы 1 187 739 человек, из них передано в воинские части и райвоенкоматы 827 739 человек, арестовано 211 108 человек. Из числа арестованных осуждено к ВМН [*высшей мере наказания*] 63 012 человек, к лишению свободы – 28 285 человек и с заменой наказания отправкой на фронт – 101 191 человек». (Цит. по: *Христофоров В. С.* Указ. соч. С. 175.)

[62] Подсумок – небольшого размера сумка для размещения и переноски боеприпасов (чаще всего – патронов), которую носили на поясном ремне. Во время Великой Отечественной войны военнослужащие пользовались подсумками, утвержденными приказом НКО СССР (№ 005) от 1 февраля 1941 г.

[63] Расписка сохранилась в семейном архиве:

НКВД–СССР
26-й
КРАСНОЗНАМЕННЫЙ
Пограничный полк войск НКВД
По части
26 7. 42
ст. Зимовники

Расписка
Дана тов. Гельфанд Владимир Натанович в том, что от него отобрана винтовка за № 8764 и патроны 36 шт.
Получил комендант полка мл. л-т Сраш[*нрзб*].

[64] В мае 1942 г. после тяжелых потерь в боях на Керченском полуострове остатки 51-й армии были эвакуированы на Кубань, включены в Северо-Кавказский фронт и до середины июня выполняли задачу по прикрытию побережья Азовского моря. После этого армия была передислоцирована на Дон. С августа 1942 г. – в составе Сталинградского, Юго-Восточного и вновь Сталинградского фронтов. Принимала участие в Сталинградской битве.

[65] Поселок, центр Котельниковского района Сталинградской (ныне – Волгоградской) области.

[66] Правильно: военно-пересыльный пункт (ВПП). В них направлялись военнослужащие после госпиталей, осуждений военными трибуналами и т. д., где они заполняли регистрационные карточки и ожидали формирования команд и направления в части для дальнейшего прохождения службы.

[67] Особый отдел – подразделение военной контрразведки, входившее в состав войскНКВД.

[68] См. прим. 84 (1941).

[69] Город в Ростовской области, расположенный в 68 км от Ростова-на-Дону. 22 июля 1942 г. Шахты были оккупированы немцами. Расстояние до Сталинграда составляло более 400 км.

[70] Судя по всему, Вл. Гельфанд встретил бойцов 110-й Отдельной калмыцкой кавалерийской дивизии (ОККД), которая в мае 1942 г. вошла в состав действующей армии. В июле 1942 г., в соответствии с приказом командования 51-й армии, она должна была обеспечить оборону и не допустить форсирования Дона немецкими частями, а также прикрывать отход частей и соединений Южного фронта и их переправу на левый берег Дона. С 23 июля 110-я ОККД подчинялась командованию 37-й армии.

[71] Нацмен (*разг.*) – лицо, принадлежащее к какому-нибудь национальному меньшинству. Слово, получившее широкое распространение в СССР в 1930-е гг. прежде всего в отношении представителей коренного населения республик Средней Азии и не имевшее еще того уничижительного значения, которое приобрело в дальнейшем.

[72] Конная рессорная повозка, оснащенная пулеметом, направленным назад. Впервые стала использоваться англичанами с начала 1890-х гг. В России получила широкое распространение в годы Первой мировой и Гражданской войн. В годы Великой Отечественной войны тачанки использовались не как боевая единица, а как транспорт для перевозки пулемета и личного состава.

[73] Санинструктор (санитарный инструктор) – лицо младшего медицинского состава военно-медицинской службы, ответственное за медицинское обеспечение роты или батареи.

[74] «<...> В свой УР (укрепрайон) не попал, а попал в гвардейскую пехотную дивизию. В военную школу мне вряд ли удастся попасть, но я не унываю, мне и здесь не плохо <...>» (Из письма матери от 5 августа).

[75] С начала июня 1942 г. 9-я армия в составе Юго-Западного и Южного (с 12 июля) фронтов участвовала в отражении немецкого наступления в Донбассе и в большой излучине Дона. 14–16 июля попала в окружение в районе Миллерово. К концу июля остатки войск 9-й армии переправились через Дон и сосредоточились в районе Сальска. С началом битвы за Кавказ (с 29 июля) выведена в резерв Северо-Кавказского фронта.

[76] Из письма матери 5 августа: «<...> Чуть было не угодил в Астрахань. Пять человек забрали туда с пересыльного пункта, но я запоздал немного. Больше никого не брали <...>».

[77] Описка автора. Имеется в виду: Совет депутатов трудящихся – выборный представительный орган государственной власти. Согласно Конституции 1936 г. высшим органом власти являлся Верховный Совет СССР, низовые звенья – сельские и поселковые советы (сельсоветы). Сельпо (сокращение: сельское потребительское общество) – обиходное название сельского магазина.

[78] Рабочие батальоны формировались из рабочих и служащих, не подлежавших первоочередному призыву в армию, и предназначались для охраны заводов,

фабрик, учреждений, а также для ведения уличных боев в случае прорыва противника в город.

[79] С марта 1942 г. 15-й гвардейской стрелковой дивизией командовал генерал-майор Е. И. Василенко (звание присвоено 27 марта 1942 г.).

[80] Дивизия была сформирована в сентябре 1939 г. в г. Горьком как 136-я стрелковая дивизия. За отличие в Советско-финской войне награждена орденом Ленина. С начала Великой Отечественной войны до описываемых событий участвовала в боях северо-западнее Мелитополя, в Донбасской и Ростовской (1941) операциях, оборонительных боях в Донбассе, Сталинградской битве. За боевые заслуги 17 феврале 1942 г. преобразована в 15-ю гвардейскую стрелковую дивизию. См.: *Васильев С. И., Дикань А. П.* Гвардейцы пятнадцатой. М., 1960.

[81] 29 ноября 1941 г. в результате контрнаступления 9-й и 56-й армиями был освобожден Ростов-на-Дону, занятый 21 ноября войсками 1-й танковой армии генерала Э. Клейста.

[82] Орден Красного Знамени (первоначальное название – орден «Красное Знамя») – первый общесоюзный советский орден. Учрежден 1 августа 1924 г. До учреждения ордена Ленина в 1930 г. оставался высшим орденом Советского Союза.

[83] Приказ Сталина от 28 июля 1942 г. № 227 («Ни шагу назад!»), ужесточавший дисциплину в Красной армии, запрещавший отход войск без приказа, вводивший формирование штрафных подразделений из числа провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости – штрафные батальоны в составе фронтов и штрафные роты в составе армий, а также заградительные отряды в составе армий.

28 июля 1942 г.

г. Москва

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется вглубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную армию, а многие из них проклинают Красную армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения, и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, каждый красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского Союза – это не пустыня, а люди – рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы и матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, – это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн населения, более 80 млн пудов хлеба в год и более 10 млн тонн металла в год. У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас – это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли мы выдержать удар, а потом отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно, и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять свою Родину.

Нельзя дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот приказ – значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель – покорить чужую страну, а наши войска, имеющие цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

ВЕРХОВНОЕ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ ПРИКАЗЫВАЕТ:

1. Военным советам фронтов и, прежде всего, командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций, без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от 1 до 3 (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и, прежде всего, командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа

командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от 5 до 10 (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны

И. СТАЛИН.

[84] Здесь и далее на протяжении всей записи Вл. Гельфанд практически пересказывает текст приказа № 227.

[85] Село на правом берегу реки Волги.

[86] Описка автора: Петербург.

[87] Вл. Гельфанд пересказывает популярный исторический анекдот, связанный с императором Николаем I, при котором была построена железная дорога между Петербургом и Москвой.

[88] Согласно Уставу, принятому в 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), вступающие в члены партии представляли рекомендации трех членов партии, имеющих не менее трех лет партийного стажа и знающих их по совместной работе не менее одного года. Порядок приема в кандидаты был тот же, что и при приеме в члены партии. Кандидатский стаж устанавливался сроком в один год. После начала войны, 19 августа 1941 г., ЦК ВКП(б) принял постановление «О порядке приема в партию особо отличившихся в боях красноармейцев и начальствующего состава Красной армии», согласно которому для вступления бойцов в партию в условиях фронта было достаточно рекомендации трех членов партии с годичным партийным стажем, знающих их по совместной работе и менее одного года. В этом случае боевая характеристика давалась политруком подразделения или комиссаром части. 9 декабря 1941 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О приеме в члены ВКП(б) кандидатов, отличившихся в боях с немецкими захватчиками». По нему политорганам Красной армии было разрешено принимать в члены ВКП(б) отличившихся в боях военнослужащих после 3-месячного кандидатского стажа. Вследствие этих постановлений во

второй половине 1941 г. только в кандидаты партии было принято 137 тыс. военнослужащих, в четыре раза больше, чем в первом полугодии. К концу 1941 г. в Красной армии и флоте находилось 1 млн 234 тыс. коммунистов – в два раза больше, чем накануне войны, что составляло две пятых всех членов партии. В два раза, чем перед войной, увеличилось и количество армейских и флотских партийных организаций.

[89] Керчь была оккупирована 16 ноября 1941 г. 30 декабря 1941 г. была освобождена силами Закавказского и Черноморского фронтов в ходе Керченско-Феодосийской десантной операции. По случаю освобождения Керчи и Феодосии Сталин обратился с поздравлением к командующему Кавказским фронтом генерал-лейтенанту Д. Т. Козлову и командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Ф. С. Октябрьскому, в котором говорилось: «Приветствую доблестные войска генерала Первушина и генерала Львова и славных моряков группы военных кораблей капитана первого ранга Басистого, положивших начало освобождения Крыма». (См. передовицу: Наша победа в Крыму // Правда. 1941. 31 декабря. С. 1.) 15 мая 1942 г. Керчь была вновь оккупирована и окончательно освобождена лишь 11 апреля 1944 г.

[90] Одна из таких заметок сохранилась в семейном архиве:

«Сделаем каждый окоп неприступной крепостью обороны».

Враг близко. Он ломится в двери Сталинграда. Враг высунул язык от бессильной ярости. Он бросил на наш участок все, чем он располагает в данный момент: танки, самолеты, минометы и бронемашины. Ему сейчас ничего не жалко, ибо он чувствует свой близкий конец, чувствует свою неминуемую гибель. Наше командование приказало нам поглубже окопаться, чтобы с минимальными потерями с нашей стороны нанести врагу последний роковой удар, от которого ему нельзя будет уже оправиться.

Наши бойцы по-боевому взялись за дело. Дни и ночи, проведенные за рытьем окопов, привели к неплохим результатам. Сейчас, когда работа уже закончена, мы можем подвести итоги нашего труда, который не пройдет даром, если враг сунется на нашу оборону. Наши блиндажи не пробьет мина 82-мм миномета – с гордостью заявляют бойцы; мина 120 мм, 120-миллимитрового миномета не разрушит нашего блиндажа, с полным основанием заявляют другие. Да, мы хорошо поработали и можем гордиться своими трудами.

Работать было трудно, каждый кусок земли, поднимаемый на поверхность нашими руками, стоил нам больших усилий. Но тем большее удовлетворение испытываем от нашей работы. Мы вырыли себе надежное укрытие от вражеских мин и снарядов, от вражеских снарядов и авиации, и танков. Враг сломает спину об нашу стойкость и непоколебимость. Мы не отступим ни на шаг, не пустим врага через нашу оборону, сделаем каждый окоп неприступной крепостью нашей обороны – такова наша задача.

[91] Красноармейская газета.

[92] В семейном архиве сохранилась вырезка из газеты «Сталинский воин» от 2 ноября 1942 г. № 252 со статьей Вл. Гельфанда, подписанной псевдонимом Мих. Маккавцев.

«Комсомольцы одной роты»

Растянувшись на песчаном полу землянки, комсомолец Владимир Гельфанд старательно выводил на листе бумаги последнюю букву кутузовского приказа – «Стоять насмерть!»

День клонился к концу, и в блиндаже стоял полумрак. Редактор торопился выпустить «Боевой листок» засветло, так как завтра с рассветом ожидалось наступление противника.

– Ну что, написал? – обратился Гельфанд к вошедшему агитатору Горшкову.

– Написать-то написал, да не то, что ты хотел. Видишь ли, Володя, о сбережении миномета можно сказать в следующем номере. А о ведении прицельного огня необходимо сегодня. [...] вопросу только что провел у себя во взводе беседу.

Горшков присел на корточки и стал рассматривать «Боевой листок».

– Вот правильно!

– Ты о чем это? – спросил Гельфанд.

– Да о занятиях Роенко с бойцами-киргизами.

– А вообще-то у нас в этом деле прореха. Мне думается, нам следовало бы специально обсудить на президиуме вопрос о работе комсомольцев с бойцами нерусской национальности.

– Ну что ж, давай на очередном заседании этот вопрос поставим, – проговорил Горшков и поднялся по редким ступенькам блиндажа наверх.

После артиллерийской подготовки [...] серой степи и неторопливого осеннего рассвета.

Рота гвардейцев-минометчиков отражала удар двух вражеских батальонов. Снайперские расчеты Горшкова и Лайкова действовали по соседству. В короткие паузы между залпами то и дело звучали уверенные команды закадычных друзей-комсомольцев Петра и Сергея. Чуть левее их залпам вторил раскатный грохот минометов Роенко и Гельфанда.

Два часа над степью стонал воздух. Поле боя было устлано трупами солдат и офицеров. Но фашисты не унимались. С отчаянностью обреченных бросились они на советский рубеж. Вот уже каких-нибудь 200–300 метров отделяет обороняющихся от атакующих. Заряжающий Величко обливается потом, а командир Горшков не перестает торопить:

– А ну, ребятки, поддай еще огонька!

Стремительным и сильным огнем гвардии минометчики сорвали вражескую атаку. Поредевшие ряды немцев отхлынули назад, и как раз в это время к [...] сержант, боеприпасы кончились.

Чтобы не дать гитлеровцам понять о случившемся, Горшков схватил винтовку и, крикнув своему расчету: «За мной!», бросился вслед за отступающими немцами. За расчетом Горшкова с винтовками наперевес кинулись вперед все остальные минометчики. Разбитый и обескровленный фашистский зверь залез в свое прежнее логово.

После горячего боя состоялось ротное открытое комсомольское собрание. Усевшись на выжженной полыни в тесный кружок, бойцы пели задорную песенку:

– Эх, Андрюша, нам ли быть в печали...

– Не прячь гармонь, играй на все лады...

[...]

– На повестке сегодня у нас два вопроса, – продолжал комсор, – обсуждение первых итогов предоктябрьского соревнования и прием в комсомол.

– В сегодняшнем бою, – начал командир роты Чурин, – как и в предыдущих схватках с врагом, наши комсомольцы продемонстрировали воинское мастерство и мужество. Сейчас мы имеем 4 офицерских расчета. Три из них возглавляются комсомольцами Горшковым, Лайковым и Роенко. На боевом счету Горшкова 250 уничтоженных гитлеровцев и 5 огневых точек противника. 120 фашистов истребил сегодня расчет Гельфанда...

После доклада командира роты в прениях выступили комсомольцы. Они рассказали о том, как проходит боевое соревнование между расчетами, покритиковали отдельных товарищей и поставили перед собой новые задачи.

Когда с первым вопросом было покончено, председательствующий зачитал заявление о приеме в комсомол гвардии младшего сержанта Шаповаленко.

– У кого имеются вопросы к Шаповаленко? – обратился к собранию [...]

– Сколько ты сегодня убил фрицев? – спросил кто-то.

Шаповаленко встал, негромко ответил:

– Сто сорок.

– Вот это да! Так бы всем лупить немца, да каждый день, – проговорил все тот же голос.

Собрание единогласно приняло Шаповаленко в ряды ВЛКСМ.

– Итак, в нашем полку прибыло, – заключил комсорг.

– Вот это полк, из 17 [...], – попытался кто-то сострить.

– Да, товарищи, зло оборвал замкомроты по политчасти гвардии младший политрук Нестеренко. – 17 честных и храбрых воинов могут заставить дрожать сотни вражеских солдат. Вспомните 53 героических защитников Сталинграда. Об их стойкость разбилась [...]

Собрание закончено. Все поднялись с мест.

– Товарищи! Минутку внимания! – обратился комсорг. – К празднику мы готовим вечер художественной самодеятельности. Желающих принять участие в нем прошу записаться у меня.

– Товарищ гвардии лейтенант! Пишите меня. Прочитаю свои стихи, – сказал гвардии сержант Гельфанд.

Кто-то из бойцов растянул гармонь...

[93] Начиная с 10 августа 1942 г., в оперативных сводках Совинформбюро сообщалось, что «наши войска вели ожесточенные бои в районах Краснодар, Майкоп», 10 августа был сдан Пятигорск, с 11 августа к этому списку добавился Черкесск, с 13 – Минеральные Воды. В вечернем выпуске от 16 августа сообщалось: «Наши войска оставили город Майкоп».

[94] Ессентуки были оккупированы немецкими войсками 10 августа 1942 г.

[95] Ездовой – кучер при воинской повозке в артиллерии и т. п.

[96] Цуг Теучéж (наст. имя и фам. Тагир Алиевич Теучеж, 1855–1940), адыгский (черкесский) поэт-ашуг, народный поэт Адыгеи. Член Союза писателей СССР (1939). Автор исторических поэм «Война с князьями и орками» (1938), «Урысбий Мэфоко» (1939), поэмы «Родина» (1939), а также стихов: «Счастье», «Стаханов» и др.

[97] Павленко Петр Андреевич (1899–1951), советский писатель, один из наиболее одиозных деятелей советской литературы сталинской эпохи, четырежды лауреат Сталинской премии (первая – в 1941 г.). Во время Великой Отечественной

войны – специальный корреспондент газет «Правда» и «Красная звезда» (в 1941 г. получил звание бригадного комиссара). В 1942–1943 гг. – председатель Оборонной комиссии Союза писателей СССР.

[98] Стальский Сулейман (1869–1937), лезгинский поэт-ашуг, народный поэт Дагестана. Начал писать стихи на рубеже XX в. В 1930-е гг., после того как М. Горький на I съезде советских писателей назвал Стальского «Гомером XX века», его произведения – поэма «Дагестан», «Поэма о Серго Орджоникидзе, любимом сподвижнике и друге великого Сталина», «Думы о родине», стихи о Сталине – переводились на русский язык и активно пропагандировались.

[99] ППС – полевая почтовая станция различных соединений и объединений (бригад, дивизий, корпусов, армий, фронтов) Красной армии. С 22 июня 1941 г. было зарезервировано и введено в действие 4000 номеров, которые присваивались по мере формирования новых военных частей. Использовались в течение всей войны, несмотря на замену их с 6 февраля 1943 г. (Приказ НКО № 0105 «О порядке адресования корреспонденции в Красной армии и правилах сношения войсковых частей и соединений с гражданскими организациями и частными лицами») пятизначными условными номерами военных частей, названными словосочетанием «Войсковая часть – полевая почта».

[100] Хутор в Сталинградской (ныне – Волгоградской) области.

[101] Большие Чапурники – село в Светлоярском районе Сталинградской (ныне – Волгоградской) области.

[102] ППШ – 7,62-мм пистолет-пулемет образца 1941 г. системы Шпагина (в просторечье – «папаша») – советский пистолет-пулемет, разработанный в 1940 г. конструктором Г. С. Шпагиными принятый на вооружение Красной армии 21 декабря 1940 г. ППШ являлся основным пистолетом-пулеметом советских вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны.

[103] В районе Сталинграда разведчики FW-189 постоянно находились над позициями наших войск. «Фокке-Вульфы» обычно действовали на высоте 1000 м, откуда следили за переброской частей пехоты и танков, фотографировали стоянки самолетов, позиции зенитных батарей, склады, обнаруживали резервы, а также корректировали огонь артиллерии. Разведчики работали почти в любых метеоусловиях, а попадая в зону действия ПВО, уходили на высоту до 3000 м. Помимо «Рамы» и Hs-126 немцы часто использовали в качестве корректировщика связной самолет «Фюзелер» Fi-156 «Шторх» («Аист»), которому для разбега требовалось всего лишь 60 м и примерно столько же для посадки. Кабина была спроектирована так, чтобы обеспечить хороший обзор по всем направлениям. Боковые части фонаря кабины выступали в виде балкончиков, что обеспечивало обзор вертикально вниз. Потолок кабины также был весь прозрачный. Три сиденья располагались друг за другом. Переднее сиденье предназначалось для пилота. Заднее сиденье было съемным, и на его месте устанавливался фотоаппарат.

[104] *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: В 12 т. / под ред. Л. Брик и И. Беспалова. М., 1934–1938.

[105] Успенский Глеб Иванович (1843–1902), писатель, в 1870-е гг. был близок к народникам; постоянный сотрудник журнала «Отечественные записки» в период его руководства Н. А. Некрасовым и М. Е. Салтыковым-Щедриным.

Значительная часть его творчества была посвящена теме пореформенной деревни. Возможно, Вл. Гельфанд имеет в виду книгу «Глеб Успенский. Материалы и исследования». Т. 1. М.; Л., 1938.

[106] После выхода в конце августа 1942 г. на рубеж Прохладный – Моздок – Ищерская немецкое командование ставило задачу прорвать оборону советских войск на реке Терек для продвижения в нефтяные районы Кавказа. С 1 по 28 сентября на этом участке фронта проходила Моздок-Малгобекская оборонительная операция Северной группы войск Закавказского фронта. В связи с этим в августе и начале сентября оперативные сводки Совинформбюро регулярно сообщали о боях на Северном Кавказе, в том числе, в районе Прохладный – с 24 августа, а с 26 августа к ним добавились сообщения о Моздоке.

[107] В оперативной сводке Совинформбюро от 26 августа 1942 г. сообщалось: «Наши войска на Западном и Калининском фронтах перешли в наступление и прорвали оборону противника. Немецкие войска отброшены на 40–50 километров... В результате успешного наступления наши войска на Западном и Калининском фронтах освободили 610 населенных пунктов, в числе их города Зубцов, Карманово, Погорелое-Городище».

[108] Статья В. И. Ленина, впервые опубликованная 9 апреля 1917 г. в газете «Правда» («Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве...»), входившая в годы советской власти в обязательный минимум политпросвещения.

[109] Книга экономиста и журналиста, сотрудника газеты «Правда» Владимира Ароновича Хандроса (1898–1944) «Творческая работа корреспондента» (М.: Правда, 1941), вышедшая в серии «Курсы редакторов стенных газет и рабселькоров».

[110] *Хандрос В. А.* Указ. соч. С. 18.

[111] Роман И. Г. Эренбурга «Падение Парижа» (1941), посвященный событиям Второй мировой войны в Европе, получивший Сталинскую премию по литературе первой степени (1942).

[112] Вторая часть трилогии Л. Фейхтвангера о римском историке Иосифе Флавии [первая часть романа – «Иудейская война» (1932), вторая – «Сыновья» (1935), третья – «Настанет день» (1945)].

[113] Райт (Wright) Ричард (1908–1960), американский писатель. Роман «Сын Америки» (1940) посвящен судьбе американского негра, обреченного обществом на преступление и вместе с тем проходящего путь духовной эволюции.

[114] Роман Т. Манна, посвященный И.-В. Гете.

[115] «Педагогическая поэма» (1925–1935) – самое известное произведение А. С. Макаренко.

[116] Вл. Гельфанд имеет в виду две первые книги романа А. Н. Толстого «Петр I», которые были закончены к 1934 г. Третья книга была начата лишь в 1943 г. Работа над ней была прервана смертью писателя в 1945 г.

[117] Роман-эпопея С. Н. Сергеева-Ценского (1875–1958) «Севастопольская страда» (1937–1939) посвящен первой обороне Севастополя (1854–1855 гг.) во время Крымской войны.

[118] *Хандрос В. А.* Указ. соч. С. 22.

[119] «В воспоминаниях тов. Карпинского о Ленине приводится интересный случай: Владимир Ильич отказался дать совет по одному вопросу, потому что не знал его исчерпывающе:
"...Слыхал, – писал Ленин, – но только слыхал".
И тут же добавил:
"Я не возьмусь высказаться решительно по этому вопросу, не прочитав отчетов... Вопрос сложный".
Вот образец ответственного отношения к своему слову!» // *Хандрос В. А.* Указ. соч. С. 23.

[120] Карл Маркс (1818–1883) начал изучать русский язык в 1869 г. параллельно с работой над 2-м и 3-м томами «Капитала» во время работы над переводами 1-го тома на другие языки. Он помогал Г. А. Лопатину и Н. Ф. Даниельсону в подготовке русского издания, вышедшего в 1872 г.

[121] Новороссийск был частично захвачен немецкими войсками 10 сентября 1942 г. Освобожден 16 сентября 1943 г.

[122] При заряде миномета на мину крепился один или несколько мешочков с порохом. Названия зарядов давалось по номерам (количеству) таких мешочков.

[123] Вероятно, имеется в виду «Вестник академии наук СССР», ежемесячный журнал, выходивший с 1931 г.

[124] «Красная новь» – первый «толстый» советский литературно-художественный и научно-публицистический журнал, выходивший в 1921–1941 гг. Среди его авторов были М. Горький, В. В. Маяковский, С. А. Есенини др., в нем публиковались также статьи партийных и государственных деятелей. К 1941 г. тираж издания составлял 45 000 экз. Осенью 1941 г. редакция журнала была эвакуирована, летом 1942 г. его выпуск был прекращен.

[125] «Новый мир» – ежемесячный литературно-художественный журнал, издававшийся с 1925 г. В журнале публиковались К. А. Федин, Вс. В. Иванов, Ф. В. Гладков, М. М. Пришвин, В. П. Катаев, М. В. Исаковский, А. А. Сурков, С. Я. Маршак, Б. Л. Пастернак и др.

[126] Андерсен-Нексё Мартин (1869–1954), датский писатель. Его роман «Пеллезавоеватель» (1906–1910) был отмечен В. И. Лениным как произведение пролетарской литературы. После Октябрьской революции 1917 г. Андерсен-Нексё стал одним из основателей Коммунистической партии Дании. В 1922 г. побывал в Советской России. Творчество Андерсена-Нексё активно пропагандировалось в СССР. В 1941 г. во время оккупации Дании нацистской Германией был арестован, 1943 г. бежал и через Швецию перебрался в СССР, где вел антифашистские радиотрансляции на Данию и Норвегию. После окончания Второй мировой войны жил в ГДР.

[127] Василевская Ванда Львовна (1905–1964), польская и советская писательница, поэт, драматург, сценарист и общественный деятель, лауреат трех Сталинских премий (1943, 1946, 1952). Дочь одного из лидеров Польской социалистической партии, в 1918–1919 гг. – министра иностранных дел Польши; жена писателя А. Корнейчука. В 1939 г. переехала в присоединенный к Украине Львов и приняла советское гражданство. В 1940 г. избрана депутатом Верховного Совета СССР. В 1941 г. вступила в ВКП(б). Во время Великой Отечественной

войны работала в Политуправлении РККА агитатором, ей было присвоено звание полковника. При жизни была названа классиком, ее произведения были включены в школьную программу.

[128] Возможно, речь идет о книге: «Ленин о литературе: сборник статей и отрывков» (М.: Гослитиздат, 1941).

[129] Вероятно, имеется в виду книга «Беседы с начинающими писателями: Итоги двухлетней работы [1932–1933–1934]: К Всесоюзному съезду советских писателей» (Л., 1934), выпущенная к I Всесоюзному съезду советских писателей. Книга представляла собой отчет о работе с начинающими писателями сотрудников Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинского Дома) и включала обзор выступлений сотрудников института: Н. К. Пиксанова, Ю. Г. Оксмана, В. В. Буша, В. В. Гиппиуса и др.

[130] «Крокодил» – иллюстрированный сатирический журнал (основан в 1922 г., вначале как приложение к «Рабочей газете»). С начала 1930-х гг. – единственный сатирический журнал в СССР. Сатира «Крокодила» не ограничивалась бытовыми темами – разоблачениями бюрократов, пьяниц, взяточников, халтурщиков, но отражала также события внутренней и внешней политики, обличая «врагов народа» и «агентов мирового империализма».

[131] «Огонек» – журнал, основанный в 1899 г. и возобновленный в 1923 г. Одно из самых популярных иллюстрированных советских периодических изданий.

[132] Село в Сталинградской (ныне – Волгоградской) области.

[133] В письме от 14 сентября 1942 г. отец писал Вл. Гельфанду: «<...> Я один очутился в Дербенте после эвакуации, а все остальные остались в Ессентуках. За пару дней перед эвакуацией из Ессентуков дядя Лева и тетя Роза приехали по командировке в Ессентуки с колхозным вином <...>. Когда эвакуировались, я вместе с Левой и Сарой Хавкой и Розой ушли из Ессентуков пешком, а мама не могла идти, а подводы ни в коем случаем нельзя было нанять, и Бузя, видимо, поэтому тоже осталась в Ессентуках, а тетя Поля и дядя Исак с детьми остались наверно тоже через маму или потому, что Анечка накануне эвакуации заболела с температурой 39 <...>». Рассказ об этом был продолжен в письме Л. С. Гельфанда, дяди Вл. Гельфанда, от 23 сентября: «<...> 2 августа мне удалось приехать в Ессентуки, но наши совсем еще не думали двигаться. Я их расшевелил, приготовились, но у тети Поли заболела Аня, что она не могла двигаться с места. А тетя Бузя с бабушкой собрались. Вынесли вещи на край станицы. Выход из Ессентуков был возле папиного колхоза. Там мы просидели с утра до вечера, и нельзя было уговорить никого из проезжающих подвод и машин забрать наш багаж, чтоб мы пешком следовали за подводой. Так мы промучились до 3 часов дня 5/VIII. Видя безнадежное положение, мне пришлось попрощаться с ними и уйти пешком, уговорившись с ними, чтобы они вернулись, и назавтра совместно с Исааком достали подводу и ехали в Дербент. Пройдя километров 5, твой папа обогнал нас на тракторе. Видя, я очень обрадовался, думал, что и тетя Бузя с бабушкой тоже едут, но потом оказалось, что они остались. И получилось, что папа твой у нас, а все остальные остались в Ессентуках. Что с ними делается сейчас, Аллах его ведает <...>». В письме от 1 октября 1942 г. отец сообщал Вл. Гельфанду новые подробности:

«<...> За несколько дней до эвакуации из Ессентуков дядя Лева и тетя Роза по случаю командировки очутились в Ессентуках и не успели обратно уехать – началась эвакуация. Все наши и Розины родные думали вместе нанять подводу или машину, добраться до Нальчика или Прохладного, но ни за какие деньги подводу нельзя было найти. Так мы все собрались идти пешком. К несчастью у тети Поли серьезно заболела Анечка, и пришлось без тети Полиной семьи уходить. Так с дядей Левой вышел я, тетя Бузя и бабушка, но бабушку мы дальше не смогли дотащить пешком, как до колхоза им. Кирова и там мы вынуждены были прийти к решению, чтоб тетя Бузя пока осталась с бабушкой. Может, им удастся через день-два достать подводу. Я с Левой и тетей Розой пошли дальше пешком, пока добрались до Прохладного и дальше до Дербента, а всех остальных наших до сегодняшнего дня мы не дождались. И какая участь их постигла – мы не знаем <...>». Получив эти известия, Вл. Гельфанд писал 3 ноября матери: «<...> У папы большое горе – вся его семья осталась в Ессентуках <...>». Почти четырнадцать лет спустя, 30 апреля 1957 г. Вл. Гельфанд записал в дневнике: «...Самый непонятный для меня вопрос – о судьбе родственников из Ессентуков и судьбе Сёмы теперь разъяснился. Оказывается, они не хотели ехать, несмотря на то что дядя Лева готов был отдать 20 тысяч за автомашину до Дербента. Были беспечны, не верили, что немцы убивают евреев. А когда спохватились, было уже поздно.

Тронулись все вместе, толкая перед собой тачку, но тачка сломалась, Анечка заболела, бабушка не имела сил передвигаться в такую даль...

Дядя Лева с тетей Розой и Яником по настоянию бабушки уехал раньше. Папа поехал с тремя чемоданами со скотом. Потом он перебрался на комбайн. Дорогой встретились с дядей Левой и от Прохладной поехали поездом.

...Подробности смерти всех раздирают душу.

Нюра потом плакала, каялась, что не послушала дядю Леву и не пошла с ним. Об этом рассказали очевидцы».

[134] Возможно, гвардии сержант, минометчик Михаил Абдулкадыров (р. 1922). Призван в РККА в 1940 г. (Каахкинский РВК, Ашхабадская обл., Туркменская АССР). Награжден медалью «За отвагу» (май 1944) и Орденом Отечественной войны II степени (февраль 1945).

[135] БМ-37 калибра 82-мм образца 1937 г. и миномет калибра 50-мм, разработанный в 1938 и усовершенствованный в 1940 г.

[136] Ср. с записью из письма Вл. Гельфанда матери от 3 ноября: «<...> Недавно я пополз в оставленный румынский окоп, где никого не было. Оттуда вынес винтовку, плащ-палатки, сумку кожаную и прочее. Когда-либо я тебе много расскажу <...>».

[137] В Ленинске, расположенном в 50 км от Сталинградана левом берегу реки Ахтубы, в 1942 г. размещалось более двух десятков эвакогоспиталей.

[138] Панариций – острое гнойное воспаление, которое развивается в результате попадания инфекции вглубь тканей пальца.

[139] Село в Сталинградской (ныне – Волгоградской) области.

[140] Из письма матери от 27 декабря: «Дорогая мамочка! Сейчас я с панарицием большого пальца правой руки (болезнь не опасная) лежу в госпитале недалеко от Саратова (км 250), но по эту сторону Волги <...>».

1943

[1] Медали «За отвагу» и «За боевые заслуги» учреждены Указом Президиума Верховного Совета СССР 17 октября 1938 г.

[2] Старобельск – город районного значения в Луганской области; первый освобожденный от фашистов город на Украине (18 декабря 1942 г.). Красная Поляна – поселок городского типа в Адлерском районе Краснодарского края (в настоящее время – часть муниципального образования города-курорта Сочи). Село Безопасное расположено в Ставропольском крае. Армавир был освобожден 23 января 1943 г.

[3] Стратегическое наступление на Северном Кавказе развернулось в начале 1943 г. совместными усилиями Южного и Закавказского фронтов.

[4] Алагир – город в Северной Осетии; освобожден 24 декабря 1942 г. войсками Закавказского фронта в ходе контрудара на нальчикском направлении. Котляревская – станица в Майском районе Кабардино-Балкарии; освобождена частями Красной армии 3 января 1943 г.

[5] Моздок был освобожден войсками Закавказского фронта в ходе Северо-Кавказской операции 3 января 1943 г. 5 января освобожден Нальчик, 10 января – город Георгиевск Ставропольского края, 11 января – Минеральные Воды, Пятигорск, Кисловодск и Ессентуки.

[6] См. прим. 59 и 65 (1942).

[7] Справка сохранилась в семейном архиве:
НКО [...] госпиталь № 3389

Справка
Выдана госпиталем л[егко] р[аненых] № 3389 военнослужащему тов. Гельфанд Вл. Н. в том, что он находился на излечении в госпитале л[егко] р[аненых] № 3389 с 28 декабря 1942 г. по 28 января 1943 г. За это время денежным содержанием не удовлетворен ввиду отсутствия денежных средств.
Начальник финансовой части: М. Ми[ро]нов [?]
28 января 1943 г.

[8] Путь Вл. Гельфанда в госпиталь проходил через территорию бывшей АССР Немцев Поволжья (АССР НП, *нем.* Autonome Sozialistische Sowjetrepublik der Wolgadeutschen), существовавшую с 19 декабря 1923 г. (автономия поволжских немцев в составе РСФСР существовала с 19 октября 1918 г.). Этим объясняются и немецкие названия сел. Так, Шенфельд – несколько искаженная передача немецкого слова Шёнфельд (*нем.* Schönfeld), закрепившегося за несколькими топонимами на территории бывшей Российской империи. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. жители республики, обвиненные «в недонесении» на немецких «диверсантов и шпионов» были выселены в Казахскую ССР, на Алтай и в Сибирь. Всего из региона было выселено 438,7 тыс. человек, в т. ч. из АССР НП – 365,8, из Саратовской обл. – 46,7 и из Сталинградской обл. – 26,2 тыс. человек. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1941 г. территория АССР Немцев Поволжья была разделена между Саратовской и Сталинградской областями, при том что юридически АССР Немцев Поволжья упразднена не была.

[9] Судя по всему, неточное название. Вероятно, имеется в виду сборник «Работа над книгой». Симферополь: Крымгиз, 1939. Серия «В помощь изучающим историю ВКП(б)».

[10] Карпёнка – село Краснокутского района Саратовской области.

[11] Железнодорожная станция в Сталинградской (ныне – Волгоградской) области.

[12] С 1940 по 1957 г. название Молотов носил город Пермь.

[13] Муж Анны Владимировны Городынской, тети Вл. Н. Гельфанда. До войны работал главным инженером на заводах в Днепродзержинске, а затем в Днепропетровске.

[14] В сводке Совинформбюро от 31 января 1943 г. сообщалось: «Войска Донского фронта в боях 27–31 января закончили ликвидацию группы немецко-фашистских войск, окруженных западнее центральной части Сталинграда. В ходе боев, а также показаниями захваченных в плен немецких генералов установлено, что к 23 ноября 1942 года под Сталинградом было окружено по меньшей мере 330 тысяч войск противника, если считать также тыловые, строительные и полицейские части, а не 220 тысяч, как сообщалось об этом ранее. <...> Сегодня нашими войсками взят в плен вместе со своим штабом командующий группой немецких войск под Сталинградом, состоящей из 6-й армии и 4-й танковой армии, – генерал-фельдмаршал Паулюс и его начальник штаба генерал-лейтенант Шмидт. Фельдмаршальское звание Паулюс получил несколько дней назад. Кроме того, взяты в плен следующие генералы: 1) командир 14-го танкового корпуса генерал-лейтенант Шлеммер, 2) командир 51-го армейского корпуса генерал-лейтенант Зейдлитц, 3) командир 4-го армейского корпуса генерал-лейтенант артиллерии Пфефер, 4) командир 100-й легкой пехотной дивизии генерал-лейтенант Санне, 5) командир 29-й мотодивизии генерал-лейтенант Лейзер, 6) командир 295-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Корфес, 7) командир 297-й пехотной дивизии генерал-майор Мориц фон Дребер, 8) командир 376-й пехотной дивизии генерал-лейтенант фон Даниэль, 9) командир 44-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Дюбуа, 10) начальник артиллерии 4-го армейского корпуса генерал-майор Вольф, 11) начальник артиллерии 51-го армейского корпуса генерал-майор Ульрих, 12) командир 20-й пехотной дивизии румын, бригадный генерал Димитриу, 13) командир 1-й кавалерийской румынской дивизии генерал Братеску, 14) начальник санитарной службы 6-й армии генерал-лейтенант Отто Ринольди. Всего, следовательно, взято в плен 16 генералов. <...>».

[15] Воронеж был полностью освобожден 25 января 1943 г. после того, как 60-я армия генерал-лейтенанта И. Д. Черняховского выбила немецкие части из правобережных кварталов города. 29 января части 13-й и 38-й армий и 4-го танкового корпуса полностью освободили важный узел коммуникаций в районе поселка Касторное. Всего в ходе наступления с 25 по 29 января войска Воронежского фронта взяли в плен 22 тыс. человек. 1 февраля сводка Совинформбюро сообщала: «Войска Воронежского фронта овладели районными центрами Советский, Ястребовка и железнодорожной станцией Кшень».

[16] Белореченская – железнодорожная станция Северо-Кавказской железной дороги, расположена в г. Белореченске (Краснодарский край). Освобождена 31 января 1943 г. частями 353-й и 31-й стрелковых дивизий.

[17] Сватово – город и железнодорожная станция в Луганской области на Украине; освобожден 31 января 1943 г. войсками Юго-Западного фронта в ходе Ворошиловградской операции. Лабинск – город в Краснодарском крае; освобожден 25 января 1943 г.

[18] См. прим. 27 (1942).

[19] Сталинградская битва продолжалась с 17 июля 1942 по 2 февраля 1943 г. В Оперативной сводке Совинформбюро за 2 февраля сообщалось: «Сегодня, 2 февраля, войска Донского фронта полностью закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда. Наши войска сломили сопротивление противника, окруженного севернее Сталинграда, и вынудили его сложить оружие. Раздавлен последний очаг сопротивления противника в районе Сталинграда. 2 февраля 1943 года историческое сражение под Сталинградом закончилось полной победой наших войск. За последние два дня количество пленных увеличилось на 45 000, а всего за время боев с 10 января по 2 февраля наши войска взяли в плен 91 000 немецких солдат и офицеров. <...> Всего нашими войсками в боях под Сталинградом взято в плен 24 генерала и более 2500 офицеров. За время генерального наступления против окруженных войск противника, с 10 января по 2 февраля, по неполным данным, наши войска взяли следующие трофеи: самолетов – 750, танков – 1550, орудий – 6700, минометов – 1462, пулеметов – 8135, винтовок – 90 000, автомашин – 61 102, мотоциклов – 7369, тягачей, тракторов, транспортеров – 480, радиостанций – 320, бронепоездов – 3, паровозов – 56, вагонов – 1125, складов с боеприпасами и вооружением – 235 и большое количество другого военного имущества. Подсчет трофеев продолжается».

[20] Купянск, Красный Лиман, Рубежное и Пролетарск были освобождены 31 января 1943 г. Сводка Совинформбюро от 3 февраля 1943 г. сообщала: «На Украине наши войска овладели городом и крупным железнодорожным узлом Красный Лиман, железнодорожным узлом Купянск, а также городом и железнодорожной станцией Кременная, городом и железнодорожной станцией Рубежное, городом Пролетарск».

[21] Ростов-на-Дону, Ворошиловград и Красный Сулин были освобождены частями Красной армии 14 февраля 1943 г. после победы под Сталинградом в ходе общего отступления вермахта на южном участке Восточного фронта.

[22] Харьков был оккупирован немецкими войсками 25 октября 1941 г. Неудачная попытки его освобождения предпринималась в мае 1942 г. В 1943 г. после победы под Сталинградом и успешного наступления на Верхнем Дону советские войска провели операцию «Звезда», которая предусматривала прорыв танковых и кавалерийских соединений в немецкий тыл. В операции принимали участие соединения 3-й танковой и 6-й армий, 18-й отдельный стрелковый корпус, 40-я и 60-я и 69-я армии и 3-я танковая армия П. С. Рыбалко, с которой взаимодействовал 6-й гвардейский кавалерийский корпус. 15 февраля советские войска начали штурм Харькова. 16 февраля – вошли в Харьков и продолжили наступление. Воспользовавшись тем, что наступление советского Южного фронта было остановлено на рубеже реки Миус, немецкое командование сумело высвободить значительные силы и 22 февраля в результате мощно-

го контрудара взяло Павлоград, через который шло снабжение наступающих войск. Советские танки встали в 20 км от Запорожья – закончилось горючее. Автотранспорт в условиях весенней распутицы не смог организовать снабжение. К 1 марта инициатива полностью перешла в руки противника, и 10 марта Харьков был вновь захвачен немецкими войсками. Окончательное освобождение города произошло лишь 23 августа 1943 г.

[23] К юбилею Сталина, отмечавшемуся в конце 1939 г., было выпущено несколько сборников. Возможно, речь идет о книге: «Сталин: К 60-летию со дня рождения», набранной в типографии газеты «Правда» тиражом 300 000 экз. Помимо официальных приветствий от ЦК ВКП(б) и указов и постановлений о присвоении Сталину звания Героя социалистического труда, об учреждении премий и стипендий имени Сталина и юбилейных статей из газеты «Правда», в сборник вошли статьи В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, Л. М. Кагановича, М. И. Калинина, Л. П. Берии, Н. С. Хрущева и др.

[24] Сатирическая пьеса М. Е. Салтыкова-Щедрина «Соглашение» (в первоначальной редакции – «Съезд» (1859), впервые опубликована в журнале «Время» (1862, № 4) вместе с пьесой «Погоня за счастьем» под общим заглавием «Недавние комедии») представляет собой отклик на события, относящиеся к подготовке отмены крепостного права.

[25] Евреев, севших на наши шеи (*укр.*).

[26] Село в Краснокутском районе Саратовской области, расположенное на левом берегу Волги в 120 км к юго-востоку от Саратова и 10 км к северу от районного центра Красный Кут.

[27] Справки сохранились в семейном архиве:

ЭВАКУАЦИОННЫЙ ГОСПИТАЛЬ
№ [...]
28/II–1943 г.
№ 1037
_____ дня 19 Комиссия _____
по распоряжению _____ освидетельствовала
1. Фамилия, имя, отчество Гельфанд Вл. Натан.
2. Звание сержант
3. Войсковая часть и ее адрес 50 гв. п. 15 гв. д.
4. Возраст _____ С какого года служит в Красной Армии, в Морском Флоте _____
5. Место постоянного жительства до службы _____
6. Каким военкоматом призван в Красную Армию, в Морской Флот _____
7. Партийность _____
8. Рост _____ вес тела _____ окружность груди _____
11. Находился на излечении, исследовании (название лечебного заведения) в _____ с 28/I–43 по _____
12. Применявшиеся лечебные мероприятия: ранен 13/XII–42
Ранение связанное с _____
13. Находился в отпуску по болезни с _____ по _____ 194 г.
14. Объективные признаки болезни: В настоящее время рана _____ по состоянию здоровья выписывается в часть.
Нач-к в/в

СПРАВКА
Дана сержанту Гельфанду Влад. Натан. в том, что он имел ранение первый раз, легкое, в боях против немецких захватчиков на Сталинградском фронте.
Имеет право на получение «ОТЛИЧИТЕЛЬНОГО ЗНАЧКА» для раненых военнослужащих Красной Армии на фронтах отечественной войны.
НАЧ. ГЛР № 4510
в/врач III ранга Максимова.

[28] 28 февраля и 1 марта 1943 г. Совинформбюро скупо сообщало о том, что «наши войска вели наступательные бои на прежних направлениях».

[29] Продаттестат, или аттестат на продовольствие, выдававшийся вместе с командировочным предписанием на одного или нескольких военнослужащих. В нем указывались продукты, подлежащие выдаче (сахар, мыло, табак, денежное содержание и пр.), и делались отметки об их получении.

[30] Возможно, Горжий Анатолий Павлович (1916 – 07.09.1943). Родился в селе Малое-Перещепино Ново-Сенжарского района Полтавской обл. Призван в РККА 15.09.1939 (Ново-Сенжарский РВК). Награжден медалью «За отвагу» (август 1943 г.).

[31] Газета «Сталинский путь» (выходит с 1931 г. Первоначальное название «К социализму»; в 1932 г. переименована в «Голос ударника»; в 1937 г. – в «Сталинский путь»; с середины 1950-х гг. – «Знамя коммунизма», затем – «За коммунизм». С 1990-х гг. до настоящего времени выходит под названием «Краснокутские вести»). В годы войны газета выходила раз в неделю на двух страницах. Помимо боевых сводок в ней публиковались рассказы о боевых подвигах краснокутцев и тружениках тыла. Редактором газеты в эти годы был А. П. Холодовский.

[32] В сводке Совинформбюро от 4 марта 1943 г. сообщалось: «Наши войска овладели городом и железнодорожной станцией Оленино, а также заняли крупную железнодорожную станцию Чертолино. В Орловской области наши войска после упорного боя заняли город Севск. В Курской области наши войска в результате решительной атаки овладели городом и железнодорожной станцией Суджа». В оперативной сводке за 5 марта – о том, что советские «войска вели наступательные бои на прежних направлениях». В сводке за 6 марта – об овладении городом Гжатск и о наступательных боях на прежних направлениях.

[33] Танкетка – легкая (массой до 4 т) боевая одно- или двухместная броневая машина на гусеничном ходу, предназначавшаяся для подразделений моторизованной пехоты.

[34] Паулюс Фридрих (1890–1957), немецкий военачальник (с 30 января 1943 г. – фельдмаршал), командующий 6-й армией, окруженной под Сталинградом. Сдался в плен 31 января 1943 г. Традиционно считается, что Паулюс был пленен в одном из домов в центре Сталинграда, в котором до войны располагался универмаг. По другим сведениям, в доме находился Исполком.

[35] Паулюс и офицеры его штаба были взяты в плен подразделениями 38-й мотострелковой бригады и 329-го инженерного батальона 64-й армии. Просьба о сдаче в плен была передана Паулюсом советскому командованию через офицеров штаба утром 31 января 1943 г. После дополнительных переговоров с прибывшими начальником штаба 64-й армии генерал-майором И. А. Ласкиным и двумя офицерами Паулюс к 12 часам дня был доставлен в штаб 64-й армии, где

его встретил ее командующий генерал-лейтенант М. С. Шумилов. Эти события отражены, в частности, в книге И. А. Ласкина «На пути к перелому» (М.: Воениздат, 1977).

[36] См. фото.

[37] Один из районов Сталинграда, в котором находились войска 64-й и 57-й армий, единственный район в городе, на территории которого не было немецких частей.

[38] Вероятно, речь идет о погонах обершарфюрера (*нем.* – Oberscharführer) – звании в СС и СА, существовавшем в 1932–1945 гг. и соответствовавшем званию фельдфебеля в вермахте.

[39] Железнодорожная станция в Светлоярском районе Сталинградской (ныне – Волгоградской) области.

[40] Речь идет о Вечернем сообщении Совинформбюро от 9 марта, озаглавленном «Контрнаступление немцев в районе Донбасс – Харьков». В нем, в частности, говорилось: «В районе Донбасса противник пополнил растрепанные и разбитые в предыдущих боях 8 танковых и 5 пехотных дивизий и недавно спешно перебросил только в этот район из Западной Европы 12 свежих дивизий, из них 4 танковых, 1 мотодивизию и 7 пехотных дивизий. Таким образом, немцы сосредоточили на узком участке фронта 12 танковых, 1 мотодивизию и 12 пехотных, а всего 25 дивизий. В конце февраля противник этими силами предпринял сильные контратаки против наших войск, выдвигавшихся к реке Днепр. Немецкое командование намеревалось путем глубоких охватывающих ударов окружить и уничтожить выдвинувшиеся вперед наши войска и овладеть районом Харькова.

Наши передовые войсковые части, ведя упорные сдерживающие бои с численно превосходящим противником, по приказу Командования своевременно отошли на северо-восток в районы северного берега Северного Донца, оставив при этом города Красноград, Лозовая, Павлоград, Красноармейское, Краматорская, Барвенково, Славянск, Лисичанск. Дальнейшие попытки противника развить наступление, форсировать реку Северный Донец и взять Харьков встретили стойкое сопротивление наших войск и успеха не имеют. Ожесточенные бои, в ходе которых немецко-фашистские войска несут огромные потери в людях и технике, особенно в танках, продолжаются в районах южнее и западнее Харькова...»

[41] Узловая железнодорожная станция Ростовского региона Северо-Кавказской железной дороги.

[42] Железнодорожная станция в Ростовской области, а также одноименная станица (до 1925 г. – Великокняжеская, с 1970 г. – г. Пролетарск).

[43] Еременко Иван Максимович (р. 1904), гвардии ефрейтор. Призван Зимовниковским РВК Ростовской области в мае 1943 г. Награжден медалью «За боевые заслуги» (сентябрь 1944 г.).

[44] Станция в Ростовской области, относящаяся к Северо-Кавказской железной дороге.

[45] Первая казачья часть была сформирована немцами в октябре 1941 г. (преимущественно из казаков, находившихся в германском плену). В апреле 1942 г. Гитлер лично дал разрешение на официальное использование казачьих

воинских подразделений. К весне 1943 г. было сформировано около 15 казачьих полков общей численностью 15–20 тыс. человек.

Центром формирования казачьих частей из советских военнопленных стала Украина, что, вероятно, послужило основанием для упоминания Вл. Гельфандом «украинских полков». См. об этом: *Крикунов П.* Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М., 2005.

[46] Краснов Петр Николаевич (1869–1947), генерал Русской императорской армии, атаман Всевеликого Войска Донского. Во время Второй мировой войны сотрудничал с немцами, занимал пост начальника Главного управления казачьих войск Имперского министерства восточных оккупированных территорий Германии, занимавшегося формированием казачьих частей для борьбы с СССР. Участвовал в создании «Казачьего стана» (военная организация, объединявшая во время Великой Отечественной войны казаков в составе вермахта и СС). В мае 1945 г. вместе с другими казачьими офицерами был арестован и выдан британским командованием советской военной администрации. Вывезен в Москву, где был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к казни и повешен 16 января 1947 г.

[47] Сальск – административный центр Сальского района Ростовской области. С 31 июля 1942 по 22 января 1943 г. был оккупирован немецкими войсками.

[48] Немцами были убиты все родственники отца Вл. Гельфанда, оставшиеся в Ессентуках: мать, брат (Исак), две сестры (Поля и Бузя), две племянницы (Аня и Нюра). См. также прим. 133 (1942).

[49] Вязьма была освобождена 12 марта 1943 г. войсками Западного фронта в ходе Ржевско-Вяземской операции силами 5-й и 33-й армий. В ходе боев город был практически полностью разрушен.

[50] Мне надо быстро. А если тебе не надо, я не тороплю (*укр.*).

[51] Пойду на вокзал, буду тебя там ждать (*укр.*).

[52] В вечернем сообщении оперативной сводки Совинформбюро от 15 марта 1943 г. сообщалось: «15 марта наши войска после многодневных и ожесточенных боев по приказу командования эвакуировали город Харьков».

[53] Это только бойцы от вшей болеют, а мы нет. У нас свои вши. Только от чужих бывает тиф (*укр.*).

[54] Сельсовета.

[55] Приходили из сельсовета и сказали, чтобы вы шли в город искать себе дом, а нам сказали, чтобы мы никого не пускали без разрешения коменданта (*укр.*).

[56] Украинское, белорусское и кубанское блюдо, разновидность похлебки из муки, представляющее собой мучные шарики, сваренные в подсоленной воде или молоке. Подают с поджаренным луком, пшеном, постным или сливочным маслом.

[57] Так в тексте.

[58] В годы Великой Отечественной войны – обиходное название советского самолета-истребителя.

[59] Ставрополь был освобожден 21 января 1943 г. после почти пяти месяцев оккупации (с 3 августа 1942 г.).

[60] Батайск – город в Ростовской области, расположен на реке Койсуг, в 8 км юго-восточнее Ростова-на-Дону. 27 июля 1942 г. во время немецкого наступления на Кавказ город был сдан. Освобожден 7 февраля 1943 г. войсками Южного фронта в ходе Ростовской операции.

[61] Занятый немцами 25 июля 1942 г., Новочеркасск стал центром формирования Казачьего Стана. Освобожден советскими войсками 13 февраля 1943 г.

[62] Бои за освобождение Чернигова, находившегося в оккупации с 9 сентября 1941 г., начались в середине сентября 1943 г. Город был освобожден 21 сентября благодаря боевым действиям 76-й гвардейской десантно-штурмовой дивизии.

[63] Сальск расположен на реке Средний Егорлык.

[64] Мусиенко Николай Петрович (1923 – пропал без вести 30.07.1944), сержант. Родился в селе Воронцово Сальского района Ростовской области. Призван в РККА Сальским РВК в августе 1941 (по др. сведениям – в 1942). Последнее место службы – штаб 132 сд. Награжден Орденом Славы III степени (июль 1944 г.).

[65] Мусиенко Петр Акимович (р. 1891), рядовой. Призван в РККА Сальским РВК в марте 1942 г. Награжден медалью «За боевые заслуги» (июнь 1943 г.).

[66] Белгород был дважды оккупирован немцами – с 24 октября 1941 г. по 9 февраля 1943 г. и с 18 марта по 5 августа 1943 г. В оперативной сводке Совинформбюро от 21 марта 1943 г. сообщалось: «После ожесточенных боев по приказу командования наши войска эвакуировали город Белгород».

[67] Таганрог был оккупирован 17 октября 1941 г., освобожден 30 августа 1943 г. В марте 1943 г. бои под Таганрогом были частью «третей битвы за Харьков» (19 февраля – 14 марта 1943 г.).

[68] Сохранилось письмо Вл. Гельфанда в редакцию газеты «Сальский большевик» от 1 мая: Уважаемый товарищ Бадальян!

Прошу переслать мне опубликованный в вашей газете отрывок из моей «Сталинградской эпопеи» и причитающийся мне гонорар. Также очень прошу сообщить, какие из оставленных мною стихов вы опубликовали. Я сейчас на курсах средних командиров обучаюсь минометчиком. Стихи я и сейчас пишу. Смогу также присылать Вам корреспонденцию с курсов. Отвечайте, пожалуйста, как можно быстрее. Поздравляю вас с днем 1 мая и желаю вам большой плодотворной работы на благо Родины.

Уважающий вас глубоко и искренне, Владимир Гельфанд.

[69] Военно-пересыльный пункт при военкомате. См. прим. 66 (1942).

[70] Серебрянский Марк Исаакович (1901–1941), литературный критик, литературовед. Член Коммунистической партии с 1920 г. Участник Гражданской войны. В 1921–1923 гг. учился в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова. Был на партийной работе. В 1932 г. окончил Институт красной профессуры, где затем читал курс истории советской литературы. В 1939–1941 гг. – научный сотрудник ИМЛИ РАН им. М. Горького. В 1941 г. ушел добровольцем на фронт, погиб в боях. Автор книги стихов «Зеленая шинель» (1922), многочисленных статей о советской литературе и книг: «Творчество Николая Ляшко» (1931), «Тема гражданской войны в советской литературе» (1935), «Литература и социализм» (1935), «Дмитрий Фурманов» (1936), «Советский исторический роман» (1936). В сборник «Литературные очерки» (1-е изд. 1938) вошли статьи о творчестве М. Горького, В. В. Маяковского, Д. А. Фурманова, Н. А. Островского, А. А. Фадеева и др.

[71] Одна из самых крупных по населению станиц Ростовской области. С конца июля 1942 г. по 25 января 1943 г. была оккупирована немецкими войсками.

[72] Железнодорожная станция Трубецкая на линии Ростов-на-Дону – Сальск. Рядом со станцией находился первый в СССР зерносовхоз «Гигант», созданный в 1928 г. (первоначальное название «Совхоз № 1»). Спустя несколько лет центральная усадьба совхоза была перенесена на станцию Трубецкая. 10 февраля 1933 г. ВЦИК постановил вновь возникший пункт при железнодорожной станции Трубецкой отнести к категории рабочих поселков, присвоив ему наименование «Гигант».

[73] Железнодорожная станция Целина расположена на линии Сальск – Батайск. Одноименный поселок основан в 1922 г. (по другим сведениям – в 1916). Первыми поселенцами стали строители станции и работники, приехавшие для ее обслуживания. В начале 1920-х гг. сюда переехали семьи из голодных краев Украины и центральных районов страны, а также молокане и духоборы. В нем жили русские, украинцы, армяне, азербайджанцы, евреи, персы из Ирана. После передачи Турции Карской области оттуда в поселок были переселены русские жители.

[74] Максим Горький // Правда. 1943. 28 марта. № 83. С. 1. Юбилею писателя была отдана также вся 3-я полоса этого выпуска газеты, на которой были напечатаны статьи Ем. Ярославского «Наш Горький», К. Федина «Учитель, борец», С. Маршака «Друг человечества».

[75] В настоящее время – хутор в Азовском районе Ростовской области.

[76] Слова песни «Веселый ветер» (композитор И. О. Дунаевский, стихи В. И. Лебедева-Кумача) из кинофильма «Дети капитана Гранта» (1936):
Кто привык за победу бороться,
С нами вместе пускай запоет:
Кто весел – тот смеется,
Кто хочет – тот добьется.
Кто ищет – тот всегда найдет.

[77] Утренние и вечерние выпуски Совинформбюро сообщали: «В течение ночи на 30 марта на фронтах существенных изменений не произошло».

[78] Поселок, расположенный в Сальских степях в 61 км от Ростова-на-Дону и железнодорожная станция, которая в 1915–1971 гг. носила название Верблюд Северо-Кавказской железной дороги. Возник в 1929 г. (название «Зерновой» получил в 1933 г.) как образцовый учебно-опытный зерносовхоз № 2. В 1930-е гг. он являлся «витриной» советского зерноводства. В 1930 г. Совет народных комиссаров СССР принял специальное постановление об открытии на его базе на Северном Кавказе Института инженеров-механиков социалистического земледелия. В том же году в Зернограде (тогда – поселке Зерновом) прошло совещание руководителей зерносовхозов Северного Кавказа, в котором принимали участие также американские специалисты сельского хозяйства, проводилась выставка сельхозмашин; поселок посетили делегаты 2-го Всемирного конгресса почвоведов, крупнейший американский фермер Кэмбелл, писатели А. Н. Толстой, В. Я. Шишков и В. А. Каверин. В 1931 г. в передовом хозяйстве побывала интернациональная бригада МОРП (Международного объединения революционных писателей) и Председатель Президиума ЦИК СССР М. И. Калинин.

В 1933 – премьер-министр Франции Эдуард Эррио, в 1937 – группа рабочих и общественно-политических деятелей из США, Англии, Южной Африки, Франции и Швейцарии. Зерноград был оккупирован немецкими войсками 30 июля 1942 г. Освобожден 30 января 1943 г.

[79] Село в Азовском районе Ростовской области.

[80] По разделу «Художественная проза» премию первой степени (100 000 руб.) получили А. Н. Толстой (за трилогию «Хождение по мукам», 1922–1941) и В. Л. Василевская (за повесть «Радуга», 1942); второй степени (50 000 руб.) – П. П. Бажов (за книгу «Малахитовая шкатулка», 1939), Л. С. Соболев (за сборник рассказов «Морская душа», 1942). По разделу «Поэзия» – М. Ф. Рыльский (за сборники стихов), М. В. Исаковский (за тексты песен, в том числе за «Катюшу»); второй степени – М. И. Алигер (за поэму «Зоя», 1942). По разделу «Драматургия» премию первой степени получили А. Е. Корнейчук (за пьесу «Фронт», 1942) и Л. М. Леонов (за пьесу «Нашествие», 1942); второй степени – К. М. Симонов (за пьесу «Русские люди», 1941–1942). В. В. Вересаев и А. С. Серафимович получили Сталинскую премию первой степени «За многолетние выдающиеся достижения в области искусства и литературы». Е. И. Габрилович стал лауреатом сталинской премии второй степени в области «Художественной кинематографии» за сценарий к фильму «Машенька» (1942). См., напр.: Правда. 1943. 20 марта. № 76. С. 1.

[81] В 1783 г. по ходатайству атамана М. И. Платова был принят Закон о создании Задонских станиц – Злодейской, Кагальницкой, Мечетинской и Егорлыкской, расположенных вдоль тракта на Кавказ (в настоящее время – на трассе Ростов – Сальск). В 1951 г. станица Злодейская переименована в станицу Кировскую.

[82] С 1929 г. – рабочий поселок в Ростовской области (в 1989 г. получил статус города).

[83] Поселок в Ростовской области, расположенный на левом берегу реки Миус в 100 км от Ростова-на-Дону и 45 км от Таганрога. По преданию, название связано с именем атамана разбойников, промышлявших в здешних местах и грабивших проезжавших купцов. Матвеев Курган был оккупирован с 17 октября 1941 г. по 17 февраля 1943 г.

[84] Начальник группы (службы) продовольственного снабжения воинской части / соединения.

[85] Здесь – пересыльного пункта.

[86] Вероятно, Кучеров Сергей Иванович (р. 1902), интендант 3-го ранга, помощник начальника штаба по тылу 527 сп 118 сд. Член ВКП(б). Призван в РККА в 1941 г. Южно-Казахстанским облвоенкоматом г. Уральска. С 1942 – на Южном фронте. Награжден двумя медалями «За боевые заслуги» (сентябрь 1943 и март 1945 г.).

[87] См. прим. 37 (1942).

[88] Запасном стрелковом полку.

[89] Судя по всему, результатом травли стал рапорт, написанный Вл. Гельфандом с просьбой отправить его в действующие войска:

Рапорт

[*Часть страницы оторвана*] отправить меня на передовую.

[*Часть страницы оторвана*] ко мне некоторых бойцов и командиров, выместить на кровожадных мерзавцах гитлеровцах, доведших меня до такого положения.

Будучи в части на передней линии фронта, я всегда честно и преданно защищал свою землю, свой героический и великий народ от фашистско-немецкой мрази и имел на счету своего мин[ометного взвода] только в одном ожесточенном бою свыше 120 уничтоженных фрицев. В бою мне было присвоено звание сержанта. В бою за слаженную и точную работу расчета и хорошее руководство своим расчетом был принят в ряды ВКП(б). Занимая пост замполита и секретаря бюро комсомольской организации, я всегда получал только поощрения от командования роты, батальона и полка. Часто посылался на различные делегатные собрания лучших редакторов, комсоргов, агитаторов в полк, в дивизию. После ранения замкомроты по политчасти лейтенанта Нестеренко занял пост зам. командира роты по политчасти. Был представлен к повышению звания, к правительственной награде, но, будучи раненым, был эвакуирован с передовой в госпиталь. В результате чего утверждения этих вышеуказанных представлений не дождался. Участвовал в боях на Харьковском фронте летом 1942 года. Во время летнего отступления наших войск попал в окружение. В этом окружении наш 427-й батальон 52-го УРа был разбит. Остатки батальона стали самостоятельно выходить из окружения. Вместе с частью бойцов и командиров во главе с [*одно слово нрзб*] командиром [*два или три слова нрзб*] младшим лейтенантом [*три слова и две строки нрзб*] в составе десяти человек вышел из окружения и, переправившись через Дон, степью направился в Сталинград. Оттуда с пересыльного пункта попал в гвардейскую часть, где сражался в минроте в должностях, о которых рассказывал выше.

В госпиталях, в которых я находился, я помогал политрукам в проведении политико-массовой работы в качестве заместителя политрука, агитатора, читчика газет, редактора стенных газет и «Боевых листков».

Нигде не имел замечаний и взысканий, а напротив, часто получал благодарности за свою работу.

Ныне же – бичеванием и запугиванием, издевательствами и насмешками некоторая часть личного состава роты заставляет меня находиться в постоянном страхе перед любым бойцом, находящим «нужным» наговорить на меня, наклеветать.

Так, на днях, дежурному по роте бойцы заявили, что комвзвода дал мне наряд вне очереди, по которому я должен, дескать, был вымести и перемыть полы в казарме и вычистить уборную. И дежурный заставил меня выполнять наряд, которого мне никто не давал. А обжаловать его действия я не решился по той же причине внушенного мне здесь страха.

В другой раз ком. отделения Хабибуллин (незаконно присвоивший себе звание сержанта) кричал на меня за то, что я якобы говорил командиру взвода, что убегу отсюда, чего никогда я не думал делать и никогда никому не говорил. «Я тебя застрелю на месте», – грозился он. «Я тебе покажу, как дезертировать!» Сгорая от обиды и унижения, я объяснял, что никогда у меня не было таких мыслей. Но тот продолжал орать, что он со мной расправится и не даст дезертировать.

Когда у меня были валенки, меня заставляли ходить даже в дождь в них на занятия, и когда я с разрешения замкомроты однажды остался, то помкомвзвода отругал меня перед строем.

На каждом шагу мне слышатся упреки: «Вы вообще хитрые», «Вы любите за счет других жить», «Ты, наверно, на фронте еще не был, ведь евреев там нет. Ваш народ по лазаретам запрятался», «Вы думаете, пусть русские за вас воюют», а некоторые даже говорят, что евреи помогают Гитлеру, действуют в его пользу. Уж до такого абсурда доходят люди! «Адольф-Рудольф», – кричит на меня красноармеец Кузин в присутствии лейтенанта и всего взвода. «Абгам [*одна строка нрзб*]».

[90] Обозно-вещевая служба, выдававшая обмундирование военнослужащим.

[91] Маршевая рота – временно сформированное подразделение, направлявшееся в ходе военных действий из запасных частей на фронт для пополнения действующей армии.

[92] В архиве В. Вл. Гельфанда сохранилась черновая запись заметки, написанной к 1 мая:

Вместе со всем личным составом наш 197-й зсп, наша 5-я рота 2-го сб активно готовится к встрече 1 мая. За время моего пребывания в запасном полку в 5-й роте сложился дружный партийно-комсомольский коллектив и деятельно помогающий командному составу роты в борьбе за наведение строгого порядка в подразделениях железной воинской дисциплины, в борьбе за лучшую практическую и теоретическую подготовку бойцов к предстоящим схваткам с врагом. У нас в роте всего ... коммунистов и ... комсомольцев. Большинство из них – участники боев. Многие [нрзб].

[Нрзб] фронтовики делятся им со своими товарищами, не бывавшими на фронте, рассказывают им о своей боевой жизни, о хитрости, о коварстве врага и о умении опытных воинов перехитрить фашистов.

Наши коммунисты агитируют своим личным примером, своей дисциплинированностью и серьезным отношением к учебе. Однако политико-массовая работа с бойцами нами, надо прямо сказать, проводится недостаточно и спустя рукава. Сообщения Совинформбюро не каждый день преподносятся бойцам, хотя большинство из коммунистов, комсомольцев – грамотные люди и могут доводить в перерывах между занятиями до каждого бойца последние новости с фронтов Отечественной войны, сообщения из нашего советского тыла, а также сообщения из-за границы. Вот-де бойцы всем этим здесь интересуются, ведь они хоть должны быть в курсе событий за стенами своего казарменного помещения. Только когда к нам явится откуда-то, как ангел небесный, агитатор и прочтет лекцию в вечернее время после занятий, или когда замкомроты по политчасти прочтет газету, становится каждому легче как-то на душе. А ведь события на наших фронтах и в особенности за рубежом развертываются в нашу пользу. И каждому бойцу, каждому командиру [нрзб].

[Нрзб] почти совсем не беседуют с бойцами, не проводят читок в перерывах. В результате этого возникают дезертиры, симулянты, нарушители железной воинской дисциплины. Их приходится убеждать, созывая почти ежедневно собрания личного состава роты. С ними приходится [семь строк нрзб].

[93] Фактически сразу после начала войны были сформированы фронтовые концертные бригады, выступавшие перед бойцами на фронте, в прифронтовых районах и в тылу (в эвакопунктах, госпиталях и пр.). За годы войны артисты провели свыше 1 млн спектаклей, концертов и творческих встреч. Вероятно,

речь идет об актере М. И. Жарове, который во время войны много выступал на фронте. Об актерах Тамариной и Кирилловой найти дополнительные сведения не удалось.

[94] Орган Сальского РК ВКП(б), райисполкома и горсовета.

[95] Шехтер Марк Ананьевич (1911–1963), поэт и переводчик. Печатался с 1929 г., автор сборников: «Конец Екатеринослава» (1936), «Лирика» (1937), «Рассвет» (1941). В годы Великой Отечественной войны, несмотря на слабое здоровье, добился отправки на фронт, воевал, работал в газете 25-го танкового корпуса, участвовал в Орловско-Курской битве и освобождении Киева. Награжден орденом Отечественной войны I степени.

[96] В этот же день на первой странице ежедневной красноармейской газеты 28-й армии 3-го Украинского фронта «Красное знамя» (№ 119) была опубликована заметка Вл. Гельфанда «Гнев и ненависть. На митинге курсантов». *Затаив дыхание, слушают курсанты чтение ноты тов. Молотова* [Нота народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова 11-го мая 1943 г. «О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплоатирующих подневольный труд советских граждан в Германии». – *Примеч. сост.*]. *Перед их глазами встают кошмарные картины жизни советских людей, насильно угнанных в немецко-фашистское рабство.*

Первым попросил слово курсант Гельфанд.

– Из ноты тов. Молотова, – заявил он, – мы узнали о новых чудовищных фактах нечеловеческих мучений советских граждан в немецко-фашистской неволе. Пусть же знают фашистские мерзавцы, что за все преступные злодеяния они понесут заслуженную кару от нашего народа. Мы будем беспощадно мстить немцам.

Курсант Иосиф Юзанов выразил свои чувства в следующих строках тут же, на митинге, написанного стихотворения:

Пусть трепещут фашистские гады,
Пусть готовят могилу себе,
Я пройду сквозь любые преграды
На помощь, сестра, к тебе.

В единогласно принятой на митинге резолюции, говорится:

Наши сердца наполнены гневом и чувством беспощадной мести к немецко-фашистским поработителям.

Мы клянемся приложить все свои силы и знания, чтобы быстрее покончить с немецким зверьем, уничтожить гитлеровское рабовладельческое государство. Залог нашей победы – в выполнении задач, поставленных перед Красной армией первомайским приказом товарища Сталина.

[97] Приказ Верховного главнокомандующего № 95 от 23 февраля 1943 г. был приурочен к празднованию 25-й годовщины Красной армии. Приказ № 195 был издан к 1 мая 1943 г.

[98] 12 мая 1943 г. в Тунисе капитулировала итало-германская армия. Германия и Италия потеряли в Тунисе свыше 300 тыс. солдат и офицеров, из них 30 тыс. убитыми, 26,5 тыс. ранеными и до 240 тыс. пленными, включая большую часть «Африканского корпуса» под командованием Э. Роммеля. Победа в Африке

имела огромное моральное значение для союзников, сопоставимое с победой Красной армии под Сталинградом.

[99] Красная звезда. 1943. 13 мая. № 111. С. 4.

[100] Сурков Алексей Александрович (1899–1983), поэт, журналист. В 1941–1945 гг. – военный корреспондент фронтовой газеты «Красноармейская правда» и спецкор газеты «Красная звезда». Автор текстов патриотических песен, в т. ч. знаменитой «Землянки» («Бьется в тесной печурке огонь...»; музыка К. Листова, 1941).

[101] Заведующий педагогической частью.

[102] Что сказать, коммерческий народ! (*укр.*)

[103] Фильм о герое Гражданской войны Г. И. Котовском (1942; реж. А. Файнциммер; сценарист А. Каплер; в главных ролях: Н. Мордвинов, Н. Крючков, В. Марецкая, М. Астангов и др.).

[104] См. прим. 133 (1942).

[105] Речь идет об операции, проведенной 17 мая 1943 г. 617-й эскадрильей Королевских ВВС Великобритании под кодовым названием Chastise (*англ.* – наказание, порка) – бомбардировке плотин в Германии с использованием специально разработанных «прыгающих бомб». Целью операции было затопление главного индустриального района Германии и уничтожение ряда мощностей по выработке электроэнергии. В результате этого налета были частично разрушены дамбы, регулировавшие течение вод Рура и его притоков. Несмотря на то, что рейд получился лишь отчасти успешным (в результате налета плотины на Мёне и Эдере были не полностью разрушены, что вызвало затопление Рурской долины и деревень в долине Эдера, в то время как плотина в Зорпе получила лишь незначительные повреждения), он вошел в историю как одно из героических событий времен Второй мировой войны.

[106] Полнометражный документальный фильм о Сталинградской битве (1943; производство Центральной студии кинохроники; реж. Л. Варламов), в который вошли киносъемки, сделанные пятнадцатью фронтовыми кинооператорами за шесть месяцев боев за Сталинград – от начала битвы до ее конца. В фильме впервые были сняты и показаны залпы «Катюши».

[107] О Тунисской операции союзных войск было выпущено несколько документальных фильмов, напр.: «Allies win sea, air battle in fight for Africa» (United News, 1943), «Axis Smashed in North Africa» (Castle Films News Parade, 1943) и др. О каком именно фильме идет речь, установить не удалось.

[108] ШУ – шаг угломера, КУ – коэффициент удаления.

[109] Харьков был освобожден 23 августа 1943 г. (см. прим. 22). Сообщение об этом появилось в оперативной сводке Совинформбюро в тот же день: «23 августа наши войска в результате ожесточенных боев сломили сопротивление противника и штурмом овладели городом Харьков. <...> В боях за освобождение города Харькова особо отличились: 252-я стрелковая дивизия генерал-майора Анисимова, 84-я стрелковая дивизия полковника Буняшина, 299-я стрелковая дивизия генерал-майора Травникова, 28-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Чурмаева, 116-я стрелковая дивизия генерал-майора Макарова, 89-я гвардейская Белгородская стрелковая дивизия полковника Серюгина,

375-я стрелковая дивизия полковника Говоруненко, 15-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Василенко, 183-я стрелковая дивизия полковника Василевского и 93-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Тихомирова».

110 В семейном архиве сохранились документы о присвоении Вл. Гельфанду офицерского звания:
НКО – СССР
АРМЕЙСКИЕ КУРСЫ
младших лейтенантов
28-й АРМИИ
По части строевой
26 августа 1943 г.
№ 1/2608

Справка
Курсанту Гельфанд Владимиру Натановичу присвоено воинское звание младш. лейтенант приказом по 28 АРМИИ за № 0781 от 26 августа 1943 года.
НАЧАЛЬНИК СТРОЕВОЙ ЧАСТИ СВИДЕРСКИЙ
– м а й о р –
20.02.1944
Н. К.О. – С. С.С. Р.
ШТАБ
899 Стрелкового Полка
20 февраля 1944 г.
№ 4–202

Командиру Минометного взвода мл. лейтенанту Гельфанд Вл. Н.

Приказом Войскам 3 Гвардейской Армии за № 064 от 27.01.1944 года
Вам присвоено воинское звание Лейтенант
Помощник начальника штаба-4
Капитан Полушкин
Зав[едующий] дел[ами] штаба полка
Мл[адший] лейтенант а/с Пивень.

111 Сексот (секретный сотрудник). Термин сексот использовался в документах ВЧК–ОГПУ–НКВД и был широко распространен в обиходной речи.

112 Плешаков Георгий Николаевич (р. 1920, ст. Хитрово, Елецкий р-н Орловской обл.), младший лейтенант, командир взвода 902 сп, 248 сд. Погиб 22 октября 1943 г. в районе села Родионовка Мелитопольского района.

113 Неточное написание. Султан-Салы (*арм.* Փոքր Սալա) – село в Мясниковском районе Ростовской области, основанное в 1780 г. Название образовано из двух слов: султан – в староармянском, а также калмыцком наречии – хозяин, салы – от тюркского – сала, салайа – селение, город. Достопримечательностью села была церковь Сурб-Геворк (Святого Георгия Победоносца), созданная в 1860-х гг. по проекту таганрогского архитектора Н. Муратова, построившего пять храмов в Нахичевани. В послереволюционные годы здание церкви ис-

пользовалось под склад и амбар для зерна. До настоящего времени на стенах храма сохранились следы от пуль и снарядов, попавших в него во время боев.

[114] Документ на право получения различных видов довольствия (вещевого, денежного, продовольственного и др.), выдаваемого военнослужащему (или группе военнослужащих) при переводе по службе, командировке и пр., а также при убытии его в другое соединение.

[115] Пропустить, упустить что-либо (*укр.*).

[116] Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 г.

[117] Название Маныч соотносится, вероятно, с названием одноименного левого притока Дона, протекающего в Ростовской области. Село Латоново входит в состав Матвеево-Курганского района, расположен в Ростовской области.

[118] Соколовка – село в Матвеево-Курганском районе Ростовской области.

[119] В семейном архиве сохранился черновик одной из заметок, написанных Вл. Гельфандом для «Боевого листка»:

[Одна строка нрзб] разве они равносильны вопросительному знаку?! Что это за подписи – «Свой», «Товарищ» и т. д.? О чем они говорят? А вот о чем: авторы статей боятся открыто критиковать своих товарищей и идут на такое нечестное дело. А ведь это равносильно двурушничанью. Сказать, но не отвечать за свои слова; ругать, но скрываясь за какой-то посторонней фамилией; ругать, но потом делать самое невинное и доброе лицо товарищу, которого он только что критиковал, возможно, совсем незаслуженно.

Авторы подобных статей, ругая других под анонимной подписью, очевидно, боятся, чтоб те, в свою очередь, и их не поругали, ибо честный и не чувствующий за собой груза вины человек никогда на такое дело не пойдет. Редактор, помещая анонимные статьи, фактически укрывает этих людей, занимающихся наушничаньем, свойственным Иудушке Головлеву из книги Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы».

Смотрим дальше. «Боевой листок» 2-го взвода. Всего один боевой листок, но сколько говорить о нем можно и сколько учиться на нем! Этот «Боевой листок» написан гораздо аккуратней, чище и орфографически грамотней. Нет в нем и анонимных подписей, как у Кулакова, но по содержанию он далеко отстает от «Боевых листков» Кулакова. Вот, к примеру, статья «Пилюля для лечения». Издали, при взгляде на нее кажется, что это стихотворение, так как слова статьи расположены на бумаге в стихотворном порядке. Однако, вчитываясь в содержание, начинаешь чувствовать, что это не стих и не проза, а только скорее [нрзб] океан воды, в котором плавает чуть-чуть заметный островок содержания. Вот оно, содержание, которое статья раскрывает на целом столбике газеты, захлебываясь от многословия: курсант уснул на уроке и не слышал, о чем говорил преподаватель. Но [одно слово нрзб] к концу статьи мы пытаемся все-таки отыскать в ней «пилюлю для лечения», о которой говорит заглавие статьи. Но так мы и не находим, чего ищем, и громкое, любопытное заглавие статьи остается плодом лишь ничего не значащей фразеологии. Подобны этой и другие заметки «Боевого листка» 2-го взвода.

В 3-м и 4-м взводах, где партийно-комсомольский актив самый многочисленный в роте, «Боевые листки», как это ни странно, выпускаются еще хуже. При всей

тщательности осмотра, «Боевого листка» 3-го взвода я так и не обнаружил. В 4-м взводе налицо один «Боевой листок», да и то самим автором этой статьи выпущенный.

К редактору «Боевого листка» Костенко я неоднократно подходил с требованием выпустить «Боевой листок», но он отвечал руганью и условием: «если ты напишешь заметку в Боевой листок, тогда выпущу». Неоднократно Костенко освобождали от занятий, выделяли помощников, чтобы только выпускал «Боевой листок», но до сих пор результатов его работы не видно. Выделили нового редактора-коммуниста товарища Жданова, тот сразу взялся за выпуск и на следующий день своего назначения выпустил «Боевой листок»; но сколько ошибок, обидных и неправильных, [одно слово нрзб] в себе этот [одно слово нрзб]. Как бы защищаясь от ругани и возмущения, которые неминуемо должны были возникнуть вокруг «Боевого листка», редактор просит подавать заметки с жалобой на неправильно поданные факты в заметках «Боевого листка». Таким образом, редактор товарищ Жданов заранее снимает с себя ответственность за выпуск и редактирование взводных «Боевых листков». Дав почитать нескольким курсантам «Боевой листок» и почувствовав недовольство заметками, помещенными в нем, редактор поспешил упрятать его от лишних взоров. Так первый и пока последний номер «Боевого листка» 4-го взвода не увидел света.

Каким же должен быть взводный «Боевой листок»?

Товарищ Сталин еще в период мирного социалистического строительства охарактеризовал печать как «самое сильное и самое острое орудие нашей партии». Это определение с особой силой звучит сейчас в дни Отечественной войны и, в особенности, по отношению к низовой красноармейской печати [нрзб] взводный «Боевых листков и ротной стенгазеты»: сила печати заключается, прежде всего, в неразрывности с массой, правдивости и высокоидейности. А у нас редакторы не связаны с массой курсантской и потому умоляют каждого товарища в отдельности: «Напишите заметку!..» Курсанты привыкли к тому, что у них попрошайничают, и потому собственной заинтересованности в выпуске «Боевого листка» не чувствуют. И когда редактор просит заметку, то стоит он наподобие шепчущего в отчаянии: «подайте», и если нищий получает [конец страницы оборван], то редактор ничего не получает, [одно слово нрзб] вопросительного ответа:

«[Нрзб] разве давали задание написать заметку?» Бедный редактор, ошеломленный ответом и не зная, что сказать дальше, постоит-постоит в недоумении и уйдет ни с чем. А газета так и не выпускается.

Нет в наших газетах тех горячих, волнующих призывов к курсантам, которые мобилизуют, воодушевляют массу. Даже такое великое событие, как подписка на второй госзаем [В 1942–1945 гг. были проведены четыре военных займа (ежегодно, начиная с 1942 г.), каждый в двух выпусках, как это было еще до войны. Постановление о выпуске второго государственного военного займа вышло 4 июня, а сам выпуск первых облигаций – 1 августа 1943 г. Общая сумма займа по постановлению составила 12 000 млн руб. Фактически было сдано 20 800 млн руб. См.: *Сенкевич Д.* Военные займы в СССР // Советский коллекционер. 1985. № 23. С. 122–127], *не нашла своего настоящего отражения на страницах наших «Боевых листков».*

Нет в наших газетах и тех гневных бичующих статей, которые подтягивают обычно, как острый бич, отстающих и нарушителей дисциплины. Нет в газетах полного отражения нашей жизни, нет в них жизнерадостности, веселого молодого смеха, шуток и дружеских шаржей. И самое главное – нет в них полного отражения приказов нашего вождя и верховного главнокомандующего товарища Сталина и в особенности приказа № 195 в преломлении с жизнью нашей роты и наших взводов. Как мы выполняем приказ вождя? Как нужно выполнять его на деле? Как требует от нас товарищ Сталин – учиться, бороться и побеждать? Вот о чем должны не забывать редакторы газет сами и непрерывно напоминать своим читателям.

Гельфанд Владимир

25/VII–43 г.

[120] Герасименко Василий Филиппович (1900–1961), в годы Великой Отечественной войны – командующий армиями. С сентября 1942 г. по декабрь 1943 г. генерал-лейтенант Герасименко командовал 28-й армией, принимавшей участие в Сталинградской битве, Донбасской и Мелитопольской операциях.

[121] Село на Украине, до 1961 г. – Сталинской (ныне – Донецкой) области.

[122] Возможно, Рыбкин Николай Владимирович (р. 1905), член ВКП(б). В РККА с 1926 г. Призван Дмитровским РВК Орловской обл. Награжден орденом Отечественной войны I степени (декабрь 1943).

[123] Андреевка (*укр.* Андріївка) – поселок городского типа, основанный в 1809 г. В 1939 г. Андреевский район был передан в Запорожскую область.

[124] Село на Украине, до 1961 г. – в Сталинской (ныне – Донецкой) области.

[125] Новоселовка – с 1938 г. поселок городского типа, расположен на правом берегу реки Нетриус.

[126] Новороссийск и Новгород-Северский были освобождены 16 сентября, Бердянск, Брянск, Павлоград – 17 сентября, Прилуки, Лубны, Пирятин, Трубчевск – 18 сентября, Духовщина, Хорол, Орехов – 19 сентября 1943 г., Кировоград – 8 января 1944 г.

[127] Синельниково и Чернигов были освобождены 21 сентября 1943 г. Синельниково – войсками Юго-Западного фронта в ходе Донбасской операции. Чернигов – войсками Центрального фронта в ходе Черниговско-Припятской операции.

[128] Возможно, Хлыстов Степан Павлович (р. 1907). В РККА с 6 июля 1941 г. К моменту описываемых событий был награжден орденом Красной Звезды (декабрь 1942 г.) и орденом Отечественной войны II степени (август 1943 г.). До конца войны был награжден еще одним орденом Отечественной войны II степени (август 1944 г.) и орденом Красного Знамени (май 1945 г.).

[129] Огневую позицию.

[130] Мелитополь был освобожден 23 октября, Астраханка – 21 сентября 1943 г.

[131] «<...> немцы <...> Безо всякого стыда <...> сидят всюду по окопам и бьют друг у друга вшей. С нашей стороны глаз не сводят, наблюдая в бинокль и так, невооруженным взглядом» (Из письма матери от 1 октября).

[132] «<...> Сейчас я нахожусь на самой передовой линии – немцы отсюда в 300 метрах. Я пришел сюда на первый день, чтобы подготовить некоторые данные для минометного огня. Сейчас темнеет, и я ухожу отсюда, накопив богатые наблюдения над противником». (Из письма к матери от 1 октября.)

[133] В южных областях России и на Украине посадками называли лесопосадки.

[134] Командный пункт.

[135] См. прим. 38 (1942).

[136] Пулемет Ма́ксима (традиционное произношение: Макси́м) – станковый пулемет, разработанный в 1883 г. американским оружейником Хайремом Стивенсом Максимом (*Hiram Stevens Maxim*). Широко использовался во время Первой и Второй мировых войн.

[137] Служба обеспечения боеприпасами и вооружением.

[138] Возможно, Захаркин Иван Павлович (р. 1903), командир 1149 сп 353 сд. Член ВКП(б) с 1930 г. В РККА с 1925 г. На фронтах Отечественной войны с 1942 г. Награжден орденами Отечественной войны I (июль 1944) и II (март 1945) степеней, медалями «20 лет РККА» и «За оборону Сталинграда».

[139] Хоменко Александр Андреевич (р. 1923), майор, начальник штаба 899 сп, 248 сд. В РККА с 1940 г. (призван Старо-Крымским РВК, Крымской АССР). С 1942 г. участвовал в боевых действиях на Западном и Южном фронтах. Награжден медалью «За отвагу» (июль 1943 г.), орденами Александра Невского (октябрь 1943 г.), Отечественной войны I степени (январь 1944 г.), Красной Звезды (май 1944 г.).

[140] Андреев Александр Иванович (р. 1903 в деревне Жулдыбино Владимирской обл.). Член ВКП(б) с 1926 г. На фронтах Великой Отечественной войны с июня 1941 г. В качестве агитатора полка участвовал в боях на реках Миус, Молочная, в штурме городов Таганрог, Мариуполь, Мелитополь и др. Награжден орденами Красной Звезды (июнь 1944 г.), и Отечественной войны I степени (ноябрь 1944 г.).

[141] См., напр. статьи: Наступление Красной армии продолжается // Правда. 1943. 25 сент. № 238. С. 1. [об освобождении Чернигова, Полтавы, Донбасса и др. областей]; Красная армия идет на Запад // Правда. 1943. 27 сент. № 240. С. 1. [«Смоленск снова в родной советской земле! <...> Наступление продолжается... На Днепропетровском, Кременчугском и Киевском направлении наши войска вышли к Днепру»]; Трудящиеся города Орла празднуют очищение Орловской области от немецких оккупантов: Общегородской митинг в Орле // Правда. 1943. 4 октября. № 246. С. 1; Митинг трудящихся Смоленска // Правда. 1943. 4 октября. № 246. С. 3.

[142] В семейном архиве сохранилась вырезка из газеты «Кировец» от 28 сентября 1943 г. (№ 121) со стихотворением «Вперед, советские солдаты», а также письмо Вл. Гельфанда в редакцию от 3 октября:

Вперед, советские солдаты!
Горят дома, пылают хаты.
На всем пути огонь и дым.
Вперед, советские солдаты!
Крушить фашистские ряды
В бою используй штык, лопаты,
Врывайся в землю. Смерть врагам!
Вперед, советские солдаты!
Вперед, к днепровским берегам!

Любой из дней сейчас есть дата
Освобожденья городов.
Вперед, советские солдаты!
Уничтожайте злых врагов.
Нам говорил наш вождь, наш Сталин
– Настанет праздник и у нас.
Вперед, советские солдаты!
За край, в котором пел Тарас.
Слова у Сталина крылаты.
Они пророчески сбылись.
Вперед, советские солдаты!
За нашу радостную жизнь!

Уважаемый товарищ редактор!

Стихотворение «Вперед, советские солдаты!» читал в Вашей газете. Но никак не могу признать на него своего авторства, ибо только три четырехстишья действительно написаны мною, остальные же, целиком или частично, принадлежат чужому перу. Недоволен я такой бесчувственной правкой моего стихотворения.

Не желая обидеть Вас, я все же не могу пройти мимо факта искажения моего стихотворения и хочу попросить вас, чтобы в дальнейшем ваши литературные правщики не допускали такого безобразного отношения к произведениям, стоящими мне известных трудов и стараний.

Не первый раз я печатался в газетах, но ни разу стихи мои не искажались до такой степени, чтобы я не мог узнать в них своей руки. Стихотворение «Вперед, советские солдаты!» сокращено до последней возможности в вашей газете. Слова ряда стихов заменены какими-то безграмотными, вроде «бежат», когда надо «бегут» (от слова бег, но «побежали» – корень меняется).

«Бежат, бежат (бегут, бегут), фашисты – каты». Слова «каты» и «солдаты» – оба существительные, а одноименные (по частям речи) рифмы теряют силу звучания. Тогда как «обратно» – куда лучше по отношению к «солдаты».

Фраза «Лишь сверкает тучный зад» меня возмутила ужасно. Ведь под этой фразой моя подпись! Мало того, что рифма «зад» сюда насильно втиснута [конечно, зад – назад – замечательная рифма (!)], но здесь «зад» и неуместен, и не нужен. Вся фраза еще поражает своей вульгарностью. И потом, почему обязательно зад у гитлеровцев должен быть тучен? И почему он сверкает? Получается, что все свое старание автор (то есть я) приложил на описание «тучного», да еще «сверкающего зада» бегущих немцев?! Кроме того, рифма совершенно отсутствует в данном стихе с постановкой сюда этой фразы.

В следующем стихе рифма «трудов» к слову «городов» заменена гораздо более слабой – «врагов». И мысль моя искажена в значительной степени последней фразой.

В пятом стихе упущена рифма, и первая фраза: «Нам говорил наш вождь, наш Сталин» – весьма неудачна, по сравнению с выброшенной: «Нам говорил наш вождь когда-то». В итоге получилось полуистерзанное хищной рукой правщи-

ка стихотворение, в котором ничего почти не осталось от замысла автора, но зато добавились какие-то отнюдь не поэтические фразы, до предела искажающие содержание и форму стихотворения.

Сегодня посылаю другое свое стихотворение, посвященное пополнению. Оно звучит более злободневно, чем предыдущие и, надеюсь, вы его поместите безо всяких искажений. В крайнем случае, если вам уж настолько не полюбится какой-нибудь из стихов – выбросите его целиком, но не искажайте остальных, ибо все это – мое время, труды и усилия.

С уважением и приветом, ваш младший лейтенант Владимир Гельфанд.

Пишите обязательно. Хоть выругайте, но пишите.

[143] Невель был освобожден 6 октября 1943 г. войсками Калининского фронта. 7 октября сводка Совинформбюро сообщила о том, что советские войска «в результате ожесточенных боев прорвали оборону противника и, развивая наступление, овладели городом и железнодорожным узлом Кириши», а также «успешно форсировали реку Днепр и захватили плацдармы севернее Киева, южнее города Переяслав и юго-восточнее Кременчуга». 9 октября в оперативной сводке Совинформбюро сообщалось, что «войска Северо-Кавказского фронта <...> завершили разгром Таманской группировки противника и <...> полностью очистили от немецких захватчиков Таманский полуостров, тем самым ликвидировав плацдарм немцев на Кубани».

[144] Бойцы Красной армии в просторечии называли «огурцами» немецкие 30-мм ружейные гранаты.

[145] Мизам (*каз.* сүмбіле) – сентябрь.

[146] Артунян – армянская фамилия.

[147] 1. Фамилия *Гельфанд* Имя *Владимир* Отчество *Натанович*

2. Пол *муж.*

3. Год и месяц рождения *март 1923*

4. Национальность *еврей*

5. Родной язык *русский*

6. Место рождения *село Ново-Архангельск, Кировоградской области (УССР)* (село, уезд, губ., область, край, республика)

7. Занятие родителей а) до 1917 г. *отец стекольщик, мать не работала*

б) после 1917 г. *отец учетчик артели «Ударник», мать – секретарь отдела кадров завода им. Ленина (Днепропетровск)*

8. Время вступления в кандидаты *ноябрь 1942 г.* (м-ц, год и название парторганизации, принявшей в кандидаты)

9. Соц. положение (заполн. секретарем Р. К., Г. К.)

10. Пребывание в ВЛКСМ *с 1940 по 1942*

11. Образование – в каких учебных заведениях учился, где, когда, окончил ли *8 классов средн. шк., 3 курс индуст. рабфака в Днепропетровске (1941 г.)*

12. Где учится в настоящее время *не учится*

13. Основная профессия и специальность а) по образованию стаж лет

б) по опыту работы стаж лет

14. Род занятий с начала трудовой деятельности:

С какого времени (м-ц и год)	По какое время (м-ц и год)	Название местности (село, город, [...]	Название предприятия [...]	Род занятий и должности
XI–1941 *IV–1942* *XI–1942* *III–1942* *V–1943* *VIII–1943*	*IV–1942* *XI–1942* *III–1943* *V–1943* *VIII–1943* *X–1943*	*Ессентуки, Орджоникидзевского края РСФСР* *15 гв. сд Сталинградский фронт* *с. Шанфельд, Краснокутского р-на, Саратовской обл.* *Ростов, РСФСР* *Ростов, РСФСР* *248 сд 28 армии южн. фронта*	*Ремонтная колонна связи* *50 гв. сп, 2 б-н,* *2 минометная рота* *ГЛР № 4519* *197 зсп* *Арм. курсы* *мл. лейт. 28 армии* *899 сп 3 б-н*	*Линейный рабочий* *зам. полит.,* *командир расчета* *на излечении по ранению* *2-й [...]* *курсант* *командир мином. взвода*

15. Какое участие принимает в работе советов, профсоюзов, комсомола, колхозов и т. д. *комсорг роты, редактор ротного «Боевого листка», агитатор роты*

16. Имеет ли ученые труды и изобретения (какие и к какому времени относятся) *не имеет*

17. Какими языками (иностранными и народов СССР) свободно владеет *русским, украинским*

18. Какие имеет награды и премии (за что, кем и когда выданы)

19. Был ли в Красной Армии, в качестве кого и участвовал ли в боях *Был в Красной Армии, участвовал в боях в качестве зам. ком. роты по политчасти и ком. ра[счета]*

20. Был ли в старой армии, когда, в качестве кого (чин) *не был*

21. Служил ли в армиях и отрядах, боровшихся против советской власти (каких, когда, где и в качестве кого) *не служил*

22. Состоял ли в братских компартиях (каких, когда, где) *не состоял*

23. Состоял ли в ВКП(б) раньше (когда, причины выбытия) *не состоял*

24. Состоял ли в других партиях (каких, когда, где) *не состоял*

25. Участвовал ли в оппозициях и антипартийных группировках (каких, когда, где) *не участвовал*

26. Привлекался ли к уголовной ответственности органами соввласти (когда, за что, к чему приговорен) *не привлекался*

27. Жил ли за границей, где, когда, сколько времени, причины возвращения в СССР *не проживал*

28. Кто из родственников живет за границей, где, сколько времени и чем занимаются *тетя [...] Нью-Йорк, США, с 1914 г. [...]*

« » 19 г. Личная подпись подавшего заявление о вступлении в ВКП(б) *Гельфанд*

Список членов ВКП(б), давших рекомендации:

Фамилия, имя, отчество	Парт.стаж	№ партбилета	Место работы и занимаемая должность	С какого времени рекомен. знает вступающего в ВКП(б)
1. 2. 3.				

Рекомендации, заверенные секретарями первичных парторганизаций, в которых состоят рекомендующие, прилагается к анкете.

Решение общего собрания первичной парторганизации о приеме из кандидатов в члены ВКП(б)

от « » 19 г. (содержание)

от « » 19 г. Подпись секретаря первичной парторганизации

Решение райкома, горкома ВКП(б) о приеме из кандидатов в члены ВКП(б)

от « » 19 г. (содержание)

М. П. « » 19 г. Подпись секретаря райкома, горкома

П р и м е ч а н и е: Ввиду того, что содержание решений о приеме в члены ВКП(б) записывается в анкету, выписки из протоколов прилагать не следует.

[148] **Автобиография**

Я, гвардии мл. л-т Владимир Натанович Гельфанд родился в 1923 году 1 марта в селе Ново-Архангельск Кировоградской области в семье стекольщика.

Нахожусь сейчас в 3-м стрелковом батальоне 3-й минометной роты на должности командира минометного взвода.

Окончил 8 классов средней школы и 3-й курс ДИР(а) (Днепропетровского индустриального рабфака), считаюсь 9-тиклассником.

В начале войны вместе с комсомольской организацией ДИР(а) выехал в Апостоловский район Днепропетровской области на уборку урожая в фонд обороны Родины и был в числе 10 отличившихся в работе рабфаковцев-комсомольцев, о чем свидетельствует выданная мне характеристика.

18/VIII–41 эвакуировался из Днепропетровска в Ессентуки (Северный Кавказ). В Ессентуках комсомольской организацией был направлен в ремонтно-восстановительную колонну связи и проработал там вплоть до самого своего призыва в армию 6/V–42 года в качестве линейного рабочего.

В армии попал в 52-й УР (Укрепрайон) и пробыл там в 427-й ОАПБ (отдельный артеллеристско-пулеметный батальон) непродолжительное время (месяц) на Харьковском фронте, где вместе с частью попал в окружение. Часть была разбита, и с остатками части (вместе с 10 человек со взвода и командирами своего взвода и роты и др.) вышел из окружения в районе Сталинграда, и на сталинградском пересыльном пункте был направлен в 15-ю Гвардейскую стрелковую (ныне Харьковскую и Сталинградскую) дивизию в 50-й Гвардейский стрелковый полк, где работал командиром минометного расчета, замполитом и заместителем командира роты по политчасти.

13 декабря 1942 года был ранен в палец и попал в госпиталь, где находился на излечении в ГЛР № 4519 с декабря 1942 по март 1943 года – два месяца. По излечении, в марте 1943 года попал из пересыльного пункта в 197-й запасной стрелковый полк, откуда в апреле 1943 года был направлен на армейские курсы младших лейтенантов 28-й Армии.

По выпуску с курсов, 28/VIII был направлен в армейский резерв в Крюково. 7/IX попал в 248-ю дивизию, 8/IX – в 899-й сп, где находился в резерве полка. 23/IX из резерва полка был направлен во 2-й батальон. 1/X – направлен (переведен) вместе со всей ротой в состав 3-й минометной роты 3-го батальона, где и нахожусь по сей день.

Во всех частях и подразделениях принимал активное участие в политико-воспитательной работе партии и комсомола. В школе и рабфаке – в качестве ре-

дактора стенной газеты; в ремонтно-восстановительной колоне связи – в качестве агитатора-читчика и редактора стенной газеты; в 52-м УРе – в качестве редактора «Боевого листка»; в 15-й Гвардейской сд – в качестве агитатора, редактора стенной газеты и «Боевых листков», секретаря бюро комсомольской организации; в госпитале – в качестве агитатора и редактора стенной газеты; в 197-й ЗСП – в качестве редактора стенной газеты; на курсах младших лейтенантов – в качестве агитатора и редактора стенной газеты; в армейском резерве – в качестве редактора стенной газеты.

За активное участие в художественной самодеятельности и помощь в проведении концертов и проч. имел благодарность по курсам младших лейтенантов от полковника Шапкина. О моем местопребывании и работе здесь могут рассказать командиры рот 2-й и 3-й Хуруленко и Соколов.

[149] Запрягайло Митрофан Митрофанович (р. 1924, деревня Марьяновка Степановского с/с Аургазинского района Башкирской АССР), лейтенант. В РККА с 1942 г. С 1943 г. воевал на Южном фронте. Награжден орденами Отечественной войны II степени (май 1944 г.) и Красной Звезды (август 1945 г.). Его отец, тоже – Митрофан Митрофанович Запрягайло (р. 1897) был призван в армию рядовым также в феврале 1942 г. (Аургазинским РВК). Пропал без вести.

[150] Мелитополь был освобожден 23 октября 1943 г. войсками 4-го Украинского фронта.

[151] Об участии в боях на мелитопольском направлении Вл. Гельфанд писал в письме матери еще за десять дней до этого – 4 октября: «<...> кую победу у ворот Мелитополя <...>».

[152] Пятихатки были освобождены 19 октября 1943 г. войсками Степного (с 20 октября – 2-го Украинского; командующий – генерал армии И. С. Конев) фронта в ходе совместной наступательной операции Юго-Западного (с 20 октября – 3-го Украинского; командующий – генерал армии Р. Я. Малиновский) и Степного фронтов по освобождению Днепропетровска и Днепропетровской области. Один из главных ударов был нанесен с плацдарма в направлении Пятихатки – Кривой Рог.

[153] Сохранилось письмо Вл. Гельфанда матери и родным, написанное на следующий день, 19 октября:

«Милая, родная мамочка и все родные!

Спешу написать вам несколько слов после 4-дневного перерыва, связанного с переходами и упорными боями на нашем участке, во время которых некогда было писать.

Сейчас мы сильны, как никогда, и противник, несмотря на огромное количество имеющейся у него техники (шестиствольные минометы, артиллерия, танки, авиация и проч.), не может ничего против нас поделать и отступает, пядь за пядью, с нашей родной Украины. Милые мои, как же не радоваться нашим успехам? Наш родной город Днепропетровск доблестными братьями моими по оружию вот-вот будет очищен от гитлеровской мрази. Столица матери-Украины нашей – Киев – тоже у ворот освобождения. Наше Запорожье. Теперь и на юге бои идут в Мелитополе. Здесь враг особенно ожесточился и бросает все имеющиеся у него ресурсы, дабы удержать территорию. На днях я видел

Мелитополь, живописно раскинувшийся на склонах реки Молочной. Теперь там идут ожесточенные бои, и город сильно пострадал. Но ничего, скоро мы отстроим то, что разрушено фашистами и заживем прежней счастливой жизнью. Только что узнал из газет о взятии Пятихаток и многочисленных трофеев и пленных. Да здравствуют наши победы! На нашем участке тоже успех за успехом. Гоним фрицев с родных земель.

Я жив, невредим и бью фрицев вместе со всей Красной армией. <...>».

[154] Так в тексте.

[155] Акимовка (*укр.* Якимівка) – поселок в Запорожской области на Украине. В начале XX в. в Акимовке появился завод сельскохозяйственных машин, а затем Акимовское отделение Бюро по сельскохозяйственной механике, которое в 1930 г. было преобразовано в Акимовскую опытную станцию механизации сельского хозяйства в составе Украинского института механизации и электрификации сельского хозяйства.

[156] Днепропетровск и Днепродзержинск были освобождены 25 октября 1943 г. войсками 3-го Украинского фронта.

[157] Паравишников, правильно – Паровышников (другое написание – Паровишников) Михаил Гаврилович (р. 1896), гв. полковник. В РККА с февраля 1918 г. Член ВКП(б) с 1923 г. Участник Великой Отечественной войны с ноября 1941 г. (Южный фронт). Награжден двумя орденами Красного Знамени (декабрь 1943 и ноябрь 1944 г.), орденами Александра Невского (февраль 1944 г.) и Отечественной войны I степени (февраль 1945 г.).

[158] Возможно, речь идет о селе в Раздольненском районе Крыма, в 48 км от Евпатории, до 1948 г. носившем название Агай (*крымскотат.*), большую часть населения которого составляли крымские немцы. Вскоре после начала войны, 18 августа 1941 г., они были выселены сначала в Ставропольский край, а затем в Сибирь и северный Казахстан.

[159] Хуруленко Николай Алексеевич (р. 1917), младший лейтенант, член ВКП(б). В РККА с 1938 г. (призван РВК г. Мариуполь). С 1942 г. воевал на Южном фронте. 1 октября 1943 г. представлен к ордену Красной Звезды за форсирование реки Миус.

[160] Федорова Мария Архиповна (1922 – 26.10.1943), старшина медицинской службы. В РККА с 1941 г. (призвана Астраханским РВК). 25 августа 1943 г. награждена медалью «За отвагу».

[161] Первый армейский самозарядный пистолет СССР, разработанный в 1930 г. конструктором Ф. В. Токаревым.

[162] Мария Федорова была посмертно награждена орденом Отечественной войны I степени 8 ноября 1943 г. Судя по этому и некоторым другим сведениям, содержащимся в записи, датированной «4 или 5.11.1943», Вл. Н. Гельфанд писал о событиях, происшедших не только ранее, но и позднее этих дат. Очевидно, что записи под одной и той же датой велись несколько дней.

[163] Полушкин Илья Петрович (р. 1909). В РККА с 1940 г. (призван Сталинский ГВК, г. Сталино). Участник Великой Отечественной войны с сентября 1942 г. (Сталинградский, Южный, 3-й и 4-й Украинские, 1-й Белорусский фронты). Воевал в 248-й сд с момента ее формирования. Член ВКП(б) с 1943 г. Награжден орденами Красной Звезды (февраль 1944 г.) и Отечественной войны II степени (февраль 1945 г.).

[164] На Украине имеется более двух десятков сел с таким названием: в Днепропетровской, Донецкой, Запорожской, Кировоградской, Николаевской, Одесской, Сумской областях. В данном случае речь идет, вероятно, о селе, расположенном в Николаевской области.

[165] Николаев (укр. *Миколаїв*) – город на юге Украины. Оккупирован 16 августа 1941 г. Освобожден 28 марта 1944 г.

[166] Панцирный полк – от Панцерваффе (*нем.* Panzerwaffe) – танковые войска, входившие в состав сухопутных войск Вермахта и войск СС.

[167] Киев был освобожден 6 ноября 1943 г. войсками 1-го Украинского фронта.

[168] Имеется в виду Керченско-Эльтигенская десантная операция (31 октября – 11 декабря) войск Северо-Кавказского фронта (с 20 ноября 1943 г. – Отдельной Приморской армии), Черноморского флота и Азовской военной флотилии, проведенная с целью освобождения Керченского полуострова. Ее итогом стал захват плацдарма на Крымском полуострове.

[169] Приказ Верховного главнокомандующего И. В. Сталина от 7 ноября 1943 г. № 309 (к 26-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции) и его «Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1943 г.»

[170] «Конечно, нынешние действия союзных армий на юге Европы не могут еще рассматриваться как второй фронт. Но это все же нечто вроде второго фронта. Понятно, что открытие настоящего второго фронта в Европе, которое не за горами, значительно ускорит победу над гитлеровской Германией и еще более укрепит боевое содружество Союзных государств» (Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1943 года // *Сталин И.* Полное собрание сочинений. М., 1997. Т. 15. С. 171).

[171] «Вступая в войну, участники гитлеровского блока рассчитывали на быструю победу. Они уже заранее распределили, кому что достанется: кому пироги и пышки, кому – синяки и шишки. Понятно, что синяки и шишки они предназначали своим противникам, себе же – пироги и пышки. Но теперь ясно, что Германии и ее холуям не достанутся пироги и пышки, что им придется делить между собой синяки и шишки.

Предвидя эту незавидную перспективу, сообщники Гитлера ломают сейчас голову над тем, как бы выйти из войны, получив при этом поменьше синяков и шишек» (*Сталин И.* Указ. соч. С. 171).

[172] Фастов освобожден 7 ноября 1943 г. войсками 1-го Украинского фронта в ходе Киевской операции.

[173] В оперативной сводке Совинформбюро от 11 ноября 1943 г. сообщалось: «В течение 11 ноября войска 1-го Украинского фронта, продолжая наступление, овладели районными центрами Житомирской области городом Радомышль, Брусилов, Корнин, а также заняли более 100 других населенных пунктов, в том числе крупные населенные пункты Унин, Ханев, Кухары, Зарудье, Макалевичи, Веприн, Межиричка, Вышневичи, Великая Рача, Кичкиры, Глиница, Березовка, Минейки, Козиевка, Царевка, Войташевка, Кочерово, Озеряны, Великие Голяки, Сущанка, Белки, Мохначка и железнодорожные станции Тетерев, Чернявка».

[174] Оперативная сводка Совинформбюро от 10 ноября 1943 г. сообщала: «На Керченском полуострове наши войска продолжали вести бои по расширению плацдармов в прежних районах и улучшили свои позиции».

[175] Житомир освобожден 12 ноября 1943 г. войсками 1-го Украинского фронта в ходе Киевской операции. Речица – 17 ноября 1943 г. войсками Белорусского фронта в ходе Гомельско-Речицкой операции.

[176] См. прим. 168.

[177] См. прим. 84 (1942).

[178] Речь идет о военной форме, сшитой из английского сукна. См. письмо Вл. Гельфанда от 13 января: «<...> попришивал на свою гимнастерку английского светло-зеленого сукна великолепные золотые пуговицы <...>».

[179] Поселки в Харьковской области.

[180] Грейдер – (*англ.* grader), землеройная машина для профилирования и планировки земельных участков, грунтовых дорог.

[181] Шестиствольные реактивные немецкие минометы (РСЗО – реактивная система залпового огня), применяемые на Восточном фронте, советские солдаты, не делая между ними различий, прозвали «Ванюшами».

[182] Так в тексте.

[183] Тельник – просторечное название тельняшки – нательной флотской фуфайки в белую и голубую полоску.

[184] «Тигр» [PzKpfw (T-6)] – лучший немецкий тяжелый танк Второй мировой войны. Впервые появился на фронтах в боевых действиях 29 августа 1942 г. у станции Мга под Ленинградом. Массированно начал применяться в феврале–марте 1943 г. под Харьковом. Использовался вермахтом и войсками СС вплоть до окончания Второй мировой войны.

[185] «Фердинанд» (*нем.* Ferdinand) – немецкая тяжелая самоходно-артиллерийская установка класса истребителей танков, разработанная в 1942–1943 гг. Также называлась «Элефант» (*нем.* Elefant – слон). Вооруженная 88-мм пушкой, она была одним из самых сильно вооруженных и мощно бронированных представителей немецкой бронетехники военного периода. Впервые была применена в ходе Курской битвы, продемонстрировав малую уязвимость для советской противотанковой и танковой артиллерии. В Красной армии «Фердинандом» часто называли любую немецкую самоходную артиллерийскую установку.

[186] Вероятно, старший сержант Голомага Сергей Иванович (р. 1908), парторг 2 сб 248 сд. В РККА с 1939 г. (призван Мечетинским РВК Ростовской области). С января 1943 г. – на Южном фронте.

[187] Служебные собаки использовались в Красной армии, начиная с середины 1920-х гг. Первые «собаки-истребители танков» (официальное советское название) были приняты на вооружение в Красной армии в 1935 г. Суть дрессировки таких собак состояла в том, что собак не кормили несколько дней, приучая к тому, что еду можно найти только под танком. После этого им прикрепляли на спину макет взрывного устройства и обучали залезать под танки уже с ним, а также не пугаться движущихся и стреляющих танков. В боевых условиях собаку держали впроголодь, в нужный момент укрепляли на ней

взрывное устройство (около 12 кг тротила), перед применением снимали предохранитель и выпускали собаку навстречу вражескому танку. В случае выполнения приказа собака погибала. Применение собак в качестве «подвижной мины» оказалось не столь эффективным, как рассчитывали: собаки, привыкшие к тесному взаимодействию с собаководом, оказавшись одни на поле боя, терялись и разбегались. К тому же они дрессировались с применением советских танков и во время боя иногда ошибались, пугались незнакомых немецких танков и бежали обратно и, в результате, подрывали советские машины. Первая группа собак-минеров (30 собак, 40 инструкторов, 4 повара, 6 водителей, 10 солдат-минеров) была отправлена на фронт в конце лета 1941 г. К осени 1942 г. попытки использования собак для борьбы с танками были фактически прекращены, хотя они и использовались летом 1943 г в битве на Курской дуге. Достоверных сведений о количестве подбитых собаками немецких танков нет.

[188] Дивизионная парткомиссия.

[189] Зарыбкин Николай Михайлович (1921 – 13.02.1944), лейтенант, командир пулеметного взвода 899 сп 248 сд. В РККА с 1939 г.

[190] Вероятнее всего, речь идет об истребителе «Мессершмитт» Bf.109, представлявшим собой главную силу немецкой авиации во время Второй мировой войны.

[191] Возможно, Комогорцев Федор Михайлович (р. 1915), мл. лейтенант. Погиб 22 декабря 1943 г. Похоронен в с. Ново-Петровка (Каменко-Днепровский р-н, Запорожская обл.).

[192] См. прим. 71 (1942).

[193] Возможно, Киян Дмитрий Филиппович (р. 1918), ст. лейтенант, командир роты ПТР 53-й гвардейской сд. Погиб 25 февраля 1944 г.

[194] Бесполезно, понапрасну, даром, зря, попусту, впустую.

[195] Ярославский Емельян Михайлович (1878–1943), партийный деятель, идеолог и руководитель антирелигиозной политики в СССР, председатель «Союза воинствующих безбожников». С 1931 г. председатель Всесоюзного общества старых большевиков, с 1939 г. – заведующий кафедрой Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Во время Великой Отечественной войны руководил лекторской группой ЦК ВКП(б), член редколлегий газеты «Правда» и журнала «Большевик». Ярославский умер 4 декабря. На следующий день в газете «Правда» были напечатаны отклики на его смерть от ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров Союза ССР, Президиума Верховного Совета СССР и РСФСР, от Московского областного и городского комитетов ВКП(б), Московского областного и городского Совета депутатов трудящихся, Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б), редколлегии и коллектива сотрудников «Правды», Академии наук СССР, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС и др. Аналогичные публикации были и в других центральных газетах.

[196] Деньги, судя по всему, были высланы еще полгода назад, о чем Вл. Гельфанд писал отцу еще в июльском письме.

[197] Вопрос о справке для получения дополнительного пособия неоднократно возникает в переписке Вл. Гельфанда с матерью. «<...> За одно я только тобой сильно недовольна. Когда ты был принят в армию, ты сразу должен был вы-

слать мне справку, но ты во всех письмах задаешь вопрос, нужна ли мне справка. Я пошла в Наркомсобез за пособием, и у меня потребовали справку. Я тебя очень прошу, обязательно пришли. Во всех письмах я тебе пишу об этом» (6 сентября 1942 г.); «<...> Очень прошу прислать мне справку, ибо без нее не могу получить пособие» (12 сентября 1942 г.). «Родная мамочка! <...> Насчет справки могу лишь сообщить, что выслал их все, что у меня имелись. Теперь мне больше справок не дадут, а должны выписать аттестат. Его я и вышлю тебе. Я хотел папе послать, учитывая его положение, но когда узнал, что тебе необходима теплая одежда, решил хлопотать аттестат для тебя. Два не дадут» (2 декабря 1943 г.).

198 Возможно, имеется в виду хутор в Ростовской области.

199 Речь идет о Тегеранской конференции (27 ноября – 1 декабря 1943 г.), на которой состоялась встреча лидеров «большой тройки» – Ф. Д. Рузвельта, У. Черчилля и И. Сталина. Главной темой конференции был вопрос об открытии Второго фронта. По итогам переговоров была принята Декларация: «Мы, президент Соединенных Штатов, премьер-министр Великобритании и Премьер Советского Союза, встречались в течение последних четырех дней в столице нашего союзника – Ирана и сформулировали и подтвердили нашу общую политику.

Мы выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время.

Что касается войны, представители наших военных штабов участвовали в наших переговорах за круглым столом, и мы согласовали наши планы уничтожения германских вооруженных сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга.

Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, гарантирует нам победу.

Что касается мирного времени, то мы уверены, что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью признаем высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединенных нациях, за существование такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранит бедствия и ужасы войны на многие поколения.

Совместно с нашими дипломатическими советниками мы рассмотрели проблему будущего. Мы будем стремиться к сотрудничеству и активному участию всех стран, больших и малых, народы которых сердцем и разумом посвятили себя, подобно нашим народам, задаче устранения тирании, рабства, угнетения и нетерпимости. Мы будем приветствовать их вступление в мировую семью демократических стран, когда они пожелают это сделать.

Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожать германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха. Наше наступление будет беспощадным и нарастающим.

Закончив наши дружественные совещания, мы уверенно ждем того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действию тирании, и в соответствии со своими различными стремлениями и своей совестью.

Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели.

Подписано в Тегеране 1 декабря 1943 года.

Рузвельт, Сталин, Черчилль» (Декларация трех держав // Правда. 1943. 7 дек. № 301. С. 1).

[200] На Тегеранской конференции обсуждались вопросы о предоставлении независимости Ирану, нашедшие свое официальное отражение в «Декларации об Иране»: «Президент Соединенных Штатов, премьер СССР и премьер-министр Соединенного Королевства, посоветовавшись друг с другом и с премьер-министром Ирана, желают заявить об общем согласии их трех правительств относительно их взаимоотношений с Ираном.

Правительства Соединенных Штатов, СССР и Соединенного Королевства признают помощь, которую оказал Иран в деле ведения войны против общего врага, в особенности, облегчая транспортировку грузов из-за границы в Советский Союз.

Эти три правительства считают, что война вызвала специфические экономические трудности для Ирана, и они согласились, что они будут по-прежнему предоставлять правительству Ирана такую экономическую помощь, какую возможно будет оказать, имея в виду те большие требования, которые налагают на них их военные операции по всему миру и существующий во всем мире недостаток транспортных средств, сырья и снабжения для гражданского потребления.

Имея в виду послевоенный период, правительства Соединенных Штатов, СССР и Соединенного Королевства согласны с правительством Ирана в том, что любые экономические проблемы, которые встанут перед Ираном после окончания военных действий, должны быть полностью рассмотрены, наряду с экономическими проблемами, которые встанут перед другими членами Объединенных наций, – конференциями или международными организациями, созванными или созданными для обсуждения международных экономических вопросов.

Правительства Соединенных Штатов, СССР и Соединенного Королевства едины с правительством Ирана в своем желании сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана. Они рассчитывают на участие Ирана совместно с другими миролюбивыми нациями в установлении международного мира, безопасности и прогресса после войны, в соответствии с принципами Атлантической хартии, которую подписали все четыре правительства.

Черчилль, Сталин, Рузвельт. 1 декабря 1943 года (Декларация трех держав об Иране // Правда. 1943. 7 дек. № 301. С. 1).

[201] Уинстон Черчилль родился 30 ноября 1874 г. В сообщении ТАСС из Тегерана говорилось: «30 ноября в здании миссии Великобритании в Тегеране состоялся торжественный ужин в честь дня рождения премьер-министра Великобритании г-на У. Черчилля, которому в этот день исполнилось 69 лет.

На ужине присутствовали участники Тегеранской конференции во главе с президентом США г-ном Ф. Д. Рузвельтом и Председателем совета народных комиссаров СССР тов. И. В. Сталиным, а также сотрудники Миссии Великобритании в Тегеране и другие гости, в числе которых были дочь г-на У. Черчилля, г-жа С. Черчилль, его сын капитан Р. Черчилль и сын президента Рузвельта полковник Э. Рузвельт.

По английскому обычаю, на праздничном пироге горело 69 восковых свечей. С советской стороны присутствовали Народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов и маршал К. Е. Ворошилов.

Ужин прошел в дружественной обстановке. Тов. И. В. Сталин и г-н Ф. Д. Рузвельт тепло приветствовали г-на У. Черчилля, пожелав ему здоровья и успехов» (Празднование в Тегеране дня рождения премьера Великобритании г-на У. Черчилля // Правда. 1943. 7 дек. № 301. С. 2).

[202] Вероятно, описка. В сводке Совинформбюро от 6 декабря 1943 г. сообщалось об освобождении города Александрия, расположенного юго-западнее Кременчуга, а также укрепленных опорных пунктов немецкой обороны (Вербовка, Московское, Ефимовка, Заломы, Гутницкая, Красноселье, Цибулево, Веселый Кут и др.).

[203] Временное воинское формирование, создаваемое для проделывания проходов в минно-взрывных и других заграждениях, очистки местности от мин, невзорвавшихся снарядов, авиабомб, фугасов и других взрывоопасных предметов. Основу группы разграждения обычно составляют подразделения инженерных войск. В состав группы могли также включаться мотострелковые, танковые, химические и другие подразделения.

[204] См. статью «Немецкие и финские варвары разрушают жилые кварталы и невоенные объекты Ленинграда» (Правда. 1943. 7 дек. № 301. С. 2): «<...>Артиллерия немецко-финских захватчиков, расположенная под Ленинградом, вот уже в течение многих месяцев систематически обстреливает жилые кварталы Ленинграда. За последние две-три недели артиллерийский обстрел заметно усилился. Потерпев полный провал всех попыток захватить Ленинград, немецко-финские злодеи в бессильной злобе вымещают свои военные неудачи на мирных жителях. Известно, что в данное время в Ленинграде военных объектов нет, поэтому для всех очевидно, что систематические обстрелы города имеют одну цель, а именно – разрушение жилых зданий, уничтожение памятников культуры, истребление мирных жителей Ленинграда».

[205] Тыквенная (*укр.*).

[206] В основе этой оценки – выражение «знать на ять», т. е. на отлично.

[207] Беглый огонь – вид скорострельного артиллерийского огня при котором каждое орудие батареи стреляет не по команде или сигналу, а по мере готовности к выстрелу.

[208] Хутор Безымянный Каменского района Запорожской области.

[209] Речь, разумеется, идет не о патроне, а о гильзе от патрона для противотанкового ружья (ПТР).

[210] Город Знаменка освобожден 9 декабря 1943 г. войсками 2-го Украинского фронта в ходе операции по расширению плацдарма на правом берегу Днепра.

[211] Фронтовая полевая почта имела цифровые обозначения для крупных воинских подразделений (фронтов, армий, дивизий, бригад). Обозначение более мелких подразделений шло по буквам. См. также прим. 99 (1942).

[212] С 1942 г. у военнослужащих Красной армии появились вкладные книжки, на которые Госбанк СССР начислял фронтовикам зарплату. Красноармеец получал 10 рублей в месяц, лейтенант – 200 рублей. Особые премии бойцам на-

числяли за проявленное мужество, сбитые самолеты, уничтоженные танки и другие боевые заслуги. Однако бойцы, как правило, этих денег не видели, т. к. в 1942 г. полевые учреждения Госбанка СССР перешли на безналичные операции с вкладами. Такая система была удобна не только бойцам, которым до сих пор приходилось тратить время на перечисление средств через почтовые отделения, но и для государства, которое тем самым мобилизовало деньги военных. В случае смерти бойца вкладные книжки должны были храниться в архиве полевого учреждения «Красноармейское» Госбанка СССР, а его родственники имели право на эти деньги. Однако на деле это не работало: родственники погибших, как правило, не знали об этих вкладах, а банковские работники не занимались тем, чтобы вместе с похоронкой, как и полагалось, высылать вдове или детям информацию о номере вклада, что давало бы возможность обналичить счет.

[213] Начальник финансовой части.

[214] На Украине есть несколько населенных пунктов с этим названием: два в Харьковской, два – в Полтавской и один в Киевской области.

[215] Особый отдел – подразделение военной контрразведки НКВД. В апреле 1943 г. на базе Управления особых отделов Народного комиссариата внутренних дел СССР было создано Главное управление контрразведки «Смерш», которое было передано в ведение Народного комиссариата обороны СССР. Входившие в СМЕРШ особые отделы занимались поиском «шпионов» в частях и соединениях Красной армии.

[216] Горохов Сергей Федорович (1901–1974), к началу Великой Отечественной войны – начальник штаба 99-й стрелковой дивизии. В ходе Сталинградской битвы командовал 124-й стрелковой бригадой и группой войск, изолированной севернее Сталинградского тракторного завода. С мая 1943 г. – командир 37-го стрелкового корпуса. Под командованием С. Ф. Горохова корпус в составе 28-й и 5-й ударной армий участвовал в Донбасской и Одесской наступательных операциях и в освобождении Николаева и Одессы.

[217] Известия об успехах на Витебском направлении появились в сводках Совинформбюро лишь 25 декабря: «В течение 25 декабря на Витебском направлении наши войска продолжали успешно развивать наступление и с боями заняли более 200 населенных пунктов <...> Нашими войсками перерезана шоссейная дорога Витебск – Полоцк».

[218] Конкурс на написание нового гимна СССР вместо исполнявшегося после Октябрьской революции, но официально не утвержденного Интернационала, был объявлен еще в 1930-е гг. 14 декабря 1943 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) был утвержден новый гимн (слова С. В. Михалкова и Г. А. Эль-Регистана, музыка А. В. Александрова). Впервые новый гимн был исполнен в ночь на 1 января 1944 г. 1 января 1944 г. текст и ноты нового гимна были опубликованы во всех центральных газетах. Официально использовался с 15 марта 1944 г.

В архиве Вл. Гельфанда сохранилась заметка из красноармейской газеты «Кировец» от 13 января 1944 г. (№ 6) «Разучивают гимн Советского Союза»: *Когда в подразделение поступили газеты с текстом гимна Советского Союза, у бойцов возникло немало вопросов. Они спрашивали у агитаторов, что означает*

слово «гимн», просили объяснить смысл слов, имеющихся в тексте нового гимна: «Великая Русь» [имеются в виду строки из гимна: «Союз нерушимый республик свободных / Сплотила навеки Великая Русь»] *и т. д.*

Агитатор Гельфанд прочитал бойцам статью академика Митина [Митин Марк Борисович (1901–1987), академик АН СССР (1939). Один из организаторов разгрома философской науки в СССР в 1930-е гг. и официальный лидер государственной философской идеологии и кадровой политики в этой области в СССР вплоть до середины 1960-х гг. В годы войны занимал должности главного редактора журнала «Под знаменем марксизма», директора Института Маркса – Энгельса – Ленина (ИМЭЛ) при ЦК ВКП(б) и др., лауреат Сталинской премии первой степени (1943)] *«Могучий Советский Союз», а также высказывания виднейших людей нашей страны о гимне. После этого бойцам стал ясен смысл слов гимна.*

Сейчас в подразделении организовано разучивание текста гимна Советского Союза. Многие бойцы знают его полностью.

Большую работу по разучиванию нового гимна среди бойцов подразделения Медведева проводит агитатор Кочубей. Собираясь группами, бойцы заучивают слова, рожденные в битвах с врагами социалистической Родины:

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин – на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Комсорг О. Бахандыков [Бахандыков Оджа Дорджи-Горяевич (р. 1923), сержант, комсорг 3-го сба. В РККА с марта 1942 г. (призван Приволжским РВК Калмыцкой АССР). За участие в боях на реке Миус в августе 1943 г. награжден орденом Красной Звезды].

[219] Кипнис Зайваль Михайлович (р. 1924), красноармеец, уроженец г. Житомира. Убит 19 декабря 1943 г. Похоронен в хуторе Шевченко Каменского района Запорожской обл. (Из донесения о безвозвратных потерях штаба 248-й сд).

[220] В оперативной сводке Совинформбюро от 24 декабря 1943 г. сообщалось: «Войска 1-го Прибалтийского фронта, развивая стремительное наступление, 24 декабря штурмом овладели городом и крупной железнодорожной станцией Городок, а также заняли более 60 других населенных пунктов». О боях на Витебском направлении сообщалось и в последующие дни.

[221] После Тегеранской конференции У. Черчилль заболел пневмонией. В советских газетах печатались сообщения о состоянии его здоровья. См.: Состояние здоровья Черчилля // Правда. 1943. 18 дек. № 310; 19 дек. № 311; 20 дек. № 312; 22 дек. № 313; 24 дек. № 315; 26 дек. № 317; 30 дек. № 320 (все – на С. 4). Так, в сообщении ТАСС из Лондона от 26 декабря говорилось: «Как сообщает агентство Рейтер, 25 декабря в Лондоне опубликован бюллетень о состоянии здоровья Черчилля. В бюллетене говорится, что премьер-министр продолжает поправляться и набирать силы».

[222] В оперативной сводке Совинформбюро от 29 декабря 1943 г. сообщалось: «Войска 1-го Украинского фронта, преодолевая сопротивление противника, продолжали успешно развивать наступление и овладели городом и железнодорожным узлом Коростень, городом и крупной железнодорожной станци-

ей Черняхов, городом и железнодорожной станцией Сквира, а также заняли более 250 населенных пунктов. <...> В излучине Днепра, западнее города Запорожье, наши войска перешли в наступление и с боями заняли более 30 населенных пунктов и среди них пригород города Запорожье на правом берегу Днепра, а также крупные населенные пункты Зеленый Гай, Лукашевка, Великий Луг, Хортица, Канцеровка, Бабурка, Нижняя Хортица, Разумовка, Ново-Федоровка и очистили от противника остров Хортица».

223 С ноября 1942 по октябрь 1943 г. Дуайт Эйзенхауэр командовал силами союзников во время наступления в Северной Африке, Сицилии и Италии. После Тегеранской конференции назначен Верховным главнокомандующим экспедиционными силами. См.: Заявление Эйзенхауэра // Правда. 1943. 29 дек. № 319. С. 4: «Лондон. 27 декабря (ТАСС). Как передает специальный корреспондент агентства Рейтер при штабе войск союзников в Северной Африке, вновь назначенный главнокомандующий союзными войсками вторжения генерал Дуайт Эйзенхауэр заявил здесь на пресс-конференции: "Мы выиграем европейскую войну в 1944 году. <...>

Наше наступление на Рим было разочаровывающе медленным, – продолжал он. – Мы снова выполняем черную работу вытеснения упорно сопротивляющегося противника, а темп нашего наступления на север будет, быть может, более, чем что-либо другое, зависеть от количества подкреплений, которые германское командование решит бросить против нас <...>".

Эйзенхауэр решительно возражал против слухов о том, что итальянский фронт может прийти в состояние застоя. Он не думает, чтобы это могло случиться, и указал, что более широкие планы вторжения на запад были сорваны, если бы Италия перестала быть театром наступательных операций.

Эйзенхауэр заявил на пресс-конференции: "Мое личное дело, безусловно, будет заключаться в том, чтобы немедленно выполнить то, чего я достиг здесь, – спаять руководящий коллектив таким образом, чтобы никогда не возникло никаких трений, чтобы работа шла согласованно на основе взаимного доверия, и чтобы в нее были вложены все усилия. Я считаю, что мы здесь создали это чувство товарищества, которое, насколько это в человеческих возможностях, приблизило нас к устранению тех трений, которые были типичными для действий союзников в прошлом"».

224 См.: Американский журналист о югославских партизанах // Правда. 1943. 30 дек. № 320. С. 4: «Нью-Йорк. 29 декабря (ТАСС). Газета "Нью-Йорк Таймс" поместила большую статью своего каирского корреспондента Сульцбергера, излагающего историю борьбы югославских партизан, возглавляемых Брозом-Тито. Сульцбергер отмечает, что партизанское движение добилось широчайшей поддержки после исключительно тяжелой борьбы. "Югославы, – пишет автор, – объединились вокруг Тито, привлеченные блестящими боями, которые вел с врагом партизанский вождь". <...> Как указывает Сульцбергер, силы партизан достигают свыше 250 тыс. человек, или 26 дивизий. <...> Состав национального комитета освобождения Югославии – временного югославского правительства – является, пишет Сульцбергер, предельно широким. Правительство имеет собственные банки, печатает деньги, выпускает займы, располагает собственной железной дорогой, почтовой системой и т. п. Организованы театры и выходят сотни небольших газет».

[225] Ортона (*итал.* Ortona) – город в Италии, в регионе Абруццо (провинция Кьети). Был захвачен в декабре 1943 г. в ходе наступления войск союзников на Рим. Однако вскоре после этого их продвижение было приостановлено из-за метелей, начавшихся в конце декабря. Советские газеты писали о битве за Ортону. См.: Военные действия в Италии // Правда. 1943. 30 дек. № 320. С. 4: «Лондон. 29 декабря (ТАСС). Штаб войск союзников в Северной Африке сообщает, что на фронте в Италии ожесточенная битва за Ортону закончилась. Войска союзников очистили город от врага и продолжают наступать по побережью».

[226] Правильно: Терпенье (*укр.* Терпіння) – село, расположенное в Мелитопольском районе Запорожской области на правом берегу реки Молочная.

[227] Река Молочная (*укр.* Молочна) – крупнейшая река северо-западного Приазовья, протекающая по Запорожской области, впадает в Молочный лиман Азовского моря.

1944

[1] Кестельбойм Михаил Григорьевич (р. 1905 г., г. Шепетовка, Каменец-Подольской обл., Украинской ССР). Член ВКП(б) с 1929 г. В РККА – с 1939 г., участник Отечественной войны с сентября 1942 г. (Южный фронт). С 8 июня 1943 г. – начальник военно-технического снабжения 899-й сп 248-й сд. Награжден медалью «За боевые заслуги» (февраль 1944 г.), орденами Красной Звезды (22 января 1945 г.) и Отечественной войны II степени (июнь 1945 г.).

[2] Под этой же датой на отдельном листе сохранилась приведенная далее в тексте дневника запись.

[3] 2-я Варшавская пехотная дивизия имени Генрика Домбровского (*польск.* 2 Warszawska Dywizja Piechoty im. Henryka Dąbrowskiego / 2 DP) – подразделение Войска Польского. Сформирована в августе 1943 г., вошла в состав 1-й армии Войска Польского. Начала боевой путь в августе 1944 г. на Магнушевском плацдарме. В январе 1945 г. участвовала в боях недалеко от Варшавы, в преодолении Поморского вала и освобождении г. Камень-Поморский. Дивизия принимала также участие в отдельных этапах Висло-Одерской и Берлинской операций, закончив свой боевой путь на Эльбе. Расформирована в 1956 г.

[4] 1-я Варшавская польская пехотная дивизия имени Тадеуша Костюшко (*польск.* 1 Polska Dywizja Piechoty im. Tadeusza Kościuszki) – сформирована 14 мая 1943 г. на территории Советского Союза активистами «Союза польских патриотов» из польских граждан и граждан СССР – поляков по происхождению. Полковник РККА А. Т. Савицкий, наряду с другими советскими офицерами польского происхождения, был направлен в формирующуюся польскую армию, назначен начальником штаба 1-й польской сд.

[5] Бевзюк Войцех Михайлович (1902–1987), в РККА с 1924 г., член ВКП (б) с 1927 г., участник Отечественной войны с июля 1941 г. Будучи поляком на национальности, в 1943 г. был направлен в формировавшуюся на территории СССР польскую армию. Начальник артиллерии, затем командир 1-й польской сд. Полковник, впоследствии – генерал-майор (13 марта 1944), генерал-лейтенант (11 июля 1946 г.). Награжден орденами Красной Звезды, Красного Знамени, орденом Кутузова I степени, орденом Ленина и др.

[6] Месич Марко (1901–1982), последний командир Хорватского легиона, разгромленного в ходе Сталинградской битвы. В дальнейшем возглавлял просоветские югославские части, сформированные на территории СССР. Летом 1943 г. в Красногорске началось создание соединения Югославской королевской армии (в то время СССР еще не признавал администрацию партизан Тито как суверенное правительство). В 1944 г. Месич был назначен командиром вновь сформированной «Первой югославской бригады добровольцев», составленной из пленных югославского происхождения, а также из добровольцев, живущих в СССР.

[7] В семейном архиве сохранился номер газеты «Сталинский воин» от 5 января 1944 г. со статьей, посвященной капитану Андрееву. [Андреев Александр Иванович (р. 1903). Член ВКП(б) с 1926 г. Участник Отечественной войны с июня 1941 г. Награжден орденами Красной Звезды (июнь 1944 г.) и Отечественной войны I степени (ноябрь1944 г.).]

«Агитатор полка».

Серебристо-морозный зимний день. Снег хрустит и ломится под ногами. Аккуратно расположенный ряд землянок сообщения. Белый душистый дым. Вся балочка изрыта щелями, ходами сообщения, столами для минометов. Вдоль ОП ходит часовой-наблюдатель. Вдруг он застыл по стойке смирно, приветствуя знакомую фигуру появившегося из-за склона балки человека.

– Вольно, вольно, – улыбается человек. – Вы позовите-ка мне сюда бойцов.

Мигом высыпают из землянки военные люди, открываются двери землянок, и оттуда, вслед за людьми, вырывается белый пар.

– Хорошо у вас в землянках, – говорит капитан Андреев, обращаясь к бойцам и командирам минометной роты. – Это правильно, товарищи, что вы заботитесь о своем быте. От этого вы и мерзнуть, и болеть не будете, сможете отогреться и отдохнуть после дневной работы и ночного дежурства на посту. А вот это плохо, товарищ боец, что вы раздетый выбежали. Вы хороший, честный боец, а своим отношением к себе можете навредить общему делу борьбы с врагами. Так вы можете выйти из строя на длительное время.

Боец виновато улыбается, оправдывается и бежит, стремглав, одеться. Собираются красноармейцы, и завязывается оживленная дружеская беседа, которую не может прервать ни гул артиллерии, ни разрывы вражеских мин и рядов, ни даже сердитый колючий мороз. С затаенным дыханием слушают бойцы и командиры своего любимого агитатора, делятся с ним своими нуждами, рассказывают о своих мечтах, надеждах и желаниях.

Капитан Андреев расспрашивает бойцов, как изучают они материальную часть миномета и взаимозаменяемость в расчетах. Бойцы оживленно делятся своими знаниями, своим боевым опытом с капитаном, рассказывают ему массу боевых эпизодов. Беседа проходит интересно и занимательно.

– Это хорошо, друзья мои, что вы изучили матчасть миномета, что у вас достигнута полная взаимозаменяемость в расчетах. Но этого далеко не достаточно. Знаете, что сказал товарищ Сталин в своем приказе за № 309? Сталин говорил, что останавливаться на достигнутом ни в коем случае нельзя, что необходимо всем бойцам и командирам Красной армии неустанно совершенствовать свое боевое мастерство.

Так незаметно начинается беседа о приказе товарища Сталина за № 309. Бойцы оживленно принимают участие в беседе, задают вопросы, берут на себя обязательство уничтожить еще больше ненавистных немецких захватчиков, чем прежде.

Но вот беседа окончена. Твердо уверенный в отличном знании минометчиками приказа и доклада № 309 капитан Александр Иванович Андреев отправляется на переднюю линию к стрелкам. Остервенело заливаются мелкой дробью вражеские пулеметы, рычат и тявкают минометы врага, свистят ошалелые пули, гулко ухают снаряды, дрожит земля, вскидываясь от рвущихся мин. Капитан Андреев думает о новом пополнении. Что за люди прибыли к нам в часть? Каковы их настроения? Каковы мысли и уровень развития? Многие из недавно прибывших к нам бойцов призваны в Красную армию с территорий, выгнанных накануне из фашистско-немецкой кабалы. За свое более чем годичное пребывание в немецком плену эти люди много пережили, выстрадали, и некоторые слабовольные или шаткие личности готовы были пойти на услуги врагам Родины. Вот узнать, чем дышат бойцы из нового пополнения, и помочь им в расширении политического кругозора предстояло теперь полковому агитатору.

Шел мягкий мокрый снег. Он падал большими клочьями. Вся земля покрылась бархатным белошерстным ковром и там, где падали пули, образовывался глубокий узкий след. Пули были горячи и сердиты. Они визжали везде, пытаясь найти приют и спокойствие где-либо на мягком снегу или в человеческом теле. Они визжали и падали, вгрызаясь в землю, но капитан Андреев шел, не обращая внимания на трескотню врага, на его стрельбу и пулеметные очереди. Наконец, он дошел до большого, просторного блиндажа КП командира стрелковой роты. Там он пробыл до вечера, беседуя с находящимися в блиндаже связистами, с другими бойцами и командирами. А когда совсем стемнело, агитатор направился в стрелковые окопы, чтобы побеседовать с каждым бойцом в отдельности: рассказать им последние новости из-за границы, передать последние вести с фронта и тыла Родины.

Он беседовал с бойцами всю ночь. Он обошел все окопы и ни одного бойца не пропустил. А на другой день, 20 ноября, когда началось наступление, результаты работы пламенного агитатора Андреева не замедлили сказаться в бою. Новое пополнение дралось с не меньшим героизмом, чем старые бойцы части, с которыми уже неоднократно разговаривал до того Александр Иванович. В сердцах бойцов горел огонь, зажженный агитатором в ночь перед боем: огонь ненависти, огонь гнева и бесстрашия, который был грозной силой и, обратясь в пламя, сумел сокрушить и смять вражескую оборону. Так был взят хутор Чехов, так был взят хутор Шевченко.

Капитана Андреева любит и уважает каждый боец и каждый командир, кто хоть раз видел его, встречался и беседовал с ним и слышал его простые, доходчивые, пламенные и жгучие слова, которые врезались и неизгладимы из памяти. Офицеры части особенно благодарны Андрееву за многочисленные офицерские собрания, где Александр Иванович делает доклады, проводит беседы, зажигает. Комсомольцы гордятся своим любимым шефом-капитаном и благодарны ему за комсомольские семинары-лекции, за заботу и помощь, которую он повседневно оказывает молодежи. Но весьма недовольны Андреевым и злы на него все те,

кого не раз справедливо и строго осуждал агитатор за вранье, хвастовство, честолюбие и косность. Он прямой, открытый человек, капитан Андреев, он не любит бюрократизма, несправедливости и многим чиновникам от него достается.

Вот он пламенный, неистовый агитатор: высокий, добродушный, пожилой, с бархатными черными глазами, с первого взгляда сразу располагающими к себе. Вот он каков, во весь свой гигантский рост, простой, улыбающийся человек с отеческим морщинистым лицом и крупной бородавкой на щеке. Доцент, преподаватель вуза в прошлом, офицер-воспитатель в настоящем, Александр Иванович Андреев.

[8] В семейном архиве сохранилась удостоверение от 9 января 1944 г., выданное Вл. Гельфанду «<...> на получение установленных законодательством Союза ССР для военнослужащих и их семей льгот по налогам, госпоставкам и др.» Удостоверение (подписанное командиром в/ч 28318 гв. полковником Паравишниковым и начальником штаба майором Оменко) было действительно до 31 декабря 1944 г.

[9] Вероятно, Кокорев Юрий Михайлович (р. 1906), старший батальонный комиссар. В РККА с 1931 г. В годы Отечественной войны редактор армейских газет, в т. ч. «На штурм» (1942) и «Сталинское знамя» (1944). Награжден медалью «За отвагу» (август 1942 г.).

[10] Судя по всему, приведенный ниже отрывок, сохранившийся на отдельном листе и датированный 15 января 1944 г., является продолжением предыдущей записи.

[11] Таленский Николай Александрович (1901–1967), генерал-майор, журналист. В довоенные годы работал в управлении Генерального штаба и одновременно был главным редактором журнала «Военная мысль». Главный редактор газеты «Красная звезда» с 31 июля 1943 г. по 19 марта 1945 г.

[12] Неточное цитирование русской народной песни «Когда б имел златые горы»:

Не упрекай несправедливо,
Скажи всю правду ты отцу.
Тогда свободно и счастливо
С молитвой ты пойдешь к венцу.

[13] Weg (*нем.*) – прочь.

[14] Газета «Советская Украина», основана в июне 1918 г. под названием «Коммунист» (на русском языке), как орган ЦК КП(б)У и харьковского губкома. С 1926 г. выходила на украинском языке под названием «Комуніст». В 1934 г. в связи с перенесением столицы УССР стала издаваться в Киеве. С 15 мая 1941 г. стала также органом Верховного совета УССР. Во время Великой Отечественной войны выходила (с 1 февраля 1943 г. под названием «Советская Украина») в Воронеже, Ворошиловграде, Саратове, Москве, Харькове, с 1944 г. – в Киеве.

[15] Так в тексте.

[16] Новгород был оккупирован немецкими войсками с 15 августа 1941 г. по 20 января 1944 г. В сводке Совинформбюро от 20 января 1944 г. сообщалось: «20 января обе группировки 59-й армии, прорвав оборону противника севернее и южнее Новгорода, соединились, окружив остатки не успевших отойти вражеских частей. В тот же день был освобожден Новгород и ликвидированы окруженные войска противника».

[17] Калюжа (*укр.*) – лужа, грязь.

[18] Имеются в виду части миномета.

[19] «Что, сколько ты еще их будешь кидать?» (*укр.*)

[20] Побиянов Иван Иванович (р. 1914), капитан, начальник отделения интендантского снабжения 248-й сд. В РККА с 1936 г. Член ВКП(б) с 1944 г. Награжден орденами Красной Звезды (июнь 1944 г.) и Отечественной войны II степени (июнь 1945 г.), медалями «За оборону Кавказа» и «За боевые заслуги» (апрель 1945 г.).

[21] Зеленый Гай – село в Днепропетровской области, расположенное к северо-востоку от городов Запорожье и Мелитополь.

[22] Гавриловка, Анновка – села в Днепропетровской области, расположенное к северо-востоку от городов Запорожье и Мелитополь и к северо-западу от села Зеленый Гай.

[23] Так в тексте. Вероятно, описка Вл. Гельфанда, правильно: твои.

[24] Рымарь Григорий Михайлович (р. 1921), капитан, командир 1-го сб, 899-го сп, 248-й сд. Участник Отечественной войны с сентября 1942 г. (Южный фронт). Член ВКП(б) с 1943 г. Награжден орденом Отечественной войны II степени (январь 1944 г.).

[25] «Под Анновкой в плавнях, именно во время этого драпа, извините за неприличное выражение, я получил небольшое ранение в палец и царапину от разрывной пули. Сначала я не обратил внимания, но через несколько дней дело приняло серьезный оборот: у меня было заражение крови и, несмотря на то что переправа не работала, мне удалось переехать на другой берег в госпиталь. После операции я не согласился лежать в госпитале, отказался наотрез от эвакуации в Мелитополь на лечение и отправился в часть с предписанием врачей об амбулаторном лечении при санчасти <...>». (Из черновика рапорта на имя полковника Паравишникова, май 1944 г.). О дальнейших злоключениях, связанных с этим ранением, см. прим. 35 и 66.

[26] «Дождалась братьев, а они не хотят меня спасти» (*укр.*).

[27] Под этой же датой на отдельном листе сохранилась приведенная ниже запись.

[28] Скибка (*укр.*) – ломоть.

[29] 6 марта 1944 г. в газете «Правда» были опубликованы сообщения, в которых говорилось, что «великодушные советские перемирия встретили враждебное отношение со стороны финской печати» (см.: Финляндия перед выбором // Правда. 1944. 6 марта. С. 1; Финская печать о советских условиях перемирия // Правда. 1944. 6 марта. С. 4). Финляндия вышла из войны лишь после 19 сентября 1944 г., когда было подписано Московское перемирие.

[30] Притулок (*укр.*) – приют, кров; (*перен.*) убежище, прибежище.

[31] Бурксер Леонид Васильевич (р. 1924), лейтенант, командир стрелкового взвода 993-й сп, 263-й сд. Награжден орденом Красного Знамени (февраль 1945 г.).

[32] «Выезжаем в направлении Трифоновки» (*укр.*).

[33] «Побыв некоторое время при хозвзводе, я вновь устремился в свою роту и, несмотря на морозы и тяжелые условия фронтовой жизни, решил вернуться в строй. Вскоре, однако, палец вновь нагноился, и пришлось вторично делать операцию силами санчасти полка. После операции я снова вернулся в роту и отлучался только на перевязки <...>». (Из черновика рапорта на имя полковника Паравишникова, май 1944 г.).

[34] См. прим. 56 (1943).

[35] Новая Кубань (*укр.* Нова Кубань) – село в Великоалександровском районе Херсонской области, основанное в 1922 г.

[36] Сільрада (*укр.*) – сельсовет.

[37] Юдиндорф (после 1939 г. – Чкалово) – село в Херсонской области. Основано в 1871 г., центр Юдиндорфского еврейского национального района. На территории села была размещена центральная усадьба колхоза им. Чкалова.

[38] До ребенка, включая детей (*укр.*).

[39] Согласно сводке Совинформбюро от 15 марта 1944 г. «юго-западнее Умани войска 2-го Украинского фронта успешно форсировали реку Южный Буг на 100-километровом фронте и, сломив сопротивление противника на правом берегу реки, продвинулись вперед от 20 до 30 километров».

[40] Херсон освобожден 13 марта 1944 г. войсками 3-го Украинского фронта в ходе Березнеговато-Снигиревской операции.

[41] Село Фрайдорф (в переводе с *идиш* – «свободная слобода») было основано как еврейская земледельческая колония в Николаевской области на Украине. В настоящее время село Слободка.

[42] Поселок городского типа в Великоалександровском районе Херсонской области, основанный в 1807 г. под названием Сейдеменуха. Название Калининдорф поселение получило в 1927 г., став центром первого в СССР еврейского национального района, просуществовавшего до 1941 г. Поселок был оккупирован частями вермахта в самом начале Отечественной войны. В 1944 г. переименован в Калининское. Близлежащая железнодорожная станция продолжает носить название Калининдорф.

[43] Линимент бальзамический (по Вишневскому) – мазь, изобретенная в 1927 г. хирургом А. В. Вишневским. Широко применяется при кожных заболеваниях, ожогах, обморожениях, ранах, язвах, пролежнях, влажных мозолях, фурункулах, порезах.

[44] Скорее всего, имеется в виду поселок Краснолюбецк, расположенный напротив поселка Калининское (на другой стороне реки Ингул), неподалеку от станции Калининдорф.

[45] По разным данным на территории Украины в период Второй мировой войны было убито от 1,5 до 1,9 млн евреев.

[46] Тычина Павел (Павло) Григорьевич (1891–1967), украинский советский поэт. Лауреат Сталинской премии первой степени (1941). В 1943–1948 гг. – министр (нарком) просвещения УССР.

[47] Голованивский Савва Евсеевич (1910–1989), украинский советский писатель.

[48] Голодный Михаил Семенович (1903–1949), советский поэт. В годы Отечественной войны – военный корреспондент центральных и фронтовых газет.

[49] Главная героиня романа М. Горького «Мать», написанного в 1906 г. под влиянием событий первой русской революции.

[50] Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861), классик украинской литературы.

[51] За два дня до этого, 28 марта, Вл. Гельфанд принимал участие в освобождении города Николаева. Он писал об этом в письме матери 29 марта 1944 г.:

Полевая почта 28318–Ы

Просмотрено Военной Цензурой 04893

Дорогая мамочка!

Давно не имею возможности писать писем. Сейчас у нас очень напряженное время. Наступаем. Неотступно преследуем врага. Все время в движении. 28 числа освободили крупный областной центр, портовый город и крупный железнодорожный узел [*Николаев*]. Если бы ты видела ту радость, с которой нас встречало население! Пышками, коржиками всякими, папиросами и табаком (я не курю, правда), мылом – кто, чем мог. Люди плакали, некоторые обнимали и целовали нас. Когда мы входили в город, еще шел бой. Немцы обстреливали тяжелыми снарядами весь город. Им не жаль было мирного населения и кварталов большого города. Но люди не страшились ничего, даже смерти. А когда неподалеку упал снаряд и ранил кого-то из военных – они прямо через улицу, гурьбой бросились выносить раненого с опасного участка. Это была очень трогательная картина. А ведь кругом остервенело бились о землю все новые и новые снаряды и мины.

Сейчас продвигаемся дальше. Близится с каждым мигом прекрасный час освобождения нашей Родины от подлых немецких варваров, близится день окончательного разгрома фашистов.

Извини за краткость. За последнее время ничего не получал. Только вчера получил письмо от папы, а сегодня от тебя, тети Ани, Майи Белокопытовой. От тети Любы и Оли, к сожалению, писем не имею. От дяди Люси тоже, хотя много им всем написал.

Обо мне не беспокойся. Со мной ничего плохого не будет. Целую. Твой сын Вова.

[52] Варваровка – поселок в Николаевской области.

[53] Ивановка – поселок в Николаевской области, расположенный юго-западнее Варваровки.

[54] Третьяк Василий Васильевич (р. 1915), лейтенант, командир роты 82-мм минометов 899-го сп 248-й сд. В РККА с 1936 г. (призван Кунгурским РВК Молотовской обл.). Член ВКП(б) с 1943 г. Участник Отечественной войны с 22 декабря 1943 г. Награжден орденом Красной Звезды (апрель 1944 г. – за участие в наступательных боях на правом берегу Днепра и освобождение г. Николаева).

[55] Имеется в виду село, расположенное юго-западнее Николаева, между селами Ивановка и Чапаевка. В настоящее время называется Яблоня (*укр.* Яблуня).

[56] Скорее всего, речь идет о поселке Чапаевка, расположенном к северо-востоку от Одессы и к западу от Николаева.

[57] В записях Вл. Гельфанда сохранился рассказ Нади-партизанки, записанный им от первого лица:

[*Лист порван – одна строка нрзб*] много времени нашей беготни с подполковником, я вдруг вспомнила, что у меня сидит еще замурованный один молодой парень. Я его спрятала у скалы в глубокую яму и заложила яму такими камнями, что с трудом могла поднять. Его убежище я так тщательно замаскировала, что румыны и немцы, строившие там свою оборону и выкатывавшие туда свои пушки и пр., не смогли обнаружить ямы.

Вместе с бойцами мы отрыли человека – он натерпелся страху! Несколько раз фашисты проходили по его щели, а потом установили там свою пушку. Совсем рядом.

[58] Червона Украина – село в Черкасской области, расположенное к северо-востоку от Одессы и к юго-западу от Николаева.

[59] Байталы – село в Ананьевском районе Одесской области. Расположено на реке Тилигул в 240 км к северо-западу от Николаева.

[60] Капустино – поселок в Жовтневом районе Николаевской области, расположенный на 90 км северо-восточнее села Червоная Украина.

[61] Возможно, Петрушин Дмитрий Васильевич (р. 1923, деревня Трубино Смоленской обл.), лейтенант. Член ВКП(б), комсорг 3-го сб 899-го сп 248-й сд. В РККА с 1942 (призван Серговским ГВК Ворошиловградской области). Награжден орденом Красной Звезды (февраль 1944 г.).

В семейном архиве Вл. Гельфанда сохранилась вырезка из красноармейской газеты «Кировец» (30 мая (№ 64) 1944) с заметкой Петрушина, опубликованной в рубрике «Партийная жизнь», в которой упоминался и Вл. Гельфанд:

«Актив – моя опора».

И раньше в своей практической работе я опирался на актив, посредством которого мне удавалось быстрее и всеобъемлюще проводить в жизнь партийные мероприятия. В ходе Великой Отечественной войны роль актива приобрела еще большее значение. Я постарался сделать так, чтобы от каждой ротной парторганизации в актив вошли передовики-коммунисты, которые могли бы успешно помогать в осуществлении того или иного мероприятия.

В настоящее время актив занят в основном проведением изучения и практической реализацией приказа № 70 товарища Сталина. Как примеру практического выполнения приказа № 70 мы особое внимание уделяем сооружению прочной, неприступной обороны. Парторги ведут большую массово-разъяснительную работу: для чего нужны сплошные и глубокие траншеи, как нужно отрывать ячейку для стрелка, окоп для пулеметчика и т. д. Активисты личным примером показывают образцы в работе. Так, коммунист Дмитриенко быстрее и лучше всех отрыл окоп для пулемета, сделал отличную маскировку его.

Кроме этого актив по плану ведет большую политико-воспитательную работу. Капитан Пархоменко сделал доклад для офицерского состава на тему «Об офицерской чести и воинском достоинстве», лейтенант Гельфанд провел с личным составом занятие о воинской присяге и боевом пути нашей части. Он так же хорошо помогает мне в росте парторганизации. Коммунист Толокнов провел обстоятельные беседы о соглашении с Чехословацкой республикой [В конце 1943 г. Чехословакия подписала соглашение с СССР сроком на 20 лет, подтверждавшее договор 1935 г. о взаимопомощи в случае агрессии со стороны Германии]. *Активисты провели несколько бесед об укреплении дисциплины, о сохранении военной тайны, о бдительности, о сбережении оружия и обмундирования.*

Парторг Д. Петрушин.

[62] Дезинфекционную камеру.

[63] Пархоменко Василий Ануфриевич (р. 1908), командир стрелкового батальона 899-го сп 248-й сд. В РККА с 1931 г. (призван Усть-Каменогорским ГВК Казахской ССР). Член ВКП(б) с 1938 г. Участник Отечественной войны с января 1944 г. Награжден орденом Красной Звезды (май 1944 г. – за участие в боях по освобождению Одессы).

[64] Отсутствие в части объяснялось ранением в палец (см. запись от 3 апреля 1944 г., а также прим. 25 и 35). Некоторые подробности этой истории сохранились в черновиках рапортов, написанных Вл. Гельфандом в мае 1944 г. (в т. ч. на имя полковника Паравишникова):

<...> Прошло несколько дней, когда я вынужден был пойти на перевязку в период боев за Одессу, мне [*одно слово нрзб*] командир роты разрешил, тем более что у меня было предписание санчасти о необходимости для меня амбулаторного лечения. Условия преодоления водных преград и распутица вынудили санчасть задержаться у водной преграды лимана, и я в течение двухдневного периода не мог разыскать санчасть. Ее я нашел на противоположном берегу лимана. Когда же я, наконец, разыскал ее, сделал перевязку и вернулся в свою роту, лейтенант Третьяк сделал мне замечание насчет длитель[*лист порван – несколько слов нрзб*].

Перевязку я сделал в гражданской поликлинике и поспешил вернуться в роту. Командир роты дал мне указание насчет проведения работы по подготовке к боевым операциям роты. Я принял взвод от своего помкомвзвода и приступил к выполнению стоявших перед нами задач. Однако в самой середине работы ко мне подошла группа бойцов и стала расспрашивать наперебой, куда и зачем я ухожу из роты. Я недоумевал, ничего не понимая и, конечно, не умея дать какого-либо ответа своим бойцам. Вскоре слухи о моем уходе стали достоянием широкой [гласности] и бойцов, и [их] командиров. Я ничего не знал до того самого момента, когда старший лейтенант Т[ретьяк] предложил мне сдать взвод прибывшему из резерва лейтенанту <...>.

Причины недовольства им Гельфанд видел в личной неприязни:

[*Лист порван*] самовольного ухода на перевязку, без разрешения санчасти, хотя всему личному составу роты и санчасти полка было хорошо известно, что я помимо освобождения из медсанбата госпиталя имел еще трехдневное освобождение из санчасти полка, но пренебрег им и отправился на переднюю линию фронта. Зачем же тогда было меня отправлять в резерв под предлогом симуляции болезни с моей стороны?

Ясно, что тут другая причина кроется. И очень нелепая, обидно нелепая причина, а именно – мелкая склока. Видите ли, старшему лейтенанту Третьяку, прославленному командиру 3-й минроты, кто-то сказал, что я якобы посоветовал бойцам не угощать его изготовленным ими супом, курятиной. «У него есть чего жрать», – так, по словам неизвестного мне кляузника, выразил я свое требование, хотя я не позволял себе дискредитировать командира (да и оснований у меня никаких не было, я всегда с уважением и добросовестностью относился к Третьяку и поддерживал везде, где только мог, его авторитет перед бойцами и командирами, перед кем бы то ни было).

После этого старший лейтенант Третьяк вызвал меня к себе, долго ругал, придираясь ко всяким мелочам, и необоснованно обвинял меня в неуважении бойцов и младших командиров и якобы ... отношении к ним.

Под конец лейтенант Третьяк предупредил меня, что он вынужден будет [*продолжение отсутствует*].

Сложившиеся в части отношения вынудили Вл. Гельфанда «<...> ходатайствовать <...> перед командованием, чтобы меня перевели в другое подразделение».

[65] Вот что писал об этом Вл. Гельфанд в рапортах на имя майора Суслина и полковника Паравишникова (черновики сохранились в семейном архиве) «<...> под злополучной Анновкой, где случилось нам драпануть, пехота в основной своей массе пробежала уже от моей минроты и оставила нас впереди себя к противнику; мне удалось задержать небольшую группку стрелков из последних остатков пехоты и, заставив ее отстреливаться, снять минроту и благополучно вынести матчасть, мины и вывести из угрожаемого участка самое драгоценное – живых людей, где я организовал огонь по врагу. Командира взвода Савостина убило пулей, Запрягайло заболел, а командир роты лейтенант Третьяк пошел выбирать ОП и еще не вернулся в роту, когда это все случилось. Таким образом, в самую трудную минуту я один остался на роту и получил благодарность лейтенанта Третьяка за то, что не растерялся перед трудностью и сумел заменить его».

Ср. эти записи с письмом матери, написанным Вл. Гельфандом 6 апреля:

Полевая почта 28318–Ы

Просмотрено Военной Цензурой 04893

Дорогая мамочка!

Очень рад сообщить тебе о наших успехах на фронте.

Дорогая моя, мы сейчас наступаем без устали.

Если враг отброшен далеко за нашу государственную границу хотя бы на одном участке фронта, то значит, он уже не в состоянии противодействовать нашим успехам.

Силы врага иссякают. Силы врага рассеяны и угнетены.

А наши силы растут с нашим продвижением вперед. Вскоре враг еще крепче почувствует это. Он будет уничтожен. Таково положение вещей. Горевать не нужно обо мне, милая мамочка. Даже если подолгу не будешь получать моих писем. Ей-ей, я вернусь к тебе живым и невредимым. Я уверяю тебя в этом.

На этом заканчиваю. Целую тебя крепко и сердечно. Читай начальные буквы [*если прочитать начальные буквы первых фраз письма, получится слово ОДЕСА – т. е. Одесса, – в боях за освобождение которой принимал в это время участие Вл. Гельфанд*]. Привет всем родным. Любящий тебя Вова.

[66] Сычавка – село в Одесской области.

[67] Визирка – село в Одесской области.

[68] Расположен в Одесской области.

[69] Вероятно, имеется в виду Большой Аджалыкский лиман.

[70] Басюк Павел Игнатьевич (р. 1922, село Крутые Кодымского района Одесской обл.). Призван в РККА в 1941 г. в Одессе. Награжден медалью «За отвагу» (октябрь 1943 г.), орденами Красной Звезды (февраль 1945 г.) и Отечественной войны II степени (май 1945 г.).

Вл. Гельфанд писал о нем в рапорте на имя полковника Паравишникова (май 1944 г.): «<...> не имея возможности участвовать в них в действующем подразделении, но испытывая огромную жажду освобождать украинскую красавицу Одессу, я вместе с одесситом, старшим лейтенантом П. Басюком, все время в дни освобождения Одессы находился на передней линии полка и одним из первых вошел в Одессу».

[71] В 1941–1944 гг. Одесса была оккупирована румынскими войсками и входила в состав Транснистрии. В начале 1944 г. в связи с наступлением Красной

армии в Одессу были введены немецкие войска, а румынская администрация ликвидирована. Одесса была освобождена 10 апреля 1944 г. войсками 3-го Украинского фронта и Черноморского флота.

[72] Мамалыга – каша из кукурузной муки.

[73] Знаменитый Одесский оперный театр, построенный в 1887 г. архитекторами Германом Гельмером и Фердинандом Фельнером в стиле венского барокко.

[74] Памятник А. С. Пушкину в Одессе был сооружен в 1887–1889 гг. на Николаевском бульваре на средства, пожертвованные одесситами. Архитектор – Х. Васильев, бюст выполнен Ж. А. Полонской.

[75] Приказ Верховного Главнокомандующего от 10 апреля 1944 г. [№ 103] // Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза: Сборник. М.: Воениздат, 1975. С. 141–142; Приказ Верховного Главнокомандующего Генералу армии Малиновскому (Правда. 1944. 12 апреля. С. 1), в котором содержатся и приказы о награждениях за взятие Одессы.

[76] Цветаев Вячеслав Дмитриевич (1893–1950), генерал-полковник. С декабря 1942 по май 1944 г. – командующий 5-й ударной армией. С мая по сентябрь 1944 г. – заместитель командующего 1-м Белорусским фронтом. В сентябре 1944 г. – командующий 6-й армией. С сентября 1944 г. и до конца войны командовал 33-й армией. За руководство войсками в ходе Висло-Одерской наступательной операции Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1945 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза. После войны – заместитель главкома, затем – главнокомандующий Южной группой войск.

[77] Горохов Сергей Федорович (1901–1974), генерал-майор (1942). С мая 1943 г. – командир 37-го стрелкового корпуса. Под командованием Горохова корпус в составе 28-й и 5-й ударной армий участвовал в Донбасской и Одесской наступательных операциях и освобождении Осипенко (ныне Бердянск), Николаева и Одессы. Именно о них и идет речь в приказе Сталина.

[78] Из письма Вл. Гельфанда матери от 13 апреля 1944 г.:

Дорогая мамочка!

Нахожусь сейчас в Одессе на квартире у сестры моего приятеля ст. л-та Павла Басюка. Мы первыми ворвались в город, но сейчас задержались маленько здесь. Командировку получили. Сегодня едем вперед. Здесь мы пробыли пять дней. Видел оперный театр и другие ценности города. Вокзал великолепный, порт и дом Красной армии – разрушены. Прямо сердцу больно видеть все. Зато с отрадой наблюдал казнь немецких мерзавцев на улице здесь.

Ну, сейчас некогда много писать. Я жив, здоров, весел, и за меня не беспокойся. Привет родным. Жди писем по военному адресу.

Любящий тебя Вова.

[79] Раздельная – город районного значения в Одесской области. Основан в 1863 г. Во время Отечественной войны был захвачен немцами. Освобожден 4 апреля 1944 г. в ходе Одесской операции.

[80] Днестровские плавни – заповедное урочище, расположенное в дельте Днестра на территории Беляевского, Овидиопольского и Белгород-Днестровского районов Одесской области.

[81] Правильно – Чобурчи, село в Одесской области.

[82] Галай Николай Захарович (1901–1980), генерал-майор (13.09.1944). В РККА – с 1922 г. В июне 1942 г. в звании подполковника прибыл с Дальнего Востока на Сталинградский фронт в составе 204-й стрелковой дивизии. В декабре 1942 г. полковник Галай назначен командиром 248-й сд 28-й армии Сталинградского фронта, принимавшей участие в Сталинградской битве, освобождении Сальска, Бамайска, Ростова-на-Дону, Мелитополя, боях за освобождение Одессы. В августе 1944 г. дивизия Галая принимала участие в Ясско-Кишиневской операции, в дальнейшем – в освобождении южных районов Одесской области, Польши (в т. ч. Варшавы), в начале 1945 г. – в Висло-Одерской операции, а также в штурме Берлина. Награжден орденами Красного Знамени (март 1943 г.), Суворова II степени (сентябрь 1944 г.), Богдана Хмельницкого II степени (апрель 1945 г.).

[83] Ватутин Николай Федорович (1901–1944), генерал армии (12 февраля 1943 г.), Герой Советского Союза (15 апреля 1965 г., посмертно). 29 февраля 1944 г. во время поездки в действующие войска машина Ватутина попала в засаду, устроенную Украинской повстанческой армией, и он был тяжело ранен. Скончался от заражения крови в киевском госпитале 15 апреля 1944 г.

[84] Бадольо Пьетро (1871–1956), маршал Италии (25 июня 1926 г.), премьер-министр, пришел к власти после свержения Бенито Муссолини в 1943 г., после чего объявил нейтралитет и вывел Италию из Второй мировой войны. Благодаря ему состоялись мирные переговоры между Италией и союзниками в июле 1943 г. в Лиссабоне, которые затем продолжились в Сицилии, где 3 сентября 1943 г. были подписаны условия безоговорочной капитуляции. Бадольо подал в отставку 9 июня 1944 г., а в июле 1944 г. американские войска вошли в Рим.

[85] Жиро Анри (1879–1949), французский военачальник, генерал, участник двух мировых войн. В мае 1940 г. попал в плен к немцам, в апреле 1942 г. бежал в неоккупированную зону Франции и установил связи с А.-Ф. Петеном и представителями США при правительстве «Виши». С июня по ноябрь 1943 г. являлся сопредседателем (совместно с Ш. де Голлем) Французского комитета национального освобождения (ФКНО); в связи с разногласиями с де Голлем и обвинением в тайных контактах с правительством «Виши» смещен с этого поста, а в апреле 1944 г. – и с поста командующего вооруженными силами ФКНО (занимал этот пост с ноября 1943 г.).

[86] Голль де, Шарль Андре Жозеф Мари (1890–1970), французский государственный деятель, генерал. Во время Второй мировой войны возглавлял движение французского Сопротивления. Основатель и первый президент Пятой Республики (1959–1969).

[87] «Зоря» – ежедневная украинская газета, выходившая в Екатеринославе (первоначальное название – «Звезда») с апреля 1917 г. С началом Отечественной войны «Зоря» издавалась в Павлограде. Выпуск газеты был остановлен после оккупации Днепропетровской области осенью 1941 г. Был возобновлен в связи с освобождением области в октябре 1943 г.

[88] Сохранилось письмо Вл. Гельфанда в редакцию газеты «Днепровская правда» [см. прим. 2 (1941)] от 15 мая 1944 г.:

Дорогие товарищи!

Прошу Вас прибрать к рукам некого неизвестного мне военного, подвизавшегося в тылу, и потребовать от него, чтобы он освободил квартиру моей сестры – мою квартиру, нахально занятую им.

На просьбу моей сестры Ольги Анатольевны Штуль освободить ее квартиру, он отвечал, что ее лично впустит, а семью ее – мать, отца и братишку – нет.

Уважаемые товарищи из редакции «Днепровская правда». Я сижу в окопе далеко на западе от моего любимого города. Третий год передо мной в каких-нибудь 100 метрах немцы-враги, надо мной вьются снаряды и шипят, точно подкрадываясь, мины, свистят пули, и всюду меня караулит смерть. Я воюю, не щадя жизни своей, вот уж третий год, воюю ради счастья людей всего мира, дважды был ранен и не потерплю, чтобы в тылу, в моем городе, в моем доме какой-то грубиян и <...> мундиром бесчинствовал и притеснял моих родственников и родных. Настоятельно прошу вас, дорогие друзья, немедленно помочь моей сестре войти в ее собственный дом и убрать оттуда постороннего человека, так непристойно и грубо, вразрез со всеми законами этики и юриспруденции, ведущего себя.

Гвардии лейтенант Вл. Гельфанд

Прошу сообщить, какие меры будут приняты в деле.

[89] Бруствер – насыпь в фортификационном сооружении, предназначенная для удобной стрельбы, защиты от пуль и снарядов, а также для укрытия от наблюдения противника.

[90] Бермочка – полоса земли, идущая вдоль бруствера окопа полного профиля.

[91] Толокнов Борис Андреевич (р. 1922), старший лейтенант, командир пулеметной роты 899-го сп 248-й сд. В РККА с 1940 г. (принимал участие в военных действиях с 1 сентября 1941 г.). Награжден орденами Красного Знамени (январь 1944 г. – за участие в бою за хутор Безымянный в Запорожской области) и Отечественной войны II степени (май 1944 г. – за участие в боях по освобождению Одессы).

[92] Сохранилось письмо Вл. Гельфанда в газету от 17 мая 1944 г., а также ответ на него, датированный 21 мая:

Уважаемый товарищ редактор газеты «Советский воин» Н. Филиппов!

Препровождаю вам этими строками одно из последних своих стихотворений под названием «Жизнь». Надеюсь, что оно будет опубликовано на станицах «Советского воина». Ваш отзыв и замечания по поводу моего стихотворения очень прошу прислать мне по адресу: Полевая почта 283/8–Ы, Гельфанду.

В условиях многодневного пребывания на передней линии, в окопах, что в 100–150 метрах от неприятеля, мне очень трудно, а вернее, вовсе невозможно услышать мнение и серьезную критику своих произведений со стороны. Поэтому настоятельно прошу вас не отказать в моей просьбе, тем более что ввиду отсутствия у меня спокойного и свободного времени в стихотворении возможны недоработки.

Если желаете, могу прислать и другие свои стихотворения: «Одессе», «Я мечтал о Днепре», «Миномет», «Гремят бои», вступление к поэме «Сталинградская эпопея» и многое другое.

На этом тороплюсь закончить. Крепко жму вашу руку и оставляю вам и вашим сотрудникам свои наилучшие пожелания. Жду ваших писем.

С большевистским приветом, гвардии л-т В. Гельфанд.

НКО–СССР
РЕДАКЦИЯ ЕЖЕДНЕВНОЙ

КРАСНОАРМЕЙСКОЙ ГАЗЕТЫ
«СОВЕТСКИЙ БОЕЦ»
21.5
681

Уважаемый тов. Гельфанд!

Ваши стихи «Жизнь» не удались. Тема торжества жизни над смертью – вечная тема, о ней много писали, но в наши дни она зазвучала по-новому, сильнее, как никогда.

И поэтому, что вы взялись за такую трудную философскую тему, она у вас не удалась.

Сперва вы даете очень малозначащую фразу: «Жизнь – это самый цветущий узор», а потом увлекаетесь общими, абстрактно-декларативными словами, наподобие этих: «Жизнь, ты всесильна, всеславна одна, ты несомненно сильней, чем война».

Это плохо сказано. Тем более что двумя строками выше вы кончаете так описание жизни:

«Квакнула где-то лягушка в пруду».

Получается даже юмористично.

Мы уж не говорим о более мелких недостатках. Не бывает фруктовых лесов, что значит «группки окопов без рвов и завес?» В русском языке нет слова «захгруз» и т. п.

Однако, несмотря на это, стихи вы писать можете. Выбирайте только более легкие темы, пишите о том, что вы хорошо знаете, где можете привлечь яркие, конкретные образы.

Ответственный редактор газеты
Подполковник Кошелев.

[93] В значении: потерявшее цену.

[94] Автор романа «Как закалялась сталь» Н. А. Островский (1904–1936) с 1927 г. был прикован к постели из-за неизлечимой болезни.

[95] Ромен Роллан (1866–1944), французский писатель, общественный деятель, музыковед. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1915). Во время войны жил в оккупированном Германией французском городе Везле. В последние годы жизни болел туберкулезом, который и стал причиной его смерти.

[96] См. прим. 126 (1942).

[97] Орденом Славы (трех степеней, учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 ноября 1943 г.) награждались лица рядового и сержантского состава (в авиации младшие лейтенанты) исключительно за личные заслуги. По своему статуту и цвету ленты почти полностью повторял (был аналогом) одной из самых почитаемых в дореволюционной России наград – Георгиевского солдатского креста.

[98] Возможно, Кальмиус Иван Гаврилович (р. 1912). Призван в РККА Дарницким РВК Киева (1 мая 1941 г.). Закончил войну на Дальневосточном фронте. Награжден медалью «За боевые заслуги» (октябрь 1945 г.).

[99] Орден Отечественной войны (двух степеней) учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1942 г. Это была первая награда, появившаяся в годы войны.

[100] Орден Красной Звезды (учрежден 6 апреля 1930 г.).

[101] Вопрос об отсутствии наград и возможности дальнейшего продвижения по службе был крайне болезнен для Вл. Гельфанда. В семейном архиве сохранились черновики писем к армейскому начальству, посвященные этой теме.

[27.04.1944]

Уважаемые товарищи!

В 1942 году я находился в 15 гвардейской дивизии в 50 гвардейском сп и вместе с вышеуказанной частью воевал в минометной роте под Сталинградом на протяжении шести месяцев. Райгород – место формировки, откуда вместе с частью попал на фронт под Дубовый овраг, потом фронт приблизился к Б[ольшим] Чапурникам, где долгое время стояли в обороне, затем Цаца, Бузиновка и, наконец, окружение вражеской группировки, в котором моя бывшая дивизия тоже участвовала, – вот этапы моего пути.

13.12.1942 года я выбыл из части в госпиталь. Это было накануне ликвидации вражеской группировки под Сталинградом.

Сейчас я попал в другую часть, где нахожусь в звании лейтенанта. На руках у меня никаких документов не осталось, кроме справки из госпиталя, свидетельствующей о том, что я воевал на Сталинградском фронте. Кандидатский билет в члены ВКП(б), выданный мне в ноябре 1942 года на фронте политотделом 15 гвардейской дивизии, отобран у меня в связи с вступлением в ряды действительных членов ВКП(б) в 1943 году уже в части 28318, где я сейчас нахожусь. Красноармейская книжка, в которой тоже было указано о моей принадлежности к 15 гвардейской сд, отобрана у меня на курсах мл[адших] лейтенантов в Ростове. <...>

Таким образом, при отсутствии у меня адреса 15 гв. сд мне не представляется никакой возможности не только восстановить свое гвардейское звание, но и получить вполне заслуженную мною медаль «За оборону Сталинграда».

[05.1944]

Уважаемый товарищ Гвардии полковник Паравишников!

Майор товарищ Суслин!

Третий год я воюю в минроте на различных фронтах отечественной войны. Был в 52 УРе, был шесть месяцев под Сталинградом в минометном батальоне 15 гвардейской дивизии. В этом полку я находился в боях с минротой третьего батальона на протяжении восьми месяцев. За время своих боевых действий был представлен под Сталинградом к награде, но ранение помешало ее получить, так как в настоящее время я потерял всякую связь со своей бывшей частью.

По специальности я минометчик. Никогда на другой работе, кроме политической, в армии не состоял. Учился тоже исключительно только минометному делу. В минроте старшего лейтенанта Соколова, а затем лейтенанта Третьяка никогда не был на плохом месте среди комсостава, о чем могут свидетельствовать комбат капитан Боровков, замкомбат старший лейтенант Лапин, парторг батальона Епифанов и другие. Даже тяжелобольным я не ушел с минроты, хотя имел освобождение санчасти и направлялся в госпиталь в г. Мелитополь. Немало было случаев, когда я оставался один на минометную роту в самые трудные минуты боя. Характерен в этом отношении случай под с. Анновка, где я один вывел роту (оставленную отошедшей из села пехотой впереди себя

к противнику) из угрожаемого участка почти безо всяких потерь, сохранив матчасть и боеприпасы.

За время моего пребывания в роте из нее выбыла основная часть старых минометчиков, и она не раз разбавлялась пополнениями. Так, к настоящему времени в 3 минроте осталось из числа ветеранов ее 5 человек: лейтенант Запрягайло, я, сержант Михайлов, красноармейцы Руднев, Мусинян.

Неожиданно под самой Одессой мне прибыло предписание сдать взвод вновь прибывшему из резерва лейтенанту, а сам я направлялся в резерв. Трудно передать, как тяжело мне было уходить из родной минометной роты, к которой успел крепко привыкнуть и которую полюбил как родную. На мою просьбу направить меня поскорее в роту начальник строевого отдела капитан Полушкин обещал: «Ты долго не будешь в резерве, можешь не беспокоиться». И действительно, вскоре я был направлен в учебный батальон майора Рымаря на должность командира стрелкового взвода. А оттуда дней через пять в той же должности я был послан на передовую линию. <...>

[05.1944]

Уважаемый товарищ Гвардии полковник Паравишников!

Настоятельно умоляю Вас обратить внимание. Восемь месяцев я пробыл в минометной роте третьего батальона. За это время я прошел большой и почетный боевой путь нашего полка с боями почти от Миуса и до самой Одессы. Не раз приходилось мне встречаться с опасностью, снаряды выли мне в лицо, остервенело угрожая смертью: «Фью да ух, фью да ух! Жизнь иль смерть, одно из двух». Возле меня под опытной станцией, в рядом расположенном окопчике, на куски разорвало Марию Федорову – батальонную героиню-санитарку, а меня только оглушило и слегка контузило. В другой раз, еще под Тирасполем, когда была накрыта [*одна строка нрзб*] людей выведено из строя, и я опять остался невредим, лишь отделался небольшим осколочком в спину, и поныне сидящим у меня в теле.

Под Молочной снаряд упал в ногах моего окопа и только благодаря тому, что упал он перелетом, я опять-таки остался жив, отделавшись лишь небольшими царапинами по всему лицу и на руках от разлетевшейся от разрыва земли. Смерть никак не хотела меня брать. Достаточно сказать, что из минометной роты уцелело с начала моей боевой работы в ней и по настоящее время только четыре человека: я, лейтенант Запрягайло, сержант Михайлов и красноармеец Руднев.

Трусом, однако, меня посчитать не может, и даже напротив: под злополучной Анновкой, где случилось нашим драпануть, и пехота в основной своей массе пробежала уже ОП моей минроты и оставила нас впереди себя к противнику, мне удалось задержать небольшую группку стрелков из последних остатков пехоты и, заставив ее отстреливаться, снять минроту и благополучно вынести матчасть, мины и – самое драгоценное – живых людей вывести из угрожаемого участка и организовать затем в обороне на новом месте огнем по врагу.

Командира минометного взвода Савостина убило пулей, Запрягайло тогда болел, а командир роты лейтенант Третьяк пошел выбирать ОП и еще не вернулся в роту, когда все это случилось. Таким образом, в самую трудную минуту

я один остался тогда и получил благодарность от лейтенанта Третьяка за то, что не растерялся перед трудностью и сумел заменить его.
<...> вместе с ротой и брал Николаев и ряд других крупных и мелких населенных пунктов. Невдалеке от одесских развалин с разрешения командира роты я ушел на перевязку, но санрота еще не переехала на эту сторону лимана, и мне пришлось задержаться на пару дней в поисках ее. Так и не найдя санчасть, я перевязался в гражданской больнице в Анатолиевке и вернулся в часть на берегу второго одесского лимана, который нам довелось форсировать.
Приняв взвод от своего помкомвзвода, я приступил к руководству им, однако к вечеру неожиданно мне пришло предписание сдать взвод вновь прибывшему лейтенанту из резерва [*продолжение отсутствует*]. [*Аналогичный текст был написан и на имя майора Суслина.*]

[05.1944]
<...> Под самой Одессой, когда все участники боев были по достоинству прославлены и отмечены наградами, я был отстранен без каких-либо на то веских причин от командования взводом, и один из всех участников Никопольских, Николаевских и Одесских сражений не получил не только награды, но и благодарности т. Сталина. А ведь я вложил все свое умение, всю душу свою в воспитание бойцов и командиров; в бои, которые проводил в составе минроты.
Одесса явилась источником <...> моего морального угнетения. Кончились бои. Огромное большинство моих товарищей по оружию прославили свои имена, получили ценные правительственные награды. На весь батальон и, пожалуй, на значительное число старых бойцов и командиров полка я один не [*лист порван – одно слово нрзб*] никакой правительственной [*лист порван – одно слово нрзб*] даже благодарность [*лист порван – одна строка нрзб*].
Когда я явился в распоряжение капитана Полушкина, он не поинтересовался источниками моего откомандирования в строевой отдел, не выслушал меня, а нашел нужным лишь выругать и обвинить в увиливании от работы и т. п. А когда я стал настаивать о направлении меня опять в часть, он заявил: «Вы не беспокойтесь, долго не будете у меня в резерве». [*Зачеркнуто одно предложение*].
[*Лист порван – одно слово нрзб*] удавалось добиться, хотя в батальоне все бойцы и командиры ее получили.
Днестровские плавни. Меня вызвал к себе капитан Полушкин и объяснил, что для выполнения срочной боевой задачи необходимо создать отдельную стрелковую роту, и спрашивал, сумею ли я временно в ней работать командиром взвода. По опыту работы – нет, но как коммунист – обязан. Так я был зачислен командиром стрелкового взвода в шестую роту старшего лейтенанта Заборцева после 8-месячного пребывания в минометной роте 899 сп. Однако вскоре шестую роту влили в состав второго батальона, и опять комбат Пархоменко заявил мне: «Вы повоюйте в стрелковой роте, а потом будете говорить о минометной роте», – и неоднократные рапорты командиру полка о несправедливости моего назначения, особенно в момент распределения штатов по военной специальности, он возвращал обратно или же не доводил до командира полка. Так все мои хлопоты остались гласом вопиющего в пустыне.

Между тем в полк прибывали со школьной скамьи младшие лейтенанты-минометчики, не искушенные в боях, необстрелянные. Их направляли на должность командира минометного взвода или держали в резерве. Их ценили. А меня...
Я немало поработал с бойцами и сумел добиться самых лучших результатов в своем взводе, а как парторг – в шестой роте из всего 899 сп. Однако когда работа была готова, пришла комиссия проверять результаты работы, меня за день до этого отодвинули на не окопанный еще участок обороны, служивший до этого стыком между ротами, а мой участок передали первому взводу младшего лейтенанта Николаева. В результате младшему лейтенанту Николаеву объявили благодарность приказом по батальону за произведенную мною работу, а мою роль обошли молчанием, несмотря на то что и второй участок напряжен.
Со мной никто не хотел считаться. Моя грудь была по-прежнему лишена заслуг, мой боевой путь был по-прежнему бесславен, а постоянное желание работать, все мысли и стремления, отданные служению Родине, не встречали сочувствия и понимания и всячески ущемлялись со стороны некоторых ответственных лиц. Я оказался на положении штрафника, хотя по сей день ни одного дисциплинарного и партийного взыскания не имел в процессе своей работы, а напротив, повторяю, моя работа отмечалась только с хорошей стороны <...>.

05.1944
От командира взвода
шестой стрелковой роты
второго стрелкового батальона
лейтенанта Гельфанда Влад. Н.
Начальнику штаба
899 стрелкового полка
майору Хоменко А.

Рапорт
Прошу Вас содействовать моему назначению по специальности командиром минометного взвода. Восемь месяцев пробыл я в 899 сп на должности командира минометного взвода. За это время ни разу не имел взысканий или замечаний со стороны старших начальников, а напротив, всегда выделялся командованием за умело поставленную работу на делегатные собрания, совещания и т. п., не раз отмечался в резолюциях батальонных партсобраний.
За время пребывания в полку прошел с боями значительный путь от хутора Терпение [*Терпенье*] до Одессы, имея увольнение в связи с заражением крови от санчасти полка из госпиталя, я не ушел с поля боя, о чем могут свидетельствовать все бойцы и командиры, бывшие со мной тогда в третьем сб, и в тяжелых условиях ранней весны продолжал участвовать в сражениях за Николаев, Одессу. В результате получилось вторичное нагноение, и вторично мне оперировали палец уже в полковой санчасти. Но и тогда, после операции, я вернулся в свою роту, хотя имел трехдневное освобождение от работы.
Однако под самой Одессой неожиданно мне предложили, в момент образования из двух одного батальона, сдать взвод прибывшему из резерва лейтенанту.

[05.1944]
Рапорт
В связи с разбивкой нашей роты по батальонам, где имеются опытные стрелковые командиры, и также в связи с выходом из строя командира минометного взвода младшего лейтенанта Колесника, настоятельно прошу вас, товарищ гвардии полковник, назначить меня по специальности в минроту лейтенанта Третьяка на должность командира минометного взвода, ибо там я смогу принести гораздо больше пользы Родине, нежели здесь, в совершенно не знакомом мне деле.
Если же необходимо испытать личную мою храбрость, я готов на любое дело, но сам, без людей стрелкового подразделения, которыми руководить не умею в [*одно слово нрзб*] и не хочу губить их лишь только из-за моей неопытности. Уж в крайнем случае, лишь при условии хотя бы кратковременной переподготовки, я могу рискнуть [*лист порван – несколько слов нрзб*] руководить стрелковым подразделением [*лист порван – несколько слов нрзб*].
С настоящим остаюсь [*лист порван*] гвардии л-т Вл[*лист порван – два слова нрзб*].

Долгожданная награда так и не была получена. Вместо этого Вл. Гельфанду была объявлена благодарность (благодарности от имени Верховного Главнокомандующего Сталина вручались за участие в боях и отличные боевые действия и подписывались начальниками воинских частей), сохранившаяся в семейном архиве:

27.05.1944
Смерть немецким оккупантам!
Вам, лейтенант Гельфанд Владимир Натанович,
за отличные боевые действия в боях за освобождение от немецко-фашистских захватчиков городов Никополя, Николаева и Одессы Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза товарищ СТАЛИН в своих приказах от 8 февраля, 28 марта и 10 апреля 1944 года ОБЪЯВИЛ БЛАГОДАРНОСТЬ.
Командир части: А. Л.

[102] Так в тексте.

[103] Запись в дневнике представляет собой черновой фрагмент статей Вл. Гельфанда, опубликованных в газетах «Советский боец» и «Советский воин».
«Ранним утром».
Едва брезжит рассвет. Чуть заметными тенями в траншею скользнули два бойца с винтовками за плечами. Вот они устраиваются в заранее подготовленных окопах и начинают терпеливо всматриваться в сторону немецкого расположения.
Вначале кажется, что там все мертво, но вот зоркий глаз бойца замечает, как один немец вприпрыжку пробежал из окопа в окоп. Затем немец высунулся из окопа, осмотрелся по сторонам и позвал кого-то. С другого конца вышел немец с котелком.
– Пора, – сказал один из бойцов. Одновременно прозвучали два выстрела, и оба немца упали на землю.
Таковы будни двух советских снайперов – красноармейцев Онищенко и Соболева. Они – молодые бойцы, но за короткий срок уже уничтожили свыше по-

лутора десятка гитлеровцев. Онищенко убил девять немцев, Соболев – семь. По примеру Онищенко и Соболева стал «охотиться» красноармеец Морозов. С каждым днем в подразделении офицера Заборцева становится все больше и больше воинов-мстителей.
(Советский боец. 1944. 12 июня. № 139).

«Выстрелы молодых снайперов»
Неожиданно раздается выстрел. Немец замертво падает в траншею, откуда только что неосторожно высунулся. Снайпер еще раз прикладывается к своей винтовке, но больше никто не показывается на вражеской стороне. Пристально всматривается красноармеец Онищенко в сторону врага.
Вот, прикрываясь наступившими сумерками, во весь рост движется группа немцев. Фрицы отчетливо выделяются на горизонте – можно стрелять. Снайпер Онищенко прицеливается, но его кто-то опережает – сбоку раздается выстрел. Это стреляет его напарник красноармеец Соболев. Онищенко тоже открывает огонь. Один за другим падают мечущиеся из стороны в сторону гитлеровцы.
Довольные своей охотой, возвращались в этот день молодые снайперы – их счет увеличился. Теперь Онищенко имеет десять истребленных гитлеровцев, Соболев – семь.
(Советский воин. 1944. 19 июля. № 171/727).

[104] Кошелев Александр Федорович (р. 1904), подполковник, ответственный редактор армейской газеты «Советский боец» 5-й ударной армии. В РККА с 1926 г. Член ВКП(б) с 1928 г. Награжден орденами Красной Звезды (июль 1943 г.) и Отечественной войны II степени (сентябрь 1944 г.).

[105] Имеется в виду начало операции союзников по высадке войск в Нормандии (Франция), начавшейся рано утром 6 июня 1944 г. (операция «Оверлорд»). Этой операцией был открыт Западный («второй») фронт в Европе в период Второй мировой войны.

[106] Среди записей Вл. Гельфанда сохранился листок, датированный июнем 1944 г., который, возможно, является конспектом этого выступления:
Величайшее событие в современной истории.
Радио принесло нам замечательное известие – англо-американские войска высадились на французском побережье. Случилось то, чего мы так долго ждали, – открылся Второй фронт. Уже смотря на первые результаты высадки англо-американских десантов, можно предположить успешное развертывание событий на новом фронте. Союзниками взят уже город Байё, перерезана важная железная дорога на французской территории Байе-Канн, парализованы действия вражеских бронетанковых сил и прорвана, по признанию самих же гитлеровцев, укрепленная линия (одна из составных частей так называемого «европейского вала» [*Имеется в виду «Атлантический вал» – система долговременных и полевых укреплений длиной свыше 5000 км, созданная германской армией в 1940–1944 гг. вдоль европейского побережья Атлантики от Норвегии и Дании до границы с Испанией с целью предотвращения вторжения союзников на континент.*]). Первые успехи союзников весьма знаменательны и многообещающи. Однако нам и нашим союзникам предстоит еще жестокая борьба. Враг силен. Он сопротивляется до последней возможности. И для того, чтобы

его разгромить, нужно обладать высокой воинской выучкой и умением; необходимо поддерживать у себя в подразделении железную военную дисциплину, строжайший порядок; нужно тщательно следить за исправностью своего оружия, своего имущества.

Учиться, учиться и учиться по-ленински, по-сталински необходимо нам перед последней решающей схваткой с врагом.

[107] Каюнов Михаил Федорович (р. 1923), лейтенант. Участник Отечественной войны с декабря 1942 г. (призван Синельниковским РВК Днепропетровской обл.). В декабре 1943 г. – командир стрелковой роты 2-го сб 899-го сп 248-й сд. Награжден орденом Красной Звезды (декабрь 1943 г. – за бои за хутор Безымянный Запорожской обл.). В 1985 г. награжден орденом Отечественной войны I степени.

[108] Описка, имеется в виду газета «Советский воин».

[109] В семейном архиве сохранился черновик рапорта Вл. Гельфанда с просьбой об оказании помощи его матери:

18.06.1944
[От] командира взвода шестой стрелковой роты
второго стрелкового батальона
лейтенанта Гельфанда В. Н.
Начальнику штаба
899 стрелкового полка
майору Хоменко А.

Рапорт

Прошу вас оказать мне помощь в следующем вопросе.

Моя мать, Городынская Надежда Владимировна, эвакуировавшаяся из Днепропетровска в Магнитогорск в дни оккупации, теперь получила от директора завода им. Ленина [*Днепропетровский трубопрокатный завод им. В. И. Ленина*], где она работала секретарем отдела кадров, вызов с производства, но разрешения на въезд в город у нее нет. Для этого нужно ходатайствование командования части перед органами Днепропетровского НКВД.

Моя мать уже свыше трех месяцев назад получила расчет на производстве в Магнитогорске в связи с вызовом ее в Днепропетровск, но все хлопоты ее и требования о разрешении на въезд не увенчались до сих пор не только успехом, но даже ответа не поступило на них. Прошу вас помочь мне в этом деле.

л-т Гельфанд.

[110] «Машенька» (1942; режиссер Ю. Райзман; авт. сценария: Е. Габрилович, С. Ермолинский; в гл. ролях: В. Караваева и М. Кузнецов) – художественный фильм о любви героини к случайному знакомому, с которым она вновь встречается уже на войне для того, чтобы снова расстаться. В 1943 г. фильм получил Сталинскую премию.

[111] Григориополь – районный центр в Приднестровье, находящийся в 45 км к северо-западу от Тирасполя.

[112] Полнометражный документальный фильм «Орловская битва» (1943; режиссеры: Р. Гиков и Л. Степанова; военный консультант – генерал-майор С. Платонов), снятый на Центральной студии кинохроники. В съемках принимали участие более 20 фронтовых операторов. См.: «Орловская бит-

ва»: новый документальный фильм // Литература и искусство. 1943. 28 авг. № 35; *Габрилович Е.* «Орловская битва»: новый документальный фильм // Литература и искусство. 1943. 4 сент. № 36.

[113] Брусиловский (Луцкий) прорыв (4-я Галицийская битва) – наступательная операция Юго-Западного фронта Русской армии под командованием генерала А. А. Брусилова во время Первой мировой войны, проходившая с 3 июня по 22 августа 1916 г. В ходе этого сражения было нанесено поражение армиям Австро-Венгрии и Германии и заняты Буковина и Восточная Галиция.

[114] 5-я ударная армия (образована 9 декабря 1942 г.) принимала участие в Ростовской наступательной операции, а также в прорыве сильно укрепленного оборонительного рубежа на реке Миус, участвовала в Донбасской стратегической и Мелитопольской наступательных операциях. В 1944 г. в составе 3-го Украинского фронта (с 29 февраля) участвовала в освобождении Правобережной Украины и в Ясско-Кишиневской стратегической операции.

[115] «Александр Пархоменко» (1942; режиссер Л. Луков; авт. сценария Вс. Иванов; в ролях: А. Хвыля, П. Алейников, Т. Окуневская, Ф. Раневская и др.) – фильм о герое Гражданской войны.

[116] Вероятно, Захар Никитич Грек (р. 1902). С 1931 г. работал в военной печати. Заместитель редактора фронтовой газеты Южного фронта «Во славу Родины», затем зам. ответственного редактора фронтовой газеты «За честь Родины». Награжден орденом Красной Звезды (1943).

[117] Вырезка из газеты «Кировец» со стихотворением Вл. Гельфанда от 9 июля 1944 г. сохранилась в семейном архиве:
«Мой миномет»

Какой я чести удостоин!
Не всякий мой восторг поймет.
Отныне я – советский воин,
И у меня – могуч и строен –
На вооруженьи миномет.
Мы сблизились между собою,
Мы стали спаяны навек,
И каждый день готовы к бою
И миномет, и человек.
Я миномет до блеска чищу,
И он послушен, как живой.
Приятно мне, как мины свищут.
Они врага везде отыщут –
И над землей, и под землей.
Вл. Гельфанд

Этим же числом датировано и письмо в газету:
В газету «Кировец» майору Щетинину

Уважаемый товарищ майор!
С удовлетворением констатируя исполнение вашего обещания опубликовать на страницах «Кировца» мои стихи, я, однако, должен передать вам, что воз-

мущен допущенной в тексте грамматической ошибкой и некоторыми ошибками стилистического характера, воспроизведенными правщиками при замене первоначального текста новым, ничего общего не имеющего с поэзией.

Соглашаясь еще с изменением заглавия, я никак не могу согласиться что слово «удостоен» пишется как «удостоин», а предпоследний стих:

Я миномет до блеска чищу
И он послушен, как живой
Приятно мне как мины свищут
Когда врага в раздумье ищут
Так высоко над головой... – выиграет в поэтическом отношении, если его заменить следующим:
Я миномет до блеска чищу
И он послушен, как живой
Приятно мне как мины свищут
Они врага везде отыщут
И на земле и под землей.

Во втором стихе, выпустив выражение «неустрашимые обое», правщики нарушили строение стихотворения – размер, а также ослабили мысль автора о неразрывности дружбы и силы миномета и минометчика. Я, конечно, не сомневаюсь, что вы учтете мои замечания, особенно в отношении слова «удостоин», и что сотрудники вашей газеты будут впредь внимательней относиться к подаваемому на страницах «Кировца» материалу. Надеюсь, что вы не обидитесь на некоторую резкость моего письма и не поймете меня в превратном смысле. Руководствуясь интересами своего стихотворения и нашей общей с вами дивизионной газеты, я не мог не написать вам этого письма, которое, на мой взгляд, должно послужить в пользу общего дела. Примите от меня, товарищ майор, в заключение этих строк, заверение в моем уважении к вам и сотрудникам редакции «Кировца».

С приветом и наилучшими пожеланиями. Жду ответа.

Гвардии лейтенант Владимир Гельфанд.

[118] Помощником дежурного.

[119] Щинов Анатолий Трофимович (р. 1920), капитан, помощник начальника штаба по оперативной части 899-го сп 248-й сд. В РККА с 1940 г. (призван Ташкентским ГВК Узбекской ССР). Член ВКП(б) с 1943 г. Участник Отечественной войны с марта 1943 г. (Южный фронт). Награжден медалью «За боевые заслуги» (сентябрь 1943 г. – 20 августа 1943 г. ранен на реке Миус), орденами Красной Звезды (апрель 1944 г. – за участие в наступательных боях в Запорожской обл. и на правом берегу Днепра), Отечественной войны II (август 1944 г.) и I степеней (февраль 1945 г.), а также Красного Знамени (июнь 1945 г.).

[120] Имеется в виду цифровое обозначение номера полевой почты. См. прим. 99 (1942) и 210 (1943).

[121] Вероятно, имеются в виду оперативные сводки за 31 июля и 1 августа 1944 г., опубликованные, в частности, в газете «Правда» за 2 августа 1944 г. Так, в сводке Совинформбюро от 1 августа 1944 г. сообщалось: «В течение 1 августа западнее и юго-западнее города Псков наши войска продолжали вести наступательные бои, в ходе которых заняли более 60 населенных пунктов <...>

Северо-западнее и западнее города Даугавпилс (Двинск) наши войска, продолжая развивать наступление, с боями заняли более 200 населенных пунктов <...>

Войска 3-го Белорусского фронта, сломив упорное сопротивление противника, штурмом овладели оперативно важным узлом коммуникаций и мощным опорным пунктом обороны немцев – городом и крепостью Каунас (Ковно) <...>

Западнее и юго-западнее города Бельск наши войска вели наступательные бои, в ходе которых заняли более 100 населенных пунктов <...>

Западнее города Седлец наши войска овладели городом Калушин, а также с боями заняли более 30 других населенных пунктов <...>».

[122] Скорее всего, Вл. Гельфанд ссылается на следующие слова из сообщения Совинформбюро за 1 августа 1944 г.: «Северо-западнее и западнее города Иелгава (Митава) наши войска овладели уездным центром Латвийской ССР городом и железнодорожной станцией Тукумс, городом и железнодорожной станцией Добеле. <...> Таким образом, наши войска перерезали все пути, ведущие из Прибалтики в Восточную Пруссию».

[123] Ленинская комната – помещение в казармах воинских частей, предназначенное для проведения досуга солдат и политической подготовки. Обычно в комнате стояли бюсты советских вождей, на стенах размещались специальные стенды с портретами руководителей партии и правительства, картой мира, фотографиями по истории части, схемой ее боевого пути (во время Отечественной войны).

[124] Вероятно, Бурлаков Сергей Сергеевич (р. 1911), участник Отечественной войны с 4 декабря 1943 г. (в РККА с января 1943 г., призван Свердловским РВК). Награжден медалью «За отвагу» (февраль 1944 г.), орденом Отечественной войны I степени (февраль 1945 г.).

Так же как и Вл. Гельфанд, Бурлаков печатался в красноармейской газете «Кировец». В семейном архиве Вл. Гельфанда сохранилась одна из его заметок, опубликованная в рубрике «Партийная жизнь», в которой упоминается и Вл. Гельфанд.

«Помогаем командиру воспитывать бойцов»

Наша партийная организация немногочисленна, но ее роль в жизни роты значительна. Коммунисты при помощи комсомольцев и беспартийного актива повседневно проводят среди личного состава большую военно-политическую и воспитательную работу.

Ни одно важное событие не проходит мимо нас. Агитаторы и чтецы ежедневно доводят до бойцов сводку Совинформбюро, знакомят их с ходом военных действий во Франции и Италии. Где бы ни находилась рота, массово-политическая работа не прекращается.

Командир расчета Михо – любимый беседчик. Нет дня, чтобы он не беседовал с бойцами своего взвода. Темы его бесед не предусмотрены в плане работы партийной организации. Они выдвигаются в большинстве своем неожиданно, в процессе коллективного чтения только что полученной газеты, журнала.

Любят бойцы роты послушать чтение тов. Михо какой-либо книги, брошюры. В роте имеется небольшая библиотека, каждая книга которой прочитана коллективно. Читали Лермонтова, о Суворове, повесть Шейнина «Тайна»

[Шейнин Лев Романович (1906–1967), советский писатель, юрист, киносценарист. Известен, в первую очередь, как автор сборника рассказов о буднях советского уголовного розыска «Записки следователя». Имеется в виду его роман-трилогия «Военная тайна» (1942–1965). См. о нем также прим 49 (1942)] *и другие.*

Но не только тов. Михо ведет читки и беседы с бойцами. Часто можно видеть в кругу минометчиков офицеров-коммунистов Филатова и Гельфанда. Недавно они рассказали о событиях в Турции, о народно-освободительной войне в Югославии, о военных действиях во Франции. Тов. Гельфанд в своей беседе использовал карту, благодаря чему преподнесенный им материал хорошо был воспринят присутствующими.

Партийная организация в своей политико-массовой работе использует разнообразные формы. Недавно в роту пришло письмо из города Николаева. Написал рабочий судоремонтного завода тов. Мужиков, недавно служивший в нашей роте. Он сообщает о том, как возрождается разрушенный немцами город, рассказывает о трудовом энтузиазме советских людей.

С письмом тов. Мужикова мы познакомили весь личный состав роты. Наказ бывшего нашего сослуживца: «Истребляйте немецко-румынских захватчиков, быстрее очищайте нашу родную землю», – был встречен с воодушевлением.

«Будьте уверены, не подкачаем!» – ответили бойцы николаевскому судостроителю.

В роте до последнего времени служил старший сержант Федор Ащеулов. Солдат он бывалый. Мы его не раз использовали в качестве беседчика о боевых традициях части. Вместе с тем наши агитаторы рассказали об успехах снайпера Лось, о героическом подвиге комсомольца Салимова.

Не забываем повседневно вести пропаганду о военной присяге, напоминая бойцам об их клятве, которую они давали народу и Родине.

Лейтенант С. Бурлаков,

парторг роты.

(Кировец. 1944. 13 августа. № 107).

[125] Ленев Григорий Матвеевич. В РККА с 1928 г. (призван Винницким РВК). Командир 902-го сп, 248-й сд. Награжден орденом Отечественной войны I степени (август 1944 г.).

[126] Вероятно, Веречев Василий Николаевич (р. 1898). В РККА – с 1918 г. Награжден орденом Отечественной войны I степени за участие в освобождении городов Николаева и Одессы в составе 899-го сп.

[127] «Кутузов» (1943; режиссер В. Петров; авт. сценария В. Соловьев; оператор М. Гиндин; в гл. роли А. Дикий). Премьера состоялась в марте 1944 г. В 1946 г. В. Петров, М. Гиндин и А. Дикий за участие в создании фильма стали лауреатами Сталинской премии.

[128] «Два бойца» (1943; режиссер Л. Луков; авт. сценария: Е. Габрилович, Л. Славин; композитор Н. Богословский; в гл. ролях: М. Бернес и Б. Андреев). Огромную популярность приобрели песни из фильма – «Темная ночь» и «Шаланды, полные кефали» (музыка Н. Богословского, стихи В. Агатова) в исполнении Марка Бернеса.

[129] Имеются в виду мемуарные очерки М. Горького о Л. Н. Толстом, а также созданные им литературные портреты А. П. Чехова, В. Г. Короленко, Н. Г. Гарина-Михайловского, которые неоднократно переиздавались.

[130] Историческая область юго-восточной Европы между Черным морем и реками Дунай, Прут, Днестр, восточная часть исторической Молдавии. В настоящий момент территория Бессарабии принадлежит Украине и Молдове.

[131] Бендеры были оккупированы 21 июля 1941 г. Освобождены 23 августа 1944 г. войсками 3-го Украинского фронта в ходе Ясско-Кишиневской операции.

[132] Город Яссы был освобожден в июле 1944 г. в ходе Ясско-Кишиневской операции.

[133] Броска – село, в настоящее время относится к Измаильскому району Одесской области.

[134] Котовск (до 1935 г. – Бирзула) – город на Украине, с 1940 г. входил в состав Одесской области. 5 августа 1941 г. Котовск был оккупирован войсками вермахта и его союзниками. Освобожден 31 марта 1944 г. в ходе Уманско-Ботошанской операции.

[135] Румыния вступила во Вторую мировую войну на стороне Германии 22 июня 1941 г., одновременно с нападением Третьего рейха на Советский Союз. 23 августа 1944 г. в Румынии произошел государственный переворот, в результате которого диктатор Ион Антонеску был свергнут и арестован, а Румыния встала на сторону стран Антигитлеровской коалиции. Новым премьер-министром и фактическим руководителем страны стал Константин Сэнэтеску. Встав на сторону Антигитлеровской коалиции, Румыния тем самым объявила войну Венгрии и Германии. Вслед за этим последовал ввод советских войск на территорию страны и установление в Румынии просоветского режима.

[136] Болгария вступила во Вторую мировую войну 13 декабря 1941 г. на стороне Германии, но военных действий против СССР не вела. Вл. Гельфанд имеет в виду события 26 августа 1944 г., когда правительство И. И. Багрянова, сформированное 1 июня 1944 г., объявило о полном нейтралитете Болгарии и потребовало вывода германских войск из страны. Позже, в сентябре 1944 г., в стране произошел государственный переворот, в результате которого к власти пришло правительство Отечественного фронта во главе с Кимоном Георгиевым. Правительство Георгиева объявило войну Германии, а болгарская армия приняла участие в боях с немецкими войсками.

[137] Так в тексте (записана лишь заглавная буква; вероятно, имелась в виду Тулуза, освобожденная при участии отрядов движения Сопротивления).

[138] Слова из приказа Сталина от 1 мая 1943 г. (№ 195): «Одновременно с этим победоносные войска наших союзников разбили итало-германские войска в районе Ливии и Триполитании, очистили эти районы от врагов и теперь продолжают их громить в районе Туниса, а доблестная англо-американская авиация наносит сокрушительные удары военно-промышленным центрам Германии, Италии, предвещая образование второго фронта в Европе против итало-немецких фашистов.

Таким образом, удар по врагу с востока, со стороны Красной армии впервые за время войны слился с ударом с запада, со стороны войск наших союзников – в единый общий удар.

Все эти обстоятельства, взятые вместе, потрясли до основания гитлеровскую военную машину, изменили ход мировой войны и создали необходимые предпосылки для победы над гитлеровской Германией» [*Сталин И.* Сочинения. Т. 15, ч. 2 (февраль 1943 – ноябрь 1944). М., 2009. С. 78].

[139] Неточная цитата из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» (1824): «Цыганы шумною толпой / По Бессарабии кочуют».

[140] Констанца – крупнейший морской порт Румынии (юго-восток) и второй на Черном море.

[141] Галац – город и порт, расположенный на востоке Румынии в устье Дуная.

[142] В газете «Правда» были опубликованы сообщения из Лондона от 2 сентября 1944 г., в которых, в числе прочего, упоминается и захват союзниками Вердена (Военные действия во Франции // Правда. 1944. 3 сентября. С. 4).

[143] 9 июня 1944 г. Красная армия начала Выборгско-Петрозаводскую наступательную операцию против финских войск, которая привела к освобождению Карелии и отступлению финнов на довоенные позиции. 4 сентября, уже после снятия большей части советских войск с финской границы, было достигнуто соглашение между Хельсинки и Москвой о прекращении огня.

[144] Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867–1951), финский военный и государственный деятель, фельдмаршал (1933), регент Королевства Финляндия с 12 декабря 1918 по 26 июня 1919 г., президент Финляндии с 4 августа 1944 по 11 марта 1946 г.

[145] Рюти Ристо Хейкки (1889–1956), финский государственный и политический деятель. С 1 декабря 1939 по 19 декабря 1940 г. – премьер-министр Финляндии. Президент Финляндии с 19 декабря 1940 по 4 августа 1944 г.

[146] Скорее всего, Вл. Гельфанд имеет в виду слова Сталина, произнесенные им 13 ноября 1942 г.: «Дело, прежде всего, в том, что поскольку кампания в Африке означает переход инициативы в руки наших союзников, она меняет в корне военно-политическое положение в Европе в пользу англо-советско-американской коалиции. Она подрывает авторитет гитлеровской Германии как руководящей силы в системе государств оси и деморализует союзников Гитлера в Европе. Она выводит Францию из состояния оцепенения, мобилизует антигитлеровские силы Франции и дает базу для организации антигитлеровской французской армии. Она создает условия для вывода из строя Италии и для изоляции гитлеровской Германии. Наконец, она создает предпосылки для организации второго фронта в Европе поближе к жизненным центрам Германии, что будет иметь решающее значение в деле организации победы над гитлеровской тиранией» (*Сталин И.* Сочинения. Т. 15, ч. 1 (июнь 1941 – февраль 1943). Ответы [Московскому корреспонденту американского агентства Ассошиэйтед Пресс] господину Кэссиди. М., 2010. С. 689–690).

[147] Венгрия вступила во Вторую мировую войну 27 июня 1941 г. на стороне Германии. 19 марта 1944 г. германские войска оккупировали Венгрию, в сентябре 1944 г. советские войска пересекли венгерскую границу. Позже, в октябре 1944 г., регент Венгрии Миклош Хорти намеревался заключить перемирие с СССР, однако оно было сорвано. На описываемый Вл. Гельфандом момент, Венгрия действительно все еще поддерживала Германию в войне.

[148] 19 сентября было подписано Московское перемирие, по которому Финляндия выходила из войны и обязывалась изгнать немцев со своей территории (Сообщение о перемирии с Финляндией // Правда. 1944. 20 сентября. С. 1). Вл. Гельфанд ссылается, скорее всего, на сообщение в «Правде» от 6 сентября 1944 г., в котором говорилось о том, что «в ночь на 4 сентября финское правительство сделало заявление по радио, в котором сообщило, что Финляндия

приняла выдвинутое советским правительством предварительное условие о разрыве отношений с Германией и о выводе германских войск из Финляндии не позднее 15 сентября (К советско-финским отношениям // Правда. 1944. 6 сентября. С. 3).

[149] Антверпен был освобожден британскими войсками 4 сентября 1944 г.

[150] Начальнику штаба.

[151] Молчать! (Замолчите сейчас же!) (*укр.*)

[152] В семейном архиве сохранились письма, которые во многом объясняют произошедшие перемены:

[23.11.1944] Полевая почта Д–05892

Просмотрено Военной Цензурой 31317

Дорогой Вовочка!

Получила от тебя открытку и письмо. Очень благодарна, но сразу не ответила. Оправдываться не хочу, я виновата перед тобой. Очень часто хочется написать, но все нет соответствующего настроения. Хочется написать хорошее, теплое, родное письмо. Нет соответствующего расположение духа и условий.

Нас переводят (общежитие) в учебный корпус. В комнатах будет по 40–50 человек. Ты себе представляешь, как можно в таких условиях заниматься?

С квартирой у мамы все по-старому. Я очень нервничаю. Много нужно работать по учебе и по комсомольской работе, а нет условий. Я пионервожатая в 33 (мужской) школе. Ты же знаешь, с каким жаром я работаю на этой работе. Но мои пионеры занимаются до 6 часов, а у нас поздно ходить очень опасно. Много случаев – раздевают, и вообще, хулиганство сильно развито. Я очень разочарована.

Ожидание счастья лучше, чем само счастье. Как я стремилась в Днепропетровск, каким он мне казался культурным, чистым, хорошим городом, но все это в прошлом. Люди – носители культуры – очерствели, огрубели, опошлели, стали неузнаваемы. Школьники за время немецкой оккупации занимались спекуляцией, узнали, что такое деньги, базар, торговля, жульничество – все развратило их. Придется очень много приложить труда, умения, любви, чтобы наша молодежь получила право считаться советской молодежью. В трамваях, кино, театрах, на улице – везде и всегда довольно культурные люди ходят и плюются, то есть едят семечки. В общем, Днепропетровск очень изменился. Тяжело, но это факт.

Я очень скучаю по маме. Предстоит холодная суровая зима, к которой я почти не подготовлена. Из этого всего ты можешь заключить, что настроение мое неважное. Раз неважное настроение, то и писать не хочется <...>».

[06. 12. 1944] Полевая почта Д–91155 ФД

Просмотрено Военной Цензурой 31636

Дорогой Вовочка!

<...> пишу опять на лекции военного дела. Нам сейчас читают «Внутренний наряд и его обязанности». Читает капитан танковых войск, но очень неграмотный. Ты меня обвиняешь в том, что я тебе мало пишу, но, поверь, не о чем писать, абсолютно не о чем. Никуда не хожу, никого не вижу, никем не интересуюсь. Очень жалею, что приехала. Днепропетровск стал большой деревней. Да, обидно, но это так. Полное разочарование. И самой жить без всяких надежд

на лучшее очень противно. Ты же знаешь, что я живая и веселая. Даже сейчас, когда все противно, в компании меня очень любят за веселость, что я не умею хандрить, но мое настроение ни на кого не действует. Многие даже думают, что мне очень хорошо.
Лектор мешает сосредоточиться. К тому же хочется спать, так как вчера ходили на «охоту». Понимаешь, мы сами обеспечиваем себя топливом, а поэтому приходится вечером, когда все люди спят, ломать заборы и другие деревянные вещи, которые попадаются на пути: их хозяева утром не находят. Довольно некрасиво, но что поделаешь, необходимо самим о себе думать. Мы часто ходим с ребятами, тогда у нас больше «трофеев». Вот и вчера мы вышли в 9 вечера. Днем шел дождь, ужасная слякоть, а когда вышли – шел снег. Большими хлопьями, был небольшой ветерок. Погода была прекрасная! <...> Первый снег был так красив, что на душе стало так легко и хорошо!
Охота, правда, была неважной, но мы до 12 часов ходили. У нас в институте вводится несение внутренней службы, что мне, конечно, не очень нравится. <...>

[21.12.1944] Полевая почта 91155 ФД
<...> Живу по-старому, учусь, вернее, мучаюсь, совершенно не занимаюсь, а скоро сессия, что буду делать – не знаю. Буду сыпаться по всем предметам. Тебе, наверное, странно слушать, но у нас нет условий для занятий. В институте чернила замерзают в пере, когда пишешь. В комнате не теплее. Поэтому бóльшую часть времени провожу в постели. Я же всегда была мерзлячкой, а теперь особенно страдаю от холода. Зато читаю запоем. <...> Нигде не бываю, никуда не хожу, так как вечером страшно, и так намерзнешься за целый день, что ничего не хочешь. Возможно, поэтому, что нет настоящей комнаты. [*Далее лист порван – три строки нрзб*] <...> Вообще мои взгляды на жизнь очень изменились. Я разочарована в людях и вряд ли найду то, что нужно, чего ищу.
<...> Написала бы тебе больше, но коптилка сильно коптит и действует на мои «поломанные» нервы, к тому же девочки учат английский и мешают сосредоточиться. <...>

[153] Сохранилось письмо от 9 октября 1944 г., вероятно, ответ на запрос Вл. Гельфанда:
Москва
Тверской бульвар, 10
Союзная Справочная
В. Гандуриной

Уважаемый товарищ Гельфанд, к сожалению, мы еще ничего не знаем о судьбе Ромен Роллана. Год или полтора тому назад в иностранной печати было сообщение о том, что Роллан погиб в немецком концентрационном лагере, но немцы опровергали это сообщение, заявив, что писатель находится во Франции. Насколько можно верить немецкому опровержению, вы сами знаете.
Какую гадкую роль во время оккупации играл Андре Жид, вы, наверно, знаете, читали уже. Об этом писал Илья Эренбург в статье «Цепь зла», помещенной в газете «Правда» 2 октября. Пишите, кто вас еще интересует, может быть, мне удастся что-нибудь узнать, буду рада сообщить вам. Правда, я не из осведом-

ленных людей, но письмо ваше можно будет передать в другую редакцию, там больше знают.

Желаю вам успехов.

Жму руку.

В. Гандурина

См. также прим. 95.

[154] Помощника начальника штаба.

[155] «Битва за Россию» (*англ.* The Battle of Russia) – пятый эпизод из семисерийного документального фильма «Почему мы сражаемся» американского режиссера Фрэнка Капры, вышедший в 1943 г. Первая часть фильма начинается с обзора предыдущих попыток захватить Россию: агрессии Тевтонского ордена в 1242 г., нападения шведской армии под руководством Карла XII в 1704 г., похода Наполеона в 1812 г. и нападения Германии в 1914 г. Затем освещается подготовка Германии к войне с Советским Союзом и события первых лет Великой Отечественной войны. Вторая часть фильма посвящена блокаде Ленинграда и Сталинградской битве.

[156] Речь идет о знаменитой «дороге жизни» (официально – Военно-автомобильная дорога № 101), шедшей не через Онежское, как ошибочно пишет автор дневника, а через Ладожское озеро. С 12 сентября 1941 по март 1943 г. она была фактически единственной наземной связью блокадного Ленинграда со страной. 18 января 1943 г., со взятием советскими войсками Шлиссельбурга, Ленинградская блокада была прорвана. По южному побережью Ладожского озера была проложена железная дорога до станции Поляны, названая впоследствии Дорогой Победы. Однако Ладожская коммуникация продолжала действовать вплоть до окончательного снятия блокады Ленинграда 27 января 1944 г.

[157] Муссолини Бенито (1883–1945), итальянский политический деятель, основатель итальянского фашизма, лидер Национальной фашистской партии (НФП); вождь («дуче»), возглавлявший Италию как премьер-министр в 1922–1943 гг. В июле 1943 г. был смещен и арестован, однако затем освобожден немецким спецназом и вплоть до своей гибели возглавлял Итальянскую социальную республику на севере Италии.

[158] Антонеску Ион Виктор (1882–1946), румынский государственный и военный деятель. Маршал, премьер-министр кондукэтор (аналог фюрера или дуче) Румынии в 1940–1944 гг. После выхода Румынии из войны в августе 1944 г. Антонеску был арестован, выдан советскому командованию и отправлен в СССР. После окончания войны передан румынскому коммунистическому правительству. В мае 1946 г. приговорен к смертной казни как военный преступник. Расстрелян 1 июня 1946 г.

[159] Хорти Миклош (1868–1957), правитель (регент) Венгерского королевства в 1920–1944 гг. В марте 1944 г. был вынужден дать согласие на ввод в Венгрию немецких войск, в т. ч. войск СС, которые начали депортацию евреев и цыган. При приближении советских войск к границам Венгрии Хорти сместил в августе 1944 г. прогерманское правительство Дёме Стояи. 15 октября 1944 г. правительство Хорти объявило о перемирии с СССР. Однако вывести страну из войны, как в Румынии, не удалось. В Будапеште произошел поддержанный Германией государственный переворот, и власть перешла к лидеру нацистской

прогерманской партии «Скрещенные стрелы» Ференцу Салаши, а сам Хорти был вывезен в Германию, где содержался под арестом вместе со своей семьей.

[160] Берзарин Николай Эрастович (1904–1945), генерал-полковник. С сентября 1943 г. – командующий 39-й армией на Западном, Калининском и 1-м Прибалтийском фронтах. Участвовал в зимних наступательных боях 1943–1944 гг. на витебском направлении. С мая 1944 г. командовал 5-й ударной армией на 3-м Украинском фронте, с октября 1944 г. – на 1-м Белорусском фронте. Отличился в Ясско-Кишиневской, Висло-Одерской и Берлинской наступательных операциях. Первый комендант взятого советскими войсками Берлина.

[161] Коняшко Григорий Филиппович (р. 1910), полковник. Участник Отечественной войны с июля 1942 г. (Южный фронт). Начальник штаба 248-й сд (1943). Награжден орденами Отечественной войны I степени (сентябрь 1943 г.), Красного Знамени (декабрь 1943 г.), Александра Невского (август 1944 г.), Богдана Хмельницкого II степени (сентябрь 1944 г.), Кутузова II степени (май 1945 г.).

[162] Город в Ростовской области.

[163] Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Последние цветы»:

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

[164] Речь идет о «Протоколе соглашения между правительствами СССР, США и Великобритании о зонах оккупации Германии и управлении большим Берлином, принятом в европейской консультативной комиссии 12 сентября 1944 г.» Согласно Протоколу, «Германия в границах, существовавших на 31 декабря 1937 г., будет разделена для целей оккупации на три зоны, по одной из которых будет отведено каждой из трех держав, а также будет выделен особый район Берлина, оккупируемый совместно тремя державами. <...> Район Берлина (под этим выражением подразумевается территория "Большого Берлина", определенная законом от 27 апреля 1920 г.) занимается совместно вооруженными силами СССР, США и Соединенного Королевства, выделяемыми соответствующими главнокомандующими. С этой целью территория "Большого Берлина" разделяется на следующие три части: Северо-восточная часть "Большого Берлина" (районы: Панков, Пренцлауерберг, Митте, Вейсензее, Фридрихсхейн, Лихтенберг, Трептов, Кепеник) занимается Вооруженными Силами СССР; Северо-западная часть "Большого Берлина" (районы: Рейникендорф, Веддинг, Тиргартен, Шарлоттенбург, Шпандау, Вильмерсдорф) занимается вооруженными силами [Соединенного Королевства Великобритании]; Южная часть "Большого Берлина" (районы: Целлендорф, Штеглиц, Шенеберг, Крейцберг, Темпельгоф, Нейкёльн) занимается вооруженными силами [Соединенных Штатов Америки]» [ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 44. Л. 10–12. Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная война. Т. 15 (4–5). Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии). М.: Терра, 1995. С. 135–138].

[165] Ладовщик Василий Николаевич (р. 1918, г. Павлоград Днепропетровской обл.). В РККА – с июня 1941 г. Награжден орденами Красной Звезды (сен-

тябрь 1943 г.), Красного Знамени (декабрь 1943 г.), Отечественной войны II степени (октябрь 1944 г., у Вл. Гельфанда ошибочно указано I степени).

[166] Основан в 1537 г. как село Луково Мацеев. В 1940 г. получил статус поселка городского типа и был переименован в Мацеев. В 1946 г. переименован в Луков.

[167] Вероятно, имеется в виду первичная ячейка – районное отделение – Укрпотребсоюза (Центральный союз потребительских обществ Украины), созданного на Украине в 1920 г. – организации, аналогичной всесоюзному Центросоюзу, занимавшемуся потребительской кооперацией: обеспечением продовольствием сельских территорий, закупкой у населения сельхозпродукции, грибов, ягод, орехов и пр.

[168] Любомль – город, административный центр в Волынской области на северо-западе Украины.

[169] Речь Посполита – федерация Королевства Польского и Великого княжества Литовского, возникшая в результате Люблинской унии в 1569 г. и ликвидированная в 1795 г. в связи с разделом государства между Россией, Пруссией и Австрией. Располагалась преимущественно на территориях современных Польши, Украины, Белоруссии и Литвы, а также на части территории России, Латвии, Эстонии, Молдавии и Словакии.

[170] Доппаек (*разг.*) – дополнительный паек.

[171] Имеется в виду персонаж одноименного стихотворения С. Я. Маршака. Первые издания «Мистера Твистера», начиная с 1933 г., выходили с иллюстрациями В. Лебедева.

[172] Бяла-Подляска (*польск.* Biała Podlaska) – город на востоке Польши, входящий в состав Люблинского воеводства.

[173] В сводке Совинформбюро от 23 октября 1944 г. сообщалось: «Войска 1-го Прибалтийского фронта в результате успешных наступательных боев заняли на территории Клайпедской области более 500 населенных пунктов. <...> Наши войска полностью очистили от противника правый берег реки Неман от устья до города Юрбаркас (Юрбург). Таким образом, из всей территории Клайпедской области в руках противника остается только город Клайпеда (Мемель) <...>».

[174] Юшка (*южн., разг.*) – бульон.

[175] Рядно – толстый холст из конопляной или грубой льняной пряжи.

[176] Речь идет о Польском комитете национального освобождения (ПКНО), созданном 21 июля 1944 г. при поддержке СССР, который находился в Люблине (так называемое Люблинское правительство). После создания ПКНО, на занятых советскими войсками территориях Польши началось формирование органов государственной власти – народных Советов и Крайовой Рады Народовой. На освобожденных от немецкой оккупации территориях руководством ПКНО вводились законы, основанные на советских образцах. ПКНО имел право арестовывать поляков в соответствии с советским законодательством [так, на этом основании сотрудниками Министерства общественной безопасности (МОБ) задерживались бойцы Армии Крайовой]. Эти и другие действия, а также создание новой польской армии вызвали акции сопротивления со стороны противников ПКНО, вплоть до саботажа и политических убийств активистов и сторонников нового правительства. ПКНО было создано во многом в противовес находившемуся в Лондоне правительству Польши в изгнании

(существовавшему с момента оккупации Польши), активно поддержавшему, в отличие от ПКНО, Варшавское восстание (1 августа – 2 октября 1944).

[177] Сикорский Владислав (1881–1943), в годы Второй мировой войны – глава правительства Польша в изгнании. Погиб в авиационной катастрофе 4 июля 1943 г.

[178] 1 сентября 1939 г. немецкие войска начали наступление на Польшу, положив начало Второй мировой войне. Сражения регулярных частей польской армии против Германии продолжались до 6 октября, когда капитулировал последний очаг организованного польского сопротивления в Коцке.

[179] Речь идет о национально-освободительной войне в Югославии против немецких, итальянских, венгерских войск и их союзников-коллаборационистов, которая велась с 4 июля 1941 по 15 мая 1945 г. и завершилась полной победой югославских партизан и освобождением страны от оккупации. С 1944 г. в ней участвовали и советские войска.

[180] Московские переговоры между СССР, Великобританией и Францией о заключении договора о взаимопомощи, проходившие в апреле–августе 1939 г. Переговоры в Москве были прекращены после подписания 23 августа 1939 г. Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (Пакт Молотова – Риббентропа).

[181] Жимерский (Роля-Жимерский) Михал (наст. фам. – Лыжвинский; 1890–1989), маршал Польши (3 мая 1945 г.), кавалер ордена «Победа» (9 июня 1945 г.). Участник Первой мировой (в составе Австро-Венгерской армии) и советско-польской (1920) войн. Генерал польской армии. В 1926 г. не поддержал военный переворот маршала Пилсудского, приняв участие в военных действиях против его сторонников. Приговорен за это к тюремному заключению; после освобождения в 1931 г. тайно вступил в Коммунистическую партию Польши. В 1938 г. эмигрировал во Францию. После оккупации Германией Польши вернулся туда по заданию коммунистической партии, участвовал в движении Сопротивления. С мая 1943 г. военный советник в Главном штабе Гвардии Людовой – просоветском формировании, противопоставлявшемся Армии Крайовой. С января 1944 – главнокомандующий Армии Людовой, созданной на основе Гвардии Людовой, одновременно – руководитель ведомства национальной обороны в Польском комитете национального освобождения. С июля 1944 г. после объединения 1-й польской армии и Армии Людовой в Войско Польское назначен его главнокомандующим. Военный министр Люблинского комитета – фактически полностью подконтрольного СССР польского правительства.

[182] Тадеуш Коморовский (Бур-Коморовский, 1895–1966), польский генерал, во время Второй мировой войны – руководитель Армии Крайовой. В феврале 1944 г. убедил польское правительство в изгнании принять план самостоятельного выступления Армии Крайовой. 1 августа 1944 г., при подходе Красной армии к Варшаве, отдал приказ о начале Варшавского восстания, которое возглавил. 30 сентября 1944 г. назанчен Верховным главнокомандующим польских вооруженных сил в стране и за границей. После подавления восстания находился в офлаге IV–C (Кольдиц, Саксония) вплоть до освобождения американскими войсками 4 мая 1945 г.

[183] Иден Энтони (1897–1977), в 1935–1938 и в 1940–1945 гг. – министр иностранных дел, в 1955–1957 гг. – премьер-министр Великобритании.

[184] Вл. Гельфанд цитирует статью, опубликованную в газете «Правда» (К итогам московских переговоров // Правда. 1944. 21 октября. С. 2). Кроме этой статьи, в этом номере были напечатаны и другие, также посвященные пребыванию У. Черчилля и Э. Идена в Москве (Англо-советское коммюнике о пребывании гг. Черчилля и Идена в Москве; Отъезд из Москвы премьер-министра Великобритании г-на У. Черчилля и Министра иностранных дел г-на Идена).

[185] Треблинка – концентрационные лагеря: Треблинка-1 («трудовой лагерь») и Треблинка-2 (лагерь смерти), организованные нацистами на территории оккупированной Польши недалеко от деревни Треблинка (воеводство Мазовецкое), расположенной в 80 км к северо-востоку от Варшавы.

[186] В семейном архиве сохранились запись рассказа знакомой Вл. Гельфанда по фамилии Сидорчук, а также написанный на его основе черновик объяснительной записки:

[*Лист порван – две строки нрзб*] вызвало только смех и издевательство со стороны начальства дивизиона. На выручку подоспели товарищи из моей батареи, решившие довести меня до подразделения. В ответ на их расспросы, почему я очутилась на улице и валялась в грязи, объяснила им все происшедшее со мной до их прихода. В это время подошла моя подруга Люба Кучеренко, с которой я пошла отдыхать на ее квартиру. Прошло два дня, в течение которых мне никто не напоминал о происшедшем со мной.

[*Лист порван – одна строка нрзб*] полковой командир Теслин и неожиданно предложил через 20 минут явиться на партбюро. Я недоумевала, так как не была посвящена в существо вопроса, и только парторг дивизиона лейтенант Соловьев через несколько минут после майора Теслина с криком ворвался в квартиру:

– Товарищ Сидорчук, одевайтесь!

– Куда? – спросила я его.

– Разве не знаете, что вас разбирают на партбюро.

От коммуниста
сержанта
Сидорчук Н. Т.
Начальнику полит[...]
248 сд полковнику Дюжилову [*Дюжилов Федор Иванович (р. 1901, деревня Мостищи Родниковского района Ивановской обл.), начальник политотдела и заместитель командира 248-й сд по политчасти. В РККА – с 1932 г. Награжден орденами Красного Знамени (ноябрь 1942 г.), Отечественной войны I (январь 1944 г.) и II степеней (август 1944 г.), а также Красного Знамени (июнь 1945 г.)*].

Объяснение

Ввиду обвинения меня в плохом поведении как коммуниста, считаю необходимым ознакомить вас с истинным положением вещей.

В день празднования 27-й годовщины Октябрьской революции командир второго дивизиона 771 артиллерийского полка, где я до последнего времени находилась, капитан Фисун, в ознаменование нашего праздника организовал вечеринку, куда была приглашена и я.

После окончания вечеринки, когда присутствующие на ней стали расходиться, капитан Фисун, видя, что я не совсем в трезвом состоянии, посоветовал мне идти отдыхать в подразделение. Но когда я оказалась на улице и увидела, что на дворе темно и грязно, решила вернуться в квартиру, так как плохо себя чувствовала. Но вместо того, чтобы помочь мне в моем состоянии, часовой Фисуна по его распоряжению не впустил меня в квартиру, говоря, что получил соответствующие приказание. Даже тогда, когда я постучалась в окно, мне не открыли, не обратив никакого внимания на мою просьбу помочь мне дойти домой. И когда, окончательно ослабев, я упала [*продолжение отсутствует*].

[187] «Большая земля» (1944; авт. сценария и режиссер С. Герасимов; в ролях: Т. Макарова, В. Добровольский, М. Бернес, П. Алейников и др.). Действие фильма происходит в небольшом уральском городе во время войны. Главная героиня берется за самые трудные дела, помогая беженцам, прибывшим к ним с эвакуированным заводом. В годы войны фильм демонстрировался также в США под названием «Уральский фронт» («The Ural Front»).

[188] Минск-Мазовецкий (*польск.* Mińsk Mazowiecki) – город в восточной части Польши, входит в Мазовецкое воеводство, Миньский повят.

[189] С началом войны И. Уткин ушел на фронт. В сентябре 1941 г. в бою под Ельней осколком мины ему оторвало четыре пальца правой руки. Летом 1942 г. вновь отправился на фронт в качестве спецкора Совинформбюро от газет «Правда» и «Известия», участвовал в боях. Погиб 13 ноября 1944 г. недалеко от Москвы в авиационной катастрофе, возвращаясь с Западного фронта.

[190] Статья И. Г. Эренбурга «Герои Нормандии», посвященная присвоению летчикам из французской эскадрильи «Нормандия – Неман» – Марселю Альберу и Роллану де ля Пуапу – звания Герой Советского союза (Красная звезда. 1944. 28 ноября; перепечана 29 ноября в газете «Правда»): «<...> Франция – великая держава. У нее были тюремщики, у нее никогда не было опекунов. И французы отбили контратаки пятой колонны, которая пыталась разбить единство французского народа, тем самым посягая на независимость страны. Мы ничего не хотим от Франции. Мы не стремимся навязать французам наши идеи, наши порядки. Мы жаждем одного: чтобы Франция была Францией. И люди, которые посягают на нашу дружбу <...>, это клеветники, которым немецкие марки дороже французского достоинства. Франция их выметет, как "иллюстрирте" или коробки из-под сигарет, оставленные захватчиками в парижских домах».

[191] Книжный магазин (*польск.* Księgarnia).

[192] До свидания (*польск.* do widzenia).

[193] Переночевать (*польск.*).

[194] Свобода (*польск.*).

[195] Песнях (*польск.*).

[196] Сохранилось письмо Вл. Гельфанда к Галине от 19 октября 1944 г., а также его записка и ответ на нее от 27 октября 1944 г.

Милая Галя!

Я не раз намеревался поговорить с вами просто и откровенно обо всем, что у меня накопилось для вас в лексиконе. Но мысли оказались скудными, а слова слабыми, чтобы передать вам всю полноту моих чувств. Так позвольте с вами говорить языком сердца, позвольте, раз на это пошло, быть до конца откровенным и прямым.

Я увидел вас впервые много дней и, пожалуй, месяцев назад, когда был направлен в дивизию на семинар, еще задолго до Мало-Колосова. Но тогда вы промелькнули в глазах моих, словно чудное виденье, и спустя много времени я все еще не могу вас увидеть. В Мало-Колосове я, впервые с вами встретясь, прочел в ваших глазах столько великолепия, глубины, что словно обезумел и с тех пор мечтаю о вас.

Три дня подряд, будучи в резерве дивизии, я добровольно дежурил при оперотделе специально только для того, чтобы увидеть, как вы танцуете, как поете, как светите красотой и умом всюду, где только появляетесь. Однако я не мог довольствоваться одной мечтой и решил во что бы то ни стало поговорить с вами. Только условия и события весьма не благоприятствовали этому – вы находились круглосуточно на работе, всюду были люди со злыми языками, и я не хотел навлечь на вас неприятность своим вниманием. Поэтому я написал записку, в которой предлагал встретиться в условленном месте и ждал вашего согласия. Не доверяя людям, я лично решился передать эту записку вам, но вместо встречи или ответа получил пощечину, переданную, к тому же, через другие руки и ставшую, таким образом, известной за рамками нашего интимного разговора.

У меня хватило самолюбия отречься от своей мечты о вас и постараться больше не видеться с вами. Однако не весьма надолго. Прошло время и, вот видите – я опять вернулся к старой мечте своей, вернулся к вам; с новой силой вы всколыхнули мое сердце, зажгли его огнем неугасимой страсти и беспредельной нежности к вам. Юноша – можете подумать вы обо мне. В наше время нельзя ведь думать о настоящем, искреннем чувстве к девушке; сейчас у людей другие животные страсти и скотские интересы. Пусть так, но я именно хочу, чтобы вы поняли мои бескорыстные и чистые чувства и оценили в сравнении с пошлыми временными интересами окружающих вас людей.

Я много о вас слышал и много интересовался вами. Но ничему не верил из того, что мне о вас говорили и продолжаю обожать вас больше всего на свете. Однако ваше отношение ко мне более чем странно и оскорбительно для моего самолюбия. Вы, повторяю сказанное вам вчера, избегаете откровенного разговора со мной и тем самым затягиваете развязку, которая должна в ту или иную сторону изменить взаимоотношения между нами.

Очень может быть, что я показался вам надоедливым и пустым человеком, с которым, в силу его навязчивости, излишне разговаривать: ведь вы буквально убежали от меня, когда я попытался объясниться с вами. Но почему? Этот вопрос наряду с рядом других вопросов, не заданных вам, с многими другими вопросами, навеянными вашим образом, до сих пор продолжает оставаться гвоздем моего воображения, и я умоляю вас – помогите разрешить мне все сомнения, ответьте честно – сообщите ваши размышления или, возможно, сомнения.

Неужели вы предпочитаете большого, но старого начальника человеку, обладающему незаменимыми для жизни качествами: молодостью, искренностью, чувствительностью. Не думайте, однако, что я буду менее чувственен. Ваша жизнь не должна быть загублена. Мне жаль вас потому еще, что я люблю вашу молодость и трепещу перед ней.

Но смею вас заверить, что вы еще услышите обо мне, если не теперь, то в ближайшем будущем и, возможно, сумеете пожалеть о несостоявшемся (если, увы, так суждено) нашем знакомстве.

Настаиваю, тем не менее, на убедительном и правдивом ответе, который поможет мне оценить и осмыслить дальнейшее.
Жду ответа. Владимир.
Галя!
Мне необходимо поговорить с вами наедине. Если не возражаете, укажите место. Не желая наводить на вас подозрения со стороны некоторых людей, я полагаю, что неудобно здесь с вами встречаться.
С приветом. Жду ответа.
Владимир.

Сохранилась и ответная записка от Галины: «Я с вами не знакома и говорить нам не о чем».

[197] Походно-полевая жена.

[198] Незадолго до Ялтинской конференции де Голль приехал в Москву в сопровождении министра иностранных дел Ж. Бидо с целью заключения союза с СССР. Генерал впервые посетил СССР, прибыв в Москву через Баку, и пробыл в ней с 2 по 10 декабря 1944 г. (см.: Прибытие в Москву Главы Временного Правительства Французской Республики генерала де Голля // Правда. 1944. 3 декабря. С. 1).

[199] 30 ноября 1944 г. У. Черчиллю исполнилось 70 лет. См. об этом, напр.: 70-летие Уинстона Черчилля // Правда. 1944. 2 декабря. С. 4.

[200] Польское эмигрантское правительство было создано 30 сентября 1939 г. В июне 1940 г. переехало в Лондон. 29 ноября 1944 г. пост премьер-министра Правительства Польши в изгнании занял Томаш Арчишевский (*польск.* Tomasz Arciszewski, 1877–1955). Должность заместителя премьер-министра занял Ян Квапинский. В отличие от своего предшественника Станислава Миколайчика, Арчишевский не пытался найти компромисс с Советским Союзом по поводу послевоенного устройства Польши, полагаясь на поддержку западных стран. Этим объясняется резко негативная оценка сформированного им нового правительства. См. об этом: Международное обозрение // Правда. 1944. 3 декабря. С. 4.

[201] Дроботун Василий Игнатьевич (р. 1915), майор, начальник отделения кадров 248-й сд. В РККА с 1936 г. Кандидат в члены ВКП(б) с 1944 г. Награжден орденами Красной Звезды (август 1944 г.), Отечественной войны II степени (февраль 1945 г.), Красного Знамени (июнь 1945 г.).

[202] С 1936 г. День Конституции отмечался 5 декабря.

1945

[1] Вероятно, Кононенко Иван Иванович, лейтенант, командир минометного взвода 1052-го сп 301-й сд. Здесь и далее в тексте написание фамилии оставлено как в дневнике Вл. Гельфанда.

[2] Шитиков Николай Тимофеевич (р. 1912, д. Буловици Починковского р-на Смоленской обл.). В РККА – с 1939 г. В январе 1945 г. – командир 82-мм минометного взвода 1052-го сп 301-й сд. Награжден двумя орденами Красной Звезды (январь и сентябрь 1944 г.), орденами Отечественной войны I (январь 1945 г.) и II степеней (май 1945 г.).

[3] Конец Яков Николаевич (р. 1923), ст. сержант, командир расчета 32-мм миномета 3-го сб 1052-го сп. В РККА – с декабря 1941 г. (призван Беловским РВК Кемеровской обл.). Награжден орденом Отечественной войны II степени (февраль 1945 г.).

[4] См. прим. 179 (1943).

[5] См. прим. 136 (1942).

[6] Наконечный Петр Павлович (р. 1924, Украинская ССР, Одесская обл., Николаевский р-н, с. Чаривное). Заряжающий 82-мм 1052-го сп 301-й сд. Убит 16 апреля 1945 г. во время прорыва обороны немцев у г. Гольцов. В июне 1945 г. посмертно награжден Орденом Отечественной войны I степени.

[7] Во время Второй мировой войны Венгрия воевала на стороне Германии. 21–22 декабря 1944 г. на оккупированной советскими войсками территории в г. Дебрецене было образовано коалиционное Временное правительство, которое возглавил генерал Б. Миклош. В состав правительства вошли 13 человек (три коммуниста, шесть представителей иных партий и четыре беспартийных). 28 декабря 1944 г. Временное правительство объявило войну Германии и 20 января 1945 г. заключило перемирие с СССР и западными союзниками.

[8] *Эренбург И. Г.* С Новым годом, Москва! // Московский большевик. 1945. 1 января. Вл. Гельфанд ссылается, по-видимому, на следующий, «насыщенный остротами», отрывок: «В своей новогодней статье Геббельс пишет о Гитлере: "Он обладает шестым чувством, он знает то, что скрыто от других. Он – немецкое чудо. Все остальное постижимо и понятно, только фюрер непостижим. Если он ходит, слегка наклонив голову, то это объясняется непрерывным изучением карты..."

Я не знаю, что Геббельс называет шестым чувством, очевидно, отсутствие пяти чувств. Гитлер, бесспорно, видит то, что скрыто от других. Так, например, в 1941 году он видел падение Москвы. В 1942 году он видел полную победу Германии. Он видит то, чего нет, и в других странах таких "ясновидцев" определяют в психиатрическую лечебницу».

[9] В семейном архиве сохранился черновик написанного Вл. Гельфандом рапорта с ходатайством о направлении Березнева в штрафную роту, в котором упоминается этот проступок:

Командиру третьего сб 1052 сп
Майору Бойцову
От командира минометного взвода
третьей минометной роты
Лейтенанта Гельфанда

РАПОРТ

Ходатайствую перед командованием батальона о направлении сержанта Березнева Ивана Петровича в штрафную роту как не поддающегося исправлению и разлагающего дисциплину в РККА.

Еще в период обучения, находясь во втором взводе, сержант Березнев докатился до того, что из командира расчета стал третьим номером в расчете, а комсомольским собранием был снят с комсоргов рот и исключен из рядов ВЛКСМ за самовольное оставление поста в ночное время.

Когда Березнева перевели ко мне во взвод, он заявил мне, что в первом и втором взводах к нему придирались и были с ним несправедливы, а на самом же

деле он – исполнительный и дисциплинированный боец. Пусть так, решил я: «Прошлого вашего я не знаю, у меня вы новый боец, и каким вы себя покажете, таким я вас и буду считать отныне».

Однако сразу же, на другой день после нашей беседы, Березнев уснул на посту, отказался выполнять приказание командира расчета и допустил еще целый ряд нарушений дисциплины. В дальнейшем поведение красноармейца Березнева не только не улучшилось, но в силу ряда обстоятельств стало просто-таки нетерпимым. В особенности на марше, после прорыва немецкой обороны в районе Варка: командира второго взвода лейтенанта Шитикова Березнев умудрялся называть просто по фамилии, а распоряжение лейтенанта Каноненко осмеять и не выполнить.

В период нахождения здесь, на левом берегу реки Одер, не было дня, чтобы Березнев не уснул на посту или же не ушел во время ведения огня с ОП. Командира своего расчета он совсем не признает, а ко мне относится издевательски и своим отношением разлагает бойцов взвода.

Единственной и первостепенной заботой Березнева являются сон и пища. Чувствуя известное попустительство со стороны некоторых офицеров роты, сержант Березнев разложился как боец и красноармеец до такой степени, что совершенно потерял человеческий облик: ходит грязный, расхлябанный, и ни один боец не считает его младшим командиром в силу его недисциплинированности и разгильдяйства.

Ни беседы, ни взыскания не влияют на этого человека, и поведение его остается по-прежнему возмутительным.

[10] Рысев Геннадий Александрович (р. 1922, г. Кольчугино, Владимирская обл.), командир роты 82-мм минометов 1052-го сп 301-й сд. В РККА – с августа 1941 г. Член ВКП(б) с 1943 г. Награжден медалью «За отвагу» (февраль 1943 г.), орденами Красной Звезды (август 1944 г.), Отечественной войны II степени (январь 1945 г.), Александра Невского (май 1945 г.).

[11] Имеется в виду противотанковая пушка калибра 45-мм.

[12] Артиллерийские группы поддержки пехоты.

[13] Франко Иван Яковлевич (1856–1916), украинский поэт, писатель, публицист, общественный деятель. Вл. Гельфанд цитирует его стихотворение «Каменярі» («Каменщики») («Я бачив дивний сон...»).

Пер. с укр.:

Долбите эту скалу.
Пускай ни жара, ни холод
Не остановят вас,
Ибо вам предназначено
Скалу эту разбить.

[14] Судя по всему, Вл. Гельфанд имеет в виду отрывок из речи Сталина от 3 июля 1941 г.: «Что выиграла и проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора» [*Сталин И.* Сочинения. Т. 15, ч. 1 (июнь 1941 – февраль 1943). М., 2010. С. 15].

[15] К концу марта 1945 г. общая численность вооруженных сил КОНР составила около 50 000 человек. Здесь, вероятно, речь идет об артиллерийских взводах на данном участке фронта. Как правило, взвод включал от двух до четырех отделений, каждое из которых представляло собой орудийный расчет, т. о. личный состав артиллерийского взвода колебался примерно от 10 до 25 человек.

[16] См. прим. 83 (1942).

[17] На военном жаргоне «язык» – пленный, захваченный с целью его последующего допроса и вероятной перевербовки.

[18] См. прим. 180 (1943). Помимо наиболее распространенного прозвища «Ванюша» (по аналогии с «Катюшей») миномет чаще всего называли «Ишак» – за пронзительный визг при запуске или, по аналогии с прозвищем «Юнкерсов» – «воющей коровой».

[19] Следующий за этим текст датирован тем же числом, но написан на отдельном листе.

[20] 301-я Сталинская ордена Суворова II степени стрелковая дивизия, сформированная в августе 1943 г.

[21] 12 января 1945 г. началась Висло-Одерская операция, проводившаяся силами 1-го Белорусского (командующий – Г. К. Жуков) и 1-го Украинского (командующий – И. С. Конев) фронтов, в ходе которой была освобождена территория Польши к западу от Вислы и захвачен плацдарм на левом берегу Одера, использованный в дальнейшем при наступлении на Берлин.

[22] Образное выражение, означающее постоянно угрожающую опасность при видимом благополучии.

[23] Имеется в виду фугасный реактивный снаряд М-30, получивший в армейской среде несколько прозвищ, среди которых «Лука» или «Мудищев» – по имени персонажа Луки Мудищева из одноименной анонимной порнографической поэмы XIX в., авторство которой приписывалось в т. ч. Ивану Баркову.

[24] Пенензы на воровском жаргоне – деньги.

[25] Следующий за этим текст датирован тем же числом, но написан на отдельных листах. Возможно, текст представляет собой черновик рапорта.

[26] В связи с этими событиями Вл. Гельфандом были написаны несколько рапортов, черновики которых сохранились в семейном архиве:

[22.01.1945]
Командиру
3 сб 1052 сп
майору Бойцову
[от] Командира
третьего взвода минометной роты
лейтенанта Гельфанда

Рапорт
Считаю необходимым довести до вашего сведения, что командир первого минометного взвода лейтенант Каноненко, будучи сам до предела недисциплинированным, систематически занимается разложением дисциплины среди личного состава минометной роты, подрывом авторитета всего среднего, младшего комсостава у бойцов, а также провокационными измышлениями, чем вызывает общее возмущение и демонстративные выступления красноармейцев.

Так, командира роты капитана Рысева лейтенант Каноненко в присутствии бойцов называет «ишаком, бирюком» и т. п., утверждает, что не командир роты, а он, Каноненко, единоначальник в роте, и что его больше слушаются, чем капитана.
«Что капитан? Он ни х.. не понимает, он трус и во время боев остался в тылу, перепоручив Каноненко командование ротой».
Приводя такие бессмысленные и явно провокационно-вредные утверждения, служащие подрыву авторитета старшего командира-единоначальника, он требует от бойцов, чтобы те утвердительно кивали головами, поддакивали ему и сами употребляли целиком не заслуженные нашим командиром названия и клички, иначе [*продолжение отсутствует*].

[22.01.1945]
Рапорт
Прошу вас обратить внимание на отношение ко мне в м[*продолжение отсутствует*].
Прошу вас также помочь мне занять соответствующую моей специальности и званию должность, которая публично и весьма незаконно отнята у меня командиром роты.
Еще с первых дней моего назначения на должность командиром взвода в минометной роте третьего сб 1052 сп меня изумило состояние дисциплины и отсутствие в подразделении единоначалия.
Командир взвода лейтенант Каноненко, собрав в землянке бойцов, устроил настоящее состязание в отыскании названий кличек для командира мин[ометной] роты капитана Рысева. «Он дундук, ишак [общий возглас одобрения]; [*три строки нрзб*] ни указания от него невозможно получить. Фактически руковожу ротой я! Не так ли?» – спрашивал бойцов, те утвердительно кивали головами. (Я сделал замечание, но: [посмотрим], тогда поймешь, у нас был такой, как ты.)
Я принял взвод в дни, когда подразделение занималось напряженной учебой. Это было время подготовки к наступающим боям. Но неорганизованность и расхлябанность личного состава роты сильно мешала использовать этот период для пополнения знаний бойцов и командиров с максимальной рациональностью.
В роте царит антагонизм и недружелюбие между бойцами. Ругань, матерщина не выходят из обихода – никем она не пресекается. Никто не думает о сплочении дружного единого коллектива – и даже напротив. Всему начало берет отсутствие единодушия и взаимопонимания среди офицерского состава. Командиры взводов противопоставляют себя командиру роты, а тот, вместо утверждения себя единоначальником, побаивается и робеет перед ними. Не раз случалось, когда приказания капитана Рысева отменялись лейтенантом Каноненко на глазах личного состава.
Традиционное значение приобрело воровство и обман. Еще в первые дни моего знакомства с ротой я, к своему изумлению, встретился с фактом хищения у командира роты хромовых сапог и вещевой сумки с бельем и другим содержимым в ней. Подозрение пало на лейтенанта Каноненко, который при большой дороговизне водки умудрялся ежедневно быть пьяным, а денег имел для вы-

пивки в достаточных количествах. До возникновения кражи, когда рота ушла на занятия, лейтенант дважды заходил в землянку, где помещались вещи командира роты, чему невольным свидетелем оказался и я.

За день до этого был похищен полученный мною хлеб. Несколько дней спустя в другой землянке были похищены шапка-ушанка и ватная куртка, и затем кражи не прекращались на протяжении всего существования роты. Меры пресечения не принимались: напротив, когда однажды я уложил на повозку суконную трофейную шинель, подобранную в дороге, лейтенант Каноненко самовольно взял ее (в мое отсутствие), пропил, угостив капитана, и обругал меня в присутствии бойцов в ответ на мое замечание об этом: «Не показывай, что ты дурак, молчи, надоело мне...» Это случилось уже на марше, в период наступательной операции. Однако еще раньше, на другой день после пропажи вещей капитана Рысева, лейтенант Каноненко устроил публичную облаву на бойцов моего взвода. Вскрыл без моего разрешения вещевые сумки бойцов моего взвода, обнаружил у троих бойцов сало, консервы и организовал настоящий митинг возмущения, на котором почти единственным оратором был он сам: «Теперь вы видите, почему вам не хватает продуктов! Почему суп жидкий и не все положенное вам закладывается в котел! Такие вот дежурные – указал он на меня – рабочие и повара вас обкрадывают! Их надо расстрелять на месте! Уф, гады, стервы такие!» – кричал он, привлекая к себе [из] других рот.

Накануне этого случая мне довелось быть дежурным по кухне. На протяжении всего дня кухню посещали различные армейские и дивизионные комиссии, но недостатков в продуктах не обнаружили. Так что обвинения и вся инсценировка, втянувшие меня в эту историю, были явно провокационными и имели целью отвести от него, Каноненко, подозрения в пропаже продуктов, вещей и плащ-палатки, расследованием которой, по поручению командира роты, занялся я в это время.

До последнего времени я рьяно поддерживал авторитет и престиж командира роты, категорически запрещал у себя во взводе и, насколько мог, в роте названия «пацан», «мальчишка», «слабовольный», которые предназначались для капитана Рысева и выражались открыто и беззастенчиво. Как ни один из командиров взводов, я с первого дня своего пребывания в роте беспрекословно выполнял все приказания командира, однако вместо того, чтобы подхватить мою инициативу в поддержании своего авторитета, капитан, напротив, стал препятствовать мне и мешать установлению дисциплины и порядка, дружбы, культуры хотя бы у себя во взводе.

И они-то, вместе с лейтенантом Каноненко, без которого, на мой взгляд, командир роты не мыслит своего пребывания во главе подразделения, хорошо постарались, дабы подорвать мой авторитет и разложить у меня во взводе дисциплину. «Я тебя расстреляю!» – кричал на меня командир роты при бойцах, когда от повозки отошел один из моих бойцов. – «В первом же бою расстреляю!»

Однажды, когда еще до прорыва я попросил комроты позаботиться, чтобы на передовую, где из всего батальона на ОП находился один я со взводом, подносили пищу в термосе и в горячем виде, он опять стал ругаться и назвал меня при бойцах дураком. Однажды, когда я задремал, а помкомвзвода, старший сержант Конец и наводчик Деревьев отошли в сторону, где в 15 метрах от ОП находились мины, командир роты стал грозить мне расстрелом, обругал самыми нецензурными словами в присутствии подошедших моих подчиненных.

[27] Кутно (*польск.* Kutno) – город в Польше, расположенный в 20 км от географического центра страны.

[28] Лович (*польск.* Łowicz) – город в центральной Польше. В начале Второй мировой войны Лович оказался в самом центре битвы на Бзуре и был сильно разрушен. Местное еврейское население было согнано в гетто.

[29] Чекать, в переводе с польского – ждать.

[30] Русской освободительной армией, возглавлявшейся генералом А. А. Власовым, выпускались газеты «Воля народа», «Наши крылья», «Заря», «Доброволец». См.: *Александров К. М.* Армия генерала Власова 1944–1945. М., 2006. С. 25, 28, 49, 51.

[31] Danke (*нем.*) – спасибо.

[32] Бжезины (*польск.* Brzeziny) – деревня в Польше, расположенная в 20 км к востоку от г. Влодава.

[33] Влодава (*польск.* Włodawa) – город и волость во Влодавском повяте Люблинского воеводства Польши. Расположена у слияния Влодавки и Западного Буга близ границы с Беларусью. Влодавский повят граничит и с Беларусью, и с Украиной.

[34] Яновец-Велькопольский (*польск.* Janowiec Wielkopolski) – город в Польше, расположенный на берегу р. Вельна, к северу от г. Гнезно. В период Второй мировой войны был оккупирован войсками вермахта. Освобожден в январе 1945 г.

[35] Вл. Гельфанд ссылается на статью И. Г. Эренбурга, опубликованную в «Красной Звезде» (см.: *Эренбург И. Г.* Гретхен // Красная Звезда. 1942. 13 ноября. С. 3). В ней описывалось, как немецкие жены пишут своим мужьям на фронт: «Другая гретхен, фрау Сальпетер, требовала, чтобы муж прислал ей из Сталинграда изящный купальный костюмчик. <...> Фрау Кученройтер передала мне от тебя большую посылку. Там была резиновая тесьма. Я очень обрадовалась. Хорошо, что ты прислал сахарный песок, можно будет сделать торт. Имей в виду, что мне нужны летние туфли, размер 38».

[36] Познань (*польск.* Poznań) – город в центральной части западной Польши, расположенный на р. Варта. 10 сентября 1939 г. немецкие войска захватили город и присоединили его к Рейху в составе административного округа Позен рейхсгау Позен (Вартеланд). Освобожден 23 февраля 1945 г.

[37] Скорее всего, имеется в виду Варта (*польск.* Warta) – река в Польше, правый приток Одера.

[38] Чтобы их не приняли за немцев и чтобы избежать грабежей и насилия, местные жители Польши переселялись в другие места. Оставшиеся поляки носили такие повязки на рукавах как опознавательный знак.

[39] Kaputt (*нем.*) – конец.

[40] Alles kaputt? (*нем.*) – все кончено?

[41] Из письма Вл. Гельфанда от 2 февраля 1945 г.:
«<...> Продвигаюсь вглубь Германии. Сколько здесь добра, богатства. Немало встречал вещей с русской маркой на них. Немецкие мерзавцы ограбили всю Европу и жили... впрочем, теперь и действительно "не до жиру, быть бы живу". Когда мы заходим в дом – все дрожат и поднимают руки кверху, хотя мы не делаем подлостей, как они у нас».

[42] Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих, фон (1759–1805), немецкий поэт, философ, теоретик искусства, драматург, представитель романтического направления в литературе.

[43] Гёте Иоганн Вольфганг, фон (1749–1832), немецкий поэт, мыслитель, государственный деятель.

[44] О том, что советские солдаты не особо предавались размышлениям об искусстве и культуре, пишет и Давид Самойлов: «Имение под Мендзыхудом. Здесь жил, вероятно, прусский дворянин, ибо на стенах висят дурные портреты в рыцарском обличье, а шкафы наполнены книгами по генеалогии и жизнеописаниями различных Гогенцоллернов. Впрочем, потомок рыцарей любил современный комфорт. Здесь есть и электричество, и внутренний телефон, и благоустроенные уборные. Наши солдаты не предавались долгим размышлениям о судьбах благородного семейства, а прежде всего напились спирту» (*Самойлов Д.* Поденные записи: В 2 т. Т. 1. М.: Время, 2002. С. 209).

[45] Сорокапятка – 45-мм противотанковая пушка образца 1937 г. Возможно, Вл. Гельфанд имеет в виду не ее, а заменившую ее в 1942–1943 гг. более мощную пушку М-42 того же калибра.

[46] Висло-Одерская операция завершилась 3 февраля 1945 г. Вл. Гельфанд имеет в виду бои 2 февраля 1945 г., когда 248-я стрелковая дивизия понесла значительные потери и была сброшена с плацдарма на западном берегу Одера. Главная тяжесть по восстановлению утраченного плацдарма легла на 301-ю стрелковую дивизию. С 3 по 7 февраля полки 301-й стрелковой дивизии разгромили пехотную дивизию «Деберитц», 25-ю мотогренадерскую пехотную дивизию и 5-й отдельный танковый дивизион немцев.

[47] Револьвер системы Нагана, разработанный Эмилем и Леоном Наганами в 1878 г. В СССР с 1932 по 1941 г. на Тульском заводе было произведено более 700 000 таких револьверов. С 1942 по 1945 г. – более 370 000 револьверов. После окончания Великой Отечественной войны наган был снят с вооружения советской армии, и его производство было прекращено.

[48] Эти события нашли свое отражение в рапорте, черновик которого сохранился в семейном архиве Вл. Гельфанда:

[14.02.1945]

Рапорт

Прошу вас обратить внимание на возмутительно-недопустимое отношение командира минометной роты к своим подчиненным и, в частности, ко мне, командиру взвода.

Еще в период напряженной учебы, когда я прибыл в роту, мне бросилась в глаза расхлябанность и недисциплинированность бойцов, доведенная здесь до крайности. Командира роты обсуждали все бойцы и командиры без исключения, называя его пацаном, мальчишкой, дундуком и пр. Воровство в роте достигло таких размеров, что стали обкрадывать не только красноармейцев, но и офицеров. У командира роты украли сапоги, костюм и вещмешок с бельем. У командиров взводов стали пропадать вещи. Не понимая еще причины такого поведения бойцов и удивляясь неспаянности коллектива, я решил с самого начала обеими руками взяться за восстановление нормальной воинской дисциплины в подразделении и, особенно, в своем взводе. Однако встретился с такими трудностями, которые не только меня разочаровали, но довели до отчаяния, в результате чего я и обращаюсь к вам с настоящим рапортом.

Дело в том, что командир роты сам оказывал на каждом шагу препятствие командирам взводов в наведении должного порядка и дисциплины. Вместо того чтобы самому бороться за авторитет своих командиров, капитан Рысев систематически подрывал его у подчиненных, в силу чего его личный авторитет крайне подорван. Обрушиваясь при бойцах с матом, угрозами и руганью на своих командиров взводов и расчетов, он довел до полной анархии состояние дисциплины в роте. Единственным командиром, которому, правда, не по первому слову, [но все же] подчиняются бойцы, остается к настоящему дню лейтенант Каноненко, но добился он этого тем, что после ряда столкновений с пытавшимся неоднократно подорвать его авторитет капитаном Рысевым, он стал фактическим командиром роты, так как, по сути дела, капитан Рысев под любым предлогом болезни уклоняется от участия в боях и перепоручает командование лейтенанту Каноненко. А в обороне он редко является в свое подразделение и держит связь с ротой по телефону и через своего ординарца, так как за выпивкой и игрой в карты он не находит времени для своих подчиненных. Излюбленным методом «воспитания» у капитана Рысева является мордобой, причем не считаясь со званием, он позволял себе в присутствии бойцов-подчиненных материть, наносить оскорбления и физически пощечины всем без исключения командирам взводов, однако ото всех, кроме одного меня, встретил должный отпор и в дальнейшем ни к кому, даже к бойцам, самолюбие которых тоже заговорило при одном из таких инцидентов (за исключением опять-таки меня), не решился применять физической силы. Один я оказался фокусом, в котором преломлялось как бы в течение почти всего периода моего пребывания в роте вся рысевская несерьезность, безответственность, самоуверенность, которая в роте получила давно уже нелегальное, но широко распространенное название «мальчишество». Мое терпение, поистине вызывая изумление у окружающих людей, и дало возможность крайне распоясаться капитану Рысеву.

Под предлогом воспитания бойцов он перевел однажды в мой взвод самых недисциплинированных бойцов (Березнева, Гордиенко), и с тех пор третий взвод получил нелегальное название «штрафной», так как все наряды и бесчинства Рысева обрушивались именно сюда.

На мои просьбы «оздоровить взвод», дать мне хотя бы одного-двух достаточно дисциплинированных бойцов, которым сумел бы целиком я положиться и довериться, он неизменно отвечал: «Перестань плакать. Надо уметь воспитывать бойцов». То есть плоды своего двухлетнего воспитания он бесчестно пытался взвалить на мои плечи и сделать меня жертвой преступной недисциплинированности худших, легко поддавшихся разложению бойцов – Березнева.

Так оно и случилось. Невероятных усилий стоило мне удержать бойцов на марше от отставания, которое в роте приняло исключительные размеры – 14 человек. Причем к нынешнему дню трое из них так и не вернулись в роту.

Но однажды, когда по вине самого командира роты (он отобрал у моего ездового хороших лошадей, а тому в упряжку дал окончательно приставших), повозка отстала, капитан Рысев был поставлен об этом в известность, приказал мне остаться с взводом, достать лошадей и «бегом догонять». Я, во исполнение приказания командира роты, достал лошадей, посадил бойцов на повозку, а двоих для облегчения повозки посадил на машины 120-мм минометов наше-

го полка, и они уехали вперед. Люди пришли только вечером, так как батарея 120-мм сильно опередила нашу колонну, миновав ее другой дорогой, а капитан Рысев взял на себя большую функцию – отстранил меня от должности, не посоветовавшись с комбатом и только позже доложив ему об этом, причем бойцам приказал мне не подчиняться, а помкомвзводу взять управление взводом. В результате сильной потертости ног я не мог идти пешком большие расстояния, а капитан Рысев, несмотря на наличие большого количества лошадей и повозок, запретил мне садиться на повозку, и большую часть пути мне приходилось проделывать пешком. Утомленный большими переходами и изнывая от боли потертых ног, я однажды отстал, но поспешил опередить колонну и на попутной машине заехал вперед колонны по дороге, которой двигались первый и третий полки, опередив всю колонну. Я остановился дожидаться своих, встретил командира батальона, который тоже ожидал полк. Однако, не доходя до нашей остановки два километра, полк свернул влево, и таким образом я сумел попасть в него только на другой день, причем с собой привел 20 отставших бойцов и повозку.

После этого случая комбат потребовал от капитана Рысева изменить отношение ко мне, и командир роты был вынужден вновь восстановить меня в правах и встретил меня милой улыбочкой и чуть ли не с распростертыми объятиями – крепко, как мне показалось, виновато и пожал мне руку.

С тех пор прошло несколько дней; капитан Рысев, казалось, забыл прежнее и снова принялся издеваться надо мной, угрожая репрессиями, особенно много и при бойцах, расстрелом. Все мои просьбы к капитану Рысеву не ругать меня в присутствии бойцов и не подрывать моего авторитета привели только к противоположным результатам. Так, однажды, когда я заявил командиру роты о возмутительном поведении бойцов Березнева и Наконечного, задевающих проходящих мимо красноармейцев пошлыми выкриками по их адресу «х... на», он только посмеялся и насмешливо переспросил меня: «Так ты говоришь, что они называют бойцов "х... на"?» А присутствующие при этом Березнев и Наконечный еще более осмелели и в дальнейшем специально, только чтобы подразнить меня, особенно при мне, активизировали свои выкрики.

На передней линии, дня за три до боя, 12 числа, капитан Рысев вызвал меня к себе в подвал, куда он перешел, бросив роту после одного из артналетов неприятеля с тем, чтобы не появляться оттуда ни разу на поверхность.

– Вы почему не докладываете о состоянии взвода? – спросил он в упор.

– Как? – изумился я. – Но вы же не требуете от меня докладов.

– Так, твою мать, распиздяй ты этакой! Сегодня ночью десять раз заставлю, доложишь мне о состоянии взвода!

– Есть доложить! – ответил я. – Но только я попрошу вас, товарищ капитан, не употреблять при бойцах по отношению ко мне нецензурных выражений, ибо мне уже и без того подорвали немало авторитета.

– Кто подорвал авторитет?.. Кто?

– Вы, товарищ капитан, – ответил я.

– Я?... Так ах ты, мерзавец, разъеб..., х.. моржовый! – и бросился ко мне с кулаками. Все расступились, а капитан Рысев нанес мне по лицу несколько пощечин с криком: «Я расстреляю тебя в первом же бою!»

Ответных мер я не принимал и только несколько раз повторил:

– Товарищ капитан, помните, что я офицер. Не топчите мою честь!

Когда он успокоился, он приказал мне идти во взвод. Вслед за мной, однако, был вызван командиром роты младший сержант Чередниченко, мой командир расчета.

По возвращении от капитана Чередниченко выстроил взвод и объявил, что командиром взвода у нас отныне является лейтенант Шитиков. «А вы, – обратился он ко мне, – капитан сказал, чтобы я передал бойцам, что он вас выгнал из роты, и чтобы вас никто не слушался и не подчинялся вам».

Командиру батальона он не доложил о своих действиях и только перед боем 12 числа, видя серьезность сложившейся обстановки и не желая остаться в стороне от боя, я сам обратился к командиру батальона.

Капитан Рысев «заболел» и остался с ординарцем в тылу (на другой день после боя 12 числа он был уже здоров!), а мне было приказано принять взвод.

Бой 12 числа не прошел бесследно. Боевая обстановка и непрерывное напряжение воли, в котором пребывали все его участники, сплотила бойцов, а мое поведение в бою невольно заставило бойцов уважать меня и беспрекословно мне подчиняться. Все бойцы, командиры, раненые и еще находящиеся в строю, все, кто только в минуты серьезной опасности не скрывался и с оружием в руках защищал свой осажденный клочок земли, превратившийся тогда в неприступный о[порный] пункт, могут заявить, как я действовал в этом бою.

Потому тем более обидно и несправедливо, когда, не участвовавший в этом и ряде других боев, капитан Рысев назвал меня однажды «трусом», а его ординарец, тоже не присутствовавший в бою, заявил, что 12 числа я «не вылазил из подвала».

См. об этом также прим. 54.

[49] Имеется в виду Висло-Одерская наступательная операция.

[50] Пилица (*польск.* Pilica) – река в южной и центральной части Польши, левый приток Вислы.

[51] Имеется в виду 45-я стрелковая дивизия.

[52] См. прим. 180 (1943).

[53] Франкфурт-на-Одере – город на востоке Германии, расположенный на западном (левом) берегу р. Одер; Франкфурт-на-Майне – город, расположенный на переправе на р. Майн.

[54] Фрагмент о женском батальоне – образец фронтового солдатского фольклора. Женщины не служили в боевых частях вермахта. Показательно, что этого эпизода автор сам не видел и приводит его с чужих слов.

[55] Вероятно, Штанько Николай Иванович (р. 1901), подполковник. В апреле 1945 г. – начальник штаба 1052-го сп 301-й сд. Член ВКП(б) с 1925 г. В РККА с 1932 г. На фронтах Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 г. Награжден орденом Отечественной войны II степени (август 1944 г.) и двумя орденами Красного Знамени (январь и апрель 1945 г.).

[56] [26. 02. 1945]

РАПОРТ

Товарищ майор!

Хочу обратить ваше внимание на неискренность и крайнюю несправедливость предъявленных в рапорте капитана Рысева от 24.02 сего года обвинений по моему адресу.

1. На поле боя не было ни одного случая оставления мною взвода или уклонения от боя, напротив:

а) При прорыве неприятельской обороны на реке Висла я вместе с расчетом и отделением управления был выдвинут (за несколько дней до штурма ее и прихода на ОП всей роты) для изучения системы огня противника, проведения пристрелки и оборонительных работ. Причем нахождение мое там сопровождалось частыми артналетами врага; сутками нам доводилось оставаться без пищи, воды и прочего, в то время как минрота и весь батальон еще находились в нескольких километрах от переднего края.

При прорыве вражеской обороны на Висле мое активное участие в боях никем не может быть опровергнуто.

б) Плацдарм на реке Пилица одинаково стойко и самоотверженно, как и бойцами других взводов, удерживался моими бойцами, и во главе взвода неизменно находился я.

в) Здесь, на Одере, после 570-километрового марша, не потеряв ни одного бойца и не имея отстающих (чего нельзя сказать о роте в целом – 14 отстающих, из которых трое по сей день не вернулись в роту), я, не щадя жизни, сражался за удержание Одерского плацдарма, и о моем личном участии в боях за 3 и 12 числа могут подробно и лучше, нежели я сам, рассказать многие участники этих боев: офицеры, сержанты и бойцы, находящиеся в строю или после ранения, на излечении в санроте и медсанбате нашей и 248 сд.

2. В первом эшелоне, что фактически означает тот же «бой», не было ни одного случая невыполнения мною приказа, так что и второе выдвинутое против меня обвинение в корне не соответствует действительности.

3. Строгого выговора с предупреждением я ни разу не получал и никакими документальными или свидетельскими показаниями капитан Рысев не сможет оправдать эту провокационную выдумку с «уклонением от поля боя» и таким непомерно легким за то наказанием.

4. Последний, наиболее достоверный факт, указанный в рапорте, относящийся к окопным работам, крайне искажен многочисленными измышлениями капитана Рысева, а именно: что работа не начиналась мною, в то время как специально для перенесения досок были посланы 3 человека, вернувшиеся почти с пустыми руками, а двое бойцов, которые заготавливали материал и которыми руководил сам капитан Рысев, уснули, не обеспечив материалом нас.

Таким образом, я вынужден был уведомить командира роты через красноармейца Гайдукевича о состоянии дела, а сам с двумя бойцами и старшим сержантом Лаврентьевым стал ждать результатов.

Утомленный ежедневными ночными работами (из всех офицеров роты один я присутствовал на протяжении всего хода работ и руководил ими – остальные в это время отдыхали) и дневной политико-воспитательной работой с личным составом (за весь период работ мне удавалось не более двух часов отдыхать в сутки), я задремал и проснулся, когда услышал вопрос командира роты: «А Гельфанд где?» – на который немедленно откликнулся. Однако вместо того, чтобы как следует разобраться в причине нашего нахождения в сарае и, если нужно, наказать виновников но имеющимися для этого в дисциплинарной практике Красной армии взысканиями, он набросился на меня, начав избивать кулаками по голове и лицу (при бойцах), а затем, когда я, возмущенный

его обращением со мной, направился к комбату, – он выстрелил мне по ногам из пистолета, причем комбату при докладе не заявил о своем поступке, хотя меня назвал чуть ли не саботажником, отказавшимся пойти на работу и сагитировавшему на это бойцов. Он в рапорте написал, что я объяснил свое «нежелание» работать климатическими условиями – дождем.

Прошу еще заметить, что при отдаче приказания капитан Рысев заявил двум бойцам, подготавливающим стройматериал: «Закончите – пойдете спать», а мне приказал по окончании их работы не разрешать им отдыхать и направить оборудовать НП.

Считаю необходимым также довести до вашего сведения, что не первый раз капитан Рысев применяет мордобой по отношению ко мне и другим лицам, в результате чего был избит рядом офицеров третьего сб, а также командиром минвзвода лейтенантом Канониенко, после чего оставил попытки к рукоприкладству. Только в отношении меня, видя проявляемую мною терпимость, он не прекратил своих незаконных действий.

9 февраля избил меня на глазах у бойцов (почти безо всякого повода и вины с моей стороны). В тот же день и еще раньше не раз заявлял: «Я тебя расстреляю в первом же бою!» Впрочем, не одному мне он угрожал расстрелом. Командиры взводов и расчетов, а также бойцы возмущались и сейчас не перестают возмущаться отпущенным по их адресу угрозам и бесшабашной матерщиной капитана Рысева.

Командир минометного взвода

Лейтенант Владимир Гельфанд.

Не известно, были ли этот и предыдущий рапорт (прим. 45) переданы по назначению.

[57] Сравнение взято из доклада Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 г.: «Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва» [*Сталин И.* Сочинения. Т. 15, ч. 1 (июнь 1941 – февраль 1943). М., 2010. С. 205].

[58] А. Н. Толстой умер 23 февраля 1945 г. в Москве. В связи с его смертью был объявлен государственный траур.

[59] Толстая Людмила Ильинична (урожденная Крестинская, в первом браке – Баршева; 1906–1982), четвертая жена А. Н. Толстого. В конце октября 1935 г. Толстой оформил развод с Натальей Васильевной Крандиевской, на которой был женат с 1914 г., и женился на Людмиле Баршевой, которая была его секретарем.

[60] Официальное сообщение о смерти А. Н. Толстого было опубликовано в «Правде» и других центральных газетах 25 февраля 1945 г. (Памяти А. Н. Толстого // Правда. 25 февраля. 1945. С. 3). 25 и 26 февраля в «Правде» были опубликованы и другие статьи в связи со смертью писателя. См.: *Шолохов М.* Могучий художник // Правда. 1945. 25 февраля. С. 3; *Тихонов Н.* Писатель великого народа // Там же; *Майский И.* Русский патриот // Правда. 1945. 26 февраля. С. 3; *Игнатьев А.* Верный сын народа // Там же и др.

[61] 5-я Ударная армия, образованная 9 декабря 1942 г.

[62] Орден Суворова (трех степеней) учрежден 29 июля 1942 г.

[63] Антонов Владимир Семенович (1909–1993), командир 301-й стрелковой Сталинской ордена Суворова II степени дивизии, Герой Советского Союза (1945, за прорыв обороны противника на Магнушевском плацдарме Висло-Одерской операции). В апреле–мае 1945 г. 301-я дивизия принимала участие в Берлинской наступательной операции и штурме Берлина. 11 июля 1945 г. Антонову присвоено звание генерал-майор.

[64] В годы Второй мировой войны Турция занимала нейтральную позицию и присоединилась к Антигитлеровской коалиции на последнем этапе войны, формально объявив войну Германии 23 февраля 1945 г. В боевых действиях участия не принимала.

[65] В апреле 1945 г. на освобожденной территории, в словацком городе Кошице президентом Чехословакии Э. Бенешем было назначено новое правительство Национального фронта, ведущую роль в котором играли коммунисты.

[66] Речь идет об отказе Ш. де Голля от встречи с Ф. Рузвельтом – его приглашение было передано де Голлю 12 февраля 1945 г. Среди причин отказа было и то, что де Голль считал Рузвельта причастным к тому, что Франция не была приглашена принять участие в переговорах стран «большой тройки» на Ялтинской конференции, и то, что Алжир, предложенный президентом США для встречи, был частью территории Франции (см.: *Голль Ш. де* Военные мемуары: Спасение. 1944–1946. М., 2004. С. 103–104).

[67] К началу февраля 1945 г. в результате наступления войск Красной армии Польша находилась под властью временного правительства в Варшаве, признанного СССР. Одновременно в Лондоне находилось польское правительство в изгнании, премьер-министром которого был Томаш Арчишевский, не признавшее решения Тегеранской конференции, определявшей границу между СССР и Польшей по линии Керзона. В результате соглашений, достигнутых на Ялтинской конференции в феврале 1945 г., граница между СССР и Польшей практически вернулась к состоянию на момент раздела Польши между Германией и СССР в 1939 г., а Сталин получил от союзников согласие на создание нового правительства в самой Польше – «Временного правительства национального единства», которое позволило СССР в дальнейшем сформировать в Варшаве прокоммунистический режим.

[68] Дыховичный Владимир Абрамович (1911–1963), советский драматург, писатель-сатирик, поэт.

[69] 1 марта 1945 г. Вл. Гельфанду исполнилось 22 года.

[70] Вероятно, в значении – спекуляция. Ср. «шустрить» (*устар. диал.*) – заниматься мелкими кражами.

[71] Имеется в виду приспособление, использующееся для фиксации ствола в направлении стрельбы.

[72] «Вот у Вас, товарищ лейтенант, такой запас слов имеете. Сегодня вы выступали, так здóрово было послушать, а ваши слова целиком можно было взять за резолюцию, – говорил мне боец Деревьев без всякого оттенка лести, – а вот они болтают только. Как же вы допускаете, что они властвуют над вами?» (*укр.*).

[73] «Сейчас как швырну эти бумажки, и вы их больше не увидите!» (*укр.*)

[74] Вероятно, имеются в виду справки с объявлением благодарности от имени Верховного Главнокомандующего Сталина, вручавшиеся за участие в боях и отличные боевые действия, подписанные начальниками воинских частей. См. прим. 101 (1944).

[75] 1 марта 1945 г. Вл. Гельфанд получил письма от подруги Нины, поздравления с днем рождения от матери и отца.

[76] Schönes Vaterland (*нем.*) – прекрасная родина.

[77] ПТР – противотанковое ружье. См. прим. 14 (1942).

[78] Следующий за этим текст датирован тем же числом, но написан на отдельном листе.

[79] Следующий за этим текст датирован тем же числом, но написан на отдельном листе.

[80] При подчиненных капитан Рысев неоднократно угрожал расстрелом офицерам и сержантам и другими репрессиями, в большинстве случаев нисколько не заслуженными.

В роте нет ни одного рядового, сержанта и офицера, которых прилюдно не обругал бы капитан Рысев самой бесшабашной матерней.

Нередко капитан Рысев применял мордобой к своим подчиненным. Я подвергся однажды публичному избиению только за то, что попросил его не оскорблять меня в присутствии бойцов и не подрывать тем самым моего авторитета непристойной матерней и угрозами. В другой раз он организовал по мне стрельбу из пистолета.

Своего ординарца Сивопляса капитан Рысев, самоустранившись подчас от руководства ротой, посылает управлять командирами взводов, указывать нам и ценит его выше любого офицера.

На Одерском плацдарме капитан Рысев в течение ряда дней не являлся в роту, жил в домике в 500 метрах от нашего ОП, где проводил свое время в пьянке и карточной игре, а когда в ночь на 12.02 батальону приказали принять бой, капитан Рысев вдруг «заболел» (на другой день он выздоровел после перехода во второй эшелон и остался со своим ординарцем в тылу).

В отдаче приказов неискренен и двуличен.

В другой раз в одном из своих рапортов (нужно заметить, в роте не было офицера, на которого капитан Рысев не писал бы рапортов и жалоб) он клеветнически заявил, что я оставил взвод в бою, ушел с поля боя, и за это получил «строгий выговор с предупреждением» (!). Хотя в действительности никогда этого не было, и о моих действиях в бою лучше, чем я сам, могут рассказать старые бойцы и командиры батальона, – не этой ли выдумкой объясняется причина неполучения мною ни одной награды за прорыв висленской обороны, за форсирование Одера и удержание Одерского плацдарма, несмотря на приказ комдива о награждении всего личного состава третьего сб дважды правительственными наградами и на мое активное участие в этих боях.

По отношению к бойцам и младшим командирам капитан Рысев ведет себя еще более грубо и непристойно. Для него не существует разницы между старшим сержантом и бойцом – всем одинаково достается ругани, угроз и взысканий, причем забота о людях со стороны командира роты абсолютно отсутствует. Ходят оборванные, в поношенной одежде, несмотря на наличие в роте хороших [сапог]. Трудно перечислить.

Вот почему перед всем личным составом роты встал сейчас весьма актуальный вопрос, когда же, наконец, в нашей роте будет настоящий воинский порядок, суровая армейская дисциплина и требовательный, заботливый командир-единоначальник?

[81] Das ist nicht gut (*нем.*) – это нехорошо.

[82] Gut machen (*нем.*) – хорошо делать.

[83] Fräulein (*нем.*) – молодая девушка.

[84] Сохранился черновик письма Вл. Гельфанда в парторганизацию своего стрелкового полка, датированное тем же числом, 23 марта 1945г.:

В парторганизацию третьего сб 1052 сп

Друзья мои! Товарищи коммунисты!

К вам обращаюсь я с лучшими чаяниями своими и с настойчивыми, твердыми ожиданиями. В вас моя горячая надежда и сама правда, так часто попираемая людьми. Вы были в боях, вас не сломили схватки с врагом, и вы по заслугам отмечены высокими правительственными наградами. Но я, член вашего коллектива, участник всех боев, проведенных нашей славной частью за время моего пребывания в ней, один остался за рамками внимания, и все мои подвиги, о которых вы достаточно хорошо знаете, вся моя борьба в вашей части и вся моя немного не трехлетняя ратная жизнь в боях за Родину до сих пор ничем не отмечена!

Стыдно мне, хотя и совсем незаслуженно. Ведь [я] коммунист, ведь я ничего не жалел для своего народа и сражался, глядя открыто и прямо в черные глаза смерти. Вы сами знаете, я не трусил. Вы видели меня в боях от Вислы до Одера, и вы знаете, что я всегда и всюду был среди вас, в первых рядах защитников нашей Отчизны.

И теперь я краснею перед моим солдатом и осрамлен перед своей страной, я чувствую укор всякого честного гражданина: ты не воевал, ты был трусом, раз не отмечен Родиной за свою многомесячную борьбу против немецких захватчиков.

Я получаю сейчас много писем от своих земляков и землячек, от знакомых и друзей со всех концов СССР. Они поздравляют меня с победой, они хвалят меня и всех нас за отвагу, стойкость и самопожертвование. Но, признаться, мне больно получать их письма, в которых они просят и даже требуют меня не скромничать – сообщить, какие награды получил за время войны. И я отвечаю откровенно, правдиво – никакой. Они не верят, считают меня обманщиком, и порой и самому мне кажется, что я лгу самому себе. Но ведь это чистая реальность!

Я взываю к вашей партийной совести, товарищи коммунисты. Оглядитесь кругом себя, займитесь этим вполне наболевшим вопросом и загляните в него поглубже. Разве нет у нас случаев, когда люди, совсем не участвовавшие в боях, представлены и уже получили приказ о награждении. Но в то же время рядом у нас существуют факты такой вопиющей несправедливости, как абсолютное невнимание к действительным и честным участникам боев.

Дорогие товарищи! Невольно я отрекаюсь от самого себя и жду с обидой и печалью, когда от меня отречетесь вы как от самого плохого человека, нисколько не проявившего себя в боях. Но справедливость требует своего. И я убедительно прошу вас, настаиваю перед вами, скажите ваше партийное слово – достоин ли я всеобщего презрения людей или заслуживаю, как и все вы, доверия и благодарности партии, правительства, армии и народа?

[85] Крымская (Ялтинская) конференция союзных держав (4–11 февраля 1945 г.) – встреча лидеров стран антигитлеровской коалиции (СССР – И. Сталин,

США – Ф. Рузвельт и Великобритании – У. Черчилль), посвященная вопросам послевоенного устройства мира.

[86] Административно-хозяйственная часть.

[87] «Март, апрель» (1943; режиссер В. Пронин; авт. сценария В. Кожевников; в гл. ролях: О. Жаков и Я. Жеймо) – военная драма о событиях Великой Отечественной войны.

[88] Кубанка – меховая шапка с плоским донышком; первоначально – головной убор кубанских казаков.

[89] См. прим. 198 (1943).

[90] Кюстрин (*нем.* Küstrin, Cüstrin) – город и крепость на территории бывшей Пруссии, в Бранденбурге. Город находится на слиянии р. Одер и р. Варта, в 80 км от Берлина.

[91] Президент США Франклин Делано Рузвельт скончался от кровоизлияния в мозг 12 апреля 1945 г. в Уорм-Спрингс, штат Джорджия.

[92] Скорее всего, имеется в виду последнее выступление президента Ф. Д. Рузвельта перед конгрессом, которое состоялось 1 марта 1945 г.

[93] Журнал боевых действий.

[94] Оперативный дежурный.

[95] И. И. Кононенко был убит в бою 16 апреля 1945 г. Похоронен на офицерском кладбище в г. Кюстрин.

[96] Шпрее или Шпре (*нем.* Spree) – река в восточной части Германии. Берет свое начало в Лужицких горах (недалеко от современной границы Германии с Чехией), течет преимущественно на север, протекая через Берлин.

[97] Дуглас А-20 Хэвок/ДБ-7 Бостон (*англ.* Douglas A-20 Havoc/DB-7 Boston) – вид самолетов, включавший штурмовик, легкий бомбардировщик и ночной истребители. В период Второй мировой войны состоял на вооружении ВВС США, Великобритании, Советского Союза и др. стран. В СССР был известен под именем «Бостон», версия ночного истребителя называлась «Хэвок». В ВВС США принят на вооружение под обозначением А-20 Хэвок.

[98] 24 апреля 1945 г. приказом маршала Жукова Н. Э. Берзарин был назначен первым советским комендантом и начальником советского гарнизона Берлина. 28 апреля был опубликован подписанный Берзариным приказ № 1 «О переходе всей полноты власти в Берлине в руки советской военной комендатуры». Берзарин находился в должности коменданта Берлина всего 54 дня: 16 июня 1945 г. погиб в автокатастрофе.

[99] Речь идет о знаменитой «Встрече на Эльбе» – 25 апреля 1945 г. на р. Эльба, недалеко от г. Торгау, войска 1-го Украинского фронта встретились с войсками 1-й армии США. В результате встречи войск союзников остатки вооруженных сил Германии были расколоты на две части – северную и южную.

[100] Говоря о скупости сообщений о капитуляции Германии, Вл. Гельфанд имеет в виду, скорее всего, публикацию на страницах газет текста «Акта о военной капитуляции» и «Указа Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая Праздником Победы» (см.: Правда. 1945. 9 мая. С. 1) без каких-либо комментариев. Тем не менее в тот же день, 9 мая, в «Правде» были опубликованы и другие материалы (Праздник Победы // Правда. 1945. 9 мая. С. 1; *Горбатов Б., Мержанов М.* Гитлеровская Германия разгромлена. Советский народ празднует великую победу // Правда. 9 мая. 1945. С. 3), а несколько последующих

номеров газеты «Правда» были полностью или частично посвящены победе СССР над фашистской Германией. Так, в номере «Правды» за 10 мая 1945 г. на первой странице было опубликовано обращение Сталина к народу, а также обращения У. Черчилля и Г. Трумэна к СССР. В номере за 11 мая появились статьи о праздновании Победы в разных городах СССР, а также стихи и рассказы об освобождении СССР и стран Европы от нацистской Германии. Вплоть до 23 мая 1945 г. на страницах «Правды» в каждом номере появляются сообщения о Великой Победе советского народа.

[101] «Стихи я печатал во фронтовых газетах, но дальше не посылал, так как пишу еще плохо и стыжусь своей неопытности; не говори ни слова возражения – сам научился себя ценить», – писал Вл. Гельфанд в письме матери 23 июня 1945 г.

[102] Радость от победы была омрачена, прежде всего, отсутствием наград. В семейном архиве сохранился черновик письма, написанного Вл. Гельфандом 30 мая 1945 г.:

Товарищ полковник,

Герой Советского Союза! [командир 1052-го сп А. И. Пешков – *прим. ред.*]

Убедительно прошу вас выслушать меня до конца и вникнуть во все обстоятельства моего дела (вопроса).

Три с половиной года сражаюсь я на фронтах отечественной войны, участвовал в Сталинградской битве, был в окружении под Харьковом и с группой бойцов после месяца ужасных лишений, переживаний вырвался из лап врага. Прошел с боями через всю Украину, воевал в Бессарабии и уже в Польше, очутившись в 301 сд, участвовал вместе с дивизией в боях на реках Висла, Одер, всех плацдармов на левобережье и правобережье реки, неотлучно находился на передней линии фронта.

В период боев за Берлин я был отозван оперативным отделом дивизии, поручившим мне ведение «Журнала боевых действий», который к настоящему дню закончил и снова ухожу в свою часть – 1052 сп.

И вот сегодня, в канун возвращения, меня вновь и вновь заставляет терзаться думами и тяжело переживать горькую, как ни одна пилюля в мире, обиду, вынесенную мной из стольких боев и так омрачившую для меня дни Победы, мучительная мысль о несправедливости людей.

За время пребывания на фронте имел заражение крови, панариций, которые так тщетно и безуспешно пытались оторвать меня от жизни. Во всех случаях, за исключением ранения, я продолжал оставаться в строю, несмотря на освобождение и требование врачей оставить на время передний край.

В 1942 году был принят в ряды ВКП(б) в боях под Сталинградом. В боевой характеристике и рекомендациях коммунистов, помимо отзывов обо мне, было указано о том, что лично мною уничтожено 90 гитлеровцев. Фронтовая газета «Сталинский воин» в большой статье о комсомольской организации моей роты (сохранившейся у меня и по сегодня) писала: «120 гитлеровцев уничтожил сегодня расчет Гельфанда».

Ветераны всех частей, в которых я служил и сражался прежде, хорошо знают меня в боях и при случае могут подтвердить сказанное мною выше. В газетах, на партсобраниях и партактивах неоднократно упоминалось о моей боевой и политической работе, и ни разу за всю мою жизнь на фронте ни один человек не видел, чтобы я в любом бою прятал голову, трусил или уклонялся от битвы.

Здесь, участвуя во всех боях дивизии от Вислы до Одера и на плацдармах, я был все время со своими товарищами по оружию, активно участвовал в прорыве на реке Висла, в боях на реке Пилица, форсировании Одера и в удержании плацдарма на нем третьего числа. В бою 12 числа, когда наступила весьма критическая минута, я не сидел в подвале, не прятался за укрытиями, а все помыслы свои, всю энергию потребил для отражения вражеских контратак и руководил не только своей минбатареей, но и стрелковой и пулеметной; организовал доставку боеприпасов к воротам здания, возле которого мы оборонялись; сам подносил патроны и гранаты; выявлял струсивших отдельных бойцов, прятавшихся за спинами раненых товарищей, выгонял их на оборону. Когда группа раненых офицеров побежала днем в тыл, чуть было не возникла паника, кто-то крикнул: «Пехота драпает!» Тогда я немедленно пресек панику – обнаружить паникера не удалось.

Немало сделал я для успокоения раненых, которым тяжелые переживания могли стоить жизни. Живы сейчас участники этих боев. Их мало, но они есть во всех подразделениях. Видел меня в боях майор Лаптев, находящийся в 1954 сп; старший сержант Лаврентьев – второй сб 1052 сп; капитан Мусаев – комбат третьего сб того же полка; лейтенант-артиллерист Турсункулов и многие другие.

После боев за Одер, когда дивизия вышла во второй эшелон, я выяснил, что дважды был представлен к правительственной награде: один раз комбатом майором Бойцовым, другой раз – его заместителем по строевой части капитаном Костюченко. Однако, несмотря на то что к настоящему времени во всем батальоне нет ни одного участника боев от Вислы до Одера, не получившего правительственной награды, мой наградной материал куда-то бесследно исчез и, видимо, не возобновлялся больше, несмотря на уверения начальника строевого отдела полка старшего лейтенанта Тедеева, что материал уже давно отдан в дивизию.

Парторг батальона лейтенант Проскурин после боя 12 числа подошел ко мне и заявил: «Ты молодец, хорошо дрался! Я бы написал про тебя и про тот бой заметку, но не умею хорошо составляться. Знаешь что? Ты напиши сам, а я подпишу». [Меня сильно возмутило такое отношение парторга к такому вопросу. В момент боя 12 числа он сидел в подвале и наблюдал оттуда за моими действиями. Кстати сказать, за этот бой он получил орден Отечественный войны I степени].

Комбат, его зам по строевой части, адъютант, старший парторг и даже писарь батальона – все уверяли меня, что я представлен к награде дважды за время боев.

Прошло время. Однажды, находясь в редакции, куда я принес свои стихи, и, задержавшись там допоздна, я познакомился и долго беседовал с видным работником фронтовой печати, майором. Рассказал ему также мою историю с наградой. Тогда он поручил майору Папратию выяснить причину такого отношения ко мне.

По его требованию майор Папратий вызвал меня на другой день к себе и при мне позвонил подполковнику Гужову. Подполковник заявил, что я дважды представлен к правительственной награде – ордену Красной Звезды, и в другой раз мой материал послан во фронт – не меньше, как орден Красного Знамени,

заключил майор Папратий. Спустя много дней в строевом отделе полка меня встретили весьма восторженно и поспешили «обрадовать», что наконец-то послан наградной материал в отдел кадров дивизии, причем за все бои я представлен только к ордену Красной Звезды [и к ордену Красного Знамени].

С тех пор прошло несколько месяцев. Однажды, когда я заходил в строевой отдел полка, писарь меня встретил следующей насмешкой: «Вас представили, но учтите, что это вам и за прорыв, и за плацдарм, и за все ваше участие в боях – получите Красную Звезду. И больше не просите».

Я был возмущен и взбешен. Просить, чтобы мою работу отметили по заслугам, было бы наивно и смешно. Однако издеваться над моим прошлым и осмеивать настоящее милостыней, отпуская мне (да и то на словах), увы, далеко не полноценную по сравнению даже с моими подчиненными награду. Это было уже [ему позволено, заявил он начальству].

[*Несколько слов нрзб*] этот случай, как тот столько раз. Прошло еще два месяца, и даже Красная Звезда оказалась для меня мифическим предзнаменованием. Не так давно разговаривал я с начальником политотдела подполковником Коломийцевым: он обещал сделать все от него зависящее, однако, видимо, никаких шагов до сих пор не предпринял.

Война окончилась, и я очутился перед фактом, достойным только труса и только негодяя, а не человека, всю жизнь свою положившего на алтарь Отечества; столько раз встречавшегося лицом к лицу со смертью; ни на секунду не дрогнувшего в боях и с высоко поднятой головой прошедшего через все испытания к большой исторической победе.

[103] Журнал боевых действий дивизии.

[104] «Остров сокровищ» (1937; по роману Р. Л. Стивенсона; режиссер В. Вайнштok; в ролях: О. Абдулов, Н. Черкасов и др.).

[105] 30 мая 1945 г. Вл. Гельфанд получил направление для дальнейшей службы, однако он не оставлял надежды на перевод его на политработу, о чем написал 3 июня рапорт на имя начальника политотдела. Документы сохранились в семейном архиве.

НКО СССР
УПРАВЛЕНИЕ
301 стрелковой Сталинской
орд[ена] Суворова II степ[ени]
дивизии
ОТДЕЛЕНИЕ КАДРОВ
30 мая 1945 г.
№ 84
Удостоверение личности серия ОЛ.00000[...]
Командиру 1052 СП

Направляется в Ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы в должности в ранге [*лист порван – несколько слов нрзб*] должности командира взвода 12 [*лист порван – несколько слов нрзб*] лейтенант Гельфанд Владимир Натанович.

Срок прибытия: 31 августа 1945 г.

Начальник отделения кадров

Рапорт
[*Лист порван – одно слово нрзб*] парторгов и зам[еститель] ком[андира] батальона по политической части.
Здесь, в 301 сд, с первых дней моего пребывания в 1052 сп я включился в партийную жизнь своего батальона, полка и всемерно помогал политработникам вести агитационно-массовую работу. В последнее время (период боев за Берлин) вел журнал боевых действий дивизии и к настоящему дню закончил его полностью.
Желаю работать в отрасли политического воспитания красноармейских масс, где я смогу наиболее плодотворно развернуть свои силы.
Убедительно прошу Вас ходатайствовать перед командованием Армии о переводе меня со строевой на политическую работу.
лейтенант Вл. Гельфанд. 3.6.1945 г.
Командир минометного взвода 82-мм.

Руководствуясь исключительно интересами Родины и желая максимально полезного в деле нашей борьбы применения своих сил и возможностей, я прошу Вас содействовать назначению меня на любую штатную политработу, невзирая на опасность или сложность ее. Твердо уверен, что справлюсь с порученной мне работой.

106 В семейном архиве сохранилось письмо Вл. Гельфанда, написанное на следующий день, 4 июня, Берте Койфман, ставшей в 1949 г. его женой [см. также прим. 1 (1941)]:
Милая Берта! Получил твое письмо от десятого мая, обрадовался ему, но и огорчился теперь уже твоим упрекам. Впрочем, отчасти это хорошо, что ты обижаешься, ругаешь – значит, интересуешься, и нет, не пытайся скрывать своего отношения ко мне, ибо от этого, возможно, и зависит натянутость нашей переписки.
Я хочу быть откровенным до конца (не считай это простой слабостью): всегда рад твоим весточкам, ревниво дорожу дружбой с тобой и верю в дальнейшее развитие и укрепление ее. До каких пределов – покажет сама жизнь, наши взгляды на нее и отношение к ней и друг другу.
Впрочем (опять это туманное, дрожащее «впрочем»), сейчас еще рано говорить столь громко – мы так далеко друг от друга, так слабо знаем обоюдные чувства даже в малом, не говоря обо всей полноте и совокупности их, ибо никогда откровенно не беседовали ни в жизни, ни на бумаге.
Пусть я буду первым, показавшим свою слабость (так понимают женщины, думается, откровения мужчины), но пойми необходимость внести свет и ясность в нашу переписку, дабы она не была больше плотной занавесью наших мыслей и устремлений, чаяний подлинных взаимоотношений.
Если бы я услышал от тебя совершенно неприкрытое, искреннее мнение таким, каким оно хранится у тебя в душе, я бы вылил тебе всю душу свою и отдал свое сердце, но почему-то мне кажется, что этого нет, не будет. Родная Берта, независимо от того, обрадуешь ли ты меня своей откровенностью или огорчишь, я буду тебе за нее чрезмерно благодарен, и я решаюсь прямо сказать – полюблю тебя.

Но полноте. Не пора ли опять замкнуться в себе и, пока не придет желанный ответ, быть по-прежнему сдержанным, не терять равновесия, достоинства своего, наконец, в твоих глазах, ведь не знаю же я, как воспримутся тобой моих мыслей каракули: не обидишься ли, не отвернешься ли ты от меня навсегда, не отречешься ли от дружбы моей?

Я не спрашиваю о твоем образе жизни – верю в тебя сегодня, но о себе могу без зазрения совести сказать, что, несмотря на мои годы, войну, условия жизни, я ни разу не поддался слабости моего сердца, восприимчивому ко всему красотой манящему, ибо знал, что есть красота, ум, достойные моего избрания и тем более – в отношении всего прочего, чем так сейчас увлечены многие, и от чего порой (ради минутного наслаждения) теряют жизнь и здоровье.

Вот он я – не весь еще, правда, но в общих чертах.

[107] Кузнецов Николай Леонтьевич (р. 1909), командир стрелкового батальона 1052-го сп 301-й сд. Член ВКП(б) с 1939 г. Участник Отечественной войны с 29 июня 1941 г. Награжден орденами Красной Звезды (июнь 1944 г.), Александра Невского (октябрь 1944 г.), Красного Знамени (март 1945 г.). В мае 1945 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

[108] Тедеев Виктор Александрович (р. 1910), ст. лейтенант административной службы, помощник начальника штаба по учету 1052-го сп 301-й сд. В РККА с февраля 1942 г.. Член ВКП(б) с 1944 г. Награжден медалями «За боевые заслуги» (май 1943 г.) и «За отвагу» (ноябрь 1943 г.), орденами Отечественной войны II (сентябрь 1944 г.) и I степеней (июнь 1945 г.) и орденом Красной Звезды (март 1945 г.).

[109] Своими горестными мыслями, не оставлявшими его, Вл. Гельфанд делился две недели спустя (23 июня 1945 г.) в письме матери:

Дорогая мама! <...>

Скоро, возможно, я приеду повидаться домой, но из армии уйти мне, очевидно, не придется, пока не потеряю своей молодости. А я, скажу тебе по правде, очень не люблю военной жизни – все здесь меня гнетет и терзает.

Некогда и негде развернуться, хотя и поощряют всякого рода способности людей свыше, но здесь, на низах, ставшие у власти бездушные, с притупленными мозгами и пустым сердцем, делают все так, как им вздумается. Все мои письма, рапорта или не дошли, или я не смею думать, что с ними сталось.

У нас уже много людей отправили домой по демобилизации. Как я им завидую <...>.

[110] Медаль «За взятие Берлина» учреждена указом Президиума ВС СССР от 9 июня 1945 г.

[111] Прусская академия наук (*нем.* Preußische Akademie der Wissenschaften), именовавшаяся также Берлинской академией наук, основанная в 1700 г.

[112] Джабаев Джамбул (*каз.* Жамбыл Жабаев, 1846–1945), казахский поэт-акын. Лауреат Сталинской премии второй степени (1941).

[113] См. прим. 50 (1942).

[114] Демьян Бедный (наст. имя и фам. Ефим Алексеевич Придворов, 1883–1945), поэт, необычайно популярный в 1920-е гг. благодаря своим агитационным революционным и антицерковным произведениям. В 1930-е гг. – в опале (в 1938 г. исключен из Союза советских писателей с формулировкой «моральное разложение», однако дальше этого репрессии в отношении него не по-

шли). С началом Великой Отечественной войны публикации возобновились, сначала под псевдонимом Д. Боевой, к концу войны – под первоначальным псевдонимом. Однако прежней славы, положения и расположения Сталина ему вернуть так и не удалось. Умер 25 мая 1945 г. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

[115] Вересаев Викентий Викентьевич (наст. фам. – Смидович, 1867–1945), писатель, лауреат Сталинской премии первой степени (1943).

[116] Японо-Китайская война (7 июля 1937 – 9 сентября 1945 г.) – война между Японской империей и Китайской республикой. Периодические военные действия между странами велись еще с 1931 г., но полномасштабная война развернулась только в 1937 г. (26 июля Япония перешла к активным боевым действиям, и уже 28 июля японским войскам удалось захватить Пекин) и закончилась капитуляцией Японии в 1945 г. 8 августа 1945 г. СССР официально присоединился к Потсдамской декларации США, Великобритании и Китая и объявил войну Японии. См. также прим. 59 (1941).

[117] Очевидно, описка, имеется в виду: мобилизация.

[118] Вл. Гельфанд был награжден орденом Красной Звезды 17 июня 1945 г. В наградном листе от 4 июня 1945 г. сообщалось:

<...> 3 февраля 1945 года, когда противник пытался прорвать нашу оборону в районе восточнее населенного пункта Ортвиг не левом берегу реки Одер, предпринял яростные контратаки пехоты при поддержке танков, взвод 82-мм минометов лейтенанта Гельфанда, своевременно открыв по гитлеровцам минометный огонь, уничтожил две вражеских пулеметных точки, до 15 гитлеровцев и рассеял взвод пехоты противника.

12 февраля 1945 года в том же районе противник крупными силами пехоты и танков предпринял девять ожесточенных контратак. Взвод 82-мм минометов лейтенанта Гельфанда, отражая натиск врага, метким огнем своих минометов уничтожил три пулеметных точки противника, до взвода пехоты, подавил огонь двух 75-мм вражеских пушек, чем в исключительной мере способствовал удержанию плацдарма на левом берегу реки Одер.

Достоин награждения орденом «Красная Звезда».

Командир

1052 стрелкового полка

Герой Советского Союза

Подполковник Пешков

[119] То, что получение столь долгожданной награды не принесло ожидаемой радости, подтверждается и последующими свидетельствами. Вл. Гельфанд даже не сообщил об этом событии родным, о чем писала ему почти полгода спустя его мать в письме от 15 ноября 1946 г.: «<...> Сыночек мой дорогой! Поздравляю тебя с правительственной наградой – орденом Красной Звезды. <...> Но почему же ты мне не сообщил об этом?» Отвечая на это в письме от 21 февраля 1946 г. Вл. Гельфанд писал: «<...> Тебя интересует орден. Ну что ж, вышлю фотокарточку, где я при нем, раз проболтался. У меня есть причина и основания, которые позволили мне неохотно посвящать тебя в некоторые, пусть даже приятные, новости. Дома, конечно, тайн от тебя не будет. А пока подожди до встречи». Горькое чувство, связанное с получением единственного ордена, не прошло и в последующие годы. Уже после демобилизации, в дневниковой за-

писи от 21 ноября 1947 г. он записал стихотворение, своим настроением полностью совпадающее с приведенной записью:

Мой старый, мой бедный орден
Теперь ты мне в тягость вдвойне,
На что ты, скажи, теперь годен,
Зачем ты повис на мне?
Ты поздно пришел, и с тоскою
В Берлине прилип у груди.
Какое мне счастье такое,
Сегодня и впереди?

[120] Сохранилось письмо, отправленное Вл. Гельфанду поэтом Евг. Долматовским с разбором стихотворения «Весна»:

Уважаемый т. Гельфанд!

Стихотворение «Весна» написано неплохо, однако для печати оно еще слабо. Вам не удалось сочетание первой и второй части стихотворения. Вы убедительно описали идиллию весны и неубедительно (поэтически неубедительно) сказали о предстоящих боях. Неудачно применено слово «намедни». Слово это здесь звучит как пародия.

С приветом

Евг. Долматовский.

[121] «<...> тылу нашей части, в строевом отделе сидели грязные порой индивидуумы. Они пакостили и больно глумились над моей личностью. Так было с наградами. Командир батальона дважды представлял меня к награде. Его заместитель, убитый потом в бою, также подавал на меня реляцию, а начальник строевого отдела старший лейтенант Полушкин (жуткий антисемит и большой взяточник) сумел так устроить, что до конца войны я оказался ненагражденным. И только случайное вмешательство редактора армейской газеты, выяснившего, что меня представляли и к ордену Красного Знамени, и к другим наградам, заставило всполошиться этого человека; он боялся, конечно, за свою шкурку – и через полмесяца после войны пришел приказ о награждении меня "Красной Звездой"» (Из письма Вл. Гельфанда отцу 1 апреля 1946 г.).

[122] Темпельхоф (*нем.* Tempelhof) – район Берлина, расположенный к югу от его центральной части. Южная часть Берлина (районы Целендорф, Штеглиц, Шёнеберг, Кройцберг, Темпельхоф и Нойкёльн) составляли американский сектор оккупации Берлина и находились под управлением американской военной администрации.

[123] Униформа армии США во время Второй мировой войны была тщательно разработана и отличалась в зависимости от театра военных действий. Вероятно, «спортивность» ей придавали непривычные для советских военнослужащих брюки и куртки в сочетании с высокими шнурованными коричневыми кожаными ботинками.

[124] В соответствиями с решениями Ялтинской конференции 1945 г. Берлин после окончания Второй мировой войны был разделен на четыре сектора оккупации по аналогии с четырьмя зонами оккупации страны между Великобританией, США, СССР и Францией. Во французский сектор оккупации Берлина (северо-запад) входили Веддинг и Райниккендорф. Советский сектор оккупации (восточный Берлин) составляли округа Панков, Вайсензее, Пренцлауэр-Берг, Митте, Фридрихсхайн, Лихтенберг, Кёпеник и Трептов. В американский сек-

тор оккупации (юго-запад) вошли округа Нойкёльн и Кройцберг, Темпельхоф, Шёнеберг, Штеглиц и Целендорф. В британский сектор (западный Берлин) входили Шарлоттенбург, Шпандау, Тиргартен и Вильмерсдорф.

[125] Пфенниг (*нем.* Pfennig) – германская разменная монета достоинством в 1/100 марки.

[126] Рюдерсдорф (*нем.* Rüdersdorf bei Berlin) – коммуна в северо-восточной Германии.

[127] Военная единица – половина роты (обычно – два взвода).

[128] See (*нем.*) – озеро.

[129] В семейном архиве сохранилось письмо Вл. Гельфанда матери, датированное тем же числом: Полевая почта 44049
Просмотрено Военной Цензурой 06555
Берлин, окрестность.
Дорогая мамочка!
Ты по-прежнему все упрекаешь, обижаешься, когда же, наконец, ты будешь довольна мною? Выслал тебе вторую посылку. С деньгами трудно. Несколько тысяч у меня украли. Сейчас на должность получаю не очень много и все на руки марками, так что пока выслать не могу. Здесь пробуду не больше месяца и если никуда не отправят, то обязательно приеду в Россию. Письмами задолжал, не смею оправдываться – виноват Берлин, с которым решил познакомиться покороче. Смотрел «Рейхстаг», «Дом», «Рейхсканцелярию» и другие развалины. На вершине Рейхстага, между прочим, сделал надпись:
На балконе берлинского здания
Я с друзьями-бойцами стою.
И смотрю, и плюю на Германию,
На Берлин побежденный плюю.
Письма получаю только от папы, тети Ани и тебя, да и то по старому адресу (пересылает почтальон части, где я служил до этого).
Крепко тебя целую. Будь здорова.
Владимир.
(См. также запись от 24 авг. 1945 г. и прим. 166.)

[130] 8 августа 1945 г. СССР объявил войну Японии. Сообщение об этом было опубликовано на первой странице газеты «Правда» от 9 августа 1945 г. и начиналось следующими словами: «Правительство Советского Союза приняло важное, историческое решение. С сегодняшнего дня Советский Союз находится в состоянии войны с Японией, единственной великой державой, которая после разгрома и капитуляции гитлеровской Германии все еще стоит за продолжение войны».

[131] Сообщение об этом было опубликовано на первой странице газеты «Правда» от 9 августа 1945 г.: «8-го августа Народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов принял японского Посла г-на Сато и сделал ему от имени Советского Правительства следующее заявление...», далее следовал текст ноты.

[132] Хеннигсдорф (*нем.* Hennigsdorf) – город в северо-восточной Германии, расположенный северо-западнее Рюдерсдорфа и Берлина.

[133] Имеется в виду оперативная сводка, опубликованная в газете «Правда» от 13 августа 1945 г.: «В течение 12 августа на Дальнем Востоке советские войска с боями продвигались вперед вглубь территории Маньчжурии.

В Приморье войска 1-го Дальневосточного фронта, продолжая наступление в трудных условиях горно-лесистой местности, овладели городом Мишань, городом и железнодорожной станцией Хуньчунь, а также заняли крупные населенные пункты Гаолиин, Хадахэ, Дадуцзычуань, Наомугоу, Лаохэйшань, Хуангоу, Эрдаохэцзы, продвинувшись вперед на 15–35 километров.

Юго-западнее Хабаровска войска 2-го Дальневосточного фронта, во взаимодействии с кораблями Амурской речной флотилии, с боями заняли населенные пункты Сяошань, Саньцзяньфан, Юаньчуаньтунь – на южном берегу Амура и населенные пункты Футин, Хоюэчжэнь, Даякэ, Дадайхэ, Саньитунь – между реками Сунгари и Уссури. Южнее и юго-восточнее Благовещенска войска фронта заняли город Сюньхэ, железнодорожную станцию Айгунь и несколько других населенных пунктов.

Войска Забайкальского фронта, продолжая наступление вдоль железной дороги Хайлар – Харбин, с боем овладели городом и железнодорожной станцией Якэши и заняли населенные пункты Могойтуй, Горунор.

Подвижные войска фронта на ряде участков форсировали Большой Хинган и вышли на его восточные скаты».

[134] Одно из них, адресованное тете и перекликающееся по настроению с записями в дневнике от 9 августа, сохранилось в домашнем архиве:

<...> Живу я недалеко от Берлина, недавно был в нем, но хорошо рассмотреть не успел и не знаю, удастся ли вторично (ведь я видел город в обстановке боя и затем в первые дни победы над Германией) пройтись по его улицам: тяжел вокруг установленный режим и существование мое весьма безотрадно – никуда нельзя ни пойти, ни поехать, даже через улицу пройти в том населенном пункте, где мы расквартировались, нельзя без увольнительной записки, заверенной подписью и печатью, а получить ее в наших условиях почти неосуществимо. Как-никак, а жить хочется. Сердце рвется на волю, а пытливый ум всегда ищет нового.

Собираюсь в самоволку, но еще не решил, как это сделать. В Берлине я заказал массу портретов, фотографировался в военной форме, а теперь мне необходимо забрать оттуда то, что заказывал. Кроме того, там, в магазине можно купить продукты питания, с этим тоже стало у нас неважно, хотя в других частях, сколько я их ни перевидел, с питанием превосходно.

Насчет неприятностей ты права, они преобладают в человеческой жизни. В моей особенно. Из этого письма [то]же может получиться неприятность – болтливость не есть хорошее качество человека. Поэтому я не всегда и не обо всем пишу в письмах.

[135] Волосевич Владислав Оттонович (1882–1953), член РСДРП с 1903 г. С 1912 г. в эмиграции, преимущественно во Франции (вступил там в коммунистическую партию Франции). Вернулся в Россию в 1922 г. Занимался, в основном, научно-педагогической работой. В 1926 г. опубликовал книгу «Самая краткая история ВКП(б)» (вышла несколькими изданиями). В начале 1930-х гг. подвергся критике Сталина (в его письме в редакцию журнала «Пролетарская Революция» говорилось, что в своих работах по истории партии Волосевич «допустил грубейшие ошибки принципиального характера, квалифицированные как троцкистская контрабанда»). После этого в конце 1931 г. ему был вынесен строгий выговор и запрещено читать лекции по истории ВКП(б)

и ленинизма. С 1932 г. преподавал математику в ленинградских вузах (см. о нем биобиблиографический словарь: Деятели революционного движения в России: От предшественников декабристов до падения царизма. М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1927–1934). Можно только догадываться, где автор дневника нашел это издание. Стремившийся к политическому самообразованию, он, очевидно, не знал о характеристике, данной книге Сталиным, иначе предпочел бы этой «троцкистской контрабанде» «Краткий курс истории ВКП(б)», вышедший в 1938 г. при непосредственном участии Сталина.

[136] Имеется в виду песня «Марш дальневосточных партизан» (музыка Атурова, слова П. С. Парфёнова). Первоначально это был марш сибирских стрелков (с ним они уходили на фронт в Первую мировую войну): «Из-за гор-лесов дремучих...»; позднее на эту мелодию были написаны и «Марш дроздовцев», и красноармейский вариант «По долинам и по взгорьям».

[137] Возможно, речь идет о песне «Три танкиста» из кинофильма «Трактористы» (1939) (музыка Дан. и Дм. Покрасс, слова Б. Ласкина): «На границе тучи ходят хмуро, / Край суровый тишиной объят. / У высоких берегов Амура / Часовые Родины стоят./ <...> / На траву легла роса густая, / Полегли туманы широки. / В эту ночь решили самураи / Перейти границу у реки. / <...> / Мчались танки, ветер подымая, / Наступала грозная броня. / И летели наземь самураи / Под напором стали и огня».

[138] Вл. Гельфанд пишет о Маньчжурской операции Красной армии против японской Квантунской армии (известной также как битва за Маньчжурию), начавшейся 9 августа 1945 г.

[139] 6 и 9 августа 1945 г. вооруженные силы США осуществили атомные бомбардировки японских городов Хиросима и Нагасаки. Общее количество погибших составило от 90 до 166 тыс. в Хиросиме и от 60 до 80 тыс. в Нагасаки.

[140] Хирохито (1901–1989), император Японии (1926–1989).

[141] 14 августа 1945 г. японское командование обратилось с предложением о заключении перемирия. Однако практически военные действия с японской стороны не прекращались.

[142] Насмешки не могли остановить желания стать литератором. Сохранилось письмо – одно из многих, написанных на фронте и адресованных в армейские газеты, датированное следующим после этой записи днем – 16 августа 1945 г.:

Уважаемый т. Рудим!

Ваше мнение о моей «Песне» вполне разделяю. Она недоработана и в ней содержится много корявостей. Первоначально она называлась «Песней о 902-м» и была предназначена полку, в котором я служил и в составе которого воевал на фронте Отечественной войны. Но затем мне захотелось, чтобы ее могли петь во всех полках нашей армии, я попытался ее переделать, причем поторопился, результат не оправдал себя.

Посылаю Вам мои стихи «Дорожка» и последнее стихотворение, посвященное окончанию войны с Японией – «Прекрасен мир, так много лет желанный!»

P. S. Я нахожусь сейчас в резерве фронта, из состава нашей армии вышел. Страстно хочу работать в литературе, но мечта моя почти неосуществима, так как я строевой командир, в особенности потому, что не к кому обратиться за помощью и поддержкой в этом наболевшем для меня вопросе.

С приветом. Жду Вашего отзыва о моих стихах. 16.8.45.
Вл. Гельфанд

Прекрасен мир, так много лет желанный!

Умолкли битвы черные призывы
Не льется кровь, и слезы не текут
Моя страна так славно, так красиво
Победоносный завершила труд.

Не зря она во имя мира в мире
Вторично отдала себя войне,
Не зря же все дивились русской силе
И русской справедливости вдвойне.

И вот судьбы достойная ирония:
Кровавая, вселяющая страх,
Сегодня сумасбродная Япония
Раздавлена, повержена во прах.

Прекрасен мир, так много лет желанный,
И жизнь должна быть в мире хороша,
Раз охранять его решили страны:
Китай, Россия, Англия и США.

Так пусть с таким трудом наш мир добытый
Останется в руках людей навек.
Не может места быть на той земле бандитам,
Где трудится и мыслит человек!

Стихотворение «Матери» и ряд других своих произведений пришлю в следующем письме, так как не хочу на первый раз утруждать вас чрезмерно и отнимать много времени на чтение своих мараний. Извините за почерк, но, откровенно признаться, за время войны я отучился чисто писать, стал неряшлив.

[143] В сводке Совинформбюро от 16 августа 1945 г. сообщалось: «День 16 августа на Дальнем Востоке прошел под знаком контрнаступления японских войск против позиций советских войск» (Правда. 1945. 17 августа. С. 1).

[144] В семейном архиве Вл. Гельфанда сохранился черновик рапорта с просьбой направить его на Дальний Восток, в действующую армию:
Командиру третьего батальона 27 ОПРОСА
майору

Рапорт
Прошу вашего ходатайствования перед командованием части о направлении меня в действующую армию на Дальний Восток. Ввиду того, что должность командира взвода, на которой я два года участвовал в Отечественной войне в передних рядах советских воинов, не оправдала себя, тем не менее в моем лице и я оказался не соответствующим ей, прошу направить меня на политработу или лит. работу, где я смогу быть полезен Родине.

На политической работе был в 1942 г. в качестве заместителя командира роты по политчасти в 15 гв[ардейской] сд под Сталинградом; затем – парторгом батальона в 1943 г. и пр., а с литературой связал себя на всю жизнь своей страстной любовью к ней, стихотворными опытами, которые неоднократно были опубликованы на страницах фронтовой печати, и непреодолимым желанием выйти на ее ухабистую неровную дорогу, где наиболее плодотворно смогу развернуть свои силы.

л[ейтенан]т, член ВКП(б), Вл. Гельфанд. 16.08.1945 г.

[145] Об этом случае сообщалось в газете «Правда»: «Как сообщило в своей вечерней передаче лондонское радио, сегодня в воздушном бою близ Токио погибло несколько английских летчиков. Они вылетели на заре и получили приказ вернуться обратно в связи с капитуляцией Японии. Эти летчики надеялись, что война для них окончена, однако на них напали 15–20 японских истребителей. Японские самолеты атаковали также союзные корабли» (Военные действия на Тихоокеанском театре операций // Правда. 1945. 16 августа. С. 4).

[146] «В 6 часов вечера после войны» (1944; режиссер И. Пырьев; автор сценария В. Гусев; в главных ролях М. Ладынина и Е. Самойлов). Хотя фильм был снят еще до окончания войны, в финале герои встречались в Москве во время салюта победы. Гусев Виктор Михайлович (1909–1944), поэт, драматург, переводчик. Лауреат двух Сталинских премий второй степени (1942, 1946). В довоенные годы получил широкую известность благодаря песне «Полюшко-поле» (1934, на мелодию Л. К. Книппера) и пьесе «Слава» (1935), поставленной практически всеми театрами и самодеятельными коллективами в СССР.

[147] Выступление Сталина 2 сентября 1945 г. об окончании войны транслировалось по радио (см.: Обращение тов. И. В. Сталина к народу // Правда. 1945. 3 сентября. С. 1).

[148] Серафимович Александр Серафимович (1863–1949), писатель, лауреат Сталинской премии первой степени (1943).

[149] Подобные сообщения помещались на страницах центральных периодических изданий. Например, в газете «Правда» за 24 августа 1945 г. появилась статья о праздновании победы (см.: Столица торжествует победу // Правда. 1945. 24 августа. С. 3). Далее в каждом номере вплоть до 31 августа можно найти сообщения об окончании войны с Японией, окончании Второй мировой войны и поздравления зарубежных деятелей, адресованные СССР.

[150] «Черевички» (1944; экранизация оперы П. И. Чайковского по мотивам повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством»; режиссеры М. Шапиро и Н. Кошеверова).

[151] Потсдам – город на востоке Германии, расположенный на р. Хафель, в 20 км к юго-западу от Берлина.

[152] Bitte, bitte schön (*нем.*) – пожалуйста.

[153] Danke (*нем.*) – спасибо.

[154] Noch mal (*нем.*) – еще раз.

[155] Genug, danke! (*нем.*) – достаточно, спасибо.

[156] ОПРОС – отдельный полк резерва офицерского состава.

[157] Кремммен (*нем.* Kremmen) – город Германии, расположенный в 38 км к северо-западу от Берлина.

[158] В архиве Вл. Гельфанда сохранился черновик рапорта, написанного два дня спустя – 10 октября 1945 г. с просьбой зачислить его на работу в политотдел:

Рапорт

Прошу зачислить меня на штатную должностную работу при политотделе 21 тр[офейной] бр[игады] [*созданы в феврале 1943 г. постановлением ГКО «О сборе и вывозе трофейного имущества и обеспечении его хранения». В апреле того же года создан Трофейный комитет во главе с К. Е. Ворошиловым. 28 апреля 1944 г. издано новое «Положение о трофейных органах, частях и учреждениях Красной Армии», в котором были сформулированы задачи трофейной службы: «Трофейные органы, части и учреждения Красной армии обеспечивают сбор, охрану, учет, вывоз и сдачу трофейного вооружения, боеприпасов, боевой техники, продфуража, горючего и других военных и народнохозяйственных ценностей, захваченных Красной армией у противника». – Примеч. ред.*]. На протяжении всей своей боевой деятельности я неразрывно связывал ее с политическим воспитанием подчиненных в духе беззаветной преданности партии Ленина – Сталина, Советскому правительству, Советскому народу и великому социалистическому государству – СССР. Имея за плечами известный опыт партийно-просветительской работы в действующих подразделениях Красной армии и обнимая своим воображением всю полноту ответственности двигающего ее коммуниста, я, тем не менее, намерен серьезно посвятить себя деятельности на этой трудной, но благодарной дороге, где смогу с наибольшей пользой в Красной армии развернуть свои силы и способности.

Я, лейтенант Гельфанд Владимир Натанович, родился 1 марта 1923 г. в местечке Ново-Архангельск Кировоградской области Ново-Архангельского р-на в семье стекольщика. В 1926 году вместе с родителями выехал на Северный Кавказ в г. Ессентуки, а еще через два года – в Днепродзержинск (Украина), где воспитывался в детском саду (мать моя была на протяжении ряда лет воспитательницей детского сада).

Затем, когда мне исполнилось восемь лет, стал учащимся первого класса средней школы. Четвертый год обучения встретил уже в г. Днепропетровске, где продолжал образование в средней школе по 1940 год, там же продолжил обучение в семилетке и затем в средней школе по девятый класс. После школы поступил на обучение в Индустриальный рабфак.

В 1941 году, едва я успел сдать испытания, началась война, и вместе со всей комсомольской организацией рабфака я был направлен в районные села области на уборку урожая для Красной армии. Там, в числе десяти лучших, был отмечен комсомольской организацией и управлением совхоза.

Враг приближался к городу, и когда уже на его окраинах слышались раскаты артиллерийских залпов, я вынужден был вместе с матерью эвакуироваться на Северный Кавказ, бросив все свое имущество и квартиру.

В г. Ессентуки я обратился в местную комсомольскую организацию с просьбой предоставить мне работу, на которой бы я оказался полезен делу защиты своего Отечества, и был направлен в ремонтно-восстановительную колону связи в качестве линейного рабочего. В начале 1942 года мною было написано заявление начальнику участка о добровольном желании стать защитником Родины в рядах Красной армии. Вскоре мое желание было удовлетворено, и я был направлен в 427 ОАБ 52 УРа, в составе которого после непродолжительного

обучения был направлен на Харьковский фронт, где дважды (вначале – под Изюмом, а затем – под Купянском) вместе с частью попадал в окружение, вышел в район Сталинграда.
Со Сталинградского пересыльного пункта был направлен в 50 Гвардейский сп 15 Гвардейской сд, где участвовал в сражениях сначала в качестве замполита и комсорга комрасчета минроты, затем – заместителем командира роты по политчасти. В 15 Гвардейской сд в ноябре 1942 года вступил в ряды ВКП(б).
По ранению 13 декабря 1942 года выбыл в госпиталь, откуда по излечении был направлен в 197 запасной полк, откуда, наконец, был направлен на армейские курсы младших лейтенантов 28 армии. За парт. культмассовую работу приказом по курсам командиром части была объявлена благодарность.
В середине 1943 года в звании мл. лейтенанта прибываю для прохождения службы на должность командира минометного взвода в 248 сд. Здесь, наряду со своей основной боевой работой, активно участвую в партийно-политической работе части. Сначала в качестве агитатора роты, батальона, затем – члена бюро батальона и, наконец, парторга роты, руководителя полкового кружка по изучению Устава ВКП (б) и краткого курса истории партии, зам. комсорга батальона.
Большую помощь оказал редакторам боевых листков в выпуске стенных газет роты и взводов подразделения.
В 1944 году, несмотря на серьезное заболевание – заражение крови, продолжал оставаться в строю. Под нажимом врачей после вторичной операции получаю направление в госпиталь, откуда, не долечившись, ухожу снова на фронт. Болезнь прогрессирует, вторичная операция производится в части, после чего меня направляют в резерв дивизии.
В этот же день было написано письмо родным, посвященное этому, столь волновавшему Вл. Гельфанда, вопросу:
Город Кремменен. 40 км от Берлина.
Славные родные тетя Аня, тетя Ева, Олечка, дядя Люся, дядя Сеня, бабушка и Ляличка.
Сейчас я поступил на работу в трофейную бригаду. Это полувоенная организация, но, тем не менее, я остаюсь вполне армейским человеком. Здесь я пришел в политотдел. Подал рапорт. Начальник политотдела пошел со мной к комбригу и добился от него ходатайствования перед политотделом армии о направлении меня к нему (в политотдел) на работу. Сейчас вопрос решается. Жду ответа из армии, и если моя цель осуществится – буду считать себя намного счастливей, чем сейчас. Меня хотят устроить старшим инструктором политотдела по пропаганде среди немецкого населения и военнопленных – я умею разговаривать по-немецки, читаю и пишу, а это большая редкость среди нашего брата. Ставка будет большая, но все это еще липа. Могу опять остаться командиром взвода, а тогда я буду пропащий человек – не люблю ни муштры, ни строевщины, и расти мне на прежней должности невозможно. Эта та моя должность принесла мне только несчастья – два с лишним года ни на шаг.
Дорогие, письмо передавал с репатриированной девушкой, которую только что встретил в штабе бригады, узнал, что она из Днепропетровска и едет домой. Я сильно обрадовался и попросил ее передать вам этот пакет. Примите ее возможно вежливей и поблагодарите за оказанную услугу. Я уже не раз та-

ким образом передавал письма. Не знаю, как они дошли. Тороплюсь. Девушка (я даже не поинтересовался, как ее зовут) едет сегодня. Надо с ней поговорить и успеть передать пакет. У нее можете расспросить о характере части, в которой я теперь буду служить, и о той работе, которую эта часть выполняет.

Письмо было получено через месяц – 15 ноября 1945 г.: «Сегодня утром получила пакет с фотокарточками – 31 штука и письмо. Получилось немного неприятно. В 7 часов утра пришли две девушки и принесли пакет, причем ни слова не сказали, что они оттуда. Отдали пакет, я их поблагодарила, и они ушли. Когда я стала читать письмо и узнала, что девушка от тебя, и я ее не расспросила о тебе – мне было очень больно, но кто она и где живет – я не знаю и ничего сделать не могу. Ты пишешь, что не первый раз посылаешь таким образом, но я ни одного раза не получала. Спасибо, что не забываешь» (Из письма матери).

[159] Genug (*нем.*) – достаточно.

[160] Имеется в виду постановление «О мерах по оказанию помощи демобилизованным, семьям погибших воинов, инвалидам ВОВ и семьям военнослужащих» (№ 2436) от 21.09.1945 г. Согласно этому постановлению, демобилизованным, семьям военнослужащих, инвалидам Отечественной войны и семьям погибших воинов предоставлялись новые льготы и увеличивались размеры пайков и норм получаемого продовольствия.

[161] Тьер Адольф Луи (1797–1877), французский политический деятель и историк. Первый президент Третьей республики (1871–1873), автор «Истории французской революции, начиная с 1789 года вплоть до 18 брюмера».

[162] Во французской армии имелось три основных вида головных уборов, самым известным из которых было кепи. Все чины носили кепи из серовато-голубой ткани или цвета хаки, но для выходной формы существовали кепи старых, использовавшихся до Первой мировой войны, цветов. Во время Второй мировой войны «свободные французы», отрезанные от источников снабжения, были переобмундированы сначала Великобританией, а затем Соединенными Штатами. При этом они стремились сохранить как можно больше деталей своей национальной формы, так что их одежда превратилась в комбинацию французской, британской и американской униформы.

[163] «Под крышами Парижа» (*фр.* «Sous les toits de Paris», 1930; режиссер Рене Клер).

[164] «Чилита» («Ну кто в нашем крае Чилиту не знает?») – переработка популярной мексиканской песни Сьелито линдо (*исп.* «Cielito lindo», «Солнышко»), написанной в 1882 г. (композиторы Кирино Мендоса и Кортес) и получившей широкое распространение во всем мире. В 1930-е гг. появилась русская версия песни (музыка М. Феркельмана, слова Н. Лабковского), ставшая очень популярной в исполнении Клавдии Шульженко. Русский текст не является переводом мексиканской версии.

[165] Deutsche Sprache (*нем.*) – немецкий язык.

[166] Александерплац (*нем.* Alexanderplatz) – одна из самых знаменитых площадей Берлина, расположенная в центре немецкой столицы.

[167] Вайсензее (*нем.* Weißensee) – северо-восточный район Берлина. На рубеже XIX–XX вв. здесь началось строительство большого числа фабрик, а также жилья для средних слоев населения.

[168] Geschäfte (*нем.*) – магазины.

[169] Колонна «Победа» (Siegessäule) (1873) – монумент, расположенный в центре парка Тиргартен на площади Большая Звезда (центральная часть Берлина). На вершине колонны установлена скульптура богини победы Виктории высотой 8,3 метра, которая получила прозвище «Золотая Эльза» (*нем.* Goldelse).

[170] В письме к матери от 21 февраля 1946 г. Вл. Гельфанд вспоминал этот эпизод: <...> В Берлине смотрел достопримечательности, относящиеся к старине, – памятники, здания и музеи. Еще во время боев оставил на многих из них надписи мелом. Все или по крайней мере большинство, смыло дождем, и теперь, когда я в последний раз был в Берлине, только на Колонне Победы сохранилась моя запись, выцарапанная ножиком на граните.

В честь Победы воздвигнуто здание,
Я с Победой своей здесь стою
И смотрю, и плюю на Германию,
На Берлин побежденный плюю.

[171] Schwarzmarkt (*нем.*) – черный рынок.

[172] КН – комендантский наряд.

[173] В семейном архиве сохранилось письмо матери Вл. Гельфанда от 15 ноября 1945 г., в котором речь, среди прочего, идет о посылках из Германии:

<...> Только что получила открытку на работу, в которой ты сообщаешь, что выслал посылку. Вообще на завод не пиши, а в особенности – сообщения о посылках. Спасибо за посылку. Но не так скоро я ее получу. В августе месяце ты писал, что выслал третью по счету посылку – шелк. До сих пор я ее не получала. <...> В отношении приобретения вещей для меня и родных: здесь пара хороших туфель дамских $1^1/_2$–2 тысячи. Мужские туфли тоже такая цена. Платье дамское приличное – 1000–1500. Что нужно кому. Это, деточка, растяжимо. У всех нас, мужчин и женщин, ничего нет. Но всех же ты одеть-обуть не можешь. Значит, сам сообрази, по своим средствам. Заказ мой такой: чулки и носки шерстяные для всех мужчин и женщин. Носовых платков побольше. Мне ручные часы. Всем перчатки, учитывая и малышей. Радиоприемник. Но учти, что в первую очередь приобрети себе белье, костюмы, обувь, носки. За одеяло, присланное во второй посылке, тебя благодарю и желаю здоровья тебе каждый вечер, когда ложусь спать. Оно очень приятное и теплое. Да, Вовочка, скатертей пару. А когда будешь ехать – захвати чего-нибудь сладенького.

Ну, котик мой милый, нежный и надоела я тебе наверно своими требованиями-заказами. <...> Извини и делай по средствам.

[174] Zum Andenken (*нем.*) – на память.

[175] Скорее всего, имеется в виду Grand Hotel Berlin, расположенный недалеко от парка Тиргартен. Вл. Гельфанд произносит название отеля на украинский манер.

[176] Кабачок – (*нем.* Kabarett).

[177] Карлсхорст (*нем.* Karlshorst) – район Берлина (северо-восток). Именно здесь 8 мая 1945 г. был подписан Акт о капитуляции Германии во Второй мировой войне.

[178] Вероятно, речь идет о служебной характеристике, сохранившейся в архиве Вл. Гельфанда, датированной 20 октября 1945 г.:

Служебная характеристика
На командира минометного взвода лейтенанта
Гельфанд Владимир Натанович

1923 года рождения, еврей, служащий, член ВКП(б) с 1943 г., п/б № 5935860 образование общее среднее, военные курсы мл. лейтенантов при 28 армии в 1943 году, четыре месяца, политического образования не имеет. Участник отечественной войны с 1942 года. Награжден орденом Красной Звезды, имеет одно легкое ранение. Звание лейтенанта присвоено пр. 3 гв. армии № 064 от 27.01.1944 г., удостоверение личности серия АГ 000001 № 143002 от 7.05.1944 г. Лейтенант Гельфанд Владимир Натанович за время прохождения службы в четвертой роте 27 ОПРОСа с 6.09.1945 г. по 04.10.1945 г. показал себя: дисциплинированным, выдержанным офицером, политически развит. Достаточно работает над повышением своего уровня, среди офицерского состава авторитетом пользуется, физически здоров. Морально выдержан, делу партии Ленина – Сталина и социалистической Родины предан.

Вывод: должности командира минометного взвода соответствует.

Командир четвертой роты
гвардии капитан Анисимов
С характеристикой согласен:
Командир первого офицерского б[атальо]на майор Румянцев
20.10.1945.

[179] S-Bahn (*нем.*, сокр. от Schnellstadtbahn) – городская железная дорога.

[180] Штеттинский вокзал (*нем.* Stettiner Bahnhof) – вокзал в Берлине, построенный в 1848 г., в настоящее время там находится станция городской электрички (S-Bahn) Нордбанхоф (*нем.* Nordbahnhof). После Второй мировой войны вокзал находился в непосредственной близи от границы Берлинской стены и потому восстановлению не подлежал.

[181] Ораниенбург (*нем.* Oranienburg) – немецкий город, расположенный в 35 км севернее центра Берлина.

[182] От нем. Kameraden – товарищи.

[183] Ср. эту запись с письмом, написанным 1 ноября 1945 г.:

<...> Немцы подняли головы. Уже некоторые из них позволяют себе толкаться в трамваях, поездах и омнибусах, грубить военным людям из войск союзников. Много находится либералов, мягкотелых, но не из числа советских военнослужащих. В двух словах нельзя описать всего виденного мной. На это я веду дневник.

[184] Здесь – отдела кадров.

[185] Фельтен (*нем.* Velten) – немецкий город, расположенный в 10 км юго-западнее г. Ораниенбург и в 24 км северо-западнее Берлина.

[186] Административно-хозяйственный отдел.

[187] Остерхаузен (*нем.* Osterhausen (bei Eisleben)) – поселок, расположенный в центрально-восточной части Германии.

[188] Интендант отвечал за продовольственное снабжение, финансовое, медицинское, ветеринарное и вещевое обеспечение армии.

[189] Командиру базы.

[190] Возможно, Скоркин Иван Тимофеевич (р. 1916). В РККА с 1936 г. В марте 1945 г. награжден медалью «За боевые заслуги».

[191] Повсюду (*нем.*).

[192] Stiefel (*нем.*) – сапог, ботинок.

[193] Zeitung (*нем.*) – газета.

[194] Следующий за этим текст датирован тем же числом, но написан на отдельном листе.

[195] Государственный праздник СССР (*нем.*). Скорее всего, имеется в виду годовщина Октябрьской революции, которая отмечалась 7 ноября.

[196] Веддинг (*нем.* Wedding) – северо-западный район Берлина.

[197] Карнач – начальник караула.

[198] Фюрстенберг (Хафель) (*нем.* Fürstenberg/Havel) – город, расположенный в 75 км к северу от Берлина.

[199] Durch Fenster (*нем.*) – через окно.

[200] Розенберг Альфред (1893–1946), идеолог Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), начальник внешнеполитического управления НСДАП (1933–1945), уполномоченный фюрера по контролю за общим духовным и мировоззренческим воспитанием НСДАП (1934–1945), рейхсминистр восточных оккупированных территорий (1941–1945). Считается автором таких ключевых понятий нацистской идеологии, как «расовая теория» и «окончательное решение еврейского вопроса».

[201] Киножурнал «Новости дня» выпускался с 1944 г. пять раз в месяц Центральной студией документальных фильмов (ЦСДФ). В 1944–1946 гг. ее возглавлял режиссер С. А. Герасимов. Темами выпусков обычно становились события внутренней и международной жизни страны.

[202] Такого слова в немецком языке нет. «Воздухоплаватель» по-немецки – Ballonfahrer.

[203] Schimpfen (*нем.*) – оскорбления.

[204] Warum? (*нем.*) – почему?

[205] Поцоватый (поцеватый) – производное от поц (*идиш* פּאָץ) – половой член.

[206] Гонорея (*народ.* триппер) – инфекционное венерическое заболевание.

[207] «Музыкальная история» (1940; режиссеры А. Ивановский и Г. Раппапорт; в главных ролях: С. Лемешев, З. Федорова, Э. Гарин).

1946

[1] Сохранилось служебное удостоверение Вл. Гельфанда:

НКО СССР
База оборудования и материалов
21 О. Т.Б.
8 января 1946 г.
№ 1001

Удостоверение

Предъявитель сего лейтенант Гельфанд Владимир Натанович является представителем Базы материалов и оборудования на лесопильных заводах в г. Кременце, которому поручается руководство всеми работами, производимыми на заводах, а также производство всевозможных операций по приему и отпуску материалов базы.

Для выполнения вышеуказанных работ в распоряжение лейтенанта Гельфанд В. Н. выделено шесть человек красноармейцев и две подводы.

Удостоверение действительно по 31 января 1946 г.
Начальник базы оборудования и материалов
инженер-майор Скоркин
21 ОТДЕЛЬНАЯ ТРОФЕЙНАЯ БРИГАДА
ВОЙСКОВАЯ ЧАСТЬ

[2] Сохранились черновики двух рапортов – от 5 января, а также написанного неделей позже – 12 января 1946 г.:
Начальнику базы
Майору Скоркину
5.01.1946 г.
от помощника начальника транспортного отдела Базы
материалов и оборудования
л[ейтенан]та Гельфанда В. Н.

Рапорт
Прошу Вашего распоряжения о выдаче мне личного оружия, так как по условиям моей работы мне часто приходится быть одному в ночное время в степи и в лесу. Пистолет у меня отобран в в/ч 1052 сп, 301 сд, 9 корпуса, 5 ударной армии, I Белорусского фронта в день моего отбытия в 27 ОПРОС, о чем имеется пометка в удостоверении личности с печатью, за подписью начальника арт. снабжения.
Лейтенант Гельфанд.

[12.01.1946]
От помощника начальника транспортного отдела
лейтенанта Гельфанда В. Н.
Начальнику Базы мат[ериалов] и обор[удования]
Майору Скоркину

Рапорт
Прошу обратить Ваше внимание, что я совершенно лишен зимнего обмундирования, вынужден в условиях зимы носить немецкий плащ, китель из немецкого материала, приобретенный за свой счет, старые сапоги и летние шаровары.
АХЧ Базы в лице начальника, старшего лейтенанта Смирнова, категорически отказывается выдать мне обмундирование по той простой причине, что на моем вещевом аттестате есть одно исправление в графе летнего обмундирования, сделанное той частью, в которой я его получил, и не подлежащее больше выдаче мне до лета, так как срок носки на определенный период времени рассчитан.
Неоднократно я получал обидные указания в отношении моей формы. Даже холодный прорезиненный плащ сейчас за границей носить нельзя, так как тем самым на виду у иностранцев искажается мною установленная в Красной армии форма. ПНШ–1 Бригады дважды хотел меня арестовать и один раз прилюдно заставил покинуть офицерский клуб.
Исходя из этого, я прошу Вашего ходатайствования об обеспечении меня зимним обмундированием, а также предоставления мне двухдневного отпуска в район Потсдама, где дислоцируется 27 ОПРОС, за вещевой книжкой, которая там осталась взамен выданного мне вещевого аттестата.

[3] Ein schöner Waldemar (*нем.*) – прекрасный Владимир!

[4] Nein, nein, nein (*нем.*) – нет, нет, нет.

[5] Ставшее крылатым выражение из «Современной идиллии» М. Е. Салтыкова-Щедрина, в которой чиновники постоянно повторяют: «Как бы чего из этого не вышло!» Эти же слова повторяет и герой рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре». Обычно это выражение используется как иронический комментарий к поведению робкого, излишне осторожного человека.

[6] «Петр I» (1937–1938; по роману А. Н. Толстого; режиссер В. Петров; главных ролях: Н. Симонов, Н. Черкасов, А. Тарасова, М. Жаров и др.).

[7] Меншиков Александр Данилович (1673–1729), сподвижник и фаворит Петра I, первый генерал-губернатор Санкт-Петербурга и первый российский сенатор, генерал-фельдмаршал (1709), президент Военной коллегии, генералиссимус морских и сухопутных войск (1727).

[8] Жаров Михаил Иванович (1899–1981), актер, народный артист СССР (1949). Лауреат Сталинских премий (1941, 1942, 1947). См. также прим. 93 (1943).

[9] Екатерина I (1684–1727), российская императрица, вторая жена Петра I, мать императрицы Елизаветы Петровны. Вл. Гельфанд, очевидно, путает ее с императрицей Екатериной II, обладавшей, в отличие от своей тезки, литературными способностями и оставившей обширное литературное наследие – от художественных произведений до мемуаров.

[10] Ганнибал Абрам Петрович, «арап Петра Великого» (1696–1781), военный инженер, генерал-аншеф, прадед А. С. Пушкина. Сын эфиопского князя, в 1704 г. привезенный в Москву. При крещении получил отчество своего крестного отца Петра I. Выполнял должности его ординарца и секретаря.

[11] Н. К.О.
ВОЙСКОВАЯ ЧАСТЬ
ПОЛЕВАЯ ПОЧТА 75207
12 января 1946 г.
№ 14–2

КОМАНДИРОВОЧНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ
Лейтенанту Гельфанду Владимиру Натановичу
С получением сего предлагаю вам отправиться в гг. Потсдам – Олимпишесдорф – небольшой город в Германии, расположенный у населенного пункта Эльшталь за получением вещевой книжки.
Срок командировки 12 дней, с 13 января 1946 г. по 25 января 1946 г.
ОСНОВАНИЕ: Приказание командира части.
КОМАНДИР ВОИНСКОЙ ЧАСТИ
п.п. №-75207
ГВАРДИИ ПОЛКОВНИК Нотэй-Голенко
27 ОПРОС 15.01.1946 Требуется ваш аттестат
27 ОПРОС 27.01.1946

[12] Проблемы с отправкой посылок отцу были и в дальнейшем: «<...> Посылку, я сообщал уже тебе, не приняли, вернула почта. Опять шью мешочек, готовлю сызнова к отправке в этом месяце» (Из письма Вл. Гельфанда отцу 1 апреля 1946 г.).

[13] «<...> Купил фотоаппарат, но не знаю, как скоро сумею заняться обучением в обращении и пользовании с ним. Это нелегко, непросто дается» (Из письма Вл. Гельфанда родным 17 февраля 1946 г.).

[14] «Агфа» (*нем.* Agfa) – европейская международная компания, основанная в 1867 г. в Берлине. Позднее производство было перенесено в г. Греппин. После Второй мировой войны заводы Agfa оказались в разных оккупационных зонах. Agfa CameraWerk в Мюнхене – в зоне ответственности США, завод по производству фотобумаги в Леверкузене – Великобритании, завод в Греппине – в советской зоне.

[15] Цу, ауф (*нем.* zu, auf) – закрыть, открыть.

[16] Вайсензее (*нем.* Weissensee) – до 2001 г. – городской округ Большого Берлина.

[17] Шёнвальде-Глин (*нем.* Schönwalde-Glien) – город, расположенный северо-западнее Берлина.

[18] «<...> Кстати, купил себе радиоприемник большой и тяжелый – тот перегорел от неосторожного обращения, и сейчас некогда отнести в ремонт. Часов тоже хороших не достал. Только цилиндры – их купил трое. Они дорогие. В Берлине американцы и англичане их продают по 3–5 тысяч марок. Но я решил, что подожду пока цены урегулируются – идет к тому» (Из письма родным 17 февраля 1946 г.).

[19] Шпандау (*нем.* Spandau) – город, расположенный в 12 км к западу от Берлина, при впадении Шпрее в Гавель и на судоходном Берлино-Шпандауском канале.

[20] Beruf (*нем.*) – занятие, специальность.

[21] Так в тексте, вероятно – разреженный.

[22] Sonntag (*нем.*) – воскресенье.

[23] Vorwärts (*нем.*) – вперед.

[24] Так в тексте.

[25] Скорее всего, имеется в виду фильм «Морской батальон», посвященный обороне Ленинграда в 1941 г. (1944; режиссеры А. Минкин и А. Файнциммер; авт. сценария А. Штейн; в гл. ролях: А. Абрикосов, П. Алейников, Л. Смирнова и др.) – первый фильм, снятый летом 1944 г. после возвращения «Ленфильма» из эвакуации в восстановленных павильонах киностудии.

[26] «<...> Комнатка моя (нарочно выбрал самую маленькую во всем общежитии) увешана портретами, картинами; как только я открываю дверь – возле нее собираются любопытствующие офицеры» (Из письма двоюродной сестре Оле от 17 февраля 1946 г.). «<...> Живу в общежитии, как и все военнослужащие, но, в отличие от других, выбрал себе маленькую комнатку, чтоб мне никого не вселили – я хорошо узнал, что значит жить вместе, а следовательно, и доверять другому» (Из письма матери 21 февраля 1946 г.).

[27] О своей любви «к разъездам» Вл. Гельфанд писал в письмах к родным: «<...> Работа у меня живая. Часто бываю в разъездах – это совсем не похоже на строевую службу, с которой я никак не умел примириться. Дома бываю редко: в выходные и другие, просто случайные дни» (17 февраля 1946 г.). Об этом же он писал четыре дня спустя – 21 февраля – в письме матери: «<...> Работа теперь у меня ответственная, сложная, но зато живая и интересная – я транспортник. Часто приходится бывать в других городах, разъезжать. Одно время был связан с лесопромышленностью – вообще, со старой своей "профессией" расстался. И не жалею». Однако всего лишь неделю спустя, в день своего рождения,

в письме от 1 марта 1946 г. он был не столь оптимистичен: «<...> Жизнь моя сера и сурова. Нет отрады и пока незаметно перспектив. Родина! – с ней мои мечты и в ней одной счастье мое, – а я годами грущу на чужбине. Много разъезжаю по городам Германии по характеру своей работы, вижу жизнь и встречаюсь с людьми. Но этого так недостаточно, что хочется отвернуться от окружающего и наедине с собой закричать до боли в ушах своей безутешной тоске».

[28] Эти слова Л. Н. Толстого приводит в своих воспоминаниях о нем М. Горький: «Есть такие минуты, когда мужчина говорит женщине больше того, что ей следует знать о нем. Он сказал – и забыл, а она помнит. Может быть, ревность – от страха унизить душу, от боязни быть униженным и смешным? Не та баба опасна, которая держит за ..., а которая за душу» (*Горький М.* Лев Толстой: Заметки // Л. Н. Толстой в русской критике: Сборник статей. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. С. 455).

[29] Пренцлауэр-Берг (*нем.* Prenzlauer Berg) – район Берлина, расположенный на северо-востоке его центральной части. С 1920 по 2001 г. – независимый городской округ.

[30] Пренцлауэр-аллее (*нем.* Prenzlauer Allee) – крупнейшая улица района Пренцлауэр-Берг, расположенного в центре Восточного Берлина.

[31] Так в тексте.

[32] «<...> Кроме фильмов и поездок по другим местам в командировках или же, редких теперь, визитах в Берлин – никакой отрады. Танцевать я не умею, а учиться не у кого и негде – это мое большое горе. В кафе и ресторанах бываю редко, на танцах еще реже. Есть красивые и неглупые немки, но они не в силах покорить мое сердце, и я их почти не замечаю, хотя, как только захожу куда-либо в ресторан или кафе, да и просто на улице – все взоры на мне, так, что даже смешно и неловко (мое откровение далеко от скромности, но не пойми меня превратно, ведь я не хочу и не умею хвалиться, а от фактов не убежишь), и не радость это моя, а мучение в этом» (Из письма Вл. Гельфанда родным 17 февраля 1946 г.).

[33] Описка, вероятно: от окружающих немочек.

[34] Описка, вероятно: прочат.

[35] Речь Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. [*Сталин И.* Сочинения. Т. 16, ч. 1 (сентябрь 1945 – декабрь 1948). М., 2011. С. 198–212].

[36] *Сталин И.* Сочинения. Т. 16, ч. 1 (сентябрь 1945 – декабрь 1948). М., 2011. С. 201.

[37] Вл. Гельфанд изобразил показатели в виде таблицы, в тексте выступления они приводятся иначе [*Сталин И.* Сочинения. Т. 16, ч. 1 (сентябрь 1945 – декабрь 1948). М., 2011. С. 204–205].

[38] *Сталин И.* Сочинения. Т. 16, ч. 1 (сентябрь 1945 – декабрь 1948). М., 2011. С. 210.

[39] Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», учрежденная указом Президиума ВС СССР от 9 мая 1945 г. На лицевой стороне медали было помещено изображение Сталина.

[40] С 6 сентября 1940 по 1946 г. А. Я. Вышинский (1883–1954) занимал пост первого заместителя наркома иностранных дел СССР. В январе 1946 г. возглавлял

делегацию СССР на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, о выступлениях на которой и пишет Вл. Гельфанд.

[41] В 1930–1939 г. М. М. Литвинов (1876–1951) занимал пост наркома иностранных дел СССР (затем на этом посту его сменил В. М. Молотов). С началом войны возвращен к дипломатической работе. В 1941–1946 гг. – заместитель наркома иностранных дел СССР. В 1941–1943 гг. – посол СССР в США, в 1942–1943 гг. – посланник СССР на Кубе.

[42] «<...> Вышинского за его ум и смелость люблю, как родного и даже крепче, ведь только подумай, что он там делает, в Генеральной Ассамблее, как он виртуозно сильно ворочает умами – какими умами! – и доводы его остаются неоспоримыми! Нет, он похлеще Литвинова!» (Из письма Вл. Гельфанда матери 21 февраля 1946 г.).

[43] «<...> Внешне дома уродливы и мрачны, скучно обозревать немецкие населенные пункты – они все похожи, как близнецы. Но изнутри квартиры отлично и комфортабельно оборудованы, хотя однотипны по своему устройству. Деревни каменные, много церквей, но редко встречались мне священнослужители. Улицы, дороги мощеные. Всюду электричество, железные дороги и железнодорожные станции. Но все не удивляет и не ласкает взора» (Из письма Вл. Гельфанда матери 21 февраля 1946 г.).

[44] Здесь и далее описка, вероятно: борются.

[45] День рождения Вл. Гельфанда.

[46] «<...> Газеты проглатываю как свежий вечерний воздух» (Из письма Вл. Гельфанда матери 21 февраля 1946 г.).

[47] 5 июля 1945 г. – впервые после 1935 г. – в Великобритании состоялись Парламентские выборы. Сенсационную победу с большим перевесом над своими главными конкурентами-консерваторами одержали представители партии лейбористов во главе с Клементом Эттли (1883–1967). Действующий премьер-министром Уинстон Черчилль (1874–1965), возглавлявший страну в годы Второй мировой войны, был вынужден уйти в отставку, а Эттли заменил его на Потсдамской конференции.

[48] В 1945–1946 гг. Индию охватили массовые выступления, направленные против англичан и выдвигавшие требование их ухода из страны. Они были спровоцированы в значительной мере давлением ведущих политических партий и тяжелейшей экономической ситуацией в стране. После Второй мировой войны СССР был заинтересован в изменении режима управления Сирией, Ливаном, а также бывшими итальянскими колониями в Африке. В сентябре 1945 г. Сталин потребовал подкрепить статус великой державы протекторатом СССР над Ливией, что вызвало большие волнения на Западе, а также в самой Ливии. В результате оккупации в 1941–1944 гг. экономика Греции была разрушена, десятки тысяч гражданских лиц погибли вследствие репрессий со стороны нацистов и коллаборационистов, а также от голода. 17 августа 1945 г. в Индонезии началась война за независимость, продолжавшаяся до 1949 г.

[49] Имеется в виду Ассамблея недавно созданной Организации Объединенных Наций (Устав ООН был подписан 26 июня 1945 г. представителями 51 государства и вступил в силу 24 октября 1945 г.).

[50] Бевин Эрнст (1881–1951), британский профсоюзный и государственный деятель. В лейбористском правительстве К. Эттли стал министром иностранных

дел и вместе с ним участвовал в Потсдамской конференции руководителей трех держав. Был сторонником сохранения Британской империи и жесткой внешней политики. Стремясь предотвратить советскую экспансию в Европу, работал в тесной связи с США и поддержал план Маршалла по восстановлению разрушенной войной экономики стран Европы.

[51] Русская народная песня «Ах вы, косы, да косы русые».

[52] Вероятно, имеется в виду песня «Дунай голубой» (музыка А. Долуханяна; слова С. Смирнова): «Дунайские волны, матросский поход – / Дорога к победе на запад ведет. / Нам песня твердила – Дунай голубой, / А мы его серым видали с тобой».

[53] Бирнс Джеймс Фрэнсис (1882–1972), американский государственный деятель. Член американской делегации на Ялтинской конференции. В 1945 г. после смерти Рузвельта президент Трумэн назначил Бирнса государственным секретарем (занимал этот пост до 1947 г.). Играл важную роль на Потсдамской и других послевоенных мирных конференциях. Считается, что среди советников Трумэна Бирнс был главным сторонником ядерной бомбардировки Японии.

[54] Поездка в Берлин была связана с очередной командировкой.

Н. К.О.
ВОЙСКОВАЯ ЧАСТЬ
ПОЛЕВАЯ ПОЧТА 75207
12 марта 1946 г.
№ 14–2

КОМАНДИРОВОЧНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ
Лейтенанту Гельфанду В. Н. в/ч п/почта 75207.
С получением сего предлагаю вам отправиться в гг. Берлин, Потсдам для выполнения служебного задания.
Срок командировки – два дня, с 13 марта 1946 г. по 15 марта 1946 г.
ОСНОВАНИЕ: Приказание командира части.
КОМАНДИР ВОИНСКОЙ ЧАСТИ
ПОЛЕВАЯ ПОЧТА 75207
ПОЛКОВНИК Нотэй-Голенко.

[55] Вэльтаг – акционерное общество по производству печей и керамики. Главная фабрика находилась в г. Вельтен. С 1945 г. филиалы этой фабрики начали появляться в Берлине, Биттерфельде, Бреслау, Гамбурге и др.

[56] Фултонская речь (*англ.* Sinews of Peace) – речь, произнесенная 5 марта 1946 г. Уинстоном Черчиллем в Вестминстерском колледже в Фултоне (США, штат Миссури), положившая формальное начало «холодной войне». В интервью, опубликованном в газете «Правда» 14 марта 1946 г., на вопрос о том, как он расценивает речь, произнесенную в Фултоне, Сталин ответил: «Я расцениваю ее как опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество».

[57] «Актриса» (1943; режиссер Л. Трауберг; в главных ролях: Г. Сергеева и Б. Бабочкин) – мелодрама военного времени по сценарию Н. Эрдмана и М. Вольпина.

[58] «Тахир и Зухра» (1945; режиссер Н. Ганиев) – мелодрама по мотивам легенды об истории любви сына простого воина Тахира к дочери хана Зухре.

[59] В письме, написанном месяцем ранее, 17 февраля 1946 г., Вл. Гельфанд сообщал родным:

<...> Живу я в небольшом немецком городе. Здесь два кинотеатра и один театр драмы – нечто полуклуб-полуресторан. Кино смотрю часто. Здесь вошли в моду русские фильмы, и поэтому за границами Родины мне посчастливилось увидеть некоторые нашумевшие повсюду фильмы, о которых, в силу своей былой <...> замкнутости и нелюдимости, я знал понаслышке и по прочтенным в газетах на них рецензиям. Такими, увиденными мной здесь, явились: «Музыкальная история», «Тахир и Зухра» и, кажется, «Большой вальс» – очень трогательные.

Отношение к родным кинофильмам и прочим произведениям искусства, к живописи, у нас, годами разлученными с Родиной, – совсем особенное, необъяснимое. Поэтому каждая русская книга, портрет писателя в газете, ученого, открытка почтовая, даже перышко канцелярское – мне роднее и ближе, чем когда-то до войны в Днепропетровске. Кинофильмы на немецком языке: и записи, и песни – только игра артистов и мелодия музыки наша родная. И все же приятно видеть то, что никогда ни в каком переводе не перестанет быть нашим, советским <...>.

[60] Через три дня история повторилась:

[25.03.1946]
От пом[ощника] нач[альника] транспортного отдела
Базы материалов и оборудования
Лейтенанта Гельфанда В. Н.
Начальнику Базы материалов и оборудования
майору Скоркину

Рапорт

Считаю должным довести до Вашего сведения факт возмутительного поведения старшего лейтенанта Полоскина в офицерском общежитии Базы в ночь на 24 марта сего года.

К старшему лейтенанту Полоскину обратился помощник дежурного по второму батальону, младший сержант, с просьбой дать сведения о погрузке. Я был в коридоре – искал дежурного старшего лейтенанта Сергеева, стучался к нему в комнату. Заметив меня, Полоскин, вместо того чтобы ответить по существу на служебный вопрос и дать необходимые сведения, решил одновременно поиздеваться и надо мной и над совершенно сторонним человеком, младшим командиром, заявил ему, пальцем указывая в мою сторону: «Вон лейтенант Гельфанд, помощник дежурного, к нему и обратитесь!»

Младший сержант подошел ко мне. «Знаете что, товарищ младший сержант, – сказал я ему, – доложите своему начальнику, что старший лейтенант Полоскин ввел вас в заблуждение – я не помощник дежурного и сведений вам дать не могу».

Тогда, не взирая на присутствие военнослужащего из другой части, Полоскин подошел ко мне, толкнул меня, вызывая на драку, и заявил громогласно, что он «уже давно собирается некоторым лицам морду набить», и мне в том числе, и что теперь настал благоприятный момент «поговорить». Он был пьян, и потому я предложил поговорить завтра, посоветовав лечь спать. Но Полоскин

не унимался: «Ты кто? Нерусский? Работать по-русски не можешь? Кто ты?» «Я еврей, – ответил, – но этот вопрос ни к чему, и было бы полезней, если бы вы лучше серьезно и по-деловому поговорили с пришедшим к вам товарищем».

Вышел Сергеев. Я стал с ним разговаривать, но Полоскин и здесь мешал разговору своими дикими, режущими слух ругательствами. На шум вышел майор Костюченко, но и его присутствие не повлияло на Полоскина, и он прибег к еще более неразумным поступкам: «Я приказываю тебе удалиться!» – Я не отвечал. Тогда он выразился еще более недостойно, если учесть, что был он пьян: «Видишь мои погоны? Я, старший лейтенант, приказываю, как старший, уйти из помещения! Вы уважаете меня как старшего лейтенанта?»

Это было уже слишком. Я ответил, что уважаю старшего лейтенанта Сергеева и всех товарищей выше меня по званию, готов почитать и приветствовать их, но выпившего старшего лейтенанта Полоскина в данный момент склонен не уважать.

«Товарищ майор! – завопил на весь барак Полоскин, – разрешите дать ему по морде!» Майор Костюченко, конечно, не разрешил и приказал мне зайти в комнату, что я и исполнил.

P. S. Подобные дебоши с выпивкой, да и еще и с мордобоями, старший лейтенант Полоскин устраивает не впервые. Так, два дня тому назад, побив ряд офицеров (в том числе, старших по званию, на которое он любит так часто ссылаться), Полоскин не вполне удовлетворился, тем не менее, и пришел, как он выразился, «поколотить» и меня. Я не стал вдаваться с ним в рассуждения и ушел к себе в комнату, предоставив ему полную возможность вдоволь наругаться за дверью отборными словами матерщины. При этом присутствовал дежурный по части старший лейтенант т[оварищ] Захаров.

Таким образом, получается старая история, имевшая место со старшим лейтенантом Гайдамакиным, но на новый лад, так как главное действующее лицо во всех очередных дебошах – старший лейтенант Полоскин.

Лейтенант Гельфанд.

[61] «Вертушка» – разговорное название закрытой системы телефонной связи (партийной, правительственной, военной) в СССР.

[62] Глёвен (*нем.* Glöwen) – город, расположенный к северо-западу от Берлина. В настоящее время – город Платтенбург (*нем.* Plattenburg).

[63] Sägewerk (*нем.*) – лесопильный завод.

[64] Описка, вероятно: к лучшему!

[65] Науэн (*нем.* Nauen) – город, расположенный в 38 км к западу от Берлина и в 26 км к северо-западу от Потсдама.

[66] Шёнхаузер-аллее (*нем.* Schönhauser Allee) – улице Берлина, расположенная на севере центральной части города и плавно переходящая в Берлинер Штрассе (*нем.* Berliner Strasse).

[67] Плохая организация работы и недовольство Гельфандом не помешали премированию его трофейным велосипедом:

НКО–СССР
ВОЙСКОВАЯ ЧАСТЬ
П. П. 75207–Ж
1 апреля 1946 г.
№ 5

СПРАВКА

Выдана настоящая лейтенанту Гельфанду Владимиру Натановичу в том, что за примерную дисциплину и отличные показания в боевой и политической подготовке он премирован велосипедом.

Велосипед является его собственностью.

Что и удостоверяется.

КОМАНДИР ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ
ПОЛЕВАЯ ПОЧТА 75207–Ж
ИНЖЕНЕР–МАЙОР Скоркин.

[68] Виттенберг (*нем.* Wittenberg) – город, расположенный на р. Эльбе в 100 км от Берлина и в 70 км от Лейпцига.

[69] «Зингер» (*англ.* Singer Corporation) – американская корпорация, занимающаяся производством военной техники, а также швейных машинок, электроприборов, двигателей, мебели и др. С конца XIX в. в Виттенберге был открыт филиал этой фирмы.

[70] Кёпеник (*нем.* Köpenick) – район Берлина, расположенный на юго-востоке города. До 1920 г., когда Кёпеник стал частью Берлина, являлся независимым городом.

[71] Начиная с 1945, К. Г. Паустовский работал над автобиографической «Повестью о жизни». В 1946 г. в издательстве «Детгиз» вышла первая (из шести) часть этой книги – «Далекие годы» – с иллюстрациями художника Б. А. Дехтерева.

[72] Плескачевский Ефим Иванович (р. 1896), подполковник, начальник 5-го трофейного отдела 3-й армии. В 1918–1922 – участник Гражданской войны. Принимал участие в Отечественной войне с сентября 1941 г. Награжден медалью «За оборону Москвы» и орденом Красной Звезды (июль 1945 г.).

[73] Согласно «Положению о трофейных органах, частях и учреждениях Красной армии» от 28 апреля 1944 г. трофейные органы подразделялись на Главное управление трофейного вооружения Красной армии при Трофейном комитете ГКО, Управления трофейного вооружения фронтов, отделы трофейного вооружения армий, в войсках – на трофейные отделения корпуса, дивизии и бригады. См. также прим. 154 (1945).

[74] О необходимости отчитываться (оправдываться) перед начальством свидетельствует документ, сохранившийся в семейном архиве:

Товарищ подполковник!

Отвечаю на затронутые Вами вопросы:

1. К исходу дня 23.04. было заготовлено для нас 22 барабана. Сегодня будет выпущено из производства мастерской не меньше. Таким образом, даже при наличии перевыполнения нормы выработки за два дня работы я могу оперировать в пределах 42–45 штук. 72 барабана для 12 студебеккеров [*«Студэбейкэр» (Studebaker) – трехосный грузовой автомобиль фирмы Studebaker Corporation, выпускавшийся в 1941–1945 гг. Самое массовое транспортное средство, поставлявшееся Советскому Союзу по ленд-лизу. Отличался повышенной проходимостью и грузоподъемностью по сравнению с советскими грузовиками того времени. – Примеч. ред.*] – цифра непостижимая.

2. 25 барабанов накануне немецкой Пасхи отпустили по вашей записке хозяйству Доронина, причем восемь штук выкатил из цеха, дабы не отправлять машины незагруженными.

3. В отношении сварки вы достаточно осведомлены; тем не менее в разговоре с тем самым майором, «моим братом», выяснилось, что он может достать сварочный аппарат. С ним нужно договориться.

4. Нарезка болтов теперь доведена ежедневно до 200 штук и больше.

5. Существующая угроза не только обусловлена отсутствием материала для гаек, но и, с другой стороны, отсутствием гвоздей, необходимых заводу, – длиной не более 9-10 сантиметров и не менее 8 см. Привезенные нами гвозди очень толстые и стальные. Гнуть их нельзя.

6. Специалистов-плотников очень трудно подобрать, но на бирже труда обещали предпринять все возможное, чтобы их нам дать. Вчера получился даже конфуз на почве этого. Одного специалиста сняли с другой работы и направили сюда. Последовал запрос с центральной комендатуры. Капитан из районной комендатуры долго оправдывался (я как раз был там), ссылаясь на то, что биржа труда сделала это без его ведома. Нам дают десять специалистов и десять чернорабочих. Майор Меньшенин доволен: скорей давайте, пусть и не специалисты.

7. На материалы у майора подал заявку. Он еще с вами хочет договориться насчет взаимных выгод, извлекаемых нашими частями.

Условия работы такие:

а) материал будет нами доставлен в срок, причем необходим эскизик молотков за подписью набросавшего его офицера.

б) оплата будет произведена наличными по предъявленному нам счету.

г) срок выполнения заказа – месяц, но при некоторых обстоятельствах может быть ускорен, а именно: майору нужны бензин, двое мастеров (я обещал для него доставить с биржи труда) от имени его части.

Материал для молотков и проч., а также для болтов есть в одном месте, известном майору – 60 километров отсюда. Нужна машина.

[75] Трептов (*нем.* Treptow) – округ на юго-востоке Берлина.

[76] Адлерсхоф (*нем.* Adlershof) – район Берлина, с 2001 г. входящий в состав округа Трептов-Кёпеник.

[77] Опера Дж. Верди.

[78] Описка, вероятно – с Диной.

[79] См. прим. 8 (1942).

[80] Бисдорф (*нем.* Biesdorf) – юго-западный район Берлина.

[81] В семейном архиве сохранились фрагменты записей (вероятно, черновики докладных записок) о возникших у Вл. Гельфанда производственных проблемах:

[..].05.1946

Насчет гаек договорился. Нужна машина, чтобы привезти материал и деньги для оплаты по предъявленному счету.

Барабаны уже второй день не забирают, и мне приходится буквально сторожить у окна и у ворот. Так не годится – нужно все-таки знать, когда приедут машины, ведь человек я, а не цепной пес, и вольно мне отлучиться после работы, отдохнуть в парке или пойти в кино.

В наличии 40 барабанов.

Гельфанд.

03.05.1946

Шесть часов вечера. Устал ждать. За барабанами никто не приезжает, а я превратился в охранника и даже в праздники сторожил у ворот завода. Хочу еще раз довести до вашего сведения.

Материал, необходимый для гаек, нашел на одном заводе в семи километрах отсюда. Его остается выкупить (деньги!) и привезти (машина?). Сегодня к вечеру на заводе 120 барабанов.

Гельфанд.

[82] Мариендорф (*нем.* Mariendorf) – район Берлина, располагавшийся на юге центральной части города.

[83] Шёневайде (*нем.* Schöneweide) – железнодорожная станция, расположенная в округе Берлина Трептов-Кёпеник. Обслуживает районы Нидершоневайде и Обершоневайде.

[84] Райсдорф (*нем.* Reisdorf) – город, расположенный к юго-западу от Берлина.

[85] Трептов-парк (*нем.* Treptower Park) в Берлине, расположенный в восточной части города на берегу р. Шпрее. В 1946–1949 гг. в парке был установлен знаменитый монумент Воину-освободителю. Здесь было захоронено 5 тыс. советских солдат, павших во Второй мировой войне.

[86] См. прим. 53 (1941).

[87] Грюнау (*нем.* Grünau) – район Берлина, расположенный в восточной части города. Входит в состав округа Трептов-Кёпеник.

[88] Веймар (*нем.* Weimar) – город, известный, в первую очередь, как один из культурных центров Германии. В нем жили И. В. Гёте, Ф. Шиллер, Ф. Лист; хранятся архивы Ф. Ницше, Гёте и Шиллера; расположен университет строительства и художественного конструирования Баухауз. В 1937 г. неподалеку от города была создан концентрационный лагерь Бухенвальд. После окончания войны здесь был организован лагерь для интернированных.

[89] Апольда (*нем.* Apolda) – город в центрально-восточной Германии, в настоящее время входит в состав федеральной земли Тюрингия, в состав района Веймар. На возвышении в южной части города стоит родовой замок графов Фицтум, предки которых назывались апольдскими владетелями. По смерти последнего Фицтума Апольдской линии в 1631 г. герцоги Саксен-Веймарский и Саксен-Альтенбургский подарили в 1633 г. замок и имение со всеми их правами Иенскому университету, который до настоящего времени владеет ими.

[90] Имеется в виду Тюрингский лес (*нем.* Thüringer Wald) – горы средней высоты в земле Тюрингия (центрально-восточная Германия). Длина горной гряды – около 150 км, ширина – до 35 км. Самая высокая точка – 982 м.

[91] Лейпциг расположен в 150 км к югу от Берлина. Известен своими университетами и ярмарками. В сентябре–декабре 1933 г. в Лейпциге проходил организованный нацистскими властями судебный процесс над обвиняемыми в поджоге Рейхстага.

[92] О ком идет речь, установить не удалось. В журнале «Знамя» также не была обнаружена рецензия на произведения Никитина. Возможно, Вл. Гельфанд что-то спутал, и речь идет о ком-то другом.

[93] Ангальтский вокзал (*нем.* Berlin Anhalter Bahnhof) – берлинский вокзал, расположенный в районе Тиргартен (*нем.* Tiergarten), округ Митте (*нем.* Mitte). Конечная станция железнодорожной линии, проложенной через землю

Ангальт, от которой произошло его название. Во время Второй мировой войны вокзал был почти полностью разрушен, особенно после авианалетов союзной авиации 3 и 26 февраля 1945 г. Уцелевший фрагмент фасада сохранен как памятник.

[94] Галле (Халле, *нем.* Halle (Saale)) – город на р. Зале, расположенный в 35 км от Лейпцига.

[95] «Der Kurier» – ежедневная газета, выпускавшаяся с 1945 г. французскими оккупационными властями в Берлине. Изначально это было еженедельное издание для немецких военнопленных, находившихся во Франции.

[96] Речь идет о территориях, включенных в состав СССР в 1939–1940 гг. в результате соглашений между СССР и Германией – секретного дополнительного протокола, который прилагался к договору о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г. (пакт Молотова – Риббентропа) и советско-германского договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.: Западная Украина и Западная Белоруссия формально были включены в состав СССР 1 ноября 1939 г.; в результате советско-финской войны 1939–1940 гг. Советский Союз приобрел около 40 тыс. км^2 финских территорий, в т. ч. Карельский перешеек и Западную Карелию, в результате чего граница была отодвинута от Ленинграда более чем на 100 км; Румыния была вынуждена передать СССР Бессарабию и Северную Буковину по его требованию в июне 1940 г.; Эстония, Латвия и Литва были включены в состав СССР в июле–августе 1940 г.

[97] Западная Армения входила в состав Османской империи с XVI в., после ее распада (с 1923 г.) – в состав Турции. В период Первой мировой войны в 1915–1916 гг. русские войска заняли большую часть территории Западной (Турецкой) Армении (район озера Ван; города Ван, Эрзурум, Трапезунд, Эрзинджан), но после Октябрьской революции были вынуждены покинуть ее.

[98] Лейка камера (*нем.* Leica Camera AG; «Leica» – сокращение от «Leitzsche Camera» – Лейтцовская камера, по имени предпринимателя Эрнста Лейтца) – немецкая компания, специализирующаяся на выпуске оптических систем и приборов точной механики. Основана в 1849 г. Разработкой фотоаппаратов занимается с 1913 г., производит их серийно с 1925 г.

[99] Вопросы по командировке возникли две недели спустя, когда Вл. Гельфанд уже находился в госпитале, о чем свидетельствует документ, сохранившийся в его архиве:

ПОМОЩНИКУ КОМАНДИРА БРИГАДЫ по МТО

Доношу, что предполагаемый к отгрузке пиломатериал подготовлен для погрузки в количестве.

На погрузочных площадках Орудийно-пулеметного завода 600 куб. метров,

На заводе ДОШЕР 400 куб. метров.

Одновременно доношу, что на вывозку пиломатериала с Кремменских заводов на территорию Базы не имеется автотранспорта. Подвоз пиломатериалов вертушкой не может быть осуществленным ввиду пуска электрички по маршруту Берлин – Геннигсдорф – Вельтен.

Прошу вашего распоряжения о выделении автотранспорта для вывозки пиломатериалов с Кремменских заводов на Базу.

На ваш запрос о выплате денег за изготовленный инструмент В. Ч. п.п. 41757 для нужд бригады База оборудования и материалов справки дать не может ввиду того, что расплата производилась непосредственно интендантским отделом Бригады, и наш представитель лейтенант Гельфанд находился под непосредственным руководством Бригады.
Сведения о полученном и оприходованном инструменте высылаю на трех листах.
Лейтенант Гельфанд в настоящее время находится на излечении в госпитале.
ПРИЛОЖЕНИЕ: Упомянутое на трех листах.
Начальник Базы оборудования и материалов 21-й ОТБ
Капитан Юрьев.

На этот документ была наложена резолюция, адресованная капитану Юрьеву: М[ладший] лейт[енант] Гельфанд работал не от Интендантского отдела, а от вашей Базы. И вы им руководили. Требую проверить производство расчета с вашей частью и доложить, когда и какая сумма была оплачена против счетов.

[100] Данненвальде (нем. Dannenwalde) – город, расположенный к северу от Берлина.

[101] Нойштрелиц (*нем.* Neustrelitz) – город, расположенный к северо-западу от Берлина.

[102] Фюрстенберг (*нем.* Fürstenberg) – город, расположенный в 80 км к северу от Берлина на р. Хафель. С мая 1939 г. до конца апреля 1945 г. в деревне Равенсбрюк, которая позже стала частью города Фюрстенберг, существовал крупнейший женский концентрационный лагерь Третьего рейха.

[103] Гранзее (*нем.* Gransee) – город, расположенный в 20 км к югу от Фюрстенберга и в 55 км к северо-западу от Берлина.

[104] В книге «Воспоминания о Ленине» Н. К. Крупская пишет, как читала мужу вслух рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни» во время его последней болезни, незадолго до смерти: «Ильичу рассказ этот понравился чрезвычайно. На другой день просил читать рассказы Лондона дальше...» Следующий рассказ («Потомок Мак-Коя»), вспоминает Крупская, оказался, однако, совершенно другим, «пропитанным буржуазной моралью» – Ленину он совсем не понравился.

[105] Старый-добрый Гермендорф (*нем*). Гермендорф (*нем.* Germendorf) – город, расположенный к северо-западу от Берлина, к западу от Ораниенбурга. В настоящее время – часть г. Ораниенбурга.

[106] Грюнеберг (*нем.* Grüneberg) – город, расположенный к северо-востоку от Креммена и к северу от Ораниенбурга.

[107] Тегель (*нем.* Tegel) – один из районов Берлина (западно-центральная часть города).

[108] Буж или дилататор – инструмент для исследования и расширения трубчатых органов (мочеиспускательного канала, пищевода и др.).

[109] Берлин-Осткройц (*нем.* Berlin Ostkreuz) – один из восточных районов Берлина.

[110] Райникендорф (*нем.* Reinickendorf) – административный округ Берлина, который находился во французском секторе Западного Берлина.

[111] Schmeckt gut (*нем.*) – вкусно пахнет.

[112] Сохранились расчеты Вл. Гельфанда стоимости перевозимых грузов, датированные тем же числом, а также черновик рапорта с разоблачениями «разгильдяйства» начальника Базы материалов и оборудования, написанный на следующий день:

Расчет.

На стоимость 500 барабанов для кабеля высокого напряжения кабельным заводом «Фогель» (Берлин-Кёпеник) для в/ч пп 75207 на основании соглашения от 8 апреля 1946 года.

1. Общая стоимость 500 барабанов – 85 000 дм [*дойче марок*].
2. Стоимость работы фирм «Шпун и Геккер» по изготовлению втулок и болтов – 6775 дм.
3. Стоимость материалов, поставленных в/ч пп 75207 кабельному заводу «Фогель» – 72 859 дм.
4. Оставшаяся задолженность заводу «Фогель» со стороны в/ч пп 75207– 18 916 дм.
5. Стоимость 1 м^3 досок – 90 дм.
6. Стоимость оставшейся задолженности в переводе на доски – 210 м^3.

Помощник начальника транспортного отдела Базы материалов и оборудования 21 транспортной бригады лейтенант Гельфанд.

Помощнику командира Бригады по МТО

Подполковнику Плескачевскому

РАПОРТ

Настоящим довожу до Вашего сведения, что принятые согласно накладных от отдела механизации в/ч 41757 инструменты, перевезенные на Базу материалов и оборудования лейтенантом Локшиным, брошены им на территории дислокации Базы. Передача их на склад документально не оформлена, согласно утверждению начальника первого склада капитана Модолевского. Ни на Базе, ни в управлении бригады соответствующих актов и прилагаемых ниже накладных не обнаружено.

При подсчете наличия инструментов недостает пять слесарных зубил и 21 пробойника, которые ценой усилий начальника склада № 1 были найдены на различных заводах.

Прилагаю копии накладных.

25.07.1946 г.

Лейтенант Гельфанд.

[113] Нойруппин (*нем.* Neuruppin) – город, расположенный к северо-западу от Берлина, рядом с озером Руппинер-Зее.

[114] Возможно, речь идет о получении справки на радиоприемник (сохранилась в домашнем архиве).

[23.08.1946]

СПРАВКА

Выдана настоящая лейтенанту Гельфанду Владимиру Натановичу в том, что согласно Постановлению Государственного комитета обороны за №-9035 от 9 июня 1945 года им приобретен приемник за наличный расчет.

Деньги в сумме 400 марок внесены в финансовую часть воинской части полевая почта 75207–Ж.

Приходный ордер №-1983 от 23 августа 1946 г.
КОМАНДИР ВОИНСКОЙ ЧАСТИ
ПОЛЕВАЯ ПОЧТА 75207–Ж
КАПИТАН Юрьев
НАЧАЛЬНИК АХЧ ЧАСТИ
КАПИТАН Куренков.

[115] «<...> Дорогой, родной и любимый Володичка! <...> Сегодня я вспомнила, как ты пел в Бердянске "ой, роты, роты, давай пулеметы", тебе тогда было 3–4 года. Когда тебе было лет 10, ты пел "вернись, я все прощу", а мама твоя сильно переживала, что песня не по возрасту, мне же очень нравилось и доставляло удовольствие. Когда я тебе привезла барабан – ты один, малюсенький мальчик, занимал и веселил всех. Как жаль, что все это ушло безвозвратно» (Из письма тети Ани Вл. Гельфанду от 15 февраля 1945 г.).

[116] Какой? – А тот, что купается (*укр.*).

[117] Синюха – река на юге Украины, левый приток Южного Буга, впадает в него в районе в г. Первомайск. Протекает по Приднепровской возвышенности в Новоархангельском и Ольшанском районе Кировоградской области и Первомайском районе Николаевской области Украины.

[118] Новоархангельск – поселок городского типа в Кировоградской области Украины. В настоящее время – районный центр Новоархангельского района.

[119] Вл. Гельфанд просил дать разрешение на отпуск и ранее. В семейном архиве сохранились черновики написанных в связи с этим рапортов:
[Апрель 1946 г.]
От пом[ощника] нач[альника] транспортного отдела
Базы материалов и оборудования
лейтенанта Гельфанда В. Н.
Начальнику
Базы материалов и оборудования
майору Скоркину

Рапорт
Ввиду тяжелого материального положения моих родителей, лишенных в результате войны крова, имущества и к тому же находящихся в разных городах, прошу вашего ходатайства о разрешении мне в ближайшие сроки (май, июнь) очередного отпуска на Родину, дабы я мог устроить жизнь отцу и матери, так сильно нуждающимся в моей помощи на месте.
Более пяти лет я не виделся с родными, столько же не был на Родине. Сейчас, после окончания войны, в которой я принимал участие на передних линиях боев, был ранен, не жалел сил и средств для победы, я вправе рассчитывать на удовлетворение моего законного желания.
л-т Гельфанд.

Прошение не было удовлетворено и было повторено в рапорте от 30 июля 1946 г. на имя начальника штаба 21-й трофейной бригады:
<...> Крайне необходимо повидаться с родными, облегчить их старость (они <...> живут в разных городах, бедствуют и страдают в разлуке со мной). У отца все братья и сестры, мать и племянницы умерщвлены в душегубке немецкими

оккупантами – он совершенно одинок; мать нуждается в курорте и в наблюдении больших специалистов, так как находится на краю гибели.
Прошу предоставить мне возможность хотя бы за мой счет, хотя бы на одну-две недели попасть на Родину.
К настоящему прилагаю письмо матери. При необходимости предоставлю справку врача о состоянии ее здоровья. <...>

20 августа 1946 г. Вл. Гельфанд снова пишет рапорт с просьбой об отпуске:
Товарищ полковник!
Ввиду того что рапорт с ходатайством о предоставлении мне отпуска и с указанием неотложных причин, вынудивших меня просить отпуск немедленно, <...> не встретил надлежащего рассмотрения со стороны начальника Базы материалов и оборудования капитана Юрьева и фактически оказался упрятанным под сукно <...>, считаю нужным обратиться с рапортом лично к вам <...>. <...> В конце второго месяца со дня подачи рапорта, когда я <...> опять напомнил о рапорте, капитан Юрьев сказал, что из бригады не отвечают. Я решил узнать о судьбе моего рапорта лично, но в отделе кадров, куда я обратился за разъяснением, мне ответили, что рапорт мой ни разу за это время не встречали. Когда я доложил об этом начальнику Базы, он ошарашил меня своей неискренностью:
– Ваш рапорт у нас в канцелярии, я наложил на нем резолюцию «зачислить лейтенанта Гельфанда в график отпусков». Придет время – поедете.
– А как же тогда с вашими заверениями, которые вы мне давали прежде, что рапорт передан для рассмотрения командиру бригады и т. д.?
– Я этого не говорил.
Шло время, и я не знал, что предпринять дальше. Однажды, во время беседы с вами, вы посоветовали направить рапорт вам лично, что я и сделал, упустив предпосланное ему сейчас предисловие, в результате он был возвращен, а капитан Юрьев поспешил наложить на меня взыскание. <...>

Об отпуске хлопотали и родственники. В семейном архиве сохранилось письмо матери Вл. Гельфанда, адресованное Сталину, датированное 30 июня 1946 г.:
Дорогой Иосиф Виссарионович!
Пишет Вам мать офицера Красной армии полевая почта 75207–Ж, Городынская Н. В.
Мой единственный сын Владимир Гельфанд уже скоро пять лет находится в Красной армии. Он участник великих боев за освобождение нашей Родины от немецких агрессоров.
Война кончилась. Я надеялась, что он вернется и на старости лет мне поможет, но его даже в отпуск не пускают. Все время я от него скрывала, что больна, но теперь чувствую, что доживаю последние дни, сообщила ему и решила обратиться к Вам, родной Иосиф Виссарионович, с просьбой освободить его, чтобы еще хоть перед смертью увидеться с ним. Я совершенно одна. Никого из родных не имею. Кроме сына Владимира у меня никого нет.
К Вам, как к другу всего человечества, я обращаюсь и прошу дать возможность мне увидеть мое единственное дитя хоть перед кончиной.
Городынская Н. В.

[120] Панков (*нем.* Pankow) – один из районов Берлина (северо-восточная часть города). До 1920 г. был самостоятельным пригородом столицы Германии. В результате разделения Берлина на четыре оккупационных сектора между союзниками Панков оказался в составе Восточного Берлина.

[121] Так в тексте (в значении – стрелять).

[122] Пиллау (*нем.* Pillau; с 1946 г. – Балтийск) – город на берегу Балтийского пролива, соединяющего Калининградский залив с Балтийским морем, в 50 км к западу от Калининграда.

[123] Калининград (до 4 июля 1946 г. – Кёнигсберг). Вскоре после Потсдамской конференции Калининградская область была признана владениями Советского Союза.

[124] За три дня до этого, 23 августа 1946 г., Вл. Гельфанд уже подавал рапорт по поводу этих досок на имя начальника Базы материалов и оборудования капитана Юрьева:

<...> довожу до вашего сведения, что транспорт № 70/4041 в 36 вагонов с досками разных величин, который мне предложено сейчас сопровождать, <...> вынужден принять без подсчета количества лесоматериала в кубометрах и, хотя не снимаю с себя ответственности за перевозку содержимого, <...> насчет наличия его полностью не уверен.

[125] Руммельбург (*нем.* Rummelburg) – один из районов Берлина (северо-восточная часть города).

[126] Mein Enge, Mein Sonn (*нем.*) – мой ангел, мое солнце.

[127] Кириц (*нем.* Kyritz) – город, расположенный к северо-западу от Берлина.

[128] Вербиг (*нем.* Werbig) – город, расположенный к востоку от Берлина и к северу от Франкфурта-на-Одере.

[129] Лихтенберг (*нем.* Lichtenberg) – город, расположенный на востоке центральной части Германии.

[130] Штеттин (Щецин, *польск.* Szczecin; *нем.* Stettin) – после 1945 г. по решению Потсдамской конференции город перешел в состав Польши, хотя находится западнее р. Одер.

[131] Эберсвальде (*нем.* Eberswalde) – город, расположенный в 50 км к северо-востоку от Берлина.

[132] Вольгаст (*нем.* Wolgast) – город, расположенный на северо-востоке Германии на р. Пена, которая отделяет материк от о. Узедом. Таким образом, город находится частью на материке, а частью на двух островах, которые соединены между собой и материком четырьмя мостами.

[133] Каменец-Подольский – город в Западной Украине на р. Смотрич в Хмельницкой области. В настоящее время – административный центр Каменец-Подольского района (не входит в его состав).

[134] Свиноуйсьце (до 1945 г. – Свинемюнде) (*нем.* Swinemünde) – город, расположенный на северо-западе Польши, в Западно-Поморском воеводстве.

[135] Сельтерская вода – минеральная вода из источника Нидерзельтерс, известного с 1536 г. В дореволюционной России (и в других странах) сельтерской называли столовую минеральную воду или просто газированную воду, поэтому упоминание о ней вовсе не означает, что речь идет о воде из Германии, однако в данном отрывке речь идет, скорее всего, именно о ней.

[136] Гезундбруннен (*нем.* Gesundbrunnen) – один из районов в центре Берлина.

[137] Брест (*польск.* Brześć) – город в Белоруссии, расположенный при впадении р. Мухавец в Западный Буг, у государственной границы с Польшей. По результатам Ялтинской конференции Брест оказался на территории, включенной в состав БССР.

[138] Коростень – город, расположенный на р. Уж, в 87 км от Житомира и в 150 км от Киева. В 1941 г. Коростень был оккупирован немцами. Всего за 1941–1942 гг. в городе было убито свыше 6 тыс. евреев.

[139] Корсунь-Шевченковский (до 1944 г. – Корсунь) – город, расположенный на р. Рось (приток Днепра). В начале 1944 г. Во время Корсунь-Шевченковской операции была окружена и разгромлена 80-тысячная группировка немецких войск. Корсунь был освобожден 14 февраля 1944 г.

[140] Расположена недалеко от Днепродзержинска (Днепропетровская область, Украина).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абдулкадыров М. – 121, 614
Абдулов О. Н. – 704
Абдурахманов, лейтенант – 432
Абрикосов А. Л. – 722
Авденин, курсант – 181
Авраменко, лейтенант – 168, 170, 172
Авраменко, снайпер – 306
Авриенко, см. Авраменко
Агатов В. – 673
Акльбеков, боец – 105
Александр Невский – 339
Александров А. В. – 581, 646
Александров К. М. – 691
Александров, боец – 90
Алейников П. М. – 670, 683, 722
Алигер М. И. – 157, 624
Аликанов, полковник – 172
Альбер М. – 683
Альбертон М. И. – 36, 583
Аминов, военнослужащий – 283
Андерсен-Нексё М. – 119, 300, 382, 612
Андреев, старший сержант – 426, 427
Андреев А. И. – 196, 213, 222, 225, 226, 243, 244, 250, 254, 255, 633, 650, 651, 652
Андреев Б. – 673
Анисимов, капитан – 718
Анисимов Г. И. – 628
Аничка, см. Аня, двоюродная сестра В. Н. Гельфанда
Анищенко А. – 178, 181, 182, 185, 188, 237
Антонеску И. В. – 340, 674, 678
Антонов В. С. – 417, 442, 443, 698
Антюфеев, военнослужащий – 342, 347, 348, 350–352
Ануфриев, капитан – 516, 519, 523, 528, 567
Аня (Аничка), двоюродная сестра В. Н. Гельфанда, дочь П. С. Гельфанд – 39, 42, 51–53, 57, 586, 613, 614, 621
Аня, тетя В. Н. Гельфанда, см. Городынская А. В.
Аржанов, лейтенант, помощник начальника строевого отдела – 454, 458
Арнштам Л. О. – 584
Артунян, старший лейтенант – 201, 202, 205, 635
Арцишевский, см. Арчишевский
Арчишевский Т. (Arciszewski T.) – 382, 417, 685, 698
Асеев Н. Н. – 32, 581
Астангов М. Ф. – 628
Атуров, композитор – 711
Ащеулов Ф. М. – 673

Бабочкин Б. А. – 725
Бабушка, мать Н. С. Гельфанда – 36, 49, 50, 52, 57, 58, 88, 334, 379, 553, 583, 613, 614, 621, 715
Багрянов И. И. – 674
Бадальян, редактор газеты «Сальский большевик» – 622
Бадольо П. – 291, 660
Баерстанов, курсант – 179
Бажов П. П. – 157, 624
Байрамашвили, боец – 121, 122
Бакандыков, младший лейтенант – 207
Баранова К. – 355–358, 398
Баратынский (Боратынский) Е. А. – 33, 581
Барбелат Л. Ф. – 270, 271, 284
Барбюс А. – 56, 591
Бардониец, автор публикации во власовской газете – 404
Барков И. С. – 688
Бархударов (А. Н.?), лейтенант – 313
Баршева Л., см. Толстая Л. И.
Басистый Н. Е. – 607
Басюк П. И. – 262, 286, 287, 288, 289, 290, 306, 658, 659
Бася, см. Лившиц Б.
Бахандан, младший лейтенант – 192
Бахандыков О. Д.-Г. – 273, 647
Беба, см. Койфман Б. Д.
Бевзюк В. М. – 254, 649
Бевин Э. – 529, 724
Безносов, старший лейтенант – 411
Безыменский А. – 580

Бейлинов Ал. – 582
Бекасов, курсант– 177, 178, 186, 292, 295
Белокопытова М. – 33, 57, 120–122, 228, 241, 243, 254, 285, 294, 295, 303, 308, 309, 311, 655
Белосвет, курсант – 179, 181
Бенеш Э. – 417, 698
Березнев И. П. – 391, 402, 424, 686, 687, 693, 694
Берзарин Н. Э. – 341, 412, 440, 452, 679, 701
Берия Л. П. – 601, 618
Бернес М. Н. – 673, 683
Берта, см. Койфман Б. Д.
Берта, тетя В. Н. Гельфанда, см. Городынская Б. В.
Беспалов И. – 610
Беспарточная А. – 294
Бессарабов, сержант – 65, 74, 85, 88, 89
Бикандыков, комсорг полка – 254
Бирнс Д. Ф. – 725
Бирюков, командир расчета – 207, 212, 226
Благин, капитан – 414
Бобкин Л. В. – 596
Бобров, лейтенант – 186, 347
Богатский, военнослужащий – 191
Богословский Н. – 673
Боев, курсант – 178
Боевой Д., см. Демьян Бедный
Бойко М. – 294
Бойцов, майор – 406, 686, 688, 703
Бомарше П.-О.-К. – 435
Бондаренко, капитан – 335, 336, 342, 351
Бондовский, командир батальона – 207, 208
Борисов, старший лейтенант – 532
Боровко (Боровков), военнослужащий – 245, 252, 347, 385, 663
Бородин, капитан – 528
Бочишвили, снайпер – 306
Брагин, лейтенант – 236
Братеску К. – 616
Брежнев Л. И. – 27
Брик Л. – 610
Брусилов А. А. – 670
Бублик, боец – 391
Буденный С. М. – 590
Будницкий О. В. – 4, 7, 587
Бузя, см. Гельфанд Б. С.
Булатов, военнослужащий – 236, 246
Буняшин П. И. – 628
Бур, см. Коморовский Т.
Бурксер Л. В. – 273, 274, 332, 653
Бурлаков С. С. – 316, 327, 672, 673
Буткуль, знакомые В. Гельфанда – 150
Буховец В. – 294
Буш В. В. – 613
Быков В. – 4, 5

Вайнштok В. – 704
Ванда, знакомая В. Н. Гельфанда – 539–541, 542, 543
Варавин, капитан – 537
Варламов Л. – 628
Василевская В. Л. – 119, 157, 367, 612, 624
Василевский Л. Д. – 629
Василенко Е. И. – 603, 629
Васильев С. И. – 603
Васильев Х. – 659
Вассоль У. – 616
Ватутин Н. Ф. – 291, 660
Величко, боец – 608
Вергаев, полковник – 310
Верди Дж. – 729
Вересаев В. В. – 157, 452, 624, 707
Веречев В. Н. – 318, 673
Верт А. – 587
Викторовская Н. – 292, 308, 309, 325
Вишневский А. В. – 281, 654
Владимир Иванович, моряк, знакомый Дины Ленской – 543, 544, 547
Власов А. А. – 691
Вова, см. Гельфанд В. Н.
Вовочка, см. Гельфанд В. Н.
Володя, см. Гельфанд В. Н.
Волосевич В. О. – 466, 710
Вольпин М. Д. – 725
Вольф (Вульц) Г. – 616
Ворогина Т. – 28
Ворошилов К. Е. – 618, 645, 714
Ворошиловский, военнослужащий – 177
Вышинский А. Я. – 17, 526, 599, 723, 724

Габрилович Е. С. – 157, 624, 669, 670, 673
Гайдамакин, старший лейтенант – 502, 545, 727
Гайдукевич, боец – 696
Галай Н. З. – 291, 309, 310, 345, 361, 365, 381, 382, 443, 660
Галкин, старшина – 272
Галина (Галя), см. Селиверстова Г.
Галя, знакомая В. Н. Гельфанда – 319, 381–383, 443, 683, 685
Галя, жена И. В. Городынского – 37
Гандурина В. – 677, 678

Ганнибал А. П. – 513, 721
Гарин Э. П. – 719
Гарин-Михайловский Н. Г. – 673
Геббельс Й. – 404, 686
Гейне Г. – 300
Гельмер Г. – 659
Гельфанд А. В. – 25
Гельфанд Б. С. (тетя Бузя) – 37, 38, 41, 45, 57, 583, 584, 585, 592, 592, 593, 613, 614, 621
Гельфанд В. В. – 12, 20, 26, 27, 28, 582, 584
Гельфанд В. Н. – 4, 8–28, 50, 61, 65, 71, 82, 92, 98, 119, 121, 129, 169, 181, 182, 187, 296, 304, 313, 353, 356, 361, 388, 415, 419, 425, 432, 447, 455, 473, 474, 485, 500, 537, 547, 563, 565, 580–587, 589, 590, 591, 593–595, 597, 598, 601, 602, 606, 607, 608, 609, 611, 613–616, 618, 619, 621, 622, 624, 626, 627, 629, 630, 632, 633, 635–639, 641, 642, 646, 645, 652–663, 666–677, 680, 682, 683, 685, 686, 687, 688, 691, 692, 696–702, 704–709, 711–715, 717–736, 734
Гельфанд Г.В. – 25
Гельфанд И. С. (дядя Исак) – 39, 57, 76, 583, 586, 592, 613, 621
Гельфанд Л. С. (дядя Лева) – 45, 77, 106, 183, 255, 342, 583, 587, 592, 613, 614
Гельфанд Н. С. (папа) – 10, 11, 19, 25, 38, 42, 45, 49, 51, 57, 59, 72, 76, 97, 120, 122, 124, 126, 129, 131, 132, 147, 173, 174, 178–180, 182, 188, 191, 199, 211, 213, 220, 226, 228, 235, 237, 241, 243, 244, 248, 254, 255, 256, 257, 260, 261, 271, 273, 285, 290, 292, 294–296, 301, 303, 306–309, 311, 317, 320, 327, 332, 334, 337, 342, 345, 363, 380, 386, 398, 416, 425, 542, 543, 560, 583–587, 591–593, 613, 614, 621, 635, 642, 643, 655, 699, 708, 709, 708, 721, 734
Гельфанд О. – 27
Гельфанд П. С. (тетя Поля) – 36–38, 39, 41, 42, 46, 48, 49–51, 59, 80, 583, 586, 591, 593, 613, 614, 621
Генкин, подполковник – 488
Георгиев К. – 674
Герасименко В. Ф. – 187, 188, 632
Герасимов С. А. – 593, 683, 719
Герасимов, младший лейтенант – 187, 214, 217
Гержгорин, командир батальона – 340
Германов, младший лейтенант – 189
Гёте И.-В., фон – 407, 496, 546, 611, 692, 730
Гиков Р. – 669
Гиндин М. – 673
Гиппиус В. В. – 613
Гитлер А. – 38, 41, 42, 150, 167, 187, 215, 219, 238, 245, 300, 326, 339, 340, 381, 404, 442, 561, 587, 598, 599, 620, 621, 626, 640, 675, 686, 697
Гладков Ф. В. – 612
Гладов Л. И. – 135
Глянцев, боец – 10, 219, 220, 226, 237, 239, 240, 256
Говоруненко П. Д. – 629
Гоголь Н. В. – 471, 539, 582, 713
Голиков, лейтенант – 105, 119, 122
Голованивский С. Е. – 282, 654
Голодный М. С. – 48, 654
Голомага С. И. – 225, 243, 250, 641
Голубев, лейтенант – 267
Гончаренко, боец – 90
Гончаров И. А. – 114
Горбатов, военнослужащий – 261
Горбатов Б. – 701
Горбатько, боец – 264, 283
Гордиенко, боец – 391, 418, 419, 424, 693
Гореленко, боец – 13, 263
Горжий А. П. – 134, 137–139, 142, 143, 619
Горовцев П. И. – 176, 184
Городнянский А. М. – 596
Городынская А. В. – 38, 57, 58, 67, 77, 84, 89, 99, 106, 107, 117, 120, 122, 129, 180, 182, 183, 188, 211, 226, 233, 235, 241, 244, 248, 254–257, 260, 261, 266, 271, 272, 285, 290, 292, 294–296, 298, 301, 306–309, 311, 317, 340, 342, 346, 363, 398, 425, 585, 585, 592, 616, 655, 709, 715, 734
Городынская Б. В. – 112
Городынская Л. – 257, 256, 260, 261, 290, 301, 309, 311, 323, 332, 363, 398, 425, 655
Городынская Н. В. – 11, 20, 21, 34, 37, 38, 41–43, 45, 46, 48–51, 57, 58, 67, 69, 76, 77, 80, 84, 89, 99, 104, 106, 107, 116, 117, 120–122, 124, 126, 128, 129, 131, 132, 145, 147, 151, 152, 168, 173, 174, 178–180, 182, 191, 199, 211, 220, 226–228, 235, 237, 241, 244, 245, 246, 248, 252, 254, 255, 257, 258, 260, 261, 271, 272, 285, 290, 292–296, 303, 304, 306–309, 316–318, 330, 332, 334, 336, 337, 346, 348, 355, 363, 372, 381, 386, 398, 405,

408, 416, 417, 420, 425, 478, 486, 553, 560, 573, 574, 584, 590–593, 595, 597, 613, 614, 638, 642, 643, 654, 658, 659, 669, 676, 706, 709, 724, 734, 735
Городынский И. В. (дядя Люся) – 37, 43, 46, 48, 49, 76, 120, 180, 211, 226, 235, 250, 254, 257, 258, 260, 271, 294, 295, 301, 309, 311, 317, 345, 584, 655, 715
Городынский С. В. (дядя Сеня) – 38, 76, 291, 298, 306, 324, 585, 715
Горохов С. Ф. – 243, 289, 646, 659
Горчин, боец – 133
Горшков П. – 108, 109, 118, 120, 608, 609
Горький М. – 114, 152, 319, 390, 416, 580, 582, 610, 612, 622, 623, 654, 673, 723
Гостев, военнослужащий – 188
Гоус, старший лейтенант – 184
Грабилины, знакомые В. Н. Гельфанда – 527
Грек З. Н. – 311, 670
Грибоедов А. С. – 582
Гричин, старший лейтенант – 442
Гродинская З. – 295, 298
Губарец, старший лейтенант – 177, 181
Гужов, полковник – 449, 455, 457, 703
Гуревичи, знакомые В. Н. Гельфанда по Днепропетровску – 336
Гусев Б. Г. – 164, 168
Гусев В. М. – 470, 582, 713
Гусева И. – 355, 363, 416

Даниельсон Н. Ф. – 612
Даниэль (Даниэльс) А., фон – 616
Дваль, снайпер – 306
Де Голль, Ш.-А.-Ж.-М. – 291, 382, 417, 660, 685, 698
Дементьев, председатель исполкома Днепропетровского областного совета депутатов трудящихся – 305
Демьян Бедный (Придворов Е. А.) – 452, 706, 707
Деревьев, боец – 391, 396, 398, 403, 419, 421, 690, 698
Джамбул Джабаев (Жамбыл Жабаев) – 452, 706
Дидро Д. – 58, 593
Дикань А. П. – 603
Дикий А. – 673
Димитриу Р. – 616
Димитров, знакомый В. Н. Гельфанда – 519
Дина (Динка, Диночка), см. Ленская Д.
Дмитриев, боец – 169, 171
Дмитриев, майор – 184
Дмитриенко, красноармеец – 656
Добровольский В. – 683
Дожурнов, военнослужащий – 270
Докучаев, старший лейтенант – 236, 261
Долматовский Е. А. – 708
Долуханян А. – 725
Домбовский Г. – 254, 649
Дора, немецкая знакомая В. Н. Гельфанда – 534
Доронин, военнослужащий – 728
Достоевский Ф. М. – 114
Дребер (Дреббер) М., фон – 616
Дрейфус А. – 56, 591
Дроботун В. И. – 384, 685
Дрыгайт, старший лейтенант – 559
Дунаевская И. – 7
Дунаевский И. О. – 581, 623
Дыховичный В. А. – 417, 698
Дьяченко, боец – 226, 227, 266
Дюбуа (Дебуа) Г. – 616
Дюжилов Ф. И. – 682

Ева, тетя В. Н. Гельфанда, см. Штуль (Городынская) Е. В. – 46, 48, 50, 297, 582, 588, 589, 715
Егоренко, младший лейтенант – 68, 75, 95, 97
Екатерина I – 513, 721
Елизавета Петровна, императрица – 721
Елисеев, младший лейтенант – 322
Елистратов, полковник – 384
Емельянченко, знакомая матери В. Н. Гельфанда – 336
Емельянченко, семья (знакомые В. Н. Гельфанда по Днепропетровску) – 336
Епифанов, младший лейтенант – 250, 283, 305, 341, 663
Ерасов, снайпер – 306
Еременко И. М. – 139, 620
Ермилов, ездовой – 224
Ермоленко В. И. – 7
Ермолинский С. – 669
Есенин С. А. – 612

Жаданов, капитан – 184
Жадреев, майор – 438
Жаков О. – 701

Жарких, майор – 528, 537
Жаров М. И. –173, 513, 627, 721
Жаров А. – 580
Жданов, редактор «Боевого листка» – 631
Жеймо Я. Б. – 701
Жид А. – 677
Жидков, боец – 516
Жимерский (Роля-Жимерский) М. – 367, 681
Жиро А. – 291, 660
Жиров, полковник – 380, 383, 384
Жорж, дядя В. Н. Гельфанда, муж Городынской А. В. – 129, 254, 255, 260, 290, 292, 294, 317, 616
Жуков Г. К. – 27, 408, 412, 464, 465, 473, 688, 701
Жуковы, знакомые В. Н. Гельфанда – 279

Забополь, военнослужащий – 292
Заборцев, старший лейтенант – 298, 301, 304–307, 311, 665, 668
Замула Н. [курсант, командир взвода, адресат Гельфанда] – 178, 181, 182, 187, 217, 294
Запрягайло М. М. (отец) – 638
Запрягайло М. М. (сын) – 202, 203, 204, 208, 210, 211, 221, 233, 235, 242, 244, 245, 250, 255, 263, 265, 268, 283, 285, 638, 658, 664
Зарыбкин Н. М. – 227, 642
Заславский Д. – 600
Засыпко, военнослужащий – 13, 207, 212, 219, 263, 264, 266–268
Захаркин И. П. – 196, 633
Захаров, капитан – 175, 176, 179
Захаров, военнослужащий – 472, 475
Захаров, старший лейтенант (1) – 178, 182, 183, 184
Захаров, старший лейтенант (2) – 727
Зачапайло, см. Запрягайло М. М. (сын) – 203
Зейдлитц (Зейдлиц-Курцбах) В., фон – 616
Зиновкин, старшина – 105, 106, 126, 192
Золя Э. – 56, 591
Зыков, военнослужащий – 381

Иашкова В. – 33
Иванов Вс. В. – 612, 670
Иванов С. В. – 596
Ивановский А. – 719
Иванцов, майор – 481, 484, 486
Иващенко, военнослужащий – 13, 263
Игнатьев А. – 697
Иден Э. – 368, 596, 681, 682
Ильза, см. Ришовская И.
Ильзе, немецкая знакомая В. Н. Гельфанда – 445
Ильф И. – 589
Инбер И. А. – 176
Инга, немецкая знакомая В. Н. Гельфанда – 502, 510, 515, 544, 545
Иноземцев Н.Н. – 7, 9
Иосиф Флавий – 611
Исак, дядя В. Н. Гельфанда, см. Гельфанд И. С.
Исаковский М. В. – 157, 612, 624
Искаев, майор – 393, 421

Каверин В. А. – 623
Каганович Л. М. – 35, 618
Казимиров, старший лейтенант – 51, 52
Казус Г. (Галя) – 337
Калинин М. И. – 618, 623
Калинин, военнослужащий – 10, 113, 220, 256
Кальмиус И. Г. – 303, 304, 662
Каменовская Н. – 292, 295, 296, 298, 307, 309, 323, 330, 337, 398, 425, 560
Канаткалиев М. – 199, 200, 204, 205, 217
Каноненко (Кононенко) И. И. – 388, 391, 397, 401, 402, 406, 407, 409, 411, 413, 414, 415, 417, 419, 420, 422, 423, 425, 427, 430, 438, 454, 685, 687, 688, 689, 690, 693, 697, 701
Каплер А. – 628
Каплунов, снайпер – 306
Капра Ф. – 678
Караваева В. – 669
Каратаев, заместитель командира батальона – 321
Кардовский Д. Н. – 583
Карл XII, король Швеции – 678
Карлов, боец – 207, 212, 218
Карпинский В. А. – 612
Карпюк, боец – 533
Карымов, боец – 155, 161, 162, 177
Катаев В. П. – 612
Кауфман Д. – см. Самойлов Д.
Кац Б. (Буся) – 292, 294, 307, 316
Каюнов М. Ф. – 307, 308, 669
Квапинский Я. – 382, 685
Кестельбойм М. Г. – 254, 267, 649
Кизарев, младший лейтенант – 122

Кипнис З. М. – 247, 647
Кириллова, артистка – 173, 627
Киримов, лейтенант – 214, 217
Кирино Мендоса, композитор – 716
Кирсанов С. И. – 31, 580, 581
Киселев, военнослужащий – 187
Киян Д. Ф. – 236, 239, 243, 250, 255, 257, 261, 270, 290, 642
Клава (Клавдия), см. Баранова К.
Клаузевиц К. Ф. Г., фон – 38, 585
Клейст Э. – 101, 596, 598, 603
Клер Р. – 716
Клименко, капитан – 179–181, 183, 184, 201, 202, 225
Кмит Л. А. – 584
Кноблок Б. Г. – 582
Ковалева Н. И. [см. Надя?] – 270, 271, 284
Ковалевская Е. – 7
Ковалевский, боец – 264
Ковалевский А.А. – 7
Кожевников В. – 701
Козлов Д. Т. – 607
Козлов, майор – 183
Койфман Б. Д. (Беба) – 25, 30, 294, 307, 313, 315, 320, 323, 327, 330, 345, 346, 362, 380, 447, 580, 705
Кокорев Ю. М. – 256, 260, 652
Колесник, младший лейтенант – 200, 201, 214, 268, 283, 667
Коломиец (Коломийцев), подполковник – 310, 341, 388, 704
Комагорцев (Комогорцев) В. М. – 236, 247, 642
Коморовский (Бур-Коморовский) Т. – 367, 681
Комский Б. Г. – 6, 7, 8
Кондрашов А. – 475
Конец Я. Н. – 388, 391, 394, 409, 454, 686, 690
Конешко (Коняшко), подполковник – 345, 384, 679
Копелев Л. – 27
Корнеев, боец – 108, 119
Корнеев, майор – 491, 496, 499, 500, 515, 516, 522, 527, 528, 562
Корнейчук А. Е. – 156, 612, 624
Корнилов (псевд.), сотрудник советских спецслужб – 599
Короленко В. Г. – 319, 673
Короткина А. (Аня) – 290, 291, 298, 308, 310, 316, 320, 323, 325, 334, 337, 345, 346, 380, 398, 560
Кортес, композитор – 716
Корфес О. – 616
Костенко Ф. Я. – 596
Костенко, сержант – 175, 178, 181, 631
Костырченко Г. В. – 19
Костюченко, капитан, затем майор, замкомбата, – 421, 530, 567, 576, 703, 727
Костюшко Т. – 254, 649
Котовский Г. И. – 179, 628
Кочубей, военнослужащий – 647
Кошеверова Н. Н. – 713
Кошелев А. Ф. – 306, 307, 662, 668
Крандиевская Н. В. – 697
Краснов П. Н. – 140, 621
Крикунов П. – 621
Кристина, немецкая знакомая В. Н. Гельфанда – 511, 512
Кропоткина А. – 305
Кружилин, курсант, затем младший лейтенант – 175, 187
Крупская Н. К. – 732
Крылов Г. – 599
Крюков, боец – 204
Крючков Н. А. – 628
Ксеник, военнослужащий – 350, 365
Кубрин, военнослужащий – 219
Кузин, боец – 172, 626
Кузнецов, боец – 65, 83, 90
Кузнецов М. – 669
Кузнецов Н.Л. – 448, 706
Кукайло, помкомвзвода, командир отделения – 112, 116, 117, 119, 120
Кулаков, курсант, редактор «Боевого листка» – 630
Купцов, военнослужащий – 560, 574, 575
Куренков, капитан – 734
Кустодиев Б. М. – 583
Кучеренко Л. (Люба) – 682
Кучеров С. И. – 170, 624
Кушнер, секретарь комитета комсомола Днепропетровского индустриального рабфака – 583
Кэмбелл, американский фермер – 623

Лабковский Н. – 716
Лаврентьев, старший сержант – 696, 703
Лаврентьева Т. (Тамара) – 133, 282, 318, 355, 375, 381
Ладовщик В. Н. – 349–352, 545, 679

Ладынина М. А. – 713
Ладышников, начальник штаба полка – 318
Лайко С. – 121
Лапин, старший лейтенант – 293, 294, 297, 663
Лаптев, майор – 409, 421, 703
Ласкин Б. – 711
Ласкин И. А. – 619, 620
Лахтионова М. Д. – 279
Лахтионова Т. И. – 292, 316, 425
Лебедев, капитан – 497, 498
Лебедев В. – 680
Лебедев-Кумач В. И. – 31, 32, 374, 581, 623
Лева, дядя В. Н. Гельфанда, брат Н. С. Гельфанда, см. Гельфанд Л. С.
Левицкий, курсант – 177, 184
Лежненко, снайпер – 305
Лейзер Г.-Г. – 616
Лемешев С. Я. – 719
Лемин, старший сержант – 347
Ленев Г. М. – 318, 349, 673
Ленин В. И. – 11, 24, 35, 101, 113, 114, 132, 154, 300, 339, 495, 555, 583, 585, 589, 603, 611, 612, 635, 647, 649, 669, 714, 718, 732
Ленская Д. (Дина, Диночка) – 539–545, 547, 552, 562, 575, 729
Ленские, знакомые В. Н. Гельфанда – 539–544, 547
Ленский, знакомый В. Н. Гельфанда – 539
Леонов Л. М. – 157, 624
Лепин, военнослужащий – 283
Лермонтов М. Ю. – 32, 35, 57, 73, 108, 119, 300, 542, 583, 672
Лившиц Б. (Бася) – 69, 76, 80
Лившиц А. (Аня) – 271, 290, 295, 296, 298, 306, 307, 317, 323
Лида (Лидия), см. Польская Л.
Лизелота, немецкая знакомая В. Н. Гельфанда – 546, 548
Лист Ф. – 730
Листов К. – 628
Литвинов М. М. – 17, 526, 724
Лиханов, подполковник – 184
Лобковенко А. (Саша) – 352
Лозовский, боец – 239–241, 245
Локшин, лейтенант – 733
Лондон Дж. – 555, 732
Лопатин Г. А. – 612
Лопатин, сержант, командир расчета – 207, 212, 219, 225, 226, 263, 268
Лось, снайпер – 673
Луков Л. – 670, 673
Лыжвинский, см. Жимерский (Роля-Жимерский) М.
Лынев, майор, командир полка – 331, 337, 351
Лысенко, капитан, начальник отдела кадров – 363, 379, 380, 382, 430
Львов В. Н. – 607
Люба, тетя В. Н. Гельфанда, см. Городынская Л.
Люда (Людмила), см. Барбелат Л. Ф.
Люся, дядя В. Н. Гельфанда, см. Городынский И. В.
Люци, немецкая знакомая В. Н. Гельфанда – 502
Лядский Т. С. – 7
Лячина Л. (Лена) –69

Маженов, парторг батальона – 333, 334, 341, 368, 369
Майский И. М. – 596, 697
Макаренко А. С. – 114, 611
Макаров И. М. – 628
Макарова Т. Ф. – 593, 683
Маккавцев М. (псевд. В. Н. Гельфанда), см. Гельфанд В. Н.
Максим Х. С. (Maxim H. S.) – 633
Максимова, военврач – 619
Максимович Е. (Женя) – 323, 346
Малиновский Р. Я. – 598, 638, 659
Малкина Л. (Лена) – 30, 31
Малов, политрук – 93
Маломед, майор – 474
Малометкин, курсант – 177–181
Малышко, снайпер – 306
Мама, см. Городынская Н. В.
Манн Т. – 114, 611
Маннергейм К. Г. Э. – 331, 675
Маргот, немецкая знакомая В. Н. Гельфанда – 482, 483, 503, 504, 514, 515, 516
Марецкая В. П. – 628
Маринец А. (Аня) – 398
Марк Твен – 130
Маркс К. – 114, 580, 612, 642, 647
Мартынов, боец – 320
Марченко, снайпер – 306
Маршак С. Я. – 612, 623, 680
Марьяна, см. Ришовская М.
Маслаков, военнослужащий – 249
Маслов, сержант, помкомвзвода – 172

Матросов, командир расчета – 203, 204, 206
Махалова И. – 28
Махов, боец – 212
Маяковский В. В. – 32, 50, 112, 119, 580, 581, 610, 612, 622
Медведев, военнослужащий – 647
Мельник, боец – 570
Меншиков А. Д. – 513, 721
Меньшенин, майор – 536, 729
Меньшиков, см. Меншиков А. Д.
Мержанов М. – 701
Мерзляков А. Ф. – 32, 581
Месич М. – 254, 650
Мизонов, военнослужащий– 127–129
Миколайчик С. – 685
Минкин А. – 722
Миронов М. – 615
Митин М. Б. – 647
Михайлов, сержант – 664
Михайлова О. – 7
Михалков С. В. – 646
Могильченко, комиссар роты – 99
Модолевский, капитан – 567, 733
Мокульский С. С. – 56, 591
Молотов В. М. – 34, 35, 238, 368, 464, 582, 587, 596, 618, 627, 645, 709, 724
Молчанов И. – 581
Мопассан Г., де – 38, 39
Мордвинов Г. (псевд. Павлов) – 599
Мордвинов Н. Д. – 593, 628
Мороз, военнослужащий – 567
Морозов, боец, снайпер – 305, 668
Моторин, боец – 90, 97
Мужиков, военнослужащий – 673
Муратов Н. – 629
Мусаев, капитан – 421, 431, 457, 703
Мусиенко Н. П. – 148, 622
Мусиенков (Мусиенко) П. А. – 148, 622
Мусиенкова (Мусиенко) Е. П. (Катя) – 148
Мусиенкова (Мусиенко) Х. В. – 148
Мусинян, боец – 226, 256, 664
Муссолини Б. – 340, 660, 678
Мячина Е. (Лена) – 57, 257, 597

Наган Л. – 692
Наган Э. – 692
Надя, см. Ковалева Н. И.
Найденов, секретарь Днепропетровского [областного ?] КП(б)У – 305
Наконечный П. П. – 390, 391, 396–398, 401, 402, 423, 424, 686, 694
Наполеон Бонапарт – 587, 678, 697
Наумов, см. Эйтингон Н.
Некрасов В. П. – 4
Некрасов Н. А. –610
Нексё, см. Андерсен-Нексё М.
Непочатый, боец – 279, 280
Нестеренко, военнослужащий [замкомроты по политчасти гвардии, младший политрук] – 609
Нестеренко, лейтенант – 255, 258, 260, 609, 625
Никитин, писатель – 548, 730
Николаев, лейтенант – 42, 292, 306, 347, 666
Николай I – 103, 606
Николай, см. Султанов Н.
Никольский Б. И. – 582
Никулин Н. Н. – 5
Ницше Ф. – 730
Нодченко, майор – 310
Нос, снайпер – 306
Нотэй-Голенко, полковник – 721, 725
Нюра (Нюрочка), двоюродная сестра Н. С. Гельфанда, дочь Б. С. Гельфанд – 37, 38, 50, 57, 58, 112, 584, 614, 621

Оксман Ю. Г. – 613
Октябрьский Ф. С. – 607
Окуневская Т. – 670
Оля, см. Штуль (Собко) О. А.
Оменко, майор, начальник штаба – 652
Онищенко, боец, снайпер – 271, 305, 667, 668
Ортенберг С. П. – 33, 581, 582
Осмоловский, военнослужащий– 428
Островский А. Н. – 33, 582
Островский Н. А. – 300, 622, 662

Павел, см. Басюк П. И.
Павленко П. А. – 108, 609
Павлов, см. Мордвинов Г.
Панков, капитан – 537
Панов, военнослужащий – 177, 178, 195
Папа, см. Гельфанд Н. С.
Папен Ф., фон – 599
Папратий, майор – 703, 704
Паровышников (Паровишников) М. Г. – 213, 639, 652, 653, 657, 658, 663, 664
Парфёнов П. С. – 711
Пархоменко В. А., капитан, майор – 285, 293, 297, 305, 310, 340, 347, 418, 656, 665

Пастернак Б. Л. – 581, 612
Пастернак Д. П. – 149
Пастернак К. Ф. – 149
Пастернак Л. О. – 583
Пастернак Н. К. – 149
Паулюс Ф. – 137, 150, 339, 598, 616, 619
Паустовский К. Г. – 535, 728
Первушин А. Н. – 607
Перкина А. (Аня) – 285, 296
Першиков, связист – 202
Петен А.-Ф. – 660
Петр I – 513, 721
Петров, военнослужащий – 586
Петров, командир роты – 245, 247
Петров В.– 673, 721
Петров Е. – 589
Петрова Ю. (Юля) – 243
Петрусян, военнослужащий – 322
Петрушин Д. В. – 285, 305, 347, 656
Пешков А. И. – 702, 707
Пивень, младший лейтенант – 382–384, 629
Пиксанов Н. К. – 613
Пичугин, капитан – 262, 270, 311
Пластун, боец – 214
Платов М. И. – 624
Платонов С. – 669
Плескач К. (Клава) – 370
Плескачевский, подполковник – 536, 728, 733
Плеханов Г. В. – 496
Плешаков Г. Н. – 185, 186, 188, 237, 629
Побиянов, капитан, начальник ОВС – 267, 380, 383, 653
Подбельский, младший лейтенант – 249
Подлас К. П. – 596
Подойников М. [курсант] – 178, 181, 184
Пожарский Н. М. – 61, 594
Покрасс Дан. Я. – 711
Покрасс Дм. Я. – 711
Полонская Ж. А. – 659
Полоскин, старший лейтенант – 531, 536, 726, 727
Полтавец, старший сержант – 283
Полушкин И. П. – 216, 292, 297, 305, 307, 363, 382, 456, 475, 629, 639, 664, 665, 708
Польская Л. (Лида, Лидия) – 288, 289
Поля, тетя В. Н. Гельфанда, см. Гельфанд П. С.
Попков, полковой агитатор – 349
Попов, курсант – 175
Придворов Е. А., см. Демьян Бедный
Пришвин М. М. – 612
Проканов, подполковник – 172
Пронин В. – 701
Просиднин, военнослужащий – 245
Проскурин, лейтенант– 703
Пташкин, курсант – 179
Пуап Р., де ля – 683
Пугач, военнослужащий – 322, 324, 334
Пустовой, военнослужащий – 283
Пушка, боец – 90
Пушкин А. С. – 32, 33, 35, 287, 300, 326, 468, 581, 659, 675, 679, 721
Пфефер (Пфеффер) М. – 616
Пшеновский, военнослужащий – 224, 225
Пырьев И. А. – 713

Рабина С. (Софа) – 316, 332, 334, 346, 363, 560
Радченко И. (Ира) – 57
Райзман Ю. – 669
Райт Р. – 114, 611
Раневская Ф. Г. – 670
Раппапорт Г. – 719
Ращенко, ординарец – 255
Резенков, лейтенант – 235
Рейнес Л. – 6
Ременовская Н. (Нина) – 305, 316, 345, 346, 380, 416, 699
Репин И. Е. – 583
Риббентроп И., фон – 681, 731
Ринольди О. – 616
Ришовская Э. [И.] (Эльза, Ильза) – 479, 493, 514
Ришовская М. (Марьяна, Маруся) – 346, 514
Ришовские, знакомые В. Н. Гельфанда – 478, 479, 493, 495, 514, 519, 530
Рогачев, военнослужащий – 249
Родин, военнослужащий – 586
Роенко, военнослужащий – 608, 609
Роза, тетя В. Н. Гельфанда, жена Л. С. Гельфанда – 342, 613, 614
Розе, портной – 550, 551
Розенберг А. – 501
Роллан Р. – 300, 337, 416, 452, 662, 677
Ромазанов, комбат – 318, 340
Романов, капитан – 352, 354, 356, 358, 363, 368
Романова Н. Г. – 294
Роммель Э. – 627
Ростовцев, лейтенант – 269

Рудим, сотрудник армейской газеты – 711
Руднев, боец –13, 226, 227, 237, 239, 241, 248, 249, 255, 263, 268, 269, 283, 664
Рузвельт Ф. Д. – 238, 243, 417, 436, 437, 457, 643, 644, 645, 698, 701, 725
Рузвельт Э. – 644
Румянцев, майор – 718
Рустамов, курсант – 178
Рут, немецкая знакомая В. Н. Гельфанда – 562, 563, 568, 570, 572
Рыбалко П. С. – 617
Рыбкин Н. В. – 189, 235, 250, 632
Рыленков Н. – 581
Рыльский М. Ф. – 157, 624
Рымарь, майор, командир батальона – 266, 269, 272, 292, 298, 340, 653, 664
Рысев Г. А. – 388, 392, 402, 405, 407, 408, 410, 412–415, 418–420, 422–424, 427, 428, 430, 438, 687, 689, 690, 693–697, 699
Рюти Р. Х. – 331, 675

Савицкий А. Т. – 254, 649
Савицкий К. А. – 583
Савостин, лейтенант– 207, 210, 221, 233, 235, 243–250, 252, 254, 255, 263, 285, 290, 294, 344, 468, 658, 664
Садукевич, капитан – 328
Сазонов, боец – 115
Салаши Ф. – 679
Салимов, боец – 673
Салтыков-Щедрин М. Е. – 132, 610, 618, 630, 721
Самойлов Д. – 7, 692
Самойлов Е. В. – 713
Санне (Занне) В. – 616
Санька (Саня), см. Штуль А. А.
Саранов, старший сержант – 107
Сатаров, лейтенант – 175, 216
Сато Наотакэ – 709
Сахаров, военнослужащий – 305
Свидерский, майор – 629
Свищев Н. – 292
Селивестрова Г. (Галя) – 289, 294, 298, 301, 304, 307, 309, 317
Семенов, старший лейтенант – 317, 319, 327, 328, 329, 334, 336, 342, 350
Сенкевич Д. – 631
Сеня, дядя В. Н. Гельфанда, см. Городынский С. В.
Серафимович А. С. – 157, 471, 624, 713
Сергеев, старший лейтенант – 505, 507, 521, 726, 727
Сергеев-Ценский С. Н. – 114, 611
Сергеева Г. Е. – 725
Серебрянский М. И. – 151, 622
Серов В. А. – 583
Серюгин М. П. – 628
Сивопляс, боец – 388, 424, 430, 699
Сидорчук Н. Т. – 682
Сикорский В. – 366, 681
Симонов К. М. – 157, 624
Симонов Н. К. – 721
Синченко, военнослужащий – 306
Скоркин, майор – 190, 498, 500, 506, 515, 516, 519–521, 718, 720, 726, 728, 734
Скоробогатов, сержант– 109, 110, 120, 121
Скоробогатов, старший лейтенант – 347, 348, 385
Скриб Э. – 582
Славин, старший сержант– 168
Славин Л. – 673
Слета, боец – 207
Смирнов, старший лейтенант – 720
Смирнов А. – 18
Смирнов С. – 725
Смирнова Л. Н. – 722
Соболев Л. С. – 157, 624
Соболев, боец– 305, 677, 668
Соколов П. – 10, 199, 202, 210–212, 218, 221, 235, 236, 240–244, 247, 248, 249, 250, 254–256, 261, 263, 638, 663, 682
Соловьев, минометчик – 13, 263, 268, 269,
Соловьев В. – 673
Соломкин, лейтенант – 119
Соломонник, доктор в госпитале – 555, 559
Солуянов, военнослужащий – 527, 528, 537, 567
Соснин, младший лейтенант – 303
Ставров, лейтенант – 414, 419, 429
Сталин И. – 6, 16, 54, 92, 101, 102, 106, 112, 132, 158, 175, 219, 220, 238, 243, 260, 282, 284, 289, 307, 308, 323, 326, 331, 351, 366, 367, 368, 394, 395, 419, 471, 494, 495, 524, 525, 530, 582, 587, 590, 591, 596, 598, 600, 601, 603, 606, 607, 610, 618, 627, 631, 632, 634, 640, 643, 644, 645, 647, 650, 651, 656, 659, 665, 667, 674, 675, 687, 697, 698, 700, 702, 707, 710, 711, 713, 714, 718, 723–725, 735
Стальский Сулейман – 108, 610
Степанов, военнослужащий– 128, 129
Степанова Л. – 669
Стивенсон Р. Л. – 704

Стояи Д. – 678
Суботин, начальник контрразведки – 247
Суворов А. В. –672
Султанов Н.– 352–358
Сульцбергер, американский корреспондент – 648
Сумароков А. П. – 32, 581
Сурис Б. – 7, 9
Сурков А. А. – 176, 612, 628
Суслин, капитан, майор – 254, 270, 311, 658, 663, 665
Сухарев, боец – 63
Сухово-Кобылин А. В. – 582
Сушиков П. – 267
Сыбкин, командир полка – 196
Сэнэтеску К. – 674

Таленский Н. А. – 257, 260, 652
Тамара, см. Лаврентьева Т.
Тамарина, артистка – 173, 627
Тарадзе, военнослужащий – 333, 334
Тарасова А. К. – 721
Тарнавский, военнослужащий – 322
Тартаковский Б. Г. – 7
Тедеев В. А. – 448, 456, 703, 706
Тенин Б. М. – 584
Терещенко, боец – 109
Теслин, майор – 682
Теучеж Цуг – 108, 608
Тимошенко С. К. – 598
Тимченко К. – 355
Тина, см. Лахтионова Т. И.
Тито И. Б. – 249, 588, 648, 650
Тихомиров В. В. – 629
Тихонов Н. С. – 697
Ткалич, лейтенант – 68
Ткаченко, военнослужащий – 188
Токарев Ф. В. – 639
Токсунбаев, лейтенант – 458
Толокнов Б. А. – 298, 303–305, 656, 661
Толокнюк И. – 18
Толстая Л. И. (урожд. Крестинская) – 416, 697
Толстой А. Н. – 114, 156, 416, 452, 611, 623, 624, 697, 721
Толстой Л. Н. – 114, 300, 319, 520, 553
Толченов М. – 175
Толя, дядя В. Н. Гельфанда, см. Штуль А.
Травников Н. Г. – 628
Трауберг Л. З. – 725
Трегубенко, знакомый (?) В. Н. Гельфанда – 567
Третьяк В. В.– 283, 285, 294, 296, 298, 305, 655, 657, 658, 663–665, 667
Троицкий, старший сержант – 349
Трумэн Г. – 702, 725
Трымбач, военнослужащий – 306
Тульчинский, подполковник – 510
Тургенев И. С. – 294, 466
Турсункулов, лейтенант – 703
Тычина П. Г. – 282, 654
Тютюнников, военнослужащий – 272
Тягунов, работник военкомата – 593

Ульрих, см. Вассоль У.
Урасов, военнослужащий – 235, 242, 262, 268, 272
Успенский Г. И. – 112, 610, 611
Уткин И. П. – 31, 32, 33, 374, 452, 580, 581, 683

Фадеев А. А. – 622
Файнциммер А. – 628, 722
Федин К. А. – 612, 623
Федорова З. А. – 719
Федорова М. А. – 24, 214, 215, 639, 664
Федоровские, знакомые В. Н. Гельфанда – 248
Федоровский, знакомый В. Н. Гельфанда – 260
Фейхтвангер Л. – 45, 114, 588, 611
Фельнер Ф. – 659
Феркельман М. – 716
Фиалковский Л.И. – 7
Фибих Д. – 7
Филатов, боец – 62
Филатов, лейтенант – 313, 316, 328
Филиппов Н. – 307, 661
Фисун, капитан – 682, 683
Фогельман, боец (?) – 64
Франко И. Я. – 394, 687
Фурманов Д. А. – 622
Фурманов, военнослужащий – 350

Хабибуллин, боец – 171, 172, 625
Халкин, военнослужащий – 177
Хандрос В. А. – 113, 114, 611, 612
Хаустов, боец – 12, 71, 77, 82–85, 88, 89
Хвыля А. – 670
Хела, польская знакомая В. Н. Гельфанда – 368
Хельда, см. Ришовская Э.
Хжановская С. – 380
Хирохито, император Японии – 711

Хлыстов С. П. – 191, 214, 632
Холодовский А. П. – 619
Хоменко А. А. – 196, 298, 633, 666, 669
Хорти М. – 340, 675, 678, 679
Храмошин, военнослужащий – 121, 122
Христофоров В. С. – 601
Хрущев Н. С. – 618
Хуруленко Н. А. – 214, 217, 218, *235*, 638, 639

Цветаев В. Д. – 289, 659
Цветов Я. – 599
Циммерман, литератор – 135
Ципкин, связист – 86
Цымбал В. – 9
Цымбал Е. – 9
Цюр Е. (Ляля, Лялечка, Лялюшка) – 188, 242, 258, 292, 294, 296
Цюритина Е. – 311

Чайковский П. И. – 713
Червоный, старший лейтенант, корреспондент газеты «Кировец» – 198
Чередниченко, младший сержант – 403, 410, 695
Черепахин, лейтенант – 292
Черкасов Н. К. – 704, 721
Черниловский З.М. – 4, 5, 6
Черных, лейтенант – 111, 119
Чернявский, младший лейтенант – 194, 249, 313
Черняховский И. Д. – 616
Черодлин, военнослужащий – 306
Чертовской, капитан, зам. комполка по политчасти – 213, 222, 225, 245, 251
Черчилль Р. – 644
Черчилль С. – 644
Черчилль У. – 238, 243, 248, 368, 382, 437, 530, 596, 643, 644, 645, 647, 682, 685, 701, 702, 724, 725
Чехов А. П. – 319, 673, 721
Чечкачкина Т. – 301
Чипак, боец – 10, 236, 250, 256
Чуб, командир роты – 303, 304
Чубанова, знакомая В. Н. Гельфанда – 288
Чурин, командир роты – 609
Чурмаев Г. И. – 628
Чухлебов, курсант – 181

Шабанов, майор, начальник политотдела – 507
Шакуров, старший лейтенант – 254
Шамес, майор – 532, 533
Шапиро М. – 713
Шапкин, полковник – 177, 184, 638
Шаповаленко, младший сержант – 609
Шаповалов, боец – 320
Шаренко, подполковник – 348
Шварц, военнослужащий – 530
Швец, военнослужащий – 306
Шевлюга – 260
Шевченко Т. Г. – 39, 128, 282, 586, 654
Шейнин Л. Р. – 599, 672, 673
Шерстяная Э. – 26
Шестобитов, капитан – 433, 446
Шехтер М. А.– 174, 344, 627
Шиллер И.-К.-Ф., фон – 407, 692, 730
Шипельские, днепропетровские соседи Е. В. Штуль (Городынской) – 48
Широков, лейтенант – 410
Шитиков Н. Т. – 388, 391, 401, 406, 407, 409, 412, 413, 419, 422, 423, 427, 428, 430, 438, 685, 687, 695
Шишикин, помощник начальника штаба – 349–351
Шишков В. Я. – 623
Шлеммер Х. – 616
Шлепентох, старший лейтенант – 504, 510
Шмидт А. – 616
Шолохов М. А. – 114, 295, 697
Шостакович Д. Д. – 584
Шпагин Г. С. – 579, 610
Шрамко, снайпер – 306
Штанько, подполковник, врио командира полка – 414, 441, 448, 695
Штейн А. – 722
Штуль (Городынская) Е. В. – 582, 588, 589
Штуль (Собко) О. А. – 57, 58, 67, 84, 88, 106, 116, 117, 120, 122, 124, 129, 188, 228, 239, 242, 254, 256, 257, 258, 290, 291, 294, 295, 296, 297, 298, 301, 305, 308, 309, 311, 317, 334, 336, 353, 398, 406, 408, 417, 420, 569, 589, 655, 661
Штуль А. А. (Санька, Саня) – 50, 120, 295, 296, 311, 317, 332, 346, 589
Штуль А. (дядя Толя) – 50, 582, 589
Шульженко К. И. – 716
Шульман Б. – 25
Шульман И. М. – 597
Шумелишский М.Г. – 7
Шумилов М. С. – 620
Шунько В. – 292, 311

Шутиков, командир минометной роты – 185
Шухмиц, майор – 432

Щедрин, см. Салтыков-Щедрин М. Е.
Щербина, медсестра – 424
Щетинин В. – 247, 257, 309, 310, 312, 670
Щинов А. Т. – 119, 358, 359, 363, 373, 671

Эйзенхауэр Д. – 249, 648
Эйтингон Н. (псевд. Наумов) – 599
Эльза, см. Ришовская Э.
Элькинсон П. – 8
Эль-Регистан Г. А. – 646
Эрдман Н. Р. – 725
Эренбург И. Г. – 114, 374, 390, 406, 581, 611, 677, 683, 686, 691
Эррио Э. – 624
Эттли К. – 724

Юзанов И., военнослужащий – 627
Юрченко, старший лейтенант – 492–494, 496–499, 554
Юткевич С. И. – 584
Ягупов, военнослужащий – 121, 379
Яковенко, военнослужащий – 391
Яник, родственник В. Н. Гельфанда, сын Л. и Р. Гельфанд – 614
Янка Купала (Луцевич И. Д.) – 88, 452, 600
Янковский, военнослужащий – 268
Япченко, боец – 103
Яровой, майор – 441
Ярославский Е. М. – 237, 623, 642
Ясенин, военнослужащий – 306
Яцеленко П. А. – 282

Berensteder I. – 459
Budnitskii O. – 19

Estraikh G. – 19

Gelfand W. – 27

Murav H. – 19

Scherstjanoi E. – 27

СВЕДЕНИЯ О ПУБЛИКАТОРАХ

Олег Витальевич Будницкий, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), директор Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий НИУ ВШЭ. Автор более 250 научных работ, в том числе монографий «Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология» (2000), «Российские евреи между красными и белыми (1917–1920)» (2005), «Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957» (2008), «Русско-еврейский Берлин (1920–1941)» (2013, в соавторстве с А. Полян). Составитель и редактор книг «"Свершилось. Пришли немцы!" Идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны» (2012), «Одесса: жизнь в оккупации. 1941–1944» (2013), «СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм» (2014, совместно с Л. Г. Новиковой).

Татьяна Львовна Воронина, ведущий аналитик Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий НИУ ВШЭ.

Ирина Андреевна Махалова, стажер-исследователь Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий НИУ ВШЭ, магистрант Университета им. братьев Гумбольдт (Берлин).

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА
"Политическая энциклопедия"
РОССПЭН

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН РОССПЭН
Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
тел. +7 (495) 111-32-75 ст. м. «Марьина Роща»

КИОСК 1
Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д.19
тел. +7 (499) 126-94-18 ст. м. «Академическая»

КНИЖНАЯ ЛАВКА ИСТОРИКА
Москва, ул. Большая Дмитровка, д.15
тел. +7 (495) 694-50-07 ст. м. «Пушкинская», «Охотный ряд», «Театральная»

интернет-магазин издательства
http://www.rosspen.su

КНИГИ ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Научное издание

Гельфанд В. Н. Дневник 1941–1946

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*
Редактор *М. А. Айламазян*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Е. Д. Щепалова*
Компьютерная верстка *А. Ю. Титова*
Корректор *Е. Л. Бородина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 09.02.2016
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 47.
Тираж 1500 экз. Заказ 2224.

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс), 8 (499) 709-72-95 (отдел реализации)

Издательство «Книжники»
127055, г. Москва, ул. Образцова, д. 19, стр. 9; Тел. (495) 710-88-03, E-mail: info@knizhniki.ru
Интернет-магазин: www.knizhniki.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Военные дневники – явление уникальное. Дневник сержанта, затем лейтенанта Владимира Гельфанда уникален вдвойне – по хронологии, географии, объему и откровенности. Первые записи относятся к маю 1941 г., последние – к октябрю 1946 г., когда автор вернулся из Германии домой. В. Н. Гельфанд попал на фронт в дни тяжелых поражений Красной армии летом 1942 г. и панического отступления после Харьковской катастрофы; он участвовал в Сталинградской битве, освобождал Украину и Польшу, закончил войну в Германии. Рядовой минометчик, затем командир минометного взвода, старался писать каждый день, писал в любых условиях. Дневник содержит неприкрашенные сведения о повседневной жизни на войне, о быте и нравах в тылу и на фронте. В то же время – это своеобразный «роман воспитания», история взросления наивного идеалиста, превращения мальчика в мужчину. Особый интерес представляют записи автора в период его службы в Германии в 1945–1946 гг., его впечатления о немецкой культуре, быте, нравах, об отношениях с немецкими женщинами. Германская часть дневника была опубликована в переводе на немецкий и шведский языки. Но полностью, без каких-либо изъятий и сокращений, дневник Владимира Гельфанда издается впервые. Публикация сопровождается фотографиями, сделанными по большей части автором дневника в период его службы в Германии.

РОССПЭН

{КНИЖНИКИ}